Александр Христофорович Бенкендорф

ВОСПОМИНАНИЯ

1802–1837

Александр Христофорович Бенкендорф

ВОСПОМИНАНИЯ

1802–1837

Публикация М.В. Сидоровой и А.А. Литвина
Перевод с французского О.В. Маринина

РОССИЙСКИЙ ФОНД КУЛЬТУРЫ
Москва
2012

УДК 929:821.161.1-94Бенкендорф А. Х.
ББК 63.3(2)521,8Бенкендорф А. Х.+84(2Рос=Рус)1-49Бенкендорф А. Х.
Б46

Благодарим Фонд поддержки науки, технологий и инноваций «НИТИ»
за помощь в издании книги.

Компьютерная верстка
М.Родионова

*Ответственность за археографическую подготовку текста
несут авторы публикаций*

ISBN 978-5-85302-521-9

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Есть в нашей истории персонажи, к которым еще с середины XIX столетия приклеились определенные ярлыки. К числу таких персонажей относится граф Александр Христофорович Бенкендорф. Со школьной скамьи нам внушалось, что был он гонителем и притеснителем Пушкина, душителем всего свободолюбивого, имел жестокий нрав, хитрый и лукавый характер. Его биография всегда начиналась с 3 июля 1826 года, даты подписания указа о создании III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии. И мало кто задумывался над тем, что было тогда Александру Христофоровичу уже 45 лет, и половина жизни была в прошлом. В этой прошлой жизни был известен другой Бенкендорф — боевой генерал, заслуживший многие свои награды не очередным пятилетием «беспорочной службы», а смелостью и мужеством, проявленными им в военных кампаниях первой трети XIX века. В войну 1812 года он был одним из первых партизанских командиров, прикрывавших отход нашей армии, и первым комендантом освобожденной Москвы. В 1813—1814 годах Бенкендорф отличился в Бельгии, взял Бреду и Амстердам, трижды получил золотое оружие и до сих пор является почетным гражданином голландской столицы.

В последние годы интерес к личности Бенкендорфа возрос. Монографии Г. Н. Бибикова* и Д. И. Олейникова** в значительной степени раскрывают нам биографический и отчасти психологический портрет Александра Христофоровича. Но многие факты его личной семейной жизни еще остаются «за скобками», так как изучать эту жизнь достаточно сложно — сохранилась она лишь в воспоминаниях друзей, сослуживцев и знакомых, да в некоторых семейных преданиях, подтверждение которых потомки графа еще в XIX веке разыскивали по архивам. Его мемуары частично проливают свет на некоторые вопросы, но самое главное — дают представление о характере автора, его симпатиях, пристрастиях, увлечениях и убеждениях. Он любил жизнь, женщин, развлечения, был храбрецом, замечательным другом и исполнительным чиновником, обладал аналитическим умом и живым слогом.

Учитывая, что некоторые читатели впервые познакомятся с графом А. Х. Бенкендорфом посредством его мемуаров, представим в общих чертах биографию нашего героя.

Дворянский род Бенкендорфов, ведущий свое начало от рыцарей Тевтонского ордена, перешел в российское подданство в 1710 году. Бургомистр г. Риги Иоганн Бенкендорф

* Бибиков Г.Н. А. Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М. 2009.

** Олейников Д. И. Бенкендорф. М. 2009. (серия ЖЗЛ).

в 1721 году был назначен Петром I вице-президентом Лифляндии. Его сын Иоганн-Михаил, а по-русски Иван Иванович службу начал семилетним мальчиком в качестве камер-пажа Екатерины I с жалованьем 300 рублей серебром в год*. Основная его военная служба прошла в царствование Елизаветы Петровны. За многочисленные подвиги и храбрость Петр III произвел его в генерал-майоры и назначил шефом Куринского пехотного полка. Екатерина II наградила орденом св. Георгия 4 ст. за «25-летие беспорочной службы» и назначила комендантом Ревеля. В 1775 году Иван Иванович скончался, оставив четверых взрослых сыновей и вдову Софью Ивановну, урожденную Левенштерн. Именно ей и обязан род Бенкендорфов своим возвышением при Высочайшем Дворе.

В декабре 1777 году Софья Ивановна была срочно вызвана в Петербург. Императрица поручила ей самое дорогое, что появилось у нее — своего внука Александра. В письме к шведскому королю Густаву III державная бабка писала: «Как только господин Александр родился, я взяла его на руки и после того как его вымыли, унесла в другую комнату, где положила на большую подушку. Его обвернули очень легко,... положили в корзину, чтобы женщины, при нем находящиеся, не имели никакого искушения его укачивать... Убранный таким образом господин Александр был передан генеральше Бенкендорф».** Она внимательно наблюдала за кормилицами и няньками великого князя, и ни на шаг не отступила от предписаний императрицы. Честность, рассудительность, порядочность и точность Софьи Ивановны снискали как доверие Екатерины II, так и расположение малого великокняжеского двора. Очевидно, Софья Ивановна рекомендовала семье цесаревича своего сына, полковника Нарвского пехотного полка Христофора Ивановича Бенкендорфа для командировки в Монбельяр по улаживанию конфликта, возникшего в семействе родителей великой княгини Марии Федоровны — герцогов Вюртембергских***. Христофор Иванович с достоинством справился с ответственным поручением, а кроме того, пребывая в семье герцога, познакомился, а вскоре и женился на близкой подруге Марии Федоровны Анне-Юлиане Шиллинг фон Канштадт. Радости Марии Федоровны не было предела, на дорогу в Петербург молодым было выслано 2000 рублей, а по прибытии в 1781 году установлена пожизненная пенсия в размере 500 рублей.

Прибыв в Россию, Анна Бенкендорф, которую в узком семейном кругу еще с детства называли «Тилли», сразу же заняла первенствующее место среди дам малого двора. Она была той ниточкой, которая связывала великую княгиню с далеким детством и «постоянным милым и дорогим напоминанием о родине». Это было чрезвычайно важно для Марии Федоровны, так как по приезде в Россию, она, согласно требованиям Екатерины II, не могла никого взять с собою и оказалась на новой родине совершенно одна среди незнакомых людей и незнакомой обстановки. Под влиянием Тилли Мария Федоровна стала знакомиться с новинками немецкой литературы****, при живейшем участии Анны-Юлианы формируется литературный кружок малого двора.

---

* РГАДА. Ф.1239. Оп.3. Д.35149. Л. 2

** Шильдер Н.К. Император Александр I. Его жизнь и царствование. СПб. 1897. Т.I. С.6

*** Подробнее см. Сидорова М.В. «Состоящие при Малом Дворе» (семейство Бенкендорф) // Императорская Гатчина. Материалы научной конференции. Спб. 2003.

**** Шумигорский Е.С. Императрица Мария Федоровна. Ее биография. СПб. 1892. С.163

В 1781–1782 годах чета Бенкенфорф сопровождала Павла Петровича и Марию Федоровну (графов Северных) в их известном заграничном путешествии. Характеризуя лиц свиты великокняжеской семьи, австрийский император Иосиф II сообщал своему брату герцогу Леопольду Тосканскому: «Бенкендорф, доверенное лицо великой княгини, преимущественно сопровождает ее повсюду и к ней следует обращаться за советом во всех случаях, когда нужно сделать что-либо угодное великой княгине. Бенкендорф женщина редких достоинств и вполне заслужила внимание, которое Их Высочества ей оказывают: она его чувствует и никогда им не злоупотребляет... Все подробности по путешествию и производство расходов возложены на подполковника Бенкендорфа, очень разумного молодого человека...».* Во время пребывания графов Северных во французской столице Анна Бенкендорф вынуждена была покинуть августейшую чету. Будучи беременной, она торопилась уехать в Монбельяр к родителям Марии Федоровны. Очевидно, именно здесь 23 июня 1782 года появился на свет мальчик, названный Александром, в честь первенца великой княгини. Через год, Анна-Юлиана вернулась в Петербург и заняла свое место около царственной подруги. Александр рос при родителях, играл с маленькими великими княжнами Александрой и Еленой, принимал участие в спектаклях, маскарадах и прочих увеселениях, часто устраиваемых при малом дворе.

Как и в любой семье, в семействе Бенкендорф происходят разные события: в 1783 году в Царском Селе от апоплексического удара скончалась Софья Ивановна Бенкендорф — воспитательница великого князя Александра. Она умерла в комнатах императрицы, в ее присутствии и не приходя в сознание. Спровоцировал инфаркт отказ в аренде имения «Каркус», обещанной Софье Ивановне Екатериной II, но затем отклоненной по ходатайству рижского генерал-губернатора Ю. Ю. Броуна.** Семейство Христофора Ивановича пополняется с завидной регулярностью — в самый канун 1784 года появляется на свет будущий дипломат, герой русско-турецкой войны Константин Христофорович, годом позже дочка, названная в честь великой княгини Марией, а год спустя снова дочка, будущая европейская знаменитость Дарья Христофоровна, в замужестве графиня Ливен. В Павловске на средства Марии Федоровны для растущего семейства Бенкендорф был возведен небольшой домик***.

Христофор Иванович как свитский полковник всюду сопровождал великого князя Павла Петровича. В 1788 году Бенкендорф состоял при цесаревиче во время поездки последнего на театр военных действий. Собираясь на войну первый раз в своей жизни, великий князь очень ответственно подошел к такому событию. Он составил духовное завещание и письмо к Марии Федоровне на случай непредвиденных обстоятельств. В своем завещании он удостоил благодарностью некоторых доверенных лиц, среди которых была и чета Бенкендорф. Императрица Екатерина II также отметила Христофора Ивановича за усердную службу при цесаревиче, пожаловав в октябре 1788 года арендой в Рижской губернии****.

---

* Кобеко Д. Ф. Цесаревич Павел Петрович. (1754–1796). Историческое исследование. СПб. 2001. С.151

** РГАДА. Ф.11. Оп.1. Д.907. Л. 2–3

*** Деревянный домик был заложен в 1785 г., окончен в 1786 г., автором постройки, вероятно, был Ч. Камерон. См.: Павловск. Полный каталог коллекций. Т. XV «Графика». С. 145

**** РГАДА. Ф.10. Оп.3. Д.268. Л. 1

Последовавшие затем годы принесли в семейство Бенкендорф огорчения и разочарования. Великий князь Павел Петрович, серьезно увлекшись фрейлиной Е. И. Нелидовой, своим поведением стал компрометировать Марию Федоровну. Бенкендорф не могла сносить унижения своей августейшей подруги и пыталась объединить вокруг себя сочувствующих великой княгине людей. Цесаревичу, который и без того недолюбливал Тилли, не понравилось формирование при его дворе «немецкой партии». Он решил удалить Бенкендорф от Двора. В ноябре 1791 г. она покинула Гатчину. На переписку подруг был наложен запрет, Бенкендорф была лишена великокняжеской пенсии, которую получала со времени приезда в Россию. Всю горечь утраты Мария Федоровна изложила в письме Х. И. Бенкендорфу, находящемуся в тот момент в южной армии Г. А. Потемкина: «Вы должны чувствовать, мой друг, как разрывается мое сердце, потому что моя добрейшая и дорогая Тилли решила меня покинуть. Хотя мой разум вынужден это принять, я смущена и страдаю как никогда прежде. Полагаю, бесполезно, мой друг, вам говорить, что мои чувства в отношении нее будут вечными и сколько времени проживу, столько Тилли будет подругой, милой подругой моего сердца. Говорю и вам в то же время, что моя дружба к вам продлится всю мою жизнь, и я применю все возможные средства, чтобы вам это доказать. Даю вам священную клятву, а вы достаточно знаете мой характер, чтобы на это рассчитывать...»*

Анна Бенкендорф с детьми отправилась в Дерпт к родственникам мужа. Дождавшись его возвращения из армии, где Христофор Иванович заслуженно получил чин генерал-майора, орден Св. Анны и отличные рекомендации Г. А. Потемкина, семья отправилась за границу. Остановились у родителей Марии Федоровны, герцогов Вюртембергских, в Байрейте. Детей на учебу поместили в пансион.

В 1793 году последовало некоторое смягчение гнева Павла — подруги получили возможность переписываться открыто, правда, цесаревич поставил условие — продать дом Бенкедорфов в Павловске. Дом был продан в 1794 году «с мебелями, службами и садом» М. А. Голицыну.** Смерть Екатерины II 6 ноября 1796 года и восшествие на престол Павла I повлекли за собой традиционные милости. 12 ноября 1796 года Христофор Иванович был произведен в генерал-лейтенанты и назначен военным губернатором в Ригу. Семья Бенкендорф приглашается ко Двору для участия в траурной церемонии перенесения праха Петра III из Александро-Невской лавры в Зимний дворец. Несколько часов при сильном морозе печальная процессия медленно двигалась по Невскому проспекту. Во время этого мероприятия Анна Бенкендорф сильно простудилась. При отъезде в Ригу, решено было оставить Александра и Константина в Петербурге на попечение Марии Федоровны. Она поместила их в недавно открытый пансион аббата Николя на Фонтанке. Полный курс воспитания, расчитанный на двенадцать лет, делился на несколько периодов — подготовительное обучение, изучение классиков, изучение наук, путешествия, изучение языков. Из последних изучали русский, греческий, французский, итальянский, английский и немецкий. Воспитанников обучали физике и математике, давали основы фортификации и артиллерии, преподавались история, география, «науки нравственные и политические». Для умелого «вращения в большом свете» изучали рисование, музыку и танцы. В письме к С. И. Плещееву, который был доверенным

---

* Цитирую по: Шумигорский Е. С. Указ. Соч. С.371 (перевод с фр. А. Н. Голякова)

** ГА РФ. Ф. 728. Оп. 1. Д.405 (письмо А. — Ю. Бенкедорф неустановленному лицу от 30 июня 1794 г.)

лицом Марии Федоровны при определении молодых братьев Бенкендорф в пансион, она писала: «Я вас настоятельно прошу, мой друг, им разъяснить их долг и внушить самое большое повиновение и покорность воле своих преподавателей, которых они должны уважать как своего второго отца, поскольку учителя заменят его для них на все то время, в которое они будут вверены заботам преподавателей. Упомяните им также о прилежании. Скажите им, что они более всего обязаны удвоить усердие в учебе, и было бы самой черной неблагодарностью по отношению к своим родителям, которые стеснены в деньгах и экономят, чтобы найти средства дать им хорошее образование, если они не постараются извлечь из этого пользу и ответить на заботу и оправдать ожидание родителей. Напомните им, мой друг, что хорошее образование, которое предоставляют родители, станет в свое время наследством, которое родители им оставят. Ничего иного не следует ожидать. Таким образом, им самим предстоит выйти в мир, проявить себя своим поведением и знаниями. Моя сердечная и старая дружба с их родителями не делает меня слепой на сей счет. Я буду, конечно оказывать всякое содействие так долго, сколько учителя будут ими довольны, но при малейшем неудовольствии они потеряют мое расположение, и я пожалуюсь их родителям, так же, как для меня составит удовольствие сообщить их родителям об успехах и моем удовлетворении...»* Каждую неделю аббат Николя должен был присылать императрице отчет об успехах и поведении ее подопечных. Несколько раз Мария Федоровна и Павел Петрович лично навещали своих воспитанников, новый император был в хорошем расположении духа — Двор готовился к предстоящей коронации. Между тем, новое горе постигло императрицу — 11 марта 1797 года, так и не оправившись от тяжелой простуды, в Риге умирает ее «добрая подруга Тилли». Ей так и не суждено было увидеть Марию Федоровну в императорской короне. Двух дочерей Тилли, Марию и Дарью, императрица поместила на свой счет в Смольный институт благородных девиц.

Учеба Александра в пансионе продолжалась недолго. Лень и рано проявившаяся слабость к женскому полу заставили молодого Бенкендорфа покинуть пансион аббата. Однако, отличные рекомендации последнего и покровительство императрицы позволили Бенкендорфу определиться младшим офицером в привилегированный Семеновский полк. Вскоре за искусно сделанный «план острова Мальта» он был назначен адъютантом императора.

Адъютантская служба была необременительной. Из серьезных поручений была только поездка в 1800 году в Мекленбург для сообщения известия о бракосочетаниях великих княжон Александры и Елены с немецкими герцогами.

Мартовский переворот 1801 года Александр Бенкендорф встретил с радостью, хотя осудил и методы переворота, и лиц, участвовавших в нем. В ожидании предстоящей коронации, назначенной на сентябрь 1801 года, проходили нескончаемые праздники, маскарады, фейерверки — «... это лето может быть названо сумасшедшим летом, любовь и абсолютная свобода окупили все издержки...», — записал он в дневнике. Он никак не мог остановиться, все больше и больше увлекаясь женщинами — молодыми и не очень, замужними и совсем юными, женщинами высшего света и женами камердинеров. Все это чрезвычайно беспокоило и раздражало императрицу-мать, которая по-прежнему проявляла заботу о вверенных ей детях любимой подруги. Однако, на Александра не

* Цитирую по: Шумигорский Е. С. Указ. Соч. С.432—433 (перевод с французского А. Н. Голякова)

действовали ни уговоры, ни устрашения лишиться своей доли капитала. И когда генерал Е. М. Спренгпортен представил Александру I план инспекционной поездки по России, Мария Федоровна сделала все от нее зависящее, чтобы в эту экспедицию был зачислен и Александр Христофорович. Путь экспедиции лежал через европейскую часть России до Уральских гор, затем вдоль южных рубежей империи по Сибири и Амуру до китайской границы. Затем предполагалось обследовать южные российские губернии и Кавказ и завершить миссию на острове Корфу, находившимся в то время в подчинении России. Во все время путешествия Бенкендорф вел журнал поездки, записывая маршрут, свои впечатления и эмоции от увиденного. Его воспоминания в настоящее время являются единственным документальным свидетельством этой поездки.

Во время пребывания экспедиции на Кавказе в 1803 году Бенкендорф с разрешения генерала Спренгпортена на несколько месяцев покинул экспедицию и отправился в Грузию. Вместе со своим другом М. С. Воронцовым он поступил волонтером в Кавказский корпус П. Д. Цицианова, «дабы усовершенствоваться в воинском искусстве». Эти же месяцы принесли Бенкендорфу и первые боевые награды — Св. Анну 4 ст. «за отличие в сражении при взятии форштата крепости Гянджи» и Св. Владимира 4 ст. «за отличие в сражении с лезгинами».*

Прибыв с генералом Спренгпортеном в 1804 году на Корфу Бенкендорф получает высочайшее разрешение покинуть генерала и остаться на острове при русском корпусе. Новое государство Ионических островов, основанное в 1798 году после освобождения их эскадрой Ф. Ф. Ушакова из-под власти наполеоновской Франции, представляло собой самоуправляемую республику и существовало на тот момент под протекторатом России. «Итак, дорогой друг, — писал он М. С. Воронцову, — я вновь волонтер, незнающий точно против каких войск мы будем драться, что меня не волнует, лишь бы была возможность участвовать в бою».** Под начальством генерала Р. К. Анрепа Бенкендорф формировал партизанские отряды для защиты независимого Корфу от Наполеона. Но вскоре интрига со стороны российского консула, толчком к которой послужила все та же старая история — любовная связь, вернула его в Петербург.

Бенкендорфа назначили в Пруссию к дежурному генералу графу П. А. Толстому. С ним он принял участие в наполеоновских войнах, где отличился в сражении при Прейсиш-Эйлау. Его храбрость была отмечена чином капитана, орденом Анны 2 ст. и прусским орденом «Пурле-Мерит». Он остался при Толстом и когда последнего назначили чрезвычайным послом в Париж. Целый год Бенкендорф курсировал между Парижем, Веной и Петербургом, выполняя серьезные дипломатические поручения. Между ними не забывал развлекаться — в Париже начался длительный роман Бенкендорфа с мадмуазель Жорж, ведущей актрисой парижского театра. С необыкновенными приключениями он привез свою возлюбленную в Петербург и даже помышлял на ней жениться к большому неудовольствию вдовствующей императрицы. Но брак не состоялся — ветреная француженка скоро увлеклась новым любовником, а Бенкендорф отправился волонтером на войну в Молдавию, где весной 1809 года возобновились военные действия против турок. Здесь он особенно отличился в сражении при Рущуке в 1811 году, за что получил Георгия 4 ст.

* ГА РФ. Ф. 110. Оп.2. Д.977. Л. 6—7 (послужной список А. Х. Бенкендорфа)
** Архив князя М. С. Воронцова. Кн.XXXV. М. 1889. С.32—33

В войну 1812 года Бенкендорф действовал в составе отряда генерала Ф. Ф. Винценгероде. За командование авангардом под Велижем получил чин генерал-майора и был назначен командиром одного из армейских «летучих» (партизанских) формирований, прикрывавшего коммуникации между главной армией и корпусом П. Х. Витгенштейна, защищавшим дорогу на Петербург.

Административные способности Бенкендорфа особенно проявились при назначении его комендантом только что освобожденной Москвы. Множество проблем, которые требовали незамедлительного разрешения решались только благодаря его энергии и кипучей деятельности. Князь А. А. Шаховской, в 1812 году начальник пешего казачьего полка Тверского ополчения вспоминал: «Возвратясь из Кремля в квартиру генерала Иловайского, я уже в ней нашел графа Бенкендорфа, успевшего осмотреть весь квартал Воспитательного дома, привесть в устройство госпиталь, найти пищу голодающим детям и не только нашим, но и неприятельским раненым, брошенным в беспорядке, без присмотра и помощи на произвол судьбы, заставить тотчас убрать тела их товарищей, валявшиеся по коридорам и лестницам, отрядить своих офицеров, с явившимися в мундирах московскими полицейскими, для осмотра и вспоможения в других больницах, для расставления часовых по домам, сохраненным стоявшими в них французскими чиновниками, и учреждения караулов на заставах из полков, расположенных по бывшим некогда городским валам»*. Вместе с С. Г. Волконским Бенкендорф опечатал до прибытия митрополита Кремлевские соборы, чтобы «... народ не видел бесчинств, учиненных в церквах». Вынести морально бремя подобных забот было тяжело, «я с нетерпением ожидаю прибытия какого-нибудь начальства и войск и того времени, когда я смогу оставить эти развалины, при виде которых разрывается сердце»**, — писал он М. С. Воронцову.

Компанию 1813 года он начал командиром отдельного летучего отряда. С ним он вошел в Берлин, участвовал в «битве народов» под Лейпцигом, освобождал Бельгию, Голландию. За участие в военных действиях 1812—1814 годов Бенкендорф получил: Георгия 3 ст., Анну 1 ст., Владимира 2 ст., прусский орден Красного Орла 1 ст., от нидерландского короля — золотую шпагу с надписью «Амстердам и Бреда», от британского регента — золотую саблю «За подвиги в 1813 году». Вскоре портрет Бенкендорфа был помещен в Военную галерею Зимнего дворца.

По возвращении в Россию в 1816 году Бенкендорф был назначен начальником 1-й Уланской дивизии. Находясь по долгу службы на Украине, он встретил свою будущую жену Елизавету Андреевну, вдову Павла Гавриловича Бибикова, убитого в декабре 1812 года. Елизавета Андреевна принадлежала к древнему польскому роду Донец-Захаржевских и проживала в имении «Водолаги» у своей тетки М. Д. Дуниной. От Бибикова у Елизаветы Андреевны были две маленькие дочки — Екатерина и Елена. Правнук Бенкендорфа князь С. М. Волконский так описал знакомство своих предков: «... отворяется дверь — входит с двумя маленькими девочками женщина такой необыкновенной красоты, что Бенкендорф, который был столь же рассеян, сколько влюбчив, тут же опрокинул великолепную китайскую вазу»***. Александр Христофорович Бенкендорф решил жениться. «Мария Дмитриевна Дунина, — вспоминает далее С. М. Волконский, — нашла

* Шаховской А. А. Первые дни в сожженной Москве // Пожар Москвы. По воспоминаниям и запискам современников. М. 1911. Часть 2. С. 95

** Архив князя М. С. Воронцова. Кн.XXXV. М. 1889.

*** Волконский С. М. Мои воспоминания. М. 1992. Т. 2. С. 17

нужным собрать справки. Фрейлина Екатерины Великой, поддерживавшая переписку с императрицей Марией Федоровной, она за справками обратилась не более, не менее, как к Высочайшему источнику. Императрица вместо справок прислала образ»*. Две дочки Елизаветы Андреевны нашли в Бенкендорфе настоящего отца. Не делая впоследствии никаких различий между собственными и приемными детьми, он всю жизнь продолжал о них заботиться, а падчерица Елена (в будущем известная петербургская красавица Е. П. Белосельская-Белозерская) навсегда осталась его любимицей.

Императрица Мария Федоровна была чрезвычайно довольна женитьбой своего подопечного. Очевидно, именно она попросила императора назначить Бенкендорфа на какую-нибудь ответственную должность. Александр I согласился — Бенкендорфа назначили начальником штаба Гвардейского корпуса. Здесь следует выделить два случая, которые стали как бы предвестниками будущей жандармской деятельности Александра Христофоровича. Прекрасно сознавая, что в полках, составляющих Гвардейский корпус и прошедших всю Европу, есть люди симпатизирующие происходящим революционным событиями в Италии и Испании, Бенкендорф приказал командиру Преображенского полка К. К. Пирху подготовить сведения о разговорах, которые ведет полковая молодежь. Пирх с негодованием отверг подобные предложения, не желая быть доносчиком. Однако, донос доносу рознь, считал Бенкендорф, хорошо понимая, что лучше предотвратить взрыв назревающего возмущения, чем затем долгое время бороться с его последствиями. А несколько месяцев спустя произошло восстание в Семеновском полку, которое впервые воочию показало ту реальную силу, которая способна, если не предпринять меры, подорвать и разрушить весь существующий государственный порядок. И одним из первых, кто осознал всю опасность подобных «происшествий» был Бенкендорф. В записке, названной «Размышления о происшествиях, случившихся в ночь с 16 на 17 и в ночь с 17 на 18 октября в Петербурге» он рассматривал возникшую сложную ситуацию противостояния власти и общества. «Власть может быть сильна лишь благодаря убеждению в превосходстве способностей и качеств тех, кому она принадлежит, лишь благодаря неоспоримой необходимости подчиняться ей для блага и безопасности всех и каждого, и лишь благодаря уверенности, что в ней найдут спасительную защиту от всего, что могло бы ставить частные интересы выше интересов и блага большинства. Будучи лишена тех нравственных атрибутов, которые даются общим мнением, власть, не имеющая надлежащей опоры, оказывается поколебленной, и ее могущество заменяется силой материальной, которая всегда на стороне численного превосходства»**, — рассуждал Бенкендорф. Подобные размышления повторились и в составленной в октябре 1825 года для представления Александру I «Записке о состоянии русского войска в 1825 году»***, где Бенкендорф подробно останавился на рассмотрении причин неудовлетворительного состояния армии — отсутствии должной энергии у генералитета, пренебрежении подчиненными и служащими своих прав и обязанностей. Неуважение к низшему начальству, по мнению Бенкендорфа, влечет за собой и неуважение к верховной власти и к власти вообще. Еще одна записка того же времени, к которой Бенкендорф имел непосредственное отношение — записка о тайных обществах, составленная М. К. Грибовским. В записке были

* Там же

** Русский Архив. 1884. № 6. С.266

*** Русский Архив. 1904. № 9. С.82–86

рассмотрены причины возникновения тайных обществ, показаны их цели и задачи, названы главные участники. Бенкендорф сделал все возможное, чтобы записка как можно скорее стала известна императору. Но Александр I, который, без сомнения, видел всю пропасть между его либеральными мечтами и бурей зреющего недовольства, и который не хотел, чтобы его окружение видело и знало его растерянность и бессилие, оставил записку без внимания и без всяких последствий, а против Бенкендорфа затаил обиду и злобу. Вскоре Бенкендорфа перевели на должность начальника 1 Кирасирской дивизии, что было явным понижением по службе, но чтобы «подсластить» ситуацию единовременно пожаловали 50 000 рублей.

Несправедливость и прохладное отношение императора мучили Бенкендорфа, но он терпеливо сносил обиды, поверяя их близкому другу М. С. Воронцову. Последний посоветовал обратиться к царю с письмом, чтобы прояснить ситуацию. Четыре года Бенкендорф медлил, и только узнав об отъезде государя в Таганрог, как бы предчувствуя, что никогда уже больше не увидит царственного тезку, все же решился задать государю вопрос: «Осмелюсь ли я униженно умолять Ваше Величество смилостивиться поставить меня в известность, в чем я имел несчастье провиниться. Я не смогу видеть Вас, государь, уезжающим, с тягостной мыслию, что, быть может, я заслужил немилость Вашего Величества»*. Ответа он не получил.

Правда, за год до указанного письма, а именно 7 ноября 1824 года Бенкендорфу представился случай в последний раз заслужить благоволение и милость монарха. В день страшного петербургского наводнения он дежурил при императоре в Зимнем дворце. Приказ императора — послать катер для спасения утопающих — Бенкендорф выполнил не совсем точно. Он не только отдал приказ, но и сам сел в катер и в течении целого дня в ледяной невской воде спасал людей. Его подвиг оказался запечатленным на гравюрах, в мемуарах современников и в «Медном всаднике» А. С. Пушкина**. Государь наградил Бенкендорфа алмазной табакеркой с портретом, деньгами и назначил временным комендантом Васильевского острова — района, наиболее пострадавшего от наводнения. На этой должности, как и на посту коменданта освобожденной Москвы, сказались незаурядные административные качества нашего героя. Два месяца понадобились ему, чтобы очистить остров, отремонтировать и построить здания, найти людям жилье и кров, отремонтировать жизненные коммуникации района.

С воцарением Николая I начался период стремительного карьерного взлета Бенкендорфа. В известный день 14 декабря 1825 года он почти неотлучно находился при молодом царе. Их связывала давняя дружба, общие мысли и чувства, которые оба испытывали в отношении переустройства расшатавшегося государственного механизма, в отношении службы и порядка в государстве. Николай Павлович умел дружить, а Бенкендорф за оказанное доверие был бесконечно благодарен и предан. Тем более что он всегда искренне считал, что служить государю значит служить Отечеству. Недаром ранним утром 14 декабря Николай Павлович обратился именно к Бенкендорфу со словами:

* Цит. по: Лемке М. К. Николаевские жандармы и литература. Спб. 1909. С. 20

** Соллогуб В. А. Повести. Воспоминания. Л. 1988. С.375; Пыляев М. И. Старый Петербург. СПб. 1889 с. 125–126; Документальные материалы о петербургском наводнении 7 ноября 1824 г. // Пушкин А. С. Медный всадник. Л. 1978

«Сегодня вечером, может быть, нас обоих не будет более на свете, но, по крайней мере, мы умрем, исполнив наш долг»*.

Исполнял он свой долг и будучи членом Следственного комитета по делу декабристов, вынужденный допрашивать и судить многих своих близких друзей и сослуживцев. Кстати, все декабристы отмечали порядочность и «добросердечие» Бенкендорфа на следствии. Его вопросы были всегда кратки и по существу, а спокойный и благожелательный тон располагал к беседе. Возглавивший впоследствии III Отделение, учреждение, которое ведало судьбами осужденных декабристов, Бенкендорф неоднократно обращался к императору с просьбой о смягчении их участи, обращал внимание на их тяжелое положение, их здоровье, их нужды. В его канцелярии сохранилось огромное количество просьб родственников декабристов, которые в большинстве своем имели положительный результат. Многие декабристы в своих воспоминаниях отмечали доброту и сердоболие шефа жандармов**.

Записка Грибовского, ставшая причиной немилости Бенкендорфа у императора Александра I, а также его записки — рассуждения о нравственном авторитете власти как нельзя кстати подошли новому императору, желавшему знать истинное состояние дел в империи, проблемы государства и «расположение умов» различных слоев общества по этим проблемам. Картина «злоупотреблений и беспорядков во многих частях управления» убеждала нового императора, обладавшего ясным прагматическим складом ума, в необходимости преобразований. «Я смотрю на человеческую жизнь, как на службу...», — любил говорить император подчиненным. И самодержавную власть он воспринимал не как право, а как обязанность. Стремясь к осуществлению своего идеала процветающей державы, он пытался упорядочить всю ее жизнедеятельность — придать «стройность и целесообразность» системе управления, добиться максимальной исполнительности на всех уровнях бюрократической иерархии, обеспечить всеохватный контроль над ходом дел в Российской империи. Помочь монарху вникнуть во все мелочи жизни подданных было призвано III отделение Собственной Его Императорского Величества канцелярии. К тому же, выход на политическую арену тайного революционного общества требовал от правительства адекватного ответа. Полиция должна была выполнять и задачи по охране политической безопасности государства: наблюдать за революционными организациями и деятелями, собирать сведения о крестьянских выступлениях, о фальшивомонетчиках, иностранцах, следить за «мнением общим и духом народным». Многие стремились стать партнерами власти в деле благоустройства России, служить Царю и Отечеству не за страх, а за совесть. В инструкции своим подчиненным А.Х. Бенкендорф писал, что при должном отношении к возложенной на них миссии они «в скором времени приобретут себе многочисленных сотрудников и помощников; ибо всякий Гражданин, любящий свое отечество, любящий правду и желающий зреть повсюду царствующую тишину и спокойствие, потщится на каждом шагу вас охранять и вам содействовать полезными своими советами и тем быть сотрудником благих намерений своего

* Шильдер Н.К. Император Николай I. Его жизнь и царствование. СПб. 1903. Т. 1. С.281

** Штенгель В.И. Записки и письма. Иркутск. 1985. Т. I. С.247; Розен. А.Е. Записки декабриста. Иркутск. 1984. С.155, 173; Фонвизин М.А. Сочинения. Иркутск. 1982. II. С.196; Лорер Н.И. Записки декабриста. Иркутск. 1984. С.111

Государя»*. Любопытен отклик на этот документ, который мы находим в одном из донесений 1827 года знаменитого Ф. В. Булгарина: «Инструкция жандармов ходит по рукам. Ее называют уставом «Союза благоденствия». Это поразило меня и обрадовало. Итак, учреждение жандармов и внутренней политической системы (surveillance) не почитается ужасом, страшилищем...»**.

Следует отметить, что для значительной части населения в условиях произвола бюрократии всех рангов, когда для рядового гражданина прибегнуть к помощи закона было практически невозможно, III отделение действительно выглядело тем органом высочайшей опеки подданных, каким мыслил его Николай Павлович. И легенда о платке, который император вручил Бенкендорфу, чтобы утирать слезы несчастных, в качестве инструкции для высшей полиции, возникла не на пустом месте. Просьбы и жалобы по самым разным вопросам, вплоть до бытовых, сохранившиеся в архиве III отделения, свидетельствуют, что многие искали защиты от несправедливости именно там.

Говоря о политической полиции, всегда надо помнить, что ее функции и задачи менялись в зависимости от политической обстановки и расстановки политических сил. К концу николаевского царствования необходимость реформ назрела, пути власти и общества разошлись, а «народный дух, — отмечало III отделение, — в России с каждым годом более стремится к обеспечению и расширению гражданских прав, к зависимому от оного развитию материальных сил народа и к распространению круга умственной его деятельности на современных либеральных основаниях»***. Мелочная жандармская опека, стремление решить все дела государства при помощи полиции стали казаться обществу неприемлемыми. Полиция стала сталкиваться с растущим и увеличивающимся год от года оппозиционным и революционным движением, бороться с которым приходилось все труднее. Именно в это время с явной подачи А. И. Герцена, образ Бенкендорфа стал превращаться в «популяризованную идею» холодного, беспощадного гонителя и притеснителя.

Ни Николай Павлович, ни Бенкендорф не увидели тех трудностей, с которыми пришлось бороться их преемникам. Единственным ярким проявлением свободомыслия в их время была литература, за которой бдительно наблюдало государево «всевидящее око». Разрешение на открытие журналов, их запрещение, надзор за редакторами и авторами, цензура альманахов, газет, драматических сочинений — все это входило в функции III отделения. Бенкендорфу была поручена и «царская опека» над А. С. Пушкиным. Десять лет первый поэт России и первый ее жандарм были тесно связаны друг с другом, 90 писем они написали друг другу за это время. Безусловно, письма написаны не по большой дружбе, а по необходимости, по царскому «повелению» со всеми светскими приличиями и этикетными уверениями «в глубочайшем почтении и совершенной преданности». Письма Бенкендорфа терпимы, корректны, точны, деловые, упрекающие. По справедливому замечанию одного современного исследователя, Бенкендорф в деле ограничения свободы своего подопечного никогда не проявлял собственной инициативы, а делал только то, что обязан был делать по службе: запрещал то, что было безусловно нельзя, а все

* Инструкция графа Бенкендорфа. // Русский Архив. 1889. № 7. С.397

** Видок Фиглярин. Письма и агентурные записки Ф. В. Булгарина в III Отделение. М. 1998. С.140

*** Из Отчета III Отделения за 1860 год // Россия под надзором. Отчеты III Отделения 1827–1869. М. 2006. С. 527

остальное позволял или не замечал*. Аналогичная ситуация складывалась с М.Ю. Лермонтовым, А.А. Дельвигом — в этих историях много еще не выясненных моментов. Однако, именно Бенкендорф помогал Н.В. Гоголю, рекомендовал к публикации «Капитуляцию Парижа» государственного преступника М.Ф. Орлова, участвовал в судьбе старинного сослуживца и приятеля П.Я. Чаадаева. Еще в 1830-е годы Н.А. Полевой отмечал «странное противоречие» в поступках шефа жандармов А.Х. Бенкендорфа и министра народного просвещения С.С. Уварова: «Тот, кто по назначению мог преследовать литератора, всячески облегчал его и старался вывести из опалы, тогда как другой, по званию своему покровитель и защитник всех литераторов, играл роль инквизитора»**.

Многие современники обвиняли Бенкендорфа в лени, поверхностном образовании, неумении вести дела. Сидя на заседаниях Госсовета, Комитета министров, многочисленных комитетов и комиссий, членом которых он являлся, Бенкендорф скучал, слушал рассеянно, не мог вникнуть в суть рассматриваемых дел. Мысли его были заняты совершенно иными, более важными вопросами. «Зная обязанности графа, простительно ему было не входить в распоряжение управления, он должен был подробно знать все, что вчера говорилось и делалось во всей России»***, — вспоминал сослуживец Бенкендорфа.

Но практически все современники, даже язвительный М.А. Корф, отмечали доброе сердце Бенкендорфа, его мягкость, незлобивость, отсутствие мстительности, и самое главное, способность умягчать вспыльчивого императора. Сколько раз дружеский, спокойный, шутливый голос шефа жандармов советовал государю «не ужесточать», «не устрашать», «не озлоблять» общество. Николай очень ценил это качество своего друга, и после смерти Бенкендорфа велел внести в некролог следующие слова: «Он меня ни с кем не поссорил, но со многими примирил!»****

И еще одну черту Бенкендорфа отмечали все современники — «он был ужасно падок к женщинам». Увлекаясь, граф не замечал свой возраст, и будучи уже в преклонных летах, продолжал вести жизнь молодого человека. «Он продолжал быть вторым Дон Жуаном! Любимая его мысль, любимый разговор и любимое дело были у него женщины»*****, — вспоминал друг Бенкендорфа московский почт-директор А.Я. Булгаков. Одной из последних его любовных страстей была жена дипломата баронесса Амалия Крюднер. Воспитывавшаяся в семье баварского графа Лерхенфельда, она по матери приходилась кузиной императрице Александре Федоровне. Баронесса была очень красива, умна, граф в ней души не чаял и тратил огромные суммы на ее капризы. «Как во всех запоздалых увлечениях, было в этом много трагического, — вспоминала великая княжна Ольга Николаевна. — Она пользовалась им холодно, расчетливо, распоряжалась его особой, его деньгами, его связями где и как только ей это казалось выгодным, а он и не замечал этого»******. Любовные связи Бенкендорфа были известны всему «свету»

---

* Непомнящий В. Предисловие к книге: «Записки Бенкендорфа. Отечественная война 1812 г. Освобождение Нидерландов» М. 2001. С. 9

** Полевой Н.А. Материалы по истории русской литературы и журналистики тридцатых годов. Л. 1934. С.336

*** Стогов Э.И. Записки. // Русская Старина. 1903. № 5. С. 312

**** Корф М.А. Записки. М. 2003. С. 270

***** Булгаков А.Я. Отрывки из дневника.// Независимая газета. 13 января 2000.

****** Сон юности. Воспоминания великой княжны Ольги Николаевны // Николай I. Муж. Отец. Император. М. 2000. С.235

и не были тайной для его жены Елизаветы Андреевны. Выходя замуж за Бенкендорфа, она знала о его слабости и представляла все последствия этого, поэтому в семье сохранялись все необходимые приличия и не было никаких явных раздоров. «Перед кончиной он завещал своему флигель-адъютанту испросить прощение у жены во всех нанесенных ей огорчениях и просил ее, в знак примирения и прощения, снять с его руки кольцо и носить на себе, что и было впоследствии исполнено»[*], — записал в своем дневнике М. А. Корф.

А. Х. Бенкендорф умер 11 сентября 1844 года на пароходе «Геркулес», по пути из Амстердама в Ревель, на широте о. Даго, неподалеку от своей любимой усадьбы «Фалль»[**]. Здесь же он и был похоронен, на выбранном им самим месте, одном из самых красивых в усадебном парке. «Дивное место, — вспоминал С. М. Волконский. — На полугоре как бы природная терраса; книзу спускается зеленый луг, по бокам его лес, впереди, внизу за лугом, тоже лес, и за этим лесом море. Сзади гора и наверху горы огромный деревянный крест. «Там наверху, на горе» были его последние слова»[***].

Мужского потомства граф не оставил, у него было три дочери. Старшая Анна вышла в 1840 году за венгерского графа Рудольфа Аппоньи, средняя Мария стала в 1837 году супругой Г. П. Волконского, младшая Софья была первым браком за П. Г. Демидовым, а затем за С. В. Кочубеем. Пожалованный А. Х. Бенкендорфу в 1832 году графский титул был передан в наследство племяннику К. К. Бенкендорфу.

* * *

После смерти А. Х. Бенкендорфа в столе его рабочего кабинета в доме на Фонтанке, 16 были обнаружены собственноручные мемуары графа. Они лежали в двух портфелях[****]. В первом портфеле находилось 18 тетрадей с записками за время царствования императора Александра I, второй портфель содержал 17 тетрадей за период правления Николая I. Записки сразу же были представлены императору. Николай Павлович внимательно прочитал их, сделал в некоторых местах небольшие карандашные пометы и заметил А. Ф. Орлову, что находит в записках Бенкендорфа «очень верное и живое изображение своего царствования»[*****]. Император оставил мемуары Бенкендорфа на хранении в своем кабинете.

Императорская семья знала, что шеф жандармов писал воспоминания: в 1856 году Александр II отмечал, что Александр Христофорович неоднократно говорил, что пишет мемуары[******]. Знал об этом и давний друг Бенкендорфа московский почт-директор А. Я. Булгаков: «Я знаю от покойного графа Бенкендорфа самого, что он писал свои

[*] ГА РФ. Ф.728. оп.1. Д. 1817 Т. 7. Л. 374

[**] Подробнее об усадьбе «Фалль» см.: Сидорова М. В. Имение А. Х. Бенкендорфа «Фалль» под Ревелем// Материалы VIII Царскосельской научной конференции «В тени больших стилей». СПб. 2002.; Она же. Первая работа архитектора (имение «Фалль» графа А. Х. Бенкендорфа) // Штакеншнейдеровские чтения. ГМЗ «Петергоф» 2002.; Она же. Меценат от политической полиции// Тропининский вестник. Материалы Всероссийской научной конференции 1–2 июня 2005. Выпуск III. М. 2005.; Она же. От звонкого слова «Wasserfall» (имение Бенкендорфа «Фалль» под Ревелем) // Русская усадьба. Сборник ОИРУ. М. 2005. Выпуск 11 (27)

[***] Волконский С. М. Мои воспоминания. М. 1992. Т. 2. С. 10

[****] ГА РФ. Ф.109. Оп.221. Д.99. л. 5–6

[*****] Из записок барона М. А. Корфа.// Русская Старина. 1899. № 12. С.490

[******] ГА РФ. Ф.728. Оп.1. Д.2271 разд.XXIV т.I. Л. 3об

записки, кои будут полюбопытнее моих... Это были бы драгоценные материалы для истории нашей!»[*] Аналогичного мнения был и автор краткой биографической статьи об А.Х. Бенкендорфе, вышедшей в «Военном энциклопедическом лексиконе» в 1844 году, вскоре после кончины графа[**].

Содержанием мемуаров интересовались в царской семье. 10 января 1845 года семнадцатилетний великий князь Константин Николаевич записал в своем дневнике: «... Саша читал у Мама Memoires Бенкендорфа покойника, и сегодня именно о Семеновской истории и о Бешенковичах»[***].

После смерти Николая I его сын император Александр Николаевич передал мемуары Бенкендорфа М.А. Корфу, который был назначен председателем Комиссии по сбору материалов к полной биографии и истории царствования императора Николая I. Исходя из поставленных перед Комиссией задач, Корф выбрал из мемуаров только те отрывки, которые касались императора Николая Павловича, перевел эти отрывки с французского языка и обработал их. «Это скорее переделка или сокращение их в тот объем и в ту форму, каких требовала наша специальная цель. Переводили мы только важнейшее, прочее же передавали в извлечениях, иногда и с изменениями в плане, потому что старались везде устранить излишнюю растянутость и многословие, а также все бесполезные повторения... Одного только правила мы строго и неуклонно держались при всех наших выпусках и переменах — не придавать нашему повествованию мыслей и взглядов ему не принадлежащих: в нашем труде он везде является тем же самым лицом, как и в своих записках»[****], — писал он в предисловии. Трехтомный обработанный вариант записок Корф представил Александру II, который оставил на полях рукописи некоторые свои замечания и исправления. Вскоре этот «корфовский» вариант записок Бенкендорфа вместе с подлинной рукописью мемуаров был передан на хранение в Собственную императорскую библиотеку в Зимнем дворце.

В 1899 году разрешение работать с рукописями императорской библиотеки получил Н.К. Шильдер[*****]. Для готовящегося издания «Николай I. Его жизнь и царствование» Шильдер попросил выдать ему мемуары Бенкендорфа. Однако, историк получил не подлинные записки, а лишь текст, обработанный Корфом. И хотя Н.К. Шильдер уверял читателей, что публикуемые им записки Бенкендорфа «списаны с подлинной рукописи», все же он пользовался переложением Корфа. Записки, опубликованные Шильдером, слово в слово повторяли перевод, сделанный Корфом, кроме того, в ряде мест, по невнимательности или в спешке, Шильдер принял карандашную правку Александра II за правку Николая I. И, наконец, самое главное — в то время, когда Шильдер занимался в библиотеке Зимнего дворца, подлинного текста записок Бенкендорфа времени царствования Николая I (второй портфель, тетради № 19—№ 35) в библиотеке не было.

Дело в том, что еще в 1893 году великий князь Сергей Александрович обратился в библиотеку, передавая просьбу Александра III о розыске и представлении ему мемуаров А.Х. Бенкендорфа. Мемуары графа были представлены императору 3 марта

---

[*] Булгаков А.Я. Отрывки из дневника.// Независимая газета. 13 января 2000.

[**] Военный энциклопедический лексикон. СПб. 1844. С.1—3

[***] ГА РФ. Ф. 722. Оп.1. Д.81. Л. 100.

[****] ГА РФ. Ф.728. Оп.1. Д.2271 раздел XXIV Т I. Л. 5об-6.

[*****] Щеглов В.В. Собственные Его Императорского Величества библиотеки и арсеналы. Пг. 1917. С.158

1893 года в Аничковом дворце[*]. Ознакомившись с воспоминаниями, Александр III дал их для прочтения брату великому князю Сергею Александровичу. 16 ноября 1893 года Сергей Александрович записал в дневнике: «... Начал читать мемуары гр. Бенкендорфа — очень интересно — рукопись — Саша мне их дал»[**]. Мемуары графа А.Х. Бенкендорфа вернулись в библиотеку лишь 22 марта 1902 года и «только один картон»,[***] т.е. только первая часть записок. В том же 1902 году для внучатого племянника А.Х. Бенкендорфа обер-гофмаршала Двора Павла Константиновича Бенкендорфа с высочайшего разрешения была снята копия с этой части воспоминаний графа. В предварительной записке к ней Павел Константинович отметил: «Вторая часть этих воспоминаний находится в Фалль и принадлежит князю Григорию Волконскому»[****]. Однако, как выяснилось, в имении «Фалль» никогда записок не было, Волконские тоже разыскивали их, привлекая к поискам великого князя Николая Михайловича[*****]. В 1916 году, так и не найдя следов второй части записок, Павел Константинович исправил предварительную записку, написав: «Вторая часть этих воспоминаний, находившаяся также в Императорской Библиотеке, была дана на время Великому Князю Сергею. После его смерти вторая часть не была возвращена»[******].

Подлинник второй части мемуаров был обнаружен совсем недавно, в мае 2003 году, в фонде А.Ф. Бычкова в Петербургском филиале Архива Академии Наук. В путеводителе по архиву, а также в ряде справочных изданий данный источник фигурирует как «копии записок» Александра Христофоровича. Историю попадания подлинных записок Бенкендорфа в этот фонд еще предстоит выяснить. Однако, по ряду косвенных источников, можно предположить, что великий князь Сергей Александрович показывал мемуары Бенкендорфа, а возможно и давал читать своему адъютанту и другу В.Ф. Джунковскому. Возможно также, что после смерти великого князя мемуары каким-то образом оказались у Джунковского, а затем в силу его дружеских отношений с семьей Михалковых, в их имении под Рыбинском «Петровское». Известный коллекционер и библиофил Е.Н. Опочинин в своих воспоминаниях пишет, что среди рукописей усадебной библиотеки «находился в оригинале дневник графа А.Х. Бенкендорфа, известного клеврета Николая I»[*******]. Неподалеку от «Петровского» находилось и имение Бычковых. Федор Афанасьевич Бычков, служащий рыбинским земским начальником, занимался краеведением и собирал письменные источники по истории известных российских фамилий[********]. Он был частым гостем «Петровского»[********] и возможно предположить, что мемуары Бенкендорфа попали к Бычкову путем какого-нибудь книжного «обмена» с Михалковыми.

* Архив Государственного Эрмитажа. Ф.2. оп. XIVA. 1893. Д.1. Л. 2

** ГА РФ. Ф.648. Оп.1. Д.29. С.324

*** Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки. НСРК. Q234. Л. 80 (Каталог рукописям, хранящимся в Зимнем дворце. 1887)

**** ГА РФ. Ф.553. Оп.1. Д.60. Л. 1а

***** Волконский С.М. Воспоминания. М. 1994. С.209

****** ГА РФ. Ф.553. Оп.1. Д.60. Л. 1а

******* Опочинин Е.Н. Русские коллекционеры и уцелевшие остатки старины. Из наблюдений и воспоминаний // Наше наследие. 1990. № 4. С. 109

******** Ему принадлежит труд «Опыт библиографического указателя печатных материалов для генеалогии русского дворянства». Спб. 1885

******** Альбом фотографий семьи дворян Михалковых// Российский Архив. Т. VI. М. 1995

В настоящее время мемуары Бенкендорфа хранятся в двух архивохранилищах. Первая часть (первый портфель) за время царствования Александра I находится в Государственном архиве Российской Федерации в фонде рукописного отделения Зимнего дворца. Вторая часть (второй портфель) за период правления Николая I хранится в Санкт-Петербургском филиале архива Российской Академии наук в фонде А. Ф. Бычкова.

Выдержки из мемуаров А. Х. Бенкендорфа несколько раз публиковались. В 1817 году Бенкендорф откликнулся на призыв редактора «Военного журнала» Ф. Н. Глинки помещать в журнале «вернейшие записки о военных действиях Отечественной войны и последних заграничных походах» и прислал Глинке два отрывка из своих воспоминаний: «Описание военных действий отряда, находившегося под начальством генерала Винценгероде в 1812 году» и «Действия отряда генерал-майора Бенкендорфа в Голландии»*. Ф. Н. Глинка опубликовал их в журнале в переводе на русский язык и с небольшим предисловием. Во второй половине 30-х годов Бенкендорф покровительствовал и активно содействовал А. И. Михайловскому-Данилевскому, собиравшему материалы для готовящегося по высочайшему распоряжению «Описания Отечественной войны». Граф не только допустил его к секретным делам III Отделения, но и предоставил историку свои мемуары о войне 1812 года, с которых, очевидно была снята копия. Известны они стали только в 1903 году, когда наравне с другими собранными Михайловским-Данилевским воспоминаниями, были опубликованы В. И. Харкевичем в сборнике мемуаров и дневников участников Отечественной войны 1812 года.**

Материалы записок Бенкендорфа М. А. Корф использовал при подготовке третьего издания своей книги «Восшествие на престол императора Николая I»***. Впоследствии два небольших отрывка из мемуаров Корф опубликовал в 1865 году в журнале «Русский Архив»****. Обширные извлечения из воспоминаний Бенкендорфа представил в «Русской Старине» и «Историческом Вестнике» Н. К. Шильдер*****. Он поместил их и в приложение к своей вышедшей в 1903 году монографии «Николай I. Его жизнь и царствование».

В 2002 году группа сотрудников ГА РФ получила исследовательский грант РГНФ (проекты № 02—01—00411а; № 04—01—00207а) на подготовку к изданию мемуаров Бенкендорфа. В ходе этой работы фрагменты текста мемуаров были опубликованы в ряде периодических изданий и сборниках******.

* Военный журнал. 1817. Кн.III. С.25—41; Кн.VII. С.22—33

** Харкевич В.И. 1812 год в дневниках, записках и воспоминаниях современников. Вып. 1—4. Вильно. 1900—1904. (воспоминания А.Х. Бенкендорфа опубликованы во втором выпуске. Вильно. 1903). В настоящее время данная публикация переиздана отдельной книгой: Записки А.Х. Бенкендорфа. 1812год. Отечественная война. 1813 год. Освобождение Нидерландов. М. 2001.

*** Рудницкая Е.Л., Тартаковский А.Г. 14 декабря 1825 г. и его истолкователи. М. 1994. С.25, 209

**** Русский Архив. 1865. № 2. Ст. 129—140; № 9 Ст. 1087—1089

***** Русская Старина. 1896. № 6, 7, 10; 1898. № 2; Исторический Вестник. 1903. Т. 91

****** Новооткрытые мемуары графа А.Х. Бенкендорфа как исторический источник // Наше наследие. 2004. № 71—72; При дворе императора Павла Петровича (из воспоминаний графа А.Х. Бенкендорфа) // Император Павел I. Взгляд из XXI века. К 250-летию со дня рождения. Материалы научной конференции. СПб. 2004.; Из мемуаров графа А.Х. Бенкендорфа// Альманах «Российский Архив». Т. 18. М. 2009; А.Х. Бенкендорф. Восстание 14 декабря 1825 года// Звезда. 2007. № 4; Записки графа А.Х. Бенкендорфа.

Публикация полного текста мемуаров А. Х. Бенкендорфа по оригинальной рукописи предпринимается впервые. Рукопись представляет собой 35 разноформатных тетрадей, текст в которых написан на французском языке темно-коричневыми чернилами и занимает 2/3 ширины листа. Бумага тетрадей желтоватого и светло-голубого цвета с водяными знаками, тетради имеют авторскую нумерацию. Первые 18 тетрадей были сброшюрованы очевидно еще при хранении в библиотеке Зимнего дворца, и в настоящее время составляют одно архивное дело (ГА РФ. Ф.728. Оп.1. Д.1353). Следующие 17 тетрадей также представляют одно архивное дело, но не переплетены, а лежат в папке, оклеенной вишневой мраморной бумагой с вытесненной надписью «Собрание А. Ф. Бычкова. Записки генерал-адъютанта Александра Христофоровича Бенкендорфа» (ПФА АН РФ. Ф.764. Оп.4. Д. 5).

Содержание мемуаров охватывает тридцать пять лет, начинаются они небольшим экскурсом в детство и раннюю юность автора. Первая дата, вынесенная мемуаристом на поля рукописи — 1802 год. Впоследствии начало каждого года Бенкендорф указывает на полях текста и доводит повествование до 1837 года. Предположительно, граф приступил к написанию мемуаров в 1814 году, т.к. рассказывая о событиях 1802 года он указывает что «описывает их спустя 12 лет». Мемуары незакончены, они обрываются недописанной фразой при описании событий 17 декабря 1837 года, когда произошел пожар Зимнего дворца. Это позволяет предположить, что конец записок либо потерян, либо они остались незавершенными. Последнее предположение наиболее вероятно, т.к. после оборванной фразы остается еще достаточно бумаги для продолжения текста. Известно также, что Бенкендорф записывал воспоминания по прошествии нескольких лет после описываемых событий.

По своему характеру мемуары очень неоднородны. В некоторых случаях содержание их растянуто, слишком описательно и эмоционально, иногда слишком кратко, без подробностей, запутанно. С одной стороны — это воспоминания, в них нет поденных записей, лишь сплошное повествование, изложенное в хронологической последовательности. С другой стороны, в отдельных случаях содержание их напоминает дневник, так как события буквально зафиксированы до мелочей. Все это говорит о том, что при написании мемуаров Бенкендорф пользовался не только своей памятью, но и какими-то подручными журналами, записками, письмами, дневниками*.

Текст мемуаров дается в переводе с французского языка в современной орфографии и пунктуации. Однако при этом сохраняются все особенности лексики, характерные для первой половины XIX века. В некоторых случаях чрезмерно громоздкие сложноподчиненные предложения, затрудняющие восприятие смысла, разбивались, где это было возможно, на более короткие. Разбивка текста на предложения и абзацы сделана по смыслу без нарушения авторского замысла. Даты, расположенные на полях рукописи, помещены перед текстом. Сокращенное написание имен, отчеств, титулов, званий и т.п. приводятся полностью. Разночтения в написании имен, фамилий и географических названий устранены в тексте без оговорок. Несущественная авторская правка текста (зачеркивания,

---

1813 год. Неизвестные страницы//Эпоха наполеоновских войн: люди, события, идеи. Материалы X Международной конференции. М. 2007; Воспоминания А. Х. Бенкендорфа. Зимняя кампания 1806–1807// Император. 2011. № 11.

* О написании подобных дневников Бенкендорф упоминает в своих мемуарах несколько раз.

вписывания, исправления), в основном, нами опускалась. Замечания на полях рукописи, сделанные императором Николаем I, приводятся в постраничных примечаниях.

В ряде случаев авторы-составители сочли нужным пояснить некоторые места текста. Подобные пояснения даются в круглых скобках. Все прочие пояснения по тексту даются в конце. Издание снабжено географическим и аннотированным именным указателями. Хронологические рамки примечаний, как правило, соотносятся с событиями, описываемыми мемуаристом.

В конце текста при описании событий 1837 года есть текст рассказа императора Николая I, записанный Бенкендорфом. Этот рассказ приводится в тексте курсивом.

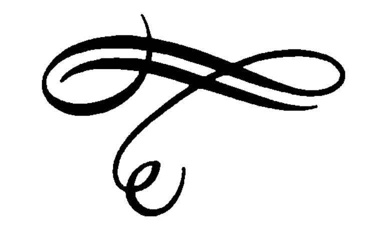
Публикаторы выражают искреннюю благодарность за содействие и помощь в подготовке издания директору Государственного архива Российской Федерации д.и.н. С.В. Мироненко, директору Петербургского филиала архива Академии наук д.и.н. И.В. Тункиной, профессору Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова д.и.н. Л.Г. Захаровой. На разных этапах работы нам помогали А.А. Васильев, И.Н. Засыпкина, к.и.н. А.В. Крайковский, О.В. Леонов, д.и.н. З.И. Перегудова, А.Н. Сидорова, М.Н. Силаева, И.С. Тихонов, Е.А. Чиркова. Некоторые страницы текста были переведены к.и.н. М.А. Авада и Д.А. Майоровым, а О.Л. Залиева взяла на себя непростую работу по редактированию именного указателя. Всем названным лицам — наша сердечная признательность.

Особо хочется поблагодарить Моршанский историко-художественный музей, любезно предоставившей нам портрет А.Х. Бенкендорфа работы В.И. Гау для оформления обложки.

М.В. Сидорова

Воспоминания графа А.Х. Бенкендорфа

1802–1837 гг.

Мой отец был другом великого князя Павла, а моя мать близко связана еще с детства с великой княгиней Марией. Эта двойная связь не могла нравиться императрице Екатерине, стремившейся расстроить малейшие пристрастия своего сына. Она выразила настойчивое желание, чтобы мой отец отправился служить в Молдавскую армию, находившуюся под командованием князя Потемкина, а некоторое время спустя отстранила от двора мою мать, которая навлекла на себя немилость и великого князя, старавшись вернуть его к чувствам нежности к супруге, в то время как его сердце принадлежало мадмуазель Нелидовой — фрейлине маленького роста, довольно некрасивой, но обладавшей гибким и живым умом. Мы отправились в Дерпт дожидаться возвращения отца, который усилил дурное расположение к себе императрицы, отслужив с отличием и, вопреки ее желанию, получив награды благодаря положительной рекомендации князя Потемкина, из глубины Бессарабии деспотически правившего петербургским двором.

Необходимо было путешествовать за границей, чтобы избежать последствий опалы. Мы остановились в Байрейте у родителей великой княгини — герцога и герцогини Вюртембергских.

Хороший пансион, который мои родители там нашли, побудил их поместить туда меня и моего брата. Я был очень невежественным для своих лет. Превосходство, которое маленькие немцы имели надо мной в учебе, нисколько не задевало мое самолюбие. Я полностью удовлетворял его тем, что силою и храбростью заставил уважать имя моей нации в наших «боях», командуя одной из «армий». Они организовывались по субботам, и та, которая попадала под мое начальство, обычно звалась «русской армией»: это было все, что мне было нужно для того, чтобы уберечь свою честь от того недостаточного прогресса, что я делал на занятиях с учителями.

Моя репутация внушала ужас уличным проказникам, которые нападали каждый раз, когда представлялся случай, на учеников нашего пансиона, и которые, будучи побиты в нескольких стычках молодежью под моим начальством, донимали меня всюду, где они могли меня достать. Мое тело, покрытое шишками и ранами, являлось гарантией моих подвигов, а телесные наказания, коим подвергали

меня за эти акции, только разжигали мое мужество и увеличивали мое влияние на сверстников. Апогеем моей славы стала дуэль с одним студентом из Эрлангена, против которого я дрался на саблях, имея от роду лишь 13 лет. Все прусские офицеры гарнизона стали на мою сторону и много меня чествовали: на балу я получил щелчок, и ответил пощечиной. В этих упражнениях, которые укрепили мое здоровье и сформировали мой характер, прошли 3 года.

Наши родители по возвращении из своего путешествия отправили нас в Ригу, где мой отец командовал кавалерийской бригадой. Страшась моего невежества, меня отправили в Петербург в модный тогда пансион, который учредил аббат Николь, и где собралась вся блестящая молодежь столицы. Более сражения с уличными хулиганами, сила и отвага не решали ничего. Нужно было учиться и посещать занятия столь же усердно, как и маленькие мальчики 9 лет, знавшие много больше, чем я. Силою старательности в 3 месяца я достиг уровня некоторых из моих товарищей.

В ту пору умерла императрица: ее долгое царствование заставило считать ее бессмертной. Ее триумфы, завоевания, великолепие ее двора вознесли ее в ранг полубогов. Весь Петербург и пансион плакали, но Москва — это пристанище всех недовольных, всех опальных, а с ней и здоровая часть России, уставшая от высокомерия фаворитов, с радостью праздновала смерть государыни, чья частная жизнь была скандалом, и чьи руки, расслабленные возрастом, а также сластолюбие, позволили упустить бразды правления империей.

Павел, чей подозрительный характер, вспыльчивость и капризы были известны и лишь усилились злобой и подлостью придворных, вызвал ужас в этом дворе, ставшем его собственным, и в котором он так долго наталкивался на презрение; а также в гвардейцах, свергнувших с трона его отца Петра III, которые от удобной жизни и ослабленной дисциплины перешли к суровой активности, к тиранической и пристрастной дисциплине. Но Павел в то же время возродил самые счастливые надежды в Москве и в глубинке.

Мои родители были призваны ко двору на романтическую церемонию эксгумации Петра III, которого перенесли с немыслимой помпой для того, чтобы расположить его гроб подле тела его супруги. Эта церемония вызвала столь ужасную простуду у моей матери, что несколько недель спустя, мы испытали боль ее потери.

Мой отец вернулся в Ригу, где был назначен военным губернатором.

Я продолжал еще работать с усердием до того, как уроки танцев, на которых аббат Николь опрометчиво заставил ассистировать нам молоденьких девушек, повернули мое сознание на новый объект. Любовь заняла место в моей голове и прогнала оттуда математику, грамматику и все, что за этим следовало.

Для завершения моего образования все воскресенья нам (мой брат только что поступил в пансион) позволяли посещать наших сестер в пансионе Благородных девиц при Смольном монастыре, куда их определила императрица, после потери нашей матери, о которой она никогда не перестала бережно хранить память. Мы являлись единственными молодыми людьми, имевшими свободный

Христофор Иванович Бенкендорф и Анна-Юлиана Шиллинг фон Канштадт — отец и мать А.Х. Бенкендорфа

вход в монастырь, и за отсутствием лучшего, часть этих молодых девиц предпочла моего брата, другая отдала предпочтение мне. Мое сердце так разрывалось, что я стал кокетлив и очень доволен своей маленькой персоной.

Однако мне уже было необходимо другое развлечение, коего преждевременное раздражение сердца и ума заставило меня искать с яростью. Один из моих товарищей только что поступил в кавалергарды. Этот полк квартировал около монастыря, и однажды, когда я один возвращался от моих сестер, я остановился у этого товарища, и тот не имел ничего более срочного, чем предоставить мне прелести своей подружки, которая за небольшую сумму успешно занималась его «воспитанием», и охотно согласилась также обучать и меня.

Аббат Николь, не имевший особого желания присматривать за проказником, который более не учился и к тому же портил всю оставшуюся часть сборища, вверенного его заботам, сделал так, чтобы я поступил унтер-офицером в лейб-гвардии Семеновский полк. Это положение мне с первого взгляда не понравилось, и я не пользовался ни своей свободой, ни обществом моих новых товарищей. Я серьезно взялся за работу и с помощью одного хорошего учителя вскоре был в состоянии так хорошо рисовать, чтобы представить императору план острова Мальта. Это было в тот момент, когда император сделался великим магистром ордена, и все, что имело отношение к этому новому титулу, становилось его предпочтительным

занятием. Он увидел этот план, и вскоре меня произвели в офицеры и назначили его флигель-адъютантом.

Таким образом, меня вывели в свет, но в свет весьма скользкий, очень бурный: мой возраст и моя неопытность позволяли мне замечать только удовольствия. Окружение императора состояло из многих молодых людей. То, что испугало бы человека более рассудительного возраста, лишь возбуждало нашу веселость. Постоянные изменения положения, внезапные падения и взлеты придворных, эта деятельность и вечная перемена мыслей, это проворство в наказании, эта воля, которой никто не осмеливался противоречить, делали из прихожей императора театр, столь же кипучий, сколь и забавный, такой же поучительный, как и устрашающий. Гроза начиналась в 6 часов утра и не прекращалась до 10 часов вечера — момента его отхода ко сну. В распорядке дня царило точнейшее единообразие, ежедневно каждая минута была отмечена одним и тем же занятием, самая строгая мелочность сопровождала все эти действия, от оружейных приемов солдата до наиболее важных государственных дел. Имея точный и ясный ум, добрые намерения, он лишь изредка мог управлять своим вспыльчивым характером, озлобившимся за 30 противоречивых лет. Пустяк опрокидывал самые прекрасные, самые благородные замыслы. Легкая небрежность в одежде разрушали в его сознании самую превосходную репутацию. Забытая формальность ввергала в жесточайшую немилость генерала или министра, который еще мгновение назад наслаждался полным доверием этого абсолютного повелителя.

В беседе, которую он имел с экс-генералом Дюмурье, принятым им со всем благородством и любезностью, которые, наряду с другими добродетелями были уделом этого человека, сочетавшего в себе все доброе и все дурное, речь зашла о причинах французской революции. Дюмурье, желая завоевать расположение императора, сказал ему, что в особенности вызвали недовольство нации и обманули доверие двора знатные сановники, и что при российском дворе также имеются такие вельможи. Император ответил ему: «Месье, у меня велики те, с кем я говорю и до тех пор, пока я с ними говорю. Выйдите». Час спустя французский генерал находился уже на пути к границе. Мы сами с трудом верим, что происходили все те жестокие сцены, чередовавшиеся с быстротой, которая почти стирала их из памяти. Да и кто поверит, что этот могущественный российский монарх, чья победоносная армия прошла Италию, чей флот проследовал мимо сераля великого султана, кого Бонапарт умолял о союзе, который в конце своего правления бросил вызов Европе, воевал с круглыми шляпами, сапогами с отворотами и жилетами. Мой отец потерял свое место и лишился благосклонности из-за донесения о том, что в Риге на улицах видели круглые шляпы.

Король Швеции, принятый в Петербурге со всеми почестями, надлежащими его рангу, был внезапно изгнан; даже кухня, расположенная по пути его следования до наших границ, была отозвана[1]. И этот монарх, оскорбленный так публично, был вынужден еще отправить посла для того, чтобы поблагодарить императора за милости, которыми он его осчастливил.

Буйство и деспотизм в характере Павла были увеличены легкостью, с которой он заставлял себе подчиняться. Однажды, когда я был на службе, по его возвращению с санной прогулки, которую он всегда совершал после ужина, он приказал мне зайти в его кабинет и направил меня к графу Палену, тогдашнему градоначальнику, с повелением ему, чтобы к завтрашнему утру имелась бы на проспекте аллея, подобная той, что существовала прежде. Я не знал, что эта аллея существовала, и не слишком понимая сути приказа, носителем коего был, передал его слово в слово графу Палену. Сей достойный исполнитель капризов своего повелителя, удивил меня еще больше, сказав мне: «Скажите императору, что все будет исполнено». Тысячи рабочих начали тотчас же очищать снег и ломать лед, разрушать мостовою, размораживать землю, делая огромные костры и сажать наконец деревья, которые тысячи других рабочих в то же время устраивали в сады.

Два камергера повздорили в Царском Селе, где располагалась вся придворная служба во время пребывания императора в Павловске. Он отправил меня, рекомендуя мне следовать с величайшей поспешностью, чтобы забрать весь двор и выставить его за пределы Царского Села, с приказом охране не позволять более возвращаться ни единой особе. Великодушно отблагодарив меня за исполнение этого важного поручения, результат которого его удовлетворил, как если бы от этого зависело бы благо государства, он представил меня на вечерней прогулке Ее Величеству императрице как ангела-истребителя камергеров. Но эта шутка не подавила его злопамятства: все камергеры были рассеяны по разным департаментам администрации, вплоть до молодого графа Воронцова, который тогда находился в Лондоне подле своего отца, — все подверглись общей опале.

На одном балу, что давали в Москве, император заметил претенциозность, которую один молодой человек из дворян вкладывал в свою манеру танцевать, единственное достоинство последнего. Он послал к нему адъютанта с запрещением отныне танцевать.

Бракосочетания великой княжны Александры с венгерским эрцгерцогом[2] и великой княжны Елены с наследным принцем Мекленбург-Шверинским с пышностью праздновались в Гатчине. Я был выбран для того, чтобы передать новость в Мекленбург: это путешествие наполнило меня радостью. Я проезжал через Берлин, где предался плотской страсти. В Людвигсланде[3] я был принят по всем правилам хорошего тона и со всем весельем, характерным тогда для этого маленького двора. Я отлучился оттуда в Гамбург, чтобы провести там несколько дней в удовольствиях менее деликатных. Затем, опустошив свой кошелек и ухудшив здоровье, я возвратился в Гатчину, дабы с болью вверить себя вновь строгости дисциплины и ежедневной скуке парадов.

Каждое утро одерживалась новая победа, когда парад завершался без чьейлибо опалы. Чаще они причиняли несчастье целой семье. Молодые люди знатного происхождения отправлялись в Сибирь или в крепость, а старых служаки лишались званий или отправлялись на гауптвахту. Генералы на парадах или утверждали, или теряли свою репутацию. Целые полки попадали в самую опасную

немилость, а орденские ленты и награды раздавались как после победы в блестящем сражении. Хороший парад вносил кротость в работу императора с министром и производил счастливцев, плохой провоцировал его гнев и часто отзывался в делах Европы.

Этот постоянный страх, в котором пребывали все те, кто к нему приближался, это шаткое существование побуждали забыться и искать удовольствия. Что касается меня, то я их находил в особенности в доме некоего господина Бале — одного из камергеров, кого месть Павла пощадила. Его молоденькая и хорошенькая супруга очень хотела разделить мою робкую страсть. Ее милости превзошли все мои ожидания. Как я, так и она в этом деле являлись новичками, любовь была нашим поводырем и направляла нас к счастью, самому совершенному и столь часто повторяющемуся. Таким образом, пролетели три месяца. Ничто не прерывало нашего блаженства — ревность супруга и сложности делали наши свидания более пикантными, как вдруг одна подруга госпожи Бале — госпожа Джулиани — прервала этот очаровательный союз. Я боялся потерять первую, но все же был влюблен в свою новую подругу, которая являлась доверенным лицом нашей связи и только с осторожностью выслушивала признания в моей любви к ней. Ее отъезд в Москву возвратил меня к согласию с госпожой Бале, не отнимая надежду соединиться с госпожой Джулиани по ее возвращению в Петербург.

Император покинул Зимний дворец и отправился со всей императорской семьей в свой новый замок Святого Михаила, сооруженный дорогой ценой и с небывалой быстротой. Там, окруженный рвами и пушками, он чувствовал себя в укрытии от всех событий. Его нрав от этого стал еще более свирепым. Он сверх меры увлекся женщинами, но продолжал, однако, свои романтические ухаживания за княжной Лопухиной, которую рыцарское благородство императора заставило выйти замуж за князя Гагарина, давнего претендента на ее руку и любимого княжною. Суровость Павла увеличивалась день ото дня; вся Россия дрожала и стонала от его государства принуждения и порабощения. Петербург походил на какой-то изнуренный самыми жестокими бедствиями город; люди едва осмеливались показываться на улицах. Это насильственное положение не могло продолжаться и, наконец, вспыхнул тот заговор, который нас избавил от Павла и дал нам Александра: и от террора мы перешли к счастью, свобода наследовала террору, удовольствие печалям. Началась новая жизнь, все поздравляли друг друга на улицах, вся Россия приветствовала своего нового императора со всей радостью и любовью, которую он вызывал.

Вечером после столь радостной перемены я находился у графини Ливен в Зимнем дворце, куда вся императорская семья вновь вернулась занимать свои апартаменты. Меня тронула глубокая скорбь маленькой великой княжны Анны, столь сильно контрастировавшая с общей радостью. Она вошла, рыдая, к графине Ливен и подведя ее к окну смотреть иллюминацию, сказала ей: «Смотрите, Мадам, как все довольны смертью моего отца».

Гвардейские полки, кроме нескольких офицеров, никоим образом не были вовлечены в этот заговор, столь же счастливый в последствиях, сколь позорный в своем исполнении. Солдаты, которых под покровом ночи вели к дворцу Святого Михаила, были введены в заблуждение. Им сказали, что они идут на помощь императору, не назвав какому, а когда их поздравили с новым государем, коего им только что дал Бог, они спросили о том, что сделали со старым. Притащили Александра всего в слезах для того, чтобы показать его войскам. Было достаточно увидеть его, чтобы заставить крики умолкнуть. Все присутствующие присягнули на верность с приветственными возгласами от самой искренней радости. Сцена внутри дворца в течение этой преступной и патриотичной ночи полностью обнажила характеры: князь Зубов, сопровождаемый своими братьями, желал оттянуть момент своего входа во дворец, но Бенингсен его втащил. Пален, стержень всего заговора, лишь медленно подходил с войсками, которые он вел сообразно успеху для того, чтобы помочь заговорщикам или чтобы спасти Павла.

Великие князья также дрожали от гнева своего отца, как и каждый офицер, а последние дни они даже были под угрозой заключения в крепость. Ночью князь Зубов разбудил великого князя Константина, сказав ему следовать за ним к императору, не сообщив ему о том, что только что произошло: Великий князь второпях оделся и был поражен, почувствовав, как его преданный камердинер положил ему в один карман пистолет, а в другой — пачку денег; он последовал за князем в самой большой тишине, но когда последний направился путем, ведущим в покои нового императора, великий князь спросил его, куда все-таки он его ведет. «Вы найдете там императора», — ответил ему князь.

Он вошел в кабинет брата, которого нашел плачущим и обхватившим руками голову. Беннигсен, Пален, Уваров и другие находились вокруг него. Пораженный всем тем, что он увидел, и не понимая ничего, великий князь был выведен из страшных сомнений, в коих он находился, словами Бенингсена: «Приветствуйте вашего императора». Оба брата, глубоко огорченные потерей отца, обнялись в порыве; затем император, обращаясь к лицам, неотвязно напоминавшим о его боли и желавшим оказать на него некое влияние, спросил: «Кто я? Какого императора вы намереваетесь сделать из меня?». Уваров воскликнул: «Абсолютного императора!». Офицеры, стоящие в дверях и в передней, единодушно повторили эти слова, а руководители заговора, которые, свергнув Павла, хотели ослабить деспотизм, вынуждены были отказаться от своих планов и последовать общему импульсу.

Среди лиц, несших службу подле тела Павла, находились также же двое флигель-адъютантов. Вечером, когда все удалились, в присутствии только одного адъютанта, поправили туалет покойного и привели в порядок его лицо для того, чтобы спрятать синяки. Я оставался долго один его созерцать. Тысячи философских, религиозных и упаднических мыслей сменялись в моей голове. Только что приукрасили этот лоб, который несколькими днями прежде, едва лишь нахмурившись, заставлял дрожать самых смелых. Эта вулканическая голова, рождавшая

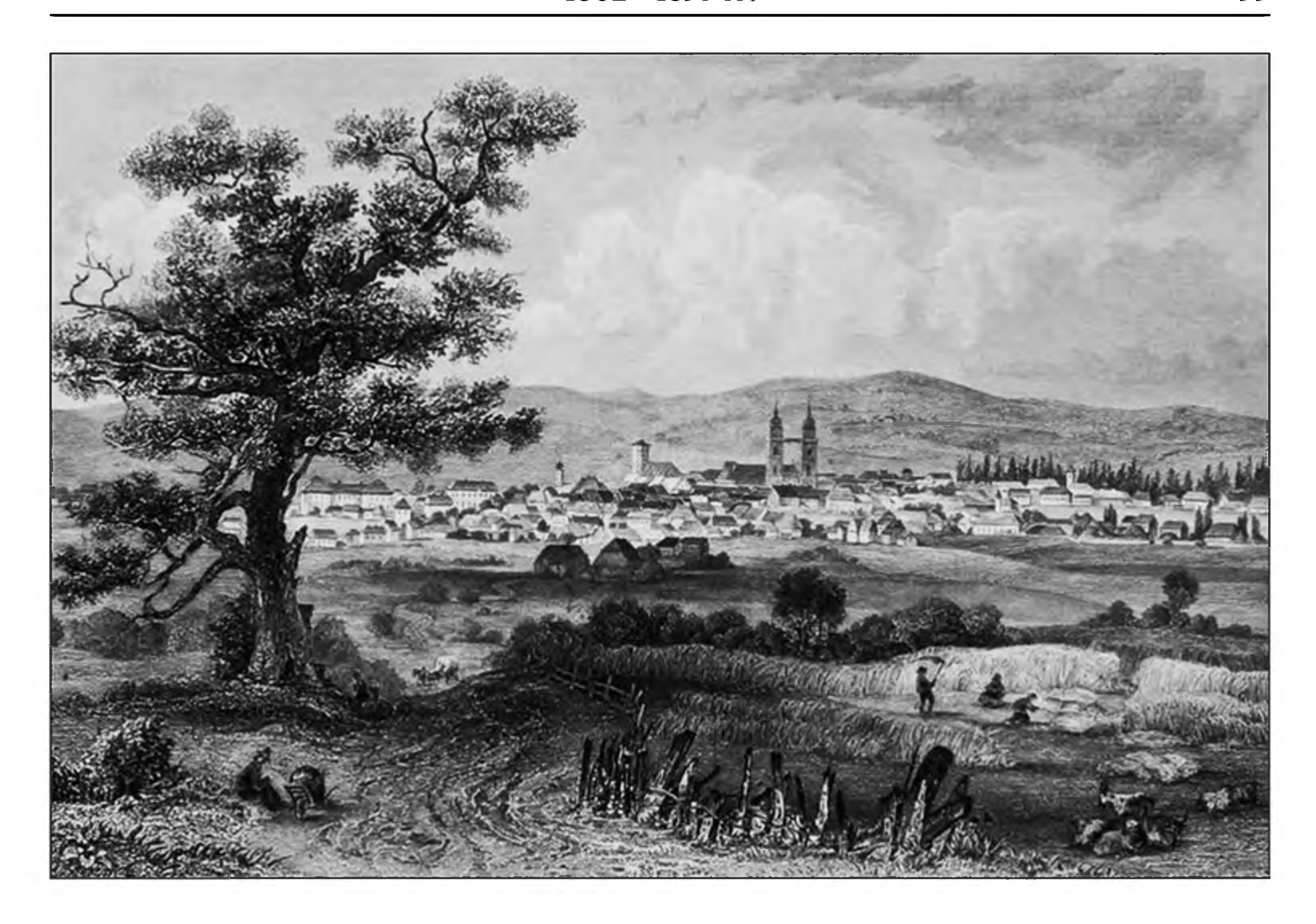
столько гигантских проектов, правившая железным скипетром столь огромной частью земного шара, которая заставляла дрожать Европу и Азию, эта голова не вызывала ничего, кроме жалости.

Зрелище похоронного обряда притянуло невероятное количество людей, но только одна императорская семья сохраняла ту грусть и то достоинство, которое должно сопровождать эту величавую церемонию, весь остаток кортежа и зрители забыли то, чем они были обязаны величию трона и искренней заботе своих правителей.

Петербург тотчас наполнился всеми теми несчастными, кои вновь обрели свободу, толпой светских людей, приехавших, чтобы приветствовать нового императора, и любопытными иностранцами. Это первое лето было сплошной чередой удовольствий и увеселений, коим молодые и старые предались с неумеренностью, порожденной 4 годами принуждения и несчастий.

Госпожа Джулиани вернулась, и немного погодя я стал ее любовником. Записочка, которую я должен был ей передать вечером у ее подруги, попала в руки последней, и наша связь, открывшаяся в результате этого случая, лишила меня безвозвратно прекрасных милостей госпожи Бале. Меня это очень огорчило, и я постарался утешить печаль, вызванную этой потерей, удвоив чувство к моей новой любовнице.

Это первое лето нового царствования объединило все удовольствия; торговля вновь активизировалась, двор потерял почти все свое принуждение, армия, скинув свой прусский костюм, притянула вновь лучшую молодежь империи, а мир в Европе казался способным обеспечить годы счастья. Но двор не был спокойным. Эта революция, недавно распорядившаяся троном, оставила глубокие следы брожения в молодых головах, которые послужили ей орудиями. Амбиция и интрига завладели руководителями заговорщиков. Граф Панин подал первый проект этого заговора; граф Пален взял на себя его исполнение; этот дерзкий человек, который под маской искренности прятал самую искусную интригу, привел все в движение. Одна французская актриса, мадам Шевалье, любовница графа Кутайсова, который из турецкого пленника, являясь 20 лет камердинером Павла, был возведен в течение его царствования в ранг обер-шталмейстера и награжден орденской лентой Святого Андрея, эта актриса была использована для того, чтобы получить согласие Зубовых, один из которых являлся фаворитом Екатерины Великой и вскоре после ее смерти был отослан. Эта семья недовольных была необходима, и общие интересы ее связывали с Паленом; но, совершив переворот, эти две партии разделились, и ободренные своими многочисленными сторонниками или, скорее, своими подлыми креатурами, стремилась каждая к неограниченному расположению юного государя, которым надеялись легко руководить. Пален и Зубов с высокомерием дерзости изображали из себя всесильных министров. Тот и другой обнадеживали и переманивали к себе сторонников; тот и другой смущали молодого Императора; тот и другой должны были быть ненавидимы императрицей-матерью, которая видела в них только убийц своего мужа. Тот

Вид Байрейта. Конец XVIII века

и другой привлекали внимание всей публики и поддерживали свое неопределенное положение похвалами подлых куртизанов.

Пален побудил молодых людей, преданных императору и вооруженных для его защиты, объединиться втайне против мнимого заговора; питая их достаточно усилившимися ложными конфиденциальными сведениями и тревожными слухами, хотя целиком неопределенными, он взялся за выполнение своего замысла в день, когда император уехал в Петергоф инспектировать свой флот в Кронштадте. Был дан сигнал тревоги; говорили, что злоумышленники хотели бы воспользоваться отсутствием императора, и что переворот должен произойти даже этой ночью. Напуганные новостями, кои к нам прибывали со всех сторон, мы решились (не очень хорошо понимая, какое основание они могут иметь) послать молодого графа Тизенгаузена предупредить императора об опасности, грозящей ему, и заверить его в нашей преданности и верности. Этот молодой человек нашел его уже на шлюпке, возвращающейся в Петербург. Пален сопровождал императора. Император выслушал эту новость со спокойствием невинности и расспросил Палена, который был еще градоначальником; последний позволил упасть подозрению на князя Зубова и его братьев; шлюпка причалила в 11 часов вечера к набережной около Зимнего дворца; ожидая адъютантов, гвардейские полки прибыли искать свои знамена, войска собрались, напуганный народ прибежал на

Дворцовую площадь, набережная была полна, и никто еще не знал причины этого беспорядочного собрания.

Император пересек улицу и, входя во дворец, спокойно приказал адъютантам удалиться, а войскам разойтись; напротив, Пален зачинщик этой сцены, указал на Зубовых как на предводителей заговорщиков против императора, а час полночи как сигнал этой новой революции. Он надеялся, что молодежь, обожающая государя, бросится с яростью на Зубовых и преподнесет этих жертв его честолюбию; Бог знает, куда его завело бы это честолюбие, и какие надежды он возлагал на этот порыв, однажды приведший к убийству. Спокойствие императора разрушило все его планы; сборище было рассеяно, Зубовы вызваны в кабинет императора, и все снова вошло в порядок, изумленное тем, что нарушило его ради призраков, которых сами себе вообразили.

Пален, однако, снискал доверие военных и становился день ото дня все предприимчивее. Возвратясь быстро с задания, которое ему дали, может быть, для того, чтобы его удалить, он позволил себе забыться, когда сказал своему повелителю, что тому следует решить, кто должен покинуть двор, он, Пален, или императрица-мать. Эта дерзость дала императору возможность почувствовать свою власть; он приказал этому наглому министру в 2 часа покинуть Петербург[4]; падение этого начальника возвратило спокойствие в беспокойные головы, укрепило силу государя, вызвало замешательство у толпы куртизанов, у честолюбивого, но пугливого Зубова, и низвергнуло в небытие всех тех, кто способствовал смерти Павла.

Эта туча не прервала удовольствий; им предавались с неистовством; что касается меня, то я их находил в доме госпожи Нарышкиной, который привлекал многих молодых людей своей веселостью, своим великолепием и особенно приветливостью ее дочери, недавно вышедшей замуж за молодого Суворова. Это общество было тем более приятным, что оно было почти всегда одинаковым, и несмотря на существовавшее между нами соперничества в отношении княгини Суворовой, мы все были связаны дружбой. Это были дни, наполненные новостями, танцами, фейерверками, наконец, это лето может быть названо сумасшедшим летом; любовь и совершенная свобода окупили все издержки.

Петербург покинули, чтобы бежать в Москву за новыми удовольствиями: вся Россия собиралась там для того, чтобы присутствовать на коронации императора. Я собрался в путешествие с моим товарищем Кретовым, таким же флигель-адъютантом, как и я; для смеха в дорогу мы взяли с собой французского актера по имени Фроже, а в нескольких станциях от Петербурга наше общество пополнилось молодым графом Паленом[5], с тех пор ставшим министром в Бразилии и в Мюнхене, и князем Трубецким. Тот и другой, как и мы, искали только развлечения: это желание нам удалось так совершенно, что мы провели нарочно 2 недели в дороге и были почти раздосадованы тем, что очутились в конечном пункте нашего путешествия. Весь Петербург направился в Москву, и на каждой станции мы встречали знакомых или добрых людей, чтобы их мистифицировать.

Император, согласно старому обычаю, остановился в Петровском дворце в 2-х верстах от городской заставы. Огромное количество народа покрывало равнину и все дороги; он уклонился от этого беспорядочного въезда, прибыв по другой дороге, и в одном из экипажей своей свиты. Но едва стало известно о его прибытии во дворец, как тысячи голосов потребовали его видеть; вынудили его прекрасную скромность показаться; он появился на балконе с императрицей Елизаветой; пугающая тишина свидетельствовала о почтении народа, но как только император поклонился, крики «ура» взорвались как гром; это выражение народной радости пронзило нас всех испугом и почтением.

Спустя несколько дней император появился в этой старой и великолепной столице империи, в этом городе, который своим положением представлялся границей Европы и Азии; в этом городе, украшенном тысячью четыреста храмами и бесчисленным множеством дворцов, которые свидетельствовали о ее богатстве и превосходстве над такой большой частью земного шара.

Вся Россия, казалось, находилась на пути следования государя, жаждавшая и счастливая его приветствовать, звон колоколов, военная музыка, крики «ура» сопровождали его в Кремль. Здесь, сойдя с лошади, этот могущественный монарх благоговейно склонился перед образами, кои держал архиепископ Платон, окруженный всей пышностью церкви и ожидавший его при входе в храм, где покоятся мощи святых, где находятся могилы былых государей России и где коронуются императоры. Тысячи голосов откликнулись на обеты, которые этот почтенный епископ произнес во славу этого царствования, и тот же самый энтузиазм провожал императора до его дворца в Немецкой слободе.

Я проживал у дяди — брата отца; моя тетушка — превосходная женщина — взяла всю заботу обо мне лично на себя. Ее горничные, все до одной хорошенькие, питали слабость одна за другой к племяннику дома и бесконечно способствовали тому, чтобы мое пребывание в Москве было приятным. Одна толстая княгиня — подруга моей тетушки — также приехала из глубины провинции, чтобы принять участие в празднованиях в Москве; ее разместили прямо в стороне от моих комнат. Вскоре мы нашли общий язык; а ночью по моему возвращению с балов, она не пропустила случай зайти пожелать мне спокойной ночи, но ее прелести, хотя очень обширные, не очень привлекали, тем более, что на самом деле я был влюблен в молодую княгиню Суворову, которая в Москве, как и в Петербурге, продолжала собирать в доме своего отца толпу обожателей. Это было наше общее свидание, все дни мы вновь там встречались, а утонченное кокетство этой женщины, действительно соблазнительной, знало, как заставить всех надеяться и довольствоваться одним только наслаждением от знаков внимания. Все дни мы были на балу, чаще на двух, но покидали их и обычно заканчивали вечер у госпожи Нарышкиной, чей дом стал собранием самых прекрасных светских особ.

Коронация прошла со всей пышностью и принятыми обычаями; в течение этих дней император жил в Кремле. Затем он вернулся в свой дворец в Немецкой слободе; праздники следовали один за другим с истинно азиатской роскошью

вплоть до его отъезда. Тот, что дал граф Шереметев в своем поместье вблизи города, был особенно замечателен богатством, которое в нем проявилось. Император, утомленный всей этой шумихой, возвратился в Петербург, куда также вернулись полки гвардии: я так много развлекался и, как флигель-адъютант, не имея почти никакой работы, получил позволение продлить свое пребывание в Москве, где я сделал несколько знакомств и где в особенности нашел женщин, очень хорошо расположенных к молодым придворным офицерам.

Но, наконец, было нужно возвращаться к своим обязанностям. Я нашел Петербург грустным или, скорее, я сам сюда привез усталость от удовольствий. Я снова возобновил связь с госпожой Джулиани, но мне не хватало чего-то. Я начал стыдиться своей столь ничтожной жизни; желание выделиться из толпы молодежи поколебало мои удовольствия, но придало мне мужества, чтобы их оставить. Генерал Спренгпортен, возвратившийся из Парижа после выполнения миссии, порученной ему императором Павлом, представил план поездки по России и попросил двух офицеров для сопровождения. Император одобрил его проект, а я с готовностью ухватился за эту отличную оказию с тем, чтобы освободиться от своего бездействия. Я представился, и генерал Спренгпортен попросил за меня у императора, который имел милость позволить мне быть в этой поездке. Вторым офицером стал майор артиллерии Ставицкий. К нам присоединился рисовальщик, господин Корнеев, и мы начали готовиться.

1802

К концу февраля мы покинули Петербург; желание сбежать заставило меня забыть интрижки, любовь, и я уехал в очень хорошем настроении, несмотря на погоду и отвратительные дороги. Я присоединился в Шлиссельбурге к генералу Спренгпортену, и на следующий день мы продолжили нашу дорогу, двигаясь вдоль Ладожского канала до одноименного города. Этот канал, приносящий в Петербург дань со всей России, снабжающий эту столицу и перевозящий в Кронштадтский порт экспортируемые товары из наших самых удаленных провинций, этот канал, который Волгой, Тверцой, Мстой и Волховом соединяет Каспийское море с Балтийским, является детищем основателя Петербурга, того великого человека, чьи колоссальные проекты и неутомимое усердие, создавшие процветание и славу России, узнают на каждом шагу.

Какая великая идея не обязана его гению созидателя? Этот великолепный порт Кронштадт, этот флот, который помогли построить его собственные руки, его войска — гроза Азии и гарант равновесия в Европе, организованные его стараниями и приученные к победе его неукротимым характером, этот город, воздвигнутый на болоте, ныне ставший образцом красоты и великолепия, местопребыванием наук и искусств, эти загородные дворцы по всем сторонам Петербурга, для

Аллегория на восшествие на престол Александра I. 1801

коих Петр умел выбирать место и распланировать парки, и, наконец, эта коммуникация, которую он сумел осуществить, и которая доставляет к Дворцовой набережной товары со всего пространства обширного владения России.

Затем мы остановились в Тихвине, маленьком городке, очень богатом, очень оборотистом и особенно известном как место паломничества к иконе Пресвятой Девы, составляющей богатство монастыря, который ее обладает. Наши самые хорошенькие женщины Петербурга едут сюда искать отпущения грехов за свои любовные заблуждения, оплакивать потерю своих любовников, скрываться здесь с ними от назойливости супругов и света. Здесь священная завеса этого святого места скрывает в тени благочестия ребенка, которого не осмелились бы родить в столице, и, таким образом, оно действительно часто служит для того, чтобы освободиться от тяжкого бремени. Икона Пресвятой Девы покрыта драгоценными камнями, а церковь, так же, как и монастырь, образуют великолепное сооружение.

Мы проехали через Устюжну, весьма старый город, Мологу и Рыбинск, где Шексна, впадая в Волгу, обеспечивает этому городу активную торговлю. В Ярославле мы провели несколько дней; этот настолько же древний город, сколь летописи Руси, находится на правом берегу Волги, в месте сильно возвышенном, и выглядит как большой центр. Он украшен множеством прекрасных церквей, монастырей и большим количеством каменных домов. Этот город обязан своим

богатством в особенности фабрикам по производству скатертей и полотен, которые здесь расположены с давних пор и снабжают своей продукцией значительную часть России. Великое множество дворян, имеющих собственность в этой богатой и многолюдной провинции, собираются в Ярославле, который является главным губернским городом, чтобы предаться очень приятному времяпрепровождению. В 70 верстах от этого города расположена Кострома, также столица одноименной провинции, расположенная на левом берегу Волги. На следующий день после нашего прибытия была годовщина восшествия на трон, и после богослужения в соборе, мы присутствовали на званом ужине у губернатора[6]. В конце ужина я почувствовал себя так плохо, что был вынужден встать из-за стола. Едва я вышел в переднюю, как меня остановило сильное кровохарканье: кровь выходила из меня со всех отверстий в таком изобилии, что меня перенесли на канапе, где доктор мне сделал кровопускание, пока я был без сознания. Очнувшись, я увидел себя почти раздетым, закутанным в смешной домашний халат губернатора и окруженного полудюжиной дам, одна из которых, госпожа Крамина, была совсем недурна. Они так сетовали, что моя грудная болезнь показалась мне весьма кстати. Генерал Спренгпортен, желавший уехать на следующий день, был вынужден задержать свой отъезд, а ледоход, начавшийся спустя некоторое время, нас оставил почти на 6 недель в Костроме.

Госпожа Крамина приходила следить за моим выздоровлением, но так как это было двусмысленно приходить одной устраиваться в стороне у постели молодого офицера, то она приводила свою сестру.

Эта сестра пришлась весьма по вкусу старому генералу Спренгпортену: последняя, девица около 30 лет, нашла генерала весьма хорошей партией и отныне наша компания удвоилась и стала удивительно приятной. Наш влюбленный начальник не торопил свой отъезд, приводя в порядок одну красивую и большую лодку таким образом, чтобы нас в ней разместить и спуститься по Волге: когда все было закончено, состоялась помолвка, что до меня, то я получил от моей красавицы рекомендательное письмо для одной из ее подруг в Нижнем Новгороде, мы поднялись на судно, и после очень нежных прощаний доверились течению прекрасной Волги.

Это было в тот момент, когда эта река, расширившаяся за счет таяния снегов, заливает край более чем на 40—50 верст, в местах, где берега менее высоки, они не противостоят паводку: течение становится более быстрым, города и деревни окружены водой и кажутся островами среди безграничных озер. Огромное множество лодок, использующих тот момент, чтобы спуститься по реке, баркасов всех размеров покрывает Волгу и делает это зрелище вправду восхитительным.

Мы переживали дивное время, а изменяющиеся без конца предметы, дарящие взору новый вид с каждым движением нашей лодки, заставляли нас желать замедлить наш ход; мы бросили якорь у причала Нижнего Новгорода, который сооружен на высоком берегу при слиянии Оки и Волги и высится величественно над безграничным зеркалом воды и большим пространством края. Расположение

этого города таково, что он находится в центре прекрасных провинций подлинной России, и так выгодно для торговых сообщений, что он представляется местопребыванием государя. Достаточно естественным представляется, чтобы двор удалился сюда из беспорядочной Москвы, печально известной своими бунтами и бывшей театром стольких жестокостей, осуществленных прежними владыками, но очень сомнительно, чтобы так когда-либо сделал Петр I, имевший план устроить центр своей империи в Петербурге, в самом удаленном уголке России, наименее здоровом и наименее населенном, куда все предметы первой необходимости должны пребывать с большими издержками из глубины страны, где всякий русский оказывается чужаком и где всякий собственник находится, по меньшей мере, в 300 верстах от своих владений. Петр I переместился в Петербург, потому что это было душой всего, что он создавал, этот новый город, предоставивший ему возможность устроиться на Балтике и средства здесь создать военный флот, поглотил все его внимание; он заставил сюда приехать часть Сената и своих министров, потому как сам заседал в Сенате, но когда было нужно показать плоды своих побед, именно Москве он отдавал дань почтения; возможно, если бы Рига и Ревель принадлежали ему до образования Петербурга, то он создал бы свой флот в Ревеле, а торговлю в Риге, довольствуясь тем, что установил форт в устье Невы для защиты границ, тем самым покровительствуя торговле. Петербург не существовал бы или был бы небольшим провинциальным городом. Первые преемники Петра, осмеливаясь быть только лишь жалкими его подражателями, и опасаясь, быть может, еще и недовольства Москвы, не покидали Петербург. Теперь эта резиденция освящена кротким правлением Елизаветы, блеском и великолепием Екатерины и, наконец, замечательными благоустройствами, кои привнес сюда император Александр: трудно покинуть Петербург, который поглотил столько миллионов, где появились на свет все наши принцы, где имеют силу деньги, где достигли покорения природы; но если посчитать то, чего лишает эта резиденция тружеников в провинциях, насколько она их превосходит всеми товарами, отдаляя этим цивилизацию, то можно было бы ужаснуться от этой картины и увидеть, что Петербург есть истинная язва, разъедающая Россию.

Нижний Новгород, наоборот; сближая дворян с их поместьями, был бы центром культуры, чьи лучи проникали бы в самые дальние уголки глубинки. Государево око, самый активный интерес собственников устранили бы притеснения, тяготящие народ, а коммерция легко вернулась бы в руки русских купцов — теперь чужеземцев в Петербурге, которых вытеснили иностранные торговцы в России.

Мы высадились в Нижнем Новгороде в день Пасхи; я направился вручить мое письмо от госпожи Краминой к ее подруге, госпоже Родионовой, и был пленен, найдя в ней очень хорошенькую женщину, пухленькую и очень доступную. Ее сестра, как и она, разлученная со своим мужем, была также очень приятной. Та и другая жили у отца. Вскоре знакомство состоялось, но чтобы видеться ночами, нужно было подняться на балюстраду, пересечь сад и подняться через окно, которое вело в спальню, где обе сестры почивали вместе. Моя застенчивость

была немного озадачена тем, что я обнаружил там обеих вместо одной; но, наконец, я принял решение и, направляясь всерьез только к той даме, которой я был рекомендован, улегся между двух сестер; это был третий день нашего пребывания в Нижнем Новгороде, но, к несчастью, также последний. Необходимо было очутиться точно в назначенный час на нашем судне, которое на восходе солнца подняло якорь и продолжило спускаться по Волге без оглядки на мою новую любовную страсть.

Мы остановились в 70 верстах вниз по течению от Нижнего Новгорода в Макарьевском монастыре, расположенном на левом берегу Волги и ставшим богатым и знаменитым благодаря ярмарке, которая здесь проходит каждое лето; огромная толпа торговцев приезжает сюда со всех уголков империи, больше всего здесь можно купить товаров, прибывших из Китая через Сибирь и из Персии через Астрахань, поднимаясь по течению Волги. Сюда привозят также большое количество железа, тысячи лошадей и все товары, какие требует товарообмен с Китаем и Персией; меха, поступающие отсюда в Европу и предметы роскоши, которые приезжают сюда искать дворяне из соседних губерний. Эта ярмарка, где можно также сказать встречается Европа и Азия, является одной из самых богатых из известных ярмарок, оборот, происходящий здесь, не поддается счету. Вся ширина Волги между Макарьевым и Лысковом, а также в нескольких верстах вверх и вниз по течению реки, покрыто лодками. Лагеря и барачные постройки покрывают всю Макарьевскую равнину; здесь можно увидеть татар, калмыков, персов, индийцев, смешавшихся с купцами из Москвы и Петербурга, а также кочевые юрты, установленные в стороне от рестораторов и театров.

Все селения этих областей являются значительными и богатыми, их обитатели очень красивы и очень искусны. Мы продолжили любоваться этой благодетельной рекой, проплывая мимо очаровательных мест, городов, где всюду видели торговую деятельность. Свияжск — маленький городок при слиянии рек Свияги и Волги, находится в течение паводка полностью окруженным водой, сюда можно доехать только на баркасе. Наконец мы прибыли в конечный пункт нашего плавания — в Казань, в эту древнюю столицу одной из колоссальных татарских орд, называвшейся Золотой Ордой.

Этот город очень важен; довольно обширная часть в нем еще населена потомками этих татар — некогда грозы мира и поработителей Руси. Теперь этот народ подает пример покорности и спокойствия. Татары очень хорошие и полезные граждане, очень преданные и храбрые солдаты.

Над городом высится Кремль; эта была древняя крепость, покорившаяся усилиям царя Ивана Васильевича, который пожелал построить на ее месте собор. Другие церкви города весьма красивы, а дворяне и русские купцы построили здесь очень красивые каменные дома; но Казань имеет несчастье быть опустошенной частыми и такими значительными пожарами, что только с трудом она возрождается вновь из пепла.

Это, однако, не мешает тому, что Казань остается одним из самых важных городов империи благодаря своему богатству, народу и безграничным ресурсам, кои она предоставляет для внутренней торговли.

Здешний климат уж очень приятный и способствует обустройству здесь многих семей; здешнее общество постоянно выигрывает: хороший рынок, находящийся здесь, предоставляет возможность жить в достатке и экономии.

Мы провели очень приятно несколько дней в Казани, много передвигаясь по городу и его окрестностям; я имел то преимущество, что здесь познакомился, не оставаясь в накладе, с одной славной женщиной, которая мне предоставила татарских девушек, чьи только имена и национальные костюмы возбудили мое любопытство и пришлись мне так по вкусу новизной, что я нисколько не сожалел о моих интрижках в Костроме и Нижнем Новгороде.

Мы присутствовали на татарских праздниках за городом, где раздавали призы за лошадиные скачки и наиболее удачливым борцам: последние мне так понравились, что я заставил прийти назавтра одного из них к себе, опрокинув его на землю. Он отомстил за себя, ударив меня так жестоко, что я оставался почти без сознания. Это падение вновь возобновило мою грудную болезнь, только что меня покинувшую, и исцелило меня немного от увлечения борьбой и от всех буйных занятий.

Из Казани мы вновь набрали ту же команду, которая была на нашем судне, и направились к реке Каме, которая в 75 верстах вниз по течению от Казани наполнила протоки Волги. Кама еще не вошла в свое русло, и мы пересекли ее на большом пароме; ее разлив простирается вдаль, и мы насладились новым зрелищем, проплывая по воде посередине великолепного леса. Примерно в 30 верстах от маленького городка Тетюши и почти в 140 верстах вниз по течению от Казани на берегу Волги мы посетили развалины древнего болгарского города[7]; там прекрасно можно различить замок, образующий городскую крепость, очень высокую башню, еще довольно хорошо сохранившуюся, можно найти остатки храма и то, что указывает более на азиатскую архитектуру, одно большое строение, в котором легко узнавались общественные бани: все эти руины, чья величина указывают на то, что они являются частями одного большого города, сделаны из очень тщательно скрепленных камней, а некоторые смешаны с кирпичами на манер древнеримских.

После того, как мы заставили работать свое воображение, исходя эти руины, и обнаружили наше невежество, которое скрывала от нас история, мы отправились в дальний путь в Оренбург. Я вел дневник своего путешествия, обладавший, по меньшей мере, достоинством безукоризненной точности; он был выброшен в огонь в результате нелепого гнева одной дамы, которая, прочитав его без моего ведома и обнаружив там историю моих любовных похождений, имела глупость его сжечь. Я тем более сожалею об этом из-за того, что, описывая события спустя 12 лет, вижу, что мои воспоминания ускользают от меня, и, рассказывая о прошлом, я это могу делать лишь весьма несовершенно.

Оренбург расположен на реке Урал, которая, начиная с Верхнеуральска, маленького укрепления почти в 700 верстах по течению от этого города, образует нашу границу вплоть до своего впадения в Каспийское море, около города, именуемого Гурьев в более чем 800 верстах от Оренбурга; таким образом, она тянется на расстояние более 1500 верст.

Оренбург — это крепость или скорее нищий городок, окруженный ничтожными крепостными стенами, которых более чем достаточно, чтобы внушать уважение киргизам, против которых он и был построен. Но этот городок очень важен своим расположением, облегчающим нашу торговлю с этой многолюдной ордой и который является пунктом, куда пребывают караваны из Бухары и Хивы. Вне всяких сомнений, что, если провидение пошлет однажды в Оренбург губернатора, руководствующегося в своих действиях разумными взглядами, коммерческими и деятельными, то он сможет извлечь из этого товарообмена огромное богатство для империи, а в киргизах — весьма большую тягу к тому, чтобы прийти сюда заселять пустынные края. Но до настоящего времени наши губернаторы были людьми, не признающими элементарных знаний, необходимых для достижения этой цели или, скорее, они являлись притесняющими полицейскими надзирателями для торговцев, и щепетильными, ограниченными и алчными начальниками для киргизов, которые подпали под их власть.

Это племя разделяется на 3 части, которые мы обозначили как большую орду, среднюю орду и малую орду. Они занимают безграничную пустыню, которая начиная с Каспийского моря, простирается до границ с Китаем и образует нечто вроде зоны, отделяющей Сибирь от остальной части Азии. Против Оренбурга находится малая орда; все эти орды представляют собой бедных и промышляющих грабежом кочевников. Летом они приближаются к нашим границам, чтобы здесь искать корм для их многочисленного скота, который составляет все их богатство, а зимой орды уходят отсюда для того, чтобы найти для скота более теплый климат. Киргизы имеют своих вождей, коих они зовут султанами, но которые не могут обладать какой-либо властью над народом, не имеющим определенного местожительства и кочующим по столь обширным равнинам, почти безводным, лишенным растительности, в которых главными отличительными признаками являются лишь несколько маленьких холмиков. Эти народы, не имеющие никакой организации, ничуть не опасны, несмотря на их численность; несколько киргизов пробуют порой увести скот из приграничных районов или у беззащитных людей, а наказывают их, довольствуясь тем, что посылают также несколько казаков воровать у них скот и лошадей. Таким образом, мы им не даем никакого примера, который смог бы им передать уважение к нашим законом. Наоборот, киргизы видят в нас только разбойников, чуть более сильных, чем они, и которые чаще провоцируют их к нападениям для того, чтобы иметь повод больше их ограбить.

На некотором расстоянии от Оренбурга находится соляной карьер, очень богатый, где разместилась пехотная рота для того, чтобы обезопасить карьер от киргизов и защитить рабочих. Я оправился в совершенстве от грудной болезни,

Е.М. Спренгпортен

употребляя все время довольно большое количество кумыса или кобыльего молока, которое киргизы заставляют киснуть и которое им служит напитком; оно очень питательно, но требует серьезной закалки, являясь очень трудным для переваривания. Упражнения мне было не занимать: генерал Бахметев — в то время командующий войсками всего этого участка нашей границы, давал мне превосходных местных рысаков, и мы каждое утро вместе пробегали верхом по 30 или 40 верст.

Покидая Оренбург, мы вновь поднялись по реке Урал до Верхнеуральска и оттуда продолжили идти вдоль линии границы до крепости Троицкой, меняя постоянно лошадей и конвой в маленьких фортах или городках, окруженных маленьким рвом, защищающими нашу границу и являющимися в то же время единственными населенными пунктами на этой дороге. Они были образованы казаками, которые здесь понемногу освоились, и отставными солдатами, а их гарнизоны составляли немногочисленные регулярные войска, распределенные между ними по-ротно.

Башкиры, народ абсолютно схожий с киргизами, но немного менее дикий, чем их заклятые враги, увеличивают население этой части линии границы и способствуют этим отбыванию воинской повинности. На каждой станции генерала Спренгпортена ожидали верховые казаки и башкиры, которые затем нас сопровождали, забавляя нас своими ловкими трюками. Самым красивым, но самым опасным было, когда один из них водружал на свою пику шапку и несся во весь дух,

преследуемый всей группой, которая старалась сбить эту шапку стрелой и пистолетным выстрелом. Их лошади очень легки и выдерживают скачку и усталость, неведомые европейским лошадям. Мы покинули линию границы в Троицкой для того, чтобы возвратится вглубь края, где мы посетили рудники Барнаула. Одна довольно хорошенькая дама, с которой я познакомился на балу, устроенном в нашу честь в этом городке, меня заняла много больше, чем шахты; зная, что я был всего лишь залетной птицей, она пренебрегла формальностями и нанесла мне визит после бала. Пришлось покинуть ее через день для того, чтобы последовать за генералом в Екатеринбург, административный центр окрестных рудников.

Этот край, возможно, один из самых богатых на земле рудами всех пород. Здесь можно найти золото, серебро, медь и железо в изобилии; не хватает рабочих для того, чтобы добывать все эти богатства. Только в нескольких из этих месторождений можно найти яшму, мрамор всех видов и тот малахит, о коем не ведают ни в каком другом месте; можно обнаружить великое разнообразие драгоценного камня и особенно аметистов и аквамаринов, очень большой красоты. В Екатеринбурге добывают яшму и мрамор и выполняют из них с большим мастерством орнаменты на вазах и различные украшения, которые отправляют в Петербург; там чеканят также медные монеты. Этот город полон рабочих, располагает также несколькими очень богатыми купцами, а служащие приисков здесь живут очень приятно.

Мы посетили множество близлежащих рудников и наиболее любопытные предприятия, принадлежащие короне и собственникам таким, как граф Строганов, Демидовы и Турчанинов.

Та, которая, к несчастью, привлекла больше всего мое внимание, была женой генерала Певцова, шефа Екатеринбургского полка. Ее муж являлся к тому же грубым мужланом, тогда как она была мила; я влюбился в нее, тем более, что ее завоевание мне показалось трудным; она ответила на мою страсть только любезным пренебрежением, и мне пришлось покинуть Екатеринбург, не получив ничего, кроме отказов.

Мы прибыли в Тобольскую губернию; когда я пересекал эту границу Сибири, меня охватило нечто вроде страха; я очутился на этой земле, орошенной столькими слезами, местопребывании стольких преступников, но стольких же невинных жертв. На этой земле, которую один казак, столь же удачливый, сколь и смелый, знаменитый Ермак, начал покорять российскому скипетру, вырезая ее мирных жителей, коих железо и преследования уничтожили или загнали в невозделанные и студеные края для того, чтобы освободить место горсточке русских, которые населяют его только затем, чтобы указывать единственную дорогу, по которой из Тобольска ведется торговля с Китаем.

Я жил в этом крае, который щедро одаривает Россию богатствами и который получает взамен от этого только отбросы людей, чьи преступления должны караться смертью, или известных интриганов, сосланных другими интриганами. Мысль жить среди преступников и несчастных ужасна, и можно только

вообразить себе ощущение, которое производит переход этой границы, на которую приучились смотреть как на некую ужасную тюрьму и позорную гробницу.

Тобольск является городом, довольно основательно построенным на реке Иртыше, в месте, где Тобол впадает в Иртыш; этот город разделен на 2 части: верхний и нижний город. Верхний город включает собор, административные здания и нечто вроде форта — все это построено шведскими пленными, коих Петр I направил сюда для использования на этих работах; нижний город самый важный: купцы, рабочие, несколько ссыльных и гарнизон образуют в нем население. Лавки здесь довольно хорошо наполнены, есть ряд церквей, несколько красивых каменных домов и театр. Тобольск сильно снижает грустное и тяжкое впечатление, которое вызывает Сибирь, предлагая зрелище города зажиточного и оборотистого, но не нужно вдаваться в подробности. В этом городе можно найти несчастных, которые своим примерным поведением получили свободу зарабатывать себе на жизнь собственным трудом и ловкостью; губернатор, городничий или исправник произвольно властвуют над этими людьми, приговоренными к моральной смерти. Актерская труппа театра состоит из ссыльных, дирижер оркестра был итальянец, имевший несчастье в порыве ревности убить своего соперника; он носил на носу знак позорного наказания, которое это преступление на него навлекло.

Нас уверяли, что Тобольск теперь очень уныл, но что во времена императора Павла здесь много развлекались; на самом деле правление императора Александра заселит Сибирь только истинными преступниками, в то время, как в предыдущее царствование этот край был наполнен богатыми и видными людьми, которых сюда сослала прихоть, теми, кто не имел причин быть удаленными от света, и теми, кто их жалел и ничуть не осуждал.

Эти многочисленные жертвы Павла были быстро возвращены императором Александром в привычный круг своих семей, в мягкость общества, и оставили Тобольск опустевшим и сожалеющим о времени своего процветания, подобно узникам, которые с трудом видят, как выходят из заточения их товарищи по несчастью, ранее разделявшие их неприятности.

В Тобольске меня захватила фантазия посетить берега Ледовитого моря; очарованный этой идеей, я купил лодку, приказал в ней соорудить палубу, мачту, руль, я наладил паруса, и, проверив мое новое судно на Иртыше, посчитал, сто смогу решиться предпринять это путешествие. Сопровождаемый нашим рисовальщиком Корнеевым, своим слугой и двумя казаками, запасясь провизией, в конце июня мы отплыли.

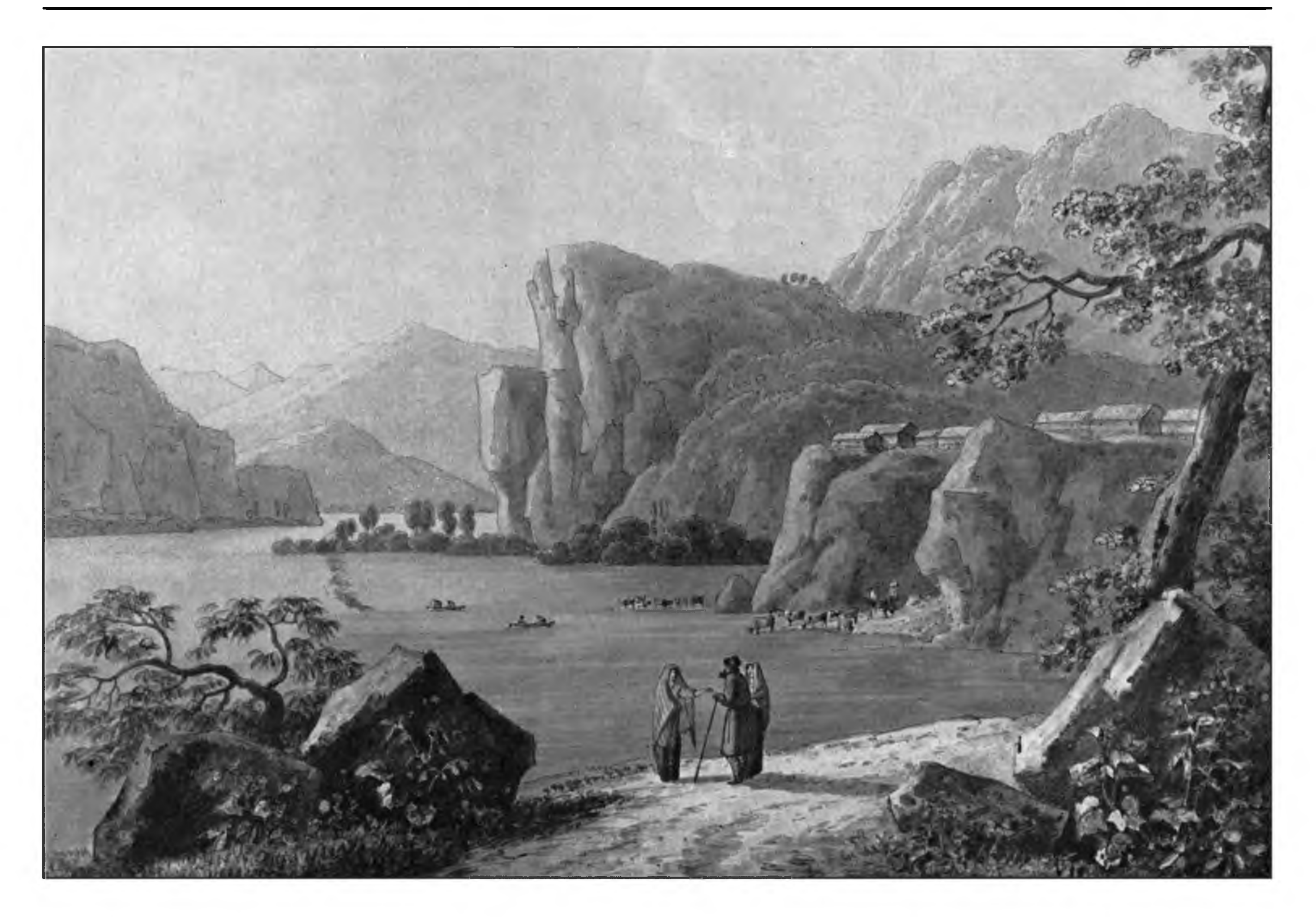
Плывя по течению, мы двигались довольно быстро; местами мы встречали города, довольно хорошо построенные, на правом берегу Иртыша, где мы набрали гребцов и проводников для ночи; но примерно в 450 верстах от Тобольска, в месте, где эта река впадает в Обь, поселения становятся редкими, а навигация более трудной по причине беспорядочных течений, небольшой глубины и каменистого побережья. Обь имеет уже в этом месте очень значительную ширину и образует множество островков. Ее левый берег вообще почти полностью низкий

и удобен для рыбалки; ее правый берег крутой и украшен густым лесом, деревья в котором по мере того, как приближаешься к северу, становятся менее высокими и менее крупными; затем видны только кусты; и наконец, примерно в 300 верстах от места, где Иртыш впадает в Обь, растительность исчезает полностью, и даже земля превращается в мох, который сохраняет под снегом тот же самый желтый цвет, который виден в течение немногих недель, когда земля не покрыта снегом. Почти в этом же месте находится монастырь[8], населенный тремя монахами, очень бедными, у которых мы, будучи слишком удаленными, искали помощи, которую можно встретить в монастырях на краю света. Но мы больше не были на большой земле, несколько бродячих остяков со своими переносными шалашами и собаками, были единственными жителями этого края, который, тем не менее, добавил к титулам императора титул князя Кондинского. Постепенно наша провизия стала заканчиваться, и бедные остяки, коим мы давали табак и водку, сделав для них из этого припасы, могли нам предложить только вяленую рыбу, а иногда даже, за неимением способности нам объяснить, нам отказывали в проводниках: дни были очень теплыми и увеличивались по мере того, как мы продвигались; с трудом солнце покидало горизонт, и утренняя заря приходила прогонять вечерние сумерки. Но при малейшем северном ветре холод становился очень ощутимым, а река столь неспокойной, что нам было трудно найти укрытие для нашего судна, которое могло быть разбито волнами о берега реки, чья слабая постройка и наше малое умение ее управлять, не позволили смочь лавировать. Мы пережидали так себе целый день на маленьком островке, окоченев от холода и ничего не съев, кроме отвратительной вяленой рыбы.

Несколько остяков, загнанных как мы погодой, пришли составить нам компанию. Один из них, говорящий немного по-русски, предоставил нам очень большую возможность, отвечая очень четко на все вопросы, что мы ему задавали относительно того, что касается образа жизни его земляков.

Остяки полностью идолопоклонники и тем более, что некоторые их них были посещены монахами Кондинского монастыря, от которых они получили крещение, не зная, что означала эта церемония и ставя в стороне или под своими божками маленькие иконки или кресты, кои они получили; их идолы представляют собой деревянные фигурки, грубо обработанные; они им приносят в жертву часть добычи и часть улова, и, как правило, какие-то оставшиеся части от него на колу в стороне от их хижин.

Их шалаши состоят из множества кольев, скрепленных концом на земле и соединенных наверху, где они перевязаны и поэтому образуют конус; эти шесты покрыты шкурами оленей таким образом, чтобы на вершине оставалось отверстие, через которое мог бы выходить дым; это жалкое жилище имеет не больше, чем 4 шага в диаметре, и там располагается вся семья со своей провизией, своей утварью и всем тем, чем она обладает. Северные олени, чьи шкуры служат столь полезно строительству этих переносных домов, являются самыми необходимым этому народу животными; они питаются мхом и находят его под снегом;

Вид реки Селенги за Байкалом. 1806

остяки их впрягают в очень легкие и довольно высокие нарты; их шкура, покрытая довольно длинной и густой шерстью, составляет одежду мужчин и женщин; они шьют из нее разновидность рубахи с капюшоном, надевая одну такую рубаху на тело мехом внутрь, а когда холодно, еще одну поверх мехом наружу. Остяки едят также сало оленей, кое они рассматривают как самую изысканную вещь, но кусок которого я так и не смог проглотить.

Остяки любят курить, нюхать и жевать табак. Русские купцы поставляют его остякам и получают взамен шкуры соболей, лисиц, белых волков и медведей, и необыкновенно много выигрывают на этой спекулятивной торговле; они им привозят также водку, небольшие отрезы сукна, которыми женщины обшивают свои одежды, котлы и другую утварь. Но вплоть до настоящего времени цивилизация не сделала никакого развития среди этого народа и едва ли сможет это сделать; почва не может быть здесь обработана, а снега покрывают эту грустную страну в течение 9 месяцев в году; они смогут жить всегда только охотой и рыболовством, а для этого они должны оставаться всегда кочевыми, чтобы в зависимости от времени года передвигаться в места, которые им преподносят эти запасы. Они обладают крайне тихим, покорным нравом и платят с точностью небольшую дань пушниной, которую на них наложили: они называют ее «ясак»; они ее отправляют с нарочными в различные места, кои им укажет губернское начальство, никогда

там не бывая; в остальном они так же свободны, как и до покорения Сибири; их не принуждали к никакой барщине; они не выставляют рекрутов и не видят почти никогда русских, кроме тех, кто приезжает к ним спекулировать.

Но согласно тому, что я смог узнать, их число все же заметно сокращается. Первые покорители их страны, будучи казаками и сборищем авантюристов с дурными наклонностями, конечно, очень мало с ними церемонились, и после истребления остяков в боях и на работах, на которые их из алчности нанимали, они прибрали к рукам все выгоды, предоставляемые природными богатствами, уступив несчастным остаткам древних хозяев этих краев лишь непригодные для жилья условия, чья суровость непременно воздействует на народонаселение.

Одна страшная болезнь пришла еще опустошить остяков — это сифилис, который, вероятно, им был завезен русскими, и чьи симптомы распространились со всей стремительностью, кои холод и отсутствие лекарств должны были к ним добавить. Почти весь этот народ разрушен этой болезнью и носит ее отвратительные отметины: один мужчина 25 лет уже имеет вид облупленного старика; девушка 10 лет выходит замуж и рожает слабых и пораженных гангреной детей; кости время от времени гниют и отделяются от тела, и многие из этих несчастных умирают от разложения.

Более ничто не может, по моему мнению, спасти остяков от этого бедствия, и понемногу имя остяков совершенно исчезнет.

Наконец мы прибыли в Березов, маленькое русское селение на левом берегу Оби в 940 верстах от Тобольска. Меня разместили у одного ссыльного, человека очень благородного, который в молодости был вовлечен в аферу с печатанием фальшивых ассигнаций, он служил в Конной гвардии и вот уже 28 лет расплачивался за свое преступление. Он женился, а своей деятельностью и ловкостью достиг достаточно обеспеченного существования. Впоследствии я имел счастье способствовать его помилованию.

Березов стал известен как место ссылки знаменитого Меншикова; ненависть завистливых куртизанов к его могуществу не смогла найти места более удаленного, более жуткого для того, чтобы заточить сюда объект своих страхов и мести. Меншиков, который управлял Россией, являлся другом Петра Великого, соратником в его свершениях, тем, кого этот могущественный государь награждал за заботу о величии империи и честь военных триумфов, этот человек, сброшенный со ступеней трона, строил сам домишко, которое должно было уберечь его старость и его семью от суровости самого страшного во всей империи климата. Те же руки, что помогали поддерживать императорский скипетр, должны были взяться за топор. Он построил возле своего жилища небольшую часовенку и обозначил самолично место своего погребения. К стыду своих гонителей и неблагодарной родины, Меншиков оказался в беде и нищете еще более великим, коим он не был, стоя во главе армии и на вершине успеха.

Еще видны остатки маленькой часовенки и место, где была его хижина.

После двухдневного отдыха в Березове я продолжил путь, все время спускаясь по Оби, которая уже в нескольких местах становилась столь широкой, что подумалось, что мы в настоящем море: берега очень невысокие, не видно более ни малейшего следа растительности; даже мох становится столь мокрым, что боишься увязнуть, шагая поверх.

Было самое начало июля; временами стояла томительная жара, а мгновение спустя — резкий холод, принесенный северным ветром; почти в 200 верстах от Березова мы нашли несколько льдин, которые эти ветры подняли вверх по течению реки, течение становилось едва ощутимым в некоторых местах, и мы с трудом продвигались только с попутным ветром.

Уральские горы, образующие естественную границу между европейской и азиатской частями России на всем необозримом пространстве империи, начали открываться. Эта цепь, которая теряется только в Северном море и уменьшается в высоту по мере приближения к полюсу, дала приятную передышку нашим глазам, уставшим от однообразности берегов Оби. Мы остановились в одном местечке под названием Обдорск, где можно найти еще следы небольшого форта, построенного здесь первыми отважными покорителями этих краев. Император украшает себя также титулом князя Обдорского. Около этого местечка, расположенного на правом берегу реки, находится самое значительное поселение самоедов, которые сюда привлечены, особенно летом, удобной и обильной рыбной ловлей. Я нанес визит их князю, где я нашел его жену, занятую очисткой рыбы с совсем отвратительными от крови руками. Князь принял меня с удивлением, но выразил мне большое почтение. Я преподнес ему несколько подарков и удалился ночью на корабль.

Этим вечером я насладился неповторимым зрелищем, наблюдая, как солнце опускается за цепь Уральских гор, прячась только наполовину и вновь появляясь с новым сиянием.

На следующий день князь нанес мне ответный визит. Я чуть было не разразился громким смехом, глядя на него: босоногого, без чулок, выряженного в кафтан французского покроя из малинового бархата, обшитый галуном по всем контурам, а в такой же камзол и панталоны, с местной прической. Я не ведал, что двор прислал ему этот костюм, и он посчитал своим долгом нарядиться во все это для того, чтобы прийти меня повидать. Его сопровождала масса самоедов, и прием прошел со всеми формальностями, кои вождь себе представлял. Он мне преподнес 4 соболя, бутылку водки и огромную рыбу. Я ему подарил табак, сукно, женские украшения, и мы расстались добрыми друзьями.

Самоеды, чье имя, неверно истолкованное, как едоки самих себя, заставляет видеть в них людоедов, совсем кротки, как и остяки, и ведут тот же образ жизни; они платят тот же ясак, но только живут еще более бедно. Они обитают по берегам устья реки Обь и по берегам северного моря; трудно постичь, как это племя очень слабой комплекции, маленького роста и худосочное, может существовать в этом студеном климате, без иного крова, кроме убогих шалашей, построенных

как и у остяков, а согреваясь, сжигая жир белого медведя или китов, на которых они охотятся в течение лета с риском для жизни. Сифилис опустошает также этот бедный народ, который, кажется, появляется только для того, чтобы переносить все страдания, кои могут причинять огорчения людям: и все-таки, самоед может жить только в том жутком климате, в котором родился; перевезенный в Петербург, одаренный уходом, живя в изобилии и в хорошем и отапливаемом доме, он тоскует по родине и умирает вскоре от печали, вызванной разлукой.

Кто способен объяснить сердце человека! и диковинную игру, которую проявляет природа, получая удовольствие от беспокойства!

Я захотел продвигаться по суше до Уральских гор, но вождь самоедов показал мне столько непреодолимых трудностей, что я оставил этот план, и вновь направился по Березовской дороге после того, как удалился от нее более, чем на 350 верст; таким образом, я находился почти в 1250 верстах от Тобольска.

Но возвращение было более трудным; нужно было вновь подняться вверх по течению реки; отсутствовала возможность раздобыть хлеб; из всей пищи — вяленая рыба; наша единственная надежда была в северном ветре, который нам так часто досаждал во время путешествия. Мы повредили наше судно, дав ход против движения — то, что заставило его течь так, что мы не осмеливались более отдаляться от берегов, а быть всегда занятыми вычерпыванием воды. Ветер нам поблагоприятствовал, а наша путеводная звезда заставила нас пройти мимо места, где находилась рыболовецкая артель под предводительством одного русского, приехавшего сюда завести в течении всего сезона рыбный промысел; там мы нашли чай, чудесную уху и хлеб; очарованные этой встречей, мы починили наше судно и расстались только к сожалению наших рыбаков.

Мы вновь увидели Березов с удовольствием, которое испытывают, возвращаясь в какой-либо центр, где много проводили времени; все показалось нам великолепным; и мы остались там еще на пару деньков.

Нужно было вновь возвращаться в Тобольск, поднимаясь снова очень медленно и со многими трудностями вверх по течению реки, по которой мы достаточно быстро спустились. Мы вдвое увеличили запасы провизии, и в 300 верстах от Тобольска, войдя уже в Иртыш, я покинул судно и возвратился по суше в эту столицу Сибири. Я потратил только семь недель, чтобы совершить весь этот долгий вояж — то, что очень удивило тех, кто имел представления более верные о навигации по Оби, и тогда я ощутил, что мне помогло счастье сверх всякой вероятности.

Я сделал подарок двум казакам с моего судна, которые сопровождали меня, и в течение недели отдыхал в Тобольске.

Генерал Спренгпортен давно уехал и вновь направился по нашей линии, начиная с Омска, поднимаясь снова вверх по течению Иртыша, который, как и Урал, образует нашу границу с киргизами от Омска до Усть-Каменогорска на расстоянии боле 1100 верст.

Я направился, стало быть, в Омск, который является тем местом, в коем находится генерал, командующий этой частью границы Сибири, именуемой

Иртышской линией; в ту пору им являлся генерал Лавров, который одновременно командовал первым и вторым пехотными полками и одним драгунским, охранявшими эти границу совместно с казаками, уволенными солдатами и башкирами, коих определили почти вдоль Урала в маленьких деревеньках, укрепленных крепостной стеной.

Я нагнал генерала Спренгпортена только в Семипалатной, которая количеством своих жителей и крепостной стеной, более высокой и более тщательно сделанной, может заслуживать названия небольшого города. Мы остановились в Усть-Каменогорске, также достаточно основательно построенном, и главном месторасположении второго пехотного полка, расквартированном вдоль линии границы.

Узнав, что в 100 верстах от нашей границы вглубь населенной киргизами степи находились довольно значительные развалины старого храма, я составил себе эскорт из 60 казаков, и сопровождаемый несколькими офицерами полка, вступил в эту страшную и бескрайнюю пустыню.

Один киргиз взялся быть проводником, и после того, как двигаясь весь день и часть ночи, не встретив ни одной живой души, не обнаружив ни следа жилища, ни единого деревца или ручейка, мы прибыли в Аблайкит[9] — имя, коим называют эти руины, возвышающиеся посреди очень высоких скал, некоторые из которых образованы из раковин. Природа этих нагроможденных скал, подобных чуду средь огромной пустыни, указывает на произведенную водами революцию, следов стекания коих более не видно. На одной из этих скал, очень высокой, на вершину которой довольно сложно вскарабкаться, мы с удивлением нашли некую разновидность водоема или резервуара воды, возможно имеющего 25 или 30 футов в диаметре, чья поверхность лежит в более 100 футах над равниной, а глубина столь значительна, что кажется невозможным ее измерить. Вода там очень прозрачная, свежая и отменная для питья.

Видны остатки стены, поднимающейся и опускающейся по различным глыбам скал, собранных в этом месте на пространстве в полверсты в длину и почти столько же в ширину, которая образовала совершенно закрытое ограждение, оставив только одно единственное отверстие на юге. Этот проем достаточно широк и очень хорошо сохранился; не хватает только створок двери; эта дверь выходит на достаточно просторное и ровное место, которое образует как бы центр этих скал и этой стены. Посреди этой маленькой лощины возвышаются остатки старого храма; в них еще различим фундамент, имеющий более 15 футов в высоту, более 120 в длину и 60 в ширину; в стороне от входа еще имеются остатки ступеней лестницы, которая простирается во всю ширину храма; ниже можно проникнуть в подвалы, но чересчур тесные для того, чтобы попробовать составить себе представление об их назначении. Весь этот массив состоит из камней, извлеченных из соседних скал, обтесанных в кирпичи длиною 4 и 5 футов, полтора в высоту и 2 в ширину.

Вся поверхность этого массива храма, по которой можно передвигаться без малейшего риска, является неким рядом сводов, покрытых обломками, среди коих можно найти куски тщательно обработанных камней, которые, по-видимому, являлись орнаментом к колоннам и архитравам.

Прошло почти 60 лет, как русские открыли эти развалины: согласно тем рассказам, что казаки из нашей свиты слышали от своих отцов, русские разрушили эти памятники, которые они нашли заброшенными, но еще достаточно сохранившимися; они надеялись найти здесь спрятанные сокровища, а принесли доход только несколько пергаментов столь тяжелых, что не смогли их развернуть, и отправили в Петербург. Я не знаю, сумели ли их прочитать, и что с ними стало. Но что достоверно, так это то, что они должны были вызвать самое большое любопытство; невозможно постигнуть, кто и с какой целью смог построить эти здания в страшной пустыне, пересеченной кочевым народом, без искусств, без законов и без религии.

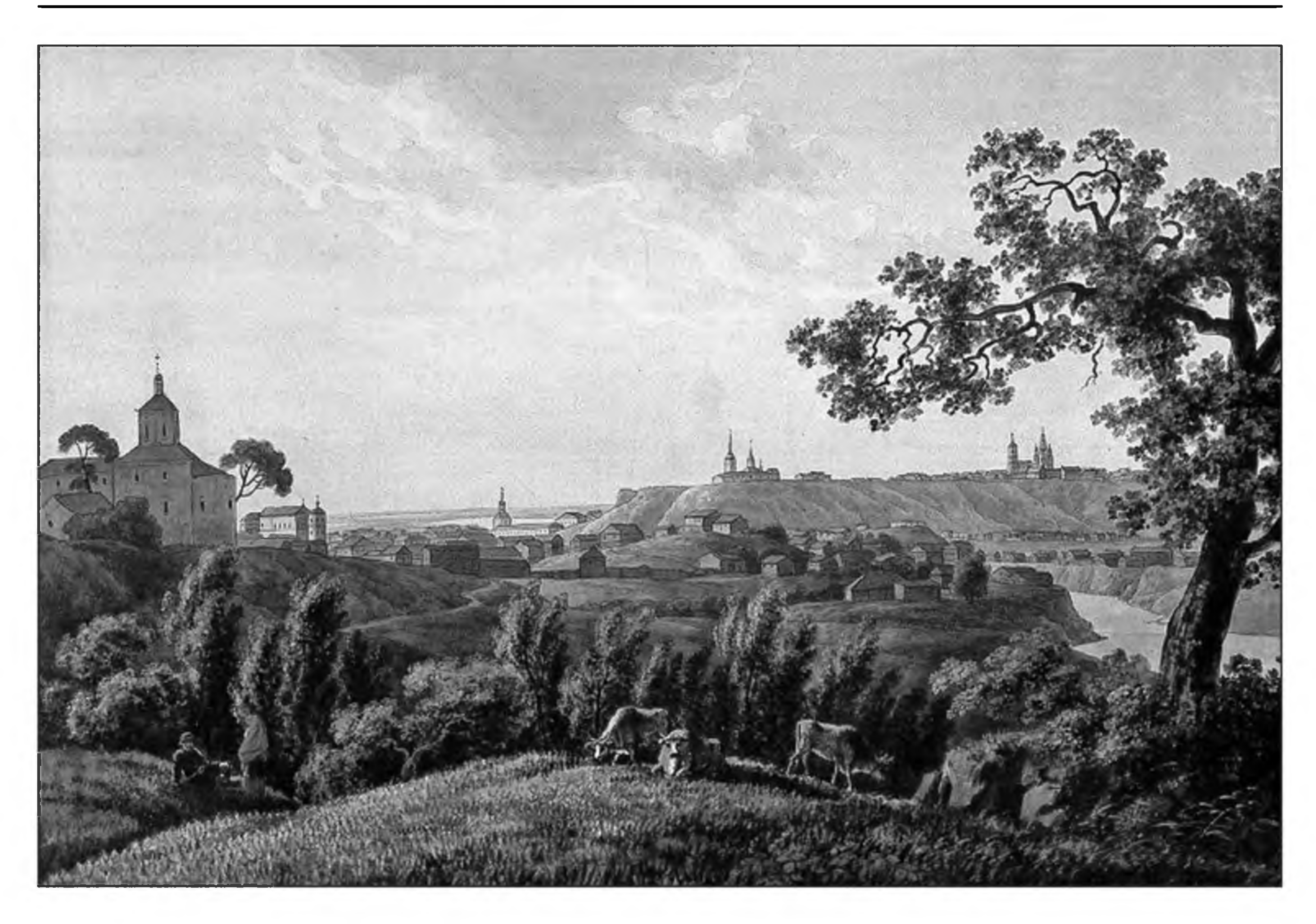
Эти руины Аблайкита были бы достойны исследований, сопровождаемых подготовкой и долгой работой; невозможно, чтобы тщательно здесь копая, не найти у киргизов немного более удовлетворительного объяснения.

Несколько кибиток киргизов устроились возле маленького ручья, протекающего около этого места, и видя, что мы им не хотели никакого зла, несколько вооруженных мужчин верхом начали понемногу осваиваться с нами: они не смогли нам дать удовлетворительный ответ на все вопросы, что я задал, нас только предостерегли от того, чтобы прикасаться к мертвым телам и к брошенной одежде, кои мы могли бы встретить в этих местах; их покинули, так как они были опустошены эпидемией. Эта эпидемия являлась ничем иным, как оспой, которая свирепствовала у киргизов, что было намного опаснее, чем чума.

Мы провели ночь посреди этих скал и руин; менее, чем за двухмесячный срок я спал в Обдорске в устье Оби, окруженный самоедами и льдинами, и в Аблайките, в этой пустынной степи, среди киргизов и под открытым небом.

Мы обнаружили в маленьком ручье довольно сносную рыбу, которую менее любознательные для того, чтобы посетить руины казаки, ожидая нас, выловили и приготовили на породе сланца, который мы нашли между этими скалами и который служил нам сковородой. На следующий день мы покинули эти дикие и таинственные места и вернулись в Усть-Каменогорск.

Генерал Спренгпортен покинул этот участок границы и вернулся вглубь края, направляясь к Томску: этот довольно большой город, населенный несколькими очень богатыми купцами, почти в центре Сибири, был выбран императором Александром для столицы новой губернии, которая носит его имя[10]; ее образовали, уменьшив Тобольскую и Иркутскую губернии, являвшиеся слишком обширными для того, чтобы быть управляемыми двумя губернаторами: несмотря на это сокращение, каждая из трех губерний Сибири является еще более обширной, нежели какое бы то ни было королевство Европы.

Вид Томска. 1806

Край в окрестностях Томска очень красив и очень плодороден и станет, несомненно, одним из наиболее богатых в Сибири; вся эта губерния пронизана с юга на север прекрасной и широкой рекой — Енисеем, в который впадают другие достаточно важные реки, среди коих три Тунгуски, берущих свои начала в Иркутской губернии и впадающие в Енисей перпендикулярно. В месте впадения Тунгуски, наибольшем на севере, выстроен город Туруханск, который обогащается значительной торговлей, основанной на множестве пушнины, кою жители Туруханска — аборигены края, обменивают на табак и водку.

Все реки Сибири вообще изобилуют чудной рыбой, леса — дичью всех видов, скот здесь великолепен и невероятно размножается; здешняя земля дает обильный урожай, а строевой лес — во множестве, и неудивительно, что деревни здесь, в целом, лучше построены, чем в России, а крестьяне живут в достатке. Даже преступники, чьи деяния не были достаточно тяжкими для того, чтобы быть приговоренными к работам в рудниках, и которые разбросаны по деревням и городам, живут здесь очень хорошо. Многие здесь обзаводятся семьей, строят дома и становятся полезными и кроткими гражданами.

Из Томска мы направились в Иркутск. Прошли по Енисею к Красноярску, небольшому городку, достаточно основательно построенному; затем, минуя Нижнеудинск, расположенной на большом тракте, мы прибыли в Иркутск. Этот

город — второй в Сибири после Тобольска по величине, но первый — по богатству, выглядит прекрасно. Он находится на правом берегу реки Ангара; необходимо пересечь на плоту эту прекрасную и широкую реку, несущую с быстротою самые чистые воды, кои можно было бы увидеть. Ангара проистекает из озера или моря Байкал, который находится только в 60 верстах от Иркутска.

Можно удивиться, обнаружив на столь большом расстоянии в более, чем 6500 верст от Петербурга, достаточно хорошо построенный город, увидеть в нем лавки, наполненные всеми предметами роскоши, встретить здесь экипажи и все то, что составляет богатый город.

Купцы здесь чересчур обогатились торговлей с Китаем, происходящей целиком между рек; также, как и торговля с нашей Америкой и с островами морей Японии. Мы нашли в Иркутске военного губернатора[11], столь деспотически правящего, что мы были обязаны уведомить об этом императора, который не имел ничего более спешного, чем отозвать этого тирана, имевшего возможность на столь большом расстоянии от столицы безнаказанно злоупотреблять доверенной ему властью.

Генерал ускорил наш отъезд для того, чтобы смочь переправиться через Байкал и вернуться до начала зимы. Мы нашли в Листвянке скверное судно, однако же под командованием офицера императорского флота, с которым мы и пересекли это море, имеющее более 700 верст в длину и 60 на 100 в ширину. Навигация на Байкале очень опасная, его большая длина принуждает дуть ветер как трубе, а его берега обрывисты и испещрены в изобилии скалами.

Мы сошли на берег с другой стороны около Посольского монастыря[12] и продолжили назавтра наш путь в Верхнеудинск и Селенгинск. Последний является учебным плацем в этой местности: там есть довольно значительный гарнизон, арсенал, батарея и склады со всем, что необходимо для войск.

Наконец мы прибыли в Кяхту — наиболее удаленный конечный пункт нашего путешествия и место, которое должно было более всего возбудить наше любопытство. Эспланада в 1000 шагов, где осуществляется вся торговля России с Китаем, делит русскую часть города, населенного приказчиками наших купцов, и досмотрщиками китайской части; это единственное место, где она разрешена. Кяхта является также только торговым поселением; нет ни одной женщины, этот маленький китайский город заселен только торговцами, чиновниками и военными, которые несут службу с точностью и беспримерной суровостью, в порядке и в строгом исполнении предписаний своего руководства. Нам позволили войти в него, и китайский офицер устроил нам званый обед на манер своей страны; нам представили бесконечное множество блюд, но все в столь маленьких порциях в миниатюрных фарфоровых чашечках, что оставалось только лишь пробовать; баранина, и различные сладости, и мучные изделия составляли суть всех этих блюд, все приправленные китайским уксусом, совсем без соли. Десерт состоял из довольно большого числа различных конфитюров, сухих и засахаренных фруктов. Все дома соответственным образом ухожены и построены почти все на единый

лад. Кухня расположена во дворе, вся также начищенная, как и комнаты; вся мебель покрыта черным лаком и с большой тщательностью.

Нам показали их храм; около главного входа располагалась артиллерия; согласно конструкции и форме лафетов и орудий ясно видно, что это не является копированием наших пушек, и что изобретение пороха и способа им пользоваться принадлежали скорее Китаю, ежели Европе, и в Китае, очевидно, предшествовало открытию месье Бартольда Шварца. Внутри двориков храма две большие деревянные фигуры, сидящие на деревянных лошадях, как будто защищают вход: в храме видно бесконечное множество тех же самых языческих божков различных видов и форм, но всех расписанных и искусно обработанных.

Когда мы вернулись к себе, нас порадовали фейерверком, хотя было еще очень светло: это большое количество маленьких петард, привязанных одна к другой, коих держат на конце палки и которые производят много шума.

Торговля, которую мы ведем с Китаем, является полностью меновой торговлей. Китайцы берут наши меха, сукно, кожу, железо, а нам дают взамен свой чай, нанку и различные виды шелковых тканей. Китайское правительство, столь ревностно желающее сохранить свою замкнутость от всех других наций, похоже предоставляет разрешение на эту торговлю только особой милостью и устанавливает все самые тщательные предосторожности для того, чтобы она не смогла бы слишком расширяться и особенно не распространяться через иное место, кроме Кяхты, где она находится под присмотром императорских офицеров. Было бы сложно вести незаконную торговлю, Китай отдален от наших границ пустыней, заселенной монголами, которые грабили бы китайцев и русских с одинаковой прожорливостью.

Эти самые монголы составляют, однако, самую большую силу китайских армий; именно они заполняют местами границу; эти посты из 25 и до 100 человек включительно находятся под командованием китайских офицеров, которые блюдут самую суровую дисциплину и чьи старшие офицеры, проживающие в Урге, производят осмотр все 2 года.

В то время, что мы были в Иркутске, губернатор получил уведомление от китайского правителя в Урге о том, что отныне все 50 лет генерал, назначаемый из Пекина, будет производить осмотр всех постов; мы отдаем предписания в Европе на месяцы и годы, в Китае же это делают на полувека! Только этот срок показывает древность этой империи и стабильность законов, которая ею управляет.

Никогда китайские солдаты не позволяют себе пересекать нашу границу, если только несколько монголов не совершат у нас кражу; скот или украденные лошади добросовестно возвращаются, а воры наказываются до смерти. Если какой-нибудь русский солдат или злоумышленник, дезертируя, стремился укрыться от наказания, кое он заслужил бы, за китайской границей, он немедленно схвачен и возвращен в то место, откуда сбежал.

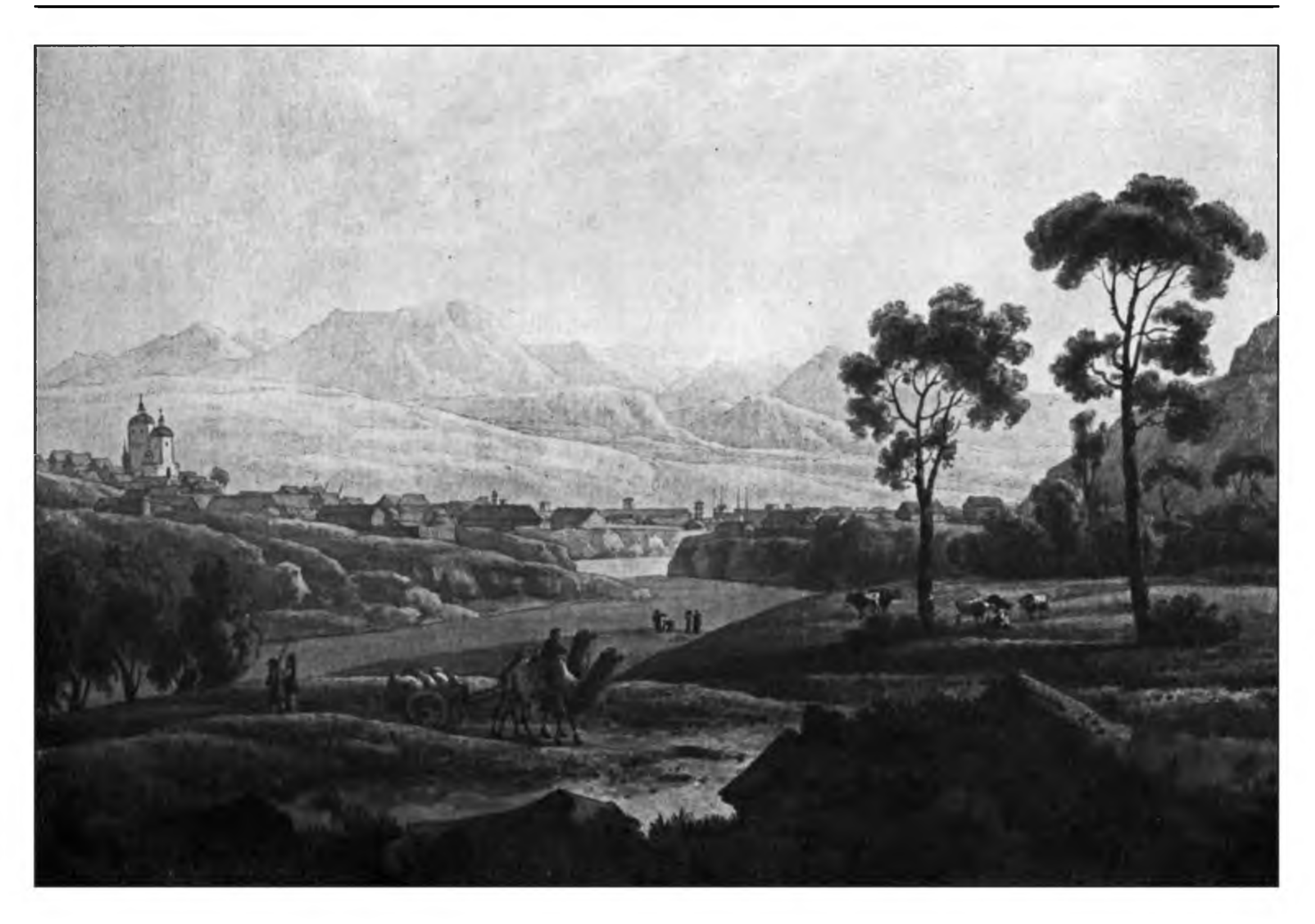
Но зато китайское правительство настаивает на строгом соблюдении той же дисциплины у нас в отношении своих границ, а малейшая оплошность тут вызывает ряд серьезных объяснений, угрожающих каждый раз разорвать торговлю Кяхты.

Китайское правительство обращается прямо к губернатору Иркутска по поводу всех торговых приграничных дел, и только в очень важных случаях он пишет в Сенат Москвы, не обсуждая ни с императором, ни с судами Петербурга. Китайцы боятся наших учреждений на реке Амур.

Мы располагаем всеми возможными средствами для того, чтобы обеспечить себя самыми точными понятиями относительно Китая с помощью русского архиепископа, проживающего в Пекине, которого должны менять каждые 5 или 7 лет и который с позволения может привозить с собой, я думаю, 4 или 6 студентов, кои в состоянии просвещать себя в китайском языке. Но архиепископы и студенты всегда привозят только любопытные понятия, а мы имеем только очень мало этих же самых студентов, добивающихся того, чтобы служить переводчиками. Правительство не занимается достаточно нашими отношениями с Китаем, и вследствие этого нет ни выбора, ни соперничества у этих студентов. Вскоре не останется даже более повода отправить их в Пекин, наши священники, не хлопоча должным образом или не имев надлежащего руководства для того, чтобы удержать в нашей религии раскольников из русских, содержавшихся в плену и устроенных в Пекине, обосновали учреждение монастыря греческого обряда[13] следованием терпимости, которая является одним из основополагающих законов Китая. Этими заключенными, пристроенными в Пекине, являлись 7 или 8 сотен казаков со своими женами и детьми, защищавшими город Албазин, воздвигнутый завоевателями Сибири на берегах реки Амур. Эта горсточка храбрецов защищала это новое поселение в течение 10 лет против бесчисленных сил, коих китайское правительство вооружило на земле и на воде: жестоко, что мы не узнали почти никаких интересных подробностей осады, выдержанной русскими на краю империи против сил наших богатых и многолюдных соседей. Одно описание этой осады сделало бы ее знаменитой и заставило бы придать широкой огласке имя русских героев, предоставленных своим собственным средствам, доведя в то же время идею, что применяли китайцы при осаде города, до степени искусства. Кем бы были Гектор, Улисс и Ахилл, и все столь знаменитые герои осады Трои без Гомера. Только не имеют его наши албазинские казаки[14]!

Со времен взятия и уничтожения Албазина река Амур полностью пустынна; ни китайцы, ни русские не осмеливаются здесь плавать, и ее берега осуждены оставаться необработанными и безжизненными.

Мы посетили в окрестностях Кяхты, вглубь наших границ, одну кумирню или бурятский храм, в котором служат более 40 священнослужителей. Этот храм ламаистского вероисповедания, наполненный разрисованными образами из дерева и бронзы самых различных форм и сделанных с достаточной тщательностью: священнослужители в красных рясах, а главные — в желтых одеяниях, имеют в руке колокольчики — символы, которые вторят духовым инструментам различных

Вид Кяхты и китайской границы. 1806

величин, размеров, среди коих несколько походят на основной состав нашего оркестра, а другие сделаны из больших раковин, в которые дуют и которые издают очень резкий звук; вся эта музыка, весьма мало благозвучная, управляема громким звучанием пробки, являющейся одной большой повешенной пластиной, по которой бьют или ударяют чем-то вроде молотка: эта пластина изготовлена из сплава бронзы, который придает более жалобный звук колокола и чья вибрация имеет нечто мрачное.

От силы сотня бурятов сопровождала генерала, нам показали подле их храма зрелище в виде одного военного упражнения; они сели на лошадей, которые, несмотря на свой очень малый рост, слишком проворны, а они владеют луком и саблей с большой сноровкой. Определенно буряты того же происхождения, что и монголы, на которых они похожи внешним обликом, платьем, обычаями и вероисповеданием, в отношении которых они питают, впрочем, невероятную ненависть. Они служат на нашей границе сообща с нашими казаками, и если когда-либо мы имели бы наступательные или оборонительные действия против Китая, буряты принесли бы нам самую большую пользу. Возвращаясь ночью в Кяхту, я был один с майором Ставицким посреди степи, мы были изумлены столь ужасным ветром обильным снегопадом, что посчитали себя чересчур счастливыми, повстречав юрту бурятов, которая была совсем одинокой. Мы нашли там целую семью,

спавшую вокруг очага, который, как и во всех этих юртах или войлочных кибитках, располагается на земле посреди вроде палатки: окоченевшие от холода, мы заново развели огонь и к нашей великой радости обнаружили, что наш хозяин говорил немного по-русски.

Я хотел бы, чтобы наши великие философы — проповедники человеческого счастья в своем первозданном состоянии, имели возможность провести эту ночь со мною; они бы, я считаю, изменили бы максиму и восхвалили счастье цивилизованного человека. Но также они восхитились бы со мной впечатлением, кое первые лучи солнца произвели на эту семью, которая, казалось, изнемогала под тяжестью нищеты. Все вышли из своего бедного переносного шалаша, чей вход всегда смотрит на восток, и упали ниц на землю, приветствовали благодетельное небесное светило и елейно помолились. Существует ли в самом деле более прекрасный храм, нежели природа; более прекрасное божественное изображение, чем светило, которое освещает, которое греет мир. Насколько самые прекрасные церкви малы, насколько самые торжественные обряды ничтожны.

Генерал Спренгпортен вновь поехал по Иркутской дороге, прибыв на Байкал, порт был замерзшим, а лед на озере уже треснул. Нужно было все же пройти или переждать, может быть, месяц до того, как Байкал полностью замерзнет, чтобы иметь возможность проехать на нартах. Работали весь день и всю ночь, и, наконец, мы покинули порт, поднявшись на борт отвратительного торгового судна, держась трех других судов той же постройки. Но едва выйдя из порта, мы должны были сражаться против новых льдин; я помогал работать с таким усердием весь день, что, как только я прилег, заснул столь глубоким сном, что проснулся только на следующий день после полудня; мы стояли на якоре около одного берега, испещренного скалами и в 30 верстах влево от порта, из которого мы отплыли: лоцман надеялся, что ветер переменится и позволит ему вернуться туда, заверяя, что не нужно было более думать о том, чтобы пересечь море. Вечером генерал заснул, я приказал поднять якорь, свернуть парус; ветер поднялся и к великому удивлению нашего лоцмана стал таким благоприятным, но столь сильным, что он нас заставил пересечь Байкал с невероятной быстротой; на заре мы различили Лиственичную, и там благополучно высадились на берег. Лоцман, я не знаю почему, не смог постичь этот избыток счастья, и заявил, что вот уже 17 лет, как он плавает в этом море и это был первый пример, что он видел на Байкале: из трех судов, вышедших с нами, два вернулись в порт Посольское, а один разбился о скалы.

Я самовлюбленно и с великим удовлетворением приписал удачу этой переправы моей счастливой звезде, и принял с удовольствием от всех в Иркутске поздравления по этому поводу.

Мы провели некоторое время в Иркутске для того, чтобы дождаться перевозки на санях. Я нашел несколько офицеров среди полка гарнизона. Император Павел сослал сюда, Бог знает по какой причине, многих молодых людей, окончивших кадетский корпус и прекрасно воспитанных, как это было принято

в этом корпусе до того, как пруссомания и в.к. Константин не превратили в казармы эти дворянские школы и не сделали из этих офицерских питомников охранные корпуса капралов.

Я нашел также несколько довольно красивых девиц, кои могли бы служить образцами свежести и крепости, отличающие прекрасный пол Сибири, и которые помогли мне дождаться перевозки на санях с меньшим нетерпением. Я познакомился также с неким французом, величаемым Монтескью, который был приговорен к работам в рудниках Нерчинска, где он провел 7 лет, а теперь получил разрешение проживать в Иркутске, где он нашел призвание, довольно плохо малюя, с позволения сказать, портреты. Он приходил меня навещать ежедневно и рассказывал мне с разглагольствованием и естественной для его нации важностью историю своей жизни и своих несчастий. Этот Монтескью мне заявил, что его отправили в Сибирь по подозрению в намерении поджечь наш Черноморский флот, и предоставил мне самое веское доказательство своей невиновности, заключавшееся в том, что у него обнаружили только одну единственную свечку. Конечно, при помощи столь малого средства было невозможно поджечь флот, но он заверял, что это был только повод, коим воспользовались его недруги, преследовавшие в его лице родного брата Людовика XVI, и для того, чтобы доказать эту мало почетную гарантию, он разделся и показал мне какое-то пятно на своей руке, которое, как он утверждал, являлось французским гербом, высеченное матерью несчастного короля, которая, произведя его на свет, была вынуждена с ним разлучиться.

1803

Перевозка на санях установилась, генерал Спренгпортен вернулся в Тобольск, а я направился в Якутск. Меня сопровождали мой слуга и один казак, и я отправился в дорогу в очень суровый холод и в очень ничтожной повозке. Вплоть до Киренска — маленького городка в 950 верстах от Иркутска — мне было чересчур комфортно, и я ехал довольно быстро. Но тут нужно было следовать всем извилинам реки Лены и прокладывать себе по ним дорогу сквозь глубокий снег; другой дороги не было; летом до Якутска добираются вплавь, спускаясь по Лене, а зимой необходимо передвигаться по льду, который покрывает эту реку. Станции, из рук вон плохо обслуживаемые, словно нарочно устроенные, в некой стране, где никогда не путешествуют, находятся, как правило, на левом берегу и представляют собой только маленькие шалаши, получающие жизнь посредством света, которому сюда позволяет проникать кусочек стекла, служащий окном. Иногда нам было слишком трудно втаскивать нарты на обрывистые берега Лены, и мы были очень счастливы обнаружить несколько убогих лошадей для того, чтобы покинуть как можно быстрее эти грустные поселения, где редко

можно обнаружить хоть какой-нибудь кусочек хлеба. Эти заставы охраняются обитателями страны — якутами, и мы были удивлены, что эти несчастные, коих не вознаграждают и не обеспечивают даже лошадьми, еще имеют милость исполнять довольно точно обязанность, которую им навязали.

Так как дорога по реке, если даже она проложена санным путем, вновь покрывается тотчас же снегом, мы были вынуждены запрячь лошадей в ряд одна за другой; мы их ставили порой до 7 и 8 в мои маленькие нарты, и столько же якутов оседлали каждый свою лошадь — то, что образовало совершенно отдельную упряжку. Холод был столь суровым, что мои проводники были закутаны не только в пальто на меху, но и имели еще нечто вроде масок из меха, которые оставляли отверстия только для глаз.

В 11 сотнях верст от Киренска я нашел второй маленький городок, или скорее небольшую деревню, в которой я имел возможность согреться в одной комнате и заготовить хлебную провизию. И то и другое было по необходимости заморожено и было твердым, как камень, но на каждой станции я подносил кусок хлеба к огню и клал кусок супа в котелок.

Вплоть до Якутска мое путешествие было таким же; я не верил, что встречу хотя бы 2 человек, кроме якутов — постовых, и страдал все больше от холода, от которого неосмотрительно не обеспечил себя хорошим пальто на меху.

Я прибыл в Якутск к полудню так, что было светло; словно не видел ночь в Обдорске в течение лета, я не увидел почти что дневного света здесь в конце декабря. Но в полдень, это было довольно для того, чтобы я смог отчетливо прочесть на столбе: 2600 верст от Иркутска и 9250 от Москвы. Это расстояние меня испугало, однако же, нужно было его преодолеть, чтобы вернуться; я прекрасно знал, что был на этом расстоянии, можно сказать, на краю света, но этот столб произвел на меня впечатление зловещего оракула и живописал мне в одно мгновение все затруднения, все тяготы, кои меня ожидали и были бы тем более несносными оттого, что мое любопытство было уже удовлетворено.

Якутск — город довольно важный для места, где он построен; природа здесь уж более ничего не производит; но он подобен связующему звену, кое соединяет Камчатку и Охотск с оставшейся частью Сибири. Нужно непременно сюда приехать, чтобы направиться в эти удаленные края. Якутск является в Сибири основным местопребыванием торговой конторы американской компании[15]; я очень боюсь, что эта компания скоро не исчезнет, ибо устои ее торговли и ее связей с островами японских морей, с Кадьяком и Американским континентом, стали основываться на двуличии и самых гнусных притеснениях. Несколько мошенников обогащаются, но торговля должна падать и уже падает.

Якутск осуществляет большую торговлю меховыми изделиями, самыми красивыми в Сибири, которые проходят через руки купцов этого города; сверх того, вблизи устья Лены, собирают великое множество клыков мамонта, которые совершенно похожи на слоновую кость; меня заверили, что, если бы я приехал летом, то смог бы спуститься по реке приблизительно на 400 верст, где я увидел

бы большое количество останков этого колоссального животного, которого именуют мамонтом, и которое более не существует на земле. Скелет мамонта много больше, чем скелет самого большого слона; натуралисты и ученые ломают себе голову, чтобы обнаружить, откуда появились эти животные, и какое потрясение смогло здесь уничтожить эту породу.

Я встретил в Якутске одного морского офицера[16], занимавшегося в течение многих лет строительством кораблей в Охотске и усовершенствованием этого порта и порта Петропавловск на Камчатке. Направляясь в Петербург, он заверил меня, что его желанием было иметь возможность вернуться в этот край, который, по его словам, являлся очень приятным и очень доходным; отсюда он увез с собой одну молоденькую камчадалку, имевшую весьма миловидное и одухотворенное личико. Этот офицер мне живописал жуткую картину гадостей, кои служащие американской компании позволяют себе не только с несчастными обитателями Курильских островов, алеутами, и большого острова Кадьяк, но даже с русскими матросами, которые позволили себя вовлечь в их работу. Я очень хотел бы посетить Охотск и Камчатку, но это было не то время года, в котором можно предпринять это долгое и утомительное путешествие, и я должен был присоединиться к генералу Спренгпортену. Мой приезд в Якутск стал большим событием; невозможно было поверить, что какой-то молодой человек, флигель-адъютант императора, смог приехать сюда только из-за любопытства, а плутишки, чувствовавшие себя виновными и достойными виселицы, дрожали и страшились моих обысков, я думаю, еще долго после моего отъезда.

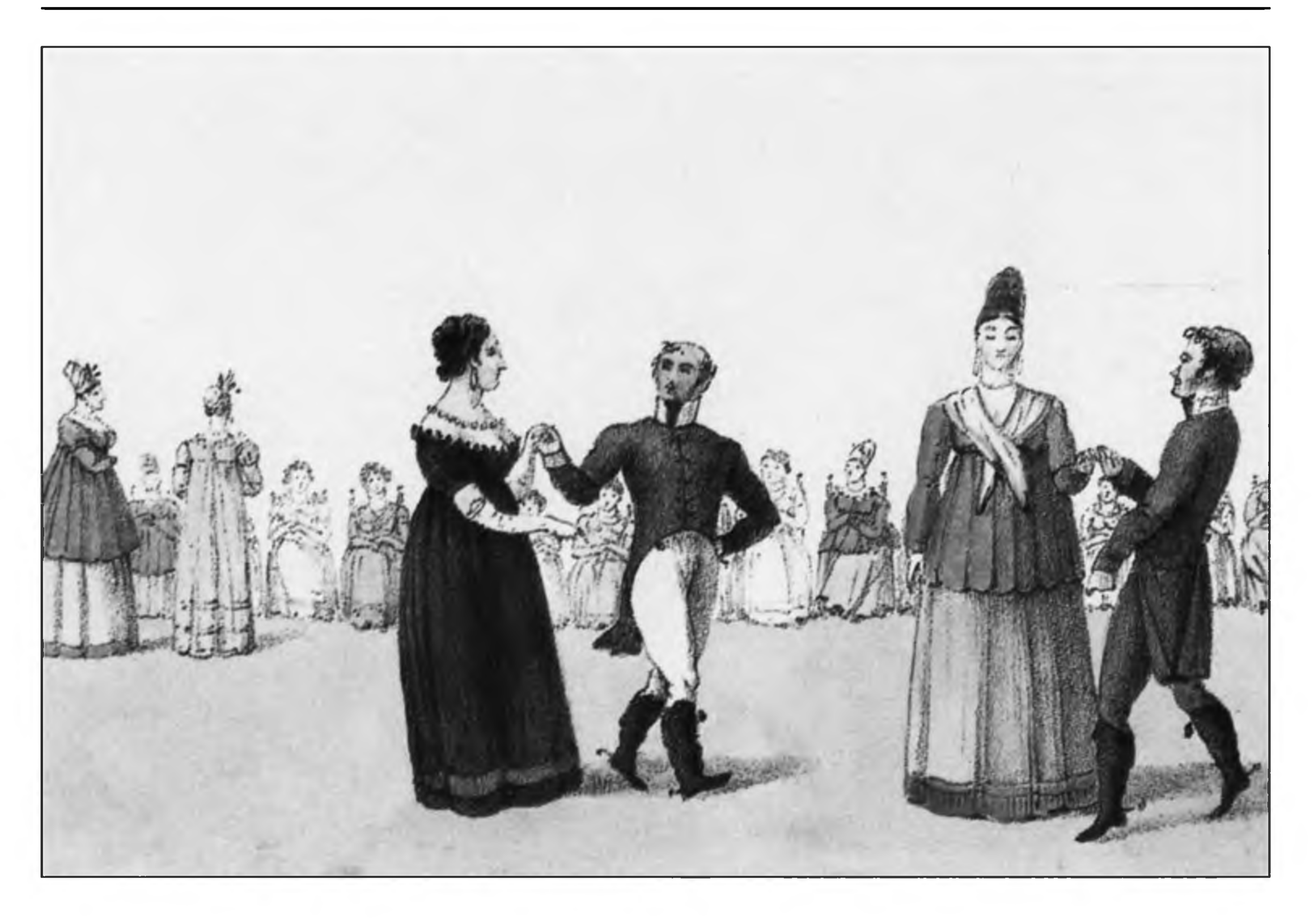
В приблизительно 30 верстах от Якутска я посетил одно поселение якутов. Это племя гораздо менее дико, чем большая часть других коренных жителей этих краев. Оно обитает в деревнях и в деревянных хижинах, достаточно основательно выстроенных, посреди которых расположен большой очаг, дым из которого выходит через дымовую трубу. Якуты имеют множество хозяйственной утвари и начинают смешиваться с русскими, и перенимать их привычки и их ловкость. В этом поселении мне показали отвратительный спектакль шамана или колдуна, который постепенно и посредством судорожных гримас казался и вправду потерявшим всякую связь с миром и вдохновленным неким демоном, вещавшим его брызжущими слюнями устами и завладевшим всеми струнами его тела. Это занятие, кое якуты созерцали с глубоким уважением, продлилось по меньшей мере добрый час, после чего шаман впал в состояние обморока, который являлся естественным продолжением судорожных движений, сотрясавших его тело. То, что помогает навязать этот ритуал якутам, сделать действо по-настоящему ужасным, так это одеяние и позы, которые придавал себе шаман, этот неистовый актер. Он был одет в платье из дубленых шкур, покрытое кусочками железа и кожи, изображающих различных животных и фигурки, которые при каждом его движении ударялись друг о друга, сопровождая этой нестройной музыкой тот шум, который производил шаман, стуча в бубен неким подобием лопаточки. Его костюм был еще украшен длинными тонкими кожаными ремешками, пришитыми по кругу

в виде бахромы к его одеянию, почерневшему от дыма. Свои волосы, длинные и закрывающие лицо, шаман встряхивал при каждом движении, что придавало ему по-настоящему зловещий вид. После того, как я провел почти в безвестности 8 дней в Якутске, я вновь направился в Иркутск, куда и прибыл в середине января. Доклад о поездке, замерзшие ноги, которые заставляли меня сильно страдать, вынуждали меня задержаться с отъездом. Как только я стал в состоянии, я вновь отправился в путь. Я переночевал почти в 60 верстах от Иркутска, на фабрике, где производят сукно, кожу и большую часть того, что необходимо для обмундирования и снаряжения войск, находящихся в Сибири, и которое стоило бы невероятно дорого, если было бы нужно вывозить все эти вещи из России. Та фабрика выгодна ещё и тем, что содержит и использует почти 5 тысяч преступников, мужчин и женщин, которые являются единственными рабочими, коих здесь применяют: почти все мастера различных мастерских и большая часть надсмотрщиков выбраны среди этого «добродетельного» общества. И что самое удивительное, они способствуют поддержанию здесь порядка и повиновения. Я увидел всех рабочих, большая часть которых имеет вырванные ноздри, а некоторые — кандалы на ногах. Около сотни старых солдат, очень лениво охраняющих фабрику, достаточно для удержания этой толпы разбойников, наименее виновные из которых, однако, убили человека, или, по крайней мере, взламывали двери и грабили на большой дороге.

Я думаю, необходима своего рода привычка для того, чтобы жить среди этой колонии, и я покинул её без большого сожаления. Какие бы огромные преступления, какие бы ужасные замыслы ни бродили в их головах, дети этих отбросов общества все-таки становятся законопослушными, мирными крестьянами или промышленными рабочими. Какая школа для философов, какое необъятное поле для их трудов, их исследований и заключений! Но сердце человека — выше наших мыслей. На следующей от фабрики станции я был вовсе поражен: молодая и очень красивая женщина стала меня целовать с пылом, свойственным только более жаркому климату. Это была жена смотрителя станции, чей муж отсутствовал, и которая хотела воспользоваться случаем для того, чтобы отдаться похотливой наклонности. Я не представлял себе лучшего, чем поддаться её желаниям и провести несколько чрезвычайно приятных мгновений в объятьях этой сибирячки.

Я продолжал свой путь с удивительной скоростью: дорога была очень хорошей, лошади — превосходными, а посты замечательно обслуживались, так что я преодолел 350 верст за сутки. С той же скоростью я миновал пустыню Бараба, которая вскоре не будет больше заслуживать это имя, ибо здесь начали строиться несколько деревень, а небольшой городок Тара, построенный в этой пустыне, уже даже украшен очень красивым каменным домом, принадлежащим какому-то богатому купцу.

Я обнаружил генерала Спренгпортена в Тобольске, где он развлекался, давая балы. Мы провели такой веселый карнавал, насколько это возможно в Сибири. Что меня забавляло больше всего, так это горы льда, которые я приказал

Бал в Иркутске. 1805

водрузить в саду дома, где я остановился, и на которых я провел, катаясь, целый день. У нас было несколько балов, и я нашел очень красивую женщину, захотевшую принять меня в своей постели: старый генерал предавался утехам с одной девушкой точёного сложения, содержание которой обходилось ему очень дорого, и которая, беря его деньги, приходила ко мне ради удовольствия. В общем, женщины в Сибири очень хороши: кровь с молоком, крепкого телосложения, и очень шаловливы.

Карнавал завершился, мы направились в Россию, и остановились в Екатеринбурге, где я вновь с удовольствием увидел госпожу Певцову, но я добился у неё не больше успеха, чем в первый раз. У меня было огромное желание возвратиться в Петербург, и генерал предоставил мне такую возможность, направив меня в столицу с докладом обо всем его путешествии.

Тот миг, когда я пересек границу Сибири, доставил мне истинное наслаждение, ибо даже имя этой страны, приговоренной к слезам и к покаянию, внушает грусть. Я был безмерно счастлив, что покинул эти края, где я увидел лишь несчастных и много несправедливости.

Я торопился и остановился лишь на день в Казани, скорее для того, чтобы вновь увидеть здесь татарочку, благосклонность которой я приобрел в свой первый приезд, чем для того, чтобы отдохнуть. Дороги были ужасные, оттепель

была уже в полном разгаре, и я с трудом добрался до Петербурга на санях. Я был счастлив вновь очутиться среди своих друзей, со своими сестрами, после довольно утомительного путешествия, которое удалило меня от них больше, чем на год.

Но очень польщенный похвалами, которыми меня осыпали, и любопытством, с которым меня расспрашивали, я ускорил отъезд. И в сопровождении молодого Гурьева, более благоразумного, чем я, но как будто доверявшего моему здравому смыслу, я покинул друзей и удовольствия, и вновь отправился в путь, в Москву, проведя в Петербурге всего лишь три недели.

Я был счастлив вновь увидеть Москву, мою тётушку и особенно её хорошеньких горничных; мы с трудом представляли, где найти нашего старину генерала, который, во время моей поездки в Петербург, отправился в Кострому, чтобы жениться на своей красавице, и приурочить это к нашим поездкам: мы решили, что если, представляя нас генерал-губернатору Москвы, он посмотрит направо, мы поедем в Кострому, а если он бросит взгляд налево, мы направим свой путь в Царицын, куда генерал хотел отправиться после свадьбы. К несчастью, он посмотрел налево, и мы вынуждены были проделать эти 1500 вёрст без всякой пользы.

Итак, мы отправились по дороге на Рязань и Тамбов, и, прибыв в Царицын, не получив там даже известий от генерала, мы тотчас же вновь поехали назад, навстречу ему; мы встретили его около Нижнего Новгорода, и остановились с ним в Симбирске, где он всецело предался своей любви, и где мы очень много скучали.

Единственным развлечением, которое у нас было, была одна поездка к некоему очень богатому дворянину, чьё имя я забыл, который имел очень миленькую деревушку, фабрики, конный завод, и который в течение трёх дней дал для нас три спектакля, чтобы нам продемонстрировать свою оперу, комедию и трагедию, не считая концертов, которыми он нас потчевал за ужином и обедом. Я хотел направить свои желания на его оперную примадонну, но бедная певица была наказана кнутом за то, что вняла мне, и я старательно избегал навлечь на неё вторичное наказание.

В первые дни июня мы покинули Симбирск и поехали в Саратов; этот город большей частью своих домов, своей промышленностью и своим богатством обязан немецким поселенцам, которые со времени императрицы Екатерины обустроились в провинции, в которой Саратов является главным городом. Эти поселенцы построили великое множество деревень, и они заметно процветают.

Мы вернулись, наконец, в Царицын, откуда отправились в Сарепту, маленький немецкий городок, построенный и населённый моравскими братьями, которые здесь соблюдают всю строгость своей секты, свои обычаи и даже одежду. Можно представить себе, какой эффект производит нахождение в этом маленьком немецком городке, где всё вас заставляет забыть, что вы находитесь в степи, населённой калмыками, и на границе с Азией; всё здесь напоминает Германию, и можно даже получить удовольствие в одной отличной харчевне, с хорошим обслуживанием и хорошо снабжаемой питанием. Эти моравские братья, числом почти 600 душ обоего пола, занимаются всякого рода ремёслами, которые обеспечивают это

поселение благами жизни, создают основу богатства; кроме того, несколько фабрик, продукцию которых они с большой выгодой продают в саму страну, вплоть до Петербурга; они обрабатывают землю и приучают калмыков не только покупать зерно и табак, но также исподволь начинать свыкаться с мыслями о земледелии.

Несомненно, что промышленность, и особенно мудрое и благочестивое поведение этой общины не окажет ощутимого влияния на бродяжнические нравы калмыков.

Один из правителей этого народа пригласил нас посетить его стан, который в тот момент располагался в добрых ста верстах от Сарепты; он послал нам лошадей и заставил сменить их на полдороге. Мы проделали эти 100 вёрст верхом, и почти что мчались во весь опор, хотя эти лошади не казались усталыми от скачки: почти невероятно, что они могут выносить, и особенно если к этому добавить то, что они целый год ищут себе пищу сами. Этот князь[17] принял нас со всеми приличиями, которые в ходу у калмыков, что сводилось к предложению кумыса, разновидности чая, и добавляя к этому ещё и сухофрукты. Мы возвратились в Сарепту, умирая от голода и от усталости, но мы насладились видом трех или четырех сотен войлочных юрт или шатров, множеством верблюдов, лошадей и баранов.

Мы покинули наших моравских братьев, этих кротких и искусных немцев для того, чтобы посетить Дон — край неспокойных и воинственных казаков. Мы проехали эти 70 или 80 вёрст, отделявших Волгу от Дона, которые Сулейман II и Пётр I хотели соединить одним каналом, и где видны ещё следы работ, начатых этими двумя великими людьми. Государь, который осуществит этот великий проект, сделает больше для процветания и обогащения России, чем те, кто прибавляет провинции к своей бескрайней территории. Он даст возможность вывозить в Чёрное море продукцию наиболее плодородных частей России, и соединит Каспийское море с морями Европы.

Малая Избянская была первой станицей, в которую мы прибыли; мы там были приняты и щедро угощены семьёй Орловых—Денисовых; там я оставил генерала Спренгпортена ехать по постовой дороге, а сам продолжил с молодыми Гурьевым и Нехлюдовым путешествовать верхом от станицы к станице, вдоль Дона, до Черкасска, где мы вновь встретились с нашим стариной генералом, с его дражайшей половиной, которая уже успела преждевременно разрешиться от бремени.

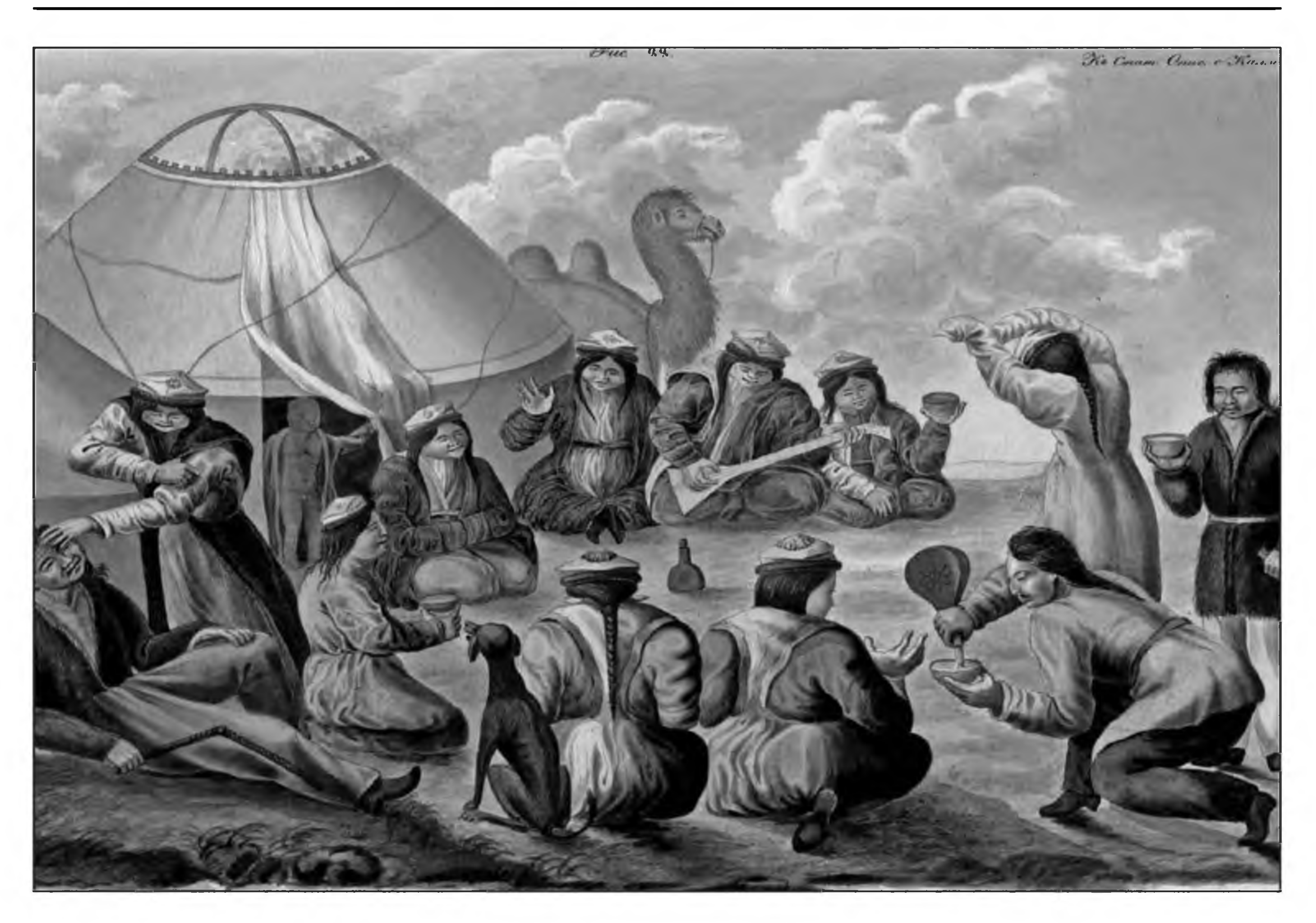
Черкасск состоит из 12 станиц, которые вместе образуют один довольно внушительный город, но его расположение на берегу Дона и почти на уровне реки подвергает его каждый год наводнениям, которые делают пребывание в нём очень некомфортным и воздух очень нездоровым; Император приказал выбрать великолепное место в 20 верстах от Черкасска, на Аксае, чтобы перенести этот город туда, но привычка и ещё более некоторые религиозные предрассудки, оставят, я боюсь, эту новую столицу Дона ещё долго необитаемой. Это истинное удовольствие, находиться среди свободного, воинственного народа, управляющегося своими собственными законами, не имеющего иного страха, кроме страха перемен, и иного желания, чем оставаться в том состоянии, в котором он находится:

насколько мало правительств, достаточно мудрых и либеральных для того, чтобы народы не желали никаких изменений. На Дону видно только богатство и достаток; все мужчины и женщины хорошо одеты, пышут здоровьем и не ведают принуждения. Казак, возвратившись с войны, с которой он обычно привозит добычу, отдыхает в своём доме, пьёт много хорошего вина, которое ему кажется тем лучше, что он его делал сам, плотно кушает, и узнаёт теперь своего офицера только для того, чтобы его вежливо поприветствовать при встрече. Вот действительно истинное состояние воина, гражданина; эти два состояния никогда не должны быть разделены. Солдат в Европе является только наёмником, несколько тысяч несчастных оторваны от своих семей, лишены своих очагов для того, чтобы гнуть шею в казармах и лагерях; их жизнь продана ради защиты их земляков, которые перестают быть их товарищами. Казак остаётся гражданином, он идёт в бой, когда император этого требует; весь Дон целиком двинулся бы, если бы Россия в этом нуждалась, но когда война заканчивается, он возвращается наслаждаться благами жизни и всем тем, чем так щедро наделила его природа, особенно вдоль реки Дон, воспитывать своих детей, и умереть в стране, которую он знает с детства. Лишь с большим трудом я покинул Черкасск, там мне всё нравилось, казаки, их женщины, их лошади, и даже их кухня.

Мы отправились по пограничной дороге кавказской границы, и остановились в Георгиевске, главном городе Кавказского наместничества, и вся эта пограничная линия, которая защищает наши губернии от неспокойных и разбойных жителей Кавказских гор; вид этой знаменитой цепи, предела побед Александра и границы крепостного рабства, которое Рим навязал народам, где столько армий нашли свою гибель, откуда столько народов вышло для того, чтобы опустошать земли, внушать уважение и вызывать удивление. Посреди этой горной цепи, покрытой вечными снегами, виден возвышающийся громадный Эльбрус, который жители именуют Кот-гора. Мы поехали в Константиногорск, маленькую крепость у подножия гор, именуемых Бештау, в добрых 20 верстах от Георгиевска, где находятся сернистые и очень горячие воды, которые привлекают все годы великое множество больных; мы оставили генерала и его супругу подогревать их любовь в сере, а сами отправились ещё на добрых 30 вёрст дальше, к минеральным водам, именуемым кислыми водами, которые имеют много сходства с водами Зельцера, и где мы обнаружили одно общество, очень значительное и очень расположенное к тому, чтобы разделить веселье, которое нас сопровождало. Один полк стрелков и два казачьих полка охраняли здесь воды и больных и защищали их от посягательств черкесов, которые смотрят с крайним неудовольствием на это заведение, которое расположено уже в их горах.

Я там познакомился с одним черкесским князем, именуемым Росланбеком, братом Измаил-бея, который служил в наших войсках и был в тот момент в Петербурге.

Сам Росланбек имел чин полковника, и обладал довольно значительной пенсией, но поскольку он уже несколько раз воевал против нас, то большого доверия

Калмыцкий праздник. 1820-е

к его дружбе не было. Однако я принял с удовольствием тот дар, что он мне преподнёс: проехать с ним добрых 30 вёрст, чтобы увидеть его жилище, его воинов и его сестру, которая слыла очень красивой. Почти невозможно увидеть ни одну черкешенку, и их красота столь много славится, что я не обратил внимания на внушения, которые мне сделали, об опасности, которой я мог бы подвергнуться. Ещё несколько молодых людей присоединились к нам, и после того, как мы ехали несколько часов через горы и чарующие селения, мы прибыли в селение нашего князя. Он дал в нашу честь очень хороший обед по обычаю своей страны, показал нам своих лошадей, своё оружие, и смутно — свою сестру, у которой мы смогли хорошо различить только фигуру, которая была великолепна, как у всех черкешенок, чьё элегантное одеяние даёт возможность показать её. Мы вновь оседлали коней, и по сигналу стрелы, которую Росланбек самолично пустил на невероятную высоту, более 400 черкесов в кольчугах и шлемах, вооружённые различным оружием, прискакали к нам во весь опор. Это была кавалерия наивысшего уровня, самая искусная и наилучшим образом вооружённая из всех, которые можно было бы увидеть; он нам сказал, взирая с удовлетворением, чтобы мы любовались его войском, хотя бы здесь и был один конвой казаков. После того, как нам показали их способ ведения боя, стреляя по цели во время скачки во весь опор из ружья, из пистолета и из лука, он проводил нас в наш лагерь, где все были очень

рады вновь увидеть нас, сильно укоряя нас за неосторожность. Тот самый Рослан-бек два года спустя лишил нас двух пушек, разбил две роты стрелков и объявил себя навсегда самым непримиримым врагом России.

Я познакомился ещё с одним князем, живущим в горах; его называли Максимка; он сказал мне с полным воодушевлением, присущим этим народам, «здесь я — Максимка, а когда проходят через ущелье, которое ведёт в Грузию и которое возвышается над моим селением, меня величают Максимом Павловичем».

Мы продлили более, чем могли, наше пребывание на этих водах, где несколько женщин присоединились к развлечениям общества; в одном шатре недалеко от моего проживали две сестры — дочери одного старого генерала; старшая, будучи замужем, очень захотела позволить мне скрытно разделить с ней ложе, но так как несколько дней спустя она узнала, что я отнюдь не был деликатным, ей пришлось искать счастья в другом шатре, более дальнем, у стряпухи этих двух сестёр. Наш генерал, запасясь здоровьем и силой, вернулся к нам в Георгиевск, где госпожа губернаторша захотела отведать моих здоровья и сил; это была очень красивая женщина, более чем легкомысленного поведения, и это именно то, что годилось для путешественника. Мы покинули, наконец, эти места удовольствия, и поехали вновь по пограничной дороге до Кизляра, повсеместно сопровождаемые приграничными казаками, из которых гребенские и семейные являются наилучшими; они одеты, вооружёны и ездят верхом в точности как черкесы, и перед лицом постоянной необходимости защищать свои очаги и собственную жизнь они так закалились, что можно смело сказать, что они во многом превосходят лучших донских казаков.

Кроме того, эта линия границы защищается регулярными войсками, как пехотой, так и драгунами, и поселениями, защищённые валами с наблюдательными пунктами.

Кизляр — левый край этого участка границы, расположен почти в устье Терека, который образует нашу границу, начиная за 50 вёрст вправо от Моздока и до Каспийского моря, он пользуется доброй славой из-за количества вина и водки, производимых здесь. Здесь мы покинули пограничную линию и наш смелый конвой, и отправились в Астрахань, через ужасную пустыню, в которой калмыки единственные поддерживают посты, и устраивают там мимоходом свои кочевнические жилища.

Астрахань — одна из столиц бывшей Татарской империи, обладая наиболее благоприятным для торговли месторасположением — в устье богатой Волги и почти на берегах Каспийского моря, этот город получает товары со всей России и из Азии: Пётр I, этот великий гений, который создал всё в своей обширной империи, который построил верфи в Финском заливе, который развернул флаги России в северных морях, также построил корабли в Астрахани и укротил Персию, которая уступила ему безраздельно навигацию в Каспийском море.

К несчастью, вместе с Петром I закончилась и деятельная забота правительства о процветании астраханской торговли, она чахнет, и ожидает, что некая

покровительствующая рука обеспечит ей всё пространство, которым она должна бы пользоваться, и завершит прекрасный труд, начатый Петром I. Нет никакого сомнения, что нужно лишь немного заботы — и торговля Астрахани станет для России источником неиссякаемого богатства. Улицы сего города похожи на настоящий маскарад; там можно встретить индийцев, бухарцев, турков, персов, армян, евреев, калмыков и представителей других наций, и все они имеют собственные храмы вкупе с полной свободой вероисповедания.

Город очень обширен, украшен прекрасными церквами, множеством высоких домов и окружен бескрайними садами и виноградниками.

Мы спустились по одному из притоков Волги, чтобы присутствовать на грандиозной рыбной ловле, которую здесь совершают, и которая снабжает рыбой большую часть России: это настоящая битва, в движении одновременно находятся больше сотни баркасов, вытащенная рыба покрывает значительную площадь поверхности, а добрая сотня людей занята тем, что солит ее и укладывает в бочки.

Я встретил в Астрахани молодого графа Воронцова, с которым был очень близок в Петербурге, и американского путешественника Аллена Шмидта, которые готовились к поездке в Грузию; я с готовностью ухватился за эту оказию повидать столь интересную страну; а генерал позволил покинуть его на несколько месяцев. Мы воспользовались еще несколькими балами, которые давали в Астрахани; одна почтенная пожилая женщина добилась для меня благосклонности одной очень милой армяночки; мы запаслись вином и вновь пересекли, Шмидт, Воронцов и я, ту же самую пустыню, по которой уже проходили; затем из Кизляра снова отправились вдоль границы Кавказа и остановились в Екатеринограде, чтобы приготовиться там к нашей кампании и дождаться конвоя, который должен был нас сопровождать.

Мы купили лошадей и перешли через Терек вместе с ротой егерей и 80 казаками с границы. Вдали показались несколько черкесов, как бы для того, чтобы наблюдать за нашим передвижением. Вечером мы прибыли на Елизаветский редут, охраняемый двумя ротами с двумя пушками; там мы покинули наших егерей и продолжили наш путь на следующий день вместе с 80 казаками. Дорога сия проходит по чудесной равнине, ограниченной высокими горами Кавказа, которые кажутся еще выше по мере того как к ним приближаешься.

Мы остановились на берегу Терека, быстро вьющегося по этой равнине, чтобы накормить своих лошадей и искупаться самим, хотя и был уже октябрь месяц. Наши пикеты сообщили о появлении противника; каждый из нас хотел продемонстрировать желание добраться до него первым, и мы пустились во весь опор, еще более ободренные, видя, что он обратился в бегство. Но каково же было наше удивление и радость, когда мы узнали в тех, за кем гнались, донских казаков, которые конвоировали почту из Владикавказа в Елизаветский редут. В веселом расположении духа мы прибыли во Владикавказ, крепость, возведенную у подножия кавказских гор и защищаемую одним батальоном с несколькими орудиями.

Комендант выделил для нас хорошую просторную землянку, где мы глубоко заснули после ужина, который показался нам превосходным.

На рассвете мы взобрались на лошадей; а наш эскорт пополнился 50 пехотинцами из владикавказского гарнизона. Тот самый Максимка, с коим я познакомился на водах Кавказа, находился в крепости, и мы должны были пройти как раз по его территории, но он принес извинения за то, что не может нас сопровождать, потому что чума опустошала его деревню.

Следовало действительно быть настороже и строго запретить солдатам прикасаться к чему-либо из того, что можно было повстречать в дороге; чума объявилась почти во всех окрестностях. Мы проехали лесом и сделали привал поблизости селения Балта, чтобы приготовиться к входу в ущелье. Туда заходят как в некий коридор; на вершинах гор, отвесно вздымающихся с обеих сторон, можно заметить селения горцев. Все они — наши враги, но нередко сражаются и друг против друга и приходят тогда умолять наших офицеров, чтобы те помогли им перерезать друг другу глотки.

То малое согласие, которое царит меж ними, и которое мы всеми средствами стараемся, насколько возможно, укреплять — одно смогло нам открыть этот проезд, столь непроходимый, что ясно выраженная и хорошо организованная воля местных жителей могла бы соперничать с целыми армиями.

Терек бурно катится меж этих высоких гор, и его приходится множество раз переходить вброд; невдалеке от Балты мы были остановлены несколькими ружейными выстрелами; я принял командование авангардом, а Воронцов — основными силами нашего маленького отряда. Как бы я был счастлив, если б каждый последующий бой позволил мне ощутить столь же живое удовольствие, какое я испытал в самом начале моей военной карьеры! Два казака были легко ранены; одержав победу, мы прошли до Ларса, где улеглись спать в небольшом редуте на склоне горы, увенчанной замком под тем же названием; чума оставила этот замок, а равно и трупы несчастных, умерших от этой болезни; так что мы могли любоваться сим древним донжоном лишь издалека. 15-й егерский и Севастопольский полки, направляющиеся в Грузию, раскинули свои бивуаки вдоль ущелья, чьим великолепным видом мы могли этим вечером насладиться.

Спускаясь от Ларса, мы вернулись в ущелье, кое становится в этом месте настолько узким, что в некоторых местах можно было идти лишь по 2 или 3 человека в ряд. На протяжении 17 верст Терек переходят 20 раз по мостикам, которые по большей части приходится сооружать самим, поскольку злоба местных жителей и буйство реки часто разрушают их. Самый опасный и наиболее часто атакуемый переход — это Дарьял. Там опасаешься быть унесенным с камнями, которые катит Терек, или быть расплющенным огромными скалами, нависающими над головой. В конце этого ущелья находится замок Казбек, у подножия горы с тем же названием, принадлежащий князю, коего также называют Казбек[18] и который исповедует полную преданность России. Мы остановились на ночь в его замке, немного напоминающем таинственные замки госпожи Радклиф, чьи двери

закрываются со столь же тщательной заботой, какую могли проявлять древние рыцари, оберегаясь от нападений врагов. Не найти ни одного человека, который не был бы вооружен; кажется, что ты переносишься в какой-то роман.

Однако, покидая Казбек, ты доволен тем, что чувствуешь себя немного более просторно, и что миновал это ужасное ущелье; и снова встречаешь берега Терека меж гор, однако менее высоких, образующих долины и панорамы восхитительной красоты и разнообразия. Сей день — вплоть до селения Коби — был настоящей прогулкой; однако следующий день — до Кашаура — был самым утомительным из всех переходов Кавказа; непрерывно поднимаемся по очень узкой и очень плохой дороге; на вершине этой горы — крест, давший ей название, мы совсем напуганы, глядя себе под ноги: селения теряются в облаках; с трудом можно различить истоки Терека, несущего свои воды в Россию и воды Арагви, которая вскоре оросит равнины Грузии. Из Кашаура спускаемся (намного быстрее, чем поднимались сюда) и входим в чудесную долину, орошаемую Арагви и затененную великолепными деревьями. Перемещаемся в новый климат; вся природа могла бы принарядиться здесь по-новому; воздух там более мягок, и нельзя не позволить себе любоваться на каждом шагу чудесными и живописными ландшафтами. Таким образом мы прибываем в Ананур, маленький городок, где мы остановились на ночь и обнаружили прекрасное местное вино, которое помогло нам заснуть и забыть об опасности чумы.

Нам не терпелось быстрее прибыть в Тифлис, и мы с Воронцовым оставили наших компаньонов и, в сопровождении всего двух казаков, отправились рысью. Наши казаки не смогли следовать за нами, испугавшись, как бы мы не поехали не той дорогой; мы были в восторге, заметив на Мухранской равнине лагерь с нашими войсками; но какое неприятное чувство мы испытали, когда, пожелав приблизиться к нему, столкнулись с часовыми, которые, нацелив на нас ружья, приказали удалиться; хоть мы и объявили свои звания, нам пришлось проехать мимо. На некотором расстоянии от этого лагеря мы обнаружили казачий пикет, который сообщил нам, что в крае царит чума, и тот егерский батальон изолировался, чтобы обезопасить себя от этого зла. Мы проехали мимо Мцхеты, руин старинного замка и монастыря, построенного на великолепном месте — там, где Арагви впадает в Куру. Вид Мцхеты, гор, и быстрого извилистого течения двух рек — один из самых прекрасных, какие только можно увидеть в мире.

Наконец, мы ясно увидели Тифлис, довольно большой город, стоящий на берегах Куры, чьи древние стены увенчивают отвесные скалы; проехали мимо чумного кладбища, что отнюдь не было для нас приятным, и прибыли в дом князя Цицианова, главнокомандующего в Грузии и на границе Кавказа. Он принял графа Воронцова очень хорошо, а вот меня очень плохо; его разместили в доме князя, а я с Нехлюдовым и Шмидтом отправился ночевать в город. Сия первая ночь была очень неприятной: мы прошлись по узким темным и абсолютно пустынным улочкам; эпидемия заставила жителей спасаться бегством, и при слабом свете нашего фонаря мы различали на некоторых дверях намалеванные дегтем

кресты, которые указывали на дома, где произвела опустошение чума. Наш квартал тоже был заброшен; окна были разбиты, и ветер и кошки проникали туда со всех сторон. Мы не слишком-то обрадовались такому началу, и чума не внушила нам разве что чувство ужаса. Но со следующего дня мы начали привыкать к этой мысли, а несколько дней спустя о ней больше не думали, и находили даже очень забавным меры предосторожности против чумы. В Тифлисе есть очень приятные горячие серные ванны, где я частенько бывал; нужно было отказаться от женщин, что удалось с большим трудом, я лишь ненадолго смог за деньги найти себе одну: говорят, что когда в городе нет эпидемии, удовлетворить любопытство, которое должен иметь каждый приезжающий, чтобы познать столь хваленых красавиц Грузии, очень легко.

Князь Цицианов готовился к походу на Гянджу, и, когда все было готово, мы покинули Тифлис и отправились на соединение с армейским корпусом, собранным приблизительно в 15 верстах от города и состоящим из Нарвского драгунского полка, батальона Кавказского гренадерского полка, 17-го егерского и Севастопольского полков, нескольких казаков; грузинские и татарские волонтеры присоединялись к ним на ходу, и каждый день несколько князей или дворян, великолепно одетых, следовавших на превосходных лошадях вместе со своими хорошо вооруженными и хорошо держащимися в седлах вассалами прибывали, чтобы пополнить нашу маленькую армию, и придать ей облик некоего крестового похода; князья Орбелиани, Амилохвари, Чавчавадзе и другие грузины, татары и армяне высокого происхождения также прибыли, чтобы предложить свое мужество и хвастануть своей роскошью.

Мы двигались по правому берегу Куры, спускаясь вниз по течению сей реки; на второй день мы переправились через мелкую, но быструю речку Аджету по превосходному каменному мосту, который называют Красным; он древней и очень прочной постройки. В кладке этого моста, с той стороны, откуда мы пришли, сделана вровень с водой очень просторная и удобная конюшня, в которой может укрыться целый караван. В одной из опор, служащих основой арки посредине моста, есть лестница, которая ведет в квартиру, где путешественник найдет даже камин. Наша команда без особого труда поднялась на мост, образующий очень высокую арку. В пути мы получили удовольствие от бегов и тех упражнений, которые грузины и татары выполняли со своими лошадьми, это нас очень развлекло.

На 7-й день похода мы прибыли в Шамхор, древний полностью разрушенный город, от которого остались только руины; князь принял здесь посланца от Джевата, хана Гянджи, который, узнав о марше нашей армии, спрашивал о цели оного, а скорее хотел с помощью гонца разузнать о силах нашей армии. Он нашел наше вооружение внушительным, но, однако, поведал нам, что хозяин его обладает куда большими пушками, чем наши.

Прибыв поближе к Гяндже, князь возжелал произвести ее разведку, но, видя противника, развернувшего свои силы, он приказал двинуться почти всему корпусу, и у садов окраин города дело пошло: батальон Кавказских гренадеров под

Черкесская пляска. Рисунок Е.М. Корнеева. 1803

командованием храброго подполковника Симановича и самая большая часть наших казаков вместе с грузинами и татарами, поддержанные несколькими артиллерийскими орудиями, атаковали противника с фронта и вынудили его укрыться за слободскими стенами; князь самолично с оставшейся частью войск взял правее и проникнул в слободу; персы, не сходя с места, ожидали нас за одной из стен, обстреливая оттуда всю улицу. Воронцов и я спешились и попросили о милости быть задействованными в сражении; князь охотно доверил каждому из нас по 30 егерей; вперед выдвинули одно орудие и через несколько минут противника выбили и, преследуя, гнали из одного сада в другой; мы взобрались на стены и постарались расчистить путь артиллерии: несколько грузинских князей проявили действительно геройскую отвагу и преследовали кавалерию противника до самой крепости. Отряд под командованием подполковника Симановича также отбросил противника сквозь слободу и, в то же время что и мы, показался на площади, отделяющей слободу от крепости.

Князь поместил артиллерию на внутренней границе слободы, и то там, то сям началась стрельба из орудий. Огонь из мушкетов, ведущийся противником из небольшого передового укрепления, стоящего отдельно от стен крепости, стеснял наших артиллеристов, и князь отдал приказ захватить укрепление; капитан Котляревский со своей ротой 17-го егерского полка, Воронцов и я с нашими егерями,

побежали чтобы овладеть им, но, когда мы добрались до рва, огонь, направленный на нас со всех сторон, был столь сильным, что большая часть наших солдат или была убита, или бросилась наземь; Котляревскому пуля попала в ногу, и Воронцов увел его; не считая эскадрона драгун, которых князь направил нам на выручку, у нас оставались лишь солдаты, с трудом улизнувшие от персов, которые предприняли вылазку и отрезали головы несчастным раненым.

После того, как князь посетил все окрестности крепости и отдал приказания, он вернулся на ночевку в лагерь, но на следующий день оставшаяся часть корпуса подтянулась, и Гянджа была окружена со всех сторон.

Крепость Гянджа окружена рвом, позади коего есть маленькая стена из засохшей земли, затем глубоким рвом и очень высокой стеной из кирпича и камня с башнями по сторонам.

Князь Цицианов и начальник штаба[19] разместились на расстоянии пистолетного выстрела от крепости, в маленьких помещениях внутри мечети, чьи окна и двери выходили внутрь двора. Хотя был декабрь месяц, погода стояла превосходная, мы обедали на открытом воздухе во дворе этого персидского монастыря, затем шли на террасу, чтобы осмотреть крепость и сделать несколько выстрелов из ружья; иногда мы объезжали верхом наши позиции, которые располагались столь тесно, что в один прекрасный день, в то время как мы были за столом, несколько наших гранат, неумело направленных с другой стороны крепости, разорвались над нашими головами.

Персы неоднократно делали вылазки, особенно ночью; их самообладание и ответы Джеват-хана на предупреждения князя доказывали нам, что осада протянется долго; артиллерия наша была слишком слаба, чтобы расшатать стены крепости, а снабжение наших войск затруднялось; итак, следовало испробовать последнее и единственное средство для овладения Гянджей — штурм.

Решившись на штурм, князь скрыл от нас это; будучи довольным тем, как мы с Воронцовым участвовали во взятии пригородов, и не желая подвергать нас слишком большой опасности, он направил нас против лезгин, под команду славного генерала Гулякова, сказав нам, что там мы найдем больше возможностей отличиться, нежели при осаде, от которой нельзя ожидать серьезного боя. Он доверил нас грузинскому князю Луарсабу Орбелиани, которому он дал для нашего эскорта 300 татар.

Мы двинулись в путь, но вместо того, чтобы заночевать, как рассчитывали, на постоянном посту наших войск, мы сбились с пути, и, поскольку ночь становилась очень темной, нам пришлось встать среди степи чтобы накормить наших лошадей. Едва мы приступили к нашему скудному ужину под обильно валящим снегом, как татары обратили наше внимание на далекие огни, как они утверждали, лезгинского войска; мы разожгли больше костров, чем те, которые устрашили наш эскорт и спокойно заснули в ожидании восхода луны. Луарсаб резко разбудил нас, объявив, что татары нас покинули, и что ни он, ни его верный грузин не смогут разыскать дорогу, и что, тем не менее, оставаться там где мы были

дальше было опасно; итак, следовало вновь взобраться на лошадей, в сопровождении лишь наших слуг и двух казаков, и переносить дружелюбную брань нашего проводника по поводу глупости, которую мы совершили, приехав в Грузию, тогда как в Петербурге могли бы прогуливаться в экипаже и развлекаться в театре; в течение некоторого времени он наслаждался этими развлечениями и находил их тем более приятными, поскольку в свое ранней молодости был игрушкой в руках судьбы. Уведенный в ранней молодости лезгинами, которые захватили и разграбили замок его отца, он был продан одному черкесскому князю, который перепродал его на границе Кавказа одному офицеру нашей армии; этот офицер, не сомневаясь в благородном происхождении своего молодого невольника, сделал из него своего конюха и взял его с собой в поездку в Петербург; как раз в то время, когда он был в столице, посол царя Грузии, который сообщил о несчастье, случившемся в семействе Орбелиани — одном из самых прославленных в своей стране и близком царской семье — нашел и признал молодого Луарсаба и вернул того к своему положению и к родителям, которые за несколько лет уже оплакали смерть своего ребенка. Итак, ему было более позволительно, чем другим, бояться лезгинов и удивляться тому, что мы по своей доброй воле прибыли чтобы подвергнуть себя опасности попасть в такую же беду.

Мы провели несколько часов, не зная, ни где мы были, ни какого направления следовало придерживаться, прислушиваясь к каждому собачьему лаю, который, казалось, нам слышался, опуская руку в каждый ручеек, который мы переходили, чтобы определить направление его течения, несколько раз возвращаясь к своим следам, пока, наконец, не вошли в деревню, признанную Луарсабом татарской. После множества сложностей он растворил нам двери землянки деревенского старосты, но наше удивление не было приятным, когда при свете возженого для нас Луарсабом камина мы распознали персов, устроившихся у нашего хозяина, предложил нам лечь и притвориться спящими, пока он будет расхваливать наши успехи у Гянджи, чтобы запугать хозяина или разузнать его планы. Мы так устали, что на полном серьезе заснули, а Луарсаб рассказывал так хорошо, что персы убрались восвояси, а хозяин на рассвете дал нам проводника, чтобы довести нас до первой грузинской деревни; там в деревне мы съели обед, показавшийся нам чудесным, и благополучно прибыли вечером того же дня в Тифлис.

Здесь мы как свалились как снег на голову коменданту, коего нашли в веселом настроении, в окружении певцов и бутылок; мы подстроились в унисон к этому обществу и нашли дорогу к нашему дому не иначе, как нетвердой походкой.

На следующий день, первый день Нового года, мы вновь отправились в путь, подобно странствующим рыцарям, в сопровождении одних лишь своих оруженосцев; мы имели вид искателей приключений; мы остановились на ночь в Сагореджи, где прекрасная княжна задержала нас на целый день; это была княгиня Юстиниана, красавица-дочь князя Орбелиани, генерала на нашей службе; и оба добрых рыцаря втюрились в эту красавицу и, для того чтобы ей понравиться, провели всю ночь в танцах. На следующий день ее пришлось покинуть и с грустью

ехать на ночевку в Сигнах, неприглядный на вид маленький и очень грязный городок, опустошенный чумой.

Покидая Сигнах, мы спустились на равнину, орошаемую Алазани, которая вот уже много столетий являлась кровавым театром для не прекращающихся битв между лезгинами и грузинами.

На самом берегу этой реки, которая образует границу между сими двумя враждебными народами, мы обнаружили лагерь под командованием генерала Гулякова; там размещались Кабардинский мушкетерский полк, части Тифлисского мушкетерского и 15-го егерского полков; на некотором расстоянии от лагеря находился мост с плацдармом под названием Александрийский редут, по которому можно было пройти на вражескую территорию. Всегда следовало быть настороже, особенно ночью; все укладывались спать одетыми и вооруженными и, для избежания неразберихи, два фонаря обозначали вход в небольшое укрепление, куда нужно было собираться в случае нападения. Каждый раз, отправляясь за водой или ведя на водопой лошадей, рисковали получить пулю; удаляться от лагеря остерегались, и даже казачьи пикеты были от него весьма близко.

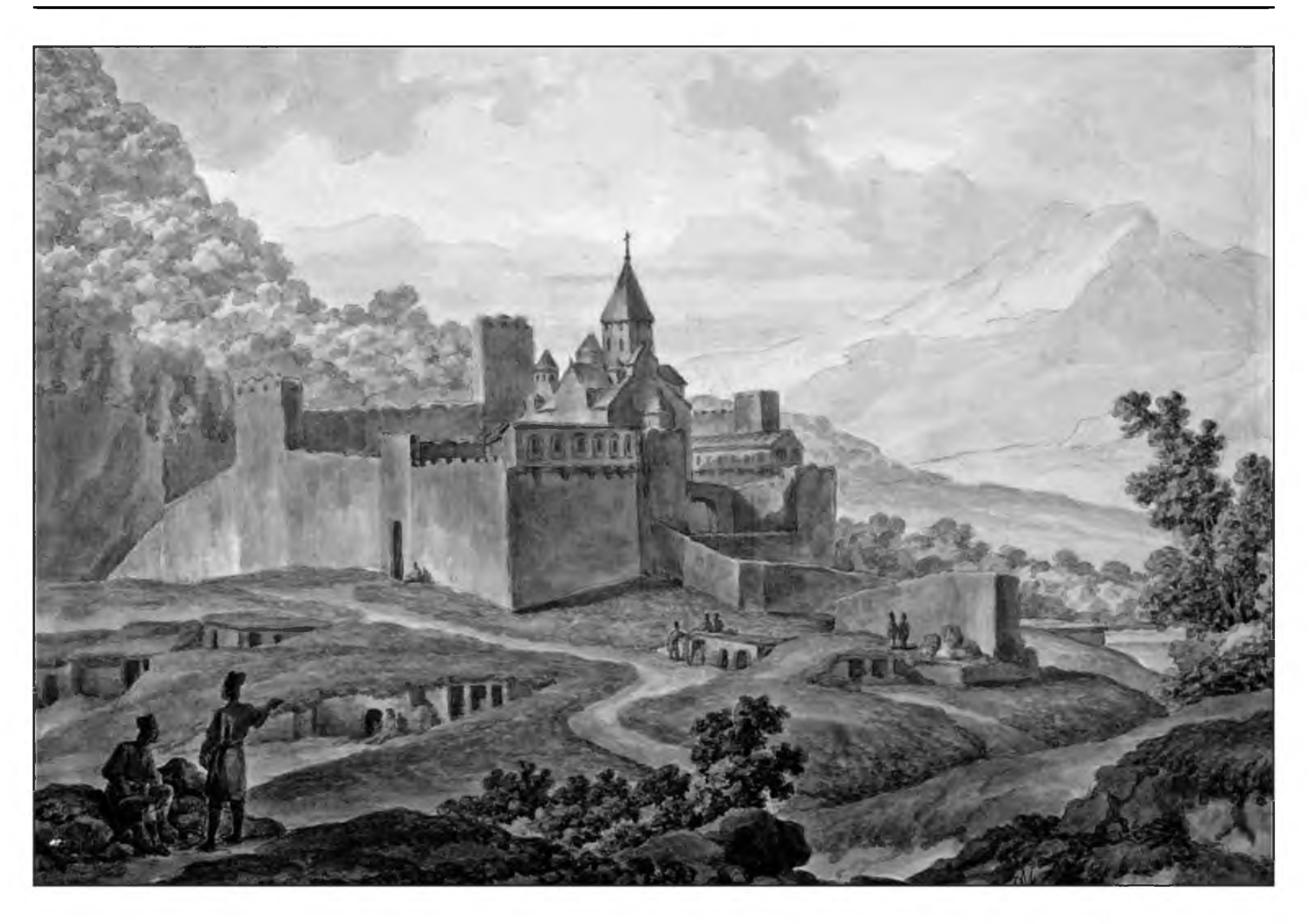
Эти славные войска провели, большей частью, уже 18 месяцев в таковом утомительном положении, порой не получая провизии и часто вступая в бой.

1804

Едва мы пробыли пару дней среди сих отважных войск, как генералу Гулякову доложили, что лезгины прошли большими силами парой десятков верст ниже нашего лагеря и грабят грузинские селения. Он тотчас же выступил, к концу дня мы прибыли в место, неподалеку от которого они перешли реку, и куда были должны вернуться, отягощенные своей добычей. На заре послали несколько стрелков, чтобы разведать сие место, и нашли его занятым шайкой пеших лезгин, оставшихся здесь, чтобы прикрыть отступление своей кавалерии. Мы с Воронцовым пошли с первыми стрелками; открылся огонь, но когда генерал пожелал взять сей пункт приступом, бой стал таким упорным, что мы потеряли много людей и не смогли выбить оттуда противника. Лезгины отошли в довольно густой лес, и когда наши солдаты, утомленные перестрелкой, хотели броситься в штыковую, лезгины с такой яростью устремились на них с кинжалами в руках, что заставили отступить самых отважных.

Генерал, видя сколько людей он терял впустую, приказал прекратить атаку; тогда мы двинулись в горы, чтобы выбить с них лезгин, возвращавшихся после набега. Огромное количество уведенного ими скота, особенно баранов, которых они гнали перед собой, делало гору белой и покрывало часть долины; мы направились к ним и несколькими пушечными выстрелами рассеяли противника, не захотевшего выступить против нас на голой равнине, но нам было невозможно нагнать

Крепость-монастырь Ананури. 1804

основные силы их войска, которое, волоча за собой большую часть добычи, отправилось искать более удаленную переправу. Когда наступила ночь, мы заняли позицию, расположившись в каре; ночь сия была очень неприятной, шел снег, и было очень холодно, а имевшимся среди нас раненым было трудно принести хотя бы некоторое облегчение, ибо ни для нас, ни для лошадей не было даже воды.

Мы возвратились в лагерь, не слишком хвастая нашей вылазкой, но наше настроение подняло известие о счастливом исходе штурма Гянджи. Князь Цицианов рискнул предпринять его, имея не более 3 тысяч пехоты против почти отчаянно оборонявшегося 7-тысячного гарнизона. Джеват-хан с двумя сыновьями и огромное число его войска погибли в сражении; несколько сотен лезгин, бывших в составе гарнизона, сгорели, укрывшись в мечети, где они продолжали обороняться.

Этот успешный штурм, один из самых превосходных подвигов нашей армии, заставил дрожать все народы, которые окружают Грузию, и укрепил власть князя Цицианова. Он назвал Гянджу Елизаветполем и, оставив там достаточный гарнизон, вернулся в Тифлис.

Мне пришлось покинуть Воронцова, чтобы тоже вернуться в Тифлис, откуда я должен был, воспользовавшись благоприятным сезоном, вновь перейти Кавказские горы и разыскать моего генерала, назначившего мне встречу в Херсоне.

В Тифлисе я присоединился к Шмидту и Нехлюдову; когда чума приостановила свои опустошения, мы смогли больше насладиться пребыванием в городе; уже открылись несколько лавок и жители начали возвращаться в свои дома. Князь Цицианов относился ко мне с отеческой добротой; прибыла украсить Тифлис своим присутствием и прекрасная княжна Юстиниана. Но было нужно уезжать; мы задержались на несколько дней из-за известия о несчастье, только что пришедшего из нашего отряда стоящего на Алазани: славный генерал Гуляков, в прошлом году уже проникший до Джара, главного города лезгин, возжелал перебросить наши войска вглубь их гор; противник лишь слабо сопротивлялся движению, но когда генерал Гуляков, почти во главе колонны, углубился в очень узкое ущелье, образованное с одной стороны непроходимым лесом, а с другой — пропастью, лезгины с такой яростью обрушились на наши войска, что генерал Гуляков стал одной из их первых жертв, а остатки войск были опрокинуты в пропасть, откуда были вынуждены отступить в самом большом беспорядке. Молодой граф Воронцов удачно упал на нескольких лошадей, сброшенных до него и, контуженный, бежал оттуда. Потеря отважного генерала Гулякова привела в уныние всю армию и всю Грузию, которая потеряла в нем самый надежный щит против лезгин, на которых он наводил ужас в течение двух последних лет.

Граф Воронцов вернулся в Тифлис, мы распрощались, и я поехал обратно на Кавказ. Спустившись с горы Ларс, я поехал вперед и увидел черкеса, скакавшего ко мне крупной рысью; будучи вооружен и видя, что он один, я постыдился замедлить ход своей лошади, и мы встретились у подножия горы. Он посторонился как бы для того, чтобы дать мне проехать, и я узнал Максимку, или Максима Павловича, с которым я познакомился на водах Кавказа и которого еще раз видел во Владикавказе, направляясь в Грузию. Мы обнялись, и он сказал мне, что, узнав о моем прибытии, приехал встретить, рассчитывая на мою лояльность; что князь Цицианов отдал приказ взять его живым или мертвым и что, таким образом, он не может рисковать, дожидаясь моего конвоя, но просит поехать с ним в его деревню и отправить конвой во Владикавказ, куда он сам меня проводит.

Не желая лишить Шмидта и Нехлюдова хорошей возможности увидеть поселения горцев изнутри, я спросил его разрешения взять их с собой. Итак, я уведомил их и приказал конвою ехать одному; офицер, командовавший им, очень неохотно отпустил нас, но я дал ему расписку, что беру все на себя, и мы — Шмидт, Нехлюдов и я — отправились к нашему князю Максимке, который, чтоб быть менее узнаваемым, оделся как можно беднее.

Чтобы сделать приятное нашему проводнику, мы двигались со всей возможной скоростью; по очень узким и извилистым тропам мы приехали в его замок, все подходы к коему охранялись вооруженными людьми; мы заехали во двор, где спустились на землю безоружными: таков обычай страны, и он очень мудр — горцы говорят, что не нуждаются в оружии, находясь в комнате, и особенно за столом, где они могли бы, на минуту вспылив, неуместно воспользоваться им.

После прекрасного обеда Максимка попросил меня выслушать его: он поведал, что когда увидел меня по моем приезде во Владикавказ, ему помешала последовать за мной не только чума, но и распря с деревней, расположенной с другой стороны ущелья напротив его селения; что жители сей деревни, собрав много людей, неожиданно напали на его селение и вырезали там несколько человек и, что еще хуже, угнали всех его баранов. Что через некоторое время он собрал всех своих воинов, и ему посчастливилось разорить вражескую деревню и принести оттуда десятка четыре голов, за которых ему уже вернули большую часть его баранов, и что он надеется за те, которые у него остались, получить обратно все, что у него взяли; но что это столь невинное дело было плохо передано князю, и он хотел бы, чтоб я оказал ему услугу подробно изложить это дело князю и заверить в полной преданности Максимки России, и добиться от него, чтобы между ними восстановилось полное согласие.

Я написал все, что он хотел и отправил письмо нарочным в Тифлис. Сия исповедь Максимки, на самом деле, есть целая картина горских нравов. Для них позорно оставить в руках врага тело или голову своего родственника или друга, и их купят любой ценой перед тем, как отомстить за его смерть смертью убийцы, его сына или одного из близких. Таковой способ мести увековечивает войну и ненависть между деревнями и семействами.

Наш занимательный проводник проводил нас до места, откуда была видна наша крепость и, посоветовав помчаться туда во весь опор, поехал обратно к своей горе.

Мы прибыли в Моздок, где устроили карантин, и где, после того как мы хорошо надушились, нас заперли на несколько дней в отвратительной хижине, в которой ветер и снег, дувшие во все дыры, как нельзя лучше очистили нас от всех возможных заразных болезней.

Некоторые были против оккупации Грузии, которая на самом деле требует от нас множества людей и денег; но Грузию надо рассматривать как передовой рубеж, который Россия имеет в Азии для того, чтобы быть вовремя осведомленной о военных приготовлениях, которые Азия может однажды предпринять позади сего непроницаемого заслона Кавказа.

Затем, достаточно заскучавшие в Моздоке, мы направились в Черкасск, где остановились на несколько дней, очарованные возможностью вновь находиться в городе, хорошо размещенные и не имеющими нужды ни в оружии, ни в охране.

Оттуда мы проследовали через Екатеринослав, губернский город, которому дал жизнь князь Потемкин — творец всей этой части юга России. Во время путешествия Императрицы этот визирь, желая заворожить взгляд своей государыни, похвалиться своими обширными завоеваниями и преобразованиями и, как галантный любовник, позабавить и изумить свою владычицу, повелел возвести этот город словно по волшебству. Императрица прибыла сюда из Киева в мае, путешествуя по Днепру на великолепной галере, и сойдя на берег, остановилась здесь в волшебном дворце, в котором были соединены все великолепие и элегантность;

просторный и со вкусом разбитый сад, оранжерея, лавчонки, дополняемые торговцами и торговками со всех частей света, многочисленное население, превосходные дома поразили взоры государыни, польстили ее честолюбию, а князь Потемкин, которого придворные замыслили погубить, посоветовав это путешествие Императрице, оказался в еще большей милости, когда выказал ее великой в глазах иностранцев и ее собственных подданных.

Императрица покинула этот новый город, и этот новый город перестал существовать. Дома разрушились, а жители, торговцы и лавки были переведены в другое место, вновь единственно по воле Потемкина, и снова поспособствовали тому, чтобы ввести Императрицу в заблуждение и усилить влияние фаворита.

Климат Екатеринослава, его прекрасное местоположение и богатство земли всей этой губернии не смогут не создать там со временем значительный город. Мы прибыли, наконец, в Херсон, где и нашли нашего старого генерала.

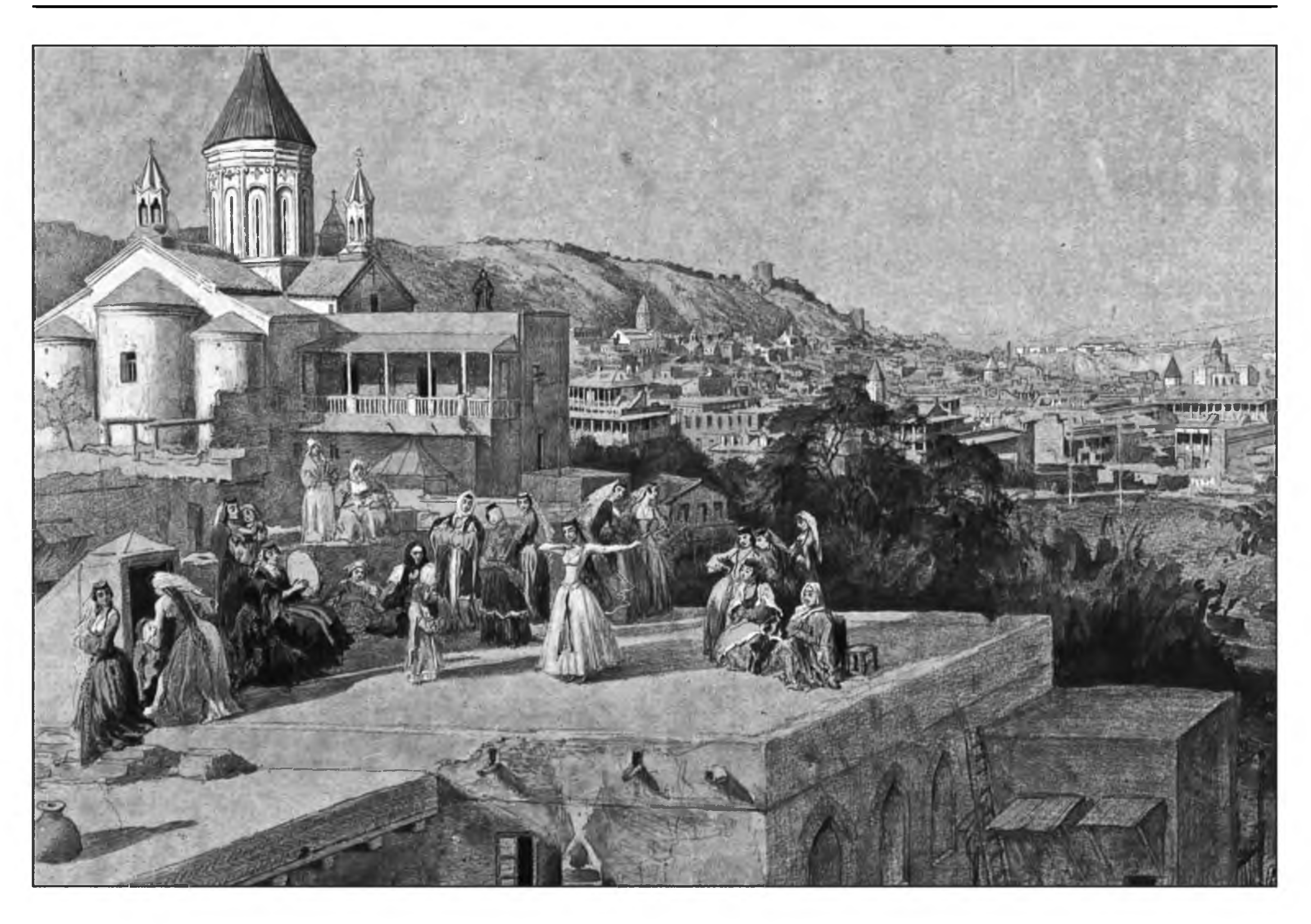
Городское устройство, крепость, торговля Херсона — все это деяние Потемкина, этого Визиря, столь выдающегося своими великими замыслами, талантами и пороками в бытность его министром, фаворитом императрицы Екатерины.

Херсон стал мавзолеем Потемкина[20], там он был предан земле. Этот столь могущественный человек, арбитр политики Европы, правивший Россией, грозивший Константинополю, возводивший города, умер на шинели, и его тело, после того, как покоилось несколько лет в церкви в Херсоне, было сброшено в Днепр по восшествии на престол Императора Павла; невероятно, чтобы эта гнусность, эта столь низкая месть была осуществлена по приказу Павла, но низость придворных всегда идет дальше желаний тиранов.

С первыми днями весны мы покинули Херсон и направились в Крым. Въезжают на этот полуостров через единственный проход — Перекоп. Татары — долгое время хозяева России, в свою очередь побежденные со всех сторон, нашли в Крыму свое последнее прибежище. Они возвели этот земляной вал, или Перекоп, который оказался всего лишь слабой преградой против отваги наших войск. Этот оплот был взят приступом, а Крым — завоеван. Но вечным позором для завоевателей и для царствования Екатерины будет то, что весь Крым сделался безлюдным; эта прекрасная провинция, житница Константинополя и Малой Азии, покрытая городами с цветущими садами и питающая более миллиона трудолюбивых жителей, была превращена в пустыню.

От Перекопа до Ак-Мечети, или Симферополя, 130 верст, где более почти не находишь следов прежних поселений.

Мы направились в Карасубазар, город, который был одним из самых значительных в Крыму, оттуда — в Кафу, или Феодосию, огромные руины которой еще говорят о ее прежнем размере и былом великолепии. Этот город некогда именовался Маленьким Константинополем, имел более 100 тысяч жителей, обширнейшую торговлю, мечети, общественные бани и множество других зданий, даже незначительными остатками которых восхищаются до сих пор; стены города и древний замок, или цитадель, были возведены генуэзцами, его весьма

На тифлисских террасах. 1840-е

просторный порт был некогда заполнен судами; теперь нет и 150 жалких лачуг, ни тени торговли; разруха и нищета овладели этим городом с того момента, как он перешел под власть великой Екатерины. Находясь в Кафе, испытываешь стыд; татары здесь были искусны, русские все разрушили.

Мы посетили маленькие крепости Керчь и Еникале, которые защищают вход с Азовского моря и которые также являются сооружениями генуэзцев, этих старых хозяев судоходства и торговли, я покинул свою карету и продолжил с одним татарином пересекать южную часть Крыма. Трудно увидеть поселения, более радующие взор, более величественные, чем те, что представляют берега моря и горы; Судак особенно примечателен своим прекрасным расположением и развалинами одного античного замка, построенного на удивительной по красоте возвышенности, откуда открывается вид на обширные дали Черного моря.

После нескольких дней путешествия, в ходе которого погода первых весенних дней мне благоприятствовала, я прибыл в Бахчисарай, прежнее место пребывания крымских ханов. Нас поместили во дворец, который по распоряжениям императрицы Екатерины тщательно поддерживается в том же состоянии, в котором находился, когда принадлежал прежним хозяевам. Город, как и все другие, изрядно утративший свое богатство и население, коими он обладал когда-то, тянется вдоль узкой долины ограниченной скалами, что придает ей самый живописный

облик, который возможно увидеть. Замок состоит из ряда строений, соединенных друг с другом без малейшей внешней композиции. Но внутри его все возможные удобства объединены с азиатской роскошью. Купальни из белого мрамора, фонтаны, рощи, сладострастные комнаты и обширные залы. Все это окружено стеной. Мечеть и усыпальница ханов и их домочадцев расположены во внутренней части двориков, единственный мавзолей находится вне стен дворца. Этот мавзолей был построен для какой-то русской женщины, в которую один из последних ханов был влюблен, и которую он не осмелился приказать захоронить рядом с мусульманами[21].

В этом дворце более, чем в любом другом месте, мечталось бы обнаружить какую-нибудь красавицу и здесь хану владычествовать гаремом, полным прекрасных рабынь.

Мы покинули это прекрасное место для того, чтобы отправиться в Севастополь. Какую печаль должен был испытывать хан, вынужденный покинуть навсегда свой дворец и этот прекрасный Крым.

Севастополь стал для нас новым зрелищем; этот крупнейший порт, построенный в соответствии с регулярным планом, был полон военных судов — они захватили все наше внимание. Севастополь и наш флот, который теперь доминирует на Черном море и угрожает Константинополю, являлись еще одним творением князя Потемкина.

В глубину порта, чья акватория тянется очень далеко и в своем основании не шире, чем небольшая река, идут с любопытством, чтобы посмотреть остатки старого города Инкермана, выдолбленного в скале. Сверх того, здесь можно хорошо прогуляться по кельям, в которые свет проникает через проемы, проделанные в части горы, выходящей на порт, здесь различают часовенки и довольно просторные покои.

В нескольких верстах от Севастополя мы посетили древний монастырь Святого Георгия, также выдолбленный в скале, отвесно обрывающейся у самого берега моря. С сожалением мы удаляемся из этого безлюдного, пугающего, и в то же время живописного и величественного места.

Весь этот край вызывает самый большей интерес сказочной историей своей древности, потрясениями, которые он испытал, народами, которые его населяли, историей греков, генуэзцев, татар и русских, которые последовательно владели этой землей.

Здесь еще находят следы искусства греков, как в мраморе, так и в металлических медальонах, на каждом шагу встречаются развалины древних генуэзских крепостей, повсюду еще сохраняются небольшие остатки прежнего богатства, населения и агрокультуры татар, и только в Севастополе находится произведение новых хозяев этого прекрасного полуострова; можно подумать, что Россия покорила Крым только ради создания порта и флота в Севастополе. Действительно, невозможно найти в Крыму более просторного и удобного места; все флоты Европы могли бы здесь встать на якорь.

Несколько хорошеньких женщин, которые нашлись в этом городе, помогли мне очень приятно скоротать время, потребовавшееся, чтобы подготовить военный бриг, который должен был нас перевезти в Константинополь.

Для меня было праздником взойти на судно, и радость увеличилась еще более, когда подняли якорь, и когда свежий ветер вывел нас из порта и вскоре нес посреди моря.

На четвертый день мы увидели берега Азии и Европы, которые сближаются, чтобы образовать канал рядом с Константинополем. Мы салютовали маленькому форту Килия, который нам ответил тем же числом орудийных выстрелов, и к закату дня мы вошли в пролив Босфор.

Все самое прекрасное, самое разнообразное, что может представить себе наиболее блестящее воображение — ничто еще по сравнению с красотами и разнообразием, которые открываются взору вдоль берегов Европы и особенно Азии. Берега Азии выше, богаче растительностью, но менее населены, менее ухожены, чем берега Европы, которые преподносят череду очаровательных домов и дивных садов. Многочисленные укрепления, которые с двух сторон защищают этот прекрасный вход, о котором можно подумать, что это райские врата, служат украшению этого вида, а старые остатки генуэзских донжонов, несут на себе отпечаток древности, которая благородно контрастирует с турецкими киосками, украшенными позолотой и разноцветными флажками.

Все вокруг новое, как будто перенесенное в другой мир, одежда, конструкция судов и лодок, великолепные деревья, все привлекает ваши взоры. Заходящее солнце позолотило горы, отбросило большие тени, еще более усиливая красоту этого зрелища и восхищение, в котором мы находились.

Наш бриг бросил якорь перед Буюкдере и перед домом, в котором проживает наш министр[22].

Буюкдере — это крепость на канале, в которой летом живут все члены дипломатических корпусов, находящихся в Константинополе, и многие иностранные торговцы, которые образуют европейскую колонию среди турецких поселений. Дом нашего министра — самый красивый, к нему примыкает чудесный сад, террасы которого поднимаются вдоль горы, возвышающейся над Буюкдере.

Едва состоялось знакомство с нашим министром, г-ном Италинским, как желание увидеть Константинополь, попасть, наконец, в этот столь знаменитый город, заставило меня покинуть Буюкдере и прыгнуть в каик, или небольшую турецкую шлюпку, чтобы проплыть вниз по каналу и продолжить наслаждаться сменой очаровывающих видов, которыми я так восхищался накануне. Каждый взмах весла прибавляет красоты новому, всегда величественно открывающемуся виду, но тот же взмах заставляет сожалеть о том виде, который предстоит покинуть. Не знаешь, на чем пристальнее остановить взгляд: все велико, чарующе и невиданно.

Наконец, пред нами открывается башня Леандра. Она высится посреди воды, слева виден Скутари, простирающийся на плодородных азиатских берегах, вдалеке виднеются Мраморное море, Принцевы острова, справа, за непрерывной

чередой деревень, поселений и садов, где богато развертывается все азиатское великолепие, глазам предстает античная башня Галата, город Пера, Топхана, соединяющиеся на склоне горы, и наконец, восторженный взгляд восхищенно замирает на садах верхнего сераля султанского дворца Топкапы Сарай, на том бескрайнем пространстве домов, построек, минаретов, которые образуют огромный и многолюдный Константинополь. Величие греков, могущество султанов кажутся слишком слабыми для того, чтобы пребывать в этом городе; Константинополь представляется столицей мира, Небеса, кажется, обосновались здесь, между Европой и Азией, между севером и югом, чтобы властвовать на земле.

Мы спустились в Топхану, около плавильни я вышел, собираясь поселиться у нашего консула, г-на Фродинга, который был отцом трех самых хорошеньких девушек, которых только возможно встретить.

Первые дни я провел, бегая на прогулки, по лавочкам, отправлялся верхом пообедать в Буюкдере, который находился всего в 17 верстах от Перы. После обеда я возвращался на лодке, чтобы как можно чаще наслаждаться видами канала и Константинополя.

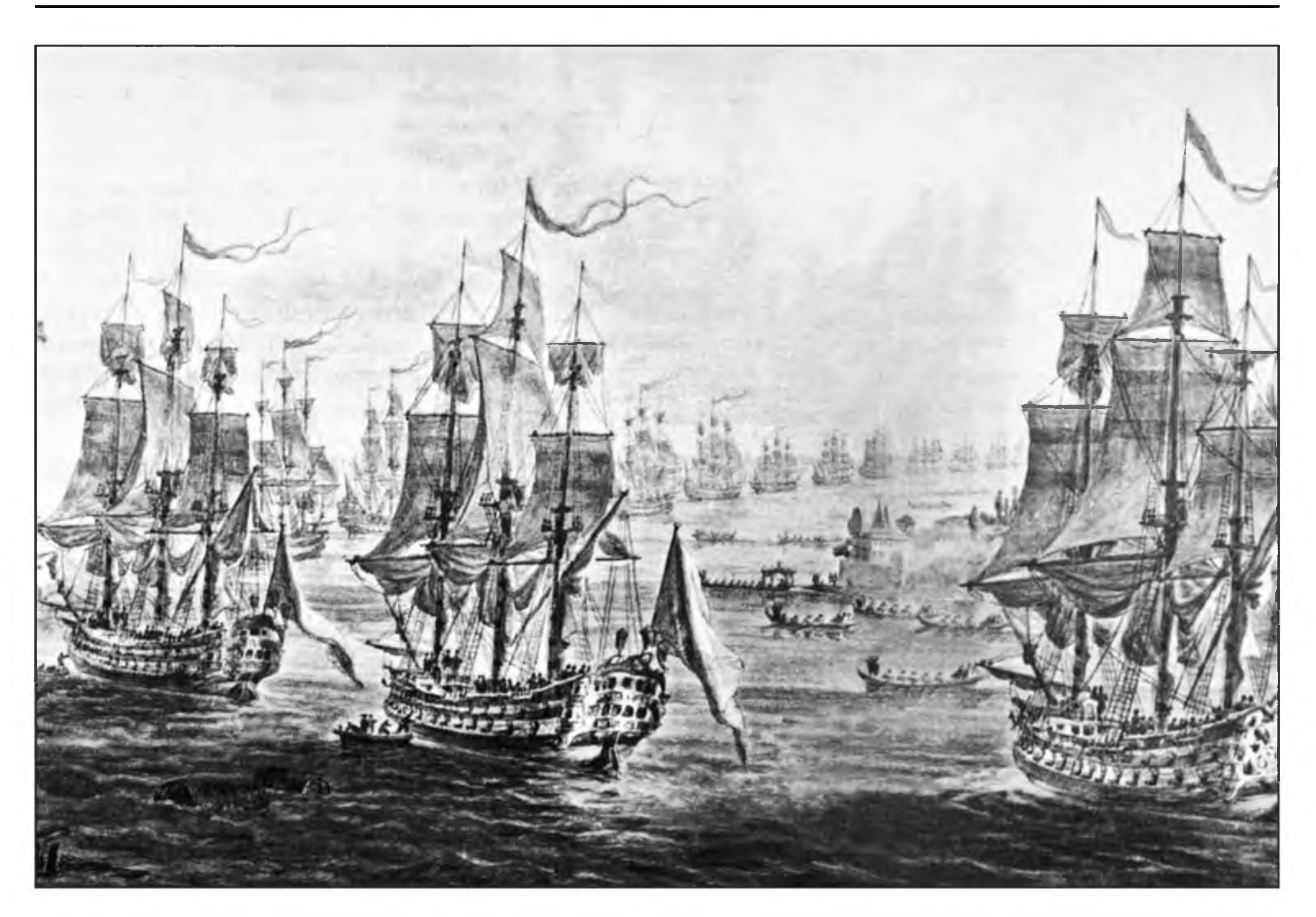
Мы были представлены реис-эфенди — министру иностранных дел; он принял нас в Диване, куда все министры, начиная с визиря, должны приходить ежедневно и проводить там весь день. В этом же здании сосредотачивались все суды и органы власти, это центр всей государственной службы, именно здесь завершаются все процессы, проходят казни, отсюда исходят все приказы. Пример этого учреждения неплохо было бы позаимствовать у турок. Сколь многим бы людям во всех столицах Европы тогда не пришлось бы ездить из одного конца города в другой, не будучи уверенными в том, что они всегда смогут попасть на прием даже к какому-нибудь секретарю, который снимает свой домашний халат только для того, чтобы присутствовать при запоздалом моционе никем не виданного министра.

В тот же день мы проехались по разным базарам; какой повсюду блеск, какое богатство в лавках. Что дает наилучшее представление о численности населения, так это бесчисленное количество небольших лодок, которые покрывают канал между Скутари и Константинополем, и особенно между этим городом и Перой.

В глубине порта, разделяющего эти два города, находится адмиралтейство, где расположены верфи военного флота, и где линейные корабли стоят далеко в стороне от берега.

В другой раз мы посетили главные мечети города в сопровождении охраны из янычар, чтобы не быть убитыми истинными верующими, которые слишком не любят, чтобы христианские «собаки» заходили в эти священные места. Святая София удивила нас более всего своей величиной, другие мечети являлись в той или иной степени подражанием этой старой и знаменитой церкви.

Пока султан находился в своей деревне на канале, министр получил для нас разрешение побывать внутри сераля. Однако нам не позволили проникнуть в покои и сады гарема, хотя все женщины сопровождали султана за город.

Русская эскадра на Босфоре. 1800-е

Этот знаменитый дворец, так живо привлекающий любопытство всех иностранцев, нисколько не соответствует тому, как его себе представляют. Он состоит из множества домов, беседок, садов, соединенных одни с другими, но которые не создают ни единого архитектурного ансамбля, ни дают представления о богатствах и наслаждениях, средоточием которых он должен являться.

После осмотра города, мы объехали деревни, посетили Принцевы острова, Халкедон, пресноводные родники, находящиеся в глубине порта и являющиеся местом для восхитительных прогулок; кладбища, которые турки поддерживают со всей возможной тщательностью, и где мужчины собираются с одной стороны, а прекрасный пол — с другой. Эти богатые одеяния разных цветов и эти покрывала женщин производят волшебное впечатление среди могильных плит из белого мрамора, на которые падают тени деревьев. Это было время, когда султан создавал пехотные войска вопреки желанию народа и особенно янычар; венгерские и шведские офицеры, сбежавшие из своих стран, взялись обучать эти первые войска. Для них построили прекрасные казармы, одели в униформу, окружили роскошью. Создали военную школу для обучения молодых людей, которых готовили в офицеры. Их обучили фортификации, артиллерийскому ремеслу, и всем наукам, кои составляют военное искусство. Благодаря деспотической воле султана, которую питали мудрые идеи визиря Юсуфа, уже было подготовлено 17 тысяч

человек для большей части пехоты. Визирь, проводя за городом смотр новой армии, позволил мне на нем присутствовать. Я поехал туда верхом в сопровождении мнимого переводчика. В момент прибытия визиря, ему отдали военные почести грохотом музыки, очень отдаленно напоминавшей европейскую. Он сошел на землю и вошел в прекрасный шатер, ему преподнесли трубку и кофе, и маневры начались. К несчастью, он оказал мне честь, впустив в свой шатер, и вместо того, чтобы наблюдать за войсками, мне пришлось принять трубку и кофе. Маневры закончились, а мы их видели только издалека. Войска прошли перед шатром, где мы находились, и по крайней мере тут я их смог разглядеть. Пехота была очень хороша, правда у нее не было ни той манеры держаться, ни той четкости, которые присущи нашим войскам; она довольно хорошо держала ряды и шла достаточно уверенным шагом. Артиллерия, в особенности конная, имела превосходных лошадей и выглядела довольно хорошо обученной; кавалерия оказалась плохой, как кавалерия регулярная, солдаты, сидящие на племенных жеребцах, не могли держать строй.

Если турки смогут поддерживать мужество и естественную стремительность в своих войсках, дисциплину, свойственную европейцам, они смогут однажды вновь достичь прежнего превосходства и снова наводить на мир ужас. Но они слишком стары, чтобы учиться; янычары слишком ревнивы к своим правам, а жизнь султана очень мало застрахована, для того, чтобы его могли бояться, чтобы такой новый порядок вещей смог развиться и стать стабильным.

В пятницу мы отправились посмотреть на проезд султана, который каждую неделю направляется в одну мечеть города во всем блеске своей короны. Его движение в окружении кортежа столь же многочисленного, сколь и богато одетого представляет любопытное театральное зрелище.

Общество Перы и Буюкдере было чрезвычайно приятным. Я прежде всего познакомился с одной очень красивой женщиной — госпожой Серпосс; родившись в Малой Азии, она обладала прекрасными глазами женщин Востока, но к этому добавила все изящество жительниц Европы. Наше знакомство состоялось и завершилось почти что в один и тот же день; будучи вдовой, она была хозяйкой своих действий, и я смог приходить к ней, дабы наслаждаться ее расположением со всей возможной легкостью. Жена неаполитанского консула, госпожа Марини, скоро отвлекла меня от этой связи, и хотя была она менее прекрасной и даже немного увядшей, ее любезность и особенно большей вкус к удовольствиям и любви привязали меня к ней и заставили навсегда покинуть госпожу Серпосс. С ней я проводил ночи, а утром, когда ее старый муж являлся в гостиную для завтрака с супругой, я входил через другую дверь пожелать семейству доброго дня и разделить с ними трапезу. Время от времени, чтобы чувствовать себя еще более свободной, госпожа Марини приезжала провести день-другой в дом, который ее муж имел в Буюкдере, и там без малейшего страха мы восхитительно наслаждались всеми удовольствиями, которые ее пылкое воображение могло придумать.

В то же время я был влюблен в дочерей нашего консула, но это была платоническая любовь, которая не имела иной цели, кроме как придать интерес нашим прогулкам и балам, на которых я присутствовал. Их брат, молодой человек, знавший все возможности Константинополя, время от времени находил для меня развлечения, отводя меня к одной старухе-гречанке, где мы находили дам ее национальности, а также армянок и евреек: в Турции нужно отказаться от надежды обладать турецкими женщинами; мусульмане столь суровы по этой части, что женщина, которая забылась с христианином, будет брошена в канал, а дом, который служил местом свиданий, подвергнется большому риску быть разрушенным.

Молодые турки, наоборот, очень любят приезжать покутить в Перу, где часто забывают предписания Магомета, и хмелеют от вина и от распутства. За некоторое время до моего приезда в Константинополь один мошенник, грек, чтобы привлечь побольше турецких молодых людей и заработать на этом побольше денег, уверял, что может предоставить им жен всех европейских министров и консулов; одному он преподносил супругу посла Франции, другому — жену поверенного России, который, однако же, не был женат, он в этом не дошел только до старой госпожи Гюбш, жены генерального консула Дании, чье имя не фигурировало среди плутовок, коих этот грек выдавал за стольких знатных дам. Молодые турки, вдохновленные своими удачами, начали хвастать этим в Константинополе; шум этого скандала дошел до визиря, который, дабы оградить нравы и здоровье своих молодых земляков, повелел издать циркуляр для всех иностранных министров, в котором он их предупреждал о бесчинствах их супруг и просил держать своих жен в большей строгости.

Сотрудники европейских посольств, возмущенные этой беспрецедентной дипломатической нотой, об источнике которой они не могли догадаться, собрались и, пребывая в крайнем раздражении (часть из них, возможно, пеняла на неверность жен), потребовали ответа за подобную наглость. Они отправились на розыски, и несчастный грек был повешен, но турецкая молодежь всегда стремилась наслаждаться благосклонностью супруг послов и министров.

В течение нашего пребывания в Константинополе русские войска проходили через пролив, направляясь на Корфу; через пролив перевозили также множество амуниции и продовольствия; турецкое правительство разрешило эту переброску, действуя заодно с Россией, руководствуясь при этом как боязнью рассердить императора и Англию своим отказом, так и желанием отомстить за Египетский поход и за все бедствия, которым Бонапарт подверг азиатские провинции и войска, посланные Портой против Наполеона. Но так как почти основополагающим законом Оттоманской империи являлось не пропускать через пролив ни одного вооруженного корабля иностранной державы, то наши суда были вынуждены двигаться без флагов, с закрытыми бортами и выкрашенные в черный цвет. Только два линейных корабля имели разрешение поднять военный флаг и показать орудия; турки благоразумно догадались организовать эскадру под командованием капудана-паши, которая стояла на рейде у Константинополя, готовясь плыть

к архипелагу. Эти два корабля, «Азия» и «Прасковья», имели на борту Сибирский гренадерский полк, направлявшийся для пополнения гарнизона Корфу. Суда бросили якорь в Буюкдере перед домом нашего посланника.

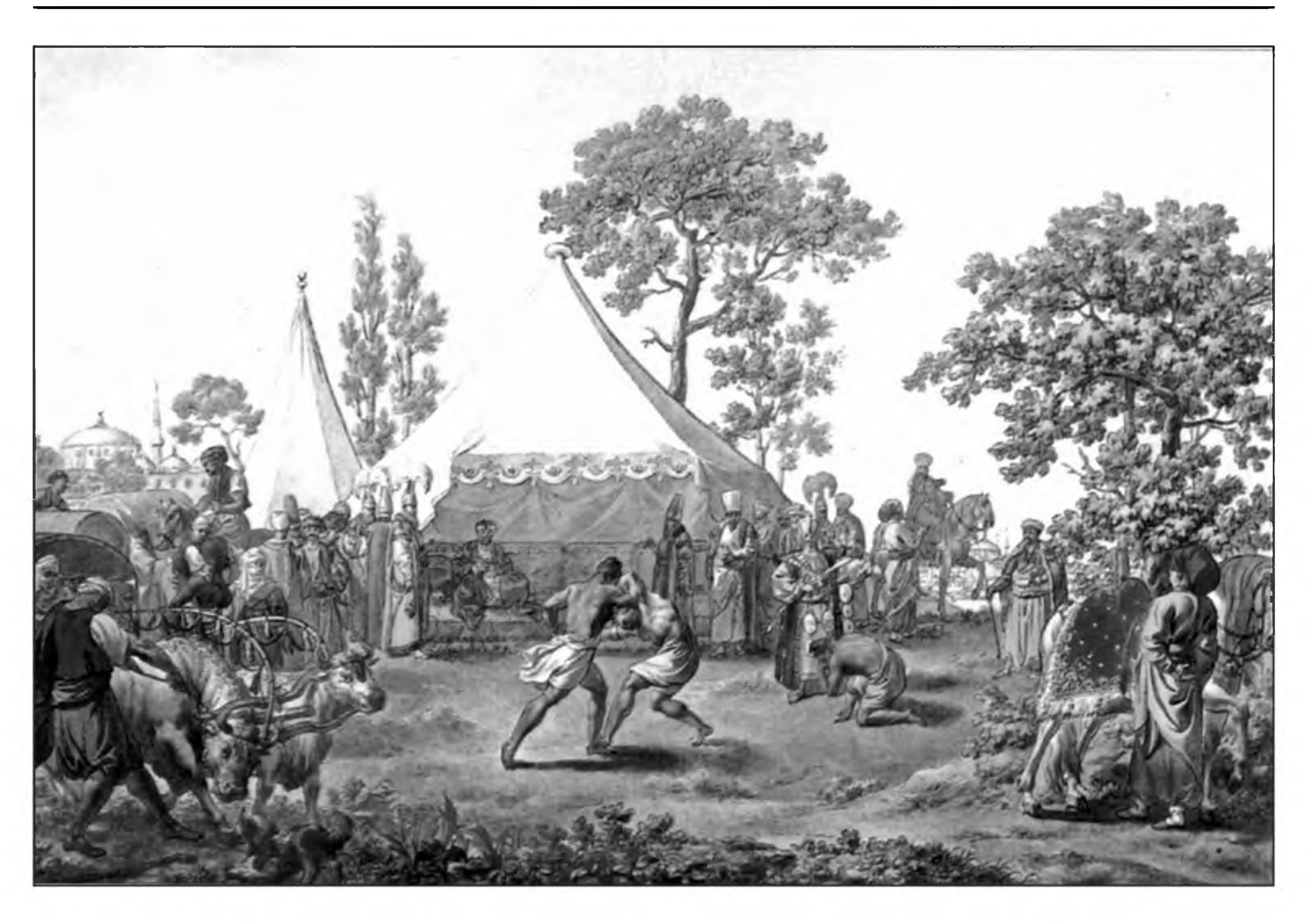
Когда капудан-паша был готов встать под парус, я не упустил случая насладиться видом отплытия и спустился по проливу на «Прасковье»; наши корабли приветствовали Великого Владыку, находившегося в своем загородном замке, затем солютовали порту и турецкому флоту; турки приветствовали нас в ответ, капудан-паша со всей помпой, которую должен был продемонстрировать по этому случаю, получил последние распоряжения султана, вернулся на борт корабля, и весь флот поднял якорь. Все торговые здания были украшены флагами в знак приветствия флагу капудана-паши, который в свою очередь салютовал сералю; трудно увидеть более прекрасное зрелище; порт, пролив были покрыты бесконечным множеством баркасов и лодок, азиатский и европейский берега наводнили толпы народа в разноцветных костюмах, которые составляли по настоящему волшебное зрелище. Я покинул наш корабль в самом разгаре действа, когда музыкально бушевали дружные «ура» и клубился дым орудий, которые еще долгое время после этого неслись над проливом.

Мы провели еще несколько дней, развлекаясь в Константинополе, и приближение момента нашего отъезда не вызывало ничего кроме сожаления. Госпожа Марини приехала в Буюкдере, чтобы иметь побольше времени для прощаний со мной, которые были бы, возможно, очень трогательны, если бы предусмотрительность не заставила ее подыскать на мое место другого, который занял ее спальню до того, как наш бриг смог поднять якорь.

К десяти часам утра мы проплыли мимо сераля, затем мимо семи башен и зашли в это прекрасное озеро, или Мраморное море.

К вечеру перед нами открылись Дарданеллы, и глазам предстал вид более обширный, нежели вид Константинопольского пролива, но менее живой и обжитый; Галлиполи, лежащий на европейском берегу, скромно предстает взору. Несколько минаретов являются единственным его украшением, остальная часть побережья начисто лишена поселений; и эта земля, некогда бывшая ареной стольких великих событий, наполненная знаменитыми городами и огромным населением, теперь представляет собой пустыню. Этот прежде величественный пролив используется флотом не более, чем опасный торговый проход у стен Константинополя.

Сами руины древнего Ламзака и стольких театров и знаменитых памятников исчезли под действием опустошающего времени и переворотов, и больше не найти следов искусства и богатства греков, кроме как на месте перехода пролива Ксерксом и прелестей Леандра; по берегам пролива все спокойно; два оснащенных большими орудиями донжона: один — на азиатском берегу, другой на европейском, построены рядом с Сестосом и Абидосом у места впадения Дарданелл в Средиземное море. Кажется, что они защищают проход от этого прекрасного одиночества.

Турецкие борцы. Рисунок Е.М. Корнеева. 1804

Наш бриг бросил якорь в ожидании восхода солнца и благоприятного ветра, чтобы избежать течения. Чтобы придать больше игры нашему воображению, в котором сходились в бою греки и персы, генуэзцы и мусульмане, какой-то американский фрегат бросил якорь рядом с бригом московитов.

На следующий день очень свежий ветер быстро унес нас от этого прекрасного мавзолея греков и даже позволил проплыть нам перед надгробным памятником величию Трои и столь многих героев; — мы различали только нечто вроде арки и несколько развалин стен, которые были единственными остатками Трои Александра[23], построенной на некотором удалении от Трои древней. Сколько воспоминаний! Видя все эти места, которые занимали твое воображение с младых ногтей, приходишь в восторг. К полудню нашим глазам открылся Тенедос и турецкий флот, среди которого развивались флаги двух наших кораблей, «Азии» и «Прасковьи». Мы приветствовали капудана-пашу, но, так как он находился в этот момент на борту одного из наших кораблей, нам пришлось лавировать некоторое время прежде, чем нам ответили на приветствие.

На следующий день мы увидели вдалеке слева гору Митилену и к вечеру вошли в бухту Смирны; поднимающееся солнце показало нам город Смирну, который роскошно раскидывается вдоль берега, увенчивая собою часть гор.

На рейде стояло множество кораблей всех наций; мы спустились на берег и пошли устраиваться к нашему консулу Марасини, у которого была очень гостеприимная матушка и весьма любезные сестры. Одна из них была очень хорошенькая, и за ней с полным на то основанием я не преминул поухаживать, соблюдая, однако, все законы чести. После того, как мы изучили город, его прекрасные окрестности, несколько деревень, принадлежавших европейским торговцам, мы наняли лошадей и нескольких янычар и направились в Эфес. По дороге в одной кофейне, где шесть или восемь вооруженных мужчин следят кое-где за порядком на больших дорогах и слишком дорого просят за чашку кофе, я повздорил с одним из этих господ и дал ему пощечину, он, вероятно, ответил бы мне выстрелом, если бы один из наших янычар не подоспел мне на помощь. Потом он внушил мне через переводчика быть в следующий раз более осторожным, и что когда я буду убит, мой фирман султана мне больше не пригодится.

Мы прибыли на прекрасную и знаменитую равнину, усеянную развалинами, грустным свидетельством былого великолепия Эфеса. На более чем четырех квадратных верстах видны только остатки акведуков, колонн, театров, огромных зданий, одно из которых было школой философии, другое — храмом, посвященным то ли языческому Богу, то ли Богу, которому мы поклоняемся[24], — руины перемешались; обряды, процессии священников знаменитого Эфесского храма, нарочитая простота первых отцов церкви — теперь все это существует только в истории. Море, которое прежде омывало ноги этого священного города и приносило в храм Дианы дары всех наций, отступило и оставило широкое пространство между своими водами и руинами Эфеса.

Не встретишь и намека на поселение, создается впечатление, что даже турки чтут память храма Дианы и церкви Святого Иоанна и боятся пренебрегать столь прекрасным воспоминанием. Мы совсем одни среди этой груды руин, окружены остатками города, который был сценой для помпезности и для переворотов, для процветания и бедствий. Можно превосходно различить архитектуру многих памятников.

Часть руин, которая находится на севере города, и даже некоторые развалины невдалеке от южной части сохранились бесконечно лучше, это то место, откуда видна церковь Святого Иоанна, первая из христианских церквей; она еще сохранила две гранитные колонны огромной высоты, другие украшения, оставшиеся со времен мечети Святой Софии в Константинополе, врата, называемые вратами Преследования, сохранились почти невредимыми. Они украшены барельефом также превосходной сохранности, представляющим вакханалии. Эта часть города, первое прибежище христианства, надолго пережила южную, жители которой в течение веков поклонялись Диане. На ипподроме в Константинополе видна витая бронзовая колонна, сделанная в виде трех змей, это фрагмент одного из главных оснований знаменитого храма Дианы.

В течение двух дней мы исходили эти развалины, в течение двух дней мы жили одни среди стольких мертвых. Воспоминание о той меланхолии, о грусти,

которая царила в обломках Эфеса, сопровождает меня в Смирне, с удовольствием я смотрю, как наш бриг увозит меня из этой Азии, обреченной еще на века варварства: может быть, исчезнут даже следы руин Эфеса прежде, чем цивилизация и свобода вернутся, чтобы осчастливить свою колыбель.

Мы причалили к Схио, одному из самых больших и самых прекрасных островов Архипелага. Что нас сначала поразило, так это то, что мы встретили только женщин, все мужчины, занятые мореплаванием и торговлей, возвращаются только зимой наслаждаться прелестями домашней жизни. Наряд женщин на Схио почти что полностью походит на одежду торговок из Ярославской губернии. Этот остров принадлежит непосредственно сералю, и не имеет другой повинности, кроме поставок во дворец султанов апельсинов, лимонов и мастики; капудан-паша, главный управляющий всех островов архипелага, из которых он вскоре начнет выбивать дань каждое лето, не осмеливается ничего брать со Схио; этот остров был бы самым счастливым в мире, если бы турецкий комендант крепости, возвышавшейся над городом Схио, не позволял себе частенько притеснять бедных жителей.

Город был построен венецианцами; все дома из камня в один или два этажа и слишком узкие улицы. Сады, которые покрывают весь остров, следуя изгибам высоких гор и спускаясь в самые глубокие долины, превращают весь остров в истинный рай. Приблизительно в 10 верстах к северу от города, почти у берега моря есть один источник хрустально чистой воды, окруженный вековыми деревьями, еще ближе к берегу высится скала, которая, как считают, была сюда принесена; она окружена лужайкой и цветами; вершина представляет собой террасу, и там превосходно различается цепь, высеченная в скале. Это прекрасное и уединенное место называют Школой Гомера! Одного имени этого отца муз довольно, чтобы привлечь к этой скале и деревьям интерес и воспоминания. К заходу солнца я вернулся на шлюпке на борт нашего брига; легкий ветерок с берега донес до нас воздух, наполненный ароматом апельсинов.

С высот Схио видна бухта Чесме, столь знаменитая славой нашего флота и полным уничтожением флота турецкого. Каким ужасным зрелищем должен был стать для жителей Схио взрыв нашего линейного корабля и более семидесяти турецких судов[25].

Мы направились к Тиносу; ураганный ветер домчал нас туда с пугающей быстротой. Остров этот казался местом пребывания Эола, ветры здесь постоянны, а очень опасной стоянку на якоре делает то, что стоять приходится в открытом рейде, у берегов же острова торчат скалы.

Генерал устроился у нашего консула и там слег, опасно заболев. Жена окружила его самыми нежными заботами, и я воспользовался этим случаем, чтобы объехать вокруг Кикладских островов.

Мы начали с Сироса — города, построенного в виде сахарной головы и своей бедностью доказывающего бесплодие скалы, которая и составляет этот маленький остров. Весьма примечательно то, что его жители являются католиками. Предание гласит, во время страшного мора, полностью опустошившего Сирос, к нему

подошел один венецианский фрегат и нашел там всего 6 женщин, избежавших заразы. 6 матросов решились разделить участь этих несчастных, и остров, обязанный им восполнением своих жителей, принял также и их религию.

Мы продолжили наш путь и причалили к Паросу; этот остров, столь знаменитый в истории Греции своими несчастьями и своим мрамором, еще наполнен фрагментами развалин, но столь бесполезными, что они не представляют сколь-либо интересного целого: стены домов и садов полны обломков колонн, архитектурного убранства, о происхождении которого не ведают бедные жители, столь далекие от того, чтобы оценить его красоту.

Мы посетили эту древнюю мраморную каменоломню, которая породила шедевры Фидия; Афины, вся Греция, древний Рим пытались отыскать там блоки, которые должны были создать изображения их богов, некоторые из которых доселе являются прекраснейшими украшениями музеев нынешнего мира.

На Антипаросе, находящемся совсем недалеко от Пароса, нам предоставили ослов, на которых мы были посажены, чтобы преодолеть почти отвесные скалы и проехать верхом вдоль пропастей, чтобы прибыть затем в грот Антипароса. После опасной дороги и невыносимой жары мы были сполна вознаграждены впечатлением, которое ощутили через пугающую красоту этого грота, в который спустились также с риском сломать себе шею.

Факелы, зажигаемые во многих местах грота, производят волшебный спектакль, отражаясь со всех сторон в кристаллических колоннах и пирамидах, формы, размеры и цвета которых изменяются до бесконечности. Природа, быть может, с помощью древних обитателей Антипароса, создала перегородки, которые разделяют этот подземный дворец на большие залы, маленькие комнатки, на ужасающей высоты и глубины этажи: здесь прогуливаешься, трепеща; один неверный шаг мог бы навсегда сбросить вас на самое дно этого мрачного жилища; хотелось бы продлить свое пребывание в этом таинственном и необычайном месте, и все же счастлив оказываешься вновь увидеть свет дня и выйти из этой двери Преисподней.

На другой день наш бриг бросил якорь в виду большого Рения и славного, набожного Делоса. Сначала шлюпка доставила нас на остров Рений; он покрыт лишь обломками, идешь только по кускам мрамора, большая часть которых исчезает понемногу подо мхом и терниями; этот остров не родит ничего, даже деревца, ни один человек здесь не живет, остров служил кладбищем для благочестивых жителей Делоса, и здесь еще видны во множестве саркофаги и надгробные камни. Мы покинули этот мрачный остров, чтобы прогуляться среди руин и обломков, покрывающих всю поверхность Делоса, который может иметь 2 или 3 версты в длину на полторы версты в ширину.

Вся Греция приходила сюда поклоняться Аполлону, приносить свои дары, свое богатство, искать здесь благочестия и находить здесь удовольствия. Среди груды руин, обломки которых перемешались, можно с неуверенностью отметить только местоположение знаменитого храма, но без труда можно было бы

Константинополь. Мечеть в Эйюбе. 1830-е

восстановить театры и царский дворец; один из этих первых весь целиком из белого мрамора и громадного размера. Дворец сохранил весь свой облик, но вместо воды он наполнен барабанами колонн, кусками статуй, ни от одной из которых не осталось ничего кроме туловища, совершенной работы и гигантской величины. Нельзя сделать ни шагу, чтобы не наступить на несколько обломков искусств и древнего великолепия Делоса.

Был полдень, когда со всем пылом любознательности мы пересекли Рению и развалины Делоса; от усталости, жары и жажды мы не имели более сил. На старом плане острова, с которым я справлялся, мы с радостью обнаружили, что на оконечности острова, противоположной той, где мы находились, был колодец: мы устремились туда, но колодец был сух. Мы ничего не взяли с собой, опасение умереть от жажды заставило нас забыть тот интерес, который внушала нам древняя земля Делоса, и мы поторопились возвратиться на наш бриг.

Небо предвещало грозу, мы поскорее подняли якорь, чтобы она не застигла нас врасплох среди этих островов, которые есть ничто иное, как опасные рифы, где тишина смерти уже шла по стопам религиозных процессий, шума зрелищ и праздников, на протяжении стольких веков составлявших славу этих самых скал.

Очень свежий ветер привел нас на Миконос; это один из самых радующих глаз и самых плодородных островов этого маленького архипелага; он украшен

садами, прелестными домами и, особенно, очень хорошенькими женщинами, одежда которых еще более подчеркивает их прелести. Они носят род туники, даже не закрывающей полностью колени, которая завязывается под горлом золотым шнуром; вуаль, не скрывающая лица, придает изящество их прическе, а красные подолы и туфли оттеняют белизну туники и вуали. Это самый соблазнительный костюм, который я когда-либо видел.

Проведя несколько дней в этом путешествии, мы возвратились в Тинос, где были извещены о состоянии здоровья нашего старого генерала. Он был почти вне опасности, и я покинул его во второй раз, чтобы вернуться в Афины, откуда я должен был отослать ему бриг, и куда он должен был прибыть, чтобы забрать меня после своего полного выздоровления.

Одна только мысль о путешествии к Афинам наполнила мое воображение; сильный ветер заставлял нас со скоростью рассекать те волны, которые несли когда-то столько афинских флотов, стольких колонистов, которые, отплывая от матери-родины, приносили искусства, науки и свободу на все берега древнего мира. Мы быстро проследовали в виду мыса Коллони или мыса Суния, на котором мы заметили руины древнего храма, многие колонны которого еще невредимы; к заходу солнца мы уже были в заливе Афин, Парфенон открылся нашему взору, и, наконец, мы увидели Афины.

Мои взоры не могли оторваться от этого прославленного города или, скорее, от воспоминаний, связанных с этой античной твердыней, одно только имя которой оставляет в памяти неизгладимый след, с чередой великих событий, великих подвигов, процветания и превратностей судьбы.

Я с восторгом созерцал прекрасное зрелище последних дневных лучей, показывавшихся между колонн храма Минервы и золотивших этот отполированный веками мрамор.

Наш бриг бросил якорь в порту Пирея! Он был единственным в столь оживленном прежде порту. Поселения, храмы, крепостные стены, которые некогда украшали эти берега, представляли теперь всего лишь груду руин, жители, торговля, богатство исчезли отсюда, как и флоты афинян. На выдвинувшейся в море скале еще видно могилу Фемистокла, а напротив этой могилы — остров Саламин и воды, которые принесли победу Фемистоклу, поражение персам и залог величия Афинам[26].

Я провел ночь на борту нашего брига, пытаясь пожить за две тысячи лет до моего рождения. Едва занялся день, я сошел на берег, и не могу выразить того живого ощущения, которое я испытал, ступая по этой земле; мое воображение поднимало из руин разрушенное, вновь отстраивало храмы, воскрешало рядом со мной Алкивиада и его великих воинов.

Я следовал по следам тех стен, что соединяли порт и город Пирей со стенами Афин, они различимо видны; несколько виноградников и оливковых рощ заполняют теперь пространство, покрытое некогда домами и трудолюбивым народом. Я ускорил шаги, чтобы скорее войти в этот город — школу правителей,

героев, философии и искусств. Первое, что притянуло мои жадные взоры, был храм Тезея, возведенный спустя 10 лет после битвы при Саламине; его считают шедевром архитектуры, тем более ценным, что полностью сохранился, только барельефы изуродованы. Греки, утрачивая культ своих богов, утрачивая свое величие, устроили в нем церковь, и фанатизм уничтожил украшения, которыми был убран этот храм. Я обратился к французскому консулу Фуэлю, принявшему столько участия в прекрасном труде графа Шуазёля; он познакомил меня с одним превосходным итальянским рисовальщиком Лусьери, и я обосновался в маленьком домике, который мне уступил один грек.

Пребывание в Афинах вдохновляет интерес, тем более живой, что здесь он не рассеивается никакими современными предметами: в Константинополе азиатский блеск скрывает незначительные остатки произведений искусства и памятников древней Византии, возвеличение турок затмевает славу Греции; в Риме Капитолий унижен собором Святого Петра, могущество и преступления пап смешиваются там с семью чудесами света и с римскими доблестями. В Афины не пришло ничего, что могло стать рядом с произведениями Фидия и Праксителя, и слава Периклов и Фемистоклов одна парит над обломками их отчизны. Лачуги нынешних жителей, прилепившиеся к руинам древних памятников, подчеркивают их красоту, скрывая их далеко от взора. Можно сказать, будто народ Афин только что покинул этот город, в котором землетрясение накануне разрушило прекраснейшие украшения. Это те же улицы, те же общественные места, почти та же крепостная стена… Я устремился в Парфенон, подъем туда довольно крутой; вдоль этого склона проходишь античную стену, столь же древнюю, как и рождение государства республики, входишь через ворота в это огражденное прибежище первых основателей Афин, ставшее с тех пор религиозной святыней и обращенное теперь турками в скверную крепость.

Ступени, по которым некогда с почтением и восхищением достигали входа в Пропилеи, покрыты обломками. Плохонькие пушки помещены в прекрасных остатках этого замечательного портика, но совершенно различима еще целостность его постройки, многочисленные колонны которой невредимы, и внутренний вход, ведущий в храм Минервы, существует и еще поддерживает огромный архитрав из единой мраморной глыбы, и самый дерзкий механик был бы изумлен, увидев ее перемещенной на столь значительную высоту.

Наконец оказываешься в храме Минервы и постигаешь чувство благоговения, созерцая этот памятник, столь же обширный, сколь и совершенный в своих пропорциях; колонны дорического ордера из самого прекрасного белого мрамора, который время суток окрасило красноватым цветом, поражают своей массой и совершенно сохранились; главный фасад и поднятые наверх метопы суть творения Фидия. Здесь еще находят куски мрамора, которые сохраняют все совершенство и завершенность резца этого знаменитого мастера. Две боковые стороны храма по середине открыты; одна венецианская бомба, попавшая в это здание, которое варварство турок низвело до положения порохового склада, произвела

взрыв, бесчисленные обломки от которого еще покрывают внутреннюю часть и подходы к храму.

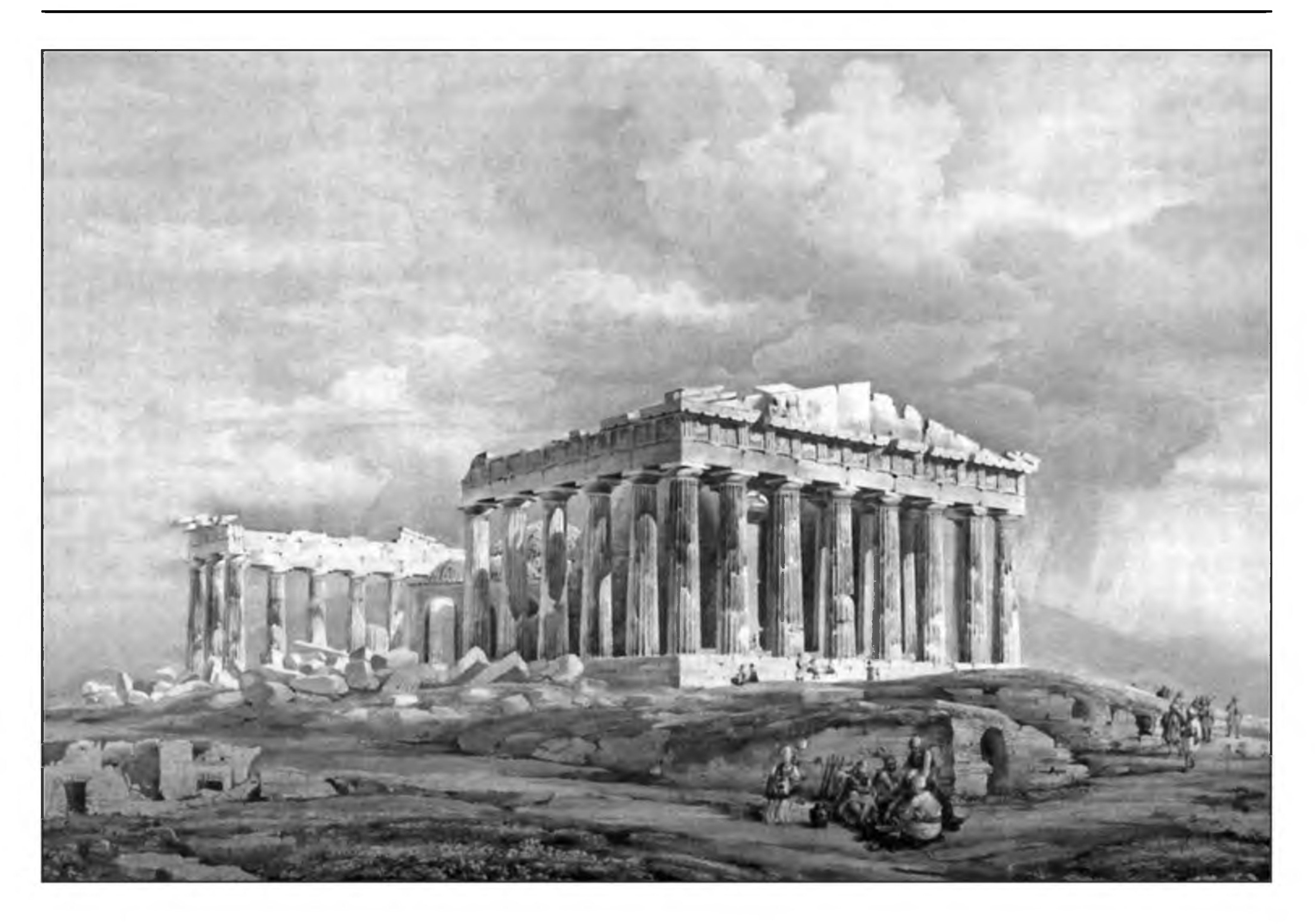
Посреди этого храма, где статуя Минервы, блистающая золотом и слоновой костью, обоготворенная возвышенной рукой бессмертного Фидия, вызывала поклонение Афин и всей Греции, теперь поднимается построенная из обломков храма мусульманская мечеть, которая кажется поставленной здесь нарочно, чтобы оттенить его огромные и прекрасные пропорции. Я не мог перестать приходить восхищаться этим памятником, которого одного было бы достаточно, чтобы показать величие афинской республики; я любил ходить по этому священному полу, прогуливаться под портиками — свидетелями стольких событий, торжеств, процессий, которые видели рождающимися и умирающими столько поколений, которые видели растущее процветание и свободу Афин, которые видели их падение и которые видят их отвратительное рабство.

Божества Язычества отступили при виде креста, почитаемого христианами, крест сокрылся под вызывающим господством полумесяца, а храм Минервы, паря над Аттикой, бросая вызов векам и переворотам, кажется ожидающим возвращения свободы, искусств и почитания Богов.

Совсем рядом с этим храмом находится храм Эрехтейон, возведенный на том месте, где Нептун в знак славы, которую он сохранил за афинскими моряками, заставил бить источник, и где Минерва как залог богатства, которое суждено было земледельческим работам, заставила появиться оливковое дерево. Храм этот ионического ордера был украшен 5 кариатидами, одна из которых вывезена лордом Элджином, большим варваром, нежели турки, которые уважали эти драгоценные памятники, или, по крайней мере, боялись их разрушать. Храм этот столь же древний, как и самые первые сооружения Афин, и восхищающий своими прекрасными пропорциями, завершенностью и богатством своих украшений.

Театры Вакха и Ирода Аттика[27] почти придвинуты к стенам Парфенона, незначительные остатки первого едва различимы, но второй еще достаточно сохранился, чтобы можно было точно себе представить, каким он был. Почти напротив находится памятник Филопаппу, на верхнем рельефе которого можно видеть колесницу, запряженную четверкой лошадей, почти в натуральную величину и прекрасной работы. Недалеко находится Агора, где 30 тысяч человек могли собираться и отчетливо слышать речи ораторов. Именно с этого места Алкивиад, дабы склонить народ к экспедиции на Сицилию, показывал мачты кораблей, которые покрывали порт Пирея.

С противоположной стороны, и вне стен города, проходишь под триумфальной аркой Адриана, которую афиняне, побежденные, но еще великие своими искусствами, науками и прошлыми подвигами, воздвигли этому императору, добивавшемуся расположения замечательного народа, которому он же и нес оковы. На некотором расстоянии от этого места величественно возвышается группа колонн коринфского ордера, которые были частью огромного и величественного храма

Парфенон в Афинах. 1830-е

Юпитера. Эти колонны, огромной высоты и совершенной работы, кажутся еще более гигантскими, поскольку они отделены от всего здания.

Внутри города обнаруживаешь полностью сохранившийся храм Эола[28], который служит теперь мечетью вертящихся дервишей, рода монахов-мусульман: этот маленький храм восьмиугольный и украшен по каждой из сторон фигурой, представляющей одного из эоловых посланцев.

На углу греческого монастыря восхищаешься прелестной ротондой[29], которую именуют фонарем Диогена; она превосходно сохранилась и украшена замечательного рисунка и легкости барельефом.

Позади лавчонок, пробитых в укреплениях древней стены, есть несколько огромного размера колонн ионического ордера, которых время и, возможно, пожары полностью окрасили в черный цвет. Совсем рядом с этими руинами теперь жилище турецкого воеводы: на улице, ведущей к рынку еще можно видеть вделанную в древнюю стену мраморную доску, на которой отчетливо читаются цены на зерно и другие съестные припасы, объявленные в чрезвычайном народном собрании; к несчастью, место, где был высечен год, сбито.

Почти все стены нынешних домов являются отчасти остатками древних строений, и те, которые заново возведены, построены из обломков колонн, орнаментов

и барельефов: шагу не ступить, чтобы не встретить каких-нибудь фрагментов произведений искусства и былого великолепия.

На некотором удалении от Афин собираются отыскать храм Венеры в Садах, надеются обнаружить его следы в некой полностью бесформенной руине; только мирты, единственное, что есть во всех его окрестностях, еще окружают древнее жилище своего божества. Спускаешься в некое подобие довольно узкого подземелья, которое вело, быть может, в одно из святилищ мистерий Венеры. Обломки не позволяют проникнуть далее, и народное предание гласит, что те, кто захотел проложить себе дорогу в этом подземном месте, были истреблены огнем, который вырывался оттуда. В стену этого прохода вделан барельеф, представляющий вакханалию, позы на котором не свидетельствуют в пользу благопристойности почитателей Венеры.

На некотором расстоянии от города располагается цирк, очертание которого столь хорошо сохранилось, что без малейшего труда можно было бы заставить там бегать колесницы и сражаться гладиаторов. Узнается местоположение бывшего с одной стороны храма фортуны, а с другой — храма победы; перед боем взывали к милостям фортуны, после же боя победители восходили к высшим почестям, воздавая благодарность победе. Маленький проход, который был устроен под амфитеатром, чтобы под свист публики позволить побежденным ускользнуть, еще существует, так же, как и вход в подземелья, в которых содержали диких зверей, предназначенных для боев. Мраморные скамьи, которые в амфитеатре окружали весь цирк и служили сиденьем для зрителей, более не существуют или покрыты землей и мхом.

Справа от порта Пирея есть большая гора, с которой надменный Ксеркс, уже хозяин Афин и огромной части Греции, хотел насладиться видом своего несметного флота, число которого казалось подавляющим слабые силы Греции: он стал лишь зрителем разгрома и уничтожения своих кораблей, и спустился с этой горы, трусливо убегая. Славной этой победой при Саламине Фемистокл на 18 веков отодвинул тот момент, когда Азия должна была наложить оковы на его родину. Вид, которым наслаждаешься с высоты этой горы, один из самых обширных и самых разнообразных, что приходилось видеть.

Выходя из Афин через самые близкие к храму Тезея ворота, следуешь священным путем, который ведет в Элевсин, и по которому процессии и элевсинцы отправлялись в этот храм, чтобы справить там мистерии и насладиться распутствами любви, которые были приняты в церемониях этого сладострастного культа.

На дороге еще видны вмятины от колесниц, которые направлялись в Элевсин. По обеим сторонам этого священного пути некогда возводились храмы, множество памятников и статуй, воздвигнутых в честь великих людей Греции, и гробницы самых знаменитых граждан республики; от них остались лишь мелкие обломки, рассеянные в этом уединенном месте, которое представляет лишь вид разорения и пустыни.

В самом Элевсине не найдешь ничего кроме бесформенной груды обломков; единственный невредимый пьедестал привлек наше внимание; надпись сообщала, что он был поставлен в честь одной женщины, во все время своего замужества остававшейся верной своему мужу.

Вернувшись с нашей прогулки в Элевсин, мы отправились в загородный дом воеводы, пригласившего нас присутствовать на скверном фейерверке, который он приказал запускать, сопровождая отвратительной музыкой.

Гора Гимет, особенно известная отменным медом, который там собирают, стала еще одним предметом длинной и утомительной прогулки: мы провели ночь у подножия этой горы в бедном греческом монастыре и поднялись на нее до рассвета, чтобы насладиться прекрасным зрелищем восхода солнца и увидеть его сияние, море, множество островов, город Афины и почти всю Аттику.

Мы посетили заброшенную каменоломню, из камней которой были построены все храмы и здания Афин. Огромные блоки этого прекрасного мрамора, отделенные последними рабочими, лежат еще на своем месте и ожидают воскрешения Афин.

Французский консул Фуэль и рисовальщик Лусьери, оба с давних пор обосновавшиеся в этом городе, занимаются на зависть один другому раскопками, произведения, найденные ими, послужили достойным наполнением самых лучших кабинетов античности. Они нашли многочисленную коллекцию этрусских ваз всевозможных форм и размеров, черные или красные рисунки на которых удивительно свежи. Некоторые из этих фигур раскрашены в разные цвета. Они нашли также множество урн, заключавших останки и благовония, посуды, ламп, бронзовых украшений и среди прочего — ветвь оливы из золота, исполненную с утонченностью, которая могла бы послужить моделью нашим самым искусным ювелирам. Я уверен, что при формальном дозволении великого повелителя и с множеством работников в самом городе и в окрестностях найдено будет множество драгоценных предметов.

После прошедших 6 недель в Афинах прибытие генерала Спренгпортена заставило меня покинуть этот город; не без сожаления отдалялся я от него, дав обеты, как бы ни сложилась моя судьба, однажды вернуться, чтобы поднять его из руин.

Вскоре мы потеряли из виду берег Аттики; вдали мы увидели вершину острова Гидры, хотя и самого маленького из островов Архипелага, но самого значительного их них благодаря отваге и умению его матросов, активности его верфей и легкости постройки его судов. Турки уважают этот маленький остров, с которого они набирают своих лучших моряков; гидриоты — опасные пираты; они сделали много зла туркам, когда наш флот под командованием графа Орлова воодушевил всех островных греков поднять против Порты знамя восстания.

Я высадился на острове Цериго, древней Цитере, месте пребывания Венеры; первое, что поразило мой взор, был русский часовой, сделавший «на караул», он заставил меня позабыть мать всех любовных страстей. Ныне этот маленький

остров, более чем малонаселенный и весьма бедный, составляет часть семи Ионических островов и, как и 6 прочих, охраняется русским гарнизоном.

Бриг не останавливался там, и я имел удовольствие лишь прикоснуться к земле, которая некогда была храмом Сладострастия.

Мы обогнули мыс Матапан и были захвачены штилем в виду мыса Модон, я воспользовался этим, чтобы сойти на берег и бегло осмотреть маленький город, крепость и сады в окрестностях, в которых нам позволили взять столько фруктов, сколько мы могли оттуда унести, заплатив за это мелкой серебряной монетой. Турецкий комендант, узнав о нашем приезде, приказал нам тотчас же вернуться на борт нашего корабля, в противном случае он приказал бы взять бы нас под стражу: я не захватил с собой мой фирман от визиря, поэтому нам пришлось торопливо проследовать к нашей шлюпке, смиренно выслушивая оскорбления и угрозы от уличных шалопаев.

Непереносимая жара и штиль, прерывавшийся лишь слабым вечерним и утренним бризом, много дней досаждали нам; мы медленно прошли перед островом Занте, затем — между Кефаллонией и островом Итака. Это царство Улисса хотя и принадлежало Ионической республике, не сочло для себя достойным быть занятым хотя бы ротой русского 13-го егерского полка, расквартированного на прекрасном острове Кефаллония. Пенелопа должна была быть очень красивой, чтобы руки ее домогалось столько соперников, ее царство не стало приданым для притязателей на ее руку.

Мы проследовали перед Святой Маврой, и, наконец, заметили Корфу. Вечером звук барабанов, бьющих вечернюю зарю, долетел до нас; ночью мы слышали перекличку наших часовых. Русские гренадеры на древней Керкире, защищающие стены, что возвела там Венеция, грозящие берегам Албании, русский флаг, господствующий на Адриатическом море; Архипелаг и Корфу, послушные Императору Александру, во многом затмили воспоминания о величии греков. Утром наш бриг салютовал андреевскому флагу, который гордо развевался в порту. Мы бросили якорь среди наших линейных кораблей, и генерал Анреп, командующий сухопутными войсками, отправился представить свой рапорт генералу Спренгпортену.

Я нашел на Корфу полковника гвардии Арсеньева, с которым я близко был знаком в Петербурге, и который мне предложил разделить с ним его квартиру.

Я добился разрешения из Петербурга покинуть генерала Спренгпортена, оно ожидало меня на Корфу, и я ощутил себя полностью свободным в своих действиях.

Я сопровождал генерала Анрепа в поездке, которую он предпринял вокруг острова, чтобы осмотреть там все пункты высадки и обороны. Сначала мы пересекли его в ширину; с Корфу отчетливо видны берега Греции, а с противоположной стороны мы различили, но лишь как облако, берега Италии.

После мы отправились на север острова и пересекли его затем по всей его длине, до южной точки; эта часть острова заканчивается песчаным пляжем, который теряется в море, остальная местность — не более, чем продолжение очень

высокой горы. Деревни держатся равнин; одни монастыри украшают несколько скалистых вершин и своим расположением и древностью стен своих прибавляют безжизненности краю, который рядом с садами олив, лимонов и апельсинов представляется ужасной бездной и самым диким утесом. Весь остров испытывает недостаток в воде, в цистернах хранят воду от дождей, которые зимой бывают столь обильными, что походят на наводнения. Есть несколько слабых источников, воду из которых жители деревень приходят продавать втридорога в город.

Корфу, древняя Керкира, поднявшись вместе с цивилизацией и политикой Греции, явив ужаснейшие сцены свирепости внутренних распрей, разделила участь государств Греции и, как и они, была подчинена римлянам, Восточной империи и испытала гнет мусульман. Венеция освободила ее от него и сделала из него один из самых великолепных бульваров, созданных за время ее могущества.

Войны французской Революции, разрушив последнюю тень этой древней и цветущей республики, принесли трехцветный штандарт на стены Корфу: с берегов Невы приказ Павла I вооружил в Крыму флот, заставил Порту согласиться на его проход через Дарданеллы и присоединить свой флаг к флагу России; два объединенных флота пришли осадить Корфу; эта крепость, почти неприступная, сдалась нашему оружию; в том же году Неаполь отвагой горстки наших солдат вновь обрел свою независимость; Суворов, стремясь от победы к победе, освободил Италию и изумил Европу. Семь Ионических островов, из которых Корфу должен был стать главным, объявлены были независимой республикой под тройным покровительством России, Англии и Турции.

Город маленький, множество церквей и несколько общественных зданий — прекрасной архитектуры, цитадель, арсенал, казармы, все фортификационные сооружения свидетельствуют о великолепии Венеции и о громадных суммах, которые она употребила, чтобы обезопасить этот ключ к Адриатическому морю от любой атаки.

Весь остров, за исключением нескольких венецианских семей, которые там обосновались, следует греческой вере; в кафедральной церкви находятся мощи Святого Спиридона; их проносят в определенный день с большим почетом по всему городу; войска тогда под ружьем, весь деревенский люд стекается, чтобы почтить своего покровителя; колокола по всей стране и пушки укреплений разносят вдаль весть об этом торжественном празднике.

Порт защищен и закрыт островом Видо, который находится в середине и создает на севере и на юге проход, по которому можно выйти и войти с любым ветром, и столь просторный, что 100 линейных кораблей могут там встать на якоре. Южный вход находится под защитой пушек цитадели.

За сооружениями, составляющими оборону внешней части Корфу, возвышаются еще три больших укрепления, из которых правое прилегает к форту Святого Сальвадора; среднее — к форту Святого Рока, а левое — третий форт — придвигается к морю так, чтобы вся крепость и цитадель, которая находится в месте, наиболее выдвинутом в море, образовывали полуостров, защитой коего и является

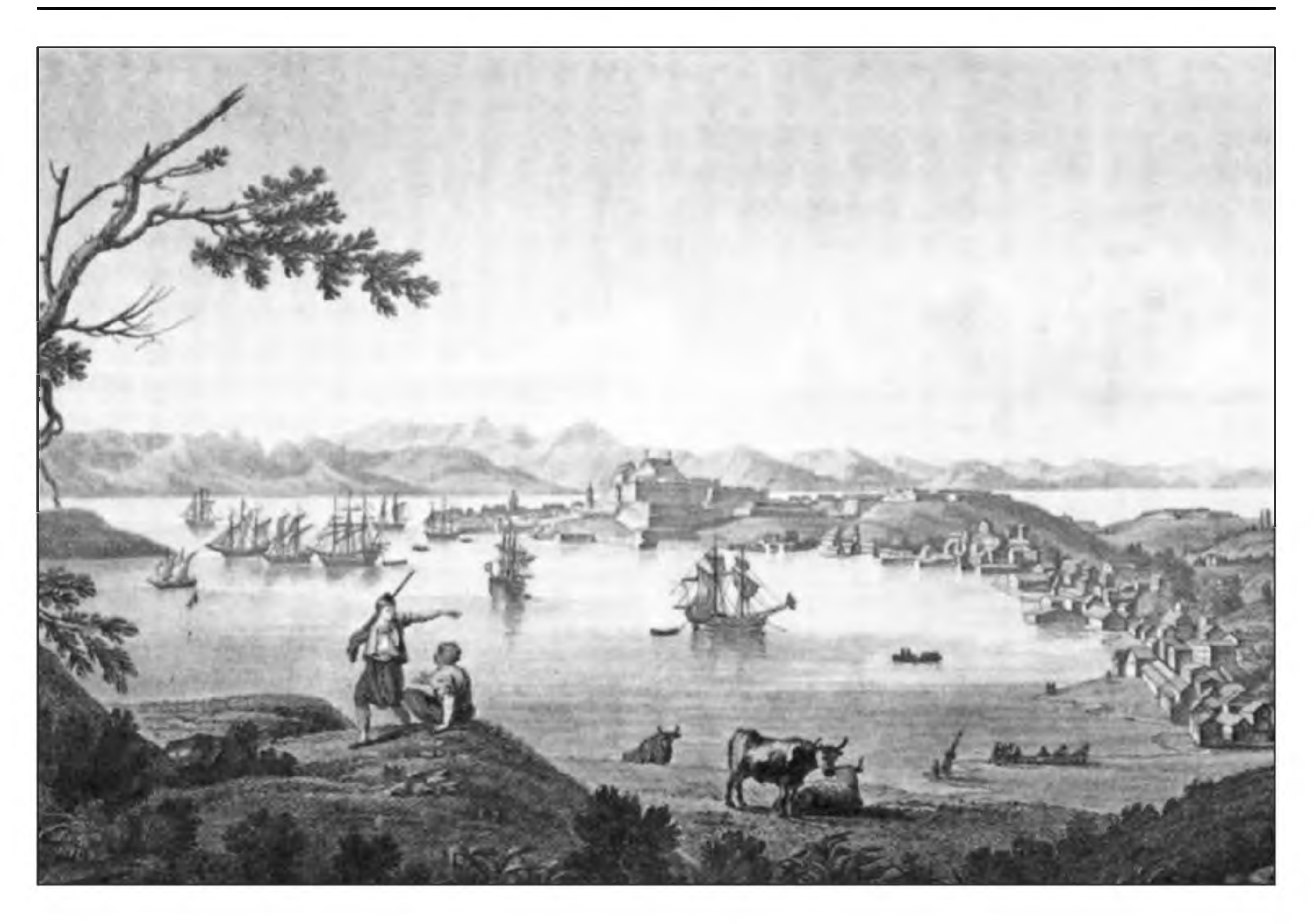

Памятник Лисикрата в Афинах. 1830-е

эта фортификационная линия. За этими фортами, оставляющими широкое открытое пространство между основной частью площади и ее постройками, находится равнина, самая приятная для глаз, которую только можно увидеть. Вдоль берега моря вытянулся городок Корфу, многочисленные кофейни которого заполняются народом тотчас, как вечерняя прохлада дозволяет прогулки. Городок заканчивается фруктовыми садами и очаровательными лужайками: именно там помещают знаменитые и восхитительные сады Алкиноя. Природа кажется здесь раскрывающей особенную красоту; древние и густые деревья защищают здесь траву от палящих солнечных лучей и сохраняют разнообразнейшие и прелестнейшие цветы.

Наиважнейшая часть торговли Корфу — масло, которое считается одним из лучших в мире; его апельсины и лимоны также имеют высокую репутацию; корфиоты — хорошие моряки, очень трудолюбивые, любящие свободу и способные легко находить выход из всех передряг. Как и все греки, они питают отвращение к туркам, но почти столько же ненавидят своих прежних хозяев — венецианцев. Единственное иностранное влияние, которое они могут быть способны сносить, это влияние России, одна Церковь объединяет две нации.

Гарнизон Корфу был многочисленен: вместе с батальоном Куринского полка, образованным из гренадерских рот, которые прежде составляли охрану неаполитанского короля, в него входили гарнизонный батальон и батальон корфиотов,

Остров Корфу. Рисунок Е.М. Корнеева. 1805

сформированный и возглавляемый русским полковником, а также Сибирский гренадерский, Витебский мушкетерский и 14-й егерский полки. Прочие острова Ионического архипелага охранял 13-й егерский полк. Крепостная артиллерия была весьма значительной, даже в том состоянии, в котором ее передали нам французы; кроме этого мы имели две роты батарейной и одну роту легкой артиллерии.

Флот, пришедший из Черного моря и вставший на Корфу, состоял из 3 линейных кораблей, одного 44-пушечного фрегата, трех меньших фрегатов и множества бригов и авизо, он был усилен эскадрой капитана-командора Грейга, которая прибыла из Балтийского моря с двумя линейными кораблями, одним фрегатом и одним корветом. Затем, после того как я покинул Корфу, сухопутные войска были дополнены еще тремя полками, а эскадра адмирала Сенявина силой в 6 линейных кораблей прибыла из Кронштадта и сделала нашу морскую силу в Средиземном море более чем достаточной, чтобы умерить преобладание здесь английского флага. Этой великолепной стоянкой Россия была обязана единственно энтузиазму, с которым Павел I принял титул Великого магистра Мальтийского ордена. Все его намерения и политические шаги обратились к обладанию скалой, которая стала престолом его нового сана. Горячее желание водрузить здесь свой штандарт заставило его выставить крупные вооруженные силы и вступить в те тесные связи с Англией и Австрией, которые породили блестящую кампанию Суворова

в Италии, несчастья корпуса Корсакова в Швейцарии и гибельный десант Германа в Голландии. Император Павел, всегда нетерпеливый в проявлениях своей воли, назначил даже своего наместника, коменданта и адъютантов крепости, которую он страстно желал. Эта самая нетерпеливость, которая вовлекла его в бесполезную войну против Франции, заставила его также быстро переменить партию, и гнев, внушенный ему против Бонапарта удачным налетом того на Мальту во время его похода в Египет, сменился на милость, лишь только Бонапарт предложил уступить ему свое завоевание.

Все наши агенты за границей были категорически против того, чтобы вступать в переговоры с французским правительством; однако это последнее, желая всеми силами оторвать Россию от альянса с Англией и Австрией, не жалело никаких средств, чтобы угодить Императору Павлу, и, наконец, через нашего посланника в Гамбурге довело до него предложение освободить для него Мальту. Павел тотчас направил в Париж генерала Спренгпортена, полностью и искренне сблизился с Францией, наши пленные там были снабжены обмундированием и вооружены, чтобы сформировать гарнизон Мальты; гнев Павла против Англии не имел более предела, как только эта держава захватом этого острова разрушила все его проекты. Он объявил войну английской нации и был готов объявить ее всем державам, которые успешно сражались против революционных армий, и помышлял уже разделить Европу между Россией и Францией, когда смерть пришла остановить его в его порывах и уберечь Россию от войны, последствия которой были бы непредсказуемы.

Во время всей этой бури, которую Император Александр успокоил своим восшествием на трон, Корфу оставался занятым нашими войсками; это позиция величайшей важности; она дает России преобладание на Средиземном море, тем более заметное, что оно поддерживается желанием греков, которые снаряжают здесь весьма значительное количество торговых судов. Россия за счет этой позиции поддерживает свои прямые связи с греками на материке и на островах и питает надежду на их освобождение. Оттоманская Порта оказывается, так сказать, блокированной нашими силами и может лишь следовать нашей политике или, порвав с нами, спешить к своей гибели; наши войска с Корфу способны двинуться к Константинополю, в то время, как наши армии, перейдя Дунай и преодолев Балканы, угрожали бы Адрианополю.

Корфу к тому же стал целью для нашего флота; шведы на Балтике и турки на Черном море не могут более воевать против нашей державы, и наши военные моряки, запертые таким образом в двух озерах, где они не находят более противников для сражений, стали почти бесполезными, далекими от того, чтобы совершенствоваться, и подвергались риску позабыть свое занятие.

Почти напротив острова Корфу находится Албания, которая составляет часть огромных владений Али-паши из Янины; человек весьма предприимчивый, вассал Порты и в то же время независимый; он с завистью глядит на все европейские

державы, которые утвердились на Ионических островах, тем более, что он опасается своих подданных, которыми он правит только террором и страхом казней.

Он хотел завоевать маленькое племя так называемых сулиотов, которое занимало 5 деревень на почти неприступных горах, и которое, благодаря своему положению и своей бедности избежало ига турок. На протяжении 17 лет эти храбрые горцы защищались против всех попыток Али-паши с почти невероятным упорством и ожесточением. История этой войны показывает, что греки могут еще быть тем, чем были их предки; женщины заряжали ружья своих мужей и предпочитали броситься с вершины утесов, нежели сдаться врагу. Утомленный этим упорным сопротивлением, Али, наконец, предложил мир оставшимся из этих несчастных; то, что не смогла сделать сила, было исполнено ловкостью и деньгами; сулиоты продали свою родину, политую их кровью, и обязались отправиться на Ионические острова, ничто не смогло их заставить признать господина. Они прибыли на Корфу в числе 600 человек, бывших в состоянии носить оружие. Они были размещены в разных деревнях, и генерал Анреп предложил принять их на нашу службу.

Надежда, что война между Россией и Турцией сможет в один прекрасный день вернуть их победителями на их родину, и соответствие религии заставила их с жадностью принять это предложение.

Мне было поручено командовать этим сулиотским легионом; я не осмелился говорить о том, чтобы его организовывать, ибо мне казалось, что 17 лет смертельной войны были самой военной организацией. Я только разделил их на сотни и десятки для того, чтобы знать, к кому из сотников или десятников я должен был обращаться, чтобы сообщать им приказы, или кого я должен был делать ответственным за эксцессы, которые совершались довольно часто. Сотники и десятники, которых выбрали они сами, имели дозволение носить темляк и получали весьма значительное жалование. Поскольку я сам лично вручал им точно во все месяцы денежное содержание, которое им причиталось, и старался обеспечить им все преимущества, которые были в моих силах, они прониклись ко мне доверием и согласились даже разместиться в казармах. Им была доверена защита острова Видо, куда 30 человек поднимались ежедневно и исполняли со всей строгостью, какую только можно представить, данные им предписания.

Мало-помалу они сами начали подражать нашим солдатам, этому поддерживанию субординации, и постигать, что для того, чтобы служить сообща с нашими войсками, они должны приспособиться к роду упорядоченных движений, что начальник может управлять с быстротой при помощи команд или сигналов. Я выбрал свисток, каждый сотник имел один такой, чтобы повторять тотчас сигнал, который я подавал; всякий маневр был сокращен до того, чтобы рассредоточиться, быстро выдвинуться вперед, перестроиться и переместиться направо или налево. Такие маленькие учения, подобия войны, которые всегда следовали после приема пищи, забавляли это воинственное племя, и я имел удовольствие дать

для генерала Анрепа небольшие маневры, которые совершенно удались и которые состояли во взятии и обороне деревни и садов.

Эти храбрые сулиоты, античный костюм которых напоминал древних спартанцев, часто мне говорили, что однажды они изъявят мне свою преданность, вознеся меня на своих руках на стены Константинополя. Грек все еще остается тем, чем он был в лучшие времена Афин, одно лишь слово воодушевляет его; и энтузиазм, к которому он наиболее восприимчив, нежели все народы Европы, вознесет на высочайший уровень могущества того, кто сумеет его зажечь и вернуть этой нации ее прежнюю независимость.

Спустя несколько дней после моего приезда на Корфу мне сообщили, что на судне, пришедшем из Константинополя и которое было поставлено в карантин, находится некая дама, которая желает со мной говорить. Я тотчас же отправился в порт, откуда шлюпка доставила меня на означенное судно. Я назвал себя и был весьма удивлен, узнав по голосу мадам Лекюйер (l'Ecuyer), с которой я свел знакомство за несколько дней до моего отъезда из Константинополя. Она умоляла меня использовать все, чтобы вызволить ее из карантина, и рассказала мне, что ее муж послал своего секретаря, чтобы отвезти ее в Париж, и что она остановилась на Корфу только для того, чтобы провести несколько дней со мной, благодаря любезности своего провожатого. Мне не нужно было большего, чтобы весьма быстро поспешить упросить генерала Анрепа сделать исключение для этой красавицы, избавив ее от карантина. Он любезно приказал отписать по этому поводу главе сената, и назавтра я поспешил принять мадам Лекюйер в шлюпку и препроводить ее на квартиру, которую я велел для нее приготовить. Секретарь ее мужа очень кстати удалился в комнату, которая была ему предназначена, и позволил мне спокойно насладиться благосклонностью мадам генеральши.

Была в городе госпожа Белли, жена одного нашего капитана 1-го ранга, большая кокетка, которой я оказывал знаки внимания; она была очень задета, увидев себя оставленной ради этой новой приезжей, и обещала французскому консулу, который весьма усердно за ней ухаживал, согласиться для него на все, если своим авторитетом он через три дня добьется того, чтобы заставить свою соотечественницу продолжить путь. Он ей это обещал и уверил меня, дыша радостью, что он сдержит слово; я со своей стороны уверил его, что он не имеет никакого права на женщину, и что мадам Лекюйер останется столько, сколько мне будет угодно. Шесть дней миновали, госпожа Белли выходила из себя, я насмехался над консулом, и он сказал мне, что хорошо смеется тот, кто смеется последним. Я пригласил секретаря отобедать у меня со многими офицерами; когда мы вошли в мою комнату, я был весьма удивлен, увидев его внезапно пробормотавшим несколько слов извинений и покинувшим меня. Один морской офицер спросил меня, знаю ли я этого француза. Каково же было мое удивление, когда он меня уверил, что это был генерал Лекюйер собственной персоной, которого ему довелось видеть зимой, когда тот следовал в Константинополь в качестве прикомандированного к французскому посольству. Я осознал, до какой степени я был одурачен ею

и опасными западнями консула, и поспешил к генералу Анрепу предупредить его и испросить его прощения. Он же послал за мной еще быстрее, чтобы предупредить меня о двойном шпионе и о его документах, но было слишком поздно, свежий ветер уже нес их на легком корабле вне нашей досягаемости.

Я был ошеломлен и поражен бесчестностью мужа, который проституирует собственной супругой, мошенничеством этой бесстыдной женщины и скандальным маккиавеллизмом правительства, которое пользуется подобными средствами.

Деньги, которые наши войска и наш флот расточали на Корфу, заставили прибыть туда итальянскую оперу и весьма недурной балет. Одна статисточка, которая представляла лишь свою прелестную фигурку, привлекла мои желания; она была содержанкой одного старого графа-корфиота; дукаты позволили мне войти к ней, и чтобы сломать всю ее разборчивость, я вызвался с лихвой заменить господина графа: все это происходило при помощи одного толмача, за неимением еще времени достичь достаточного успеха в итальянском языке: но капитуляция была подписана, и толмач получил отставку, разговор потек своим чередом, и я удовольствовался тем, что говорил «так» (cosi) вместо ответа на все то, что она мне говорила. На другой день я оплатил 35 дукатами это слово, которое я считал совершенно невинным; так как на плохом итальянском оно означает «очень хорошо», брат прелестной девицы принес мне счет за все покупки, которые она попросила у меня разрешения сделать, и на которые я, стало быть, согласился. Время от времени вместе с моим другом Арсеньевым я заходил поужинать к прелестной статисточке, которая для большего удобства проживала совсем рядом с нашим домом. Вскоре одна из первых танцовщиц избавила меня от моей второстепенной любви, и вознесла ее до роли столь важной, что я не знаю, каким чудом ее любезность не удержала меня на краю бездны: состояние ее здоровья поставило состояние моего в такую печальную ситуацию, что ее отказы и ее признание стоили моей самой сердечной признательности.

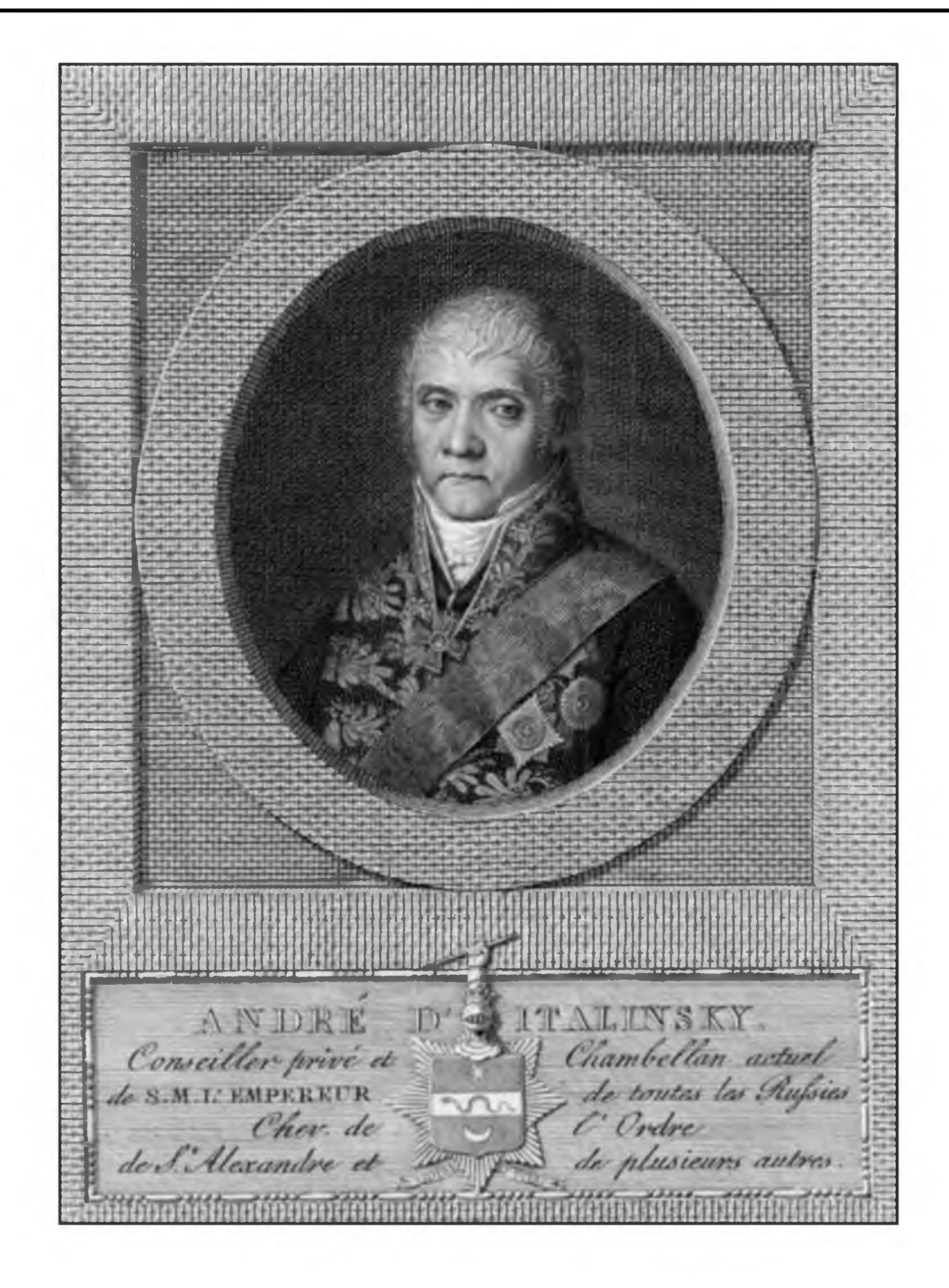
Дама прекрасной наружности заставила меня действительно испугаться; наше знакомство состоялось в театре, в ее ложе; я старался обратить внимание всех моих знакомых на эту новую победу, и моя гордость и моя радость достигли вершины, когда я добился позволения проводить ее. Спустя несколько часов, опьяневшая от удовольствия, эта дама, произнеся мне длинную фразу о клевете, заклинала меня самым прочувствованным тоном не верить тому, что мне говорили, будто ее любовник умер на днях от дурной болезни, которой, как полагают, наградила его она. Мои прощания были весьма краткими, но страхи очень долгими, к счастью я отделался лишь испугом.

Придя в себя, я положил мои клятвенные обещания верности к ногам госпожи графини Дусмани; это была прелестнейшая вдова, собиравшая у себя часть общества. Как-то после обеда я застал ее спящей на кушетке в неглиже, которое мне показалось надуманным; горничная прикрыла за мной дверь с улыбкой заговорщицы, я разбудил спящую красавицу с помощью самых недвусмысленных ласк и был восхищен, увидев, что весьма далекая от того, чтобы обидеться, она не ответила лучше, нежели тем, чтобы засыпать так часто, как мне того было бы

угодно. Я было укрепился в этой связи, но ухаживания английского посланника, который просил руки графини, заставили меня уступить ему место, и спустя некоторое время поздравлял новоиспеченную супругу и жалел новоиспеченного супруга.

Напротив моего дома проживала одна девица, которую длинный и худой граф-корфиот держал взаперти со всем усердием утонченной ревности. Я часто прогуливался перед ее окнами, когда месье был далеко от дома, и читал в глазах прекрасной пленницы желание найти хоть какое-нибудь развлечение в своем одиночестве. Старуха, назначенная надзирать за поведением барышни, позволила смягчить себя многочисленными мольбами и, особенно, несколькими дукатами, но опасение, которое внушал граф, отдаляло пока минуту нашего свидания. Наконец, чтобы преодолеть все сомнения, я через одного из моих товарищей велел устроить большой ужин, все издержки по которому, не участвуя в нем, я взял на себя, и на который был приглашен граф, все было устроено для того, чтобы его напоить и особенно — чтобы удержать его до 4 часов утра. В то время, как он предавался удовольствию за столом, я без опаски наслаждался подле своей любовницы всеми возможными удовольствиями. В 4 утра ему позволили покинуть пиршество, но я, несмотря на живые напоминания старухи, приходившей уведомить нас о каждом прошедшем часе, к 4 часам покинуть свое пиршество еще и не помышлял. Мы оказались захвачены врасплох, а единственная дверь, имевшаяся в квартире и в которую стучали с удвоенной силой, лишала меня всякого пути отступления. Нужно было открыть дверь, свет, как бы случайно, был потушен, а вино, заставив графа забыть обычную предосторожность запереться на ключ, позволило мне улизнуть. Я добрался до своего дома в более чем легком костюме, внушавшем мне беспокойство по поводу открытий, которые мог сделать граф, но старуха, воспользовавшись сном своего хозяина, полностью меня успокоила, принеся мне все мое платье еще до восхода солнца. Такие ужины повторялись не раз, но вместо 4 часов я предусмотрительно удалялся на час раньше.

Граф Моцениго, наш посланник при Республике Семи Островов, весьма усердно ухаживал за самой красивой женщиной Корфу — госпожой Армени, юной вдовой, очень богатой, очень хорошей и приятной музыкантшей, и использовал все средства, чтобы понравится; сложность иметь успех отдаляла меня от нее, но в конце концов я в нее влюбился и оставил все, чтобы полностью посвятить ей мое свободное время и мои чувства. Подле нее проводил я свои утра и вечера и посредством забот и ухаживаний достиг того, что прочно обосновался в милостях прекрасной Армени. Я заставил ее предположить, что могу жениться на ней, и потому она решилась не делать более из нашей связи большого секрета, не скрывать ее перед своей матерью и полностью отправить в отставку всех своих воздыхателей, в том числе и самого господина Моцениго. Но тот, прикидываясь моим другом, с достоинством смирившимся со своей участью, не мог простить мне моего счастья и устроил так, что мне пришлось уехать с Корфу. Он приложил все силы, чтобы выставить меня вызывающим подозрения перед правительством и даже перед моим покровителем — славным генералом Анрепом: он измыслил,

А.Я. Италинский

что я добиваюсь обучения сулиотов лишь для того, чтобы сделать себе карьеру среди греков. Истолковав весьма ловким и гнусным образом предложения, сделанные мною нескольким албанским вождям, и запись, которую я носил с собой, чтобы лучше понимать греческий язык, он уверял, что я, которому не терпелось играть заметную роль, уже приказал называть себя ромейским эфенди, желая называться владыкой греков. В конце концов, он добился того, что генерал Анреп, который не имел права предупредить меня об этой интриге, проникся подозрениями и в один прекрасный день объявил мне, что должен послать меня в Петербург, чтобы донести до Императора самые подробные сведения о том положении, в котором находилась наше устройство на Корфу. Истинную причину моей отправки я узнал лишь спустя несколько лет и готовился покинуть своих возлюбленных лишь на несколько недель. Мои прощания с храбрыми сулиотами еще более добавили дегтю клеветническим измышлениям посланника, они категорически попросили, что коль скоро я их оставляю, им никогда не давали бы другого командира. Мое расставание с госпожой Армени было очень нежным, и весь дом, вплоть до ее кавалера Сервенто, рыдал. Мы обещались аккуратно писать друг другу, и я сел на корвет «Астраль», чтобы отправиться в Триест.

1805

Часть труппы театра Корфу, когда у них истекли контракты, испросили у меня разрешения перебраться в Триест на борту корвета; что я с великим удовольствием разрешил двум певицам, матери и дочери, и некоему певцу, любовнику этой матери, а также балетмейстеру и его супруге, прима-балерине, и одному комику. Это общество, отвлекая меня от моих сердечных недугов, заставило меня быстро забыть мадмуазель Армени, и наше плавание, длившееся 7 дней, стало весьма увеселительной прогулкой.

Это происходило в марте, и Адриатическое море, хотя оно в этот сезон обычно очень бурное, обошлось с нами довольно заботливо, до того момента, когда мы оказались в виду Триеста, где оно разыгралось до такого шторма, что вынудило нас вновь выйти в открытое море, и безжалостно качало нас всю ночь и часть следующего дня; только к вечеру мы вошли в рейд Триеста, где наш корвет бросил якорь рядом с американским фрегатом.

В течение этого путешествия я познакомился с одной девицей, мадмуазель Терезой Фракасси, очень красивой, совсем молодой, чьё поведение в Корфу было образцом скромности. На борту корвета я мог лишь говорить ей о своих чувствах, на которые она отвечала с добротой, но не внушая мне ни малейшей надежды; я уже готовился покинуть её, чтобы помчаться в Петербург, когда нам сообщили, что мы находимся в карантине, и что те, кто хочет сойти на берег, должны будут отправиться в больницу, которая находилась около берега, в отдалении от города; это заявление сильно возмутило меня, и я послал эстафету графу Разумовскому, нашему послу в Вене, чтобы попросить его добиться решения в мою пользу, но этот первый порыв прошёл, и я даже радовался этим препятствиям, которые позволили мне довести до конца мою незавершённую интрижку с мадмуазель Терезой. Нам предоставили очень хорошие комнаты, одну рядом с другой; хороший повар, которого я имел с собой, и мои деньги обеспечивали нам хорошую еду, всё театральное общество с удовольствием собиралось у меня, и наша тюрьма стала истинным жилищем радости, песен и танцев.

Я позаботился о том, чтобы поселить певицу — мать и её любовника в наиболее отдалённых комнатах, и приблизился к той, которая являлось предметом моих желаний. Балетмейстер, и особенно его супруга, которая очень любила мои обеды, так увещевала мать и дочь, что, наконец, на третий день я перенёс свою спальню в спальню мадмуазель Терезы, которая приняла меня с такой нежностью, что заставила дорожить карантином, и сожалеть об эстафете, которую я послал, чтобы уменьшить срок пребывания в карантине.

День ото дня наша любовная связь становилась всё более серьёзной, и лишь с печалью взирали мы на то, как убегают ночи и приближается момент разлуки; на исходе 20 дней пришли мне сообщить, что я могу сойти на берег; я добился, чтобы мои попутчики могли воспользоваться тем же разрешением; все прыгали от радости, а я, грустно взяв под руку мою красавицу, медленно покинул вместе

с ней обитель наших радостей. Мы поселились, пока ещё вместе, в одной городской гостинице, но наконец мы вынуждены были расстаться, и, весь опечаленный, я отправился в Вену.

Я каждый день купался в море, несмотря на то, что было ещё холодно, и в итоге получил жестокую лихорадку, от которой карантинный врач меня лечил, по моей просьбой, хинной; это лекарство, принятое слишком рано и в огромных дозах, помогло больше моей любви, чем моему здоровью, и в Вену я прибыл смертельно больным.

Будучи не в силах даже помышлять о том, чтобы продолжать путь, я нанял квартиру в доме Мюллера, и ждал там своего выздоровления. Все русские, которые всё ещё находились в этом городе, отнеслись ко мне с заботой, и, благодаря стараниям врачей — мужчин и женщин, они несомненно отправили бы меня в мир иной, если бы моя конституция и первые благотворные дни весны не пришли мне на помощь. Тем не менее, по прошествии 6 недель, я смог вновь отправиться в путь, и хотя я всё ещё был слаб, я ехал днём и ночью, и, к своему удовлетворению, даже обогнал австрийского курьера, выехавшего за 24 часа до меня.

Его Величество Император принял меня с добротой, и приказал мне побеседовать с морским министром и министром иностранных дел[30] о различных вопросах, касающихся наших сил и нашей позиции в Корфу; после этого мне было объявлено, что я должен оставаться в Петербурге; я пытался просить разрешения вернуться, чтобы вновь принять командование легионом сулиотов, который я сформировал, но кончилось всё тем, что мне сказали, что найдут мне другое занятие, и что я должен отказаться от Корфу и от сулиотов. Меня утешило то, что я увидел, что всё находилось в движении, и война вот-вот разразится. В ожидании распоряжения, я возобновил связь с госпожой Джулиани, которая нанимала дом на Аптекарском Острове, недалеко от дачи моего свояка Ливена, у которого я провёл остаток лета.

Наконец, армейские корпуса были сформированы, всё пришло в движение, и эта великолепная гвардия, которая со времён Петра Первого покидала Петербург лишь эпизодически, чтобы несколько дней участвовать в Финской кампании, сейчас покидала столицу совсем; к несчастью, слишком полная уверенности в победе, храбрая, но без малейшего опыта, она должна была встретиться со старыми французскими отрядами, созданными двадцатью годами трудов и побед; один корпус был сформирован с целью, чтобы он высадился в Кронштадте под командованием графа Толстого, и высадился десантом в Померании; граф Воронцов со славой вернулся из Грузии, где он пробыл на год дольше меня; он заслужил звание капитана и Георгиевский крест, и был назначен бригадным генералом; это заставило меня с воодушевлением принять дар, который граф Толстой соизволил мне преподнести — сопровождать его в этой экспедиции. Этот корпус был составлен из: Лейб-кирасирского полка Его Величества, Павловского гренадерского полка, Санкт-Петербургского гренадерского полка, Кексгольмского мушкетерского полка, Рязанского мушкетерского полка, Белозерского мушкетерского

полка, 3-го морского полка, 1-го егерского полка, 20-го егерского полка, артиллерии в той же пропорции и Уральской гвардейской казачьей сотни. Два полка донских казаков погрузились на суда в Риге, с той же самой целью.

Самым старшим из генералов после графа Толстого был граф Остерман, кроме того, в корпусе состояли генералы Кожин, Вердеревский, князь Шаховской, граф Ливен и Неверовский.

Когда все приготовления закончились, граф Толстой получил командование корпусом графу Остерману и оставил ему графа Воронцова, а сам отбыл из Петербурга, чтобы отправиться в Швецию, договориться с королём[31], который был главой этой экспедиции, и должен был сам отправиться со шведскими войсками в Штральзунд, чтобы там принять верховное командование. Я сопровождал графа Толстого, так же как и молодой Лев Нарышкин, который был его адъютантом, и, попрощавшись с Петербургом, мы отправились в Выборг. Но через день нас нагнал фельдъегерь, и новый приказ обязывал нас вернуться. То, что мы уже всерьёз попрощались со всеми в Петербурге, теперь казалось нам очень комичным, и мы стремились этого не выказать, когда, несколько дней спустя, нужно было отправляться в Ораниенбаум, где мы должны были сесть на корабли.

Это было в конце октября, становилось всё холоднее и штормило. Весь наш флот и около 150 торговых кораблей стояли на рейде в Кронштадте, с войсками, лошадьми и артиллерией на борту. Граф Толстой, граф Остерман, граф Воронцов, молодой принц Бирон, Нарышкин и я поднялись на борт фрегата «Иммануил», где было приготовлено всё, что может дать роскошь и изящество. Был дан сигнал к отплытию; наш фрегат на всех парусах плыл посреди целого леса мачт, сопровождаемый криками «ура» солдат и матросов и музыкой всех полков. Невозможно представить себе более величественное зрелище, и чувствовать себя более возбуждёнными, чем были мы.

В то же время русские корабли вышли в Чёрное и Средиземное моря, а почти вся армия под командованием своего молодого суверена пресекала границы Империи, что, казалось, символизировало конец французского владычества.

Пруссия, которая вела неуверенную и ненадёжную политику, колебалась, и столь же боялась усиления мощи России, сколь и побед Бонапарта; она надеялась, что сможет остаться недвижимой среди тех великих потрясений, которые готовились в Европе, и ждала случая, чтобы выступить в этой роли. Колеблясь и находясь под угрозой Франции и Императора Александра, она, тем не менее, считала себя достаточно сильной, или точнее достаточно ловкой, чтобы сыграть роль посредника, и держать в своих руках политический баланс.

Она сменила настрой, когда узнала о значительных приготовлениях в России, и о решении Императора принудить её определиться. Одна армия должна была по суше войти в княжества Пруссии, а корпус графа Толстого, который высадится в Штральзунде, должен был через Померанию идти на Берлин; Император отправился в Польшу, к князю Чарторыйскому, который прежде был министром иностранных дел, и ждал там возвращения князя Петра Долгорукого,

А.И. Остерман-Толстой

которого он послал в Берлин, чтобы попытаться там в последний раз добиться определённого ответа.

В ожидании, он принимал знаки почёта от поляков, которые, охваченные неизмеримым патриотическим духом, просили Императора провозгласить себя Королём Польши и позволить им вооружиться против Пруссии. Мудрость и скромность заставили Императора отвергнуть это предложение, которое было вызвано не столько собственно любовью, сколько оружием.

Князь Долгоруков прибыл из Берлина и привёз новость, что король[32] согласен со всеми намерениями России, и просит Императора отправиться в Берлин, чтобы завершить переговоры.

Это происходило во время нашего плавания; когда наш фрегат был в виду Истада, граф Толстой направился в шлюпке с графом Воронцовым в Швецию, чтобы там переговорить с королём и обязать его ускорить высадку войск. На следующий день мы бросили якорь в бухте острова Рюген, на внешнем рейде Грайфсвальда, где граф Остерман ждал прибытия нашего флота. Он послал меня в Штральзунд, чтобы там обсудить с нашим посланником при шведском дворе, господином Алопеусом, способы высадки войск. Довольно сильный шторм, который начался ночью, заставил меня переночевать в одной хижине на берегу острова Рюген, и на следующий день я прибыл в порт Штральзунда. Получив все необходимые для

меня сведения, я по суше вернулся в Грайфсвальд, откуда в шлюпке я отправился к борту «Иммануила», чтобы сделать доклад графу Остерману.

Шторм, который за эти два дня только усилился, угрожал линейным кораблям новым возвращением в открытое море, и граф Остерман решил спешно высадить войска, находившиеся на судах. Это были два егерских полка, часть лейб-кирасир Его Величества, часть артиллерии, сотня Уральских казаков. С большим трудом они высадились на маленькие суда, которые пришли по моему приказу из Грайфсвальда, и торговые суда с частью этих войск на борту попытались войти в порт. Поскольку лоцманов не хватало, я взял на себя управление шлюпкой, в которой был граф и высшее командование; ночь удивила нас, и в последних лучах заката мы увидели наши маленькие погрузочные суда разбросанными и борющимися со штормом, который с каждой минутой становился всё сильнее. Нашу шлюпку два раза накрывало волной, и даже матросы считали, что погибли; темнота была такой, что мы сбились с курса, и блуждали по воле случая. Я пытался править шлюпкой и уверять, что мы идём хорошо, когда мы вдруг увидели свет; не сомневаясь, что это был свет из каюты одного из находящихся в порту судов, я направился в ту сторону; волнение стало менее сильным, показывая нам, что мы вошли в рейд, и наконец, в 2 часа пополуночи, нам оставалось лишь воздать хвалу Господу, приведшему нас в канал, где мы ступили на землю. Но наша шлюпка пришла одна, и на следующий день мы получили о наших войсках лишь неприятные новости: они были разбросаны по всему берегу Померании и острову Рюген, по счастью люди были спасены; наш флот был вынужден в ту же ночь вновь выйти в море; вторая эскадра, прибывшая ранее, была раскидана по всей Балтике; некоторые торговые корабли, перевозившие лошадей, совсем пропали, а другие разбились об острова в этом море; среди них было одно судно со взводом кирасир, которых мы считали утонувшими и которые провели зиму на одном из этих островов. Большой 130-пушечный корабль «Благодать» выбросило в порте Росток, куда, как считалось, никогда не может войти линейный корабль. Тот же шторм раскидал эскадру, на которую в Риге погрузились два полка казаков под командованием графа Ливена; он сам был выброшен на берег Рюгена, два полковника, более 400 казаков и большая часть лошадей погибли в волнах.

Между тем, понемногу, наши войска, разбросанные ветрами, начали сходиться со всех сторон, и те, кто спасся от смерти, отрядами прибывали в Грайфсвальд; но у одних не было военного снаряжения, у других лошадей; у артиллерийских орудий не было зарядных ящиков, и в то время, когда все начальники прилагали всё своё усердие, чтобы навести порядок и восполнить недостающее, мы получили новость, что принц Фердинанд Прусский, который командовал армией из 6—7 тысяч человек, готовился препятствовать нашей высадке. Всё, что имелось в нашем распоряжении, мы выслали на эту дорогу, чтобы прикрыть Грайфсвальд; но, к счастью, в это время Император прибыл в Берлин и изменил ход дел и цель нашего предприятия.

Граф Толстой вернулся из Швеции, и со всем возможным воодушевлением готовил свой корпус, и отправился на кампанию. Он поручил мне командование казаками; донских казаков оставалось 2 полка: после всех потрясений, их численность доходила до 600 человек. Я возглавил марш, и мы вошли в Мекленбург-Шверин. В Шверине герцог и весь город пришли восхититься великолепной выправкой наших войск с невежественным любопытством, казаки в их смешном представлении выглядели дикарями, погрязшими в крови и разбое.

Во время этого марша граф Толстой был в Берлине, чтобы узнать новые приказы Императора; он воссоединился со своим корпусом в Шверине. Граф Остерман, который командовал авангардом, прибыл к Эльбе; кавалерия форсировала эту реку в Лауэнбурге, а я с казаками в Бойценбурге. Вся штаб-квартира переместилась в Люнебург, авангард отправился в Ганновер, и казаки пошли по дороге на Хамельн. Граф Толстой организовал центр этих сил в Нинбурге, и шведский король двигался очень медленно, более чем робко, но, наконец, прибыл несколько позже в Люнебург, который стал наиболее выступающей точкой этой кампании.

Пруссаки, несмотря на доброе согласие, царившее между королём и Императором, очень опасались проявлять себя, и их войска только что встали лагерем по соседству с нашими, выражая абсолютный нейтралитет. Герцог Брауншвейгский командовал теми войсками, которые всё ещё находились в Ганновере и Вестфалии. Один прусский батальон расположился между моими передовыми постами и крепостью Хамельн. Я получил приказ графа Остермана срочно отправляться к этой крепости и уничтожить все аванпосты. Пруссаки видели мои передвижения, почти не зная роли, которую они должны были сыграть, и, не имея возможности предупредить французов; они удовольствовались тем, что пожелали мне успехов в моей атаке.

В деревне, лежащей на расстоянии двух пушечных выстрелов от Хамельна, я столкнулся с небольшим укреплённым постом из 60 человек; поскольку кавалерийский патруль как раз вернулся и сообщил, что русских по соседству нет, этот укреплённый пост был очень удивлён и смущён; большая часть во главе с офицером бросилась по лачугам, окружёнными рвом, откуда своим огнём мешали казакам подойти; остальные были убиты или взяты в плен. В этот момент из города появился отряд кавалеристов, который намеревался прорваться к маленькому посту, блокированному в деревне; но человек двадцать казаков, которые сопровождали меня тогда, стали угрожать им нападением, и принудили эту конницу отступить в близлежащий лес. В крепости забили в набат, артиллерия начала бить по нам, и колонна кавалерии, направившаяся на помощь своим товарищам, заставила нас отступить.

Французы больше не размещали свои посты вне крепости, и казаки заняли все улицы.

Мне послали бригаду егерей, взвод кирасир и две пушки; я считал, что стою во главе армии, и доверчиво разворачивал свои войска в виду Хамельна,

в надежде положить конец делу, но гарнизон разрушил мои надежды, послав в нас несколько ядер.

По прошествии 4 дней я получил приказ снять блокаду крепости, и генерал Вердеревский, который прибыл с русской кавалерией и отрядом, сформированным тщанием ганноверцев, заставил меня поторопиться. Казаки отправились на Нинбург, и граф Остерман позволил мне, пока я жду, провести с ним несколько дней в Ганновере. Прекрасное шампанское, которое там было превосходным, заставило меня сожалеть, что я не могу пробыть там больше, и я отправился присоединиться к своим казакам.

Английские войска под командованием лорда Каткарта[33] начали высаживаться в Бремене и организовывать ганноверские полки. Этот корпус, так же как и наш, должен был находиться под командованием короля Швеции, но медлительность последнего не позволяла больше на него рассчитывать; лорд Каткарт ведь был подчинён графу Толстому, и по обоюдному согласию эти два генерала готовились открыть кампанию.

В то время, как Наполеон, собирая вокруг себя элиту своей армии, намеревался решить судьбу этой кампании на равнинах Моравии, мы должны были дойти до Рейна и войти в Голландию. Я был уже в Дипхольце, и мои разведчики нигде не встречали врага; мы провозгласили начало марша, когда новость о битве под Аустерлицем остановила все наши намерения, уничтожила нашу славную репутацию, и сменила великое доверие великим разочарованием.

Франция, удовольствовавшаяся тем, что сокрушила Австрию и унизила Россию, уступила Пруссии Ганновер как вознаграждение за её вероломную политику, и в собственных интересах, чтобы убрать с этой территории англичан и русских; лорд Каткарт уже отправил назад свои транспортные корабли, и его положение становилось тем более сложным, что он должен был покинуть, ради иностранной власти, патримонию[34] своего короля, и принести в жертву рвение ганноверцев, или вступить в неравный бой. Граф Толстой, которого последствия битвы под Аустерлицем сделали подчинённым короля Пруссии, получил от него приказ покинуть позиции и возвращаться к границам России, тем маршрутом, который ему был указан. Он не хотел покидать своего товарища по оружию, английского генерала, до того, как тот не изыщет способа погрузить свои войска на суда, и под различными предлогами затягивал наше пребывание в Ганновере.

В конце концов, нужно было выступать; мы двинулись через герцогство Мекленбургское; граф Воронцов добился разрешения навестить своего отца в Лондоне, я должен был возложить на себя его обязанности начальника бригады.

Граф Толстой тайно виделся с генералом Армфельдтом, который уже тогда предупреждал его о несчастье, угрожающем шведскому королю, его повелителю, и показал ему список всех шведов, настроенных против короля; они желали единственно одобрения Императора: но Александр, противник всего, что могло бы показаться неблагородным, поддержал еще эту злосчастную монархию.

Нарышкин и я воспользовались отсутствием графа Толстого направились в Берлин, где и развлекались два дня.

Одна часть наших войск была направлена на Шведт, другая — на Штеттин; король прусский и красавица королева[35] должны были там присутствовать, чтобы устроить им смотр. Все офицеры гарнизона Берлина имели разрешение присутствовать на нем.

Король и королева прибыли в Шведт; граф Толстой и его штаб ожидали их у подножия дворцовой лестницы, и были приглашены на обед; первая эта встреча прошла довольно холодно, и нетрудно было догадаться, что сражение при Аустерлице заставило прусское бахвальство подняться до того, чтобы относиться к нашим войскам с пренебрежением и считать только себя способными противопоставить несокрушимое достоинство успехам Наполеона.

На следующее утро Изюмский гусарский полк, присланный из армии Императора, чтобы укрепить наш корпус, 1-й егерский и 3-й морской полки прошли парадом перед королем и королевой, удивив их своей превосходной выправкой, красотою людей и лошадей и точностью движений. Король, а особенно королева, не преминули высказать похвалу этим войскам, а прусские офицеры вынуждены были восторгаться тем, что они считали столь уступающим им, так сказать, в военном совершенстве.

Все направились в Штеттин, где весна благоприятствовала парадам и учениям. Каждый день король являлся посмотреть на наши войска, и каждый день он получал все новое удовольствие. По вечерам проходили балы, на которых королева и придворные дамы танцевали охотно и с живостью, чем изумляли пруссаков, и непрестанно угождали всем русским: мы наперебой старались оживить эти балы, выразить свое восхищение красотой королевы, отдать должное ее доброте и прелестям и кружить головы дамам ее свиты нашими любовными клятвами. Вопреки этикету Берлинского двора, королева танцевала с нами. В день ее рождения мы изыскали предлог, чтобы в полном составе явиться ее поздравить: граф Толстой приблизился к ней и попросил дозволения поцеловать ее руку, как в подобном случае мы целуем руку императрице, все генералы и офицеры последовали его примеру; столь учтивый жест очень понравился королеве. Час спустя в открытой коляске она проехала перед рядами наших войск, солдаты встречали ее криками «ура!», сопровождавшими ее в течение всего времени; король, ехавший в тот момент верхом впереди, получил, как всегда, воинские почести, королева же могла принять это изъявление радости не иначе, как знак восхищения ее красотой, и была этим тронута до слез. На другой день она явилась в амазонке цветов нашей армии, что даже перед пруссаками стало формой восхваления наших войск, наших офицеров, и щедро одарила нас своей благосклонностью.

Король, в конце концов, столь влюбился в выправку и обмундирование наших солдат, что попросил 3 мундира, чтобы ввести их в Берлине в качестве модели.

Это пребывание в Штеттине, которое склонило к интересам России то влияние, которым пользовалась в делах королева, и которое придало королю

уверенность в превосходстве наших войск, склонили Берлинский кабинет к поискам тесного союза с Россией и к тому, чтобы принять по отношению к Франции угрожающую позицию, которая несколько месяцев спустя привела Пруссию к катастрофе под Йеной.

Граф Толстой, очарованный такой подготовкой перемены прусской политики, послал курьера к Императору и после отъезда короля и королевы продолжил свой путь: он отправился в Кёнигсберг ожидать прихода наших войск; я сопровождал его вместе с юным принцем Бироном, который помогал мне развлекаться и стал моим товарищем во всех удовольствиях, за которые мы платили нашим кошельком и нашим здоровьем. Оттуда мы направились через Гумбиннен в Юрбург, где весь корпус пересек границу.

Граф употребил несколько дней на то, чтобы завершить все дела своего командования и дать каждому полку свои указания; после этого миссия его была завершена, и я вместе с ним отправился в Петербург.

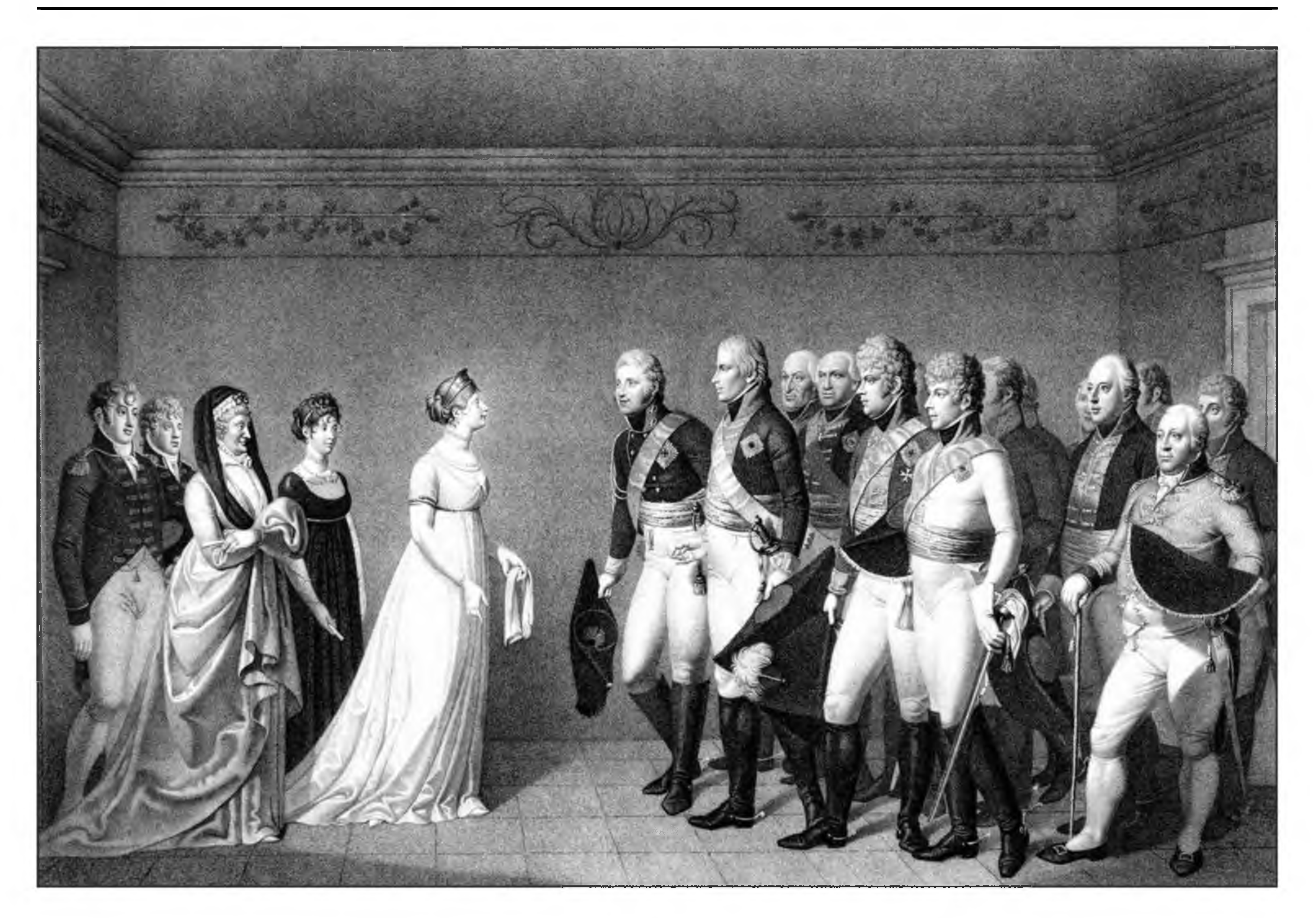
В Риге я имел счастье вновь увидеть моего отца.

Едва мы прибыли в Петербург, как веселое времяпрепровождение уже побудило нас покинуть город; я поселился с моим старым товарищем Кретовым на Карповке, где мы будто находились в центре изысканного общества; пребывание Императора на Каменном Острове привлекало всех в эти окрестности. Аустерлиц вскоре был забыт, чтобы мечтать лишь о том, чтобы забавляться, удовлетворяясь только тем, чтобы создавать или уничтожать военные репутации, все ругать и не срывать никакого плода несчастья и унижения.

Как и в прошлый раз, я отправился на дачу Нарышкина, где собиралась вся блестящая молодежь и куда некоторые дамы являлись поискать приключений. Вдова графа Зубова стала супругой господина Уварова и с первых дней своего замужества объявила прелестнейшие распоряжения, чтобы продолжать вести тот образ жизни, который она вела во время своего вдовства. Она собрала вокруг себя кружок обожателей и, поддерживаемая хлопотами и советами своей подруги, графини Мантейфель, полностью сбросила маску, которая вдохновляла доверие к ней ее мужа. О ее поведении было забыто, чтобы замечать только ее чары, это была одна из самых соблазнительных и самых ловких женщин, и как большинство других, я должен был без памяти в нее влюбиться.

Ее дача находилась совсем близко от той, где я проживал, и я имел все возможности пользоваться моментами, когда ее муж был при дворе, приходить говорить ей о моей любви, на протяжении некоторого времени она показала все свои познания в кокетстве, чтобы сделать меня совершенно страстным, внушив мне смутную надежду на высшую степень ее благосклонности; но, наконец, она уступила моим желаниям, и лавка модистки должна была стать первым святилищем моего счастья. Она более не скрывала предпочтения, которое она мне оказывала, и мои занавеси стали наперсниками наших занятий любовью.

Тем временем лето миновало, и уже новые бедствия угрожали Европе: Австрия, побежденная при Ульме и Аустерлице, мечтала лишь о том, чтобы возместить

Встреча Александра I с королевой Луизой. 1806

свои убытки; и имела теперь не более мужества, нежели как давать обещания тем, кто хотел попытаться положить предел могуществу Наполеона, не осмеливаясь принять активное участие в той борьбе, которую они затевали. Пруссия, возгордившаяся из-за поражения своей соперницы, из-за унижения российского оружия, и особенно гордая Семилетней войной, не желала помнить, что французы уже не те, что были при Россбахе, и, забыв, что Фридрих II уже не возглавляет ее армию, вынудила Наполеона дать ей сражение, прежде чем наши войска соединяться чтобы начать атаку от границ империи.

Полная бахвальства и переполненная уверенностью, основанной лишь на прежней ее славе, прусская армия выходила на ристалище, не страшась этих победоносных банд, которые сформировала опытность.

Первым, кто явился, был принц Фердинанд[36] — украшение германских принцев и идол прусской армии; неудержимость его храбрости и уверенность, которую он внушал солдатам, лишь ускорили его гибель; отряд, которым он командовал, был разбит, а сам он, слишком гордый, чтобы сдаться, был убит ударом шпаги. Это несчастье повергло в ужас все королевство, и новость эта, достигши Петербурга, там заставила уже предсказывать плохие последствия этой войны. Император, чтобы донести до королевской семьи выражения его соболезнования, приказал мне оставаться подле короля и сообщать новости о действиях армий.

Мои прощания с госпожой Уваровой были очень трогательными, и после долгого сеанса у модистки я должен был бы уехать очень расстроенным, если бы мысль об участии в кампании не заставляла торопить мое путешествие и не наполняла все мои помыслы.

Я увиделся с моим отцом в Риге, и по прибытии в Кёнигсберг получил там известие о поражении под Йеной; итак через день, почти через несколько часов после сражения, участь прусской монархии была решена; эта армия, столь уверовавшая в свое совершенство, столь хорошо вымуштрованная, столь богатая в теории, будучи теснима со всех сторон, сложила оружие почти без сопротивления. Берлин был сдан французам, все бежали, все сдались; короля и королеву я нашел в Грауденце, где, имея в качестве барьера Вислу, они считали себя по крайней мере вне пределов вражеского преследования.

Что меня поразило более всего, так это хладнокровие, которое покрывало все лица; все проходило в праздности, и прусские генералы говорили о полном разгроме армии с тем же самым безразличием и тем же самым спокойствием, с которым они на протяжении 40 лет составляли планы маневров в Потсдаме.

Старый генерал Калькройт, враг герцога Брауншвейгского и нескольких генералов, командовавших под Йеной, даже соединял иронию с безразличием и казался радующимся бесчестью, покрывшему мундир, в котором он состарился. Я воспользовался этим настроением, чтобы втереться к нему в доверие и выведать все то, что зависть заставляла его скрывать. Это через него я узнал детали сражения, позорной капитуляции различных корпусов и о тех немногих средствах, которые еще оставались в Пруссии. Я поторопился доставить все эти сведения Императору.

Одна королева имела вид человека, осознающего размеры своего несчастья и такого глубокого для нее падения после блестящего пребывания в Штеттине; при виде меня она вновь заливалась потоками слез: мой вид напоминал ей ее прежнее величие и ставил ей в вину, быть может, ее слишком сильную склонность следовать политике России и свое влияние, которым она злоупотребила, чтобы принять решение о войне. Она единственная была глубоко огорчена, но и она же единственная не утратила мужества, и когда вероломные или слабые советники предложили королю положиться на великодушие победителя, она подняла голос чести и предпочла несчастья позору.

Тем временем со всех сторон приходили бедственные известия: слабые остатки армии, уцелевшие в битве под Йеной, сдались на милость победителя, принц Вюртембергский[37] в Галле сложил оружие вместе с корпусом в 17 тысяч человек, старый фельдмаршал Мёллендорф во Франкфурте-на-Одере предпочел замаранную славу своих 70 лет превратностям сражения и не постеснялся сдать свою шпагу и 12 тысяч человек, вверенных его командованию.

Один Блюхер продолжал защищать честь прусской армии и, ожесточенно сражаясь, уступал лишь числу и талантам маршала Бернадота, блокировавшего его в Любеке, и потерял свой корпус только после кровопролитных и многочисленных сражений.

Крепость Магдебург сдалась без сопротивления, Штеттин послал ключ от своих ворот навстречу неприятелю, и Кюстрин, крепость почти неприступная, пал при появлении первых же дозорных французской армии.

Столько катастроф, столько малодушия, следовавших с быстротой, которой военное счастье не дает примеров, казались чудом и парализовали самое желание защищаться. После месяца кампании армия, столица, самые значительные крепости — все было потеряно. Король решился просить мира; я узнал об этом от фельдмаршала Калькройта и по слезам королевы: я счел должным испросить аудиенции, и хотя у меня не имелось на этот счет никаких инструкций, я объявил королю, насколько Император будет удивлен, узнав о начале этих переговоров. Он старался отрицать, что они были начаты, и хотел уверить меня, что его адъютант находился во французской штаб-квартире лишь для того, чтобы поговорить об обмене пленными. Притворившись поверившим ему, я ему заметил, что для Пруссии будет более выгодно с полным доверием положиться на могущественный союз с Императором, нежели отдаться в руки победившего неприятеля, который не имеет более пределов для своих притязаний, и вероломство которого слишком известно: что, к тому же, наши войска выступили со всех сторон от границ России, и что слишком поздно изменять решение. Он спросил меня, могу ли я подтвердить все то, что я ему говорил; я ответил ему, что ручаюсь за каждое из моих слов: тогда он отворил дверь и, приказав мне войти к королеве, покинул меня. Я нашел ее сидящей на стуле возле двери. Она слышала наш разговор и сказала мне, что весьма удовлетворена всем тем, что я сказал, что ее мнение полностью подобно моему, и что в доказательство она даст мне сегодня же вечером письмо к Императору, которое уведомит его обо всем; она уверяла меня, что ничего не скрывает, и что все ее хлопоты направлены на то, чтобы прервать переговоры, начатые с Наполеоном. Тем же вечером она велела доставить мне это письмо через свою камеристку, и я поторопился отправить его в Петербург вместе с последними известиями об успехах французской армии.

Итак, король, приняв решение наперекор своим министрам, пожелал двинуть в игру свои последние ресурсы; генералу Лестоку вменялось в обязанность собрать под своим командованием войска, разбросанные в старой Пруссии; они составили лишь 17 тысяч человек, это было все, что осталось от более чем 200 тысяч бойцов, составлявших армию короля в начале кампании.

Генерал Беннигсен во главе 60 тысяч человек вошел в области Пруссии и направил свой марш к Варшаве, но король, по совету своих генералов, решил изменить это направление и двинуть нашу армию на Остероде, надеясь этим движением прикрыть старую Пруссию и с этой позиции заставить французов встать на зимние квартиры. От меня постарались скрыть, что армия Наполеона в Калише, и король, не уведомив меня об этом, разослал отдельные приказы всем нашим дивизионным командирам, чтобы заставить их повернуть на дорогу к Остероде. Я счел своим долгом самому пуститься навстречу генералу Беннигсену, чтобы предупредить его обо всем, что я знал, будучи убежден, что пруссаки постараются от

него скрыть его истинное положение, и что, не имея возможности получить достаточно скорых инструкций из Петербурга, он может оказаться в затруднительном положении. Я испросил у короля отпуск и отправился к его адъютанту спросить, где я могу найти генерала Беннигсена: когда он понял мои намерения, то, чтобы выиграть время, не показал мне путь движения и лишь заверил меня, что я найду головные части наших войск уже в Варшаве. Этим ложным указанием он заставил меня сделать большой крюк, надеясь, что это опоздание даст нашим колоннам время изменить направление в соответствии с приказами короля, но он обманулся, ибо ни один дивизионный командир не последовал эти приказам, и все, посылаемое главнокомандующему, могло быть получено только им.

Приехав в Варшаву, я нашел прусского коменданта в странной ситуации; он опасался всего — вплоть до несчастья покинуть свою мебель и свой погреб, он не имел смелости приказать эвакуировать пороховые арсеналы, которые поляки уже страстно желали заполучить, как и оружие, которое они хотели взять себе чтобы направить против нас.

Я тут же уехал, чтобы направится на встречу с генералом Беннигсеном, и нашел его только в Ломже. Он был в восторге, узнав от меня положение дел: по его убеждению, он должен был продолжать свой марш на Варшаву и не рассчитывать на слабые прусские подкрепления; но его положение было весьма критическим: он вышел от наших границ, чтобы усилить многочисленную прусскую армию, полагая встретить неприятеля в центре Германии, а вместо этого он не находит более прусской армии, а неприятель угрожает уже нашим собственным границам. Части его собственной армии еще не были устроены, и все то, что он рассчитывал осуществить на досуге с помощью губернатора, предстояло сделать наспех и своими средствами.

Генерал Беннигсен поступил весьма достойно, не спасовав перед достаточно сложными обстоятельствами, и решившись направить свою слабую армию навстречу Наполеону, удивительные успехи которого только что разгромили армию из 200 тысяч человек и ниспровергли прусскую монархию.

Наполеон в тот момент казался действительно неукротимым гигантом.

Армия генерала Беннигсена имела в своем составе дивизии: генерала графа Остермана, князя Голицына, генерала Сакена, и генерала Седморацкого, всего 24 полка пехоты и 12 — кавалерии.

Он встал на свои зимние квартиры в Пултуске и послал генерала Седморацкого в Прагу — предместье Варшавы, лежащее на восточной стороне Вислы.

Генерал Барклай оправился с сильным отрядом в Плоцк, а граф Ламберт с Александрийским гусарским полком и казаками миновал Варшаву, чтобы заниматься разведкой местности и искать курьеров французской армии, в то время как всего один полк егерей охранял мост через Вислу и наблюдал за улицами Варшавы.

Л.Л. Беннигсен

1806

В таком положении генерал Беннигсен дожидался приказов из Петербурга и наблюдал за движениями неприятеля.

В Пултуск прибыл король Пруссии; ему показали полки, располагавшиеся поближе к городу, чем он остался очень доволен, и оттуда он отбыл в Кёнигсберг, куда уже проследовала королева.

Тем временем все новости о поражениях Пруссии и об опасности, которая угрожает нашим границам, дошли до Петербурга, Его Величество Император приказал собрать под командованием генерала Буксгевдена корпус, состоящий из дивизий генерала Эссена и генерала Дохтурова, и дал ему приказ незамедлительно выступить, чтобы присоединиться к армии генерала Беннигсена. Другой корпус в ожидании формировался в Гродно под начальством генерала Анрепа.

Граф Толстой прибыл в армию в качестве генерала по особым поручениям и доверенного лица Императора, а генерал Кнорринг — в качестве генерал-квартирмейстера. Но нужен был высший начальник, поскольку генерал Беннигсен, хотя и уступал по старшинству генералу Буксгевдену, имел обещание не находиться под командованием последнего; генерал Кнорринг был старше, чем эти

два генерала, но обладал лишь правом давать советы, а генерал граф Толстой должен был давать Императору точный отчет обо всем происходящем.

Найти главнокомандующего было трудно, генерал Кутузов погиб в глазах общества, и особенно во мнении Императора, с того несчастного дня Аустерлица; наконец, общественный глас призвал к командованию старого фельдмаршала графа Каменского, который уже на протяжении 15 лет находился не у дел. Император уступил общему желанию, и граф Каменский выехал из Петербурга, увозя с собой лучших молодых людей. Армия была в восторге от этого выбора, не слишком зная, почему фельдмаршал известен только жестокостями, которые он чинил в Молдавии, в Польше и в Финляндии, но это был вождь, и его жестокая репутация, казавшаяся свидетельством строгости и характера, заставляла смотреть на него как на единственного человека, способного противостоять Наполеону, и придать необходимое единство армии, состоявшей из генералов, завидующих один другому, из юных офицеров и почти необстрелянных солдат. Вся армия с нетерпением ожидала его приезда, в то время как неприятель, который находился в Калише только для того, чтобы собраться и подготовить в Польше восстание, выдвинулся к Варшаве, а генерал Ламберт имел уже с ним кавалерийское дело в окрестностях этой столицы.

Будучи прикомандированным к особе графа Толстого, я с общего согласия был послан в Гродно, где находился фельдмаршал, чтобы доставить ему все известия и побудить его отправиться в Пултуск; по моем приезде к нему я был удивлен, увидев тот ужас, который он нагнал на всех членов его свиты; я выполнил свое поручение и в то же время уверил его в той радости, которую испытывают солдаты, видя его во главе них. Он поспешно завершил свои приготовления и выехал тем же вечером; желая сопровождать его, я отправил нарочного в Пултуск, чтобы предупредить графа Толстого, который приехал в Белосток ему навстречу.

Его активность, даже его злоба очень нравились нам, и все, что он говорил, наполняло нас доверием. Он очень хорошо принял графа Толстого и остановился в Остроленке, чтобы урегулировать кое-какие дела. По своем приезде в Пултуск он получил известие, что Наполеон находится в Варшаве, где его встречают с воодушевлением, и что там французы заняты восстановлением моста.

Фельдмаршал был слишком сведущим в своем ремесле, чтобы надеяться суметь защищать на протяжении долгого времени переправу через Вислу, когда враги угрожают во множестве пунктов; он удовольствовался концентрацией своих войск, которые, согласно первой диспозиции генерала Беннигсена, были слишком распылены; Наполеон же, желая предупредить это движение, поспешил выдвинуться вперед и атаковать наш корпус по частям.

Фельдмаршал отправился в Новоместо, где генерал Беннигсен собрал большую часть своей армии, передовые посты которой уже находились в соприкосновении с противником. Из донесения от поста, размещенного в Черново, он узнал, что граф Остерман оборонялся с отвагой и уступил превосходящим французским силам только после сражения, продолжавшегося до поздней ночи.

Назавтра рано утром фельдмаршал прибыл в Черново, где был встречен радостными криками «ура» этой частью дивизии графа Остермана, которая, проявив только что примерную храбрость, еще и продемонстрировала строгую выправку в строю. Возвратившись в полдень в Новоместо, фельдмаршал вскоре должен был оставить этот населенный пункт, который неприятель занял вечером после упорного боя.

Был отдан приказ, чтобы весь корпус генерала Беннигсена отошел к Пултуску, чтобы там сконцентрироваться и занять позицию, и чтобы корпус генерала Буксгевдена собрался в Макове. Корпус под командованием генерала Анрепа, пришедшего на соединение с армией, находился на левом берегу Нарева и навел мосты, чтобы быть в непосредственном сообщении с левым флангом позиции при Пултуске.

Фельдмаршал провел эту ночь на аванпостах, несмотря на опасность быть захваченным передовой частью неприятеля. Он спал с таким спокойствием, которое вселило в нас доверие. Назавтра он направился в Голымин; по дороге он был устрашен ужасной грязью, которая замедляла продвижение колонн, особенно артиллерии; он воочию увидел, что лошади не могли более тащить пушки, помощь 300 человек была недостаточной для того, чтобы вытянуть то, что увязло в грязи; на этом марше мы потеряли более 70 орудий, брошенных в грязи.

Граф Пален с арьергардом, состоявшим из его Сумского гусарского полка и двух полков пехоты, сражался перед Голымином и был вынужден повернуть на Маков. Приближение неприятеля заставило фельдмаршала направиться в Пултуск. Вечером он проследовал между огнями наших биваков; радость, которую его присутствие вызвало у солдат, казалось, воодушевила его на сражение и породила в нас самые прекрасные надежды.

Наша позиция располагалась перед Пултуском, на правом берегу Нарева; левый фланг армии опирался на окаймлявший эту реку крутой спуск, а правый фланг — на почти непроходимый лес таким манером, чтобы наше отступление могло быть осуществлено или через Пултуск, где на реке были наведены мосты, или по дороге на Остроленку, вдоль правого берега Нарева. Грязь, еще более усугублявшаяся передвижениями войск, не считалась ни с каким предписанием и могла парализовать атаку любого другого генерала, кроме Наполеона. Лошади тонули на больших дорогах, и малую часть артиллерии, которая могла сопровождать французскую армию, тянули на быках: эта грязь окружала и нашу позицию наподобие настоящего фортификационного сооружения.

Генерал Буксгевден, который находился в Макове, получил приказ направиться к Пултуску и так рассчитать свой марш, чтобы прибыть на правый фланг позиции к полудню и вступить в дело, после которого неприятель будет ослаблен из-за своих атак и из-за превосходства нашей артиллерии; в Макове следовало оставить только крупный отряд, назначенный наблюдать за движениями французского корпуса, за которым следовал граф Пален.

Генерал Анреп также должен был осуществить свой переход через Нарев, когда битва уже начнется, чтобы ударить на правый фланг неприятельских колонн. Все распоряжения были сделаны, приказы разосланы, все мы оставили фельдмаршала, чтобы дать ему отдохнуть, и разом отправились спать, ожидая завтрашнего сражения, успех которого не вызывал у нас никакого сомнения. В 4 часа утра полковник Ставраков поднял среди нас тревогу, сообщив, что фельдмаршал сошел с ума и собирается покинуть армию: граф Толстой помчался к нему, и все мы последовали за ним; мы нашли фельдмаршала в беспокойстве ходящим по комнате; граф Толстой спросил его, не получал ли он каких-либо известий о противнике; тот отвечал отрицательно, но заявил, что он не может считать себя уверенным в неопытных генералах и необстрелянной армии, что он уезжает, умывает руки от всего того, что может произойти, и что он уже разослал необходимые приказы, чтобы все наши корпуса отступили к нашим границам, и, наконец, чтобы спасти людей, он разрешил оставить на месте пушки и обозы.

Эти слова были для нас словно удар молнии; слезы потекли из наших глаз, мы не могли понять того, что смогло породить столь неожиданную перемену. Граф Остерман и генерал Беннигсен, которые прибыли, как и мы, предупрежденные о том, что происходит, хотели представить свои возражения на этот безнадежный проект, но фельдмаршал, рассердясь, внезапно распростился со всеми, бросился в свою карету и оставил нас, словно оцепеневших от всего того, что мы только что увидели и услышали. Никто никогда не разгадал, что же смогло привести его к такому постыдному помутнению разума и заставить человека, столь ревнивого к своей славе, изменить своему долгу и оставить свое командование после того, как были уже даны приказы о сражении, и победа казалась совершенно определенной.

Этот беспримерный порыв можно считать в числе наивысших военных удач Наполеона; казалось, само небо покровительствует его планам, в одно мгновение ниспровергая все достоинства, которые противопоставляла ему человеческая сила. Храбрость наших войск, доверие, которую они испытывали к своему предводителю, мудрые диспозиции, которые тот подготовил, и особенно исход этого дня были несомненными доказательствами ожидающего Наполеона поражения. Малое количество артиллерии, которое он мог пустить в дело, плохое состояние его кавалерии и превосходное — нашей должны были принести нам полную победу. Пултуск стал бы пределом военных удач Наполеона и триумфом фельдмаршала Каменского.

Едва он отъехал, как неприятель начал показываться на опушке леса, находившегося напротив нашего левого фланга: генерал Беннигсен решил принять бой со своим единственным армейским корпусом и предложил графу Толстому немедленно направиться на встречу с генералом Буксгевденом, чтобы успокоить его относительно тревоги, которую вселил в него приказ фельдмаршала, и чтобы предложить ему действовать в бою совместно, согласно первоначальной диспозиции. Я сопровождал графа; мы нашли корпус генерала Буксгевдена только

возле Макова; собираясь начать марш, чтобы прибыть в Пултуск во время, определенное вторым приказом фельдмаршала, он повернул обратно, хотя расстояние от Макова до Пултуска составляло немногим более 2 миль. Был полдень, и генерал Буксгевден, ссылаясь на то, что его войска устали, не желал двигаться дальше. Генерал Анреп, со своей стороны, получив тревожный приказ фельдмаршала, разрушил свои мосты и не мог участвовать в сражении. Вечером мы получили известие, что французы были отброшены на всех пунктах, и что генерал Беннигсен остался хозяином положения; наши потери были значительными лишь на левом фланге, но неприятель, выстраиваясь несколько раз в колонны для атаки, был отражен нашей артиллерией, и преследуем на многих пунктах нашей кавалерией настолько, насколько это могла позволить грязь. Чем бы стала французская армия, если бы фельдмаршал руководил в этот день и привел бы одновременно в движение корпуса генерала Буксгевдена и генерала Анрепа.

Вопреки ожиданиям, победа под Пултуском не дала удовлетворительных результатов; генерал Буксгевден на следующую ночь отступил к Новогрудку, а генерал Беннигсен — к Остроленке; генерал Анреп продолжил свое прежнее движение.

Наполеон тоже отступил, слишком счастливый тем, что не был преследуем, и отправился в Варшаву объявить о своей победе. Так две армии отдалились одна от другой, и разведчики с двух сторон потеряли даже их следы.

Наполеон встал на зимние квартиры и прикрыл их корпусом маршала Нея и Бернадота, правая часть которого вытянулась до Морунгена.

Известие о славном дне под Пултуском догнало фельдмаршала Каменского, который повернул назад и встретил армию в Остроленке; он хотел вновь принять командование над нею, но граф Остерман, первым поднявший голос, объявил ему, что он недостоин этой чести, и что ему остается лишь взывать к милосердию Императора и скрыть свой позор в провинциальной глуши. Отчаявшийся, он уехал и увез с собою презрение армии.

Император, узнав о мудром и решительном командовании генерала Беннигсена, который исправил, насколько это было в его силах, безумство графа Каменского, отозвал генерала Буксгевдена и доверил генералу Беннигсену верховное командование над всей армией.

Первый импульс нашего попятного движения повел нас к Тыкоцину; предлог, который нам для этого дали, заключался в недостатке припасов и в необходимости приблизиться к нашим артиллерийским паркам, которые были еще не в состоянии следовать за нами. Однако нужно было решиться на некоторые операции, поскольку страна, в которой мы находились, не предоставляла нам достаточных средств к существованию, а бездействие неприятеля свидетельствовало о его слабости, мы решили воспользоваться нашим преимуществом. Было решено потревожить его место расположения; чтобы скрыть наш марш, армия, которая казалась идущей к нашим границам на поиски зимних квартир, проследовала позади озер, которые образовывали как бы завесу, и, пройдя по прямой, двинулась к повороту

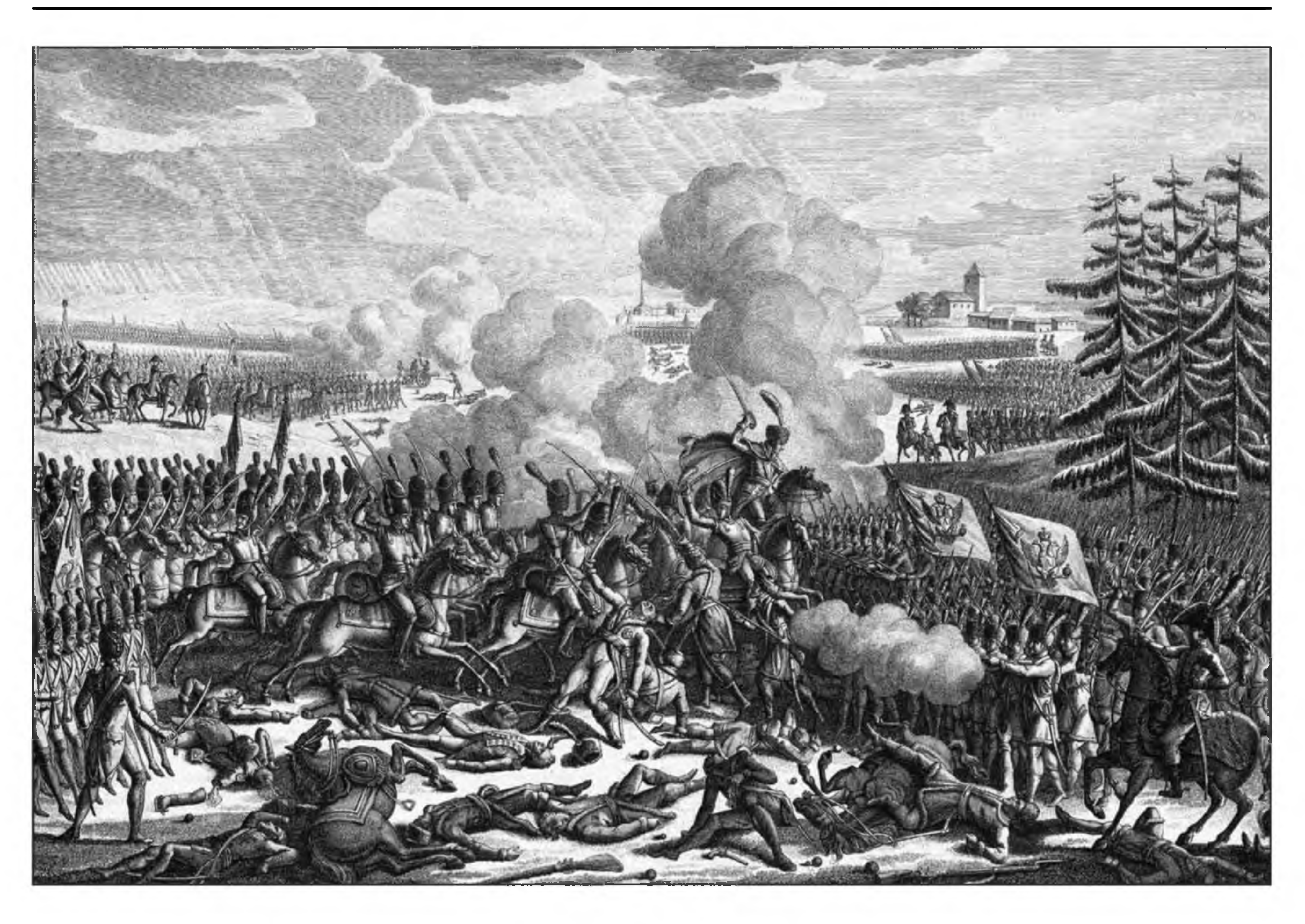
на Либштадт. Кавалерия была разделена между князем Голицыным и генералом Анрепом и образовала голову двух колонн армии, одна из которых двигалась на Хайльсберг, а другая — на Гутштадт. Маршал Ней отступил, а маршал Бернадот был бы захвачен врасплох в Морунгене, если бы в этой ситуации не проявил быстроту и смелость — таланты, присущие искусному полководцу; его авангард был атакован и разбит в Либштадте; генерал Марков после этого удачного сражения отважно выдвинулся к Морунгену, но Бернадот, спешно перестроившись, отразил атаку и силой вынудил его уступить; дело стало очень жарким, когда генерал Анреп во главе своей кавалерии прибыл принять в нем участие. День клонился к закату, и превосходство нашей кавалерии положило бы конец сражению, если бы генерал Анреп, бывший ее душой, к несчастью, не был убит; тогда в наших войсках наступило расстройство, никто не желал взваливать на себя командование, и поле битвы осталось за Бернадотом.

В то время как он бросал в дело все свои войска, чтобы сопротивляться этой неожиданной атаке, отряд кавалерии князя Голицына под командованием графа Петра Палена и князя Михаила Долгорукого вошел в Морунген, захватив все, что оставалось в городе, и завладев повозками маршала Бернадота и всего его корпуса.

Эта атака, столь же смелая, как и хорошо организованная, заставила французов отказаться от преимуществ, которые они имели против корпуса генерала Маркова, и задуматься о собственной безопасности: если бы князь Голицын последовал со всей кавалерией, состоявшей под его командованием, за движением графа Палена и князя Долгорукого, не было бы никаких сомнений, что корпус маршала Бернадота был бы вынужден спасаться бегством в полнейшем беспорядке. Но сей последний, видя, что это всего лишь налет, назавтра на рассвете перестроился и казался готовым начать сражение.

Князь Багратион, командовавший всем авангардом, вместо того, чтобы идти на неприятеля, которого он мог бы отразить с помощью численного перевеса, будучи напуган, занял оборону позади Либштадта и послал передать главнокомандующему, что в движение пришла вся французская армия. Эта искаженная новость заставила генерала Беннигсена вернуть ему кавалерию князя Голицына и направить все свои силы к Либштадту, где около 100 тысяч человек готовились к сражению. Бернадот, освободившийся благодаря этой непростительной ошибке князя Багратиона, осуществил свой отход, не будучи преследуемым. Генерал Беннигсен прибыл после полудня в Либштадт и, увидев себя столь грубо введенным в заблуждение, приказал князю Багратиону спешно идти вслед за французами и, нагнав их, исправить свою ошибку, но тот снова замедлил свое движение и таким образом позволил ускользнуть корпусу, который мог быть разбит.

Сражение при Прейсишь-Эйлау. 1807

1807

Наполеон, среди праздников и заискиваний поляков, получил известие о нашем марше и об отступлении его авангардов; он тут же выехал к войскам, приказал двинуть все, что было у него в распоряжении, и собрал свои силы с удивительной быстротой.

Генерал Беннигсен поспешил соединить свои различные корпуса, и две армии встретились около Гутштадта; генерал Беннигсен, не веря в то, что Наполеон имел время собрать всю свою армию, сформировал большой авангард и приказал ему тотчас двигаться, чтобы захватить этот город: но едва эти войска начали отделяться от основной части армии, как они были остановлены превосходящими массами и частой и очень сильной канонадой: наши кавалерийские колонны, оказавшись совершенно зажатыми на местности, не позволявшей им развернуться, потеряли людей и держались лишь до конца дня. Наконец стало ясно, что Наполеон прибыл со всей своей армией, и что он торопит начало сражения и не намерен долее уклоняться от него.

Позиция перед Янково, на которой мы пребывали, сбившись в кучу, не позволяла нам построиться и дать там сражение; она могла быть пунктом отступления, но не могла быть использована в качестве позиции для обороны; к тому же

князь Багратион со значительной частью войск, взяв направление на Дойч-Эйлау, не имел еще времени соединиться с армией; итак, решено было отступать и искать более выгодную позицию. Противник же возжелал немедля осведомиться о нашей численности и о планах, которые мы измыслили; и, несмотря на темноту, он живо атаковал важный пункт на нашем левом фланге; до глубокой ночи бились с неистовством, но в конце концов мы вынуждены были уступить.

Этот пост, будучи занятым неприятелем, сделал нашу позицию совершенно непригодной для обороны; и в полночь армия двинулась маршем двумя колоннами по дороге на Ландсберг. Князь Багратион, который прибыл на одну из этих дорог, составил арьергард правой колонны, а генерал Барклай де Толли командовал арьергардом левой колонны.

С первыми лучами солнца неприятель пустился за нами вслед и, достигши наших арьергардов, вступил с ними в бой, прекратившийся лишь днем. Прекрасные диспозиции князя Багратиона и генерала Барклая удерживали неприятеля от основной части армии на удалении достаточной значительном, чтобы ее марш ничем не был потревожен.

Но назавтра, прибыв под Ландсберг, неприятель еще более не отставал в своих движениях, и вся наша армия должна была прийти на помощь арьергардам, перестроиться против преследователей под городом, оставив позади себя плотину и узкие улицы. День уже клонился к вечеру, была надежда, что линии не будут введены в бой: арьергард князя Багратиона, нанеся неприятелю значительный ущерб, остановил его на опушке леса, прикрывавшего наш правый фланг, и встал там. Арьергард генерала Барклая не был столь же счастлив; он расположился у деревни Хофф, с желанием продержаться там подольше, чтобы дать армии время перестроиться. Атаковавших неприятеля гусар Изюмского полка неудачно поддержал Ольвиопольский гусарский полк, который вместо того, чтобы оставаться в резерве и в том порядке, в каком его поставили, некстати бросился в атаку, был обращен вспять французской кавалерией и опрокинулся на пехоту, которой, естественно, передалось его замешательство. Командир 1-го егерского полка полковник Арсеньев, тщетно пытавшийся удержаться, попал в плен, и почти весь его полк был перебит; юный князь Михаил Голицын, подхватив знамя Днепровского полка, повел беглым шагом его 1-й батальон и поначалу заставил неприятеля попятиться; но тот, постоянно усиливая свои массы, окружил этот храбрый батальон, который, так же, как и юный князь Голицын, был изрублен в куски; Костромской полк, предводимый храбрым князем Щербатовым, погиб почти целиком. Французы захватили 5 знамен в качестве трофеев этого кровавого вечера.

Генерал Корф с несколькими драгунскими полками был послан поддержать генерала Барклая, но, начав свою атаку с очень отдаленной дистанции, он не оказал никакой помощи и только увеличил сумятицу. К счастью, темнота положила конец этому бою, наши потери были весьма значительны, а французы тут же разбили свои биваки на расстоянии ружейного выстрела от наших линий.

При отходе нам следовало сохранять величайшее спокойствие и величайшую бдительность; если бы французы послали нескольких сорвиголов, чтобы на марше внести смятение в наши ряды, мы никогда бы не смогли перейти плотину и провести колонны по узким и извилистым улицам Ландсберга. Вся полевая артиллерия следовала по другой дороге, чтобы не затруднять движения и присоединиться к армии позади Пройсиш-Эйлау.

К несчастью, в наши войска проник доселе невиданный порок; солдаты, уставши или желая предаться грабежу, отставали от своих полков, сбивались в банды, шли окольным путем и несли разорение местности и разложение армии. Но это несчастье имело одну хорошую сторону; эти солдаты, желавшие уклониться от сражения, везде останавливали французских фуражиров и таким образом увеличивали наши арьергарды, создавая пространственный заслон, который неприятель приписывал расчетливости наших генералов и превосходству наших войск. В Эйлау все мародеры заняли свое место в строю.

Армия прибыла в Эйлау 26 января после полудня и расположилась позади города; правый фланг находился от города на расстоянии ружейного выстрела.

К 4 часам пополудни наши арьергарды, сильно теснимые, соединились и отступили к Эйлау. Сражение разгорелось перед городом; с одной и с другой стороны произошли кавалерийские атаки, в одной из которых Санкт-Петербургский драгунский полк опрокинул колонну неприятельской пехоты и захватил у нее два орла. Генерал Багратион отступил через город, а генерал Барклай, слишком слабый, чтобы защищать его с одним своим отрядом, вынужден был оставить город французам, которые вошли в него со всех сторон. Между тем, поскольку наши линии находились слишком близко к Эйлау, наша полевая артиллерия еще не прибыла, а генерал Беннигсен опасался дать генеральное сражение в условиях, когда неприятель полностью занимал город, позволявший ему скрывать все свои приготовления к атаке, генерал Барклай, усиленный некоторым количеством пехоты, получил приказ отбить Эйлау. Он вступил туда, ударив в штыки; стороны долго сражались на всех улицах, в домах, и после резни, длившейся до самой ночи, наши войска остались хозяевами в городе. Неприятель, сознавая всю важность обладания Эйлау, несколько раз возобновлял свои атаки; темнота усугубила беспорядок и остервенение сражающихся; французам неоднократно удавалось проникать на улицы, а русские, собравшись, заставляли их вновь отступить: весь город был наполнен мертвецами, выстрелы с обеих сторон ранили и убивали без разбору; наконец, когда французы, утомленные потерями и своими бесплодными усилиями, казалось, готовы были отказаться от своего предприятия, генерал Барклай, получив тяжелое ранение, был вынужден оставить командование. Наши войска, неизвестно по чьему приказу, начали покидать город, и после полуночи французы вновь вошли в него, почти не встречая сопротивления. Генерал Беннигсен, получив это известие, сам отправился на позицию, чтобы подготовиться к сражению до рассвета грядущего дня.

Центр позиции был укреплен; вся кавалерия сгруппирована таким образом, чтобы её можно было бы использовать там, где в этом появится необходимость. Правым флангом командовал генерал Тучков, центром — генералы Сакен и Дохтуров, а левым флангом — граф Остерман. Армия была построена в две линии с небольшими резервами позади них; остальная часть кавалерии, состоявшая под командованием графа Ламберта, находилась за правым флангом, другая конница, возглавляемая графом Паленом, — за левым флангом, а основными силами кавалерии командовал князь Голицын. Вся полевая артиллерия была поставлена перед фронтом войск и формировала первую линию. Именно в таком боевом построении мы ожидали восход солнца.

Генерал Беннигсен приказал созвать всех дивизионных командиров; я подошел к ним так близко, как это было возможно, чтобы слышать последние приказы перед генеральным сражением: я был очень удивлен, ничего не услышав; день разгорался, командиры дивизий вернулись на свои позиции, и ружейные залпы ведетов возвестили начало этого кровопролитного дня. Погода была достаточно хорошей, сухой и холодной, снега намело выше щиколотки. Наши и французские ведеты вернулись к своим войскам, и между двумя армиями расчистилось пространство, на котором нам предстояло сразиться. Почти час царило глубокое молчание. Колонна французской пехоты под прикрытием длинного сарая двинулась по направлению к городу и, казалось, намеревалась атаковать наших стрелков; будучи обстреляна двумя десятками пушек, она быстро вернулась назад; через минуту колонна была усилена и защищена артиллерийской батареей; канонада разгорелась по всей линии, сражение началось с обмена залпами ядер. Вражеские колонны, угрожавшие нашему правому флангу, постоянно усиливались и продолжали движение, легкость которого частично обеспечивалась домами Эйлау. Цепи стрелков усиливались с обеих сторон; наша артиллерия несла большие потери от ружейного обстрела, и наступил момент, когда весь огонь был перенесен только на стрелков противника, которые после больших потерь, укрылись за стенами домов. Был ещё один момент нерешительности с обеих сторон, затихла даже канонада; ветер и сильнейшая метель, дувшие нам в лицо, полностью закрыли от наших взоров линии противника; густой снег, падавший большими хлопьями, сменил метель и был столь силен, что не видно было собственных войск.

Наполеон воспользовался этим обстоятельством для перегруппировки своих войск, наступательное движение которых было скрыто от нас этим снегом. Маршал Ожеро во главе 17 тысяч человек пехоты, выстроенных густыми колоннами, вошел в Эйлау и едва не оседлал наши пушки; другая неприятельская колонна с выдвинутой вперед артиллерией и при поддержке массы кавалерии двинулась на центр нашей позиции, в то время как основная часть кавалерии была повернута против нашего левого фланга. Против этих колонн, которых мы не могли видеть в этот момент полного ослепления, не было сделано ни единого пушечного выстрела, и мы были бы разбиты, но небеса, которые, казалось, столь таинственным образом помогали французам, вовремя открыли нам опасность, перед

лицом которой мы находились; снег прекратился, и вражеские колонны были потрясены залпом 400 орудий позиции; огонь был столь силен и хорошо направлен, что весь корпус маршала Ожеро был опрокинут в одно мгновение; колонны пришли в расстройство и отступили в полном беспорядке. Наша пехота преследовала французов вплоть до городских улиц. В тот момент Эйлау можно было бы захватить, так же как и всю французскую позицию с фланга, если бы генерал Тучков получил приказ наступать; но он запросил приказаний генерала Беннигсена; его искали, но не нашли.

Отразить атаку в центре было сложнее; несмотря на причиняемые им огромные потери, французские колонны держались как стены; их мобильная артиллерия развернулась между колоннами и активно отвечала на огонь наших пушек; с обеих сторон ружейная перестрелка, ведущаяся на дистанции пистолетного выстрела, становилась всё более убийственной; наши солдаты держали строй с бесподобным хладнокровием, когда послышались крики «ура» с нашего правого фланга; пехота бросилась в штыковую атаку; после кровопролитной резни французские колонны были обращены вспять, неприятельская артиллерия брошена, и наша пехота, преодолев пространство между двумя противостоявшими позициями, стремительно атаковала последние резервы французской армии; оказавшийся неподалеку Наполеон приветствовал сам и от имени своей армии замечательную стойкость одного из полков своей гвардии. Вместо того, чтобы стрелять, этот полк, сомкнув ряды, ждал наших первых наступающих, которые, будучи остановлены в своем порыве и не видя позади себя поддержки, вместо того, чтобы смять этот последний резерв Наполеона, предпочли отойти назад для перестроения на своих позициях.

Если бы генерал Беннигсен находился в этот решающий момент на своем посту, возможно, он приказал бы всей массе оставшейся кавалерии наступать, и этим она развила бы наш успех и завершила полное поражение неприятеля.

Войска левого фланга, ослепленные снегом, были опрокинуты и, несмотря на чудеса храбрости, продемонстрированные графом Остерманом, им не удалось выбить французскую пехоту, закрепившуюся в небольшой деревушке, где прошлой ночью находилась главная квартира, и где осталось некоторое количество раненых, которые почти все погибли в пламени пожара. Граф Остерман, поддержанный мужеством князя Михаила Долгорукого, командира Курляндского драгунского полка, предпринял несколько атак, но, понеся большие потери, был вынужден отвести назад свой левый фланг и образовать прямой угол по отношению к остальной нашей линии.

Напротив нашего правого фланга, неприятель, устрашенный полным уничтожением корпуса маршала Ожеро, столь удачно расположил артиллерийскую батарею, что она обстреливала наши позиции во фланг и нанесла нам большие потери. В центре неприятель, оправившись от первого потрясения, причиненного стремительностью, с которой его войска были нами опрокинуты и преследованы, построил свою кавалерию в густые колонны и под прикрытием артиллерии попытался прорвать линию наших войск, которые уже были ослаблены большими

потерями и расстроены предыдущим боем. Эта масса кавалерии была встречена столь хорошо управляемым артиллерийским огнем, что потеряла направление движения и после пустого блуждания по полю сражения, окруженная дымом и стрелками, которые она приняла за наши линии, понесла большой урон, но так и не достигла своей цели. Два кавалерийских полка, ведомых неустрашимым начальником, прошли сквозь брешь в нашем фронте и затерялись позади нашей пехоты, несколько полков нашей кавалерии, прибывших в тот же момент, накинулись на них и полностью уничтожили. Ни один человек не спасся; наша кавалерия также предприняла затем несколько подобных атак, которые усилили суматоху, но не принесли большой пользы, вследствие отсутствия координации и начальника, способного ими командовать. Тем не менее, кавалерия захватила пять орлов.

Наполеон, видя свой проигрыш в борьбе с нашим правым флангом и центром, сосредоточил все свои усилия на нашем левом фланге, он вынудил часть нашего центра примкнуть к войскам графа Остермана, которым уже пришлось образовать прямой угол. Пушечный огонь возобновился и ядра с батарей, которые неприятель выставил против нашего правого фланга, а позднее и против левого фланга, долетали почти до середины нашей позиции.

Генерал Беннигсен на протяжении нескольких часов не появлялся на поле битвы; зная его храбрость, мы посчитали, что он попал под одну из кавалерийских атак. Генерал Кнорринг и граф Толстой встретились и решили, что следует послать офицера с целью ускорить прибытие прусского корпуса генерала Лестока, который, продолжая действовать против авангарда маршала Нея, ускоренным маршем прибыл на правый фланг нашей позиции. Здесь было оставлено некоторое количество прусской артиллерии с целью уничтожения неприятельской батареи, бьющей нам во фланг, весь остальной корпус прошел позади наших позиций, чтобы расположиться на левом фланге. Эти прусские войска, почти свежие и воодушевленные наилучшими чувствами, насчитывали 15 тысяч человек. Из всех наших сил, еще остававшихся незадействованными позади левого фланга, генерал Кнорринг сформировал колонну и, присоединив к ней корпус генерала Лестока, атаковал французов, которые уже начали ослабевать. Сражение должно было окончиться в нашу пользу, упорство Наполеона уступало качеству наших войск, превосходство нашей кавалерии уничтожало остатки его армии. В это время появился генерал Беннигсен. Он отправился навстречу прусскому корпусу и ошибся дорогой. День клонился к закату, истощение физических сил сильно влияло на моральные силы главнокомандующего, он приказал прекратить атаку. Французы отступили без потерь, и сражение закончилось.

Только небольшая часть кавалерии преследовала неприятеля и заняла изначальную позицию нашего левого фланга. В это время прибыли войска маршала Нея и заняли деревню[38], находившуюся в тылу наших позиций, тем самым они даже угрожали дороге на Кёнигсберг, по которой мы могли отступать. Князь Щербатов получил приказ выбить неприятеля оттуда; около 10 часов вечера он

П.И. Багратион

атаковал и после получасового боя завладел деревней <Шлодиттен?>, а корпус маршала Нея усилил остатки армии Наполеона.

Таким образом, к концу дня мы остались хозяевами на поле боя, неприятель был отражен во всех пунктах с огромными потерями и находился в полном беспорядке; его обозы и раненые отходили в тыл и на следующий день прибыли в Хайльсберг; Наполеон отдал приказ отступать.

Численность наших войск сильно уменьшилась в связи со значительными потерями и с несчастным обычаем, введенным после поражения при Аустерлице, отбивать захваченные знамена силами лучших гренадерских частей; тем не менее, мы были хозяевами на поле битвы, войска были воодушевлены, а прусский корпус почти не пострадал.

Все с нетерпением ожидали приказов главнокомандующего; прибывший в тот же день генерал Платов одним своим появлением вдохнул новую жизнь в казачьи войска, которых одних было бы достаточно для того, чтобы преследовать неприятеля, нарушать его коммуникации и довести до конца дело нашей победы. Генерал Беннигсен дал приказ отступать, и этот момент слабости генерала Беннигсена во второй раз спас Бонапарта, так же как он был спасен в первый раз при Пултуске безумием графа Каменского. До рассвета армия тронулась с места, и удивленные войска направились по дороге на Кёнигсберг.

Французы направились по дороге на Хайльсберг; но, узнав о нашем отступлении, они повернули назад; ни единый неприятельский кавалерист не следовал за нашим арьергардом. Французский генерал прибыл в качестве парламентера, якобы, для того, чтобы договориться об обмене военнопленными, которых практически не было ни с той, ни с другой стороны, а на самом деле для того, чтобы предложить перемирие; уже одно это свидетельствует о состоянии, в котором находился Наполеон.

На следующий день граф Толстой получил донесение о беспорядках, происшедших в Кёнигсберге, отчасти по вине наших мародеров, отчасти из-за большего количества раненых, которые прибыли в город практически одновременно и для которых было невозможно приготовить необходимые жилье и помощь. Он послал меня в Кёнигсберг с полком драгун с тем, чтобы восстановить порядок в городе, как можно скорее устроить там госпитали и совместно с прусским губернатором принять все требуемые меры для заготовки запасов для войск, приближающихся к городу. Кроме 17 тысяч раненых, сам факт отступления армии привел в Кёнигсберг ещё более значительное число мародеров, заполнивших все улицы.

На следующий день в город со своей главной квартирой прибыл главнокомандующий, войска расположились лагерем у крепостных стен.

Неприятель нас не преследовал; все полученные нами новости доказывали, что он был разбит при Эйлау и оказался не в состоянии продолжать военные действия. Только генерал Беннигсен считал себя победителем и сожалел о том, что упустил свою победу. Ему было очень приятно найти предлог для своего неверного действия в той малой численности, до которой сократилась армия. В день своего прихода в Кёнигсберг она насчитывала не более 20 тысяч бойцов, это число впоследствии увеличилось до 32 тысяч человек. Так как в нашей армии под Эйлау было 67 тысяч человек, то значит, этот день нам стоил 35 тысяч солдат убитыми и ранеными.

Полковник артиллерии Ставицкий отправился в Петербург с известием о нашей победе и с захваченными у неприятеля орлами.

* * *

В это время генерал Беннигсен почувствовал потребность быть искренним с Императором: признаться в отступлении, одновременно представить ему весьма грустную картину положения армии, нехватку госпиталей и снаряжения и, особенно, прогрессирующее падение дисциплины, все это было результатом слабости генерала Беннигсена, и он не чувствовал в себе достаточно сил для того, чтобы восстановить все то, что он упустил. Большая роль, которую он играл, начала его тяготить, его здоровье, ослабленное усталостью и тревогами, породило в нем желание снять с себя эту большую ответственность.

Он меня вызвал и сказал, что решил отправить меня в Петербург для того, чтобы доложить Императору обо всей совокупности и деталях этих операций и о состоянии армии, представив ему настоятельную просьбу прислать на его место

нового главнокомандующего, под началом которого он будет с удовольствием служить, он сам не чувствует больше сил нести бремя командования.

Снабдив меня своими инструкциями обо всем том, что мне следовало сказать, он отправил меня; генерал Кнорринг и граф Толстой дали мне каждый по письму к Его Величеству, в которых подтверждали, что все то, что я скажу, является точным свидетельством произошедших событий.

При проезде Мемеля я пришел к королю, который находился там вместе с королевой и всей семьей. Он оказал мне честь, наградив военным орденом, и дал поручения к Императору.

По прибытии в Петербург я сделал полный отчет и исполнил все имевшиеся поручения; Император выслушал меня со вниманием и поверил мне; он решил послать свою гвардию на усиление армии, но не пожелал удовлетворить просьбу главнокомандующего и назначить ему преемника. Однако, под воздействием новости, которую привез полковник Ставицкий, и при виде захваченных французских орлов, служивших доказательством безоговорочной победы, в Петербурге сложилось ложное суждение и недоверие к моим утверждениям о том, что главная квартира армии расположена в Кёнигсберге, во мне видели представителя врагов генерала Беннигсена и, следовательно, предателя интересов России, мои лучшие друзья желали мне погибели. Я умолил Императора как можно быстрее отправить меня в армию, он удовлетворил мою просьбу и с тем, чтобы доказать мне свое удовлетворение, произвел меня в капитаны и поручил отвезти генералу Беннигсену орден Св. Андрея Первозванного.

На почтовой станции в Дерпте я с удивлением встретил князя Багратиона, который, как я знал, командовал авангардом; я предположил, что Бонапарт взят в плен, но он мне сказал, что направлен к Императору сообщить о возможности поехать с императрицей в Берлин, он рассказал, также, что французы постоянно отступают и что генерал Беннигсен — самый великий полководец века.

Действительно, я не нашел больше нашей главной квартиры в Кёнигсберге. Во главе усиленного отряда кавалерии, который подошел после сражения под Эйлау, Мюрат атаковал наши аванпосты при <...>[39], но граф Пален и генерал Ламберт его так решительно отразили и побили, что Наполеон, опасаясь быть атакованным, снял свой лагерь и быстро отступил. Он прошел Хайльсберг и закрепился на позиции при Остероде, оставив маршала Нея в качестве авангарда в Гутштадте.

Генерал Беннигсен последовал за ним, и я его догнал в Ландсберге. Вначале он принял меня очень холодно, но, убедившись, что я в точности исполнил все его поручения, показал мне небольшое письмо, написанное ему князем Багратионом из авангарда, с целью быть направленным к Императору, в котором он сообщил, что генерал Кнорринг и граф Толстой внушили генералу Беннигсену мысль отправить с этим поручением меня только для того, чтобы повредить ему в глазах Императора и принизить его великие заслуги. Дело было в том, что князь Багратион, чувствуя себя виновным в многочисленных аферах, опасался, что мне

поручено говорить о нем плохо, и для того, чтобы парировать удар, он добился у главнокомандующего разрешения самому поехать в Петербург с тем, чтобы силой своего авторитета нейтрализовать то, что я мог бы о нем сказать.

Он был хорошо принят в обществе, приписал нашу победу талантам генерала Беннигсена и своим собственным заслугам; генералы Кнорринг и Толстой вызывали озлобление, а я был предметом ненависти, как исполнитель их интриг.

Несмотря на свою мудрость и высший дар познавать людей, Император сам, быть может, увлекся уверениями князя Багратиона, ведь верят в то, во что хотят верить. Я говорил, что нужно удвоить усилия, направить в армию все существующие резервы, реорганизовать различные управления, входящие в главную квартиру, суровыми мерами повысить дисциплину, а он говорил, что все идет превосходно и что неприятель, заставивший содрогнуться Европу, повержен.

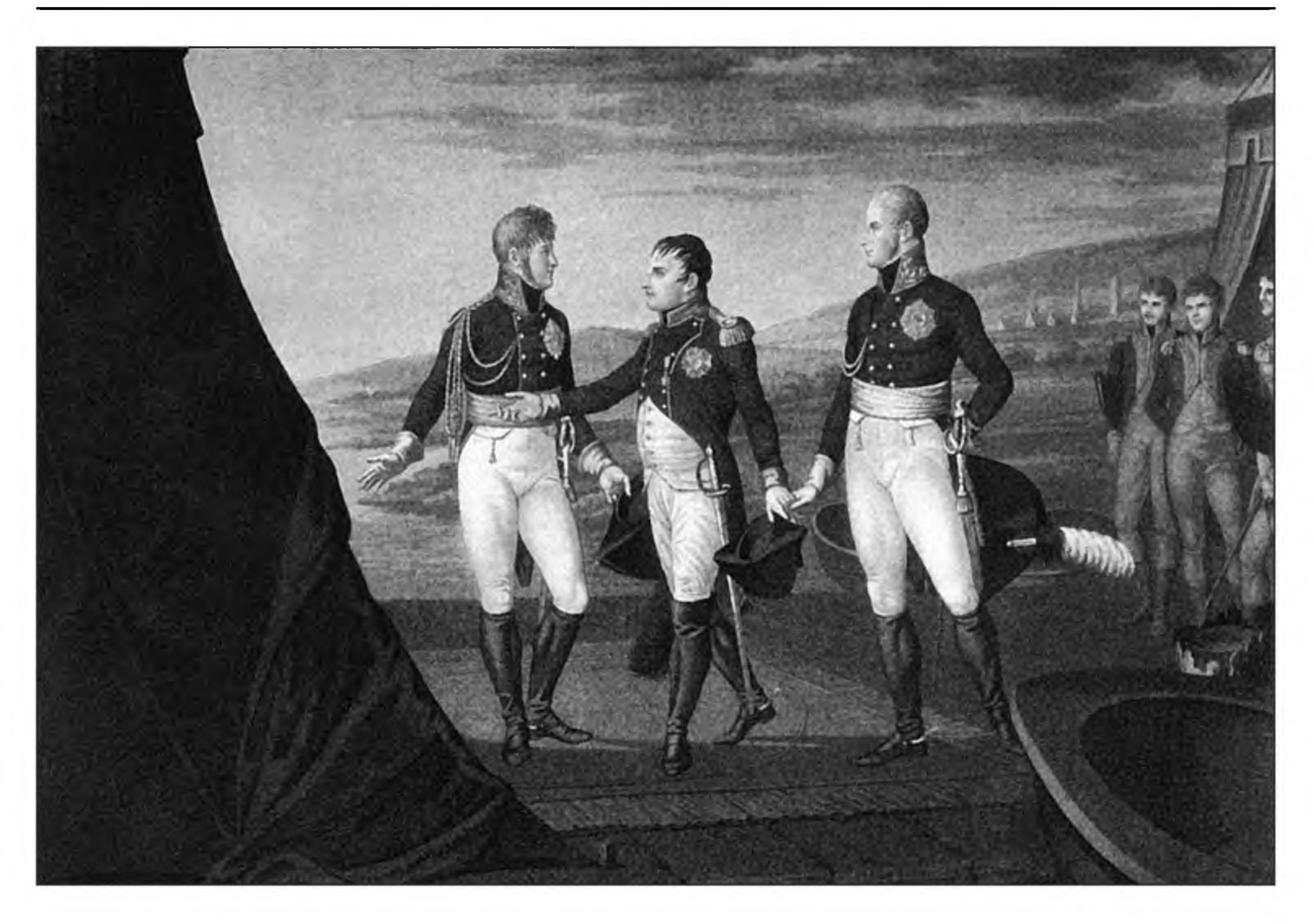
Специально был отправлен генерал Новосильцев, чтобы уверить генерала Беннигсена в том, что моя, так сказать, интрига не удалась; генералу Кноррингу и графу Толстому было запрещено в дальнейшем писать Императору.

В это время неприятель, который покинул окрестности Эйлау только потому, что местность там была разорена, заражена из-за множества трупов, и к тому же открыта для набегов наших казаков, остановился неподалеку, прибыв на заранее выбранную позицию. Под Лаунау неприятель успешно отбил атаки нашего авангарда, несмотря на то, что он был значительно усилен и имел приказ захватить Гутштадт. Наша главная квартира, которая была перенесена в Хайльсберг, отодвинулась до Бартенштайна. Противник расположился в своих населенных пунктах, мы — в своих, к концу зимы все перешли на зимние квартиры.

Корпус под командованием графа Толстого занял Хайльсберг и его окрестности с тем, чтобы оказаться в состоянии поддержать наш авангард, находившийся в Лаунау. Наполеон, между тем, реформировал свои войска, ожидая подкреплений, и решительно вел осаду Данцига.

В это время прибыла наша гвардия, и Император лично в сопровождении короля Пруссии остановился в Бартенштайне. Он отправился на смотр авангарда в Лаунау и был очень польщен тем, что его присутствие воодушевило славные войска.

Один корпус был сформирован с тем, чтобы прикрыть наши границы со стороны Гродно и нейтрализовать действия польских повстанцев. Французские войска занимали Остроленку; генерал Эссен, который командовал нашими войсками, предпринял попытку выбить их из этого города; молодой князь Суворов продемонстрировал при этом храбрость, достойную фамилии, которую он носил, его полк действовал с бесстрашием, преодолевавшим любые препятствия, но, не получив поддержки, понес большие потери и был вынужден отказаться от своего предприятия. Через некоторое время, опасаясь следующей атаки, французы сами оставили Остроленку. Наши войска заняли левый берег реки Нарев, до его впадения в Буг.

Свидание Александра I с Наполеоном в Тильзите
13/25 июня 1807 года

Генерал Тучков был послан принять командование над этим корпусом. Князь Щербатов с некоторым количеством русских войск был направлен в Данциг с тем, чтобы укрепить прусский гарнизон фельдмаршала Калькройта, но крепость была обложена очень плотно; граф Каменский был послан с несколькими полками для того, чтобы пробиться в Данциг с моря, помочь городу и установить с ним связь по морю; несмотря на хорошие позиции графа Каменского и продемонстрированную нашими войсками храбрость, он не смог выполнить задачу и эта попытка не принесла ничего, кроме усиления осады.

Во время этого длительного перерыва наша армия практически бездействовала и оправлялась от понесенных потерь; общая веселость пришла на смену усталости от войны; все почти забыли, что находились ввиду неприятеля и накануне сражений. Праздники и удовольствия заполнили наш лагерь, Хайльсберг был центром притяжения почти для всех генералов и военных молодых людей; давали большие обеды с участием всего высшего общества столицы; каждый день предпринимались новые увеселения и прогулки; дамы из Петербурга прибыли украсить и оживить наши удовольствия. Госпожа Уварова приехала в Кёнигсберг, где я много раз навещал её без ведома мужа; она сократила мне дорогу, переехав в Хайльсберг; но окружавшая её толпа поклонников заставила меня быстро

прекратить эти посещения; будучи ещё очень влюблен, я имел слабость весьма огорчиться из-за этого.

В то время как мы были заняты увеселениями и любовными интригами, Наполеон взял Данциг и получил подкрепления. Император, не намереваясь принимать командование армией, начал тяготиться бездействием, которому он был свидетелем; он стал понимать, что прекрасные известия князя Багратиона не были абсолютно точными, и что поход на Берлин не будет столь легким, как это предполагалось.

Наши войска были превосходны и вскоре должны были почувствовать нехватку припасов в этой стране, столь долго бывшей театром военных действий. Противник, которому дали отлично отдохнуть в Остероде, усиливался с каждым днем и получил преимущество взятием Данцига. Нам надо было решиться на какие-то действия. 1 мая вся армия собралась в Хайльсберге, эта позиция была усилена, благодаря заботам графа Толстого; Император и король следовали за армией с главной квартирой, все колонны пришли в движение. Рассчитывали встретить противника перед Гутштадтом; он не двигался со своих позиций, и после двух дней нерешительности вся наша армия вернулась в свое прежнее расположение. Это хотели объяснить отсутствием припасов, но Император уже ясно видел, чего именно не хватало, и для того, чтобы не давать повода видеть в его присутствии влияние на ход военных операций, он удалился из армии.

Генерал Тучков, командующий корпусом на реке Нарев, опасно заболел, и на его место был послан граф Толстой.

Я его сопровождал; мы нашли войска расположенными таким образом, что наш крайний правый фланг находился в Остроленке, а крайний левый фланг — в Броке на Буге. Генерал Витгенштейн командовал отрядом, занимавшим Остроленку, генерал Васильчиков — линией наших аванпостов, наблюдавших за Пултуском и берегом реки Буг.

Маршал Массена командовал французскими, польскими и баварскими войсками, которые составляли противостоящий нам армейский корпус. Генерал Вреде, состоявший под его начальством, имел штаб-квартиру в Пултуске.

Бездействие, царившее между армиями Наполеона и генерала Беннигсена, распространилось также и на корпуса, разделенные Наревом.

Но с той и с другой стороны в этих двух местах готовились к возобновлению кампании; отдых должен был смениться последними и несчастливыми событиями этой борьбы, от которой зависели судьба Пруссии и полное преобладание Наполеона.

* * *

Генерал Беннигсен сообщил графу Толстому, что он собирает свою армию в Хайльсберге и окончательно решил атаковать маршала Нея при Гутштадте, призвав графа согласованно начать боевые действия в тот же день. Французский лагерь располагался точно напротив Остроленки, его защищали 2000 человек,

и он был укреплен. Так как неприятель, казалось, ожидал нашей атаки со стороны Пултуска, граф выбрал объектом наступления Остроленку. Под прикрытием острова, находящегося на Нареве, мы построили большие плоты; в камышах были спрятаны несколько артиллерийских орудий, и войска приблизились к берегу, оставшись незамеченными французскими часовыми.

По сигналу артиллерия сбила передовые посты неприятеля, 5 эскадронов Мариупольских гусар перешли реку вброд несколько выше по течению, пехота в количестве 800 человек переправилась на плотах; храбрый полковник Ланской, командовавший гусарами, обрушился на неприятельские укрепления; пехота следовала за ним с максимальной быстротой и ворвалась в лагерь французов, которые от неожиданности не оказали практически никакого сопротивления и отступили в соседний лес, бросив повозки и часть вооружения; их преследовали, и 600—700 человек были взяты в плен. Маршал Массена прибыл в Пултуск и собрал свои войска для того, чтобы форсировать Нарев в этом городе и заставить нас, тем самым, уйти с правого берега реки. Так как его корпус превосходил наш в численности, граф Толстой, оставив в Остроленке только посты наблюдения, расставленные вдоль левого берега Нарева, сконцентрировал свои силы и выбрал удобную позицию для сражения; там он остался ожидать прибытия новой дивизии, формировавшейся в Гродно. Маршал Массена не предпринимал пока активных действий; обе стороны с нетерпением ожидали новостей из основных армий, которые должны были значительно повлиять на наши события.

Мы получили реляцию об атаке генерала Беннигсена на Гутштадт, которую сам он признал неудачной, ссылаясь на медлительность продвижения генерала Сакена; так или иначе, маршал Ней, который должен был быть разбит, оставил город из-за больших потерь; Наполеон покинул свое лагерное расположение у Остероде, которое он называл «отдыхом льва», и со своей обычной быстротой двинулся навстречу нашей армии. При Лаунау произошел бой, и генерал Беннигсен занял хорошую позицию около Хайльсберга.

Вторая полученная нами новость рассказывала о кровопролитном сражении при Хайльсберге: французы тщетно пытались захватить укрепления, защищавшие нашу линию, и после многочисленных демонстраций мужества были вынуждены прекратить атаку. Битва была нами выиграна, но опыт научил Наполеона, что генерал Беннигсен легко отходит. Чтобы заставить его это сделать, он направил колонну своих войск к Эйлау, словно желал нас опередить на дороге в Кёнигсберг. Это не дало ему преимущества, вся наша армия пришла в движение и покинула поле сражения; одна колонна под командованием графа Каменского фланкировала марш неприятеля, все остальные наши войска взяли направление на Фридланд. В связи с этим отступательным движением графу Толстому был послан приказ отойти за болота Тыкоцина, где ему следовало ожидать новых инструкций. Мы выполнили это отступление в полном порядке, преследуемые всеми силами маршала Массены, получившего со своей стороны приказ атаковать нас. Весь корпус прошел по длинной плотине и по мосту в Тыкоцине и встал лагерем на другой

стороне. Французский авангард энергично атаковал наш арьергард, но тот, находясь под командованием генерала Витгенштейна, решительно отбил эти попытки и захватил много пленных. Ночью наш арьергард спокойно перешел мост и разрушил его; напротив нашего лагеря в городе расположился генерал Сюше.

К этому периоду времени относится неудачное сражение под Фридландом. Другой французский корпус одновременно занял Кёнигсберг. Наша армия под сильным влиянием неудач и пав жертвой нерешительности и неверных решений главнокомандующего, отошла к Тильзиту. Узнав об этом раньше нас, маршал Массена сообщил нам эту новость в надежде, что заставит нас продолжить отступление; но, видя, что мы держимся, он начал готовить средства переправы и угрожать нашему правому флангу; когда ему стало известно о перемирии между двумя главными армиями, он отправил соответствующее предложение графу Толстому; последний послал меня в Тыкоцин, чтобы ответить отказом и одновременно посмотреть на неприятельские приготовления к наступлению. Генерал Сюше направил меня к маршалу Массене, который прекрасно меня принял; он получил к этому времени приказ Наполеона воздерживаться от враждебных действий и условия перемирия. Я заметил ему, что, не получив такого сообщения от генерала Беннигсена, граф Толстой не может признать это перемирие и будет продолжать драться. По моем возвращении в лагерь прибыл курьер с подтверждением того, что мне было сказано во французской штаб-квартире, и с приказом отдать всю территорию до границ Белостока. Так закончилась эта война, которая по результатам сражений под Пултуском, Эйлау и Хайльсбергом, а также в связи с близостью наших резервов должна была бы окончиться в нашу пользу. Наполеон, победивший только при Фридланде, имел растянутые коммуникации, однако, благодаря своему упрямству и таланту использовать малейшие преимущества, преодолел в одном сражении все свои неудачи, стал хозяином судеб Пруссии, получил большее, чем когда либо влияние в Европе, и подписал мир ввиду границ России.

Он пригласил Императора на переговоры в Тильзит; первая встреча Наполеона и Александра состоялась на плоту посреди реки Неман; устрашенная Европа с дрожью ждала приговоров, которые произнесут эти два могущественных монарха. Французская армия увидела в этой встрече свой триумф, наша армия — только новое требование возмездия; французские солдаты радовались миру, русские солдаты призывали новую войну.

* * *

На переговорах в Тильзите Император удержал Пруссию на краю бездны, он потребовал и добился того, что она не была раздроблена на мелкие государства; такая гордая, благородная в своих принципах и высказывавшаяся против Наполеона королева была вынуждена приехать в Тильзит, увидеть могущество своего врага и превозмочь наглость соперниц.

Поляки увидели проблеск надежды: они усердно служили под знаменами Наполеона, для себя они добились, что их столица и объединение земель, собранное

из провинций, которые принадлежали Пруссии, были объявлены Великим герцогством Варшавским и переданы королю Саксонии. Поляки поверили, что наступает момент восстановления их независимости; Наполеон видел в этом изменении только авангард, который он приготовил против России, новую узду для сдерживания Австрии и Пруссии и способ обогатить своих генералов, которым он щедро раздал части нового герцогства. Германия, Италия и Голландия, благодаря капризу Наполеона, по Тильзитскому миру получили право распоряжаться собой.

Граф Толстой был вызван к Императору; не смотря на нашу поспешность, мы догнали его только в Таурогене на следующий день после того, как он покинул Тильзит. После того, как граф получил приказания, мы вернулись в Белосток; я был послан в Варшаву для переговоров с маршалом Массеной об условиях принятия во владение Белостокского округа, который был передан России. Генерал Сюше с той же целью был направлен к графу Толстому, и все было договорено к общему удовлетворению.

Граф устроил замечательный праздник, на котором присутствовали новые подданные России; они, вероятно, предпочли бы стать частью Герцогства Варшавского, но могли поздравить себя с тем, что больше не принадлежат Пруссии.

Жившая в Белостоке сестра покойного польского короля, госпожа Краковская[40], имела довольно большой придворный штат, там собралось несколько дам из лучших фамилий. Она оказала нам очень теплый прием; но молодые польские дамы, особенно две графини Потоцкие, жившие в замке, из патриотических соображений долго даже не разговаривали с нами. Графиня Иоанна пленила меня окончательно, не будучи красавицей, своим умом и кокетливостью она заставила меня приложить все силы для того, чтобы победить её предубеждение по отношению к русским.

Одна французская дама, жившая у госпожи Краковской, пожелала поддержать мои усилия: она специально встретила нас в саду и, в конце концов, убедила графиню принять приглашение на небольшой бал, который я давал в имении недалеко от города. Затем мне было позволено пригласить их после ужина на прогулку втроем; затем — на прогулку вдвоем, наконец, патриотизм сдался, и мне не оставалось другого желания, как только продлить свое пребывание в Белостоке.

Однако пришлось покинуть графиню и следовать за графом в Петербург. Сделал это я с очень большим огорчением. По прибытии в Петербург Император объявил графу о том, что направляет его послом в Париж. Я был включен в число сопровождавших его лиц; после нескольких недель подготовки к путешествию, в конце лета мы отправились в путь.

* * *

В Мемеле мы были приняты королем и королевой, которые в этом последнем уголке своего королевства грустно ожидали, когда дорога в их столицу, заполненную французскими войсками, будет открыта; вынужденные оставаться в Мемеле, они видели, что остальная Пруссия была разграблена и унижена солдатами

Наполеона. Прусская армия была сокращена до горсти людей, наиболее сильные крепости заняты французскими гарнизонами, полицейские контролировали все крупные дороги. Это состояние мира было более тягостно и более разрушительно, чем самая активная война; чувство ненависти, которое на полном основании испытывала вся Пруссия к своим завоевателям, только увеличивало претензии и несправедливости со стороны французов. Униженные пруссаки дрожали от ярости, вспоминая свои прежние победы, а французы терзали их самолюбие, напоминая о поражении под Йеной и постыдной сдаче крепостей.

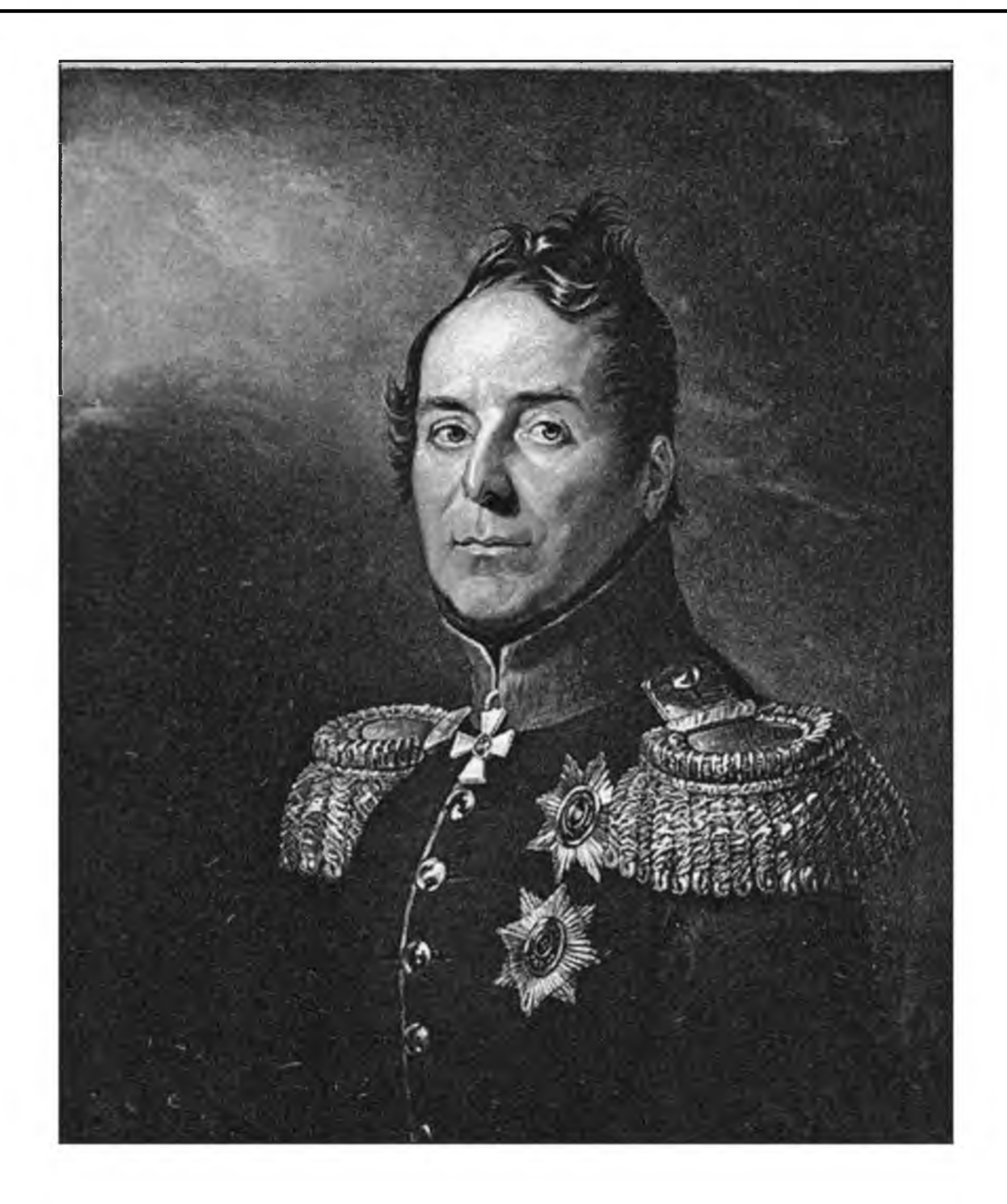
На всем нашем пути мы видели только бедствия германского населения и бахвальство французов; но больше всего нас удивила флегма немцев, с которой те страдали, унижались, рассуждали о своей силе и национальном сознании. Они так спокойно и униженно спорили и прогуливались с теми же французами — предметом их ненависти, совратителями их жен и их дочерей, грабителями их имущества. Везде французские командиры встречали графа Толстого с военными почестями, демонстрировали огромное уважение и самую живую радость оттого, что мир снова объединил две самых великих нации и двух самых могущественных императоров. Мы постоянно были вынуждены делать вид, что принимаем все их любезности, и быть вежливыми, что вошло в обычай между Императорами после Тильзита; графа везде сопровождал эскорт французских кавалеристов, можно было утверждать, что вся Германия уже включена в состав империи Наполеона.

На несколько дней мы остановились во Франкфурте-на-Майне, и наш консул г-н Беттман предоставил в наше распоряжение все, что мог предложить этот богатый и густонаселенный город. Оттуда мы прибыли в Страсбург; вход в эту крепость на границе Франции произвел на нас тем более печальное впечатление, что мы не могли уже преуменьшать реальное могущество этого неприятеля и стабильность этого могущества. Над воротами, через которые мы вошли, была надпись «ворота Аустерлица», мы желали бы стереть позор этого дня, но для этого надо было мечтать о новой войне и о способах провести её должным образом.

Прекрасная Франция, по которой так любили проезжать путешественники всех времен, вызывала только раздражение нашего самолюбия, столь сильно оскорбленного ввиду наших границ. Все вокруг подчеркивало нам славу французской армии, в Люневиле мы встретили несколько тысяч наших пленных; в Нанси — толпу прусских генералов и офицеров, с которыми обращались с самой отвратительной жестокостью и презрением. Казалось, в этом государстве их ссора становилась нашей, а наши мстительные чувства должны были соединиться. Прибыв в Париж, мы остановились в большом отеле «Бательер».

* * *

Император Наполеон находился в Фонтенбло; как только ему сообщили о прибытии посла, он позвал приехать к нему, нам сообщили, что мы все будем там представлены с подобающими случаю церемониями. Чтобы увеличить пышный и блестящий двор счастливого Наполеона, приехали король Вестфалии Жером,

П.А. Толстой

принцесса Вюртембергская, королева Голландии, принц Мюрат, принцесса Каролина и княгиня Боргезе [41], а также главные вельможи империи, многочисленные маршалы, все иностранные послы и некоторое число мелких германских князей.

Посол и его свита были доставлены во дворец в парадных придворных каретах, предшествуемые церемониймейстерами; графа Толстого пригласили в кабинет императора, мы были ему представлены после его возвращения с мессы.

Все великолепие, окружавшее этого узурпатора трона Генриха IV и Людовика XIV, свидетельствовало о пышности и надменности, но в то же время и об ужасе, который он внушал; он один держался просто и имел тот вид спокойствия и уверенности, который, казалось, покинул всех остальных; он резко обратился к нам солдатским тоном, который контрастировал с подчеркнутой вежливостью его окружения, задал нам несколько вопросов о нашей службе, поинтересовался, в каких кампаниях я участвовал, и пожелал нам много здоровья и сил для того, чтобы насладиться всеми удовольствиями Парижа.

Графа поселили во дворце и обращались с ним со всей возможной обходительностью; после того, как мы совершили все требуемые визиты, каждый из нас постарался обзавестись знакомствами, и мы могли только поздравить себя с тем предупредительным приемом, какой оказали нам все французы.

Гордясь заключенным в Тильзите миром, Наполеон хотел убедить всю Европу, что он этим завоевал союз и близкую дружбу с Императором Александром, к тому же, доказывая свою тесную связь с Россией, он демонстрировал власть над всеми другими правительствами и способность объединить нации для решения главной задачи, а именно, вовлечения нашего правительства в официальный и полный разрыв с Англией. Чтобы этого добиться, он обещал нам все, он уже согласился отвести свои войска из Пруссии, вернуть ей несколько крепостей, которые он удерживал как залог требуемой им контрибуции на военные расходы. Графу удалось бы добиться ещё и других преимуществ, если бы, к несчастью, усердием генерала Савари в Петербурге не было ускорено принятие декларации об объявлении войны Англии: провозглашением этой декларации Наполеон достиг всего, чего хотел, и с этого момента он не был более расположен выполнять наши просьбы.

Между тем он продолжал выказывать расположение и льстить России, его замыслы против Папы, против Испании и Португалии, сделали это для него необходимостью, при всяком случае и на общих собраниях он не упускал возможности напомнить иностранным послам о том, что он может располагать 150 тысячами русских, своих надежных союзников.

В Тильзите было договорено, что в Париже, при посредничестве Франции, посол Турции и граф Толстой проведут переговоры о мире между Россией и Портой. Стороны заключили соглашение о взаимном воздержании от применения оружия, которое было продлено, но мир не был заключен. Я не знаю, желали ли мы мира искренне, но совершенно определенно, что Тюильрийский кабинет его не хотел, и он был весьма рад продолжению войны, которая стоила нам огромных денег, и которая, из-за болезней, серьезно ослабляла нашу армию.

Пребывание в Фонтенбло было весьма приятным; императрица Жозефина оплачивала расходы собиравшегося у неё общества, устраивала чаепития и концерты, своей любезностью и добротой она заставляла забывать об её высоком положении, и особенно о том, что она занимала его не по праву рождения. Она была любима всеми и частично использовала свое влияние на супруга с тем, чтобы усмирять его гнев и облегчать участь несчастных.

Совершенно непохожа на неё была принцесса Мюрат, обладавшая капризным и спесивым характером своего брата. Она использовала свое влияние, очарование и умение обольщать лишь для того, чтобы будоражить всех вокруг, озлоблять и без того тяжелый нрав Наполеона и добывать для своего мужа королевскую корону. Будучи весьма привлекательной и остроумной, она была очень развратна и не имела недостатка в обожателях и фаворитах, с которыми была достаточно щедра. Её муж, доблестный военный, добившийся всего на полях сражений и преуспевший благодаря самому себе, тоже очень хотел получить корону, но даже не представлял, что можно приобрести её интригами. Он гордился своей шпагой и с ней связывал свою судьбу. Любитель украшений, питающий слабость к собственной персоне, он тщательно следил за своими туалетами и наряжался в разнообразные

костюмы, словно цирковой артист. Образ жизни супруги, которая со своей стороны по праву сестры императора оказывала на него сильное давление, не вызывал в нем ревности, он позволял ей завязывать и обрывать любовные связи по её усмотрению, находя утешение в постоянной смене актрис и оперных танцовщиц. В остальном, его прямой характер и блестящая репутация храбреца завоевали ему любовь окружающих и уважение военных.

Королева Голландии, супруга Луи Бонапарта и бывшая признанная любовница Наполеона, обладала мягкостью, любезностью и веселостью, которые добавляют очарования любой женщине. Она собрала в своем окружении людей, обладающих выдающимся талантом и умом, и использовала свое высокое положение лишь для того, чтобы развивать обходительность и предупредительность. Она милостиво принимала у себя лучших артистов Парижа, которые превращали устраиваемые ею вечера в самое приятное времяпрепровождение.

Жером Бонапарт являлся всего лишь развязным повесой, опьяненным своим высоким положением, который в угоду собственным свободным нравам только и искал способы удовлетворить их, прилагая для этого все свои духовные и физические силы. Его супруга, маленькая и толстая немка, неуклюжая и неловкая, не смогла завести себе любовника и верила в верность своего мужа. Она была пустым местом в обществе.

Князь Боргезе, муж сестры Наполеона принцессы Полины, представлял собой совершенно незаметную личность, это был добрый малый, богатый и распутный. Придворные дамы, большинство из которых были непостоянными любовницами Наполеона или одного из его братьев, не были образцом мудрости; офицеры из свиты императора и принцев находились в Париже только для того, чтобы отдохнуть от войны и воспользоваться теми удовольствиями, которые предоставляли в их распоряжение столица и двор. Никакие затраты не останавливали вольности; дамы императорской фамилии были далеки от того, чтобы блюсти репутацию добродетели, ещё менее этого желали женщины из их окружения. Император подавал пример распутства мужчинам; религиозность, воздержание были явлениями чуждыми и вызывали насмешки до такой степени, что можно с уверенностью утверждать, что никогда и ни при каком другом дворе распутство не было таким общепринятым. Это было очень приятно для молодых людей; суровость царила только в кабинете Наполеона, заботы и стеснение переполняли людей только там. Каждый вечер в Фонтенбло давали спектакль или бал; как правило, мы обедали у одного из послов или у обер-гофмаршала Дюрока.

Знакомства были завязаны и для того, чтобы не отличаться от других я обратил свои взоры на мадам Дюшатель, фрейлину Императрицы[42]. Хотя она была несколько увядшая, но для начала достаточно любезна и красива. Наше более тесное знакомство состоялось в парке, и я мог только поздравить себя с этой встречей, которая открыла мне двери многих домов, и позволила мне часто узнавать интересные новости.

Актриса французского театра мадмуазель Жорж жила во дворце и была близко знакома с Наполеоном; она поразила меня своим большим талантом и ослепительной красотой. Однажды вечером, придя домой, я получил записку от мадмуазель Жорж, в которой она меня просила запретить моему лакею подниматься в её апартаменты, где он наделал шуму, и уверяла, что я держу самого скверного слугу в Париже. На следующий день я поспешил явиться к ней с извинениями за шум, который посмел учинить мой лакей, добавив, что не могу ни уволить, ни наказать его, так как именно из-за него я имею счастье видеть вблизи предмет всеобщего обожания. Она была очень вежлива, но не разрешила мне дальнейших визитов в Фонтенбло и не предоставила возможность видеть её в Париже. К этому времени она произвела на меня очень живое впечатление, с того момента я мечтал только о ней и искал способы овладеть ею.

Император продолжил свое пребывание в Фонтенбло, а посол вместе с нами вернулся в Париж. Мадам Дюшатель была столь любезна, что направила меня к мадам Савари, своей доброй подруге и супруге генерала, все ещё находившегося с поручением в Петербурге; эта добрая рекомендация позволила мне избежать обычных формальностей и после нескольких визитов мое положение упрочилось. Мадам Савари была совсем немолодой креолкой, очень остроумной и более всего прочего любящей развлечения и перемены. Я нашел эти новые отношения тем лучшими, что её дом был полон придворных и светских людей, и что она имела прочные связи в полицейском ведомстве, так как её супруг был начальником полиции[43]. Все это могло мне помочь в сборе полезных сведений или секретных данных.

Император предоставил посольству России прекрасно меблированный отель Теллюссон, в котором раньше жил принц Мюрат и принцесса Каролина. Дом находился совсем близко от дома Савари, и я с ещё большим удобством продолжал свою любовную интригу.

Я познакомился с графиней Висконти, любовницей маршала Бертье, крупной и красивой пятидесятилетней женщиной, которая ещё могла внушить желания и испытывала их сама до такой степени, что каждый вновь прибывший становился их объектом. Её репутация и привычка к решительным действиям при первом же моем визите привели к появлению любовной связи. Красивые очертания её тела, прекрасное сложение и удивительная свежесть заставили забыть её возраст и даже забыть мадам Савари. Последняя не простила мне этого и после возвращения своего супруга не упускала случая мне отомстить и создать все те неудобства и пустить сплетни, которые только может изобрести женский ум.

Эти малоинтересные связи не отвратили меня от других женщин, тех, кого можно было купить в некоторых домах по более или менее высокой цене, и которые привлекали всех иностранцев легкостью, разнообразием и тем замечательным выбором, который там можно было сделать.

В Париже я с увлечением посетил все, что только возможно, за исключением игорных домов, так как дал себе обещание, что ноги моей там не будет; к счастью, мне удалось сдержать слово.

М-ль Жорж

Через некоторое время после нашего возвращения из Фонтенбло, император уехал в Италию, а двор возвратился в Париж.

Нас часто приглашали к императрице, принцу Мюрату и особенно к королеве Голландии, у которой было достаточно ума, чтобы жить отдельно в роскоши и любезности, не вмешиваться ни в какие дела и не иметь с государством своего супруга другой связи, кроме получения денег.

Через несколько дней после приезда двора, в Париж из Тильзита вернулась гвардия. Весь город поднялся на ноги, чтобы участвовать в этом представлении. Сенат и парижский магистрат выстроились для церемонии встречи войск. Императорские орлы были украшены коронами из лавровых листьев, император и весь двор встретили полки на Елисейских полях за столами, приготовленными для каждого солдата. Французы были невероятно рады и горды, увидев, что тысячи храбрецов вернулись домой после того, как они прошли Германию, разбили Пруссию, восстановили Польшу и присутствовали при подписании мира на границах Российской империи. Но для нас это действие было чрезвычайно печальным; впечатление, которое оно на меня произвело, никогда не сотрется из моей памяти. Командующий Императорской гвардией маршал Серюрье устроил для императора и для города великолепный праздник; все Марсово поле было

замечательно иллюминировано, на нем при свете ружейных выстрелов пехота производила разные перестроения.

Маршал Массена дал в честь графа Толстого большой военный обед, на котором я имел честь присутствовать, и на который были приглашены маршалы, наиболее отличившиеся генералы и министр полиции Фуше. К нашему большому удивлению, мало того, что участники обеда были мало щепетильны в используемых выражениях, они с несравненной свободой говорили об императоре, о наградах, которые он пожаловал наиболее ярым республиканцам. Каждый генерал, поддерживая действия Наполеона, пытался в них разобраться, казалось, что он имел право обсуждать их, готовился занять его место и считал большим несчастьем, если корона не упадет в его руки. Если хотя бы на минуту можно было забыть все победы, которые одержали эти генералы, если бы можно было забыть мужество, заслуги и двадцатилетние труды, бесспорно, им принадлежавшие, то показалось бы, что мы находились в кордегардии среди юнцов, недавно поступивших на военную службу.

Успехи, быстрые карьеры, пример Наполеона и его братьев, остатки революционного духа разрушали все препятствия на их пути; Бонапарт привил этим республиканцам вкус к званиям; увлечение равенством сменилось увлечением величием, они становились графами, герцогами, королями, он оставил каждому офицеру и каждому солдату возможность добиться этих отличий, являвшихся наградами за военные заслуги, все жаждали сражений; генералы, офицеры, солдаты, все они признавали за Наполеоном титул императора как залог их собственного возвышения к иностранным престолам.

Тем временем я мечтал только о мадмуазель Жорж, она одна заполнила всю мою душу, я стучался в ее дверь, но бесполезно. Чем больше я встречал трудностей, тем больше желание овладеть ею становилось непреодолимым. В конце концов, после многочисленных хлопот и трудностей, я был введен к ней, и моя любовь не встречала больше препятствий.

Я использовал все свои возможности, чтобы понравиться ей; я подкупил её горничную, я мечтал только о том, чтобы предупредить все её желания; я побывал у ее матери, у ее дяди, у всех членов семьи. Моя страсть, вернее, удивительная красота мадмуазель Жорж, её великая репутация полностью ослепили меня, и я нежно любил актрису, любовницу Наполеона, который теперь для нее больше, чем любовник. Я стал глупым, как всякий влюбленный; наконец, мое усердие и представление о том, что в Париже адъютант Императора России должен быть богатым, завоевали мне расположение этой несравненной красавицы. Я был сам не свой от радости и счастья и забыл все, даже чувство долга ради того, чтобы заниматься только своей любовью. Чтобы заставить ее полюбить меня, я прибег к нежности, внимательности, щедрости. Я был по настоящему счастлив, считая себя на вершине блаженства. Мое тщеславие было удовлетворено обладанием самой знаменитой красавицей Франции, любовницей императора, предметом восхищения и аплодисментов публики. Сначала она делала тайну из нашей связи,

показывала наше знакомство только в виде любезности; мало помалу она перестала прятать наши отношения и в конце концов о них стало известно. Все ночи я проводил у нее и возвращался к себе лишь за тем, чтобы показаться на глаза послу и переменить одежду. Я сопровождал ее на репетиции, помогал сменить костюм, когда она играла, мы вместе ездили по театрам, загородным садам; мы стали завсегдатаями в Версале и в других удаленных местах; мы были неразлучны и наша связь стала легендой в Париже, что привело к печальному концу те дела и заботы, которые я должен был выполнять по долгу службы. Обладание только увеличило мою любовь, и я не смел даже думать о том ужасном дне, когда буду вынужден покинуть мадмуазель Жорж.

Узнав однажды о моих опасениях, она мне заявила, что готова покинуть Париж, оставить все, что она там имела, даже свой талант, и уехать со мной, куда я пожелаю. Воодушевленный этом предложением, я написал в Петербург, чтобы получить позволение Императора принять мадмуазель Жорж в труппу придворного театра. Зная, что сейчас на сцене нет трагедии, я предложил подготовить один спектакль, представление которого начнется после побега мадмуазель Жорж, которая может покинуть Париж и французский театр только украдкой, бросив все свое имущество. Я просил соблюсти строжайший секрет от посла Франции и с беспокойным нетерпением ожидал ответа Императора. Он превзошел все мои ожидания — по приказу Императора господин Нарышкин прислал мне незаполненные бланки контрактов и полномочия нанять мадмуазель Жорж, а также других актеров и актрис.

Ничто более не препятствовало нашим желаниям, кроме трудностей покинуть Париж и обмануть бдительность полиции. Тем временем, из-за непростительной для влюбленного неосторожности, я едва не потерял плоды своих трудов.

На одной из улиц, по которой я проезжал каждый день, на верхнем этаже я заметил очень красивую молодую женщину, которая, казалось, впала в печаль. Долгое время меня разбирало любопытство; в конце концов, я отправил своего доверенного слугу и благодаря его стараниям узнал, что эта молодая девица была немкой, и она хотела со мной поговорить. Мне не оставалось ничего другого, как со всей поспешностью предоставить себя в её распоряжение, и я был крайне удивлен, застав её в слезах. Она рассказала, что приходится дочерью богатому торговцу из Кёнигсберга, что один французский генерал, живший в доме её отца, обещал жениться на ней, но потом выкрал её, и что теперь она не решается написать своим родителям, и потеряла надежду; что, узнав мое имя, она пожелала меня видеть, чтобы я нашел способ вернуть её в родной город, так как она стыдится обратиться за паспортом к послу Пруссии, который знаком с её семьей. Её красота и слезы тронули меня; я обещал ей исполнить все, что она пожелает, и получил разрешение чаще её навещать. После нескольких визитов, во время которых я старался осушить её слезы и утешить её, я стал любовником этой интересной и несчастной девушки; ночами я не решался оставлять мадмуазель Жорж, но днем искал всевозможные предлоги для того, чтобы чаще бывать с моей прекрасной немкой.

Мой доверенный слуга меня предал, и, чтобы избежать разрыва, меня не только заставили полностью прекратить эту новую связь, но и запретили преследовать негодяя, предавшего мое доверие. Несмотря на давление со стороны мадмуазель Жорж, эти ограничения меня весьма стесняли и, обманув её, я испытал удовольствие. На балу у принца Мюрата я приблизился к мадам Дюшатель, моей первой счастливой встрече в Фонтенбло, но не из-за её прекрасных глаз, а из-за прекрасных глаз мадам Гаццани — чтицы императрицы и любовницы Наполеона, одной из самых красивых женщин, которых можно было видеть. При любой возможности я оказывал ей знаки внимания, и на этом балу она возбудила во мне желания, заверив, что она слушала бы меня более благосклонно, если бы не столь пристальная слежка, и если бы она имела возможность принять меня у себя; пока же она просила меня поговорить с её подругой мадам Дюшатель.

После многочисленных проблем, совещаний, перешептываний и сомнений, она, наконец, мне сказала, что мне нужно только абонировать незаметную ложу в Опере, во время первого бал-маскарада, что она приедет туда с мадам Гаццани, что мне следует их ожидать у входа в вестибюль, и что я смогу на часок похитить её подругу.

Переполняемый радостью, я с нетерпением ожидал дня бал-маскарада; ложа была снята и украшена соответственно случаю.

Вечером я ушел от Жорж, сказав ей, что мне надо многое написать к отъезду курьера, и что я смогу вернуться ночевать только поздно ночью.

Мой проклятый слуга, которому я не по свой воле платил, как мог, стал уверять, что к этому времени ни один курьер не был готов к отъезду, и мадмуазель Жорж, предположив, что я отправлюсь на бал, незаметно направилась туда же.

В нетерпении я прогуливался, ожидая благословенный фиакр, который должен был привезти ко мне прекрасную мадам Гаццани; я представлял себе это свидание в самых соблазнительных видениях; я напыжился от гордости и казался сам себе самым важным гостем на балу, когда ко мне подошли две маски; я узнал красавицу, которую ждал с таким нетерпением, по её красоте и высокому росту; и голос мадам Дюшатель, которая передала мне её в руки, попросил меня вернуть её на том же месте, не позднее, чем через час. Я обещал, заранее решив не сдержать слова, и быстрым шагом повел свою добычу в приготовленную ложу. Едва мы добрались до середины лестницы и несколько отдалились от шумной толпы, как женщина в маске властно схватила меня за руку и, резко бросив мне в лицо слово «распутник», влепила мне со всего размаха пощечину. Узнав Жорж, я потерял от страха голову, отпустил мадам Гаццани, не пробормотав ей ни одного слова извинений, бросился, как ребенок бежать вон из Оперы, подозвал фиакр и вернулся домой.

Ужасная сцена меня застала врасплох, у меня не было никаких извинений. Нужно было получить прощение, плакать, клясться, валяться в ногах. Мне было так стыдно после этого смешного приключения, что до конца моего пребывания в Париже я не посмел сказать ни одного слова, ни мадам Дюшатель, ни мадам

Гаццани. Более того, я должен был чувствовать себя очень счастливым оттого, что после нескольких дней гнева, мадмуазель Жорж соблаговолила забыть проступок, в котором я был повинен.

Тем временем граф Толстой, несмотря на всю свою снисходительность ко мне, с тревогой наблюдал, как полностью поглощенный своими любовными делами я утратил цель своего пребывания в Париже. Желая вырвать меня из пут страстей, он отправил меня путешествовать.

Он дал мне поручения в Вене, Триесте и Венеции. Надо было уезжать. Я был очень огорчен, но решил действовать с наибольшей быстротой с тем, чтобы как можно скорее вернуться.

В Вене я должен был задержаться на два дня с тем, чтобы сообщить некоторые новости нашему послу князю Куракину, и получить от посла Франции указания нашим флотам, стоявшим в Триесте и Венеции, и которые в настоящий момент находились под непосредственным командованием Императора Наполеона. По дороге в Триест я встретил наши войска, которые возвращались с острова Корфу и направлялись в Россию. По Тильзитскому миру Ионические острова и устье реки Каттаро были переданы Франции.

В Триесте я встретил часть нашего флота; сухопутные войска имели преимущество при всех своих стычках с французами, и наш флот увозил с собой в качестве военных трофеев несколько турецких линейных кораблей. Но судьба островов и побережья Адриатического моря была решена в битве при Фридланде; наши храбрые солдаты и гордость нашего флага были унижены и смирились с поражением только после неоднократных и недвусмысленных приказов.

Адмирал Сенявин командовал всеми силами, находившимися с большей частью наших кораблей в Лиссабоне; там он был заблокирован превосходящим флотом англичан, которые старались заставить его сдаться[44]. Его уважали англичане и французы, против которых он сражался, его имя было дорого грекам, которые со всех концов собирались под его знамена.

Командиры греков-сулиотов, бывшие под моим командованием на острове Корфу и сопровождавшие наши корабли, нашли меня в Триесте и со слезами на глазах жаловались, что Россия их бросила, они клялись мне в том, что в любое время будут снова готовы взяться за оружие за Императора Александра.

По условиям конвенции, которая сделала Наполеона хозяином Семи Островов, греческий легион должен был встать под знамена Франции на тех же условиях, что предоставляла ему Россия. Доблестные греки, которые должны были этому подчиниться, не имея другого выхода, даже в этот момент, когда мы их оставили, потребовали в качестве первого условия, чтобы их никогда не заставляли воевать против русских.

Император Наполеон нуждался в кораблях, составлявших русский флот, который был слишком слаб для того, чтобы проложить себе дорогу сквозь английские эскадры; но пожелал, чтобы линейные корабли, находящиеся в Триесте, направились в Венецию, куда, впрочем, они могли зайти, только разоружившись,

так он был более уверен, что корабли не ускользнут от него и что, в конце концов, мы будем счастливы отдать их ему на любых условиях.

Исполнение его воли натолкнулось на малую глубину венецианского порта, но он, тем не менее, купил наши корабли, которые гнев наших офицеров привел в столь скверное состояние, что они представляли собой весьма плачевное зрелище. Несмотря на все усилия и расходы, Наполеон так и не смог их восстановить. Наши матросы отправились в Россию пешком.

Из Триеста я направился в Венецию, где стояли наши малые суда.

Несмотря на все прочитанные мною описания этого знаменитого города, несмотря на все виденные мною картины, я был в полном удивлении и восхищении, приближаясь в гондоле к этому огромному городу. Его приморское население на протяжении веков поражало весь мир своим богатством, оно покрыло своими кораблями моря и управляло торговлей всех наций. В полном изумлении человек входил на улицы, мостовыми которых была морская вода, на которых высились замечательные дворцы, церкви и памятники, словно чудом появившиеся из глубины вод.

Но эти сооружения были единственным свидетелем прежнего процветания Венеции. Этот город, ранее наполненный промышленным населением, этот порт, заполненный кораблями со всех стран света, эти богатые лавки, пышность благородных венецианцев, все это исчезло под управлением Австрии и Франции. В Венеции все было создано торговлей и свободой, потеряв то и другое, она превратилась в огромное и материальное воспоминание о своем прошедшем величии и вскоре все превратится в руины, полностью предоставленные ярости волн.

Французское правительство оказалось столь притеснительным, что самым богатым собственникам города, чьими дворцами и палатами все любуются, пришлось покинуть роскошные дома своих предков и перебраться в более скромные места своих обширных владений.

Наполеон забрал из Венеции всё, что смог вывезти. Знаменитая квадрига, украшавшая собор Святого Марка, была в Париже очень неудачно поставлена перед дворцом Тюильри на смешной Триумфальной Арке.

С любопытством я обошел весь город, церкви, остров Святого Георгия, этот арсенал, откуда столько вооружения было увезено в различные точки Азии и Африки для борьбы с оттоманскими силами. Теперь он был пуст и с этих пор только вызывал чувство стыда у французов и германцев, которые стали следующими недостойными его хозяевами.

Дворец дожей внушал наибольший интерес и глубокую грусть, так как именно там воспоминания недавнего прошлого переплелись с воспоминаниями более старыми. В зале аудиенций или Высших советов решались судьбы войны и мира, там держали в суровых руках жизни горожан, которые, казалось, ожидали возвращения дожей и знатных венецианцев; жилища были на своих местах, портреты дожей украшали стены, портрет последнего умершего дожа был ещё задернут мрачным покрывалом, внушавшим страх этому царственному собранию.

А.Савари и Ж.Фуше

Государственные тюрьмы были соединены с Дворцом галереей, называемой мостом вздохов. Приговоренный получал разрешение здесь остановиться, бросить отсюда последний взгляд на Большой канал, сказать здесь последние слова Венеции и всему миру. На выходе с этой галереи он попадал в зал пыток.

Все то немногое, что осталось от прежнего населения, от веселости и богатства Венеции собиралось у портала в лавках и кафе на площади Святого Марка.

Я с удовольствием остался бы на некоторое время в Венеции, тем более, что город и манера жизни в нем были весьма оригинальны: из дня делали ночь, а из ночи — день. Все мне здесь пришлось по душе, но, к несчастью, я был влюблен, я получал письма от мадмуазель Жорж, которые подогревали мои стремления вернуться в Париж как можно быстрее.

Продолжив свою поездку по Италии, в Местре я нашел свою карету и проехал вдоль украшенного берега Бренты. Все знатные люди Венеции имели здесь загородные дворцы и великолепные сады. Эти дворцы и сады, служившие образцом для всей Европы, были покинуты так же, как и дворцы в Венеции.

Эта столь гордая и могущественная республика, выросшая на золоте и победах, исчезла как сверкающая комета. Открытие Мыса Доброй Надежды, давшее новые пути для торговли, разрушило венецианскую торговлю, а республиканские

армии Франции окончательно уничтожили этот призрак, поддерживаемый только своим прежним величием.

Я быстро проехал земли бывшей Венецианской республики, красивые и интересные места в Ломбардии, эти города, прославленные римлянами, науками, искусством, кровопролитными войнами Франции и Австрии, а сейчас ставшими полем действий для наследников Суворова и колыбелью карьеры Наполеона.

Милан и Турин задержали меня совсем ненадолго; переход через Мон-Сенис восхитил меня. Сколько римских легионов пересекало этот опасный рубеж, чтобы завоевать и поработить галлов, сколько тягот перенесли французские армии, которые во все времена с высоты этих гор обрушивались на прекрасную Италию и покрывали её подобно снегу.

Вдохновленный величием античных памятников и вечностью египетских пирамид, Наполеон пожелал превзойти их и покорить Мон-Сенис. Он спрямил склоны этой горы, построив дорогу в скале и открыв легкое сообщение, за что будущие нации станут им восхищаться в веках[45].

Покинув горные снега, я увидел весну, которая в окрестностях Шамбери была в полном разгаре, природа в этих местах одна из самых красивых и разнообразных, чем где бы то ни было.

В Лионе я прошел по городу для того, чтобы обнаружить ещё дымящиеся следы ярости и разрушений революции. Именем свободы и родины наиболее красивые кварталы этого несчастного города были целиком разрушены, их население ограблено, расстреляно или утоплено.

В то время, когда старый лионец показывал мне разрушения своего родного города, приехала свояченица Наполеона, королева Неаполитанская[46]. Все колокола города сообщили жителям об этом великом событии. Магистрат, все городские власти бегом бросились выразить этой принцессе-выскочке чувства своего глубокого уважения.

Таким образом, двадцать лет разрушений, преследований и убийств произвели во Франции только смену династии, оставив в унижении и под самым ужасным деспотизмом даже самых отчаянных людей, которые не иначе, как со страхом произносили имя государя и его слуг.

1808

После моего возвращения в Париж я был так рад снова оказаться в объятиях мадмуазель Жорж, что оказался не в состоянии заметить, насколько граф Толстой был недоволен быстрым и небрежным отношением, с которым я исполнил его поручение. Тем временем, правдивые или ложные слухи о неверности моей красавицы в мое отсутствие подтолкнули меня к решению порвать с ней.

Я написал ей о разрыве и дал себе слово не возвращаться более к ней. Как только она получила мою записку, она приехала к моему дому и послала сказать мне, чтобы я спустился в ее карету, я счел за лучшее с извинением отказаться. Она пригрозила подняться ко мне. Тогда я спустился, полный решимости не уступать. Она усадила меня в карету и привезла к себе. Решение о разрыве было принято окончательно, ни слезы, ни мольбы не могли меня смягчить. Против моей воли целый день прошел в обмороках и нервных припадках, в которые я слабо верил. Когда настала ночь, она проявила такую нервозность, что, не желая быть бесчувственным, я не смог ее покинуть. Утром ей стало лучше, а я был влюблен более, чем когда бы то ни было. Мне было стыдно, и все.

Наконец, мы решили, что пора начать приготовления к ее отъезду. Я был недавно произведен в полковники, и начавшаяся в Финляндии война против Швеции предоставила мне предлог просить посла направить меня в Россию.

Я не мог уехать одновременно с мадмуазель Жорж. Отъезд не должен был быть неожиданным, но непременно согласованным с посольством, я не мог компрометировать себя похищением. Я заплатил одной женщине, которая обратилась в австрийское посольство за паспортом. Внешне она походила на мадмуазель Жорж и та должна была получить ее паспорт после заявления о потере своего.

Для того, чтобы обмануть прислугу, мы приучили ее к нашим отлучкам на несколько дней в Версаль. Дорожная карета была приготовлена у меня, вещи собраны по мере возможности.

Однако, одно непредвиденное осложнение остановило наши приготовления. В театре поставили новую трагедию, «Артаксеркс», где у мадмуазель Жорж была главная роль. Не успев уехать раньше, надо было играть спектакль, и в случае успеха продолжать играть дальше. Она мне пообещала провалить спектакль, плохо играя роль. Зрительный зал был полон, публика шумела в ожидании, интриги заставили автора пьесы с дрожью целовать руки мадмуазель Жорж, возлагая все надежды на ее талант и умоляя меня аплодировать громче. Все его неловкости доставляли нам неприятности и наши замыслы, направленные против его драматических способностей, делали из нас почти убийц. С самого начала представления публика принимала мадмуазель Жорж с таким восторгом, что она, забыв про поездку и обещания, превзошла саму себя. Первый акт прошел под гром оваций, было поздно отступать. Партер воодушевился, актеры старались разрушить козни недоброжелателей, и, в конце концов, пьеса была сыграна с триумфом. Вернувшись к себе, Жорж была одновременно огорчена и польщена завоеванным успехом, она сожалела о предстоящем расставании с этой воспитавшей ее публикой, которая щедро одаривала ее овациями. Спектакль потребовали повторить, надо было играть на следующий день, через день и в последующие дни. Наконец, Жорж решилась попросить у автора и у своих товарищей 4 или 5 дней отдыха, под предлогом, что у нее сильно болит горло. Тревожась за ее здоровье, ей охотно предоставили отпуск.

Мы объявили о желании провести все пять дней в Версале, откуда Жорж должна была вернуться только в день возобновления спектакля и в момент подготовки к выходу на сцену. Мы провели ночь у друзей с тем, чтобы все было готово на завтра. Рано утром в первый день отпуска фиакр привез нас к дорожной карете, которая ждала на дороге в Бонди. Я посмотрел, как карета увозила в Россию предмет моего восхищения, и пошел спрятаться к молодому князю Гагарину, у которого провел предыдущую ночь. Я не осмелился показаться на людях, так как все считали, что я нахожусь с Жорж в Версале.

Наконец, в день спектакля я появился в свете, я не решился пойти в театр. Все актеры были готовы, ждали только Жорж, к ней посылали узнать какие-нибудь сведения. Публика была в нетерпении, шум возрастал, наконец, были вынуждены объявить, что принцесса Мандана отсутствует, и «Артаксеркс» был заменен комедией.

Тревога увеличивалась, вначале осведомились о моем местонахождении, ко мне пришли актеры, чтобы узнать, что случилось с Жорж. Я их заверил, что ничего о ней не знаю, и что уже несколько дней мы в ссоре. Послали в Версаль, искали в Париже, на следующий день за мной стали следить полицейские агенты, чтобы понять, куда она делась. Администрация театра уверила меня, что ее долги будут оплачены. На все границы по телеграфу был послан приказ задержать прекрасную беглянку.

Через несколько дней сообщили о возобновлении спектакля «Артаксеркс», в роли Манданы была заявлена мадмуазель Жорж. В это же время Фуше сообщил графу Толстому о том, что мадмуазель Жорж поймали и поместили в тюрьму, куда она вернется после того, как сыграет роль. Я не получал писем, и Фуше не преминул послать своего доверенного человека для того, чтобы узнать какое впечатление произведет на меня это сообщение. Я был огорчен, ее арест должен был меня скомпрометировать самым плачевным для посольства образом. Актеры во главе с Тальма стали искать место, где ее держали, но не могли напасть на след. Публике было любопытно вновь увидеть арестованную, бегство которой стало главной новостью дня, толпы людей устремились к Французскому театру: зал был переполнен, у всех были приготовлены свистки. Я хотел пройти в гримерную мадмуазель Жорж, будучи убежден в том, что, если она собиралась играть, то обязательно туда придет. После того, как меня не пропустили даже в коридор, я окончательно поверил в правдивость сообщения Фуше и грустно спрятался в глубине нашей ложи. Наконец, занавес открылся, в зале поднялся шум, никто не слушал актеров. Каждый приготовил к выходу мадмуазель Жорж либо свистки, либо аплодисменты. Я дрожал от нетерпения и беспокойства; появилась принцесса Мандана и, несмотря на прикрывающую ее вуаль, я узнал мадмуазель Бургуан, которой была поручена эта роль. Она получила первую порцию свистков и шума, предназначенных для мадмуазель Жорж. Не будучи окончательно убежденным, я почувствовал все же, что у меня с плеч свалился тяжелый груз. Я покинул театр, который больше меня не интересовал, и, вернувшись к себе,

с огромным удовольствием нашел письмо от мадмуазель Жорж из Мюнхена, где она находилась уже вне досягаемости парижской полиции. Я поспешил сообщить лукавому Фуше только что полученные известия, и был очень горд этой победой, одержанной над его бдительными сотрудниками.

Успокоенный дальнейшей судьбой моей прекрасной путешественницы, я сделал необходимые приготовления к своему отъезду и использовал оставшееся у меня время для посещения достопримечательностей Парижа, которые полностью завоевали мою любовь. Наибольшее внимание привлек Музей Наполеона, эта огромная и ценная коллекция, где собраны замечательные произведения искусства всех времен и народов, где привезенные из Египта, Греции и Рима языческие боги могут поспорить красотой с изображениями Христа и Мадоннами Рафаэля и Корреджо.

Собранный на протяжении 20 лет побед, этот музей представляет собой самый красивый и богатый памятник Французской славе. Все то, что любознательный путешественник и жадный любитель искусств раньше искал во дворцах и в галереях Италии, Голландии и Германии по приказу Наполеона было собрано теперь в нескольких залах Лувра.

Здесь разум был настолько поглощен воспоминаниями, а глаза столь натружены, что люди выходили из музея, не будучи уверены, что же именно привлекло их наибольшее восхищение.

Желание все увидеть и везде успеть заставляло слишком быстро переходить от одного ценнейшего шедевра к другому. Единственным недостатком этого музея было то, что на очень малом пространстве было собрано слишком много красот, это был настоящий праздник чудес.

Великие и древние события, связанные с этим огромным количеством картин, статуй и бюстов, каждый раз производили на меня еще более живое впечатление, чем восторг от совершенства линий и исполнения. Пусть бесчисленное количество глаз рассматривают этих прекрасных Венер и замечательных Аполлонов, ведь эти мраморные произведения и были предназначены для притягивания взоров.

* * *

Я покинул Париж с той же поспешностью, с которой туда приехал, на 14-й день пути я вернулся в Петербург. Прибыв ночью, я сразу отправился в отель «Северный»[47], где я предложил остановиться мадмуазель Жорж. Мы были в восторге от нашей новой встречи, и утром я отправился представиться Императору на Каменный остров. Он принял меня достаточно плохо, казался рассерженным оттого, что разрешил мадмуазель Жорж приехать. Тем не менее, после кратких объяснений, его обычная доброта принудила его извинить меня, и я поспешил в Таврический дворец, чтобы представиться Ее Величеству Императрице матери. Там я был принят очень плохо, она едва удостоила меня словом, а затем заставила меня ждать в помещениях графини Ливен, куда она сошла для того, чтобы выбранить меня и приказать оставить мою ложную любовь и постыдную

связь. Я чувствовал, что она была права, и был преисполнен благодарности за то участие, которое она изволили ко мне проявить. Но, выйдя из дворца, я побежал к Жорж, забыв опалу и опьяненный любовью.

Не желая видеть в мадмуазель Жорж никого, кроме соблазнительной шпионки Наполеона, весь двор осыпал меня упреками и критиковал всё, вплоть до таланта и красоты актрисы, которые ещё не были продемонстрированы. Спустя несколько дней после моего приезда ей сообщили, что она будет дебютировать в Павловске в присутствии Императора и всей Императорской фамилии. Понимая, что существует предубеждение против нее, она дрожала, когда готовилась выступать. В тот день я был на службе, и Император хладнокровно отправил меня на Каменный остров.

С нетерпением я ждал исхода этого первого и опасного дебюта, который должен был либо усугубить мою вину, либо полностью ее извинить. На следующий день с самого раннего утра я стал получать известия о том, что Императорская фамилия и весь двор встретили с полным восхищением красоту и талант мадмуазель Жорж. Это восхищение было столь сильно, что придворные, которые из утонченного коварства не присутствовали на представлении, как все прочие кричали о чуде.

Следующим воскресеньем я приехал в Павловск представиться Императрице, которая продолжала показывать мне свое нерасположение, но все вокруг высказали мне свои поздравления. Мне завидовали, и моя связь стала выглядеть менее преступной даже самым суровым людям. Петербургская публика приняла мадмуазель Жорж с нетерпением и осыпала овациями. После каждого сыгранного ею спектакля ее успех возрастал, и все старались оказывать ей самый благожелательный прием. Я более совершенно не скрывал нашей связи, мы вместе жили и вместе принимали, как если бы мы были мужем и женой. Вначале в свете отвергали это, как нечто неприличное, но, в конце концов, это стало обычным делом. Все дни были полны очарования, я забыл и войну в Финляндии, и дома, которые раньше часто посещал. Я проводил все время в кругу актеров, актрис и моих молодых друзей, которые были рады поддержать это веселое общество.

1809

К стыду своему, я почти год прожил этой беспечной жизнью, полной любви и безделья. В конце концов, хотя ни моя привязанность, ни прелесть нашей связи не уменьшились, я, тем не менее, почувствовал стыд за свое бездействие; война в Финляндии закончилась, кто-то завоевал на ней громкое имя, а я это упустил. Возобновилась война с турками, и я решил, что моя честь будет запятнана, если я не попрошу у Императора разрешения отправиться в Молдавию.

Петербург. Зимний дворец

Он с готовностью разрешил мне это; я простился с мадмуазель Жорж, которая проводила меня до Гатчины. Как и следовало ожидать, мы поклялись друг другу в вечной любви и нерушимой верности во всех испытаниях, и, преисполненный грусти, я ступил на путь славы.

* * *

К концу июня я прибыл в главную квартиру, размещавшуюся в Галаце. Командовал армией фельдмаршал князь Прозоровский, а генерал Кутузов был под его началом. Ослабевший в силу своего преклонного возраста Прозоровский, и желавший быть главнокомандующим Кутузов ревновали друг к другу. Они были заняты больше интригами, чем военными действиями. Предпринятый штурм крепости Браилов стоил больших потерь, но был отбит. Фельдмаршал обвинил в этом генерала Кутузова, а тот надеялся, что из-за этой неудачи князя Прозоровского отзовут, а он встанет во главе армии. Император решил по-другому и, чтобы прекратить всю эту унизительную возню, назначил князя Багратиона на место Кутузова.

Тем временем фельдмаршал провел все необходимые приготовления для переправы через Дунай. Один корпус остался у Визирского брода с целью наблюдения за Браиловым. Командующий в Валахии генерал Милорадович также потерпел неудачу, неосторожно предприняв штурм Журжи.

В то время, когда велись работы по наведению моста ниже Галаца, генералу Платову было поручено вести боевые действия в окрестностях Браилова с тем, чтобы уничтожить там все ресурсы, которыми гарнизон этой крепости мог воспользоваться для пополнения припасов.

Я попросил включить меня в состав этой экспедиции. Десяток казачьих полков, драгунский полк и батальон егерей с несколькими пушками ночью переправились по мосту, наведенному через реку Бузео, и отправились ожидать рассвета за ложбиной в восьми — десяти верстах от крепости, которая пересекала обширную равнину, простиравшуюся между этой рекой и Браиловым.

С первыми лучами солнца, не чувствуя ни малейшей опасности и сопровождаемые повозками, турки вышли из города, чтобы отправиться в близлежащие деревни за провизией, которую они обычно там получали. Когда они отошли достаточно далеко и приблизились к засаде казаков, то были окружены со всех сторон, и после слабого сопротивления более пятисот человек вынуждены были сдаться в плен.

Однако по тревоге, поднятой в крепости, турецкая кавалерия начала покидать ее и двигаться в сторону казаков, которых было совсем немного. Казакам было приказано заманить врага к оврагам, где мы замаскировали основные силы нашего отряда. Этот маневр длился в течение всего дня, но заставить турок удалиться от своих укреплений не удалось; тогда, мы покинули наше убежище и попытались навязать им бой. Он начался очень вяло, неприятель не шел на риск, а мы не решались приблизиться из-за огня его укреплений. С наступлением ночи турецкая кавалерия вернулась в крепость, и мы вновь заняли нашу позицию. На следующий день мы перешли мост, и отряд вернулся в лагерь вблизи Галаца.

Эта небольшая экспедиция, какой бы короткой она не была, показала мне, насколько наши войска страдали в этом климате. Мы не захватили с собой ни палаток, ни провизию; жара стояла невыносимая, и не было ни одного дерева, в тени которого мы могли бы укрыться. Источник воды находился в двенадцати верстах от мест нашей стоянки, а из еды у нас был только сухари, а из питья — скверная водка, которой нас ежеминутно угощал генерал Платов.

Начавшиеся болезни уже к концу июня опустошили наш лагерь: часовые умирали на посту, а лошади, измученные жарой и насекомыми, погибали прямо на глазах. Очень суровая дисциплина, которой требовал фельдмаршал, в значительной степени способствовала увеличению числа больных. Сам он угасал от старости, только его душа еще поддерживала в нем жизнь. До переправы через Дунай он хотел объехать с инспекцией некоторые части, которые должны были остаться на левом берегу. Я сопровождал его в этой поездке; много раз мы думали, что он скончается у нас на руках. В Рени он настолько ослабел, что приказал отнести себя в сад и оставить на траве. Мы были рядом с ним и пребывали в глубоком молчании, наблюдая последние минуты его жизни.

Голосом умирающего он сказал нам: «Император приказал мне форсировать Дунай, я должен умереть на другом берегу; я приказываю вам доставить меня

туда, если я потеряю силы и не смогу сам туда добраться». Затем он продиктовал прощальное письмо Императору и завещание своей семье.

Несколькими днями позже мы привезли его обратно в Галац. Когда мост был достроен и авангард его пересек, этот почтенный старик, изнуренный годами и тяготами службы, приказал посадить себя в лодку и высадился в начале моста, переброшенного на другой берег Дуная. В эту же ночь он тихо умер, довольный тем, что в свой последний час он выполнил приказ своего повелителя.

Генерал Платов командовал авангардом, и я получил разрешение следовать с ним. На скаку моя лошадь провалилась в яму, вместо того, чтобы перескочить через нее, и я сломал ключицу левой руки. Я вновь сел на лошадь, чтобы присоединиться к генералу и вместе с ним пешком прошел по мосту, ни сказав ему о случившемся. Но по прибытии в лагерь, боль стала такой сильной, что я был вынужден позвать врача. Он вправил ключицу и перевязал меня так туго, что мне пришлось провести ужасную ночь, мучаясь более из-за насекомых, от которых я не мог защититься, чем от поразившей меня боли. Утром я со всей очевидностью понял, что не в состоянии дальше двигаться с авангардом, и меня возвратили в Галац.

Моя рука снова заболела, и сделанная мне вторая операция по ее восстановлению была бесконечно более болезненной, чем первая. Я остался один в Галаце, в этом маленьком городке, охваченном лихорадкой и нищетой. Почти все его жители были больны и слонялись по улицам как мертвенно-бледные тени. У двух моих слуг был жар, и вместо того, чтобы получать от них помощь, мне приходилось лечить их, лихорадка поразила и меня. Я не чувствовал опоры, не было никого для службы мне, ни одной книги для моего развлечения, ни одной души, с кем можно было бы поговорить. Никогда я не забуду эти дни скуки и страданий.

К счастью, молодой князь Долгорукий, адъютант покойного фельдмаршала, также больным вернулся в Галац. Мы поселились рядом, и он кормил и лечил меня. Немного оправившись от болезни, мы оба переправились через Дунай, чтобы присоединиться к нашей армии, которая тем временем заняла Мачин и рассеяла жителей Исакчи, Тульчи и Бабадага. Князь Багратион принял командование армией и направился к Кюстенджи.

Наша флотилия поднялась вверх по Дунаю вдоль берега Матчин и завершила блокирование Браилова, лишенного с этого момента всякого сообщения с Турцией. Князь Багратион, хотя и был главнокомандующим, вспомнил об интригах времен сражения при Эйлау, и принял меня очень плохо, что не предвещало мне счастливой кампании.

Мы предприняли ночной бросок, чтобы достичь Кюстенджи, маленького городка на берегу моря, окруженного слабыми укреплениями. На рассвете, заметив нас, неприятель вышел нам навстречу. Генерал Платов приказал мне наступать с двумя батальонами пехоты и четырьмя пушками. Турки поддались нашим первым атакам и укрылись за своими укреплениями. Я преследовал их до расстояния пистолетного выстрела от города и расположился на кладбище, которое

благодаря своим деревьям и надгробиям было очень удобно для пехоты. Князь Трубецкой прибыл с несколькими батальонами и пушками. Он поставил артиллерию во главе колонн и начал наступать, чтобы силой захватить укрепление, которое защищали 5 или 6 тысяч турок.

Колонны были встречены таким смертоносным огнем, что они возвратились в беспорядке, довольные тем, что смогли сохранить свои орудия, когда тем угрожала вылазка гарнизона. Эта плохо организованная и неосторожная атака стоила нам нескольких сотен человек: прибывший в этот момент князь Багратион проявил мало великодушия и возложил вину на меня.

Мы довольствовались тем, что полностью блокировали город и продолжили артиллерийскую перестрелку с неприятелем. На следующий день турки, оставшиеся совсем без продовольствия, и по воле случая оказавшиеся в этом городе, жители которого бежали, узнав о нашем приближении, запросили условий капитуляции. Было договорено, что они выйдут с оружием и снаряжением, и что до другой стороны Балканских гор их будет сопровождать русский офицер. В тот же день мы покинули лагерь и двинулись к Рассевату, где занял позицию большой неприятельский корпус.

На полпути туда мы переночевали в Карасу, на развалинах древнеримских укреплений, протянувшихся от Констанцы до Черноводы, и таким образом соединявших на расстоянии от 60 до 70 верст Черное море и Дунай. Эту линию называют валом Траяна; можно явственно видеть ее следы и найти места, где на некотором расстоянии располагались маленькие крепости, которые должны были соединять воедино этот барьер, возведенный против варваров Севера. Сейчас цивилизованные северные народы ступают по этим руинам и пересекают эту древнюю преграду, чтобы сражаться с варварами Юга. Ту самую границу, которую римляне возвели на севере Восточной Империи, Россия должна создать на юге.

Возвращаясь из Валахии, генерал Милорадович пересек Дунай по нашему мосту в Галаце и отправился к Рассевату по берегу Дуная. Ночью его корпус и армия князя Багратиона соединились, чтобы атаковать турецкие позиции.

До восхода солнца войска были построены в каре и начали движение, примериваясь к неровностям гористой местности, которая окружает Рассеват. 14 казачьих полков образовали наш левый фланг, а дивизия графа Милорадовича шла по берегу реки.

Турки, расположившиеся лагерем в низине, где они возвели бесполезные укрепления, вышли, чтобы построиться на противоположной возвышенности, во время этого движения наши пушки выпустили по ним несколько ядер. Генерал Платов умело воспользовался этим моментом и, развернув в качестве сигнала свое атаманское знамя, бросил всех казаков на неприятеля, который еще не успел построиться. Стремительность атаки занесла казаков на позиции турок, которые оставили их и бежали в страхе. Менее чем через четверть часа дело было кончено, Рассеват занят, а турки исчезли.

За Рассеватом князь Багратион остановил большую часть армии, расположив впереди авангард, и поручил преследование беглецов одним только казакам. Несколько знамен стали трофеем этого легкого для нас дня. Турки направились к Силистрии; некоторые остались в этой крепости, другие бежали еще дальше.

Ослабленная болезнями, наша армия перешла Дунай, имея от 12 до 14 тысяч человек; вся дивизия генерала Милорадовича состояла всего из 3 тысяч человек, остальные были оставлены в различных госпиталях в Молдавии и Валахии. Заболевшие солдаты, особенно рекруты, умирали в огромном количестве.

Но как только армия перешла через Дунай, болезни прекратились. На правом берегу этой реки климат совершенно изменился; там он обладал целебными свойствами и был свеж из-за гор и лесов. Вода там была прекрасная; на каждом шагу встречались источники, обустроенные с заботой и пышностью, располагавшие к тому, чтобы сделать приятную остановку. Возвышенное побережье Дуная совсем не походило на его болотистый и зараженный паразитами левый берег. Места обитания турок были ухожены и заботливо окружены садами и виноградниками; это благодатная и живописная страна. Лишь, скрепя сердце, можно было преследовать этих счастливых людей и разрушать их радующие взор жилища.

В лагере при Рассевате я получил последнее письмо от мадмуазель Жорж, в котором она объявила мне о своем намерении выйти замуж за танцовщика Дюпора и просила моего согласия. Меня как громом поразило. Моя любовь пробудилась, и испытанное от этой новости огорчение вновь вызвало лихорадку, которая только что отпустила меня. С этого момента я больше не мечтал о войне, и моим единственным желанием было вернуться в Петербург, чтобы поломать этот брак и вновь обрести счастье, которое я потерял, исполняя долг чести. Принятое мной прекрасное решение изменить своим рвением к службе плохое отношение ко мне князя Багратиона, исчезло в один миг. Я пытался оправдывать свою слабость тем, что эта кампания подавала мне мало надежд, и ждал только благоприятного момента, чтобы просить отправить меня в Петербург.

Через два дня отдыха армия двинулась к Силистрии. Турки могли бы сразиться с нами за подступы к крепости в узком и труднопроходимом ущелье; и мы были сильно удивлены, не встретив там неприятеля. После того как мы спокойно заняли наши позиции в трех верстах от крепости, небольшое количество турок двинулось навстречу нашим стрелкам, которые садами, оврагами и виноградниками намеревались приблизиться к укреплениям. Завязался долгий и кровопролитный бой, не принесший результатов. Наши пушки, поставленные на возвышенности, начали обстреливать город ядрами и гранатами, ядра тяжелой артиллерии, размещенной там, проносились высоко над нашими головами. Вечером наши передовые посты остались в садах, было установлено несколько укрепленных батарей.

Тяжелая артиллерия в количестве пяти мортир и шести 36-фунтовых пушек, прибыла на левый берег и разместилась вблизи реки так, чтобы обстреливать город. Но эти артиллерийские орудия еще времен императрицы Елизаветы, привезенные с огромным трудом, были почти непригодны для стрельбы; одна пушка

и две мортиры разорвались в первый день, а слишком малое количество боеприпасов, доставленных к орудиям, делало их почти бесполезными.

Турки отделались несколькими сожженными домами. Осада затягивалась, приближалось неблагоприятное время года.

В это время осажденный с начала войны Измаил сдался генералу Зассу, и это положило конец неудачам князя Багратиона.

Небольшой корпус неприятеля, собравшийся для оказания помощи Силистрии, в нескольких верстах вверх по течению от крепости вступил в бой с отрядом генерала Платова, но был обращен в бегство, а мы захватили 10 знамен. Зная о моем желании уехать, и обрадованный возможностью избавиться от свидетеля, которого он ошибочно принимал за шпиона Императора, главнокомандующий воспользовался случаем, чтобы отправить меня в Петербург. Он неосторожно объявил о скорой сдаче Силистрии, но из-за грязи на дорогах и плохой погоды был вынужден через несколько дней после моего отъезда снять осаду.

* * *

К моему приезду в Петербург мадмуазель Жорж с танцовщиком Дюпором и всей труппой уехала в Москву, чтобы дать там несколько представлений. Я был сильно огорчен, не найдя ее, и полностью поддался приступу постыдной печали. Ослабленный лихорадкой, я опасно заболел; и ни проводимое лечение, ни увещания моих друзей, — ничто не могло отвлечь меня от моей безумной любви и грусти.

1810

Я провел 3 месяца в таком состоянии, не выходя из своей комнаты. Наконец, мадмуазель Жорж навестила меня, ее новый любовник был настолько ревнив, что я не мог ни повидать ее, ни поговорить с нею. Только так я начал чувствовать, насколько постыдным было мое поведение, мое лицо заливалось краской от осознания того, какое мнение в этой связи должно было обо мне сложиться. Я видел, насколько мне будет трудно преодолеть мою страсть, но, тем не менее, принял решение спрятать ее, начав ухаживать за другой женщиной.

Недавно приехавшая в Петербург актриса французского театра мадмуазель Бургуан была замечена благодаря своему прекрасному таланту и, особенно, своей прелестной фигуре. Я обратился к ней, уверяя, что она единственная, кто может заставить меня забыть мою любовь к мадмуазель Жорж. Она нашла весьма лестной для своего тщеславия идею, состоящую в том, чтобы стереть из моего сердца воспоминания об её блестящей сопернице. Веселость мадмуазель Бургуан вскоре вернула мне хорошее настроение и, также смеясь, я стал ее любовником. Эта новая связь была столь очаровательной, что вскоре я полностью забыл свою смешную любовь.

Посол Франции герцог А.Коленкур

Столь же комфортно я провел остаток зимы. Место актеров театра трагедий, которые составляли мое общество в прошлом году, заняли актеры театра комедий. В конце концов, я настолько привязался к мадмуазель Бургуан, что был почти огорчен ее отъездом. Весной она вернулась в Париж, а я вновь стал подыскивать другую связь. Летом мы с молодым графом Браницким снимали усадьбу в Карповке. Не будучи ни чем заняты, мы посвящали все свое время удовольствиям и завязыванию интриг.

Крайне неудачно я начал ухаживать за госпожой Жеребцовой. Красивая и гордая, она привлекала к себе знаки внимания и, благодаря своему кокетству, обладала даром воспламенять сердца и зарождать в них надежду. Ничего из себя не представляя, она стремилась быть единственно и пылко обожаемой. Но, будучи по природе нечувствительной натурой, она считала, что добилась своей цели, когда видела, что любима. Ее холодность служила ей добродетелью, а ее разум подыскивал случаи для проведения интриги и для дальнейших обманов. Меня дурачили в течение всего лета: сначала меня ловко выделяли из массы поклонников с тем, чтобы заставить меня влюбиться, но с тех пор, как у нее не стало больше оснований сомневаться в моей привязанности, она заставила меня почувствовать всю силу своего безразличия.

Мы вернулись в город, где балы и праздники потихоньку стали развеивать мою несчастную любовь. Недавно ушедшая из театра мадмуазель Коломб,

посредственная актриса, которая помогла разориться одному из наших богатых господ, была сейчас свободна и могла теперь выбирать любовников по своему вкусу. Она была настолько добра, что обратила на меня свои взоры. Я поспешил предупредить ее доброе ко мне расположение наиболее усердной услужливостью, и через три дня наш договор был заключен. Я полностью возместил убытки, нанесенные холодностью прекрасной госпожи Жеребцовой, и переехал к ней, как это было с Жорж и Бургуан.

Посол Франции господин Коленкур открыл сезон праздников чудесными балами в честь госпожи Влодек, расположения которой он добился. Это была высокая и красивая женщина, уже давно привлекшая мои симпатии. Каждую неделю я видел ее на посольских балах и выражал ей свое глубокое почтение. Уехавшая из Петербурга во Францию мадмуазель Коломб оставила меня свободным, и я направил все свое время и заботы на то, чтобы понравиться госпоже Влодек. Казалось, она была готова заставить своего любовника-посла немного ревновать и встречала мои ухаживания со снисходительной кокетливостью.

Тем временем, видя, что интрига затягивается и не желая быть одураченным, как это было в случае с госпожой Жеребцовой, я горячо настаивал на окончательном ответе. Объяснение произошло накануне Нового года на балу у господина Нарышкина. Госпожа Влодек появилась там, сделав вид, что вывихнула ногу, и из-за боли в ноге она не соглашалась танцевать весь вечер. Видя, что это сделано для того, чтобы уклониться от объяснений, я ей заявил, что не добиваюсь больше ее расположения, и что с этого вечера буду ухаживать за другой женщиной, если она не согласится танцевать со мной. Женщины не любят терять поклонников, даже если они не собираются ему уступать. Она согласилась на танец, во время которого я умолял ее о свидании, столь мною желаемом, которое навсегда приведет меня к ней.

После многих трудностей она, наконец, мне пообещала, что на следующий день, собираясь на большой бал-маскарад, она обманет этими приготовлениями своего посла и своего мужа и останется дома. В то время, когда все отправятся во дворец, она будет меня ждать. Я был в восторге от этого любезного обещания и не упустил случая в 10 часов вечера, когда, как я знал, бал был в полном разгаре, пройти по задней лестнице и упасть к ногам моей красавицы. Мы не пробыли вместе и часа, когда доверенная горничная сообщила о неожиданном приходе посла. Я едва успел ускользнуть, опасаясь последствий, которые могло иметь это приключение и, зная, насколько были бы непредсказуемы последствия отъезда посла. Я наскоро привел себя в порядок и поспешил в залы дворца. Там я быстро обнаружил обер-гофмаршала, который в волнении сообщил мне о внезапном отъезде господина Коленкура и о том плохом впечатлении, которое это произвело на всех. Это рассматривалось как признак разрыва между двумя странами. Ужин в Эрмитаже был весьма печальным, все перешептывались, и никто не поверил в неловкие извинения посла, заявившего, что он чувствует себя неудобно. Не видя на балу ни госпожи Влодек, ни меня, он ни на минуту не усомнился

в нашем умении его обмануть и не смог воздержаться от смешных поступков, внушенных ему чувством ревности.

Тем временем, все вокруг и в особенности Император очень хотели знать правду с тем, чтобы скрыть ее. Все ненавидели посланника Наполеона, чье высокомерие могло сравниться лишь с амбициями его господина, и случившееся с ним злоключение привело всех в восторг. Против моей воли я стал получать поздравления от всех членов общества. Император, однако, нашел, что я плохо использую свое время, и выразил мне свое неудовольствие.

Плоды моих усердных забот были для меня потеряны, свидание, которое означало начало моей удачи, ознаменовало и конец ее. Госпожа Влодек обещала своему любовнику не встречаться больше со мной, и она держала слово.

Молодой граф Воронцов, участвовавший в кампании 1810 года против турок, только что вернулся, чтобы провести несколько дней в Петербурге. Я остановился в его доме, и ему было легко уговорить меня вернуться вместе с ним в армию.

Я попросил дозволения Императора, и он охотно мне его предоставил, как всегда это бывало, когда кто-то из его флигель-адъютантов хотел заслужить отличие.

1811

Мы направились в Москву, где к нам присоединился еще один участник этой кампании молодой граф Бальмен. Своими талантами он и граф Воронцов заслужили генеральские звания, и этим продвижением по службе совсем растравили мое самолюбие. Наше путешествие было весьма веселым. В Васлуе, когда мы уже проехали Яссы, нас покинул граф Воронцов, обнаруживший там свой полк на лагерной стоянке, после чего мы вдвоем продолжили свой путь до Бухареста.

В этом городе расположился на зимние квартиры граф Каменский, который после кампании 1809 года заменил князя Багратиона. Вступив в 1810 год с силами, намного превосходящими силы князя Багратиона, он полностью очистил от неприятеля оба берега Дуная вплоть до Видина. В нашей власти оказались Браилов, Силистрия, Рущук, Журжа, Систово и Никополь. Благодаря удачному штурму был взят Базарджик, некоторые части продвинулись вплоть до Варны и заняли Ловчу, при входе на Балканы со стороны Софии. Визирь был заперт в Шумле, которая при более активных действиях и более счастливых обстоятельствах была бы взята, и война бы победоносно закончилась.

Поспешно предпринятый графом Каменским неудачный штурм Рущука был отбит и стоил нам от 5 до 6 тысяч человек. Однако эту неудачу компенсировала решительная победа при Батине над значительным неприятельским корпусом, который был разбит, а 6 тысяч человек были вынуждены сложить оружие.

Укрепления Силистрии были сровнены с землей, в Рущуке мы держали мощный гарнизон, город Систово был сожжен и разрушен до основания, один корпус зимовал в Никополе, занимая отрядом Плевну и Ловчу.

Отдельный корпус был расположен в Малой Валахии, часть войск поддерживала героическую борьбу сербов. Таково было положение дел накануне нашего приезда в Бухарест, где мы нашли графа Каменского при смерти. Состояние здоровья заставило его покинуть эти края, но переезд только приблизил его смерть. Армия восприняла это с истинным огорчением: его образ мыслей, честолюбивая натура и справедливая требовательность сделали из него совершенно особого военноначальника. Он умер в расцвете лет, оставив командование армией на беспокойного и неспособного графа Ланжерона.

Огорченные мы поехали в Никополь представиться графу Сен-При, который там командовал войсками. Он принял нас в чудесном доме на берегу Дуная, который раньше принадлежал турецкому командующему и откуда открывался замечательный вид. Мы с удовольствием проехали по городу и его окрестностям. Никополь построен в долине, окруженной высокими горами, и обнесен слабыми укреплениями. Возведенная на высокой горе с крутым спуском в реке древняя крепость очень украшает пейзаж и весьма контрастирует с красотою городских домов и элегантностью мечетей.

После того, как мы провели несколько приятных дней у графа Сен-При, мы сели на корабль и спустились вниз по течению прекрасного Дуная до Журжи. Мои товарищи по поездке очень сожалели об уничтожении Систова, который они сами поджигали в прошлом году, и который был одним из красивейших городов в округе с широко развитой торговлей.

Из Журжи мы вернулись в Бухарест. Здесь я познакомился с некоторыми господами этих краев, которые по существу очень мало меня заинтересовали. Это нация бастардов, сформировавшаяся в давние времена из дезертиров римских армий и преступников Восточной империи, которая ссылала их в эти места подобно тому, как у нас ссылают в Сибирь. Изнеженные, трусливые, жадные до денег они использовали свои способности только для того, чтобы разбогатеть на разбоях и несправедливостях. Государственные должности продавались, они влезали в долги, покупали своих женщин, если так ими можно было завладеть, и начинали жадно возмещать убытки, стремительно грабя несчастных крестьян.

Господарь[48] открыто делал то, что другие скрывали. Получив в Константинополе с помощью денег и блестящих обещаний эти несчастные провинции в управление, он приехал туда только для того, чтобы быстро сколотить огромное состояние. Не перестаешь удивляться тому, как долго в этих краях выдерживают такое управление.

Турки со своей стороны грабят их всякий раз, как найдут повод к этому, на протяжении почти столетия наши армии время от времени привносят туда ужасы войны и алчность наших чиновников и, несмотря на все это, эта страна богата деньгами и всякого рода продукцией.

Граф Ланжерон, который пока командовал армией, направил меня в Никополь, чтобы оттуда я добрался до Ловчи и принял командование над Староингерманландским пехотным и 37-м егерским полками, которые я должен был привести в Рущук. Местность между Никополем и Ловчей была одной из самых красивых и разнообразных из всех, которые можно было видеть. Всюду были разбросаны красивые турецкие и болгарские деревни с садами и виноградниками.

В Ловче я встретил графа Орурка, который командовал там отрядом. Город был взят штурмом войсками графа Сен-При и очень пострадал от этого несчастья. Большинство жителей были убиты, и только малая часть домов избежала разрушения.

Я провел в городе несколько дней, занимаясь приготовлениями к походу, граф Орурк должен покинуть город одновременно со мной и увести остатки своего отряда в Никополь. Я же с двумя полками направился в Рущук.

Граф Сен-При получил приказ сжечь и разрушить до основания этот красивый город Никополь. Он так хорошо исполнил этот приказ, что даже по прошествии нескольких месяцев, находясь напротив этого несчастного города по другую сторону реки, я не мог различить его следов. Исчезло все, что находилось за пределами старой крепости, античные стены которой были прочно заложены греками и римлянами. Поход через эти места, заполненные турецкими поселениями, прорезанные горами и многочисленными спускающимися с Балканских гор реками, несущими свои воды в Дунай, мог быть трудным и опасным, так как мы не располагали картами и подробными инструкциями. У меня не было ни артиллерии, ни единого всадника, чтобы разведать дорогу. Я выбрал направление движения вдоль левого берега маленькой речки Осма, после того, как собрал сведения у болгарских и турецких крестьян. Приближаясь к какому-нибудь поселению, я посылал туда переводчика с тем, чтобы он уверил жителей, что я не собираюсь воевать с ними, но моим единственным желанием является пройти мимо. Я просил накормить моих солдат и предоставить часть домов для ночлега после того, как женщины и дети перейдут в другую часть деревни. Суровая дисциплина, которую граф Сент-При поддерживал всю зиму в своих частях, его справедливость и защита, которую он оказывал мирным жителям, облегчили мои переговоры. С большим удивлением я двигался по Турции так же, как я продвигался по России, ночуя в деревнях вместе с жителями, получая от них продукты и даже повозки для транспортировки нашего снаряжения от деревни до деревни.

Так же спокойно между селениями Болгарени и Дервижка по старинному и красивому каменному мосту мы пересекли речку Осма. Оттуда мы дошли до большой и красивой деревни Карaармон, расположенной в 7 верстах от Янтры. Прогуливаясь по здешнему кладбищу, я нашел много мраморных плит с латинскими надписями. После того, как они послужили надгробиями для латинян, теперь их использовали при похоронах земледельцев-мусульман.

Янтра — это весьма крупная и быстрая река с крутыми берегами, что затрудняло переход через нее. Правда, в Кривице, в 7 верстах от Караармона, имелся

мост, по которому в прошлом году прошли наши войска, направляясь в Никополь. Но теперь он был разрушен турками.

Я объявил жителям о том, что буду вынужден остановиться у них до тех пор, пока мост не будет восстановлен, и дал им в помощь 300 человек. Жители должны были сами найти все необходимые материалы. Горя нетерпением избавиться от нас, турки энергично взялись за восстановление моста, и через три дня он стал достаточно прочен, чтобы выдержать нашу переправу.

От Янтры вплоть до Рущука мы не встретили ни одного жителя, все они во время последней кампании покинули эти края. Только пепел и развалины указывали на места, где раньше находились их жилища, уничтоженные огнем. От больших деревень, окруженных фруктовыми садами и украшенных красивыми мечетями и чудесными фонтанами, остались только редкие печные трубы и уцелевшие от огня деревья.

Таким образом, ни сделав ни единого выстрела, и как если бы мы двигались в мирной обстановке, мы прибыли в Рущук.

В это время в Бухарест прибыл главнокомандующий Кутузов, чтобы принять командование армией.

Он вызвал меня, чтобы получить отчет о мирном продвижении, которое я предпринял по населенным турками районам, что казалось ему невероятным.

Вся заслуга этого принадлежала графу Сен-При, который сумел на протяжении всей зимы своим мудрым и требовательным управлением завоевать доверие неприятеля. Я вернулся в Рущук командиром Староингерманландского пехотного полка.

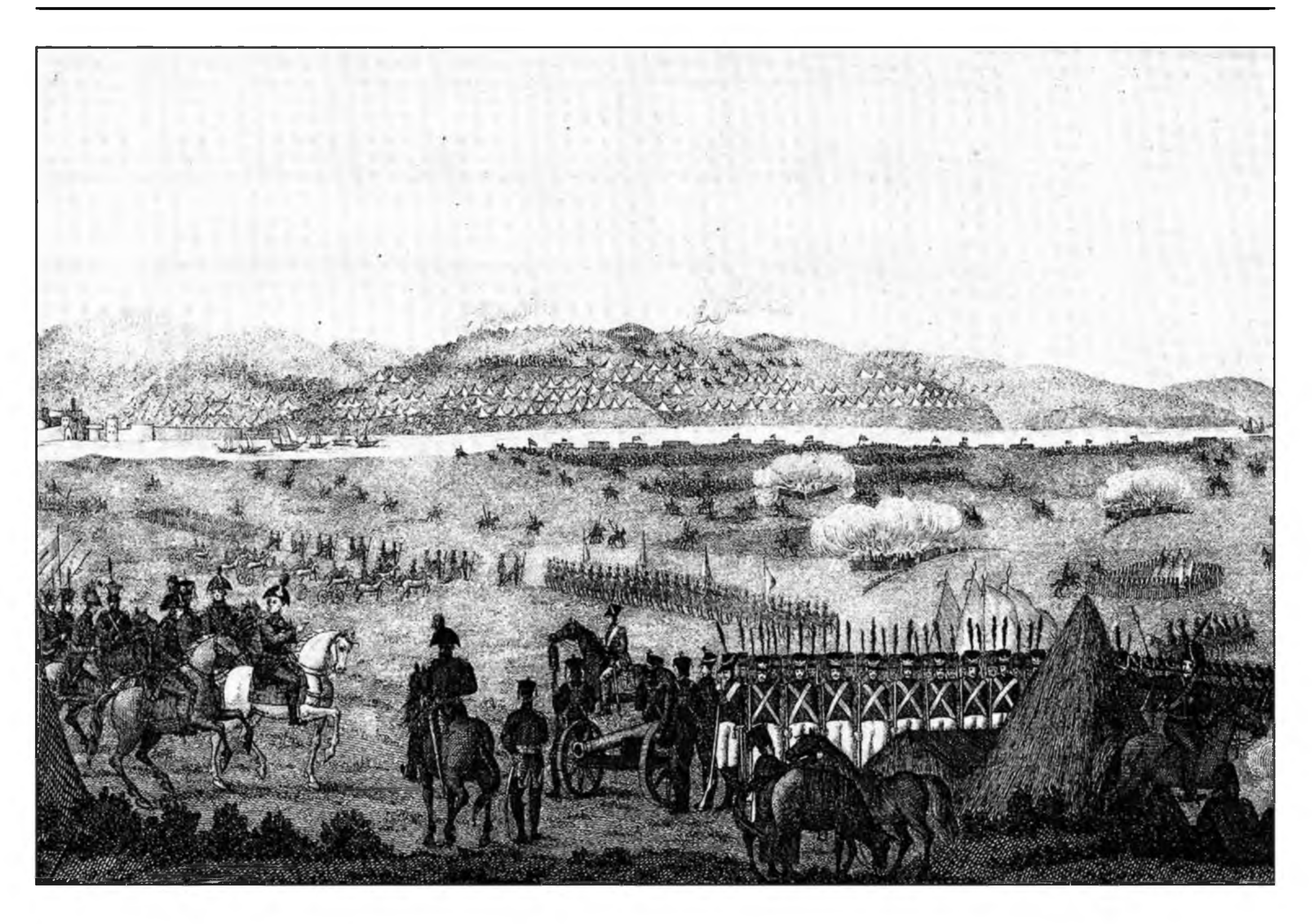
Проводились работы с целью восстановления этой большой крепости, в которой нужно было держать не менее 12 тысяч человек гарнизона. Мы смогли только восстановить укрепления, поставить на них те же пушки, которые были использованы против нас, и пополнить запасы, которые были полностью уничтожены.

По условиям капитуляции турецкие жители покинули город, в котором остались лишь несколько армян и болгар. Артиллерийская бомбардировка уничтожила большую часть домов, а наши войска полностью разорили сады в городе и на прилегающих возвышенностях, которые украшали окрестности.

До июня месяца неприятель дал нам спокойно вести требуемые приготовления. Через Дунай был построен крепкий мост, который выходил на Рущук, наши войска покинули зимние квартиры, выдвинулись к Журже и были готовы перейти на правый берег Дуная. Это спокойствие было нарушено наступательным движением огромной армии во главе с визирем[49].

По получении первых известий об этом, генерал Эссен поручил мне командовать аванпостами, усилил их 5 эскадронами Чугуевских улан и приказал мне обнаружить неприятеля.

В этих разоренных краях, полностью принадлежавших туркам, где на каждом шагу следовало ожидать появления энергичной и предприимчивой кавалерии, исполнение задания представляло трудности. Я оставил эскадрон улан и 200

Сражение при Рущуке

казаков на открытом месте, откуда хорошо просматривались окрестности, а сам вместе с несколькими офицерами и хорошо экипированными казаками продолжил путь. В 30 верстах от Рущука мы вошли в лес, на выходе из которого оказались на высоком берегу маленькой речки, на виду у всего турецкого лагеря.

Наше появление вызвало тревогу, в результате которой крупное подразделение кавалерии переправилось через речку по небольшому мосту. Я успел только оценить величину неприятельского лагеря, и мы галопом направились к лесу. Нас очень энергично преследовали, но у нас были хорошие лошади, и мы легко достигли равнины, на которой турки издали смогли увидеть ожидающие нас основные силы отряда. Турки замедлили свое преследование, и мы спокойно вернулись в наш лагерь.

Получив мой рапорт, генерал Эссен поручил мне передать эти сведения главнокомандующему, который стремительно продвигался к Журже и всячески укреплял армию войсками.

Той же ночью я получил приказ сжечь все села, которые могли бы дать пристанище неприятелю. Они были давно покинуты жителями, что уменьшило сожаление от исполнения приказа.

На следующий день мне снова было поручено обследовать лагерь неприятеля, но в лесу, через который надо было пройти, уже был полон вражеских постов. Я не был взят в плен только благодаря быстроте ног моей лошади.

Тем же вечером вся армия визиря пришла в движение, и заняла большое село Кадыкиой в 16 или 17 верстах от Рущука. Это село в числе других было сожжено нами накануне.

Наши аванпосты занимали ранее село Кадыкиой, они были вынуждены отступить и позволить цепи турецких аванпостов продвинуться на расстояние 8 верст от Рущука.

Мы могли противопоставить неприятелю только два полка казаков и 5 эскадронов улан. Я получил в качестве подкрепления второй батальон этого полка Чугуевского уланского и 5 эскадронов Ольвиопольских гусар.

Командование этим авангардом принял генерал Воинов, который приказал мне взять регулярную кавалерию и отойти на высоты, окружавшие Рущук. Надо было расположиться лагерем таким образом, чтобы перекрыть большую дорогу, опираясь с обеих сторон на сады и виноградники. Надо было взять языка, две следующие ночи мы напрасно старались изо всех сил поймать хотя бы одного турка. На третий день казаки сообщили о 20 турках, спрятавшихся в соседнем лесу в ожидании наших дневных пикетов, имевших задание обследовать опушки леса, с тем, чтобы захватить их. Взяв с собой несколько пехотинцев, я бросился в лес. Казаки окружили лес, а пехотинцы скрытно начали его обследовать. Привязав лошадей к деревьям, турки скрылись в самой густой части леса. Полностью окруженные она не стали сопротивляться и сдались все 20 человек, как и сообщили казаки. Мне оставалось только поздравить себя с этим счастливым случаем, который вместо одного языка доставил нам много пленных, и лишний раз удивиться военной проницательности казаков, которая придавала им чутье охотничьих собак.

20 июня до восхода солнца и при густом тумане мы были разбужены криками наших убегавших казаков и турок, преследовавших их до нашего лагеря. Я едва успел вскочить на коня и броситься в недавно сформированный запасной эскадрон. Ничего не видя, мы, оставаясь на месте, закричали ура, и турки исчезли во мраке. Наши войска выстроились в линию, казаки вернулись, позади фронта на возвышенности расположилась прибывшая этой ночью конная артиллерийская батарея. Туман рассеялся, и при свете зари мы увидели неприятеля, который разворачивал перед нами огромную массу конницы.

Сражение началось стычками между фланкерами с обеих сторон. Видя превосходство неприятеля, я стремился по возможности уменьшить их количество с тем, чтобы не наращивать столкновение, и строго запретил артиллерии стрелять. Картечные выстрелы укрепили горячность турок, а наши опирающиеся на сады фланги внушили им страх перед возможной засадой пехоты. Прибывший генерал Воинов одобрил наши действия. Тем временем, дозорные противника, оказавшиеся более умелыми и многочисленными, чем наши, стали причинять нам большой вред. Настало время эскадронами кавалерии предпринять несколько мелких атак, чтобы отодвинуть их от наших позиций, которые они легко могли прорвать.

Предупрежденный об этом наступлении, главнокомандующий ускорил движение армии, которая прошла мост и город Рущук и стала готовиться к сражению, разворачиваясь позади нашей позиции.

После этого турки начали отступать и вернулись в свой лагерь в Кадыкиой. От пленных мы знали, что это наступление было не более, как усиленной разведкой, которую предпринял визирь со своей отборной кавалерией. На следующий день вся наша армия численностью в 17—18 тысяч человек заняла позицию позади нашего предыдущего лагеря и построилась в две линии каре, 5 каре в первой линии, 4 каре во второй. Вся кавалерия выстроилась по всему фронту в третью линию позади каре, казаки заняли позицию на флангах кавалерии.

22 июня к 9 часам утра нами был замечен неприятель, все полки построились в боевые порядки. Сражение началось столкновением фланкеров, которые стремительно наступали почти до самых штыков наших каре, в это время заговорила многочисленная турецкая артиллерия. Артиллерийская перестрелка с обеих сторон была смертоносной, особенно в центре позиции; небольшая кавалерийская атака угрожала нашему правому флангу, как вдруг огромная масса конницы под сотней знамен с быстротою молнии и невероятной яростью бросилась сквозь две наши линии каре. Не обращая внимания на перекрестный огонь, направленный на нее со всех сторон, она обрушилась на левый фланг нашей кавалерийской линии и развеяла его в пыль. Два казачьих, один драгунский и один гусарский полки исчезли. Сумятица и беспорядок были таковы, что невозможно было больше ничего различить. Большие клубы дыма и пыли увеличивали опасность, и в какой-то момент главнокомандующий решил, что турки проникли к нам в тыл. Чугуевский полк, которым я командовал, не пострадал в этой атаке, прорвавшийся неприятель прошел стороной, преследуя бегущих кавалеристов. Мы развернулись и бросились в атаку. Это наступательное движение в тыл туркам остановило их порыв, наши беглецы остановились, и бой принял равный характер. Лошади турок устали от предпринятой ими внезапной атаки и не могли больше поддерживать пыл своих всадников. Турки в свою очередь поддались и начали искать возможность вернуться садами к своей армии. Горячо преследуемые, они потеряли недавно захваченные у нас орудия полевой артиллерии и большую часть своих знамен.

Мало помалу наша линия кавалерии собралась вновь, и эта яростная атака турок не имела другого результата кроме многочисленных потерь с обеих сторон. Если бы это наступление удалось полностью, то сражение было бы нами проиграно, и мы рисковали быть отрезанными от Рущука.

Жаркая канонада продолжалась, вырывая из рядов нашей пехоты значительное число солдат. Как только наши каре двинулись вперед, неприятельский обстрел уменьшился. Турки поддались, и мы заняли их позицию. Во время боя они энергично рыли ров, и мы потеряли большую часть инструментов, которые они там использовали.

Турки отступали до Кадыкиоя, мы преследовали их несколько верст и с наступлением темноты вернулись, чтобы занять исходную позицию. В этот день

силы неприятеля превышали 70 тысяч человек, его кавалерия показала пример доблести. Наши потери были значительны, и мы должны были быть удовлетворены одержанной победой. Главнокомандующий милостиво выразил удовлетворение моими действиями, все офицеры Чугуевского полка получили знаки отличия за этот бой, я был награжден орденом Святого Георгия.

Весь следующий день мы занимались погребением убитых и устройством на нашем левом фланге редута с целью избежать опасных последствий для нашей позиции, которые могла бы иметь следующая кавалерийская атака противника, подобная той, которая произошла 22-го числа. 24 июня прошло спокойно, и мы рассчитывали, что вместо отдыха пойдем вперед, как вдруг в полночь был получен приказ отступать и перейти по мосту на другой берег Дуная. Мы не могли понять причин этого попятного движения. Произошедшее сражение показало то превосходство, которое давала нам дисциплина перед многочисленностью врагов. Все понимали, что наше отступление придаст неприятелю храбрости и произведет самое плохое впечатление на наших солдат и вообще в Европе.

Первой по мосту прошла кавалерия, затем артиллерия и пехота. Одна дивизия осталась на крепостных валах, а отряд под командованием графа Воронцова расположился вне крепости, со стороны магазина, с тем, чтобы помешать неприятелю использовать это место для разрушения моста.

С другого берега реки были вывезены турецкие пушки большого калибра, которые располагались в крепости, из города были эвакуированы все жители, которые в суматохе и по мере сил стремились вывезти свои вещи и предметы мебели. Мост был заполнен повозками, скотом, страдающими больными, женщинами и детьми, которые беспорядочно бросали дома своих предков и не знали, где им искать укрытие.

Между тем, было приказано собирать солому и деготь, ими заполняли жилища и лавки для того, чтобы этой ночью сжечь Рущук.

Тем временем, с восходом солнца турки двинулись вперед и, не найдя наших аванпостов, обнаружили отступление нашей армии. Преисполненные алчности, они прибыли к городу и начали забрасывать его ядрами и гранатами, что только увеличило царивший там беспорядок.

Вечером, когда в лагере заиграли сигнал к отступлению, полевые пушки, оставленные ранее на валах крепости, стали переправляться по мосту, и под вражеским обстрелом оказался каждый уголок города. Это зрелище было самым впечатляющим и устрашающим из всех, которые только можно было видеть. Я наблюдал его с высот укреплений Журжи.

Огонь неприятельской артиллерии, занимавшей все возвышенности, был виден сквозь сильное пламя, охватившее город на всем его немалом протяжении. Наша пехота находилась на валах, и ее ружейная пальба обозначала их очертания, турки заняли сады и виноградники, отблески выстрелов оттуда освещали окрестности.

Весь лагерь нашей армии, расположенный на левом берегу реки, был освещен этим пламенем. Неяркие огни лагеря и костры, зажженные убежавшими жителями города, были поглощены этим сильным свечением. Луна бросала свой бледный свет на эту яркую сцену, а удивленный Дунай отражал все огни и усиливал впечатление от зрелища. После переправы нашей оставшейся пехоты на другой берег мост был разрушен, и боевые действия прекратились.

* * *

Вся главная квартира расположилась в Журже. Армия встала лагерем на некотором расстоянии от этого небольшого города, поднявшись вверх по берегу Дуная на огромную равнину, где было всего несколько жилых домов. Турецкий лагерь расположился по обеим сторонам Рущука на высотах, господствующих над Дунаем. На протяжении нескольких недель стороны довольствовались только сигнальными выстрелами из пушек, производимыми по утрам и вечерам. Журжа ожила с появлением там нескольких дам и с открытием лавок, но невыносимая жара утомляла наших солдат, количество больных в лагере росло.

Граф Воронцов был направлен в Малую Валахию на соединение с корпусом под командованием генерала Засса, который располагался на левом берегу Дуная перед городом Видин. Ему противостоял неприятельский корпус численностью в 30 тысяч человек.

Через некоторое время генерал Засс запросил новых подкреплений и, я, получив под командование 5 эскадронов улан и одну батарею конной артиллерии, направился к нему.

Двигаясь так быстро, как только было можно, на шестой день мы прибыли в его лагерь. Нам было приказано занять место на левом фланге, состоявшем под командованием графа Воронцова. Несмотря на то, что мы располагали всего 4—5 тысячами человек, наша позиция была очень протяженной. Оба фланга опирались на берег Дуная, который перед городом Видин изгибался дугой радиусом в 10 или 12 верст.

Мы занимали линию в виде хорды перед турецким лагерем, который был зажат в самом узком месте этой дуги и находился почти напротив города Видин. Другая часть турок осталась на другой стороне реки позади крепости. Несмотря на приказания высокого начальства, паша Видина соблюдал строгий нейтралитет, который мы старались поддержать всеми способами. Он продавал туркам продукты питания по очень высокой цене и не позволял своим соотечественникам входить в город иначе, чем маленькими группами и без оружия. Мы, со своей стороны, обещали ему не заготавливать фураж на принадлежащих ему территориях и оказывали ему различные услуги. Справа от наших аванпостов находилась гора Калафет, которая возвышалась над крепостью и лагерем, занятым турками на этой стороне реки. Редуты, ктоРые мы строили один за другим ночью, приближали нас к позициям противника.

Часть нашей флотилии наблюдала за рекой позади крепости, другая ее часть сторожила переправу у Лома, в 30 верстах ниже по течению. Эта переправа была в распоряжении неприятеля, так как он занимал небольшой островок с тем же названием, находящимся на расстоянии пистолетного выстрела от нашего берега.

С целью поддержать благородные и тяжелые усилия сербов, сражавшихся, несмотря на резни и жестокости, за свою независимость как разъяренные тигры, в Сербии находился наш пехотный полк и небольшое количество конницы под командованием генерала Орурка.

Кара-Георгий, предводитель этого столь же храброго, сколь и жестокого народа, показывал примеры нетерпения и ненависти к мусульманам. Эта борьба походила больше на последствия мучений, чем на войну, сражения только усиливали ожесточение с обеих сторон. Тем временем, опасаясь оказаться не в состоянии сопротивляться численно превосходящему противнику, когда лихорадка сильно сократила число наших солдат, генерал Засс был вынужден дать генералу Орурку приказ вернуться со всеми его войсками и на время оставить сербов сражаться самим.

Ежедневно укрепляющиеся на островке Лом турки угрожали нашим коммуникациям и спокойствию всей Малой Валахии. Надо было избавиться от этой опасности. Подполковнику Энгельгардту было приказано занять островок и укрепиться там. Силами двух пехотных батальонов и при помощи орудийного огня с судов нашей флотилии, ему удалось захватить островок и его укрепления, а также взять в плен сильный гарнизон в 500—600 человек. В этом столкновении мы потеряли молодого Обрезкова, офицера, подававшего самые лучшие надежды. Мне было поручено командовать аванпостами, что было непросто из-за близости к неприятелю, его ядра проносились над нашими головами, а наши пикеты стояли на расстоянии ружейного выстрела от него. Особые предосторожности надо было предпринимать по ночам, и часто мы были вынуждены бросаться на помощь нашим аванпостам. Наш лагерь покрывали укрепления, которые были сооружены ночью и служившие в случае необходимости укрытием нашим пикетам. Они позволяли простреливать позиции противника.

Однажды, когда в обоих лагерях царило полное молчание, мы были подняты по тревоге пушечными и ружейными выстрелами, которые одновременно звучали на позициях противника и в крепости. Вскоре стало ясно, что это победный салют, и от этой мысли нас бросило в дрожь. Видинский паша прислал свои извинения за то, что открыл огонь по нам, объяснив это тем, что был вынужден сделать это для того, чтобы отпраздновать победу визиря, одержанную у Журжи, и полное уничтожение нашей армии. На следующий день генерал Засс получил приказание главнокомандующего оставить позицию, уйти из Малой Валахии и постараться соединиться с ним в окрестностях Бухареста. К счастью, это безнадежное намерение не было выполнено. Храбрый генерал Засс верно рассчитал, что, если в Большой Валахии все было потеряно, то он не успеет прибыть туда вовремя и со своей горсткой людей не сможет оказать там сильной поддержки.

М.И. Кутузов. 1811

С другой стороны, уйдя с позиции, он предоставит воодушевленному неприятелю возможность преследовать себя, вследствие чего нам придется оставить свои запасы, больных, обозы, и отдать всю Малую Валахию на жестокое разграбление. Вместе с тем, нам следовало опасаться быть полностью отрезанными от основных сил.

Только через несколько дней мы получили подробные известия о переправе визиря через Дунай, и нам стало ясно, насколько прав был генерал Засс, который не стал торопиться с выполнением первого полученного приказа, замененного приказом действовать по обстоятельствам.

В Рущуке из остатков домов турки построили плоты и шлюпки, на которых при поддержке артиллерии, наполовину вплавь, на досках они форсировали Дунай и высадились на нашем берегу. Полученные первые известия об этом командование не расценило как угрозу и удовлетворилось посылкой одного батальона для того, чтобы сбросить десант в реку. Батальон был обращен в бегство. Наспех переправившиеся турки сражались и одновременно активно старались восстановить укрепления перед старым мостом, расположенным неподалеку от пункта их высадки. На место действия направлялись все новые полки и батальоны, ночной мрак не давал провести разведку и верно оценить силу неприятеля. Наши атаки отражались с невиданной храбростью. С рассветом стала видна огромная масса

турок, постоянно усиливающаяся новыми войсками, которые были готовы наброситься на нашу армию. Мы были слишком слабы и отступили. Не вызывает сомнения, что, если бы противник был верно осведомлен о наших возможностях, то он решился бы атаковать, и тогда, возможно, даже остатки нашей армии никогда не увидели бы Россию. Судьба кампании, да и всей войны с турками, могла зависеть от этого момента.

Но к счастью, турки не осмелились продолжить свое наступление, их пыл угас, и они удовольствовались тем, что восстановили предмостные укрепления. В последующие дни происходили кавалерийские стычки, которые ничего не дали, наша армия укрепилась, войска вернули себе мужество. Дисциплина и талант взяли верх над безрассудством и многочисленностью. Главнокомандующий приказал соорудить укрепления, которые вначале мы защищали, а потом он полностью окружил и заблокировал всю переправившуюся армию неприятеля. Такое положение продолжалось несколько месяцев, и вскоре эти же самые турки, которые могли нас сокрушить, стали бояться за свою безопасность.

В это время, под впечатлением успехов визиря, неприятельский корпус, противостоявший войскам генерала Засса, покинул свои укрепления и предпринял неловкую попытку атаковать нашу позицию. Вначале турки попытались захватить наши редуты, но, будучи отбиты, устремились между нами и оказались на равнине. Там они сожгли часть нашего лагеря и почти разделались с одним из наших каре. Отброшенные непоколебимой стойкостью наших войск, они кончили тем, что укрепились на горе Калафат, ранее занятой нашими аванпостами и находящейся правее нашей позиции. Тем самым турки оказались в значительно более выгодном положении, так как прежняя их позиция простреливалась нашими редутами, а огонь оттуда доставлял им сильное беспокойство.

Наши потери не были столь значительны, как надо было ожидать от этого боя. Войска принялись за восстановление лагеря и за возведение новых редутов. Мы старались путем устройства волчьих ям обезопасить себя от новых атак неприятеля. К несчастью, я заболел лихорадкой и был вынужден вернуться в Крайову.

Часть турецкой армии была еще на другой стороне Дуная, и, поднявшись вверх по реке, перенесла свой лагерь под Видин. Турки пасли своих лошадей напротив нашего правого фланга, и забавлялись тем, что переходили на островок, находившийся позади нашей позиции. Граф Воронцов был послан переправиться через реку выше по течению и атаковать неприятеля там, где он чувствовал себя в полнейшей безопасности. Эта диверсия была проведена со всем присущим этому генералу талантом и храбростью, и полностью удалась. Захваченный врасплох неприятель был разбит, его преследовали на виду у нашего лагеря и турецкого лагеря на горе Калафат вплоть до стен Видина. Граф Воронцов расположился на возвышенности нашего правого фланга, занял и укрепил островок. За несколько дней удержания этой позиции турки не осмелились выбить его оттуда, граф Воронцов, оставив на островке гарнизон с пушками, переправился обратно и присоединился к генералу Зассу.

Вскоре мы получили радостную новость о том, что генерал Марков форсировал Дунай возле Рущука и полностью разбил армию визиря. Это сообщение преисполнило нас радостью, тем более что ухудшение погоды заставляло нас желать окончания кампании. Чтобы отплатить туркам за то ужасное впечатление, которое произвел на нас их радостный салют в честь успешных действий армии визиря, все наши войска выстроились в боевом порядке и по сигналу, данному пушками редутов, победа была отпразднована троекратным залпом.

Паша Видина прислал спросить, что мы празднуем, причина была ему сообщена. С этого момента он удвоил свою предупредительность по отношению к нам, турецкая армия больше не доставляла нам беспокойства.

После того, как главнокомандующий плотным кольцом обложил предмостные укрепления, сооружение которых было оплачено гибелью лучших войск турецкой армии, он принял решение отправить генерала Маркова переправиться через Дунай выше по течению так, чтобы неприятель этого не заметил. Переправа произошла ночью, и с рассветом наши войска стремительно бросились на турецкий лагерь, расположившийся на высотах, окружавших Рущук. Захваченные врасплох турки почти не оказали сопротивления, одни укрылись за стенами крепости, другие в беспорядке бежали до Кадыкиоя. В наши руки попал весь лагерь вместе с лавками, лошадьми, пушками и ценными вещами, которыми воспользовались наши солдаты и казаки. Пушки были немедленно повернуты против предмостных укреплений, которые были обстреляны с тыла. Суда нашей флотилии, которые из-за этих пушек были вынуждены держаться в отдалении, спокойно приблизились к предмостным укреплениям и стали посылать гранаты в спину туркам, в то время, как редуты обстреливали их с фронта. Следующей ночью, находившийся внутри предмостных укреплений визирь на маленькой лодочке сбежал оттуда и укрылся в Рущуке. В лагере, обстреливаемом артиллерией со всех сторон, осталось 25 тысяч несчастных, которые не могли надежно укрыться от огня. Не имея ни припасов, ни надежды соединиться со своими основными силами, они через несколько дней перестали отвечать на наш огонь. Лагерь был полон трупов и павших лошадей; несмотря на то, что он находился на берегу реки, осажденные не могли утолить жажду, не подставив себя под смертоносный огонь нашей флотилии. Они умирали от голода и холода, делом чести было предложить им сдаться. Отправленный с этим сообщением офицер был поражен ужасными условиями и зараженностью лагеря. В качестве ответа нам сообщили, что никогда лагерь не примет никакую капитуляцию. Тем не менее, было слишком жестоко продолжать обстрел, тогда как турки больше не отвечали на наш огонь.

Ненастное время года продолжалось, дожди и грязь ослабляли и утомляли нашу армию. Всем хотелось мира. Было известно, что в турецком лагере находились молодые люди из самых известных семей Константинополя, и что они готовы скорее умереть, чем сдаться в плен. Тогда хитрый и ловкий генерал Кутузов предложил, как знак уважения доблести, каждый день посылать в лагерь пищу. Для паши и, в особенности, для командующего посылалось все, что можно было

найти из еды и для поддержания достатка. Эти дары принимались с благодарностью, но не в качестве условия капитуляции. Тем временем, отношения становились все более оживленными и дружескими, туркам было разрешено писать домой. Они не преминули расхвалить великодушие русских и нарисовали ужасающую картину положения, в котором они оказались. Отцы этих храбрецов, в том числе некоторые представители высшей знати Империи, стали желать мира, чтобы спасти своих детей. Они рассматривали сдержанное поведение русского главнокомандующего, как доказательство легкости, с которой наше правительство будет вести переговоры. В конце концов, генерал Кутузов, уставший от непогоды и от страданий наших солдат, предложил турецкой армии выйти из лагеря с оружием, пушками, обозами и со всеми воинскими почестями, а затем отправиться на зимовку в несколько указанных ей деревень. Условием было то, что ни один турок не будет пытаться перейти через Дунай, и что будет объявлено полное перемирие до тех пор, пока не продолжится кампания. Если же мир не будет заключен, то турки вернутся в свое предмостное укрепление, и будут продолжать его защищать. Турки приняли это выгодное и вызывающее удивление предложение, и кампания закончилась.

Неприятельский корпус, который с горы Калафат угрожал Малой Валахии, пересек Дунай и исчез, что позволило корпусу генерала Засса уйти на зимние квартиры.

Генерал Кутузов с триумфом вернулся в Бухарест, где праздники и увеселения сменили тяготы и опасности войны.

* * *

После нескольких недель пребывания в главной квартире я направился в Петербург. Судьба привела меня за кулисы. Я не мог покинуть этот французский театр, который уже доставил мне столько удовольствий и огорчений, и чтобы перепробовать все жанры, я обратился к королеве оперы. Мадам Филисса прекрасно играла и пела самым соблазнительным голосом, она обладала живостью и прекрасной фигурой. Мои связи с трагедией, а затем с комедией, не позволили мне раньше обратить к ней свои стремления. Её суровая преданность своему мужу и его ревность не позволили мне следовать своим влечениям, но любовь побеждает любые рациональные доводы, и я мечтал только о том, чтобы утвердиться в доме Филиссы. Я стал другом мужа, сестры, братьев и кончил тем, что более не покидал это общество, которое с каждым днем притягивало меня все больше и больше.

Филисса была слишком умна, чтобы не заметить цели моего усердия. Но, находясь под суровым контролем и любя своего мужа, она очень нескоро и с большими оговорками позволила мне сказать ей о своей страсти. Она удвоила количество знаков дружеского расположения, не позволяя мне надеяться на большее.

1812

Целыми днями мы были рядом, и моя любовь росла. Казалось, она опасалась довериться человеку, который бросался от одного приключения к другому, и, возможно, присоединил к своей любовной переписке и те письма, которые она могла бы ему написать. Я поспешил принести ее сестре подборку таких писем и сжег их все; я отдал ей также все портреты и подарки, которые получал. Такое доверие тронуло Филиссу, и в тот же вечер в театре, во время ее одевания перед выходом на сцену, когда я с горячностью рассказывал ей о своих чувствах и огорчениях, я услышал в ответ, что она тоже меня любит, и что я со своего места в зрительном зале должен следить за ее взглядами, так как она посмотрит только на того, кого любит.

Полный беспокойства, я занял свое место и более, чем когда-либо внимательно следил за ее прекрасным лицом все то время, пока она была на сцене. Я изучал, опасался и надеялся; я не увидел, чтобы она посмотрела на кого-нибудь, только, уходя со сцены, она бросила на меня свой взгляд, полный доброты.

После окончания спектакля, полный беспокойства и ревности, я бросился в ее ложу и спросил, на кого же она смотрела. С той прекрасной наивностью, которая была для нее характерна, она ответила, что это был я, и наполнила меня радостью. Нам осталось только найти способ видеться, это было самое трудное. Мы искали этот способ, когда Корсиканец объявил войну. Я был оторван от мира прекрасных грез и покинул Петербург, чтобы оказаться в Вильне до приезда Императора.

Надо было расставаться. Мы обещали писать друг другу и поддерживали переписку почти год. Мой товарищ граф Браницкий был возлюбленным сестры Филиссы мадам Бертен, они жили вместе, и их расставание только усилило печаль нашего прощания.

Император не замедлил последовать за нами, и вся императорская семья собралась в Вильно. Гвардия покинула Петербург, и вся собиравшаяся со всех сторон армия приблизилась к границам.

Наполеон собрал под свои деспотичные знамена войска различных наций: подданных своей Империи и покоренных ею стран. Когда он был в Дрездене, ему подчинилась Австрия, побежденная Пруссия вооружалась в его поддержку, все князья Рейнской конфедерации, Италия, Голландия и Испания посылали своих солдат к нашим границам. А в Вильно еще сомневались, будет ли война.

Поляки даже на глазах Императора не скрывали своих надежд и желали нам поражения. На хвастовство этой нации, всегда исполненной заблуждения и злоупотребляющей милосердием, Император отвечал только своей ангельской добротой и тем спокойствием, которое не могло быть ничем нарушено.

Под предлогом переговоров Наполеон направил генерала Нарбонна осмотреть нашу главную квартиру. Он всем понравился своими обходительными манерами и любезной рассудительностью. Однажды, находясь в зале, где собиралась свита Императора, он поинтересовался фамилиями некоторых находившихся

там людей. Ему их назвали и заметили, что многие из перечисленных обладают доходом не в одну сотню тысяч рублей. Вот, сказали ему, люди, которые, по мнению Вашего императора, были куплены за английское золото.

После его возвращения в главную квартиру Наполеона, господину Нарбонну часто задавали вопрос о том, какое настроение царило при дворе Императора Александра. Он отвечал французским генералам, что увидел только настоящий патриотизм без хвастовства и спокойствие, написанное на лице Императора и всей армии.

Во время ожидания в Вильно происходили балы и праздники, и наше длительное пребывание в этом городе более походило на приятное путешествие, чем на приготовления в войне.

Тем временем, Наполеон приблизился со стороны Немана, наши части тоже сосредоточились. Наша главная армия под командованием генерал-аншефа Барклая де Толли могла собраться в окрестностях Вильны, вторая армия под командованием князя Багратиона находилась в Волыни и могла двинуться в самый центр Герцогства Варшавского.

Еще один корпус под командованием графа Витгенштейна стоял в Шавлях и прикрывал Ливонию.

Первоначальный план кампании был разработан генералом Фулем, он состоял в том, чтобы не объединять армии генерала Барклая и князя Багратиона. Предлагалось передвигать армии, как фигуры на шахматной доске, одна выдвигалась вперед, вторая отступала назад с тем, чтобы нейтрализовать продвижение Наполеона. Но при этом забывалось, что мы могли выставить только 150 тысяч человек против самого предприимчивого полководца, который обрушился на нас во главе 450 тысяч человек. Это означало, что он располагал нужными силами, даже с излишком, для того, чтобы разбить обе наши армии одновременно. Мы еще гадали, обсуждали способ действий, ставили под сомнение неизбежность войны, когда Наполеон появился на берегах Немана и когда Император Александр своим решительным и исполненным веры манифестом возвестил о своем решении сражаться и защитить нацию.

Подобно Ксерксу, Наполеон поднялся на гору близ Ковно и различил у своих ног всю эту огромную армию. Увиденная им территория России усилила его нетерпение и он, поприветствовав с энтузиазмом эту огромную массу солдат, бросился в сражения 1812 года, в конце которых от гигантской армии не осталось ничего, кроме кровавого следа.

Известие об этом переходе через Неман заставило отступить все наши войска, наблюдавшие за рекой, в Вильне были сделаны все необходимые приготовления.

Отъезд из Вильны императорской ставки, всех военных и гражданских чиновников со своими семьями, толпы горожан, которые по разным причинам следовали за нами, вызвал настоящую суматоху.

Огонь с четырех углов или пятеро братьев
(Наполеон делит Европу между родственниками)

Остановились все только в Свенцянах, где стояла гвардия, и где соединились части армии. Сразу после приезда Император меня вызвал и направил к князю Багратиону передать свои приказания.

Император желал, чтобы он приблизился к армии генерала Барклая с таким расчетом, чтобы при необходимости соединиться с ней. Перед отъездом он сказал мне: «Передайте князю, что, возможно, Бонапарт, верный своей методе, пойдет по дороге к столице, и захочет устрашить Россию, двигаясь на Москву. Но ничто не заставит меня сложить оружие, пока враг находится внутри наших границ». Я поехал через Сморгонь и Новогрудок и нашел армию князя Багратиона за Слонимом. Передав привезенные приказы и объяснив движения, которые предполагала совершить наша главная армия, чтобы прибыть на Дрисскую позицию и дать там сражение, я направился в главную квартиру Императора. Так как сопровождаемые поляками неприятельские партии выдвинулись от Вильно к Сморгони и пытались стать на коммуникациях между двумя нашими армиями, я был вынужден сделать большой крюк. Я проехал через Минск и нашел Императора в Видзах.

Наполеон вошел в Вильну без боя и был там принят с меньшей радостью, чем он мог рассчитывать. В неясных выражениях он говорил с поляками об их независимости, призывая их в то же время вооружаться против России, приносить

в жертву своей родине людей, средства и, в особенности, слепо повиноваться его приказаниям.

Пересекая границы нашей империи, он обвинил Россию в развязывании войны, а нашего посла князя Куракина в том, что он объявил ее.

Император направил к нему в Вильну своего генерал-адъютанта Балашова, который должен был ему объявить, что нота князя Куракина составлена не по его (императора) приказаниям, и что если французская армия отойдет обратно за Неман, то агрессия будет считаться несостоявшейся.

Наполеон ответил, что раз ему дали войти в Вильну и ему там понравилось, то он там останется, что армия князя Багратиона будет неизбежно отрезана и разбита, и что даже без боя он уже взял несколько тысяч пленных. Император не мог игнорировать результаты миссии генерала Балашова, но, не желая выходить за пределы сдержанности и скромности, которыми были отмечены все его действия, он решил еще раз подтвердить их и не дать своим подданным ни одного повода упрекнуть его.

Наполеон, потративший некоторое время на устройство польских провинций, назначил Вильну основным местом расположения своих магазинов и администрации своей армии, сделав ее отправной точкой своих операций. Он приказал преследовать нашу главную армию практически всеми своими силами, назначил один корпус для наступления против графа Витгенштейна, и направил короля Вестфалии со всем корпусом маршала Даву, чтобы отрезать и раздавить армию князя Багратиона.

Едва возвратился я в Видзы, как Император во второй раз послал меня к князю Багратиону. Ввиду того, что моя поездка представлялась очень опасной, он не дал мне письменных приказов, я должен был все объяснить князю устно. Я поехал через Дриссу, Борисов и Минск. Приближаясь к последнему городу, я встретил губернатора[50] и всех чиновников, которые поспешно спасались бегством. Они советовали мне не появляться в Минске, заверяя, что неприятель обязательно войдет в него. В это время я уже не мог поехать другой дорогой и, по счастью, мне удалось проехать через город всего за час до прихода туда французов. Я нашел армию князя Багратиона в Несвиже и сообщил ему новость о захвате Минска королем Вестфалии. Князь занимал в Несвиже временную позицию, в то время как его арьергард под командованием генерала Платова разбил и полностью рассеял значительные силы кавалерии, которые неприятель выслал для его преследования. Это блистательнейшее дело несколько охладило пыл польской кавалерии и предоставило больше свободы движениям князя Багратиона, и тот решился упредить противника в Могилеве.

Я передал эти сведения Императору, для чего оказался вынужден проехать через Бобруйск, Могилев и Полоцк, и присоединился к нашей главной армии в Дрисском лагере.

Этот лагерь, расположенный на левом берегу Двины в том месте, где река делает большой изгиб, был выбран генералом Фулем. Единственными путями

сообщения и отхода являлись три моста, перекинутые через реку позади позиции. Над этим лагерем почти господствовала близлежащая местность, которую мог захватить неприятель. Сам лагерь был укреплен с огромными усилиями, и в нем были собраны огромные магазины. Эта позиция не давала ни одного преимущества из числа тех, которые обычно предполагаются в подобных случаях. Она не прикрывала подход к большой дороге, не заставляла противника ни атаковать, ни прекратить движение вперед. Она могла быть обойдена с любой стороны, неприятель мог форсировать Двину или даже избрать другое направление движения с тем, чтобы вторгнуться во внутренние территории Империи, оставив Двину слева, и направить основные силы к Могилеву. Превосходство его сил позволяло не опасаться за коммуникации в этой местности, где основная часть населения была настроена в его пользу. С наибольшей силой недостатки этого лагеря были выражены во фразе, сказанной генералом Паулуччи генералу Фулю, который все еще защищал выбор этой позиции, несмотря на недовольство всей армии. Он сказал: «Этот лагерь был выбран либо предателем, либо глупцом, выбирайте, мой генерал».

Император, слишком скромно еще оценивавший собственные военные таланты, поверил в этом отношении голосу своей армии и, к счастью, покинул Дрисский лагерь, предоставив его всеобщей критике. Армия переправилась через Двину и по правому берегу небольшими переходами направилась к Полоцку, куда неприятель уже выслал своих конных разведчиков, обнаружив свое намерение упредить нас и в Витебске.

Граф Витгенштейн перешел Двину в Динабурге с корпусом, уступавшим в численности корпусу противника, и уже начал ту смелую борьбу, в которой он сумел сохранить берега Двины в качестве театра своих подвигов, послужить щитом для всех соседних с Петербургом губерний, и положить на весы успехов войны столь же значительный, сколь и славный груз.

Между тем король Вестфалии, стремясь отрезать армию князя Багратиона, спешил занять Могилев. Он прибыл туда лишь ненамного раньше прихода русского авангарда. Перед городом разгорелся ожесточенный бой. Генерал Раевский проявил в нем все свое бесстрашие, и храбрые войска под его командованием выдерживали все новые и новые атаки неприятельских колонн, пока основные силы князя Багратиона не переправились на другой берег Днепра, в результате чего планы противника были сорваны. Наполеон был настолько раздражен этим, что отстранил короля Вестфалии от командования и отправил его Германию.

Император покинул армию в Полоцке и вернулся в Москву для того, чтобы своим присутствием там подержать энтузиазм и упорство всех слоев нации.

Армия генерала Барклая де Толли прибыла в Витебск, где она снова переправилась через Двину и заняла позицию слева от города, имея сильный авангард по другую сторону небольшого ручья, впадающего в Двину и образующего довольно глубокий овраг.

Граф Петр Пален командовал этим авангардом. Многочисленный неприятель приблизился к нему и сразу развернул свои силы. Бой был продолжительный и кровопролитный, наши войска, сохраняя хороший порядок, отступили до оврага. Там, будучи преследуем только кавалерией, граф Пален сосредоточил свою конницу в одном месте и атаковал с такой стремительностью, что отброшенный неприятель, опрокинутый на свою пехоту, не осмелился продолжать движение. Обе армии стали лагерем на виду друг у друга на расстоянии 3—4 верст.

В Витебске было получено известие о заключении окончательного мира с Турцией. Этим мы полностью были обязаны ловкости генерала Кутузова. Мир являлся чудом тем более счастливым и удивительным, что вторжение Наполеона должно было оказать помощь туркам, и его посол в Константинополе именем будущих побед своего императора обещал им возвращение Крыма и всех завоеванных Россией территорий.

Благодарственный молебен по случаю заключения мира, отслуженный с большим чувством, стал для нас предзнаменованием Божественного покровительства и расстроил политические стремления и надежды наших врагов.

По приказу Императора главнокомандующий направил меня в Смоленск в распоряжение генерала Винценгероде, который собирал там запасные батальоны и эскадроны. С огорчением я покинул армию и направился к месту нового назначения.

На следующий день генерал Барклай де Толли покинул позицию под Витебском и, избрав направление на Поречье, двинулся к Смоленску. На выходе из города арьергард под командованием графа Палена провел очень удачное кавалерийское дело.

Со своей стороны князь Багратион, ловко нарушив неприятельские планы, также выдвинулся к Смоленску. Отряд его армии, состоявший под начальством храброго генерала Неверовского, целый день отражал постоянно возобновлявшиеся атаки французов под Красным. Потеряв почти всех людей и, будучи ранен сам, своим упорным сопротивлением Неверовский сумел прикрыть отступательное движение князя Багратиона. Обе армии, не будучи расстроены, к большому удивлению Наполеона, наконец, соединились 22 июля в Смоленске.

Часть армии стала лагерем на высотах правого берега реки Днепр, другая часть расположилась на левом берегу под древними стенами города, которые на протяжении веков защищали Смоленск. В разрушенные временем бойницы поставили пушки, и Смоленск, старинный свидетель несчастий России, приготовился к новым бедствиям.

Я последовал за генералом Винцергероде, который получил приказ отправиться на Духовщину и принять командование над Казанским драгунским полком и тремя казачьими полками, собранными там с этой целью.

Назначением этого отряда было поддерживать сообщения главной армии с войсками графа Витгенштейна, защищать внутренние районы страны от неприятельских отрядов и фуражиров, а также, сообразуясь с обстоятельствами,

действовать в тылу французской армии, не теряя, однако, из вида движений графа Барклая де Толли.

Наполеон приближался к Смоленску, и вражеские отряды из состава 4-го корпуса проникли до Поречья, Велижа и Усвят. Генерал Винценгероде избрал направление между Поречьем и Велицами с тем, чтобы затруднить неприятелю производство реквизиций, в которых тот уже испытывал величайшую нужду. Получив известие о том, что Велиж занят двумя батальонами, генерал решил попробовать выбить их оттуда. Он поручил мне командовать авангардом, оставив себе драгунский полк для того, чтобы овладеть входом в город.

Еще до рассвета я атаковал французские пикеты и согласно диспозиции двинулся влево, чтобы войти в город по другой дороге и освободить путь колонне, предводимой генералом. Если бы мне удалось быстро ворваться в город, то дело, может быть, имело бы успех, но неприятель, вероятно, предупрежденный о наших действиях, встретил казаков столь плотным ружейным огнем, что никто не решился продолжить атаку. Опасаясь бесполезно потерять много людей, генерал Винценгероде приказал прекратить бой.

Желая воспользоваться нашим отступлением, неприятель вывел из города до сотни кавалеристов, но они были так энергично встречены и преследуемы до города, что мы могли спокойно кормить своих лошадей на очень небольшом расстоянии от Велижа.

На следующий день генерал Винценгероде направился к Усвятам. Неприятель уступил эту позицию без боя, и мы его преследовали по дороге на Витебск. Усвяты были очень удобно расположены, мы остались там несколько дней, употребив их на прочесывание местности небольшими партиями, всюду нападавшими врасплох на вражеских мародеров и захватывавшими почти без боев значительное число пленных.

4-й корпус покинул окрестности Суража, чтобы присоединиться к Наполеону, который после кровопролитных боев под Смоленском последовал за нашей армией по дороге на Москву. Генерал Винценгероде направился к Витебску, желая, насколько позволяли его силы, тревожить коммуникации противника.

Он выслал меня во главе 80 казаков к своему правому флангу в Городок, чтобы очистить этот край от французских мародеров, но главным образом для того, чтобы получить известия от корпуса графа Витгенштейна.

Генерал Винценгероде прибыл к воротам Витебска и навел страх на его гарнизон, поспешивший как можно быстрее притянуть со всех окрестностей свои караулы и фуражиров, значительная часть которых попала в руки наших казаков; между тем в Городке я захватил врасплох вражескую партию и оттуда направился на Полоцк. В ходе этого марша, столь же смелого, сколь и хорошо спланированного, генерал Винценгероде взял более 800 пленных, из которых мне посчастливилось захватить 300.

Уже в это время дезорганизация и упадок дисциплины заметно проявились в разнородных войсках, составлявших гигантскую армию Наполеона, что могло бы стать предзнаменованием ожидавшей ее катастрофы.

Получив известия о новом направлении, принятом графом Барклаем де Толли, генерал Винценгероде, с целью приблизиться к нему, двинулся, по очищении всей этой местности, на Велиж, который неприятель был вынужден оставить вследствие нашего движения к Витебску. Через одного еврея генерал прислал мне приказ идти без остановок на присоединение к нему.

Мы не могли достаточно нахвалиться усердием и приверженностью местных евреев, тем более похвальной, что они должны были опасаться мести со стороны французов и населения. Но, опасаясь еще больше возвращения польского правительства, при котором их подвергали всяческим несправедливостям и насилиям, они горячо желали успеха нашему оружию и помогали нам, рискуя своей жизнью и даже своим имуществом.

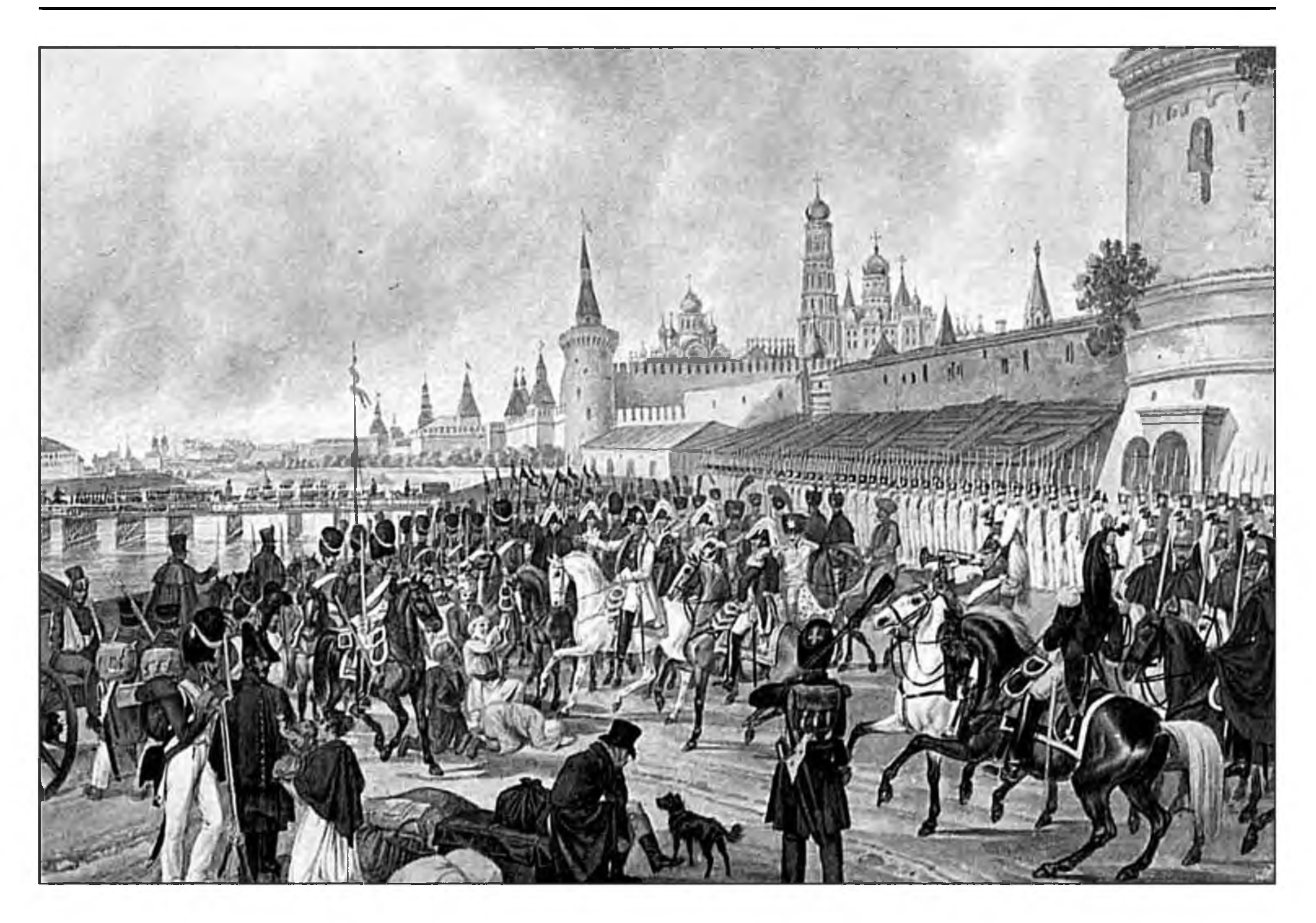
Дворяне этих губерний Белоруссии, которые всегда были отбросами польской знати, дорого заплатили за свое желание выйти из-под влияния России. Их крестьяне сочли себя избавленными от ужасающего и унизительного рабства, под гнетом которого они пребывали благодаря скупости и распутству этих дворян. Почти во всех деревнях жители взбунтовались, разломали мебель в господских домах, уничтожили фабрики и все заведения и находили в разрушении жилищ своих мелких тиранов столько же варварского наслаждения, сколько последние употребили искусства, чтобы довести их до нищеты.

Французская стража, исходатайствованная этими дворянами для защиты от своих крестьян, еще более усилила бешенство народа, а жандармы оставались сторонними наблюдателями беспорядков, или не имели средств, чтобы им помешать.

За 36 часов я проделал путь в 124 версты и прибыл в Велиж в тот момент, когда генерал Винценгероде готовился оттуда выступить. Мы направились к большой дороге, идущей от Витебска через Поречье и Духовщину к Дорогобужу. Одна из наших партий, высланных в Поречье — маленький городок с чисто русским населением, была там столь храбро поддержана усердными и отважными жителями, что захватила более 150 пленных.

Так как мы находились в самом тылу французской армии, наши марши становились более трудными и часто останавливались неприятельскими партиями, которые со всех сторон наводняли здешний край, жгли и грабили деревни. Повсюду находили мы следы произведенных ими опустошений и святотатств, и везде мы спешили на помощь несчастным жителям. Их рвение, до прихода нашего отряда никем не руководимое, придавало им мужество, но в то же время, наводило ужас на места, удаленные от опасности.

Для устранения указанного неудобства и успокоения внутренних районов страны, наш отряд двинулся на Белый, уже покинутый своими жителями. Вид наших войск и пленных, количество которых увеличивалось на каждом переходе, произвел самое лучшее впечатление и придал смелости нескольким помещикам

Пожар Москвы в 1812

и нескольким исправникам, которые вооружили крестьян и начали организованно и умело действовать против общего врага.

Сцен, происходивших в Белоруссии, более не случалось. Мы вступили в недра коренной России. Дворяне, священники, купцы, крестьяне — все были одушевлены одним духом, все объединились на борьбу и уничтожение дерзких чужеземцев, перешедших наши священные границы. Повсюду мы встречали только самое геройское самопожертвование, слепое повиновение и, что удивило нас самих, трогательную привязанность крестьян к своим господам.

В одной деревне, принадлежавшей княгине Голицыной, где при входе нам оказали отважное сопротивление несколько неприятельских мародеров, мы были вынуждены спешить драгун и выломать двери домов, откуда они в нас стреляли. Все они были убиты. Овладев деревней, мы напрасно искали ее жителей. Все избы были пусты, красивый и большой дом княгини был открыт со всех сторон и оставлен на разграбление и опустошение. Осмотрев этот дом, где остались нетронутыми только напольные часы, продолжавшие бить среди разрушения, я отправился посмотреть сад и вошел в прекрасную оранжерею. В конце этой оранжереи я увидел нескольких крестьян; когда я подходил, один из них прицелился в меня; одно выразительное слово, которое я поспешил ему крикнуть, остановило его и заставило узнать во мне русского, который пришел украдкой посмотреть на

то, что сделал враг в этой деревне. Восхищенные известием, что французы убиты, они вскоре собрали всех жителей деревни и доставили все необходимое для нас продовольствие и фураж для наших лошадей. Один из крестьян, обратившись от имени всех, попросил позволения утопить одну из женщин деревни. Удивленные этим предложением, мы пожелали узнать его причину. Они нам рассказали, что по отъезде княгини, не сделавшей никаких распоряжений, они сами вырыли ямы в погребе и, спрятав туда серебро и наиболее ценную утварь, заложили их камнями, и что женщина, смерти которой они добивались, имела низость показать эти ямы французам. Мы решили, что они не имеют права топить эту несчастную, но что когда она выздоровеет, они могут ее высечь.

Я заметил этим добрым крестьянам, что, возможно, женщину принудили к тому побоями, и был поражен изумлением, когда они мне отвечали, что ее действительно долго секли, и что она очень больна вследствие этого, но «разве это повод, чтобы предать интересы нашей хозяйки?»

На основании такого убедительного доказательства привязанности крепостных к своей госпоже, мы думали, что она должна была быть для них ангелом доброты, и наше уважение к этим храбрым крестьянам еще более возросло, когда мы узнали, что она была ими ненавидима.

Из Белого мы двинулись в Покров на Дорогобужской дороге, высылая партии в ближайшие окрестности и к разным пунктам большой дороги, ведущей из Смоленска в Москву. Каждый верстовой столб, приближавший нас к этой столице, был огорчением для нас и для каждого солдата; удрученные скорбью мы отдавали наши губернии и их великодушных жителей на разорение неприятелю. Сколько проклятий снискал честный и храбрый генерал Барклай, который, отступая согласно мудрым указаниям Императора, принимал на себя ненависть народа и солдатский ропот. Эта прекрасная самоотверженность была во сто раз достойнее похвалы, чем все победы, которые впоследствии увенчают его лаврами и доставят ему титул князя и звание фельдмаршала. Пройдя от Покрова до Воскресенска и следуя постоянно в нескольких переходах позади фланга нашей армии, мы направились в Тесово, что между Гжатском и Сычевкой, причем по мере приближения к столице война принимала все более жестокий и разрушительный характер. Женщины, дети и домашний скот укрывались в лесах, между тем как крестьяне, вооруженные трофеями, добытыми у французов, спешили защищать свои храмы, поджигали свои дома и готовили пытки для тех несчастных, кто попадал к ним в руки.

Следуя постоянно в том же направлении, генерал Винценгероде прибыл в деревню Куршеву, расположенную на дороге, которая от Гжатска вела прямо в Зубцов. Наши партии продолжали тревожить неприятельских фуражиров, но действия их затруднялись по мере того, как мы вплотную приближались к дороге, по которой следовала основная масса французской армии.

Так прибыли мы в Сорочнево, что на дороге из Можайска в Волоколамск. Там генерал Винценгероде получил положительное известие о Бородинском

сражении, о котором мы слышали уже от многих французов, блуждавших по деревням в поисках какой-нибудь пищи или убежища и приводимых к нам казаками. Это достопамятное сражение, стоившее России стольких храбрецов, навсегда поколебало силу Наполеона. Его армия получила тогда первый деморализующий удар и впоследствии представляла лишь тень тех дисциплины и мужества, которые в течение стольких лет обеспечивали ему такое блистательное превосходство. При Бородине погибла часть старых банд, сформированных в период революционных войн, а грозная масса кавалерии была там почти уничтожена.

Россия потеряла в этот день князя Багратиона — рожденного для войны, генерала Тучкова, молодого генерала Кутайсова и множество отличных офицеров.

Генерал Винценгероде лично отправился за получением новых приказаний в главную квартиру фельдмаршала Кутузова. Этот полководец гласом народа был призван к командованию армиями и своими талантами и удачей оправдал выбор нации.

Генералу Барклаю, которого армия громко обвиняла в предательстве, был необходим преемник. Солдаты, больше не имея к нему доверенности, отдали ее слепо и с обычным в подобных чрезвычайных обстоятельствах энтузиазмом новому главнокомандующему, присланному им Императором. Генерал Барклай показал себя выше клеветы, он с ревностью исполнял роль подчиненного, после того как был начальником, и в Бородинском сражении сумел заслужить общее одобрение, подавая пример деятельности и самого неустрашимого мужества.

По возвращении из главной квартиры генерал Винценгероде велел своему отряду идти на Рузу. Мы прибыли под вечер к городу, который считали занятым лишь слабой неприятельской партией, и которым генерал хотел овладеть силою. Но в тот момент, когда полки уже двинулись в атаку, мы обнаружили правее города значительный лагерь и линию ведетов с сильными поддержками. Это заставило нас скрыть хвост нашей колонны и попытаться сначала добыть языка. Несколько неприятельских кавалеристов, сбитых с коней нашими казаками, сообщили нам, что это был 4-й корпус французской армии под командованием вице-короля Италии, который после Бородинского сражения был отделен от армии Наполеона и должен был обеспечивать ее марш с левого фланга. Поскольку нас, таким образом, опередили на дороге из Рузы в Москву, генерал Винценгероде, заставив весь корпус вице-короля стать в ружье, всю ночь двигался кружными путями и прибыл с другой стороны от Рузы на Звенигородскую дорогу, чтобы противостоять неприятелю. Он тотчас послал свой рапорт фельдмаршалу, который, узнав о направлении, принятом 4-м корпусом, приказал одному егерскому полку, двум орудиям конной артиллерии и трем казачьим полкам усилить наш отряд.

Между тем неприятель, дезориентированный атакой, которую мы накануне произвели с тыла на его лагерь, в то время как ночь скрыла от него наше движение и численность наших сил, провел целый день в Рузе и лишь на следующий день решился выступить из нее.

Наши пикеты стояли в Воронцове, остальная часть отряда — в Велькине. Полк егерей и два орудия прибыли в Звенигород только поздно ночью, и генерал послал им приказ ожидать его там. Он поручил полковнику Иловайскому 12-му командование арьергардом на большой дороге и приказал мне с тремя вновь прибывшими казачьими полками облегчить его отступление, следуя вдоль возвышенностей, которые простирались влево от дороги при движении из Рузы на Звенигород. Сам он с драгунским полком отправился искать выгодную позицию для защиты подступов к Звенигороду.

Неприятель, имевший более 20 тысяч человек, начал разворачивать свои силы; мы — полковник Иловайский и я — отступили медленно и в порядке: мы соединились в виду Звенигорода с целью атаковать несколько кавалерийских полков, которые немного отделились от главных сил своего корпуса. Эти полки были отброшены, но на помощь им подошла артиллерия и пехота, и наши казачьи полки, в свою очередь, были отведены назад. Полковник Иловайский вынужден был поспешно пройти дефиле, находившееся при входе в город, а я был сильно атакован в момент моего перехода по узкому мосту через маленькую речку, которая впадала в Москву-реку около монастыря. Я должен был спешить казаков, вооруженных ружьями, и таким образом с большим трудом отделался от преследования кавалерии. Генерал Винценгероде защищал вход в Звенигород и заставил французов понести большие потери; но так как его отряд вместе с обоими арьергардами не превышал 3 тысяч человек, он был вынужден уступить, и отошел на несколько верст от города. В конце дня он отступил до села Спасского на Московской дороге. Чтобы присоединиться к нему, мне пришлось сделать весьма большой обход, двигаясь всю ночь при печальном отблеске пожаров. Деревни, хлеба и стога сена — все становилось добычей пламени и уже предвещало французам ужасы голода, который вскоре должен был увеличить страдания, постигшие их во время гибели.

Не без труда весь наш отряд переправился через Москву-реку, где имелся только один паром, который был сожжен нами при приближении неприятеля, после чего мы продолжили наше отступление по направлению к Черепкову. Там генерал Винценгероде получил приказ фельдмаршала лично явиться в его главную квартиру под Москвой. Он вверил мне временное командование отрядом, и в ту же ночь я получил через начальника штаба приказ руководить операциями, не обращая внимания на двух генералов, находившихся при отряде, и направлять мои донесения непосредственно фельдмаршалу.

В это время в главной квартире фельдмаршала обсуждался большой и страшный вопрос о том, следует ли оставлять Москву, эту древнюю, столько столетий чтимую столицу, чьи сияющие золотом соборы издревле служили усыпальницей нашим прежним царям и местом, где покоились святые мощи, которым поклонялся народ. Жители Москвы не могли представить себе, что враг может ворваться в нее, и вся армия требовала защищать этот оплот величия Империи.

Но как же рискованно было давать сражение на невыгодной позиции, имевшей в тылу огромный город, куда неприятель мог проникнуть с другой стороны, город, чья близость могла вызвать беспорядки, и который безусловно не оставлял возможности совершить отступление в надлежащем порядке.

С другой стороны, предстояло сражаться с еще сохранявшим численное превосходство противником, который стремился лишь к победе и видел перед своими глазами конец лишений — обеспеченный продовольствием город, чьи богатства и наслаждения предусмотрительный Наполеон обещал предоставить неистовству солдат.

Москву решили сдать — это решение оказалось настолько же трудным, насколько велика была потеря. Огромное народонаселение ее хлынуло из всех ворот, распространилось по всем губерниям, всюду принесло ужас и видом своих бедствий еще более увеличило исступление народа.

Неприятель, определивший накануне, в бою под Звенигородом, точную численность наших сил, более не обращал внимания на слабое сопротивление, которое я мог ему противопоставить, и продолжал свой марш, расчищая себе дорогу при помощи нескольких орудий, выдвинутых им в голову колонны.

Я получил из главной квартиры приказ продолжать свое движение по дороге от из Звенигорода в Москву и оборонять до последней крайности переправу через Москву-реку у Хорошева.

На рассвете неприятель начал движение и отбросил наши аванпосты. После того, как драгунский полк, егеря и два орудия переправились по мосту, он был уничтожен, а казаки, которые могли перейти реку вброд, остались на той стороне, чтобы, насколько возможно, задержать продвижение противника. Им удалось опрокинуть на пехоту несколько полков французской кавалерии, которые слишком выдвинулись вперед, и захватить у них 20 пленных.

Тем временем прибыл весь 4-й корпус и, построившись в боевой порядок, казалось, ожидал сигнала для совместной атаки с главной армией Наполеона, к которой он почти примыкал.

В этот момент возвратился генерал Винценгероде; наша главная армия проходила через Москву, а он получил приказ двинуться со своим отрядом на дорогу, ведущую из Москвы во Владимир. Так как Наполеон уже вступал в Москву, пришлось тотчас начать наше отступление. Генерал отправил обратно к армии егерский полк. Изюмский гусарский и лейб-гвардии Казачий полки, отряженные накануне из авангарда генерала Милорадовича для проведения усиленной рекогносцировки на правом фланге расположения нашей армии, не могли уже пройти через Москву и присоединились к нашему отряду, а впоследствии получили приказ остаться в нем.

Мы прошли вдоль окраины Москвы до Ярославской заставы, не будучи преследуемы. Там мы остановились, чтобы прикрыть жителей столицы, бежавших от французов. Сердца даже самых нечувствительных солдат разрывались при виде ужасного зрелища тысяч этих несчастных, которые толкали друг

друга, чтобы как можно быстрее выйти из города, где они оставили свои жилища, имущество и все свои надежды. Можно было сказать, что они прощались с Россией. В первый момент, когда мы услышали нестройный шум народа, который бежал, и неприятеля, вступавшего в Москву, нас охватил ужас, и мы отчаялись в спасении Империи. К концу дня густой дым поднялся из середины города: он скоро распространился с другими облаками дыма, от которых потемнело небо, и которые скрыли от наших взоров Москву с ее тысячами церквей. Пламя с трудом прорывалось сквозь это темное облако: наконец, показался огонь и явил нам Москву, пылавшую на всем ее пространстве. Это пламенное море производило ужасный треск и далеко освещало отчаяние опечаленных жителей и отступление нашей армии.

В то же время этот огонь успокоил наши опасения: французская армия вступала в ад и не могла насладиться Москвой. Мысль эта утешала нас, и ночь, освещенная ценой разрушения нашей столицы, стала в большей мере роковой для Наполеона, чем для России.

Генерал Винценгероде, сознавая всю важность путей на Ярославль и Петербург, которые оказывались беззащитными в случае, если бы он исполнил полученный им приказ о переходе на Владимирскую дорогу, отправил к главнокомандующему курьера с тем, чтобы пояснить ему свои соображения и получить подтверждение приказа, прежде чем покинуть эти две дороги. В Ярославле только что разрешилась от бремени великая княгиня Екатерина Павловна, а Император и вся Императорская фамилия находились в Петербурге. Рано утром на следующий день французы, ставшие хозяевами пожарища Москвы, заняли Ярославскую заставу и двинулись вперед, что вынудило нас отступить до Тарасовки.

Там мы получили ответ фельдмаршала, в котором он вверял бдительности генерала Винценгероде охрану обеих дорог — на Ярославль и на Петербург. Тогда генерал, оставив казачьего полковника с двумя полками для прикрытия Ярославской дороги, приказал ему о всех движениях неприятеля извещать великую княгиню и стараться все время сохранять сообщение, с одной стороны — с Владимирской дорогой, для обеспечения сношений с нашей главной армией, взявшей путь на Коломну, и с другой — с Петербургской дорогой, куда направился генерал Винценгероде с остальной частью своего отряда.

Мы прошли через Виноградово и прибыли в Чашниково, лежащее на большой дороге из Москвы в Петербург. Полковник Иловайский 12-й остался там с авангардом, а остальная часть отряда стала биваком у Печковской. 4-й корпус выдвинулся на большую дорогу, и его аванпосты находились в окрестностях Черной Грязи; другие французские войска бивакировали на равнине у Петровского дворца. Пожар Москвы уничтожил большую часть продовольственных запасов, которые Наполеон надеялся в ней найти; беспорядки и грабежи, начавшиеся в его армии вследствие этого ужасного пожара, лишили ее последних ресурсов, которые она еще могла извлечь. Неприятель был вынужден искать продовольствие в окрестностях столицы; он всюду вносил беспорядок и грабеж и сам уничтожал

Ф.Ф. Винцингероде

то, что могло облегчить его существование. Скоро окрестности города превратились в пустыню; надо было уходить на поиски все дальше, распыляя свои силы, и тогда-то началась для французов та губительная война, которую казаки вели с такою деятельностью и искусством.

Полковник Иловайский получил приказ высылать по всем направлениям партии для захвата неприятельских фуражиров. С каждым днем отвага и бдительность казаков возрастали, а моральный дух и сопротивление французов ослабевали. Майор Прендель был отряжен с партией к Звенигороду, где ему усердно помогали вооружившиеся уже крестьяне, и где он увеличил количество пленных, которых со всех сторон доставляли к генералу.

Между тем неприятель, встревоженный постоянными потерями, которые он нес, и лишенный возможности добывать себе необходимое продовольствие и фураж, двинулся вперед значительными силами. Наш авангард должен был уступить ему, и генерал Винценгероде, из-за слабости своего отряда оказавшийся не в состоянии препятствовать движению противника, был вынужден отступить до Клина. Получив известие, что в это же время неприятельская колонна двигается на Волоколамск, он направил меня туда с гвардейскими казаками и одним казачьим полком. Два эскадрона Тверского ополчения присоединились к этому небольшому отряду и своим усердием и храбростью соперничали с испытанными войсками.

Одновременно неприятель стал продвигаться по Ярославской дороге и вынудил к отступлению два казачьих полка, оставленных для ее охраны. Он выслал также колонну на Дмитров и, на несколько дней парализовав этим наступательным движением набеги наших партий, прикрыл своих фуражиров.

Я быстро двинулся на Волоколамск, откуда неприятель поспешно выступил. Я преследовал его по дороге, ведущей в Можайск, и продвинулся вперед до Сорочнева. Там я разделил свой отряд на 4 части и указал каждой из них направление движения, назначив им встречу следующей ночью в Грибове.

Множество крестьян последовали за этими маленькими отрядами, которые на следующий вечер благополучно соединились и привели с собой более 800 пленных, много повозок, лошадей и скота и даже несчастных женщин, которые со своими детьми последовали за французской армией из всех частей Европы.

Генерал Винценгероде, вынужденный оставаться в Клину, имея перед собой значительные силы, и наблюдать Дмитров, находившийся у него на фланге, приказал мне не слишком удаляться от Волоколамска и избрать местом постоянного пребывания Порохово, откуда я должен был лишь высылать партии, чтобы беспокоить неприятеля.

Полковник Иловайский, продолжавший командовать авангардом на большой Московской дороге, имел несколько удачных дел, его партии снова начали захватывать неприятельские разъезды и фуражиров. Редкий день проходил без того, чтобы ими не были взяты две-три сотни пленных, а иногда и больше. Мои партии были не менее удачливы и нападали врасплох на французов в окрестностях Рузы, Звенигорода и на большой дороге из Смоленска в Москву, где они захватывали почту и курьеров.

Мой брат, бывший поверенным в делах в Неаполе, возвратился в Россию в тот момент, когда Наполеон, как при новом крестовом походе, ополчил всю Европу против нашей Империи. Он счел своим долгом дворянина просить о поступлении на военную службу. Император соблаговолил принять его майором и назначить к генералу Винценгероде, который прислал его ко мне вместе с подкреплением из казаков. Я был приятно удивлен при виде его и поспешил предоставить ему возможность получить боевое крещение. Он начал с того, что атаковал внезапно на большой дороге из Москвы в Смоленск неприятельскую кавалерийскую партию, которую он обратил в бегство, и привел из нее более 100 пленных и курьера, везшего очень интересные депеши, из коих мы узнали, в каком плачевном состоянии находится французская армия.

Мой лагерь имел вид воровского притона; он был переполнен крестьянами, вооруженными самым разнообразным оружием, отбитым у неприятеля. Каски, кирасы, кивера и даже мундиры различных родов оружия и наций причудливым образом смешивались с бородами и крестьянской одеждой. Множество людей, занимавшихся темными делами, являлись беспрерывно торговать добычу, ежедневно доставлявшуюся в лагерь. Там постоянно встречались солдаты, офицеры, женщины и дети всех объединившихся против нас наций. Новые экипажи

всевозможных видов, награбленные в Москве; всякие товары, начиная от драгоценных камней, шалей и кружев, и кончая бакалейными товарами и старыми сворками для собак. Французы, закутанные в атласные мантильи, и крестьяне, наряженные в бархатные фраки или в старинные вышитые камзолы. Золото и серебро в этом лагере обращалось в таком изобилии, что казаки, которые могли только в подушки своих седел прятать свое богатство, платили тройную и более цену при размене их на ассигнации. Крестьяне, следовавшие всюду за казачьими партиями и бдительно несшие аванпостную службу, забирали себе основную долю всей добычи, скот, плохих лошадей, повозки, оружие и одежду пленных. Лишь с величайшим трудом удавалось спасать жизнь последних — страшась жестокости крестьян, они отдавались под покровительство казаков. Часто бывало невозможно уберечь их от ярости крестьян, побуждаемых к мщению обращением в пепел их жилищ и осквернением их церквей. Самым жестоким в этих жутких сценах являлась необходимость делать вид, что их одобряешь, и хвалить то, от чего волосы на голове вставали дыбом. Тем не менее, при этой неурядице и среди отчаяния, когда, казалось, Бог покинул нас, и наступила власть демона, нельзя было не заметить характерных и добродетельных черт, которые, к чести человечества и к славе нашей нации, придавали этой уродливой картине возвышенные оттенки. Никогда еще русский крестьянин не проявлял большей привязанности к своей религии и к своему отечеству, большей преданности Императору и повиновения законам.

На основании ложных доносов и низкой клеветы, я получил приказ разоружать крестьян и расстреливать тех, кто будет уличен в бунте. Удивленный этим приказом, столь противоречащим великодушному и покорному поведению крестьян, я отвечал, что не могу обезоружить те руки, которые сам вооружил, и которые служат делу уничтожения врагов отечества, и не могу назвать бунтовщиками тех, кто жертвует жизнью для защиты своих храмов, своей независимости, своих жен и домашних очагов, но звание изменника принадлежит тем, кто в такой священный для России момент осмеливается клеветать на самых ревностных и чистых ее защитников. Этот ответ произвел большое впечатление, успокоил опасения, которые старались внушить Императору, и, возможно, навлек на меня вражду некоторых интриганов в Петербурге.

Тем временем Наполеон начал замечать опасность своего положения; он рассчитывал на мир, а ему отказывали во всех переговорах. Приближалась зима: голод и недостаток всех предметов, необходимых для обмундирования и пополнения боеприпасов, увеличивались. Коммуникации были перерезаны многочисленными партиями, которые всюду подстерегали транспорты и разбивали конвои. Раненые покидались, начали обнаруживаться разные болезни; пренебрежение дисциплиной возрастало вследствие необходимости каждому заботиться о собственном пропитании. Упадок духа, опасения и ропот овладели, наконец, этой армией, привыкшей к быстрым успехам и зажиточности Германии и Италии. Наша армия пополнялась из всех губерний Империи, продовольствие притекало к ней в изобилии,

доверие и энтузиазм поддерживались твердостью Императора и вдохновлялись множеством мелких боев, результаты которых были всегда в нашу пользу. Армия, которую мир с Турцией отдал в распоряжение Императора, превосходила австрийскую армию, состоявшую под командованием князя Шварценберга, и угрожала отрезать Наполеону путь отступления. Император, полностью уверенный в добрых намерениях шведского наследного принца Бернадота и полагавшийся на союз с ним, оголил Финляндию и отправил генерала Штейнгеля с его войсками на подкрепление слабой армии графа Витгенштейна. Ополчения были сформированы и выдвигались со всех сторон. Наконец, фельдмаршал Кутузов поручил генералу Беннигсену атаковать французский авангард под командованием принца Мюрата. Последний был застигнут врасплох при Тарутине и почти уничтожен. Тогда Наполеон увидел, что нельзя больше терять времени и что малейшее промедление может похоронить его со всей армией в развалинах Москвы. Он приготовился к отступлению. Приходилось покинуть столицу России, совершив славный подвиг — решиться бежать от самого удивительного предела своих побед, разрушить мощное влияние, произведенное этим завоеванием на общественное мнение, уничтожить в своей армии веру в его неизменное счастье, и показать удивленной и готовой стряхнуть иго Европе свою слабость и силу России.

Чтобы скрыть эту настоятельную и ужасную необходимость, 4-й корпус, находившийся все время на Петербургской дороге, двинулся вперед. Генерал Винценгероде приказал мне возвратиться в Клин, оставив один только пост в Волоколамске. Сам он выступил с драгунами, несколькими эскадронами гусар и казачьим полком, чтобы напасть врасплох на неприятельский отряд, занимавший Дмитров. В то же время полковник Иловайский получил приказ атаковать французские аванпосты на Московской дороге. Неприятель неожиданно покинул Дмитров и отступил на всех пунктах. На него наседали самым настойчивым образом, и, постепенно уступая территорию, он был преследуем до самых стен Москвы. Генерал Винценгероде лично двинулся в атаку с казачьими полками, которые, будучи ободрены ежедневными успехами и сидя конях настолько же хорошо кормленных, насколько были плохо кормлены неприятельские лошади, опрокинули в улицы Москвы 3 кавалерийских полка, принявших удар. Казаки многих перебили и взяли более 400 пленных.

Великая армия Наполеона покинула Москву, и генерал получил несомненное известие, что оставленный в Кремле гарнизон тоже готовился очистить его и закладывал мины под его древние стены, чтобы оставить после себя самый разрушительный и кощунственный след.

Желая спасти Кремль, генерал лично направился к нашим аванпостам, которые уже проникли в город и находились в виду французского караула, поставленного возле дома губернатора[51]. Генерал приблизился к нему, подавая знак своим платком, и не захотел, чтобы кто-нибудь за ним следовал. Офицер принял его, как парламентера, и собирался уведомить о нем маршала Бертье, бывшего в Кремле, когда пьяный французский гусар бросился на генерала и увел его в плен. Наши

казаки находились слишком далеко, чтобы подать ему помощь, а молодой Нарышкин, кинувшийся один, чтобы разделить участь своего начальника, объявил его имя и звание и был также уведен в плен.

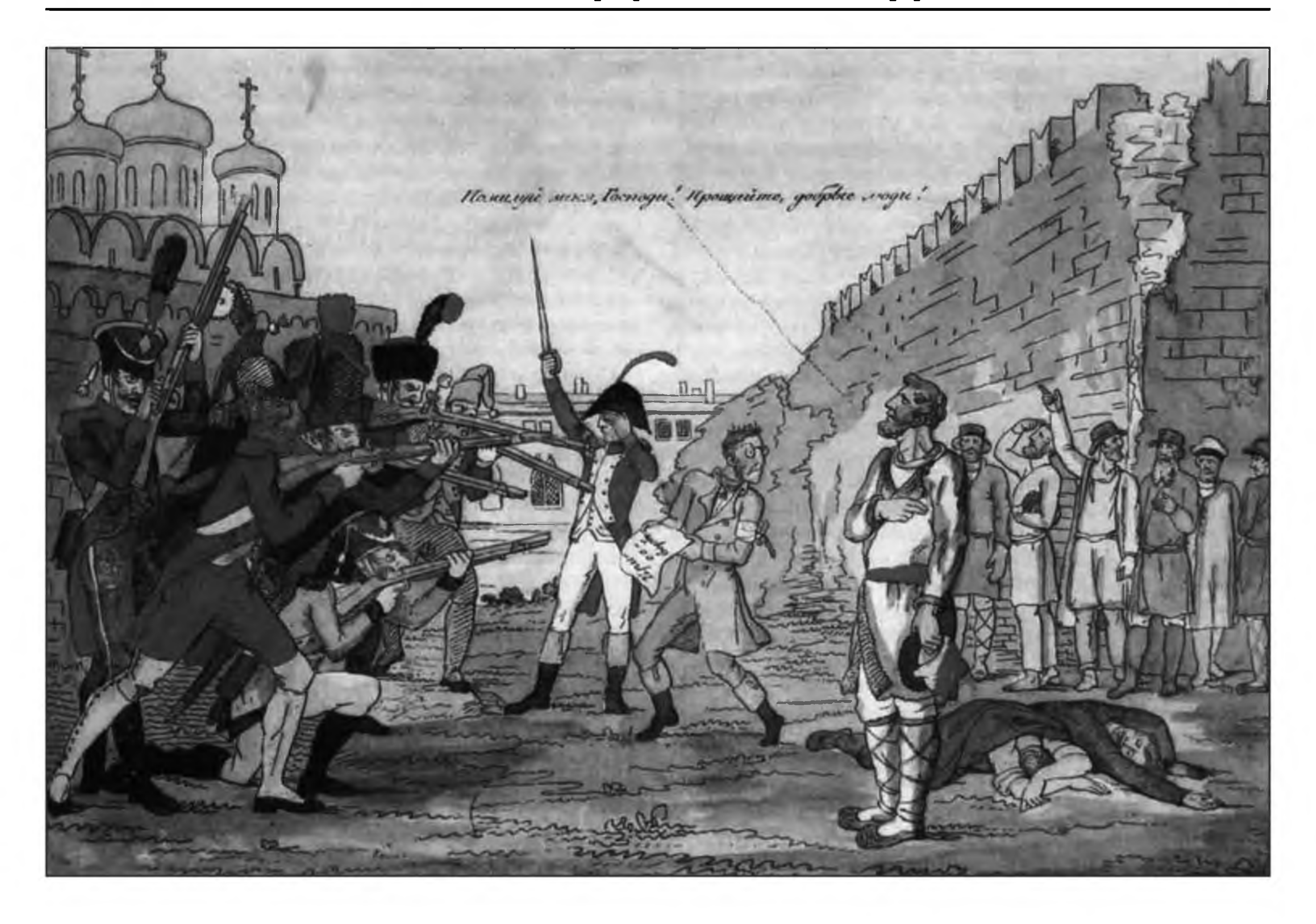
Я получил ночью это неожиданное известие и поспешил на аванпосты. Тотчас же я выслал трубача с письмом, чтобы предупредить, что французские генералы, находившиеся в нашей власти, отвечают своей жизнью за малейшую неприятность, которая может случиться с генералом Винценгероде. В два часа утра ужасный взрыв, сопровождаемый вспышками света, возвестил нам о разрушении Кремля и об освобождении Москвы.

* * *

10 октября 1812 г. мы вступили в эту древнюю столицу, которая еще вся окутана дымом. Едва могли мы проложить себе дорогу через трупы людей и животных. Развалины и пепел загромождали все улицы; одни только разграбленные и совершенно почерневшие от дыма церкви служили печальными ориентирами среди этого необъятного опустошения. Заблудившиеся французы бродили по Москве и становились жертвами толпы крестьян, которые со всех сторон стекались в этот несчастный город.

Моей первой заботой было поспешить в Кремль, в эту метрополию Империи. Огромная толпа народа стремилась туда проникнуть: потребовались неоднократные усилия казаков лейб-гвардии Казачьего полка, чтобы оттеснить ее и защитить доступы, образовавшиеся вокруг Кремля в результате обрушения стен. Вместе с одним офицером я вступил в собор, который видел только во время коронации Императора блистающим роскошью и наполненным первыми сановниками Империи. Я был охвачен ужасом, найдя теперь этот почитаемый храм, который пощадило даже пламя, перевернутым вверх дном безбожием разнузданной солдатни, и убедился, что состояние, в котором он находился, необходимо было скрыть от взоров народа.

Мощи святых были изуродованы, их гробницы наполнены нечистотами; украшения с гробниц сорваны. Образа, украшавшие церковь, были перепачканы и разорваны. Все, что могло возбудить или ввести в заблуждение алчность солдата, было украдено, алтарь опрокинут, вино из бочек вылито на священный пол, а людские и конские трупы наполняли своим зловонием церковные своды, которым полагалось благоухать ладаном. Я поспешил наложить свою печать на дверь и защитить вход в собор сильным караулом. Весь остальной Кремль сделался добычей пламени или был потрясен взрывом мин; арсенал, колокольня Ивана Великого, башни и стены превратились в груды камней. Большое здание Воспитательного Дома привлекло мое внимание; несколько сотен детей, застигнутых вступлением неприятеля, умирали от голода; множество женщин и раненых русских, которые не могли спастись бегством, нашли в нем убежище, и там же были оставлены несколько тысяч больных французов. Все просили хлеба, а опустошение окрестностей Москвы не позволяло удовлетворить немедленно такую

«Дух неустрашимости русских»

насущную потребность. Коридоры и дворы этого огромного здания были наполнены мертвыми — жертвами нищеты, болезней и страха.

Другие большие здания были завалены русскими раненными, спасшимися от пожара и едва поддерживавшими существование; без помощи, без пищи, окруженные трупами, они ожидали конца своих страданий.

Неприятель, очищая Москву, предал огню все, что еще оставалось от этого несчастного города; у нас не было никаких средств потушить пожары, которые всюду увеличивали беспорядок и бедствия; крестьяне толпою бросались грабить и захватывать соляные склады, казну с медными деньгами и винные погреба. Весь наш отряд, как бы затерявшийся в огромном пространстве Москвы, едва был достаточен для того, чтобы сдерживать эту чернь, вооруженную добытым у неприятеля оружием. Только на третий день мы смогли немного отдохнуть и почувствовать себя в безопасности посреди этого беспорядка. Прибыли обозы с продовольствием, и целые толпы населения вернулись в город, чтобы отыскать среди пепла следы принадлежавших им домов и, не сожалея о своих потерях, возблагодарить Бога за освобождение Москвы.

После генерала Винценгероде самым старшим по производству оставался генерал Иловайский 4-й, но, будучи неспособен к командованию, он все доверил

Отступление французской армии. 1812

мне, и я поспешил сообщить Императору о необходимости прислать нам нового начальника.

Начальником этим был назначен генерал Кутузов[52]. Вместе с ним прибыла также московская полиция, и мы смогли покинуть этот печальный и несчастный город, чтобы принять участие в преследовании французской армии. Из 13800 дворцов и домов, имевшихся ранее в Москве, только 1500 уцелели от пожара.

* * *

Армия Наполеона, вынужденная маневрами фельдмаршала Кутузова и кровавыми боями под Малоярославцем отступать по той же дороге, которая была совершенно опустошена во время ее наступательного марша, испытывала полный недостаток продовольствия. Упадок дисциплины и духа ускорил это отступление и скоро превратил его в постыдное бегство. Тревожимая со всех сторон, французская армия ежедневно теряла обозные повозки, пушки и значительное число солдат. Наши казаки и крестьяне днем и ночью окружали ее во время марша и остановок на биваках, истребляли фуражиров и захватывали все продовольственные средства.

Казалось, наконец, что само небо решило отомстить за Россию; поднялся ужасный ветер и принес 25-градусный мороз. Неприятельские лошади, не

подкованные на зимние шипы и изнемогающие от усталости, падали одна за другой и оставляли в наших руках обозы, парки и артиллерию; вся добыча, взятая в Москве, досталась казакам. Несчастные французы, оборванные, голодные, застигнутые врасплох стужей, уже почти не сражались и погибали от лишений, дорожная грязь была усеяна трупами и умирающими, и не было им числа. Мучительный голод превратил их прежде смерти в скелеты, и эти обезображенные тени тащились друг за другом, высматривая, где бы поесть падали или отогреть свои полузамерзшие тела. Длинный след в виде трупов, окоченевших от холода, обозначал путь и страдания этой армии Европы.

В Духовщине мы встретили корпус вице-короля Италии, который, потеряв всю свою артиллерию и обозы, тянулся к Смоленску, где он соединился с Великой армией. Между тем граф Витгенштейн взял штурмом Полоцк, а адмирал Чичагов наступал к Минску. Не было сомнений, что если бы фельдмаршал Кутузов ускорил преследование и ежедневно вел серьезные бои силами регулярных войск, вместо того, чтобы возложить эту задачу на алчных казаков, армия Наполеона растаяла бы еще до вступления ее в Смоленск.

В Смоленске она нашла некоторое количество продовольствия и продолжала свой марш на Красный. Часть нашей армии опередила движение неприятеля; с нашей стороны бой велся там вяло, и французы, вынужденные всем рисковать, чтобы проложить себе дорогу, потеряли только двадцать тысяч человек, как убитыми, так и пленными.

Адмирал Чичагов, предупрежденный о приближении Наполеона, овладел трудной переправой через Березину. Граф Витгенштейн направился туда, гоня перед собой противостоявший ему неприятельский корпус. Если бы наша главная армия преследовала бегущего неприятеля неотступно и безостановочно, как и должно это делать, то ни Наполеон, ни один человек из его армии не смогли бы ускользнуть. Но адмирал, очень плохой полководец, допустил разбить свой авангард и сам едва не оказался застигнутым врасплох в Борисове. Граф Витгенштейн прибыл только тогда, когда французы уже навели мост, а наша главная армия маневрировала, вместо того, чтобы быть там и нанести последний удар.

Однако большие трудности при наведении моста, несколько пушечных выстрелов и в особенности страх, овладевший французской армией, заставили ее дорого заплатить за эту переправу. Вся уцелевшая артиллерия, обозы, несчастные женщины и дети, следовавшие за армией, исчезли подо льдом Березины или были брошены на ее берегах. Несколько тысяч раненых, больных и выбившихся из сил солдат погибли в окрестностях этого моста и увековечили эту переправу всеми бедствиями и ужасами, которые только могут постигнуть человечество.

После переправы Наполеон в санях уехал вперед, сопровождаемый только несколькими доверенными лицами. Он не остановился в Вильне и бежал за тот самый Неман, который он с таким высокомерием перешел несколько месяцев назад, затем пересек Германию и сам привез в Париж известие о своих поражениях. Слабые остатки его огромной армии продолжали отступление до Вильны. Наша

армия по-прежнему плохо их преследовала. Вынужденные очистить Вильну, немногие, сохранявшие еще сомкнутость части, исчезли. Не получая приказов и не помышляя о каком бы то ни было сопротивлении, каждый человек в этой пестрой армии бежал, куда хотел, стремясь скорее достигнуть границы России. Несколько казачьих партий преследовали их и захватили огромное количество пленных. Если бы нашему отряду позволили сразу же перейти через Неман и преследовать бегущих в Пруссии, то почти все маршалы, генералы и офицеры были бы взяты в плен. Вместо того, они имели время прибыть в Кёнигсберг, где при помощи денег получили от немцев все, что им было необходимо.

Несмотря на это, число неприятеля, переправившегося через Неман, не превышало 30 тысяч человек. Таким образом, эта 6-месячная война стоила Европе более 400 тысяч человек, элиты ее населения, принесенных в жертву слепому честолюбию Бонапарта. Император разместил свою главную квартиру в Вильне и явился туда, чтобы собрать свою армию и расточать милости.

* * *

Наш отряд ожидал в Юрбурге приказа перейти границу. Он был первым, кто преодолел эту преграду, которую могущество Наполеона хотело навсегда поставить России. Наполеон утверждал, что спокойствие Европы требовало, чтобы этот народ Севера был вытеснен в наиболее суровые его области.

Мы направились к Тильзиту. Полковник Теттенборн и мой брат, командовавший нашим авангардом, опрокинули несколько эскадронов прусских гусар, пожелавших защищать вход в город. Жители приняли нас там с радостью и энтузиазмом, которые показали нам добрые чувства, одушевлявшие пруссаков, и предвещали наши легкие победы. Тильзит был местом унижения России и уничтожения Пруссии; он первым увидел посрамление Наполеона, славу России и надежды Пруссии.

Макдональд все еще находился в Курляндии, и его корпус, состоявший из 10 тысяч французов и 12 тысяч пруссаков, один избежал общего уничтожения.

Генерал Дибич был отряжен от корпуса графа Витгенштейна, чтобы затруднить его (Макдональда) отступление и в особенности с целью побудить прусского генерала Йорка отделиться от французов[53]. Два батальона егерей и два орудия усилили наш отряд, который получил приказ приостановить, насколько возможно, движение неприятеля. Но последний так хорошо скрыл свой марш и так быстро двинулся на Тильзит, что егеря и два орудия были атакованы ранее, чем их прикрыли аванпостами, и остались во власти неприятеля. Мы были вынуждены уступить город. Между тем генерал Дибич преуспел в своих переговорах; пруссаки оставили французов и, согласно предварительному договору, расположились по квартирам в окрестностях Тильзита, где они соблюдали полный нейтралитет.

При этих обстоятельствах мы совершили ряд ошибок. Русский корпус, противостоявший в Курляндии генералу Макдональду, вместо того, чтобы следовать за ним по пятам, тратил время на занятие никем не обороняемого Мемеля. Граф

Витгенштейн, вместо того, чтобы ускорить марш со всем своим корпусом, удовлетворился высылкой нам вышеуказанных двух жалких батальонов, которые мы тотчас умудрились потерять, а генерал Шепелев, неудачно выбранный для того, чтобы с другим отрядом упредить неприятеля на дороге в Кёнигсберг, дал ему свободно пройти, выпивая за славу нашего оружия.

Макдональд, по нашей милости, благополучно прибыл в Кёнигсберг, и его слабый, но сохранивший порядок корпус, послужил там сборным пунктом для всех беглецов, вышедших из России, и сделался ядром новой армии.

Всем хотелось перейти границу, и множество отрядов под командой разных начальников и без общего руководства, хлынув со всех сторон, наводнили этот район Пруссии и ровно ничего не сделали.

Французы, под командованием принца Мюрата, успели вывезти из Кёнигсберга все необходимое, отправить своих больных в Данциг и, наконец, выйти из этого города и почти без помех переправиться через Вислу.

Полдюжины генералов овладели очищенным Кёнигсбергом и приписали себе честь этой победы. Наконец, прибыл граф Витгенштейн и положил конец беспорядочным действиям.

Сам Император перешел границы своей Империи. Значительный корпус двинулся на Варшаву, и вторая кампания должна была начаться в Германии при самых счастливых предзнаменованиях.

Польша, лишившаяся своей опоры, могла рассчитывать только на великодушное милосердие Императора. Слабые остатки ее армии, находившиеся под командованием князя Понятовского, получили позволение покинуть их отечество.

Вся Германия желала успеха нашему оружию и простирала к нам навстречу руки, готовые сбросить оковы. Пруссия решительно и смело готовилась присоединить свои войска к нашим, Австрия радовалась неудачам Наполеона, и выжидала еще несколько более благоприятного случая, чтобы выступить против него. Швеция вооружалась, чтобы принять участие в этой последней схватке, и весь мир обратил свои восхищенные взоры на энергию России и на величественную сдержанность ее могущественного государя.

1813

Наша армия не имела возможности отдохнуть и безостановочно шла вперед, из-за чего потеряла много людей, которые не могли двигаться столь же стремительно. Она сократилась вследствие значительного некомплекта в численном составе, лошади были измучены. Необходимо было некоторое время для того, чтобы реорганизовать войска и приготовиться к новой компании, которая должна была основываться на порядке и более суровой дисциплине, — единственной

возможности завоевать доверие жителей Германии. Наша армия двигалась теперь очень медленно, и политика должна была прийти на помощь военным действиям.

Король Пруссии был раздражен капитуляцией войск генерала Йорка, он отменил его приказ, и только решительная поддержка этого шага общественным мнением страны спасла генерала. Мало помалу, король стал сближаться с Императором, стремясь искупить позор поражения под Йеной, Пруссия начала готовить свои силы, собирать армию и тем самым подавать достойный пример всей Германии.

Вице-король Италии, сменивший короля Неаполитанского[54] в командовании французской армией, продолжал отступление к Одеру. Для преследования неприятеля адмирал Чичагов отрядил графа Воронцова от своего армейского корпуса; генерал Винценгероде, счастливо освобожденный из плена казаками, образовал из легких войск авангард нашей главной армии; граф Витгенштейн собрал три небольших отряда с целью постоянно тревожить ими отступающую армию вице-короля. Командование этими отрядами было поручено генералу Чернышеву, полковнику Теттенборну и мне.

Граф Воронцов со своей обычной энергией безостановочно преследовал неприятеля, а генерал Винценгероде одержал легкую победу под Калишем над неприятельским отрядом генерала Рейнье.

Наша главная армия заняла Калиш и Позен, начала осаду Торна и других польских крепостей; граф Сиверс взял Пиллау; мы были на подступах к Данцигу. Генерал Чернышев переправился через Одер, за ним последовал полковник Теттенборн; мой брат, состоявший под его командой, атаковал под Врищеном баварский батальон, который был вынужден сдаться. Я сам, принудив к сложению оружия гарнизон Кюстрина, частично по льду, частично на плотах, также пересек эту реку. Позиция французской армии простиралась от Франкфурта-на-Одере, через Фюрстенвальде и Кёпеник, до Берлина.

Чернышев и Теттенборн направились к этой столице, чтобы тревожить ее гарнизон, а я пошел к Мюнхебергу. Там я оставил половину своих людей полковнику Сухтелену, назначенному обследовать большую Берлинскую дорогу, сам же я стремился разведать дорогу на Франкфурт, и на следующий день мы вновь соединились в Мюнхеберге. У меня было всего 180 гусар, 150 драгун и 700—800 казаков.

В некотором расстоянии от Мюнхеберга мы обнаружили неприятеля, стоящего в боевом порядке на огромной равнине, в количестве более тысячи всадников. Я немедленно направил гусар занять позицию в засаде за небольшим лесочком и, сформировав из драгун резерв, приказал казакам атаковать с фронта. Казаки были быстро отброшены элитным эскадроном, который, преследуя их, оторвался от полка, был окружен, а его кавалеристы изрублены или взяты в плен. Ослабленный этим уроном, неприятель продолжал защищаться только ружейным огнем, что предвещало потерю всей кавалерии, прибегающей к помощи этого оружия.

Казаки становились все более дерзкими, и, в конце концов, после получасового боя неприятель начал отступление полуэскадронами. Каждый такой маневр увеличивал беспорядок в его рядах и позволял казакам приблизиться. Наконец, гусары стремительно обрушились на задний эшелон неприятеля, и бой был выигран. Нам оставалось только преследовать врага; 38 офицеров и 750 солдат были взяты в плен, остальные убиты; все лошади и экипажи стали богатой добычей казаков, наши потери составили 16—17 человек убитыми и ранеными.

Оказалось, что этим войском был недавно сформированный 4-й итальянский конно-егерский полк, который только что прибыл из Италии и являлся единственной кавалерией, на которую в тот момент могла рассчитывать французская армия. Те немногие люди, кому удалось спастись, были преследованы нами до пункта в нескольких верстах от Франкфурта. Сильная схватка произошла в Темпельберге, селении, принадлежавшем князю Харденбергу. Я знал, что эта деревня должна была сильно пострадать от беспорядков, сопровождающих кавалерийское столкновение. С целью избежать неблагоприятного для нас впечатления, которое эта новость должна была бы вызвать у этого министра, способного повлиять в данный момент на решения короля, к союзу с которым мы стремились, я распорядился срочно раздать крестьянам 60 захваченных лошадей. Это с избытком покрыло понесенные ими убытки, и они осыпали нас благодарностями.

Ночью ко мне присоединился полковник Сухтелен, и я отправил своих пленных с большим конвоем на другую сторону Одера, посчитав, что окружен неприятелем. На следующий день я получил хорошую новость о том, что французы ушли из Франкфурта. Я поспешил направить офицера с 15 казаками, чтобы сообщить это известие графу Воронцову, приближавшемуся к этому городу по другую сторону реки.

Я сам двигался всю ночь с тем, чтобы на заре оказаться перед Фюрстенвальде в тот самый момент, когда с другой стороны появится казачий полк, которому я приказал выполнить этот маневр. Барабанщик с несколькими людьми вошли в соседний с городом лесок и создали представление о нахождении там пехоты, а несколько обозных повозок, поставленных на возвышенности, заставили противника думать, что это артиллерия. Я направил полковника Сухтелена к французскому коменданту, и тот любезно сдал нам город, который должен был защищать, и который у меня не было ни малейших шансов взять силой. Он выступил из города с 2 тысячами человек итальянской гвардии, чтобы присоединиться к армии вице-короля в Кёпусе, и открыл тем самым позицию французской армии, в которой центром был Фюрстенвальде.

Вернувшись вечером с бала, который город дал в нашу честь, я нашел у себя французского офицера, который был задержан у наших аванпостов. Он направлялся к вице-королю с донесением о кавалерийском бое, данном мне третьего дня; из этой реляции узнал я, что полк конных егерей насчитывал 1200 человек, и что удалось спастись только полковнику, его адъютанту и 33 солдатам. Однако этот офицер сообщил мне, что Франкфурт снова был занят тем же корпусом, который

его недавно оставил, и что мой офицер и 15 казаков, направленные туда, оказались там застигнуты врасплох в своих постелях.

Я был очень рассержен этим событием, вернул свободу французскому офицеру, попросив его потребовать у его генерала освободить моего офицера, и предложить ему обмен казаков. Я лично последовал за этим офицером, и на следующий день рано утром находился перед Франкфуртом. Мой плененный офицер прибыл мне навстречу и привез очень любезное письмо французского генерала. Я потребовал от него сдать мне город, но он, в качестве ответа, показал моему посланцу 4 тысячи человек прекрасной пехоты.

Дав отдохнуть лошадям, я покинул это место и направился по большой дороге на Берлин. Я провел свое небольшое войско мимо стен города таким образом, что во время марша нас никто не потревожил, и остановился в Марцане, на дороге к Врицену, откуда наладил связь с отрядами генерала Чернышева и полковника Теттенборна, который уже доставил беспокойство противнику и чьи партизаны даже начали атаковать Берлин.

Берлинцы ожидали нас с нетерпением и энтузиазмом. Французы же, которым угрожали жители и которых беспокоили наши партии, обещали магистрату уйти из города при первых известиях о приближении какого-либо пехотного корпуса. Извещенный об этом решении, граф Витгенштейн срочно послал приказ князю Репнину, командующему его авангардом, ускоренно двигаться вперед, чтобы форсировать Одер.

Как только наша пехота начала переправу, французы приготовились выполнить свое обещание. От нашего бывшего посла господина Алопеуса я узнал радостную новость и получил просьбу, во избежание беспорядков, не входить в город до тех пор, пока прусский комендант сам не выйдет нам навстречу.

Наконец, в назначенный день нашим трем небольшим отрядам была оказана честь, каждому со своей стороны войти в столицу Пруссии. Нас встречали как освободителей королевства, с радостью и самыми единодушными и бурными приветственными возгласами. Трудно составить себе представление об этом вступлении в город, ставшем настоящим триумфом нашего оружия и торжественной гарантией славы, которая вскоре покроет прусские знамена.

Этот день был самой блестящей компенсацией за тяготы и бои, которые столь быстро привели нас от Москвы в центр Германии. В течение 36 часов мы пользовались радушием и удовольствиями города, а затем вернулись к своему ремеслу преследователей: Теттенборн направился к Гамбургу, Чернышев — к Магдебургу, а я — к Дрездену.

* * *

Через несколько дней в Берлин вошел граф Витгенштейн, и началась осада Шпандау. Король Пруссии, наконец, определенно высказался против Наполеона, его войска с обозами присоединились к нашим, вся Пруссия с энтузиазмом выполняла волю своего государя.

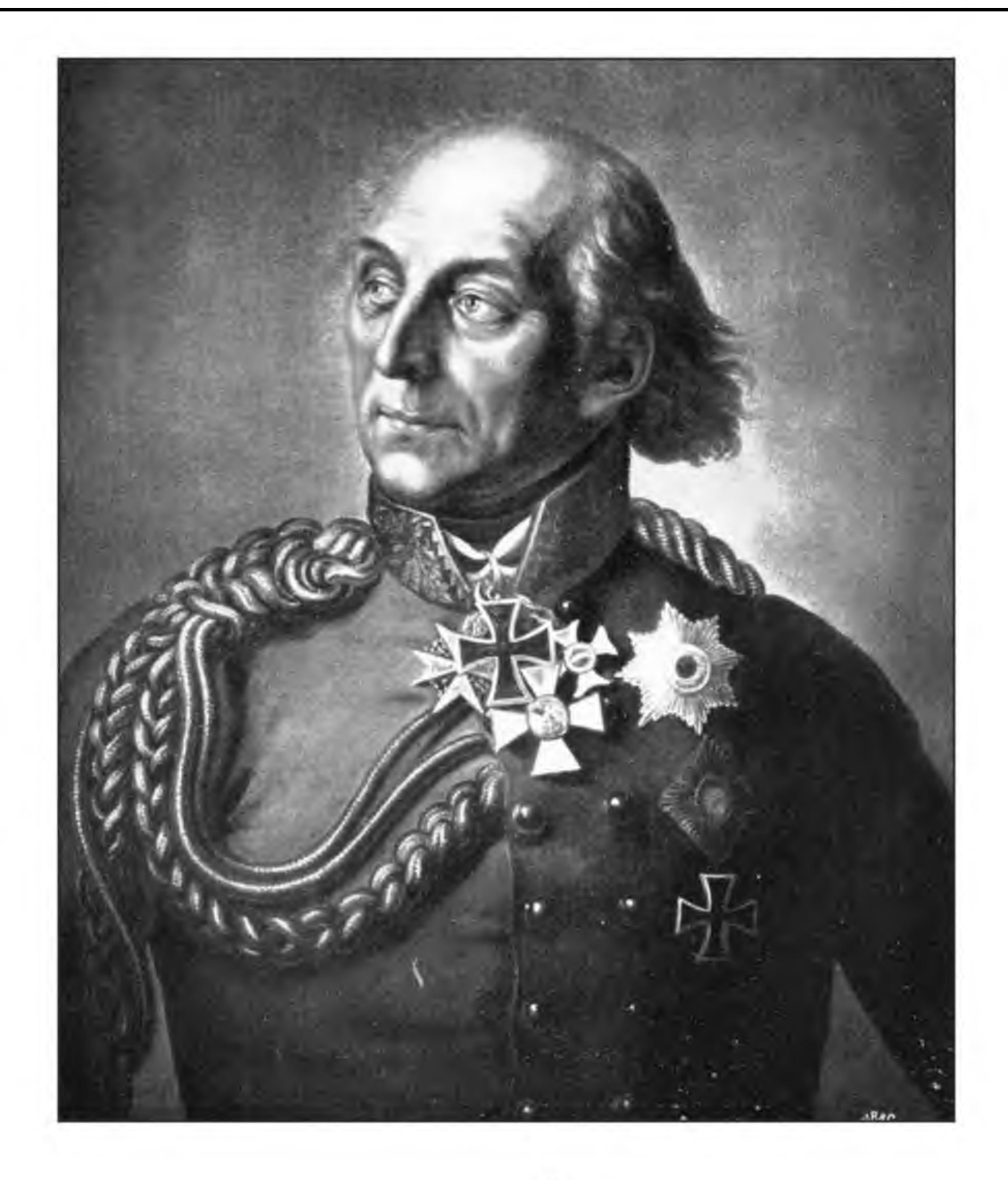
Основные силы противника начали отходить к Виттенбергу, я следовал за ними по пятам. Генерал Дибич, для которого также сформировали небольшой отряд, делал одно дело со мной; в Ютербоке мы вступили на саксонскую территорию. Оказанный нам там прием совершенно отличался от того, который мы видели повсюду в Пруссии. Двери и ставни домов закрывались при нашем приближении, и потребовались необычайные усилия для того, чтобы успокоить жителей и убедить их, что мы не желаем им зла.

В доказательство я освободил саксонского полковника и нескольких драгун, которых казаки захватили у наших аванпостов. Следует признать, что в Саксонии общественное мнение было настроено против французов куда меньше, чем в остальной Германии. Мудрое и заботливое правление короля[55] привлекло всех на его сторону, а он еще не отступил от союза с Наполеоном. Его подданные не считали возможным, в отличие от пруссаков, влиять на решения правительства.

Генерал Дибич, возглавлявший наш авангард, уверил меня, что противник твердо держится в Зехаузене, небольшом селении неподалеку от Ютербока. Я поспешил присоединиться к нему со всеми своими людьми и окружить деревню. Оживленный артиллерийский огонь, направленный против нас, вынудил нас выставить вперед наши два орудия конной артиллерии с целью поджечь деревню, что нам вскоре удалось. Меньше, чем через четверть часа, противник, окруженный пламенем пожаров, был вынужден отвести свои орудия и защищать стены селения одной лишь ружейной пальбой. К концу дня мы сформировали три колонны: одну пешую, составленную из казачьего полка Мельникова 4-го, вторую — из полка ямщиков Московской дороги под командованием полковника Сухтелена, и третью — из 200 гусар и двух казачьих полков под руководством генерала Дибича. Атака была яростной, но неприятель, забаррикадировав все улицы, защищался настолько отчаянно, что я был вынужден скомандовать отступление. Генерал Дибич потерял много людей, полковник Сухтелен был ранен, полковник Мельников тоже, много офицеров было убито или выведено из строя. В этот момент мне сообщили, что на выручку окруженным в деревне войскам спешит сильная колонна противника. Я собрал все, что у меня осталось, и вышел ей навстречу. Однако сила и хорошее состояние войск неприятеля заставили меня отступить и не позволили нам помешать их соединению с колонной, вышедшей из горящей деревни.

На следующий день генерал Дибич последовал за противником к Виттенбергу, а я направился, как мне было указано, к Дрездену.

В нескольких милях от этой столицы я встретил графа Дауна, который был послан саксонским правительством. Укрыв от него хвост своей колонны, я вручил ему письмо, которым извещал генерала Ренье, находящегося в городе с 3 или 4 тысячами солдат, чтобы он не обрекал город на разрушение бесполезным сопротивлением, поскольку я имею 6 тысяч человек пехоты, готовых исполнить полученный мною ясный приказ овладеть Дрезденом. Граф Даун умолял меня

Генерал Йорк

подождать до следующего дня, обещая, что город будет эвакуирован. Свою малочисленность я замаскировал большим количеством бивачных огней. Жители, опасаясь атаки, выступили в нашу пользу и, оскорбляя французов, единодушно потребовали, чтобы генерал Ренье срочно покинул город. Мне сообщили об этом горожане, которые пришли на наши аванпосты с досрочными поздравлениями. Когда в 6 часов утра я должен был получить окончательный ответ, в Дрезден пришло известие о подходе маршала Даву с 15-тысячным корпусом. В 10 часов он вступил в город, перешел мост, дебушировал через Райштадт и атаковал меня. Думаю, что он был сильно удивлен, не найдя ни пехоты, ни пушек, чтобы его встретить, и без осложнений заставил меня очистить поле битвы; я отступил к Кёнигсбрюку.

Ночью я получил приказ покинуть эти места и направиться к Хавельбергу, что на Эльбе. Я шел через Ютербок, где покинул свой отряд и выехал в Берлин, чтобы получить там новые приказы графа Витгенштейна и отдохнуть несколько дней.

Там я более тесно познакомился с нареченной моего брата мадмуазель Алопеус, а также принял участие в празднествах, которые берлинцы давали в честь наших войск и своего генерала Йорка.

* * *

Полковник Теттенборн вошел в оставленный французами Гамбург, а мой брат — в Любек. Жители этих двух городов с радостным упоением встретили освободителей Германии и с республиканским жаром принялись вооружаться для защиты своей независимости. Из них под руководством полковника Теттенборна были сформированы войска, названные Ганзеатическим легионом. Чернышев находился около Магдебурга и искал возможность перейти Эльбу. Наша главная армия выдвинулась к Дрездену, в который вскоре с триумфом вступили Император и король Пруссии. Сразу после этого король Саксонии разорвал союз с Наполеоном и стал под славные знамена, которые успехи нашего оружия расправляли над поверженной Германией.

Генерал Дёрнберг, известный своими действиями против угнетателей своей родины и своей отвагой, при поддержке общественного мнения добился в Берлине счастливой возможности вернуться в Гессен с оружием в руках; ему дали 2-й егерский полк, один батальон прусских фузилеров, 4 орудия конной артиллерии и мой отряд. С большим удовольствием я встал под его командование, и мы выступили из Берлина, чтобы перейти в Хафельберг, где собирались войска, и где нам было приказано переправиться через Эльбу. Теттенборн получил приказ двигаться на Бремен, отряды Чернышева и самого Дёрнберга должны были совместно пытаться проникнуть в Ганновер. Можно было надеяться, что три небольших летучих отряда заставили бы всю эту часть Германии в массовом порядке поднять знамя восстания.

Это предположение, основанное на наших легких успехах вплоть до настоящего времени, было слишком преждевременным. Действительно, от русской границы французская армия только и делала, что отступала, ее преследовали и беспокоили такие отряды, как наш. Но французская армия усилилась всеми резервами, которые Наполеон затребовал из Франции и из подчиненных ему стран, она больше не боялась нас и была далека от того, чтобы покорно отдавать территорию. Она готовилась вновь завоевать то, что только что потеряла.

Теттенборн не нашел в себе сил что-либо предпринять против Бремена, он счел более удобным никуда не двигаться из Гамбурга и продолжал наслаждаться достатком и всеми почестями, которые предлагал ему этот город. Он удовлетворился тем, что выслал моего брата с небольшим отрядом на Бременскую дорогу, и поручил нескольким казакам найти способ войти в Люнебург с тем, чтобы побудить тамошних жителей к восстанию.

Напротив Хафельберга противник занимал маленький городок Верден. Мы скрыли свои приготовления к переправе на небольшой речке Хафель, впадающей в Эльбу рядом с Верденом. Как только все было готово, один казачий полк ночью переправился на другой берег и без боя взял в плен 150 французов, которые были оставлены в этом городе для наблюдения. Утром переправился весь наш отряд, а на следующий день за нами должен был последовать отряд Чернышева.

Ближе к вечеру наши аванпосты увидели неприятеля. Я вышел вперед, чтобы определить его численность, и, увидев многочисленные колонны пехоты,

двигавшиеся непосредственно на Вербен, поспешил уведомить об этом генерала Дёрнберга, предложив ему оставить город, двинуться вдоль реки и вместе с транспортными лодками проследовать до места, где ночью было бы удобно перейти реку. У нас не было времени сесть на лодки в Вербене, и не было достаточных сил, чтобы отбросить врага. Неприятель мало обеспокоился сопротивлением, которое я пытался ему оказать с несколькими казаками, и направился прямо на Вербен, где захватил некоторое количество наших людей и обозных повозок, не успевших уйти из города. Я последовал за Дёрнбергом, и в двух милях ниже по течению мы все переправились на правый берег Эльбы. Наш отряд разместился на квартирах в Перлеберге, а отряд Чернышева — в Дёмице.

Через два дня мы вновь перешли Эльбу в Фербице, а Чернышев в Дёмице. Он двинулся к Ильцену, а мы к Зальцведелю. Протоптавшись там несколько дней, мы направились к Люнебургу, который нашли занятым сильным неприятелем. На некотором расстоянии от города мы спрятали всех наших людей, оставив на виду лишь несколько казаков. Дёрнберг хотел атаковать город, но Чернышев и особенно я, мы придерживались мнения, что атака невозможна ввиду сильной позиции Люнебурга, окруженного доброй стеной и располагавшего гарнизоном в 4 тысячи человек. Он мог быть атакован только через ворота, к которым можно было приблизиться, только пройдя по двум мостам. Наш спор был прекращен сообщением о том, что неприятель предпринял вылазку. Я приказал имевшимся у меня 200 гусарам двинуться по дороге, лежащей в овраге; за этими гусарами, состоявшими под командой храброго полковника Бедряги, последовал один казачий полк; они ехали в полной тишине, не замеченные противником, который видел только нескольких казаков и забавлялся их преследованием. Дождавшись момента, когда, по моему мнению, моя маленькая колонна, двигавшаяся по ложбине, должна была обогнать хвост неприятельской колонны, вышедшей из города, я подал сигнал, и в ту же минуту всё было опрокинуто. Две пушки, которые едва успели прицелиться, были захвачены, более 500 человек пехоты побросали оружие, а около сотни кавалеристов, находившихся в голове колонны, были нами преследованы и частично взяты в плен до того, как добрались до городского моста.

Дождавшись этого момента, генерал Дёрнберг двинул в наступление весь свой отряд; поручив генералу Чернышеву атаковать левые ворота, он сам с пехотой и двумя пушками бросился к другим воротам, которые только что открылись, чтобы пропустить бегущих французов.

Небольшая партия пехоты пыталась проникнуть в город через ворота, атакованные генералом Чернышевым; два орудия конной артиллерии также действовали против этих ворот, и огнем в упор отвечали на неприятельский обстрел. Не ожидавший столь стремительной атаки противник вскоре уступил, и наша пехота, кавалерия, артиллерия и казаки, перемешавшись, ворвались в Люнебург. Бой велся за каждую улицу, отдельные взводы французов, укрывшись в домах и церквях, вели оттуда смертоносный огонь. Царил полный беспорядок, вся наша пехота была распылена, генерал Дёрнберг, под которым была убита лошадь, получил

контузию и не мог больше сесть в седло. Командир 2-го егерского полка подполковник Эссен был ранен, молодой и храбрый граф Пушкин, возглавлявший остальных егерей, умер от своей раны. Прусский майор не мог совладать с пылкостью своих соотечественников, которые, соревнуясь в храбрости с нашей пехотой, со всех сторон отважно преследовали неприятеля, еще продолжавшего защищаться. На главной площади войска остановились, чтобы разграбить готовившиеся к бегству обозы. Только с большим трудом нам с Чернышевым удалось собрать наших гусар, драгун Финляндского полка и некоторое число казаков для того, чтобы преследовать французскую колонну, вышедшую из города с другой стороны.

Тем временем отважный генерал Моран, который командовал отступающей колонной французов, увидел наши слабые силы, остановился, повернул назад с оружием в руках и под бой барабанов ускоренным шагом направился к воротам, через которые он только что вышел из города. Наша слабая кавалерия была не в состоянии помешать этому продвижению. Чернышев стал искать пути отступления так, чтобы не проходить через город, а я бросился в Люнебург для того, чтобы попытаться собрать наших людей, половина из которых была ранена, а также спасти наши пушки, оставшиеся на городских улицах вследствие гибели своих упряжных лошадей. Прусский майор помогал мне с необыкновенным усердием, однако, все его усилия оказались напрасны. Наша распыленная по городу кавалерия искала путей спасения, и неприятельская колонна уже победоносно вернулась в Люнебург. Молодой артиллерийский офицер Врангель, который не мог спасти одно из своих орудий, чья колесная ось сломалась, зарядил его картечью и произвел выстрел, оказавшийся столь удачным, что свалил генерала Морана. Неприятельская колонна остановилась, некоторые наши егеря с храбрым прусским майором закричали «ура!», и в ответ на это противник стал махать белыми платками в знак сдачи.

Вот таким образом, благодаря генералу Случаю, от которого на войне очень многое зависит, мы остались хозяевами Люнебурга, захватили 12 пушек, два знамени и 3500 пленных.

Необходимость всегда быть настороже против неприятеля, который мог прийти из Магдебурга, занятого, как мы знали, сильным корпусом маршала Даву, заставила нас выставить один казачий полк для наблюдения за дорогами в Даннерберг и Ильцен. Ночью нам сообщили, что весь неприятельский корпус прибыл в Даннерберг. Двигаясь вдоль Эльбы, он мог, таким образом, отрезать нам пути к отступлению. Не теряя ни минуты, мы направили пленных и пушки с эскортом прямо к переправе в Бойценбурге, куда мы вызвали наши транспортные суда, а на следующее утро сами последовали за ними со всем своим отрядом. Чернышев принял на себя обеспечение перехода войск и посадки их на суда, я же с двумя казачьими полками вышел навстречу неприятелю, чтобы прикрыть переправу.

Получив известие о деле под Люнебургом, и ничего не поняв из него, маршал Даву приостановил свой марш, и мы спокойно осуществили переправу. Войска стали лагерем в окрестностях Бойценбурга, и я воспользовался случаем, чтобы

посетить Гамбург, где мы с Теттенборном приятно провели 36 часов. Маршал Даву прошел через Люнебург только для того, чтобы двинуться на Бремен. Мы снова сели на плоты и в третий раз пересекли Эльбу.

С правой стороны мы установили связь с моим братом, которого Теттенборн во главе нескольких сот казаков выслал на дорогу между Гамбургом и Бременом, а с левой стороны — с отрядом Чернышева, который двигался в сторону Хальберштадта.

Мы продвинулись вплоть до города Целле, который, как мы узнали благодаря усиленной рекогносцировке, был слишком мощно укреплен для того, чтобы предпринять его штурм. Мы довольствовались наблюдением за гарнизоном и высылкой партий для разведывания прилегающей местности. Отважный прусский волонтер Гребен дошел до стен Ганновера и захватил там сотню французских кавалеристов.

Тем временем, наши войска уже не продвигались с той скоростью и успехом, как это было во время отступления французской армии. Император готовился двинуться навстречу Наполеону, который собрал для продолжения борьбы новую огромную армию. Для руководства действиями трех наших отрядов был прислан генерал Вальмоден. Я заболел и отправился в Гамбург, чтобы поправить свое здоровье.

Через несколько дней генерал Дёрнберг вступил в Целле, на время оставленный неприятелем, но в тот же день был вынужден покинуть город, вновь занятый французами, прогнавшими наши аванпосты, которые отступили, перемешавшись с неприятелем, и потеряли много людей. Чернышев имел блестящее дело у Хальберштадта, но оба отряда под нажимом превосходящих сил противника были вынуждены вскоре переправиться на правый берег Эльбы и прекратить свои операции.

Генерал Вальмоден не сделал ничего, даже не заставил себе подчиняться. Теттенборн не пожелал находиться под его начальством, Чернышев ушел со всем своим отрядом и присоединился к графу Воронцову. Я был болен, Дёрнберг попросил дать ему другое задание. Было невозможно собрать под одним командованием летучие отряды, подобные нашим. Они были полезны и могли воспользоваться обстоятельствами только благодаря своей мобильности, которая, естественно, терялась при исполнении разработанного вдалеке плана. Эта малая война потеряла весь свой смысл, как только противник перешел в наступление и двинулся вперед крупными массами, и когда главные силы, определяющие судьбу Европы, возобновили борьбу в том месте, где Наполеон встретился с Александром.

* * *

Фельдмаршал Кутузов умер, приведя наши победоносные батальоны с берегов Москвы-реки на берега Эльбы. Но эти батальоны были слабыми, и наступали, по-прежнему не получая пополнений. Все, что составляло силы России, собранные под начальством Императора, не превышало 40 тысяч человек, можно

сказать, что это были только кадры армии. Пруссия, несмотря на свои усилия, не могла еще собрать значительных сил, Саксония только заявила о своем нейтралитете, Австрия вооружилась, но не объявила, на чьей она стороне, и готовилась играть посредническую роль. Вся остальная Германия высказывалась в нашу пользу, но, испуганная огромными приготовлениями Наполеона, либо дала ему своих солдат, либо осталась робким зрителем того действия, от которого зависело освобождение от сковывающих ее цепей. Швеция только начала перебрасывать свои войска на театр ее былых побед. Во главе этой армии на берег высадился великий генерал, человек, преисполненный той прекрасной ролью, которую ему предстояло сыграть[56]. Наполеон уже продвинулся к центру Германии, он вел за собой Италию, Голландию и огромное количество французов, чья национальная гордость требовала отомстить за обиду, нанесенную им в России. Два императора встретились под Лютценом, на равнине, известной благодаря смерти одного героя[57]. Битва не имела решительного результата, с нашей стороны были сделаны ошибки, остались неиспользованными резервы, способные принести нам победу. Самая большая ошибка заключалась в том, что на следующий день не сочли возможным возобновить бой, и был отдан приказ об отступлении. В последний раз Наполеон снова казался более великим, чем когда-либо. Он вернулся в Дрезден победителем, а затем двинулся к Баутцену, заставив наши армии отступить.

Стало очевидно, что было ошибкой так скоро принять сражение. Каждый шаг, завоеванный Наполеоном, увеличивал его могущество, приучал к бою его новые пополнения и уменьшал мужество испуганной Германии.

Австрия предложила свое посредничество, и стороны сочли за счастье заключить перемирие. Были размечены демаркационные линии, и в этой позиции наша армия получила свои подкрепления, прусская армия увеличилась за счет новобранцев и волонтеров со всего королевства. Австрия, приготовившись к войне, решилась присоединиться к силам, воюющим против общего врага. Бавария примкнула к коалиции, сформировав свою армию в тылу Наполеона, шведы прибыли в Померанию, а победы Веллингтона в Испании приблизили опасности войны к границам Франции. В то время, когда происходили эти великие события, граф Воронцов с графом Чернышевым дошли до Лейпцига.

Успех сражения при Лютцене сделал возможным выдвижение французских войск из Бремена, они пошли оттуда на Гамбург. Мой брат, поставленный на дороге в этот город, был слишком слаб для того, чтобы сопротивляться, храбро сражаясь в течение целого дня, он покинул левый берег Эльбы и вернулся в Гамбург. Неприятель овладел Харбургом и несколькими днями позже захватил военные суда, которые должны были защищать реку.

Теттенборн по небрежности не позаботиться о средствах защиты; если бы он имел (что было очень легко сделать) хотя бы два десятка речных канонерских лодок, то он остался бы хозяином течения реки. А если бы на острове Вильгельмсбург был бы оставлен не пост в виде авангарда, как было в действительности, а сооружено хорошее предмостное укрепление напротив Гроссер-Грасброка,

то французы, может быть, и не решились бы его атаковать. Имея господствующее положение на реке, они смогли легко высадиться ночью на остров Вильгельмсбург, выгнать оттуда слабый Ганзеатический отряд, который его защищал, и обосноваться там, на расстоянии малого пушечного выстрела от укреплений Гамбурга.

Эта операция произошла ночью, весь город был разбужен по тревоге, горожане схватили оружие, а женщины, захватив детей и имущество, стали убегать в направлении Альтоны. Население намеревалось защищать свой город. Гамбургцы слишком открыто выступали против французов, им не приходилось надеяться на их благородное прощение; они получили английские ружья, были готовы их раздать и сражаться каждый на своем месте. Немногочисленные русские войска под командой Теттенборна, состоявшие из одной лишь конницы, не могли ничего сделать для защиты города, Гамбург был почти предоставлен тогда собственным силам. Из всей регулярной пехоты там имелся только слабый мекленбургский батальон, присланный герцогом Шверинским[58] в качестве свидетельства своего присоединения к общему делу. В Альтоне и ее окрестностях располагались значительные силы датских войск, которые надо было постараться привлечь к обороне Гамбурга. Дело это представлялось весьма затруднительным. В Копенгаген был послан князь Долгорукий, вызванный для того, чтобы сделать выгодные предложения датскому королю[59]; последний направил в Лондон своего представителя с целью отменить совместное решение Англии и России, согласно которому Норвегия отдавалась во владение Швеции. Таким образом, Дания лишалась одной из лучших своих провинций, поэтому она предпочла союз с Францией союзу с Россией. С другой стороны, коалиция против Наполеона показалась датчанам настолько сильной, что они испугались потерять все, выступив против нее. В случае победоносного окончания войны Франция могла обещать заплатить Дании за услуги либо тем же Гамбургом, либо Мекленбургом, так как они оба выступали против нее. Мы же могли дать только смутные обещания, не имея средств их выполнить. Если война заканчивалась в нашу пользу, Ганновер пришлось бы возвратить королю Англии, и не представлялось бы возможным ни пренебречь обещанием, данным Швеции, ни лишить храбрых гамбургцев их независимости, ни раздробить Мекленбург, который присоединился к нашему оружию. Таким образом, было очень трудно заставить датского генерала поверить в то, что интересы его двора требуют защищать Гамбург на поле боя. Тем не менее, нам с Теттенборном это удалось, и впервые датские батальоны, застоявшиеся за время 40-летнего мира, пришли в движение, чтобы сразиться с французами.

Не имея более дел в Гамбурге и будучи старше Теттенборна, я направился в качестве волонтера к моему брату, которому была доверена оборона водной переправы. Мы прибыли слишком поздно, этот важный пост был уже захвачен. Французы наступали повсюду, и в тот же день они стали бы хозяевами города, если бы неожиданное вмешательство датских войск не остановило их движений. Рассчитывая ранее на сотрудничество датчан, и нежданно увидев их перед собой, французский генерал прервал свою атаку и даже освободил захваченные им позиции.

В то же время мы больше не могли рассчитывать на помощь датского корпуса, во всяком случае, до возвращения курьера, посланного в Копенгаген. Мы очень хорошо знали, что король не даст себя одурачить красивыми словами, как это случилось с его генералом. Без промедления нами было отправлено послание наиболее близко находящемуся от Гамбурга шведскому генералу, с просьбой прибыть в город, не дожидаясь соответствующего приказа от кронпринца, который еще не высадился в Штральзунде. Этот генерал прибыл ускоренным маршем. Теперь Гамбург мог быть спасен. Оказалось бы слишком невероятным чудом, если бы этот город спасло сотрудничество датчан и шведов, которые втихомолку уже вели между собой войну, а через несколько недель должны были открыто сразиться на поле боя. Как только датского короля проинформировали о происходящих событиях, он немедленно приказал своим войскам отойти от Гамбурга и сохранять строгий нейтралитет. Кронпринц Шведский, разгневанный тем, что без его приказа часть его войск была подставлена под удар, вернул их на исходные позиции и отдал под суд генерала, предпринявшего эти действия.

Не имея никакой возможности быть полезным в Гамбурге, и пребывая в очень плохом состоянии здоровья, я вернулся в Шверин вместе со своим братом, который тоже серьезно заболел.

Вскоре после этих событий датчане, проявив добрую волю, заблаговременно попросили генерала Теттенборна отвести его войска. Датчане вошли в Гамбург и заняли его. Надо отдать им справедливость в том, что они пытались, насколько возможно, защитить город от мести французов, которые засели в нем настолько прочно, что бывший там командующим маршал Даву оставался там до конца войны, покинув Гамбург только в 1814 году после получения от короля Людовика XVIII приказа отступить.

После подписания перемирия военные действия под Гамбургом были приостановлены и у меня появились возможность отправиться для поправки своего здоровья в Доберан, в Мекленбурге, на побережье Балтийского моря.

* * *

Некоторые из моих товарищей-офицеров последовали за мной, нас насчитывалось более 12, и все мы были решительно настроены поразвлечься. Врачи выписали нам рецепты, и мы начали свой скрипичный концерт. Добропорядочные немцы посчитали наши манеры несколько шумными, но не осмелились ничего возразить.

Две красивые девицы по фамилии Блюхер прибыли на ярмарку в Росток, вскоре состоялось наше знакомство, я сдал им несколько комнат в занимаемом мною доме в Доберане, где их постоянно сопровождал их дядя. Это, впрочем, не помешало одной из них влюбиться в моего офицера, вторая же решилась принять мои ухаживания. В сопровождении своего доброго дяди они провели в нашем обществе 36 часов. Мы отправились с ними в Росток, где могли наедине видеться с нашими прекрасными дамами, и с большей легкостью обманывать дядю

Ф.К. Тетенборн

и публику. Но эта нежная связь не могла продолжаться долго. Девицы Блюхер вернулись в свой замок. Впоследствии офицер по фамилии Жори женился на своей красавице, я же был покинут моей дамой, чтобы затем получать от нее сентиментальные письма.

Мы свели знакомство с пансионом молодых девиц, которым надо было давать балы, ужины и завтраки; хозяйка пансиона так любила развлекаться, что потом не могла ни в чем отказать этим храбрым русским, прибывшим из таких дальних мест, чтобы освободить Германию. Каждый из нас выбрал себе объект для ухаживания; эти девицы были чувствительны и добры, как все немецкие девушки, и пансионная дама говорила, что не надо их слишком стеснять, так как из этого может получиться хорошая женитьба.

Случались и более серьезные вещи, прибыли госпожа графиня Бассевиц и госпожа Мёллер, обе милые и красивые, в сопровождении и под наблюдением неприятных мужей. Госпожа Бассевиц привлекла все мое внимание, но вскоре я увидел, что, будучи слишком сентиментальна для перемирия, она бросила к своим ногам полковника Рапателя, которого я любил всей душой. Я направил свои взоры к госпоже Мёллер. Предпринятое мною ухаживание, которое, в конце концов, было благосклонно принято, настолько заняло мое внимание, что я полностью забыл свои ревматические боли. Это была пора, когда каждый день игрались новые

партии, совершались прогулки, назначались свидания в садах, в лесу, давались балы и у мужей появлялись поводы для ревнивых придирок. Но время шло, период отдыха приближался к концу, как и срок перемирия. Приехал граф Воронцов и предложил мне место в своем корпусе. Надо было задуматься об отъезде из Доберана и о том, как заплатить свои долги; это последнее оказалось самым трудным. Тем, что отравило нам приятность тамошнего времяпрепровождения, явилась злосчастная дуэль между одним из моих офицеров и молодым господином Сталем, сыном знаменитой мадам де Сталь, адъютантом кронпринца Шведского, тоже состоявшим при мне. Он был убит ударом сабли, что доставило нам настоящее огорчение и представлялось еще большим несчастьем потому, что именно в этот момент шведские войска присоединились к нашим. Кронпринц Шведский благородно простил того, кто бился с бедным Сталем, и его секундантов. Наши сожаления об этом молодом человеке развеяли то скверное впечатление, которое эта дуэль произвела на шведских офицеров.

Я занял свое место при графе Воронцове, чей корпус входил в состав корпуса генерала Винценгероде — главнокомандующего русскими войсками, подчиненными кронпринцу Шведскому. Наша главная квартира находилась в Бранденбурге, недалеко от Берлина; прусский корпус генерала Бюлова насчитывал 30 тысяч человек, составляя вместе с нами и почти 20 тысячами шведов армию кронпринца Шведского Бернадота, общая численность которой достигала 80 тысяч человек.

Главная армия, находившаяся под личным командованием Императора и усиленная австрийской армией, состояла из русской и прусской гвардии и корпуса генерала Витгенштейна. Благодаря искусной политике Императора, главнокомандующим этой армией был назначен князь Шварценберг, австрийский фельдмаршал, что удовлетворило притязания Венского кабинета.

В состав третьей армии, собранной под командованием фельдмаршала Блюхера, входили русские корпуса Сакена и Ланжерона и прусские корпуса Йорка и Клейста. Таким образом, новый этап борьбы происходил под покровительством наших знамен, руководимых талантом и могуществом императора Александра. Как всегда его политика отличалась умеренностью, он собрал армии Европы под командованием прусских и австрийских военачальников и шведского принца. Все мелкие честолюбия были удовлетворены. Мы же в деле восстановления европейской независимости положили на чашу весов только наше мужество и старание.

Все то, что уничтожило самую громадную армию, которую объединенная Европа смогла предоставить Наполеону, все то, что возродило германскую честь и открыло дорогу к счастью, все то, что было сильным от ощущения своего могущества и великим от совершенных подвигов, все это щадило слабость и уважало несчастья порабощенных наций. Умеренность императора Александра принесла ему славу, она позволила ему объединить собранных под его командованием солдат Европы и сердца народов.

* * *

Срок перемирия истек, все армии пришли в движение. Начало кампании не принесло успеха нашей главной армии, при которой находились объединенные императоры России и Австрии, король Пруссии и знаменитый генерал Моро, который по приглашению императора Александра вернулся из Америки, чтобы своим талантом и прекрасной репутацией помочь союзным государям. Было решено покончить дело разом и разбить Наполеона, засевшего в Дрездене. Армия генерала Блюхера на правом берегу Эльбы и армия государей на левом атаковали французскую армию. Нападения были отражены с большими потерями для нас, 14 тысяч австрийцев побросали оружие, генералу Блюхеру пришлось отступить, а главной армии — искать оборонительную позицию в горах Богемии. Самой значительной потерей этой операции стала смерть замечательного генерала Моро, когда неприятельское ядро ударило радом с императором Александром. Он испустил дух как герой, о нем сожалели не только во всей Европе, но даже во французской армии.

Пока под Дрезденом происходили все эти события, наш корпус маневрировал с целью спутать планы маршала Макдональда, который с армией из 70 тысяч человек противостоял кронпринцу Шведскому. После нашей неудачи под Лютценом саксонская армия перешла на сторону противника и составила часть армии Макдональда. Все были совершенно уверены в том, что французский военачальник имел определенный приказ Наполеона — во что бы то ни стало захватить город Берлин. Вследствие этого мы двинулись, чтобы занять позицию перед этой столицей. Корпус генерала Бюлова прибыл со своей стороны, и корпус генерала Тауэнцина, который, образуя авангард, отступил с боем, также присоединился к нам.

Армия заняла позицию в полутора милях перед Берлином; русские находились на правом крыле, на некотором расстоянии от городка Тельтов; почти вся кавалерия этого корпуса, построенная в две линии, образовывала крайний правый фланг; на нашу пехоту опирались шведы, составлявшие центр, прусский корпус располагался на левом крыле. С этой позиции открывался вид на колокольни Берлина, что должно было вдохновить противника, а пруссакам вернуть их исконную храбрость.

Около двух часов пополудни французы стремительно атаковали наш правый фланг. Войска под командованием генерала Тауэнцина уступили численному превосходству неприятеля; войска генерала Бюлова ускоренным шагом пришли на помощь своим товарищам, но повторяющиеся атаки французов также вынудили их отойти назад после ожесточенного боя.

Кронпринц Шведский направил на подкрепление пруссаков часть шведской пехоты и несколько батарей конной артиллерии. Наше крыло не было задействовано, я находился в свите кронпринца, который с возвышения мог наблюдать за всеми действиями противника. Я стал свидетелем очень красивого ответа, который он дал адъютанту генерала Бюлова, сообщившего ему о том, что пруссаки отходят с боем.

Передайте Вашему генералу, — сказал Бернадот, — что, если он отступит хоть на один шаг, я его разжалую в солдаты. Пусть он помнит, что сегодня пруссаки должны защитить свою столицу, своих жен и свою честь.

Этот энергичный ответ произвел свое действие, генерал Бюлов перешел в атаку, мужество пруссаков удвоилось; они обрушились на колонны противника с такой яростью, которой ничто не могло противостоять. Схватка достигла наивысшего напряжения, и к концу дня французы в свою очередь были вынуждены уступить, оставив поле сражения, покрытое телами погибших.

Берлин был спасен, слава этого дня принадлежала пруссакам. В бою приняло участие небольшое количество шведов и, за исключением некоторого количества артиллерии, никто из русских не сражался. Это важное по своим результатам сражение получило название битвы при Гросс-Беекенге, по названию деревни, расположенной в границах нашей позиции.

При открытии этой кампании мне дали под командование Павлоградский гусарский полк, Волынский уланский полк и батарею конной артиллерии. На следующий день после сражения при Гросс-Беекенге мой отряд усилили еще три казачьих полка, и я получил приказ преследовать неприятеля.

Маршал Макдональд отступал по нескольким дорогам к Ютербоку. На каждом шагу мы встречали повозки с военным снаряжением, брошенных раненных, мы захватили большое количество мародеров, которые после вчерашнего поражения разбрелись по соседним деревням. Около Треббина я повстречал часть неприятельской армии, которая, стремясь обойти болота, простиравшиеся до этого города, медленно шла по поперечным дорогам и отдыхала у небольшой деревни Людерсдорф. Местность была настолько заболоченной, что было невозможно предпринять что-то серьезное, мы обменялись пушечными выстрелами, и французы несколькими колоннами продолжили свое движение к Луккенвальде. Я преследовал их арьергард, который умелыми действиями не позволял мне себя отрезать.

Подойдя к Ютербоку и не обнаружив там основных сил французской армии, а также приняв в расчет открытую местность, на которой я мог не опасаться каких-либо неожиданностей, я принял решение атаковать арьергард, который был отброшен в этот город. В этот момент с двумя полками егерей прибыл граф Орурк. Он одобрил мой план и присоединил к моему войску 14-й егерский полк. Я послал часть конницы обойти город на нашем правом фланге, и, поставив егерей в голове колонны, двинул за ними остальную кавалерию, чтобы штурмовать ворота Ютербока. Наша пехота сильным натиском опрокинула неприятельских стрелков, рассыпанных в предместьях, пробилась через ворота и после получасового боя захватила город.

Я преследовал неприятеля во главе кавалерии. Несколько французских эскадронов прикрывали отступление своей пехоты, они были атакованы двумя эскадронами Волынского уланского полка и обращены в бегство. Наша кавалерия, обойдя город, оказалась в тылу противника. Увидев, что дорога перекрыта,

неприятель больше не заботился ни о чем, как только найти путь к бегству, и бросился в находившийся в стороне соседний лес. Приближалась ночь; огни, появившиеся слева от нас, и донесения наших патрулей известили нас о прибытии армии Макдональда, которая следовала не по большой дороге.

Граф Орурк приказал мне отступить, оставив в городе Ютербок только один батальон егерей в качестве авангарда. Остальная часть нашего отряда расположилась биваком на выходе из этого города.

Это незначительное дело стоило нам не более 20 человек, тогда как в наши руки попало около 300 пленных. На следующий день все силы неприятеля пришли в движение и выступили на Ютербок. Батальон егерей получил приказ оставить город, и мы приготовились к бою.

Вскоре вражеские стрелки выдвинулись из города, их количество заставило наших стрелков отойти. Разгорелась артиллерийская канонада, но в течение более чем целого часа неприятельские колонны не решались идти на нас.

Ввиду подавляющего превосходства французов, граф Орурк приказал отступать; сам он с пехотой отошел к Цинне, приказав мне прикрыть его движение и встать с кавалерией на его правом фланге возле деревни Класдорф. Неприятель преследовал нас очень слабо, и к концу дня мы отбросили его аванпосты, расположив наши на виду Ютербока. Этот город находился на правом крыле армии Макдональда, стоявшей на красивой равнине, отделенной от границы наших аванпостов только небольшим оврагом, прорезанным ручьем. На следующий день обе стороны остались на прежних позициях, к вечеру прибыл граф Воронцов для того, чтобы принять командование нашим отрядом. Он тотчас приказал идти на врага; его аванпосты были опрокинуты, и наши солдаты продвинулись до ворот Ютербока. Ночь положила конец бою.

На рассвете французы оставили этот город и потянулись к Виттенбергу. Мы последовали за их движением, фланкируя с правой стороны их марш. Около деревни Марцана неприятель занял позицию. Кронпринц Шведский выдвинул к тому же месту весь корпус генерала Винценгероде.

Этот последний с частью кавалерии провел рекогносцировку, во время которой было сделано несколько пушечных выстрелов. После полудня неприятель захватил высоту, с которой мог угрожать нашему биваку, так как мы и не помышляли о том, чтобы занять позицию.

Меня послали выбить неприятеля. Эта задача могла оказаться трудной, если бы он решил стоять твердо. Но противник, может быть, опасаясь всеобщего столкновения, уступил мне местность, и я поставил свои орудия и кавалерию на расстоянии ружейного выстрела от его линий. Нам это дело обошлось в несколько убитых лошадей.

На следующий день задумали провести совместную атаку с генералом Бюловым, который должен был дебушировать на нашем левом фланге, оконечность коего составлял я с моим отрядом. Весь наш корпус построился в атакующий боевой порядок, Винценгероде ждал начала движения пруссаков, а те, вероятно,

ожидали, когда приступим к делу мы. Так как я был лицом к лицу с неприятелем, то мне было приказано стрелять из пушек в надежде, что этот шум послужит Бюлову сигналом к наступлению. Но он не понял этого, а я остался в дураках, ибо получил столь горячий отпор от столь превосходящей и столь хорошо направленной артиллерии, что был рад прекратить пальбу, вызвав тем самым прекращение огня со стороны неприятеля, после того, как у нас совершенно без толку погибло много людей. Противник не имел намерения сражаться на этой позиции, а мы ещё менее стремились его атаковать.

На следующий день французы спокойно проследовали к Виттенбергу, где, почти под самыми пушками крепости заняли заранее подготовленный укрепленный лагерь.

Граф Воронцов снова получил задание следовать за неприятелем. После боя, проведенного обеими сторонами для успокоения совести, французская армия безмятежно осталась стоять на своей прекрасной позиции, а мы безмятежно остались за ней наблюдать.

На третий день мы увидели, что все неприятельские войска встали в ружье, и проходят парадным маршем. Вскоре мы узнали, что это было по случаю смены командующего. Наполеон, недовольный малыми успехами Макдональда, послал ему на смену маршала Нея, приказав ему идти на Берлин.

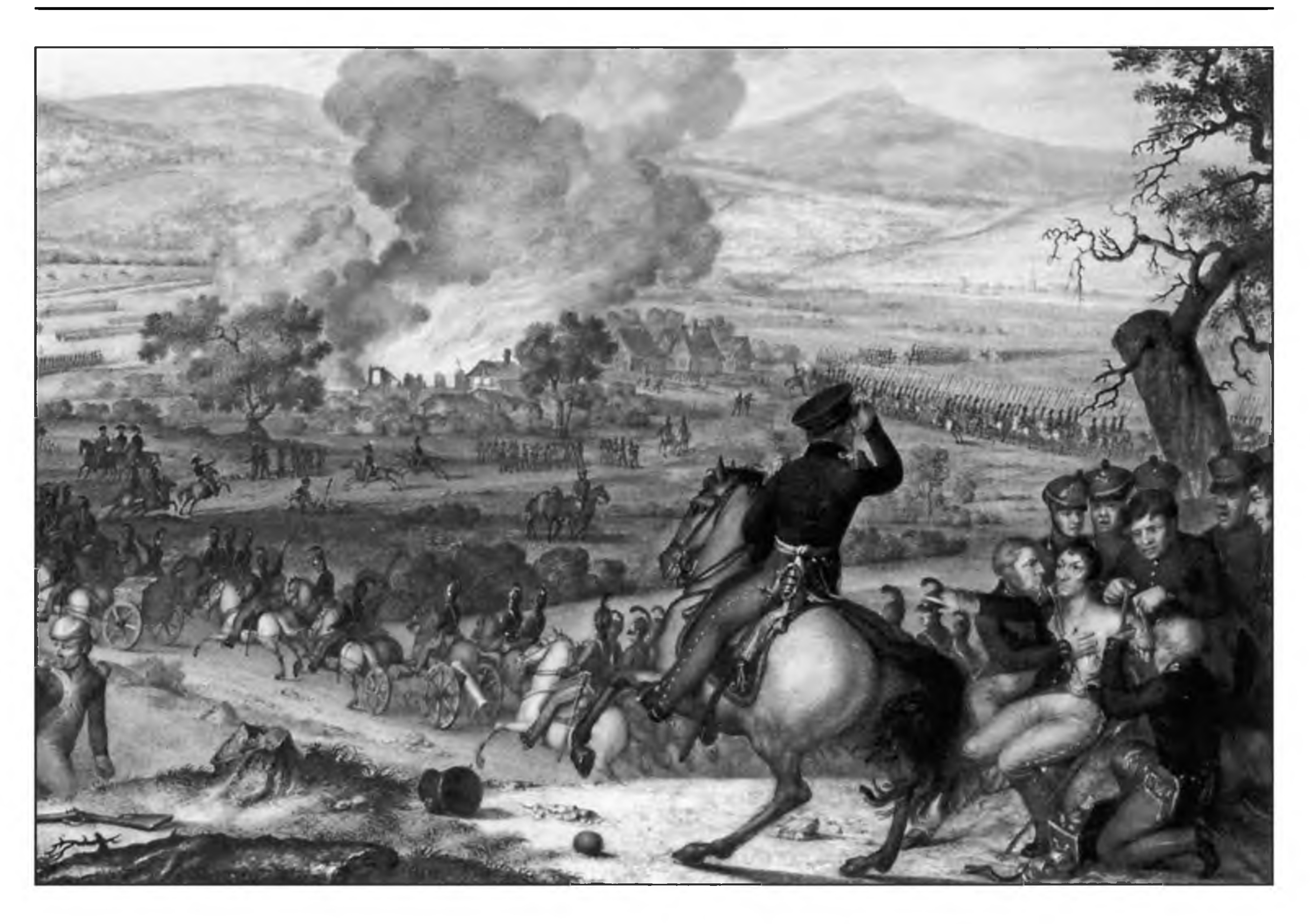
К вечеру следующего дня неприятель начал движение, избрав для него дороги, ведущие на Зайду и Торгау, распространяя слухи, что в последнем пункте они переправятся через Эльбу. Граф Воронцов неотступно следовал за вражеским арьергардом, однако, ночью мы потеряли направление его марша.

Кронпринц Шведский, сумевший, как опытный военачальник, разгадать намерения маршала Нея, двинулся к Ютербоку и сконцентрировал там все свои силы.

Я единственный остался с тремя казачьими полками на дороге в Зайду; у меня не было сомнений в том, куда направляется французская армия, и я хотел ускорить свой марш, чтобы находиться у нее в тылу в тот момент, когда она будет сражаться со всеми нашими силами. Это движение обещало принести очень большую пользу.

Я сделал такое предложение генералу Винценгероде, но, к несчастью, он недвусмысленно приказал мне изменить направление и присоединиться к нему. Мы находились более чем в трех милях от Ютербока, было уже далеко за полдень, и мы прибыли на место только к концу сражения.

Генерал Тауэнцин, возглавлявший авангард прусского корпуса, был живо оттеснен к Ютербоку, понеся значительные потери. Там его поддержали все войска генерала Бюлова; бой продолжался с активностью, делавшей столько же чести неудержимому натиску французов, сколько и храбрости пруссаков. Последние между тем были задавлены численным превосходством и начали отходить, оставляя поле битвы, покрытое телами своих убитых солдат. Французы, уже считавшие себя победителями, продвигались вперед в беспорядке, их пехотные колонны

Сражение при Кульме

смешались с кавалерией и артиллерией; даже обозы приблизились к войскам и увеличили неразбериху в рядах победителей.

В это время появились колонны шведов и корпуса Винценгероде. Кронпринц лично возглавил конную артиллерию, а также шведскую и русскую кавалерию. Он начал атаку несколькими залпами из пушек, которые галопом приблизились к неприятелю на расстояние половины картечного выстрела.

Вся кавалерия с редким бесстрашием последовала за этим движением; французы на всех пунктах начали подаваться назад и, тесня друг друга, обращаться в бегство. Выручённые пруссаки рвались вперед с тем большим остервенением, сколь велико было их стремление отомстить за огромные потери. Неприятель пришел в такое расстройство, что нашей кавалерии оставалось только преследовать и рубить его.

Барон Пален во главе нескольких полков гнался за беглецами почти до самых стен Торгау. Слабые остатки армии маршала Нея сумели ускользнуть, только бросившись в беспорядке в эту крепость. Остальные неприятельские войска рассеялись по разным дорогам, где были истреблены или взяты в плен.

На следующий день после битвы мы были обладателями 120 орудий, всех обозов, огромного количества лошадей и всевозможных припасов, которые противник возил с собой, а также более 20 тысяч пленных. Из 70 тысяч человек,

составлявших накануне армию маршала Нея, никто, кроме разрозненных беглецов, не ушел от преследования наших войск. Вся эта армия была уничтожена, Берлин спасен, а слава кронпринца Шведского украсилась новыми лаврами. В этот же день удача ушла из под знамен Наполеона

Несчастья Наполеона не закончились этим поражением. С одной стороны, на равнинах Саксонии неутомимый генерал Блюхер принудил к отступлению наибольшую часть его армии, в тот момент, когда бесстрашный граф Остерман во главе русских гвардейцев разбил в горах Богемии корпус маршала Виктора[60]. После победы под Дрезденом Наполеон с одной стороны беспокоил армию фельдмаршала Блюхера, а с другой — преследовал армию государей, отступавшую на Тёплиц.

Разбитый в одно и то же время кронпринцем Шведским, Блюхером и графом Остерманом, потеряв много людей и пушек, а также страх, внушаемый его репутацией, Наполеон решился на отступление.

Он сделал большую ошибку, не желая отдавать ни одного из своих завоеваний. Он оставил сильные гарнизоны в Дрездене, Торгау и Виттенберге, ослабив, тем самым, свою армию. Ранее она уже уменьшилась за счет гарнизонов Данцига, Кюстрина и в Глогау, которые не имели никакой связи с французской армией и были, как бы брошены заранее. Следуя той же системе, он оставил многочисленный гарнизон в Магдебурге и весь корпус маршала Даву в Гамбурге.

Главным для Наполеона было разбить коалиционных государей, заставить их армии отступить; после этого все крепости снова стали бы его легкой добычей.

Но он боялся, что, отдав что-то, он проиграет в общественном мнении, это убеждение лишило его плодов всех побед. Он казался нерешительным в выборе направления, в котором ему следовало идти. Он совершил несколько маршей и контрмаршей, может быть, для того, чтобы скрыть свои настоящие намерения. Поражение Нея и полный разгром корпуса Виктора сильно осложнили его положение.

Наши армии увеличили свою численность, и удвоили свои силы за счет высокого боевого духа, появившегося у солдат в результате этих трех счастливых сражений.

Генерал Беннигсен прибыл со значительным армейским корпусом; за ним следовал граф Толстой с частью ополчения. Он должен был наблюдать за неприятелем, оставшимся в Дрездене и Торгау, а генерал Тауэнцин — осаждать Виттенберг. Вальмоден с незначительной частью русских войск, ганзеатическими, мекленбургскими войсками и русско-немецким легионом имел задачу сковывать неприятельские силы, которые под командованием маршала Даву занимали Гамбург. Для обложения Магдебурга не хватало людей, и оно крайне слабо велось некоторым количеством прусских войск. Император и Блюхер старались понять смысл передвижений Наполеона, они постоянно беспокоили его армию. Намерением Императора было собрать все союзные армии и заставить Наполеона принять генеральное сражение.

Кронпринц Шведский после своей прекрасной победы при Ютербоке, названной сражением под Денневицем по имени деревни, у которой решился исход

битвы, направил свою армию к Цербсту и Дессау. Все наши войска занимали весьма удобное лагерное расположение. Граф Воронцов, командующий авангардом войск генерала Винценгероде, приказал мне построить мост через Эльбу в Акене и укрепить этот город с окрестностями таким образом, чтобы он представлял собой обширное предмостное укрепление, способное, в случае необходимости, вместить наибольшую часть нашей армии. Мой малый авангард располагался в Кётене, а малый авангард шведов занимал Дессау, чтобы прикрыть строительство моста, сооружаемого в том месте по приказу кронпринца Шведского.

Наше строительство продвигалось быстро, уже через несколько дней Акен был в состоянии оказать серьезное сопротивление. Сооружение моста шло труднее, не хватало строительных материалов, а левый берег Эльбы в этом месте был таким заболоченным, что пришлось возводить дамбу. Пока мы занимались этими работами, генерал Чернышев, при котором состоял мой брат, получил приказ быстро направиться к Касселю во главе отряда легкой кавалерии, чтобы посеять страх на коммуникациях неприятеля. Он исполнил это поручение с такой скоростью, что король Вестфалии Жером-Наполеон еле успел убежать. Слабый французский гарнизон, находившийся в Касселе, опасаясь как городских жителей, так и немецких войск, капитулировал и сдал город Чернышеву. В наши руки попали все экипажи короля, его любовница и все драгоценности двора.

Но наши войска, недостаточно сильные, чтобы сохранить это завоевание, удовлетворились лишь радостью от достигнутой победы и на третий день покинули Кассель, куда с помощью войск, предоставленных французским генералом, вернулся король[61]. Наши мосты, над которыми мы так активно работали, были, наконец, построены.

С нашей стороны неприятель выдвинулся на Кётен и выбил оттуда наш малый авангард. Увлекшись преследованием, он был в свою очередь атакован казаками, посланными мною вперед, и отрядом майора Обрезкова, который патрулировал на другой стороне реки и прибыл на место как раз вовремя, чтобы взять во фланг неприятельскую кавалерию. Она была отброшена и прогнана за Кётен, который вновь заняли наши казаки.

Строительство наших мостов было, наконец, завершено, граф Воронцов с авангардом перешел Эльбу, и мы обосновались в Кётене. Вся армия переправилась через реку. Армия Императора двинулась к Лейпцигу. Армия Блюхера, выдержав несколько боев, также последовала за Наполеоном на левый берег Эльбы. Тиски вокруг французской армии сжимались, когда неожиданно она изменила направление движения.

Она обратно перешла Эльбу и этим неожиданным маневром посеяла страх. Берлин уже заранее считали разоренным, наши мосты, взятые с тыла, были разрушены, наши обозы и больные захвачены. Получив эту новость, войска были поражены, и генералы не знали, что им следовало предпринять. Все словно окаменели. Император находился слишком далеко, чтобы срочно отдать новые приказы. У нас больше не было мостов, чтобы незамедлительно следовать за движением

неприятеля. Он имел преимущество и, вне всякого сомнения, мог сжечь Берлин. Войска, оставленные в Дрездене, могли выйти оттуда и присоединиться к Наполеону на правом берегу Эльбы. Гарнизон Магдебурга и Даву из Гамбурга могли последовательно усилить французскую армию.

Театр военных действий мог переместиться в Ганновер или в Голландию и в целом изменить шансы, которые коалиционные силы уже считали реализованными. К счастью, неприятельское движение было прекращено, лишь посеяв страх и произведя небольшое расстройство в нашем тылу. Наполеон вернулся на дорогу в Лейпциг и пошел навстречу своей гибели. Он прибыл туда, практически в то же время, что и генерал Блюхер, король Швеции[62] и корпус генерала Беннигсена. Вся Европа была там. Все армии приблизились друг к другу. Вскоре Европа будет наблюдать за тем, что произойдет.

* * *

Император с главной армией дебушировал по дороге из Альтенбурга, корпус генерала Беннигсена появился на дороге из Дрездена, кронпринц Шведский прибыл по дороге из Торгау, генерал Блюхер, подойдя из Галле, довершил на правом берегу Эльстера обложение окрестностей Лейпцига. Французская армия должна была бы отступить, чтобы не сохранять у себя в тылу многочисленные и сложные переправы через реку. Но характер Наполеона был слишком хорошо известен, чтобы не сомневаться в том, что он примет бой.

Он не колебался; уступая в численности четырем армиям, подходившим, чтобы объединиться против него, он сам атаковал самую важную из них — ту, в которой находились три государя. Эта великая борьба началась 2 октября, когда граф Пален, командовавший авангардом нашей главной армии, подвергся сильному нападению. 4 октября граф Витгенштейн был отбит, часть нашей кавалерии отброшена, сам Император оказался в гуще схватки и был спасен только храброй атакой гвардейских казаков, остановивших продвижение противника и давших нашей кавалерии время перестроиться.

К вечеру того же дня генерал Блюхер приблизился к Лейпцигу и с таким пылом ударил на противостоящий ему французский корпус, что отбросил его до предместий Лейпцига и захватил у него 24 орудия.

Жребий был брошен; Наполеону не осталось ничего другого, как готовиться к генеральному сражению. Его армия развернулась на равнинах перед Лейпцигом. 5 октября обе стороны использовали для подготовки к бою, все союзные корпуса объединились и образовали полукруг перед неприятелем.

6 октября все пришло в движение и к полудню на всех пунктах с обеих сторон сражалось до 500 тысяч человек. Гений Наполеона будто удваивал численность его войск, везде, где он появлялся, крики «Да здравствует император!» возвещали о смелых атаках; на нескольких пунктах они заставили нас отступить. Деревни, позиции захватывались и вновь отбивались с огромными потерями. Французы держались с отвагой, достойной 20 лет своих побед. Тем не менее, массы наших

Сражение под Лейпцигом

войск постепенно завоевывали территорию, положение неприятеля с каждой минутой становилось более стесненным и более подверженным огню нашей неисчислимой артиллерии, занимавшей позиции в форме полукруга.

В разгар сражения саксонские войска, находившиеся под знаменами французской армии, замахали своими головными уборами, и перешли в наши ряды. С этого предательства, которое нашло своих почитателей, началось распространение беспорядков в стане неприятеля. Теснимая со всех сторон, эта прекрасная армия еще не потеряла надежду на победу. Австрийцы, располагавшиеся на правом фланге главной армии и слева от нашей, начали слабеть, когда для их поддержки прибыл наш корпус. Кронпринц Шведский приказал мне идти вперед с двумя конными батареями, Павлоградским гусарским и Волынским уланским полками. Батарея английских ракетчиков, стрелявшая ракетами Конгрева[63], заняла позицию рядом с нами и соперничала в храбрости и быстроте действий с нашими полковниками Арнольди и Апушкиным. Тогда это оружие впервые применялось в открытом поле; эффект был ужасный, изумленные и опрокинутые французы убегали со всех сторон, три батареи преследовали их с такой стремительностью, которая не давала им времени устроиться. Справа от меня граф Мантейфель во главе Санкт-Петербургских драгун бросился во весь опор на неприятеля, австрийцы воспрянули духом, и вся линия двинулась вперед. Но французы, увидев

беспорядок в своих рядах, постарались быстро его исправить; на помощь им пришла многочисленная артиллерия, скорым шагом прибыли колонны пехоты, и мы были яростно атакованы ими. Граф Мантейфель был убит, его полк отведен назад; английского капитана, командовавшего ракетчиками, сразило ядро, полковнику Арнольди перебило ногу, часть наших орудий была выведена из строя, а моя поредевшая кавалерия прикрывала отступление этой самой артиллерии.

Справа от меня граф Воронцов с двумя пехотными дивизиями пошел в штыки и возобновил бой. На крайнем правом фланге армия фельдмаршала Блюхера показала чудеса храбрости и ценою огромных потерь осталась хозяйкой на поле сражения и продвинулась до садов Лейпцига. Армия, в которой находились оба императора и король Пруссии, сражалась с переменным успехом, так как именно против нее Наполеон направил свои самые большие усилия. Но к концу дня и в этом пункте победа склонилась в сторону союзников. Все позиции неприятеля были захвачены, и он теперь опирался на предместья Лейпцига. Тем временем огонь прекратился, с того расстояния, на котором находились наши линии, мы не могли различить его результатов. Спустившаяся ночь застала нас в неуверенности о размерах нашей победы. День был утомительным, артиллерийская канонада прекратилась только с наступлением ночи. Каждый остановился там, где сражался, не выставив аванпостов, в ожидании следующего дня и результатов этого важного и кровопролитного сражения.

На следующее утро из-за густого тумана положение оставалось неясным. Выдвинутые вперед патрули вскоре уведомили нас о том, что поле сражения осталось за нами, а противник отступил. Погода прояснилась, и мы увидели Лейпциг, находящийся в нескольких верстах от нас. Вся равнина между этим городом и нами была покрыта остатками французской армии — перевернутыми пушками, огромным количеством зарядных ящиков, повозками, ранеными лошадьми, которые бродили между мертвыми и умирающими, все это доказало нам, что накануне мы добились полной победы. С разных сторон наших позиций раздались крики «Ура!», подхваченные всеми линиями. Пушки приблизились из окружающих Лейпциг садов, полки егерей бросились вперед, и ожесточенный бой возобновился у городских ворот.

Ночью Наполеон отступил со всей своей армией, оставив примерно 30 тысяч человек под командованием князя Понятовского для защиты Лейпцига и для прикрытия своего бегства. Через какой-нибудь час все городские ворота были захвачены, со всех сторон русские части во главе колонн первыми вошли в город, гоня перед собой охваченных страхом французов. Разгром стал полным; неприятель вперемешку бросился из города, чтобы достичь мостов, одни из которых были сожжены самими французами, другие разрушились под тяжестью бегущих по ним людей; теперь это было не более чем истребление. Те, кто спаслись от штыков, бросились в реку; князь Понятовский, уже раненый и едва не попавший в плен, тоже решил переправиться вплавь и нашел в реке свою смерть.

Император Александр одним из первых вошел в Лейпциг и положил конец этой резне. Король Саксонии, который сопровождал своего союзника Наполеона, появился на улице, чтобы выплакать себе прощение, он один остался предателем интересов Германии. Император не подал вида, что узнал его. Напротив, самый радушный прием был оказан попавшим к нам в руки французским генералам. Были отданы самые суровые приказы для того, чтобы с жителями города и с военнопленными хорошо обращались.

До 200 брошенных неприятелем орудий, множество обозных фур, раненых и беглецов запрудили все улицы.

Со всех сторон расставили стражу, и вскоре, повинуясь одной воле Императора, спокойствие было восстановлено. Стяги всех союзных наций устремились к Лейпцигу, равнина была покрыта войсками. Гвардейцы разных армий направлялись, чтобы взять под охрану здания города, предназначавшиеся для их государей. Казалось, что австрийцы, пруссаки, шведы, русские составляли одну нацию; всё смешалось, все поздравляли друг друга и возносили благодарности Богу. Вступление в Лейпциг сорвало цепи с Германии и повергло наземь французского Колосса.

Император Александр, глава этой коалиции, выступал во всем блеске славы. Он объезжал линии всех войск, везде его приветствовали победными возгласами. Наш корпус, не видевший его на протяжении всей кампании, встретил его радостными криками «Ура!». Кронпринц Шведский, приблизившись к нему, сказал: «Почтение современному Агамемнону», а жители Лейпцига приняли его как освободителя их отечества.

Часть войск пустили в погоню за неприятелем, но так как выбор пал на австрийцев, то его преследовали слабо.

Наш корпус остался на биваках на поле сражения, и я воспользовался этой передышкой для того, чтобы съездить в Лейпциг и насладиться зрелищем, которое представляло собой загромождение этого города.

Корпус баварских войск под командованием генерала Вреде, собранный якобы с целью прийти на помощь Наполеону, сбросил маску и расположился у Ганау с тем, чтобы помешать проходу французской армии и воспрепятствовать ее возвращению во Францию.

Если бы после Лейпцига преследование французов поручили нашим войскам и деятельному генералу или если, что было бы ещё лучше, Император двинулся дальше со всей армией, то план баварцев мог бы оказаться успешным. Но он был обречен на провал с того момента, когда Наполеон, преследуемый лишь издали и небольшим корпусом, получил возможность обрушиться всеми своими силами на 30 тысяч человек, ранее приученных бояться французов. Вреде даже не смог выбрать хорошую позицию, его войска были опрокинуты, а сам он получил ранение и сумел только украсить победой поспешное отступление Наполеона.

Слишком долго обсуждаемые и слишком медленно исполняемые движения войск не позволили государям снискать славу уничтожения неприятеля. Пройдя по баварскому корпусу, Наполеон вернулся в пределы своей империи, он все

еще казался опасным монстром. Рейн представлялся грозной преградой, и объединенная Европа не решалась пересечь границы Франции.

Остановились во Франкфурте; начались переговоры. Все отдыхали, все забавлялись и тем самым дали Наполеону время приготовиться к новым сражениям.

* * *

Кронпринц Шведский, немало способствовавший поражению неприятеля, пожелал удостовериться в том, что он получит за это компенсацию. В качестве платы за союз ему обещали Норвегию. Дания держала сторону Франции и присоединила свои войска к корпусу маршала Даву в Гамбурге.

Генерал Вальмоден, противостоящий этому неприятелю, далеко не располагал требуемыми возможностями, не только для того, чтобы сократить силы противника, но даже чтобы заставить его считаться с собой. Обстоятельства и повод были слишком хороши, чтобы отказать шведам в удовольствии сразиться с датчанами, исконными и неизменными врагами их отечества.

Шведские войска и часть русских войск под командованием кронпринца Шведского перешли Эльбу и направились в Голштинию. Генерал Винценгероде с остальной частью своего корпуса двинулся через Мюльхаузен на Кассель, где предполагалось встретить сопротивление. Графу Воронцову было поручено предводительствовать авангардом, в который входил и я.

Наше продвижение было только прогулкой, победа под Лейпцигом открыла нам в Германии все дороги, даже наименее храбрые ее жители не опасались больше возврата французского ига, всех переполняла радость, и нас принимали как освободителей.

Мы прибыли под Кассель, из которого король Жером, его двор и небольшое количество оставшихся у него войск эвакуировались после получения известия о поражении французской армии. Одновременно с нами прибыл наследный принц, теперь великий герцог Гессенский[64]. Мы приостановили на несколько часов наш марш с тем, чтобы не испортить ему возвращение в столицу и оставить на его долю все проявления национального энтузиазма. Из любопытства мы вдвоем с Воронцовым издали последовали за ним и были глубоко тронуты искренней радостью добрых селян, увидевших сына своего бывшего законного государя. Со всех сторон к его проезду сбегались люди; они плакали от умиления или обнимались, столпившись вокруг его лошади. Но в городе все было по-другому, мы не заметили по пути принца ни рвения, ни даже любопытства его увидеть.

Жером царствовал ради наслаждения жизнью; он перенес в Кассель из Парижа роскошь удовольствий и развращенности. Все доходы его королевства были направлены на украшение столицы, на пышность его двора, на городские развлечения и на расточительство его товарищей по разгулам и любовниц. Женщины и молодые люди развлекались и находили такое течение жизни весьма удобным. Торговцы, рабочие и артисты много зарабатывали, изобилие города заставило забыть нищету деревни. Жерома не любили, но боялись возвращения прежних

А.И. Чернышев

обычаев военной скудости, которые были присущи прежнему режиму, и столь грустно контрастировали с годами безумств, которыми только что наслаждались.

Кассель был единственным городом Германии, где нас не встретили с распростертыми объятиями. Разочарованный первым приемом, принц достаточно неловко скрылся в своем дворце, где ожидал приезда своего отца, что совершенно не противоречило грустным ожиданиям от его возвращения. Мы провели в городе несколько дней, стараясь воскресить добрый пример короля Жерома, о котором все сожалели.

Генерал Винценгероде получил приказ выступить на Бремен с тем, чтобы помешать Даву, покинув Гамбург, устремиться к Голландии.

Для меня сформировали отряд, с которым я должен был занять Оснабрюкк, чтобы наблюдать за неприятелем, владевшим всеми укрепленными пунктами на Исселе и собиравшим корпус в Голландии. Я двинулся через Падерборн, где нас встретили с неизъяснимой радостью. Вся эта область свободно вздохнула после возвращения своих прежних владетелей, и ненависть к французам была там доведена до крайности.

По прибытии в Оснабрюкк я расположил свой отряд на как можно более широком пространстве, под защитой трех казачьих полков, прикрывавших мои квартиры.

Несколько реквизиций сукна и других необходимых вещей позволили почти заново обмундировать мое войско. Артиллерию также привели в порядок, и в течение восьми дней мы наслаждались полным спокойствием. Внезапно я получил приказ двинуться как можно быстрее к Бремену, которому угрожал Даву, и куда войска генерала Винценгероде еще не подошли.

Не теряя ни мгновения, отряд отправился в путь. Выступив в 6 часов утра, уже к 10 часам вечера того же дня мы были в одной миле от Бремена, пройдя 11 миль за 16 часов.

Там я получил известие о том, что маневр Даву был всего лишь демонстрацией, и что я могу вернуться в свое лагерное расположение. Возвращались мы несколько медленнее, чем шли туда, но эта операция доказала мне, каких результатов можно добиться при наличии доброй воли наших войск.

Мы вернулись к развлечениям и балам, которые нам давали один за другим, и провели еще несколько дней в приготовлениях к новым тяготам.

Мой отряд состоял из: Тульского пехотного полка — 700 человек; одного батальона 2-го егерского полка — 400; Павлоградского гусарского полка — 800; одной батареи конной артиллерии и 5 казачьих полков — 1600 человек. Всего — 3500 человек.

Я получил приказ идти к Исселю по направлению к Девентеру. Цель этого движения заключалась в том, чтобы держать под ударом войска, собиравшиеся в Голландии, и обеспечить неприкосновенность этой части Германии от нападений и реквизиций со стороны неприятеля.

В мое распоряжение были переданы отряд полковника Нарышкина, состоящий из трех казачьих полков, и отряд генерала Чернышева, возглавляемый в его отсутствие полковником Балабиным, силою в 5 казачьих полков. Первый из них располагался у меня на правом фланге, я направил его на Зволле, второй, находившийся слева, был мною послан на Дуйсбург. Таким образом, я был подкреплен восемью казачьими полками. 2 ноября я начал движение по дороге на Бентхайм. Мой отряд казался мне слишком значительным для того, чтобы удовлетвориться только наблюдением. Я принял решение наложить руку на всю Голландию. Я послал в Амстердам голландского полковника на русской службе с тем, чтобы выяснить настроения и установить связь с некоторыми предприимчивыми людьми. О своих планах я уведомил генерала Бюлова, двигавшегося на Мюнстер, и написал генералу Винценгероде, чтобы получить его согласие. В ожидании ответа я приближался к Девентеру и старался скрыть цель своего марша с помощью нескольких казачьих партий, которые в разных направлениях разносили весть о моем прибытии.

Я знал, что Девентер защищен хорошо снабженным гарнизоном в 3000 человек и имеет на своих валах мощную артиллерию. Только внезапность могла помочь мне овладеть им.

Я приказал перейти реку Иссель башкирскому полку под командой подполковника князя Гагарина; он должен был попытаться с другого берега захватить

мост, ведущий в крепость, в тот момент, когда я ночью приближусь к укрепленному городу, чтобы напасть на него врасплох. Приступ не удался, но попытка стоила нам только нескольких человек, а темнота скрыла наше отступление.

Поскольку у меня не имелось средств, чтобы сокрушить Девентер, и моя цель не заключалась в бесполезной потере времени и людей, я поручил наблюдение за этой крепостью части отряда полковника Балабина, а сам направился к Зволле.

Это место не было приготовлено к обороне, весь гарнизон его состоял из двухсот или трехсот кавалеристов, очень плохо экипированных. Выставив напоказ лишь нескольких казаков из отряда Нарышкина, я смог выманить эту кавалерию из города. Выйдя оттуда, она была опрокинута, и мои люди ворвались в Зволле вперемешку с неприятелем, больше половины которого попала в наши руки.

Я расположил свою штаб-квартиру в этом городе, обладание которым обеспечивало мне переход через Иссель, и вошел в более тесные сношения с Голландией. Там я нашел голландского генерала ван дер Платтена, который некогда служил в России, и который энергично поддержал мои планы. Он дал мне точные сведения о силах неприятеля и о благоприятном для нас настроении своей нации. Мой посланец прибыл из Амстердама в сопровождении доверенного человека от генерала Крайенхофа, временного губернатора столицы, который обещал мне сотрудничество воодушевленного народа и умолял меня ускорить ход событий.

Я направил это известие генералу Бюлову, прося его приблизиться как можно быстрее к Голландии.

С тем, чтобы не терять времени и заставить голландцев открыто выступить против Франции, я дал майору Марклаю 200 казаков и порадовал его приказом двигаться без отдыха и, избегая неприятеля, прямо на Амстердам, не заботясь ни о коммуникациях, ни о возможностях отступления.

Этот офицер, столь же храбрый, сколь и сообразительный, сумел, проскользнув в стороне от всех дорог, скрыть от неприятеля свой марш и вступить в Амстердам. Народ, воодушевленный видом казаков, арестовал находившихся в Амстердаме французов и поднял знамя независимости. В этот же момент полковник Нарышкин выступил из Зволле, захватил Хардервейк и двинулся на Амерсфорт. Генерал Сталь, пройдя с одним казачьим полком и двумя эскадронами гусар между Девентером и Зютфеном, имел приказ также идти в направлении Амерсфорта.

Генерал Бюлов выступил, получив известия, доставленные ему посланцем генерала Крайенхофа; он быстро овладел Дуйсбургом и выдвинулся к Арнему. С нетерпением ожидал я от генерала Винценгероде ответа на мои планы. Я имел несчастье получить от него определенный приказ не переходить реку Иссель. Он считал мой отряд слишком слабым, чтобы предпринять какие-либо действия в стране, изрезанной препятствиями и усеянной крепостями. Я уже сделал первый шаг, Амстердам пришел в движение, все население молило о нашем приходе; опьяненный счастьем командовать самостоятельно, я решился ослушаться. Этой же ночью я собрал свои войска и перешел реку. Позиция противника была следующей: на Исселе у него имелась крепость Девентер, в Арнеме — 4 тысячи

человек, в Амерсфорте — авангард корпуса из 7—8 тысяч человек, сосредоточенного в Утрехте. Крепость Нарден, полностью обеспеченная необходимыми припасами и обороняемая гарнизоном из 2 тысяч человек. Мёйден и Халвег, два форта, находившиеся почти у ворот Амстердама и снабженные всем в достатке.

Я не имел возможности сразиться в лоб с противником, намного превосходящим меня числом, на местности, где на каждом шагу встречались препятствия; к тому же проход майора Марклая заставил неприятеля удвоить предосторожности. Я мог бы добиться успеха, только если бы мне удалось обмануть его относительно моих слабых сил и сорвать тем самым все его замыслы.

После произошедшего бунта Амстердам с трепетом ожидал возвращения в его стены разъяренного противника. Надлежало оказать срочную помощь этому центру национального единения и содействовать подъему восстания.

Гусарский полк и артиллерия под командованием князя Жевахова получили приказ идти на усиление генерала Сталя и полковника Нарышкина с предписанием атаковать авангард неприятеля в Амерсфорте.

Я оставил в Зволле полковника Балабина с приказом продолжать наблюдение за Девентером и обеспечивать мои коммуникации. Сам я с пехотой направился к Хардервейку, куда через секретного посланца я попросил генерала Крайенхофа прислать из Амстердама суда. Выступив из Зволле в ночь с 21 на 22 ноября, я прибыл в Хардервейк в тот же день, проделав 6 миль по ужасной дороге.

В то же время генерал Бюлов пошел на штурм Арнема и после упорного сопротивления овладел крепостью, что явилось одним из прекрасных подвигов этой войны.

По прибытии в Хардервейк я получил известие о том, что пост Амерсфорт был оставлен неприятелем, и наша кавалерия преследовала его по дороге на Утрехт. Но в этом порту не оказалось достаточного количества судов, и мне пришлось отделить половину своей пехоты, которую я направил на усиление князя Жевахова. В тот же вечер я сел на суда с остальной частью в количестве 600 человек. Зёйдерзе был покрыт льдинами, вражеская флотилия, отряженная из эскадры адмирала Феруэля, стоявшей в Текселе, крейсировала в окрестностях Хардервейка. Моряки предвещали беду нашему плаванию. Мы подняли паруса в 11 часов вечера; темнота скрыла наше продвижение, и мы призывали хороший ветер.

На восходе солнца мы увидели колокольни Амстердама и в 8 часов вошли в порт. Я поспешил к генералу Крайенхофу и только ему одному рассказал о малочисленности бывших со мной войск; он ужаснулся, но отступать нам было больше некуда. Мы составили объявление, в котором мне приписывалось 6 тысяч человек, и воззвание к народу, призывавшее его взяться за оружие. Загудел набат, и вскоре весь город пришел в движение; национальная гвардия получила приказ выстроиться на Дворцовой площади, огромная толпа заполнила все улицы; окна украсились оранжевыми стягами, а горсть русских, высадившаяся с судов, построилась в виде почетного караула под балконом дворца.

Л.А. Нарышкин

Столь же быстро было сформировано временное правительство, и в 10 часов народу зачитали акт о восстановлении Голландии. Воздух наполнился криками воодушевления и радости, и пушечные выстрелы далеко разнесли эту великую новость. Войска продефилировали передо мной при восклицаниях бесчисленной толпы. Тысячи людей всех сословий, наскоро вооруженные, присоединились к солдатам и, опьяненные энтузиазмом, выступили против двух фортов, блокировавших Амстердам. Едва только гарнизоны Мёйдена и Халвега, устрашенные уже шумом из города, заметили головы выдвигавшихся против них многочисленных колонн, они тотчас изъявили готовность капитулировать. 900 человек сдались в плен, а на стенах обоих фортов было найдено 26 орудий. Ничто не могло выразить бурную радость, охватившую жителей этого большого и богатого города. Звон колокола, выстрелы из пушки, радостные крики были слышны весь день и, даже, ночью; все дома, общественные постройки, а также лодки баркасы были освещены на протяжении всей ночи. Это поистине было пробуждением нации, чья сила и свобода, усыпленные притеснением и несчастьем, внезапно обрели заново всю свою энергию.

Активность нового правительства ускорила вооружение и организацию города; все спешили оказать содействие обороне, с каждым мгновением общественное мнение обретало больше рвения и стойкости. Первые часы этого великого

движения уже миновали, город освободился от беспокойства, причиняемого ему двумя фортами, которые только что сдались. Слабость моего отряда нельзя было дольше скрывать, и думы о будущем стали занимать головы и страшить руководителей восстания; они пришли, чтобы задать мне следующие вопросы: Какими средствами вы располагаете для того, чтобы обеспечить наше освобождение? Каковы ваши военные инструкции? И каковы планы союзных государей в отношении нашего политического существования?

Я запросил генерала Винценгероде о том, какую речь я должен держать перед голландцами. Он мне ответил, что совершенно не знает намерений Императора по этому поводу.

Однако отвечать надо было без промедления, малейшая фальшь в моем поведении, малейшая нерешительность могли бы разрушить всякое доверие к нам и придать моей экспедиции всю неопределенность и непоследовательность партизанского набега. Я ответил, что моими средствами для обеспечения вашего освобождения являются: мой отряд, численную слабость которого я от вас не скрывал; обстоятельства, обязывающие генерала Бюлова поддержать предприятие; высадка английских войск, которые только и ждут возможности сойти на землю, чтобы прибыть сюда; патриотизм голландцев и неожиданность для неприятеля.

Мои военные инструкции заключаются в том, чтобы рискнуть всем для того, чтобы вернуть вам свободу. Что касается планов союзных государей касательно политического существования Голландии, то я имею приказ узнать стремления нации, поддержать их и сообщить о них Императору. Теперь моя обязанность спросить у вас: каковы ваши намерения? Они мне ответили: возвращение принца Оранского[65], только этот дом может гарантировать нашу независимость. Тогда же было решено немедленно направить депутата, чтобы умолять принца вернуться и встать во главе нации. А ведь несколько лет назад именно эта нация предприняла все усилия, чтобы избавиться от его семейства.

Принц уже был проинформирован обо всем, что произошло в Амстердаме, и только ждал благоприятного момента, чтобы покинуть свое убежище в Англии.

Таким образом, зная, что наши армии находятся в бездействии во Франкфурте, что ведутся переговоры с Наполеоном, и, пребывая в совершенном неведении относительно политических замыслов кабинетов и намерений Императора, я был доволен всем, что сделал, и всем, что пообещал.

Я отправил курьера прямо во Франкфурт, чтобы сообщить Императору о моем вхождении в Амстердам, и написал генералу Бюлову, прося его рассматривать меня как своего подчиненного, если он намерен активно продолжать начатые операции. Пока я ждал ответов, случилось то, на что я надеялся. Неприятель, извещенный о нашем прибытии в Амстердам, был в состоянии противопоставить мне силу много большую, чем моя. С другой стороны, видя значительную колонну, выдвигавшуюся на Утрехт, и более не сомневаясь в том, что вся Голландия последует примеру столицы, он начал отступление, спешно переправился через Лек и Ваал, и тем самым уступил без сопротивления всю область между реками.

Генерал князь Жевахов остался в Утрехте; казаки под командованием генерала Сталя преследовали французов к Вейку и Вианену, а казаки полковника Нарышкина выступили, чтобы занять Роттердам и приготовить там средства для переправы через реки.

Генерал Бюлов продвигался к Утрехту, чтобы, заняв свое лагерное расположение и приняв под свое начальство голландских волонтеров, взять на себя блокаду Нардена и Девентера.

Я направил майора Марклая с его отрядом в Хелдер с тем, чтобы он предупреждал меня о передвижениях флота адмирала Феруэля. Этот достойный офицер смог заставить адмирала, который боялся части своих экипажей, состоявших из матросов-голландцев, покинуть укрепления Хелдера, где он бросил 10 орудий. Адмирал также заключил с майором Марклаем соглашение, по условиям которого он обязался не предпринимать никаких действий, если ему будет и впредь позволено закупать для себя провизию на суше. Несомненно, это был первый случай, когда отряд казаков вел переговоры с адмиралом.

* * *

Было объявлено о высадке принца Оранского. Старые друзья его семейства поспешили к нему навстречу, и Амстердам приготовился принять своего правителя, облеченного законной властью по праву рождения и по воле нации. Все население этого огромного города вышло встречать его, заполнив улицы и площади. Звон колокола, пушка и радостные крики спопровождали его прибытие. У входа во дворец находилась русская охрана, казаки ехали перед каретой принца, я со всеми своими офицерами и городскими властями ожидал его у подножия лестницы. Выходя из кареты, принц едва удержался на ногах, столпившиеся вокруг него люди подняли его с земли. Я выступил ему навстречу и подал руку, чтобы помочь ему пробраться сквозь толпу и войти в свой дворец. Он появился на балконе, и шум восклицаний возобновился с новой силой. Принц был растроган этой сценой, но с первого взгляда легко было понять, что он находился далеко не на высоте своего положения и не мог в должной мере оценить подобный момент.

Принца сопровождал английский посол, господин Кланкарти, который тут же посвятил меня в планы своего правительства относительно Голландии. Эти конфиденциальные сведения были более чем достаточны, чтобы совершенно успокоить меня насчет моего политического поведения.

Вечером принц, посол и я вместе разместились в одной и той же карете, чтобы отправиться в театр. Нас приняли там с самым шумным восторгом; во всем было видно мощное выражение чувств нации, не утратившей ощущения свободы. Голландцы, прежде мало приученные рассматривать принца в качестве своего суверена, теперь, казалось, воздавали должные почести первому гражданину государства. Их восклицания не были приветственными криками подданных, они имели характер выбора того, кто считался наиболее достойным для спасения государства. Этот нюанс производил яркое впечатление и прибавлял величия картине.

В это время князь Жевахов получил приказ уступить место пруссакам, которые двигались к Утрехту, и пойти к Роттердаму, куда я направил остатки моей пехоты. Генерал Сталь переправился через Лек и выслал свои патрули на Боммел и Горкум.

Направляясь со своим отрядом на соединение с ним, я остановился в Гааге, чтобы принять участие в военном совете, состоящем из принца Оранского, генерала Бюлова, английского посла и меня. Было высказано мнение, что не следует ничем рисковать, а надо лишь пытаться заставить пасть крепости. Когда пришел мой черед высказать свое мнение, я объявил, что имею намерение всем рискнуть, что я собираюсь перейти Ваал и попытаться воспользоваться замешательством противника, чтобы захватить прочный пост на левом берегу реки и тем самым придать устойчивость нашим операциям, отдалив войну от центральных областей Голландии. Это суждение бесконечно понравилось принцу и послу. Генерал Бюлов долго оспаривал его, но кончил тем, что пообещал обеспечивать мое отступление, послав несколько батальонов охранять мою переправу и наблюдать за гарнизоном Горкума. 28 ноября я прибыл в Роттердам.

В тот момент, когда они мне были наиболее необходимы, генерал Винцингероде забрал у меня 3 казачьих полка полковника Нарышкина и 5 полковника Балабина.

Недовольный тем, что я вступил в Голландию против его воли, и вынужденный одобрить это движение из-за его счастливого результата, он пытался противодействовать мне, как только мог. Пришлось расстаться почти с половиной моей кавалерии и искать возможность восполнить эту потерю.

Генерал Сталь перешел Ваал с приказом двигаться безостановочно, избегая неприятеля, и появиться перед Бредой со стороны Антверпенской дороги. В тот же момент отряд голландских волонтеров захватил Брилле и Хеллевутслёйс. Батальон 2-го егерского полка занял Дордрехт, а капитан Петерссон со 100 казаками и храбрыми голландскими патриотами прогнал неприятеля из Хоге-Свалюве.

Ожидая прихода пруссаков, которые мне были обещаны, и которые не появлялись, я отправил две пушки и один батальон Тульского полка захватить дамбу, ведущую от Горкума в Хартингсвелд, и той же ночью последовал за этим батальоном с остальным отрядом. Я вызвал из Дордрехта батальон егерей и притянул к себе прусского полковника Коломба, у которого было 600 человек пехоты и кавалерии. Этот храбрый офицер не покидал меня с тех пор и оказал нам истинные услуги.

Голландские канонерские лодки, наскоро вооруженные стараниями жителей Роттердама, приблизились к укреплениям Горкума и обстреляли это место, защищаемое гарнизоном из 7—8 тысяч человек.

Генерал Сталь, благодаря хорошо согласованному и быстрому маршу, застал врасплох крепость Бреду, чьи жители, воодушевленные его появлением, начали угрожать французам. Уведомленный о том, что происходило в городе, генерал Сталь стремительно атаковал одни из ворот, захватил их и взял 600 пленных из состава гарнизона, который бежал в беспорядке, видя себя преданным жителями

«Освобождение Амстердама».
Медальон Ф.П. Толстого

и отрезанным от Антверпена. Бреда, одна из сильнейших крепостей и ключ от Голландии, оказалась вовсе не готова к обороне, на стенах не было пушек, и даже сами укрепления не содержались в надлежащем состоянии.

Наполеон, являясь хозяином Германии и переходя Неман, чтобы в Москве продиктовать условия мира, не заботился об укреплении крепостей Брабанта.

На рассвете, находясь на расстоянии полета ядра от Горкума, я начал свою переправу на лодках разной величины. Река была весьма широкой, а ветер — очень сильным; мы испытывали большие трудности, особенно с лошадьми. К счастью, гарнизон крепости нас совершенно не беспокоил. После того как мы, наконец, собрались на другом берегу, нам предстояло еще пройти под пушками Воркума, находившегося на левом берегу Ваала, почти напротив Горкума. Ни один человек не вышел, чтобы преградить нам дорогу; такой счастливый случай невозможно было предвидеть.

Для большого отряда, и особенно для артиллерии, не имелось другой дороги, кроме как пройти через Гертрёйденберг — крепость очень сильную по своему положению и защищенную с этой стороны водами Бисбоса. Я знал, что гарнизон там очень слаб и совсем не готов к атаке. Генерал Сталь уже направил казачью партию, чтобы наблюдать за ним, и одного офицера, чтобы предложить коменданту сдать крепость.

Это был бригадный генерал Лорсе, прибывший в крепость накануне. Заметив наступление моего отряда, он подписал условия сдачи крепости. Он не просил никакой милости, кроме права вернуться во Францию со своим слабым гарнизоном. Мне осталось только пройти через Гертрёйденберг, где голландцы вооружились, чтобы образовать новый гарнизон, и в тот же вечер, 1 декабря, я прибыл в Бреду. Мы шли из Роттердама, не тратя ни одной минуты на отдых, и за 36 часов совершили марш в 11 миль и три большие переправы через реки.

Я сразу же принялся за работу, пытаясь хотя бы немного исправить разрушения стен, организовать подвоз в крепость провизии и фуража и позаботиться о средствах доставки ко мне пушек, пороха и артиллеристов. Полковник Чеченский был тотчас отряжен с двумя казачьими полками, чтобы попытаться запугать гарнизон Виллемстада; он прибыл к этой крепости на рассвете. Французские войска, застигнутые врасплох этим появлением, столь поспешно погрузились на суда, что оставили в наших руках более 100 орудий, 52 канонерские лодки со всем вооружением и значительное количество всевозможных припасов.

Взятие этой крепости, давшее мне средства привести Бреду в оборонительное состояние, имело еще большую важность для высадки английских войск, которые нашли в Виллемстаде удобный порт и хорошо укрепленный пункт.

Я оставил там майора Алферьева с эскадроном гусар и 100 казаками, чтобы прикрыть аванпостами высадку английских войск. Затем ему следовало оставаться в распоряжении английского генерала Грэхема до тех пор, пока последний не сможет заменить его кавалерией своей нации. Одновременно майор Алферьев должен был наблюдать за гарнизоном Берген-оп-Зома. Генерал Сталь имел приказ выдвинуться в Вюствезел и направить свои партии под самый Антверпен, куда недавно прибыл генерал Карно, чтобы принять командование этой важной крепостью.

Полковник Чеченский со своим полком бугских казаков расположился в Тюрнхауте. Прусский полковник Коломб, оставивший свою пехоту в Бреде и усиленный капитаном Петерссоном со 100 гусарами и 200 казаками, получил задание разведывать местность до Малина и Лувена. Генерал Бюлов, извещенный о занятии Бреды, Гертрёйденберга и Виллемстада, покинул, наконец, места своего расположения в Утрехте, велел окружить крепость Горкум, а сам со всем своим корпусом направился в Боммел.

Тем временем, неприятель, опомнившийся от первого своего удивления, и подкрепленный войсками, которые спешно подходили со всех сторон, организовал армию. Матросы, находившиеся в порту Антверпена, были вооружены и включены в состав полков. Наибольшую активность проявил, готовясь к бою, генерал Карно. Четкий приказ Наполеона предписывал ему разыскать русских за реками и любой ценой отобрать назад Бреду. Курьер из Парижа попал в руки моих партий, что позволило мне узнать, чего я должен был опасаться.

Неприятель вышел из Антверпена со значительной артиллерией, его корпус насчитывал от 17 до 18 тысяч человек, но состоял из плохих войск. Он двинулся

на Вюствезел и заставил генерала Сталя отступить. Полковник Чеченский имел приказ беспокоить неприятеля на марше, но не терять дороги из Тюрнхаута в Бреду. Генерал Сталь медленно отходил по дороге, по которой двигался неприятель. Я направил навстречу ему в качестве поддержки два орудия конной артиллерии и эскадрон гусар, а для того, чтобы ему не пришлось в беспорядке возвратиться в Бреду, один батальон егерей расположился укрытом месте вне крепости с целью дать кавалерии возможность собраться.

Удачные распоряжения генерала Сталя сделали эту предосторожность излишней; оспаривая у неприятеля каждый шаг его марша, он вступил в Бреду в полдень 7 декабря, соблюдая весь возможный порядок и не оставив неприятелю ни малейшего трофея.

* * *

Эспланада вокруг крепости не могла еще быть очищена, вследствие чего неприятельские стрелки расположились в садах и хижинах, подступавших к самому гласису. Батареи были поставлены на очень маленьком расстоянии от крепости, и стремительная атака началась.

Капитан артиллерии Сухозанет разместил свои пушки на выдвинутом укреплении, он встретил неприятеля огнем таким плотным и так хорошо поддержанным пальбой нашей пехоты, что неприятель прекратил атаку и удовлетворился артиллерийским обстрелом крепости. Именно в этот день я ждал прибытия по воде из Виллемстада пушек большого калибра и боеприпасов — единственной надежды, на которую я мог рассчитывать при обороне Бреды.

Я узнал, что противник направил партию, чтобы захватить переправу на реке Марк при Тюрнхауте, через которую должен пройти этот транспорт, и откуда неприятель мог двинуться прямо в Гертрёйденберг, который мог быть легко взят, поскольку его защищали одни только горожане. В таком случае, я оказался бы лишенным помощи, столь нетерпеливо мною ожидаемой, и отрезанным от всех моих коммуникаций.

Пост, который я имел на этой переправе, был уже оставлен, когда туда прибыл князь Гагарин, посланный мною по правому берегу реки Марк, со своим башкирским полком, одним эскадроном гусар и двумя орудиями.

Ночью он без колебаний атаковал противника, намного превосходящего его числом; успех был полным; Тюрнхаутский пост взят с саблей в руке. Нам достались 200 пленных, а остальные были обязаны своим спасением только ночной темноте и труднопроходимой местности. Часом позже транспорт попал бы в руки французов.

Тяжелые пушки прибыли, стараниями наших артиллерийских офицеров и голландских офицеров под руководством полковника Штайнмеца, их удалось разместить на валах после утомительной работы. Одни занимались устройством платформ, другие устанавливали пушки на лафеты, в большинстве своем требовавшие серьезного ремонта, в то время как прочие тянули пушки, наполняли заряды

и сортировали ядра. Вся эта работа сопровождалась неприятельской бомбардировкой, на которую мы не имели ни времени, ни средств отвечать. Наше молчание заставило противника думать, что настал момент для капитуляции; он прислал парламентера с требованием сдать город. Его попросили удалиться, и наша новая артиллерия в количестве 40 орудий, вступив в игру, доказала неприятелю, что ему не на что надеяться.

Полковник Чеченский направился в Тилбург для того, чтобы оттуда тревожить неприятеля и сохранять мое сообщение с постами генерала Бюлова; князь Гагарин оставался в Тюрнхауте, держа связь с отрядом майора Алферьева и передавая мне новости о высадке англичан в Виллемстаде.

Вечером 8 декабря в Бреду возвратились полковник Коломб и капитан Петерсон; они побывали в Лувене и Малине, откуда привезли 8 захваченных у неприятеля орудий и три сотни плененных в Испании англичан, которых им удалось освободить. Эта удивительная встреча принадлежала к великим событиям 1813 года.

Всю эту ночь город продолжал подвергаться сильной бомбардировке; несколько пожаров напугали жителей, но усердие и активность наших войск позволили повсюду справиться с огнем и сохранить в городе порядок и спокойствие.

Утром 9 декабря, после усиления канонады, неприятель попытался провести атаку на Тюрнхаутские ворота; она продолжалась довольно долго и прекратилась только тогда, когда я сделал вылазку через Антверпенские ворота. Солдаты голландского батальона, наспех сформированного из жителей города, пошли в бой с радостными криками и проявили замечательное рвение, я поддержал их сотней отборных людей нашей пехоты. Противник понес значительные потери, и даже канонада прекратилась. Вечером она возобновилась, однако ночь была спокойной. Англичане ничем не могли нам помочь; их высадку задержал сильный ветер, который уносил в море суда, перевозившие лошадей.

Боммелварт был настолько непроходим из-за ледохода, что генерал Бюлов, который теперь очень хотел прийти мне помощь, не мог переправить через него свои войска. Однако французы должны были опасаться прихода англичан и пруссаков, и либо поторопиться в своем начинании против Бреды, либо отказаться от него.

10 декабря они захватили все дороги кроме той, которая вела к посту, занимаемому князем Гагариным. Батареи, защищенные возведенными за ночь укреплениями, были придвинуты ближе к крепости, их оживленный огонь стоил нам больших потерь и разрушил несколько домов. Бастион, на котором разместил я свою штаб-квартиру, стало почти невозможно удерживать, и большинство орудий на нем было подбито. Под вечер противник с яростью атаковал трое ворот. Антверпенские ворота были обороняемы князем Жеваховым, чьи спешенные гусары соперничали в храбрости с нашей пехотой. Тюрнхаутские ворота охраняли генерал Сталь и пруссаки под командованием полковника Коломба. Все были воодушевлены самым прекрасным рвением, и на всех лицах была написана уверенность в успехе.

Вступление казаков в Утрехт в 1813 году

Со своим последним резервом я направился к Буа-ле-Дюкским воротам, где атака, казалось, была решающей. Местность там была достаточно открытая, и когда день склонялся к вечеру, я произвел вылазку с 3 эскадронами гусар, одним казачьим полком и 4 конными орудиями. Мы с неистовой силой бросились на врага, он уступил первому натиску и поспешно отступил на довольно большое расстояние.

Опасаясь, что этот слишком легкий успех таит в себе какую-нибудь ловушку, я остановил преследование. В этот самый момент азарт увлек казачью партию, присланную от князя Гагарина, которая воспользовалась моментом и с громким криком бросилась в тыл французам. Последние опасались, что мое движение было согласовано с корпусом Бюлова, и это обстоятельство вынудило их к быстрому отступлению.

Наступил вечер, я приказал разжечь большие костры и расставил ведеты так, как будто здесь встал лагерем целый корпус. Атаки на другие ворота были отбиты, и неприятель понес значительные потери.

С наступлением ночи канонада утихла со всех сторон. Донесения со всех постов сообщали мне, что в лагере французов слышен большой шум. Утром очень густой туман не позволял рассмотреть позицию неприятеля, в 8 часов я велел опустить мост и, несмотря на этот туман, выслал патрули. Они донесли мне, что осаждающие полностью покинули свои позиции и удаляются от Бреды. Радость,

которую мы ощутили при этом известии, была еще более сильной оттого, что мы уже начали испытывать недостаток фуража, а жители — нехватку продуктов питания. Генерал Сталь получил приказ преследовать неприятеля по Антверпенской дороге. Он смог сделать это только до Вюствезела, где французы остановились и закрепились. Полковник Коломб и один казачий полк направились в Тюрнхаут.

На следующий день, 12 декабря, в день рождения Его Императорского Величества мы благодарили Бога на стенах крепости. Голландцы и пруссаки, построенные вместе с нашими войсками, присутствовали на нашем богослужении и преклоняли колени.

Я умолял англичан, Бюлова и голландцев прийти сменить меня, я не мог ограничить себя, сделав из моего отряда всего лишь гарнизон одной крепости, тем более что генерал Винценгероде посылал мне приказ за приказом, требуя, чтобы я присоединился к нему. Он двинулся вперед со всем своим корпусом и хотел, чтобы я переправился обратно через эту реку, чтобы перейти ее во второй раз вместе с ним.

Наконец, после многих хлопот, 22 декабря меня сменили 2 английских батальона, 2 прусских батальона и 2 голландских. Я сдал им Бреду, а сам отправился в путь.

Чтобы запутать неприятеля, я пошел в Тилбург и атаковал его ночью двумя казачьими полками. Через день я направился в Боммел, где находился корпус генерала Бюлова, а оттуда — в Арнем и в Эммерих, где мне предстояло совершить переправу через Рейн, в то время как генерал Винценгероде переходил его в Дюссельдорфе.

Льдины неслись по воде с такой силой, что, несмотря на все мои старания, было невозможно соорудить переправу. Я написал об этом генералу, тот счел или сделал вид, что считает меня своевольным подчиненным, и послал мне приказ передать командование лицу, превосходящему меня старшинством.

Я не считал такое унижение заслуженным, это была его месть за мою удачную экспедицию в Голландию, предпринятую против его воли.

В утешение я получил орден Святого Владимира 2-й степени, присланный мне Императором, орден Большого Красного Орла, пожалованный мне королем Пруссии по представлению генерала Бюлова, и орден Меча от короля Швеции. Самыми приятными подарками для меня были сабля от регента Англии[66], шпага от принца Оранского, короля Нидерландов, а также пожалованные Тульскому и 2-му егерскому полкам наградные трубы с выгравированными на них датой нашего прихода в Амстердам и моим именем.

Со слезами покинул я свой храбрый отряд, переправа которого через Рейн в Эммерихе не состоялась, и он был направлен в Дюссельдорф, куда я выехал в полном одиночестве. Генерал Винценгероде был огорчен тем затруденением, которое он мне доставил.

1814

Корпус генерала Винценгероде совершил свою переправу; мой брат открыл путь среди льдин: с тремя сотнями егерей и несколькими казаками он атаковал и опрокинул неприятельский пост, который должен был препятствовать высадке наших войск.

После весьма длительного пребывания во Франкфурте, главная армия союзников 1 января перешла Рейн. Она дебушировала через Базель и направилась к Лангру. Корпус графа Витгенштейна переправилась через реку около Мангейма. Войска маршала Блюхера перешли Рейн в окрестностях Кобленца и двинулись на Нанси.

Наполеон использовал предоставленное ему время для формирования новой армии и для воодушевления своей нации. Но это уже не были французы начала Революции. Утомленные нескончаемыми войнами, они только и мечтали о наступлении мира. Лозунги об императоре и его подданных, заменившие зажигательные слова о свободе и равенстве, больше не могли заставить население взять в руки оружие.

Вместо того, чтобы воззвать к патриотизму и призвать к террору, что раньше всегда подвигало французов к действию, Наполеон стремился запугать их амбициозными намерениями союзников и жестокостью казаков. Он предвещал французам, что их дома будут сожжены, их жены и дочери обесчещены, что Франция окажется под игом иноземцев, торговля и промышленность будут разрушены, а собственность отнята. Чтобы избежать всех несчастий и унижений, он приказал бить в набат во всех деревнях, браться за оружие, создавать партизанские отряды и везде смотреть на союзников как на животных, предназначенных на убой. Но воззвания союзных государей, дисциплина наших армий и ослабление существовавшего раньше во Франции слепого доверия к Наполеону, парализовали все его усилия: народ остался почти спокойным свидетелем развязки этой великой борьбы.

Даже представители властей стремились скорее парализовать возможности императора, чем вновь помогать ему. Все устали от его военного деспотизма, его обещания больше не могли обмануть никого, обаяние его непобедимости исчезло, вельможи империи уже высчитывали момент его падения. Только армия осталась верна выбранному ею государю, полководцу, столько раз приводившему ее к победе; она глубоко переживала его неудачи и клялась их возместить.

Насчитывая около 120 тысяч человек, французская армия в третий раз вступила в борьбу. Дважды она была истреблена; жалким образом пропавшая в России, разбитая под Лейпцигом, теперь она возродилась во Франции с той же отвагой и верой в своего вождя. Всякий настоящий солдат должен отдать дань уважения этой прекрасной и несчастной армии Наполеона.

После нескольких дней пребывания в Дюссельдорфе я через Кельн прибыл в Льеж, где нашел генерала Винценгероде. Он был огорчен неприятностью, которую мне причинил, и отдал под мое командование часть кавалерии. Корпус

двигался на Намюр, где мы предполагали встретить неприятеля, но он отступил при приближении нашего авангарда, возглавляемого генералом Чернышовым.

Жители этих старинных провинций Германской империи приняли нас с полнейшим равнодушием, в них не было заметно ни ненависти к французам, которую мы предполагали найти, ни желания вернуться под власть своих прежних правителей. Можно сказать, что эта страна была совершенно чуждой готовящимся со всех сторон великим переменам. Из Намюра мы направились к Авену — крепости, которая, оказавшись совершенно не готовой к обороне, открыла свои ворота первой появившейся там партии казаков. Генерал Чернышев, шедший в авангарде, предложил захватить Суассон; весь корпус последовал за ним и принял участие в штурме этого города.

Стены его находились в довольно приличном состоянии и защищались гарнизоном из почти трех тысяч человек. Дело было жаркое; ворота взяли после упорного боя; наши егеря показали чудеса храбрости. Крепость была захвачена, а гарнизон сложил оружие.

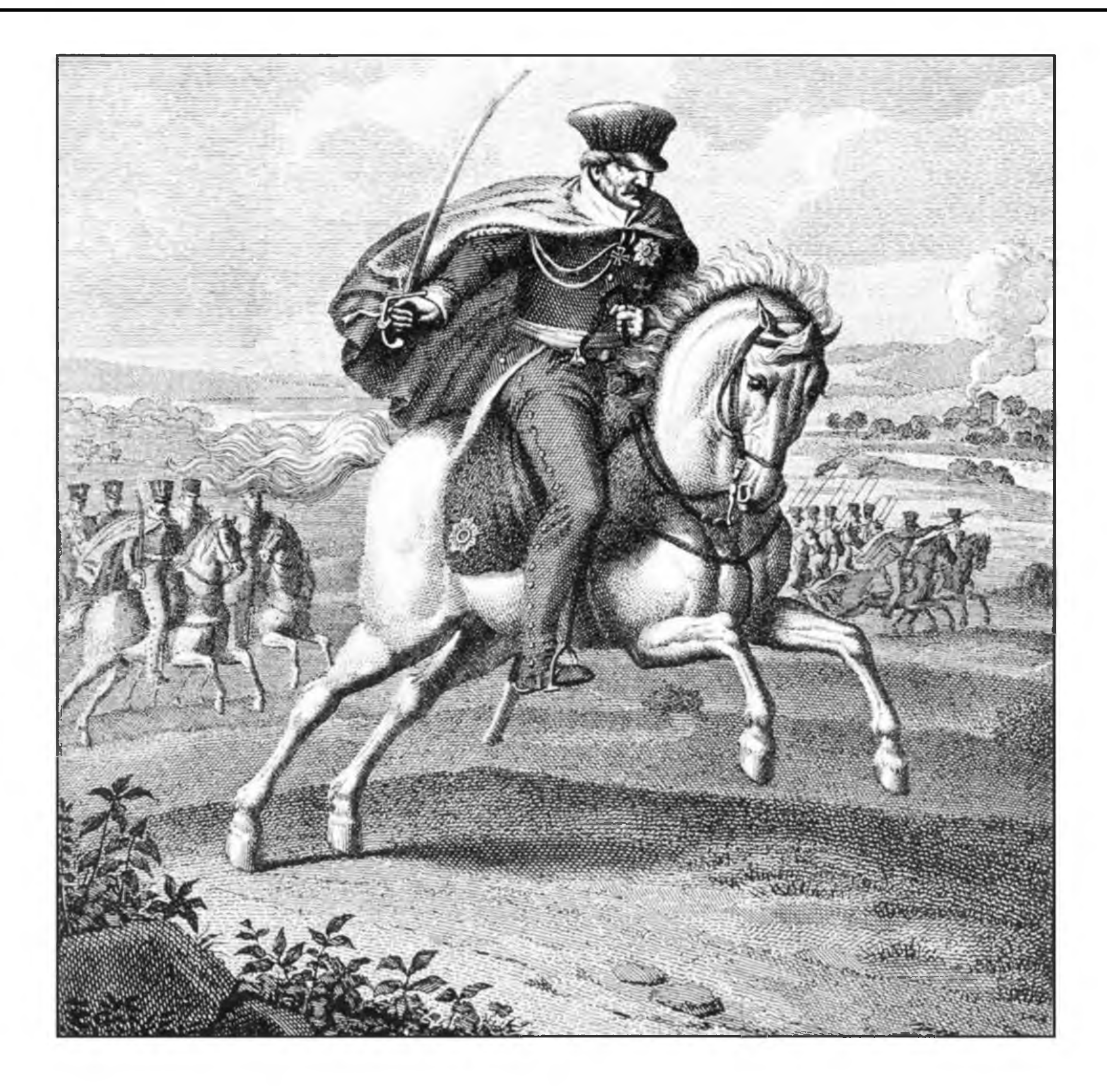
Этой же ночью генерал Винценгероде получил известия о различных неудачах, испытанных армией фельдмаршала Блюхера. Она необдуманно наступала на Париж; корпуса и даже дивизии, ее составлявшие, двигались разрозненно и без должной разведки. Наполеон воспользовался такой прекрасной возможностью; он обрушился на эту армию, застав ее врасплох, и разбил по отдельности различные корпуса. Всем им пришлось отступить в беспорядке, целая дивизия русской пехоты под командованием генерала Олсуфьева была окружена и принуждена к сдаче.

Эта катастрофа заставила нас покинуть Суассон и пойти к Реймсу, чтобы оказать помощь Блюхеру. Но Наполеон уже изменил направление и быстро двинулся против армии государей. Блюхер, оправившись от поражения, стал задумываться о возобновлении наступления. Я принял командование авангардом, получив приказ продвинуться до Эперне.

В это время главная армия участвовала в кровопролитных боях, проходивших с переменным успехом. Сражение при Бриенне было выиграно, благодаря присутствию и распоряжениям императора Александра, австрийцы же, как всегда неспособные к энергичным действиям и прямодушию, привнесли в движения нерешительность и неуверенность в успехе.

Крестьяне, доведенные до крайности тяготами войны, убежденные прокламациями правительства и воодушевленные офицерами, начали, наконец, браться за оружие для защиты своих очагов. Повсюду слышался набат, леса и большие дороги наполнились мелкими отрядами партизан, деревни опустели, со всех сторон раздавались ружейные выстрелы. Наши коммуникации стали опасными, наших раненых вырезали, наши обозы грабили, и война приняла характер ужасающей жестокости и остервенения.

Из Эперне я пытался установить сообщение с нашей главной армией, но все мои отряды сталкивались с непреодолимыми трудностями. В то время, когда

Генерал Блюхер

я начал разоружать жителей и возвращать их в их деревни, я получил приказ покинуть мою позицию и как можно скорее прибыть под Суассон. Я выступил той же ночью; пехота составляла авангард моего отряда, я шел по почти непроезжим дорогам и на следующее утро, очень устав, прибыл на высоты, господствующие над Суассоном. Перед крепостью я нашел весь корпус генерала Винценгероде, который занимался обстреливанием ее из пушек. Эту крепость защищал польский генерал [67], она была лучше обеспечена пушками и войсками, чем во время первого приступа.

На рассвете следующего дня я получил приказ двинуться со всей своей кавалерией навстречу армии фельдмаршала Блюхера, который не усвоил первого полученного им урока и, видя целью своих усилий только Париж, уже во второй раз дошел до Мо. Однако ему снова пришлось отступить перед Наполеоном, который, сразившись с армией государей, устремился на помощь своей столице. Я встретил армию Блюхера в полнейшем беспорядке, все роды войск перемешались, обозы и артиллерия двигались вместе. Все войска были изнурены усталостью и обтрепаны, а лошади — истощены. Арьергард, возглавляемый генералом Васильчиковым, сражался при отступлении, сохраняя порядок и мужество, выработанное привычкой к боям. Неприятель заметил мою свежую и многочисленную кавалерию, прибывшую, чтобы остановить его преследование.

Блюхер, отступая к Суассону, считал, что это место находится в нашей власти. Весь корпус генерала Винценгероде стоял на равнине перед городом с той стороны, откуда подходила отступающая армия. Через Эну был переброшен только один понтонный мост. Царивший в войсках Блюхера беспорядок не позволял им вступить в бой, мы стали опасаться, что этот беспорядок перекинется на наш корпус. Вступивший к тому времени в переговоры комендант Суассона, услышав канонаду позади нас, казалось, хотел разорвать всякое соглашение. Тогда две армии, скучившиеся в небольшой долине, имея Наполеона на хвосте, и крепость — перед собой, могли избежать катастрофы только чудом. Это чудо произошло, когда польский генерал открыл ворота Суассона при условии, что ему дадут уйти со своим гарнизоном. Таким образом, корпус Блюхера вступил в город и был спасен. В тот же день генерал Бюлов прибыл со своим корпусом и расположился биваком на другой стороне Эны. Он вернулся из своей кампании в Голландии, которую он покинул только после того, как для его замены там была сформирована армия под командованием герцога Веймарского[68]. Таким образом, в районе Суассона у нас собрались значительные силы; корпус генерала Бюлова и наш находились в наилучшем состоянии, однако, корпусу Блюхера для реорганизации требовалось несколько дней отдыха.

Было решено, что все войска переправятся обратно за реку и с целью передышки займут квартиры вдоль Эны вплоть до Бак-а-Берри. Принятию этого решения способствовало также болезнь фельдмаршала Блюхера, который почти ослеп и вообразил, что он на сносях и должен родить слона. Такое странное состояние продолжалось у него практически до вступления в Париж и парализовало ту активность, которой до тех пор отличались все его действия.

Генерал Рудзевич был оставлен в Суассоне с одной пехотной дивизией; барону Палену поручили охранять переправу через Эну в Берри, а остальная армия стала лагерем в треугольнике, опирающемся на Суассон, Лаон и Бак-а-Берри. Мой отряд, сократившийся до Павлоградского гусарского полка, одной роты конной артиллерии и трех казачьих полков, расположился в Борьё, около Бурка.

* * *

Наполеон, со своей стороны, казалось, тоже хотел взять несколько дней передышки, но как только ему стало известно о занятии нами квартир, он приготовился напасть на них врасплох. Чтобы обмануть нас, он велел сильно обстреливать из пушек Суассон, а сам со всеми своими силами быстро двинулся через Фим прямо на Бак-а-Берри.

В Борьё большой отряд выказал намерение перейти Эну, чтобы атаковать меня, но я, различив тянущиеся вдоль холмов неприятельские колонны, тотчас послал предупредить генерала Винценгероде, находившегося в Вайи, и графа Воронцова, стоявшего в Краоне, о том, что, возможно, французы захватят наш пост в Бак-а-Берри. Вечером того же дня все силы Наполеона двинулись на этот

пункт; генералы Иловайский и Пален были отброшены в беспорядке и преследуемы по дороге на Лаон; граф Воронцов был сильно атакован перед Краоном.

Весь корпус генерала Винценгероде получил приказ встать в этом пункте, что и было исполнено к полудню следующего дня. Прочие корпуса армии Блюхера расположились эшелонами позади нашего, на ровном плато, которое, образуя гребень горы, расширялось в некоторых местах почти на одну версту, а чаще суживалось до половины версты. Граф Воронцов еще сражался по ту сторону Краона, но к концу дня отступил под напором многочисленного неприятеля и занял место в линиях нашей пехоты. Граф Воронцов со своей дивизией присоединился к нашему корпусу, что увеличило численность нашей пехоты до 17 тысяч человек. Наша кавалерия, находившаяся в самом наилучшем состоянии, насчитывала около 10 тысяч лошадей. Вечером того же дня этот корпус приготовился встретить врага. Наша позиция была выгодной; позиция французов нависала над ней, но мы оставались вне досягаемости пушечного выстрела. Для того чтобы нас атаковать, им следовало спуститься с Краонского плато, откуда они не могли скрыть от нас никакого движения, перейти ложбину под огнем наших батарей и подняться к нам по склону, что давало нам все преимущества.

Генерал Винценгероде получил приказ со всей своей кавалерией и частью прусской кавалерии ночью обходной дорогой зайти в тыл Наполеону, чтобы напасть на него спустя некоторое время после того, как тот начнет свои атаки. Чтобы усилить первоначальный эффект от этого удара, на позиции оставили пехоту под командованием графов Строганова и Воронцова, а из всей кавалерии — Павлоградский гусарский полк с четырьмя казачьими полками и одной конной батареей, под моим командованием. Генерал Винценгероде с остальной конницей пошел в обход, имея в авангарде отряд генерала Чернышова.

Наш корпус, оставшийся перед неприятелем, приготовился к бою; кавалерия расположилась справа, на единственном месте, пригодном для ее развертывания; пехота построилась в две линии с резервами; основная часть артиллерии была поставлена батареей впереди пехоты.

На рассвете мы увидели все сосредоточенные на Краонском плато массы французской армии, которые, нависая над занимаемой нами местностью, имели возможность установить нашу численность и судить о наших движениях.

Не без тревоги ожидали мы момента, когда Наполеон обрушится на нас. Противник втрое превосходил нас по численности, и мы не имели полной уверенности в успехе диверсии, которую должен был провести генерал Винценгероде.

К 9 часам мы увидели, как строятся колонны неприятеля; вольтижеры начали ружейную перестрелку, артиллерия обеих сторон обменялась несколькими ядрами, и, наконец, крики «Да здравствует император!» возвестили о прибытии Наполеона и послужили сигналом к атаке.

Неприятельские массы, предшествуемые несколькими орудиями, двинулись против нас быстрым шагом, стойкость наших войск и преимущества позиции заставили их отступить. Свежие войска заменили тех, кто атаковал первыми,

и разгорелся бой; стороны сходились между собой в штыки. Французы несколько раз были отбиты; наша удачно расположенная артиллерия поражала вражеские массы; наши стрелки, пользуясь кустарником, прикрывавшим часть нашего фронта, наносили противнику значительный урон. Тем временем французы развернули многочисленную артиллерию, их кавалерия спустилась на равнину и угрожала моему крайнему правому флангу, их стрелки понемногу приблизились к моей кавалерии и причиняли большой вред прислуге моих орудий.

В этот момент графы Строганов и Воронцов прислали сказать мне, что, несмотря на понесенные ими потери, они приняли решение не уступать неприятелю ни шагу, и просят меня держаться до последней возможности. Дело продолжилось с удвоенным рвением, и поле битвы покрылось убитыми и ранеными. Обе стороны дрались с ожесточением, атаки отражались, но отбитые войска заменялись новыми, атаковавшими столь же храбро.

Мы все время надеялись услышать канонаду Винценгероде позади французов и увидеть тогда предел их натиска. Но этого не происходило, а наши силы таяли. После 4 или 5 часов страшного огня, не имея известий от генерала Винценгероде, фельдмаршал Блюхер принял решение двинуть на Лаон различные корпуса своей армии и, оставив генерала Сакена в качестве поддерживающего нас эшелона, отдал нашему корпусу приказ начать отступление.

Французы, уже почти всеми своими массами, бросились тогда с новым пылом на нашу пехоту; их кавалерия хотела смять ее, но была остановлена порядком и мужеством наших людей, только один егерский полк был приведен в замешательство и частично изрублен.

Я не мог отступить назад, так как позади меня была глубокая пропасть. Мне пришлось пойти влево, и я попал на ту самую местность, которую покинула наша пехота, а теперь занимала вся вражеская кавалерия. Я велел отвезти еще левее орудия, которые были уже почти непригодны к бою, и скомандовал атаку четырем казачьим полкам, поддержав их Павлоградским гусарским полком, построенным эшелонами, дивизион за дивизионом. Казаки бросились вперед с таким самозабвением, что первым же ударом опрокинули французские полки; гусары довершили успех атаки, смятый неприятелем егерский полк, чьи солдаты защищались сами по себе, был спасен, и мы проскакали, рубя французов, через вражеские батареи, уже громившие огнем нашу отступающую пехоту.

Смятение неприятеля было полным, но и гибель моей малочисленной кавалерии была бы неизбежной, если бы генерал Сакен не направил к нам на помощь генерала Васильчикова с одной гусарской и одной драгунской дивизиями. Они прибыли в тот момент, когда оправившаяся от своего первоначального расстройства французская кавалерия смяла мою конницу и начала ее преследовать. Это подкрепление остановило врага и позволило нам устроиться. Пехота продолжала свое отступление, а мы продолжали ее прикрывать. Оставшись хозяевами на поле сражения, французы решили не рисковать своей кавалерией и удовлетворились тем, что стали преследовать нас тем количеством пушек, которые местность

П.А. Строганов

позволяла им развернуть. Примерно 100 орудий двигались по нашим следам и поражали нас своим огнем.

Наша почти разбитая артиллерия могла отвечать им только слабым огнем, земля была мерзлая, ядра рикошетировали на огромное расстояние и падали в наши пехотные колонны, после того, как вырывали всадников или лошадей из наших рядов. Наши потери были огромны. Генерал Ланской, покрывший себя славой в нескольких кампаниях, и генерал Ушаков, подававший блестящие надежды, были смертельно ранены. Генералы Дмитрий Васильчиков и Юрковский выбыли из строя, множество отличных офицеров погибло. Граф Строганов имел несчастье увидеть, как почти перед его глазами ядро сразило его единственного сына и наследника его огромного состояния; он погиб в возрасте 17 лет. Почти все окружавшие меня офицеры были убиты или ранены; я очень сожалел о моем адъютанте Лантингсгаузене, который из-за своей блестящей смелости и деятельности являлся любимцем всего корпуса. В пехоте потери среди генералов, офицеров и солдат также были очень чувствительны. К концу дня генерал Сакен велел выставить 36 батарейных орудий для того, чтобы прикрыть наше отступление. Командовавший ими офицер вначале принял нас за неприятеля, и произвел по нам свой первый залп, но мы потеряли уже столько людей, что этот новый урон не смутил никого из нас.

Я был назначен руководить арьергардом; мне придали 2 полка егерей и одну батарею, с приказом удерживать до последней возможности место пересечения дороги из Суассона в Лаон и дороги, по которой шли наши войска. Это было необходимо для того, чтобы генерал Рудзевич, оставленный в Суассоне, смог исполнить приказ об эвакуации этого города и присоединиться к армии, которая вся собиралась в Лаоне.

Генерал Винценгероде весь день слышал страшную канонаду, и мог себе представить, насколько наш слабый корпус должен был от нее страдать. Тем не менее, он не двигался; дороги, на которые он рассчитывал, находились в очень плохом состоянии; авангард, возглавляемый генералом Чернышевым, тоже не прибыл. Таким образом, 10 тысяч человек кавалерии к большому счастью Наполеона пребывали в бездействии и практически оказались зрителями боя при Краоне. Ночь положила конец этому кровавому дню; я прибыл к указанному мне пункту. Обозы, раненые, а потом и отряд Рудзевича тянулись позади моего арьергарда и заполнили всю дорогу. Между тем, я стоял в непосредственной близости от победоносной армии Наполеона и не мог сомневаться, что на рассвете буду атакован. Я велел подсчитать численность своего отряда, и был поражен, узнав, что из почти 900 человек, состоявших утром в рядах Павлоградского полка, осталось немногим более 400. Казаки и егеря понесли потери в такой же пропорции. Всего у меня под ружьем было около 3000 человек. С первыми лучами солнца неприятель подался вперед, и я был вынужден возобновить свое отступление. Местность была изрезанная, а большая дорога петляла, что позволяло мне вначале легко скрывать слабость моего отряда, и от раза к разу останавливать наступательные движения неприятеля. Около полудня, когда я отступил еще не далее одного лье, прибыл генерал Чернышев со свежими войсками, чтобы сменить меня и мой изрядно утомленный отряд.

Я направился в Лаон, до которого было около двух лье, и занял свое место на биваке армии. Чернышев продолжал медленно отходить, неотступно преследуемый неприятелем, и около полуночи вступил на позицию. Враг неотступно его преследовал и на заре следующего дня две армии оказались друг против друга.

* * *

Город Лаон стоит на вершине высокой горы, имеющей довольно крутые склоны. Окрестная область представляет собой открытую равнину за исключением стороны, обращенной на Суассон, где местность лесистая и всхолмленная невысокими горами. Лаон образовывал центр нашей позиции; на склоне, ведущем в город, были поставлены пушки; корпуса Винценгероде и Бюлова выстроились справа от горы, корпуса Сакена, Клейста и Йорка разместились слева. Позиция имела форму обращенного вперед угла, вершиной которого являлся Лаон. Почти вся наша кавалерия была расположена за горой таким образом, чтобы иметь возможность быстро выдвинуться на крайнюю оконечность того или иного района. В тот день я находился там, командуя большей частью этой конницы.

С рассветом на землю опустился такой густой туман, что было невозможно точно расставить полки. Он держался больше часа, а когда рассеялся, мы очень удивились, обнаружив себя построенными в неправильном порядке, кто лицом к лицу, кто спина к спине. Расстановка была спешно исправлена, и обе армии обнаружили свое присутствие. Левое крыло неприятеля воспользовалось лесистой и гористой местностью, чтобы скрыть свои передвижения, поставив на виду только несколько батарей.

В центре французы выказали желание сильно атаковать Лаонскую гору, но, увидев, что она ощетинилась пушками и удерживается пехотной дивизией, тотчас отказались от этих планов.

На нашем левом фланге, где боевые линии обеих сторон стояли открытыми одна напротив другой, завязалась оживленная канонада. На нашем правом фланге сражение свелось к ружейной перестрелке между стрелками, продолжавшейся почти весь день и не принесшей других результатов кроме значительных людских потерь.

Убедившись в прочности нашей позиции, Наполеон выжидал, когда какое-нибудь движение с нашей стороны даст ему случай что-либо предпринять. Мы же остались на своих местах, приготовившись только отразить возможные атаки противника. Целый день противоборствующие войска вели более или менее плотный огонь, не решаясь на наступательные действия. К вечеру часть французской кавалерии выказала намерение обойти наше правое крыло с тем, чтобы занять дорогу в Авен, являвшуюся одним из путей нашего отхода. Уведомленный об этом движении, я с тремя кавалерийскими полками рысью двинулся навстречу противнику. Никто не пожелал ускорить аллюр, и поскольку нас и неприятеля разделяло болото, дело не пошло дальше обмена несколькими пушечными выстрелами.

Тем временем пехотная бригада пруссаков под командованием принца Вильгельма Прусского[69] приготовилась атаковать деревню, откуда французские стрелки докучали ей на протяжении части дня. Завязался ожесточенный бой; обе стороны пустили в ход резервы; пруссаки, вынужденные податься назад, удвоили свой пыл. Спустилась ночь, огонь охватил деревню, и стороны продолжали при свете пожаров вести между собой борьбу за дома. Наконец, после храбрых усилий и схваток, ведущихся буквально на груде трупов, пруссаки ударом в штыки захватили пылающую деревню. Этот успех продвинул вперед всю первую линию корпусов Йорка и Клейста. Часть прусской кавалерии двинулась вперед и, несмотря на темноту, стремительно атаковала неприятеля. Французы были опрокинуты и преследуемы по дороге в Реймс. В руки пруссаков попало более 20 орудий и 6—7 тысяч пленных. Возможно, ночь способствовала поражению французов, но она же помешала нам воспользоваться его результатами. Войска заняли свои прежние позиции, и на восходе солнца обе армии стояли так, как будто не было вчерашнего сражения. На нашем левом фланге, где преимущество было решающим, за весь день стороны обменялись несколькими ядрами; на правом фланге генерал Винценгероде попытался продвинуться вперед, наши егеря вступили

в лес, но не смогли там ничего добиться. На крайнем правом фланге несколько казачьих полков предприняли демонстрацию, чтобы обойти неприятеля, но тот на сильно изрезанной местности противопоставил им некоторое количество пехоты, и эти полки вернулись на свое место. Было бесполезно потеряно много людей от ядер и в ружейной перестрелке. Было видно, что Блюхер болен, что Винценгероде его не слушается, и что Наполеон убедился в невозможности разбить нас на позиции при Лаоне. На следующую ночь он отступил.

* * *

В этот промежуток времени граф Сен-При, ранее назначенный блокировать крепости на Рейне, и смененный там другими войсками, прибыл из Шалона с 5 или 6 тысячами русских, чтобы присоединиться к армии Блюхера.

Он двинулся на Реймс и взял штурмом этот город, который обороняли 2 тысячи человек регулярных войск, поддерживаемых горожанами. Узнав о преимуществе, полученном нами после первого дня противостояния при Лаоне, и, не сомневаясь, что французы находятся в полном отступлении, он пренебрег предосторожностями, необходимыми для самозащиты. Наполеон, который не упускал ни одной из предоставленных ему возможностей, приказал отбить Реймс, чтобы двинуться далее против армии государей. Едва успев выстроить свои части перед городом, граф Сен-При был атакован превосходящими силами противника. Он получил смертельное ранение в начале боя, и его войска, оставшись без предводителя, стремились только избежать ловушки, ожидавшей их на узких улицах. Генерал Эмманюэль принял командование и лишь с большим трудом и огромными потерями сумел выбраться из этого затруднительного положения. Граф Сен-При был перевезен в Лаон, где и умер несколько дней спустя, вызвав чувство скорби у всей армии, и оплакиваемый всеми своими товарищами.

Потеряв много времени и освободившись от неприятеля, мы решились, наконец, двинуться вперед. Корпус генерал Винценгероде имел приказ вновь захватить Реймс. Мы опять направились по дороге в Бак-а-Берри и к концу следующего дня подошли к городу, которым собирались овладеть уже в четвертый раз. Ворота были закрыты, но по нам не стреляли. На старинных зубчатых стенах стояло много людей, но, приблизившись, мы различили, что это был не гарнизон, готовый защищаться, а мирные горожане, женщины и дети, которых привлекло на стены любопытство. На просьбу отворить ворота один жандарм грозно ответил, что Наполеон запретил их открывать. Пришлось выдвинуть пушку; третий выстрел разбил ворота, и мы вступили в Реймс, словно в дружественный город, где жители приняли нас как давних знакомых.

Между тем Наполеон уже вступил в борьбу с нашей главной армией. После нескольких кровопролитных боев, где выигрыш не имел для него решительных последствий, он предпринял большой стратегический маневр, позволявший ему надеяться на более выгодные результаты. Он перестал защищать подступы к Парижу и хотел направиться к своим приграничным крепостям на Рейне. Он

Э.Ф. Сен-При

рассчитывал, что государи будут вынуждены последовать за ним, что, удалив их этим маневром из центра Франции, он даст своей стране передышку и возможность вооружить вновь набранные войска. Ударив по нашим тылам и коммуникациям, он собирался захватить наши запасы снаряжения и продовольствия, а также принести страх в пределы неприятельских стран. Этот замысел был достоин Наполеона, но решение, которое он заставил принять императора Александра, было достойно последнего и позволило союзникам победоносно завершить эту памятную войну.

Это решение Наполеона не было еще известно, когда армия Блюхера приготовилась возобновить свои операции против Парижа, единственной цели всех своих усилий. Корпус генерала Винценгероде двинулся на Эперне; оставив Блюхеру свою пехоту под командованием графа Воронцова, он отделился от него во главе кавалерии, чтобы пройти с боем по территории, лежащей между Марной и Сеной. Мы направились к Фер-Шампенуазу, где узнали, что после упорного сражения при Арси наша главная армия двинулась на Витри, а французская армия перешла на правый берег Марны. Нашими партиями был захвачен курьер, посланный Наполеоном в Париж с депешами, в которых содержался весь план его марша и надежды, которые он возлагал на него. Эти сведения спешно передали Императору, только что прибывшему в Витри, где находился тогда весь наш отряд.

В первый раз после Лейпцига мы встретились с армией государей, которая почти всей своей массой остановилась на большой дороге, рядом с городом, пока Император обдумывал приказы, касающиеся предстоящих действий, и добивался того, чтобы князь Шварценберг присоединился к его мнению. Он решил, что главная армия соединится с армией Блюхера и двинется прямо на Париж, не беспокоясь о движениях Наполеона и не пытаясь защитить свои коммуникации. Отряд генерала Винценгероде должен был перейти Марну в Витри и следовать за Наполеоном, действуя таким образом, чтобы тот как можно дольше считал, что его преследует вся армия союзников, а мы образуем ее авангард. Князь Шварценберг, король Пруссии и некоторые генералы противились этому плану, но император Александр, которому не удалось убедить их, в конце концов, просто приказал сделать именно так.

Все войска пришли в движение, главная армия двинулась к столице Французской империи, а наш корпус пересек город и пошел дальше, чтобы атаковать небольшой арьергард, который отступил по дороге на Сен-Дизье.

Длительные и упорные сражения, усталость и болезни значительно уменьшили число бойцов. Французская армия после примеров доблести и быстрых маршей сократилась до менее 60 тысяч человек. Она могла усилиться за счет солдат, оставленных в различных крепостях, и это было одной из причин, заставившей Наполеона направиться к границам. Там он мог маневрировать и своим талантом компенсировать малочисленность войск. При отступлении он находил бы опорный пункт в каждом укрепленном городе, и мог бы превратить в партизанскую войну ту кампанию, которая на равнинах Шампани не оставляла ему других шансов, кроме большого сражения.

Несмотря на огромные потери, наша армия пока еще насчитывала более 120 тысяч человек, чье рвение, казалось, лишь увеличилось от близости Парижа и скорого окончания этой кровопролитной борьбы, которая от пепелищ Москвы привела русских в сердце Франции.

Однако было самое время заканчивать войну. Австрия сражалась вяло, Наполеон делал все возможное для того, чтобы отколоть ее от своих врагов. Она уже начала опасаться слишком большого влияния России, и остатки отеческой нежности к маленькому королю Рима[70] стали проявляться в глубине сердца австрийского императора. Его генералы ревниво относились к нашим, и старинная национальная вражда между Австрией и Россией постоянно порождала споры и взаимные упреки. Только Император держал в своих умелых руках ключ от этого пути, столь искусно согласованного его политикой. Но он был вынужден без конца бороться против претензий союзников, дипломатических интриг Наполеона и дрязг между военачальниками. С другой стороны, становилось необходимым его присутствие в своей Империи, поскольку затянувшаяся война могла стать гибельной, превратившись в войну гражданскую.

Наполеон не пренебрегал ничем для того, чтобы разжечь храбрость нации. Он приказывал повсюду проводить наборы в армию, и Франция вскоре должна

была превратиться в огромный военный лагерь. С усердием проводились работы по укреплению Парижа, подступы к этому сердцу империи ощетинились пушками, горожане спешно вооружались и все, вплоть до учеников лицеев, были призваны содействовать обороне столицы.

Но приказы Наполеона выполнялись уже очень слабо. Его брат Жозеф, назначенный управлять Парижем, не обладал необходимой энергией, требовавшейся в такие великие моменты. Маршалы устали от войны, к тому же их рвение было уравновешено ловкой и скрытной оппозицией, образовавшейся даже в среде правительства. Ее внутренним двигателем был князь Талейран, он предвидел падение Наполеона и желал заранее выслужиться, содействуя этому. Другие вельможи империи рассматривали только тяготы, постигшие их отечество, они не видели другого способа прекратить их, кроме избавления от того единственного человека, против которого союзные государи объявляли себя вооружившимися. Вслед за нашими армиями в нескольких провинциях Франции появились французские принцы, которые, хотя и не были признаны союзными государями, но и не были ими отвергнуты. Принцы выпускали прокламации от имени короля Людовика XVIII, они бросали в народ первые зерна раздора, давали столичным интриганам новое поле для комбинаций, а врагам императорского правительства — точку объединения тем более прочную, что ей, казалось, была обеспечена поддержка победоносных армий, наступавших со всех сторон к столице. Наконец, после славной борьбы в Испании, Веллингтон освободил это королевство от ига французов и преследовал остатки их армий вплоть до их домашних очагов.

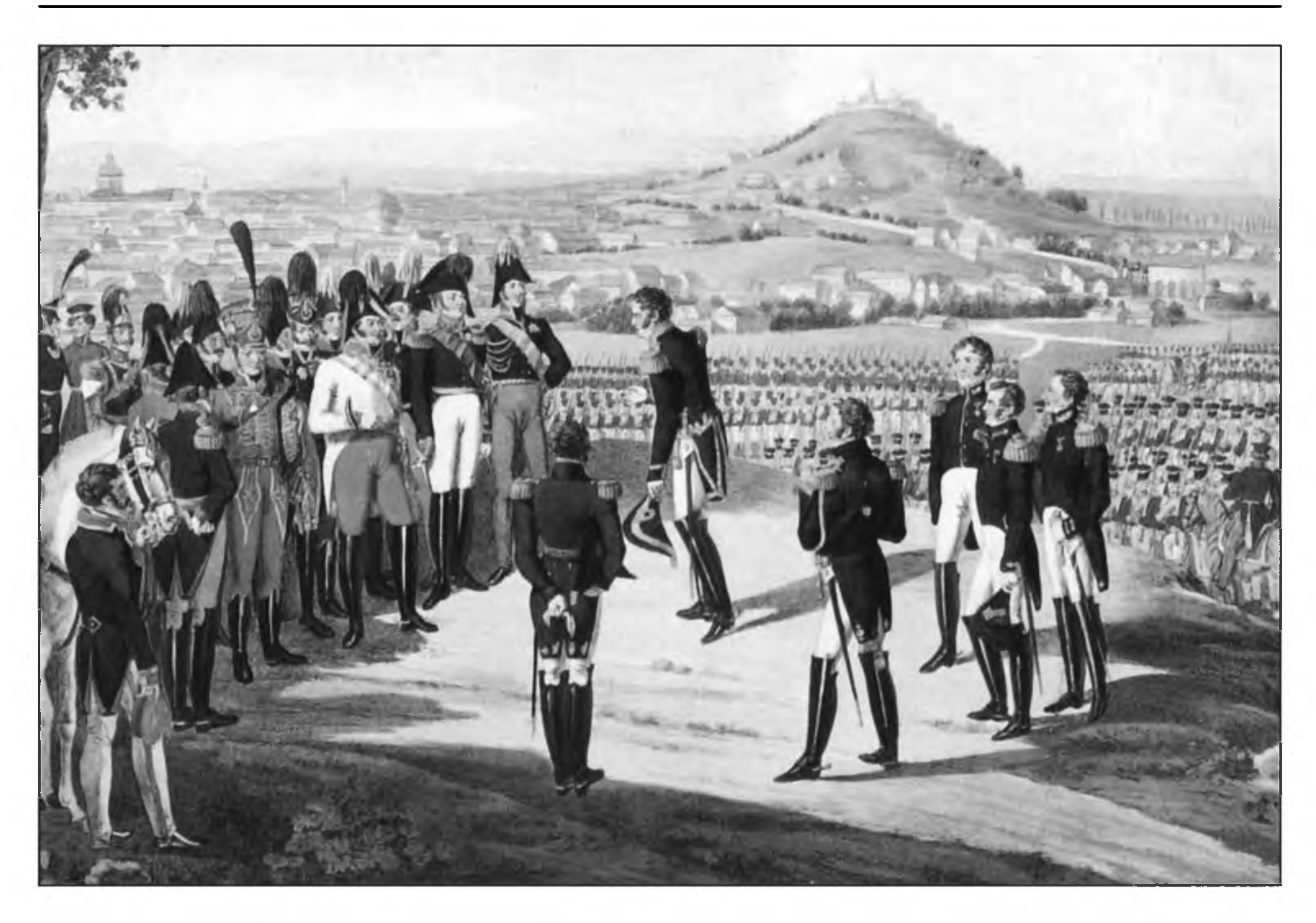
Наполеон, обрадованный выходом наших войск из Витри и полностью уверенный в том, что это был авангард главной армии, оказал нам лишь слабое сопротивление и отступил на Сан-Дизье. На следующий день после часовой канонады его арьергард сдал нам этот город и отступил вслед за основными силами к Васси, по дороге на Жуанвиль.

Генерал Теттенборн, двигавшийся в голове нашей колонны, перешел через Марну и встал биваком на виду у неприятельской армии. Мы заняли Сен-Дизье, где распустили слух о том, что вскоре должен прибыть император Александр. Возле предназначенного ему дома выставили большой караул, с такой же заботой были сделаны и другие приготовления для его приема. Ранним утром я получил приказ перейти мост, усилить Теттенборна и следовать за движением неприятеля. Однако противник не показался мне расположенным отступать, видя, что он готовится нас атаковать, я отвел регулярную кавалерию за реку, и сохранил на месте только два казачьих полка, чтобы проследить за его намерениями. Вскоре все неприятельские войска пришли в движение; часть их устремилась на Теттенборна, который не имел уже времени отойти к Сен-Дизье и, вынужденный искать себе путь для отступления, перешел реку вброд ниже города. Мое войско было атаковано менее сильно, и я медленно отступил по городскому мосту. Винценгероде, извещенный мною о происходящих событиях, поручил своему начальнику штаба, генералу Ренни, выстроить свою кавалерию за Сан-Дизье таким

образом, чтобы, как он сказал, можно было беспрепятственно отступить как на Витри, так и на Бар-ле-Дюк. Но мы заняли совершенно неправильную и столь же плохую позицию, потому что наша кавалерия численностью до 10 тысяч лошадей была развернута в одну линию. Противник не дал нам времени исправить наше расположение; его кавалерия, преследуя Теттенборна, переправилась через реку вброд, его пехота, захватив мост, быстро прошла через Сен-Дизье и двинулась прямо на нас. Я удерживал крайний левый фланг и успел только крупной рысью направиться на Бар-ле-Дюкскую дорогу, которая оставалась единственным маршрутом нашего отступления, и куда уже спешил французский батальон, собиравшийся преградить нам путь. Атака двух эскадрон гусар, проведенная храбрым полковником Арефьевым, дала нам возможность обосноваться на шоссе и позволила моему отряду построиться и установить наши орудия для того, чтобы сдержать первый порыв неприятеля. Теттенборн был отброшен и во весь опор бежал по дороге на Витри вместе со своими казаками, которых никакие усилия не могли заставить собраться.

Центр нашей позиции, неудачно расположенный между дорогами на Витри и на Бар-ле-Дюк, был прорван всей массой французской кавалерии и отброшен в болото и кустарники. Полки, которые держались дольше всех, пострадали больше всего; генералы Орурк и Балк надеялись смелыми атаками восстановить бой, однако, угрожаемые с фронта, охватываемые густыми колоннами и обстреливаемые фланкирующим огнем пушек, они только увеличили беспорядок. Не успела наша конная артиллерия вступить в дело, как была увлечена в бегство нашей собственной кавалерией и бросила несколько своих орудий, увязших в болоте. Неприятель, ободренный таким легким успехом, живо преследовал нас и помешал нашим эскадронам устроиться заново. Все бежали перед ним, генерал Винценгероде был обязан своим спасением только резвости своей лошади. Все те перемешавшиеся между собой беглецы, кому удалось добраться до Бар-ле-Дюкской дороги, укрылись за моим отрядом и тем самым избежали дальнейшего преследования. Только два эскадрона Изюмских гусар, два эскадрона Елисаветградских гусар и несколько артиллерийских орудий смогли выстроиться в боевом порядке на некотором расстоянии позади моей позиции. Эта позиция оказалась удачной, мой правый фланг нельзя было обойти, а мой левый фланг защищали три казачьих полка под командованием генерала Льва Нарышкина.

Генерал Винценгероде, огорченный этой неудачей и возлагавший всю ответственность за нее на своих генералов, в то время как виноват был он один, приказал мне руководить отступлением, а сам отправился в Бар-ле-Дюк, надеясь собрать там остатки своей кавалерии. Между тем Наполеон, не удовлетворенный выигранным сражением которое стало последней победой в его блестящей карьере, пожелал разбить все то, что еще находилось перед ним в боевом порядке. Он бросил в атаку часть своей кавалерии; два эскадрона Изюмских гусар, поставленные мною впереди, были опрокинуты, а их храбрый полковник Лошкарев, свалившийся с лошади, остался во власти неприятеля. Несколько выгодно

Капитуляция Парижа 31 марта 1814 года

расположенных орудий и атака шести эскадронов Павлоградских гусар остановили это движение противника, что дало мне возможность продолжить в порядке свое отступление.

Поскольку неприятельская пехота не могла продолжать преследование, а кавалерия была отбита, остаток дня прошел в артиллерийской перестрелке. К счастью, темнота застигла нас еще до того, как я дошел до Бар-ле-Дюка, и положила конец этому печальному дню. Наполеон был уверен, что преследует императора Александра, жители Сен-Дизье уверили его, что тот прибыл в их город в начале сражения. Убежденный в обратном показаниями пленных, он был очень огорчен своей ошибкой и не мог более сомневаться в наступлении нашей главной армии на Париж. Он тут же приказал изменить направление движения и быстро выступил на Витри, намереваясь захватить его с ходу. Но командовавший там генерал Васильчиков защищался с достоинством, и Наполеон был вынужден отступить перед этой крепостцой, потеряв там еще один день.

* * *

Тем временем император Александр, покинув Витри, направился к Фер-Шампенуазу, где во главе кавалерии атаковал и опрокинул корпуса маршалов Мармона и <...>[71]. Эти два корпуса, имевшие задачу прикрывать Париж и намеревавшиеся,

согласно распоряжениям Наполеона, зайти в тыл нашей армии, были крайне удивлены, увидев себя атакованными. Тем не менее, они оказали стойкое сопротивление, и их удалось победить только после многократных конных атак и благодаря отваге, внушенной нашей кавалерии присутствием императора Александра. Наши потери были весьма значительны; гвардейская кавалерия показала чудеса храбрости; Император рисковал собой как последний из кавалеристов, встав во главе полков и направляя огонь батарей. После нескольких часов боя остатки двух неприятельских корпусов, спасаясь, отступили к Парижу.

Ни один полк пехоты не участвовал в этом деле; вся главная армия продолжила тогда свое движение к столице Франции, не встречая более сопротивления. Корпуса генералов Сакена и Бюлова были оставлены в Мо для наблюдения на тот случай, если Наполеон захочет пойти по нашему следу.

Наполеон, получив известие о поражении своих двух корпусов, ускоренным маршем двинулся на Фонтенбло, бросив часть армейских обозов и даже артиллерийские орудия. Генерал Винценгероде находился в Шалоне, куда он отошел, не дожидаясь моих сообщений о движении неприятеля.

На следующий день после нашего сражения я был атакован несколькими полками кавалерии и вынужден отступить через Бар-ле-Дюк. После чего этот неприятельский отряд двинулся вслед за армией Наполеона, а я получил срочный приказ прибыть в Шалон.

Наша кавалерия вновь была собрана, и мы пошли, хотя и слишком поздно, по следу французской армии. В Сансе неприятельский арьергард воспротивился нашей переправе, произошел обмен несколькими пушечными выстрелами, и французы вступили с нами в переговоры. Они нам сообщили, что наша главная армия атаковала Париж, и что Наполеон направился туда со всеми своими силами. Это известие заставило нашего генерала выступить без промедления, чтобы успеть принять участие в этом последнем и великом сражении. Мы пошли на Монтро, ускоряя марш, и беспокоясь о важных событиях, которые должны были решить судьбу Французской империи и целой Европы.

Я унесся далеко в своих раздумьях, когда увидел приближающийся ко мне экипаж, в котором я издалека опознал парижский фиакр. Его появление в гуще военной суеты показалось мне столь необычным, что я не поверил своим глазам. Кучер и сидевшие в экипаже люди поспешили показать мне свои белые кокарды и все сразу с радостными криками сообщили мне великую новость о том, что император Александр вступил в Париж во главе своих войск, что Бонапарт отрекся от трона и что Людовик XVIII провозглашен французским королем. С целью убедить меня в истинности своих слов, они передали мне несколько экземпляров прокламации временного правительства. Больше не было сомнений в этих великих переменах, которые вызвали во всем отряде живейшую радость. Подойдя к Парижу, союзники нашли там французов, решившихся до последней возможности защищать вход в свою столицу. Заполненные многочисленной артиллерией укрепления оборонялись всеми войсками, которые удалось собрать, поддержанными

частью парижской национальной гвардии, толпой добровольцев и юными учащимися лицеев. Маршалы[72] и несколько отличных генералов решили держаться или погибнуть с честью. Этот город с огромными ресурсами был средоточием мощи империи, казалось, он мог противостоять усилиям целого мира. Народ не допускал, что враг попытается овладеть им, кроме того, все знали, что Наполеон со всей своей армией спешит на помощь Парижу. Ощущение полной безопасности, существовавшее в городе, немало способствовало усилиям начальников по наращиванию средств обороны.

Когда объявили о приходе союзников, жители поспешили за городские заставы, словно для того, чтобы насладиться неким спектаклем. Но внутри самого правительства шла работа, предварявшая падение Наполеона, во главе этой партии князь Талейран готовил умы к неизбежным переменам, которые только могли спасти Францию. Тем временем пушки грохотали вокруг стен, французы сражались со своей обычной храбростью; угроза их столице воспламенила их мужество, тогда как союзные войска были воодушевлены на бой видом этого города, являвшегося окончанием их трудов и зенитом их славы.

Император Александр и король Пруссии лично руководили атаками, генерал Барклай де Толли должен был найти у стен Парижа вознаграждение за все свои труды и все свои печали, преследовавшие его во время кампании в России. Он стал фельдмаршалом на поле битвы, посреди самого смертоносного огня. Прусская гвардия соперничала в усердии с нашей и имела честь захватить пригороды Парижа.

Храбрый полковник, руководивший этой атакой[73], был еще во время схватки награжден крестом Святого Георгия, который император Александр снял со своей петлицы, чтобы вручить ему. Все генералы и все войска были воодушевлены этой наградой государя; отовсюду слышались крики радости и победы. Ничто не могло бы устоять перед такой армией. Неприятельские позиции, их самые мощные и наилучшим образом обслуживаемые батареи были захвачены с яростью; наконец, мы оказались у застав Парижа.

Население трепетало и уже видело себя подвергшимся всем ужасам штурма; ощущение полной безопасности мгновенно сменилось полным унынием. Даже маршалы разуверились в спасении города; беспорядок и отсутствие согласия у начальников только увеличило опасность; тогда заставы открылись и появились парламентеры, чтобы предотвратить несчастья, угрожавшие городу. Поверенный в иностранных делах граф Нессельроде въехал в Париж, и князь Талейран принял на себя обязанность ускорить сдачу города.

Наполеон, нетерпеливо стремившийся помочь своей столице, совсем один поспешил по дороге в Фонтенбло. Находясь в нескольких лье от Парижа, он встретил выходившие оттуда войска. Он узнал, что уже поздно возобновлять оборону города, что капитуляция, которую его генералы не имели настроения разорвать, отдала союзникам ворота Парижа. Вспылив, он обругал всех тех, кто согласился

на капитуляцию, которую он приписал трусости, и был вынужден, тем не менее, продолжить свой грустный путь в Фонтенбло.

В это время, на рассвете, наши войска заместили французскую стражу на городских заставах. Русские гренадеры сменили часовых у ворот Сен-Дени и Бонди, которые на протяжении столетий охранялись только французами.

В сильнейшей тревоге горожане направились к заставам, они двигались по улицам, волновались и с дрожью ожидали объявления своей судьбы. Их устрашенному воображению представлялись пожар Москвы, разорение России, несчастья Германии, они не ожидали ничего кроме мести. Высоты Монмартра были увенчаны пушками, и артиллеристы навели их стволы на город, держа фитили горящими. Со всех сторон войска готовились к вступлению. Граф Пален, с авангардом, прошел в молчании по нескольким улицам и направился по Аустерлицкому мосту на дорогу в Фонтенбло. Наконец, появился Император, подобно Богу, который все успокоит и всех простит. Он предстал перед толпой парижан с теми доверчивостью и добротой, которые украшали его лицо.

Ожидали завоевателя, а увидели освободителя. Люди толпились вокруг него; ободренные его приветливостью, его окружили, им восхищались, и в один момент этот прежде дрожавший от страха народ преисполнился энтузиазма. Здравицы императору Александру послышались со всех сторон, можно было сказать, что французы увидели своего императора и приветствовали его подвиги. Несколько голосов выкликнули здравицу Бурбонам и Людовику XVIII. Из опасения или под влиянием эмоций эти слова были повторены; появились белые кокарды, и через мгновение эти крики подхватили все горожане.

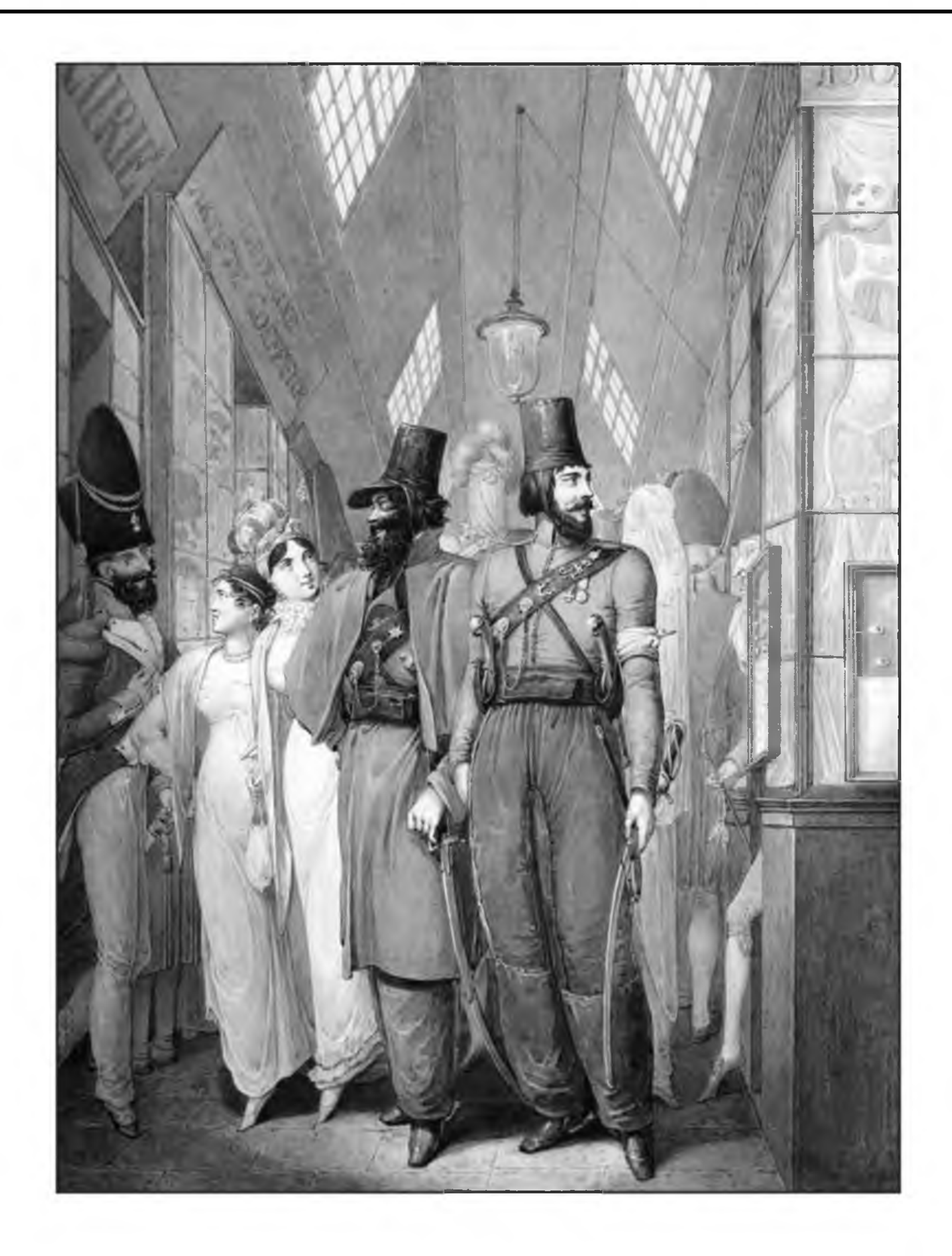
Союзники поспешили принять эту идею, они рассматривали ее как желание всей нации, и Людовик XVIII был провозглашен королем Франции.

* * *

Император Александр остановился в доме князя Талейрана, все войска провели остаток дня на биваках, разбитых в укрепленных местах и в окрестностях Парижа.

Утомленные тяготами и боями, овладевшие ценою своей крови Парижем, этим городом разорителей своей родины, войска подали величайший и благороднейший пример воинских добродетелей. Император Александр заявил о своем прощении, и вся армия забыла о мести. Можно было видеть как те же солдаты, которые только что ожесточенно сражались у парижских ворот, стояли 24 часа под сильным дождем без пищи на улицах этого униженного города и не решались постучать ни в одну дверь, чтобы попросить хлеба. Даже гвардия самого Императора получила пищу только на следующий день, и только на третий день стали заботиться о расквартировании войск.

Париж был удивлен, последующие события отдадут должное благородству Императора и покорности его доблестных солдат. Пруссаки и другие германские войска предавались грабежам и удовольствиям Парижа, но император Александр

Казаки в Париже. 1814

приказал, и русские показали пример дисциплины. Все в этом последнем акте, закончившем 20-летнюю войну, должно было быть необыкновенным и возвышенным. Вечером того же дня Император отправился в Оперу, где публика столпилась, как в день национального праздника. Громкими криками требовали показать спектакль «Триумф Траяна», эта опера была поставлена в честь побед Наполеона, вернувшегося из Тильзита, теперь хотели, чтобы так же была отмечена слава Александра, вошедшего в Париж.

Волнения стихли, когда сообщили о желании Императора посмотреть «Весталку». Он появился в королевской ложе, приветствовал публику так же, как он это делал в Петербурге. Как только его заметили, раздались такие громкие крики «Да здравствует Император!», «Да здравствует освободитель Франции!», которыми никогда не удостаивали короля Франции.

Повсюду, где он появлялся, слышались здравицы и восклицания, все театры отметили его добродетели и его триумф.

Вернувшись в Фонтенбло, где остатки французской армии соединились с Императорской гвардией, Наполеон стал придумывать способы, как спасти свою пошатнувшуюся удачу. В его голове проносились тысячи планов, которые либо противоречили один другому, либо исполнение которых стало невозможно. Маршалы и даже придворные давали ему советы. Лесть исчезла при дворе

несчастного Наполеона, ее место заняла дерзость, которая доказала победителю стольких народов, что только победы являются основой узурпации. Те, кого он наиболее щедро осыпал своими милостями, маршалы, которые при нем, и благодаря ему, стали вельможами Империи, и должны были бы поддерживать его власть, первыми стали упрекать его в падении величия. В конце концов, они заставили его разрешить им отправиться к Александру, чтобы молить о милосердии. Вместо того чтобы искать способы воодушевить нацию и своих храбрых солдат, все еще готовых проливать кровь за спасение чести Франции, эти маршалы, не покраснев, явились в Париж для того, чтобы договариваться об унижении их отечества и о бесчестии их славы. Некоторые из них, обманув войска, доверявшие их приказам, и соблазнив офицеров, увели свои корпуса из преданного Наполеону лагеря.

Перемирие и военная конвенция были заключены без ведома Наполеона. Проданный и разоруженный своими собственными генералами, он был счастлив найти в великой душе императора Александра поддержку против мести союзников и предательства своих подданных, и счел себя спасенным, подписав отречение.

В ходе этих переговоров Париж, казалось, уже забыл своего бывшего хозяина, там занимались только делами Бурбонов, приездом короля, великодушием союзников и теми бесчисленными переменами, которые новый порядок вещей должен был произвести в обществе и при дворе.

Я получил разрешение покинуть свой пост и прибыть в Париж. Не могу передать охватившее меня чувство, когда я вернулся в этот город, в котором жил молодым человеком, жаждавшим удовольствий и любви, в город, некогда наполненный величием Наполеона, славный его подвигами, прославлявший его вернувшуюся из Тильзита гвардию. Тогда он являлся хозяином большей части Европы, местом, куда стекались государи и принцы, платящие дань французскому могуществу, теперь же я увидел его униженным солдатами всех тех наций, которые на протяжении 20 лет подчинялись его триумфу. Я не мог прийти в себя, видя русских гренадеров и казаков, прогуливающихся по бульварам, составляющих охрану театров, патрулирующих Пале-Рояль и городские парки.

Мое национальное самолюбие было в высшей степени польщено, но мои глаза отказывались верить. На Пасху король Пруссии, принцы, все генералы различных союзных армий и французские маршалы, находившиеся в Париже, собрались у императора Александра и составили его свиту в тот момент, когда он сел на лошадь, чтобы произвести смотр войскам, выстроившимся вдоль бульваров от Мадлен (церкви Святой Магдалины) до ворот Сен-Мартен. Все полки встречали его радостными криками «ура», на которые бесчисленные горожане, стоявшие по сторонам аллей и украшавшие все окна, отвечали возгласами «Да здравствует император Александр!» Казалось, все население этого огромного города пришло в движение, можно было подумать, что они встречают воскресшего Генриха IV. Сад Тюильри, Елисейские поля, набережные и все дома, даже самые отдаленные, были заполнены любопытными. Самые красивые женщины спорили за

удобные места и махали платочками в ответ на крики наших солдат и народа. На площади Революции, неподалеку от того места, где под неумолимым ножом гильотины упала голова несчастного Людовика XVI, был возведен помост, обитый красной материей, на котором был сооружен алтарь. Прибытия Императора ожидали русские священники в богатых одеяниях и придворные певчие в лучших нарядах. Это святилище было оцеплено парижской национальной гвардией. Войска проходили перед государями и выстраивались густой колонной вокруг этого возвышения, образуя подобие широкого каре.

Император спешился и со всей своей свитой поднялся наверх, войска обнажили головы и слушали обедню в самом почтительном религиозном молчании. Во время благодарственной молитвы все пали ниц, так что русские священники посреди Парижа поставили на колени представителей всей Европы. Даже Рим времен наивысшей славы никогда не знал столь гордого триумфа. Это было настолько красиво, настолько проникнуто религиозным духом, что в тот момент никого не шокировало. Казалось, что происходящее событие сближало все нации и скрепляло их союз. Каждый русский гренадер чувствовал величие этого момента, ставшего самым прекрасным воздаянием Императору и его армии. Он навеки останется вписанным в скрижали славы России.

Наполеон, еще недавно находившийся в зените славы, полагавший, что из Кремля он продиктует свои законы пораженной Вселенной, и не видевший более границ своему могуществу, теперь оказался почти зрителем величия своих противников. Его маршалы только что придали блеска триумфу императора Александра, а он сам ожидал решения победителя для того, чтобы отправиться в уготованную ему ссылку. Он простился с солдатами, которых его фортуна провела по трем частям света. Они предстали перед ним для прощания, как свидетели его прошлых побед; слезы орошали усы этих храбрецов, и Наполеон, наверное, в первый раз почувствовал цену крови, которую он так часто проливал.

* * *

Наконец, король Людовик XVIII высадился в Кале. Встречать нового государя отправились приближенные Наполеона и старые эмигранты, которым было разрешено вернуться во Францию. Все были хорошо приняты и, казалось, партийные раздоры должны быть преданы забвению. Таковы были надежды всей Франции, и таково было желание короля. Но очень скоро накал страстей вновь разжег огонь разногласия. Лишенные родины за 20 лет изгнания, потрепанные нищетой, эти печальные эмигранты быстро вернули всю свою родовую гордость, почувствовав под ногами почву своих прошлых ошибок. Маршалы, гордые 20 годами побед, вельможи, которые службой получили свои отличия, были в их глазах только опасными выскочками. Все следили друг за другом, начали развиваться интриги и к моменту приезда короля в Париж партии вновь существовали.

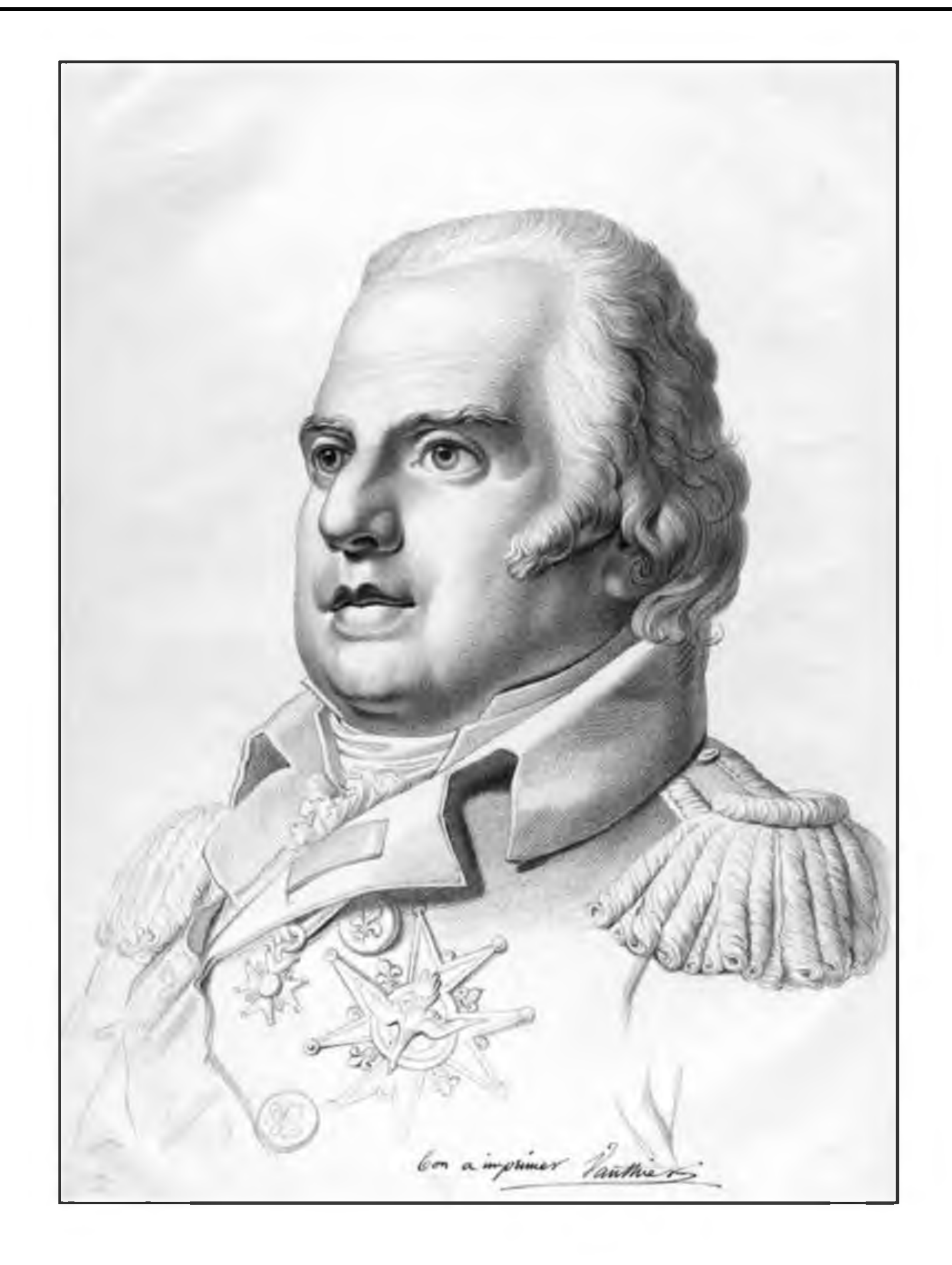
Людовик XVIII был встречен холодно, дети Революции этому радовались, а эмигранты не могли скрыть свой гнев. С этого момента можно было предвидеть

их докучливую преданность. Император проявил крайнюю деликатность, приказав, чтобы во время въезда короля в Париж никто из нас не появлялся на улицах города в военной форме, а солдаты были возвращены в казармы. Везде русских часовых заменили французами и образовали из войск бывшей Императорской гвардии, линейных полков и национальной гвардии оцепление на тех улицах, по которым должен был проехать король.

Страх заставил почти всех жителей надеть белые кокарды, а любопытство собрало их в огромную толпу, но только очень немногие выкрикивали здравицы в честь короля. Несколько генералов и некоторые офицеры пытались заставить свои войска кричать, но солдаты хранили гробовое молчание. Бесчестие и стыд были написаны на покрытых шрамами лицах наполеоновских гвардейцев, часть кавалеристов даже не села на коней, когда объявили о появлении короля. Он медленно проехал в коляске и не мог надеяться получить много удовольствия от обладания троном, на который он взошел, лишь благодаря желанию врагов своего королевства. Прибыв во дворец своих предков, он появился в окне, выходящим в парк Тюильри, большинство зрителей даже не сняли свои головные уборы, несколько человек пытались спровоцировать приветственные возгласы, но вызвали только смех соседей и едкие шутки по адресу короля и Бурбонов.

Закончив со славой долгую борьбу за независимость Испании, в Париж прибыл фельдмаршал Веллингтон. Постоянно сражаясь и чаще оказываясь победителем, он заставил французов отступать от Лиссабона до их собственной территории. Он присутствовал на этом параде и привлекал взоры всех военных, сам он восторженно взирал на солдат России. Он говорил, что самым любопытным, что он нашел в Париже, это было видеть в нем русских гренадеров. Войска расположились широким лагерем, гвардия заняла парижские казармы, Версаль и пригороды. Тяготы войны были забыты, все принялись развлекаться. Я не смог этим долго воспользоваться: будучи болен на протяжении нескольких месяцев, я поспешил заняться своим здоровьем. Я просил и получил разрешение отправиться в Англию; после месячного пребывания в Париже я выехал туда вместе с графом Воронцовым.

Мы остановились в Сен-Дени, где были расквартированы польские войска, которые недавно присоединились к нам после того, как сражались под знаменами Наполеона. Много подданных Российской империи из числа знати и простых солдат подняли оружие против нас. Они не должны были ожидать ничего другого, как конфискации их имущества и ссылки в Сибирь. Император простил побежденных, он провозгласил себя покровителем этой нации, которую века ненависти вооружили против России. Он забыл предательство поляков, все их измены и сражения, в которых они с яростью боролись против нас. Он приказал своему брату, великому князю Константину, принять на себя командование этими войсками, которые помогали грабить Москву и сражались против наших побед. Император уже простил 1812 год всем полякам, проживавшим в провинциях, входивших в состав империи. Со всех были сняты обвинения в измене России,

Людовик XVIII

пресмыкательстве перед Наполеоном и в преступной непоследовательности. Он даже мечтал после окончания войны предоставить этой нации самые блестящие доказательства своих милостей. Он хотел, чтобы Королевство Польское существовало! Таким образом, поляки были обязаны государю, которого они так обижали, всем, о чем они только смели мечтать, тем, за что они проливали свою кровь и жертвовали своим имуществом.

* * *

Мы прибыли в Кале, где встречный ветер задержал нас на три дня. На берега Англии, несмотря на непогоду, нас доставила почтовая шхуна. Мы высадились в Дувре. Коснувшись ногой этого благословенного острова, я испытал чувства столь же прекрасные, сколь и удручающие. Эти достаток, богатство, утонченность, свобода, казавшиеся верхом человеческого счастья, вызывали восхищение. Печалило то, что на нашей родине должно смениться еще немало поколений, прежде чем будет достигнуто подобное процветание. Вся дорога из Дувра в Лондон заставляла путешественника все больше удивляться и повышала его удовлетворение. Везде было богатство, оживление, порядок, вокруг была щедрая природа, о которой заботились, как о нашем красивом саде.

На подъезде к Лондону, этому гигантскому городу, средоточию сокровищ и мировой торговли, к месту стольких грандиозных событий и мастерской промышленности, охватывала жажда увидеть его целиком. Глаза пытались это сделать, но сгустившаяся атмосфера скрывала Лондон от глаз путешественника, едва позволяя различить купола собора Святого Павла, который возвышался над туманом и господствовал над самыми высокими колокольнями и зданиями. Я имел счастье вновь увидеть свою сестру, муж которой, граф Ливен, был нашим послом. Благодаря ей, мое пребывание в Лондоне оказалось действительно радостным, через нее я поддерживал связь со двором и с обществом.

Я был представлен регенту, который, будучи настроен в пользу России, принял меня с такой сердечностью, на которую могли рассчитывать очень малое число иностранцев. Англичане были восхищены славой нашего оружия, героизмом, который наша нация проявила во время нашествия, и особенно пожаром Москвы. Их восхищение императором Александром, их уважение к победам наших армий переносили предупредительное отношение на любого человека, носившего русский мундир. Вся Англия приготовилась прославлять и почтительно созерцать того государя, руками которого был соткан союз Европы и оспорено французское могущество.

Со всех концов Британских островов массы людей прибывали в Лондон для того, чтобы увидеть императора Александра, о чьем приезде уже было сообщено. В Дувре, где он высадился, и по всей дороге его сопровождали толпы людей и крики радости. На улицах столицы, по которым он должен был проехать, были установлены скамьи с тем, чтобы там могло разместиться больше зрителей. За эти места на скамьях, также как и за места у окон платили дороже, чем за места на театральной премьере.

Императора ожидали с шести часов утра. Все улицы были запружены народом, везде готовились встретить его с энтузиазмом. Но он обманул ожидания англичан по причине своей скромности, о которой он не забывал во всех своих делах, он спрятался от проявлений восхищения всей свободной нации, которая редко предоставляла такую честь своим собственным государям. Император сел в дорожную карету своего посла и неузнанный подъехал к дому, где жила его сестра, великая княгиня Екатерина. Но стоило ему войти туда, как его все узнали. Вся улица взорвалась криками «Ура!», многократно подхваченными тысячами голосов. Когда он появился на балконе, крики усилились и продолжались вдали более часа. Толпа двинулась к дому, все прилегающие улицы были запружены, все пытались заглянуть в окна в надежде увидеть там принца, вызывавшего столько восхищения. При виде каждого русского офицера приветственные крики возобновлялись, даже кучер Императора, преданный Илья[74], получил свою долю несмолкаемых аплодисментов от более 100 тысяч человек, толпившихся вокруг дома.

Самые красивые женщины Лондона домогались от швейцара дома позволения остаться на лестнице или в прихожей и платили золотом за разрешение оставаться там по полдня в надежде хоть на мгновение увидеть Императора. Восторги

англичан разделили между собой фельдмаршал Барклай де Толли, фельдмаршал Блюхер и особенно казачий атаман Платов во время всего своего пребывания в Лондоне. Именно им был оказан самый сердечный прием, крики «Ура!» встречали их на выходе из дома и сопровождали их возвращение, даже глубокой ночью. Блюхер и Платов переносили эти тяготы с помощью той легкости, с которой они пили со всеми и во всех домах.

Их лошадей выпрягали, и народ с триумфом вез их. Однажды одного из князей Лихтенштейн, человека с очень некрасивого фигурой, прибывшего в Лондон, приняли за фельдмаршала Блюхера. Он не смог вовремя объясниться, его лошадей распрягли, и люди сами повезли его карету. Через некоторое время горожане увидели свою ошибку, и бедный князь Лихтенштейн был внезапно брошен посреди города, осыпаемый насмешками и бранью тех, кто только оказал ему такую честь.

Регент приготовил для приема Императора роскошные апартаменты в Сент-Джеймсском дворце, но под влиянием великой княгини Екатерины он отказался от королевских покоев и остался жить в доме своей сестры. Этот шаг не понравился регенту, была разрушена та сердечность, которая, казалось, должна была сопровождать все это путешествие.

Министры обоих могущественных государей России и Англии уже основывали свои будущие отношения на этом добром взаимном расположении, что сулило самые счастливые результаты. Торговля и политика получали новый толчок, процветание восстанавливалось, а равновесие в мире находилось в руках, располагавших неисчислимыми русскими войсками и победоносным флотом, ходившим по всем морям. Дружба императора Александра и регента Англии должна была скрепить связи, которые на протяжении более ста лет сближали две великие нации, призванные управлять миром.

Сопровождавший Императора король Пруссии начал разделять опасения, которые его министры испытывали от великих проявлений дружбы, всей тяжести которых они не могли не видеть. Австрия страшилась потерять свое влияние ввиду нового союза, который мог сделать ее зависимой, несмотря на все ее интриги. Весь мир готовился склониться в ожидании приказов, которые будут отданы объединенными Россией и Англией. Этот политический гигант в момент своего рождения окажется поверженным женщиной. Великая княгиня Екатерина привезла в Лондон тщеславие, руководившее всеми ее поступками. Умная, привлекательная, уверенная в силе своего характера, она была убеждена, что призвана управлять судьбами мира. Гордясь своим влиянием на Императора, объяснявшимся его братской любовью, она не сомневалась, что покорит принца, правящего англичанами; на время министры стали ее рабами. Но регент не собирался сдаваться, он разрушил все построения, которые возвело горячее женское воображение, и стал объектом ее беспощадной ненависти.

Не существовало таких интриг и ходов, которые не были бы ею использованы для того, чтобы отдалить Императора от человека, столь жестоко оскорбившего

ее самолюбие. Австрийцы уловили эти настроения и удвоили свои усилия в отношении великой княгини, с ее помощью они добились еще большего охлаждения регента.

В конце концов, она сделала столько, что Император под постоянным воздействием ее злобных инсинуаций отдалился от регента, который со своей стороны был шокирован действиями великой княгини и в результате обиделся. Интриги женщины возобладали над интересами наций, которые были принесены в жертву ее отмщения.

Австрия ликовала. Путешествие Императора в Лондон вместо того, чтобы стать непоколебимым основанием для полезных отношений, навсегда увеличило непреодолимые расхождения между двумя государями.

Обожаемая нацией, которой ей было предназначено управлять, наследница британской короны принцесса Шарлотта[75] готовилась в то время выйти замуж. Однако разрыв между ее родителями поставил ее в трудное положение и открыл широкие возможности для интриг. Оппозиция использовала это положения для давления на регента, а великая княгиня Екатерина энергично им воспользовалась. Она использовала с этой целью господина и особенно госпожу Татищевых, первый был назначен нашим представителем в Мадриде и находился в Лондоне в надежде заменить там графа Ливена; вторая, еще очень красивая женщина, была рада возможности участвовать в любой интриге.

После того как она добилась расположения принцессы Шарлотты, ей было поручено отговорить ее от брака с принцем Оранским, чего очень желал регент, и внушить ей мысль выйти замуж за великого князя Николая или Михаила, которые должны были сопровождать императора.

Желание воспротивиться воле отца и постоянные напоминания о красоте великих князей сильно способствовали успеху этой интриги. Великая княгиня желала только досадить регенту, а госпожа Татищева связывала с предстоящим браком надежды на назначение своего мужа на должность посла в Лондоне.

Тем временем регент убедился, что его дочь уклоняется от исполнения его воли, он стал подозревать великую княгиню и попытался разорвать интригу. Горячность принцессы легко предоставила ему такую возможность, она категорически заявила, что не собирается выходить замуж за принца Оранского, и вскользь упомянула о своих надеждах. Свадьба была расстроена, но весь гнев регента обратился на великую княгиню. Не имея возможности с нею объясниться, он вообразил, что главным двигателем интриги был русский посол, которому он официально объявил, насколько он был удивлен и поражен тем, что иностранный двор вмешивается в его семейные дела. Далее он заявил, что располагает точными сведениями о том, что супруги Татищевы были участниками этой интриги. Граф Ливен мог только осудить то, что было сделано его соотечественниками, и заявить о полном незнании своим государем этих действий. Регент принял его объяснения и велел передать господину Татищеву требование в 24 часа покинуть Англию.

Д.Х. Ливен

Татищев прибыл в Париж, где был очень плохо принят императором, который приказал ему отправиться исполнять свои обязанности в Испании. Таким образом, любезные отношения между двумя дворами и поездка Императора в Лондон были сохранены, но великие князья, вместо того, чтобы сопровождать своего брата, отправились обратно в Россию.

Оставшаяся в Англии госпожа Татищева была покинута даже великой княгиней, которой она столь усердно служила, она была в ссоре с моей сестрой и оказала мне честь, выбрав меня своим защитником. Я был счастлив быть ей полезен, так как она была достаточно красива для того, чтобы должным образом компенсировать мне затраченные на ее дела усилия. Вскоре наша связь стала для меня очень приятной.

Приезд императора в Лондон открыл череду празднеств и балов, которые следовали друг за другом с утомительной быстротой. В очень малой степени я использовал свое пребывание в Лондоне для знакомства с огромным количеством разного рода достопримечательностей, чем обычно занимаются иностранцы. Я предавался развлечениям и думал только об этом.

Один англичанин, господин Сиднэм, который проделал с нами часть кампании во Франции, дал графу Воронцову рекомендательное письмо к своей бывшей любовнице. Отнести письмо отправились мы оба. Эта женщина была не столь

красива, сколь любезна и наделена лишь ей присущей веселостью. Она мне очень понравилась, не успел я вернуться домой после визита, как получил от нее письмо с приглашением провести у нее вечер. Я нашел у нее избранное общество, состоявшее из самых элегантных молодых людей Лондона. Я приложил много усилий для того, чтобы понравиться и мне удалось получить разрешение вернуться после того, как все уйдут, и я сделаю вид, что ухожу. Я был в восторге от той легкости, с которой я добился этой победы, и некоторое время с усердием предавался этому. На пару дней мы вместе отправились в небольшое поместье под Лондоном, где одна из доверенных женщин моей любезной стала свидетельницей нашей любовной связи. Меня просили сохранить тайну, но я не считал важным придавать этому большое значение, так как в это время уже очень слабо верил в доброе расположение ко мне Мадам. Несколько дней я не бывал у нее, зная, что граф Воронцов много других молодых людей добивались или, может быть, уже пользовались теми же благами, что и я. Однажды вечером я пришел к ней с видом победителя. Все общество ужинало, вместо вежливых слов Мадам обратилась ко мне с резкими словами: «Говорят, сударь, что Вы имели наглость хвастать моей благосклонностью, что Ваша ложь дошла до того, что Вы утверждаете, будто провели со мной несколько ночей в загородном имении». Свидетельница нашей поездки была здесь же, она продолжала жевать так быстро, чтобы не принимать участие в происходящем. Я был так мало готов к подобной выходке, что смешался, насмешники имели все основания не быть на моей стороне. Дерзость этой женщины, которая должна была дать мне возможность с презрением ее бросить, напротив, заставила меня влюбиться в нее. Я приложил все силы, чтобы получить прощение, бросил все ради нее, был полностью одурачен ею и чувствовал себя счастливым, когда после затраченных усилий, казалось, получил малую толику того, что она расточала другим. Эта несчастная любовь не покидала меня во время всего моего пребывания в Англии. Эта проклятая женщина следовала за мною всюду и не переставала меня мучить до дня моего отъезда.

Вместе с моей сестрой я совершил очаровательное путешествие вглубь Англии, мы посетили прекрасный остров Уайт, великолепный Портсмутский порт, откуда выходят эти храбрые флоты, эти войска, которые готовы водрузить британский флаг на всех берегах четырех частей света, и в интересах лондонских торговцев поработить самые отдаленные страны. Именно здесь во всей своей мощи открывается величие и деятельность английской нации. Здесь увидишь солдат, которые садятся на суда и отплывают за море, чтобы сменить стражей Гибралтара, усилить армии, раздвигающие в Индии границы владений Ост-Индской компании. Здесь увидишь кадры полков, возвратившиеся на родину, чтобы пополнить свои ряды, опустевшие от нездорового климата и утомительных походов, увидишь тысячи матросов, прибывших, чтобы в течение нескольких дней отдохнуть и развлечься, потратив свое жалование за несколько лет на пьянство и драки. Иные ищут службы, другие по принуждению законов поднимаются на корабли королевского флота и покидают, возможно навсегда, родную землю, котороую

долгое отсутсвие сделало еще дороже. Корабли самых разных размеров, готовые поднять паруса, прибыли со всех концов света и стоят в одной части порта, другая часть полна судами, которые готовятся выйти в море, их ремонтируют, вооружают. В глубине порта находятся перестроенные суда и брошенные на гниение старые корабельные каркасы. Все верфи полны рабочими и огромным количеством строительных материалов; мастерские, в которых изготовляется все, что требуется для содержания огромного флота, наполнены самыми умело придуманными и виртуозно изготовленными механизмами.

Арсеналы были полны всеми видами оружия и тысячами пушек. Два дня мы провели в изучении различных сооружений этого знаменитого порта, чтобы подробно со всем ознакомится, потребовался бы месяц.

После этого мы направились в Брайтон, где часть общества собирается для принятия морских ванн и привлеченная расположенной там резиденцией регента. Резиденция расположена в доме, построенном и украшенном в китайском стиле, конюшня готической архитектуры и английский сад придают этому обиталищу милый и своеобразный вид. Я провел часть дня у этого счастливого государя, который был слишком слаб, чтобы причинять зло, и достаточно силен, чтобы делать добро. Он был первым среди 12 миллионов англичан и управлял 50 миллионами азиатов, африканцев и американцев, входивших в его империю. Утром он завтракал в Манеже, где я забавлялся, рассматривая его многочисленных лошадей, затем я сопровождал его в долгой прогулке за городом. В восемь часов вечера все общество снова встретилось у него для ужина. Без сомнения, его стол был самым блестящим из всех возможных, казалось, все части света нашли свое место на этом пиру. Регент выделялся своим любезным и добрым обхождением, он придавал свежести разговору. Он представлял гостей, много пил, но, вопреки возводимой на него клевете, я никогда не видел его пьяным. В 11 часов он встал из-за стола, чтобы принять ожидавших его в гостиной дам, заканчивался день небольшим концертом или маленьким балетом. Таким образом, я провел в Брайтоне около двух месяцев, исследовал окрестности, участвовал в скачках, купался в море. Оттуда мы с сестрой поехали в Уилтон-хаус, поместье лорда Пемброка, женатого на сестре графа Воронцова. Там собрались все русские из Лондона, включая самого графа, и надолго образовали нечто вроде русской колонии в одном из наиболее красивых владений Англии. Этот замок был примечателен по количеству античных статуй, которые его украшали, и красивым мостом в саду, копией которого является сооружение в Царском Селе. Там я покинул свою сестру, своих друзей Воронцова и Льва Нарышкина, своего шурина[76] и направился на поиски корабля, который должен был доставить меня в Готтенбург.

* * *

Плавание было удачным, но весьма неприятным, потому что моими попутчиками были пара евреев и несколько молодых коммерсантов, половина из которых страдала морской болезнью. На седьмой день наше небольшое судно вошло

в скальные фиорды, которые защищали порт Готтенбург, и покрывали почти все шведское побережье. Нужен был опытный лоцман, чтобы лавировать между этими морскими камнями, многие из которых были скрыты под водой.

В Готтенбурге собрался весь королевский двор Стокгольма. Туда прибыли старый король Карл XIII с супругой с тем, чтобы встретить кронпринца Карла-Юхана, только что завершившего присоединение Норвегии к шведскому престолу. Это была цена услуг Швеции соединенной Европе в борьбе против Наполеона. Однако потребовалось применить силу для того, чтобы получить обещанное на политическом уровне. Датский принц Христиан[77] призвал норвежцев защищать независимость своей родины. Исконная вражда между двумя нациями обещала войну до последней крайности, воззвания принца были проникнуты силой и храбростью, казалось, что все норвежцы встретили их восторженными криками. Кронпринц Шведский вошел в Норвегию во главе закаленной в боях, дисциплинированной и преданной своему полководцу армии. В стране не было политического единства, поэтому только сила оружия должна была решить судьбу Норвегии.

Но действия датского принца были менее решительны, чем его воззвания: увидев реальную опасность, он укрылся в Христиании. Со дня прихода на норвежскую землю кронпринц Шведский стал обращаться с ее жителями с отеческой заботой, он приказал своим солдатам помогать крестьянам в уборке урожая, он провозгласил принципы свободы и милосердия и установил совершенное равенство между шведами и норвежцами. Он направил одного своего адъютанта узнать настроения принца Христиана, наказав ему особенно внимательно отнестись к впечатлению, которое окажет на принца первый артиллерийский обстрел, якобы по ошибке направленный на город, где он тогда укрывался, в самый момент переговоров. Принц Датский являлся одним из тех бравых участников военных парадов, которые никогда не слышали грохота орудий. Ему было достаточно услышать его и увидеть разрушения в городе, как храбрость покинула его, и он решился на капитуляцию. Норвежцы были довольны обещаниями кронпринца Шведского, в тоже время они не имели большой надежды на военные способности своего командующего, которого стали покидать один за другим и переходить к неприятелю.

Ловкий Бернадот воспользовался результатами поездки своего адъютанта и усилил огонь своих батарей. После нескольких артиллерийских обстрелов городские ворота были открыты по приказу малодушного принца. Вся Норвегия признала шведского короля своим законным государем и высказала искреннюю преданность кронпринцу, чьи действия отличались мудростью и умеренностью. Он поручил собрать заседание Парламента страны и предложил ему обсудить статьи Конституции, которые вызвали самую глубокую признательность его новых подданных. К моменту моего прибытия в Готтенбург он находился в зените славы победителя и законодателя. Швеция была ему обязана значительным увеличением территории, которое компенсировало потерю Финляндии. Под его командованием на равнинах Ютербока и Лейпцига шведская армия стерла воспоминания

Наследный принц Швеции Карл-Юхан (маршал Бернадот)

о поражении в последней войне против России. Бернадот поправил дела принявшего его королевства, он поддержал престарелого короля, назвавшего его своим сыном, и стал надеждой народов древней Скандинавии.

Этот прием в Готтенбурге стал триумфом шведского тщеславия и удовлетворением самых смелых амбиций кронпринца, его молодой сын Оскар сопровождал отца в Норвегии и там, в рядах гусар на аванпостах, получил боевое крещение с саблей в руках. Двор сопровождали все аккредитованные в Стокгольме иностранные послы.

Самый богатый в королевстве после столицы город Готтенбург прилагал огромные усилия для того, чтобы достойно встретить в своих стенах три поколения своих государей. Это была сплошная череда балов и публичных празднеств. Горожане были приглашены участвовать в них, с легкой руки недавно служивших под его командованием солдат, шведский народ научился любить и восхищаться этим генералом французской революции, которого судьба посадила на трон Густава-Адольфа и Карла XII.

Двор и военные приняли меня очень любезно, наследный принц общался со мной с сердечностью старого военного товарища и я мог только поздравить себя с тем, что случай привел меня в Готтенбург в это замечательное и интересное время. Король и двор направились в Стокгольм, кронпринц с сыном вернулся

в Норвегию, а я воспользовался случаем присоединиться к стоявшему в порту русскому фрегату, который направлялся в Кронштадт.

* * *

Отсутствие ветра задержало нас ввиду порта на четыре дня, наконец, он подул и, благодаря его силе, мы наверстали упущенное время. На корабле была поднята только половина нижних парусов, а фрегат шел со скоростью 15 узлов в час, нас поднимало на волны с ужасающей быстротой, ветер усиливался с каждой минутой, и разразилась страшная буря. Перед нами открылся вход в пролив Зунд, стали видны форты Хельсингборга и Хельсингёра, защищающие подступы к нему, мы быстро прошли их и к заходу солнца счастливо бросили якорь на рейде Копенгагена. В это позднее время года, а была середина октября, ненастье не кончается, в эту ночь и в последующие дни потонуло много кораблей.

Мне захотелось осмотреть столицу Дании, и с риском для жизни шлюпка доставила нас в порт этого города. Порт был почти пуст; Нельсон нанес датскому флоту, верфям и всем сооружениям порта столь сильный урон, что такая небогатая страна как Дания не смогла за прошедший небольшой срок восстановить свой флот. Даже торговля имела чахлый вид, город показался мне грустным и опустевшим. О его прошедшем богатстве и о том, что в нем жил король, свидетельствовали несколько больших церквей и ряд красивых зданий. В Копенгагене я провел два дня, которые показались мне чересчур долгими. Наконец, мы вернулись на борт фрегата, ветер немного утих, и мы подняли паруса.

Капитан любезно направил корабль к Ревелю, где я собирался высадиться на берег, чтобы повидаться с отцом. Переход занял трое суток, к вечеру последнего дня мы увидели эстонские берега, высокие крепостные стены Ревеля и стоящую на рейде императорскую эскадру. С наступлением ночи фрегат подошел к порту и бросил якорь. Я бросился искать родительский дом, долгое отсутствие и кровопролитная война, которую я имел счастье с честью окончить, сделали для меня еще более драгоценным возвращение на родину и вид дорогого отца. Я почувствовал, что в первый раз переполнен религиозным духом, исходящим из сыновней нежности и привязанности, которую мне внушила русская земля.

Я был самым счастливым человеком, когда обнял своего отца, это было для меня окончанием войны и воздаянием за перенесенные тяготы. Он разделял мою радость и окружил меня лаской, в эти моменты я не мог бы даже подумать желать чего-то еще. Так мы провели пару недель, каждый день я знакомился с новыми кузенами и кузинами, так как в Эстляндии все друг другу родня. Затем мы вместе поехали в Петербург, который я сгорал от нетерпения увидеть. По дороге мы заехали в Гатчину, где находились тогда Императрица-мать и весь двор. Она приняла меня с всегдашним интересом, который проявляла к детям своей старинной подруги, нашей уважаемой матери. Все вокруг словно опьянели от окончания этой памятной войны, которая столь блестяще закончилась. Занимались только развлечениями. Император был на Венском конгрессе с тем, чтобы

поставить точку в великом деле возрождения и установления баланса сил в Европе. До моего отъезда из Петербурга в 1812 году город и двор были погружены в самые тревожные раздумья, безнадежно искали посланного небом человека, который бы разгромил угрожающего России гиганта. Наиболее отважные предполагали кровопролитные, но безуспешные сражения, крестьянские бунты против помещиков, наши завоеванные границы и низвергнутую славу. Другие, потерявшие всякую надежду, считали борьбу безрассудной и уже протягивали свои дрожащие руки к цепям победителя.

* * *

Я был крайне озлоблен, не найдя в городе Филиссу; она недавно навсегда покинула Петербург: ее ревнивый муж посчитал более надежным вернуть ее во Францию. Ее сестра мадам Бертен осталась, чтобы дождаться своего друга Браницкого. Оба разочарованные, мы приняли решение утешаться вместе, у меня не было никого, кто бы мог меня заинтересовать, и я был в восторге от этой связи. В высшем свете я адресовал свои желания княгине Салтыковой, урожденной Головкиной, так как ей срочно нужен был любовник, то она приняла меня по рекомендации своей приятельницы.

Я ходил на все балы, как если бы мне было 18 лет, это было достаточно смешно. Тем временем я развлекался и никак нельзя сказать, что это было напрасно потраченное время.

1815

Меня назначили бригадиром двух уланских полков, Сибирского и Оренбургского. Они находились на марше из Гамбурга, где они состояли в корпусе под командованием генерала Беннигсена. Праздник закончился, я пустился в путь, чтобы занять свой пост на пути к Витебску.

Я выбрал не самую короткую дорогу и проехал через Москву. Какой же круг я сделал, чтобы вернуться в эту столицу, где был менее трех лет назад, и которую покинул, чтобы преследовать убегающую армию Наполеона! Мой путь лежал через Берлин, Лейпциг, Амстердам, Париж, Лондон, Готтенбург и Петербург.

Москва уже поднялась из руин. Купцы возобновили свою торговлю в лавках, построенных среди руин, господа жили в небольших частях своих бывших домов, церкви отстраивались заново, велись работы по расчистке развалин Кремля, перед взорванными стенами Арсенала были собраны более тысячи артиллерийских орудий, захваченных у различных армий Европы. Это зрелище несколько компенсировало грустный облик города, создаваемый отдельно стоящими трубами, дворцами без крыш, потемневшими от копоти куполами и обезлюдевшими улицами. Но Россия желала, чтобы Москва жила. Ее возрождающееся величие

должно стать доказательством могущества нации. Со всех сторон в этот древний город рекой стекались рабочие и различные богатства.

Я повидался с графом Толстым, с которым расстался в Париже, он показал мне свою вторую дочь[78] и позволил мне постараться ей понравиться. Она была очень молода, и я был первым, кто танцевал с ней, и первым, кто заставил ее почувствовать, что она красива. Не нужно было ничего больше, чтобы закрепить нашу добрую дружбу, мы расстались с грустью, договорившись возобновить наше знакомство будущей зимой в Петербурге.

Я прибыл в бригаду, заранее скучая от приготовленного мне времяпрепровождения: полки находились в плохом состоянии, а Витебск был бесцветным городом.

Но очень скоро Наполеон вывел нас из состояния скучного отдыха. Он преодолел морское пространство, отделявшее его от Франции, и во главе горсти солдат высадился во Фрежюсе. В Европе началась тревога. Австрийские генералы еще сочиняли планы, оценивая шансы и сроки продвижения Наполеона, когда последний преодолел препятствия и одним своим именем открыл себе дорогу на Париж. При первом известии о побеге ужасного пленника с острова Эльба император Александр прервал все дипломатические увертки конгресса, собравшегося в Вене, и послал войскам приказ выступать.

Все забурлило, гвардия покинула Петербург и направилась в Вильну, дивизия, частью которой была наша бригада, входила в Гвардейский корпус, мы возглавили колонну и направились к Полоцку.

Но фортуна, последнее усилие которой вернуло Бонапарту трон Людовиков, устала от его амбиций и не имела сил доставить ему победу над талантом Веллингтона и отвагой Блюхера. Эти два генерала нанесли последний удар колоссу, который единственный мог прервать работу объединенной Европы и угрожать ее независимости. Он пал столь же стремительно, как и возродился. Единственное сражение при Белль-Альянсе (или Ватерлоо) закончило новый этап борьбы; Бонапарт, который одной победой вернул себе главенство над Францией, не нашел больше сил для того, чтобы пережить катастрофу. Париж вновь был занят, император Александр снова вернулся туда, как посредник и как покровитель самого слабого.

Армия под командованием князя Барклая де Толли расположилась лагерем на севере Франции, гвардия получила приказ остановиться около Вильны. Наша бригада стояла в Ковно. Я воспользовался счастливым случаем, чтобы съездить в Курляндию, развлечься в Либаве и искупаться там в море. Затем я вернулся в Вильну, чтобы продолжить удовольствия. Приход гвардии собрал в этом городе самых красивых женщин Польши. Командующий корпусом генерал Милорадович не упустил этого прекрасного случая, чтобы влюбиться, он устраивал праздники, но не платил за них.

Пока мы танцевали в Вильне, Император защищал в Париже интересы Франции, которую английская ревность и прусская жадность хотели бы разрушить до основания.

С.П. Толстая

С тем, чтобы придать больше веса своему посредничеству и потрясти Европу, Император собрал в Вертю, на равнине Шампани, 150 тысяч человек своей армии. Он пригласил государей Австрии и Пруссии, германских принцев, Веллингтона и всех иностранцев, военных и дипломатов, присутствовать на смотре, который он устраивал своим войскам.

Перед удивленным взором многих тысяч зрителей наша армия предстала собранной в одном месте, в самом строгом порядке, заново обмундированная, заботливо экипированная всем необходимым, обученная всем тонкостям военного дела. Этот военный триумф длился несколько дней, вся роскошь и все пиршества Парижа украсили биваки нашей армии. Окруженный этим прекрасным инструментом своего могущества, Император в Вертю на желаемых им условиях определил условия мира, было решено оставить во Франции оккупационную армию, составленную из войск всех союзных наций и вверенную командованию лорда Веллингтона.

От России почетную миссию остаться во Франции во главе 30 тысяч человек, собранных из различных корпусов армии фельдмаршала Барклая де Толли, получил граф Михаил Воронцов. Остальные войска направились в Россию, мы получили приказ возвратиться в Петербург и в места нашего постоянного расположения. Наполеон, который еще раз заставил всю Европу взяться за оружие, печально отправился на остров Святой Елены.

* * *

Мы расположились в Великих Луках, городе еще менее приятном, чем Витебск. На зиму я уехал в Петербург, где прилежно ухаживал за молодой графиней Толстой.

1816

Ее родители предоставили нам все возможности для встреч, в ее доме меня принимали, как своего, дядя графини граф Остерман давал в ее честь балы, которые я усердно посещал. Казалось, что все способствует тем нежным чувствам, которыми молодая девушка отвечала на мои ухаживания. В этом браке меня устраивало все, кроме разницы в годах, мне скоро должно было исполниться тридцать, а ей было всего 16 лет; я вскоре должен был покинуть блестящие удовольствия высшего света, а она только входила в него. Перед отъездом из Петербурга, когда я собирался выехать к своей бригаде, а граф Толстой — возвратиться в Москву, мы расстались в надежде вновь встретиться будущей зимой. С этого времени размышления о разнице в возрасте начали уменьшать мое стремление к этому браку и заставили меня предоставить судьбе решение этого вопроса.

Я переехал в Ржев, где очень хорошо себя чувствовал в обществе бородатых купцов, составлявших почти все население этого города. Его расположение на берегу Волги также было очень полезно для торговли. В течение многих лет в городе не стояли войска, поэтому мы были приняты с радостью, нас встретили с гостеприимством и хлебосольством, которыми отличались счастливые внутренние губернии Империи.

Не успел я расположиться в новом гарнизоне, как последовало назначение меня дивизионным командиром 2-й драгунской дивизии. Я прибыл в Петербург, чтобы устроить свои дела; в течение 6 дней все было окончено, и я направился в город Гадяч Полтавской губернии, где располагалась штаб-квартира моего нового командования.

По дороге на одной из почтовых станций я встретил графиню Потоцкую, которую любил в Белостоке и которую не видел с того времени. Она изменилась, была больна, ее любезность превратилась в ярость против своего мужа и свекра. Пришлось краем уха слушать обо всех несправедливостях, несчастной жертвой которых она себя считала. Тем не менее, памятуя прошлое, она допустила меня до себя, и мы расстались только с восходом солнца.

На дороге в Киев меня догнала княгиня Лопухина со своей красивой дочкой, что заставило меня сделать крюк, чтобы провести с ними там несколько дней. Там я посетил старинные пещеры и многочисленные святые мощи, церкви и все то, что заставило меня вспомнить о былом блеске этой древней столицы Руси.

Киев — это настоящий памятник истории нашей Империи. Его история восходит к началам Руси, он был местом первых успехов государства, местом триумфа князя Олега, он видел, как в нашей нации рождались цивилизация, законы и христианская религия. Он пережил многочисленные преступления и несчастья, ярость врагов России несколько раз подвергала его разрушениям, так же как и его собственные жители, которых нескончаемые войны заставили обращать оружие друг против друга. Огонь пожаров пожирал строения этого город, чума выкашивала население, наконец, ужасный Батый опустошил его, как и все, что было у него на пути. Киев пал под ударом татарской сабли, его жители были вырезаны, лавки сожжены, церкви и укрепления разрушены. Более чем сто лет на этом несчастном месте никто не жил. Землю покрывали развалины города и пепел. Только воробьи вернулись в его святые пещеры. Мало помалу набожность привлекла сюда паломников, Печерский монастырь поднялся из руин, были восстановлены и другие церкви, новое поколение отстроило новый город, не имея возможности вернуть ему былое значение, богатство и многочисленное население.

Киев расположен наиболее благоприятным образом, он стоит на возвышенном берегу Днепра, эта красивая река снабжала город продукцией внутренних районов России и доставляла городские товары к Черному морю. Вокруг города лежит плодородная земля, его окружают богатые страны, общение с которыми облегчают различные реки, впадающие в Днепр. Киев является центром для южных владений Империи, он должен был стать столицей древней Руси, протянувшейся от придунайских территорий до Галиции. В силу своего положения он мог снова стать столицей новой России, которая начала расширять свои древние границы. В любом случае, Киев очень важен как с точки зрения управления южными губерниями, и как плацдарм для подготовки наших войн против Турции или против стран Центральной Европы.

Наконец, я прибыл в Гадяч, к месту моей службы. Мою дивизию составляли Казанский, Рижский, Финляндский и Тверской полки, причем последний все еще находился во Франции. Все войска были в плачевном состоянии, и я не знал средства, чтобы его улучшить. Я никогда не занимался деталями военной службы, которые столь необходимы для реорганизации войск. Мне пришлось учиться, прежде чем стать учителем для моих подчиненных. Это стоило мне больших трудов и великой скуки.

С каждым днем я все труднее переносил Гадяч, самый грязный и убогий город во всей Малороссии. Единственным развлечением был живший в 12 верстах от него богатый и старый помещик, скупой и болезненный. Также для развлечения я поехал на цыганскую ярмарку в 60 верстах от моего расположения. Там я увидел толпу людей и множество купцов, но скука все время преследовала меня. Чтобы убить время я поехал в Ахтырку к князю Абамелеку, который командовал там уланским полком. У него я встретил знакомую мне по Астрахани армянскую даму, госпожу Кавалинскую, которая пригласила меня приехать к ней в Харьков с тем, чтобы присутствовать на балу, где я должен был встретить интересных людей.

* * *

Остановившись в Харькове у командующего армейским корпусом князя Щербатова, я на следующий день после моего прибытия отправился с ним на бал. Мой взгляд блуждал между присутствующими до того момента, когда вошла госпожа Бибикова[79]. В ней меня удивило все — ее красота, скромная манера держаться, рост, простота одежды. Я представился ей и больше от нее не отходил. Она не танцевала; уже 4 года носила она траур по мужу, убитому при Вильне в 1812 году. Мне также не хотелось танцевать. В конце концов, меня пленили мягкость и доброта ее разговора и еще до конца бала я совершенно влюбился. Вернувшись домой, я решил на ней жениться. Князь Щербатов много смеялся над быстротой моего решения и помог мне в нем утвердиться своими похвалами поведению и репутации госпожи Бибиковой. На следующий день он привел меня в дом госпожи Дуниной, приходившейся теткой предмету моей страсти, я нашел это семейство респектабельным и придерживающимся самого лучшего тона. Моя любовь еще увеличилась при виде того уважения и дружелюбия, с каким все относились к госпоже Бибиковой. Я не мог больше сдерживаться, и еще до конца второй встречи все члены семьи, под большим секретом, были посвящены в тайну моего сердца. Я оставался в Харькове 6 дней, и моя страсть усиливалась от счастья каждой новой встречи с этой женщиной, которая с первой минуты сумела произвести на меня столь живое впечатление. Я считал эту любовь лучшим из того, что мне пришлось пережить до сих пор, основой чувства были уважение и восхищение, никаких дурных мыслей не было, все было чисто, как предмет вдохновения. Я получил разрешение приехать в Водолагу — имение в 40 верстах от Харькова, где обычно жила госпожа Дунина со своим многочисленным семейством. Из самодовольного мужчины, каким я был с женщинами, я сделался робким, и в момент расставания я почувствовал набежавшие на глаза слезы.

После моего прибытия в унылый Гадяч, я получил приказ о новом расположении моей дивизии. Она была выведена из состава корпуса графа Сакена и вместе со 2-й конно-егерской дивизией образовала 5-й резервный кавалерийский корпус под командованием графа Ламберта. После приготовлений к маршу, на которые ушло несколько дней, я прибыл в Полтаву, чтобы проститься с графом Сакеном, и полетел в Водолагу, находившуюся уже в более чем в 200 верстах от новых квартир моей дивизии. Не успел я туда приехать, как получил приказ фельдмаршала Барклая срочно отправляться в Воронеж, чтобы организовать там заготовку фуража для четырех кавалерийских дивизий, включая мою. Недавно назначенные места дислокации были внезапно изменены. Опасались, что фуражиры не успеют произвести необходимые приготовления, и кто-то счел наиболее удобным отдать мне эту малоприятную миссию. Надо было исполнять приказ и покинуть госпожу Бибикову, тем не менее, от нее и от ее тетки я получил разрешение вернуться.

Харьков. 1830-е

Я был так счастлив и так хорошо исполнил поручение, что менее, чем через 15 дней требуемый фураж был закуплен и размещен в нужных местах, что до стоимости этих закупок, то казне было сэкономлено около 100 тысяч рублей. Дворяне Воронежа, которым я оказал все полагавшиеся знаки внимания, очень помогли в выполнение моей миссии, они добровольно предложили кормить солдат за свой счет первые шесть месяцев, добавив к их ежедневному пайку полфунта мяса и стакан водки. Фельдмаршал Барклай оказал мне честь, выразив благодарность, а Император проявил благородство, отказавшись от подношения дворянства.

Я поспешил продолжить свои сердечные дела и провел в Водолаге и в Харькове те две недели, за которые моя дивизия пересекла эту губернию. Приободренный оказанным мне хорошим приемом, я решился заговорить о своих намерениях с графиней Сиверс, подругой госпожи Бибиковой. Меня выслушали с интересом, начались переговоры. После перешептываний между двумя подругами, мне было разрешено обратиться к ее тетке, спросили господина Захаржевского[80], отца госпожи Бибиковой, наконец, я получил согласие, с которым связывал все мои надежды. Мой отец не имел других желаний, как видеть меня счастливым, и быстро прислал мне свое согласие и благословение. Я написал Императору и Императрице-матери, чтобы получить их разрешение, и получил их. Скверная репутация, совершенно заслуженная моим предыдущим поведением, заставила всех

пожалеть женщину, которая так необдуманно приняла решение стать моей. Однако нужно было расстаться с моей суженой, приказ Императора вновь призвал меня в Воронеж.

1817

Мне поручили проинспектировать один из уездов Воронежской губернии, так как к Императору были обращены очень серьезные жалобы на злоупотребления многих чиновников и даже самого губернатора. Это был некто Бравин, наглый, продажный, допускающий произвол человек, который оскорблял дворян, притеснял купцов и разорял крестьян.

Как только он узнал, что мне предписано изучить его поведение, он сначала попытался внушить мне уважение, а затем прибег к низостям. Его жена и две дочки оказывали мне всевозможные знаки внимания, первая любила своего маленького спаниеля также как и мужа, две другие были неприятными особами. Не было большой заслуги в том, чтобы противостоять соблазну. Мне посчастливилось запугать и привлечь на свою сторону одного из друзей губернатора — статского советника из числа чиновников, наиболее причастных к злоупотреблениям и воровству. Чтобы получить прощение, он развернул передо мной широкую картину злоупотреблений. Я взял его с собой в поездку для того, чтобы он показал мне плутов и рассказал об их хитростях. Он лояльно рассказал мне более, чем достаточно. Этими печальными делами я занимался 6 недель. Надо было выслушать всех, заставлять присягать одних, ободрять других, ругать, льстить, копаться в грязном белье, наконец, слушать и запоминать все то, что чиновники и толпа мелких дворян, которые жили в провинции, могли придумать о нанесенных обидах и отвратительных действиях.

Вернувшись в Воронеж, я сделал отчет Императору, губернатор и около 60 чиновников были отстранены от должностей и отданы под суд. Жена губернатора была недовольна моими действиями, она не могла понять, как среди прочих поручений, которые были даны исправнику, я обвинил ее в том, что она потребовала у крестьян тройку лошадей для перевозки своих собак, сказав, что она сама в своей карете отдала лучшее место своему спаниелю. Императору начали поступать жалобы на меня, но это не изменило его решений, пытались уменьшить его доверие ко мне. Напротив, вскоре я получил новое подтверждение его доверия. Не успел я закончить с этим делом, как пришел приказ направиться в имение господина Сенявина[81] для раскрытия двух убийств, в которых его подозревали его собственные крестьяне. Один случай произошел 17 лет назад, второй — около 3 лет назад. Господин Сенявин имел большое состояние, принадлежал к одной из лучших фамилий России, он был братом госпожи Нарышкиной, в доме у которой

меня много лет принимали как своего, он был дядей моего друга графа Михаила Воронцова и родственником большего количества моих близких знакомых.

Он явился ко мне с многочисленными рекомендательными письмами. Его сестра заверила его, что в моем лице он найдет защитника. Я был вынужден ему ответить, что, несмотря на горячее желание доказать его невиновность, мой долг обязывает меня быть строгим судьей. С этого момента он потерял всякую надежду, и начал жаловаться на меня всем родственникам. Один из них, его двоюродный брат, отец графа Воронцова, ответил ему, что очень хотел бы считать его оклеветанным, но если я решу, что он виновен, то и он будет вынужден в это поверить. По приказанию Императора меня сопровождал губернский предводитель дворянства и два дворянина.

Мы расположились в замке господина Сенявина, который был им покинут. После этого мы опросили всех его крестьян и прислугу, окрестных крестьян и землевладельцев. Они рассказали нам самые ужасные вещи о господине Сенявине и, особенно, о его жене. Затем по рассказам крестьян мы узнали о двух людях, погибших под кнутом своего господина. Один из них был украдкой похоронен в глубине леса, другой — на берегу реки в таком месте, где ежегодные разливы полностью изменили русло реки. Прошло 17 лет и крестьяне, которые исполняли варварские приказы своего господина, были под разными предлогами удалены из этих мест. Для подтверждения слов крестьян было важно найти захороненные тела примерно в тех местах, где нам было указано. Но было почти невозможно определить эти места, без чего нельзя было начинать копать. В то время, когда мы все и несколько сотен крестьян находились на этом берегу реки, мимо прошла старуха. Она спросила о причинах происходящего. Как только она их узнала, она закричала, что 17 лет назад, она проходила по этим местам и, приблизившись в сумерках из любопытства к нескольким мужчинам, копавшим землю, она увидела два мертвых тела. «Я всегда помнила это место, — сказала она. — Сегодня сам Господь привел меня сюда, чтобы я смогла его показать вам». После ее слов все принялись за работу. Выкопав яму глубиной почти в 6 футов, крестьяне закричали от радости, когда увидели скелет, найти который было столь важно. Это доказательство вины господина Сенявина, совокупно со всеми остальными, позволило нам считать его в достаточной мере под подозрением для того, чтобы предать его суду. По нашему докладу Император забрал все его состояние под опеку и передал его в руки правосудия.

Госпожа Нарышкина и другие не смогли мне простить того, что я был справедлив. А я обратился с самой горячей просьбой о том, чтобы это поручение оказалось последним в данном роде, которое мне пришлось выполнить.

Закончив это печальное дело, я был вынужден вернуться в свою дивизию, в которой отсутствовал около 4 месяцев. Пришлось снова отложить свидание с суженой.

* * *

Моя штаб-квартира располагалась в Новохоперске, небольшом городе, похожем на деревню, даже в окрестностях которого не было приличных помещиков. Весь июль, который я полностью провел там, я мучился от нестерпимой жары, даже не имея возможности искупаться. Я писал, ездил верхом и скучал в свое удовольствие. Я отправился на воды в Липецк, где находился граф Павел Пален, который в отсутствие графа Ламберта командовал корпусом, частью которого была моя дивизия. Я надеялся там развлечься. Действительно, там собралось многочисленное общество, но у меня не было возможности оценить его приятность, потому что сильнейший ревматизм приковал меня к постели рядом с графом Паленом, страдавшем тем же недугом. Объявили о приезде великого князя Михаила, который объезжал с инспекционной поездкой большую часть империи. Так как он должен был проехать через Тамбов, где располагался штаб нашего корпуса, я поехал туда, чтобы выразить ему свое почтение. Он изволил очень дружески меня принять и пригласил сопровождать его в части своей поездки. Повсюду его встречали с той любовью, искренними чувствами и радостью, с которыми великий и благородный русский народ всегда встречает членов Императорской фамилии. Великого князя с энтузиазмом окружали все: мужчины и женщины, молодые и старые. Как же не правы наставники молодых принцев, если они не пользуются такими замечательными моментами для того, чтобы их ученики в самой глубине своего сердца запечатлели свою благодарность великолепной нации и те обязанности, которые им предстоит выполнить по отношению к ней. К несчастью лесть и легкомыслие притупляли то доброе впечатление, которое должны были оставлять подобные сцены.

Мы прибыли в Воронеж, где нас встретили балы и иллюминация. Отсюда я уехал раньше, чтобы организовать встречу великого князя в Боброве, где стоял один из полков моей дивизии. Я провел учения скорее хорошо, нежели плохо, хотя у меня еще не было возможности уделить этому много времени. Наше внимание заранее привлекло имение Хреновое, что в 30 верстах от Боброва. Это огромное владение принадлежало графине Орловой. Ее отец основал здесь конный завод, который стал образцом заведений подобного рода. Завод занимал 180 тысяч десятин земли, и его обслуживали 4 тысяч крестьян. Обслуживание этого завода облегчалось наличием самых замечательных пастбищ и самой плодородной земли. В великолепных конюшнях было около 700 лучших кобыл и победителей различных конкурсов, о которых заботились с блеском и элегантностью, которые можно встретить разве что в Англии. Все работники конного завода были крепостными графини Орловой, сюда никогда не приглашали ни одного иностранца. Здесь же производили все, что было необходимо заводу — седла, уздечки, попоны, все было сделано с наиболее изысканной утонченностью и вкусом.

После того, как перед нами провели более 200 лучших лошадей, нам показали скачки, организованные со всей заботой и вниманием к деталям, которыми отличаются скачки в Англии. Приз за скорость был разыгран между дюжиной великолепных лошадей, которых готовили полгода, и которыми управляли маленькие

М.Д. Дунина

мальчики, столь же ловкие и хорошо одетые, как лондонские грумы. В это время на специальной арене ожидали сигнала к началу бегов небольшие дрожки, в которые были запряжены лучшие рысаки. Эти два представления очень позабавили великого князя. Затем нам показали молодых жеребцов на привязи и на свободе, которых охраняли только несколько всадников на проверенных в своей легкости лошадях, не упускающих из виду молодой табун, природная горячность которого заставляет его совершать круги в 20 и 30 верст.

Крепостной графини Орловой, управлявший этим большим заведением, заслуживает того, чтобы быть названым, его фамилия Шишкин, он вырос в доме старого графа Орлова, получил от него наказы и перенял увлеченность, необходимые для продолжения работы и улучшения конного завода, который уже стал самым большим и прославленным на всю нашу Империю.

Здесь я снова обогнал великого князя с тем, чтобы подготовить его прием в Павловске, куда я попросил перевести штаб-квартиру моей бригады. Я провел перед ним учения Рижского драгунского полка, которыми он также изволил остаться довольным. Из Павловска он направился в земли донских казаков. Я был в восторге от возможности сопровождать его к этому воинственному народу, с которым я так долго делил трудности и успехи воинской службы. На границе от имени атамана Платова и всего Войска Донского великого князя встретил старый

и доблестный генерал Жиров. На ночь мы остановились в станице Казанской, что на берегу реки Донец. На следующий день мы пересекли эту реку на изящно украшенных плотах, население станицы и окрестностей находилось здесь, женщины стояли по одну сторону улиц, мужчины — по другую, все встречали брата своего Государя радостными криками «Ура!» На другом берегу реки стояло 500 хорошо одетых и хорошо вооруженных всадников, которым предстояло эскортировать нас. Я подал великому князю мысль попросить коня и стать во главе эскорта, который был ему приготовлен по всей дороге. Он с удовольствием согласился с этим предложением, чем доставил казакам наивысшее удовольствие. Во время переезда от этой первой остановки, проделанного нами полевым галопом, эскорт продемонстрировал нам показательную атаку с криками и требуемыми маневрами. На каждой остановке войска эскорта менялись, великому князю приводили новую лошадь, а он сильно забавлялся этим чисто военным способом путешествовать. Повсюду население с 30 верст вокруг собиралось, сменяя друг друга, чтобы увидеть и шумно приветствовать знаменитого путешественника. Нам в изобилии приносили корзины с виноградом, лучшие фрукты и самые тонкие донские вина. Это была настоящая прогулка и нескончаемый пир.

На третий день после обеда мы оказались уже совсем недалеко от Новочеркасска. Здесь мы остановились, чтобы привести себя в порядок. В 25 верстах от города нас встретил генерал Иловайский с 12 офицерами, в 10 верстах — генерал Греков во главе тысячи всадников, расставленных по обе стороны дороги. Лошади несли нашу коляску полевым галопом, а это войско окружало и обгоняло нас, крича «Ура!» и поднимая ужасную пыль. Мы остановились возле плотины, которая вела в город, где, спешившись, стояли генерал Иловайский 4-й и более 2000 казаков, которые по возрасту и из-за ранений не могли больше нести воинскую службу. Наступил вечер, и в сумерках стал хорошо виден огонь 24 артиллерийских орудий, расположенных на высоте перед входом в столицу Дона. Шагом мы прошли сквозь это достойное оцепление старых воинов. В конце аллеи находились триумфальные ворота, которые служили входом в Новочеркасск. Вдруг в момент нашего проезда в один миг все осветилось, тысячи ламп одновременно зажглись во всем городе, и стала видна огромная толпа людей, теснившихся вокруг. В окружении генералов и офицеров рядом с триумфальной аркой стоял старый атаман, склонившийся под тяжестью лет и тяготами славной службы. Наша коляска остановилась, великий князь вышел из нее и обнял Платова. Все сели на приготовленных лошадей, и под крики «Ура! и гул огромной толпы мы пересекли город, чтобы подъехать к кафедральному собору.

После окончания церковной службы атаман пешком проводил великого князя в приготовленный ему дом. Путь был обозначен стоявшими на земле зажженными лампами, за которыми по обе стороны стояли самые старые воины Дона. По мере продвижения вперед бороды стариков становились все более седыми, а крестов и медалей, которыми были отмечены эти храбрецы, становилось все больше. Полковые знамена развевались, их держали эти престарелые люди,

самые старые из них несли памятные знамена, которыми наши государи по разным поводам награждали это славное воинство. Мимо этих славных реликвий можно было пройти, только обнажив голову в великом уважении. Под конец появились старцы с совсем седыми бородами, которые несли регалии атамана, его штандарт, бунчук и пернач. Замыкали ряд четверо последних воинов, поддерживавших массивный серебряный сундук, в котором находились грамоты наших государей, объявлявших свободы и привилегии Войска Донского.

Войдя во двор дома великого князя, мы увидели на вершине холма караул в 100 аккуратно снаряженных гвардейцев, выбранных из самых красивых воинов атаманского полка. Они все были гигантского роста и очень театрально завершали этот парад, тоже весьма впечатляющий и похожий на театральное действие. Только старый Платов, обладающий чувством такта и непререкаемой властью, мог организовать и провести такой прием.

На следующий день мы верхом отправились за город, чтобы присутствовать на учениях двух рот конной артиллерии, сформированных из казаков. Как главнокомандующий артиллерией, великий князь устроил им смотр, которым остался очень доволен. На равнине собралась огромная толпа любопытных. Неожиданно появились казачьи разъезды, а затем и ведеты турок; они осматривали и атаковали друг друга. Обе стороны усиливались прибывающими сторожевыми заставами, так что под конец более 2000 казаков и одетых по-турецки всадников участвовали в этом «бою», который очень точно повторял настоящее и горячее столкновение между двумя столь умелыми кавалериями. Наконец, «турки» были отброшены, их преследовали до горизонта. Из гущи схватки выскочил юный внук атамана, 12-летний мальчик, уже хорошо держащийся в седле, который представил великому князю пленных, являвших собой полный оркестр калмыцкой музыки, чья дисгармония была очень забавна. Потом состоялись большой обед и бал; все это было организовано со столичной элегантностью и роскошью.

На следующий день мы отправились в путь, завтракали в имении Платова в 4 верстах от города, затем в сопровождении более 200 офицеров и части Атаманского полка мы проскакали полевым галопом 18 верст до старого Черкасска. Нас встретило верховое войско и многочисленное население, мы спешились у старого Кафедрального собора, который был замечателен собранными в нем ценными предметами. Раньше частые пожары причиняли городу большой урон, и местные жители были вынуждены прятать свои самые дорогие украшения в этой церкви, как в месте, недоступном для огня и разграбления.

После обеда у старого генерала Грекова, экипажи были направлены прямо в Нахичевань, а великий князь со своей свитой и в сопровождении атамана поднялись на борт замечательно украшенного судна, которым управляли 18 казаков. О них говорили, что они столь же хорошие моряки, как и наездники. На протяжении плавания нас развлекали видом рыбной ловли, результаты которой убедили нас в изобилии этой красивой реки. Великий князь сошел на берег в Ростове,

чтобы продолжить свое путешествие в Крым, а я покинул его, чтобы вернуться в свою скучную дивизию.

* * *

Наконец, более ничто не мешало моим планам жениться, у меня было время их хорошо обдумать в течение тех 8 месяцев, пока я был разлучен со своей суженой. Я часто колебался, опасения потерять свободу в выборе любви, которой я раньше пользовался, боязнь причинить несчастье замечательной женщине, которую я столь же уважал, сколь и любил, сомнения в том, что я обладаю качествами, требуемыми верному и рассудительному мужу — все это пугало меня и боролось в моей голове с чувствами моего сердца. Тем не менее, надо было принимать решение. Моя нерешительность объяснялась лишь боязнью причинить зло или скомпрометировать женщину, чей соблазнительный образ следовал за мной вместе с мечтой о счастье.

Я попросил согласия на свой брак у Императора, Императрицы-матери и у своего отца, все они с удовольствием его мне предоставили. Я выбрал себе в свидетели драгуна из моей дивизии, который пользовался наилучшей репутацией храбреца, и в сопровождении одного лакея направился в Водолагу, чтобы вымолить у моей суженой прощение за мое долгое отсутствие, и согласие стать ее счастливым супругом. Свадьбу сыграли в имении самым веселым и сердечным образом, все окрестные генералы приняли в ней участие. С этого момента я чувствовал себя на вершине счастья. Все многочисленное семейство моей жены было счастливо видеть ее довольной, и с радостью приняло меня. Мы провели несколько дней в Константиновке у моего тестя Захаржевского, почтенного старца, удалившегося от мира и уважаемого всеми своими родственниками.

Моей жене надо было выполнить обязанности по отношению к своей свекрови[82], у которой на попечении жила ее старшая дочь[83]. Я же решил немного заняться хозяйством, прежде чем привести в дом молодую жену. Я решил, что моя жена поедет в Москву к госпоже Бибиковой и через три недели присоединится ко мне в моей главной дивизионной квартире в Павловске. Мы вместе доехали до Белгорода, затем разъехались каждый по своим делам.

Не успела она приехать в Москву и представиться Императрице-матери и Императору, как я получил с курьером приказ Императора немедленно явиться в Москву.

1818

Я был в восторге вновь увидеться с женой, ее осыпала милостями вся Императорская фамилия, все вокруг восхищались ею. Ее поведение при дворе, то

А.Х. Бенкендорф с женой Елизаветой Андреевной

малое значение, которое она придавала слухам, все то хорошее, что мне о ней рассказывали все вокруг, завоевали меня окончательно, именно с этого момента я бесповоротно ощутил себя добрым мужем женщины, которую раньше любил только как возлюбленную.

Мы были в Москве только три недели. Я был поражен теми гигантскими изменениями, которые произошли после обрушившегося на нее разорения. Пребывание в городе императорского двора оживляло это воскрешение, начатое уже богатством империи. Кремль был восстановлен более величественным и прекрасным, чем он был до сих пор, торговые ряды были элегантно реконструированы, улицы и городские публичные места были правильным образом распланированы, церкви были починены и блестели ярче прежнего, частные владения отстраивались, все свидетельствовало о том, что в ближайшие годы исчезнут даже следы былого полного разорения. Во время своего пребывания в Москве Император заложил первый камень в фундамент храма на Воробьевых горах, который должен был своими величественными размерами запечатлеть великие страдания и великую славу 1812 года.

Я возвратился в свой гарнизон с женой и с одной из приемных дочерей[84], вторая находилась на попечении бабушки, которая должна была дать ей образование. Я отдавал много времени службе, делал все, что мог, чтобы заслужить

одобрение Императора, который в июне месяце должен был посетить расположение моих войск, возвращаясь с поездки на Дон. Эти занятия и счастье находиться с женой сделали мое пребывание в Павловске весьма приятным. Это был один из самых счастливых периодов моей жизни. Состояние моей дивизии зримо улучшалось, я был к этому причастен, все здесь привыкли ко мне.

Император приехал, он оказал мне и моей жене много знаков внимания, был полностью удовлетворен, что я имел честь ему продемонстрировать, неоднократно благодарил меня, многие офицеры моей дивизии получили продвижение по службе и награды.

В день своего приезда к нам Император получил печальную весть о смерти храброго и честного фельдмаршала Барклая, который скончался после долгой болезни в начале путешествия, предпринятого им заграницу для выздоровления. Император и вся армия были глубоко огорчены этой потерей. Император потерял в его лице человека, не раз доказавшего ему свою высокую преданность, усердие и способности, армия потеряла заботливого и просвещенного руководителя, имевшего огромный практический опыт, образец храбрости и дисциплины.

Уже долгое время я не видел моего отца, Император разрешил мне навестить его. Я отвез жену к ее семье в Водолагу и Константиновку и направился в Ревель. Мой отец находился в 40 верстах оттуда в Койке, имении его племянницы графини Стенбок[85]. Я имел счастье найти его в добром здравии, очень довольного моим приездом. Я не мог долго наслаждаться его обществом, надо было расставаться, чтобы возвратиться в дивизию, которую осенью должен был проинспектировать генерал-аншеф граф Сакен, который после смерти фельдмаршала Барклая принял командование 1-й армией.

Отец проводил меня до Ревеля, откуда я поспешил вернуться на свой пост. Я провел несколько дней с женой в Водолаге в полном блаженстве. Так как она скоро должна была родить, я не смог взять ее в гарнизон, куда грустно вернулся в полном одиночестве.

Дивизия подтянулась, она стала значительно лучше, и, словно в военное время, я счастлив был находиться в окружении войск и пушек.

Граф Сакен приехал и был удовлетворен тем улучшением состояния полков, которое произошло за три года, когда он их не видел. Во время этой инспекции я получил известие о том, что моя жена 30 августа, в день тезоименитства Императора и моего, счастливо родила девочку[86]. Как только уехал граф Сакен, я бросился к жене и нашему ребенку. Это новое связующее нас звено еще больше усилило мою любовь и увеличило счастье. После того, как жена оправилась от родов, мы поехали в Павловск, где спокойно провели всю зиму, наблюдая на досуге зимнее ненастье.

1819

Необозримые степи, окружавшие этот небольшой городок, были покрыты глубоким снегом, часто ужасные ветры поднимали этот снег и скрывали горизонт, стирая следы дорог и подчас делая поездки сложными и опасными. Та зима была более суровой, чем обычно, бывало, заблудившиеся путешественники погибали в этих условиях, причем часть из них на очень небольшом расстоянии от города, которого они не смогли увидеть из-за снежных зарядов.

В начале марта я получил приказ начальника императорского Главного штаба князя Волконского оставить дивизию на старшего офицера и немедленно прибыть в Петербург, чтобы принять должность начальника штаба Гвардейского корпуса. Я собрался за два дня, моя жена поехала к своему отцу, чтобы дождаться весны, а я со своим адъютантом отправился в дорогу к месту моего нового назначения.

* * *

После моего прибытия в Петербург Император сообщил о причинах, очень мне лестных, по которым он выбрал меня на эту, требующую его доверия, должность. Моим предшественником был граф Сипягин, которого Император очень любил и быстро продвигал по службе, и которому полностью доверял. Этот человек только что лишился всех милостей. Командование гвардией перешло от генерала Милорадовича к генералу Васильчикову, мне было очень приятно служить под его началом. Исполнение его и моей должности было делом равно нелегким, нам многие завидовали, нас критиковали и поучали все военные куртизаны, чье отличие от таких же особ, служивших при дворе Екатерины II, заключалась только в сапогах и шпорах теперь, и туфлях и кафтанах с шитьем тогда. Многие гвардейские генералы являлись генерал-адъютантами, они докладывали Императору обо всем. Другие находились под защитой великого князя Константина, который со времен Варшавы сохранял за собой командование гвардейскими частями в Петербурге, и стремился поддерживать преданных ему людей и продвигать свои полки. Только начавшие службу великие князья Николай и Михаил исполняли ее с усердием молодости, руководимые страстью к военной жизни. Все эти обстоятельства должны были мешать работе начальника штаба, который обязан быть проводником воли командующего. Чувствуя всю затруднительность своего положения, я наметил себе линию поведения, от которой никогда не отходил. Не вмешиваясь ни в какие интриги, я старался вернуть власти то, чего она была лишена из-за честолюбивых помыслов, вместо того, чтобы оказывать влияние на окружающих, я был только исполнителем полученных приказов, чем заслужил искреннюю дружбу генерала Васильчикова, уважение некоторых моих товарищей и спокойную совесть.

Мои обширные и нескончаемые обязанности полностью оторвали меня от жизни общества. Я вернулся в столицу, но не смог вернуться к своим прежним привычкам. Моя жена приехала через три месяца, и я полностью погрузился

в исполнение своих служебных обязанностей и в домашнее счастье. Мы выехали в лагеря под Красным Селом и произвели маневры, которыми Император остался очень доволен. Он назначил меня своим генерал-адъютантом, эта награда доставила мне большое удовольствие.

Мне удалось отвезти жену в Ревель, чтобы представить ее моему замечательному и пожилому отцу, который еще не имел этого удовольствия. Я оставался там только три недели, так как служебные обязанности призывали меня в Петербург.

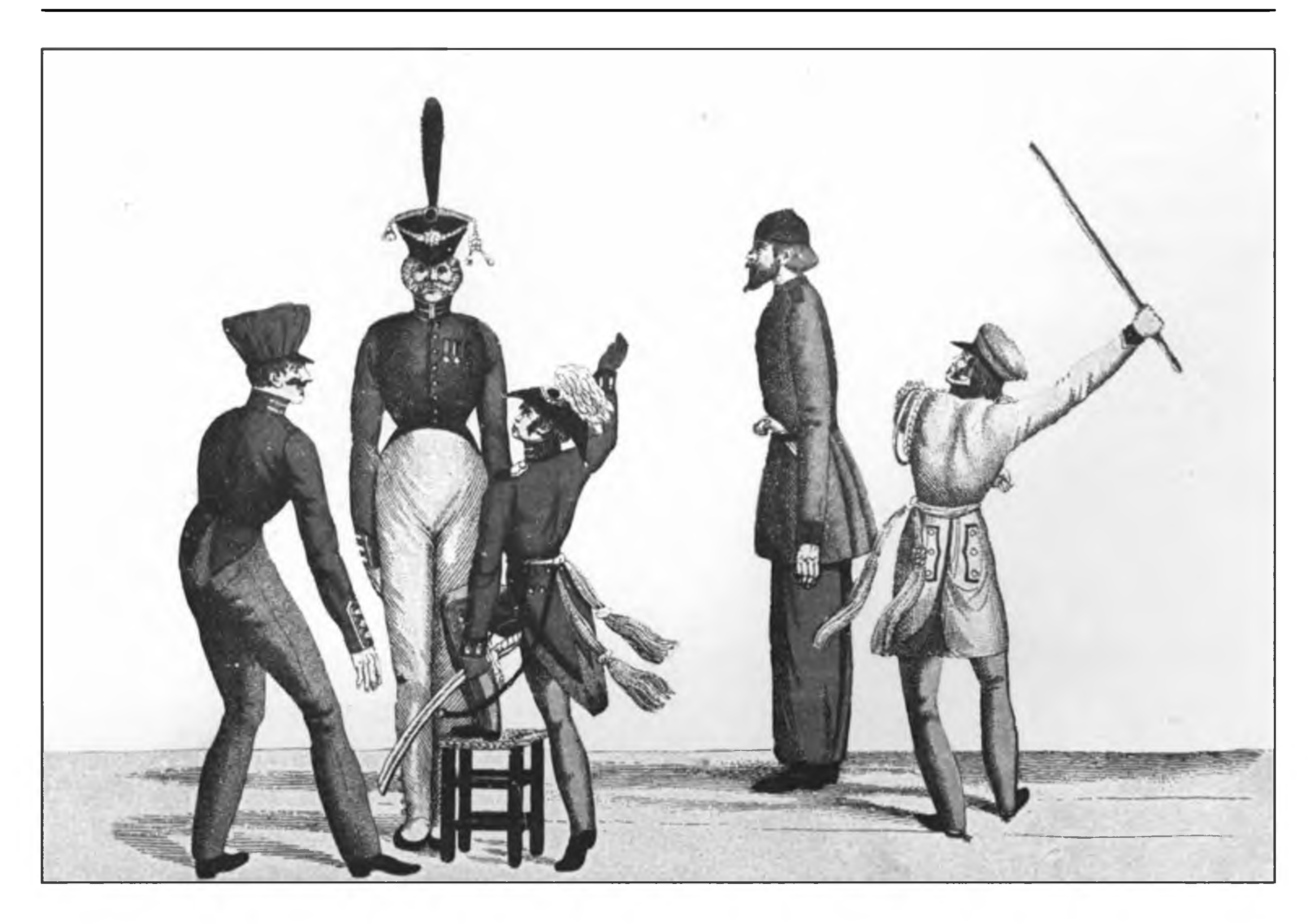

1820

Зиму я провел в тех же занятиях, не имея ни минуты для выхода в свет. Летом Император выделил мне, жене и детям квартиру в Царскосельском дворце, что стало для меня возможностью передохнуть перед тем, как почти все дни я проводил в городе или в Красносельском лагере.

Уже некоторое время Император был недоволен лейб-гвардии Семеновским полком и особенно его командиром генералом Потемкиным. Этот полк занимал и развлекал его еще в царствование его отца, и со времени своего вступления на престол ему доставляло удовольствие на досуге входить в мельчайшие детали полковой жизни. Он знал в полку всех офицеров, многих унтер-офицеров и большую часть гвардейцев. Его природная доброта подчас позволяла свободный вход в его апартаменты военным различного звания, служившим в этом полку. Он ссужал полковых офицеров деньгами, у него была домашняя прислуга из числа уволенных от службы семеновских солдат, наконец, он сам был шефом этого полка и оставался для него ярым защитником. Столь явное внимание должно было подействовать на моральный дух офицеров и солдат, мало помалу, дух интриганства, ревности и даже тщеславия распространился в полку вплоть до рядовых гвардейцев. Командир полка почувствовал себя, и даже с некоторым правом, на особом положении в армии, он имел завистников, с трудом подчинялся приказам, исходившим не он самого государя, от которого он привык получать распоряжения напрямую. Будучи горд своей должностью, но, не имея необходимых моральных и умственных качеств для того, чтобы заставить себя уважать в столь трудно управляемом полку, не имея даже такта по отношению к своим командирам, генерал Потемкин был самим ходом вещей обречен мало помалу потерять доверие Императора. Он не желал замечать нависшую над ним немилость.

Он усугублял свое положение тем, что почти не входил в подробности службы, офицеры следовали примеру своего начальника, в результате солдаты перестали их уважать и бояться. Наконец, Император назначил на его место полковника Шварца. В армии, откуда его взяли, этот штаб-офицер с отличием

Армейская муштра. 1820-е

командовал полком. Но от такой милости он потерял голову, и, чтобы оправдать ее, проявлял усердие, суровость и резкость, которые совершенно противоречили удобному самоустранению от дел и приятным манерам его предшественника. Задетые грубым обращением нового командира, столь мало соответствующим правилам высшего общества, коего они считали себя лучшим украшением, офицеры полка с самого начала стали искать случая, чтобы посмеяться над ним. Уставшие от новых требований своего полковника, потрясенные его грубым тоном и суровостью, нижние чины осуждали его, не давая себе труда научиться его понимать. Приободренные примером своих офицеров, солдаты, желая угодить им, принялись насмехаться над полковником Шварцем и публично издеваться над его походкой.

Такое положение дел не могло не привести к ужасным последствиям. Генерал Васильчиков вызвал к себе полковника, осудил его действия, особенно, ту поспешность, с которой он производил необходимые изменения в области дисциплины, и дал ему все требуемые с его точки зрения инструкции. Ко мне явились командиры батальонов полка и попросили разрешения говорить со мной не как с начальником штаба. Они стали жаловаться на поведение полковника Шварца, не скрыв от меня, что общее недовольство вызовет взрыв. Поблагодарив их за оказанное мне доверие, я посоветовал им удвоить служебное рвение с тем, чтобы

даже требования их командира не смогли застать их врасплох. Я сказал им, что это единственный способ заслужить благоволение Императора и доказать ему свою преданность, что от их примера будет зависеть все, что, при условии, что начальство будет уверено в их послушании, оно может заменить полковника, если по прошествии некоторого времени будет замечена его неспособность командовать. Но, напротив, ропот и насмешки только заставят Императора поддерживать полковника против его подчиненных.

Они все заверили меня, что приложат все свои усилия для того, чтобы держать своих солдат и офицеров в наиболее суровом подчинении, дав мне слово предупреждать меня обо всем важном, что будет происходить в полку.

Полковник постарался стать более вежливым, батальонные командиры призвали офицеров к порядку, но толчок был дан, и настроение в полку не изменилось. Войска отправились в Красносельский лагерь, где частые учения и требования полковника, хотя и не нечрезмерные, привели к озлоблению солдат, уже готовых к самому худшему. Однако полковники мне ничего не говорили, а получаемые мною сведения свидетельствовали о том, что Шварц заботится об улучшении положения нижних чинов.

* * *

Из-за непростительной небрежности адъютанта полка только утром 17 октября я узнал, что накануне в 10 часов вечера рота Его Величества (она же лейб-рота, то есть 1-я рота 1-го батальона) самостоятельно вышла из спальных помещений и собралась в коридоре казармы. Дежурный унтер-офицер спросил у них, что это означает, и приказал им вернуться. Солдаты потребовали от него, чтобы он пошел искать капитана, с которым они хотели говорить. Прибежавшему капитану вся рота стала жаловаться на тяготы службы и просить выхлопотать для них облегчение, прибавив, что они не могут больше служить с полковником Шварцем. В страхе капитан пообещал замолвить за них слово и призвал их вернуться и спокойно ждать его ответа.

Как только мне стало известно об этой выходке, я бросился предупредить генерала Васильчикова, который приказал мне немедленно направиться в казармы 1-й роты и провести тщательное расследование. Сначала я расспросил фельдфебеля, унтер-офицера и бывших на дежурстве солдат. Затем я велел привести одного за другим нескольких гвардейцев, известных своим прекрасным поведением. Все они ответили мне, что рота собралась на крик «К перекличке!», который раздался из коридора. Никто не указал мне ни на первого крикнувшего человека, ни на тех, кто вышел в коридор первыми.

Собрав всю роту, я получил тот же ответ, только сопровождаемый ропотом, указывавшим на заговор и беспорядки. Офицеры имели удивленный вид, солдаты хвалили их и обвиняли полковника. На вопрос, в чем именно он с вами плохо обходится, последовал единодушный ответ: «он нас тиранит». Я попросил выйти из рядов тех, кто от него пострадал; вышел один солдат, который пояснил,

что был наказан за пьянство. В это время несколько человек в один голос стали жаловаться на то, что от них слишком много требуют по части чистоты и правильности в обмундировании. На вопрос, всё ли вы получаете, что вам положено в деньгах, пище и вещах, данный скрепя сердце положительный ответ полностью доказал вину тех, кто выдвигал это обвинение. После наведения порядка и объяснения всей глубины их вины, заключавшейся в том, что они собрались шуметь прошлой ночью и осмелились вызвать капитана, я объявил им, что единственная вещь, которая может уменьшить заслуженное ими наказание, это выдать зачинщиков. Я дал им несколько часов на раздумье, предупредив, что после этого все они предстанут перед военным трибуналом.

Докладывая генералу о том, что только что увидел и услышал, я не мог от него скрыть, что тон, которым мне отвечали солдаты, свидетельствовал о неповиновении. Нельзя было терять время, было очевидно, что роту надо срочно судить. Трудность состояла в том, как взять ее под арест; распределить ее нижних чинов между разными гвардейскими частями значило бы распространить дух неповиновения в тех войсках, которые бы их стерегли. Содержание в своей собственной казарме привлекло бы сочувствие других рот полка, у которых были те же причины жаловаться, и для которых эта рота была выражением их положения. Чтобы полностью их изолировать, надо было решиться водворить их в крепость и создать военную комиссию для ведения процесса.

В 8 часов вечера рота получила приказ прибыть в здание Гвардейского штаба, две роты лейб-гвардии Павловского полка привели в дворцовый зал для строевой подготовки, туда же ввели виновную роту. Генерал Васильчиков сказал солдатам, насколько они виновны в нарушении дисциплины, и приказал двум павловским ротам окружить роту семеновцев и отконвоировать ее в крепость. Приказание было выполнено при гробовом молчании гренадеров, участвовавших в этой сцене. Офицеры роты получили приказ идти с войсками и не покидать их, пока комендант крепости[87] не примет и не распределит всех людей.

Я приказал командирам батальонов и дежурным офицерам неотлучно ночью оставаться на своих постах и немедленно мне сообщать, если в войсках что-нибудь случится.

Не успел я лечь спать, как явился командир 1-го батальона полковник Вадковский и сообщил, что три роты отказались ложиться и с ропотом собираются в коридоре своих казарм. Я еще не кончил одеваться, когда вошел испуганный полковой адъютант и сказал, что нижние чины двух других батальонов покидают казармы и собираются на полковом плацу, капитаны и другие офицеры старались помешать этим беспорядкам, но не смогли остановить волнения. Я направил его в Гвардейский штаб, чтобы собрать там всех моих подчиненных, взял с собой полковника и поспешил к генералу Васильчикову. Разбудив его, я сообщил обо всем, что только что узнал сам. Он отправил полковника Вадковского на его пост, и мы направились к генерал-губернатору графу Милорадовичу. Мы

И.В. Васильчиков

решили, что командующий гвардией до самой последней крайности не должен появляться перед бесчинствующими солдатами, которых он должен был наказать за неповиновение. Не следовало, также, подвергать высшую власть риску действий, следствием которых могло быть только неповиновение, в то время как генерал-губернатор города должен был прибыть к месту преступного сборища, как если бы это был пожар или другое необычайное событие.

Граф Милорадович согласился с этим рассуждением и направился в Семеновский полк. Тем временем, мы направились в штаб, и начальник Гвардейского корпуса приказал собрать всех командиров полков. Генерал-губернатор вернулся, так и не сумев повлиять на солдат, которые громко требовали вернуть первую роту и отказывались подчиняться приказам до ее возвращения. Он придерживался мнения, что надо выпустить роту Его Величества из крепости с тем, чтобы избежать еще больших несчастий. К счастью, генерал Васильчиков придерживался другого мнения, он заявил, что ничто не может заставить его уступить угрозам солдат, что одним проявлением слабости можно потерять все. Он назначил временным командиром Семеновского полка генерала Бистрома и отстранил Шварца, чтобы тот больше не появлялся на своем посту с начала беспорядков. Бистром, которого хорошо знали во всей гвардии, приступил к выполнению своих обязанностей.

Парад на Дворцовой площади. 1820-е

Он получил приказ построить полк и объявить ему о приезде начальника Гвардейского корпуса с инспекционной проверкой. Но он не смог заставить себя услышать; сумрак и водка, большой запас которой, к несчастью, находился в казармах, увеличивали беспорядок, который все больше разрастался. Генерал Потемкин предложил лично привести к порядку полк, командование которым он оставил только 6 месяцев назад, после того как возглавлял его в течение 8 лет. Мы все считали, что его голос, которому в полку издавна привыкли подчиняться, произведет должное действие, но к его стыду, его присутствие не произвело никакого действия. Шум и неповиновение постоянно возрастали, надо было предпринимать решительные действия.

Лейб-гвардии Егерский полк, чьи казармы располагались по соседству с казармами Семеновского полка, получил приказ войти в расположение последнего, захватить находившееся там оружие и никого туда больше не пускать. Павловский полк получил приказ выдвинуться к Семеновскому мосту, в тот же момент Конная гвардия подошла к Обуховскому мосту с тем, чтобы при необходимости быть готовой произвести комбинированную атаку против бунтовщиков. Отдав эти распоряжения, генерал Васильчиков отправил меня в непокорный полк с тем, чтобы еще раз сказать им о том, что они должны построиться и ждать его прибытия. Было еще темно, но гвардейцы узнали и окружили меня,

чтобы узнать то, что я должен был им сообщить. Наиболее близко ко мне стоявшие обнажили голову и слушали в молчании, но шум и волнение основной массы, толпившейся вокруг них, не дали мне закончить. Я старался самым энергичным образом восстановить тишину, которая воцарилась на короткое время, но вскоре шум возобновился. Посреди общего волнения слышался крик о том, что нас не выпустят с этой площади, пока не будет возвращена головная часть полка — рота Его Величества. Убедившись, что мне здесь не на что надеяться, я поспешил сообщить об этом генералу Васильчикову. Орлов с Конной гвардией, Бистром старший с гвардейскими егерями, Бистром младший, единственный из всех полковых командиров, кто лично поручился за поведение своих солдат, во главе Павловских гренадеров, получили приказ двинуться вперед и быть готовыми ударить на бунтовщиков по первому сигналу корпусного начальника. Момент был страшный, ответственность ужасна, малейшая искра могла вызвать самые большие беды. Генерал Васильчиков чувствовал на себе одном всю тяжесть этого бремени. Когда он появился на плацу Семеновского полка, стоял уже яркий день, все солдаты обнажили голову, и, казалось, на время успокоились. Генерал приказал им построиться, он не мог и не желал разговаривать с полком, не выполняющим его приказания. Снова возобновились крики:

— Верните нам первую роту!

Генерал громким голосом сказал:

— Я не верну вам ее, и вы все заслуживаете заточения в крепость, —

Несколько гвардейцев ответили:

— Мы не желаем ничего другого, как разделить судьбу наших товарищей. —

Тогда идите в крепость. — ответил генерал.

В этот момент без малейшего ропота и в полном порядке вся эта масса людей пришла в движение и направилась в крепость. Я приказал офицерам, каждому на своем месте, идти вместе с войсками.

Тем временем, гвардейские егеря заняли казармы семеновцев и забрали оттуда ружья. Конная гвардия и Павловский полк получили приказ вернуться в свои казармы. Самым спешным образом я направился в крепость, чтобы сообщить коменданту о прибытии нового контингента. Он казался испуганным и даже на мгновение заколебался, не следует ли ему закрыть ворота. Я объяснил ему необходимость хода вещей и дал письменный приказ. Через минуту полк перешел Неву по мосту, вошел в крепость, признав себя арестованным с удивительным спокойствием и кротостью.

Охрана была удвоена, патрули Конной гвардии объезжали улицы с тем, чтобы отыскать отдельных солдат, отбившихся от основной массы полка. Для суда над первой ротой и первым батальоном, как виновниками беспорядков, спешно был созван Военный Совет, в который вошли генералы Левашов, Гурьев и Сухтелен. Генералу Орлову и другим командирам полков было поручено произвести следствие о действиях полковника Шварца. Однако крепость была переполнена, а наличие в центре Петербурга такого количества заключенных могло разбудить

жалость среди военных и горожан. Следовало разгрузить крепость и разделить полк. Было решено, что на следующий день один батальон без оружия, но и без конвоя направится вместе со своими офицерами в Выборг, другой будет посажен на суда в самой крепости и отвезен в Свеаборг, в крепости же останется один 1-й батальон. Все это было исполнено на утро следующего дня в полном порядке и без малейшего сопротивления со стороны виновных. Этот возврат к повиновению был доказательством преданности русского солдата своему государю и святого почитания военных законов.

Император находился на конгрессе в Троппау, к нему был направлен курьер с описанием всех подробностей этих печальных событий. Эта новость была для него тем более болезненна, что пример открытого неповиновения дал именно тот полк, к которому он издавна благоволил, и в то время, когда войска Португалии, Испании, Неаполя и Пьемонта только что покрыли себя позором, подняв флаг бунта против своих государей.

Ответа Императора двор и высшее общество Петербурга ожидали с любопытством, а генерал Васильчиков и я — с нетерпением. Очень значительная часть общества, обвинившая нас во всей этой истории, почти с уверенностью ожидала нашего осуждения. За исключением нескольких генералов, двор, столичные великосветские салоны и армия горячо защищали семеновцев, одни из простой жалости, другие — в силу родственных уз или знакомств, которые связывали их с этим полком. Часть же желала смещения генерала Васильчикова, высочайшее покровительство которому вызывало их зависть.

Император получил известие о произошедших событиях в тот момент, когда он готовился покинуть Троппау и поехать в Лайбах, куда был перенесен конгресс. Он был глубоко поражен, но не изменил своим принципам и, как всегда, выказал спокойную твердость и рассудительность. Он сам написал приказ по войскам, согласно которому лейб-гвардии Семеновский полк распускался, его солдаты и офицеры распределялись по различным частям всей армии. Новый Семеновский полк должен был быть сформирован из первых рот различных гвардейских дивизий. Этот приказ стал доказательством нерушимости дисциплины и в то же время примером снисходительного отношения Императора. Он был как удар грома для наших противников и полным разочарованием для высшего общества. В то же время он вернул страх и уважение к высшей власти. Этот документ показал, что Императора нельзя поколебать в его принципах за счет чувства привязанности, что он поддерживает всем своим могуществом генерала Васильчикова, как человека, облеченного его высоким доверием.

Везде водворилось спокойствие и подчинение. Действовавшие открыто интриганы с позором отступили в тень мелких делишек и тайных откровений.

1821

Тем временем, интриги становились все более опасными, так как они замышлялись в тайне. Как часто бывает, групповые интересы смешивали общественно важные дела с небольшими интересами частных лиц. С целью свалить генерала Васильчикова и снять с себя вину в таких делах, которые очевидно свидетельствовали против них, многие подло обвиняли всю гвардию в неверности Императору. Солдатские казармы и городские площади были наполнены шпионами, которым хорошо платили за плохие известия. Они задавали вопросы солдатам, вынуждали их говорить то, о чем те и не думали, и сочиняли самые опасные высказывания. Полиция усердно собирала эти сообщения и посылала их в Лайбах, сопровождая устрашающими пояснениями и опасениями, способными привести в ужас любую другую душу, кроме той, что принадлежала Императору Александру. Он неизменно и спокойно отвергал все измышления, которые в нем стремились зародить. Несколько плутов посчитали случай удобным для того, чтобы осуществить свои подлые замыслы. Они способствовали появлению мятежных листовок даже в казармах, солдаты были обеспокоены этими действиями и всегда сообщали о них своим командирам. Общество уже не удовлетворялось этими новостями, некое подобие брожения заполонило весь город и начало распространяться также в Москве и во внутренних губерниях.

На конгрессе в Лайбахе все время Императора было поглощено итальянскими, испанскими и португальскими делами. Утомленный всеми малоприятными известиями, он приказал гвардии выйти из Петербурга. Благовидным предлогом для этого послужило формирование армии для оказания помощи австрийцам в Италии, для командования которой из Грузии был вызван генерал Ермолов. Все войска, находившиеся под командованием генерала Сакена, и гвардия получили приказ двигаться за этой армией, прикрывая ее, для того, чтобы в случае необходимости оказать ей поддержку. Эти приготовления оказали впечатление на всю Европу. При первом известии о нашем походе Италия покорилась австрийским войскам, и Лайбахский конгресс закончился так, как того желал Государь, одно слово которого могло напугать все державы.

Первым местом назначения гвардии был Витебск и его окрестности, где мы должны были получить последующие приказы. Все полки двинулись в поход в полном порядке и наилучшим образом укомплектованные. В восторге от надежды скорой войны генералы офицеры и солдаты покинули Петербург с радостью, общество также не сожалело об уходе войск, об опасности которых ему постоянно напоминали.

Между Великими Луками и Порховом вернувшийся из Лайбаха Император сделал смотр полкам 1-й гвардейской дивизии, его встретили единодушными криками «Ура!» и он был полностью доволен состоянием войск. В Порхове я имел счастье представиться ему. Он принял меня сухо, поставив в упрек мое письмо князю Волконскому, в котором я извещал его о случае с Семеновским полком,

Вид Воронежа. 1830-е

и уверял в том, что это событие было вызвано обстоятельствами, сложившимися в самом полку, и никак не связано с революционными взглядами и действиями итальянских карбонариев, французских и немецких либералов.

По приезде в Петербург его опыт, глубокий ум и легковесность полицейских рапортов, в которых обвиняли гвардию, доказали ему, что высказанная мною в этом письме мысль не была беспочвенной.

Со всех сторон раздавались единодушные голоса с тем, чтобы отдать должную справедливость порядку, дисциплине и спокойствию, сопровождавшим движение различных гвардейских колонн. Наши лагеря оказались настоящим счастьем для этих мест, которые два года не могли оправиться от опустошения. Офицеры и солдаты кормили несчастных крестьян, которых голод довел до истощения, столь же ужасного, как смерть. О хорошем поведении Гвардейского корпуса повсюду свидетельствовали благословения народа, похвалы землевладельцев и добрые отзывы служащих. Командовавший нами после выхода из Петербурга генерал Сакен устроил нам по дивизионную инспекцию, по итогам которой подал Императору самый лестный рапорт.

Наконец, в сентябре месяце вся гвардия собралась в местечке Бешенковичи. Император приехал туда, его ожидали граф Сакен с толпой генералов. Этот

маленький городок, принадлежавший графу Хрептовичу, был наполнен как большая главная квартира военного времени. Войска стояли в окружавших его деревеньках.

В первый день Император провел большой смотр, он был в восторге от состояния войск и, особенно, от желания ему понравиться, ощущавшегося в каждом взоре. Его принимали с криками «Ура!», сила и длительность которых была доказательством преданности ему. На третий день состоялись большие маневры, хорошо задуманные и исполненные в точности и в полном порядке. Они заслужили полное одобрение Императора. Его лицо освещалось радостью и удовлетворением, чем больше стремились удалить его от гвардии, тем больше он находил удовольствия видеть ее достойной его забот.

После окончания маневров все войска собрались в густых колоннах вокруг бивака, устроенного на берегу Двины в очаровательном месте, которое возвышалось над всей округой. Он был со вкусом украшен различным оружием и предметами воинской символики. В середине стоял стол, за которым должен был обедать Император со всеми генералами, по обе стороны и далее веером располагались столы на 800 персон, за которыми сидели офицеры всего корпуса в порядке полков. Место Императора обрамлялось знаменами и штандартами, оркестр из 600 музыкантов, сидевших амфитеатром, завершал одну сторону этой огромной галереи. Император милостиво поднял тост за здоровье гвардии, затем, когда генерал Сакен встал, чтобы выпить за здоровье Императора, последовал залп более 100 артиллерийских орудий и громогласное «Ура!» почти 40 тысяч солдат, сопровождавшееся звуками фанфар и приветственными криками 800 офицеров. Земля вздрогнула, на глазах Императора, великих князей и всех присутствовавших навернулись слезы волнения и признательности. Какая прекрасная благодарность для такого государя, как Александр, какая величественная сцена, одновременно устрашающая для врагов нашей Империи! На этом обеде присутствовал поверенный в делах Австрии, который даже привстал от восторга. Император обратился к нему с тостом за здоровье его государя, сопровождавшимся 101 пушечным залпом.

Пребывание в Бешенковичах окончательно и победоносно развеяло все сложенные против гвардии выдумки, а также все козни врагов генерала Васильчикова. Уезжая оттуда, Император издал очень лестный для нас приказ и объявил о наградах — чинах, орденах, денежных выплатах. Я был произведен в генерал-лейтенанты, обогнав 93 генерала, превосходивших меня старшинством. Это отличие, явно превосходившее мои заслуги, было лестной наградой за те неприятности и неудовольствия, которые я навлек на себя этой несчастной историей в Семеновском полку.

В ожидании теплого времени года войска все еще оставались вне столицы; наши лагеря сильно расширились, а главная квартира была перенесена в Минск. Генерал Васильчиков получил разрешение приехать в Петербург, а я остался вести все дела. Минск был не более приятен, чем Витебск; я поехал в Вильну посетить

расположение 1-й гвардейской дивизии. Плохая погода сделала мои переезды крайне неприятными, по возвращении в Минск я получил известие о том, что генерал Васильчиков подал прошение об отставке с должности командира корпуса, на которой он был заменен генералом Уваровым. Последний просил меня продолжать исполнение моих обязанностей до его приезда. Моя должность более не соответствовала моему чину, и я от нее очень устал. По моей рекомендации ее занял генерал Желтухин, а я стал командиром 1-й кирасирской дивизии.

1822

Но ни новый корпусной командир, ни новый начальник штаба не приезжали, и я оставался в должности еще в течение 3 месяцев с тем большим нетерпением, что был разлучен с женой с момента приезда в Витебск. Она поехала к своей семье в Водолагу, чтобы там дождаться решения о направлении нашего движения. Каждый день тянулся для меня как год, никогда еще я так не скучал. Наконец, приехал генерал Желтухин. В тот же день я передал ему дела и лежавшую на мне ответственность. Я присутствовал на большом и красивом обеде, который мне дали мои сотрудники, а вечером был уже в пути. После стольких волнений и скуки я вдвойне почувствовал счастье от возвращения к жене в кругу членов ее семьи, которых я очень любил, и от спокойного и прелестного образа жизни. Я пользовался этим счастьем в течение месяца. Время года и состояние дорог были слишком неблагоприятными, чтобы путешествовать с женой и детьми. Надо было ехать одному, чтобы вступить в командование моей дивизией, стоявшей в Витебске. С первыми весенними днями я попросил разрешения съездить в Водолагу, чтобы забрать жену. С большим огорчением мы уехали из этого уголка спокойствия и дружбы, и с началом теплой погоды собрались в путь, чтобы скучать в Витебске.

* * *

Нищета народа, измученного тремя годами неурожая, расстроенным управлением поглупевшего дворянства и жадной алчностью огромного количества евреев, наводнивших Белую Русь, придала всему, что было в этих краях грустного и дикого, отпечаток несчастья. Во время прогулок по этим красивым местам со всех сторон можно было увидеть только нищету, столь же неприятную, как и картины города, улицы которого были полны изголодавшимися крестьянами и исхудавшими женщинами, просившими у всех ворот хлеба для своих детей. Им подавали милостыню, но вся эта помощь была недостаточной. Зрелище постоянного несчастья заставляло нас живо желать покинуть эту бедную землю. Эти места стали для меня еще неприятнее из-за смерти моего адъютанта Чорбы, молодого человека 19 лет, образование которого было закончено на моих глазах и под

моим руководством. Он был влюблен в витебскую барышню и хотел на ней жениться. Офицер кавалергардов оказался более счастливым, он добился ее любви и получил обещание ее руки. Чорба не вынес этого и разбил себе голову выстрелом из пистолета.

Наконец, пришел приказ отправляться в путь. Эта новость доставила всем солдатам гвардии подлинную радость. Лишь несчастные жители этих мест были грустны и провожали нас своими благословениями. Погода была очень хорошей, и наш путь превратился в приятную прогулку. В Гатчине моя жена покинула меня и уехала в Эстляндию навестить моего отца, а я стал готовиться к представлению моей дивизии Его Императорскому Величеству. После праздника в Петергофе я присоединился к моей жене и после нескольких недель, проведенных в гостях у моего замечательного отца, мы вернулись на зиму в Петербург.

1823

Будучи полностью довольным жизнью в кругу семьи, я все больше и больше отдалялся от великосветского общества. Для меня стали настоящими мучениями необходимые визиты или праздники, на которых я должен был присутствовать, и которые вырывали меня из спокойной домашней жизни.

В конце зимы Император сообщил мне только полученную им новость об опасной болезни жены моего брата[88], на следующий день он мне сообщил о ее смерти с присущей только ему добротой и деликатностью. Я знал, насколько мой брат должен был быть сражен этой ужасной потерей. Желая дружески утешить брата, я обратился к Императору за разрешением отправиться в Штутгарт, где мой брат был посланником. Он не только дал свое позволение, но и милостиво дал мне карт-бланш во всем, что я сочту нужным посоветовать моему брату в дальнейшем. В качестве знака внимания он также предоставил мне дорожный экипаж и тысячу дукатов. Одновременно Император поручил мне выполнить важную миссию при короле Вюртембергском, в том случае, если бы печаль вынудила моего брата запустить служебные дела.

Не успел закончиться Веронский конгресс, как этот король, всегда надменный, всегда игравший роль великого либерала, позволил себе издать ноту, в которой он осудил те принципы, которые лежали в основе переговоров на этом замечательном собрании. Он молчаливо призвал государей малых стран освободиться от деспотического влияния на судьбы народов Европы, присвоенного себе этим Высшим советом объединенных великих держав. Ответ Императора был сдержанным, но он, совместно с Австрией и Пруссией, отзывал своего посланника, прерывая тем самым политические связи с государем, который встал

Вюртембергский король Вильгельм I

на неправильный путь действий, и сам, казалось, желал отделиться от великого европейского единства.

Я ускорил свои приготовления к отъезду в нетерпении увидеть своего бедного брата. Я проехал через Варшаву и был очень удивлен, увидев ее полностью преображенной: вместо грязного города, отмеченного печатью беспорядка и неустройства, я увидел красивый европейский город. Его былая запущенность была полностью стерта чистотой, порядком и размеренностью жизни. Благотворные заботы Императора, которые проникали даже в мелкие детали, способствовали оздоровлению, удобству и элегантности этой столицы, для которой во всех отношениях он хотел быть новым основателем. Были выстроены замечательные здания, посажены бульвары, благодаря большим заботам неровные берега Вислы превратились в красивые террасы. Мрачный пригород Прага стал приятным для глаза обиталищем. Укрепления, возведенные польской враждебностью против русских и улучшенные затем французами, были срыты, вместо них появилась красивая дорога, зеленые насаждения и хорошо ухоженная и выровненная площадка. Исчезли даже материальные следы войны, только имя Суворова, казалось, еще парило над этим местом, бывшим ареной одного из самых блестящих его военных подвигов. Оно стало еще более дорогим для поляков, как символ

счастливого объединения под одним скипетром с нацией, которая столь часто издавала свой победный крик, даже на улицах их столицы.

Великий князь Константин, которому удалось восстановить польскую армию столь же красивой и дисциплинированной, как наша, отсутствовал; его супруга, княгиня Лович, находилась в Варшаве одна. Я поспешил высказать ей свое почтение, и был восхищен ее благородной и приветливой манерой держаться.

Оттуда я направился в Дрезден. Дороги везде зависели от времени года, март месяц бесполезно пытался скрыть следы зимы; снежные сугробы, особенно глубокие в том году, сделали весьма труднопроходимыми горные перевалы. Я поехал в город Байрейт, где во времена моей юности провел в пансионе 3 года, и который с тех пор не посещал. Я почувствовал непомерное желание вернуться туда. Прибыв в город вечером, и горячо желая увидеть каждую его улицу, каждый дом, я остановился в той же гостинице, в которую я приехал со своими родителями 28 лет назад.

Ранним утром следующего дня я отправился на поиски священника церкви, в которой каждое воскресенье молился во время учения в пансионе, я попросил его исповедать меня. Никогда не чувствовал я этой необходимости с такой силой, я вернулся в город, из которого вышел в мир, я вновь находился здесь, здоровый и счастливый, после 28 лет деятельной жизни, опасных путешествий и кровавых войн. Затем я посетил дом, где располагался пансион, и с любопытством и удовольствием совершил экскурсию по городу, о котором на всю жизнь сохранил самое приятное впечатление.

Вечером я отправился в путь, проехал через Нюрнберг и, наконец, прибыл в Штутгарт. Мой бедный брат не сомневался в моих дружеских к нему чувствах, он был уведомлен о моем приезде и ждал меня. Переполнявшая его боль ужаснула меня. Он остался в той же квартире, где умерла его жена, не тронув ничего из обстановки, он разговаривал со своими детьми[89] об их матери так, как если бы она была жива. Видя это, мое сердце разрывалось. Я все более убеждался в необходимости быть здесь для того, чтобы оказать ему братскую помощь. Я видел, что совершенно необходимо удалить его из этого места, где он все потерял, и я безо всякого труда решился предложить ему вернуться со мной в Россию. Небольшая политическая ссора с королем Вюртембергским стала для него полезным развлечением. Он с усердием взялся за исполнение привезенных мною инструкций. Король осыпал меня любезностями и знаками внимания; он часто приглашал меня к своему столу, предлагал мне пользоваться его экипажами и поручил своему обер-шталмейстеру сопровождать меня во всех ознакомительных поездках по городу и его окрестностям. Но когда он красноречиво уверял меня в своей преданности Императору, я в ответ молчал; когда он в таком же духе говорил мне о своих политических принципах, я переадресовывал его к моему брату. Он ошибся в своих расчетах, по моему молчанию он должен был убедиться в совершенном неудовольствии, которое его нелепая нота вызвала со стороны Императора.

Я покинул брата на 3 дня для того, чтобы съездить в Карлсруэ, чтобы передать письмо Ее Величества Императрицы Елизаветы к госпоже маркграфине, ее матери[90]. Я нашел ее вместе с королевой Швеции[91], сестрой нашей Государыни; она поразила меня своей красотой и обходительными манерами. Ее сын[92], напротив, казалось, не был рожден для того, чтобы вновь занять трон Вазы, низвергнув с него солдата французской революции.

Я вернулся в Штутгарт, тем временем мой брат подготовился к путешествию, он расстался с могилой своей жены и с трудом покинул своих двух молодых детей и город, в котором был столь счастлив, и где потерял все свое счастье. Мы поехали по дороге на Вюрцбург и Эрфурт, затем на Веймар. Там мы сделали остановку на один день для того, чтобы представиться великой герцогине Марии[93]; она приняла нас с добротой и участием, великий герцог и вся семья оказали нам знаки внимания.

В Лейпциге мы с моим братом расстались на 3 дня, он не хотел ехать через Берлин, поскольку воспоминания об его свадьбе, состоявшейся в этом городе, были еще слишком живы в его разбитом сердце. А я должен был посетить прусского короля и получить его приказы, предназначенные Императору. Мы встретились с ним в Потсдаме в день предпасхальных молитв. Тем не менее, он любезно принял меня и выказал ту предупредительность, с которой встречал все, что исходило от императора Александра. Принцы и королевская свита также оказали мне самый дружеский прием. В Берлине я провел только 36 часов, желая поскорее вновь увидеть брата, с которым мы договорились встретиться в Кюстрине. Там мы покинули мощеные дороги и начали крайне неприятное путешествие по путям, полностью разбитым началом весны. В Риге мы едва не оказались в воде, когда пересекали Двину на хилой шлюпке при ветре, который почти в то же самое время перевернул большую барку, и река поглотила многих людей. Наше прибытие в Ревель задержалось также из-за необходимости пересекать небольшие речушки, которые в это время вышли из берегов и были полны льда, что увеличивало наши трудности. Наш старый отец был на вершине счастья, увидев нас, он передал брату свои соболезнования и поплакал вместе с ним. После 4 дней отдыха в Ревеле мы продолжили путь в Петербург, мне не терпелось вновь увидеть жену и детей.

Император благосклонно принял моего брата, он полностью одобрил мое решение привезти его сюда. Брат жил у меня, здесь он нашел все знаки дружеского участия. С наступлением теплых дней он с моей женой уехал в Эстляндию, где должен был провести лето с моим отцом. Я оставался в городе, готовясь к выезду в лагеря и к маневрам в Красном Селе, когда получил по эстафете сообщение, что мой отец находится при смерти. Я выехал в тот же день. На почтовой станции перед Калеком, где жил отец, меня ожидала моя жена. По ее лицу я понял, что должен отказаться от надежды найти живым лучшего из отцов.

Для моего сердца стал ужасным этот удар, к которому, я, казалось, должен был подготовиться в последние годы. Осведомленный обо всем и без надежды, я приехал в тот дом, где столь часто был счастлив любовью своего отца. Я

прибыл как раз вовремя, чтобы отдать ему последний долг. Вся Эстляндия принимала участие в нашем горе. Все, большие и маленькие, богатые и бедные потеряли в его лице друга, источник поддержки, человека любезного и приятного. Его репутация была чистой во всех жизненных обстоятельствах, он был доволен своими детьми, все мы вышли в люди. Он пользовался общественным уважением, до последнего дня сохранил светлый ум и свежесть чувств. Остаток лета я провел с женой и детьми в небольшом имении, в 6 верстах от дома, где умер мой отец. Там он заботливо приготовил для нас очень приятное жилище на берегу моря. Мы сами разбили там небольшой сад с аллеями. Воздух был свеж, и место очень красиво. Кузина моей жены графиня Сиверс с детьми приехала сюда разделить нашу печаль. Если бы смерть дорогого отца не печалила меня, то пребывание здесь было бы одним из самых приятных в моей жизни.

* * *

Осенью мы вернулись в город. Моего брата направили к границе встретить принцессу Шарлотту Вюртембергскую[94], которая приехала для того, чтобы выйти замуж за великого князя Михаила. Это поручение было тем приятнее моему брату, так как именно он в Штутгарте вел переговоры об этом союзе. Прибывшая принцесса произвела сенсацию своим умом, скромным поведением и своими суждениями по злободневным вопросам, которые она высказывала во всех своих беседах. Через несколько месяцев она вышла замуж и приняла имя Елена.

Как только снег покрыл землю, я попросил отпуск для того, чтобы съездить с членами своей семьи в Харьковскую губернию отдать визит своему тестю. Мы проехали через Москву, где остановились на несколько дней. Оттуда жена поехала дальше, а я направился в Тамбовскую губернию, чтобы посетить земли, которые мы с братом унаследовали от отца. Тамошних крестьян я нашел в состоянии замечательной зажиточности, они чтили память нашего отца и просили только о продолжении своей счастливой жизни, благами которой он предоставил им пользоваться. Я проехал через Тамбов и Воронеж и к новогодним праздникам приехал в Водолагу. Моя жена прибыла туда накануне, там собралась вся ее семья, и мы провели вместе несколько в высшей степени приятных недель.

1824

Мой отпуск подходил к концу, а состояние здоровья моей жены, плохо переносившей начало беременности, заставило меня оставить ее у родителей и в одиночестве вернуться в Петербург. Я прибыл по последнему снегу и активно продолжил военные занятия.

С возвращением хорошей погоды весь Гвардейский корпус отправился в лагеря в Красном Селе. Император приказал, чтобы каждый дивизионный командир

Петербург. Арка Главного штаба

показал ему свою дивизию еще до начала маневров. Он имел милость остаться очень довольным состоянием кирасир, находившихся под моим командованием, и я был счастлив получить его одобрение. Ведь я в первый раз стоял перед этим войском, и в первый раз оно представлялось Императору целиком и отдельно от других. В тот момент, когда я подходил к нему, чтобы отдать рапорт, он чрезвычайно благосклонно сказал мне: «Мы с Вами давно знакомы, Ваша репутация не зависит от хороших или плохих упражнений. От них для Вас ничего не поменяется, в том числе, мое доверие. Постарайтесь не замечать меня и действуйте по своему усмотрению».

Едва началось первое движение, как он приблизился ко мне со словами одобрения. Такие действия, а также присущая лишь ему и вызывающая доверие любезность объясняли страх, который он внушал всему свету, и преданность, которую к нему питали.

После снятия с лагеря и завершения праздника, состоявшегося 22 июля, я поспешил к жене в Водолагу. Я приехал на следующий день после родов, жена подарила мне третью дочь[95], которая появилась на свет столь же удачно, как и первые две. К счастью, их мать чувствовала себя настолько хорошо, насколько позволяло ее положение. После восстановления состояния ее здоровья, мы отправились

на несколько дней в Константиновку к нашему отцу, куда нас сопровождало все ее доброе и любезное семейство.

Наконец, надо было возвращаться в Петербург, следуя туда по дороге, которая уже начала портиться от осенних дождей. В Москве моя жена забрала старшую дочь у своей свекрови. Все предшествовавшие этому расставанию дни были наполнены слезами и напутствиями. Чтобы не быть свидетелем этого, я выехал заблаговременно и прибыл в Петербург на несколько дней раньше моего небольшого семейства.

В это же время Император вернулся из поездки по части Сибири. Через несколько дней, 7 ноября, я был при нем на дежурстве. В тот момент, когда я появился во дворце, вода уже затопила подвалы, ветер дул с ужасающей силой и начал гнать воду в реке против течения. На башне Адмиралтейства уже развивался красный флаг, как первый сигнал опасности. Через канализационные трубы вода начала просачиваться на улицы. Залп крепостных пушек донес сигнал тревоги до самых отдаленных кварталов города. Ветер постоянно усиливался, он уже поднял вверх по течению остовы и обломки лодок, вода приблизилась к уровню набережных, наконец, был поднят белый флаг, как знак неминуемой опасности.

Очень скоро улицы наполнились водой, со всех сторон непогода несла волны, и они бились о стены домов. Дворцовая площадь превратилась в бурное озеро, еле успели спасти часовых, которые покинули свои посты только после получения приказа своих командиров. Везде были видны люди, спасающиеся в домах; экипажи ускоряли свой ход в поисках более высоко расположенных улиц, которые могли бы предоставить им убежище.

Все глаза были устремлены на Неву, казалось, что эта величественная река собиралась обрушиться на столицу, в течение столетия украшавшую ее берега. Не было никакой защиты против вздымавшихся волн. Все с ужасом наблюдали за усилением наводнения. По улицам гуляли лишь волны и ветер, горожане полностью их покинули и молили бога о защите. Тем временем непогода усиливалась, вода стремительно поднималась, река все больше покрывалась пеной и различными обломками. Дюжина больших барок, стоявших около Академии, сорвалась с привязей и была брошена выше по течению на Большой Васильевский мост. Из окон дворца мы видели, как эта масса ударила и с яростью проламывала опоры, из которых состоял мост. В мгновение ока барки и мост разбились друг о друга, обломки были выброшены на гранит набережной и увеличили собой количество разных осколков, уже плававших на Неве. Император увидел, как группа людей цеплялась за остатки одной из этих барок, ветер быстро пронес их перед его глазами. Он срочно отправил лакея передать его приказ дежурным морякам Гвардейского экипажа взять его личную шлюпку и спасти этих несчастных. В этот момент я вошел в комнату, где Император с болью смотрел на стихию, угрожавшую его столице. Он с волнением приказал мне пойти ускорить отплытие шлюпки и приободрить офицера. Изо всех сил я побежал по огромным залам, кубарем скатился по парадной лестнице, подбежал к причалу и был возмущен тем, что

офицер, действительно очень молодой, и матросы колебались броситься в воду. Я вышел вперед, сказав им, что на них смотрит Император. Все последовали за мной, вода была нам по плечи, когда мы достигли шлюпки, бившейся о парапет набережной. После нескольких усилий лодка покинула причал, и ветер яростно потащил нас против течения реки. На уровне Мраморного дворца мы, наконец, нашли несчастных, которые скоро должны были утонуть. Не без большого труда нам удалось забрать их в шлюпку, в которую с разных сторон ударяли плававшие на воде обломки, и которая качалась так сильно, что матросам трудно было грести.

Я хотел было вернуться во дворец, но все наши усилия оказались тщетны, весла ломались, руль не действовал, а ветер в каждое мгновение грозил опрокинуть шлюпку. Его стремительность была непостижима; мимо нас стрелой проносились огромные баржи, двухмачтовые корабли и целые караваны, у нас даже не было возможности избежать столкновения с ними, если бы случайно их бросило на нас. Испуганные и уставшие от бесцельных усилий матросы своим колеблющимся поведением убедили меня в том, что опасность огромна. Мы дрожали от холода. Ветер студил наши тела, проникая сквозь мокрую одежду. Я приказал взять курс по ветру, против которого хотел бороться. В один миг нас отбросило за второй мост, который уже был разбил. Тут мне пришла счастливая мысль войти в Малую Невку; гвардейские моряки удвоили усилия, надежда на спасение вернула им силы, и после нескольких минут гребли нос нашей шлюпки вошел в черные ворота дома на берегу реки рядом с Самсоньевским мостом. Укрывшиеся на верхних этажах жители дома ответили на нашу просьбу открыть окно, но шум ветра помешал нам услышать, что нижний этаж закрыт, и они не могут туда войти. Приняв их жесты за отказ, и умирая от холода, я приказал выбить одно окно. Два матроса взобрались по балюстраде и разбили стекла. Мы вошли в уже заполненную водой комнату: дверь оказалась запертой, так что пришлось сломать и ее. Наконец, мы нашли лестницу, которая привела нас в теплые комнаты. Хозяин и хозяйка встретили нас со всей сердечностью, которую заслуживало наше положение. Я заставил матросов выпить водки, и мы немного обсохли у кухонного очага. Нам сказали, что жильцы нижнего этажа отправились спасать козу, составляющую все их состояние. Подтопленные лавки угрожали их владельцам неизбежной смертью. Мы снова сели в шлюпку и вскоре достигли указанного места, где 6 человек ожидали своей смерти, когда мы их счастливо спасли. Мы снова вернулись к дому, который стал нашей гаванью, где я и 16 человек экипажа разделись, чтобы обсохнуть окончательно.

Только стоя у окна, из которого открывался широкий вид, я увидел и понял, какое ужасное бедствие обрушилось на Петербург. Со всех сторон волны несли обломки жилищ, предметы обстановки, выломанные из могил кресты. Все вокруг предвещало разрушения и смерть — плывущие и тонущие лошади и рогатый скот, завывание ветра и пена на волнах. На реке не было ни одной шлюпки, та, на которой был я, оказалась единственной, продвигавшейся в эту ужасную непогоду, разгул которой сделал бесполезной всякую помощь.

Тем временем, со своего балкона Император наблюдал это всеобщее опустошение. Вся его душа и могущество не могли дать против него лекарства. Он послал своего дежурного адъютанта отдать приказ морскому батальону спустить на воду все шлюпки, которые можно было найти. С угрозой для жизни, частично верхом, частично по шею в воде, адъютант добрался до казарм. Матросы очень старались выполнить приказ, но как обычно в конце сентября с судов была снята оснастка, и их поставили в доки Адмиралтейства. Вода проникла и туда, все улицы были настолько запружены бревнами, которые наводнение принесло с верфей, что было невозможно спустить шлюпки в воду. Шлюпки Сената и частные суда были или разбиты, или сорваны с якорей, или брошены их владельцами, которые больше думали о спасении своего скромного имущества, своих жен и детей, чем о плавании наугад по разбушевавшейся Неве. Нашли только одну сенатскую шлюпку, которую отправили на наши поиски, больше от нее не было известий.

В два часа пополудни вода начала спадать; ветер, еще очень сильный, не мог больше гнать воды реки против течения. Они стремились вниз со все возрастающей силой, и, наконец, течение превозмогло неистовость ветра, и река вернулась в свои берега почти столь же стремительно, как раньше вышла из них. Я счел возможным воспользоваться первыми признаками падения воды для того, чтобы вернуться во дворец. Мы сели в шлюпку, но ветер и особенно обломки, покрывавшие всю поверхность Невы, представляли собой те же препятствия и те же опасности. После часа упорной гребли и, видя, что приближается ночь, я принял решение в третий раз вернуться в тот же дом, который служил нам пристанищем. Мы окончательно обосновались в нем, пока ветер бесповоротно не утих. В три часа утра мне сообщили об этом, и мы направились во дворец.

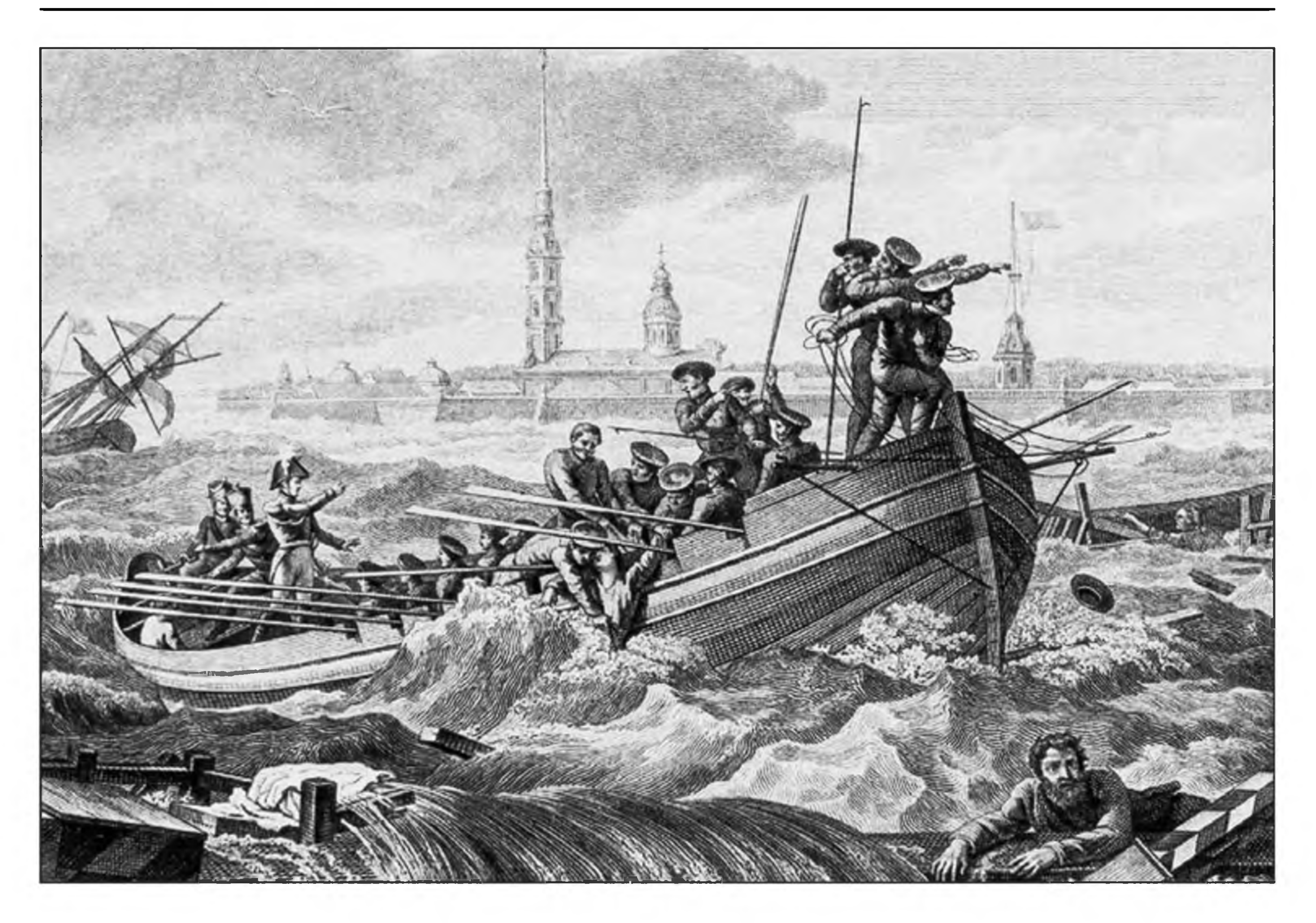
Вслед за бурей наступила ужасающая тишина, вода была спокойна, течение реки мирно несло обломки разрушений минувшего дня. Над Невой слышался только шум наших весел, улицы были пустынны, фонари погашены, казалось, что мы плыли среди заброшенных руин.

Приблизившись к дворцу, мы услышали голос, спросивший нас, не мы ли та шлюпка, которая уплыла со мной, и жив ли я. Это оказался мой шурин Захаржевский, который много часов один и в печали бродил по набережной, почти потеряв надежду увидеть меня снова.

Мы сердечно обнялись. Он рассказал, что меня посчитали утонувшим, что Император был очень доволен моей преданностью и очень беспокоился о моей судьбе. Благодаря его милосердному приказу, моя жена еще ничего не знала об опасности, которой я избежал.

Вернувшись во дворец, я застал все службы в готовности оказать мне всяческую помощь. Император приказал разбудить его, как только будут получены от меня известия, но так как он только что заснул, я попросил пока ничего не предпринимать. В шесть часов утра меня впустили в его кабинет.

— Я всегда Вас любил, — сказал он мне, — но теперь я люблю Вас от всего сердца.

Наводнение в Петербурге в 1824 году

Эти слова произвели на меня впечатление, несоизмеримо большее, чем я мог бы выразить. Он обнял меня и начал детально расспрашивать обо всем, что со мной случилось, и о разрушениях в городе. Он еще не получил отчетов ни о количестве жертв, ни даже о положении дел в городе и окрестностях. Его отеческое сердце заранее страдало и сожалело о тех тревожных известиях, которые этот день должен был ему принести.

Не успел я выйти его кабинета, как он послал мне богато украшенную табакерку со своим портретом и 50 тыс. рублей, морской офицер, спустивший шлюпку, был награжден владимирским крестом, а матросам была роздана 1000 рублей.

Военный губернатор[96] принес донесения о положении в городе, со всех сторон стекались сведения, они свидетельствовали только о несчастии, опустошении и жалобах. Повсюду несчастья усугублялись суровой погодой, тысячи жителей остались без крова, беззащитные перед морозом и нищетой. На всех этажах складов была грязь, крыши были сорваны, предметы обстановки, припасы, продукты питания были уничтожены или испорчены. Дома всего населения пригородов и деревень по берегу залива оказались смыты, разбиты или почти уничтожены, люди взяли своих детей и с плачем наполнили улицы столицы.

Принадлежавшая казне железоделательная фабрика, находившаяся в окрестностях Екатерингофа, строения которой были низки и частично разрушены, была

полностью затоплена. Рабочие с женами и детьми нашли убежище на крыше и видели надвигавшуюся вместе с волнами свою смерть. Очень немногие их них спаслись, 148 человек утонули под обломками своих жилищ.

Улицы были забиты предметами обстановки, которые пытались спасти, кусками дерева и обломками, мостовые были разрушены, все население вышло на улицы, чтобы узнать что-нибудь о судьбе своих родных и друзей, и чтобы своими глазами увидеть тот беспорядок, который вчерашнее наводнение оставило почти во всех частях города.

Вернувшись домой, я нашел там полный беспорядок, мои лошади были спасены благодаря присутствию духа моей жены, которая приказала поднять их на второй этаж, сараи были разбиты, кухня и комнаты прислуги, находившиеся на первом этаже, были полностью опустошены.

Настало время исправлять положение, император срочно назначил трех временных военных губернаторов[97] в три района города по ту сторону реки, мне достался Васильевсий остров, кварталы по левому берегу Невы были поручены членам Сената, в наше распоряжение были выделены денежные суммы.

Я немедленно выехал к новому месту назначения и расположился в казармах Финляндского полка, солдаты которого под командованием достойного генерала Шиншина уже трудились над уборкой главных улиц и оказывали помощь жителям.

Состояние, в котором находилась вся эта часть города и особенно квартал Галерных улиц, не поддается описанию. Более 100 домов было разрушено, другие были сдвинуты со своих мест и перегораживали улицы, остатки мостов, набережных, проездов для извозчиков, строительный материал и дерево для отопления были в беспорядке разбросаны на улицах и в общественных местах. Лодки и двухмачтовые корабли были выброшены на берег и после того, как они разбили многие дома, оказались на сухом месте значительно дальше, между жилыми домами. Даже у Галерного моста все было разрушено, строения налетели одно на другое и разбились у гранитной набережной канала и у каменных доков, в которых зимой укрывались верфи. На русском, немецком и армянском кладбищах надгробные памятники были перекошены или опрокинуты, мраморные блоки передвинуты, могилы затоплены, все кресты снесены, многие гробы оказались на поверхности, они были унесены волнами и выброшены на невероятном расстоянии. Министр Финляндии граф Ребиндер только через несколько дней нашел гроб с телом своего отца, который волны унесли в екатерингофский лес. На каждом шагу на улицах, во дворах, под обломками находили несчастных утонувших, только на Васильевском острове их было сто дюжин.

Рано утром следующего дня император прибыл для того, чтобы увидеть все собственными глазами. Его душа разрывалась от несчастий подданных, когда он, двигаясь пешком, увидел всю полноту разрушений. Люди благословляли его, осеняли крестным знамением и находили утешение в ангельских чертах прекрасного лица своего государя. Он останавливался для того, чтобы поговорить с наиболее обездоленными, распоряжался о помощи, которую следовало им оказать,

и дал мне полные полномочия в наиболее скором и благородном вспомоществовании при всякой нищете. Ближе к концу дня он вошел в кладбищенскую церковь, где был встречен рыданиями родственников, которые принесли туда для погребения бренные останки своих отцов, мужей и жен. Глаза императора наполнились слезами, и он пожал мне руку, сказав мне: «Это очень печально! Сделайте все, что будет в Вашей власти для того, чтобы облегчить все эти несчастья, я рассчитываю на Ваше доброе сердце». Это поручение никогда не изгладится из моей памяти. Мое рвение удвоилось, я пригласил к себе торговцев Васильевского острова и мы с ними рассмотрели способы оказания немедленной помощи. Мы решили и безотлагательно стали осуществлять следующие меры: 1) большое здание биржи будет превращено в госпиталь для самых бедных, где они смогли бы найти пристанище, пищу и одежду; также они смогли бы получить там необходимые средства и материалы для скорейшего возобновления работы по своему ремеслу; 2) каждый домовладелец возьмет к себе несколько человек и будет их кормить несколько дней; 3) всем врачам будет дан приказ бесплатно лечить бедных больных своего квартала; 4) аптекари будут отпускать все лекарства по простым рецептам любого врача бесплатно, плату они будут получать с меня в конце месяца; 5) в трех местах острова будут накрыты столы более, чем на 800 человек, во всех кварталах будут раздавать хлеб; 6) на следующий день все бедные будут одеты в теплые шубы, шапки и сапоги, белье будет роздано даже самым маленьким детям; 7) я назначил двух полковников, нескольких офицеров и младших офицеров, чтобы возглавить работы по восстановлению и постройке как домов, так и мостов, заборов и крыш. Немедленно закипела работа и, несмотря на холод и трудности найти нужное количество рабочих, я почувствовал удовлетворение, видя продвижение работ вперед на восточных улицах.

1825

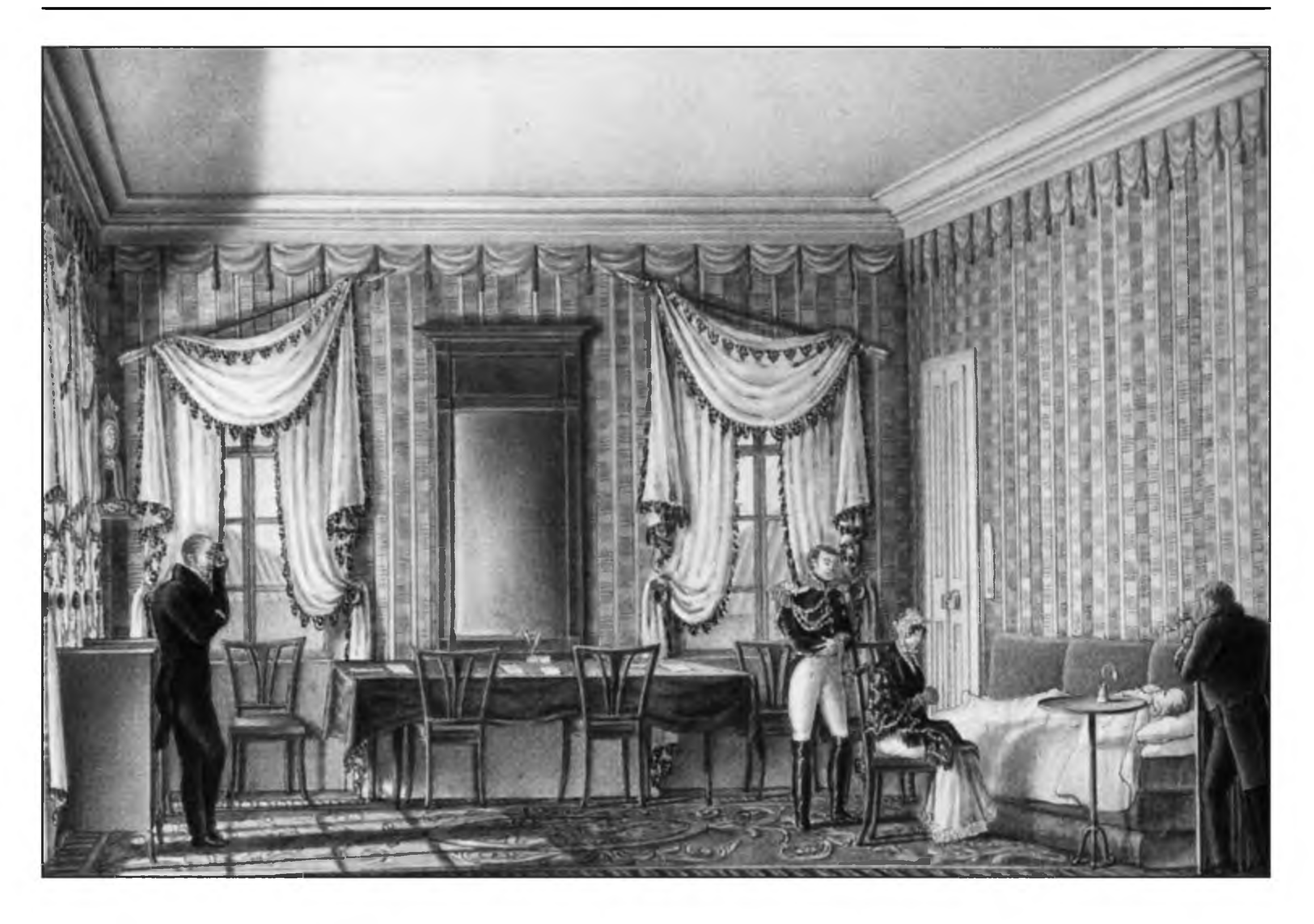
Тем временем приходили сведения об ущербе в каждом доме, об убытках на каждой фабрике и в каждой лавке. Деньги приходили со всех сторон, и по мере возможности мы расселяли в домах семьи в соответствии с их положением и количеством детей. Я велел раздать более 300 коров с тем, чтобы дети получали более здоровую пищу. Таким образом, были использованы все способы для скорейшего исполнения спасительных приказаний лучшего из государей. Я чувствовал удовлетворение от того, что заслужил его похвалы, и от того, что все население было довольно теми мерами, которые были мною предприняты. Не далее, как через три месяца слезы были осушены, дома, мосты и заборы восстановлены, и подданные благословляли своего императора.

* * *

Летом возобновились поездки и пребывание в Лифляндии, куда моя жена с нашими детьми уехали провести теплое время года в небольшом имении Зильтер. Я отправился к ним после окончания сборов в Красносельском военном лагере и привез к ним свою сестру графиню Ливен. Она на несколько месяцев покинула своего мужа и Великобританию с тем, чтобы напомнить о себе императорской семье и повидать родных, с которыми она не встречалась целый год. 30 августа в день именин государя я приехал в Петербург, желая получить у него отпуск. В это время он со своей супругой уезжал в Таганрог и покидал Петербург не подозревая о том, что снова увидит его только из гроба. Я имел счастье получить у него отпуск в его кабинете на Каменном острове, он благосклонно принял меня, произнес в высшей степени ласковые и теплые слова, а также обнял меня с сердечностью, от которой у меня на глазах выступили слезы. Было что-то грустное в этом расставании, в приготовлениях к поездке, во всех окружающих, и в особенности в самом императоре, который, видимо, предчувствовал несчастье. В день его отъезда все смотрели друг на друга с тревогой, его собственный взгляд был хмурым и даже суровым. Все это отнесли на счет болезни императрицы Елизаветы, которая казалась слабой и почти приговоренной врачами к смерти. Но стоило императору покинуть столицу, как из уст в уста стали передаваться смутные слухи о том, что он сбежал из Петербурга и от высшего света, что он устал царствовать, что он хочет отречься, что он не любит России и передает ее в неумелые и ненавистные руки графа Аракчеева. Каждый день появлялись новые тревоги, в свете были испуганы, чиновники оробели, недоброжелатели раздували пламень недовольства, честные люди, предвидя большие осложнения, стремились отойти от дел для того, чтобы избежать мощного влияния временщика, которого уже не называли иначе, как Визирем. Все перешептывались и предсказывали несчастья, Петербург и двор замерли в молчании, которое предвещало грозу.

Это молчание было нарушено 25 ноября письмом генерала Дибича, в котором было объявлено империи о безнадежной болезни ее государя, еще вчера столь могущественного, молодого и крепкого. Глубокая печаль легла на все лица. Опасения несчастий, которые должны были начаться с его смертью, не позволяли пока верить в нее и задержали пролитие слез.

Все устремились во дворец для того, чтобы узнать последние новости и найти там утешение. Я видел заплаканного великого князя Николая и его супругу, императрица-мать была безутешна. Все и ожидали, и опасались следующей новости, общественные места, лавки, театры позакрывались, церкви открылись и заполнились людьми, которые пришли туда молить господа о выздоровлении своего господина. Угрожавшая ему опасность наполнила все сердца любовью и благодарностью, не вспоминали ни о чем, кроме его побед, его ангельской доброты, его благодеяний, особенно вспоминали его любезное внимание, которым он одарил за 25 лет царствования почти каждую семью. Все то, за что его еще несколько дней назад сурово осуждали, — удаление от дел, вызванный этим беспорядок

Смерть Александра I в Таганроге

в управлении, даже его любимец, все было забыто. В его смерти видели только несчастье, а в его выздоровлении — только всеобщее благо.

В будущем его наследником видели великого князя Константина, который за двенадцать лет отдалился от России и был женат на польке[98]. Считалось, что он не любит России и не понимает интересов своего народа. В приглушенных разговорах наследником престола называли великого князя Николая, но его не любили, так как он вечно был занят военными делами, и демонстрировал суровость, которую считали свойством его души, и которая в общественном мнении затмевала качества его разума. С другой стороны, каким образом младший брат мог бы занять место старшего? Захочет ли этот последний покинуть Варшаву? Сможет ли его католичка-жена стать императрицей всероссийской? Некоторые уже предвидели раздоры в императорской семье, расчленение империи, гражданскую войну, нападение со всех сторон на наши границы внешнего врага, который поспешит воспользоваться временной слабостью русского великана.

Казалось, все должно было обрушиться, когда бессильно упала эта умелая рука, которая освободила Европу, которая вслед за своим триумфальным входом привела в Париж всех государей и их армии, которая с тех пор поддерживала политическое равновесие в мире и которая на протяжении четверти века спокойно держала вожжи в самой большой империи на свете. Министры, генералы,

гвардия, армия — все были учениками императора, все были обязаны ему своим существование и своей славой, все верили, что будут жить с ним еще четверть века.

27 ноября все общество собралось в Александро-Невской лавре, чтобы молить господа не отнимать у них еще столь молодого и обожаемого государя. Все собравшиеся горячо молились о его выздоровлении, когда в храм вошел начальник штаба гвардии генерал Нейдгард, приблизился к командующему гвардией генералу Воинову и сообщил ему, что нашим государем стал император Константин. Служба была прервана, все с ужасом переглядывались, со всех сторон слышались рыдания. Священнослужители удалились в алтарь, и все вышли из этой церкви, в которой наши молитвы не были услышаны. Ровно год назад в этот день и час, в том же храме император Александр отдал последний долг старейшему своему генерал-адъютанту начальнику гвардии генералу Уварову, одному из участников заговора на жизнь его несчастного отца Павла I. Это сравнение меня потрясло.

Мы бросились во дворец, царившее там волнение не подавалось описанию. Великий князь Николай с заплаканным лицом сказал нам: «Я присягнул на верность императору Константину. Идите в Штаб гвардии, последуйте моему примеру, а затем заставьте присягнуть верные Вам войска». Ни у кого не было времени на раздумье или на промедление под тяжестью случившегося несчастья. Никто не подумал о том, что не было приказов от великого князя, о том, что нужно было бы узнать последнюю волю императора Александра, который оставил за собой право назначить преемника. Только князь Александр Голицын попытался остановить этот порыв и заговорил о завещании. Но генерал-губернатор города генерал Милорадович уже привел к присяге дворцовую гвардию, и мы вместе с остальными направились в Штаб, будучи избавлены от необходимости обагрить руки кровью для того, чтобы поклясться в верности новому Государю. Зачитывая текст присяги, слова которой мы должны были повторять, священнослужитель плакал вместе с нами. Собранные второпях войска приняли присягу, этому порыву покорно последовали вся столица и вся империя. За этими первыми событиями последовало хмурое молчание и истинная печаль, только очень немногие не были обеспокоены будущим и не предвидели только несчастья. Эти стремительные перемены опрокинули все общие и частные комбинации. Тем временем члены Совета собрались вместе и, прежде чем последовать общему примеру, распечатали конверт, который несколько лет назад император Александр доверил им на хранение, с предписанием вскрыть только после его смерти. Конверт был передан на хранение в Сенат, митрополиту Петру и Св. Синоду и с общего согласия находился в кремлевском соборе в Москве. Чтение этого таинственного документа показало Совету, что по воле императора Александра в соответствии с формальным завещанием великого князя Константина трон должен был перейти к великому князю Николаю. Акт отречения великого князя Константина не вызывал больше сомнений, в соответствии с его намерением не царствовать и отказаться от всех прав, корона переходила к его брату Николаю. Но он был первым, кто поклялся

в верности Константину*. Сенат последовал его примеру, а хранившийся там документ еще не был вскрыт. Министр юстиции Лобанов вопреки всем традициям принял такое решение, члены Сената уже избрали депутацию для поездки в Варшаву с тем, чтобы высказать Константину свою преданность.

Тем временем члены Совета были верны своему долгу и уважали последние распоряжения недавно скончавшегося государя. Они видели незаконность присяги, которую великий князь Николай единственный принял столь поспешно, и собрались у него, взяв с собой завещание императора Александра и отречение Константина. Они ему заявили, что могут присягнуть только ему. «Если Вы признаете меня Вашим господином, — ответил им Николай, — так повинуйтесь моей воле. Я принес присягу моему брату, сделайте тоже самое». Совет попросил разрешения повидаться с императрицей-матерью для того, чтобы узнать от нее самой, какого мнения она придерживается по вопросу о наследовании престола в настоящем случае. Как мать недавно скончавшегося императора России и мать принца, которому предстоит ему наследовать по акту завещания, и мать того, кто только что был провозглашен императором, в этот момент столь же важный, сколь и исключительный, она призвана высказать решающее для Государственного Совета мнение. Великий князь лично проводил их к своей матери, она была вся в слезах, но спокойна, как Дева Мария, которая покорно повинуется небесным предначертаниям. Она произнесла несколько слов по поводу утраты, понесенной недавно империей и ее материнским сердцем, затем она собрала все свои силы и сказала Совету: «Николай выполнил свой долг, он дал России великий пример того, что наследование престола не подлежит обсуждению, что оно предопределено самим богом по старшинству рождения. Я, как и он, признаю Константина государем. Далее. Константин выполнит свой долг, я в этом не сомневаюсь, но принцип должен быть подтвержден». Члены Совета были в восхищении, они были счастливы повиноваться столь достойно царствующей фамилии и направились в церковь для того, чтобы принести присягу императору Константину.

Но он был в Варшаве в окружении поляков, которые должны были желать видеть его на российском престоле, он был окружен также и русскими, которые, стремясь повлиять на него, были заинтересованы в его согласии принять скипетр, который ему смиренно предлагали без малейших затруднений и малейшего соперничества. В армии, в губерниях, везде ему присягали на верность, вся империя признала его своим законным государем. Столичные придворные уже основывали свои надежды на будущее на готовности порхать вокруг тех людей, которые были известны своим знакомством с новым государем. Все делалось от его имени, уже торжественно провозглашали день его прибытия в Петербург. Все были восхищены благородным и выдержанным поведением великого князя Николая. Тем временем суждения, опасения и надежды разделились. Все достойные люди, искренне преданные своей стране, все те, кто знал великого князя Константина,

* Зачеркнуто: «и тем самым вовлек в это дело гвардию, Сенат и все население».

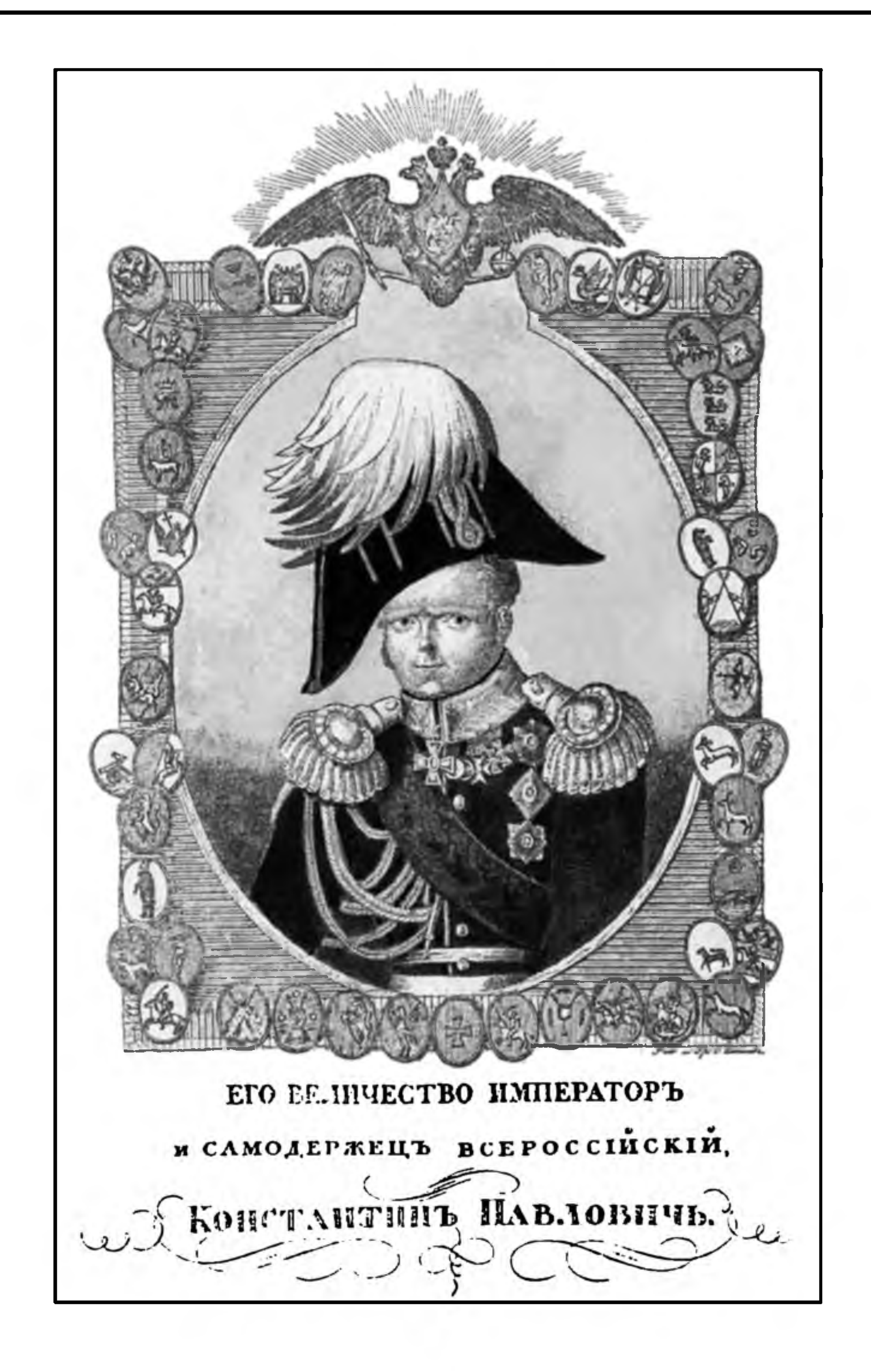
опасались его царствования и видели в нем только бедствия и преследования. Они пылко желали, чтобы верный своему решению он отказался от предложенного ему трона. Великий князь Николай внушал больше доверия, его лояльное и твердое поведение с каждым днем увеличивало ряды его сторонников. С другой стороны партия императора росла за счет всех тех, кого уверенность в том, что он сохранит свой титул, заставила оробеть или замолчать, к ней присоединялись либеральные крикуны, которые предсказывали беспорядки во время его царствования и которые уже узнали твердость великого князя Николая.

Позорное общество, о котором я уже упоминал императору Александру в бытность мою начальником штаба гвардии[99], не веря, впрочем, ни в его важность, ни в особенности в его влиятельность, достаточно открыто пользовалось теми распрями, которые, как они считали, должны были бы стать следствием такого положения дел и такого рода междуцарствия. Они подготавливали самые черные планы, включая уничтожение царской семьи и те потрясения, которые должны были от этого последовать. Начальник штаба граф Дибич прислал из Таганрога свои соображения о деятельности именно этого общества, ответвления которого появились в нескольких армейских корпусах, и о котором император Александр накануне своей кончины получил тревожные сведения.

Говорили, что в Петербурге и, в особенности, среди молодых офицеров гвардии началось брожение, говорили, что во второй раз они не будут принимать присягу, что нельзя таким образом играть с судьбой империи, что в связи с тем, что они уже признали государем императора Константина, было бы низостью признавать таковым другого человека. Ходили даже слухи о том, что великий князь Николай сожалел о шаге, предпринятом им в первом порыве благородства, о том, что он собирался его исправить, неожиданно провозгласив себя государем. Говорили, что ему надо опасаться своих соблазнов и других подобных вещей, с тем, чтобы не вводить в заблуждение и не раскалывать общественное мнение и особенно доверие гвардии.

Находившийся до этого в Варшаве великий князь Михаил в этих обстоятельствах вернулся, и так как было известно о проявленной им искренней преданности новому императору, все бросились наперегонки представляться ему с тем, чтобы узнать новости о приезде императора. Но он скрылся в небольших апартаментах в Зимнем дворце и не хотел никого принимать. Такое поведение увеличило подозрения и неуверенность, а также придало храбрости злоумышленникам. С каждым днем количество их сторонников увеличивалось, и они все ближе подходили к офицерам и солдатам гвардии. Великий князь Николай постоянно говорил об императоре с прежним уважением, с другой стороны, великий князь Михаил привез ему из Варшавы ясное подтверждение того, что великий князь Константин настаивает на своем отречении. В то же время он не чувствовал себя вправе опубликовать его в виде манифеста, пока он не принял корону.

Положение становилось все более критическим, великий князь Николай уже не мог более сомневаться, что он призван царствовать, в то же время его

Император Всероссийский Константин Павлович

старший брат получил присягу его и всей империи и не хотел ничего сделать, чтобы освободить нацию от нее. Все происходящее держалось в самой глубокой тайне, но все же была допущена неловкая оплошность, когда в официальной газете было напечатано сообщение о том, что император чувствует себя хорошо и вскоре приедет. В ожидании этого был составлен манифест о вступлении на престол императора Николая, были сделаны все необходимые приготовления и заговорщики увеличивали свою численность и ускоряли работу. Генерал-губернатор мужественный, но непоследовательный граф Милорадович предупредил виновных в заговоре, которые выступали почти открыто, не собираясь оказывать им доверия. Он даже принимал у себя многих посвященных в заговор людей, которые нашли способ через актрис, одна из которых была любовницей графа Милорадовича[100], проникать на эти галантные вечеринки. Великий князь Николай сообщил мне сведения, направленные ему генерал-майором, и я был весьма удивлен, найдя в них многие имена, сообщенные мне три года назад, такие как князь Трубецкой, полковник Пестель, Муравьев и другие офицеры. Самые значительные из них были из 2 и 1 армий и за исключением князя Трубецкого, который был полковником в Главной квартире, имена тех, о ком сообщили в Петербург, принадлежали совершенно неизвестным молодым лейтенантам. Я был одним из тех, кто не придал большего значения методам заговорщиков. Можно было рассчитывать

на генералов и на командиров полков, и совершенно невозможно было поверить в то, что младшие офицеры могли бы подтолкнуть на бунт преданных и дисциплинированных солдат. Я отвечал за 4 полка моей дивизии, и другие командиры посчитали возможным сделать то же.

Наконец, приблизился тот день, когда это состояние нерешительности, придавшее заговорщикам такую свободу, должно было закончиться. Все рассказывали друг другу на ухо о том, что вскоре великий князь Николай провозгласит себя государем в соответствии с ясно выраженной волей своего старшего брата. Великий князь Михаил выехал, как говорили, для того, чтобы встретить императора Константина, и дождаться за Дерптом подходящего дня для того, чтобы вернуться в соответствии с волей своего брата. Совет собрался вечером 13 декабря для того, чтобы отдать последние приказания и принять присягу на верность новому государю, Сенат должен был собраться с той же целью в 5 часов утра, все генералы гвардии получили приказ в этот же час находиться во Дворце. Вечером я очень поздно ушел от великого князя Николая, он только что получил от одного молодого гвардейского офицера[101] письмо с предостережением об опасности, которую избежит он и вся Россия, если он будет провозглашен императором. Этот молодой человек услышал бунтарские речи и узнал о приготовлениях к восстанию от одного своего товарища и, полный ужаса, посчитал своим долгом предупредить о них. Мы спокойно обсуждали эту новость, я не мог себе представить, что осмелятся предпринять что-либо, имея в основе только слабые голоса нескольких помешанных, но великий князь Николай, предвидя опасность, приготовился встретить ее с тем спокойствием, которое дает только невиновность и храбрость.

Производить аресты в момент восшествия на престол, не имея определенных доказательств, было бы столь же неправильно, сколь и рискованно. Надо было дождаться развития событий. До назначенного часа я был у своего нового государя и присутствовал при его утреннем туалете. В соседней комнате собрались все гвардейские генералы и члены семьи бывшего государя. Император появился и твердым голосом объявил волю двух старших братьев, он прочитал завещание императора Александра и формальное отречение великого князя Константина, он нас призвал продолжать нести службу так, как мы это делали при императоре Александре, и закончил, приказав нам идти в Генеральный штаб для того, чтобы принять там присягу, оттуда направиться в войска, собрать их по полкам, зачитать им манифест и приложенные к нему документы и привести их к присяге. За одно мгновение до того, как войти в комнату, он сказал мне: «Итак, возможно, сегодня вечером нас обоих не будет в живых, но, во всяком случае, мы исполним наш долг». Эти слова и выражение его лица потрясли многих генералов, а мне позволили увидеть в самых черных красках ту трудную ситуацию, в которой мы тогда оказались.

* * *

Еще не рассвело, а весь город был уже на ногах, в то время, как все генералы собрались в помещении Главного Штаба, многие из них поделились со мной

своими опасениями о том, что требование принять присягу может вызвать волнения. Мы расстались, будучи уже уверены, что придется действовать с осторожностью и применить силу. Каждый вернулся к своим войскам. Зная, что могу рассчитывать на генерала Орлова, командовавшего конной гвардией, я бросился в казармы конногвардейцев. Полк в пешем строю находился в манеже, появился священник, и присяга была принята. Я тщательно следил за малейшими изменениями на лицах, солдаты были холодны, несколько молодых офицеров были невнимательны, и даже беззаботны, я был вынужден подать некоторым из них знак, чтобы они приняли подобающую ситуации и оружию позу. Мой адъютант мне только что сообщил, что Конная гвардия только что приняла присягу, и что все прошло спокойно. Два других моих полка были на лагерных сборах вне города, я отправил туда приказы полковым командирам, не сомневаясь, что пример двух первых полков скажется на них самым благоприятным образом.

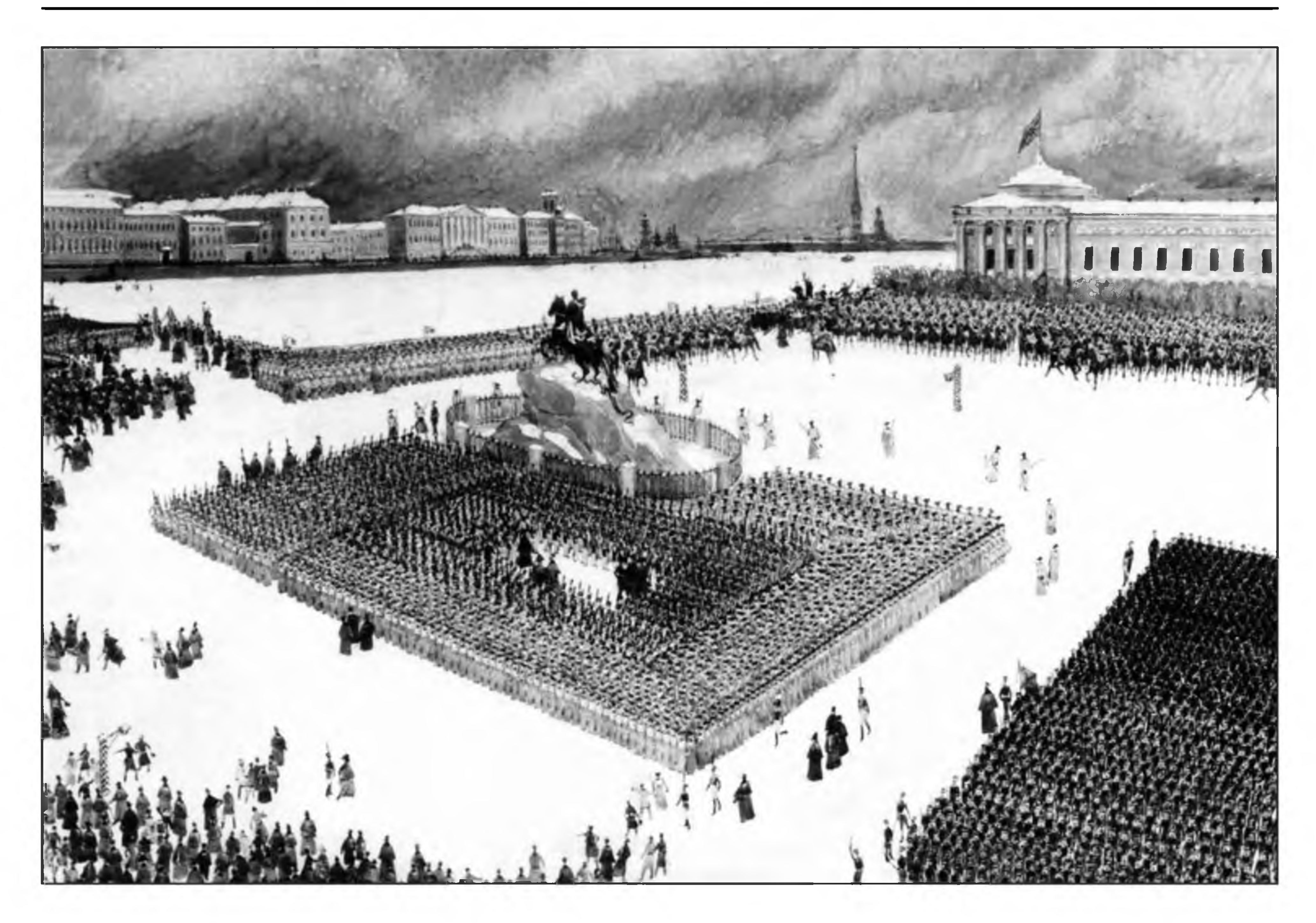
Но в других казармах эти действия не прошли столь же спокойно. В конногвардейской артиллерии три офицера отказались принять присягу и призвали солдат выступить против генерала Сухозанета, который ими командовал. Они были схвачены и посажены под арест за исключением одного, которому удалось бежать, и который предупредил заговорщиков о тревоге. В лейб-гвардии Московском полку храбрый генерал Шеншин, недавно торжественно назначенный бригадиром, встретился с большими беспорядками, солдаты, хотя и были одеты, отказались выстроиться во дворе казарм. Тем временем, когда несколько рот повиновались его голосу, командир одной из рот князь Щепин-Ростовский приблизился к нему с саблей в руке и нанес ему несколько ранений в голову, от которых он упал на землю без сознания. Заметив командира полка генерала Фридерикса, он побежал также и к нему и перед полком ударил его саблей, крича клятвопреступникам, что они будут прокляты и провозглашая Константина единственным законным государем. Этот бешенный, воодушевленный двойным убийством, воспользовался временно наступившим у других офицеров оцепенением, вырвал знамя из рук знаменосца и, выкрикивая здравицы Константину, вышел из казарм во главе своей роты и еще 3 или 4 сотен солдат, которые последовали его примеру. Остатки полка находились в беспорядке и в самом страшном сомнении относительно того, какую сторону следует поддерживать. Произносились слова о переговорах, о предателях, говорили, что шеф полка великий князь Михаил был задержан, что он остался верен своему брату Константину, что этот последний идет во главе войск для того, чтобы наказать измену великого князя Николая. Тем временем Щепин с саблей в руках расчищал дорогу через толпу и направлялся к Сенату. Он заставлял кричать здравицы Константину и люди, которые еще ничего не знали, так как еще не было времени распространить манифест, повторяли этот крик, ведь для них он, Константин, был еще законным государем. Но эти крики привели к беспорядкам. В это время на другом берегу Невы в гренадерских казармах два молодых офицера Сутгоф и Панов построили солдат и вызвали неподчинение их командиру полковнику Стюрлеру, неверно истолкованная

суровость которого показалась ужасной его подчиненным. Крики «Да здравствует император Константин!» охватили весь полк, который в беспорядке бросился из казарм и, не желая больше слышать приказы своих командиров, толпой последовал за двумя молодыми заговорщиками.

Получив все эти сообщения, император послал приказ в 1-й батальон Преображенского полка и лейб-гвардии Саперный батальон, на которые он мог рассчитывать, так как много лет командовал ими, прибыть во Дворец. Он спустился в Большую галерею дворца, говорил солдатам об их долге, приказал зарядить ружья и поставил при входе во Дворец со стороны площади. Со всех сторон сбежался народ и теснился вокруг дворца. Проявляя доверие к народу, император вышел на середину толпы и громким голосом сообщил об отречении своего брата, сел на лошадь и принял на себя командование 1 батальоном Преображенского полка, который прибыл на Дворцовую площадь. Стоило батальону саперов войти в дворцовый двор, как появились гренадеры с намерением проникнуть туда. Увидев саперов, они повернулись и на мгновение заколебались. Тогда император приказал им построиться и, услышав крики «Да здравствует Константин!», ответил «Хорошо! Тогда идите и присоединитесь к ним, они там» и указал на Сенат, куда гренадеры и двинулись толпой.

Тем временем, храбрый генерал Милорадович, прислушиваясь только к голосу своей храбрости и рассчитывая на свою популярность, вскочил на лошадь и бросился к Сенату, чтобы самому встретиться с бунтовщиками. При его появлении солдаты построились, он начал их убеждать и заставил заволноваться. В это время несчастный Каховский выстрелил из пистолета и попал ему в живот, а адъютант Благословенного (Александра I) князь Оболенский вырвал у солдата ружье и нанес ему удар штыком, крикнув, что это предатель. Войска поверили и храбрец всей Русской Армии, который обожал солдат, а солдаты всегда любили его, повернул лошадь и упал на землю в нескольких шагах оттуда перед казармами конногвардейцев, которые в этот самый момент под командованием моим и генерала Орлова спешно седлали лошадей и строились. Милорадович нашел еще в себе душевных сил для того, чтобы сказать нам: «В меня стрелял не военный, это был человек во фраке». Он скончался через несколько часов с тем же мужеством, которое столь знаменательно отличало его во всех обстоятельствах.

Тем временем, со всех сторон прибывали вызванные вооруженные полки. Батальон Финляндского полка прибыл из своих Василеостровских казарм и построился на мосту, еще не очень хорошо понимая к какой стороне им следует присоединиться, 1 рота во главе со своим капитаном Розеном, который был в числе заговорщиков, отделилась от них и осталась рядом с корпусом кадет. Другие полки прибывали один за другим, и император каждому показывал его место. Я побежал, чтобы догнать императора и доложить ему о прибытии Конной гвардии, он очень холодно спросил меня, можем ли мы быть уверены в этом полку, которым много лет командовал великий князь Константин и который может поэтому быть преданным имени своего бывшего шефа. Я сказал, что отвечаю за него

Восстание на Сенатской площади 14 декабря 1825 года

головой. Тогда он приказал мне поставить их напротив мятежников, выстроив эскадроны в колоны. Другой полк моей дивизии, находившейся в то время в Петербурге, — кавалергардский — остался в резерве на Адмиралтейской площади. Пока все были заняты вышеописанными событиями, батальон гвардейского Морского экипажа, поднятый несколькими офицерами заговорщиками, прибыл на поддержку бунтовщиков и под крики «Да здравствует Константин!» расположился справа от восставшего лейб-гвардии Московского полка.

В этот момент императору сообщили, что его бывший полк — Измайловский — проявляет нерешительность, а его командиры не отвечают. Чтобы решить дело император пришпорил лошадь и поскакал к своему полку, к которому подъехал со стороны Исаакиевской площади. Он отдал приказ построиться в колонны тем же тоном и с тем же спокойствием статуи, и вместо того, чтобы обратиться к офицерам и солдатам со словами возмущения, он приказал зарядить ружья и с суровым видом твердым голосом сказал: «Вы знаете, что Ваш долг предписывает Вам всем умереть за меня, идите вперед, я укажу Ваше место». Полк, словно под воздействием ужаса, двинулся вперед и остался в полном повиновении, несмотря на недобрую славу, которую заслужили многие его офицеры.

Между тем, народ волновался и совершенно не понимал, что происходит. Не зная, кто из двоих, Николай или Константин, является настоящим государем,

не видя еще манифеста и, не будучи призван к новой присяге, люди беспорядочно повторяли крики восставших. Даже многие офицеры были введены в заблуждение нежеланием отвечать на крики «Ура Константину!». Полковник гренадерского корпуса Стюрлер был убит тем же Каховским, который убил и графа Милорадовича. С каждой минутой опасность нарастала, толпа напирала со всех сторон, рабочие, собравшиеся на старых сооружениях Исаакиевского собора, бросали в нас камнями и палками, несколько ружейных выстрелов с разных сторон заставили мятежников покинуть их ряды. Император отказался от намерения начать бой, который без сомнения оказался бы смертоубийственным, и, кроме того, своей продолжительностью мог бы воодушевить бунтовщиков. Прибывшая на место артиллерия не могла стрелять без боеприпасов, которые по старому обычаю находились в Охте, куда я отправил сани для того, чтобы привезти оттуда картечи и ядер.

В это время все высшее общество, мужчины и женщины, собрались в Зимнем дворце на молитву. Тревожные вести, усиленные страхом, устрашили это собрание, все пришли отметить праздник, а теперь дрожали за судьбу империи, за своих сыновей, за своих супругов, которые находились друг против друга, готовые сражаться. Императрице-матери и молодой императрице понадобилось все их мужество в этот момент, когда, казалось, решалась судьба всего — существования их власти, ее потеря или сохранение, жизнь их сыновей и их мужей, которые вместо славы и поздравлений, обычно сопровождающих вступление на престол, были окружены взбунтовавшимися убийцами, дурным отношением к своей семье и к славному наследию своих предков.

* * *

Великий князь Михаил, который должен был приехать накануне, для подтверждения отречения великого князя Константина, появился только после полудня. Это опоздание помогло ввести в заблуждение солдат лейб-гвардии Московского полка — им сказали, что по приказу узурпатора Николая великий князь Михаил был заключен в крепость, и что если бы Константин искренне решил отказаться от престола, то его самый близкий друг и брат Михаил не упустил бы случая лично приехать и объявить об этом гвардии. Едва выйдя из кареты и узнав о том, что происходит, великий князь Михаил бросился к казармам своего полка. Увидев, что их недостойно обманули, солдаты живо построились, и с голоса брата своего государя приняли присягу. Вслед за ним они ускоренным шагом пришли на Адмиралтейскую площадь. Стыдясь позора, который лежал на имени полка, благодаря их товарищам, они попросили разрешения пойти в штыковую атаку против мятежников, великий князь Михаил в пешем строю находился в первом отряде и пожелал возглавить атаку. Император был спокоен, он еще сомневался в необходимости проливать кровь своих подданных и он остановил этот благородный порыв. Он позволил только, чтобы несколько пожилых гренадер без оружия подошли к рядам заговорщиков для того, чтобы сообщить им о приезде великого князя Михаила и о том обмане, в который вовлекли их бунтовщики.

Гренадеры стали смело приближаться, но крики «Ура Константину!» и несколько ружейных выстрелов показали им всю бесполезность их поступка.

Якубович был одним из самых отважных заговорщиков. Красивый мужчина, он был наделен злым и деятельным красноречием, он приблизился к императору с предложением переговорить с заговорщиками. Он был драгунским офицером и прошел через толпу, поэтому никто из нас не увидел, что он приблизился со стороны противника. Император, не имея оснований сомневаться в его преданности, позволил ему это сделать. У Якубовича в кармане был заряженный пистолет, приготовленный для стрельбы в императора. Мой адъютант с удивлением предупредил меня о спрятанном оружии. Я приблизился к императору, но в этот момент предатель отошел от него и подошел к бунтовщикам, которые встретили его криками «Ура!» и призывами действовать. Он надеялся вернуться в наши ряды, где готовил быть может самое бесчестное преступление, но только что оказанный ему прием раскрыл эти ужасные планы и он остался с врагами, чья отвага и крики усиливались с каждым мгновением.

Привлеченные любопытством иностранные представители собрались на Адмиралтейском бульваре. Они уполномочили ганноверского посланника генерала Дёрнберга попросить у императора позволения присоединиться к его свите с тем, чтобы их присутствие послужило доказательством законности его восшествия на престол. Император поручил Дёрнбергу поблагодарить дипломатический корпус за его добрую волю и передать им, что это «дело семейное и впутывать в него Европу нет никаких оснований». Этот ответ доставил удовольствие русским и в первый раз дал иностранным представителям возможность оценить характер нового государя.

У императрицы-матери появилась мысль послать к бунтовщикам архиепископа[102] со всем тем, что было приготовлено во Дворце для проведения церковной службы. Архиепископ в сопровождении всех своих священнослужителей пешком с крестом в руках пересек Адмиралтейскую площадь и появился перед восставшими. Народ расступился для того, чтобы пропустить его и посреди этого беспорядка воцарилось хмурое молчание. Восставшие солдаты обнажили головы и архиепископ начал говорить. Руководители заговорщиков испугались того действия, которое эти слова могли возыметь, и попросили архиепископа быстро удалиться, что он и принужден был исполнить.

Тем временем, день клонился к вечеру, а ночь, наступившая при неподавленном бунте, могла укрыть своей тенью и беспорядки и измену, надо было принять решение и окончить это дело. Первый эскадрон конногвардейцев, который время от времени тревожили многочисленные ружейные выстрели со стороны бунтовщиков, был выдвинут вперед. Тогда гренадеры, солдаты лейб-гвардии Московского полка и гвардейские моряки, выстроенные перед Сенатом, начали очень густой заградительный огонь, которым были опрокинуты многие кирасиры и их лошади. Пули свистели со всех сторон вокруг императора, даже его лошадь испугалась. Он пристально посмотрел на меня, услышав, как я ругаю пригнувших

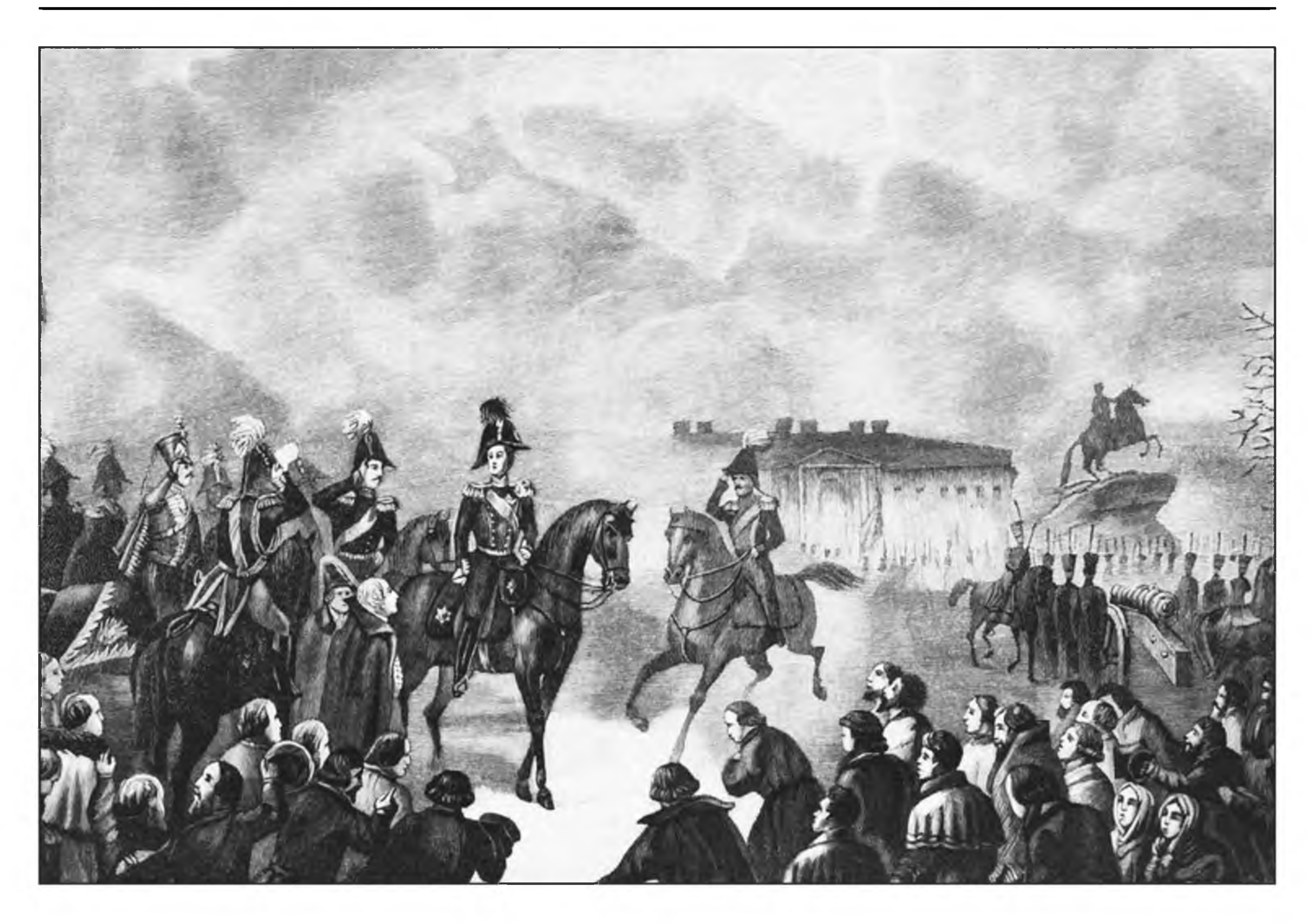
голову солдат, и спросил, что это такое. На мой ответ: «Это пули, сир», он направил свою лошадь навстречу этим пулям. Испуганные люди, стремясь спастись, бросились прочь от этого несущего смерть места. Толпа людей в страхе направлялась навстречу движения императора, тогда он крикнул громовым голосом: «Шапки долой!». И вся эта толпа, которая забыла всякое уважение и еще не знала, кто является ее государем, признала его по хозяйскому голосу. Все люди обнажили головы, наиболее близко находившиеся стали целовать его ноги, и как по волшебству слепое повиновение пришло на смену шуму и беспорядку. Тогда император приказал толпе разойтись с тем, чтобы избежать опасности и поддержать порядок. Площадь опустела, и конные патрули взяли под охрану места, где улицы выходили на площадь.

Эскадрон конных саперов галопом проскакал между Сенатом и восставшими и занял место на Английской набережной. Два батальона Семеновского полка были направлены к Конногвардейскому манежу, имея в своем составе артиллерийские орудия. Батальон Павлоградского полка захватил Галерную улицу и тем самым перерезал пути отступления восставшим. В конце дня император передал своего сына, наследника престола, в руки гренадер Павлоградского полка*, сказав им: «Я хочу, чтобы он у Вас научился служить своей стране. Я доверяю Вам своего сына».

Наконец, прибыли боеприпасы, три пушки были поставлены против восставших. Я получил приказ, когда орудия начнут стрелять, направить конногвардейцев, батальон Финляндского полка с несколькими орудиями на Васильевский остров с тем, чтобы отрезать гренадер с этой стороны от их казарм. Будучи скуп до конца на кровь своих подданных, император приказал еще раз сказать бунтовщикам, что если они не раскаются, то будут расстреляны. Это поручение было дано самому генералу от артиллерии Сухозанету, который галопом поскакал к передним рядам восставших, но ответом ему стали ружейные выстрелы. Тогда император, желая взять на себя одного ответственность в этот великий и решительный момент, приказал первому орудию открыть огонь. За этим выстрелом последовал огонь из других орудий, расположенных возле Манежа.

Первым ответом противника были крики «Ура!» и ружейные залпы, но предатели были малодушны, эти бедные солдаты, сагитированные заговорщиками, были ими покинуты в минуту опасности. Вскоре их ряды охватила паника, виновные во всем офицеры пытались скрыться от законного возмездия, они пытались спрятаться в соседних домах или покинуть город. С этого момента, если их догоняли, то они неотвратимо становились жертвами гнева своих же товарищей. Несчастные солдаты бежали во все стороны, самая большая их часть бросилась в беспорядке на реку и по льду перешла на Васильевский остров, к счастью, среди них было всего около 20 убитых и около 50 раненных. Император приказал прекратить огонь в тот момент, когда последовало их общее отступление. С нашей

* На полях помета Николая I — «гвардейских саперов»

Николай I на Сенатской площади 14 декабря 1825 года

стороны только конногвардейский полковник Вельо был серьезно ранен и несколько человек были убиты и ранены.

Граф Орлов с конногвардейцами галопом проскакал по Василеостровскому мосту для того, чтобы с этой стороны окончательно рассеять бунтовщиков. Я направился в батальон Финляндского полка, который без колебаний последовал за мной, рота, которая осталась у кадетского корпуса и чувствовала себя наиболее виноватой, попросила разрешения занять свое место и следовать вместе с батальоном. Но, зная об их поведении, я им приказал построиться отдельно и объявил им, что, для того, чтобы получить почетное право присягнуть на верность новому императору, от чего они отказались сегодняшним утром, его надо заслужить, найдя виновных и доставив их мне безоружными. Рота поспешила исполнить этот призыв и бросилась в погоню за беглецами. Со своей стороны конногвардейцы с той же целью разделились на отряды. Остаток войск я расположил лагерем перед 1 кадетским корпусом, напротив Васильевского острова. Я приказал разжечь костры и принести людям еды. Мороз был очень силен. Я заметил это, как только сошел с лошади, только теперь я почувствовал всю важность и опасность нашего положения. Гвардия только что победила гвардию, единственная опора империи — император — 6 часов подряд рисковал своей жизнью, в народе было неспокойно и еще нельзя было распознать его истинных намерений. Был раскрыт

заговор, но пока не были известны ни его руководители, ни его обширность, все было, как в тумане и все могло начаться снова.

Эти размышления не могли успокоить, но мы видели нашего молодого императора отважным, твердым и спокойным в минуту смертельной опасности. Офицеры были этим удивлены, а солдаты были в восторге. Победа была на стороне престола и преданности, что же еще было нужно для того, чтобы войска восхитились и перешли на сторону своего нового государя, чтобы они забыли все претензии, которые еще накануне высказывались в адрес этого человека, который только недавно был командиром гвардейской дивизии, и теперь принял скипетр Петра I, Екатерины и Александра. Во всяком случае, мы знали, что если завтра повторятся вчерашние опасности, то наш руководитель, наш хозяин достоин и способен направлять наши усилия.

Все войска были оставлены на Галерной, Сенатской и Адмиралтейской площадях. Император возвратился во Дворец, где вслед за двором направился в церковь. Там в присутствии всего специально собравшегося высшего общества он присутствовал на молебне, приготовленном еще с утра. В это время несколько офицеров из партии заговорщиков были найдены и доставлены к Его Величеству. Их первые показания раскрыли часть их планов и многих их сообщников. На полковника князя Трубецкого было указано как на руководителя движения, получившего чин Диктатора. Его нашли в доме австрийского посла господина де Лебцельтерна, который по жене [103] был шурином князя Трубецкого. Той же ночью более 20 заговорщиков были арестованы, допрошены и им были устроены очные ставки. Их показаниями были изобличены многие люди различных званий, служивших в армии, они вызвали отправку курьеров и приказы о задержаниях.

* * *

До рассвета ко мне привели свыше 600 пленных, в основном солдат лейб-гвардии Гренадерского полка, и нескольких офицеров, среди которых был князь Оболенский, нанесший удар штыком бедному Милорадовичу. Больше всего меня огорчило знамя этого полка, которое находилось в лагере бунтовщиков. Это знамя было захвачено у восставших, уже приближавшихся к своим казармам, одним из отрядов, находившихся под моим командованием.

С рассветом стал собираться народ, который казался взволнованным от вида военного бивуака и походных орудий. Меня поразило его раздраженное отношение и отсутствие вежливости. Я приблизился к толпе и, узнав в ней одного торговца, которого я знал как храброго человека, спросил, откуда он идет. Обычно после наводнения, когда началось мое командование в этой части города, меня дружески приветствовало население. Сейчас он, казалось, не узнал меня и даже вел себя вызывающе. Торговец ответил мне напряженным голосом, на который я первый не обратил никакого внимания: «Как я должен приветствовать Вас, когда Вы сражались вчера, и, кажется, готовитесь продолжать сражение. Вы присягнули Николаю, преследуете солдат, оставшихся верными нашему императору, что мы должны об этом думать и что нас ждет?»

Убедившись, что причиной беспокойства невиновного народа является только незнание манифестов, я поспешил написать императору о том, что только что увидел и услышал, добавив, что тот же эффект, вызванный теми же причинами, должен поломать недоверие народа в других частях города. Я умолял его немедленно распорядиться доставить мне достаточное количество печатных экземпляров, и чтобы по его приказанию они были распространены во всех кварталах города. Приготовленные для этого листы должен был распространить Сенат, но он оказался изолированным бунтовщиками и произошедшим сражением до ночи, работники в страхе разбежались со службы, и было совершенно естественно, что манифесты остались там. Только сотрудники Сената и рабочие типографии были информированы о смене царствования и о документах, которые закрепляли ее законность.

Адъютант Его Величества привез мне пакет, содержащий все необходимые документы: завещание императора Александра, отречение великого князя Константина и манифест нового государя. Снабженный этими аргументами, я храбро вошел в толпу, которая увеличивалась с каждой минутой. Я позвал всех следовать за собой в церковь, которая находилась недалеко от первого кадетского корпуса. Священник уже ожидал меня. Я вручил ему три бумаги и попросил, чтобы он громким голосом и отчетливо, чтобы услышали все люди, толпившиеся вокруг нас, прочитал каждую из них в указанном порядке и повторил бы чтение, если бы кто-либо из слушателей чего-то не понял. Выйдя из церкви, я роздал большую часть бумаг стоящим снаружи группам людей. Как только люди прочитали документы, их лица прояснились передо мной, спокойствие и уверенность установились окончательно.

Император, проведя всю ночь в трудах, в 8 часов утра сел на лошадь и объехал войска. Его встретили восторженными криками веселья и восхищения. Батальон Гвардейского Морского экипажа, который принимал участие в бунте, видя, что его бесчестно предали несколько своих офицеров, на коленях просил о прощении. Император без колебания даровал его им и вернул их знамя после того, как оно было освящено святой водой с целью очистить его от преступления, одним из символов которого оно было накануне. После этого войска вернулись в свои казармы, с этого дня в городе восстановилось спокойствие и обычное течение жизни, как если бы оно ничем и не было нарушено.

Между тем, ужасные события 14 декабря, которые с этих пор стали обозначаться этой датой, перепугали все слои населения. Все были возмущены и встревожены последствиями этого заговора, пламя которого было потушено, по правде говоря, лишь восхитительным хладнокровием и отвагой императора. Но, благодаря полученным от бунтовщиков показаниям, было известно, что заговор имеет многочисленные ответвления в армии, в Москве и в провинции. Можно было опасаться, что новость о подавлении бунта в Петербурге, разнесенная недоброжелателями, стала бы сигналом для подобных выступлений особенно в древней столице и в удаленных районах. Во все стороны были направлены курьеры к военным

и гражданским властям, была создана следственная комиссия, с целью найти связи, средства и членов этого тайного общества, которое желало низвергнуть престол. Членами этой следственной комиссии стали великий князь Михаил, военный министр, князь Голицын, директор почт генерал Кутузов, который только что сменил на посту генерал-губернатора Петербурга храброго генерала Милорадовича, генерал Левашов и я. Мы немедленно принялись за работу с тем усердием и отношением к ней, которые требовались существом дела, прямо связанным с безопасностью империи и политическим существованием каждого члена нации.

Император уже подал нам пример деятельного поведения и преданности общественному благу. Он лично предварительно виделся и допрашивал всех заговорщиков, которые были захвачены в Петербурге с оружием в руках, и тех, кого впоследствии привозили из других губерний и полков. Ни один из тех, на кого указали показания заговорщиков, не ускользнул от бдительности властей. Все они были арестованы и препровождены на наш суд. Главарями заговора, находившимися в Петербурге, были литератор и сотрудник Российско-американской компании Рылеев и князь Трубецкой. Последний, несмотря на данное ему звание Диктатора, в минуту опасности спрятался и бросился к ногам императора, моля о спасении своей жизни, что было ему обещано. Другой, Рылеев, несмотря на то, что был душой бунта и предлагал проекты, которые должны были стать его следствием, также предпочел осторожно дождаться развития событий, не выходя из своей комнаты до тех пор, пока полиция не заставила его это сделать с тем, чтобы он предстал перед своими судьями. Это ему принадлежала мысль поднять руку на всю императорскую семью. Я видел его через несколько дней плачущим от умиления, а, возможно, от сожаления, когда он узнал, что император, получив известие о том, что жена и дети Рылеева сильно нуждаются, послал им три тысячи рублей и взял на себя заботы о детях того, кто вынес смертный приговор ему и всей империи. Были изданы самые суровые и подробные приказы с целью обеспечить жизнь и здоровье арестованных.

Внимательно следили за тем, чтобы небольшое количество людей, задержанных по ошибке или в силу малой их вины, были отпущены скорейшим образом и без враждебности. Доверие и полное понимание вызвали у всех эти заботы со стороны правительства и полная гласность о своих действиях. Все сердца раскрылись к новому государю. Он спас империю в тот момент, когда только начал царствовать, и он польстил самолюбию общества этим своеобразным отчетом о своих действиях.

Наконец пришла с таким беспокойством ожидаемая новость о принятии присяги в Москве, и это нас успокоило окончательно. Весьма разумный человек архиепископ[104] сильно способствовал мерам, которые были предприняты главным губернатором столицы князем Голицыным и командующим войсками гарнизона графом Петром Толстым.

Все высокопоставленные лица, высшее дворянство и масса людей заполнили все внутреннее пространство собора, архиепископ приблизился к алтарю,

С.Г. Волконский

достал оттуда пакет, показал его собравшимся, сосредоточил на нем их внимание и сказал: «В этом конверте заключены счастье и слава России». Затем он зачитал завещание императора Александра, отречение великого князя Константина и манифест императора Николая. Столица и войска приняли присягу. Москва была избавлена от преступных выступлений, которые устрашили Петербург, и по праву гордилась своим поведением, столь несхожим с поведением своей соперницы 2-й столицы.

Сведения о существовании заговора, которые император Александр получил за несколько дней до своей смерти, заставили его направить генерала графа Чернышева из Таганрога во 2-ю армию, где находился центр партии, входившей в ассоциацию под названием Южное общество, тогда как партия с центром в Петербурге получила название Северного общества. В день восшествия императора на престол 14 декабря Чернышев арестовал в Тульчине полковника Пестеля, командира пехотного полка и одного из главарей заговора. Он успел передать своим сообщникам сигнал тревоги, который вместе со смертью императора Александра, должен был помочь в осуществлении их планов. Они приняли решение выступить.

Командир пехотного полка полковник Муравьев, предполагая, что к нему для ареста уже был послан жандармский офицер, призвал на свою защиту солдат

и стал им говорить о присяге не верность законному государю, смущая совесть и умы войск, доверенных его командованию. Он призвал к бунту, надеясь на поддержку гусарского полка под командованием одного из заговорщиков, как и он сам по фамилии Муравьев. Но этот последний в отличие от первого не обладал ни храбростью, ни преданностью войск. Он проявил колебания и был арестован и препровожден в Петербург вместе с полковником Пестелем, шефом интендантской службы 2-й армии Юшневским и многими другими офицерами, наиболее революционно настроенным из них был Бестужев-Рюмин, молодой человек, якобинец по убеждениям, энергичный, честолюбивый, настоящий демон пропаганды. Муравьев послал курьеров ко всем своим сторонникам с сообщением, что он поднял щит, и с просьбой о помощи, но нить заговора уже была порвана. Офицеры артиллерии и даже командиры рот были арестованы, другие офицеры испугались, и в итоге Муравьев мог рассчитывать только на себя, одна рота целиком отделилась от его полка, остальные солдаты только холодно следовали за их буйным и преступным полковником. Он увидел, что его надежды на присоединение единомышленников оказались обмануты, произвел несколько бесцельных маневров, потерял время, и через несколько дней встретился с направленным против него отрядом, в котором было несколько полевых орудий и несколько эскадрон гусар. Муравьев отважно принял бой, его солдаты примкнули штыки, и пошли на артиллерийские орудия. С той же неустрашимостью те бросились навстречу врагу и обстреляли их картечью, от которой Муравьев упал. Затем он поднялся и хотел бежать вперед, но его солдаты, увидев атаковавших их преданных солдат и осознав свою ошибку, бросили предателя и стали просить прощения. Таким образом было рассеяно и погашено при самом появлении пламя бунта, который в силу своих многочисленных отростков в разных воинских частях мог бы стать трудным для тушения пожаром.

1826

Между тем, первые известия об этом, появившиеся в Петербурге, вызвали большую тревогу. По ним еще нельзя было судить о размерах заговора, ожидалось, что к нему присоединяться другие полки и другие командиры, тем более, что одним из самых активных участников заговора был признан князь Волконский, который был адъютантом императора Александра и командовал бригадой. Этот недостойный был осыпан милостями почившего императора, он был арестован и привезен в Петербург, где он проявил столько малодушия, что вызвал ярость и скверное к себе отношение в среде заговорщиков против своего государя. Вскоре, однако, все успокоились, убедившись по показаниям и накалу противостояния, что главари и большая часть заговорщиков находились в наших руках. Следственный комитет, который собирался в одном из помещений Дворца,

перенес свою работу в крепость, где были заключены виновные. Работа Комитета шла со всей энергией, которую только можно было себе вообразить, и продолжалась до июня месяца. Обвиняемые могли пользоваться всеми юридическими возможностями и имели большой выбор способов защиты.

Вскоре общественное мнение, возмущенное этим подлым заговором, и испуганное было двумя бунтами, которые кровью отметили свою опасность и ужасность, ослабило свое внимание к этому делу с тем, чтобы присмотреться к событиям нового царствования, отличительными чертами которого уже стали деятельность, лояльность и настойчивость.

Через несколько дней после своего восшествия на престол, император принял весь дипломатический корпус. Таким образом, он хотел продемонстрировать сразу всей Европе свои намерения и политику, движущими силами которых были искренность и лояльность. Со знанием дела он говорил о вещах, удививших самых искушенных дипломатов. Они вышли тронутые и потрясенные тем, что только что услышали из уст молодого и начинающего государя, который в начале своей деятельности продемонстрировал столь резонные и справедливые взгляды, которые он высказал с умеренностью, столь редкой для его возраста и огромного могущества империи, которой он призван был управлять.

Смерть императора потрясла и огорчила всю Европу потому, что ему удалось восстановить европейское равновесие. Он был личным другом многих государей, был защитником Франции после падения Наполеона, надеждой на восстановление порядка и главным элементом системы, которая гарантировала мир и независимость народов. Австрийский император и прусский король искренне оплакивали потерю своего союзника и друга, немецкие принцы сожалели о милостивом защитнике. Все европейские правительства старались опередить друг друга в выражении сожаления от только что понесенной Россией потери, и своего неравнодушного отношения к молодому наследнику его могущества.

Для выражения соболезнования король Пруссии прислал своего сына принца Вильгельма[105], Австрия направила эрцгерцога Фердинанда[106], Англия поручила эту миссию маршалу Веллингтону, Франция доверила ее маршалу Мармону, герцогу Рагузскому, Бавария прислала маршала Вреде, все они выразили слова сочувствия и уважения.

День и ночь император занимался государственными делами, он работал с министрами, чтобы войти в курс всех отраслей обширной системы управления своей империей, он решал все дела, которые были собраны либо в кабинете императора Александра в бумагах, которые были присланы из Таганрога, либо в различных министерствах. Он думал о восстановлении флота, который сократился после многих лет существования, и который был полностью уничтожен в порту Кронштадта в наводнение 1824 года. Он внимательно занимался вопросами образования молодежи, принципиально реформировав и улучшив кадетские корпуса, питомники наших офицеров и генералов. Это столь жизненно важное для будущего России дело находилось в неумелых или в пассивных руках. Во многих

учебных заведениях, даже в Царскосельском лицее, перед глазами императора, внедрялись или, по меньшей мере, не искоренялись самые подрывные принципы.

Молодой государь, который раньше занимался почти исключительно военным делом во всех его подробностях, должен был начать изучение законов, финансов и системы управления в тот момент, когда он стал арбитром и судьей всех этих различных отраслей управления. Он не испугался, а противопоставил всем трудностям, даже некомпетентности людей, которых он нашел во главе различных отраслей, настойчивость, деятельность, старание и мудрость, которая была выше всяческих похвал.

Бывший всемогущий первый министр граф Аракчеев, который сосредоточил в своих руках почти все дела, в память об императоре Александре сохранил все свои звания и награды. Он был просто удален от дел, которыми раньше ни под каким видом не занимался, и которые лишь благодаря доверию и дружбе почившего императора постепенно перешли под его влияние. Через некоторое время после смелой и неуместной публикации[107] и особенно перевода личной переписки, которой его удостоил император Александр, его наследник, возмущенный такой неделикатностью, запретил ему заходить в резиденцию*.

Известно, что императрица Елизавета проявила самую трогательную заботу о своем царственном супруге во время его болезни, именно она сообщила императрице-матери о его смерти словами, которые так хорошо характеризовали только что понесенную ею утрату, она сказала: «Наш Ангел — на небе». Она не на много пережила его, и умерла во время возвращения в Петербург от болезни, которая долгое время отравляла ее жизнь.

Тело императора Александра было медленно перевезено к месту погребения его предков. По всей дороге люди приходили выразить его памяти самую искреннюю и поразительную дань сожаления и уважения. Его проезд по Москве вызвал настоящий траур, люди падали на колени и пытались опередить друг друга, чтобы поклониться и поцеловать гроб, заключавший останки государя, которого Москва видела столь добрым, столь желавшем ей добра. Наконец, кортеж приехал в Царское Село, которое в последние годы было излюбленным местом пребывания императора Александра. Император и мы все поехали ему навстречу. Жители стояли на коленях и плакали, молились за душу своего почившего Хозяина. Императрица-мать и молодая императрица ожидали в дверях дворца, и гроб с рыданиями был внесен в дворцовую церковь. Там он стоял несколько, затем его перенесли в Чесменский дворец, где свинцовый гроб с телом поместили в более роскошный, приготовленный тем временем в Петербурге. Войска, все гражданские власти и остальные участники погребальной церемонии, этого последнего знака уважения к императору, а также почти все население царской резиденции вышли встретить останки императора Александра и заполнили все улицы и окна. Погребальная процессия остановилась у Казанского кафедрального собора, в котором

* Имеется помета, возможно, рукой Николая I: «Это неправда».

«Наш ангел на небесах»

под величественным и мрачным катафалком гроб был выставлен для выражения знаков уважения и преданности представителей всех слоев общества.

Через 10 дней участники погребальной церемонии вновь надели траур, войска заполнили улицы, народ толпился в местах проезда кортежа. Тело почившего императора было вновь помещено на повозку, которая и доставила его к месту вечного упокоения — в крепость, где смерть воссоединила его с уже захороненными царственными предшественниками. В тот момент, когда пушечные залпы возвестили всем, находящимся снаружи, о том, что тело императора опущено в могилу, в тот момент, когда все, присутствовавшие в храме, увидели, как драгоценные останки любимого императора были спущены под землю, мы все зарыдали и одновременно упали на колени, воздав должное чувствами искреннего уважения и благодарности останкам монарха, человека, который нас любил, и который в течение 25 лет обеспечил нам славу и благополучие.

Его царственной супруге, до сего места следовавшей за ним, вскоре суждено было лечь в могилу, приготовленную для нее в этом же храме. Императрица Елизавета была красива, любезна и духовна. Она проявила твердость характера в те времена, когда захваченная честолюбием Наполеона империя грозила всем трусливым и малодушным людям полным разрушением. У нее были ошибки и вина перед своим супругом, впоследствии она играла всегда интересную роль

брошенной жены, усердной патриотки, однако ее холодность и удаление от общества в последние годы вызвали безразличное отношение к ней почти всего народа. В конце жизни император, пресыщенный удовольствиями и суетностью мира, оказался во власти мистицизма и вернулся к своей жене с тем, чтобы позаботиться о душе и искупить свою вину перед ней. Его пребывание в Таганроге укрепило нити дружбы и доверия, которые были почти полностью порваны между супругами событиями бурной молодости и исполнением государственными обязанностей.

Вся жизнь императора Александра была странным смешением чувственных начал и противоречивого поведения. Выросший под влиянием развращенных нравов азиатской роскоши и победного престижа эпохи Екатерины, воспитанный якобинцем Лагарпом, он был смущен строгостью отца еще наследника престола. Имея перед глазами ангельскую добродетель своей матери и интриги фаворитов своей бабки, призванный быть самодержцем и вскормленный на опасных идеях французской революции, он обладал горячим сердцем. Вдыхая во дворце воздух галантности, будучи скромным вплоть до неверия в собственные замыслы, он был храбрым, но опасался несчастий войны.

Таким образом, он был готов к восприятию самых разных впечатлений, готов был увлечься любыми страстями. Он начал царствовать в 24 года в окружении льстецов, женщин и интриг, но у него хватило сил на то, чтобы всегда оставаться человечным и благожелательным. Вначале он был привержен либеральным и конституционным идеями, направляя в них принципы управления, он искал изменений, полагая, что находил улучшения. Он предавался любви. Ему нравилась политика, но она не стала для него главным занятием. Он позволил вовлечь себя в войны и завоевания, хотя всячески стремился их избежать. Он искал славы и оваций либеральной Европы. Он даровал конституции Польше и завоеванной Финляндии, раздражая свой собственный народ и сея зерна оппозиции и недовольства у своих подданных. Затем он вернулся к принципам деспотизма, гипертрофированной религиозности, сектантским взглядам, к мистицизму.

Недовольный настоящим, неуверенный в будущем, строгий к самому себе, он стал несчастливым, потерял вкус к жизни и к своему могуществу. Он умер в скорби о потерянных иллюзиях и в предвидении будущих бедствий.

* * *

Император всеми способами пытался вырвать корни тех злоупотреблений, которые проникли в аппарат управления, и которые стали явными после раскрытия заговора, обагрившего кровью его вступление на престол. Исходя из необходимости организовать действенное наблюдение, которое со всех концов его обширной империи сходилось бы к одному органу, он обратил свой взгляд на меня с тем, чтобы сформировать высшую полицию с целью защиты угнетенных и наблюдения за заговорами и недоброжелателями. Число последних угрожающе увеличивалось с тех пор, как в России получили распространение подрывные идеи французской революции. Они проникли с целой толпой французских авантюристов, которые занимались воспитанием молодежи, и особенно после общения наших

молодых офицеров во время последней войны с либералами разных европейских стран, куда войска вошли благодаря нашим победам. Я не был готов к исполнению такого рода службы, о которой у меня было самое общее представление. Но осознание благородных и спасительных намерений, которые требовали ее создания, и мое желание быть полезным моему новому государю заставили меня согласиться и принять это новое место службы, которое его высокое доверие пожелало организовать со мной во главе.

Таким образом, было принято решение о формировании корпуса жандармов, начальником которого я стал. Империя была разделена на 7 округов, во главе каждого был поставлен генерал, в подчинении у которого находились старшие офицеры, располагавшиеся в каждой губернии. Создание дополнительных структур было отложено на значительно более поздний срок и должно было исходить из тех требований, которые будут указаны практикой. Под моим управлением было создано 3 отделение собственной его императорского величества канцелярии, которое стало центром этой новой организации и центром секретной полиции. Они должны были создать негласные связи и оказывать помощь в работе и в намерениях жандармерии. С тем, чтобы сделать эту службу для меня более приятной, император милостиво добавил к ней должность начальника его главной квартиры.

Я немедленно принялся за работу и, с Божьей помощью, вскоре усвоил мои новые обязанности и принялся осуществлять их к удовлетворению императора и без осуждения общественным мнением. Я был вполне счастлив, имея возможность делать добро, оказывать услуги многим людям, вскрывать много злоупотреблений и, особенно, предотвращать много несчастий.

Во многих губерниях обманутые недоброжелателями или обольщенные ложными надеждами крестьяне посчитали возможным требовать себе свободу и отказывались повиноваться своим владельцам*. Во многих местах бунты даже приняли характер насилия, что могло бы оказаться опасно, если бы не было сразу ликвидировано. Император сразу же приказал применять в подобных случаях смертную казнь, и вскоре, благодаря твердости и бдительности правительства, такого рода беспорядки удалось потушить.

Наконец, через пять месяцев упорной работы следствие по делу заговора было закончено, и это большое дело было возвращено в руки правосудия. Желая дать этому делу полную законность и общественную гласность, император создал Верховный трибунал, членами которого стали все сенаторы, министры, члены Государственного Совета и наиболее отличившиеся военные и гражданские лица, которые в это время находились в столице. Никогда еще суд не был столь представительным и независимым.

После ознакомления со всеми обвинительными документами, свидетельскими показаниями и признаниями обвиняемых, трибунал сформировал две комиссии для пересмотра всех бумаг и для того, чтобы каждому обвиняемому одному за

* На полях помета — «крестьянские бунты».

другим задать вопрос, не хотят ли они что-либо добавить в свою защиту, желают ли подать какую-либо жалобу на проведение следствия или не имеют ли возражений против того или иного члена комиссии. Обвиняемые заявили, что использовали все способы оправдаться, и что им осталось только поблагодарить за предоставленную им свободу действий с целью защиты.

Тогда Верховный трибунал начал готовить приговор по делу всего заговора и по той или иной степени виновности каждого его участника. Все были убеждены в высшей степени предательства: большая часть преступных замыслов посягала на жизнь государя и членов императорской семьи. Все признали, что их намерения и действия были общеизвестны. Таким образом, оставалось только определить вину каждого и найти наказание, предусмотренное законом за их преступления. Желание судей, а также и императора заключалось в том, чтобы наказывать мягко, ведь все заслуживали смерти. Военный кодекс, также как и гражданские законы предусматривал наказание смертной казнью.

После того, как были определены категории преступлений, император внимательно изучил приговор Верховного трибунала. Он изменил строгость законов: только пятеро были приговорены к повешению, другие — к пожизненной каторге, менее виновные — к различным срокам каторжных работ, некоторые ссылались в Сибирь в качестве колонистов, самое слабое наказание было в виде нескольких лет или месяцев заключения в крепости. Предписанный законами приговор был зачитан виновным, затем им объявили о его облегчении, продиктованном великодушием императора.

Приведение приговора в исполнение было назначено на 13 июля на 3 часа утра. Я приехал в крепость для того, чтобы вместе с ее комендантом отдать некоторые приказания. Тем, кто должен был заплатить жизнью за преступный заговор, была дана возможность исполнить свой церковный долг. Остальных отвели в церковь. Далее все собрались на крепостной площади в окружении батальона Павлоградского полка, я приблизился для того, чтобы посмотреть на них и выслушать их последние слова.

Я был полон сострадания — это были в большинстве своем молодые люди, дворяне, почти все из хороших семей, многие из них служили со мной, а некоторые, как князь Волконский, были моими товарищами. Вначале я сострадал, но вскоре возмущение и отвращение переполнили меня, их грязные слова и членство в этом ужасном обществе изгнали из моей души все чувства жалости, которые были порождены несчастьем стольких семей. Я видел, что ничто не могло излечить или привести к изменениям в этих головах, переполненных подрывными помыслами, и невосприимчивых к стыду от бесчестья. От всех гвардейских полков по одному отряду выстроились на крепостной площади, в 4 часа утра туда прибыли генерал-губернатор и другие военные власти. Приговоренных привели всех вместе, за исключением тех пятерых, которые должны были подвергнуться высшей мере наказания. Казнь этих пятерых должна была состояться на валу передового укрепления. Каждого офицера гвардейских полков провели перед строем

Император Николай I

отряда соответствующего полка, поставили на колени и зачитали каждому его приговор, после чего палач сломал у них над головой шпагу и сорвал эполеты, которые были брошены в огонь. Других приговоренных, которые не принадлежали к расположенным в Петербурге полкам, поставили на колени посреди площади и подвергли такому же позорному наказанию, после чего их развели по камерам. Затем под виселицей появились несчастные полковники Пестель и Муравьев, подпоручик Бестужев-Рюмин, литератор Рылеев и убийца графа Милорадовича Каховский. На головы им надели белые колпаки, и смертельная петля обвила их шеи. По данному сигналу из-под их ног была убрана доска и они повисли. К несчастью, веревки троих приговоренных порвались, и они упали на землю. Их подняли и казнили вторично. Вскоре после этого их тела сняли для того, чтобы представить публике это грустное зрелище. Остальные были успешно доставлены в Сибирь и в другие места, предназначенные для их содержания.

Через несколько дней после этого грустного и заключительного эпизода наиболее бесчестного и преступного заговора, император и императрица направились в Царское Село для того, чтобы присутствовать на церковной службе во искупление грехов бунта, опозорившего мостовую перед Сенатом, и в память о тех жертвах, которые в день 14 декабря были принесены преданности и чести. Двор, высокопоставленные лица и вооруженные войска заполнили площадь, украшенную

статуей Петра Великого. Его внучатый племянник, наследник могущества, созданного его созидательным гением, коленопреклоненно поблагодарил Всевышнего и молился за души графа Милорадовича и всех тех, кто погиб с честью.

* * *

Двор готовился выехать из Петербурга в Москву на коронацию императора и императрицы. Туда же уже направилась часть гвардии, дипломатический корпус, чрезвычайные посланники и большая часть знати. Императрица мать, отправившаяся на встречу императрице Елизавете, но не заставшая ее в живых, на протяжении двух месяцев уже обосновалась в Москве, где, так же как и в Петербурге, ее благодеяния нашли широкое поле для применения. В обеих столицах она руководила многочисленными воспитательными и богоугодными заведениями. Так, особенно заслуживали ее заботливого внимания и неустанных трудов многочисленные дома для брошенных детей.

Волнения и опасности, которые сопровождали восхождение на трон, были забыты, и все приготовились к праздникам и удовольствиям. Император, его царственная супруга и вся императорская семья, прибыв к древней столице империи, по обычаю остановились вне города в Петровском дворце. Их ожидала толпа народа. Подступы к дворцу были украшены лагерем 4 корпуса и корпуса гренадер, которые оживляли эти окрестности Москвы. В городе и вблизи него расположились прибывшие из Петербурга эскадроны и батальоны гвардии.

На третий день во главе всего кортежа и приветствуемый войсками, выстроенными по пути его проезда, император верхом въехал в Москву. За ним следовали императрица-мать, царствующая императрица и наследник, который единственный ехал в карете своей матери. Вокруг кортежа и вслед за ним двигались двор и императорская прислуга. Огромные толпы народа заполнили улицы и подступы к городу. У городской черты своего нового государя встретили генерал-губернатор и городские власти, жители города по обычаю преподнесли ему хлеб и соль. В тот момент, когда государь вошел в городские ворота, послышались громогласные крики «Ура!» Яркое солнце освещало этот величественный въезд. В городе толпа стала еще гуще, у всех окон и на всех крышах толпились люди, которые с радостью повторяли крики приветствия молодому и красивому монарху. У Иверских ворот император спешился, императрицы и наследник вышли из кареты, и приветственные восклицания были прерваны самым глубоким молитвенным сосредоточением. Императорская фамилия преклонила колени перед иконой Богоматери, и весь народ, созерцавший эту молитву, казалось, принимал в ней участие.

Крики возобновились и усилились при въезде кортежа в Кремль, этот центр России. Здесь толпа уже представляла собой единую и огромную массу, которая махала шапками и заставляла воздух дрожать от своих длительных и согласованных криков. Архиепископ встретил государя у входа в собор и указал ему путь среди императорских храмов.

Император с членами своей семьи остановился в Чудовом монастыре, в котором он уже жил, будучи великим князем, императрица-мать была единственной, кто расположился в Большом Кремлевском Дворце. Главная площадь, разделявшая эти два жилища, весь день была наполнена людьми, надеявшимися разглядеть в окнах кого-нибудь из членов семьи своего государя. Во все дни пребывания императора в Москве, особенно по утрам, эта площадь заполнялась огромным количеством народа, не прекращавшем приветствовать продолжительными криками «Ура!» каждое появление императора.

Вот уже во второй раз за 25 лет я присутствовал в Москве на церемонии коронации. Двадцать пять лет назад я был здесь совсем молодым, только вступавшим в мир человеком. Во второй раз я наблюдал все это в возрасте 45 лет, познав все удовольствия и все тяготы активной службы. В первый раз я был мальчиком, во второй раз я был мужем и отцом семейства.

С каждым днем Москва наполнялась любопытными и прибывшими по делам службы представителями всех слоев общества от всех народностей и из всех уголков необъятной России. Различная публика, иностранные послы приготовились к праздникам и церемониям, сопровождающим торжественное вступление на престол. Но император был далек от того, чтобы воспользоваться моментом и отдохнуть, он был занят новой и неожиданной заботой.

На протяжении долгих лет Персия находилась с нами в состоянии полного мира. Теперь она решила воспользоваться безопасностью, которую давали нам трактаты, для того, чтобы нарушить их неожиданно и без объявления войны. Во многих пунктах персидские войска нарушили наши границы и подняли против нас горцев Кавказа и правоверных жителей Армении. Возможности грабить было для них достаточно, чтобы они верно и поспешно последовали за персидскими войсками, которые наследник престола шахов[108] лично вел против российских солдат. Многие города и деревни Грузии подверглись нападению, были разорены и разорены. Наши войска, захваченные врасплох и рассеянные во многих приграничных пунктах, были вынуждены стремительно отступать. Командовавший войсками на линии Кавказа, Грузии и Астрахани генерал Ермолов, который всегда умел предсказать войну и которому в соответствии с его просьбами постепенно выделялись средства обороны, командовал войсками вдвое превосходившими по численности ранее находившиеся в распоряжении его предшественников. Тем не менее, все произошедшее было для него неожиданным. В крепостях не хватало припасов, войсковые командиры не располагали инструкциями, не знали пунктов сосредоточения, одним словом, он правил как деспотичный и непредсказуемый паша. Его раппорт был продиктован малодушием и колебаниями, он до такой степени потерял голову, что даже допускал возможность вынужденного оставления Грузии и уступки ее столицы Тифлиса персидским войскам. В то же время, он просил прислать генерала для командования частью войск, полагая себя слишком занятым для того, чтобы лично руководить военными операциями, которые он уже считал безнадежными. Этот же самый Ермолов, пользовавшийся

репутацией, частично созданной ему хвастовством, постоянно критиковал поведение своих предшественников по управлению Грузией, и обещал чудо. Своей суровостью и высокомерием, полностью противоположным тем инструкциям, которые направлялись нашим представителям в этих землях, он восстановил против себя соседние народы.

Вскоре император приказал одной пехотной и одной кавалерийской дивизиям двигаться в Закавказье, и направил туда генерала Паскевича, уже известного своей храбростью и военными талантами. Он командовал 1 армейским корпусом. Он должен был под руководством генерала Ермолова командовать войсками, дав возможность главнокомандующему заниматься решением управленческих и политических дел на этих предоставленных его управлению землях. Генерал Паскевич поспешил принять новое назначение, не сомневаясь, что оно станет блестящим началом его славной репутации и будущих очень нужных побед.

Церемония коронации была назначена на 22 августа. За два дня до этого к удивлению всех и к удовлетворению и к чести императорской семьи внезапно приехал великий князь Константин. Он спустился к императору, который вышел встретить своего старшего брата, того, кого он первый признал своим государем. Этот приезд великого князя стал ярким и публичным доказательством его подчинения новому государю и добровольного отречения от престола. В то же время он стал драгоценным свидетельством счастливой гармонии, которая на благо империи объединяла всех членной царствующего дома. Публика была в восторге, дипломатический корпус успокоился. Это присутствие на торжестве коронации великого князя Константина должно было придать ей еще больше торжественности и заслуживает внесения в анналы истории как единственный в своем роде и замечательный пример. Народ выразил ему свое удовлетворение единодушными восклицаниями, высокопоставленные лица и все присутствующие выказали ему самое глубокое уважение. В день коронации великий князь, имевший звание генерал-адъютанта, выразил желание быть назначенным в качестве дежурного при особе императора.

С раннего утра войска заняли в Кремле свои места, колокольный звон возвестил столице о начале торжественного дня. Все население стояло вокруг собора, двор, участники церемонии, члены императорского дома, представители высшего общества, послы, иностранные представители, все поспешили занять полагавшиеся им места. Во всех местах, где должен был проехать кортеж, были возведены трибуны, все они были заняты. Все с нетерпением ожидали начала церемонии. Ее открыла императрица-мать, которая под балдахином спустилась по ступеням Красной лестницы, и торжественно заняла приготовленное для нее место в соборе. За ней следовал наследник и другие члены императорской семьи. Затем появились император с императрицей, которые в окружении вельмож, военных и гражданских чинов направились в церковь. Этот национальный и религиозный праздник проходил при самой замечательной погоде. Император и императрица оба были молоды, красивы, любезны; величественные костюмы участников

Московский Кремль во время коронационных торжеств 1826 года

церемонии, изысканные туалеты дам, украшенные трибуны, все это способствовало проведению самого прекрасного и самого впечатляющего представления, которое только можно было себе представить.

Во время священной церемонии великий князь Константин, исполнявший обязанности генерал-адъютанта, заслужил всеобщее одобрение своими неустанными и трогательными заботами об одеянии императрицы в тот момент, когда она принимала императорскую пурпурную мантию, и о шпаге императора, когда он принимал причастие и должен был расстаться с ней. Глубочайшее молчание царило под древними сводами собора, который на протяжении веков видел здесь стольких государей, принимавших корону и преклонявших колени перед Всевышним. Эта священная тишина нарушалась только молитвами церковнослужителей и мелодичным пением придворной капеллы. После окончания церемонии пушечные залпы, колокольный звон крики «Ура!» народа и войск возвестили о выходе из собора новокоронованных особ. Эти крики, подобно раскатам грома, сопровождали их при проходе через толпу вплоть до того, как они поднялись на самый верх Красной лестницы. Вид императора ослеплял красотой под драгоценностями бриллиантовой короны. Императрица и наследник, находившиеся возле императрицы-матери, также привлекали взгляды собравшихся. Невозможно было себе представить более прекрасную

семью, их вид вызывал подлинный восторг. Согласно обычаю, император и обе императрицы обедали в Грановитой палате под балдахином, им прислуживали высшие придворные чины. Затем в старинном Посольском зале обед был накрыт для дипломатического корпуса. Вечером Кремль и весь город были расцвечены огнями с той величественностью, которая объяснялась затейливыми контурами кремлевских зданий и храмов и других сооружений древнего города. Огромное количество людей наполняло улицы и двигалось в разных направлениях, масса экипажей проезжало вплоть до глубокой ночи, все это заставляло опасаться драк и беспорядков. Тем не менее, ни единый случай не побеспокоил и не омрачил этот великолепный народный праздник. Повсюду на этих многочисленных сборищах царствовали приличия и порядок. Даже на народном празднике, устроенном за пределами города, где собрались более 100 тысяч человек, разгоряченные раздаваемым бесплатно и в огромном количестве вином, где играла музыка, и разыгрывались самые различные представления, к большему удивлению иностранцев, при приближении императора народ выказывал уважение.

Люди собирались и толпились вокруг него, не затрудняя его проезд, не совершая насилий и не пользуясь сложным положением и бессилием полиции с тем, чтобы обворовать или оскорбить кого-нибудь. Такое поведение было бы сложно повторить европейским народам, которые считали себя цивилизованными и полагали, что наш народ достаточно далек от того уровня цивилизации, которого они уже достигли. Именно то, что русский народ еще богобоязнен, и сохранил уважение к своему государю и его власти, которая исходит от господа, то, что это глубокое чувство живет почти во всех русских сердцах, является гарантией порядка и безопасности. Гарантией более солидной и более надежной, чем то ощущение, которое обозначают кисельные берега народного суверенитета, равенства и всех шатких, слабых и кровавых догм французской революции.

Почти каждый день устраивались балы, которые, соревнуясь, друг с другом, демонстрировали наиболее богатую и утонченную роскошь. Балы у послов Франции[109] и Великобритании[110] соперничали в великолепии. Балы у графини Орловой и у князя Юсупова превзошли их показом местных красот и богатством обстановки. Наконец, праздники и развлечения были завершены фейерверком перед зданием кадетского корпуса. Все было сделано для того, чтобы это зрелище стало одним из самых прекрасных, какие только можно было увидеть. Только заключительный его залп включал в себя до 140 тысяч выстрелов. Казалось, что атмосфера раскололась и земля содрогнулась от чудовищного сотрясения, сопровождавшего залп 100 орудий.

Император разделял с публикой удовольствия, праздники и балы. Одновременно он работал с той же энергией, которая отличала его с момента вступления на престол. Кроме прочего, он старательно посещал все учреждения Москвы и отдавал необходимые приказания по улучшению их деятельности, каждое утро он являлся на парад, ежедневно привлекавший огромное число зрителей, несколько

раз он проводил военные учения, в которые привнес ту суровую требовательность, пунктуальное исполнение которой до сего момента отсутствовала. После пребывания в Москве в течение нескольких недель, великий князь Константин вернулся к исполнению своих обязанностей в Варшаве.

К концу пребывания в Москве с персидских границ пришло важное известие о решительной победе генерала Паскевича над неприятелем. Эта победа полностью подтвердила выбор императором именно этого генерала. Не успел он приехать в Грузию, как генерал Ермолов, как всегда обеспокоенный персидской опасностью, поручил ему командование частью войск, оставив себе большую их половину для наблюдения за движением неприятеля. Паскевич отважно атаковал персов в районе Елизаветполя, (Гянджа)* несмотря на их численное превосходство в четыре раза. После того, как он выдержал и успешно отразил несколько храбрых атак кавалерии наследника престола Аббас-мирзы, который лично командовал войсками, после введение в дело своей артиллерии, Паскевич вывел свою пехоту с примкнутыми штыками на расстояние выстрела. Неприятель не смог выдержать эту решительную атаку, дрогнул и начал отступление, которое вскоре превратилось в общее бегство. Несмотря на свою малочисленность, наша кавалерия преследовала персов и захватила большую часть их военного снаряжения. Это поражение заставило Аббас мирзу вернуться на свои территории, в течение зимы обе стороны получили время подготовиться к новым сражениям.

Таким образом, пребывание в Москве окончилось известием о победе. Часть знамен, взятых в сражении при Елизаветполе, была доставлена в столицу и положена в церкви монастыря, где жил император. Этим достойным актом были завершены празднования в честь коронации.

* * *

Все приезжие, которых привлекли в Москву служебные обязанности или любовь к коронационным торжествам, направились обратно в Петербург. Императора и императрицу встретили здесь с истинной радостью.

Между тем, персидская война привлекла все внимание правительства, позднее начальник Генерального штаба граф Дибич был направлен в Тифлис с тем, чтобы восстановить согласие между генералами Ермоловым и Паскевичем. Первый завидовал столь легко одержанной победе второго, это сильно унизило репутацию и гордость Ермолова. Дибич был уполномочен решить на месте, кому из двоих соперников доверить ведение войны и управление землями по ту сторону Кавказа. Туда же для самого активного использования был направлен и мой брат. Благодаря своей неустрашимости и деятельности, он за свою службу в 1812—1814 гг. пользовался хорошей репутацией.

* Помета А.Х. Бенкендорфа.

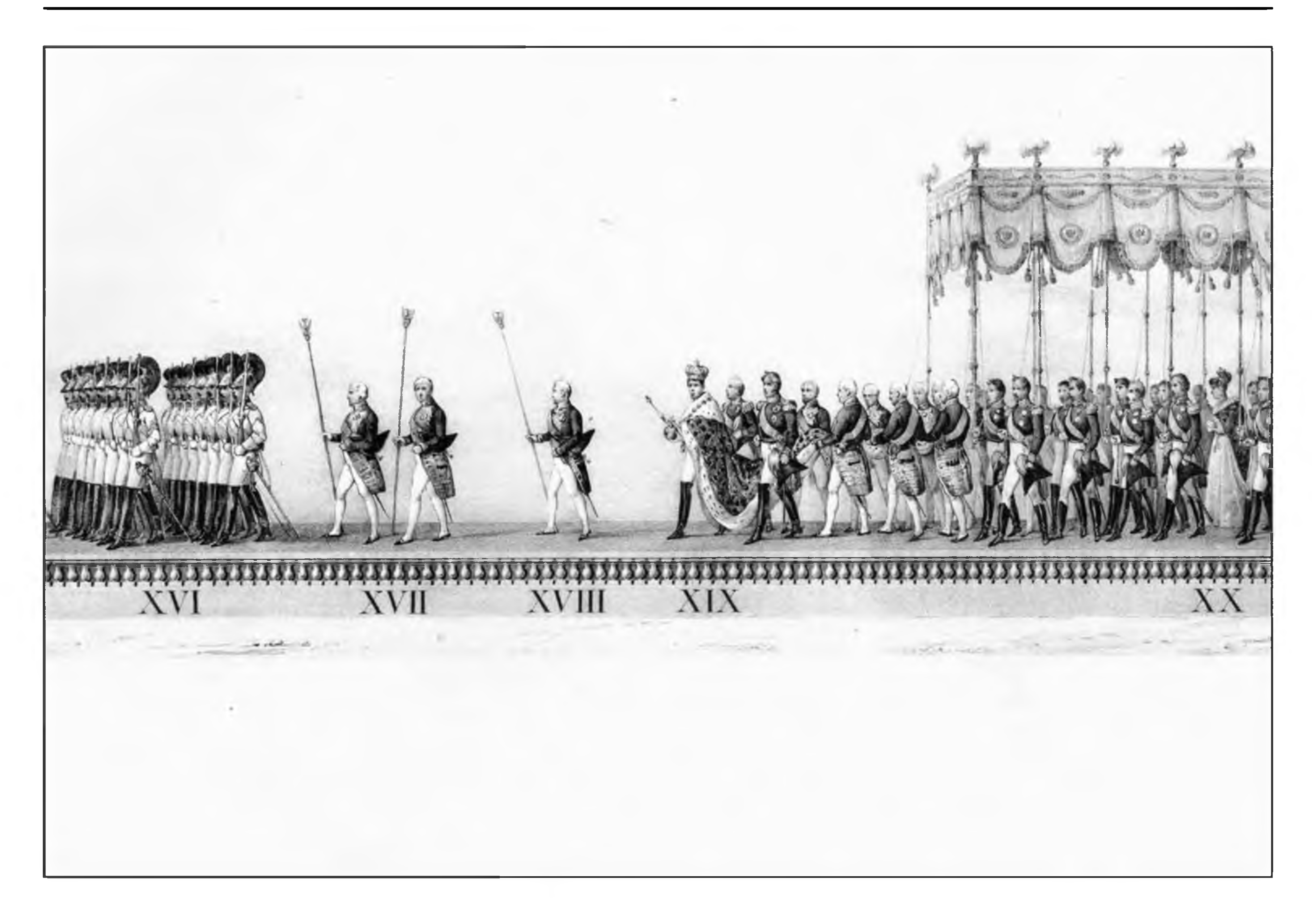
1827

Как только он прибыл в Грузию, даже до того, как таяние снегов сделало возможным переход через горы, которые отделяют Грузию от равнин Армении, во главе двух казачьих полков и каких-то 5 пехотных батальонов мой брат двинулся к монастырю Эчмиадзин, религиозной столице всех армян, где заседало их политическое руководство. Опасались, как бы враг, захватив Эривань и зная о важности этого монастыря, прочно не обосновался бы там и, тем самым, не получил бы преимущества в определении судеб армянского народа. Мой брат преодолел все препятствия, которые природа и время года возвели у него на пути. По указанию престарелого и почтенного армянского архиепископа Нарсеса, он пересек покрытые снегом горы и появился перед Эчмиадзином. Занимавшие окрестности монастыря персы были оттуда изгнаны, а монастырские ворота открылись перед русскими, которых встретили как освободителей. Тем временем, император, постоянно недовольный самоуправным и нерешительным поведением генерала Ермолова, отозвал его и заменил Паскевичем.

В Петербурге зимнее время прошло блистательно. Императрица Александра полностью восстановила состояние здоровья, подорванного потрясениями, предшествовавшими и сопровождавшими вступление на трон. Своим присутствием она украшала и оживляла балы в царской резиденции. Уже давно так искренне не развлекались, в последние годы царствования императора Александра развлечения не были многочисленны. Своим удалением от общества, строгостью и верой в мистицизм он изгнал праздники и внушил обществу своего рода строгость и лицемерие, которые останавливали проявления радости молодежью и разделили петербургское общество на маленькие группы. Все как будто пробудились от грустного и монотонного существования и предались танцам и свободе больших собраний, которые поддерживались двором, и для которых самым лучшим примером стало благоволение императрицы и простота поведения императора.

В то же время, государь, не отказываясь от развлечений, продолжал свою активную и полезную деятельность. Еще в качестве великого князя он был шефом инженерного ведомства, которое, благодаря его неустанным заботам, вышло из полной нищеты. Несмотря на огромный груз государственных дел, он продолжал с интересом следить за работами этого важного рода войск. Он пожелал лично осмотреть, как продвигаются работы по сооружению крепости Динабург, которыми он лично руководил на протяжении многих лет. Итак, он выехал в эту крепость, взяв с собой только графа Дибича. Оттуда он направился в Ригу, где ему был оказан самый радушный прием. Со времен Петра Великого Ливония была счастлива под скипетром российских государей, которым была искренне предана. Она не имела другого желания, как только оставаться в тот счастливом положении, в котором она пребывала вот уже 150 лет.

За время своего пребывания в Риге, император получил несколько трофеев, отбитых у вероломных персов. Император оставил их в городе с тем, чтобы

Коронационная процессия

сохранить в кафедральном соборе, где уже находились доспехи и щиты древних рыцарей крестоносцев, которые, в конце концов, были побеждены русскими и предками этого самого дворянства, которое с этих пор влилось в ряды нашей армии, где служило храбро и преданно. Из Риги император направился в Ревель, куда мне было приказано прибыть. Такой же приказ получил князь Петр Волконский, бывший при императоре Александре начальником Генерального штаба, а теперь являвшийся министром императорского двора. Ревель был счастлив видеть своего молодого государя. Здесь, как и в Риге, он интересовался малейшими деталями военного и гражданского управления, в частности, он направлял свой внимательный и проницательный взор на вопросы воспитания молодежи, на те улучшения, которые требовала работа Ревельского порта. Он соблаговолил принять приглашение на обед, который был дан в его честь дворянством, и на бал, устроенный горожанами или низшим сословием.

После возвращения в столицу император деятельно занялся реорганизацией на флоте. Он поставил адмирала Крузенштерна во главе морского кадетского корпуса. Подобный выбор стал дополнительной гарантией морального воспитания и научного образования этих молодых людей, Крузенштерн как умелый моряк уже пользовался общеевропейской известностью, а качества его характера сделали его наиболее подходящим человеком для воспитания офицеров. Никогда

не мечтавший стать моряком князь Меншиков, который недолгое время учился заниматься морскими делами, был вначале назначен в Адмиралтейство с целью внедрить там тот порядок, который был им наведен в канцелярии Главного штаба. Некоторое время спустя, он был назначен начальником Главного морского штаба. Император обладал талантом предсказывать, кто будет ему полезен на этом новом посту, и, конечно, он сам мощно помог в восстановлении порядка в разрушенном управлении морским делом, и в извлечении его из того забвения и нищеты, в котором оно оказалось в последние годы царствования императора Александра.

Ближе к лету император отправился в Вязьму для того, чтобы провести смотр 2-му армейскому корпусу под командованием князя Щербатова. Его сопровождали граф Петр Толстой, исполнявший обязанности начальника Главного штаба армии во время пребывания графа Дибича в Грузии, и развлекавший Его Величество в Вязьме, а также граф Чернышев и я. После представления на параде, войска два дня были на маневрах, которыми император остался полностью удовлетворен. Он раздал награды военным и предоставил городу Вязьме компенсацию потерь, понесенных ее в 1812 году, во время наступления и стремительного отступления армии Наполеона.

Между тем, персидская кампания продолжилась. Практически отрезанные в монастыре Эчмиадзин силами втрое превосходящей неприятельской кавалерией, войска под командованием моего брата, восстановив силы и припасы, решились дать сражение. Казаки были испуганы превосходством персов, которые их постоянно преследовали. Противник имел превосходство, как в численности, так и в качестве лошадей и снаряжения. Брат придумал поддержать казаков пешими егерями, которые должны были повторить их маневры и направиться прямо на противника. Встав во главе казаков, брат лично подал сигнал к атаке и стремительно обрушился на основные силы персидской кавалерии. Первой же атакой персы были смяты и обратились в бегство. Неприятельский командир был взят в плен, много прекрасных кавалеристов было повержено, остальным же удалось спастись только стремительным бегством. Этот блестящий успех в начале кампании вернул казакам их отвагу, позволил моему брату восстановить свои коммуникации и даже приблизиться к Эриваньской крепости, которая считалась неприступной и которую охранял многочисленный гарнизон. Он организовал блокаду крепости в тот момент, когда генерал Паскевич со своей небольшой армией вышел из Грузии и уже нагнал страху на персов, которые столь опрометчиво бросили перчатку России. Большие трудности, которые противостояли на этих землях нормальному снабжению и регулярным перевозкам, сильно препятствовали первым действиям Паскевича. Будучи столь же осторожен, сколь и храбр, он ничего не желал предоставить случаю, и не хотел наносить удар, не имея уверенности, что сможет развить успех.

Персы воспользовались зимним временем для того, чтобы усилить свои оборонительные возможности, и призвать на помощь курдов, дикую народность, известную своим мужеством, которые продавали свои услуги то персам, то туркам.

Они посеяли смуту в горах Кавказа, которые омывает Каспийское море. Там жили мужественные лезгины, которые не осмелились подняться против нас, но это население всегда было готово к грабежам и к борьбе против русских, которые на протяжении 40 лет подавляли и наказывали их бунты на плодородных землях Грузии.

Аббас мирза, которому его отец шах[111] доверил руководство этой войной, сделал все для того, чтобы победить нас с выгодой для себя. Но вместо того, чтобы нападать, он, после сражения под Елизаветполем, был вынужден заботиться об обороне. Эривань и другие крепости, как Сардарабад, затрачивали огромные усилия для обороны. Армянское население, которое, как было известно Аббасу мирзе, желало быть частью России, уводилось вглубь Персии, их жилища были разрушены, а урожаи разграблены или сожжены. Регулярные полки, сформированные в последние годы с помощью английских офицеров, получили подкрепление, артиллерия увеличилась, ничто не было упущено для того, чтобы придать этой войне необходимую энергию. Ведь ее результатом должно было стать завоевание у Грузии Имеретии и Мингрелии и полное изгнание русских из Закавказья.

Несмотря на свою гнусную скупость, шах не берег ничего, чем бы он мог усилить армию, он опустошил свои хранилища, его резиденция превратилась в мастерскую по производству пушек, ружей, военного снаряжения и обмундирования. Казалось, вся нация стремилась помочь его завоевательным планам, народ стал вооружаться, шахские вельможи уже оспаривали друг у друга трофеи, которые им должна была дать победа.

Россия, со своей стороны, приготовила для сражений армию общей численностью свыше 30 тысяч человек, которая должна была охранять наши земли, защищать их со всех сторон от враждебных и воинственных племен, которые нас окружали. Для сообщения с остальной Россией наша армия располагала только узкой и извилистой тропинкой, идущей через пропасти и снега, а также мимо всех разбойников кавказских гор. Конечно, персы могли лелеять некоторые надежды на победу, если бы еще свежие сохранившиеся в их памяти примеры не подтверждали, что горстка русских солдат весьма часто разрушала все препятствия и побеждала превосходящего по численности противника.

* * *

Обе армии были разделены стремительным как всегда в начале лета течением реки Аракс. Персидский авангард расположился в районе крепости Сардарабад и предпринимал попытки форсировать реку для того, чтобы снять осаду с важной для них Эриваньской крепости. Как только мой брат получил соответствующие инструкции, он во главе 2 пехотных батальонов и тысячи казаков направился навстречу противнику. Персидская кавалерия силой до 4 тысяч всадников уже пересекла Аракс, но, увидев, что ее маневр раскрыт, вернулась на другой берег и заняла позицию там, где небольшая речка Санги впадает в Аракс. Было почти невозможно пытаться пересечь Аракс под огнем превосходящего по численности неприятеля. Оставив часть пехоты перед персидскими позициями, мой брат двинулся вверх по реке Аракс и, находясь вне пределов досягаемости

неприятельского огня, с риском утонуть, переправил часть своих людей на другой берег. Казаки быстро осуществили этот смелый переход, и построились на фланге неприятеля, который был защищен еще небольшой речкой Санги. Оставшаяся на другом берегу пехота подошла к реке Аракс и начала стрельбу в тот момент, когда мой брат с войсками частично вброд, частично вплавь переправился через речку Санги и атаковал персидскую конницу. Не ожидавший столь отважного нападения противник оказал лишь слабое сопротивление, и начал в беспорядке отходить к Сардарабаду, бросив свои обозы, палатки, около 100 убитых и раненных всадников, знамена и несколько сот армянских семей, угнанных персами из деревень приграничных районов[112].

Эта блестящая победа вырвала из вражеских рядов одно из варварских племен, которое на следующий день под руководством своего султана Аслана присоединилось к нам и принесло присягу на верность российскому императору. Отряд моего брата, который блокировал Эривань и занимал Эчмиадзинский монастырь, где был оставлен гарнизон, находился на правом фланге нашей операционной линии, опиравшейся, также на гору Арарат. У подножия этой горы возвышался Эчмиадзинский храм, одна из первых святынь христианской религии. Наш левый фланг (опиравшийся на небольшую крепость Шушу, которая во время прошлогоднего неожиданного рейда Аббас мирзы чудесным образом сопротивлялась ему) состоял из отрядов под командованием князя Мадатова и генерала Панкратьева. Оба начали кампанию с того, что полностью очистили наши границы от вражеских частей, которые занимались разбоем и грабежом. Многие семьи из вюртембергской колонии, которые уже более десяти лет обосновались на этих азиатских землях с мягким климатом, оказались жертвами начавшейся войны. Часть из них увели вглубь персидской территории, и освобождены они были только после окончания войны, другая их часть была освобождена генералом Панкратьевым.

В Эривани неприятель начал ощущать недостаток продовольствия, его неоднократные попытки осуществить прорыв были успешно отражены. С каждым днем строгая блокада все больше и больше отнимала надежду у гарнизона. Наконец, 21 мая генерал Паскевич собрал все силы, наладил коммуникации и перешел через знаменитую гору Безобдал, которая два месяца назад оказалось столь серьезным препятствием на пути отряда моего брата. В это время он стремился захватить наиболее отдаленные районы для того, чтобы обеспечить себя припасами. Видя, что вражеский туземный отряд приблизился к реке Кирк Буру, он послал туда 400 черноморских казаков во главе с храбрым майором Вербицким. Ему удалось опередить туземцев, которые после слабого сопротивления сдались в плен или обратились в бегство. Так как пленные оказались из того же племени, которое вместе со своим султаном Асланом перешло на нашу сторону, то мой брат отпустил их на свободу, показав столь необычным для этих азиатских мест способом, что сдача к нам в плен не грозит никакими опасностями. Через несколько дней мой брат с пехотным батальоном, двумя пушками и 1000 казаков направился

Персидский наследный принц Аббас-Мирза

к Сардарабаду, куда с берегов Аракса пришел один из кавалерийских командиров Гассан-хан. Храбрый Вербицкий с двумя сотнями казаков был направлен в разведку, атаковал приблизительно равный ему по силе отряд персов и опрокинул его. Но, увлеченный погоней, его слабый отряд попал в засаду, где был окружен и расстроен. Он сам заплатил жизнью за свою неосмотрительность. Около половины его отважных казаков была разбита в пух и прах после безнадежной защиты. Они все погибли бы, если бы не подоспело подкрепление, отправленное моим братом для их спасения. Зная о движении русского отряда, Гассан-хан отступил под защиту пушек Сардарабада, а мой брат вернулся к осаде Эриваня. Вскоре различные туземные племена, обманутые блестящими обещаниями персов, начали разочаровываться в союзе с ними и задумались о присоединении к русским. Так, со стороны Дагестана во главе более трех тысяч человек генералу Панкратьеву сдался Мехти Кули хан, которого у нас приняли со всем вниманием и заботами, на которые этот новый подданный мог рассчитывать для себя и своих соплеменников. Не успел генерал Паскевич дойти до Эчмиадзинского монастыря, как брат султана Аслана поздравил его и принес от имени воинственного и весьма многочисленного племени шадлинцев присягу на верность. Наша армия продолжала движение в направлении Нахичеваня. У Эриваня и Эчмиадзина моего брата сменил генерал Красовский, который дал энергичное и весьма

кровопролитное сражение войскам Гассан-хана, но, в связи с движением армии Паскевича, последний был вынужден очистить территорию. В результате многочисленные туземные племена объявили о своей верности России. Узнавший о продвижении нашей армии Аббас мирза направился во главе 16 тысяч человек и почти всей конницы ей навстречу, но не сумел остановить наши войска, которые заняли Нахичевань, где и стали лагерем. Сильная жара, нехватка воды и защиты от солнца сделали этот марш от Эчмиадзина крайне тяжелым, тем более, что он был осуществлен за шесть дней безо всякой остановки. Часть войск была направлена к крепости Абасабад и без промедления приступила к ее осаде. Едва начали рыть траншеи, как 7 июня стало известно, что для освобождения местности сюда направляется армия в 40 тысяч человек, которую возглавлял лично шах, наследник престола Аббас-мирза, Гассан-хан и другие персидские полководцы. Не колеблясь ни минуты, Паскевич оставил часть своих войск для продолжения осадных работ, а сам быстро двинулся навстречу врагу. Впереди пехоты шел полк Нижегородских драгун, уланы, казаки и грузинская конница.

Враг вышел навстречу нашего движения и начал сражение. Наша кавалерия, которой командовали мой брат, князь Эристов и генерал Иловайский, встретила его неоднократными ружейными залпами. Численное превосходство персов позволило им опрокинуть наше правое крыло и, казалось, командовавший этой многочисленной и прекрасной кавалерией Аббас-мирза получил заметное преимущество. Персы заняли выгодную позицию перед Джеванбуло и начали разворачивать свои войска. Массой кавалерии они угрожали левому флангу нашей армии. Паскевич приказал моему брату опрокинуть их, что и было с успехом и тщательно исполнено в тот момент, когда пехота с артиллерией впереди двигалась прямо в центр вражеской позиции. Дело длилось недолго, персы начали отступать, и нашей кавалерии осталось лишь преследовать их. Шах со своей пехотой отступил в самом начале боя, Аббас-мирза был обязан своим спасением лишь быстроте ног своей лошади, многие командиры попали в руки нашей кавалерии, которая окончила преследование лишь на расстоянии 15 верст от поля боя. Главное неприятельское знамя, называвшееся непобедимым, оказалось в числе трофеев этого дня, успех которого объяснялся только стремительностью действий генерала Паскевича по предотвращению планов неприятеля. Не дав отдыха солдатам, уставшим от боя, 35 верстного перехода и невыносимой жары, наш молодой и горячий генерал не пожелал отказываться от плодов победы и сразу же вернулся под стены Абасабада, где потребовал открыть ему ворота. Узнав от пленных о поражении своего единственного спасения, на которое он рассчитывал, комендант крепости немедленно предоставил главнокомандующему ключи от города, доверенного его защите. На утро следующего дня составленный из регулярных войск гарнизон прошел перед Паскевичем и сложил свое оружие в центре нашего лагеря. Батальоны московской гвардии и корпуса гренадер, сформированные после восстания 14 декабря из всех виновных солдат этих двух полков, и направленные в Грузию заслужить прощение своих ошибок, вошли парадным маршем в Абасабад.

Победа у Джеванбуло имела еще один важный результат — объявление о добровольной покорности России туземного населения Карабаха. Они даже послали специальную делегацию с тем, чтобы предложить свою активную помощь в борьбе с их бывшим государем — персидским шахом. Более тысячи армянских семей запросили сопровождение для отправки вплоть до нашей границы. Оно было им предоставлено, и они отправились, не опасаясь персидских частей, которые были слишком слабы для того, чтобы попытаться отбить у наших войск сопровождения это население, уводимое из-под самого носа их армии. С другой стороны, генерал Сипягин сообщил, что куринцы и мокразы, это лезгинское население, жившее в почти неприступных горах Дагестана, также обратились с выражением своей покорности.

Между тем, Аббас-мирза не был человеком, так легко отступавшим от своих планов. Придя в себя после поражения, он собрал свои войска и даже пожелал беспокоить линии коммуникаций нашей армии и поддержать Эривань, блокада которого осуществлялась лишь слабым отрядом. Вскоре, оставив в районе Абасабада часть войск под командованием князя Эристова, генерал Паскевич с остальной армией произвел маневр с тем, чтобы расстроить прекрасно согласованные планы Аббас-мирзы. Последний находился в это время около Сардарабада. Вскоре там появился Паскевич, и, так как персы не мешали ему подойти к крепости, главнокомандующий решил атаковать ее. Наконец, к Эчмиадзину подошла осадная артиллерия, прибытие которой было сильно затруднено переходом через горы. С самого начала войны по дальновидному приказу императора осадная артиллерия была перевезена из Киева в Тифлис. Из-за больших трудностей при переходе кавказских гор даже полевой артиллерии, мысль о перевозке осадных орудий никогда не возникала. Но был получен приказ императора, он был исполнен, и мы увидим то преимущество, которое, благодаря этому, будет получено в ходе этой войны. Именно эту артиллерию ждал главнокомандующий для того, чтобы победоносно закончить осаду Эриваня. Он был слишком осторожен для того, чтобы двинуться вглубь Персии, не будучи уверен в своих коммуникациях, а Эривань был ключевым их звеном не только с точки зрения военной, но и моральной. Персы, местные народности и даже армяне рассматривали эту крепость как неприступную и как назначенную судьбой стать могилой для русских.

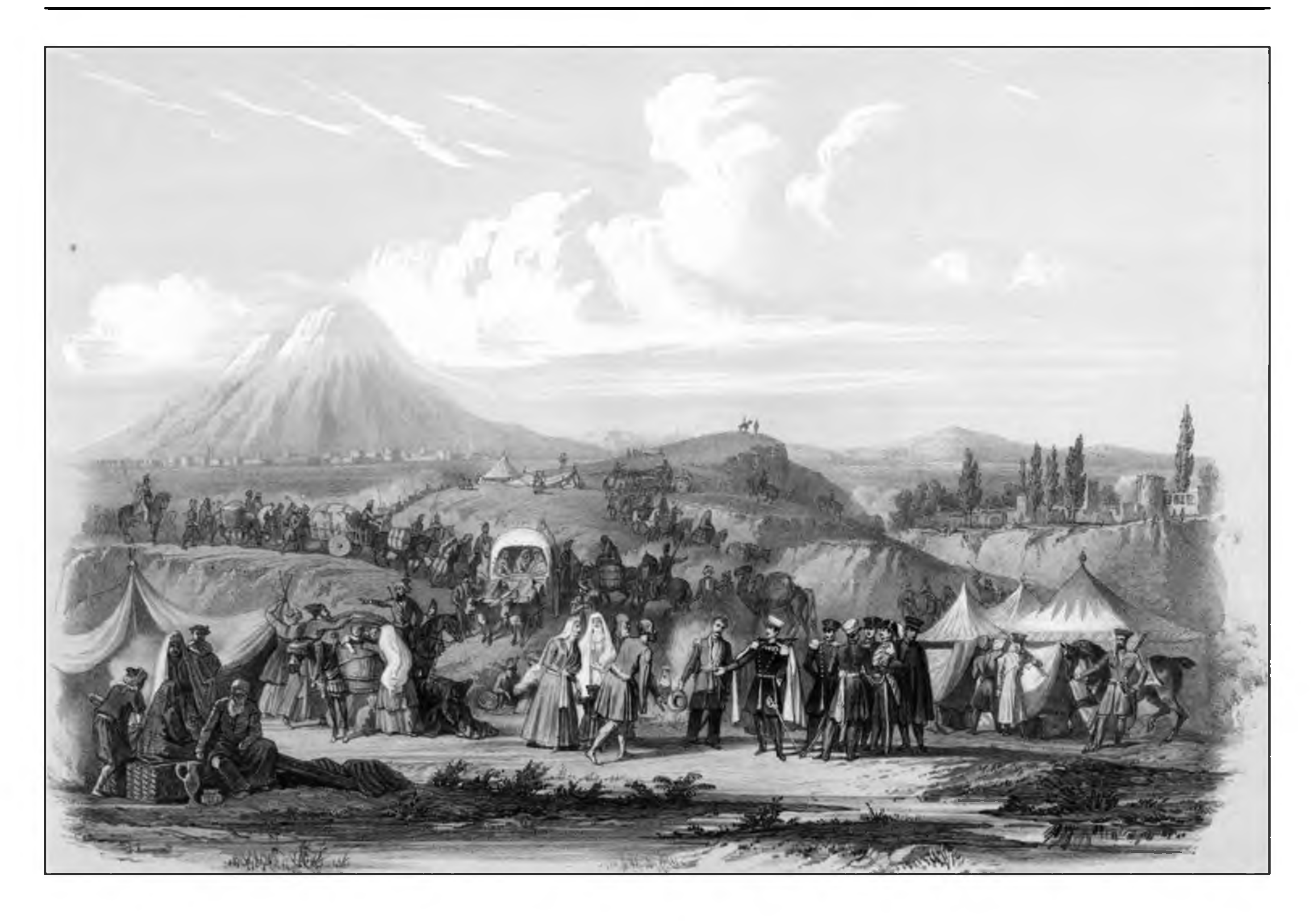
Паскевич осуществил все необходимое для этой осады и для подвоза припасов, сформировав транспорт для продолжения операций. Со всех сторон в его лагерь прибывали армяне для того, чтобы продать там своих животных и зерно. После того, как он убедился в наличии запасов провизии для солдат, Паскевич приказал перевезти под Сардарабад часть осадной артиллерии. Эта крепость была защищена древними стенами, бастионами и 3 тысячами человек под командованием Фетали-хана. Батареи были построены, и началась бомбардировка. В течение трех дней гарнизон оказывал отчаянное сопротивление, но, видя, что разрывами бомб стены разрушены, а их дома разбиты, защитники попросили три дня для подготовки капитуляции. Наш ответ был следующим: «Если в течение часа

городские ворота не будут открыты нашим войскам, то гарнизон будет ходить по лезвию ножа» и обстрел будет возобновлен с еще большей силой. После этого персы в беспорядке бросились вон из города через ворота, находившиеся с противоположной стороны от тех, которые мы осаждали, и рассеялись по прилегающей местности. Наша пехота разбила ворота и стала хозяйкой в городе. Мой брат и генерал Розен во главе уланского, драгунского полков и казаков были направлены на преследование убегавших, и настигли несколько батальонов. Тех, кто оказывал сопротивление, зарубили, остальных взяли в плен. Сам Гассан-хан был покинут в Сардарабаде, с ним осталось всего около 100 кавалеристов, которые под покровом следующей ночи сбежали в Эривань. В городе мы нашли запасы провизии достаточные для того, чтобы прокормить всю нашу армию в течение месяца, много пороха и 20 артиллерийских орудий.

Не успел пасть Сардарабад, как Паскевич поспешил атаковать Эривань. Батареи были установлены, вскоре летучие отряды доставили их почти к самым укреплениям. Все войска были исполнены мужества и отваги. День и ночь продолжались работы, огонь наших батарей достигал всех уголков города. В надежде спасти Эривань, Аббас-мирза всеми своими силами атаковал Нахичевань. Князь Эристов вышел ему навстречу и заставил персов вернуться на свои прежние позиции. Стены Эриваня, обстрелянные в двух местах ядрами большого калибра, начали шататься. Неприятельские батареи были снесены, амбразуры разбиты, на откосах появились наши укрытия, самые храбрые офицеры уже начали измерять глубину рва. В этот момент многие жители, убегая от опасности, спустились через проломы в стене и укрылись в нашем лагере. Благодаря этому, наши офицеры убедились в возможности проникнуть в город и сообщили эту новость главнокомандующему. Все схватили оружие и начали подниматься к проломам, пока с другой стороны подрывали ворота. Со всех сторон мы стали проникать в город. Схватка продолжалась несколько часов, захваченные врасплох персы оставили укрепления и укрылись в мечетях и в домах. С новой силой сражение продолжилось во всех кварталах города. С несколькими сотнями солдат Гассан-хан занял оборону и оказывал отчаянное сопротивление. Во главе роты солдат генерал Сухтелен пробился в это укрепление и собственноручно разоружил этого одного из самых ожесточенных военноначальников персидской армии. Плодами этого блестящего штурма стало пленение командиров различного уровня, 3000 человек, захват более 60 орудий, знамен и большого количества самого разного снаряжения. Едва было подавлено сопротивление, как в наших славных войсках были восстановлены дисциплина и порядок. Ничто не было разграблено, никто из местных жителей не пострадал.

* * *

В Эривани Паскевич оставил четыре полка во главе с генералом Красовским с тем, чтобы быть уверенным в обладании этой важной крепостью, так и для того, чтобы обеспечить тылы своей армии. Стремясь воспользоваться тем впечатлением, которое должно было произвести на персов падение Эриваня, он сам без

Переселение армян из Персии в Россию. 1828

промедления направился к Тебризу, резиденции Аббас-мирзы и прежней столицы Персии. Перед ним двигался отряд князя Эристова, авангардом которого командовал генерал Панкратьев. Он нашел противника в укреплениях, защищавших дорогу к Маранду. С ходу неприятель был атакован, опрокинут, и он вошел в Маранд, жители которого встретили его проявлениями радости, как если бы он был их освободителем.

В Тебризе царил полнейший беспорядок. Командовавший гарнизоном Алаяр-хан приготовился к обороне, но к счастью жители города были предупреждены о дисциплине наших войск и, будучи уверены в полной бесполезности сопротивления, открыто воспротивились сражению. Напрасно Алаяр-хан угрожал и демонстрировал суровость командира, столь возмущенного трусостью. Никто не подчинялся его приказам, и в результате он мог рассчитывать только на небольшое количество регулярных войск, находившихся в городе в качестве гарнизона.

Даже Аббас мирза был покинут сарбазами, которых он так заботливо организовывал и обучал в течение нескольких лет, они побросали оружие и разбежались. Он был вынужден удалиться от своей резиденции, имея не более 3 тысяч кавалеристов, которые сохранили ему верность. Зная о положении дел, Паскевич ускорил свое движение, 14 октября князь Эристов подошел к Тебризу и расположил свои войска в пушечном выстреле от города. Для начала атаки были выделены

два батальона под командованием генерала Панкратьева. Защищавшие подходы к городу небольшое количество войск не стали дожидаться атаки, а спаслись бегством. Тогда во главе с мусульманскими священнослужителями к нашим солдатам вышли горожане. Они выказали в некотором роде удовлетворение и сердечность, которые не оставляли сомнения в их миролюбивых настроениях и свидетельствовали о плохом управлении и тиранстве со стороны Аббас-мирзы. Без колебаний генерал Панкратьев принял приглашение жителей и с музыкантами впереди вошел в эту древнюю и густонаселенную столицу Персии. Народ окружал и выступал впереди наших войск так, что можно было бы сказать, что это был национальный триумф. В каком-то опьянении народ бросился к дворцу Аббас-мирзы и начался грабеж. Но русская гвардия ринулась вперед с тем, чтобы предотвратить это народное возмездие, спасти и сохранить богатства и обстановку того самого Аббас-мирзы, который столь бесчестно нарушил договоры, грабил и разорял границы нашей империи. Покинутый всеми губернатор Алаяр-хан скрылся в одном из пригородных домов, в котором он надеялся спрятаться и от русских и от персов, но был выдан одним своим соплеменником, казачий офицер схватил его в этом укрытии. В Тебризе мы нашли 40 артиллерийских орудий, тысячи ружей и склады, заполненные боеприпасами и провиантом. Видя, как рухнуло его могущество, как пала его резиденция и разбежалась армия, Аббас-мирза поспешил направить генералу Паскевичу свои поздравления и условиться о встрече, в ходе которой начать обсуждение условий мира.

В Тебризе и на всех захваченных территориях главнокомандующий назначил временное правительство, составленное из трех русских генералов и из наиболее высокопоставленных чиновников Тебриза, которые раньше участвовали в управлении. Все старались поддерживать в прежнем порядке, особо защищали мусульманскую религию. Паскевич и его армия дали персидскому народу пример уважительного отношения и доверия к шаху, делалось все, чтобы не нанести вред авторитету государя, которого народ ненавидел за его обиды и самоуправство. Паскевич направил отряд для занятия небольшой крепости Аланджи, которая была оставлена неприятелем, несмотря на ее почти неприступное расположение. В Карабахе разбежались остатки персидской армии. В Тебриз прибыла депутация руководителей города и округа Маранд для того, чтобы попросить защиты русской армии и принести свидетельство о своей покорности. Паскевич вошел в Тебриз со всеми воинскими почестями. У ворот его встретили городские власти и население этого большого города, дорога, по которой он направился в свою резиденцию, была выложена цветами и украшена коврами.

В нетерпении положить конец разрушениям, в том числе и тем, которые он произвел за последний год в России, Аббас-мирза направил к Паскевичу первое должностное лицо государства — каймакама — с тем, чтобы наметить основные положения мирного договора. В качестве подтверждения искренности своей миссии он привел с собой несколько сот русских, которые в начале войны попали в персидский плен. Тебриз и живший там английский посланник стали свидетелями

величественного зрелища, когда вся наша армия собралась на благодарственную молитву, а затем прошла парадным маршем перед главнокомандующим. На всех присутствовавших произвели сильное впечатление прекрасное состояние, воинское снаряжении наших войск и многочисленная артиллерия, что лишило персов остатков надежды на сопротивление, которую они, возможно, питали в глубине их разбитых душ. Было решено, что Аббас-мирза лично прибудет для того, чтобы вести переговоры о мире, которые должны были проходить в небольшом городке Декаргане.

Мой брат во главе значительного отряда был направлен навстречу наследнику персидского престола, одновременно он должен был контролировать район Чевичзера. Генерал Иловайский занимал основные пункты на местности. Все провинции государства, даже самые отдаленные, приготовились принимать наши войска хлебом-солью. Даже мысль о сопротивлении была невозможна в связи с миролюбивым настроением населения, а правительство чувствовало себя связанным скромным поведением нашей армии.

Мой брат встретил Аббас-мирзу со всевозможными воинскими почестями, включая артиллерийский салют, в соответствии с высказанным самим принцем пожеланием. Он самым внимательным образом осмотрел наши войска и вполне определенно высказался об искренности своих миролюбивых настроений и прибыл в Декарган в сопровождении только сотни персидских кавалеристов. Там он был встречен почетным караулом, составленным из драгун и из тех же самых курдов, которые еще так недавно храбро сражались под персидскими стягами, а теперь с той же отвагой служили под победоносными знаменами России.

Навстречу генералу Паскевичу был направлен сын Аббас-мирзы Хосрев мирза. Все соответствующие случаю проявления вежливости, взаимные визиты были соблюдены со всей тщательностью и важностью, которые предписывались азиатскими обычаями. Уже на первом заседании было заключено перемирие и прекращены враждебные действия со всех сторон. Одновременно персы затягивали дело, продолжали свою вероломную и непоследовательную политику и препятствовали проведению переговоров. В тот момент, когда, казалось, переговоры подходили к концу, шах прислал сообщение о том, что он не может согласиться на предлагаемые статьи и что он скорее предпочтет вновь взяться за оружие, чем подпишет условия, которые он считает позорными.

Аббас-мирза был обескуражен столь же внезапными, сколь и необъяснимыми изменениями и решил немедленно направиться в резиденцию своего отца в Тегеране с тем, чтобы заставить его изменить свое решение. Эти изменения в направлении мыслей шаха были вызваны иностранным влиянием. Турция уже готовилась к разрыву отношений с Россией и изо всех сил стремилась к продолжению войны, так как ее окончание высвобождало большую часть нашей армии в Грузии. Англия всегда завидовала русскому преобладанию в Азии, которое объяснялось нашими позициями по ту сторону Кавказа, она также подталкивала шаха к продолжению войны. Наконец, скупой свыше всякой меры шах, не мог расстаться

с теми золотыми слитками, которые мы требовали от него в качестве компенсации расходов, на которые мы вынуждены были пойти в связи с тем, что он нарушил договоры. Паскевич тут же отозвал приказы о перемирии, и захватил выгодно расположенный, сильно укрепленный и густонаселенный город Урмию. Генерал Сухтелен направился к Ардебилу, ворота которого были ему открыты, везде наши войска продвинулись вперед, и везде местное население встречало их с радостью. Получив эти известия, шах испугался и после переговоров со своим сыном Аббас-мирзой он написал непосредственно Паскевичу, умоляя его остановить наступление, обещая принять все условия и вновь прислать своего сына с тем, чтобы он подписал договор о мире в том виде, как он уже был продиктован российским императором. Персия навсегда передавала России Эриванское и Нахичеванское ханства, которые становились областями Армении, дополнительно она выплачивала сто миллионов рублей в качестве компенсации наших военных издержек.

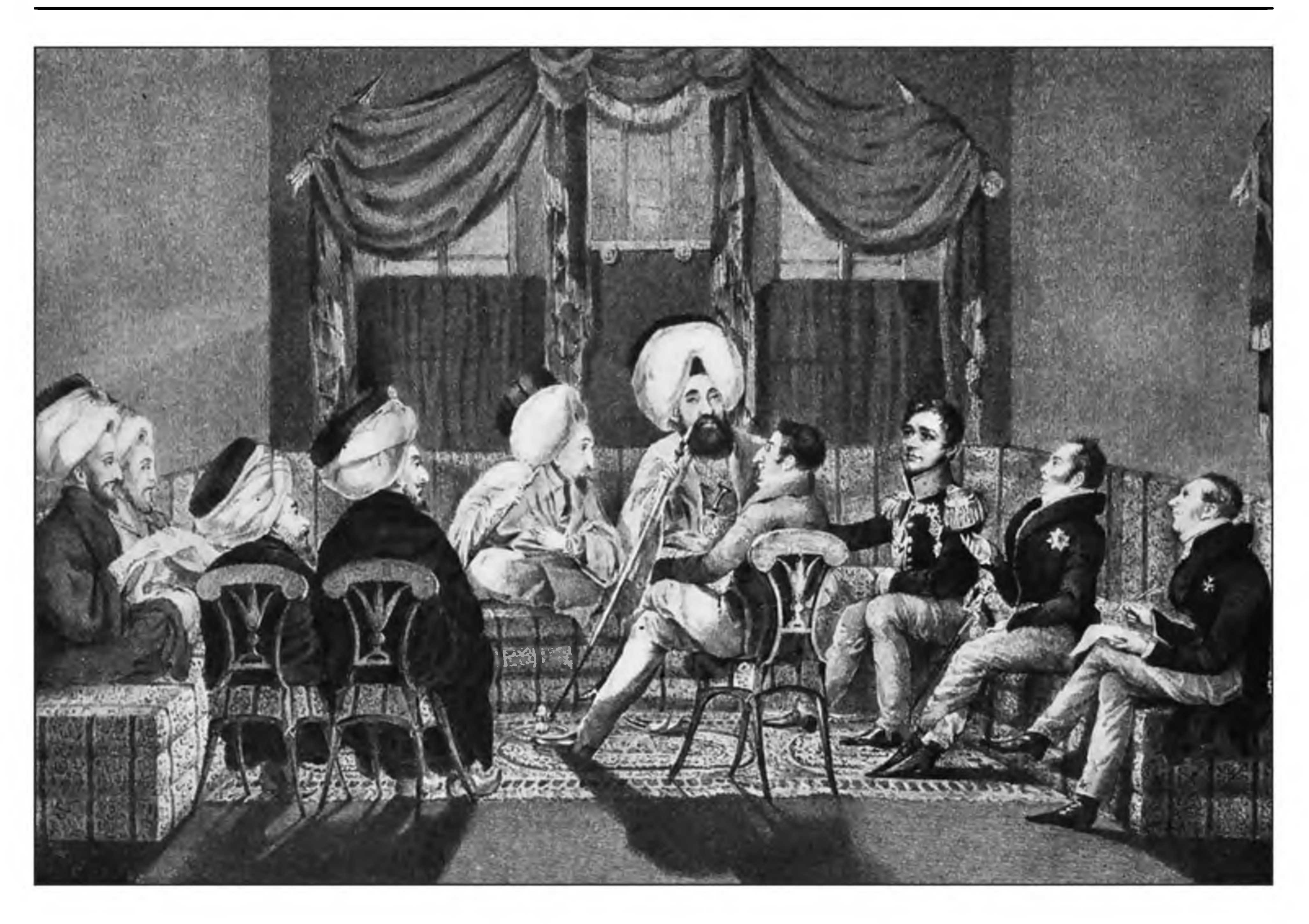
Таким образом, победой России, славой Паскевича и наших войск окончилась эта война, которая началась из-за вероломства и честолюбия Персии, а, возможно, и из-за ревности Англии и интриг Оттоманской Порты.

1828

В последние годы своей жизни император Александр уже предвидел печальную необходимость войны с Портой, которая под различными предлогами уклонялась от выполнения Бухарестского договора 1812 года. Наша смертельная схватка с Наполеоном, его возвращение к власти в 1815 году и связанные с этим политические разногласия, восстановление Польского королевства, все это естественным образом отдалило императора и его правительство от хода восточных дел и дало Оттоманской Порте передышку, внушило мысль уклониться от выполнения договоренностей и даже дало надежду сократить или вовсе отменить данные обязательства.

После своего вступления на престол император Николай нашел этот вопрос в незавершенном состоянии. Российская торговля испытывала не только трудности, но и притеснения, состояние дел не могло оставаться в том же унизительном для России положении. Претензии Турции увеличивались по мере того, как откладывались наши ответные действия. С другой стороны, император был занят исполнением дел, которые смерть императора Александра возложила на него, он был настроен против того, чтобы увеличивать трудности начала царствования новой войной, унизительной для его страны, заботы, о ведении которой должны были отдалить его от дел внутренних, столь настойчиво требовавших всего его внимания. Начиная с 1826 года, он предложил проведение дипломатических переговоров с целью мирного разрешения осложнений и трудностей, возникших между

Аккерманская конференция в 1826

двумя странами. Турция согласилась с целью еще оттянуть время или добиться изменений в договоре. Местом проведения переговоров был избран Аккерман, куда вместе с нашей делегацией прибыл граф Воронцов, назначенный российским представителем. Со своей стороны туда прибыл и турецкий представитель. После многочисленных затяжек и ложных заявлений с его стороны, делегаты, тем не менее, убедились, что состояние дел, кажется, позволяло обеспечить мир или, по крайней мере, отсрочить разрыв отношений. Это было только притворство, по сути, положение оставалось нерешенным, все свидетельствовало о неискренности турецкого правительства и о его надеждах на благоприятные изменения в будущем. Греческие дела настраивали Порту против нас. Несмотря на заверения императора Александра, несмотря на публично высказанное им недовольство ложным возмущением князя Ипсиланти в Молдавии[113], Порта продолжала считать Россию причиной бунта в Дунайских княжествах и обвиняла ее в поддержке восстания в Греции. В этот момент взаимного недовольства и недоверия случилось событие, повергшее в удивление всю Европу, — неожиданное и кровопролитное Наваринское сражение. Наш флот совместно с английскими и французскими кораблями разбил турецкую эскадру, сжег и захватил турецкие суда и перебил их матросов. Как объяснить, что это ожесточенное сражение, в ходе которого были разбиты объединенные морские силы Турции и Египта, оказалось неловкой

неожиданностью, что оно не нарушило доброго согласия, существовавшего между этими двумя дворами и Константинопольским Диваном? Было очевидно, что такие обстоятельства очень трудно было понять и еще труднее правильно оценить. Отношения между Портой и Петербургом еще более обострились, наша торговля подверглась новым покушениям, никто не собирался исполнять данные в Аккермане обещания. Наконец, разрыв стал неизбежным.

Все готовились к войне, к концу зимы из Петербурга вышла гвардия за исключением кирасирской дивизии и одного пехотного батальона. Молодежь с удовольствием наблюдала, как перед ней открывалась возможность трудной и славной карьеры. В целом, публика без воодушевления отнеслась к этому новому разрыву, отношение ее к войне совершенно не включало в себя элементы патриотизма. Слишком часто в прошлом этот давний недруг России и православной веры был покорен нашими армиями, он стал слишком слаб для того, чтобы внушить страх или ненависть. Все приготовились к новым успехам, и рассматривали человеческие потери и финансовые затраты этой войны как неизбежное зло, которого требует честь и интересы нашей торговли. На юге России торговля вот уже целый ряд лет находилась в ущемленном состоянии. Командовать армией был назначен граф Витгенштейн, армия состояла из 7-го и 9-го пехотных корпусов, 5-го кавалерийского корпуса и достаточного количества казачий полков.

25 апреля наши войска тремя колонами, двигаясь на Скулиани, на Галац и на Водолуй Исакчи, перешли границу империи на реке Прут. Через пять дней похода были захвачены столицы Молдавии и Валахии, города Яссы и Бухарест. Радость жителей, встретивших наши войска, была столь же сильной, сколь сильно они ежеминутно опасались нашествия турецкой армии, первыми действиями которой стали бы грабежи и насилие в княжествах, с целью лишить нашу армию тех огромных запасов, которыми располагали эти территории. Часть 9-го корпуса прямиком направилась к крепости Браилов и обложил ее со всех сторон, что было обычным началом наших последних войн против турок. Из крымских портов вышла морская экспедиция с десантом в составе 13-го и 14-го егерских полков с целью осады Анапы. Для участия в этой осаде полковник Перовский должен был привести со стороны Кавказских гор один пехотный батальон и несколько полков черноморских казаков. Командование всей экспедицией было поручено князю Меншикову. Анапа, которую русские брали уже три раза, и всегда отдавали по условиям мира, была, тем не менее, самым важным и необходимым пунктом для обеспечения нашей кавказской линии обороны. Именно Анапа служила горцам кладовой после их разбойных нападений, там был рынок, где навечно продавали в рабство несчастных, оторванных от своих семей. Именно из Анапы в сераль султана и в гаремы турецких вельмож отправлялись молодые красавицы. Именно здесь набирали воинственных и сильных мамелюков. Именно Анапа снабжала горских грабителей порохом и вооружением, она вдохновляла их набеги на наши границы и предоставляла им убежище против преследования наших казаков. Таким образом, для нашего спокойствия было необходимо владение этим городом.

Император также желал, чтобы начало войны было отмечено взятием Анапы, это было единственное завоевание, которое он собирался сохранить. У Анапы князь Меншиков соединился с отрядом полковника Перовского. Но осадные работы проводились в кольце черкесских племен, иногда нейтральных, иногда враждебных, но всегда коварных, гарнизон крепости был многочисленным, храбрым и хорошо вооруженным. В этих условиях князю Меншикову пришлось вести осаду с большой осторожностью и по всем правилам.

Во главе гвардейских частей в Валахию прибыл великий князь Михаил с тем, чтобы возглавить осаду крепости Браилов.

Было решено, что императрица проведет лето в Одессе с тем, чтобы находиться ближе к своему августейшему супругу. Стремясь поскорее оказаться на театре военных действий, император покинул Петербург в последние дни апреля. Уже много месяцев находившийся в России принц Оранский[114] сопровождал императора до Витебской губернии. Там я имел счастье присоединиться в коляске к моему государю, с этого момента я начал многочисленные путешествия, очень часто располагаясь рядом с ним. Остальную свиту составляли генерал Адлерберг и врач[115]. Главный церемониймейстер граф Станислав Потоцкий, на которого были возложены обязанности начальника Императорской Главной квартиры, был послан вперед. Туда же были направлены походные палатки, конюшня и кухня. Адъютанты императора и вся главная квартира двигались к Измаилу, где должны были ждать дальнейших приказаний. Также получили разрешение присоединиться к армии министр иностранных дел граф Нессельроде, многие главы департаментов, известные генералы, такие как Васильчиков, Ланжерон и другие, многие иностранные представители, посол Франции герцог де Мортемар с многочисленной свитой, австрийский генерал принц Гессен-Кобургский в сопровождении многочисленных офицеров, прусский генерал Ностиц, министры иностранных дел Ганновера Дёрнберг и Дании Блом.

Император ехал днем и ночью, только один раз он остановился на два дня в Елизаветграде для того, чтобы принять парад уланской дивизии, которая была частью военной колоны под командованием графа де Витта. Оттуда мы продолжили наш путь через Бендеры к Водолуй Исакчи на границу империи. Там нас встретил граф Потоцкий, который наспех приехал из-под Измаила для того, чтобы организовать нам хороший обед. В должности генерал-адъютанта его сопровождал мой брат, едва приехавший с персидской кампании для того, чтобы сразу же включиться в другую. За обедом все были веселы и любезны. Хотя было только 7 мая, жара была непереносимой. При ярком солнце мы вступили на территорию Оттоманской империи в сопровождении только одного фельдъегеря. Император России путешествовал как по своей собственной стране, и поздно вечером прибыл в лагерь под крепостью Браилов. Он остановился в расположении великого князя Михаила, где его ожидал граф Витгенштейн с генералами.

На следующее утро император сел на лошадь и проехал по всему лагерю к великой радости солдат, которые в первый раз видели своего молодого государя,

приехавшего в их ряды для того, чтобы разделить с ними тяготы и опасности и воодушевить их. В первый раз после Петра Великого турецкая земля вновь увидела одного из наследников этого великого гения, от которого фортуна отвернулась на реке Прут[116] в пользу неисчислимых войск султана. Император тщательно осмотрел работы, начатые на правом фланге нашей позиции, и потребовал их скорейшего завершения, желая присутствовать при открытии стрельбы осадных батарей. Он объехал всю позицию, протяженностью более двух верст. Наша артиллерия еще не отвечала на огонь неприятельских орудий, направленный против наших аванпостов, и на ядра, которыми враг приветствовал императора.

На Дунае еще хозяйничала турецкая флотилия, которая под защитой низко расположенных и очень значительных укреплений Мачина способствовала обороне и в особенности снабжению крепости. С целью помешать действиям этой флотилии, на высоком берегу Дуная была установлена батарея, которая, к сожалению, не могла нанести ей сколько-нибудь значительный урон. Император сильно заболел лихорадкой, что заставило нас сильно беспокоиться особенно в этой стране, где эта болезнь часто принимала затяжной характер, и в прошлые времена частенько мешала даже наилучшим замыслам. К счастью, вскоре, благодаря своей великой собранности и крепкому сложению, император встал на ноги и развеял наши тревоги.

* * *

Строительство осадных батарей, а благодаря небольшому расстоянию до укреплений крепости, это были скорее стенобитные батареи, было завершено. На заре император приехал на место для того, чтобы самому убедиться в эффективности этой батареи. Обстрел велся столь энергично, что в течение некоторого времени неприятель не отвечал на него. Однако, оправившись от неожиданности и заметив на соседнем холме значительную свиту, неприятель стал довольно метко стрелять с тем расчетом, чтобы ядра попадали в подножие холма, на котором находился император, и отскакивали к месту, где были собраны наши оседланные лошади. Это были первые ядра, свист которых император услышал над своей головой, долгое время он не хотел покидать это место, которое стало мишенью неприятельского обстрела, наконец, он был вынужден это сделать, и прошел по лагерю 7 корпуса. Он лично раздавал Георгиевские кресты солдатам, отличившимся на подходах к крепости, когда городские предместья были взяты штыковой атакой. Он заботливо посетил раненых и больных, раздавал деньги, входил в мельчайшие подробности питания солдат, интересовался деталями их лечения. Он был добр и любезен со всеми и оставил о себе в этом лагере чувства восхищения и благодарности. В последствии эти войска дали тому самые блестящие доказательства. Таким образом, император показал себя этой части армии и, открыв осаду крепости Браилов, продолжил путь к границе.

В местечке Водолуй Исакчи император продемонстрировал пример подчинения местным законам и подвергся окуриваниям и очищениям, которые были обязательны для всех, приезжавших в княжества. Оттуда мы направились по

М.С. Воронцов

дороге в Бендеры, куда прибыла выехавшая из Одессы императрица. В нескольких верстах от города император имел удовольствие встретить ее, прогуливающуюся с одной из своих дам. Он поднялся в ее карету, а мы с дамой сопровождения сели в коляску и все вместе въехали в город. Бендеры были окружены высокой и старинной стеной, на протяжении нескольких столетий город защищали турки, и в наше распоряжение он попал только после последней войны. Внутри крепости не было почти ничего, кроме большой и разрушенной площади, где раньше жило достаточно многочисленное население, а теперь располагался только комендантский дом, стояла старая мечеть, превращенная в склад гвардейского корпуса, и кучка маленьких домиков. Едва хватило места для того, чтобы разместиться на ночь. На следующий день император дал аудиенцию прибывшему послу Франции[117], и очень удобно все отправились в дорогу с таким расчетом, чтобы остановиться на обед в деревне немецких колонистов, где все было приготовлено для встречи императрицы. Такой способ передвижения столь решительно отличался от привычки императора ехать безостановочно и без приготовления пищи день и ночь, что этот переезд из Бендер в Одессу показался мне настоящим удовольствием.

К исходу дня мы въехали в Одессу. Многочисленное население было в восторге от возможности увидеть своих государей, и толпилось по всему пути их проезда. Их Величества остановились у дома генерал-губернатора Новороссии графа

Михаила Воронцова, где было приготовлено жилье для императрицы. Это был настоящий дворец, построенный недавно и с отменным вкусом и расположенный прямо на высоком берегу, который составлял одну из сторон широкого одесского рейда. С балкона этого прекрасного сооружения можно было сосчитать все корабли и лодки, виден был карантинный порт и часть города. Мы были потрясены подобным зрелищем, особенно, если вспомнить, что все это население, торговля, сооружения появились всего 40 лет назад. Эти берега были покрыты засушливой пустыней, а единственными гостями этого столь оживленного сегодня рейда были хилые лодочки ловцов рыбы. Подобный результат был достигнут, благодаря сильной и животворящей воле наших государей и внутреннему богатству империи. За столь короткий срок 60 тысяч человек пришли сюда для того, чтобы обосноваться в Одессе, вложить свои капиталы, построить здесь прекрасные здания и обогатиться за счет торговли с востоком. С большим удовольствием мы провели три дня в этом городе, где я чувствовал себя как дома потому, что здесь жили мои самые старые друзья — граф Воронцов и Лев Нарышкин.

Надо было отправляться в дорогу, погода благоприятствовала переправе через Дунай, и император стремился приблизить этот день. Все строилось заново на этой земле, столь справедливо названной Новой Россией. Огромные равнины были обжиты и стали плодородными, благодаря прекрасным, богатым и населенным деревням. На протяжении веков, последовавших за упадком древнегреческой цивилизации и за разрушением генуэзской торговли, эти места были только просторной ареной для кровопролитных и разрушительных сражений между русскими и турками. Здешние деревни были населены выходцами из различных германских земель, спасшимися от турецких грабежей болгарами и искателями счастья со всего мира. Особая система управления была призвана защитить этих разных людей, дать им возможность устроить свою жизнь, обеспечить взаимодействие их интересов на благо России и ради службы ей.

Раньше Измаил был грозным часовым на границах владений султана. Он был силен мощью своих укреплений, своим расположением и большим числом защитников, но покорился отважной шпаге Суворова. Окончательно он вошел в состав России по условиям мира 1812 года. Таким образом, мы владели им только 16 лет, а уже новый город появился рядом с мусульманскими укреплениями, которые видели столько пролитой крови, и которые два могущественных народа столь долго оспаривали друг у друга. Измаил был полон служащими императорской квартиры, полон складов различных предметов для армии, здесь находилась часть нашей флотилии и флотилия бывших запорожских казаков, которые только что покинули турецкий берег с тем, чтобы вернуться под покровительство своей прежней родины.

Не желая покориться воле князя, который в 1793 году разрушил их шумную и беспутную республику[118], эти воинственные племена перенесли в Турцию свое правительство и свои обычаи и предложили султану воспользоваться их несомненным мужеством. Султан принял их с радостью, выделил им плодородную

землю и гарантировал сохранение их правительства. Запорожцы оказали Оттоманской Порте великие услуги, во всех войнах против России они отличались великой ненавистью к своим бывшим соотечественникам, проявляли жестокую отвагу даже большую, чем самые фанатичные турки. В последнее время несколько сотен их товарищей погибли, воюя против греков. Запорожцы тщательно сохранили религию, обычаи, одежду и язык России. Они включали в свои ряды дезертиров и беглецов из России, их тогдашний атаман был малороссийским крестьянином, который получил свою должность благодаря уму и храбрости[119]. Комендант Измаила генерал Тучков без колебаний начал переговоры с их начальником, и ему удалось разбудить в его душе преданность своему законному государю и своей стране. Без промедления атаман рассказал казакам о тех чувствах, которые проснулись в его сердце. Он собрал все войско в тот момент, когда оно должно было присоединиться к паше Силистрии для отражения наступления нашей армии. Он заявил казакам со свойственными ему энергией и красноречием, насколько преступно проливать кровь их братьев из России и каков будет их выигрыш, если они обратятся за прощением и за защитой к императору, их настоящему господину. Дело было решено за одну минуту, и их боевые знамена на военных судах причалили к российскому берегу. Император отправился посмотреть на этот введенный в заблуждение народ, который вернулся в свою колыбель. Он простил их за прошлое и воодушевил атамана и казаков милостивыми словами. В качестве платы за их военную службу, которую он ожидал от них в ходе этой войны, он обещал им земли на берегу моря.

После завершения необходимых приготовлений, большая часть которых выпала на мою долю, Его Величество покинул Измаил для того, чтобы приблизиться к Дунаю. Половодье этой реки откладывало день ее форсирования, которое было намечено в местечке Сатаново, напротив небольшой турецкой крепости Исакчи. По дороге туда в Болграде император провел смотр 3-го армейского корпуса под командованием генерала Рудзевича. Состояние войск было превосходным, солдаты чувствовали себя хорошо и все горели желанием отличиться в глазах их молодого государя.

По прибытии в Сатаново мы в первый раз установили там императорскую квартиру, которая одна имела вид целой армии. Кроме всех тех, кто составлял ее служащих, кроме иностранных послов и представителей, к нам присоединились в качестве гвардии лагеря и одновременно как резервы армии два пехотных полка, десять артиллерийских рот, было более трех жандармских эскадронов, казаки гвардии, 100 казаков из Атаманского полка и полк армейских казаков. Наш лагерь увеличился также за счет фуражиров, рестораторов и самых разных торговцев, которые в избытке здесь находились на протяжении всей кампании. Все они были под моим командованием, и было нелегко призвать их к дисциплине и заставить торговать в указанном порядке. В первые дни они ругались и сердились, но потом все пошло как нельзя лучше к удовлетворению императора и всех жителей этой кочевой столицы.

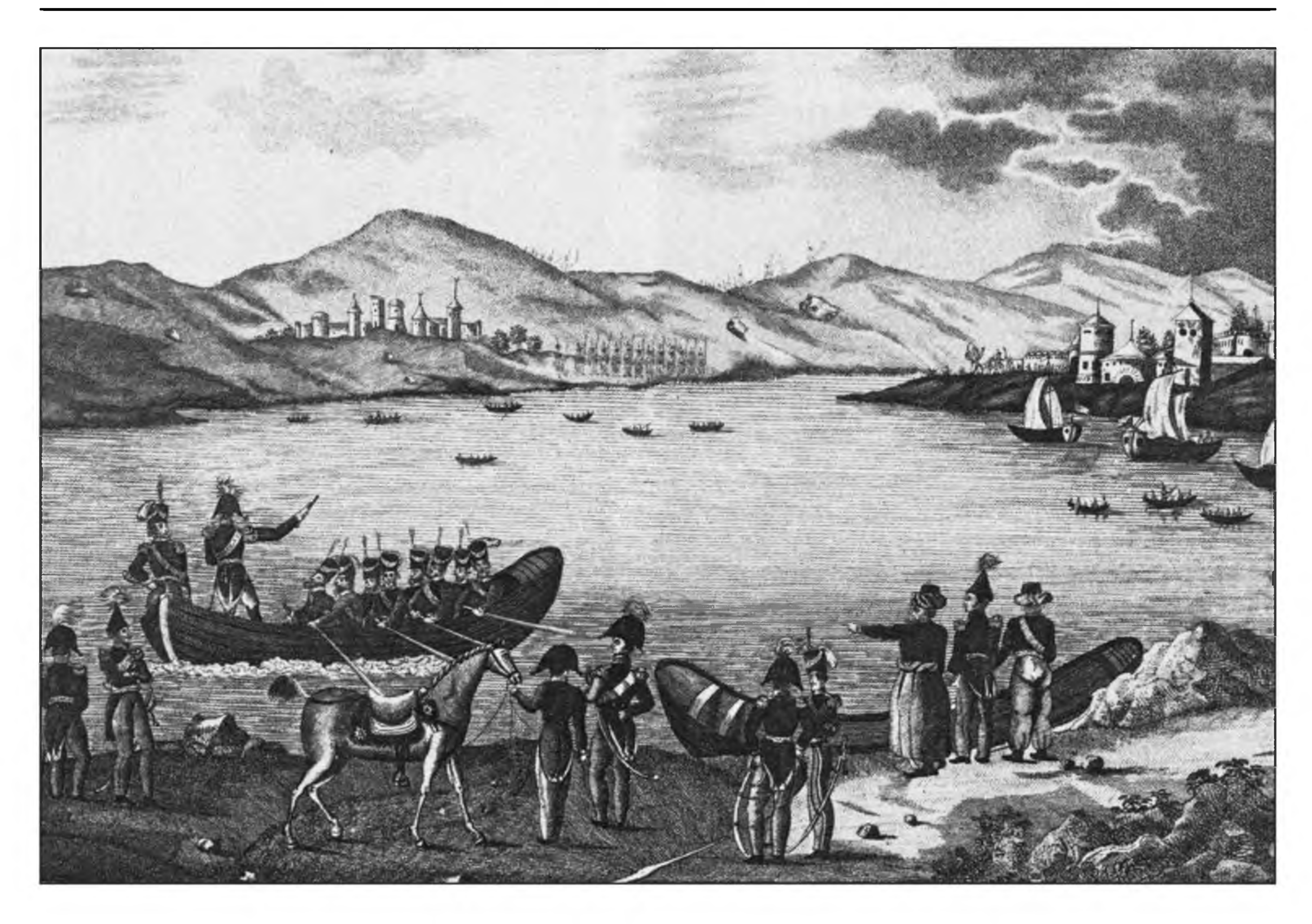
* * *

Огромные работы были предприняты для того, чтобы обуздать наводнение: с тем, чтобы можно было выйти к берегу Дуная, на протяжении более двух верст в речной воде и на топком основании была сооружена плотина. Эта небывалая сама по себе работа стала еще сложнее из-за очень высокого подъема уровня воды в реке и из-за дождливой весны. На конце этой плотины было сооружено укрепление, как для того, чтобы уберечь плотину от вражеских ядер, так и для того, чтобы установить там батарею с целью защитить наш проход.

Турки знали об этих приготовлениях. На своем берегу, который полностью господствовал над нашим берегом, они возвели укрепления и батареи с тем, чтобы защититься от форсирования реки и обустроить прекрасную позицию, на которой разбил свои палатки очень внушительный корпус. Вечером костры турецкого лагеря величественно осветили его расположение, которое, казалось, бросало вызов нашим приготовлениям своим доминирующим положением, протяженностью и опорой левого фланга на крепость Исакча, а правого — на глубокое болото.

Наша позиция и наши лагерные костры, напротив, утопали в болотах, овевались нездоровым воздухом и казались потерянными под господствующими вражескими высотами. Император всячески ускорял сроки высадки, у устья небольшой реки ждали сигнала выйти в Дунай приготовленные для высадки понтоны и большие барки. Наша весельная флотилия и флотилия наших новых подданных запорожцев приблизились к месту высадки, выгребая против течения реки. Флотилия была вооружена пушками. Те полки, которые первыми должны были начать высадку, приблизились по плотине к месту действия, все шлюпки флотилии и запорожцев собрались в тростниках и кустарниках, которыми был покрыт российский берег реки. Наконец, на рассвете 27 мая император со всей своей свитой подошел к началу плотины, два полка егерей из корпуса генерала Рудзевича первыми бросились в небольшие шлюпки. Турецкие пушки начали отвечать на концентрированный огонь наших речных и наземных батарей, который был неожиданно начат для прикрытия переправы. Более легкие, чем суда флотилии, казацкие шлюпки первыми достигли неприятельского берега. Кустарник и оставшиеся после разлива реки глубокие болота сделали высадку и продвижение вперед крайне тяжелым. Первыми бросились по пояс в воду начальник штаба Действующей армии Киселев и генерал князь Горчаков. Другие полки последовали за егерями, и вскоре под смертельным огнем неприятеля кустарники и болота были преодолены.

Наши войска построились на открытом месте напротив превосходящих турецких сил, наступление на которые стало еще сомнительнее из-за имевшихся там холмов и построенных турками укреплений. Император хотел лично возглавить атаку на батареи, но граф Дибич умолил его не делать этого, так как неприятельские ядра с другого берега падали уже совсем рядом с тем местом, где находился государь. Он любезно согласился с советами проявить осторожность и вернулся на высоту, с которой только что ушел, и откуда он мог наблюдать за передвижениями

Переправа императора Николая I через Дунай 28 июня 1828

турецких и наших войск, а также за маневрами флотилии. В этот момент ему сообщили о том, офицер, командовавший речной артиллерией, ранен, и он приказал мне принять командование вместо него. Я бросился на берег речки с тем, чтобы сесть в лодку, но, к счастью, нашел контр-адмирала Патаниоти легко раненным. Он продолжал отдавать распоряжения, а я не нашел нужным сообщить ему, что только получил приказание его заменить.

С обеих сторон огонь продолжался столь же активно, как и раньше. Наши суда с трудом преодолевали течение для того, чтобы приблизиться к турецким батареям. Я вернулся к императору, который, не имея возможности принять участие в схватке, проявлял самую усердную заботу о раненных, доставляемых с берега реки. Наша пехота двигалась прямо на неприятеля. В тот момент, когда его береговые батареи, поражаемые огнем наших приближавшихся речных судов, были вынуждены замолчать, штыковая атака решила исход сражения. Часть неприятельских войск укрылась в небольшой крепости Исакча, а большая его часть отошла по дороге на Бабадах. Видя, что последнее укрепление турок еще защищается, один батальон ускоренным маршем направился туда, мы видели, как он подошел и в этот момент произошел взрыв и густой дым закрыл его от наших взглядов. Это подорвалась мина, которая своим взрывом уничтожила и победоносных русских,

и турок. Тем не менее, погибло не более двух десятков человек, остальные получили ранения различной степени тяжести.

Горя нетерпением, император бросился на берег и приказал возводить мост, в это время речные суда продолжали перевозить войска, которые уже стали хозяевами соседних высот. Работы велись с необыкновенной горячностью, присутствие императора удваивало силы и усердие солдат и офицеров. Тем временем император не стал дожидался окончания работ по постройке моста для того, чтобы поблагодарить победившие войска и отдать распоряжения по осаде вновь вооруженной крепости, которую защищал многочисленный гарнизон. Он попросил запорожского атамана предоставить ему свою лодку и посадить дюжину казаков на весла. А ведь эти люди были нашими смертельными врагами, только три недели назад они покинули вражеский лагерь. Стоило им сделать несколько дополнительных гребков, как они бы оказались под защитой укреплений крепости Исакча, и могли бы сдать туркам государя России, который сел к ним в лодку в сопровождении всего двух генералов. Атаман и казаки поняли это и были в восторге от такого проявления доверия к ним. Они с чувством воскликнули: «Мы принадлежим тебе! Не только эти двенадцать человек, но и все наши товарищи!» Таким образом, с помощью запорожских казаков император оказался на турецком берегу.

В течение дня строительство моста было завершено, и войска продолжали переправу. На следующий день император приказал установить свою палатку на другом берегу Дуная напротив крепости Исакча. Коменданту турецкой крепости было сделано предложение о сдаче. Видя храбрость наших солдат и бегство своих соотечественников перед ними, и, замечая все увеличивающееся количество наших войск, он сомневался всего несколько часов и открыл крепостные ворота. Без промедления туда были помещены наши раненные, так закончился первый военный этап нашей наступательной операции.

Как только были исполнены вышеуказанные приказания, император открыл военную кампанию и во главе корпуса Рудзевича двинулся прямо на укрепления Траяна, которые защищали нечто вроде горловины, образованной Черным морем в Кюстинджи и Дунаем в Разовате. В различные пункты были направлены отряды, как для того, чтобы прикрыть наш маневр, так и для того, чтобы овладеть небольшими крепостями, находившимися в промежутке между Дунаем и укреплениями Траяна. Построенный еще римлянами на огромной дунайской возвышенности форт Мачин сдался полковнику Роговскому, Хирсово открыл свои ворота генералу Мадатову. Построенная на высоком берегу Черного моря крепость Кюстинджи была хорошо вооружена и ее защищали более трех тысяч человек. Они сдались только после 48-ми часовой бомбардировки. Для того, чтобы придать своей полевой артиллерии наибольшую эффективность, командовавший штурмом генерал Ридигер придвинул ее к городским укреплениям на расстояние менее ружейного выстрела. Он предоставил гарнизону три дня для того, чтобы свободно выйти из крепости с оружием и снаряжением. Для нас было очень важно

овладеть этим прибрежным укрепленным пунктом, который обеспечивал подходы к Одессе и дополнял нашу оборонительную линию, так хорошо обозначенную остатками знаменитых укреплений Траяна и заканчивающуюся бастионами Кюстинджи. Тем временем генерал Ушаков овладел Тульчей, и вся эта территория между Разоватом и Черным морем как бы оказалась внутри наших границ.

В интервалах между этими событиями император с основными силами генерала Рудзевича продолжал движение на Бабадах, первый стоящий на нашем пути незащищенный турецкий город. Он был очень живописно расположен, окружен горами и прекрасной растительностью и находился в чудесной долине. Украшен этот маленький город был огромным четырехугольным недавно сооруженным зданием, служившим казармами только что сформированному по приказу султана Махмуда полку регулярных войск. В остальной части города взгляду открывались только нищета и развалины.

В нескольких верстах от Бабадаха выехавшего вперед императора приветствовали делегация некрасовцев, этой эмигрировавшей из России во времена религиозного раскола народности, которая с тех пор покорилась скипетру султана и отличилась в войнах против нас своей храбростью и жестокостью в сражениях. Эти люди основали большие русские деревни, в которых полностью сохранялись православная религия, русские обычаи и одежда. Согласно обычаям своей бывшей родины некрасовцы собрались позади стола с хлебом и солью и при приближении императора все они пали ниц лицом к земле. Император приказал им подняться на ноги и сказал: «Я не хочу давать вам ложных надежд. Я не собираюсь захватывать землю, на которой вы живете, и которая завоевана моими солдатами, она будет возвращена Турции. Поэтому ведите себя так, как подсказывает ваша совесть и требуют ваши интересы. Те из вас, кто захочет вернуться в Россию, будут приняты там, и прошлое будет забыто. Те, кто захочет остаться здесь, не должны ни о чем беспокоиться, пока не будут предприняты враждебные действия против наших солдат. Все то, что вы захотите принести в наш лагерь, будет вам честно оплачено». Любопытно было наблюдать, как эти выходцы из России, которые более чем на 100 лет забыли свою присягу на верность, упали на колени перед правнуком Петра Великого и просили у него прощения. За все время войны наша армия не имела осложнений с некрасовцами, которые, тем не менее, все остались на своей новой родине, щедро получив там земли и рыбные угодья, расположенные в теплом климате. В большом здании был расположен госпиталь, который с этих пор стал могилой для тысяч русских солдат. Вскоре сюда пришла чума и добавила свои жертвы к тем, кто уже во множестве был вырван из наших рядов нездоровым климатом и тяготами войны.

Палатки императорского лагеря были установлены на вершине высокой горы, откуда открывался поистине очаровательный вид на окрестные земли, большое озеро и лагеря наших войск. Ночью сильнейшая гроза, сопровождавшаяся проливным дождем, сорвала часть наших палаток. Испугавшись раскатов грома, лошади двух гусарских полков порвали путы и галопом бросились к горам.

Этот шум и беспорядок подняли такую тревогу, что к утру лагерь имел полностью расстроенный вид.

После однодневного отдыха мы продолжили движение до Карасу, который находился почти в середине укреплений Траяна. Здесь соединились различные отряды, овладевшие небольшими крепостями в нашем тылу и на флангах.

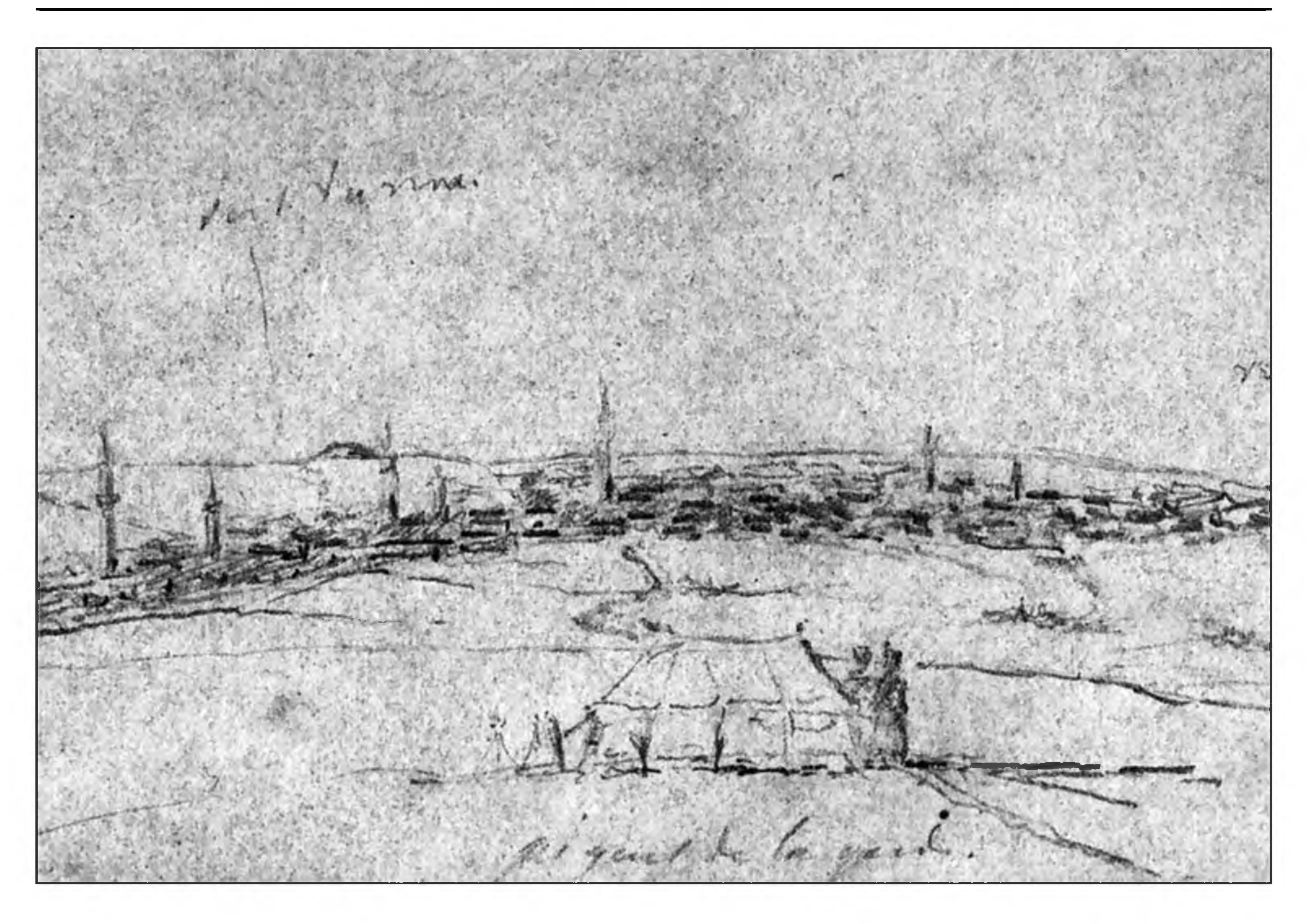
В это время энергично продолжалась осада крепости Браилов, которую турки храбро защищали. В конце концов, великий князь Михаил принял рискованное решение о штурме, у него на глазах наши солдаты спустились в ров, но лестницы оказались слишком короткими. После огромных усилий и небывалых потерь пришлось прекратить атаку и вернуться за линию наших укреплений. Но туркам не на что было надеяться даже после этого неудачного штурма. Убедившись в подготовленности наших войск и опасаясь возобновления атаки, они предпочли сдаться. Крепость Браилов попала в наши руки со всем тем, что в ней находилось, часть войск была оставлена в крепости, тогда как великий князь Михаил присоединился к основным силам под командованием императора.

* * *

Жара стала труднопереносимой для солдат, воды было мало и она была плохой, от покрытых тростниками болот исходили болезнетворные испарения, травы были жухлыми, и большое количество лошадей не находили себе достаточной пищи. Несколько тысяч быков, впряженных в транспортные повозки с провизией и снаряжением, начали страдать от нехватки пастбищ. Они тощали и вскоре им стало невмоготу тащить телеги, околев на дорогах, они источали запах падали. В сопровождении всего лишь нескольких казаков император предпринял поездку в Костенджи и дал указание готовить там госпитали и выгружать продовольствие, привезенное торговыми лодками.

После нескольких дней стоянки лагерь в Карасу был снят, и мы направились к Базарджику. Этот покинутый жителями небольшой городок был окружен большим количеством кладбищ и олицетворял собой смерть и разрушение. Источники воды, которые мы там нашли, были испорчены неприятелем, они были наполнены мылом и мусором, что сделало воду почти непригодной для питья и очень вонючей. У этого города наш авангард принял небольшой бой, в ходе которого турецкая кавалерия воспользовалась чрезмерной храбростью двух наших эскадронов, далеко оторвавшихся от основных сил, и атаковала их столь стремительно, что они понесли чувствительные потери и были бы уничтожены совсем, если бы несколько эскадрон гусар с двумя полевыми пушками не пришли им на выручку. Турки продолжали отступать, но нам следовало удвоить предосторожности, так как местность стала лесистой, изрезанной лощинами, вдоль которых шли только узкие тропинки, подчас очень крутые, по которым трудно было поднимать артиллерию и обозы.

В Козлудже мы вышли на более открытую и приятную для глаза местность, с менее изрезанным ландшафтом. Рядом возвышались горы с богатой растительностью, вытянутые и широкие долины были изрезаны небольшими

Вид Базарджика.
Путевая зарисовка императора Николая I

ручьями, которые обеспечивали человеку все преимущества мягкого климата и плодородной почвы. Но не хватало работ по благоустройству этих земель, везде была целина, едва видные дороги, бедные и запущенные деревни. Из Козлуджи мой брат с двумя батальонами был направлен захватить небольшой город Праводы, расположенный в горах на нашем левом фланге. Для охраны наших тылов в Козлуджи был оставлен небольшой отряд, а мы продолжили свое движение на Шумлу.

На подходе к Енибазару, где уже расположился наш авангард, император поднялся на высокий холм, откуда можно ясно различить высоты Шумлы. Хорошо видна была линия укреплений, вырытая на известняковой почве, и представлявшая собой длинную белую ленту, а также вражеский лагерь, расположенный на двух высотах, которые замыкали фланги этого широкого и важного плацдарма. Его Величество приказал установить его палатку перед этим холмом в том месте, откуда начиналась широкая долина, где расположились различные дивизии нашей армии, казацкие аванпосты. Там же находились аванпосты турок, за которыми простирались палатки неприятельского лагеря, прикрывавшие подходы к Шумле. Это великолепное зрелище освещалось ярким солнцем. Наконец, на виду у основных османских сил император лично наметил план сражения. Может быть, было неправильно (и вина за это ложится на начальника генерального

штаба армии графа Дибича) испытывать военную репутацию нашего молодого государя, его большие полководческие таланты, его боевое крещение в этом неравном сражении в том месте, где не было рек и куда нельзя было доставить резервы, против превосходящего числом и занимавшего хорошо укрепленную позицию неприятеля, опиравшегося на свои ресурсы. Турки готовы были активно вести последнюю борьбу против русского орла, они считали, что он падет под их ударами и во второй раз после Прутского похода Петра Великого император России, уступая численности врагов, будет повержен перед султаном.

Турецкие войска располагали многочисленной артиллерией, были хорошо укомплектованы и снабжены, обладали свободными коммуникациями, сражались на своей собственной земле и насчитывали более 50 тыс. солдат. Мы были ослаблены завоеванием провинций Молдавии и Валахии, оставляли в завоеванных крепостях гарнизоны, часть войск была занята блокированием и осадой других крепостей, мы понесли потери от болезней и могли им противопоставить только 30 тыс. человек. И тем не менее мы собирались атаковать.

На заре следующего дня 8 июля граф Дибич во главе нескольких дивизий двинулся вперед с тем, чтобы опрокинуть правое крыло неприятеля. Остальная армия, построившись в каре, под командованием императора направилась прямо к Шумле. Турки отступили до высот, представлявших собой возвышенность перед этим городом, задействовали свою артиллерию и выказали желание сражаться. Позиция была очень выгодной для врага. Расположившись на гребне возвышенности, к которому мы должны были подниматься по длинному откосу, неприятельская артиллерия могла действовать значительно более эффективно, чем наша.

С замечательным хладнокровием и уверенностью опытного полководца император направлял движения войск и отдавал приказания с точностью, как если бы он находился на учениях. Видимость была прекрасной, на левом фланге ясно различался отряд графа Дибича, который приблизился к неприятелю, был опрокинут турецкими пушками и энергично атакован вражеской кавалерией. Наши войска защищались заградительным огнем и продолжали свое продвижение к турецкой позиции. Был один очень опасный момент, когда вражеским ядром рядом с графом Дибичем был убит адъютант императора полковник Реад, который был послан к нему с приказом императора. На правом фланге часть нашей кавалерии отразила попытку неприятеля обойти наше крыло.

С вершины небольшого холма, где спешился император, были прекрасно видны все пистолетные и ружейные выстрелы. Здесь он спокойно ждал подходящего момента для атаки центра неприятельской позиции. Еще некоторое время занял переход небольшой речки, которая защищала подступы к позиции. Наконец, наши егеря показались на другом ее берегу, и император бросил вперед основные силы пехоты для того, чтобы закончить сражение. Видя, что его энергично атакуют по всем пунктам, неприятель начал отступать, используя свою артиллерию как прикрытие. Отступление было произведено в полном порядке, и мы постепенно заняли поле сражения, захватив прекрасную, широкую и укрепленную

позицию позади укреплений Шумлы и высоких гор. После захвата местности, которую раньше занимала турецкая армия, от Шумлы нас отделяла только широкая и красивая долина, по которой еще гарцевали всадники в белых тюрбанах и в богатом вооружении. Укрепления Шумлы и различные лагеря вокруг нее были украшены огромным количеством знамен самых разных цветов. Напротив них в различных пунктах под нашими знаменами строились наши батальоны. Все это вместе составляло одну из самых величественных картин, которые только можно было увидеть. Император поблагодарил всех, приказал позаботиться о раненных и о своих солдатах, которые провели эту ночь по-походному.

На следующий день подошли обозы, и лагерь был разбит напротив центра укреплений Шумлы. Различные дивизии расположились впереди, справа и слева от просторного императорского лагеря. Я по-прежнему оставался его комендантом и имел в своем распоряжении два полка егерей и 120 артиллерийских орудий резерва.

Продолжалось строительство редутов для укрепления нашей линии. В то же время, в случае атаки они должны были служить апрошами. Но их построили слишком много, и это ослабило позицию наших батальонов. Наша уставшая кавалерия должна была заниматься дальними поисками фуража, подчас очень плохого. В конвойных частях, часто использовавшихся в сражениях, особенно в одном, который долго противостоял многочисленной, хорошо укомплектованной, храброй вражеской кавалерии, которая в любой момент могла свежей появиться позади наших укреплений, лошади и наши храбрые всадники были вконец измотаны. Наши фуражиры и коммуникации постоянно находились под угрозой. В то время, когда мы готовили осаду Шумлы и находившейся там армии, можно было сказать, что именно мы были блокированы в нашем лагере. Наших посыльных убивали, наши транспорты захватывали, болезни выкашивали целые ряды, быки гибли сотнями, и их нехватка задерживала прибытие провизии.

* * *

Неприятель осуществлял частые вылазки как для того, чтобы прервать наши работы, так и для того, чтобы застать врасплох наши отряды и потревожить нашу позицию. На протяжении всех дней император объезжал все позиции своего лагеря, осматривал аванпосты и при первом же пушечном выстреле появлялся в месте сражения. Почти каждый раз, благодаря порядку, дисциплине и мудрому управлению, турки отбрасывались назад, но с каждым боем практически бесцельно увеличивалось количество наших раненных и пострадавших людей и лошадей. Начальник Генерального штаба граф Дибич не сомневался ни в чем и, уже пообещав многое, продолжал предсказывать скорое взятие Шумлы. Все генералы начали в этом сомневаться, и каждый потерянный день только подтверждал эту грустную истину.

Несмотря на свою горячую отвагу, император был наделен рассудительностью и верным глазом. Вскоре он сам убедился в бесполезности наших усилий и в том, что мы могли попасть в очень опасное положение. Его достоинству не

могло соответствовать дальнейшее пребывание перед войсками паши без попыток атаковать его. Тем более, когда неотложные заботы требовали его присутствия в другом месте. Расположенная на азиатском побережье Черного моря крепость Анапа после нескольких недель осады и многочисленных доказательств активности и доблести наших морских и сухопутных войск только что сдалась адмиралу Грейгу и князю Меншикову. Эта осада удалась, несмотря на слабость нашей пехоты, состоявшей только из 13 и 14-го егерских полков. Успешное завершение осады высвободило наши корабли, таланты князя Меншикова и его отважной пехоты для взятия Варны. Эта крепость имела особое значение из-за ее многочисленного гарнизона и, в особенности, из-за широкого и прекрасного рейда, который находился под защитой ее пушек.

Император еще не видел свои черноморские силы. Он пожелал провести их инспекцию и в то же время подать сигнал к началу осады Варны. Затем он намеревался морем вернуться в Одессу, где присутствовать на параде многочисленных резервных батальонов, которым надлежало пополнить ряды действующей армии. Еще несколько дней он должен был уделить заботам по управлению своей обширной империей. Приняв такое решение, он, тем не менее, приказал графу Дибичу вместе с главнокомандующим графом Витгенштейном оставаться у Шумлы. С собой император взял только генерала Васильчикова, графа Нессельроде, графа Потоцкого, великого князя Михаила и меня. Лишь с большим трудом мне удалось убедить его взять в качестве сопровождения небольшой отряд конных егерей, два пехотных батальона, батарею полевой артиллерии и девять эскадрон гвардейских казаков.

Мы покинули лагерь около 9 часов утра только в сопровождении этого слабого отряда. Накануне я отправил два батальона с тем, чтобы они заняли позицию на полдороге от Шумлы к Козлудже. С одной стороны они должны были наблюдать за этой очень опасной местностью, с другой стороны, мне не хотелось, чтобы устали от этого перехода более, чем в 35 верст. Не успели мы проехать Енибазар, как двигавшиеся впереди казаки сообщили о приближении неприятеля. Удача была на нашей стороне, так как император уже отдал приказ полку конных егерей и артиллерийской батарее сделать привал и вернуться назад в лагерь. Близость противника заставила нас вернуть эти войска, которые построились в боевые порядки. Видя нас готовыми к бою, турки воспользовались соседними высотами и лесистыми горами для того, чтобы уйти от нас. Мы продолжили движение к тому месту, где стояла лагерем отправленная мною накануне пехота, там мы дали отдохнуть лошадям и весело пообедали. Затем я вновь построил наше сопровождение, и мы продолжили путь.

В качестве начальника Главной императорской квартиры я нес целиком всю ответственность за личную безопасность императора. Увидев собственными глазами, сколь слабая защита окружает государя могущественной России, я ужаснулся — 400 человек пехоты и 600 кавалеристов, вот и вся наша сила. А ведь мы двигались по завоеванной земле, где неприятель, активно поддерживаемый

А.С. Меньшиков

населением, мог в любой момент опередить нас и захватить силой. Я принял все меры предосторожности, которые были в моих силах, но сердце мое билось очень сильно. Мы двигались по той же дороге, по которой раньше направлялись в Шумлу, она же была единственным путем для наших транспортов. На ней кучами была разбросана падаль, которая отравляла атмосферу. Из-за отсутствия фуража и особенно воды погонщики бросали своих быков, которые подыхали один за другим. Вечером довольно поздно мы приехали в небольшой город Козлуджи, где разбили лагерь невдалеке от построенного редута, который защищал стоянку казаков, оставленных в этом месте. Не успели мы составить оружие в козлы, как во весь опор примчался казак и попросил защитить небольшой продовольственный обоз, который был атакован турками на подходах к нашему лагерю. Я немедленно отправил помощь, но неприятель уже отступил, после того, как убил нескольких возчиков и распряг быков.

Для того, чтобы установить сообщение с моим братом, я направил отряд в горы между Шумлой и Козлуджей, которые он постоянно удерживал, и где со дня на день ожидал нападения. Я был далек от того, чтобы предполагать, что присланный им в ответ рапорт окажется последним письмом, которое я получил от моего дорогого и достойнейшего брата.

Тем временем, князь Меншиков, вернувшись с осады Анапы, высадил свою пехоту в Каварне и собирался отправиться к Варне. В это же время весь флот стал на якорь у варнского порта. Туда же с отрядом был направлен генерал Делинсгаузен с тем, чтобы прикрыть высадку и усилить ее. Затем он должен был создать цепь между Варной и Козлуджей для защиты проезда императора. Нам требовалось миновать лес и пройти по пересеченной местности, где неприятель ежедневно тревожил наши коммуникации. Делинсгаузен не давал о себе знать, и нам пришлось дожидаться его в небольшом лагере перед Козлуджей, который был мало приспособлен для этого в силу своей невыгодной позиции. Ожидание было невыносимо потому, что мы оставались в неведении по поводу безопасности нашего будущего пути. Таким образом, в небольшой солдатской палатке мы провели день 22 июля, именины императрицы-матери, который на протяжении стольких лет был днем великолепного праздника в Петергофе. Для императора и для всех нас этот контраст был ошеломительным, он поверг нас в меланхолию, которая стала предощущением того, что день 22 июля больше не будет для императрицы-матери праздником.

Под командованием адъютанта Толстого я направил две роты егерей занять дорогу через лес на выходе из долины Козлуджи. Нетерпение императора не позволило нам ожидать дольше, и на следующий день мы свернули лагерь. В первый раз император уступил настойчивым просьбам свиты и согласился до выхода из леса двигаться рядом с пехотой, следуя между авангардом и первыми рядами наших двух слабых батальонов. Один из наших егерей получил пулю из засады, которую разведчики не смогли обнаружить. Через несколько часов мы оказались на возвышенном и весьма приятном для глаз плато, покрытом великолепной растительностью.

Наконец, высланные вперед казаки увидели вдалеке Варну, берег моря и наш флот. Этот вид был столь же величественен, сколь и радостен для нас. Он вселил в нас уверенность в том, что Меншиков осуществил требуемые действия и наш флот занял ту позицию, которую ему было приказано. Достигнув небольшого укрепления, мы нашли в нем казачий пост и ставку отряда генерала Делинсгаузена. Здесь мы узнали о том, что ему пришлось выдержать жаркие бои на подступах к Каварне. Совершив утомительный изнурительной жарой переход, мы стали лагерем в этом месте. Ночью нам, наконец, сообщили о том, что накануне, соединившись с отрядом князя Меншикова, генерал Делинсгаузен побил все вышедшие из крепости войска, и после ожесточенного сопротивления отбросил их обратно в город. Затем он укрепился на высотах, господствовавших над городскими окраинами.

На заре мы вновь отправились в путь и к десяти часам утра достигли расположения князя Меншикова. У наших ног лежала Варна со всеми своими укреплениями, разноцветные палатки турецкого лагеря, их знамена, центр города и наши линейные корабли. Император объездил все войска, поблагодарил 13 и 14-й егерские полки, которым столько пришлось выдержать во время осады Анапы,

и обсудил с князем Меншиковым план штурма Варны. Затем он вновь сел на лошадь с тем, чтобы, вернувшись на несколько верст назад, оказаться в приготовленном для него месте посадки на корабли. Высокие и покрытые лесом берега, по которым надо было спускаться по одному с риском сломать себе шею, представляли большие трудности для перевозки наших обозов и кухонных принадлежностей. Это дело было поручено конным артиллеристам донских казаков, и там, где они опасались спускаться даже пешком, были найдены способы провезти передки своих пушек. Наш переход прикрывал пехотный батальон, который князь Меншиков расположил в густом кустарнике и на склонах, спускавшихся к Варне. Все в поту, мы не без труда спустились на берег моря там, где между скал находилась небольшая бухта. Там нас ждала большая лодка с матросами Гвардейского Морского экипажа, теми самыми, которые в Петербурге были гребцами императора. Весь Морской экипаж вышел из Петербурга с остальными полками и теперь находился на различных линейных кораблях. Прислугу и обоз разместили в другой лодке.

В море нас ждал пароходный катер для того, чтобы побыстрее доставить нас на трехпалубный адмиральский корабль «Париж». Впервые вступившего на борт корабля черноморского флота императора встретил адмирал Грейг. С палубы «Парижа» мы видели Варну на всем ее протяжении, вплоть до каждой амбразуры на укреплениях. Огромный рейд был достаточно хорошо укрыт от северного и южного ветра, но оставался открытым для ветра восточного. Наш флот, состоявший из девяти линейных кораблей, множества фрегатов и корветов, большого количества малых и транспортных судов, находился прямо напротив минаретов и артиллерийских батарей Варны. В то время, пока наши люди и обоз перемещались на борт фрегата «Флора», который должен был доставить нас в Одессу, на верхней палубе для императора был накрыт обед. К вечеру император прибыл на это судно, подняли якорь, паруса наполнились ветром и в первый раз штандарт императора был развернут на этом море, к которому так страстно стремился Петр I и которое было завоевано Екатериной II. Весь флот приветствовал императора залпом из всех орудий, сообщив, тем самым, удивленным туркам о присутствии и отбытии российского государя. Погода была прекрасной, благоприятный, но не слишком сильный ветер дул в стороны родных берегов, которые предстали перед нашими глазами на следующий после отплытия день. Этот морской переход доставил нам большое удовольствие.

* * *

На четвертый день мы увидели обрывистые берега, на которых простирались вдаль невозделанные и однообразные степи, окружавшие Одессу. Затем мы смогли различить на берегу постройки и тщательно ухоженные сады, наконец, на берегу моря нашим глазам открылся и с каждой минутой приближался дом, где жила Ее Величество императрица. Император устремил не него свой взор, пытаясь там увидеть свою супругу и дочь (великая княжна Мария сопровождала свою августейшую мать). Очень скоро развевавшийся на верхушке мачты нашего

фрегата императорский штандарт вызвал оживление в свите императрицы, мы ясно видели, как сбегались люди, чтобы рассмотреть наше судно. Вот уже убраны паруса, брошен якорь, спущена на воду шлюпка и наши крепкие гребцы стремительно доставили нас к ногам императрицы, которая прибежала в нижний сад для того, чтобы броситься в объятия своего супруга. Свидание было еще более трогательно, так как оно было неожиданно для императрицы. Мы все были искренне рады. Со времени нашего отъезда с берегов Дуная у нас еще ни разу не было случая зайти в дом, мы не находились в присутствии женщин, мы видели только лагеря, разрушения и несчастья. И вдруг, как по волшебству, мы оказались в очаровательном доме, где все дышало красотой, счастьем и радостью. Были накрыты столы, император и императрица обедали в своих покоях, а придворные дамы и фрейлины оказали нам честь отобедать с нами, что стало для нас настоящим праздником. После этого я направился в город, где с величайшей радостью повидался с моими старыми друзьями графом Воронцовым и Львом Нарышкиным, все было нам в радость.

Со свойственной ему энергией император воспользовался своим пребыванием для того, чтобы проинспектировать резервные батальоны и посетить различные учреждения Одессы. Затем он пожелал посетить верфи Николаева, и поднялся на борт корвета, который должен был плыть на буксире парового катера, императрица сопровождала его. В момент приготовления к отъезду из Варны прибыл адъютант с новостью о том, что в ходе ожесточенного боя перед этой крепостью был опасно ранен князь Меншиков. Неприятельское ядро пролетело у него между ног и вырвало в этом месте плоть, что поставило его жизнь под угрозу. Необходимо было немедленно позаботиться о его замене.

Император уполномочил меня сделать соответствующее предложение графу Воронцову и прибыть с его ответом в Николаев, куда я должен был наземным путем прибыть в то же время, что и он по воде. По существу переговоры были легкими, граф с удовольствием принял предложение и на следующий же день он прибыл к месту своего нового назначения. Я отвез эту новость в Николаев, что окончательно уверило императора в успехе осады Варны. Он во всех деталях осмотрел сооружения этого важного арсенала нашего черноморского флота, который был основан князем Потемкиным и во многом усовершенствован знаниями и усердием адмирала Грейга, который с необыкновенной энергией работал там на протяжении двух десятков лет.

Здесь все было поставлено на широкую ногу и хорошо управлялось — Артиллерийская и Кораблестроительная школы, склады и стройки. Созданный в пустыне по воле могущественного фаворита Екатерины город быстро рос, его украшали красивые здания, церкви, проспекты. Все здесь свидетельствовало о созидающей силе гения и могущества России. После двухдневного пребывания в городе, в самую прекрасную погоду мы вновь взошли на борт, на буксире у парового катера наш изящный корвет величественно прошел перед завоеванным берегом Очакова и Кинбурна. С гордостью вспоминаешь о родившейся здесь

Константин Христофорович Бенкендорф с женой Натальей Максимовной, урожденной Алопеус

славе Суворова, который сбросил в море огромный турецкий десант, здесь еще видны старинные башни, указывавшие на расположение этой крепости, служившей передовым постом османского владычества, которая пала перед храбростью и кровью, пролитой нашими доблестными солдатами. Батареи форта Кинбурна и Очакова артиллерийскими залпами приветствовали императорский флаг. К вечеру поднялся сильный встречный ветер, от которого императрице стало плохо, из-за чего все плавание потеряло всякое очарование. Только к утру, после сильной качки, мы бросили якорь перед Одессой.

Я был совершенно не готов к той обжигающей боли, которая меня ожидала. Тот же адъютант, который привез известие о ранении князя Меншикова, сообщил о гибели моего замечательного брата. Император, не пожелавший сообщить мне об этом при отъезде, взял на себя эту печальную обязанность в день нашего возвращения. Несмотря на все его заботу и мягкость, с которыми он сообщил мне эту ужасную весть, она потрясла меня до глубины души и отняла все физические и моральные силы. Я был безутешен и ушел к себе для того, чтобы выплакаться и предаться скорби. Мой несчастный брат стал жертвой болезни, явившейся следствием тягот войны. В Праводах, где он командовал отрядом, не было ни врачей, ни медицины, и он умер от отсутствия лечения. У него остались сын и дочь, после смерти матери его сын жил в Петербурге у моей жены, куда

через несколько месяцев приехала из Штутгарта и его дочь, жившая там под присмотром гувернантки. В Штутгарте находилась могила жены моего брата, он завещал похоронить его рядом с ней, его тело было перевезено и захоронено в том месте, где он построил памятник своей любимой супруге. Для того чтобы сделать ему гроб в Праводах использовали свинец из местной мечети, таким образом, мой брат покоится в Штутгарте в гробу из свинца, который был взят в неприятельском городе, где окончилась его служба и его жизнь.

* * *

Императорская гвардия вышла из Петербурга в конце зимы и быстро двигалась к театру военных действий. Командовавший гвардией великий князь Михаил покинул ее только для того, чтобы руководить осадой крепости Браилов и последовать за императором по другую сторону Дуная. Через несколько дней после своего прибытия в Одессу он выехал навстречу гвардии, которая уже перешла мост у Сатановы и имела приказ двигаться к Варне. Желая прибыть туда в это же время, император расстался с императрицей и вновь поднялся на борт фрегата, который доставил его в Одессу. После обеда в присутствии всего собравшегося населения, которое желало своему государю счастливого плавания, якорь был поднят и поставлены паруса. Вскоре Одесса скрылась из наших глаз, и очень свежий ветер, казалось, дал возможность высчитать продолжительность плавания. Но к восходу солнца переменивший к тому времени направление ветер превратился в ненастье. Вместо того, чтобы выиграть время, мы его проиграли. Лавировать было бесполезно, капитан предсказывал несколько дней встречного ветра и он предложил вернуться в Одессу для того, чтобы избежать несчастных случаев в непогоду. В нетерпении оказаться в Варне император решил ехать туда по суше и приказал вернуться к Одессе. Ветер дул так неистово, что было почти невозможно поставить паруса.

Опустившаяся ночь застала нас еще на весьма большом расстоянии от того места, где мы должны были стать на якорь. Ночь была темной, ветер дул с невообразимой силой, гроза покрыла небо густой облачностью, которая временами подсвечивалась дальними всполохами. В этих отблесках мы иногда могли различить берега. По непростительной небрежности сигнальные огни, которые должны были указать нам дорогу, не были зажжены. Мы были вынуждены запросить сигнальные огни на брандвахте и вскоре нам ответили. Огни Одессы и грозовые вспышки, осветившие дома города, окончательно указали нам путь, и к полуночи наш фрегат бросил якорь. Император спустился в свою шлюпку, и мы погребли к порту. Непогода была ужасная, в полной темноте мы высадились на берег и по клейкой грязи пешком направились дому графа Воронцова, где ночевала императрица. Мы с императором были единственными прохожими на этих улицах, которые непогода и глубокая ночь сделали безлюдными, с трудом мы поднялись на гору, и у дверей дома я покинул Его Величество. Я направился к дому князя Волконского, который перепугался, увидев, как я появился у его кровати в тот момент, когда, по его мнению, я был далеко в море и находился ближе

к Варне, чем к Одессе. Императрица и весь город были не менее удивлены нашим возвращением.

Без промедления я сделал все необходимые приготовления для поездки по суше и в тот же день после обеда уже находился в коляске рядом с императором все пределов Одессы. Один фельдъегерь был отправлен вперед для того, чтобы от моего имени приготовить лошадей, другой следовал за нами, и это была вся свита Его Величества. Все остальные остались на фрегате, который получил приказ выйти в море, как только позволит ветер. Таким образом, мы приехали в Сатаново примерно за то же время, которое понадобилось для нашего возвращения в Одессу.

В окружавшей нас полнейшей темноте было невозможно подвергаться риску и ехать по длинной набережной и по мосту, на заре мы продолжили путь. Самая глубокая тишина царила в этих же местах, где во время нашего первого проезда грохотали пушки и сражались две армии. На другом берегу Дуная мы довольно долго ждали лошадей, дороги были разбиты. Большой лес, который нам предстояло пересечь, был полон грабителей. Для защиты императора было всего четверо казаков, к тому же на плохих лошадях. Выйдя на равнину, мы встретили толпу болгар, которые, спасаясь от турок, брели по этой земле со своими женами, детьми и всем имуществом. Этих болгар могли искать неприятельские части, на коляску императора могли напасть и профессиональные воры, некрасовцы. Совершенно чуждый этим страхам император или спокойно спал в коляске, или весело беседовал, как если бы мы прогуливались между Петербургом и Петергофом. Ко мне сон не шел, мои глаза были широко раскрыты и постоянно настороже со всей той живостью, которую им придавало беспокойство моей души. Находиться одному с российским императором на турецкой земле казалось мне столь устрашающим положением, от которого даже сейчас, шесть лет спустя, меня бросает в дрожь даже сильнее, чем в ту пору.

В Бабадахе император подробно осмотрел большой госпиталь, большинство врачей были больны, смерть уже произвела там такие опустошения, от которых сжималось его отеческое сердце. Мы продолжили наш путь в Костенджи все на таких же плохих лошадях и в сопровождении двух или четырех казаков, тоже плохо снаряженных. Ночь застала нас врасплох, очень плохая и почти неразличимая дорога не позволяла ехать быстро. Во мраке там и сям мерцали огни, но было невозможно понять, принадлежали они своим или врагам. Наконец, мы заметили огни, которые своей правильной формой подсказали нам, что они принадлежат нашим войскам. Затем мы различили палатки и услышали крики часовых, и вот мы оказались в центре лагеря, который принадлежал дивизии гвардейской легкой кавалерии. Императора узнали по голосу, в один момент генералы, офицеры и солдаты сбежались к палатке дивизионного командира, у которой остановилась наша коляска. Невозможно описать их радость, когда они увидели императора. Она усилилась еще, когда они узнали, что он один проехал более 200 верст по

разграбленной неприятельской территории. Нам необходима была еда и отдых, мы нашли здесь добрый ужин и хорошие постели.

Рано утром следующего дня перед лагерем выстроились и прошли парадным маршем полки драгун, гусар и улан вместе с полевой конной артиллерией. По моей настойчивой просьбе полк конных егерей был направлен к Мангали для того, чтобы небольшими группами охранять дорогу, по которой император собирался продолжить свой путь. Император был полностью удовлетворен прекрасной сохранностью войск и хорошим состоянием лошадей, можно было бы сказать, что эта кавалерии только вышла из своих казарм. Он поблагодарил всех и направился в небольшую крепость Костенджи с тем, чтобы осмотреть госпиталь и склады, затем мы продолжили наш путь. В Мангали, небольшом городе на берегу моря, император посетил больных, которые из-за отсутствия больших домов были размещены более, чем в 50 домиках. Вследствие этого мы более двух часов ходили по устрашающей жаре. Для того чтобы обеспечивать эти маленькие госпитали, было всего два врача, один из которых болел лихорадкой, остальные уже погибли от воинских тягот и нездорового климата. Большие потери понесли также снабженцы, кухни и обслуживающий персонал, которые могли обеспечить больных только самым необходимым. Это ужасное положение живо тронуло императора. Мы покинули это грустное место и продолжили наш путь.

К вечеру мы прибыли в Каварну, где находилась большая часть императорского обоза. Император пошел в город для того, чтобы посетить больных и осмотреть приготовления к обороне, а я направился в императорскую квартиру с тем, чтобы отдать приказ без промедления двигаться к Варне, куда в течение двух дней должна была собраться вся гвардейская пехота. Тем временем фрегат с членами императорской свиты поднял паруса в Одессе, и только что бросил якорь в виду Каварны. Граф Потоцкий сошел на берег для отдачи необходимых распоряжений, после чего на исходе дня император сел в шлюпку и при сильном ветре поднялся на борт фрегата. Только здесь я узнал о том, что тело моего бедного брата было положено в специально устроенном месте в мечети Каварны и ждало, когда какое-либо судно смогло бы его перевезти в Одессу. Это известие, а также мысль о том, что я находился так близко от моего брата и не мог ни проститься с ним, ни поплакать над его гробом, привели меня в отчаяние. Желая избавить меня от столь душераздирающей сцены, император милостиво запретил всем разговаривать со мной о моем брате и послал меня со своими приказаниями в лагерь, пока он сам осматривал город.

* * *

В ту же ночь мы подняли якорь, и на следующий день фрегат подошел к нашему флоту, стоявшему напротив Варны. С момента нашего ухода именно с этого места в Одессу, обстановка здесь значительно изменилась. В результате бомбардировок были разрушены или сильно пострадали православные церкви и мечети, возвышавшиеся над городскими домами. Отряд князя Меншикова, который раньше занимал высоты, находившиеся значительно дальше, чем на расстоянии

пушечного выстрела, теперь спустились ниже и приблизились параллельно или зигзагообразно к крепостным укреплениям. Осадная батарея день и ночь обстреливала город, ежедневно линейные корабли по очереди подходили на расстояние в половину пушечного выстрела и своим огнем разрушали укрепления. Под командованием графа Воронцова лагерь был расположен в виноградниках и садах с тем расчетом, чтобы защитить проведение осадных работ. Из части матросов и корабельных пушек главного калибра были сформированы батареи, гвардейская пехота занимала гребень горы. Все это вместе оживляло берега и морской рейд и составляло вид столь же разнообразный, сколь и интересный.

Император с частью свиты находился в своей главной квартире на трехпалубном корабле «Париж».Остальные офицеры и весь обоз расположились около гвардейского лагеря. Император сошел на берег для того, чтобы проведать князя Меншикова, который очень страдал от своей раны, а также для того, чтобы осмотреть лагерь и приготовления к штурму. Он не пропускал ни одного дня с тем, чтобы с поистине отеческим чувством наведаться к раненным и больным, число которых увеличивалось с каждым днем, и проявить им свою заботу и щедрость. Турки отважно защищались, наша пехота постоянно проявляла активность и свои самые блестящие качества. Инженерными работами с необычайным умением руководил генерал Шильдер. В них принимал участие и л. — гвардии Саперный батальон, разделявший все тяготы армейских инженеров. По мере своих сил Измайловский и Семеновский полки защищали гору для того, чтобы укрепить слабый отряд, который вот уже месяц день и ночь вплотную сражался с численно превосходящим противником. Каждое утро император проводил в лагере штурмующих, и приказал поставить там для себя палатку. На борт «Парижа» он возвращался только под вечер. Сильный ветер часто делал весьма опасными нашу высадку на берег или возвращение на корабль.

Тем временем, видя, что Шумла энергично обороняется и, желая во что бы то ни стало, сохранить за собой выгодно расположенную Варну, противник сформировал мощную колону, которая под командованием Омер-паши двинулась на юг города. За ней последовал отряд под командованием принца Евгения Вюртембергского, который получил приказ беспокоить неприятеля на марше и, если представится удобный случай, то атаковать его. Наш командир не рассчитал должным образом своих действий, и как только он догнал противника, то, несмотря на занимаемую турками выгодную позицию, приказал атаковать его частью своих войск под руководством молодого и храброго генерала Дурново. Последний храбро бросился на противника в штыковую, опрокинул тех, кто непосредственно ему противостоял, и начал их преследование. Но, не получив вовремя поддержки, он был в свою очередь атакован свежими и численно превосходящими неприятельскими силами. В начавшемся неравном и кровопролитном бою он был убит на месте вражеской пулей, после чего дезорганизованные его гибелью солдаты стали отходить. Мы понесли значительные потери, и победа досталась неприятелю. Это поражение навело страх на принца Вюртембергского и воодушевило

турок, которые в 15-ти милях от Варны заняли выгодную позицию. Несколько батальонов императорской гвардии были перевезены на южный берег залива Варны для того, чтобы нарушить коммуникации крепости со стороны Константинополя. Этот небольшой отряд должен был наблюдать за дорогами, которые вели в Варну, и держать под контролем гарнизон крепости. В свою очередь этому отряду стал угрожать корпус Омер-паши, который только что одержал важную победу над принцем Вюртембергским. Отряду нужно было направить подкрепления и защитить его с помощью укреплений. К бригаде егерей и Финляндскому полку, которые первыми были переброшены на южный берег залива, были добавлены Павлоградский полк и полк гренадер. Кроме того, там были возведены редуты как по фронту, обращенному к Константинополю, так и в их тылу для того, чтобы многочисленный гарнизон Варны не поддался искушению атаковать нас.

Император был недоволен поражением принца Вюртембергского. С целью лучше понять силы и замыслы противника император приказал своему адъютанту полковнику Залусскому, поляку по происхождению, силами нескольких эскадронов конных егерей и двух батальонов гвардейских егерей провести разведку боем. Этот небольшой отряд незаметно пересек пространство, отделявшее его от противника, и неожиданно появился на расстоянии ружейного выстрела от турецкого лагеря. Полковник Залусский слишком долго колебался, чтобы принять нужное решение, и скомандовал отступление только тогда, когда это стало почти невозможно. Оправившись от удивления, турки успели вскочить на лошадей и окружили наш небольшой отряд. Офицерам гвардии не хватало военного опыта, а командир полка, никогда не участвовавший в войнах, не заслужил доверия своих солдат[120]. Вскоре паника смешала наши ряды, а густой кустарник не позволял долго держаться. Полковник Залусский со своей кавалерией пустился в бегство и оставил пехоту без прикрытия. Было потеряно воинское знамя, и почти половина двух гвардейских батальонов пала под ударами турецких сабель. Новость об этом печальном событии была сообщена императору по телеграфу, он приказал мне принять командование всем отрядом и на месте решить, не будет ли завтра возможности смыть позор с гвардейских егерей. Прибыв в лагерь после наступления ночи, я был неприятно поражен унынием, написанным на лицах высших офицеров. Неопытные гвардейские офицеры были повергнуты в ужас поражением двух батальонов. Я увидел, что потребуется несколько дней для того, чтобы воодушевить войска, и что было бы опасно вновь бросать их в бой на той же местности, которая еще была покрыта трупами их товарищей, и где в густом кустарнике было трудно поддерживать порядок и координацию действий. Я принял решение ничего не предпринимать, и воспользовался ночным временем для того, чтобы перевести батальоны на другое место, чем, как минимум, защитить их от неожиданной атаки.

Тем временем, неприятель, который мог бы воспользоваться своим преимуществом и приблизиться к нашей позиции, остался на месте, чем дал нам возможность спокойно укрепить наш лагерь и перегородить редутами пути, по которым

Лейб-гвардии Саперный батальон при осаде Варны

гарнизон Варны мог бы оказать ему помощь. Меня приехал заменить бывший командир л.-гв. Егерского полка и командир гвардейской дивизии генерал Бистром. Он привез приказ по войскам императора, по которому егерский полк расформировывался, а личный состав передавался в 13-й и 14-й егерские полки с тем, чтобы в них снова завоевать честь, которую они потеряли в последнем бою. После взятия Варны полк вновь был восстановлен, частично из солдат и офицеров этих двух храбрых полков. Со слезами на глазах и с бранью на устах Бистром зачитал приказ по войскам императора. Все солдаты пришли в ужас от стыда и от упреков их старого и заслуженного командира. Надо отдать им справедливость, с этого времени они искупили свою вину усердием и отвагой во всех испытаниях, которые они блестяще выдержали. Тем временем, турки, воодушевленные своим двойным успехом, двинулись вперед и расположились перед нашим лагерем. Их появление почти на виду Варны вновь вселило в осажденных надежду и мужество. Неприятельские вылазки стали происходить чаще, а сражения стали более ожесточенными. Пробовали атаковать вражеский лагерь, но в силу его прекрасной расположенности после значительных потерь от этого отказались.

Тем временем, наши укрепления все больше приближались к стенам крепости. Был форсирован ров, и наши минеры приступили к захвату укреплений. Артиллерия сильно обстреливала ров, и часто там бились холодным оружием.

Приготовили одну мину, и на заре все было готово для захвата бастиона. После того, как прогремел взрыв, и воздух наполнился дымом и пылью, на штурм пошли отряд матросов и рота гренадер Измайловского полка. Им удалось продвинуться довольно далеко в город. Испуганные турки бежали, и наши люди, вдохновленные мужеством, преследовали их на улицах города. Тем не менее, придя в себя от испуга, они обрушились на наших солдат и вынудили их к отступлению. Возможно, что город был бы взят силой, если бы эта атака была поддержана несколькими другими полками. Но в намерения императора входил только захват пролома в стене. Он не хотел общего штурма, опасаясь больших людских потерь, у него было не так много людей для того, чтобы рисковать значительным их сокращением. Этого приступа было достаточно для того, чтобы показать туркам всю бесполезность даже самого длительного сопротивления. Уже через два дня перешедшие в наш лагерь дезертиры рассказали нам о том, что в гарнизоне крепости царит страх, и что между двумя главными командирами крепости отсутствует единство, что почти переходит во враждебность.

Главнокомандующий Капитан паша боялся скомпрометировать себя перед своим государем, сдав крепость на виду недалеко расположенного лагеря турецкой армии. Другой паша, который командовал наибольшей частью войск, исходя из пассивности этой армии, которая также была атакована нашими войсками, придерживался другого мнения. Он принял в рассмотрение плохое состояние укреплений, легкость штурма, что было доказано в последнем сражении, и нехватку продовольствия и снаряжения. Начались переговоры, было объявлено перемирие, между нашим лагерем и турками были установлены такие отношения, что турки выходили из крепости большими группами. Наконец, под предлогом переговоров, паша с многочисленной свитой лично прибыл в лагерь графа Воронцова. Ему и сопровождавшим его туркам, число которых возрастало с часу на час, были предоставлены палатки, и с этого момента между осаждавшими и осажденными воцарилось самое доброе согласие. На предоставленном им линейном корабле на рейд Варны прибыли послы и иностранные представители, которые до того времени оставались в Одессе. Своими разноцветными мундирами и головными уборами они дополнили многоцветие нашего лагеря. Все расположенные поблизости войска и занимаемые ими позиции были скрыты садами и складками местности. Для охраны палаток главной квартиры оставались только пикет пехоты и гвардейская рота, расположенные на откосах высокого холма, на котором стояла палатка императора. Вокруг нас было больше турок, чем русских, на следующее утро их количество возросло еще на несколько тысяч всадников, которые были прекрасно вооружены и, прискакав галопом, выстроились в поле зрения их паши, который уже более двух суток находился в нашем расположении. Это наращивание сил, казалось, было спланировано заранее и могло бросить тень на переговоры. А между тем, по лагерю пешком прогуливались император, иностранные представители и мы все так, как будто там не было никакого неприятеля. Преображенскому полку и 3 эскадронам гвардейских гусар было приказано

спуститься с горы. В это время турецкие кавалеристы с удивительным спокойствием сняли свое оружие, расположились лагерем, приготовили свои котелки и накормили лошадей с тем более поразительным хладнокровием, что оно полностью противоречило вчерашней храбрости, с которой они защищали от нас укрепления Варны. Паша превратил себя в нашего пленника.

Тем временем, закрывшийся в крепости капитан паша отказался от всех договоренностей, канониры держали зажженные фитили и войска с той и другой стороны ожидали сигнала к началу сражения. Наконец, граф Воронцов направил несколько батальонов к порту города, который на протяжении всей осады не был объектом нашего наступления. Наши солдаты опустили подъемный мост, разбили ворота и вступили в город с барабанным боем и сохраняя полный порядок. Турки не оказали никакого сопротивления и уступили нашим войскам укрепления и ворота, наши войска тут же заняли эти столь любезно уступленные места. Капитану паше оказали все почести, которые требовали его положение и храбрая защита, он получил разрешение выйти из крепости с вооруженным эскортом в 400 человек и направиться туда, куда ему заблагорассудится. Весь гарнизон был захвачен в плен за исключением кавалеристов паши, которые по собственной воле пришли в наш лагерь. Они получили разрешение вернуться к своим жилищам.

Таким образом, эта важнейшая крепость Варна оказалась в наших руках со всем снаряжением и запасами. Император немедленно появился в городе. Он пожелал спуститься в ров там, где работали наши минеры, внимательно изучил все то, что было приготовлено нашими инженерами, он поднялся на укрепления, где была пробита брешь, и обошел часть наступательных позиций. Турки спокойно сидели, покуривая свои трубки, и смотрели на нас с безразличием. На следующее утро император верхом въехал в крепость с тем, чтобы осмотреть ее целиком. Невозможно было себе представить то зловоние, которое охватило нас, как только мы въехали в город. Оно исходило от огромного количества издохших лошадей, быков и баранов, а также от человеческих трупов, зарытых так плохо, что из земли были видны ноги. Были, также, тела, прикрытые только несколькими горстями земли. Грязь и нищета только усугубляли зловоние. Состояние города после бомбардировки невозможно было описать — разрушенные мечети, стены домов, пробитые пулями или разрушенные бомбами, целые кварталы, превращенные в горы щебня, покрывавшего улицы и указывавшего на следы от домов. Только одна православная церковь осталась нетронутой, что было еще более непонятно, так как она находилась в той части города, которая выходила на рейд, а ведь именно она больше всего пострадала от огня нашего флота и наземных батарей. В этом месте император сошел с лошади и прочитал благодарственную молитву. Церковь была маленькой, очень старой и темной, она была спрятана в глубине двора. Эта церковная служба посреди смерти и разрушений мусульманской страны в греческой святыне, находившейся под властью полумесяца, была величественной и несколько меланхоличной, она оставила у меня глубокое впечатление. Император желал увидеть все сам и самому отдать все распоряжения, он

выбрал места для госпиталей и складов, указывал на исправления и улучшения, которые надлежало сделать на крепостных укреплениях, он назначил коменданта крепости[121] и определил численность гарнизона.

В тот же день еще до восхода солнца турецкий корпус, стоявший напротив нашего отряда к югу от Варны, снял свой лагерь и столь стремительно двинулся по направлению к небольшой речке Камчия, что наши войска, начавшие с рассвета их преследование, с трудом догнали неприятельский арьергард. Он был сброшен в воды речки, вся дорога была покрыта вражескими обозами. Наши казаки перешли на другой берег Камчии.

Находившиеся по другую сторону от Варны гвардейские полки вновь заняли свое место в лагере под командованием великого князя. На следующий день император собрал все имевшиеся войска и в присутствии турок, напротив Варны и нашего флота на открытом воздухе, стоя на коленях, была отслужена благодарственная церковная служба. Корабельные пушки и артиллерия дали залп, и этим победным грохотом было отмечено окончание долгой и кровопролитной осады и взятия Варны.

* * *

В октябре месяце пришла непогода, дожди, дороги стали непроезжими. К этому добавилось опустошение местности, активность неприятеля, огромная нехватка продовольственных ресурсов и укрытий от непогоды. Необходимо было срочно позаботиться о зимних квартирах и о стабильной и укрепленной линии обороны по ту сторону Дуная, которая смогла бы сохранить наши завоевания и обеспечить нам исходные позиции для второй кампании. Было решено, что корпус, стоявший у Шумлы, отойдет на другой берег Дуная частично по мосту в Сатаново, частично со стороны Силистрии, которую надеялись захватить до ледохода. Императорская гвардия, также должна была перейти через Дунай и стать лагерем в окрестностях Тульчина. В Варне был оставлен сильный гарнизон, по направлению к нашей границе усиленные отряды располагались в Праводах, в Базарджике, в Костенджи и в небольших крепостях по всему течению Дуная. Главная квартира армии должна была провести зиму в Бухаресте. Все эти планы были составлены императором, который отдал соответствующие приказы и отбыл из армии, предварительно раздав генералам, офицерам и солдатам награды и знаки отличия. Я был удостоен ленты Св. Владимира. Император намеревался ехать по суше, но мы с адмиралом Грейгом склонили его к решению направить свою коляску в Одессу, а самому прибыть туда морем. Для этого мы поднялись на борт прекрасного линейного корабля «Императрица Мария» и при попутном ветре 3 октября стали удаляться от рейда Варны, от нашей армии и флота.

Теперь обратимся к последствиям того отступления, которое было предписано нашим войскам, посмотрим на события в Дунайских княжествах и на ту военную кампанию, которую, тем временем предпринял по ту сторону Кавказа генерал Паскевич князь Эриванский.

А.Ф. Ланжерон

Сопровождавший императора в армии граф Ланжерон принял командование над корпусом князя Щербатова, который ускоренным маршем прибыл из России для того, чтобы укрепить наши позиции в княжествах Молдавии и Валахии. Князь Щербатов тяжело заболел и не смог больше командовать. Важная крепость Силистрия была блокирована, начались работы по ее осаде. Напротив Видино небольшой отряд под командованием генерала Гейсмара служил связующим звеном между нашими службами и крайне правым флангом. Он защищал, также, Крайову, столицу Малой Валахии. К концу кампании против генерала Гейсмара предпринял наступление значительный турецкий корпус. Видя, что, начав отступление, он будет разбит численно превосходящим особенно в кавалерии противником, генерал принял смелое решение предпринять неожиданную атаку в ночь непосредственно перед неравным сражением. Застигнутые врасплох ожесточенной атакой в своем лагере турки не имели времени построиться, и обратились в бегство в полном беспорядке, объяснимом ужасом и отсутствием дисциплины. После преследования турецкие войска рассыпались, и в наши руки попали их пушки, лагерь и большое количество пленных. Этой победой закончилась кампания в Валахии.

Под Силистрией наши войска противостояли всем обрушившимся на них обстоятельствам — непогоде, потокам дождей и ужасному холоду. Они страдали

также от сложностей с подвозом и от полного отсутствия фуража. Граф Ланжерон был вынужден снять осаду и перейти на другой берег Дуная для того, чтобы дать войскам отдохнуть. Много солдат выбыло из строя по болезни, потери увеличивались от холода и от переходов по разоренным землям. Выбившиеся из сил лошади падали от усталости, наши кавалерийские полки были полностью расстроены, артиллерия испытала меньше потерь, но, тем не менее, часть ее не могла вести боевые действия. Количество умерших от холода и военных тягот солдат и окончание кампании — все несло на себе отвратительный отпечаток разгрома и поражения. К счастью, неприятель не сумел воспользоваться нашим печальным положением, и позволил нам спокойно перейти через Дунай и стать на зимние квартиры.

В Азии кровавая и славная борьба поддержала наши операции по ту сторону Дуная. 14 июня граф Паскевич, перейдя гору Арарат, вошел в азиатские провинции, этот центр и колыбель Османской империи. Он приготовил необходимые способы снабжения, что было столь трудно в этой гористой местности, населенной враждебными и воинственными племенами. В то же время, он должен был наблюдать за кавказскими горцами, который готовы были воспользоваться первой же возможностью для того, чтобы избавиться от нашего владычества и прийти на помощь туркам. Он не мог забрать войска из только что завоеванных у Персии провинций, и был вынужден пристально приглядывать за лукавым и непостоянным государем этой империи, который был разгневан и унижен своим поражением. Таким образом, граф Паскевич со всех сторон был окружен врагами и трудностями, и в его распоряжении было мало возможностей, которые ему нужно было создать своим талантом и храбростью своих войск. Он организовал грузинскую, армянскую и даже курдскую милицию, заботливо укрепил пункты на наших новых границах и собрал небольшую армию, которая целиком насчитывала не более 14 тысяч человек, наскоро отдохнувших от усталости и лишений славной персидской кампании.

От горы Арарат Паскевич двинулся на важную крепость Карс, которую защищал многочисленный гарнизон. За 8 дней перехода по почти неприступным горам ему удалось сбить на перевалах все заслоны, которые неприятель выставил против него, разбить неприятельский корпус, отошедший от Эрзерума к Семме, разбить его лагерь и штурмом взять Карс, защищенный тройной стеной и мощной крепостью. 23 июня наше знамя уже развевалось на крепостных башнях. Не дав противнику времени собраться после поражения, Паскевич прошел по диким горам, называемым Чилдырскими, и неожиданно появился у стен Ахалкалака. Штурм произошел немедленно. После обстрела нашей артиллерией охваченный страхом гарнизон собирался бежать, но наши солдаты, начав штурм стен, не дали им на это время. Воспользовавшись ужасом, который внушил врагам этот быстрый успех, главнокомандующий послал генерала Сакена овладеть крепостью Гертвик, а генерала Гессе — взять крепость Поти, расположенную на побережье Черного моря в устье реки Риони. Так же как Анапой, мы страстно желали овладеть этим

важным для нашей торговли и военных коммуникаций местом, особенно после наших больших завоеваний по ту сторону Кавказа.

Для того, чтобы остановить быстрое продвижение русских, турки спешно собрали армию в 30 тысяч человек. Эта армия, вдвое превосходившая по численности нашу, направилась к Ахалциху. Паскевич знал об этом продвижении и со своей стороны поспешил навстречу этому новому врагу. Без остановки он прошел горы и пропасти и встретился с ним на берегах Куры в нескольких верстах от Ахалциха. Ожесточенные, но мелкие столкновения на 4 дня задержали продвижение наших войск. Для того, чтобы покончить с этим, Паскевич предпринял утомительный ночной переход с целью опрокинуть вражеский лагерь. С восходом солнца он атаковал его и после кровавого сражения, продолжавшегося целый день, он овладел лагерем, артиллерией и обозами турок. Неприятельские войска были полностью разбиты, и только часть их спаслась в стремительном бегстве. Активно преследуемые нашими легкими частями, остатки этой армии рассеялись по всем направлениям. Пользуясь своей блестящей победой, которая произвела на гарнизон крепости ужасное впечатление, Паскевич, не теряя ни минуты, приблизился к ней и атаковал ее стены.

После 48-ми часового обстрела был назначен штурм. Укрепления были взяты с таким натиском, который объяснялся только привычкой наших войск одерживать победы. Сражение перекинулось на город, бились за каждый дом, каждая улица превратилась в новое препятствие и стала полем боя. Только через 13 часов, наполненных, трудностями и отвагой, наши солдаты овладели развалинами разрушенного в пыль и прах Ахалциха. Расположенная на скале и возвышавшаяся над городом крепость, видя разрушение последнего, запросила капитуляции, которая и была ей предоставлена. Неутомимый в развитии победы Паскевич направил генерала князя Вадбольского овладеть крепостью Азгур, которая открыла перед ним ворота. С другой стороны князь Черкасский[122] двинулся на освобождение нескольких тысяч христианских семей, которых 4 тысячи турок увели с мест проживания в Карском пашалыке. После того, как турецкие силы были разбиты, они бросили своих несчастных пленников, которые, таким образом, избежали суровой неволи.

Крепость Ардаган даже не помышляла о сопротивлении и сдалась генералу Бергману, который подошел к ее стенам с небольшим отрядом. В течение нескольких дней генерал князь Черкасский, который, как и другие генералы, командовал небольшими отрядами основной армии, занял крепость Баязет, столицу одноименного пашалыка, форты Фопрак-кале и Диадином. Везде наши войска воспользовались ужасом, который внушили врагу наши успехи и имя графа Паскевича. Русский флаг, развевавший уже на берегах Евфрата, внушал удивление и страх всем азиатским провинциям Турции. Таким образом, 9 сентября окончилась эта двухмесячная кампания, которая была столь же важной для расстановки сил в войне, сколь и запоминающейся славой графа Паскевича и его храбрых солдат.

В общем, в результате этой кампании в Европейской Турции в наши руки попали Молдавия, Большая и Малая Валахия, большая часть Болгарии, 8 крепостей, 957 пушек, 180 знамен, 9 пашей и свыше 22 тысяч пленных. В Азии мы захватили три пашалыка, 6 крепостей, 3 форта, 313 пушек, 195 знамен, 8 пашей и более 8 тысяч пленных.

* * *

Корабль, на котором плыл император, должен был через три дня доставить нас в Одессу. При почти попутном ветре мы прошли больше половины пути от Варны, когда с раннего утра разразилась непогода со встречным ветром, который сначала заставил нас лавировать, а вскоре и свернуть все паруса из-за невероятной силы, с которой он дул. Непогода перешла в шторм с такими порывами ветра, что вскоре часть рангоута на бизань мачте и часть такелажа были разбиты. Качка судна была столь сильной, что сделала невозможными работы по починке и предотвращению дальнейших поломок. Надо было закрепить руль и отдаться ярости волн. Все члены свиты улеглись в свои гамаки, часть матросов и прислуги чувствовали себя больными или боялись разбить себе голову, оставаясь на ногах. В добром здравии оставались только император, граф Потоцкий и я. Но для того, чтобы передвигаться, нам приходилось страховаться. Чтобы услышать что-нибудь при таком сильном ветре приходилось кричать друг другу в ухо. Все плохо закрепленные предметы обстановки швыряло от одного борта к другому. Было очень холодно, и страшный ветер гнал корабль к неприятельским берегам Босфора. Через 20 часов мы прошли уже больше 60 миль в этом направлении. Не было никакого способа бороться с этой новой опасностью, еще 24 часа подобной непогоды и Российского императора выбросит на мусульманский берег. Всегда сдержанный и снисходительный император высказал мне только небольшой упрек за то, что я посоветовал ему довериться опасностям мореплавания вместо того, чтобы передвигаться по суше. Он сказал: «Я твердо решил быть в Петербурге 14 октября в день рождения моей матери. Настоящая задержка лишает меня этого удовольствия». Наконец, через 26 часов шторма сила ветра несколько уменьшилась, его направление немного изменилось, что позволило нам, во всяком случае, прекратить попятное движение. Восстановительные работы продолжились с тем пылом, который объяснялся присутствием императора, такелаж был частично восстановлен и корабль начал слушаться руля. После обеда ветер успокоился, на несколько часов осталось только сильное волнение, которое раскачивало наш большой линейный корабль как хрупкую лодочку.

Наконец, ветер изменил направление, и мы продолжили наш прямой путь в Одессу, к которой мы смогли приблизиться только глубокой ночью. Для того чтобы направлять путь корабля, надо было следовать ночным сигнальным огням, а чтобы при подходе к рейду избежать несчастных случаев, мы бросили якорь вдали от города. Погода была ужасной, шлюпку, на которой плыл император, преследовал холодный дождь. К большой радости жителей города, которых непогода заставила опасаться за судьбу своего государя, он прибыл в дом графа

Смерть императрицы Марии Федоровны

Воронцова. Его уже несколько часов с нетерпением ожидал курьер великого князя Михаила, который был послан из лагеря под Варной с тем, чтобы доставить великому князю известия об императоре. Даже армия и флот пострадали от непогоды, несмотря на надежное крепление, корабли пострадали, лагерные палатки были снесены или разорваны.

Приготовления к путешествию заняли всего несколько часов, и в 4 часа утра я имел честь занять свое место в коляске рядом с императором. В Елизаветграде мы остановились на молитву. Только шаги императора и мои раздавались под сводами церкви, только один священник слышал его голос, только несколько свечей горели в полумраке. Отъезд был печальным, и, несмотря на то, мы недавно избежали опасности, казалось, предвещал несчастье. Было 8 октября, для того, чтобы приехать в Петербург 14 октября, нельзя было терять ни минуты. Ночи уже были темными, дороги развезло начавшимися осенними дождями, лошади были приготовлены всего несколько часов назад фельдъегерем, который двигался впереди нас.

Уставшие и продрогшие мы прибыли в Царское Село утром 14 октября, как того желал император. Он вышел у дворца для того, чтобы заняться своим туалетом и приурочить свой приезд в город к моменту, когда императрица и сопровождавшие ее лица появятся в дворцовой церкви. Он хотел остаться незамеченным,

но, подходя к дворцу со стороны Невы, был узнан двумя эскадронами конных гвардейцев, которые должны были принять турецкие знамена, захваченные под Варной, и провезти их по улицам. Крики «Ура!» возвестили о приезде императора. Он вошел во дворец в окружении взятых под Варной трофеев и под искренние радостные крики народа, толпившегося вокруг. Но, войдя в покои, где царствующая императрица и дети бросились к нему навстречу, он был поражен грустным известием о том, что императрица мать опасно больна. Испытанные ею за время военной кампании волнения и радость от взятия Варны оказались ударом для ее нервной системы, а колебания лечивших ее врачей уложили ее на кровать, с которой ей не суждено было подняться. Ее крепкое здоровье, предохранявшее ее до этого времени почти от всех болезней, позволяли надеяться на лучший исход, когда приближение смерти положило конец ее столь прекрасной и полезной жизни. В это время по городу и при дворе стала распространяться тревога, все старались поскорее узнать новости с тем, чтобы почерпнуть в них надежду. Она оказала мне честь, желая говорить со мной, но врачи из опасения, что беседа могла бы ускорить болезнь, день за днем держали меня на расстоянии от нее под тем предлогом, что усталость от путешествия не позволяет мне выйти из моей комнаты. Через несколько дней императрица почувствовала, что приближается ее последний час. Она исповедалась и приготовилась к переходу в мир иной со спокойствием и верой чистой и возвышенной души. Она приказала позвать императора, императрицу, детей, благословила их и скончалась 19 октября*.

Император и императрица горько плакали. Еще такой молодой наследник рыдал со всей чувствительностью только сформировавшейся души. Плакали вельможи и скромные служащие, богатые и бедные, весь Петербург и вся Россия. Более 50 лет она прожила во дворце, где и испустила дух. Она привнесла туда добродетель, которой во всем следовала, она пыталась смягчить суровость императора Павла и давала пример подчинения его воле. Она подарила России императора Александра и императора Николая, являла собой образец супруги и матери. Она жила лишь для того, чтобы делать добро, и своими трудами и добротой своего сердца она стала примером добродетели. Ежедневно помногу часов она с величайшей тщательностью занималась делами попечительства, воспитанием тысяч детей, порученных ее заботам, уделяла внимание больницам и вообще христианскому милосердию. Она никогда не ложилась, не закончив все свои дела, не ответив на все, даже самые незначительные письма. Она была невольницей того, что называла своим долгом. Она была доброжелательным защитником и просвещенным любителем наук и всевозможных искусств. Она любила чтение и не гнушалась ручной работы, которая позволяла существовать бедным, она помогала богатым избавиться от безделья. Она способствовала светским развлечениям, видя в этом одну из обязанностей государей, таким образом, во дворце часто собиралось много людей на театральные представления и на балы. Летом она много занималась

* Помета, возможно, Николая I — «24 октября 1828»

делами своего Павловского дворца. Там она с полным знанием дела занималась оранжереей и садом. Одним из ее талантов было то, что она умела находить время для всего, что было следствием величайшего порядка в распределении ее занятий. Ее удивительная деятельность была основана на крепком здоровье, которое позволяло находить для этого новые возможности. Требовательная к себе самой, она была таковой и для всех тех, кто имел честь находиться на ее личной службе, будучи неутомима сама, она не любила замечать усталость у других. Отличаясь постоянством и искренностью в чувствах, она желала такого же отношения от тех, кому она оказывала честь, называя своими друзьями, или от тех, кого она защищала, исходя из побуждений чувств или требований разума. Она была требовательна по отношению к своим детям и слугам. Это был единственный недостаток, если его можно назвать таковым, который можно было найти в этой женщине, бывшей образцом добродетели, приветливости и благодетельности. На смертном одре она была окружена лишь слезами печали и признательности. Было очень трогательно наблюдать, как молодые воспитанницы находившихся под ее покровительством институтов рыдали горькими слезами, видя ее неподвижное тело. Плакали все — старые гвардейцы, дети, сироты, придворные и бедняки, все потеряли в ее лице, кто мать, кто благодетельную и добрую защитницу.

Из Варшавы приехал великий князь Константин, из Тульчина — великий князь Михаил. Похоронная процессия, которая доставила Императрицу Марию к месту последнего успокоения наших государей, была окружена гробовым молчанием и слезами. Она должна была покоиться рядом со своим супругом и своим сыном Александром.

1829

Как можно было предположить, зима прошла печально. Развлечения были заменены решением мелких политических дел и приготовлениями к новой кампании. Всегда ревниво относившиеся к России европейские державы со страхом взирали на разгоревшуюся против Турции войну, в которой они уже предвидели ее неизбежное поражение и усиление мощи нашей империи. В ревнивых глазах правительств наш молодой государь, увлеченный дорогами побед, нарушал всю систему европейского равновесия. Англия опасалась за свою торговлю на Средиземном море, Франция считала делом чести спасти своего старого союзника Султана от российского завоевания. Каждый раз она начинала интриговать и втягивала в эти дела другие правительства. Наиболее заинтересованным государством, в связи со своим непосредственным соседством, была Австрия. Видя, что Молдавия и Валахия стали российскими провинциями, она встревожилась и предложила свое посредничество. Она способствовала появлению благоприятных туркам

настроений и вызывала недоверие к нам Берлинского кабинета. Все с пристальным вниманием ждали окончания войны, высказывались против намерений императора Николая, но не осмеливались высказать свою позицию открыто.

Император был спокоен, силен сознанием своей правоты и совершенно не желал упустить победу. Он отклонил, так называемые, добрые услуги иностранной дипломатии и приготовился ко второй кампании. Потери кавалерии и артиллерии в лошадях вскоре были восполнены. Резервные батальоны пополнили личный состав армии, который был сильно ослаблен болезнями, усталостью и, наконец, чумой. Так, чума нанесла огромные потери гарнизону Варны. Командовавший там генерал Головин был вынужден вывести войска из города и расположить их в пригородных садах. Были полки, численность которых сократилась до 100 человек. В этих условиях генерал Головин проявил большое мужество, а наши добрые и покорные солдаты дали замечательный пример своего терпения и послушания. Находясь перед неприятелем в разрушенном городе, где часто не хватало самого необходимого, в условиях эпидемии, они ни разу не роптали и несли службу с той же дисциплиной и порядком, которые отличали наши войска в самых благополучных гарнизонах. Граф Витгенштейн был стар и попросил заменить его. Для командования армией туда был направлен граф Дибич, который вскоре приступил к своим обязанностям и энергично принялся готовить к войне войска и военное снаряжение.

Трудности нашего правительства возросли в связи с событием столь же неожиданным, сколь и плачевным. Наш посланник при дворе персидского шаха господин Грибоедов, человек умный, но, возможно, несколько неосторожный, настроил против себя население Тегерана. Унижение последней войны сделало горожан еще менее терпимыми к русским. Он пренебрег общественным мнением, которое только ждало случая, чтобы взорваться. Сигналом к началу послужила пустячная ссора между несколькими персами и слугами Грибоедова, народ взломал двери жилища нашего представителя, и он сам, также как большая часть его служащих и прислуги стали жертвами его гнева. Они были бесчеловечным образом убиты до того, как правительство, испуганное этим неожиданным штурмом, направило посольству помощь. Раздраженный шах приказал арестовать и наказать виновников этого преступления, но нанесенное оскорбление было слишком сильно и грозило новым разрывом отношений. Петербург и Тегеран так долго восстанавливали отношения, что возникло сомнение в прочности мира, столь недавно заключенного между двумя народами.

Интересы совершенно другого характера, но высокой значимости, позвали императора в другую часть империи — в Варшаву. Командовавший там русскими и польскими войсками его брат великий князь Константин, который постепенно вошел в дела по управлению Царством, не был там любим. Одновременно он командовал корпусом, расположенном в Литве, и носящим такое же название для того, чтобы отличаться от других русских армейских корпусов, которые имели номер. Провинции, расположенные перед польскими землями — Вильно,

Император Николай I в Варшавском арсенале

Гродно, Белосток, Минск, Волынь и Каменец Подольский, находились под его командованием и управлялись военной администрацией. Такова была воля императора Александра. Подобное объединение всего, что было польским или могло быть польским, а также данная Царству либеральная конституция, малиновый цвет мундиров Литовского полка, вместо русского красного цвета, все это было наименее удачным решением из всего, что можно было принять. Кроме того, эти решения входили в прямое противоречие с тем, что сделала императрица Екатерина в связи с разделами Речи Посполитой.

Все вышесказанное давало полякам серьезную надежду на восстановление государственности и тем самым затрагивало и оскорбляло Россию. Император Николай предвидел последствия подобного положения дел, но и не преуменьшал трудностей, с которыми пришлось бы столкнуться. Во-первых, для того, чтобы изменить позицию своего старшего брата великого князя Константина, который был женат на полячке, был влюблен в войска, которыми командовал, и протежировал замыслам поляков соединить в Царстве Польском все другие провинции, которые уже долгие годы входили в Российскую империю. Во-вторых, для того, чтобы разрушить труды императора Александра, лишить его титулов «Освободитель» и «Благодетель Польши», которые были завоеваны его предшественником, подобными изменениями настроить против себя тысячи своих

подданных — поляков, и, может быть, напугать Европу, уже потревоженную его могуществом. Наконец, восстановить против себя своего брата, который на словах основывал свою власть на воле императора Александра, и который посчитал бы ужасной несправедливостью, если бы его последователь, которому, ко всему прочему, он уступил трон, лишил бы его этой власти.

Поляки были очень недовольны управлением великого князя Константина, в их сердцах и умах это недовольство уже перевесило всякую благодарность, которую они испытывали к императору Александру за его благодеяния. С нетерпением и беспокойством Польша ожидала, какую позицию займет новый император. Уже был пущен слух о том, что он не любит поляков, что он не одобряет тех льгот, которые были им предоставлены, что он суров и никогда не согласится на включение в Царство Польское прежних провинций. Его не знали, его боялись, на него надеялись и ему жаловались на управление великого князя в надежде, что молодой государь не оставит его во главе правительства.

У императора было время ознакомиться со всеми бедами, подумать обо всех трудностях своего положения перед лицом своего брата, своих многочисленных польских подданных, перед лицом своего долга перед Россией и тех установлений, которые следовало сохранить в память об императоре Александре. Он решил увидеть все своими глазами и, воспользовавшись одной из статей хартии, предусматривавшей коронование, он приказал все приготовить к этому торжеству и к своей поездке в Варшаву. Слухи об этом вновь наполнили провинции и Царство Польское надеждами и не доставили никакого удовольствия русским. Уже во время последней кампании император чувствовал потребность более тесного объединения двух наций, ощущал особенную пользу от присылки войск и от братания их с русскими войсками. Он попросил своего брата прислать в Дунайскую армию небольшую часть польских войск, и был очень доволен, когда в ответном письме великий князь Константин сообщил о своем согласии. Но уже в следующей почте сообщалось о трудностях, особенно одна фраза великого князя поразила благородное сердце императора и заставила его отказаться от этого интересного проекта. Великий князь написал, что его честь будет задета, если на войну отправятся войска, которые он формировал, а он сам не сможет разделить с ними опасности и славу.

* * *

Все было готово для путешествия, 22 апреля император отправился в дорогу, направился прямо в Динабург, где через два дня к нему присоединилась императрица. Строительство крепости значительно продвинулось вперед, оно производилось с таким старанием, которое заслужило полное одобрение императора. Отсюда императрица продолжила свою поездку, а мы направились в Вильну, куда и прибыли ночью. В городе еще горели несколько огней, оставшихся от праздничной иллюминации, которую жители зажгли в честь приезда своего государя. Император остановился во дворце, который уже на следующее утро был окружен огромной толпой народа. Император направился в наполненный народом

православный собор, откуда парадным маршем прошел один из шести батальонов Литовского полка. Вся площадь и прилегавшие к ней улицы, по которым должен был пройти император, были заполнены людьми. Все они казались довольными тем, что видят его, на всех лицах лежала печать доверия и удовлетворения. Император тщательно осмотрел университет и госпитали, он казался удовлетворенным тем порядком, который там царил. С тех пор, как я был здесь в последний раз, город значительно украсился. Места народных гуляний были тщательно засажены деревьями, многочисленные новые здания и окружавшая их чистота значительно изменили облик города, который раньше был довольно грязным, как и все города, населенные поляками и евреями.

После осмотра всего города и его учреждений мы вернулись в коляску и на утро следующего дня прибыли в Гродно. Так же как и в Вильне, народ, казалось, был под большим впечатлением от лицезрения своего государя, которого он видел во время парада, на входе и на выходе из всех общественных учреждений. Наше особое внимание привлек госпиталь, расположенный в старом замке, он был просторный и прекрасно организованный. Значительно менее населенный, чем Вильна, город производил грустное впечатление многочисленными проявлениями бедности и упадка.

В тот же день при прибыли на ночевку в Белосток, где остановились в красивом императорском замке, бывшей резиденции госпожи Краковской, сестры последнего польского короля. Здесь императора ожидал командир Отдельного Литовского корпуса генерал Розен. Дворцовый сад привлек особое внимание императора и после отдыха, случившегося в первый раз после отъезда из Динабурга, он продолжил свою поездку. При великолепной погоде он направился к Тыкоцину, расположенному на границе России и Царства Польского. После войны 1806 и 1807 годов у меня не было случая побывать в этих местах. Тем не менее, я полагал, что смогу узнать их, как узнают места, которые изъезжены верхом на лошади вдоль и поперек. Я даже сказал императору, что по дороге смогу рассказать ему о тех позициях, сражениях и перемещениях, которые наша армия произвела в этих местах. Но после выезда из Белостока к моему величайшему удивлению я увидел, что вместо глубокого песка и болот, которые я видел здесь раньше, мы едем по прекрасной мощеной дороге, подъезды к Тыкоцину также изменились. Шаткий мост и грязная плотина исчезли, маленький город приобрел чистый и ухоженный вид. Все вокруг преобразилось, самый бедный, грязный и промышленно отсталый край как по волшебству стал цивилизованной, богатой и ухоженной страной. Дороги были прекрасно обустроены, города — чисты, земля — тщательно возделана. Местное население было довольно, фабрики заполнены иностранными рабочими. Одним словом — все, что мудрое и заботливое правительство могло предпринять за полвека, было сделано императором Александром за 15 лет. Самая неискоренимая неблагодарность молодых польских патриотов была принуждена отступить перед очевидностью истины и признания того, что император вновь вернул к жизни эту часть Польши.

Доехав до Пултуска и оказавшись на полях сражений, где 23 года назад я видел, как военная удача Наполеона была остановлена нашими храбрыми батальонами, я не смог удержаться, и предался воспоминаниям об этом времени и о великих событиях, которые за ним последовали.

Наполеон победил в Варшаве и угрожал России, поляки уже гордились несбыточными надеждами на свое возрождение, наши усталые и павшие духом армии вернулись в границы империи. А теперь Наполеон вот уже многие годы существует только на страницах истории, Париж увидел наши победоносные знамена, поляки стали нашими подданными и обязаны своим счастьем только благородству императора Александра, а я сижу в коляске рядом с могущественным государем России, королем той самой Польши, где я сражался, защищая наши собственные границы. Эти чередования упадка и процветания, унижения и славы настроили нас на философские размышления, которые сопровождали нас до главной площади небольшого городка Пултуска, где для почетного сопровождения императора была приготовлена воинская часть.

Через некоторое время сюда прибыла императрица, и мы провели ночь в Пултуске. На следующий день Их Величества со всей свитой направились в Варшаву. К обеду прибыли в имение князя Понятовского Яблонное Йолли[123], находившееся в 14 верстах от Варшавы. Здесь ожидавший императора великий князь Константин представил ему доклады. Через некоторое время сюда же приехала и его супруга княгиня Лович. Оба брата с супругами пообедали вместе в обстановке сердечной близости.

Вечером того же дня я приехал в Варшаву с тем, чтобы отдать некоторые распоряжения в связи с завтрашними торжествами. С раннего утра следующего дня все русские и польские войска при оружии заняли свои заранее обозначенные места. Кавалерия находилась на другом берегу Вислы, пехота стояла на тех улицах, по которым император и императрица должны были въехать в город.

Специально к этому дню ниже Пражского моста по течению реки был построен другой мост с тем, чтобы кортеж проехал через большую часть города и одновременно избежал крутого подъема, который вел к Варшаве от Пражского моста. Все население столицы Польши, включая иностранцев и горожан, поспешили занять места у окон домов, на балконах и на улицах города. Великолепная погода стояла в городе и его окрестностях, которые весна уже украсила цветами и зеленью. По ту сторону моста великий князь Константин и вся императорская свита сели на лошадей. В первый раз я видел войска под командованием великого князя. Они отличались превосходной выправкой, прекрасным обмундированием и наилучшим выбором людей и лошадей. Русские полки, два из которых были гвардейские пехотные и три кавалерийские, вместе с польским полками составляли дивизии. Их внешний вид был совершенно одинаков и, глядя на них, можно было сказать, что между войсками и двумя нациями было достигнуто полное единение. Великий князь попросил меня проехать перед первыми полками кавалерии. После каждой моей похвалы прекрасной выправке и элегантности своих

Царь Польский Николай I

войск на лице великого князя появлялось выражение полного удовлетворения. Перед первым взводом полка Подольских кирасир он представил мне своего родного сына поручика Александрова, который был ему рожден французской женой[124] одного фельдъегеря, и к которому он был нежно привязан.

Наконец, появились кареты, в которых ехали император, императрица и наследник. Они остановились в небольшом доме за пределами предместья Праги, где императрица окончила свой туалет, и где Их Величеств ожидали парадные коляски и первые придворные кавалеры. Через несколько мгновений император сел на лошадь, и весь кортеж пришел в движение. Войска, которые впервые видели своего молодого и красивого государя, по традиции радостно приветствовали его криками «Ура!». Я внимательно наблюдал за лицами солдат, поляки, как и русские, с удовольствием глядели на императора, они казались одушевлены тем же желанием ему понравиться. В тот момент, когда император со свитой были на мосту, лошадь великого князя неожиданно рванулась в сторону и, несмотря на все усилия всадника, не желала идти в нужном направлении. Разгневанный великий князь был вынужден спешиться и пешком пройти по мосту и через часть города, пока ему не подвели лошадь, сменившую ту, которая после многих лет службы впервые отказалась повиноваться. Продолжая командовать парадом и следуя за императором со шпагой в руке, великий князь, казалось, был полностью лишен

того удовлетворения, на которое он мог рассчитывать, представляя во всем блеске находившиеся под его командованием войска. Он казался потерянным и его вид внушал страх всем тем, кто находился под его командованием, и кто привык видеть немилость в раздраженных глазах своего разгневанного командира. Это происшествие, несмотря на всю свою малозначимость, бросило тень на весь день и поразило всех присутствовавших.

Народ и войска встретили своего государя восторженными возгласами, на балконах и у окон женщины махали платочками. Они казались в полном восхищении от красоты императора и, в особенности, от очарования и утонченности наследника, от любезных поклонов императрицы, от грациозности и элегантности ее манеры держать себя. Наконец, самый придирчивый наблюдатель не обнаружил бы в этих людях, собравшихся по пути следования своих государей, ничего, кроме радости и преданности верного народа. Именно так они показали себя в наших глазах, именно так оно и было в действительности, по крайней мере, в основной массе людей.

Император остановился перед католическим кафедральным собором, где к великому удовольствию приверженцев этой религии, он причастился святой водой и принял знаки уважения духовенства. Он спешился у входа в королевский дворец и дождался императрицу с тем, чтобы помочь ей выйти из коляски. У подножия лестницы их ожидала княгиня Лович и знатнейшие дамы Польши для того, чтобы встретить и приветствовать своих государей. Огромная толпа продолжала толпиться вокруг дворца в надежде увидеть своего короля. После обеда он вышел, предложил руку своей супруге и пешком, без свиты и охраны, в толпе людей направился к великому князю. Это доказательство доверия и простота поведения привели в восхищение всех зрителей, общие крики «Виват!» приветствовали августейшую чету и сопровождали ее на значительном расстоянии от Дворцовой площади, пока император по доброте своей не сделал народу знак, что больше не нужно его сопровождать.

На следующий день Его Величество показался на параде на Саксонской площади, здесь его появления ожидала огромная толпа народа, все жаждали его видеть. Войска также были полны желания ему понравиться, все свидетельствовало об удовлетворении и безопасности.

Великий князь стремился показать пример уважения и старания. Во время парада он вел себя, как простой генерал, казалось, что он робел в присутствии своего государя. Он лично проехал на правый фланг парада, а при втором проходе войск он замыкал их движение с портфелем в руках для того, чтобы получить и записать приказания императора.

Все свидетельствовало о полнейшем согласии между обоими братьями, и император делал все от него зависящее для поддержания и укрепления этого положения. Но пребывание государя стесняло великого князя. На протяжении многих лет он привык подчиняться только самому себе, вошел в обыкновение приказывать как начальник. Теперь, когда он был вынужден как минимум подавать пример

подчинения, он опасался преследующего взгляда императора, зная о том, что существует недовольство теми решениями, которые он позволял себе принимать, а также его резкостью и, подчас, чрезмерной суровостью. Его ближайшее окружение опасалось ответственности в то время, когда поляки надеялись на перемены, в частности, на ограничение власти великого князя. Две столь противоположные друг другу позиции усложняли положение императора. Компромисного решения не могло быть. Надо было либо поссориться со своим старшим братом, который признал его в качестве императора России и предоставил ему трон, либо проиграть во мнении своих новых подданных поляков, показав им, что он не может и не желает изменить их подчиненное великому князю положение. Словом, что их интересы приносятся в жертву братским связям с тем, чьи притеснения вызвали их жалобы.

Только через некоторое время императору удалось выйти из этого ложного положения при помощи определенности и твердости, с которыми он отказал великому князю в некоторых его просьбах, и, благодаря тому вниманию, которое он уделял всем тонкостям государственного управления королевства. Как и многие другие, великий князь желал всеми силами восстановить порядок в деле комплектования Литовского корпуса. Император хотел, чтобы он комплектовался из рекрутов внутренних провинций империи, великий князь настаивал на продолжении практики императора Александра, при которой корпус пополнялся за счет рекрутов только из польских и соседних губерний. Великий князь и его окружение делали все возможное, но император, считая этот вопрос жизненно важным для безопасности своей империи, держался уверенно, и великий князь остался в разочаровании.

Вскоре все приготовления к торжественной церемонии коронации были окончены. По старому обычаю на всех площадях столицы о ней объявили герои войны.

По приказанию императора из Петербурга была доставлена императорская корона с тем, чтобы показать всем, что для обеих стран есть всего одна корона, и что она — именно эта.

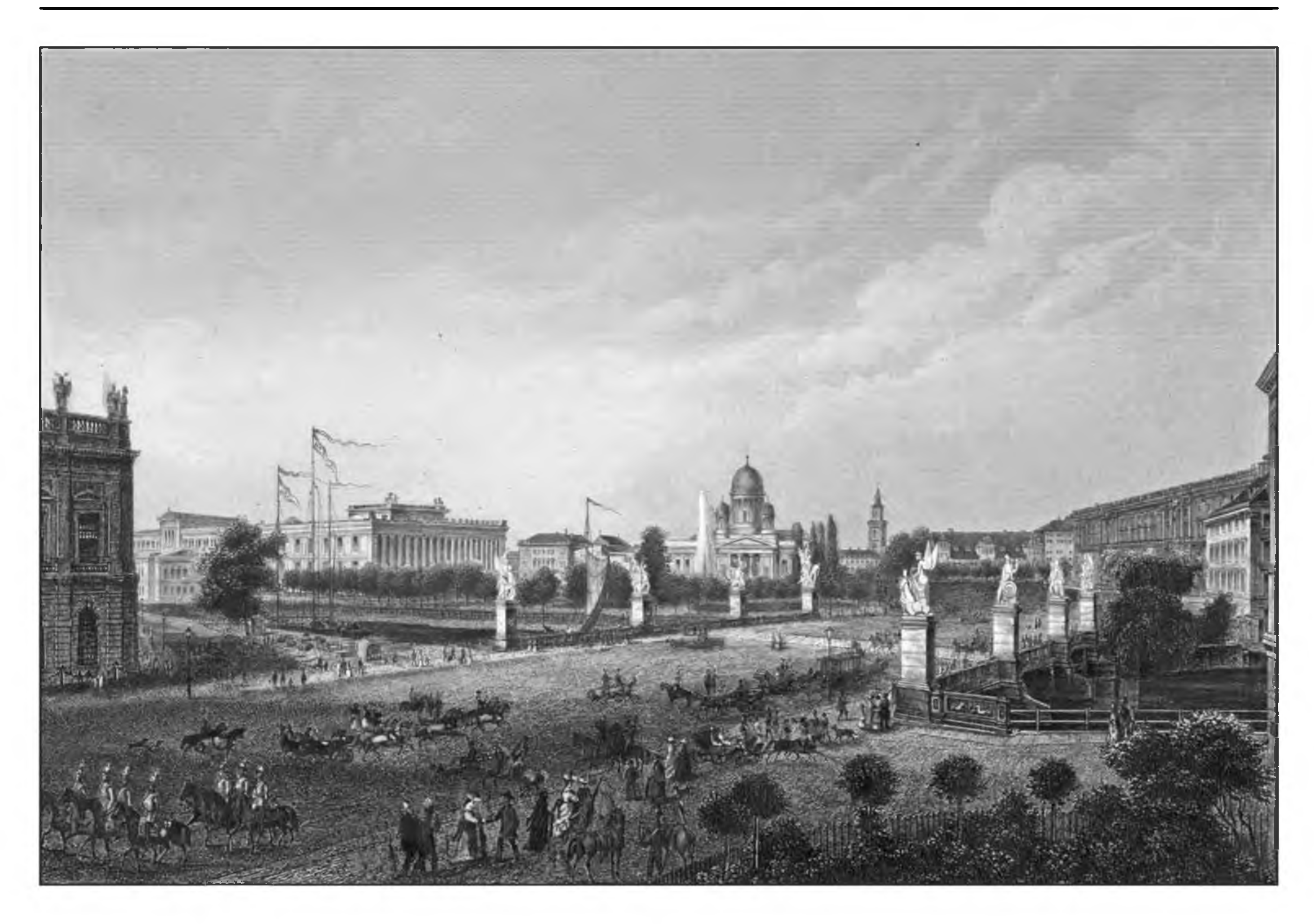
С раннего утра залы дворца наполнились высшими представителями королевства, дамы расположились на заранее отведенных местах в тронном зале, войска стояли от дворца до городского собора, люди толпились на улицах, на свободных площадках, у окон, зрители были везде, даже на крышах домов. Император с императрицей в сопровождении наследника, великих князей и всей военной свиты двинулись со двора в тронный зал польских королей, и поднялись по ступенькам, прикрытым королевским балдахином. Все, министры, сенаторы, духовенство, нунции, заняли указанные каждому из них места. В установившемся полном молчании король надел на голову корону и перед распятием произнес слова своей клятвы. Он вложил в них столько чувства и искренности, что все зрители были глубоко тронуты. Затем в порядке, указанном церемониалом, король и королева пешком направились в кафедральный собор, их продвижение сопровождалось восторженными криками. Войдя в церковь, под сводами которой столько королей

приняли свою корону, и где столько поколений приветствовали своих государей, поляки должны были почувствовать гордость, наблюдая, как наследник Петра Великого выказывал уважение их вероисповеданию. Католические священнослужители, должно быть, с удивлением молили Господа о защите их православного повелителя. Мы же испытывали там тягостные чувства. Я не мог избавиться от болезненного и даже унизительного ощущения, которое предсказывало, что император Всея Руси выказывает слишком большое доверие и оказывает слишком большую честь этой неблагодарной и воинственной нации.

Вернувшись в свои апартаменты во дворце, император послал за мной. Видя, что я взволнован, он не скрыл от меня, насколько его рыцарское сердце переполнено чувствами. Он принес клятву от чистого сердца и с полной решимостью ее свято исполнить.

На обед были приглашены все крупные военные и гражданские чины. В этот день было роздано много орденских лент и произведено множество назначений. Среди них князь Адам Чарторыйский был назначен камергером, его тщеславие, которое всегда заставляло его желать звания «королевского лейтенанта», было этим несколько шокировано. За столом рядом со мной сидело несколько нунциев. Они жаловались на вспыльчивость великого князя и превозносили манеры короля и сказали мне: «Если бы он захотел управлять нами сам так, как он это делает в России, то мы бы с удовольствием отдали ему конституционную хартию со всеми ее преимуществами». Вечером была большая иллюминация, весь народ высыпал на улицы. В последующие дни состоялись балы, представления и большой парад всех войск. В Варшаву прибыл брат императрицы принц Вильгельм Прусский. Король Пруссии должен был прибыть в один из замков Силезии, чтобы там встретиться со своей дочерью императрицей и своим внуком — наследником престола. Для этой встречи все уже было готово, когда прибыло известие, что состояние здоровья короля не позволяет ему проделать это путешествие.

В тот же день император решил, что сам поедет в Берлин, но, для того, чтобы для его тестя неожиданность была еще более приятной, он приказал мне никому не говорить об этих планах. В назначенный день императрица уехала, а два дня спустя в полночь мы с императором сели в коляску, предшествуемые только одним фельдъегерем, которому было приказано готовить по дороге лошадей от моего имени. Нас сопровождал только приехавший с императором в Варшаву граф Алексей Орлов. Ни на минуту не останавливаясь, мы через Калиш и Бреслау доехали до Грюнберга. Под моим именем император остановился в этом маленьком городе, чтобы дождаться приезда императрицы, которая должна была прибыть сюда этой ночью. В тот момент, когда карета императрицы остановилась у приготовленного для нее дома, ее августейший супруг открыл дверь и к великому изумлению всех многочисленных собравшихся здесь людей подал руку императрице и сердечно обнял ее. Послышались здравицы, и по всему небольшому городу разнеслась неожиданная весть о присутствии в нем императора Николая. Это было настоящее представление, которое произвело на всех самое благоприятное

Улица Унтер ден Линден в Берлине

впечатление. Ужин прошел весело, и после того, как были приняты все необходимые предосторожности, чтобы эта новость не опередила императора, ранним утром следующего дня мы продолжили путь.

В окрестностях Франкфурта на Одере наше продвижение вперед было задержано толпой людей, которые собрались рядом с тем домом, где должна была обедать императрица. Наследный принц Пруссии[125] и двое его братьев прибыли из Берлина для того, чтобы встретить свою сестру. Медленно проехав через толпу, наша коляска остановилась у входа в гостиницу. Один из принцев из окна узнал императора и выбежал на улицу для того, чтобы бросится ему на шею. Невозможно передать его радость и радость всех солдат и офицеров, ставших свидетелями этой неожиданной сцены. Из всех сердец вырвался крик радости. Императрица приехала полчаса спустя, вызвав у принцев и у всех присутствовавших новый порыв радости. После обеда все продолжили путь в Берлин. Король с оставшимися членами своей семьи ожидал приезда своей августейшей дочери в небольшом замке за пределами города. Его радость и удивление были необычайными, когда, обняв императрицу, он увидел императора и наследника престола. Новость о приезде императора облетела весь Берлин и вызвала там оживление, которое невозможно описать. Весь город был на ногах, все стремились ко дворцу, на улицах люди поздравляли друг друга, все кричали от радости

и собирались в толпы. Казалось, что Пруссию посетило самое большое счастье. Присутствие государя России польстило национальному тщеславию, искренняя преданность королю была удовлетворена тем удовольствием, которое он испытал от только что полученного доказательства любезного внимания со стороны своего зятя. Толпа восторженно приветствовала входивших во дворец короля, императора и императрицу. Крики только усилились, когда на балконе старого замка появился король, державший за руку своего внука — наследника российского престола. Я остановился в меблированных комнатах, откуда как неизвестный зритель наблюдал то счастье, которое испытывали все до последнего представители общественных классов. Позже, когда за мной прислали, чтобы устроить в апартаментах дворца, я пешком прошел сквозь всю толпу и воочию мог судить о переполнявших ее чувствах. Это была та радость, которой русские и пруссаки могли гордиться совместно.

Король пожелал показать своему августейшему зятю берлинский гарнизон, и перед дворцом, где жил король, под липовыми деревьями состоялся большой парад. Король лично командовал войсками и оказал государю воинские почести. Со всех сторон собралась огромная толпа, люди стояли на крышах, толпились у всех окон, чтобы увидеть новых гостей. Все восхищались красотой императора, изяществом и стройной фигурой наследника престола, который верхом на лошади вместе с принцами и генералами находился в многолюдной свите государей. Войска были хороши и даже более, чем, казалось, они могли быть в соответствии с неправильным способом их организации. Трех лет службы было недостаточно для того, чтобы выучить хорошего пехотинца, но вполне хватало для выучки кавалериста и артиллериста, пусть и посредственных. Благодаря работе офицеров и доброй воле солдат, в целом войска производили хорошее впечатление и казались хорошо обученными.

В силу привычки все вечера проводить в театре, король пригласил туда императора и императрицу, которых встретили там долгими и несмолкающими аплодисментами. Был дан прекрасный спектакль «Немая из Портичи», который принес славу автору и уже наделал шуму в Европе прекрасной музыкой и особенно сюжетом пьесы[126], революционные сцены которого должны были бы устрашить любое другое правительство, кроме прусского. Оно было сильно преданностью и счастьем своих подданных. Была предпринята поездка в Потсдам и в Шарлоттенбург, весь день был проведен в разъездах. Во время нашего пребывания в Берлине со всей торжественностью и со всеми приличествующими подобному случаю церемониями было отпраздновано бракосочетание принца Вильгельма и принцессы Веймарской, младшей дочери великой княгини Марии, сестры императора.

То, чем прусский двор выделялся по случаю такого рода праздников, были танцы при свете факелов, когда в белом зале дворца, открывавшемся только ради этого, все министры и самые пожилые придворные дамы танцевали полонез. Император мог остаться только на шесть дней, но хотел успеть провести переговоры с прусским правительством по поводу турецких дел, которые исключительно

и столь живо волновали всю европейскую дипломатию. Он поручил мне обсудить их с графом Бернсторфом, которого мучительная болезнь, к несчастью, удерживала дома. Я нашел его крайне пораженным завоевательными планами, приписываемыми политике императора, в которых его, как и другие европейские правительства, пытались убедить. Его пугало возможное вскоре падение оттоманского правительства, и он увидел в моем решительном отрицании только постороннее влияние, утвердившее его опасения. После того, как я напомнил ему уже известные причины, в соответствии с которыми Порта сама вынудила императора начать эту войну, которая признавалась неизбежной даже императором Александром, столь умеренным и столь приверженным к сохранению мира, я перечислил ему все те трудности, с которыми встретились наши представители на Аккерманском конгрессе. Они стремились отсрочить разрыв, которого император опасался как в связи с продолжавшейся войной с Персией, так и с нуждами нового царствования, первый день которого был ознаменован бунтом и неисчислимыми трудностями.

Я ему заявил, что именно европейские правительства и он сам является одним из первых, кто вынуждает императора применить более значительные силы тем, что пытаются помешать ему и внушить Порте надежды на свое посредничество. Такое поведение вынуждает императора вести войну с большим ожесточением. Если военная кампания этого года не приведет к полному успеху, то в следующем году император лично будет руководить войсками, а за ним, если потребуется, пойдет вся Россия. Империя сгорает от нетерпения показать Европе, что она не боится угроз и что она готова все принести в жертву ради славы своего оружия и своего молодого государя.

Наконец, я заявил о том, что Европа своими интригами лишь приблизит наши армии к Константинополю и спровоцирует падение Турции, в сохранении которой заинтересована и Европа, и мы сами. Если же, напротив, правительства вместо того, чтобы подстрекать султана в его борьбе против России, вместо того, чтобы внушать ему мысль о возможной помощи или посредничестве, договорятся о том, чтобы доказать султану его бессилие, и посоветовать ему просить у императора мира, который был предложен сразу же после перехода нашими армиями Дуная, то все увидят, с какой заинтересованностью мы предложим почетные условия. Мы удовлетворимся гарантиями, которые требует наша торговля и обеспечение наших границ в Азии.

— Вы, как минимум, потребуете княжества Молдавию и Валахию, — сказал Бернсторф.

— Они нам не нужны, — ответил я. — Вам нужно больше доверять словам императора, который с самого начала войны заявил, что не хочет завоеваний.

Я добавил, что наш приезд сюда предоставляет Пруссии возможность сыграть роль миротворца. В качестве доброй услуги тестя своему зятю, в чьей умеренности и справедливости он уверен, король может сообщить в Константинополь о наших мирных намерениях. Также это будет доказательством заботы короля

о своем друге султане. Такой шаг, не будучи актом посредничества, соответствовал бы интересам Турции, России и всей Европы, которая хочет мира, в то же время был бы очень выгоден Пруссии.

Эта мысль понравилась министру, он сказал мне, что безотлагательно сообщит о ней королю, и что теперь он верит в искренность моих слов и в желание императора на умеренных условиях закончить эту войну, которая столь сильно поколебала политическое равновесие в Европе. Император и король были довольны этим разговором. Последний приказал прусскому генералу Мюфлингу немедленно отправиться для передачи султану миролюбивых советов, основанных на мудрых и умеренных убеждениях императора.

Вскоре шесть дней истекли, они послужили отдыхом и стали настоящей радостью для императора, его августейшей супруги и всей императорской фамилии. Императрица продолжила свое пребывание в Пруссии, а император выехал в Варшаву. На ночь он остановился в маленьком замке около Бреслау. На следующий день ранним утром он принял парад прусского кирасирского полка, который носил его имя[127]. Король специально отправил этот полк так далеко с тем, чтобы он смог представиться своему шефу. Император надел форму, головной убор и кирасу этого полка и принял на себя командование. В течение часа он руководил маневрами полка так, словно всю жизнь только этим и занимался. Он отдавал приказания на немецком языке и ни разу не ошибся ни в одном из них. Полк и все присутствовавшие были восхищены и удивлены. В заключение Его Величество провел войска перед командиром полка генералом Цитеном и пригласил всех офицеров отобедать с ним. Он приказал мне наградить крестами многих офицеров и щедро раздать деньги рядовым кирасирам.

При въезде в Царство Польское император остановился в Калише с тем, чтобы посетить находившийся в этом городе кадетский корпус и посмотреть на полк польских конных егерей. В Ловичах император заночевал в красивом маленьком доме готической архитектуры, принадлежавшем генералу Клицкому, а утром осмотрел резервные эскадроны полка польской кавалерии. Здесь он сел в коляску вместе с великим князем Константином, который выехал ему навстречу, мной и великим князем Михаилом. Вечером того же дня при прекрасной погоде мы прибыли в Варшаву.

* * *

С живым нетерпением все ждали новостей из армии. На Дунае кампания началась с осады крепости Силистрия, которую лично возглавил генерал Дибич. В это время генерал Рот со стороны Козлуджи пытался разбить неприятельские войска, сосредоточенные у Шумлы.

Тем временем собравшиеся в большом количестве турки попытались завладеть инициативой, они решили овладеть Праводами и отбросить корпус генерала Рота. Несколько серьезных столкновений произошло около Козлуджи. Наш генерал не посчитал свои силы достаточными для того, чтобы открыто выйти навстречу неприятелю, а визирь, опасаясь неудачи, предпочел маневрирование.

И.И. Дибич

Таким образом оба генерала, не слишком доверяя самим себе, предприняли неудачные действия. Эта нерешительность повернулась в пользу графа Дибича, узнав под Силистрией о движениях турецкой армии, он ни минуты не колебался и направился ей навстречу с такой скоростью, что обманул бдительность визиря. Последний яростно атаковал наши позиции в Праводах, которые защищали только несколько пехотных батальонов и бригада гусар, когда он узнал, что наша армия, соединившись с корпусом Рота, уже угрожает его коммуникациям с Шумлой. Он поспешно прекратил атаки Праводы, которые генерал Купреянов отбил с замечательным мужеством и хладнокровием, и со всеми своими людьми направился к Шумле — месту начала своего наступления и месту отступления.

Преследуемый кавалерией генерала Купреянова, он увидел, как ему на помощь пришел корпус графа Петра Палена, который составлял авангард нашей армии. Началась битва. Наша пехота пришла на помощь кавалерии, но была вынуждена защищаться несколько раз и не без потерь от яростных атак турецкой кавалерии. Постепенно с обеих сторон в сражение были включены все войска. Артиллерийские батареи были усилены и наносили огромный вред обеим армиям. Граф Дибич не пошел вперед с достаточным количеством дивизий, чтобы завоевать победу прямой атакой, он продолжил бесцельную канонаду, стоившую нам больших потерь, но расстроившую также большие массы турок. К

исходу дня они дрогнули и начали отступление, которое вскоре перешло в полное поражение. Визирь повернул к Шумле, куда прибыл обходными дорогами, сопровождаемый только несколькими сотнями кавалеристов. Вся его армия рассеялась, в наши руки попал лагерь, обоз и часть артиллерии. Мы остались хозяевами на всей той местности, которая в предыдущую кампанию была оккупирована нашими войсками.

Новость о победе, одержанной графом Дибичем над визирем, достигла Варшавы через несколько дней после нашего возвращения из Берлина и доставила императору большое удовольствие. На следующий день все войска лагеря и варшавского гарнизона были собраны на большой манежной площади за пределами города. Были сооружены два великолепных навеса, один для проведения церковной службы православными священниками, другой — для службы католической. Выстроенные в две линии войска, в первой пехота, во второй — кавалерия, образовали три стороны квадрата, в середине было оставлено большое место для императора и его свиты. После благодарственной молитвы, которую сопровождал артиллерийский салют, император первым закричал «Ура!». Этим он вызвал большое неудовольствие великого князя Константина, который питал отвращение к шумным представлениям и даже к крикам «Ура!». Огромное количество людей собралось для того, чтобы порадовать свой взор этим церковным праздником, который украшали своим присутствием самые нарядные столичные экипажи.

Пребывание в Варшаве окончилось празднованием победы, все дела были более или менее успешно завершены, и 13 июня в полночь император покинул город для того, чтобы вернуться в Россию.

Он остановился на один день в небольшой крепости Замостье которая принадлежала роду Замойских, но была выкуплена императором Александром с тем, чтобы сделать из нее укрепленный пункт. Строительные работы, выполняемые с замечательной тщательностью, не были еще полностью завершены, но продвинулись достаточно далеко, и крепость могла уже выдержать осаду. Императору осталось только поблагодарить главного инженера, который руководил работами, и особенно самого великого князя, который проявлял к ним особую заботу.

В сопровождении своего младшего брата император выехал из Замостья и заночевал в Лузе, где на следующий день провел смотр дивизии Литовского корпуса.

Солдаты были полностью обучены и имели выправку наших храбрых и добрых русских воинов. Тем не менее, нас поразило сходство в материальной части этих солдат с польскими солдатами, которых мы только что покинули. Большая часть офицеров были поляками, и со временем, если дела останутся в том же положении, как при императоре Александре, этот корпус станет чуждым русскому духу. Эти темно-красные колеты на нашей зеленой форме резали глаз и унижали тех русских, кто был обязан носить эти литовские цвета.

Здесь император покинул великого князя Константина и остановился только в лагере под Тульчином. Там он нашел свою палатку среди палаток гвардейского корпуса, с которым он разлучился под Варной. Войска были счастливы вновь

увидеть своего государя, а он сам был в восторге от того, что видел вокруг себя гвардию, в которой он знал не только командиров и офицеров, но и значительное количество рядовых солдат. Лагерь был прекрасно расположен в нескольких верстах от замка Тульчин, резиденции рода графов Потоцких. Пребывание здесь было радостью для всех нас. Император видел войска на парадах, на маневрах, входил во все детали и остался полностью довольным. Войска были столь же хороши, как и на выходе из Петербурга, усталость от похода и военные потери были незаметны, люди были в полном здравии, а лошади — в наилучшей форме.

После трех дней, проведенных с гвардией и с великим князем Михаилом, который ею командовал, император направился в Киев. Мы туда прибыли в тот же день к вечеру по нестерпимой жаре и в пыли. Государя ожидало огромное количество людей. Он в первый раз появился в древней и православной столице, основание которой восходило ко времени зарождения России. Император остановился у ворот Печерского монастыря, где его приезда ожидали епископ, все священники и монахи. Большое количество паломников, которые даже в это жаркое время года пребывали со всех сторон, в Киеве заполняли все улицы монастыря. Гражданские и военные чины, городские дамы и все те люди, которые смогли разместиться в церкви, толпились там, чтобы встретить императора и воздать ему должное. Выйдя из монастыря, он сел в коляску вместе с престарелым и уважаемым маршалом Сакеном, и отвез его домой до того, как приехать туда, где ему самому был приготовлен прием. На следующий день Его Величество осмотрел несколько резервных батальонов и войска, формировавшие киевский гарнизон. Затем он вернулся в Печерский монастырь для того, чтобы поклониться святым мощам, находившимся в подземных пещерах под монастырем. Император посетил основные церкви города и наиболее древнюю из них, осмотрел городские учреждения, арсенал и работы, предпринятые с целью усиления киевской крепости. Он увидел несколько тысяч турецких военнопленных, которых привлекли к работам по возведению оборонительных сооружений. Он заботливо поинтересовался об условиях их труда и приказал раздать им денежное вознаграждение. Он посетил госпитали и школы и отдал приказания о необходимых работах по украшению и очистке от мусора некоторых районов города.

При его обычной энергии на все эти действия у него ушло два дня, при этом он не переставал заниматься своей повседневной работой. Все прибывшие в эти дни курьеры, будь то из Петербурга или из армии, были отправлены обратно еще до ночи. Часто он не ложился до двух часов ночи, пока по всем бумагам не было принято решение, и они не были отосланы. Таким образом, дела Государственного Совета империи, Комитета Министров, вице-канцлера графа Нессельроде, военного министра, генералов, командовавших действующими армиями, во время путешествия задерживались не более, чем, если бы император спокойно пребывал в Петербурге и мог полностью располагать своим временем. Сверх этого каждый день он находил возможность писать императрице подробные письма, читать

отчеты о состоянии здоровья и об успехах в учебе своих детей, пролистывать газеты и, часто, даже читать новые произведения русских и французских авторов.

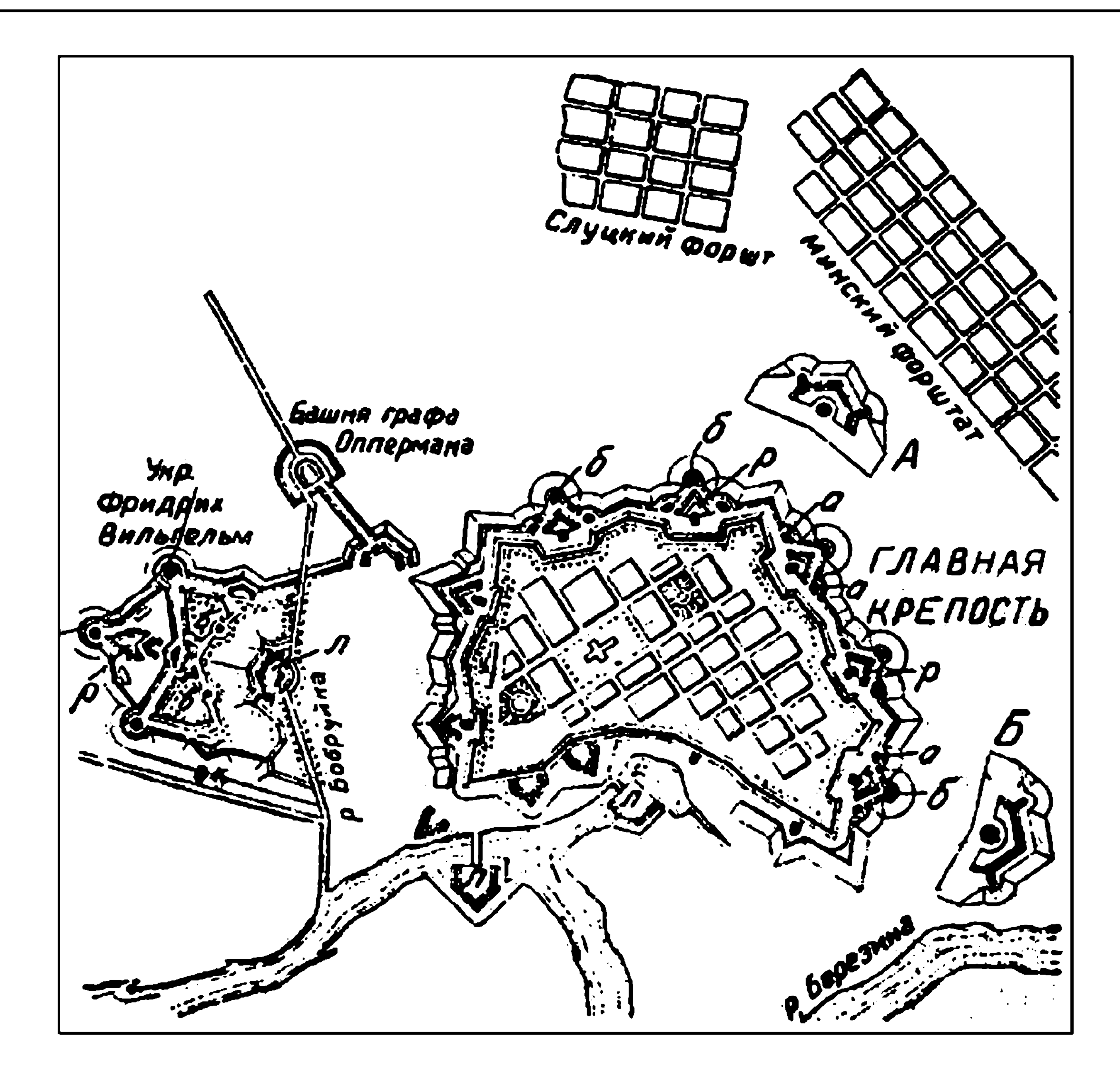
Во время нашего пребывания в Киеве пришла новость о падении важной крепости Силистрия, осада которой стала началом кампании. Осадой командовал генерал Красовский с того момента, когда граф Дибич направился на помощь генералу Роту, чтобы победить армию визиря в битве при Кулевче. Эта новость доставила нам большое удовольствие. Занятие Силистрии завершало передачу в наши руки обеих берегов Дуная от Видина до его устьев. Оно также отдаляло от театра военных действий княжества Молдавию и Валахию и позволяло использовать войска, оставленные для осады Силистрии.

Из Киева мы направились в Козелец, где были расположены одна кирасирская и одна гусарская дивизии, которым был устроен смотр, а на следующий день они вышли на маневры под командованием императора. По выучке людей и по состоянию лошадей особенно хороши были кирасиры, составлявшие 3 армейскую дивизию. 4 гусарская армейская дивизия была недавно сформирована из драгун и здесь было еще над чем поработать.

По месту своего расположения Козелец был очень удобен для сбора большего количества войск, особенно кавалерии. Местность была густо заселена, располагала большими запасами фуража и представляла собой огромную равнину, украшенную небольшими лесами с прекрасной растительностью.

Мы покинули эти плодородные равнины и вошли в болотистые места у реки Березина, где император Александр с большим трудом построил крепость Бобруйск. До своего восшествия на престол как глава инженерного ведомства император на протяжении многих лет руководил работами в этой крепости. С тем большим интересом он увидел те изменения, которые произошли здесь с тех пор, как государственные дела не позволили ему больше посвящать себя исключительно инженерному делу. Едва успев выйти из коляски, он сразу же направился осматривать работы, входил в малейшие детали с тем, что бы все увидеть и все обсудить для завершения строительства этой большой крепости, которая, будучи только заложена, в 1812 г. оказалась очень полезной. Я видел ее в начале войны с Наполеоном, тогда это были песчаные холмы в форме укреплений. Теперь же она стала образцом прочности и элегантности, как по степени завершенности работ, так и по красоте укреплений и внутренних сооружений — казарм, госпиталей, помещений для генералов и служащих. Кроме того, в крепости росли пирамидальные тополя и другие выбранные породы деревьев. Так же как и в Киеве, здесь на строительных работах использовались несколько тысяч турецких военнопленных. Император в одиночку подошел к ним и стал расспрашивать об их нуждах, он даровал свободу нескольким старикам, которые очень хотели вновь увидеть свои семьи.

Во время нашего пребывания в Бобруйске из главной квартиры нашей армии, расположенной по ту сторону Дуная, прибыл курьер с неприятельскими знаменами, взятыми в Силистрии и в сражении у Кулевчи. Их принесли на площадь

План Бобруйской крепости. 1830-е

перед квартирой императора, а затем направили в Петербург. Исключение было сделано для одного из них, которое было помещено в гарнизонной церкви в память о пребывании здесь императора.

После трехдневного пребывания, посвященного детальному ознакомлению со всем, что касалось инженерного дела и состояния войск, мы вновь сели в наши походные коляски и без малейших остановок через Могилев, Витебск и Великие Луки прибыли в Старую Руссу, которая недавно была присоединена к Новгородским военным поселениям. Население этого полностью торгового города встретило императора у городских ворот проявлениями радости, которые превосходили мои ожидания. Напротив, я опасался увидеть на лицах свидетельство недовольства переменой их положения, так как они теперь в некотором смысле оказались в подчинении у сурового военного начальства. Однако, к счастью, преимущества этих перемен оказались значительнее издержек. Торговля получила новый толчок вперед с постройкой за счет правительства больших корпусов в центре города, с введением ряда привилегий для городского населения и некоторого сокращения государственных налогов.

До своего восшествия на трон император слишком часто слышал общественные голоса против создания военных поселений вообще и в частности против новгородских поселений. И теперь он был уверен в том, что эти нововведения,

предпринятые императором Александром, требуют значительных реформ и улучшений. Он чувствовал в них большие неудобства, но не мог решиться на их ликвидацию из-за вложенных в них сил и денег. Кроме того, они уже дали ряд блестящих примеров в формировании войск и были очень полезны в окультуривании территорий, которые до того не обрабатывались. Только с помощью огромных усилий можно было покончить с ненужными болотами. Жители, которых новый военизированный режим вынудил расстаться со старыми и привычными обычаями, больше не проливали слез, которые испарились вместе с ростом населения и их размеренным существованием. Огромные казармы вместо деревень, прекрасные залы для военных упражнений, дворцы для генералов и офицеров, великолепные дороги и мосты, замечательные госпитали — все это привело к колоссальным преобразованиям в этих местах. Вместо крестьян появились тысячи гренадеров, в школах детей готовили к военной службе и к работе в канцеляриях. Все изменилось, надо было использовать, насколько это возможно, все эти результаты исполнения нерушимой воли императора Александра, которые уже поглотили миллионы рублей и воплотились в труд тысяч рук.

Император обдумывал изменения в существовании военных поселений с тем, чтобы облегчить их судьбу и уменьшить чрезмерную суровость и придирчивость, которые были привнесены графом Аракчеевым в их организацию и функционирование. В будущем следовало изменить однообразную и малоупотребительную для нашей страны архитектуру выстроенных в один ряд домов, которые соединяли в себе внешний вид и скуку казарм, не неся в себе их удобств и преимуществ.

В первый раз я видел эти огромные сооружения и был поражен тем богатством, которое было в них вложено. Там было все для того, чтобы разместить две гренадерские дивизии, которые до этого со времени своего создания, как и остальная армия, были на постое у горожан или в деревнях. Солдаты были довольны тем, что не были большой обузой для жителей города и этим позволили правительству избежать других бюджетных затрат.

Методы школьного образования устарели морально и физически, сыновья солдат и колонистов воспитывались словно в кадетских корпусах, как в смысле образования, так и поведения. Можно было сказать, что из них готовили молодую поросль наших генералов, в то время как им было предназначено носить ружья и переносить все тяготы и лишенья простых солдат. В этом было заложено противоречие, и император стремился изменить положение дел. Войска, которые мы видели в Старой Руссе и в других центрах военных поселений были в превосходном состоянии и ничем не уступали в выправке лучшим гвардейским частям.

Наконец, 13 июля мы прибыли в Царское Село, где стояли лагерем гвардейский батальон, не направленный к Дунаю, и вся первая кирасирская дивизия. Император устроил смотр этим войскам и, едва сойдя с лошади, вернулся в дорожную коляску с тем, чтобы выехать навстречу императрице, которую он сгорал от нетерпения увидеть. В двух станциях за Нарвой эта встреча состоялась, и мы вместе выпили чаю в почтовом доме.

Их Величества заночевали на ближайшей станции, я же получил разрешение продолжить путь и провести несколько дней со своей женой и детьми в Фале — небольшом имении, строительство и обустройство которого занимало меня в равной степени[128]. Там я провел несколько дней в величайшем счастье находиться в кругу семьи. Я занимался моим садом и всеми хозяйственными мелочами с тем большим воодушевлением, что мог посвятить этим занятиям всего несколько дней. За всю мою жизнь самыми счастливыми днями, которые излечивали меня от тягот большего света, были те, которые мне удавалось провести в течение каждого лета в несколько приемов с моей женой и детьми в этом маленьком и красивом имении.

* * *

Зимой 1828—1829 годов турки очень редко беспокоили нашу армию. Они попытались атаковать наши аванпосты со стороны Козлуджи, но единственным результатом был отход наших часовых со своих постов. На Дунае, на противоположном его берегу со стороны Никополя Чапан Углу предпринял несколько слабых попыток атаковать под прикрытием занятого турками форта Кале. Для того, чтобы отобрать у него этот опорный пункт на левом берегу Дуная, под командованием генерала Малиновского несколько батальонов 5 дивизии были направлены занять Кале. В результате штурма ранним утром 13 января он овладел укреплениями. Там были захвачены 34 пушки, 400 пленных, а 300 человек было убито. В другом месте угрожавший Валахии форт Турно не стал дожидаться штурма и сдался сам со своими 48 артиллерийскими орудиями и всем гарнизоном в 500 человек. В устье небольшой реки Осма недалеко от Никополя всю зиму простояли 30 канонерских лодок, принадлежавших туркам. Сотне добровольцев под командованием майора Степанова было приказано уничтожить их. Это было выполнено так удачно, что 29 лодок из 30 были сожжены со всем своим содержимым. Так же, как Варна была необходима для нашей поддержки и снабжения по ту сторону Дуная, обладание укрепленным пунктом на берегу моря дальше Бялы укрепляло нашу позицию и придавало силу нашим будущим операциям после перехода этой горной гряды. С этой целью на другую сторону залива Бургас и в тыл горам Бялы был направлен адмирал Кумани, командовавший тремя линейными кораблями, двумя фрегатами и несколькими легкими судами, на которые были посажены 1500 человек пехоты и 50 казаков. К большому удивлению турок он прибыл туда 15 февраля. Комендант крепости вскоре потерял волю к сопротивлению и, будучи обстрелян с кораблей, попросил о капитуляции. Но более тысячи албанцев, составлявших часть гарнизона, заняли передовые укрепления и заявили о своем желании защищаться. Пехота была высажена на берег и в штыковую атаковала занятый этими албанцами редут. Они оказали лишь слабое сопротивление, и наши солдаты овладели укреплениями и городом Сизополь, который паша и его генеральный штаб были вынуждены сдать на милость победителя. В городе были захвачены 11 орудий и некоторое количество продовольствия. Благодаря этому успеху флот обрел удобную стоянку, вдобавок расположенную

на неприятельском берегу, а наша армия получила плацдарм по ту сторону гор. Были предприняты усилия по укреплению этого места для того, чтобы защитить его от любых попыток захвата. Оценив всю опасность потери Сизополя, султан приказал румелийскому паше вернуть его. Во главе 4 тысяч пехотинцев и полутора тысяч кавалеристов паша прямиком отправился на штурм города столь отважно, что более 250 из них нашли достойную смерть во рву и на стенах укреплений. Воспользовавшись первым удобным случаем еще во время штурма, командовавший нашими войсками генерал Вахтен организовал вылазку и в штыковой атаке бросился навстречу осаждавшим. В результате они были опрокинуты и полностью рассеяны. Таким образом, в европейской части была окончена зимняя кампания.

С наступлением весны все наши приготовления были окончены, и генерал Дибич покинул свою генеральную квартиру в Яссах. Войска приблизились к Дунаю почти напротив Силистрии, где было собрано все необходимое для сооружения моста через эту реку.

В Азии блистательные успехи генерала Паскевича настолько запугали воинственные племена Кавказа, что, несмотря на все интриги их турецких единоверцев, они охотно признали власть российского государя. Первыми показали пример чеченцы и карачаевцы. Аварский шах принял присягу на верность за себя и за весь свой народ[129]. Зимой генерал Эммануэль[130] был направлен в самые недоступные места Кавказского хребта, где храбрые черкесы, которые считали себя там недосягаемыми, со страхом увидели наши знамена на вершинах их поверженных скал. Убедившись в том, что ничто не могло сопротивляться русским штыкам, они покорились и в первый раз подчинились приказам главнокомандующего. Со стороны Анапы натухайцы сдались генералу Бескровному, лезгины Кахетии запросили пощады у генерала Раевского, который был послан их покарать, и табасаранцы покорились генералу Граббе.

Тем временем паша Эрзерума и паша Ахалциха, воспользовавшись передышкой, которую после стольких тягот предоставил их войскам граф Паскевич, собрали значительные силы. Им нужно было выполнить грозные приказы султана вновь овладеть округом Баязет и крепостью Ахалцих. Паша Эрзерума предпринял несколько атак, которые разбились о храбрость генерала Чавчавадзе и находящихся под его командой солдат. Паша Ахалциха во главе 20 тысяч солдат и значительного количества артиллерии яростно и стремительно атаковал укрепления Ахалциха, овладел пригородами этой крепости и с трех сторон начал общий штурм. Слабым гарнизоном крепости, состоявшим из неполного батальона полка графа Паскевича-Эриванского, роты херсонских гренадер и сотни донских казаков, командовал генерал Бебутов. Турки овладели укреплениями с замечательным мужеством, но наши храбрые солдаты отбросили их с яростью отчаяния. После кровопролитного сражения, нанесшего потери обеим сторонам, штурм был отбит по всем пунктам. Турки не решились его возобновить и занялись осадой крепости. Крепость подвергалась обстрелу с 20 февраля по 4 марта, когда через снега и неисчислимые трудности прибыл отряд генерала Муравьева, включавший

7 батальонов, 18 пушек и полк казаков, и начал угрожать тылам осаждавшей армии. Турки быстро отступили, и их преследовал тот самый гарнизон крепости, который на протяжении двух недель не имел ни минуты передышки.

В это же время отряд в 8 тысяч турок под командованием паши Трапезунда пытался овладеть Гурией, находившейся под защитой генерала Гессе. Он не стал ждать прибытия неприятеля и всего с двумя тысячами человек вышел ему навстречу. Турки заняли хорошо защищенную естественными препятствиями позицию и в течение нескольких часов успешно оборонялись. Но, будучи атакованы в штыковую, бросились спасаться бегством, оставив более тысячи человек на поле сражения.

Наш средиземноморский флот под командованием адмирала Гейдена не нашел случая сразиться с противником, который после Наваринского сражения был почти выведен из строя. Флот смог принять участие в войне только блокадой на протяжении всей зимы входа в Дарданеллы. Эта трудная задача, которая даже английскими моряками считалась неисполнимой, была поручена адмиралу Рикорду, который справился с ней к большому удивлению всех специалистов, нанеся большой ущерб снабжению Константинополя. Блокада помешала привезти в Константинополь продукты питания из Египта и не позволила портам Малой Азии, как это всегда случалось, оказать помощь этой густонаселенной столице.

Таким образом, все усилия турок отобрать у нас зимой те преимущества, которые были завоеваны нами летом, оказались напрасными. Точно так же, все стремления и предсказания европейских правительств, горячо желавших успехов туркам и предвещавших нам поражение, рассеялись, как дым. Наши шансы на победу во второй кампании блистательно увеличились.

* * *

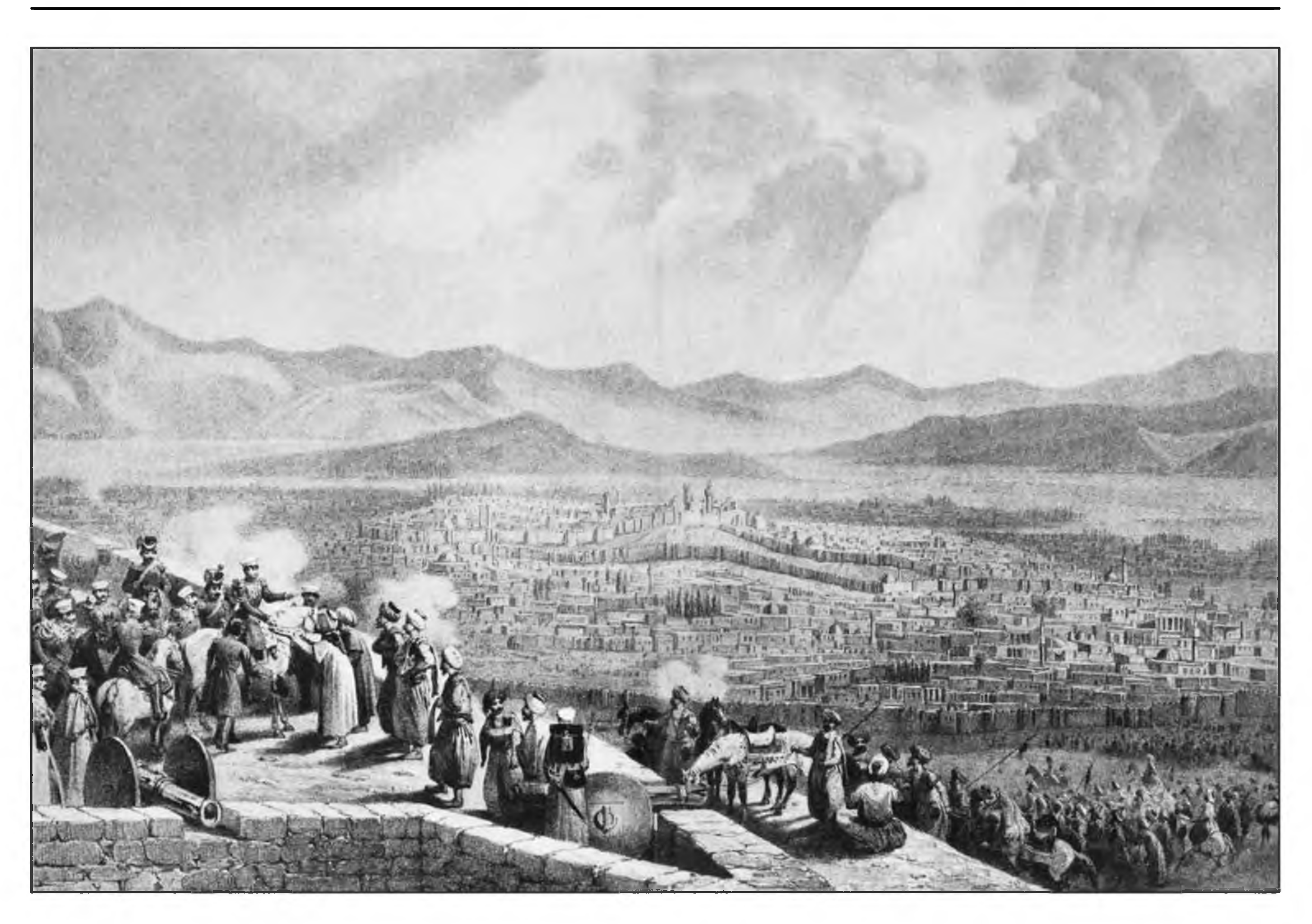
2 апреля граф Дибич открыл кампанию 1829 года, форсировав Дунай ниже Силистрии. Переправа была проведена с большими трудностями в связи необычайно широким разлитием реки. Он сосредоточил все силы в Черноводи и направился к Силистрии. Турки воспользовались зимним периодом для возведения оборонительных сооружений вне стен крепости, под их прикрытием они стойко защищали подходы к городу. Однако, благодаря умело направленным атакам, они сдавали одну позицию за другой. Полевые укрепления были захвачены силой, и началась правильная осада Силистрии.

В это же время генерал Рот собрал часть своего корпуса около Козлуджи. С этой стороны визирь собрал часть своих сил, вышедших из укрепленного лагеря под Шумлой. Он направился прямо на генерала Рота, который не успел собрать всех своих людей и рисковал быть разбитым. Но он видел свое спасение в неколебимом мужестве своих войск и в прибытии генерала Сухтелена, который во главе двух егерских полков положил конец неравному сражению, которое уже продолжалось несколько часов. Однако визирь только приостановил свои атаки, к нему прибыли свежие войска в количестве 10 тысяч человек, и он бросил всю свою пехоту против наших уже уставших в сражении батальонов. Уже три

артиллерийских орудия попали в руки турок и один наш батальон оказался отрезанным от остальных войск и был на грани истребления, когда храбрый полковник Лишин, увидев эту опасность, бросился с двумя батальонами во фланг неприятеля. Атака была столь стремительной, что породила беспорядок в неприятельских рядах. Остальные наши войска в свою очередь ударили в штыки, и визирь, который уже видел победу в своих руках, оказался вынужден оставить поле боя, покрытое трупами его солдат. Около 2 тысяч его людей погибло в этот день, продолжавшийся с 3 часов утра до 8 часов вечера. У нас был убит один генерал, почти все полковники получили ранения разной степени тяжести и более тысячи человек выбыли из строя.

Тем не менее, визирь во что бы то ни стало хотел использовать имевшееся у него перед генералом Ротом численное превосходство. После десятидневного отдыха он снова покинул свою позицию под Шумлой и во главе более, чем 40 тысяч человек, которые были собраны в 20 полков пехоты и в 6 полков регулярной кавалерии, в сопровождении многочисленной артиллерии двинулся к Праводам. Он начал правильную осаду. В тот момент, когда генералу Дибичу сообщили об этом маневре неприятеля, он не колебался ни минуты и в надежде принудить его к генеральному сражению двинулся с корпусом Петра Палена на соединение с войсками под командованием генерала Рота. Продолжение осады Силистрии было поручено генералу Красовскому. 24 мая у деревни Мадри оба корпуса соединились.

Визирь не знал о прибытии графа Дибича. Полагая, что этот маневр был предпринят частью корпуса Рота для создания угрозы его коммуникациям с Шумлой, в то время, как другая его часть защищает Праводы, он пожелал наказать такую храбрость. Прервав внезапно осаду, он со всей своей армией двинулся к Кулевчи. Там он убедился в своей ошибке и увидел перед собой целую армию. Из опасения потерять свои коммуникации он остановился и отдал распоряжения о сражении, которого в прошлом году столь благоразумно удалось избежать его предшественнику, и которого мы так горячо желали. После внимательного изучения позиции противника граф Дибич дал сигнал к наступлению. Часть войск графа Палена под командованием генерала Отрошенко направилась к высотам на нашем правом фланге. Но противник, не став дожидаться исхода этой атаки, покинул гребень горы и отступил в лесистую местность, находившуюся на противоположной стороне. Полк Иркутских гусар и полк Муромской пехоты поспешили занять только что оставленную позицию. Во время этого маневра открыла огонь замаскированная батарея противника, которая нанесла нам большие потери, пока установили наши пушки для ответного огня, и пока построенные в колонны два егерских полка готовились захватить ее. Едва они приблизились на расстояние выстрела, как были атакованы большим числом неприятеля, вышедшего из леса. Это остановило их продвижение. В то же мгновение другая масса неприятельских войск бросилась на авангард на нашем правом фланге и заставила его отступить. Бой шел уже в рукопашную и был очень кровопролитным. Для того,

Взятие Эрзерума в 1829 году

чтобы отступить, нашим пришлось пойти в штыковую. Один батальон Муромского полка погиб почти весь, но не отступил, 11 и 12 батальоны егерей были окружены и их атаковали со всех сторон. Полковник Севастьянов сам взял в руки знамя для того, чтобы воодушевить своих солдат, и построил их в каре. Напрасно генерал Отрошенко установил артиллерийскую батарею, которая разрывала неприятеля на куски, ничто не могло остановить его ярость. Появлялись новые войска, которые укрепляли уже уставших солдат.

Вскоре наш крайний левый фланг был атакован так же, как и правый, пехотой и частями кавалерии. В конце концов, части нашего авангарда не выдержали превосходящего противника и огромного количества артиллерии и отступили. Турки с победными криками бросились вновь занимать свою первоначальную позицию. Воодушевленные этим успехом, турки спустились с горы и сделали вид, что будут атаковать нас по фронту, но на деле двинулись на наш правый фланг. Граф Пален направил им навстречу три пехотных полка под командованием князя Любомирского, которые в один миг были окружены и атакованы со всех сторон превосходящим противником. Но упорное сопротивление, оказанное повторявшимся атакам нападавших, дало время бригаде гусар и батарее полевой артиллерии прийти на помощь князю Любомирскому и несколько уменьшить численное неравенство сражавшихся.

Подвергнувшись атаке, турки умерили свой пыл, но не оставили борьбу. Но вот уже они исчерпали свой первый порыв о ледяную и неколебимую стойкость наших батальонов и увидели, что не смогут проложить себе дорогу в этом пункте. Наконец, они прекратили атаки по всей линии и заняли свою первоначальную позицию на высотах, закрывая проход на Кулевчи. Через несколько часов битва закончилась, результатом ее было то, что противник был вынужден перейти от наступления к обороне.

Тем временем граф Дибич отдал приказ, и несколько батарей под командованием генерала Арнольди двинулись вслед 5 дивизии. С обеих сторон с новой силой возобновилась артиллерийская перестрелка. Сквозь кустарник наши стрелки приблизились к неприятельским флангам, батальоны построились в колонны для решительного наступления, прибывшая артиллерия изготовилась к бою и обстреляла картечью турецкие линии. Вскоре их ряды охватила паника, наши солдаты бросились в штыки и опрокинули всех, кто еще пытался сопротивляться их мужеству. Не потребовалось много времени для того, чтобы атакованный со всех сторон неприятель превратился в охваченную ужасом массу людей, искавших свое спасение в бегстве. Оно оказалось столь стремительным, что сражение прекратилось и началось преследование врага. С несколькими сотнями кавалеристов визирю удалось спастись, и с наступлением темноты он добрался до города Шумлы. Остатки его огромной армии добрались по другую сторону Камчи до Балканских гор и рассеялись там, принеся собой ужас и отчаяние. На поле битвы остались более 5 тысяч турок, в наши руки попали: весь их лагерь, обозы, 43 орудия с боеприпасами, и шесть знамен. С нашей стороны потери были чувствительны — насчитали 12 сотен убитых и столько же раненных.

Первым следствием этой полной победы было падение крепости Силистрия, которая вместе с 252 пушками и всеми припасами сдалась генералу Красовскому. Он сразу же присоединил под Шумлой свои войска к победоносной армии Дибича. Сразу же по прибытии этого подкрепления генералы Ридигер и Рот овладели переправами через реку Камчи. Основная часть армии двумя колонами следовала за ними, а корпус генерала Красовского был оставлен в Энибозарде для поддержки гарнизона в Шумле и для охраны наших коммуникаций. Неприятель предполагал, что все наши силы заняты осадой Шумлы и на Камчи оказал лишь слабое сопротивление.

Таким образом, в этом месте он был опрокинут без особого труда, и рассеялся по различным горным дорогам. Турки никогда не думали, что на вершинах высоких и труднопроходимых Балканских гор появится российский флаг, что он продолжит свое движение по равнинам с другой стороны, которые считались защищенными укреплениями, созданными самим господом богом. Удивление было столь полным, что сопротивления не было. Наши солдаты были готовы к кровавым и безнадежным сражениям, но им приходилось бороться только с горными вершинами и походными трудностями. Балканы — эта неприступная преграда, которая на протяжении стольких лет останавливала наши успехи, были преодолены

в походе, в котором даже усталость отступила перед славой и необычайными обстоятельствами, его сопровождавшими.

Полное удивления и успокоенное дисциплиной наших войск турецкое население в полном молчании наблюдало за продвижением нашей армии, видя в этом предначертание свыше. Христиане, греки, болгары и армяне бежали нам навстречу с хоругвями в руках, словно прося нас занять эти места, где на протяжении веков не смели поднять Крест господень. Один за другим города открывали ворота нашему авангарду. Без единого выстрела были заняты Мессембрия, Бургас, Ахиола, Айдос, Сливно и Карнабад. Наконец, российский орел приблизился ко второй древней столице оттоманских владений в бывшей Греции городу Адрианополю. Взорам наших солдат открылся этот огромный город с красивыми мечетями, прекрасными садами и старинным султанским дворцом. Его вид воодушевил их мужество. Два высокопоставленных паши командовали там 12 тысячами регулярного войска, адрианопольский градоначальник располагал вооруженной милицией более чем из 15 тысяч горожан. Все предсказывало нам новую борьбу, достойную такого объекта завоевания. Казалось, что преимущество противнику дает и местность, и многочисленная артиллерия, и все те ресурсы, которыми располагает более чем 100 тысячный город.

Наша армия, располагавшая не более чем 25 тысячами солдат, стала лагерем в виду Адрианополя и ожидала сигнала к началу сражения. В город было послано предложение о сдаче. Капитуляция города была предрешена неожиданным появлением нашей армии, чувством страха, принесенным беглецами после сражения у Кулевчи, и недостаточной согласованностью действий обоих пашей. Наши флаги появились перед этим городом 7 августа, а 8 августа они уже развивались в общественных местах Адрианополя, вокруг них толпилась огромная и спокойная толпа, удивленная видом русских победителей, которые заботились только о соблюдении порядка и о безопасности всех вокруг. Торговые лавки открылись вновь, установилось доверие, городские службы не были нарушены и их действие стало даже более четким, чем прежде. В указанное мусульманским законом время мечети заполнились верующими. Турки с трудом верили своим глазам, видя как в центре Адрианополя они мирно живут под защитой своих многовековых врагов. Такое поведение явилось результатом нашей прекрасной и великодушной дисциплины, оно означало победу куда более важную, чем победу на поле сражения, оно обуздало даже религиозный фанатизм.

Регулярные турецкие части получили разрешение уйти после того, как сложили свое оружие. Милиция сложила оружие без малейшего сопротивления, все произошло в полнейшем согласии. В наши руки попали 60 артиллерийских орудий, некоторое количество продовольствия и военных припасов. Была организована полиция, состоявшая наполовину из русских, наполовину из турок. Уже на следующий день можно было бы сказать, что в Адрианополе ничего не изменилось, и что наши солдаты состояли на службе государя этого старинного и населенного города.

В тот же день, когда мы вошли в Адрианополь, флот захватил порт и город Иниада, расположенный очень близко от Босфора, а Демотика открыла свои порты.

Император собственноручно утвердил весь комплекс операций этой кампании. Он особенно настаивал на том, чтобы при первой же возможности была сделана попытка овладеть плацдармом по другую сторону Дарданелл с тем, чтобы координировать и объединить наши морские силы в Средиземном и Черном морях. С этой целью граф Дибич сформировал отряд под командованием генерала Сиверса и направил его к Эносу. Эта операция окончилась полным успехом. Как привидение Сиверс ускоренным маршем пересек всю ту местность, которая окружала Константинополь, и как по волшебству появился на берегу Средиземного моря. Он потребовал от крепости Энос открыть ворота, в которые он вошел без единого выстрела, и укрепил там российский флаг. Наши корабли под командованием адмирала Гейдена курсировали около Дарданелл, они увидели национальный флаг, свидетельствовавший о победах, и оказали помощь спустившимся с Балканских гор уланам и казакам. В этом соединении было нечто сказочное, что заставило дрожать Константинополь и Европу, которые уже были напуганы нашими успехами и ожидали скорого падения Оттоманской империи.

* * *

В Азии граф Паскевич двигался и действовал как молния. Своим победоносным приближением он угрожал другой стороне Босфора. Еще несколько недель и Константинополь будет атакован нашими сухопутными армиями и со стороны Европы, и со стороны Азии, а наш флот перекроет проход из Черного моря в Средиземное. Он двинулся через скалистые горы Сагонлук с тем, чтобы опередить там неприятеля, который был устрашен этим стремительным и отважным маршем. Турецкий военачальник собрал всю свою армию и приготовился к защите. 17 июня турецкий авангард, занимавший сильную позицию на местности, был атакован войсками полковника Фридерикса и после ожесточенного сопротивления был выбит штыковой атакой. Турок жестоко преследовал один татарский полк, сформированный графом Паскевичем, который обладал талантом закреплять в делах верность и преданность этих единоверцев мусульман. Во всех сражениях этой кампании они выказывали примеры самой замечательной отваги и доблести. Отступление этого авангарда открыло неприступную вражескую позицию, расположенную среди скалистых и непроходимых утесов. Главнокомандующий принял решение обойти ее, предпочитая кратковременно рискнуть безопасностью своих коммуникаций, чем произвести впечатление, что он испугался и медлит перед лицом врага. Трудным маршем через горные вершины и перевалы, еще покрытые снегом, он произвел свой маневр, сопровождаемый всеми многочисленными армейскими обозами, которые часто на руках пересекли горы и были спущены вниз. Неприятель был введен в заблуждение небольшим отрядом под командованием генерала Панкратьева, расположившимся на высоте, которая, казалось, угрожала его позиции.

И.Ф. Паскевич

После неисчислимых тягот и усилий на третий день 19 июня граф Паскевич осуществил свой маневр. Он обошел горы, занятые турками, и вышел на равнину, достаточно обширную для того, чтобы разбить лагерь и расположить в нем свои войска. В полдень граф Паскевич, дав солдатам только время для приема пищи, повел их прямо на врага, который со своей стороны спустился в долину с тем, чтобы предупредить нашу атаку. Сражение началось одновременно во всех пунктах. Турецкая кавалерия набросилась на наши каре со своей обычной яростью. Несколько нападавших были проткнуты штыками в середине наших рядов и почти под носом у наших пушек.

Численное превосходство противника позволило ему окружить наш правый фланг, который не погиб только благодаря умело направленному огню нашей артиллерии. В то же время постоянно растущая масса кавалерии спустилась в долину, она атаковала и полностью окружила наш левый фланг, угрожая тылам всей нашей позиции. Много каре было атаковано с замечательным мужеством и стойкостью. Сражение приняло ожесточенный характер, турки были воодушевлены своим численным превосходством и без конца возобновляли свои усилия опрокинуть наши непоколебимые фаланги, которые, благодаря долгому опыту, привыкли к такому азиатскому напору. Тем не менее, еще ничего не было решено, в некоторых местах свалка достигла таких размеров, что грозила гибелью нескольким

батальонам. Тогда граф Паскевич, видя, что противник растянул свои силы по всей длине наших позиций, и, пытаясь проникнуть в наши тылы, распылил свои силы и утончил боевые порядки, приказал дать сигнал к атаке. Он сам стал во главе каре и двинулся в центр позиции с тем, чтобы прорвать и отрезать линию турок. В один миг ход сражения был изменен, разделенный в центре противник начал отступление. Половина направилась в сторону своего лагеря в 8 верстах от поля боя, другая половина пыталась защищаться позади оврагов и густого кустарника. Паскевич воспользовался этим движением для того, чтобы послать им вслед генерала Раевского во главе нескольких кавалерийских полков и 6 орудий полевой артиллерии. Им было приказано опрокинуть левый фланг врага и ускорить его отступление. Остальная часть нашей кавалерии под командованием генерала Остен-Сакена получила такую же задачу на правом фланге неприятеля. Вся пехота в это время выдвинулась в центре на расстояние выстрела.

Левый фланг был опрокинут генералом Раевским без особых усилий, победа на правом фланге стоила генералу Остен-Сакену больших потерь, но в результате неприятель так же был вынужден отступить перед храбростью нашей кавалерии. Турки соединились на высотах, защищенных скалистыми горами, подход к которым во многих местах был невозможен и везде был трудным. Но все препятствия были преодолены, и к 4 часам пополудни высота была заполнена нашими войсками. Артиллерия была захвачена, и противник отошел в свой лагерь.

Но вскоре появились новые войска, прибывшие из Эрзерума на помощь тем, которые были в лагере. Они насчитывали 20 тысяч человек и уже начали спускаться в долину, где наша армия только сражалась и одержала победу. Граф Паскевич не колебался, он поручил наблюдение за убегавшими к своему лагерю турками генералу Панкратьеву, собрал свои усталые войска, отдал приказания на сражение и принял все необходимые предосторожности против повторной атаки со стороны вражеского лагеря. В шесть часов под барабанный бой он двинулся против новой армии, которая прибыла лишить его победы. Он разделил все оставшиеся в его распоряжении войска на три колоны. Первая должна была обойти левый фланг неприятеля, опираясь на высоту, которая должна была ей служить точкой опоры. Вторая должна была атаковать левый фланг, а третья, состоявшая из всей кавалерии, — двинуться прямо против центра турок. Эта диспозиции была полностью и успешно исполнена с быстротой и горячностью свежих войск, еще не побывавших в бою. Все три колоны прибыли к месту боя одновременно и, соревнуясь в храбрости, с самого начала прорвали линии пехоты и кавалерии противника.

Забыв об усталости и чувствуя близкую славу, все подчинялись командам своего молодого и горячего генерала. Неприятель был опрокинут и его преследовали со шпагой в руке на протяжении 30 верст почти до самого наступления ночи. В ходе этого блестящего преследования в наши руки попала артиллерия, обозы, военные припасы, часть оружия и лошадей. Неутомимый Паскевич дал солдатам только несколько часов для отдыха и уже в 9 утра следующего дня появился

в тылу того лагеря, куда накануне отступила разбитая им армия. К этому времени турки едва успели узнать о полном поражении войск, пришедших им на выручку.

Тем временем, находившиеся в своем лагере турки использовали ночь для того, чтобы развернуть фронт и укрепить свою новую позицию. Казалось, что скалы, пропасти и несколько возведенных наскоро укреплений предоставили туркам в их тылу почти такие же преимущества, какими природа наделила их лагерь с фронта, и которые Паскевич ранее посчитал непреодолимыми.

Наша позиция так же была выгодной. С обеих сторон артиллерийская канонада началась, едва наши войска успели занять свою позицию. Она прервалась на некоторое время турецким трубачом, который сделал несколько предложений о капитуляции. Но была возобновлена даже до того момента, когда турки получили наше ответное требование сложить оружие перед нашей армией. Не теряя времени, Паскевич сформировал 5 колон и приказал начать штурм. Он лично возглавил колону, атаковавшую центр, другие получили приказ овладеть флангами. Первая колона быстро проникла в лагерь и овладела пушками, остальные тот час же последовали за ней. Пораженный такой отвагой противник обратился в бегство, бросив весь лагерь, обозы и воинское снаряжение. Его преследовали на перевалах, среди скал и в лесах, которые вскоре скрыли его позор и остатки его солдат. 1200 человек попали в плен, более 2000 остались лежать на поле боя, а их командующий Хаки-паша был настигнут и захвачен со всей своей свитой линейным полковником казачьих войск Верзилиным.

Таким образом, за три дня граф Паскевич пересек горы, которые считались непроходимыми, разбил две армии, захватил все их имущество и рассеял более 60 тысяч человек. В Малой Азии, которую противник должен был защищать, больше не было преград для наших знамен, а страх перед нашими армиями был донесен беглецами до самых берегов Босфора.

Воспользовавшись внушенным им ужасом, граф Паскевич направил генерала князя Бековича овладеть Хоросаном, где он захватил большое количество продовольствия и военных припасов.

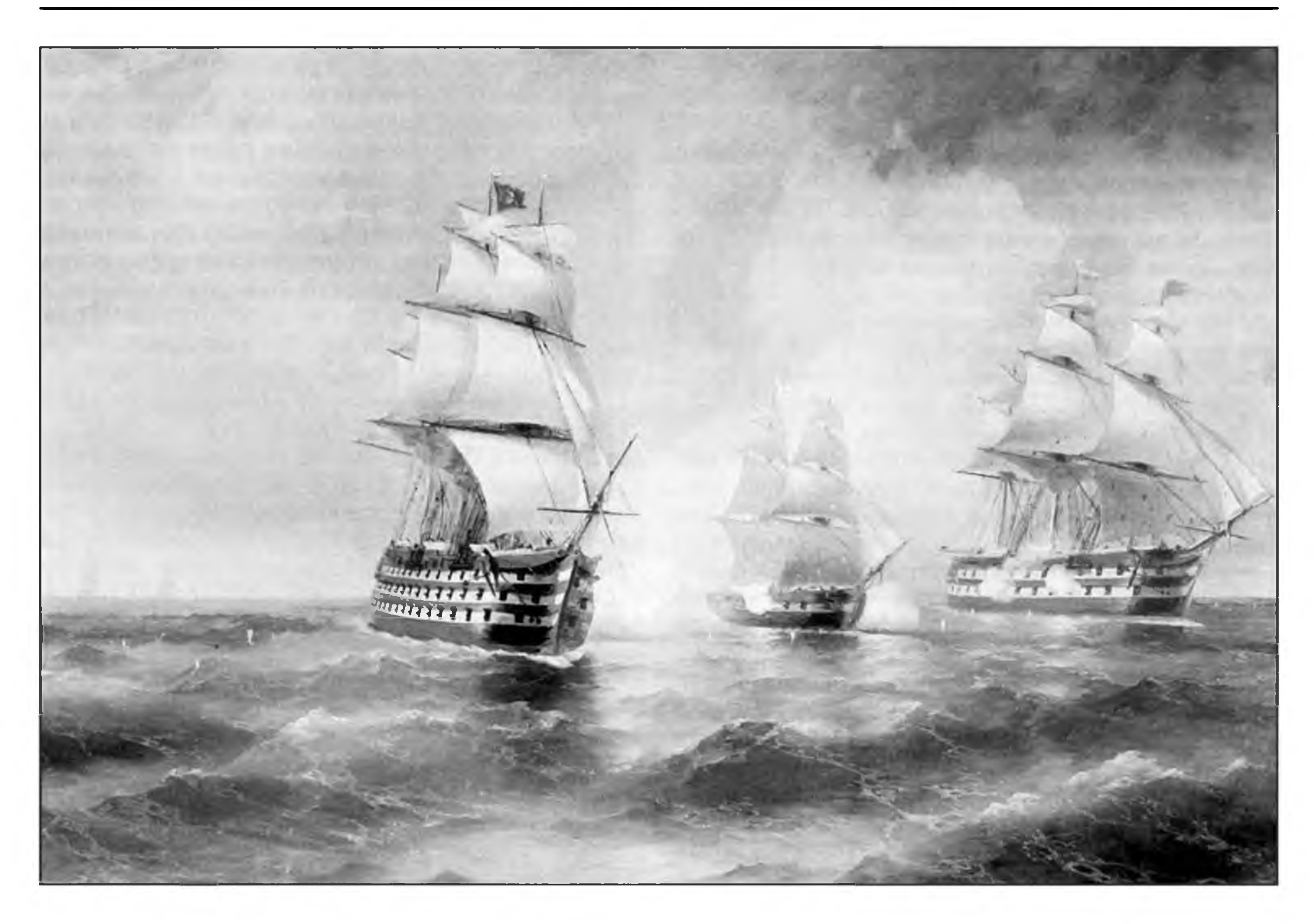
Дав войскам на отдых только сутки, главнокомандующий во главе своего авангарда направился к Гасан Кале, важной крепости по дороге в Эрзерум. После форсированного марша он появился там около 9 часов вечера. Устрашенный комендант сбежал, и ворота крепости вскоре были открыты. На защитных укреплениях стояло 29 пушек крупного калибра, а на складах лежало большое количество боеприпасов и провианта. Но особую ценность захвату Гасан Кале придавало то, что его можно было рассматривать как ключ к Эрзеруму, этому главному центру всей богатой и густонаселенной Малой Азии.

25 июня вся армия собралась в лагере перед этой крепостью. Этот день, годовщина рождения императора Николая, был отмечен благодарственным молебном в честь недавно одержанных побед и во славу этого, столь дорогого для России праздника. Граф Паскевич устроил парад своей небольшой славной армии и собрал за торжественным обедом всех войсковых командиров. Как раз во

время застолья из Эрзерума пришла весть о том, что мусульманские священнослужители и жители города готовы покориться, несмотря на угрозы турецкого командующего и сопротивление войск. В ту же минуту весь лагерь был поднят и Паскевич, не желая терять время, и с целью устрашить турецкого военноначальника немедленно направился в путь и на утро следующего дня оказался перед Эрзерумом[131]. К нашим войскам из города подошли двое: представитель горожан и парламентер командующего войсками с просьбой о перемирии с целью окончательного выяснения судьбы города между теми, кто был готов сдаться, и теми, кто требовал сражения. Паскевич направил их обратно в сопровождении генерала князя Бековича, а тем временем приказал занять позицию на расстоянии пушечного выстрела от городских стен. Турки открыли артиллерийский огонь, их кавалерия вышла из города с тем, чтобы отбросить наши пикеты. Ряд небольших пристенных укреплений, прикрывавших подходы к воротам, были взяты штурмом несколькими ротами егерей.

Тем временем, турецкий военноначальник знал, что к нему ускоренным маршем идет подкрепление, он ободрил свои войска и сдерживал горожан. Сражение разгорелось, наша артиллерия своим яростным огнем сеяла в городе ужас и, тем самым, укрепила позиции тех, кто призывал сдаться. Наконец, они одержали верх, и к нам с депутацией прибыл гражданский градоначальник, который попросил прекратить сражение и принес ключи от городских ворот. Тогда с нашей стороны огонь был прекращен, и войска вошли в город, не обращая внимания на несколько пушечных и ружейных выстрелов, которые были сделаны в беспорядке убегавшими войсками. Прибыв в центр города, мы увидели, что крепость отказывается сдаваться. Но как только гарнизон заметил, что мы готовимся силой принудить его к этому, сложил оружие. Таким образом, 27 наших знамен уже развивались над Эрзерумом. Трофеями этого дня стали: главнокомандующий турецкими войсками в Азии[132], два паши, 150 артиллерийских орудий, разнообразное снаряжение и припасы, собранные в этом опорном пункте страны. Возмещением усталости и отваги, которые проявил граф Паскевич, стали также и все те удобства и запасы, которые смог предоставить армии 100 тысячный город с богатой торговлей. Занятие города сделало Паскевича хозяином положения, не было больше ни войск, ни командиров, которые могли сопротивляться его власти. Крепости и города Ризе и Байбурт сдались при приближении отрядов, направленных для их оккупации.

В то время, когда граф Паскевич сражался и разбил армии под командованием турецкого главнокомандующего, у него в тылу один паша по собственной инициативе собрал солдат. 19 июня во главе 9 тыс. пехотинцев и 5 тыс. кавалеристов он неожиданно появился перед Баязетом, который наши войска заняли еще в ходе кампании 1828 года. Турки бросились на штурм с необычайной отвагой, находившиеся за пределами города укрепления были ими захвачены. Наши солдаты отбивали их четыре раза. В пригородах дрались за каждую улицу и за каждый дом. Правоверные жители были воодушевлены появлением их единоверцев,

Подвиг брига «Меркурий»

они взялись за оружие и с крыш своих домов обстреливали наших солдат. Наконец, после целого дня борьбы с яростным и столь превосходящим в числе противником, наш слабый гарнизон был вынужден оставить город и собраться в крепости. В течение десяти последующих дней турки пытались штурмовать стены этого последнего убежища наших храбрецов. День и ночь с обеих сторон продолжалась артиллерийская канонада, часто приходилось в штыковую отражать бесконечные атаки жителей города и турецких войск. Горстка наших людей под командованием генерала Попова изнемогала от усталости и нехватки продовольствия, которое они были вынуждены оставить в городе вместе с другими припасами и частью их военного снаряжения. Большая часть людей была убита или ранена, но никто не помышлял о сдаче. Все были полны решимости умереть до последнего. Паша узнал о поражении армии главнокомандующего и о занятии Эрзерума. Он видел непреодолимое упорство русских, которое уже стоило ему более 2 тыс. человек. Наконец, он решил оставить развалины Баязета, которые окружали крепость.

Тем временем противник запланировал реорганизовать часть своих войск и с их помощью помешать быстрому продвижению графа Паскевича. Неприятельские силы были собраны на дороге от Трапезунда к Байбурту. Занимавший этот город во главе 7 пехотных рот полковник Бурцов, следуя только своей невероятной отваге, взял 5 рот и единственный кавалерийский татарский полк

и направился навстречу врагу. Без колебания он бросился в атаку, несмотря на развернувшуюся перед его слабым отрядом массу противника в 10 тыс. человек. После первого же залпа он был повержен, а его люди были вынуждены отойти. Прекрасная выучка наших солдат внушила туркам уважение, и они даже не осмелились их преследовать.

Графа Паскевича уведомили о появлении этого нового врага, и он лично направился его разбить. Он нашел врага в сильно укрепленной позиции, находившейся в лесистой местности, которая всегда в сражении давала преимущество азиатам. Две тысячи лазийцев из самых воинственных азиатских племен защищали укрепленную лощину, их поддерживали четыре тысячи других воинов под защитой завалов и рвов. Сражение продолжалось двое суток и стало одним из самых кровопролитных. Солдаты бились в рукопашную, без конца нападали и отбивали атаки. Лазийцы от безысходности защищались до конца с кинжалами в руках. Их перебили почти всех, но, только, перешагнув через их трупы, наши уставшие солдаты завладели полем боя. Это сражение стоило нам многих людей, в особенности хороших офицеров, которых везде убивали первыми.

Другая часть неприятеля была сформирована в окрестностях небольшой крепости Гуми Гане. Против них был послан полковник Симонич. Противник оказал лишь слабое сопротивление, и крепость открыла свои ворота. С другой стороны генерал Гессе атаковал и опрокинул восьмитысячный корпус, который был образован на нашем левом фланге в лесах Муга Эстад.

Стыдясь своих поражений и горя желанием их исправить, турецкий главнокомандующий проявил необычайную активность по набору и формированию новой армии. Это ему удалось, и он собрал ее в Байбурте, который граф Паскевич был вынужден оставить в связи с тем, что ему приходилось защищать слишком много точек. Он не желал еще более ослаблять свою армию, численность которой и так сократилась до 15 тыс. человек. Едва узнав о появлении этого нового неприятеля, граф Паскевич двинулся прямо на него, построившись в две колоны. Одной командовал он сам, другую вел генерал Потемкин. Он встретил врага перед Байбуртом, там он построил свои войска в три колоны: центральная состояла из пехоты, правая — из регулярной кавалерии, левая — из казаков и мусульманских полков. Атаку начала центральная колона при поддержке всей артиллерии. В полном порядке неприятель отступил с первой линии обороны во вторую, которую его тоже заставили покинуть. В этот момент регулярная кавалерия бросилась вперед с тем, чтобы отрезать неприятеля от города. Турки бросились в приготовленные заранее укрепления, но наша кавалерия их окружила и тем самым отрезала от их кавалерии. Турки устремились в город, где их преследовали наши батальоны. Сражение развернулось на улицах и в домах, но не было длительным. Неприятель подвергся яростному преследованию, он потерял 6 пушек, более 1300 человек было взято в плен.

В это же время отряд под командованием князя Аргутинского-Долгорукова в открытом поле разбил большую часть турецкой кавалерии у крепости Карс.

После первых атак неприятель сдался на милость победителя. Эта блестящая кампания была прервана только официальными известиями о том, что в Адрианополе начались переговоры о мире. Турецкий главнокомандующий попросил о перемирии, и граф Паскевич был вынужден прервать цепь своих побед.

* * *

Со своей стороны черноморский флот способствовал в меру своих сил успехам этой кампании. Он обстреливал крепости, расположенные на азиатском и на европейском берегах, захватил многие транспортные суда, разрушил, в том числе и на верфях, вражеские военные корабли. Однако, к несчастью, ему не представилось столь желанная возможность дать морское сражение. Находясь на рейде Сизополя, наш флот выжидал этого момента, послав сторожевые корабли постоянно курсировать перед входом в Босфор. Наконец, турецкая эскадра под командованием Капудана паши, состоявшая из 18 судов, пять из которых были линейными кораблями, вышла из пролива. Капитан Казарский, командовавший 18 пушечным бригом «Меркурий», увидел силы неприятеля и направился передать эту новость адмиралу Грейгу. Однако, слишком слабый ветер не позволил ему идти полным ходом. Капудан паша направил к нему два корабля, один нес 110 пушек, другой — 74. Тогда капитан устроил совет со своими офицерами, самый молодой офицер штурман Прокофьев взял слово первым и заявил, что, по его мнению, надо взорвать корабль. Это суждение было единодушно одобрено, капитан Казарский сообщил о нем экипажу, сказав, что после схватки до последней возможности, когда все способы спасения будут исчерпаны, последний оставшийся в живых офицер направит бриг на таран одного из турецких судов, взорвав тем самым оба корабля. С этой целью недалеко от порохового погреба будет лежать заряженный пистолет. Экипаж криками «Ура!» поддержал это решение, все приготовились к сражению и к неминуемой смерти.

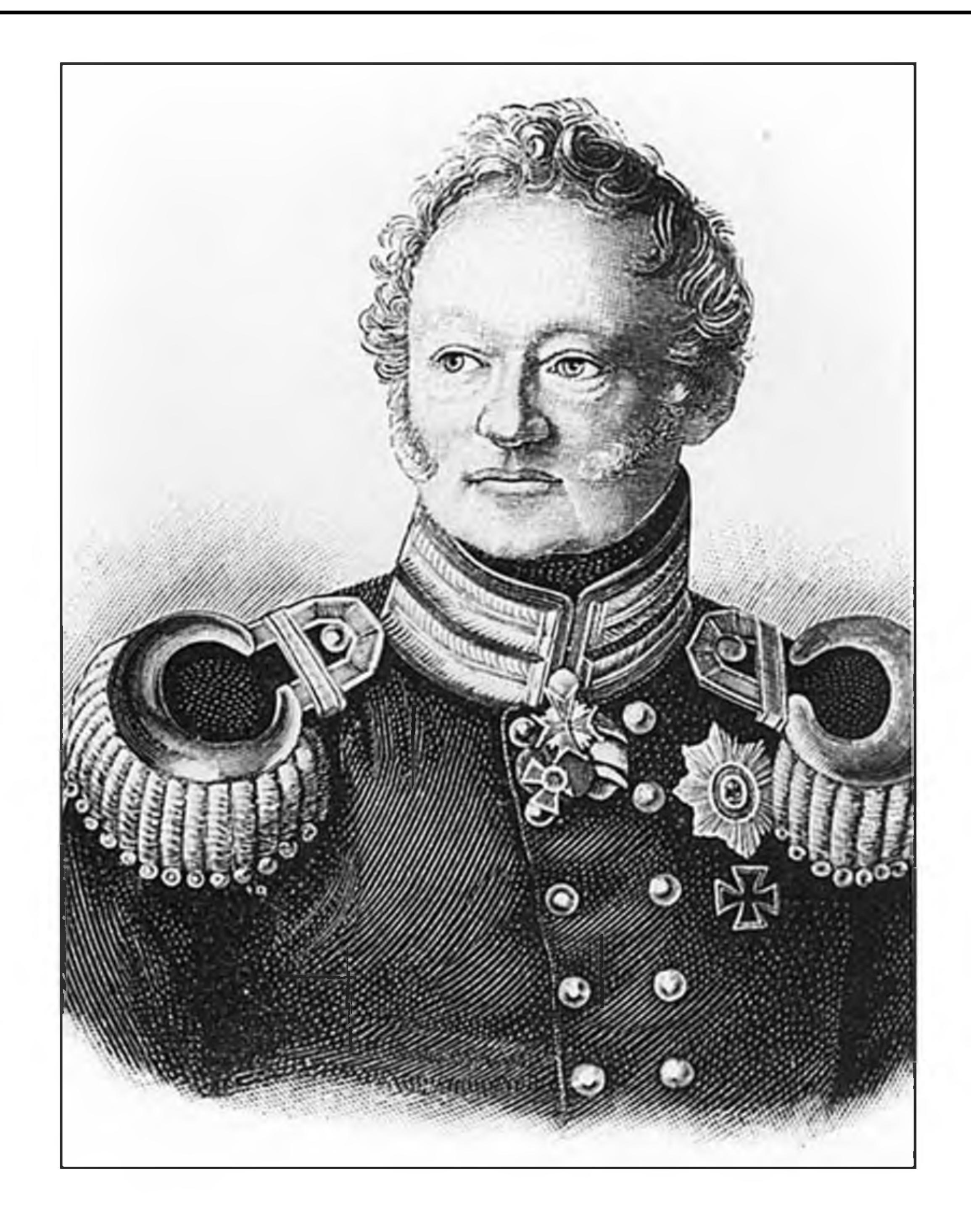
Оба крупных турецких корабля уже использовали свои атакующие орудия, и, получив быстрый ответ малых пушек русского фрегата, приблизились к нему. Они обстреляли его двумя рядами своих орудий каждый, после чего приказали бригу сдаться. Ответом наших моряков был крик «Ура!» и залп из всей пушек и ружей. Удивленные такой храбростью турки обстреляли их слабый корабль картечью, но неустрашимый Казарский продолжал защищаться и вести свой огонь столь умело, что турецкий трехпалубный корабль вышел из боя и спустил паруса. Вскоре его примеру последовало и 74 пушечное судно. Оба они имели повреждения в такелаже, и им было стыдно продолжать этот поединок. Бриг «Меркурий» был буквально прошит ядрами, более половины членов экипажа были убиты или ранены. Наконец, после почти двухчасового сражения на виду у всего турецкого флота он смог уйти. На следующий день весь израненный и еле держась на воде, но как победитель этот корабль появился перед нашим удивленным флотом. Через три года, когда этот бриг был послан в Константинополь, турки оказали ему воинские почести и устроили его экипажу праздник. Император наградил его георгиевским флагом (вымпелом), назначил Казарского своим адъютантом и наградил

почетным оружием в честь этого подвига. Все офицеры и матросы были также щедро вознаграждены. К несчастью на фрегате «Рафаил» не было столь решительного капитана, как Казарский. Будучи окружен турецкой эскадрой, он спустил флаг и стал добычей капудана паши, который вернулся в Босфор.

Победы Паскевича в Азии, взятие Кулевчи, захват Адрианополя и Эноса на средиземноморском побережье, блокада нашей эскадрой Дарданелл, действия нашего черноморского флота, мешавшего проходу через Босфор, столько побед с нашей стороны и столько же неудач со стороны султана породили отчаяние и чувство поражения в Константинополе, и ужас в правительстве. Беспокойство народа, угрозы янычарских частей, все предвещало падение Оттоманской империи, а, возможно, и кровавую национальную революцию. Это поколебало верховную власть и находившийся в Константинополе дипломатический корпус.

В этот момент прибыл посланный королем Пруссии генерал Мюфлинг, который привез от императора Николая предложения мира и доказательства умеренности его требований. Диван увидел свое спасение в переговорах и стал умолять дипломатический корпус о поддержке. Дипломаты боялись за самих себя, если бы взбудораженное население подняло бунт, и хотели всеми способами развеять грозу, которая собиралась над их головами, а также угрожала существованию империи, столь важной для европейского равновесия. Они решились направить к графу Дибичу депутацию с призывом остановить продвижение войск и, тем самым, предотвратить разрушение Константинополя и, возможно, падение султана. Главнокомандующий ответил, что не может принять посредничество ни одной из иностранных держав, но так как желанием императора является мир и сохранение Оттоманской империи, он прекращает свое продвижение и сам предлагает этот мир, как единственное желание своего государя.

Вот так случилось, что по просьбе послов европейских дворов, наши победоносные армии остановились. Опасение революции в Константинополе, которая могла поколебать трон султана, предотвратило последние удары, которые война нанесла бы его могуществу. Только желание, необходимость сохранить империю полумесяца помешало нашему движению на город, носивший имя Константина. Именно оно при полной готовности с нашей стороны остановило военные действия, началу которых столь способствовали эти же самые европейские послы, разжигая решительность, алчность и враждебность султана. Именно эти кабинеты в 1828 году кричали об амбициозных планах императора Николая, они предсказывали в 1829 году триумф турок, которому заранее радовались. Все их крики, интриги и предсказания разбились о твердую волю императора и о храбрость наших войск. Все их опасения остались беспочвенными перед умеренностью, мудрыми распоряжениями и предвиденьями императора. Голос этих посланцев европейских дворов был услышан только тогда, когда падение Турецкой империи оказалось в руках наших главнокомандующих в Азии и в Европе, он взывал к милости и к поддержке наших врагов.

Прусский посланник в Константинополе генерал Мюфлинг

Император предвидел, что, в конце концов, султан убедится в проигрышности своей позиции, и попросил мира. Он направил в главную квартиру графа Алексея Орлова и графа Палена для того, чтобы граф Дибич смог уполномочить их на ведение переговоров. Условия мира были составлены в кабинете императора, и были такими, как он о них объявил при открытии кампании. С турецкой стороны переговоры вели бащдефтердар Мехмед Садык Эфенди и анатолийский кази Абдул Кадыр Бей. Переговоры проходили в главной квартире нашей армии в Адрианополе. Они велись энергично, несмотря на все трудности, порожденные коварной турецкой политикой и ревнивым влиянием английского, французского и австрийского послов, направленные на их затягивание и срыв мирного урегулирования. Но инструкции из Петербурга были вполне определенными, и ничто не могло помешать их выполнению.

В Европе Россия возвращала все свои завоевания без малейшего ограничения. В Азии линия проводилась по гурийской границе от Черного моря до начала Имеретии, а справа — до того места, где граница пашалыка Ахалциха и Карса соединяется с Грузией, таким образом, что город Ахалцих и крепость Ахалкалаки оставались к северу от этой разграничительной линии. Территории, оставшиеся к югу от этой линии, возвращались Порте, а те, что находились к северу

и к востоку, включая берег Черного моря от устья реки Кубань до порта Святого Николая включительно, присоединялись к Российской империи.

Привилегии княжеств Молдавии и двух Валахий должны были быть определены общим соглашением между кабинетами Санкт-Петербурга и Сералем. Порта обещала выполнить все обязательства по отношению к Сербии, взятые ею на себя еще по Аккерманскому договору. Турки предоставили самые выгодные условия российской торговле и русским купцам. Порта обязалась выплатить России возмещение в один миллион пятьсот тысяч голландских дукатов за потери, понесенные нашими торговцами до разрыва 1828 года. Турция приняла на себя обязательство возместить нам расходы, которые мы понесли по ведению несправедливой войны, начатой ею.

Порта признала независимость Греции в соответствии с договорами по этому вопросу, заключенным между Россией, Францией и Англией.

Порта уступала княжествам Молдавии и Валахии территории, на которых были возведены крепости по левому берегу Дуная, и обещала никогда не восстанавливать здесь крепостей. Оба княжества останутся в качестве залога под нашей оккупацией, пока суммы возмещение военных расходов не будут уплачены в согласованный срок. В крепости Силистрия останется русский гарнизон до полной эвакуации наших войск из Молдавии и Валахии.

После подписания договора граф Орлов был направлен в Константинополь для восстановления наших политических отношений и для того, чтобы убедиться в исполнении этого важного договора. Ему удалось сделать даже больше, чем можно было ожидать, он очень понравился султану, он завязал связи с руководством турецкого правительства. Ему даже удалось договориться с иностранными представителями, которые еще были ошеломлены нашими успехами, а еще больше — той умеренностью и лояльностью, с которыми мы этими успехами воспользовались.

Наши войска ушли из Адрианополя, вновь перешли Балканы, Дунай снова стал границей между Россией и Турцией. Все вернулось к тому порядку, который был нарушен войной, принесшей новые лавры армии империи, показавшей в полной мере несокрушимую мощь и мудрую умеренность императора и унизившей полумесяц. Наконец, после полутора веков военного соперничества, жертв и побед, война смирила самого ожесточенного врага России, могущество которого недавно заставляло дрожать Европу, и который остановил победное продвижение Петра Великого.

* * *

Пока в Азии и по ту сторону Балкан происходили эти великие события, в Петербурге разворачивался спектакль, главным участником которого был персидский принц, посланный шахом для того, чтобы у подножия императорского трона вымолить прощение за убийство нашего посла в Тегеране. Это был любимый сын Аббаса Мирзы и законный наследник персидской короны Хосров Мирза. Его сопровождала многочисленная свита, и от самых наших границ по

эту сторону Кавказа ему были оказаны все почести, приличесвующие его положению. В первых числах августа ему была дана торжественная аудиенция. В Георгиевском зале, где дежурили дворцовые гвардейцы, были собраны и стояли по обеим сторонам зала весь двор, свита императора, гвардейские генералы и офицеры, вельможи и знатные дамы всего города. Император и императрица стояли на ступенях трона. Молодого принца и его свиту ввел главный церемониймейстер. После троекратного приветствия императора, у которого он прибыл от имени отца испросить прощения, он зачитал свою речь со всем чувством, которое предписывалось целью его слов и присутствием высокого собрания, которое его слушало. Ответ вице-канцлера графа Нессельроде от имени императора был выдержан в самых дружеских и успокоительных тонах с целью поддержания добрых отношений между двумя империями. Затем было сделано все для того, чтобы сделать пребывание принца в Петербурге приятным, его окружили уважением, удовольствиями и особенно предупредительностью двора, даже включая членов императорской фамилии. Он посетил все общественные учреждения, театры, солдатские казармы, участвовал в парадах и в небольших маневрах в окрестностях Царского Села. Он и вельможи его свиты получили подарки, достойные его знатного происхождения и того, кто подарил их. Он уехал в восторге от своего пребывания и был особенно удовлетворен возобновлением добрых отношений между Персией и Россией, которые укрепил его приезд. Посланные еще императором Александром в качестве подарка Аббас Мирзе 12 артиллерийских орудий, которые были захвачены нашими войсками в боях последней войны, были заменены таким же количеством орудий лучшего качества и включены в число подарков и направлены в Тегеран отцу принца-посланника.

К концу осени после обмена с султаном грамотами о ратификации мира, император собрал в местечке Царицын Луг все войска, составлявшие гарнизон Петербурга и его окрестностей. В отсутствии большей части гвардии, которая только вышла из Тульчина для возвращения в Петербург, они составили важную часть нашего войска. В центре площади на высокой и просторной площадке был построен алтарь для членов императорской фамилии и всего двора. Его ступени были украшены захваченными в Азии и в Европе турецкими знаменами. Вокруг лицом вовнутрь в форме большого квадрата выстроились колоны войск. По команде императора были сняты головные уборы и отслужили благодарственную молитву. Огромная толпа окружила площадь и присоединилась к воинским молитвам. После окончания церковной службы пушечные выстрелы и крики «Ура!» как поставленная насильно печать скрепили поддержание этого завоеванного силой мира. После этого войска прошли перед императором парадным маршем, а несколько сотен турецких знамен навсегда поместили в полковую церковь Преображенского

полка, которую с этих пор снаружи украшали крупнокалиберные пушки, захваченные во время этой памятной войны*.

С началом зимы появились проекты развлечений и удовольствий, но, к сожалению, в первых же числах ноября император опасно заболел. В первые дни, когда еще не ясна была тяжесть заболевания, все были столь уверены в силе его здоровья, что даже во дворце обнаруживалось только лишь легкое беспокойство. Но на третий день болезнь столь быстро усилилась, что врачи были испуганы и потребовали созвать консилиум. Тревога распространилась во дворце и вслед за ним и во всем городе. Вход в комнаты, где отдыхал больной, был запрещен для всех, люди толпились в дворцовых залах, чтобы узнать последние новости и расспросить врачей и личную прислугу. Страх перед несчастьем превосходил его вероятность, все дрожали при мысли потерять государя, столь необходимого для счастья и славы империи.

С покрасневшими глазами и со своей ангельской добротой императрица время от времени выходила из комнаты своего супруга для того, чтобы успокоить нас и узнать о тех новостях, которые можно было бы сообщить больному. За несколько дней нервная лихорадка исчерпала все физические и моральные силы императора. Врачи были в величайшей тревоге, и не скрыли ее от меня. По нескольку раз на день я видел императрицу и восхищался ее неустанными заботами за императором, которого она не оставляла ни днем, ни ночью. В то же время, в тех случаях, когда мне приходилось опираться на ее мнение, я восхищался ее справедливыми суждениями в делах, которые часто ей приходилось разрешать. Наконец, после двенадцати дней страха, надежды и беспокойства, которые лучше, чем что-либо другое, доказывали искреннюю преданность императору, врачи констатировали выздоровление. Но выздоровление медленное, с возможными рецидивами болезни при малейшем нарушении режима или малейшем волнении. Именно это нам много раз повторили, прежде чем разрешили увидеть императора.

Первым такое разрешение получил князь Александр Голицын, при условии не говорить о делах. Я был вторым, кого ввели в его спальню, и был страшно потрясен ужасной переменой, которая произошла в чертах его лица. В них были видны страдание и слабость, он похудел до неузнаваемости. Он спросил меня о случившихся новостях. Надо было показать свое удовлетворение от его любопытства, но не проронить ни одного слова, которое могло бы заставить работать его мозг, или зародить у него какую-либо заднюю мысль. Эта встреча была трудной и длилась более часа. Они стали повторяться через несколько дней, то по утрам, то по вечерам в зависимости от того, когда врачи считали его менее усталым и раздраженным. Наконец, стало очевидно, что он выздоравливает, к нему вернулся аппетит, он стал все более настойчив при решении деловых вопросов.

---

* Помета рукой Николая I: «Это неверно. Они были захвачены в Варне и дарованы мной полякам в память о гибели в этот момент под Варной короля В<неразб>... Через год поляки повернули их против нас. Гвардия захватила их вновь, и я передал их тем, кто два раза, благодаря собственному мужеству, сумел захватить их».

Персидский принц Хозрев-Мирза

Однажды утром граф Петр Толстой, который еще не имел случая видеть императора, был к нему вызван. Император спросил его о последних новостях. Будучи предупрежден заранее, он простодушно ответил: «Ничего, сир. Английский фрегат вошел в севастопольский порт». Краска залила лицо императора, он затрясся от гнева от этой наглости англичан, которые посмели войти в Черное море, и от глупости турок, которые им это разрешили. Он немедленно вызвал министра иностранных дел графа Нессельроде и морского министра князя Меншикова. Надо было подчиняться. Оба прибыли в бешенстве от неосторожности графа Толстого, которая могла угрожать здоровью императора и нашим внешнеполитическим отношениям. Они нашли императора в ярости, он отдал им ясные приказания: одному — немедленно отправить один линейный корабль и один фрегат пройти через Босфор, другому — потребовать у Англии объяснений. Курьеры должны были отправиться в тот же день.

Выйдя от императора, оба министра начали обсуждать, каким образом выполнить столь резкие приказания, и к каким последствиям могло привести их исполнение. Но нужно было подчиняться безотлагательно. К счастью, к тому моменту, когда весть об отъезде обоих курьеров прибыла к императору, который пожелал сразу же узнать об этом, лихорадка, вызванная этим волнением, несколько уменьшилась. От графа Толстого все отвернулись, он стал предметом всеобщих упреков

и впал в безысходность от своей неосмотрительности. Удачей было и то, что не успевшему еще уехать из Константинополя графу Орлову удалось найти ловкий способ провести линейный корабль и фрегат через Босфор, не оскорбив при этом турецкого достоинства. Лондонский кабинет также дал нам полное удовлетворение, сделав выговор своему представителю в Оттоманской Порте, и уволив со службы капитана злосчастного фрегата. Таким образом окончилось это дело, столь малозначимое само по себе, но которое могло повлечь за собой важные последствия и неисчислимые осложнения, как с Константинополем, так и с Англией.

Здоровье императора полностью восстановилось, и все дела пошли обычным порядком. В течение зимы гвардия вернулась в Петербург, и балы возобновились, как и всегда.

В Европе все казалось спокойно, с нашими соседями Персией и Турцией были решены все вопросы. Между всеми кабинетами царило полное понимание. Раздражение и ревность, которые существовали против России, когда в ней желали видеть только стремление к завоеваниям, рассеялись перед лицом умеренности и лояльности императора. Он протянул руку побежденному им противнику, как только тот оказался перед угрозой распада в результате народных волнений и происков янычар.

Наконец, перед императором открылась долгожданная возможность полностью посвятить себя управлению и внутренним улучшениям в его огромной империи. Со дня своего вступления на престол он создал комитет[133] под председательством графа Кочубея для выработки, обсуждения и предложения ему различных изменений в положении различных слоев, в особенности того, который составлял добрую треть государства. С еще большей энергией он предпринял кодификацию законов. Эта работа, которую часто начинали со времен императрицы Елизаветы до Александра, но она всегда прерывалась, привлекла все внимание императора Николая.

1830

К концу января в Петербург прибыло чрезвычайное посольство одного из ближайших сподвижников султана Халил-Паши. Его целью было продемонстрировать искренность и добрые отношения, восстановленные между двумя империями[134]. Он был особо уполномочен высказать императору благодарность за благородство и умеренность, выраженные им при заключении условий мира, который должен был быть длительным, а также призван был исключить новые предлоги для разрыва отношений. Халил-Паша высадился на берег в Одессе, где ему как послу были оказаны все почести. Точно также произошло и в Петербурге, где ему была приготовлена прекрасная резиденция и большое количество домов. Все

его расходы были оплачены нашим правительством. В Георгиевском зале во всем блеске двора император дал ему публичную аудиенцию. Поведение Халил-Паши было простым и благородным, всем пришлись по душе его манеры, его желание понравиться и соответствовать обстоятельствам. Только его наряд всех шокировал. По капризу султана вместо живописной национальной турецкой одежды на нем был длинный и нескладный плащ, вместо красивого азиатского тюрбана у него на голове был темно-красный колпак с неуклюжей кисточкой. Он казался смущенным и пристыженным этим переодеванием, которое было весьма мало популярно в Турции.

Вместо того чтобы в дни кризисов сближаться со своим фанатичным народом, султан нарочито отдалялся от него в обычаях и даже в одежде. Халил-Паша посетил все столичные учреждения, каждый день появлялся на парадах, посещал частные собрания, театры. Он казался удовлетворенным той предупредительностью и теми обедами, которые ему устраивались одними на зависть другим. Он был тронут добротой императора, для его государя ему были переданы великолепные подарки самых разных видов. Он сам и члены его свиты также получили знаки императорского благоволения.

Императора всегда заботило все то, что могло быть полезно развитию нации. Он был убежден в том, что только образование может обеспечить ее развитие, и выделил значительные суммы денег для создания по всей империи кадетских корпусов. До этого они были только в Петербурге и в Москве. Но ежегодное увеличение нуждавшейся в более заботливом образовании молодежи превосходило имевшиеся на местах возможности в его получении. Тогда было решено, что в Полоцке, в Новгородской губернии немедленно начнется работа по созданию новых кадетских корпусов, таких же, какие существовали в обеих столицах. Здания, которые в Полоцке до этого принадлежали иезуитам и их учебному заведению, были предназначены для этого нового и полезного дела. В Новгородской губернии для этой же цели были выделены построенные с большими трудами здания, предназначавшиеся для штаб-квартиры гренадерского полка в военных поселениях. В других местах немедленно началось строительство и приготовления всего необходимого для размещения сотен молодых людей. Это новое доказательство заботы государя произвело самый замечательный эффект в стране. Родители были довольны тем, что их дети станут воспитываться недалеко от них, вместо того, чтобы, как это было раньше, везти их на другой конец империи и разлучаться с ними, как это часто случалось, вплоть до конца их обучения.

В первые дни марта я имел честь сопровождать императора в военные поселения гренадер. Там в прекрасных манежах он осмотрел множество полков, посетил госпитали и еще не оконченные сооружения, а затем он вернулся в Новгород с тем, чтобы оттуда направиться в Петербург. Поблагодарив генералов, мы сели в сани, но вместо того, чтобы направиться по дороге, ведущей в Петербург, император приказал кучеру повернуть на дорогу в Москву. Я был крайне удивлен этим скорым и неожиданным решением, которое противоречило ранее отданным

приказаниям. Императора позабавило мое удивление, он сказал мне, что поставил в известность только императрицу с тем, чтобы его планы были неизвестны окружающим, и стали полной тайной и неожиданностью для Москвы. Мы двигались без единой остановки и меньше, чем через 34 часа наши сани остановились перед входом в Кремлевский дворец. Было 2 часа утра, дворец и город были погружены в глубокий сон. Для дворцовой прислуги наше появление показалось сновидением, мы едва раздобыли свечей, чтобы осветить спальню императора. В полной темноте он прямиком направился помолиться в дворцовую церковь. Затем он отдал мне распоряжения на следующий день и лег спать на кушетке. Я приказал найти главного полицейского начальника, который прибыл в ужасе от моего внезапного приезда, и остолбенел, когда я сказал ему о том, что император отдыхает в комнате над моей спальней. Вслед за ним один за другим приходили комендант, распорядитель двора, шталмейстер, служащие, полицейские. У всех их был очень меня позабавивший ошеломленный вид, и они не дали мне сомкнуть глаз всю оставшуюся часть ночи. Сопровождавший императора в военных поселениях брат императрицы принц Альберт[135] прибыл в Москву на сутки раньше нас, но он был не менее других удивлен, когда его разбудили известием о том, что император в Москве.

В 8 часов утра я приказал вывесить над старинным дворцом императорский штандарт, и вскоре главные кремлевские колокола в сопровождении общего перезвона сообщили о пребывании императора всем жителям древней столицы. Со всех сторон стали собираться толпы народа, приезжали экипажи. Все толпились, поздравляли друг друга, спрашивали себя о причинах столь неожиданного приезда, вокруг царило радостное удивление. Вид главной площади перед дворцом являл собой нечто совершенно необыкновенное. Это оживление могло бы показаться народным недовольством, если бы отразившиеся на каждом лице радость и уважение, напротив, не свидетельствовали о национальном счастье. В 11 часов на площади было столько народу, сколько она могла вместить. Все взгляды сконцентрировались на дверях дворца. Когда появился император и направился пешком в собор, его встретил гром приветственных криков, все обнажили головы. Все стремились его увидеть, приблизиться к нему, теснили друг друга, чтобы оказаться на пути его прохода. Мы с князем Голицыным пытались следовать за ним под угрозой быть раздавленными или отброшенными. Даже император, несмотря на все свои усилия не останавливаться, из-за напора толпы мог продвигаться вперед только очень медленно. Вокруг него было пустое пространство размером не больше, чем один аршин. Он останавливался почти на каждом шагу, и ему потребовалось около 10 минут для того, чтобы пройти около двухсот шагов, разделявших его жилище и вход в церковь. Там его ожидало духовенство, во главе с митрополитом, державшим в руках крест. В этот момент приветственные крики прекратились, и вся эта оживленная толпа погрузилась в почтительное молчание.

Император выслушал молитвы, поклонился святым могилам и приложился к иконам, он вышел из собора через противоположные двери, ведущие к старому

Вид Боярской площади Московского Кремля

дворцу. Здесь его встретила та же толпа, и ему пришлось преодолеть те же трудности для того, чтобы подойти к подножию парадной лестницы, на которой стояли дамы из всех слоев общества. Добравшись до вершины этой лестницы, император остановился и с чувством приветствовал толпу, которая провожала его глазами. Всеобщий крик «Ура!» был ответом на это приветствие, и император вошел в залы дворца. Здесь он направился в манеж для того, чтобы присутствовать на параде. Везде толпился народ, повсюду его сопровождали самые живые проявления радости и преданности. Свое пребывание в Москве император использовал с обычной для него деловитостью. Каждое он посещал самые различные учреждения — школы, больницы, принимал торговцев, знакомился с традиционной продукцией российских производителей, центром производства которой Москва становилась во все большей и большей степени. Во время обеда он виделся с первыми лицами города и с вышедшими в отставку бывшими чиновниками. Вечерами он присутствовал на театральных представлениях или на устраиваемых московским дворянством или генерал-губернатором собраниях представителей высшего света, испытавших счастье видеть своего государя.

Пребывание в Москве длилось не более шести дней, которые стали настоящим праздником для жителей города и для души императора. Оно полностью компенсировало его тяжкие труды и было выражением любви народа. В полночь

13 числа мы снова сели в сани и 15 марта в два часа пополудни император вернулся в Зимний дворец в Петербурге, проделав за 38 часов 700 верст.

На протяжении многих лет польский Сейм не собирался. Тщательно соблюдая все то, что было обещано, император не пожелал более откладывать это собрание, которое было предусмотрено конституцией, данной императором Александром. Он отдал необходимые распоряжения для того, чтобы в первой половине мая собрать Сейм, и приготовился к поездке с тем, чтобы лично принять в нем участие.

Мы выехали из Петергофа 2 мая и направились по дороге в Динабург. Император давно следил за строительством этой крепости, которую на протяжении стольких лет создавал сам в качестве шефа инженерных работ. Он был весьма удовлетворен произошедшими улучшениями и тем старанием, с которым были выполнены все строения и построены казармы. Здесь он устроил смотр нескольким полкам 1 корпуса и резервным батальонам. Потратив два дня на то, чтобы все осмотреть и отдать новые распоряжения, император продолжил свой путь через Ковно и Остроленко и утром 9 мая прибыл в Варшаву. Он прямиком направился к великому князю Константину, который в этот момент готовился к параду.

* * *

На следующее утро мы снова сели в коляску с тем, чтобы прибыть в Пултуск раньше императрицы. Она приехала туда на несколько минут позже нас, и после обеда все направились в Варшаву.

Полностью повторился распорядок прошлого года, по утрам парады, смотры или учения, ничего не изменилось в Польше, разве что еще больше выросло недовольство выходками великого князя Константина. Всякие надежды на изменения испарились, все иллюзии поляков об ограничении власти великого князя и его влияния на внутренние дела королевства развеялись. Не было видно конца тому стесненному положению и той его высшей власти, с которым его могущество давило на страну. Недовольства больше не скрывали. Все поляки и даже русские, кто окружал великого князя, высказывали свое неодобрение в жалобах и в ропоте, которые они мне сообщили. По своему чину я был против подобных откровений, но они были столь единодушными и искренними, что против воли я стал разделять общее мнение.

Так я узнал о жалобах поляков и позднее о том трудном и ужасном положении, в которое попал император из-за своего старшего брата. Казалось, что он более, чем когда-либо ревниво относился к своей власти, полученной им по воле императора Александра. Его поведение всегда казалось уважительным, он подчинялся императору Николаю, но в его разговорах со всеми министрами и даже в беседах с его ближайшим окружением ярко проявлялось несогласие. Малейшее противодействие приводило его в ярость. Похвалы императора в адрес некоторых военных и гражданских чинов вызывали его критику. Подчас он был недоволен теми же чиновниками, которые получили отличия по его собственной рекомендации. Если бы эти искренние жалобы были скрытыми, то можно было бы предвидеть реакцию, даже революцию. Но они были открытыми и касались только

одного человека — великого князя. В императоре всегда видели надежду на лучшее будущее. Растущее благосостояние края во многом уравновешивало придирки, вспыльчивость и унижения, которые всегда были направлены против конкретных людей, а не против нации. Это была та справедливость, которую даже самые недовольные отдавали правительству. Прибытие императора, императрицы, большого количества иностранцев и всех делегатов Сейма хотя бы внешне пригасили жалобы, Варшава была блестящей и оживленной. Один за другим следовали балы и праздники, устроенные со всем изяществом и веселостью богатой и спокойной столицы.

Через восемь дней после своего приезда император открыл заседания Сейма в той форме, которая была предусмотрена конституцией. В палате депутатов великий князь Константин занимал место депутата от предместья Праги. Он привел меня с собой и посадил рядом для того, чтобы я увидел этот ужасный фарс (как он громко сказал к большому неудовольствию поляков). Был приглашен член Сената князь Чарторыйский, который произнес достаточно долгую речь, сводившуюся в основном к похвалам в адрес императора Александра — основателя благополучия и восстановления королевства. Чарторыйский присвоил себе лестный титул друга этого государя, хотя в следующем году он без тени стыда перед этим же бунтующим собранием заявил, что всю свою жизнь ошибался, даже когда благодаря доверию своего друга-государя получил портфель министра иностранных дел. В конце он предложил Палате депутатов назначить депутацию, в которую входил бы и великий князь Константин, с целью совместно с представителями Сената должна была выразить уважение королю и сообщить ему о том, что оба депутатских корпуса готовы к встрече с ним. В сопровождении всего двора и военной свиты император и императрица прибыли в тронный зал. Как и в день коронации трибуны были заполнены самыми знаменитыми и элегантными дамами. После того, как все заняли свои места, император своей речью объявил об открытии Сейма. Эта речь вызвала всеобщее одобрение. Все были восхищены его прекрасной осанкой, звучным голосом, казалось, что все окружавшие испытывали к нему живейшую преданность. Первым же вопросом, который был поднят в Палате депутатов этим же вечером, был вопрос о добровольном основании на средства края памятника в память о восстановителе и благодетеле Польши императоре Александре. Единодушным голосованием проект был одобрен и утвержден. На большом обеде у маршала Сейма собрались все находившиеся в Варшаве значительные лица и все депутаты. На нем также присутствовал император. В его честь слышались здравицы, и банкет окончился со всей сердечностью и всеми приличиями, какие только можно было желать. Все блестящее общество было вновь собрано на прелестных балах в Лазенках[136], которые столь же украшала прекрасная погода, сколь и значительное влияние прекрасной части населении Варшавы. Председатель Совета граф Замойский имел честь принимать в своем доме на великолепном балу императорскую чету, а также всех иностранцев, кого привлекла Варшава присутствием императора и делами Сейма.

Все казалось спокойным, однако среди делегатов стала формироваться оппозиция. Говорили о представлениях в адрес короля, о несправедливых действиях великого князя, о слишком больших военных расходах. Политические партии оживились, но ничто не указывало на агрессивные замыслы против священной фигуры государя. Всегда честный и лояльный во всем своем поведении, император пожелал дать этому лишнее доказательство и полностью отказаться от какого-либо влияния на ход работы Сейма. На то время, пока должны были продлиться заседания органа национального представительства, он уехал не только из Варшавы, но и из Польши. Императрица направились в Фишбах в Силезии[137], где для встречи с ней собралась прусская королевская семья, и император направился по дороге в Брест Литовск*.

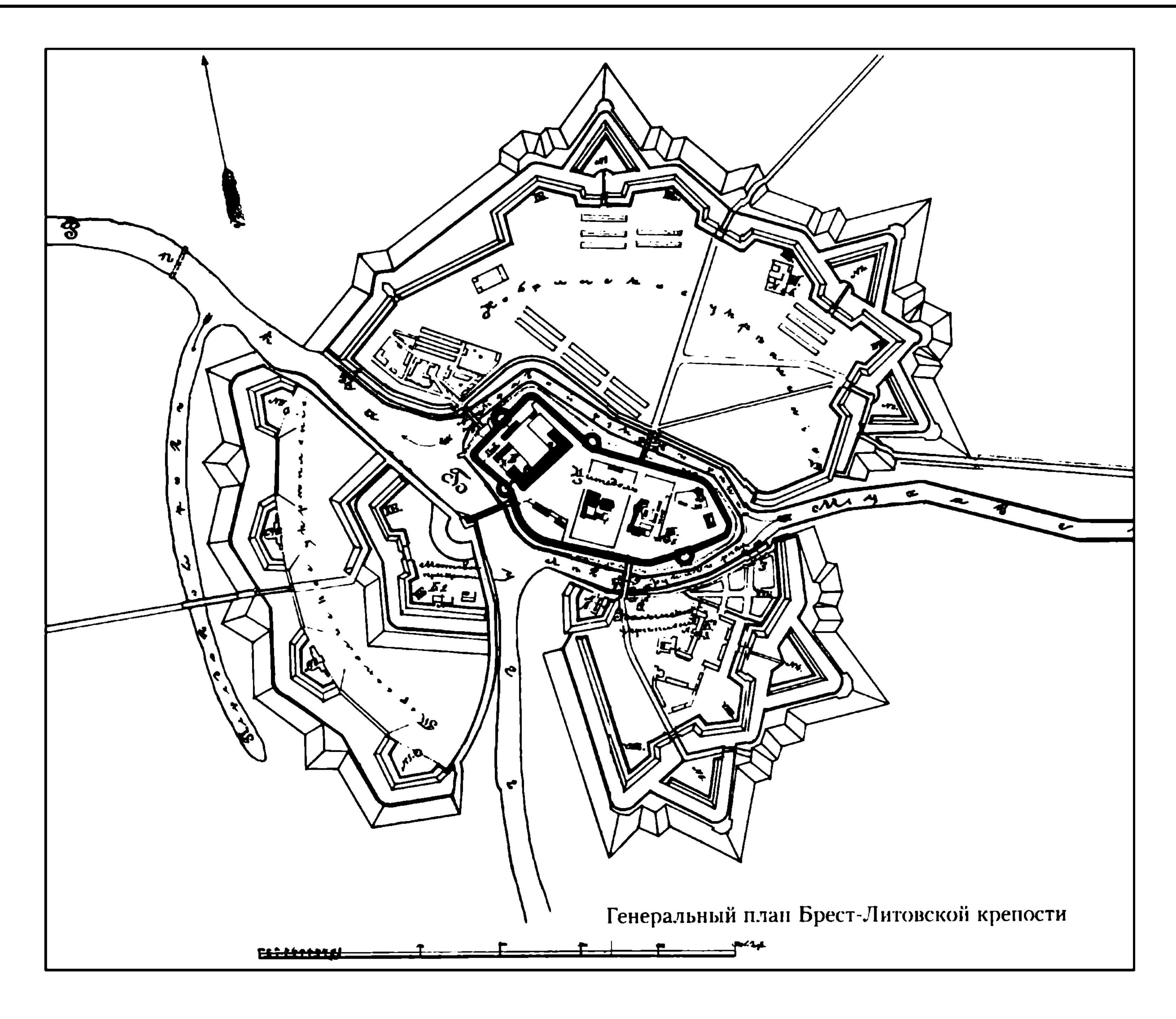
На последней станции Пулавы, где обычно жила старая княгиня Чарторыйская, которая служила прибежищем для всех польских недовольных и интриганов, какой-то человек во фраке от имени княгини пригласил императора остановиться в ее жилище. Удивленный до глубины души такой вольной манерой приглашать своего государя, император вежливо отказался и продолжил путь. Совсем недалеко от Пулавы нужно было на лодке переплыть Вислу. На другом берегу, мы увидели много собравшихся людей, а после высадки на берег появилась старая княгиня, которая лично повторила свое приглашение. Сняв головной убор из-за палящего солнца, император вежливо отказался, так как он не мог задерживаться в дороге в связи с тем, что великий князь Константин будет ждать его с раннего утра в месте ночевки. Имевшая вид злобной колдуньи старуха продолжала настаивать, и, наконец, сказала: «Вы мне сделали больно, я не забуду этого всю мою жизнь». В это время для того, чтобы положить конец этой нелепой сцене, я приказал ускорить запряжку коляски. Император поклонился и уехал. Сколь бы малозначимой не показалась эта сцена, она ускорила революционные события, разразившиеся несколько месяцев спустя. Ненависть, которую эта старуха все время испытывала к России, запылала с новой силой, и она усердно разожгла гневом все слабые польские головы. Вечером мы приехали в Седлец, где на утро следующего дня великий князь представил императору дивизию улан польской армии**.

На следующий день в Брест Литовске император отдал некоторые распоряжения относительно крепости, которую он предложил возвести в этом месте, важном как со стратегической точки зрения, так и в качестве отправного пункта для наших операций в случае войны в Европе. Эта крепость была бы лишним сдерживающим средством для Королевства Польского и служила бы защитой наших собственных границ***.

* На полях помета Николая I: Это произошло годом раньше, когда я ездил в Замостье

** На полях помета Николая I: «Опять ошибка. Я провел этот смотр годом раньше, и не в Седлеце, а в местечке Красностав».

*** На полях помета Николая I: «Это неправда. Совершенно не стоял вопрос о возведении там укреплений. Мой брат только сказал мне, что по возвращении из Бреста покойным

План крепости Брест. 1830-е

Далее в Лузе он провел смотр дивизии Литовского корпуса, и продолжил свой путь через Старое Константиново и Елизаветград, где были собраны одна кирасирская и одна уланская дивизии из войск военных поселений под командованием графа де Витта. Возвращаясь из своего посольства, здесь ожидал императора Халил-паша, который присутствовал на большом параде и на учениях этой кавалерии. Она была хороша своей выправкой и подбором лошадей, а также прекрасной выучкой.

Затем около Белой Церкви Его Величество посетил Александрию, летнюю резиденцию старой графини Браницкой. Здесь я был счастлив снова встретить моего старого товарища и друга графа Браницкого. Он помогал своей матери достойно встретить всю ту знать, которая оказала им честь своим присутствием. Прием полностью соответствовал огромным богатствам владельцев этой округи. Император жил в отдельном доме, меблированном и украшенном со всей роскошью и красотой дворца. Я остановился в павильоне, отмеченном изысканным вкусом. Множество других подобных помещений было готово принять весьма многочисленное общество. Обед был сервирован в прекрасном зале посреди сада,

императором было дано устное задание генералу Мало о выработке проекта, но дело не было окончено».

украшенном самыми дорогими мраморными и бронзовыми статуями. Весь остальной сад и прилегавшие к нему территории полностью отвечали такой роскоши. Вокруг Александрии были собраны три десятка эскадронов резервных дивизий, которые только что закончили войну против Турции, они прошли здесь парадом*.

Оттуда мы направились в Козелец, где была собрана 2 драгунская дивизия, именно ею я командовал до того, как стал начальником штаба гвардии. Все эти войска были в прекрасном состоянии и заслужили полное одобрение Его Величества, который забавлялся от того, что заставлял драгун упражняться в истинном смысле слова — они должны были уметь сражаться как пешими, так и конными. Император воссоздал этот род войск, он прикладывал все усилия для того, чтобы вернуть им былое значение и самый воинственный настрой.

Из Козельца мы направились в Киев при самой прекрасной погоде. Огромная толпа народа ожидала императора у городских ворот и у Печерского монастыря. Она сопровождала его до кафедрального собора, откуда, после молитвы по этому случаю, Его Величество посетил старого и достойного фельдмаршала Сакена и направился в приготовленный для него дом. На следующий день был смотр многих резервных батальонов. Вечером император оказал честь киевской знати и городскому начальству, посетив большой бал, устроенный в просторном месте нижнего города. Затем он посетил много публичных заведений и, еще раз помолившись в монастыре, Его Величество направился в Кодуи. Здесь он остановился в красивом замке очень богатого дворянина, где провел три дня с тем, чтобы подробно осмотреть 2-й армейский корпус, который только вернулся с войны по ту сторону Дуная. Он очень сильно пострадал от эпидемии чумы, от сражений и неблагоприятного климата. Император пожелал осмотреть его в том состоянии, в котором он закончил две утомительные кампании, и отсрочил его пополнение, которое было полностью готово, на время после смотра. Мы были удивлены воинственным видом и должной выправкой этих сильно пострадавших войск. Состояние артиллерии можно было даже назвать блестящим, 2-я гусарская дивизия была достаточно хороша, пехота была образцовой, но все эти войска сократились до одной шестой части. Кавалерийские полки насчитывали не более 200 человек, некоторые пехотные полки — и того меньше. Император поблагодарил генералов, офицеров и солдат за их славную и геройскую службу. Император приказал раздать деньги и награды, поговорил с солдатами, которые были признаны наиболее отличившимися, побывал в госпитале и оставил всех в полном восторге от своих государевых милостей. После этого мы продолжили свой путь в Варшаву.

Великий князь Константин ожидал возвращения государя в Брест-Литовске. Здесь он приготовил 2-ю дивизию Литовского корпуса и приданную ему гренадерскую бригаду к смотру, который состоялся на следующий день рано утром.

---

* На полях помета Николая I: «В этом рассказе есть ошибка. Я приехал в Козелец через <нрзб, Кременчуг?>. После моего возвращения из Киева я попал в Белую Церковь, а затем в Кадму».

Состояние этих войск не оставляло желать ничего лучшего, но морально они должны были внушать наименьшее доверие среди всех других армейских корпусов. Комплектование этого корпуса должно было происходить исключительно за счет рекрутов с еще совсем недавно польских земель. Его название, включавшее слово «Литовский», казалось, отделяло его от всех русских войск. Польского происхождения были многие генералы, часть высших и младших офицеров. Наконец, казалось, все было готово к тому, чтобы этот корпус присоединился к войскам Царства Польского. К счастью, предвидение императора Николая уравновесило это зло: с первых же дней своего вступления на престол он решил, что рекруты из польских земель будут направляться в различные армейские корпуса, и что Литовский корпус будет комплектоваться из рекрутов внутренних губерний.

Со времени нашего отъезда из Петербурга эскадра под командованием адмирала Гейдена, которая сражалась у Наварина, а позднее блокировала Дарданеллы, вернулась в Кронштадт в прекрасном состоянии. В качестве трофеев они привели египетский корвет* и одобрение английских и французских моряков, которые были в восхищении от действий наших морских сил и от умелого поведения контр-адмирала Рикорда при крейсировании Дарданелл в очень опасное зимнее время. Император уже стал пожинать плоды своих усилий и неустанных забот, которые он направлял и раньше и теперь, на улучшение состояния своего флота. В Средиземном море осталась только небольшая эскадра, состоявшая из трех фрегатов и нескольких легких кораблей.

7 июня император уже вернулся в Варшаву, откуда на следующий день собирался выехать в Лович для встречи с императрицей. Я имел счастье его туда сопровождать. В одиночестве мы ехали в коляске по этой стране, которая через несколько месяцев отвергла 260) этого государя, который сейчас столь доверчиво вверил себя преданности своих подданных. Император любовался благосостоянием, которое управление императора Александра и его собственное привнесло в этот непоследовательный народ. Народ, который сейчас с воодушевлением сбегался поглядеть на своего короля, а несколько месяцев спустя в приступе безумия ряд людей объявят его отрешенным от власти.

В Варшаве я нашел мою сестру Ливен со своим мужем, которые ненадолго покинули свое посольство в Лондоне с тем, чтобы выразить императору свою преданность. Мы были счастливы вновь увидеться, и моя сестра, благодаря своему уму и своей приветливости, вновь завоевала при дворе и во мнении всех свою репутацию, которой она была обязана этим двум качествам, столь полезным для жены посла и столь ценимым в обществе.

Через 8 дней после нашего возвращения в Варшаву император закрыл заседания Сейма. На нем были рассмотрены и решены все те дела, которые были вынесены на его обсуждение. В ходе заседаний проявилась весьма резкая оппозиция. Закон, на котором настаивал император, против легкости разводов, был

* Помета Николая I «и еще один турецкий»

отклонен. Вместе с тем, общий тон был лакирован налетом верности и доверия к государю, который отвергал саму мысль об обвинениях или подозрениях между престолом и органом национального представительства. Таким образом, все было окончено внешне дружелюбно, но на самом деле достаточно холодно.

В сопровождении своего брата принца Карла[138] императрица первой выехала в Петербург, а через три дня в полночь 21 июня император покинул Варшаву. Он был недоволен собой и еще менее доволен своим братом великим князем Константином. Он был озабочен положением в Польше, видел зло в либеральном и преждевременном устройстве этой страны, которое он, тем не менее, был обязан поддерживать, он видел серьезные недостатки в характере своего брата, но считал, однако, его присутствие полезным в качестве противодействия претензиям польской аристократии. Короче говоря, он надеялся только на будущее и не имел полной картины современного состояния этой столь интересной части его необъятной империи. Но ничто не указывало на возможный взрыв, наоборот, на всем лежал отпечаток материального процветания, что было самой надежной гарантией общественного спокойствия. Время могло внести изменения в личные затруднения императора, и в целом он уехал вполне довольный своей поездкой и с верой в нацию, которая всем была обязана российским государям.

* * *

Незадолго до нашего отъезда из Варшавы император получил донесение из Севастополя о том, что жители предместий этого города, состоявшие в основном из матросов и членов их семей, взбунтовались. Они убили коменданта генерала Столыпина и дошли до крайних пределов с тем, чтобы избавиться от суровых санитарных мер, по необходимости принятых для защиты от чумы, которая появилась в севастопольском порту и уже стала распространяться вплоть до Одессы. Генерал-губернатор Новороссии граф Воронцов примчался на место и со своей обычной деятельной храбростью вскоре смог восстановить порядок и привести жителей в необходимое повиновение. Главные зачинщики были сурово наказаны, и меры, предначертанные лично императором, создали непреодолимые препятствия для подобных нарушений дисциплины в будущем. Часть черноморских экипажей была переведена в Архангельск и в Кронштадт, их заменили матросы и офицеры, служившие на Балтийском море. Благодаря неустанным заботам графа Воронцова, на юге империи эпидемия чумы была остановлена и вскоре ликвидирована совсем.

Не успели мы по возвращении спокойно устроиться в Петергофе, полагая, что можем отдохнуть, благодаря заключенному миру и царившему в империи спокойствию, едва император решил, что он может полностью заняться внутренним управлением своей обширной империей, как случившееся новое событие и новая забота показали ему, что еще не наступил конец тем потрясениям, которые его постоянно преследовали с момента вступления на престол. На границах империи в Оренбургской губернии появилась смертоносная холера. Эта страшная болезнь, которую знали только по ее названию и по ее ужасным опустошениям, привела

Король Франции Карл X

всех в ужас тем больший, что помощь медицины и полиции были столь же неизвестны, сколь и трудны в оказании. Тем временем общественное мнение требовало объявления карантина, создания санитарных кордонов. По этому поводу были отданы в высшей степени точные и энергичные приказания, исполненные с той деятельностью, которую железная воля императора придавала всем его поступкам. В указанные места были посланы войска, собрали крестьян, была сформирована линия для защиты внутренних губерний и обеих столиц от этого страшного бедствия, страх перед которым еще увеличивал опасность.

Император еще не нашел свободной минуты для поездки в Финляндию. Он, однако, не хотел откладывать это дело и отдал приказания об этой поездке. Вечером 30 июля в дорожном платье я прибыл во дворец, так как мне была оказана честь сопровождать императора в этой поездке. Я был немало удивлен, встретив в передних комнатах поверенного в делах Карла X господина Бургоэна, который взволнованный и весь в слезах выходил из кабинета императора. Он только успел сказать мне, что в Париже разразилась революция, когда меня позвали войти. Император только что получил подробности о знаменитых Июльских днях, о слабости короля и его сына, о прекрасном поведении королевской гвардии, которая под командованием маршала Мармона[139] в конце концов пала только под численным натиском осаждавших и в особенности из-за непростительных

ошибок в действиях правительства, поражение которого эта горстка преданных людей смогла лишь немного отсрочить. В третий раз Бурбоны были свергнуты с престола, не сделав ни малейшей попытки защититься, для чего требовалось хоть немного личного мужества. Использовав их трусость, Луи-Филипп взошел на трон, падению которого столь сильно способствовал его отец, поставив в истории бесчестие своего имени рядом с окровавленной головой Людовика XVI. Император был возмущен подобной слабостью и неловкостью законного принца и таким вероломством со стороны Луи-Филиппа.

На короткое время муж моей сестры князь Ливен оказался во главе министерства иностранных дел, граф Нессельроде, который из Варшавы должен был ехать на воды Карлсбада, воспользовался присутствием князя Ливена, приехавшего из Лондона, для того, чтобы снять с себя ответственность. Тем более, что он считал, что в Европе положение дел столь спокойное, что оно позволяло ему заняться собственным здоровьем.

Все было приготовлено для путешествия, мы поехали на дрожках — той коляске, которая всегда служила императору Александру для поездок в Финляндию. Пока мы вдвоем ехали в этом хрупком экипаже, вся наша беседа проходила вокруг новостей из Парижа и вокруг последствий, которые это крупное событие должно было иметь на судьбы Европы. Вспоминаю, что, размышляя о причинах этой революции, я сказал, что «со времени смерти Людовика XIV французская нация, более развращенная, чем цивилизованная, опередила своих королей в делах и заботах по улучшению и изменению, что эта нация, которая тащила за собой на буксире решения слабых Бурбонов, что то, что еще долгое время предохранит Россию от несчастий революции, это то, что со времен Петра I именно наши государи тянули нацию в повозке своей славы, своей цивилизованности и своего прогресса во всех смыслах. Но в силу этого же не следует слишком подгонять цивилизацию, которая, будучи хотя бы раз предоставлена на усмотрение нации, вместо рассмотрения на уровне государей, привела бы к ослаблению власти и породила бы бунты».

В нескольких станциях от Выборга дрожки сломались, и мы были вынуждены пересесть в мои, еще менее удобные и крепкие, чем коляска императора. В Выборге (ранее русский город, снова передан Финляндии во время завоевания Великого княжества Финляндского) император остановился у греческого собора, где собрались его встретить губернатор и все военные и гражданские власти. После посещения укреплений, госпиталей и некоторых казенных зданий, украшавших этот маленький город, известный только по войнам между нами и Швецией со времен Петра I, и проведя в нем ночь, на следующее утро мы продолжили поездку и вскоре вступили в ту часть Финляндии, которая была недавно завоевана императором Александром.

Местность здесь была дикой, темной и устрашающей, лишь изредка вдали появлялись несколько жилищ. Дорога была узкой, извилистой, окруженной лесом вековых елей и более или менее высоких скал. Мимо них была проложена

дорога, которая поднималась и спускалась по пригоркам, подчас весьма крутым и искривленным. Почтовые лошади, предоставление которых было повинностью крестьян, поочередно приходивших на станции со своими низкорослыми лошадьми, подчас без упряжи, сделали эту поездку очень опасной. Надо было иметь своего собственного кучера, свои вожжи и упряжь. На спусках эти лошади имели привычку бежать во всю прыть, из-за чего мы ежеминутно рисковали быть выброшенными на камни. Это было своего рода чудо — не сломать себе шею на протяжении нескольких станций. Местный исправник скакал впереди в небольшом двухколесном кабриолете, и его единственной заботой было снимать шляпу при каждом спуске для того, чтобы предупредить кучера императора с тем, чтобы он старался удержать коляску в равновесии. После этого кабриолет спускался с ужасающей скоростью, а мы следовали за ним таким же образом, несмотря на усилия императорского кучера господина Артамонова. Он был очень удивлен, что не смог укротить этих маленьких лошадей, своенравию которых было доверено существование государя России.

На одной из станций император пересел в маленькую крестьянскую телегу, я следовал за ним на другой, с тем, чтобы в нескольких верстах от большой дороги посмотреть на гранитные скалы, из которых в этом месте состоит берег Балтийского моря. Этот гранит используют для украшения Петербурга, откалывая от него колоны. Именно отсюда привезли гранит, составляющий все внутреннее величие Казанского собора, так же как и тот, что делает Исаакиевский собор самым красивым и большим сооружением современной Европы. В этом месте в данный момент занимались откалыванием от скалы огромного куска, который был предназначен для колоны памятника в честь императора Александра. Маленькая тропинка, по которой мы шли, чтобы добраться до цели, казалось, должна была привести в ад. Еловый лес, старые деревья которого были покрыты мхом, свидетельствовали о его почтенном возрасте. Из отверстий в земле несло гнилью, деревья были повалены, там и сям были разбросаны скалы, многие из них были разрушены истекшими веками — все это обрамляло скалистую тропинку. Глухой шум, который сначала показался звуками грозы, оживлял эти дикие места. Шум усиливался по мере нашего приближения, вскоре мы различили резкий звук железа, вбиваемого в камень. При дальнейшем приближении наши уши оглохли от грохота, производимого более чем сотней рабочих, которые одновременно орудовали железными инструментами в два пальца толщиной. Они держали их перпендикулярно к поверхности скалы и один за другим ударяли по ним огромными молотами с целью расколоть скалу. Там мы увидели один из балтийских заливов, который омывал эти гранитные массивы и облегчал их транспортировку для украшения Петербурга. Рабочие, которые были крестьянами из внутренних губерний России, прервали свой тяжелый труд для того, чтобы криками приветствовать своего государя. Затем они продолжили колоть гранит. Этот огромный кусок, который откалывали от скалы для Александрийской колоны, находился примерно в 60 шагах от уровня моря, почти в 300

шагах от его берега. Затем еще оставалось 200 шагов в глубину, которые надо было преодолеть для того, чтобы подойти к судну совершенно особой конструкции, которое должно было принять этот гигантский блок и отвезти его в Петербург. Все эти трудности, которые, казалось, превосходили человеческие силы, были преодолены и остались в анналах механических наук как памятник искусству, столь же уникальный, как и сама колона.

К вечеру мы приехали в Гельсингфорс. Все русские и финские чиновники во главе с генерал-губернатором Закревским ожидали императора у входа в православный храм. После краткой молитвы в церкви император отправился в приготовленный для него дом генерал-губернатора. Созданный императором Александром этот город укрепил свое положение после пожара в Або, в результате которого оттуда в Гельсингфорс был перенесен университет. Он стал рассматриваться как центр великого княжества, в нем были собраны высшие власти, и через несколько лет он превратился в значительный город. Его расположение в глубине глубокого залива и великолепная якорная стоянка напротив неприступной крепости Свеаборг, которая защищала порт и подходы к городу, были одними из лучших среди тех, что только можно было себе представить. Общественные здания отвечали своему назначению и свидетельствовали о могуществе их основателя. Сенат, университет, казармы были скорее дворцами, император осмотрел все с величайшим вниманием. Во время парада значительная толпа со всех сторон окружила главную площадь и заняла все окна. Парадным маршем прошел батальон финляндских егерей. Он полностью был укомплектован финскими солдатами и офицерами, но его обучение и командование было русским, приказы отдавались на русском языке. Батальон был очень хорош и казался в наилучшем состоянии духа. На следующий день на лодках мы отправились в Свеаборг, его укрепления были обширны и прекрасно построены.

Шведские короли затратили на них огромные деньги, рассматривая Свеаборг как оплот своих сил против Московской державы. Но старались они для нас, теперь Свеаборг стал базой нашего флота, арсеналом для наших войск, опорным и неприступным пунктом, который всегда, даже в самых плачевных обстоятельствах, обеспечил бы нам сохранение Финляндии и превосходство наших военных операций. Император посетил все многочисленные постройки и сооружения этого второго Гибралтара, внимательно осмотрел внутренние акватории крепости, готовые принять несколько линейных кораблей. Затем он принял парад нескольких батальонов пехотной дивизии, расквартированной в Финляндии, и остался не очень доволен состоянием личного состава. Затем мы поднялись на борт прекрасного линейного корабля, находившегося под командованием начальника Главного штаба флота князя Меншикова, который стоял на расстоянии всего в один кабельтов от набережной Гельсингфорса. С высоты его бортов открывался потрясающий вид на новый город, крепость Свеаборг, на окружавшие его скалы, на вход и на всю протяженность порта.

Король Франции Луи-Филипп Орлеанский

Сердечность и предупредительность, с которыми все слои населения встречали императора, быстрота строительства финской столицы, зажиточность и удовлетворение, которые, казалось, излучали ее жители, не оставляли никаких сомнений в добром и заботливом управлении, которое царило в этой новой части нашей империи. Старинные привычки, семейные связи могли и должны были еще больше укрепить связи и симпатии к Швеции, но материальная выгода и очень либеральное и полностью национальное управление должны были сильно повлиять на сознание финнов и уже точно сделали из них верных подданных российской короны. Император возвращался в Петербург очень довольным своей поездкой, и высадился в Елагине с тем, чтобы дождаться там Императрицу.

* * *

Между тем, император был озабочен и обеспокоен революцией, которая только что свергла Карла X с престола его предков. Видя, что к власти пришла самая неограниченная демократия, и что сам Луи-Филипп казался только инструментом в руках Лафайета, Лаффита и их товарищей, император счел нужным нарушить царившее ранее между Россией и Францией согласие. Он приказал, чтобы в наших портах над французскими кораблями не поднимали трехцветный флаг, чтобы подданные России немедленно покинули Париж и Францию,

чтобы при выдаче разрешений французам на въезд в Россию придерживались самой крайней твердости, и чтобы над всеми теми, кто уже находился в империи, был установлен самый строгий надзор. Для того, чтобы не прерывать торговлю, он приказал ничего не менять в наших коммерческих отношениях, наш посол и консулы должны были продолжать исполнять свои обязанности. Однако на столь неопределенных основаниях дела не могли долго продвигаться вперед, надо были либо полностью порвать с новым французским правительством, либо признать его нового главу. Это противоречило принципам и убеждениям императора. Англия, Австрия, Пруссия и все остальные государи Европы были расположены признать Луи-Филиппа. Он был фактическим королем французов, и только укрепление его власти одно могло законно противостоять якобинским устремлениям той партии, которая поставила его во главе правительства, и только оно могло отвратить от Европы опасности войны, ведение которой во весь голос требовали сторонники республиканских принципов. Устраниться от этих союзов, от целой Европы, отказавшись признать Луи-Филиппа, значило уязвить правительства Англии, Австрии и Пруссии, значило стать врагом нового французского правителя, и в то же время уменьшить благотворное влияние на мир в Европе, который исключительно зависел от того, насколько морально силен был Луи-Филипп. С ним надо было продолжать политику доброго сотрудничества, установленную Карлом X. К тому же этот последний и его слабый сын герцог Ангулемский торжественно отказались от своих прав на французскую корону. Оставался еще ребенок герцога Бордосского[140], поддерживать его без сомнения вполне законные права в настоящий момент было равносильно тому, чтобы поддерживать тень. Франция его не хотела, его возраст и сложившиеся обстоятельства сделали совершено невозможным требовать признания его прав. Разрыв с Францией означал упадок нашей торговли, бесцельное колебание мира на континенте, разрыв нашего союза с великими державами. Этого не требовала наша национальная гордость. Разрыв противоречил интересам империи, он не смог бы получить поддержку в общественном мнении и, надо сказать, был бы непопулярен, так как столь некстати выпущенные ордонансы, ставшие причиной бунта в Париже, порицались у нас. Малодушное поведение свергнутого короля погасило тот интерес, которым обычно пользуется обиженный человек.

Таким образом, после многочисленных столкновений и громко произнесенного неодобрения, следовало подчиниться силе обстоятельств и пожертвовать личными чувствами, сколь бы благородными они ни были, во имя поддержания мира и, отчасти, общественного мнения. В первый раз император был вынужден действовать вопреки своим убеждениям, но с огорчением и досадой, он признал Луи-Филиппа королем Франции. Это решение дорого ему стоило, долгое время он превозмогал свои убеждения и ломал свои принципы.

Находясь в Царском Селе, он был недоволен сам собой, ему был нужен новый объект деятельности, и мы отправились в военные поселения. Целый

гренадерский корпус был собран в лагерях в Княжьем Дворе. Три пехотные и одна уланская дивизии представляли собой одно из лучших войсковых соединений, которое только можно было видеть. Император расположился в палатке напротив лагеря, вначале был большой парад, а на следующий день учения и маневры. Затем мы отправились осматривать центры расположения различных полков, где велось большое строительство, потом мы вернулись в Старую Руссу. Этот город развивался благодаря торговле, он был украшен огромными зданиями, которые возводились на государственные средства, для военных поселений — казармами, манежем, госпиталями и другими.

Я был удивлен крепким населением этого города, который, находясь в стороне от больших дорог, больше других сохранил национальные наряды и обычаи. При виде своего государя здесь выразили самую активную и бурную радость, мы были поражены ее свободным и искренним выражением. В этой поездке императора сопровождал поверенный в делах Франции господин Бургоэн, что было обещано ему еще до тех изменений, которые произошли в его стране. Он был удивлен всем, что увидел, особенно богатством Старой Руссы и нескольких деревень, которые мы проехали по дороге.

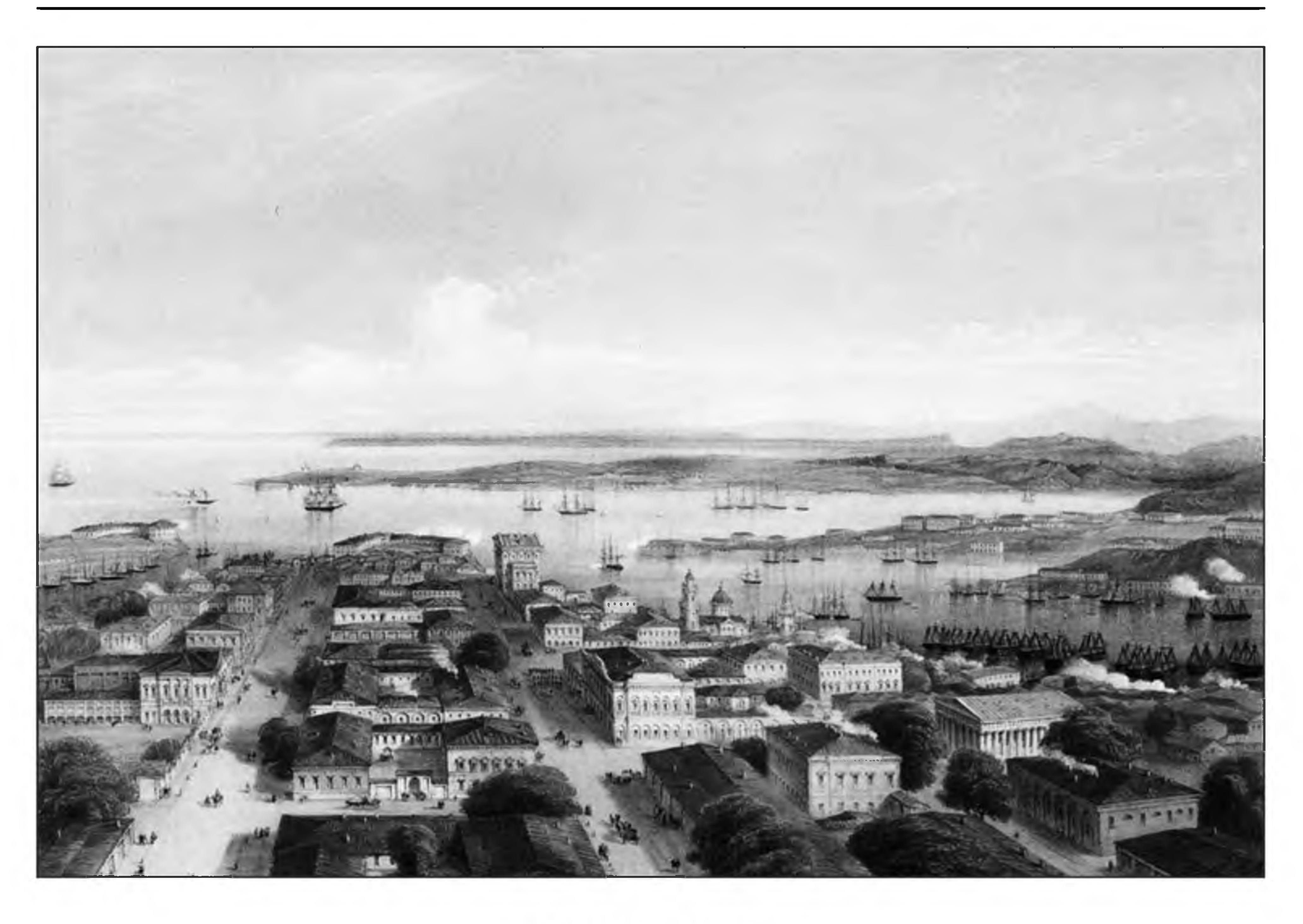
После нашего возвращения я получил разрешение провести несколько дней в Фале со своей женой и детьми. Как и всегда, я был в полном восторге от встречи с ними. Мне все нравилось, и я проводил время в радостных хлопотах. Целый день я занимался строительством нашего дома и работами в саду, что сильнейшим образом контрастировало с моей напряженной и полной забот жизнью в Петербурге. Только три дня я наслаждался таким отдыхом, когда запыхавшийся курьер сообщил мне о том, что император выехал в Москву и приказал мне незамедлительно выехать к нему туда. В нашей древней столице началась эпидемия холеры, и я был восхищен героической решимостью моего государя. Через два часа после получения этой новости я уже был в дороге. По прибытии в Петербург я тут же направился в Царское Село с тем, чтобы получить приказания императрицы и собраться для поездки в Москву. Прибыв туда вечером, я поспешил высказать императору свою признательность за то, что он по доброте своей вспомнил обо мне в тот момент, когда его заботливое сердце так болезненно страдало. Равно как и в других обстоятельствах, я нашел его спокойным и величественным, его приезд взбудоражил все общество, но он не удивил добрых жителей Москвы, которые были подавлены и напуганы появлением страшной заразы, но предвидели решение своего государя.

Когда он, презирая опасность, появился среди толпы с тем, чтобы оказать людям помощь, то восторженные крики достигли своего предела, и, казалось, сама болезнь была вынуждена уступить его всемогуществу. Для защиты остальной части империи и Петербурга он приказал оцепить Москву, что было исполнено с легкостью. Покорность благодарного народа была безгранична. Между тем бедствие усиливалось, с каждым днем увеличивалось количество заболевших холерой. Один из лакеев, прислуживавших в спальне императора, умер

через несколько часов после того, как вошел в нее, одна жившая во дворце женщина умерла, несмотря на все принятые для нее меры. Император выходил в город каждый день, он посещал общественные заведения и, казалось, пренебрегал опасностью, так как теперь уже все знали об эпидемии. Однажды, во время обеда с несколькими приглашенными, императору неожиданно стало плохо, и он вынужден был выйти из-за стола. За ним последовал врач, напуганный так же, как и все остальные. Вскоре он возвратился, чтобы передать нам приказ императора продолжать обед. Тем не менее, обед был прерван, и мы пребывали в самом ужасном беспокойстве. В этот момент в дверях появился сам им император, сказавший, что нам нечего волноваться. Тем не менее, у него болело сердце, его бил озноб и проявились другие первые признаки болезни. К счастью, после нескольких обильных потоотделений и благодаря принятым лекарствам, он вскоре был поставлен на ноги, и уже на следующий день мы полностью убедились в его выздоровлении.

После того, как он отдал все необходимые распоряжения, он сам наблюдал за выполнением таких из них, как постройка госпиталей в различных частях города, бесплатная помощь бедным, снабжение Москвы продовольствием, создание приютов для детей, которых холера сделала сиротами. Утром 7 сентября после 10-ти дневного пребывания, император уехал из Москвы и вечером приехал в Тверь. Он остановился во дворце, в котором когда-то жила великая княгиня Екатерина со своим супругом тверским генерал-губернатором принцем Ольденбургским. Здесь в специально отведенной комнате врач обработал нас хлором, отвратительный запах которого уже надоел мне в Москве, где его использовали во многих домах. Затем дворец и небольшой сад были оцеплены часовыми с тем, чтобы полностью отделить нас от города. Таким образом, нас заперли и подвергли карантину. Этим самым император хотел дать пример подчинения правилам, предписанным санитарным законом. Нас всех очень хорошо устроили в этом небольшом дворце. Свита Его Величества состояла из моего бывшего начальника в посольстве в Париже графа Толстого, генерал-адъютантов Храповицкого и Адлерберга, адъютантов Кокошкина и Апраксина, а также врача Арендта. Утром мы все были заняты разбором бумаг, которые ежедневно получали из Петербурга и Москвы, затем пошли прогуляться по маленькому и очень плохо ухоженному саду. Император развлекался, стреляя ворон, а я подметал дорожки от упавших за осень листьев и от первого выпавшего снега. За прекрасным обедом встретилось все наше общество, после которого все разошлись по своим комнатам с тем, чтобы вновь соединиться вечером в помещениях императора, где была организована игра. Одиннадцать дней мы провели так в нашей тюрьме, которая была очень удобной, но все же несколько наскучила нам. По истечении этого срока мы вернулись в Царское Село.

Тем временем из Бельгии прибыла новость о восстании, которое сместило принца Оранского[141]. Его брат принц Фредерик[142] был принужден заново захватить Брюссель, но, продержавшись там всего несколько дней и оказавшись

Вид Севастополя

вынужденным уйти из этой столицы, он оставил всю страну во власти восстания, которое было лишь скромным и смешным подобием парижских событий*.

Тем не менее, пример был опасен, в Брюсселе, как и в Париже, победила партия разрушения, во Франции, как и в Бельгии, законность была вынуждена отступить перед беспорядками, а монархия — перед идеями демократии. Разгоряченные легкими успехами в этих двух странах головы должны были вдохновить всех недоброжелателей и придать им смелости. Варшава была этим полна. Бездумное повторение французских доктрин уже в самом начале великой революции потрясло слабые головы поляков и привело к разделу Польши. Сейчас был произведен тот же эффект, послуживший сигналом к заговорам и к началу враждебных действий.

Уже на протяжении некоторого времени были заметны признаки роста революционных заговоров среди нескольких знатных родов, в чем неоднократно уверяли великого князя Константина. Сначала он просто не хотел в это верить, затем он назначил следствие, которое велось весьма неэффективно, так как считалось, что это дело огорчает великого князя. Несмотря на свой подозрительный характер, ему было отвратительно видеть виновных среди тех, кого он считал

* На полях помета Николая I: «Эта новость застала нас в Москве вечером того дня, когда я почувствовал себя плохо. Тем же вечером я отправил приказ в Военное министерство, <нрзб.> и моему брату Константину о переводе армии на военное положение».

своими. Представители знатных родов, жившие рядом с его садом Бельведер, обычно поддерживались им, можно сказать, что они были возвышены его заботами, они были из числа тех, кого называли «его людьми». Вечером 24 сентября* император получил известие о том, что 17 числа вечером Варшава стала ареной кровавых событий.

Некоторые знатные вельможи ворвались во дворец Бельведер, где жил великий князь. Они нанесли раны вице-президенту полиции Любовицкому и убили генерала Жандра, который только что прискакал во дворец для того, чтобы предупредить великого князя об угрожавшей ему опасности. В этой ситуации у великого князя было время только для того, чтобы выйти через заднее крыльцо и найти свою лошадь. Расквартированная около Лазенок русская гвардейская кавалерия вышла с той стороны и взяла под защиту великого князя, а бунтовщики убежали из Бельведера**.

Тем временем в городе был дан сигнал к началу восстания. Народ бросился к Арсеналу за оружием, вышиб двери и овладел ружьями и другим вооружением, которое наша чрезмерная забота о безопасности собрала в этой враждебной России столице. Четвертый линейный полк, саперный батальон и польская гвардейская артиллерия, расквартированные в самой Варшаве, давно поддерживавшие бунтовщиков, сразу заявили о себе и взяли под защиту вооружавшийся народ. Первыми жертвами поляков, павшими в ходе этого преступного бунта, были приехавшие для того, чтобы остановить беспорядки военный министр граф Гауке, командующий пехотой граф Стас Потоцкий, начальник Генерального Штаба генерал Сементковский, генералы Трембицкий, Блюмер и Новицкий. Тем временем два полка русской гвардии Литовский и Волынский и вместе с ними часть польских гвардейских гренадер вооружились и на парадном плацу ожидали приказаний великого князя. Полк конных егерей польской гвардии также как и несколько рот линейных гренадер, расквартированных в Варшаве, остались верными и в течение ночи объединились с тремя полками русской кавалерии, которые окружали великого князя. Город был во власти беспорядков, и ничто не предпринималось для того, чтобы их остановить. Таковы были первые и грустные новости, полученные императором. Вечером он соизволил пригласить меня к себе и дал прочитать рапорты своего брата. Он не терял ни минуты, уже был отдан приказ начальнику Генерального Штаба армии генералу Чернышеву выдвинуть 1 корпус под командованием графа Петра Палена к границам польского королевства.

* Помета Николая I: «25 ноября»

** Помета Николая I: «Это совершенно не точно. Тем вечером я узнал новость о революции из рапорта моего брата, который не был первым. Он следовал за другим, который был послан мне раньше, но который я прочитал только 14 часов спустя. Таким образом, я не знал о том, что произошло, также как и имен убитых высших офицеров, количество и наименование войск, поддержавших моего брата. Известие о факте было первым, которое я прочитал, и из которого я узнал о революции в Польше»

Командующему Литовским корпусом генералу Розену было приказано двигаться в том направлении, которое может быть указано великим князем Константином.

На следующее утро, как и всегда, император участвовал в разводе, и после его окончания он выехал на середину площади, приказав генералам и офицерам подъехать к нему. Все повиновались с быстротой, свидетельствовавшей о покорности и вежливости, и окружили со всех сторон лошадь, на которой он сидел. Громким голосом и очень отчетливо император рассказал во всех деталях о печальных новостях, полученных из Варшавы. Затем он рассказал об опасности, которой избежал его брат, и о неблагодарности поляков. Он сообщил об отданных им приказах и, наконец, закончил речь такими словами: «Если будет необходимо, то вы, моя гвардия, отправитесь наказать измену и восстановить оскорбленную честь России. Я знаю, что при любых обстоятельствах, могу рассчитывать на вас». С каждым словом императора внимание аудитории росло, с каждой минутой суровость уменьшалась, и после призыва гвардии к верности, все стремились притронуться к своему государю, все пытались выразить ему свою любовь и преданность. В их глазах заблестели слезы, и весь зал наполнился воодушевленным криком «Ура!», который был подхвачен вооруженными войсками, и который не прекращался, пока император не удалился. Эту сцену трудно описать, молодые и старые, генералы, офицеры и солдаты, все были глубоко взволнованы, а император имел случай убедиться, насколько ему уже удалось завоевать доверие и симпатию*.

Через день император получил второй рапорт от великого князя, в котором он сообщал о том, что вся русская гвардейская артиллерия, расквартированная в деревнях в нескольких лье от Варшавы, присоединилась к нему, и что весь гарнизон и те польские части, которые остались верными, стоят лагерем около дворца Бельведер. Сообщалось, что весь город находился во власти восставших, что было сформировано Временное правительство, во главе которого стояли князь Чарторыйский и депутат Сейма профессор университета в Вильно Лелевель. Эти двое имели дерзость явиться к нему как представители национальной революции и в результате этих переговоров, он, великий князь России, разрешил оставшимся верными польским частям вернуться в Варшаву. Эта снисходительность укрепила бунт и вовлекла в него всю польскую армию, которая еще открыто ждала, какие приказания будут отданы великим князем. Ответом на эту снисходительность было обещание этих же депутатов о том, что великий князь и все русские войска могут спокойно направиться к границам России. Так окончилось правление великого князя и это безумное действие поляков, которое оказалось столь губительным для их страны. Диктатором был назначен генерал Хлопицкий, сразу же начались работы с целью удвоить польскую армию и подготовить ее к сражениям.

* Помета Николая I: «Нет, по окончании этого парада я прочитал, наконец, те рапорты, которые пропустил до этого. На следующий день прибыл рапорт, о котором здесь уже говорилось, и который стал третьим во всей этой корреспонденции»

Следствием нашей слепоты об умонастроениях в Польше, которые были основаны на чувстве благодарности за те благодеяния, которые были сделаны императором Александром, а также на материальных выгодах и на географическом положении этой страны, был полностью укомплектованный парк артиллерии и наличие в полках двойного комплекта вооружений и обмундирования. Крепость в Замостье была щедро снабжена пушками, а банки располагали весьма значительными суммами. Поэтому они осмелились создать вдвое большую армию и снабдить ее всем необходимым для войны. Нам пришлось сражаться против нашего собственного оружия, которое благородством и высоким доверием было отдано в руки наших смертельных врагов.

Император по справедливости оценивал те средства обороны, которые нам пришлось побеждать. Не теряя времени, он приказал Гренадерскому корпусу гренадер покинуть свои квартиры в Новгородской губернии и усиленным маршем двинуться к нашим границам.

Гвардия получила приказ подготовить к походу лейб-гвардии Драгунский и Конно-егерский полки. На войну также отправлялся корпус резервной поселенной кавалерии, состоящий из одной кирасирской и одной уланской дивизий. Окончив все эти приготовления, стали ждать фельдмаршала Дибича, находившегося с поручением в Берлине, с тем, чтобы доверить ему командование этой армией.

Тем временем император стремился использовать все возможные средства для того, чтобы вернуть повиновение своих подданных без пролития крови. Он послал своего адъютанта польского происхождения Гаука с письмом к генералу Хлопицкому. В нем содержались приказания относительно судеб вдов, чьи мужья стали первыми жертвами бунта, и в смерти которых не обвинялась польская армия. В письме также предлагалось собрать все войска в Плоцке, и к нему был приложен манифест, в котором нации предлагались способы завоевать высочайшее прощение. Хлопицкому и другим малорассудительным людям предлагалось вести переговоры с тем, чтобы избежать ужасов войны, которая должна была разразиться. Но якобински настроенная партия, руководимая Лелевелем, и честолюбие Чарторыйского, стремившегося получить для себя польский трон, а также толпа бунтовщиков, не желавших ничего предпринимать, добились того, что приказания императора и его предложения были отклонены. Единственная уступка, которой смог добиться Хлопицкий, заключалась в том, что в Петербург была направлена делегация с целью добиться согласия императора принять жалобы Польши и получить санкцию на передачу польскому королевству литовских провинций.

Видя в этой миссии единственный путь к собственному спасению, в случае вероятного отказа со стороны императора, министр финансов и человек большого ума граф Любецкий ловко добился решения поручить это дело ему и взял с собой депутата Сейма Езерского. По их прибытии сюда император не пожелал принять этих людей вместе для того, чтобы исключить любую мысль о существовании делегации, которую бунтовщики осмелились направить к государю. Он принял графа Любецкого как министра в присутствии великого князя Михаила

и многочисленных свидетелей. Он сурово говорил с ним о тех гнусностях, которые произошли в Варшаве, и не позволил ему сказать даже малейшего слова по поводу его миссии. Мне было поручено в том же духе переговорить с Езерским, которого император принял несколько дней спустя неофициально и в моем присутствии. Любецкий получил приказ остаться в Петербурге, а Езерскому было разрешено вернуться в Варшаву. Он был уполномочен письменно передать слова, сказанные ему императором, в сформулированном мною виде. Это был последний способ, к которому прибегло благородное сердце императора, с тем, чтобы его взбунтовавшиеся подданные смогли избежать ужасов войны и наказаний, вызванных столь долгим неповиновением. Этот документ заканчивался словами: «Первый пушечный выстрел с польской стороны будет означать гибель Польши.»

Езерский поспешил вернуться в Варшаву, где использовал все свое влияние и красноречие для того, чтобы доказать гибельность стремления вооруженным путем противиться мощи России, но его слова остались гласом вопиющего в пустыне, лидеры революции не слушали его, и война была решена. Потеряв надежду вернуть соотечественников к более разумному образу мыслей, Хлопицкий отказался от звания диктатора и в соответствии со своим статусом военного человека вызвался служить простым добровольцем. Громкого титула диктатора был удостоен князь Радзивилл, человек лишенный способностей и опыта, как в войне, так и в делах.

Вскоре после этого с целью развеять последнюю надежду на примирение влияние главарей движения сказалось и в Палате депутатов, когда при единогласной поддержке было объявлено о низложении короля. Этим была порвана последняя нить, связывавшая Польшу с Россией, отныне император имел все основания рассматривать поляков как врагов, а не как своих подданных. Коварные обещания французских демагогов воодушевляли польский бунт надеждами на эффективную помощь, которую ему окажет Франция. Либеральная пресса Германии и Англии поддерживала его чрезмерным одобрением всех громких слов свободы и национальной независимости. Зависть европейских правительств с улыбкой встречала это новое препятствие на пути все возраставшего могущества России. Галиция и Познань с восторгом встретили события в Варшаве, они видели в них надежду на воссоединение с остальной частью их родины. Австрия и Пруссия еще не верили в серьезную опасность для них и не принимали эффективных и суровых мер для того, чтобы помешать своим польским подданным помогать людьми и оружием делу освобождения их соотечественников.

Великий князь Константин со своей русской гвардией вернулся в пределы империи и в глубокой печали ожидал дальнейших распоряжений императора.

По своему возвращению в Петербург граф Дибич ускорил все приготовления к кампании, которая из-за тяжелых погодных условия обещала быть крайне трудной. В декабре месяце было много снега, на реках был ледоход, что с начала военных действий представляло такие трудности, которые были на руку неприятелю.

Под командованием великого князя Михаила гвардия также двинулась в поход, а маршал покинул Петербург к середине декабря.

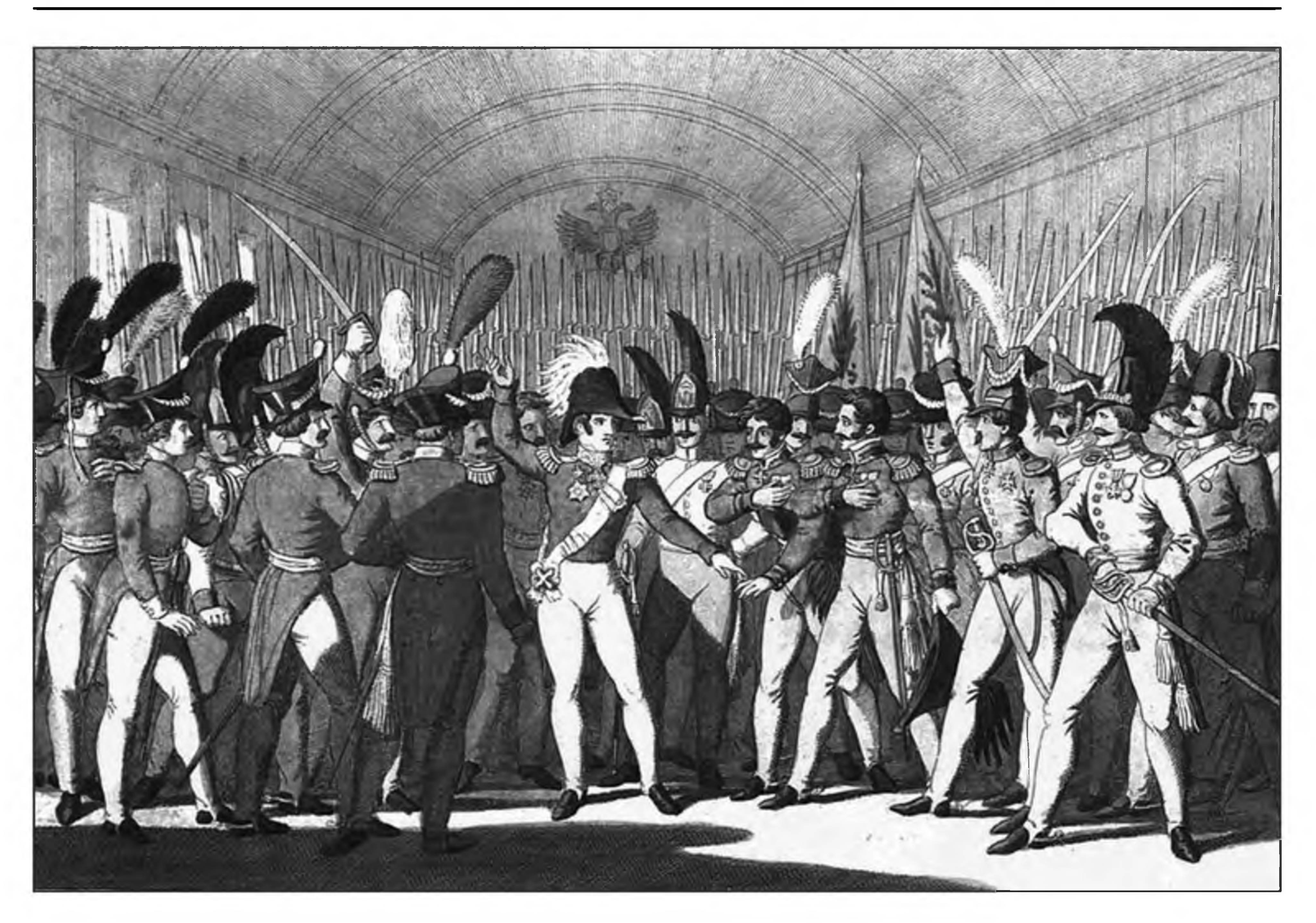
1831

Были все основания опасаться, как бы Литовский корпус, более чем наполовину составленный из солдат и офицеров, вышедших из соседних с Польшей губерний, не был бы поколеблен в своей преданности теми событиями, которые в Варшаве развернули флаг национальной независимости. Один капитан даже попытался соблазнить свою роту и заставить ее пересечь границу с тем, чтобы присоединиться к бунтовщикам. Не сумев поколебать убежденность солдат, он один попытался перейти на другую сторону, но был задержан младшим офицером своей роты, который видел в нем лишь презренного предателя. Он замертво уложил его на виду своих товарищей, которых тот только что предал. Дезертировала всего горстка офицеров и один из полковых прапорщиков, остальные войска демонстрировали свое негодование и увеличили старание на службе с тем, чтобы смыть нависшие над ними подозрения. Тем временем император произвел перемены среди высших офицеров, многие были переведены в другие корпуса и заменены офицерами, взятыми из всех полков гвардии.

Еще большие опасения должны были появиться относительно направления умов в тех землях, которые в результате двух последних разделов Польши были присоединены к Пруссии. Первые поступившие туда известия о бунте в Варшаве потрясли и ошеломили даже самых радикальных патриотов. Первым побуждением шляхты этих провинций было опротестовать свою преданность и верность прусскому трону. Эти протесты один за другим достигали Петербурга, но их было недостаточно для того, чтобы предоставить правительству принять те меры предосторожности, которые оно сочтет нужным.

Активные действия начались в Витебской и Могилевской губерниях, был издан указ, распространивший на этих территориях действие законов и предписаний, принятых в остальной России. Такие действия были предприняты для того, чтобы продемонстрировать полякам, что эти завоеванные в прошлом земли неразрывно связаны с Россией и их присоединение к Польше невозможно, иначе как через уничтожение могущества России.

Наконец, 24 декабря наша армия пересекла границу и вступила на территорию восставшего королевства. С тем, чтобы как можно скорее окончить военные действия, замысел императора состоял в непосредственном наступлении на Варшаву. Поляки предвидели подобное намерение и расположили свою армию на дорогах от Бреста и от Белостока, откуда они могли защищать подходы к столице. Один корпус занял позицию в окрестностях Милосны и Калушина перед

Николай I сообщает гвардии о восстании в Польше

Брестом, другой — в Пултуске и Рожанах с авангардом в Остроленке, в непосредственной близости от Белостока.

30 и 31 числа маршал Дибич перешел по льду Буг у Венгрова с 1 корпусом, состоявшим из Литовцев и отряда великого князя Константина, который от него был передан под командованием главнокомандующего. Гренадерский корпус под командованием князя Шаховского двигался по правому берегу Буга. При первом появлении наших войск жители городов и деревень, также как и их господа, оставшиеся в своих поместьях, встречали их без малейших признаков враждебности, но как посланцев их законного государя.

5 и 6 февраля наши авангарды встретили неприятеля в окрестностях Калушина. Стычка не была долгой, так как поляки начали в полном порядке отступление на всех направлениях, не желая разворачивать свои силы. Они стремились только к соединению своих двух больших отрядов и к защите столицы.

7 числа генералы Пален и Розен находились уже в 8 милях от головного укрепления предместья Праги. Укрепившись там, ожидали армию восставших, насчитывавшую более 60 тыс. человек и 80 орудий. Началось сражение. Граф Пален был вынужден отступить перед первым натиском численно превосходившего неприятеля, затем он объединил остатки своих войск и вскоре под барабанный бой начал наступление, тесня перед собой поляков, он остановился ввиду Праги

на заранее подготовленной позиции с тем, чтобы принять оборонительное сражение. Жители Варшавы могли видеть с высоты своих домов массы наших войск, они также видели первые очертания наших победных огней и наказаний, ожидавших их бунт. Не имевший должности, но сильно веривший в армию, душа всего этого движения генерал Хлопицкий и диктатор князь Радзивилл были только сторонними свидетелями. Изучив позицию поляков, маршал Дибич приостановил на несколько дней военные операции с тем, чтобы дать время корпусу князя Шаховского прибыть на свои позиции.

13 числа наша армия двинулась на неприятеля, и началось ожесточенное сражение, в ходе которого обе стороны выказали равную храбрость. Несколько польских пехотных полков заняли лес впереди и почти посередине их позиций. Три раза этот лес занимался нашей пехотой и столько же раз неприятель вновь отбивал его. Наступление и оборона, от которых зависели судьбы этого дня, неоднократно усиливались, благодаря вступлению в бой свежих войск, и стоили обеим армия по нескольку тысяч человек. Наконец, лес остался в нашем распоряжении. Тотчас начальник генерального штаба армии граф Толь обошел этот лес с дивизией кирасир и улан и с 30 пушками конной артиллерии. Он неожиданно атаковал и опрокинул польскую кавалерию, которая направлялась с тем, чтобы отбить это наступление. В то же время на наш правый фланг прибыл корпус князя Шаховского. Опрокинув находившийся целый день перед ним отряд, он принял участие в сражении. Все наши линии двинулись вперед, предводительствуемые лично маршалом, и вскоре на всех пунктах поляки были опрокинуты и в беспорядке бросились отступать под защиту пушек Праги, освобождая одноименные предместья, которые наша пехота заняла со всех сторон. Один из наших кирасирских полков*, благодаря храбрости своего молодого полковника Мейендорфа, добрался до головного укрепления.

Смятение в рядах неприятеля возросло, а в Варшаву стал проникать ужас. Понтонный мост на Висле был полон убегавших людей, вход в головное укрепление был разрушен. Поражение было полным, взбунтовавшаяся столица готовилась подчиниться законам победителя, составляла делегацию, чтобы вручить ключи от города и вымолить пощады. Еще одно усилие — и укрепления Праги, которые более не имели для защиты ничего, кроме беспорядка и ужаса, были бы взяты, Варшава оказалась бы в наших руках, а революция бы окончилась.

Но в этот решительный момент военная удача маршала Дибича отвернулась от него. Он колебался сформировать атакующие колоны, затем он остановил наступательный порыв и выпустил из рук победу. Отступив таким образом, он обесценил самопожертвованность военной операции и потерял свою славу. Он породил войну там, где было бы достаточно одной простой экспедиции, как удара молнии могущественного государя России против слабых бунтовщиков маленького польского королевства. Эта ошибка, еще более серьезная в тех обстоятельствах,

* Помета Николая I: «Корпус принца Альберта Прусского, Малороссийский»

более политических, чем военных, могла бы быть исправлена, если бы Висла не представляла собой препятствия. Лед еще не был достаточно прочным для переправы целой армии. Потерянного дня или даже нескольких часов могло быть достаточно для того, чтобы восстановить оборону головного укрепления Праги, несколько упорядочить отступившие войска и вернуть варшавским руководителям надежду, как минимум на капитуляцию. Европа и Россия считали, что Дибич двигается к уверенной победе, даже поляки сражались скорее для поддержания воинской чести, чем из расчета на успех. Все разумные люди в Варшаве осуждали ложный и преступный порыв, вложивший в их руки оружие.

На следующий день Дибич понял сделанную им огромную ошибку. В течение еще нескольких дней он надеялся, что поляки, вразумленные итогами сражения, опрокинувшего их единственную армию, попросят у него пощады. Эту надежду поддерживало в нем и то обстоятельство, что из Варшавы были присланы парламентеры. Он потерял еще больше времени. Вражеские главари воспользовались этим для того, чтобы укрепить надежду и сопротивление, наконец, Дибич уже не мог более сомневаться в том, что он потерял плоды своей победы. Европа и Россия были этому очень удивлены.

Одни обвиняли фельдмаршала, другие не желали в этом видеть ничего другого, как подтверждение больших ресурсов Польши и слабости нашей армии. С этого момента Дибич потерял всю свою энергию и веру, возможно, чрезмерную в свои собственные таланты. В решительный момент, когда он шел во главе своих колон, чтобы захватить укрепления Праги, один генерал посоветовал ему прекратить атаку с тем, чтобы избежать дальнейших потерь. Он имел слабость последовать этому совету. Он никогда не говорил, кто же именно дал ему этот совет, эту тайну он унес собой в могилу. Умирая, он сказал графу Орлову: «Мне дали этот пагубный совет, перед лицом императора и всей России я виновен в том, что последовал ему, командир единственный отвечает за все то, что произошло». Он глубоко переживал это заслуженное им осуждение, его благородная и преданная своему государю душа терзалась, эти чувства погасили его энергию и талант.

С этого времени он постоянно колебался. Считалось, что это великий князь Константин остановил его руку, готовую ударить по Праге и Варшаве. Вид этого города, где он жил и руководил в течение 15 лет, где он завязал большое количество связей, где познакомился со своей женой, где построил чудесное жилище, где остались все его привычки, этот вид в момент крушения, который приближался к Варшаве, мог тронуть душу великого князя и внушить ему желание спасти ее. Если это он дал тот совет, то он был жестоко наказан, так как вся возможная печаль и унижения следовали за ним по пятам и привели его через несколько месяцев в могилу, вдали от этой коварной Варшавы, о которой он так заботился.

Тем временем сражение у Праги и разные стычки, в которых участвовали разрозненные отряды, доказали, что поляки хорошо дерутся и что война будет достойной двух народов, имеющих единые славянские корни. Генерал Хлопицкий, бывший душой сражения, был ранен, диктатор князь Радзивилл также был

выведен из строя. Показав свою значительную неспособность к делам, и будучи побежден демократической партией, он отказался от власти, которая была доверена молодому полковнику Кригонецкому*, которого революция сделала генералом. Революционные лидеры видели в нем более активный и гибкий инструмент их проектов либеральных реформ.

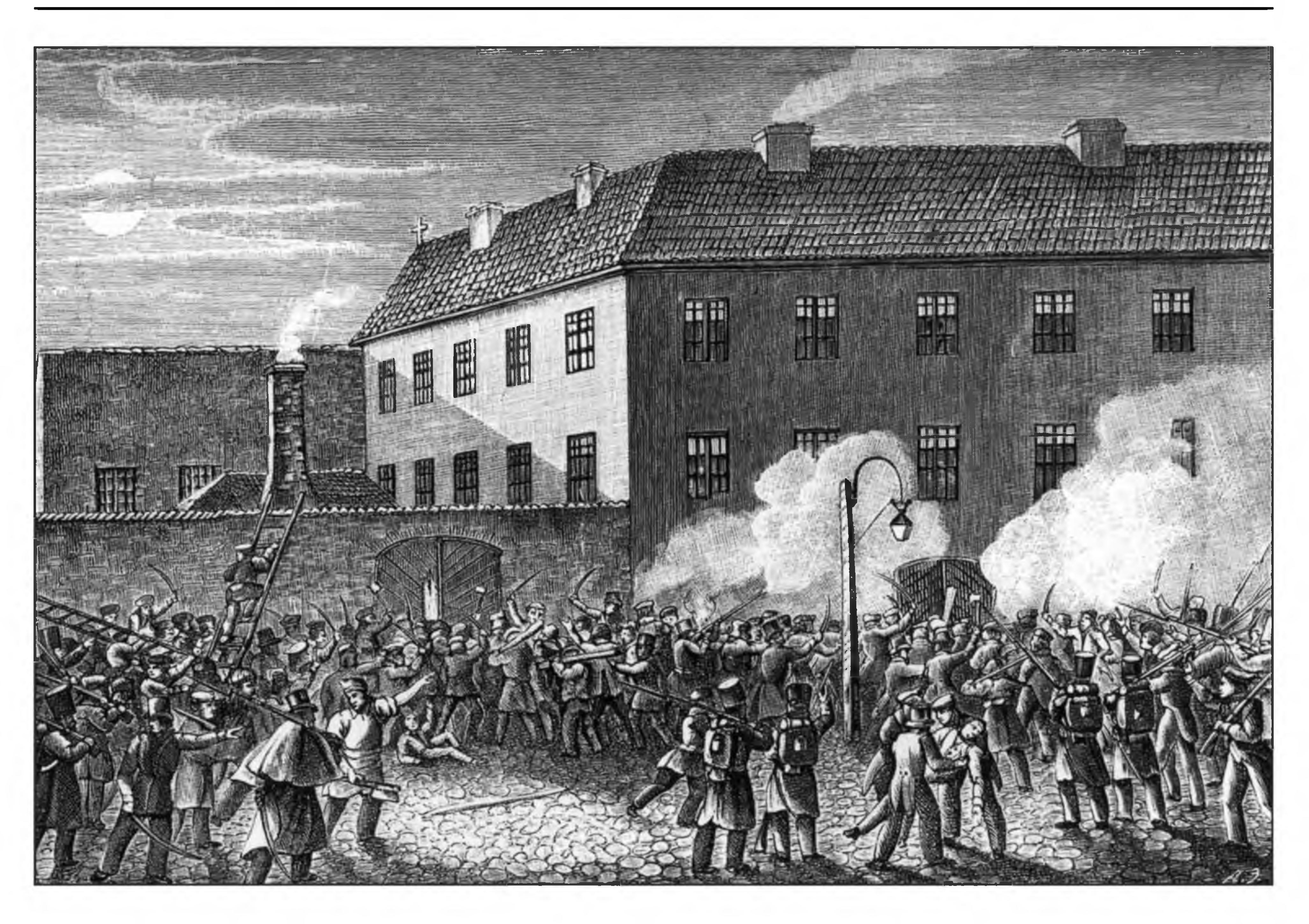
Видя, что рассеялись последние надежды на разумное соглашение, которое едва поддерживалось в нем различными парламентерами, маршал Дибич пришел к убеждению, хотя и слишком поздно, что необходимо взяться за дело со свежими силами. Он также понял, что пролитая под Прагой кровь и пережитые армией невзгоды самого неудачного для войны времени года, лишь уменьшили его силы, но не принесли никаких результатов.

Во время продвижения нашей главной армии к Варшаве, во главе драгунской дивизии и нескольких казачьих полков генерал Крейц прикрывал наш левый фланг. Без сопротивления он занял Люблин, переправился по льду через Вислу, рассеял три тысячи человек из нового призыва, разбил и преследовал до Варшавы отряд под командованием генерала Дверницкого, который был прикрыть столицу с этой стороны. Но когда наше наступление остановилось перед Прагой, Дверницкий взял реванш: он оттеснил отряд генерала Крейца, который в беспорядке еще раз переправился через Вислу и, отступая перед неприятелем, сдал ему Люблин. Главной целью Дверницкого было добраться до земель Волыни. Видя, что своим фланговым движением Крейц открыл ему дорогу, тот поторопился воспользоваться этим и оставил в Люблине только слабый арьергард. На следующий день он был атакован Крейцем, который с боем захватил Люблин[143]. Будучи информирован о движении неприятеля, маршал Дибич направил графа Толя с его отрядом для усиления Крейца. Опасаясь наделать ошибок, Дверницкий решил закрепиться на Висле. Но в результате ловкого маневра Крейца он оказался отрезан от нее и со всеми своими людьми укрылся в небольшой крепости Замостье.

С другой стороны, во главе небольшого отряда улан и кавалерийского корпуса военных поселенцев генерал Сакен опрокинул и полностью рассеял польские части, прикрывавшие территорию в окрестностях Плотцка. У них было убито много людей, а командир отряда был захвачен в плен.

В Пулавах, где обычно находилась старая княгиня Чарторыйская и откуда она поспешила скрыться при приближении наших войск, был почти полностью истреблен эскадрон казанских драгун. До этих пор местные жители совершенно не принимали участия в восстании, в связи с чем в этом эскадроне пренебрегли исполнением тех предосторожностей, которые необходимы при прохождении неприятельской территории. Этот эпизод стал практически единственным во время всего хода военных действий, который мог бы заставить поверить в активное участие мирных жителей во враждебных действиях против нас. Одна женщина из полного ненависти дома княгини Чарторыйской задумала это коварство и, обманув

* Помета на полях Николая I: «Кржинецкому».

Начало восстания в Варшаве в ноябре 1830 года

бдительность офицеров этого эскадрона радушным приемом, предупредила польские войска по другую сторону Вислы, а также вооружила прислугу в Пулавах.

Тем временем, граф Дибич решился, наконец, на активные действия, он вышел на берег Вислы и начал свои приготовления для того, чтобы произвести переправу и перенести основные события на левый берег этой реки, во внутренние части королевства.

Он оставил Литовский корпус наблюдать за дорогой Брест, которая служила главным средством сообщения с Россией, командование авангардом этого корпуса, находившимся перед головным укреплением Праги, было им поручено генералу Гейсмару. Вспомогательные силы находились на достаточно большом расстоянии, а главная квартира генерала Розена, который командовал этими войсками, была в Дембевчах. Такая диспозиция передавала неприятелю все преимущества инициативы, чем он и не замедлил воспользоваться.

Собрав все свои силы, 19 марта неприятель предпринял неожиданную вылазку из укреплений Праги и в один момент опрокинул слабый авангард генерала Гейсмара, который, отступая в беспорядке, увлек за собой первые эшелоны корпуса. Войска остановились и смогли занять позицию только на уровне последних эшелонов, где собрался весь корпус. Но войска были подавлены отступлением своего авангарда и неожиданной вылазкой неприятеля. Поляки же, напротив, были

воодушевлены этими первыми успехами и стремительно пошли в атаку. Сражение приняло всеобщий и кровопролитный характер, перед значительно превосходившим численно неприятелем Розен принял решение отступить и найти лучшую позицию в Минске. Преследуемые со шпагой в руке, наши войска понесли большие потери. Увидев перед собой в первый раз отступающий русский флаг, поляки удвоили свои усилия, им удалось захватить пушки и несколько тысяч пленных. Эта победа накалила обстановку в Варшаве, воодушевила поляков во всех русских, австрийских и прусских провинциях, а также дала нашим врагам в Европе первую надежду на возможную борьбу между Польшей и могущественной Россией.

Узнав об этом поражении, которое он должен был предвидеть, Дибич остановил свои приготовления с целью форсировать Вислу и направился на помощь генералу Розену. В первый же момент он принял единственное решение, которое диктовалось расстановкой сил — отрезать пути отступления неприятеля и атаковать его с тыла. Польская армия не имела бы шансов избежать полного поражения. Но, будучи всегда смелым в проектах, едва армия прошла половину пути к Праге, как он поменял свое решение и двинулся прямо на соединение с разбитым корпусом. Затем он пошел еще дальше и расположился позади него, превратив этот деморализованный и уменьшившийся почти наполовину после сражения корпус в свой авангард. Этот ошибочный маневр показал нашу слабость, дал возможность полякам воспользоваться всеми преимуществами своей легкой победы и предоставил им время в полном порядке отойти к Варшаве, сохранив свои военные трофеи и весь восторг своего неожиданного успеха.

Дибич удовлетворился преследованием отступающего неприятеля, расположил свою главную квартиру в Седлеце и поставил широким лагерем всю свою армию. Он хотел дать войскам отдохнуть, реорганизовать корпус генерала Розена и ожидать дальнейшего развития событий вместо того, чтобы направлять их. Это были настоящие зимние квартиры.

Тем временем, из Белостока прибыл гвардейский корпус, он заполнил всю территорию, поставив лагеря от Ломжи и Остроленки до Пултуска. Поляки воспользовались этим своего рода перемирием с тем, чтобы увеличить свою армию, призвав на военную службу крестьян, чтобы поддержать связи с интеллигенцией Франции и Англии, и особенно для того, чтобы спровоцировать столкновения в исконно наших польских землях. Известия о сопротивлении и об успехах национальной армии взбудоражило там умы. Польское вольнодумие уже давало себя знать, затем укрепились надежды на воссоединение этих земель со своей матерью-метрополией. Тайные эмиссары с помощью подпольно привезенных писем призывали к бунту, требовали помощи Варшаве, женщины проповедовали войну, бунт, разного рода жертвы, студенты, сельские помещики, горожане воодушевляли друг друга, призывы во имя родины ослепили всех. В Вильно, на Волыни и в Подолии завязывались заговоры, и вскоре щупальца бунта уже были видны со всех сторон.

Как мы уже видели, генерал Дверницкий спасся от Крейца и генерала Толя в маленькой крепости Замостье. Получив известия о том, что помещики Волыни расположены поддержать польское дело, и ждут только сигнала к выступлению, он вышел из своего убежища, опрокинул слабые наблюдательные посты, форсировал Буг в районе Остилуга и поддержал революционные настроения в этой части нашей империи. Здесь не было ничего, чтобы могло бы противостоять этому наступлению. Проявившиеся со всех сторон волнения, взрыва которых сильно опасались, ослабили войска на всей этой территории. Командующий драгунской дивизией генерал Ридигер поспешил объединить достаточные силы для того, чтобы противостоять наступлению Дверницкого и растущим мятежам. Поначалу он был принужден уступить неприятелю и отойти к Боремлю. Здесь началось сражение, поляки энергично атаковали, и наша первая линия кавалерии была отброшена. Но вскоре мы вернули себе превосходство, поляки были потеснены и начали спешное отступление. Они потеряли убитыми и взятыми в плен более полутора тысяч человек, остальные же спаслись только благодаря наступлению ночной темноты. Это поражение изменило надменную храбрость Дверницкого, он не думал больше о сражениях и надеялся только на шансы, которые могли быть ему предоставлены только всеобщим восстанием. Он направился к Радзивилову, где рассчитывал найти помощь, и где граница австрийской Галиции давала ему возможность уверенного отступления. Ридигер преследовал его и стремился навязать сражение, которого Дверницкий пытался избежать.

Тем временем генерал Давыдов атаковал и полностью уничтожил неприятельский отряд, бывший частью корпуса Дверницкого, который по его приказу остался в окрестностях Владимира с тем, чтобы образовать очаг бунта. Наконец, Ридигеру удалось заставить неприятеля остановиться и лишить его возможности уклониться от сражения. Бой начался почти у самой границы, но когда наши войска пошли в атаку, поляки тут же пересекли ее и укрылись под австрийской защитой. Там военные и гражданские власти захватили этих бунтовщиков, разоружили их и по частям направили во внутренние районы страны. Таким образом закончилась эта первая попытка спровоцировать бунт в наших землях в тылу нашей армии.

Недостаточная суровость со стороны галицийских властей, стремление жителей поддержать польское дело позволили значительной части этих солдат, офицеров и дворянских добровольцев убежать, вернуться в Польшу и пополнить ряды бунтовщиков. Позднее Дверницкий с частью своих офицеров был отправлен во внутренние части Австрийской империи, где и оставался до конца войны.

Еще до его наступления беспорядки начались в Литве и в Самогитии. Поланген был захвачен частями, прибывшими с той стороны. Наши таможенники при помощи курляндских дворян прогнали их оттуда. Но бунтовщики неоднократно возвращались, и эта небольшая местность превратилась в арену многих кровопролитных сражений. Восставшие формировали более или менее крупные группы, они активно организовывались и обмундировывались. Они угрожали Курляндии,

в маленьких городах они беспрестанно убивали наших одиночных солдат, грабили склады, инвалидные команды. Они терроризировали русских жителей, уничтожали собственность империи, вешали бедных евреев и участвовали во всех насилиях и провокациях, которые эти остатки некогда избранного народа и шумного дворянства вне всяких обычаев и логики могли выдумать в своем безумии.

В Вильно молодые студенты уже не скрывали своих надежд на вооруженный бунт, многие из них уже бросили учебу и руководили преступлениями и беспорядками. Генерал-губернатор был вынужден принять суровые предупредительные меры, самые наглые зачинщики были осуждены военным судом и расстреляны, однако пожар волнений разгорался, и император был принужден принять энергичные меры. Он приказал сформировать резервную армию, послал военным губернатором в Минск графа Сергея Строганова, генерал-губернатором в Каменец Подольский генерал-адъютанта Потемкина и в Киев генерал-адъютанта Левашова с инструкциями и обширными полномочиями. Новые полки донских казаков и казаков кавказской линии (первые использовались вне территории их расквартирования) были направлены в наши губернии. Под командованием генерал-губернатора балтийских провинций барона Палена в Ливонии и Курляндии был сформирован отряд, призванный действовать в Самогитии и защитить Курляндию. В наших крепостях Динабурге и в Бобруйске были удвоены меры предосторожности. В Литву и в другие провинции со всех сторон входили резервные батальоны. Позднее командование этой армией было поручено графу Петру Толстому.

Для поддержки Дверницкого варшавские лидеры направили большой отряд под командованием генерала Серавского. Он уже пересек Вислу и двигался к Люблину с тем, чтобы оттуда войти в Волынь. Преследуемый везде генералом Крейцом, этот отряд был разбит, а его личный состав рассеян, многие бежали к Висле и утонули в ней. Сверх 2 тысяч убитых, 3 тысячи были взяты в плен. Во главе 10 тысяч солдат генералы Ромарино и Хршановский явились отомстить за поражение Серавского. Был момент, когда им улыбнулся успех против слабого отряда генерала Фези, но подоспевший Крейц атаковал их сзади и рассеял этих новых противников, взяв более 600 пленных.

Тем временем польский главнокомандующий Скржинецкий придвинув свои войска к позициям нашей армии, приготовился к действиям, приняв отдых, предоставленный войскам маршалом Дибичем, за беспомощность. Узнав о приготовлениях поляков, маршал пожелал их опередить и 1 мая двинулся прямо на неприятеля, стоявшего на позициях под Калушиным. Сражение не было долгим, разбитый противник отступил и укрылся в головном укреплении Праги.

За несколько дней до этого отряд из корпуса гренадер штыковой атакой разбил много поляков, которые находились и укрепились на некотором расстоянии влево от их основного расположения с целью угрожать нашему правому флангу. Гренадеры под командованием генерала Угрюмова приблизились к укреплениям на расстояние выстрела и стремительно бросились туда. Им оказалось достаточно пройти лишь четверть пути, как 800 поляков были там убиты, а остальные

Сражение при Грохове 13 февраля 1831 года

были обязаны своим спасением лишь маленькой речушке, которая прикрыла отступление их основных сил.

Эти сражения не улучшили общего положения дел, они только приучили восставших к боям, дали им время на переформирование и на укрепление связей с Францией и Англией. Они также глубоко задели самолюбие России и ранили гордость русской армии, удивленной тем, что полякам удается так долго сопротивляться. С другой стороны, не разделявшие опасностей войны варшавские фазаны осуждали своих генералов за слабые успехи, и вели речь только о полном поражении русской армии и о перенесении военных действий в центральные губернии империи.

* * *

Вдохновленный воплями взбесившихся варшавских руководителей, слабый диктатор Скржинецкий решился на отважный и хорошо рассчитанный маневр, если бы он был быстро исполнен и если бы поляки имели дело с не столь послушными и надежными войсками, как наша гвардия. Собрав всю свою армию, 1 мая поляки двинулись на великого князя Михаила в надежде застать его врасплох, форсировать Нарев и Буг и направиться прямо на лагерь гвардии. В Остроленке находился наблюдательный пост под командованием генерала Сакена, который прикрывал расположение гвардии. Этот отряд был укреплен и на протяжении нескольких

дней сдерживал передовые части неприятеля, пока великий князь спешно собирал свои полки. Он еще не получил инструкций маршала Дибича и вскоре должен был оказаться лицом к лицу со всеми неприятельскими силами. Его первым побуждением было принять сражение, несмотря на значительный численный перевес противника, но он полностью полагался на непоколебимую храбрость своих войск. Он даже собирался атаковать, когда получил известие о том, что неприятель послал к нам значительный отряд, который под прикрытием реки Буг продвигался к тылам на левом фланге позиции, которую занимала наша гвардия. Это предопределило отступление великого князя, он был бы более чем неосторожен, приняв сражение против превосходящих сил, в тот момент, когда его тылам угрожала опасность. Он вышел из состояния мучительной нерешительности, в которой находился. Приказ маршала предписывал ему отступать на Белосток и сообщал о продвижении нашей главной армии в направлении Нура с тем, чтобы в свою очередь угрожать неприятелю с тыла, если он будет продолжать преследование гвардии.

Если бы Дибич быстро осуществил этот маневр, столь же решительный, сколь и хорошо задуманный, то полякам пришел бы конец. Но после своей первой ошибки перед Прагой, этот человек, весь состоявший из нерешительности и медлительности, потерял всю свою энергию. Он то шел вперед, то останавливался, менял планы, отдавал противоречивые приказания, он сомневался даже в полученных раппортах о смелом продвижении поляков против гвардии. Тем временем великий князь получил приказ об отступлении и все расчеты во исполнение этого приказа. Не без больших трудностей ему удалось собрать всю гвардию около Снядова, там он отдал приказания о порядке отступления. Он начал движение 7 мая по направлению к Тыкочину.

Польский главнокомандующий, который мог бы действовать значительно быстрее, удовлетворился сопровождением войск великого князя, наступая на пятки нашему арьергарду, с целью блокировать корпус и, тем самым, ускорить его движение. Но весь наступательный порыв был нейтрализован выдержкой генералов Бистрома и Полечко и находящихся под их командованием войск. Сам великий князь успевал быть везде. Полки семеновцев, егерей, финляндцев, батальоны саперов и финляндских стрелков, которые последовательно противостояли численно превосходившему противнику, соперничали друг с другом в усердии и мужестве. При каждой атаке они дорого платили за каждый шаг отступления, которое было им предписано. Сражение в Тыкоцине было весьма оживленным и кровопролитным. Поляки хотели перейти мост вслед за нашим арьергардом, который понес значительные потери. Мост был разрушен гвардейскими саперами под плотным картечным огнем. Видя, что гвардия отступает перед их ударами, поляки со своей стороны посчитали, что их войска устали, а количество потерь вынуждает их к долгому отступлению, кроме того, с тыла им угрожала начавшая, наконец, движение наша главная армия. Таким образом, им не осталось другого выбора, как быстро удалиться с театра военных действий и позаботиться о собственном

спасении. После 4 дней отступления 11 мая гвардия снова начала наступать, она перешла Тыкочин и занялась преследованием поляков. Их отступление вскоре превратилось в бегство. Преследуемый легкой гвардейской кавалерией, их авангард заботился только о том, чтобы уйти как можно быстрее, они побросали своих раненных, обозы, ружья и продемонстрировали полный беспорядок плохо руководимых и упавших духом войск.

Узнав, что в Нуре большой отряд под командованием генерала Лубенского прикрывает правый фланг неприятеля, Дибич направил туда графа Вита с тем, чтобы выбить их оттуда в то время, как основная армия продолжила свое движение на Цехановец. Нур был взят после первой же атаки, а Лубенский был обязан своим спасением только густому лесу, сквозь который в полном беспорядке отступили его войска. На следующий день, 13 мая фельдмаршал соединился с гвардией и таким образом, вместо того, чтобы воспользоваться ошибкой противника, отрезать ему пути к отступлению и разбить его одним ударом, он оказался лицом к лицу с ним. Он соединил свои силы с гвардией, которая одна была вполне в силах преследовать ослабленных и деморализованных поляков.

Никогда еще в короткой кампании не было упущено столько возможностей побить противника и закончить войну. Поляки были счастливы спастись столь чудесным образом и мечтали только о том, чтобы отступить к Варшаве с наименьшими потерями. Они пересекли Нарев в Остроленке и оставили там сильный отряд только для защиты своего отступления. Спустя 14 дней после того, как поляки отправились разбить гвардию, 14 мая наши солдаты приблизились к Остроленке. Еще накануне генерал Бистром опрокинул их арьергард и заставил поляков укрепиться в городе. Ранним утром следующего дня началось сражение. Поляки укрепились, чтобы защитить входы в город, но построенные в колону два гренадерских полка пошли в штыковую атаку и начали освобождать от неприятеля улицу за улицей, дом за домом и, наконец, в огне пожаров, которые сами поляки зажгли, как последний способ сопротивления, они стремительно ворвались в Остроленку. Обращенные в бегство во всех пунктах, поляки бросились к мосту, который был уже готов к уничтожению. Значительная часть их погибла в волнах или пала под штыками наших гренадер. Неудовлетворенные достигнутыми успехами, гренадеры бросились к мосту, доски которого уже были демонтированы. Один за другим под огнем вражеской артиллерии они по балкам моста на другую сторону и бросились вперед, несмотря на всю польскую армию, формировавшуюся на том берегу реки. Этот единственный в своем роде подвиг, оставшийся в анналах военной истории, совершили гренадеры Астраханского полка.

Удивленные такой отвагой поляки поспешили выстроить свои линии и приготовились отразить эту атаку. Несколько других батальонов гренадер последовали за астраханцами, но неприятельская артиллерия сосредоточила весь свой огонь на этой горстке храбрецов, заставив их искать укрытие за насыпью, на которой находилась дорога, шедшая вдоль берега реки. Скржинецкий со своими генералами торопились построить атакующие колоны для того, чтобы занять выгодную

позицию и окончательно разрушить мост. Несколько раз они атаковали наших гренадер, которые при приближении поляков поднимались на насыпь, отражали неприятеля и возвращались под ее защиту при залпах их артиллерии. Начальник Генерального штаба генерал Толь появился на берегу реки со стороны Остроленки и успешно расположил там несколько артиллерийских батарей таким образом, чтобы они стреляли через головы наших гренадер прямо по полю, на котором строились неприятельские колоны с тем, чтобы дать гренадерам передышку.

Затем 1 пехотная дивизия под командованием своего храброго генерала Мандерштерна перешла по мосту, который тем временем постарались подправить, и двинулась прямо на вражеские линии. В свою очередь остановленная атакой значительно превосходившего неприятеля, дивизия заняла позицию рядом с гренадерами. Тем временем, поляки еще не потеряли надежду одержать победу, благодаря своему численному превосходству. Они заменили отброшенные полки свежими частями и с ожесточением возобновили свои усилия, которые были отражены нашими солдатами. Наконец, когда они были отброшены и повержены нашей артиллерией, поляки воспользовались наступлением темноты для того, чтобы скрыть свое отступление и полное поражение.

На следующий день наши войска увидели перед собой только оставленный лагерь, полный трупов, обозами со снаряжением и брошенными раненными. Более 9 тысяч человек попало к нам в плен, в наших руках остались три пушки и три генерала. Неприятель в полном беспорядке побросал оружие и знамена и скрылся в лесах, не заботясь более о защите своего отступления. Со своей стороны мы оплакивали двух отличившихся полковников Сафонова и Рейзенштейна, многие генералы были ранены и более 4 тысяч человек убито. Из-за плохого инженерного обеспечения маршал Дибич не смог развить этот блестящий и полный успех. Только на следующий день далеко за полдень он направил графа Витта с кавалерией с целью преследовать неприятеля, но даже не дал ему приказа двигаться быстро с тем, чтобы завершить его разгром, но только с целью наблюдения за его передвижениями. Поляки бежали вплоть до Варшавы и Модлина, на этом направлении военные действия были, как бы приостановлены. Таким образом, закончилась военная карьера графа Дибича.

Уже несколько недель в армии и в гвардии свирепствовала холера, причинявшая значительные потери. Солдаты устали, генералы были недовольны его образом действий, провизия и снаряжение прибывали с большим трудом. Бунты в наших губерниях в его тылу делали затруднительным сообщение с Россией. Он был совершенно деморализован и упал духом. Он поставил свои войска в просторные лагеря и даже написал императору с просьбой прислать ему замену. Его главная квартира была перенесена в Пултуск.

Во время сражения при Остроленке большой польский отряд пехоты, кавалерии и артиллерии под командованием генерала Гелгуда появился на нашем крайне правом фланге, он двигался к Августову. Он встретил слабый отряд генерала Засса, который после боя был вынужден отступить. Фельдмаршал Дибич

Сражение при Остроленке 14 мая 1831 года

направил для преследования Гелгуда графа Куруту во главе гвардейского полка, который до революции входил в состав варшавского гарнизона.

В то же время находившийся в Белостоке великий князь Константин пришел к убеждению о том, что он должен избежать опасности, исходивший то ли от приближавшегося генерала Гелгуда, то ли от восстаний, начавшихся в этой части наших губерний. Вскоре после первого сражения у стен Праги великий князь находился в плохом настроении, стал докучать графу Дибичу и покинул армию.

Заканчивавшаяся в армии эпидемия холеры в качестве одной из последних жертв выбрала маршала Дибича, который испытывал удары беспокойства и угрызений совести, вызванные слабыми успехами его военных операций. Он страдал только несколько часов и испустил последний вздох в присутствии графа Алексея Орлова, который только что приехал по поручению императора для того, чтобы высказать ему слова ободрения и сообщить о замечаниях военного характера, замеченные императором, которые он сам слишком хорошо знал. Он умер во цвете лет, сделав блестящую военную карьеру, подпорченную только этой последней кампанией. Армия и Россия были почти довольны его смертью, позволившей сделать его ответственным за стыд этой достаточно долгой борьбы против польской революции.

Император и все те, кто знал его ближе, сожалели о нем, как о лояльном человеке, истинном слуге своего государя, как о добродетельном и преданном гражданине. В тот момент, когда известие о его смерти достигло Петербурга, предусмотрительно вызванный с Кавказа для его замены маршал Паскевич уже был готов выехать к войскам. Утром следующего дня он поднялся на пароход и направился в Мемель.

* * *

В тот момент, когда смерть Дибича прервала все операции нашей армии, когда в наших губерниях с каждым днем усиливались бунтарские настроения и когда объединенный корпус Гелгуда подкрепил их в Литве, в Петербурге разразилась эпидемия холеры. Без промедления император прибыл в город для того, чтобы отдать приказания и принять там те меры, которые еще считались необходимыми с тем, чтобы бороться с этой ужасной болезнью. Во всех главных кварталах города он сразу же создал госпитали, назначил начальников округов с тем, чтобы заботиться о порядке в этих госпиталях, и чтобы оказывать неотложную помощь заболевшим и особенно детям, которых холера могла оставить без родителей и без средств к существованию. Он поспешил приказать вывести все кадетские корпуса из мест их расположения и расквартировать их в Петергофе, куда переехала вся императорская семья. Только после этого император отправился туда сам.

На следующий день туда же надлежало явиться и мне, между Петербургом и Петергофом был выставлен санитарный кордон. Я уже был на пути туда, когда из Петергофа прибыл фельдъегерь, остановил мою коляску и вручил мне записку от князя Волконского, который предлагал мне прибыть незамедлительно, так как я срочно нужен был императору. Я погнал лошадей, будучи несколько удивлен такой поспешностью, так как накануне пообещал Его Величеству, что вечером буду рядом с ним. У небольшого дома, где расположился император, я выскочил из коляски. Первыми, кого я увидел, были два врача императрицы с расширенными от ужаса глазами, я успел только спросить их, что они здесь делают, и получить ответ, что они приехали лечить императрицу. В этот момент император с полными слез глазами резко взял меня за руку и ввел в свою комнату. Я пристально взглянул на него, он был взволнован так, как я раньше никогда не видел, он сообщил мне, что его брат великий князь Константин умер от холеры. Наступление Хлопицкого заставило его вместе с женой княгиней Лович уехать из Белостока, вначале они бежали в Минск, а затем, видя, что его со всех сторон окружали бунты, он переехал в Витебск в сопровождении только 20 гвардейских жандармов и части кирасир из императорского конвоя. Там он раздумывал о той позиции, которой ему следовало придерживаться, он колебался с возвращением в Петербург, куда был приглашен своим братом Николаем, он полностью прочувствовал униженность своего положения, и он знал, насколько его поведение способствовало развитию недовольства. Он был так несчастлив, как только мог быть несчастлив человек. Будучи несколько недель императором России, он не видел более ни одного уголка в этой огромной империи, где он чувствовал бы себя спокойно.

Моральные переживания ослабили его физически, и он стал жертвой холеры. Он страдал всего несколько часов и испустил дух 15 июня. Я не удержался от слез, читая подробности этой внезапной кончины.

Император мне заявил, что желает дать неопровержимое доказательство своего участия несчастной вдове старшего брата, и что он поручает мне немедленно отправиться передать княгине Лович слова соболезнования и привезти ее сюда вместе с телом ее мужа, которого она решила не покидать. Я уехал из Петербурга в прекрасном самочувствии и без всякого опасения заразиться (этот род боязни никогда не был свойственен моей душе), а вышел из кабинета императора уже заболевшим. Приняв это недомогание за результат тяжелого потрясения, которое я только что испытал, я вернулся в свои комнаты с тем, чтобы подготовится к отъезду и дать своей канцелярии необходимые распоряжения на время моего отсутствия. Но стоило мне прилечь, как я почувствовал первые симптомы холеры и сразу же был признан опасно больным. Прибывший в это время из города врач императора Арендт зашел ко мне. Он был напуган моим искаженным лицом. Он дал мне лекарство и приказал приготовить для меня ванну с очень горячей, почти кипящей водой. В ней я потерял сознание и очнулся в своей постели, почувствовав некоторое облегчение. Были приняты все необходимые меры для того, чтобы уберечь императорскую семью от заражения, которое я туда принес. Мысль о том, что я могу стать причиной будущих несчастий, увеличивала мои страдания. По понятным причинам к княгине Лович был послан другой человек, я же старался, насколько это было в моих силах, вернуться к ведению моих дел. В тот же день император пришел меня навестить и сел рядом с моей постелью. С этих пор и на протяжении трех недель не был пропущен ни один день, он приходил и подолгу разговаривал со мной. Эти беседы велись на очень неприятные темы — через четыре дня после своего появления в Петербурге эпидемия приняла устрашающие размеры; во главе Резервной армии граф Толстой все еще не завершил разгром Гелгуда и не смог разоружить банды, наводнявшие те края; состояние нашей армии в Польше было далеко от удовлетворительного, холера косила солдат, плохо переносимая в наших климатических условиях жара утомила войска, а странные распоряжения покойного маршала рассеяли армию по разным местам и привели ее к общему упадку духа. В этих уже весьма огорчительных обстоятельствах новости из Петербурга не улучшали положения дел. Эпидемия холеры устрашила все классы общества, которые заволновались. Особенно это сказалось на народных низах, страдавших от мер санитарного контроля, кордонов вокруг города, активного полицейского наблюдения и даже от тех забот, которые правительство им предоставило в госпиталях.

Встревоженные всеми этими принудительными мерами, люди заговорили об отравлении, они стали собираться толпами, нападать на улицах на иностранцев, обыскивать их для того, чтобы найти этот выдуманный яд, они громко обвиняли врачей в отравлениях, они распускали слухи о том, что воды Невы якобы отравлены. Эти ослепленные люди мало помалу осмелели и большими толпами собрались

на любимой ими Сенной площади, там они останавливали экипажи, оскорбляли иностранцев и врачей, подняли руку на полицейских офицеров и жандармов, которые прибыли для того, чтобы восстановить порядок. Наконец, как бешенные животные они бросились к стоявшему на площади дому, в котором был недавно устроен госпиталь. В один момент эти несчастные наполнили весь дом, они верили в отравление и с пеной у рта искали жертв. Окна были разбиты на тысячу кусков, мебель выброшена на улицу, больные изгнаны из дома, умирающих бросили на мостовой, бедных служителей госпиталя и санитаров избили и преследовали, наконец, врачей гнали с этажа на этаж и убивали со всей жестокостью бредового ослепления. За несколько мгновений до этого в толпе появился генерал-губернатор, но его слова не были услышаны. Его полномочий не хотели признавать, ими пренебрегли. Полицейских осыпали руганью. Видя, что их жизнь подвергается опасности, они попрятались или ходили переодетыми, не осмеливаясь использовать свои полномочия.

У генерал-губернатора графа Эссена собрались различные городские начальники, к ним также присоединился командир оставшихся в городе гвардейских батальонов и эскадронов граф Васильчиков. Все они решили наступать на толпу, используя по мере необходимости штыки с тем, чтобы рассеять собравшихся на площади. Во главе батальона семеновцев он двинулся на Сенную площадь и с барабанным боем пошел на людей, прибывавших с прилегавших улиц. Но толпа не успокоилась и не собиралась восстанавливать порядок.

Информированный обо всех событиях в городе император прислал приказ войскам быть готовым наступать, а всем воинским начальникам собраться у Елагинского моста. Вместе с князем Меншиковым он поднялся на борт парохода «Ижора» и вскоре прибыл в свою резиденцию. Он был поражен удрученным выражением лиц своих подчиненных. После того, как он выслушал все доклады о беспорядках, случившихся накануне, его первым приказанием было привести ему лошадь, которая бы не боялась огня. Вместе с князем Меншиковым он сел в коляску и по большому проспекту приехал на Сенную площадь. Там еще были видны жертвы ярости народа, и огромная клокочущая толпа заполняла все ее пространство. Он остановил коляску посреди собравшихся, встал, оглядел толпу, теснившуюся около его экипажа и угрожающим голосом приказал всем стать на колени. Вся эта масса людей обнажила головы и подчинилась его повелительному голосу. Затем, глядя на храм, он сказал: «Я приехал для того, чтобы попросить Господа быть милостивым к вашим грехам, чтобы молить его простить вас. Вы противитесь этому. Русские ли вы? Вы ведете себя как французы и поляки. Вы забыли, что должны мне подчиняться, я смогу привести вас к порядку и наказать. Я отвечаю перед Богом за ваше поведение. Пусть откроют двери храма и пусть там молят всевышнего за души несчастных, погибших от ваших рук». Эти слова, произнесенные с силой, благодаря которой они были слышны на всей площади, произвели магическое действие. Эти люди, которые только что оскорбляли власти и которые недавно стали убийцами, осенили себя

Николай I перед народом во время холерного бунта на Сенной площади в Петербурге 23 июня 1831 года

крестным знаменем, пролили слезы и опустили глаза от стыда и в знак глубокого уважения своего государя. Император также перекрестился и добавил: «Я приказываю вам разойтись, вернуться домой, и подчиняться всем моим предписаниям». Толпа с энтузиазмом приветствовала императора и поспешила подчиниться. Нормальный порядок был восстановлен, и все благословляли силу и неустрашимую заботу императора.

В тот же день он объехал почти все районы столицы, побывал в различных батальонах гвардии и линейных войск, которые из опасения перед холерой были расквартированы в палатках в различных точках вокруг центра города. Везде он останавливался, разговаривал с командирами и с солдатами, везде его ожидал восторженный прием и везде, где он появлялся, восстанавливалось спокойствие и безопасность. В тот же день он назначил своих генерал-адъютантов князя Трубецкого и графа Орлова помощниками генерал-губернатора, поручив им самые населенные кварталы города, там, где произошли беспорядки. Он назначил меня главой созданной комиссии по выявлению и наказанию лиц, виновных в насилиях, подстрекательстве и в убийствах. Но только через несколько недель состояние моего здоровья позволило мне вернуться в город, чтобы ускорить и завершить это следствие. А пока генерал Перовский и начальник моей канцелярии господин Фок собирали необходимую информацию и приготовляли мне поле для работы.

Вечером император вернулся в Петергоф, где из предосторожности ему и всем сопровождавшим его лицам в Монплезире были приготовлены чаны для мытья и полная перемена одежды. С этого времени и до окончания эпидемии император несколько раз в неделю выезжал в город для того, чтобы проехать по улицам и осмотреть лагеря.

Холера усиливалась, весь город жил в страхе, госпитали были переполнены, священники не успевали отпевать жертв болезни, за день умирало до 600 человек. Многие видные люди были вынуждены покинуть службу и своих друзей, генерал инженерных войск Опперман умер за несколько часов, он сам считал, что был отравлен стаканом воды, настолько симптомы болезни были похожи на действие смертельного яда. Граф Станислав Потоцкий скончался после нескольких дней страданий. Везде были видны только траурные одежды и слышны только соболезнования. Жара была невыносимой, небо было раскалено, как в самых южных районах, ни одно облачко не появлялось в его сияющей голубизне. Страшная засуха сожгла газоны и заставила почву растрескаться.

Двор переехал в Царское Село, куда император приказал перевести все кадетские корпуса с тем, чтобы они не лишились той отеческой заботы, которую он выказывал этому питомнику наших офицеров.

Холера распространилась и в окрестностях Петербурга, население страдало от ограничений, которые санитарные кордоны возвели на путях передвижений и торговли, всюду деятельность правительства должна была помочь преодолеть эти огромные неудобства, предотвратить беспорядки, позаботиться о снабжении продовольствием и о выздоровлении людей.

Болезнь проникла даже в новгородские военные поселения. Несмотря на те изменения, которые в них внес император, принципы, на которых они были основаны, изначально ошибочные и оскорбительные, жестокость в формах их существования, заложенная грубым руководством графа Аракчеева, не уменьшили недовольства, которое там укоренилось с момента их создания. Бывшие жители этих мест, лишенные спокойствия и независимости положения государственных крестьян, ради того, чтобы страдать от дисциплины и военных тягот, принимали все это с величайшим огорчением. Также проживавшие там солдаты скучали от однообразия постоянной работы и кропотливых потребностей, за которыми они были закреплены, они присоединяли свое недовольство к аналогичным чувствам бывших крестьян. Достаточно было одной искры для того, чтобы там вспыхнул бунт. Холера была только предлогом, там появились и были яростно подхвачены обвинения в отравлениях, оседлые колонисты собирались в толпы, воодушевляли друг друга, их обиды на власти, накапливавшиеся годами, выливались с еще большим гневом. Они с остервенением набросились на офицеров и врачей, все те, кто не успел спастись немедленным бегством от их мести, были жестоко убиты, крики: «Смерть офицерам и отравителям!» раздавались над всеми военными поселениями.

Резервные батальоны полков, которые героически сражались в Польше, хладнокровно наблюдали за всеми этими ужасами и весьма неохотно исполняли команды командиров, не отказываясь в то же время подчиняться вовсе. Только одно военное поселение 1 полка карабинеров совершенно не участвовало в бунте и полностью от него отстранилось. Уже некоторые презренные люди пытались управлять этим гадким восстанием, уже их представители пытались поднять окрестных крестьян против их помещиков. В городе Старая Руса, который входил в состав военных поселений, народ бросился на городскую площадь, убил городничего и врачей, оскорблял полицейских, разнес в щепы трактиры и перебил мебель. В результате они передвигались в городе с триумфом, как победители властей. Генералы собрали батальоны, которые остались верными, хотя и с полупреступным равнодушием, они не осмеливались атаковать бунтовщиков из страха, что солдаты откажутся повиноваться. В их души вселилось уныние, которое парализовало их власть. Тем временем военные поселенцы сами устрашились своих преступлений, и стали думать о том, как им остаться безнаказанными. Они направили нескольких своих представителей к императору, который уже был полностью в курсе подробностей бунта. Часть этих людей была арестованы на последней почтовой станции перед Царским Селом, другие же направились прямиком в Петербург. Император пожелал их видеть и приказал графу Алексею Орлову привезти их в Ижору. Он взял меня с собой, и мы прибыли в коляске в указанное место. Как только император их увидел, он им крикнул: «На колени!» Затем он сурово объяснил им весь ужас их поведения и всю тяжесть заслуженного ими наказания. Он добавил: «Возвращайтесь к себе и передайте, что я посылаю своего генерал-адъютанта графа Орлова провести следствие и принять над вами командование. Передайте, чтобы ему слепо подчинялись». Орлов выехал вслед за ними. Его суровый характер, рассудительность, величие, которое ему придавало звание посланца государя, вернули храбрость генералам и укрепили ослабевшее подчинение солдат. Император был в нетерпении увидеть все своими глазами и потушить в зародыше столь опасный бунт, сел в коляску и в полном одиночестве выехал к месту развернувшихся событий. Он покинул императрицу, которая со дня на день должна была родить, и состояние которой должно было только ухудшиться от тревоги, добавившейся к скорому разрешению от бремени. Но император, всегда отдававший предпочтение своим обязанностям перед нацией, посчитал, что он должен ехать, и никакие соображения личного порядка не могли его остановить.

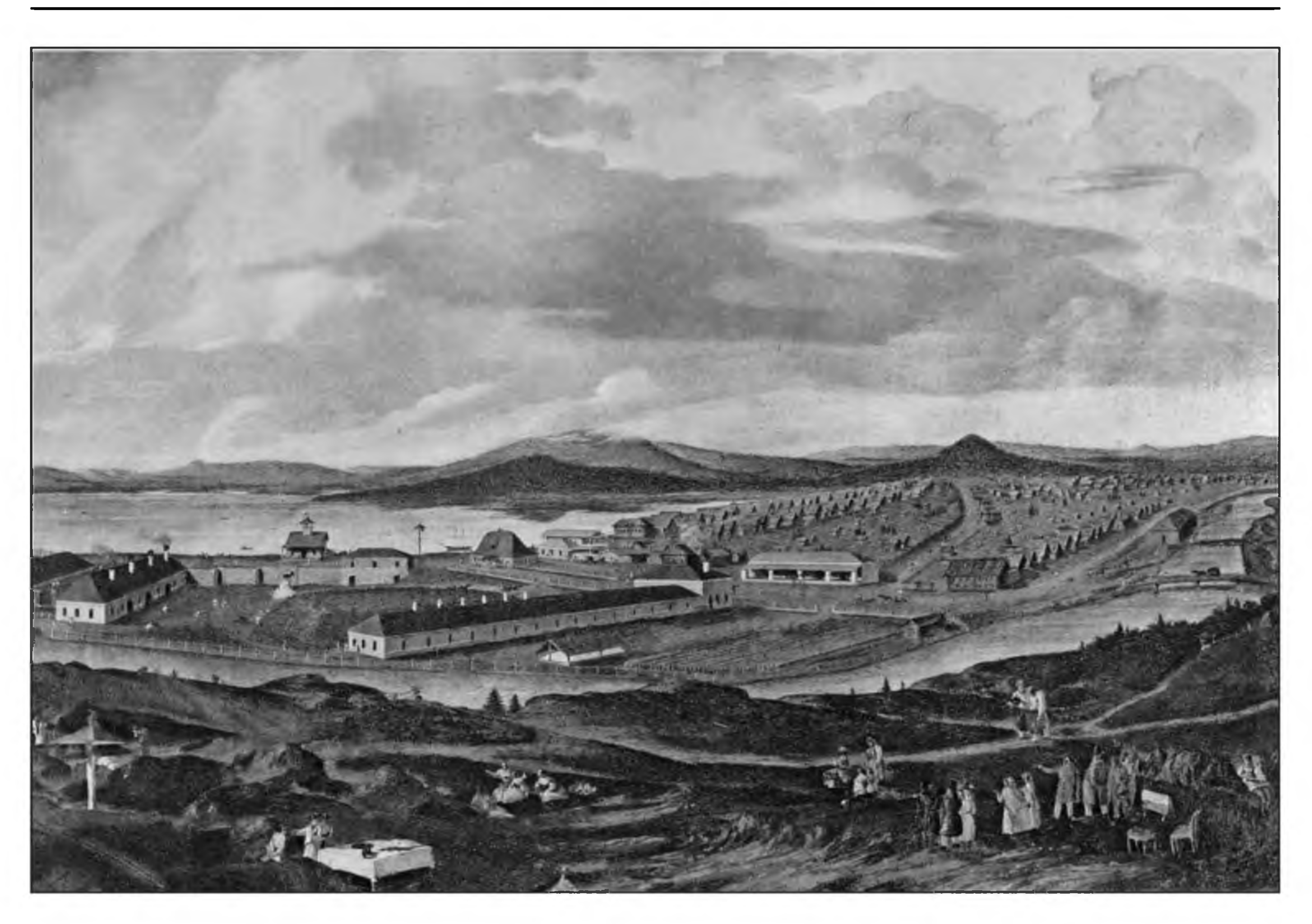
Он приехал прямо в военные поселения, приказал собрать батальоны, попробовавшие на вкус кровь своих офицеров, и предстал перед ними. Ему не было видно лиц виновных солдат, все они опустили головы к земле, и в молчании и в дрожи ожидали волеизъявления своего суверена. Император сурово упрекнул их в ужасном поведении и приказал, чтобы самые виновные были схвачены и преданы смертной казни. Это было исполнено с самой мистической покорностью. Солдаты целого батальона, которые все опустили глаза в землю, но которые были

больше других виновны в преступлениях, здесь же на площади получили категорический приказ императора выйти из манежа и сразу же направиться в Петербург, откуда их переведут в крепость, будут судить и оставят под контролем армейских частей. Батальон двинулся, сделал пол-оборота направо и в полном порядке направился навстречу своему наказанию. Ни единый солдат не осмелился попрощаться с женой или взять с собой что-то из вещей. Магический эффект власти государя был столь же величествен, как проявление характера императора и как черта уважительной верности его народа. Это был знак энергии, знак преданности Николаю, символ гарантии суверенного могущества России, религии и уважения к законам со стороны нашего прекрасного и чистого народа.

Затем император говорил с различными командирами, отдал приказания о создании военного трибунала, а также обо всех требуемых действиях с целью ликвидировать следы беспорядков и предотвратить их возобновление. Городские власти Старой Русы также хотели вымолить прощение, но раздраженный их поведением император заявил, что не желает даже появляться в этом преступном городе, и что они будут подвергнуты суду того же военного трибунала.

Между тем, видя все печальные последствия существования военных поселений буквально у дверей столицы, а также понимая все недовольство, которое так глубоко в них укоренилось, император решил с того же дня их реформировать. Он счел нужным ликвидировать все то, что могло поддерживать в них дух братства и общих интересов, который делал из двенадцати гренадерских полков изолированное поселение, способное обратить оружие против властей, то, что укрепляло их отдельное положение, изолированное от армии и от народа. Но надо было избежать любого заметного снисхождения к преступным элементам, именно под видом исполнения наказаний позднее и следовало преобразовать военные поселения. Единственный 1 карабинерский полк был оставлен в прежнем положении в качестве награды за его хорошее поведение в центре общих волнений. Дети военных поселенцев, ранее прикрепленные к соответствующим полкам, были распределены по другим армейским полкам, а рекруты со всех губерний империи заняли освободившиеся вакансии в гренадерских полках. Солдаты более не имели ничего общего с поселенцами и не жили у них, так же как и у других крестьян. Они были закреплены за податными округами, и всякая связь между солдатом и земледельцем по мере сил ликвидировалась. В дальнейшем два гвардейских кавалерийских полка, ранее стоявшие в Варшаве, были расквартированы в помещениях, до этого занятых двумя гренадерскими полками, а третий был позднее прикреплен к кадетскому корпусу, предназначенному для сыновей офицеров, служивших в гренадерских корпусах.

Император благополучно вернулся из этой поездки, которая стала одной из лучших страниц его царствования, успев к родам своей царственной супруги, которая произвела на свет мальчика, названного Николаем. После всех испытанных им потрясений это был первый миг радости, подаренный ему небом. Это было началом счастливого времени. Вокруг все было мрачно, все, казалось,

Новгородские военные поселения

предвещало ужасное будущее: война в Польше, волнения в наших губерниях, смертоносная эпидемия холеры в столице, брожение народа в общественных местах, бунт в военных поселениях. Все это поменялось, и каждый курьер приносил хорошие новости.

* * *

Поляки под командованием Гелгуда, которые после сражения под Остроленко опрокинул слабый отряд генерала Остен-Сакена, вошли в Литву. Все горячие головы сразу же повернулись к ним, они пополняли свои ряды на марше и громко заявили о планах отделения Вильны от московского владычества. Посланный со своими войсками туда граф Курута прекрасно осознавал значение Вильны, он оставил Гелгуда и прямо направился к этой столице Литвы с тем, чтобы опередить там неприятеля и успокоить жителей города, которые уже приготовились к восстанию. Он присоединил к себе остатки отряда генерала Сакена, которые Гелгуд не смог разбить, хотя имел 20 тысяч против 4 тысяч человек. Также к графу Куруте присоединился бывший гарнизон Вильны под командованием князя Хилкова, состоявший из улан и некоторого количества пехоты. Ему хватило времени занять позицию перед городом и приготовиться к встрече Гелгуда, которой не замедлил там появиться и начать сражение. Он вдохновил свои войска видом колоколен Вильны и необходимостью победить ради собственного их спасения.

Атака поляков была энергичной и хорошо направленной, в различных пунктах они попробовали опрокинуть наши линии обороны. Имея численное превосходство, они были вынуждены уступить нашему превосходству в дисциплине и в стойкости наших солдат. Понеся значительные потери, поляки были вынуждены быстро отступить и оставить свою излюбленную мечту — вознести знамя восстания на высоты старинной резиденции Ягелло. Так как в Вильне оставался только слабый гарнизон, граф Курута не счел возможным преследовать неприятеля, что стало его большой ошибкой. Но командующий Резервной армией граф Петр Толстой, прибывший в тот же день в Вильну, имел в своем распоряжении несколько батальонов, которые давали нашим силам ощутимое превосходство. После необходимых приготовлений он двинулся вперед, чтобы покончить с Гелгудом.

Видя, что его преследуют, и не найдя в Литве помощи, на которую рассчитывало польское легкомыслие, вступая на эти земли, он не знал в какую сторону ему направиться. Он хотел вернуться в королевство, его авангард был разбит у Ковно, другие его отряды хотели пронести знамя восстания в новые русские губернии, но были отброшены у Паневежиса и у Вилкомира. Под Шавлей отряд полковника Крюкова, состоявший из 400 человек, с замечательной храбростью противостоял многочисленным атакам нескольких тысяч восставших под командованием Гелгуда и других вождей восставших Хлоповского и Дембинского. Они понесли значительные потери убитыми, а эта горстка русских еще захватила более 500 пленных. Со всех сторон поляки были разбиты, их преследовали, отрезали пути к отступлению. Они теряли мужество вместе с надеждами на победу, и закончили тем, что приблизились к прусской границе. Разбитые и деморализованные они поспешили пересечь границы нашей империи и сдаться пруссакам. В тот день, когда Гелгуд так бесславно окончил свой поход, к нему приблизился польский офицер с пистолетом в руке и раздробил ему череп.

Часть его отряда под командованием Роланда скрылась на территории Польского королевства. Также преследуемый он последовал примеру Гелгуда и, в конце концов, сложил оружие перед прусскими властями. Только около тысячи кавалеристов восставшего Литовского корпуса под командованием Дембинского смогли спастись, после того, как ускоренным маршем соединились с польской армией.

Граф Толстой очистил местность от неприятеля и занялся восстановлением там порядка. Он вернул туда власти, убежавшие от ужасов и насилия, направил в главную армию войска, которые были ему предоставлены для того, чтобы разбить восставших в губернии и обеспечить коммуникации наших войск в королевстве. В Подолии и в Киевском генерал-губернаторстве восстания, ободренные появлением войск Дверницкого, были ликвидированы в зародыше мудрыми и энергичными действиями фельдмаршал Остен-Сакена. Рядом с городом Гроховом генерал Рот полностью разгромил хорошо оснащенный отряд в 5 тысяч человек. Командир Ржевудский бросил на поле боя 6 артиллерийских орудий в прекрасном состоянии, так же как все обозы и более тысячи попавших в плен человек. Повсюду восставшие были разоружены или выдворены за пределы наших границ.

Фельдмаршал Паскевич выехал 6 июня из Петербурга и прибыл в свою новую главную квартиру 13 числа. Армия была в восторге подчиняться человеку со столь блестящей репутацией. Генералы, офицеры и солдаты приветствовали его с полным доверием, и ждали только его знака для того, чтобы закончить эту войну, которая унижала национальную гордость своей продолжительностью, войну против бунтовщиков, которые при каждом столкновении отступали перед ними. Фельдмаршал был вынужден потратить некоторое время для сбора войск, которые его предшественник распылил самым непостижимым образом, чтобы дождаться прибытия отряда графа Куруты и 1-й уланской дивизии князя Хилкова, а также позаботиться о снабжении своей армии и арсеналов и приготовить способы переправы через Вислу. В Данциг прибыло продовольствие, снаряды и порох, все это по реке доставлялось к правому крылу нашего расположения. В Торуне готовили барки, из которых будет сооружен мост. Все это было собрано с помощью прусского правительства и перевезено с точностью и усердием. Выезжая в армию, Паскевич заявил, что он не даст неприятелю возможности себя запутать, и что он будет двигаться прямо к цели — к взятию Варшавы с левой стороны Вислы.

Закончив все приготовления, армия начала движение 22 июня, она двигалась вдоль Вислы к тому месту, которое было выбрано для организации переправы. Армия двигалась четырьмя колонами, которыми командовали граф Витт, князь Шаховской, граф Пален и великий князь Михаил. Маневр был задуман так, что в случае необходимости колоны могли легко соединиться. Поляки следовали за нашим маневром, но не решились его прервать. Казалось, что Паскевич не обращал внимания на близость неприятеля, и заботился только об осуществлении переправы. Прибыв в намеченный пункт, он приказал развернуться лицом к неприятелю и энергично заняться сооружением моста, для чего направил на другой берег реки отряд егерей и казаков, перед которыми быстро отступили неприятельские обсервационные части. Наконец, 7 июля вся армии перешла на левый берег Вислы. Поляки, которые не смогли противостоять этому, поспешили выйти через Модлин и Варшаву к новому театру военных действий, расположенному между их столицей и нашей армией.

Маршал позаботился об обеспечении своей связи с мостом и с дорогой на Данциг, по которой к нему шло снабжение, он намеревался дать сражение для того, чтобы одним ударом захватить очаг бунта. Он не собирался реагировать на маневры неприятеля, и медленно продвигался вперед с тем, чтобы дать время генералам Крейцу и Ридигеру присоединиться к нему. Этот последний пересек реку 25 июля и двигался на Лович, опрокинув отряд, посланный задержать его продвижение. Он полностью разбил отряд под командованием Гедройца, который насчитывал 6 тысяч человек, и взял множество пленных, среди которых оказался сам Гедройц. Со своей стороны Крейц двигался на Калиш и прибыл туда, заставив отступить неприятельские части, встреченные им по дороге. Маршал перенес свою главную квартиру в Лович после того, как прошел почти без

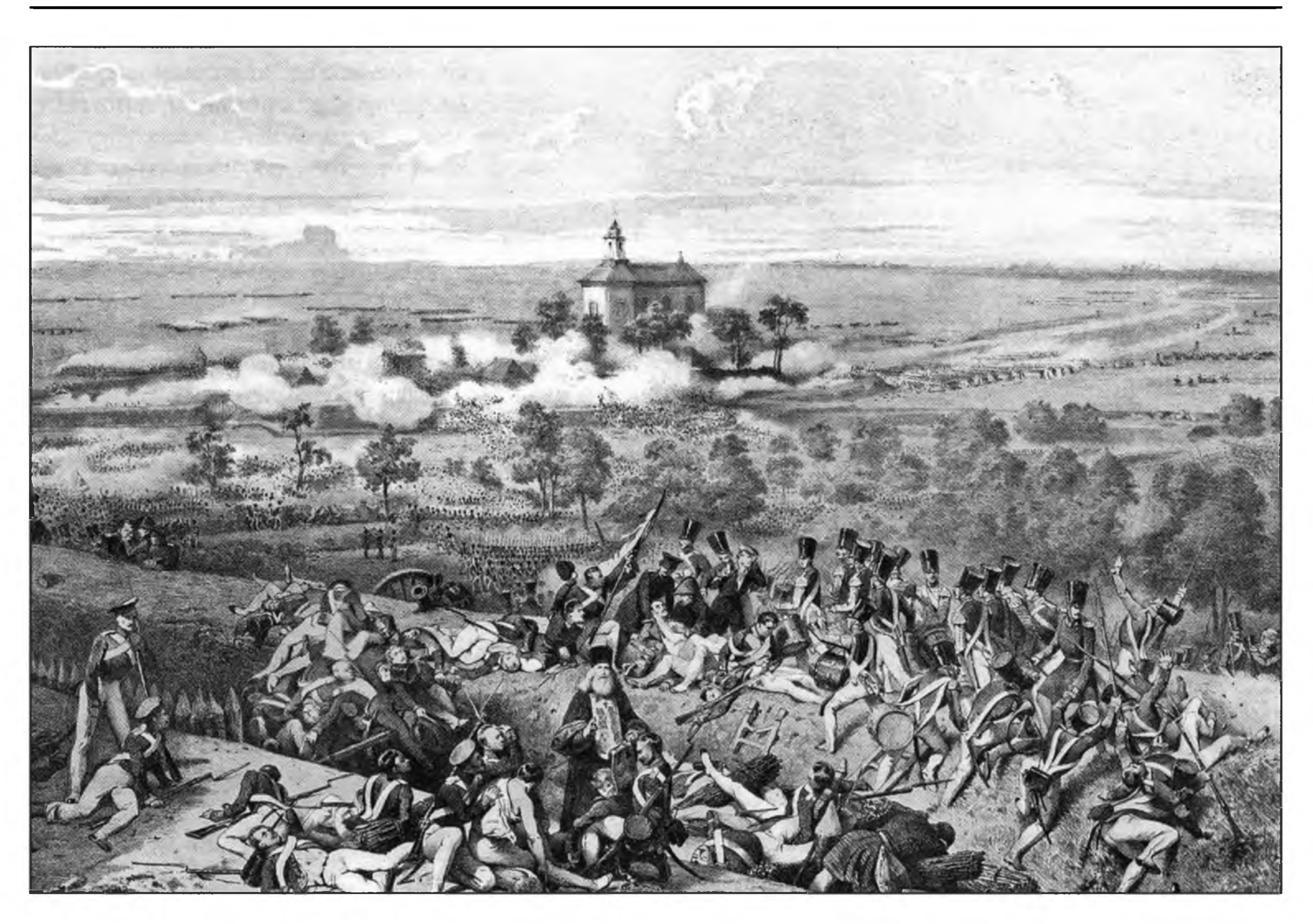
боев половину королевства, и остановился перед Варшавой таким образом, будто он пришел из Силезии.

Там он разместил свои госпитали и склады, он укрепил Лович с тем, чтобы сделать из него форпост для своих операций, а также присоединил к своей армии корпуса Крейца и Ридигера. Он приказал расширить лагерь для того, чтобы дать войскам некоторое время для отдыха, и не обращал никакого внимания на марши контрмарши неприятеля, желавшего вынудить его распылить свои силы. Тем временем, наши солдаты мастерили лестницы, туры и фашины, они упражнялись в штурмовых действиях на специально построенных укреплениях.

В Варшаве близость нашей армии и высокая репутация ее командующего посеяли беспокойство и страх. Наиболее рассудительные видели, как приближается момент падении Варшавы. Бунтовщики, напротив, строили иллюзии, рассчитывая только на негодные средства, раздували воинственные настроения и требовали сражения, в котором сами не собирались принимать участия. Они стремились возбудить народ и направить его массу против той армии, которая приближалась, как грозовые облака, изрыгавшие гром над их головами, и метавшие молнии возмездия за все те преступления, в которых они были виновны вот уже 8 месяцев.

Диктатор только по должности генерал Скржинецкий во исполнение воли Лелевеля и других ревнивых вождей бунтовщиков стремился не к руководству боем, а только к общему командованию. Даже войска, распущенные уже якобинской вольностью, подчинялись ему с трудом. Князь Чарторыйский, который был в начале душой этого восстания и глупое честолюбие которого уже рисовало ему польский трон, стал подозрительным для демократической партии, с которой он вынужден был объединиться для укрепления своих позиций. Все генералы интриговали и обвиняли один другого, народ чувствовал измену, армия видела неспособность своих командиров, а государственная казна была опустошена. Европа, которая симпатизировала им и вдохновляла польский бунт, не сделала ничего для того, чтобы им помочь, и удовлетворилась тем, что в газетах прославляла героизм восставших и ругала на чем свет стоит императора, его правительство и его генералов.

Якобинский клуб в Варшаве (как созданный по образцу первой французской революции) волновался и издавал обращения, он хотел призвать всех служащих в качестве судей для организации суда над собой. Вдохновленные только мыслями о беспорядках и о судебной ответственности, вожди движения хотели приказать главнокомандующему дать сражение и разбить русских. Сейм был вынужден подчиниться этим крикам и решил направить в армию свою делегация с тем, чтобы убедиться в ее положении и обругать Скржинецкого. Тогда он заявил, что неуверен в успехе наступления, но, будучи атакован нахальством вождей, подал в отставку. На его место был назначен молодой полковник Дембинский, не имевший опыта и военных заслуг, который выехал в армию. Однако, вскоре он убедился в том, что почти не имеет власти, и начал искать путей избавиться от обременительных обязанностей.

Взятие укрепления Воля в предместье Варшавы 25 августа 1831 года

Подстрекаемый лоббистами народ волновался, требовал наказания изменников, собирался в толпы и роптал. Наконец, 3 августа он направился к воротам дворца, вышиб двери и арестовал около 50 человек, обвиненных в так сказать измене. Затем они были лишены жизни с жестокостью, свойственной обезумевшей толпе, которая не знает больше ни страха, ни жалости. Одни были повешены на фонарях на дворцовой площади, других забросали камнями, вытащили покрытых кровью на мостовую и растерзали с бешенством диких животных. Уже давно страстно желавший власти генерал Круковецкий смог восстановить порядок, и в отсутствие других претендентов был назначен диктатором и командующим армией.

Тем временем Дембинский, который больше всех выступал против пассивности Скржинецкого, использовал свое 48-ми часовое командование только для того, чтобы отступить с выгодной позиции в Болимово и приблизиться к укреплениям Варшавы. С самых первых дней восстания столица была окружена укреплениями, над строительством которых все жители, включая женщин высокого положения, с воодушевлением работали под звуки музыки и патриотических песен. Окружавшие город укрепления включали вооруженные пушками палисадники, дома, окруженные зубчатыми стенами, забаррикадированные улицы, ведущие к городским воротам, и, кроме того, возведенный отдельно от крепости

редут перед деревней Воля. За всеми этими сооружениями польская армия могла чувствовать себя непобедимой, а Варшава — защищенной от любых штурмов.

Узнав об отступлении неприятельской армии, маршал, закончивший все приготовления, оставил лагерь под Ловичами и приблизился к укреплениям, окружавшим Варшаву.

* * *

Тем временем поляки вернулись и атаковали наш авангард под Шиманово, откуда они были выбиты яростной атакой графа Витта, который, кроме того, взял много пленных. В другом месте, в Тополево, во главе нескольких кавалерийских полков генерал Ностиц опрокинул сильный польский отряд, высланный ему навстречу. Немного позже граф Витт, имея во главе своего отряда казачий атаманский полк, бросил его на полном скаку против колоны пехоты, вышедшей для рекогносцировки, при этом полк изрубил в капусту 500 человек, а остальные 1,5 тысячи вместе с их командиром взял в плен. При каждом столкновении превосходство наших войск получало все новые подтверждения, а теснимый со всех сторон противник мог укрыться только в редутах и под защитой пушек укреплений столицы. По всем направлениям стояли наши посты, а наши солдаты уже видели колокольни взбунтовавшегося города.

В Варшаве все давали советы, все хотели командовать — генералы, депутаты Сейма и члены клуба якобинцев, все стремились к тому, чтобы их мнение возобладало. Окруженный по левому берегу реки город нуждался в усилении поставок продовольствия и снаряжения с противоположного берега. Случались также вылазки из Праги, направленные против корпуса генерала Розена, которого они во второй раз надеялись захватить врасплох. Получив сведения о намерениях неприятеля, он задумал прервать пути сообщения между Прагой и Варшавой, спалив большой мост через Вислу. Это опасное предприятие было поручено полковнику Сливицкому, которого снабдили всеми требуемыми для этой работы материалами. В сопровождении лейтенанта Горскина и 13 солдат он под покровом ночи на трех небольших лодках спустился по реке. Оказавшись под мостом и все еще незамеченный неприятелем, Сливицкий собственноручно прикрепил к мосту гранаты с горючими материалами и соломой. Вскоре появился огонь, пламя сопровождалось взрывами, которые вызвали переполох в Праге и в Варшаве. Ударили в набат, армейские барабаны собирали войска, и вскоре пожар на мосту был погашен. Сливицкий счастливо избежал опасности, добравшись ниже по течению до небольшого лесочка, где спрятавшиеся там казаки встретили его и его бесстрашных товарищей.

Без промедления Ромарино перешел мост во главе 22 тысяч человек и при 38 орудиях и быстро направился к брестской дороге. Розен отвел свои аванпосты и освободил дорогу полякам с тем, чтобы максимально удалить их от места, где должна была решиться судьба Польши.

Этот маневр нисколько не нарушил энергичных намерений маршала, Варшава начала понимать неизбежность своего падения. В качестве диктатора Круковецкий

подчинил себе армию графа Малаховского и призвал всех жителей к защите последнего оплота революции. Варшава превратилась в обширный военный лагерь, где царили разногласия между командирами, где народ был призван к оружию, где презирали власть, и где отчаяние готовилось к последней и кровавой схватке. Узнав о маневре Ромарино, который лишил столицу 22 тысяч ее защитников, Паскевич ускорил исполнение своих намерений и к великой радости всей армии приказал начать штурм. Когда все было готово, он попытался избежать пролития крови доверенных его командованию солдат, так же как и крови взбунтовавшихся подданных своего государя. Он послал генерала Берга объявить начало штурма, который могла бы остановить только полная капитуляция. Круковецкий ответил ему надменными словами о том, что поляки взяли в руки оружие с тем, чтобы защитить независимость и восстановить свою родину в прежних границах.

После получения этого ответа Паскевич выстроил свою армию, он взял из рядов гвардии тысячу солдат и распределил их в первых рядах атакующих колон, что вызвало повсеместное воодушевление. Рано утром 25 августа все войска в полном порядке при развевавшихся знаменах и с барабанным боем двинулись к укреплениям. Находившаяся впереди артиллерия на близком от неприятеля расстоянии развернула свои ряды и начала обстрел. Две сотни орудий разнесли передовые сооружения, после чего по условному сигналу батальоны бросились на штурм. Два редута были взяты беглым шагом, установленные там пушки оказались захвачены, а гарнизоны взяты в плен. В это же время 1 корпус при поддержке 3 гренадерской дивизии захватил редут, находившийся впереди грозных укреплений Воли. Этот пункт был ключевым для всей позиции, защищавшей подступы к Варшаве. Захват этого места был столь же сложен, как захват настоящей крепости. Укрепления Воли имели большую протяженность, были снабжены бастионами и палисадами, имели большую глубину траншей и высоту стен, их защищала многочисленная артиллерия и более 3 тысяч человек. Маршал приказал артиллерии приблизиться на расстояние картечного выстрела, более получаса гремела канонада, она была особенно смертельной для нашей артиллерии, открытой для обстрела с задней части укреплений. Во время этого памятного штурма все происходило при полном порядке, как на учениях, пехотные колоны ждали с оружием в руках момента для наступления.

Руководивший этой атакой граф Пален получил сигнал и бросился вперед с быстротой, на которую вдохновило наших солдат его личное присутствие. Добровольцы из гвардии двигались впереди, они первыми бросились в ров, ружейный и пушечный огонь с укреплений производил в наших рядах ужасные опустошения, но наши бесстрашные солдаты отвечали на него только криками «Ура!» и все возраставшими усилиями разрушить палисадники. Офицеры и командиры полков подавали пример, в один миг все препятствия были разрушены и наши солдаты вскарабкались на укрепления. Тем временем бригада 2 корпуса под командованием генерала Берга получила приказ обойти Волю и атаковать ее со стороны

Варшавы. Она встретилась с теми же препятствиями, преодолела их и взобралась на стены почти одновременно с войсками графа Палена.

Тогда стало ясно, что сражение будет возобновлено, так как поляки, выбитые со своих укреплений, перешли во внутреннюю крепость, построенную по образцу Воли. Там они приготовились дорого продать последний оплот их существования. Не остановленные этим последним препятствием, Пален и Берг отдали приказ о штурме, и две колоны вперемешку проникли в эту цитадель. Опрокинутые и отброшенные со всех сторон командир и около батальона солдат забаррикадировались в церкви и в прилегавших домах. Но двери были выбиты и все они были убиты или обезоружены. Главнокомандующий бунтовщиков, видя, что у него под носом была захвачена важнейшая составляющая часть обороны, поспешил выдвинуть сильную колону с 40 орудиями с тем, чтобы отбить обратно Волю. Неприятель уже приблизился на расстояние половины ружейного выстрела, когда наши храбрые солдаты, желая сохранить столь дорого доставшееся им завоевание, спустились с укреплений и атаковали неприятеля штыковым ударом. Неприятельские батальоны были отброшены, но, хорошо понимая всю важность Воли, эти войска были заменены свежими частями. Поляки три раза пытались атаковать, но были отбиты с большими потерями. Наконец мы остались хозяевами крепости, и с наступлением темноты сражение было прервано.

Маршал Паскевич перенес свою главную квартиру в разрушенную Волю, он воспользовался наступившей ночью для того, чтобы отдать приказания о штурме укреплений Варшавы, который должен был начаться рано утром следующего дня. В городе ужас охватил всех жителей, там в суматохе обсуждали различные варианты действий, и, наконец, в три часа утра у наших аванпостов появился генерал Прондзинский. Его привели к маршалу, и он заявил, что вся Польша сдается на милость ее государя императора Николая. Паскевич потребовал, чтобы Круковецкий лично подтвердил ему эти слова. Тот прибыл, но его поведение не означало капитуляции. Маршал принял его в присутствии великого князя Михаила и заявил ему суровым и угрожающим тоном, что он не намерен вести дискуссии с бунтовщиками, и что он может принять только полную и безоговорочную капитуляцию. Круковецкий не дал положительного ответа, заявив, что он не может ничего решить без консультации с Сеймом. Для этого он попросил трехчасовую отсрочку, которая и была ему предоставлена.

Так как по истечении этого времени ответ не был доставлен, Паскевич направил в город флигель-адъютанта императора князя Суворова для того, чтобы предупредить их о возобновлении сражения. Несмотря на свое желание сохранить солдат и избежать разрушения Варшавы, маршал опасался возвращения Ромарино с 20 тысячами защитников Варшавы и не мог отложить военные действия. Итак, он скомандовал штурм. Главное наступление должно было быть направлено против редута «Воля», прикрывающего предместья Вольское и Чисте с тем, чтобы не допустить прихода подкреплений, которые могли передвигаться

Генерал Ян Скржинецкий

по краковской дороге и должны были совместно со другим корпусом попытаться приковать основные силы наступающих к Иерусалимской заставе.

Как и накануне, первую линию составляла артиллерия. Она была развернута на расстоянии половины пушечного выстрела от неприятеля, она открыла плотный огонь против укреплений и забрасывала гранаты в предместья, которые вскоре были охвачены пожаром, закрывшим пламенем и дымом от наших солдат вид на дома Варшавы. Артиллерия укреплений живо отвечала на наш огонь, пушечная перестрелка в 600 стволов с каждой стороны была началом этого столь решающего и славного дня. Наши пушки приблизились уже меньше, чем на 150 туазов, их огонь разрушил укрепления и был остановлен для того, чтобы уступить место атакующим колонам, которые под барабанную дробь и солдатские песни двинулись на штурм. Наша победа не вызывала никаких сомнений. Укрепления, возведенные в предместье Воля и Чисте, были взяты беглым шагом, даже не зажигая запалов в ружьях.

Наконец, наши победоносные солдаты бросились на штурм стен Варшавы. Там завязалось ожесточенное сражение, стрельба из укреплений, из садов и домов косила наших солдат, но не могла уменьшить их отвагу. Они поднялись на укрепления, очистили сады, развалили дома, все баррикады на улицах были захвачены с криком «Ура!» в результате штыковой атаки. Солдаты гвардии и линейных

полков ни на мгновение не нарушили порядок и самую строгую дисциплину. После каждого сражения и каждого нового усилия их ряды смыкались, и они ждали новых приказаний своих офицеров, которые везде показывали пример спокойствия и отваги.

Несколько кавалерийских полков неприятеля предприняли последнее усилие и отчаянно набросились на колону, атаковавшую Иерусалимскую заставу. Получилась общая свалка, гвардейские драгуны и гусары были контратакованы, но не были отброшены, все бились врукопашную, знамя драгун затерялось в их рядах, все бросились вырвать его из рук неприятеля, в результате ожесточенного боя драгуны вернули себе знамя. Наконец, во всех пунктах поляки были отброшены, их сопротивление сломлено и их преследовали. Они отдали победу неукротимому русскому орлу. Поляки храбро сражались, но были вынуждены уступить бесстрашию и дисциплине наших войск. Опустившиеся сумерки положили конец резне, в наших руках остались 130 артиллерийских орудий, внешние укрепления и предместья столицы, а также более 4 тысяч пленных.

Несмотря на два дня смертельного сражения, на многочисленные приступы, на чувствительные потери убитыми и раненными (около 2 тысяч убитыми и более 4 тысяч раненными, причем офицеры составляли огромную их часть), на призывы к отмщению, ни один солдат не ворвался в жилой дом, ни один безоружный житель не пострадал и наши батальоны на улицах Варшавы были столь же дисциплинированы и послушны, как на учениях.

В то время как наши храбрые солдаты постепенно завоевывали разрозненные укрепления и, наконец, захватили всю крепостную стену, которая защищала мятежный город, внутри него властями и радикально настроенными патриотами овладевали хаос, колебания, ревность и страх. Они надеялись на то, что штурм либо не состоится, либо будет отбит, на то, что Ромарино вернется вовремя, на то, что маршал захочет вести переговоры и что он примет выгодные для них условия капитуляции. Как только артиллерийская канонада прервала их блестящие и бесполезные дискуссии, на наши аванпосты вновь прибыл Прондзинский, который сообщил, что Сейм наделил генерала Круковецкого полномочиями заключить капитуляцию. Тогда маршал послал к Круковецкому вместе с Прондзинским генерала Берга с тем, чтобы договориться об условиях капитуляции на основе полной сдачи, но с тем, чтобы спасти город и избежать обоюдного пролития крови, заявив, впрочем, что атака не может быть прервана.

Устрашенный и измученный глупостью вождей, которые не могли договориться, Краковецкий написал письмо императору, в котором он от имени всей нации выражал ему покорность и просил только о полном прощении для всех поляков. Это письмо заранее предвосхищало милосердие государя, и маршал посчитал его недостаточным. Таким образом, Берг и Прондзинский были вынуждены в гуще сражения, осыпаемые ядрами и в огне пожаров, неоднократно ездить в Варшаву и в главную квартиру Паскевича, который и сам был сброшен с лошади рикошетированным ядром. Наступление темноты прервало сражение, которое не было

еще закончено. Оттесненные на улицы Варшавы польские батальоны были перестроены под защитой заранее приготовленных баррикад и укрепленных домов, и они были готовы с наступлением рассвета дать последнее и кровавое сражение. Паскевич предупредил, что если к 4 часам утра польская армия не уйдет из города и не перейдет на другой берег Вислы, то штурм будет возобновлен, и все связанные с этим несчастья падут на голову Круковецкого. В 11 часов вечера Берг и Прондзинский, которым было поручено сообщить этот ультиматум Паскевича, подъехали к Королевскому дворцу, в котором собрался почти весь Генеральный штаб восставшей армии, все члены Сейма и большое количество знати. Они были в полном вооружении, но крайне предупредительны к посланцу Паскевича. Именно ему оказывались знаки внимания, его убеждали в непоследовательности бунта, снимали с себя за него ответственность. На этом собрании не было только Круковецкого, и именно его громко обвиняли в создании препятствий к примирению. Время шло, а он так и не приходил. Наконец, он появился и заявил Бергу, что больше не является диктатором, что его полномочия окончены, и что он ничего не может поделать с сумасшедшими, именно так он назвал власти, которые на протяжении 8 месяцев правили Польшей. Тогда Берг обратился к командовавшему войсками графу Малаховскому, и потребовал от него скорейшего ответа. Видя, что приближается решительный час, он принял, наконец, требования маршала. Войска вышли из Варшавы, перешли по мосту Вислу и двигались от Праги к Плоцку. Все это было предусмотрено приказами императора, переданными ему еще с самого начала бунта. Тут же были отправлены приказы Рамарино, который уже приближался к Варшаве, так же как и всем другим отрядам прекратить военные действия. Нация просила прощения и выражала покорность своему законному королю. Жители столицы молили победителей о великодушии.

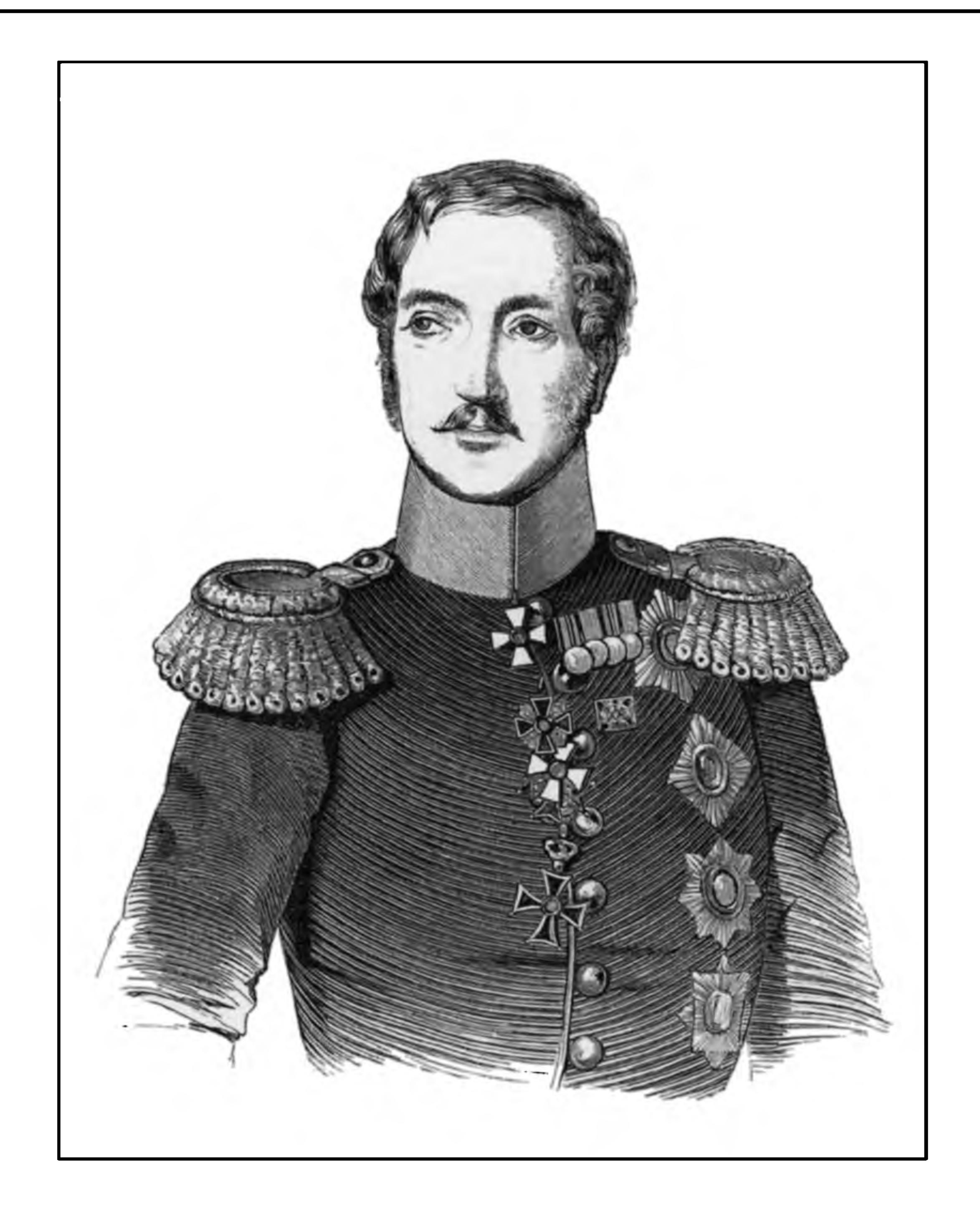
Во главе гвардии первым в этот город, из которого бунт изгнал императора, вошел великий князь Михаил. Его отряд отличался красотой выправки и дисциплинированностью, свойственными гвардии в Петербурге. В город вошли все основные силы гвардии, и это возвращение всевластия государя не сопровождалось ни малейшими проявлениями беспорядка или насилия. В тот же день открылись магазины, и люди свободно прогуливались на улицах того самого города, который еще вчера сотрясался от артиллерийской канонады. Генерал-губернатором Варшавы маршал назначил графа Витта, он сформировал временное правительство и направил к императору князя Суворова с рапортом об этом величайшем примирении. Он приехал в Царское село, куда за два дня до этого маршал направил диспозицию войск и свой приказ о штурме на следующий день. Можно только догадываться, с каким нетерпением император ожидал последующих сообщений, и в каком беспокойстве были все те, кто знал об этих первых сообщениях. Санитарный кордон вокруг Царского села задержал Суворова на некотором расстоянии от места пребывания императора, который прибыл туда и лично привез Суворова во дворец. Там он воздал благодарность Богу, что было всегда

его первым побуждением, уже через несколько минут дворец наполнился людьми, и радость охватила всех вокруг.

Вместе с остатками польской армии из Варшавы ушла часть делегатов польского Сейма и некоторые из руководителей бунта, которые посчитали себя наиболее виновными. Не рассчитывая получить прощение за свои преступления, они сделали все возможное для того, чтобы убедить генералов и солдат в том, что дело национального спасения еще не проиграно, что Польша — это не только Варшава. Они утверждали, что спасение родины находится в руках армии, и требовали продолжения борьбы. За несколько дней до этого, предчувствуя падение столицы, Чарторыйский бежал и присоединился к Ромарино. Ему не составило особого труда убедить этого авантюриста не подчиниться приказам, которые были посланы как следствие капитуляции, и двигаться к границам Австрии. Другие руководители отрядов, такие как Козинский и Рожнецкий, также продолжали борьбу, а гарнизоны Модлина и Замостья последовали их примеру и не открыли свои ворота. Фактически условия капитуляции были нарушены и тем самым поляки утратили последнюю надежду, которую они еще могли питать, заключить соглашение, основанное на видимости подчинения приказам своего государя. Война была продолжена, и она вернули польскую армию и всю страну к подчинению законам военного времени.

Высказанная Европой и особенно либералами Германии, Франции и Англии огромная симпатия к бунтовщикам была болезненно ущемлена известием о взятии Варшавы. В газетах, спорах в домах и в парламентах Парижа и Лондона возобновились проклятия против императора Николая и выражения сочувствия к судьбам Польши. Военный успех, повысивший репутацию нашей армии, устрашил враждебно настроенные к нам правительства, а исключительные дисциплина и порядок, сопровождавшие штурм и выказанные после него, удивили и разозлили наших противников, которые были вынуждены отдать им дань уважения. Находившийся в Седлеце напротив генерала Розена Ромарино двинулся к верховьям Вислы с тем, чтобы приблизиться к Галиции. В Ковеле он остановился и предложил начать переговоры. Розен ответил, что ему не остается ничего другого, как сдаться на милость победителя. После этого он продолжил свое движение со стремительностью позорного бегства. Его преследовал авангард Розена и отряд генерала Красовского, который прибыл из 1-й армии фельдмаршала Остен-Сакена способствовать окончанию войны.

В Йозефово Ромарино попытался остановить преследование, но был побит и отброшен. В Рохово во главе нескольких батальонов генерал Головин опрокинул главные силы поляков. Около Савихвоста он еще пытался сопротивляться, но был в штыковую атакован двумя полками егерей, под предводительством лично генерала Красовского, после чего его войска рассеялись и перешли австрийскую границу около Борова. Также как Дверницкий и Гелгуд, Ромарино избежал полного поражения, только сложив оружие на чужой земле. Оказав генералу Розену помощь в разгроме Ромарино, генерал Красовский перешел через Вислу

К.А.Крейц

с тем, чтобы разбить отряд Каминского. Он настиг его в Стобницах, опрокинул и со шпагой в руке преследовал до границ Кракова, где Каминский всего с несколькими офицерами нашел свое спасение. Весь его личный состав — 3 тысячи человек пехоты и 2 тысячи человек кавалерии — был распылен или взят в плен.

С другой стороны генерал Ридигер преследовал Рожнецкого. Он обнаружил арьергард неприятеля построившимся в боевые порядки позади деревни Михайловка, с ходу атаковал его, опрокинул и взял 1200 пленных. Затем он безостановочно преследовал его и вынудил перейти через границу около Кракова. Там австрийцы встретили этих новых беглецов, разоружили их и на сей раз рассматривали их как военнопленных. Оставались войска, которые покинули Варшаву при условии сдаться в Плоцке. Некоторые революционные вожди, такие как Немоевский, Муравский и другие, которые убежали из Варшавы, вынудили командующего войсками Малаховского остановиться под прикрытием пушек Модлина и продолжить военные действия. Не сумев преодолеть разногласия, они там сместили с должности Малаховского и назначили вместо него генерала Рибинского, а Немоевский стал председателем временного правительства. Генерал Берг был послан маршалом Паскевичем для того, чтобы настаивать на исполнении поляками тех условий, на которых он был готов остановить последний штурм на улицах Варшавы. Но злоба заставила их высокомерно принять посланника их

победителя, и существенно усилив гарнизон Модлина, Рибинский начал приготовления в Плоцке с тем, чтобы возобновить войну и перенести ее на левый берег Вислы. Тогда Паскевич оставил в Варшаве часть войск под командованием графа Витта, направил генерала Крейца блокировать Модлин, граф Пален получил приказ спуститься по левому берегу Вислы, и он сам во главе гвардейского корпуса и корпуса гренадер двинулся против бунтовщиков. Те уже начали свой переход через реку, но, видя, что корпус под командованием графа Палена их опередил, оставили свой замысел и со всеми силами направились к Рогово. Ускоренным темпом маршал настиг их у Рупина. Видя, что сражение неизбежно, и что у них нет иного пути отступления, как на территорию Пруссии, поляки решились перейти границу и там сложить оружие. Всего их было 22 тысячи бойцов при 24 орудиях.

Так закончилась история приключений этой польской армии, которая была сформирована на национальной основе, благодаря непредусмотрительному благородству императора Александра, и которая взбунтовалась из-за неблагодарности и безумия.

Комендант Модлина полковник Ледуховский узнал, что недалеко от крепостных укреплений появился великий князь Михаил. Он прибыл к Его Высочеству и попросил милосердного отношения к гарнизону. Великий князь приказал ему сдаться на милость победителя. Он подчинился, и на откосе укреплений семь тысяч человек сложили оружие и сдались в плен. Маленькая крепость Замостье последовала примеру Модлина, и все королевство было приведено к покорности и умиротворению. Император пожаловал маршалу титул князя Варшавского и щедро наградил всех тех, кто был ему рекомендован.

Был издан манифест, в котором в королевстве провозглашалось временное правительство под руководством Паскевича. В него постарались включить и несколько поляков из числа наименее скомпрометировавших себя, которые могли и желали войти в состав новой администрации. Армия объявлялась распущенной, как недостойная из-за своей измены служить своему государю, военная форма была уничтожена. И только некоторые оставшиеся верными присяге генералы и офицеры получили разрешение влиться в ряды русской армии. Столь блестяще проявившая себя в этой войне императорская гвардия была немедленно направлена в Петербург. Гренадерский корпус вернулся в свое расположение, и все остальные войска за исключением 2 и 3 корпусов вернулись в пределы наших границ.

Австрия и Пруссия были несколько стеснены тем количеством поляков, которые в различное время убежали на их территорию для того, чтобы спастись от русского оружия. Они были вынуждены принять суровые меры против беспорядков и бунтарского духа в их рядах. Польские генералы и офицеры разошлись по разным направлениям и унесли свою ненависть к России и свои проклятия в Париж, Лондон, в Бельгию и вплоть до Америки. В единичных случаях солдаты последовали за ними, но основная их масса осталась в Галиции и в Познани, где большая их часть вернулась к мирной деятельности. Те же, кто пожелал вернуться в королевство, получили такое разрешение, император объявил всеобщую

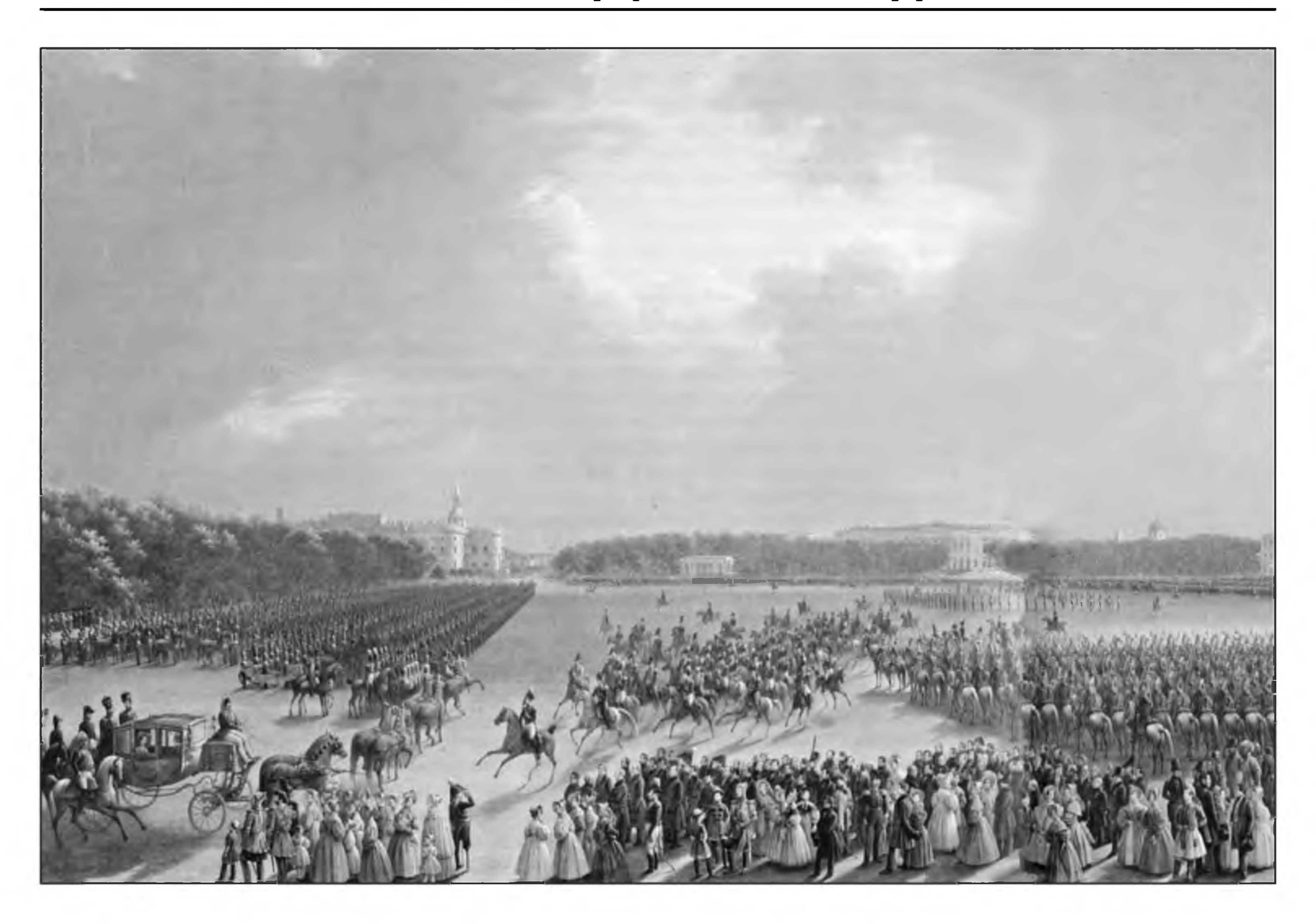
амнистию всем тем, кто не играл руководящей роли в революционных событиях. Для желавших воспользоваться ею был установлен срок, который дважды продлевался. Но большая часть офицеров не воспользовалась ею, и предпочла остаться на территориях Европы, где их восторженно встретила обманчивая симпатия. Франция особенно активно снабжала их деньгами и средствами для передвижения. С ними нянчились во всех германских городах. Но их безнравственное поведение, бунтарский дух и особенно вызванные ими расходы ослабили тот интерес, который они первоначально вызывали, и вскоре к ним стали относиться как к неудобным и опасным гостям, их дело было забыто и них даже разочаровались.

В Варшаве был назначен суд для ведения дел против зачинщиков революции, против убийц и депутатов Сейма, предлагавших регресс, против действующих лиц августовских убийств и всех тех, кто был признан наиболее виновными во время бунта. Категория этих обвиняемых была составлена наиболее неопределенным образом для того, чтобы сократить их число настолько, насколько это представлялось возможным. Всем остальным было даровано общее прощение, возвращено право собственности и право гражданства.

* * *

В то время как в Польше совершались все эти события, в Петербург привезли тело великого князя Константина, который был похоронен в крепостной церкви со всеми почестями, приличествующими его положению члена императорского фамилии. Его супруга княгиня Лович сопровождала бренные останки своего супруга вплоть до Петербурга. Император и императрица приняли ее со всеми знаками самой сердечной дружбы и самого искреннего соболезнования. Она жила в Елагинском дворце печальная, разбитая, с ослабленным здоровьем, оплакивая своего супруга, возвысившего ее до положения невестки императора, который не переставал выказывать ей самую заботливую и нежную привязанность. Она не желала никого видеть и полностью предалась своей скорби. Так как я находился в постоянной переписке с великим князем, особенно в последнее время, и благодаря тому, что я жил рядом с Елагинским дворцом, она захотела со мной поговорить. Она полностью сохранила живость своего ума и теплоту души, но обрушившееся на нее несчастье и поражение ее родины Польши, которую она пламенно любила, сильно повлияли на состояние ее нервов и возбужденное воображение. Она горячо оправдывала поведение своего супруга и пыталась смягчить глупость и неблагодарность своих соотечественников. Этот разговор продемонстрировал, что ее душа находилась в смятении, а небольшие физические силы, которые подточила ее слабая природа, уже на исходе. Она оказалась во власти нервной болезни, которая не замедлила ее погубить. Подобно тому, как императрица Елизавета очень ненадолго пережила императора Александра, ее кончина последовала за смертью великого князя Константина.

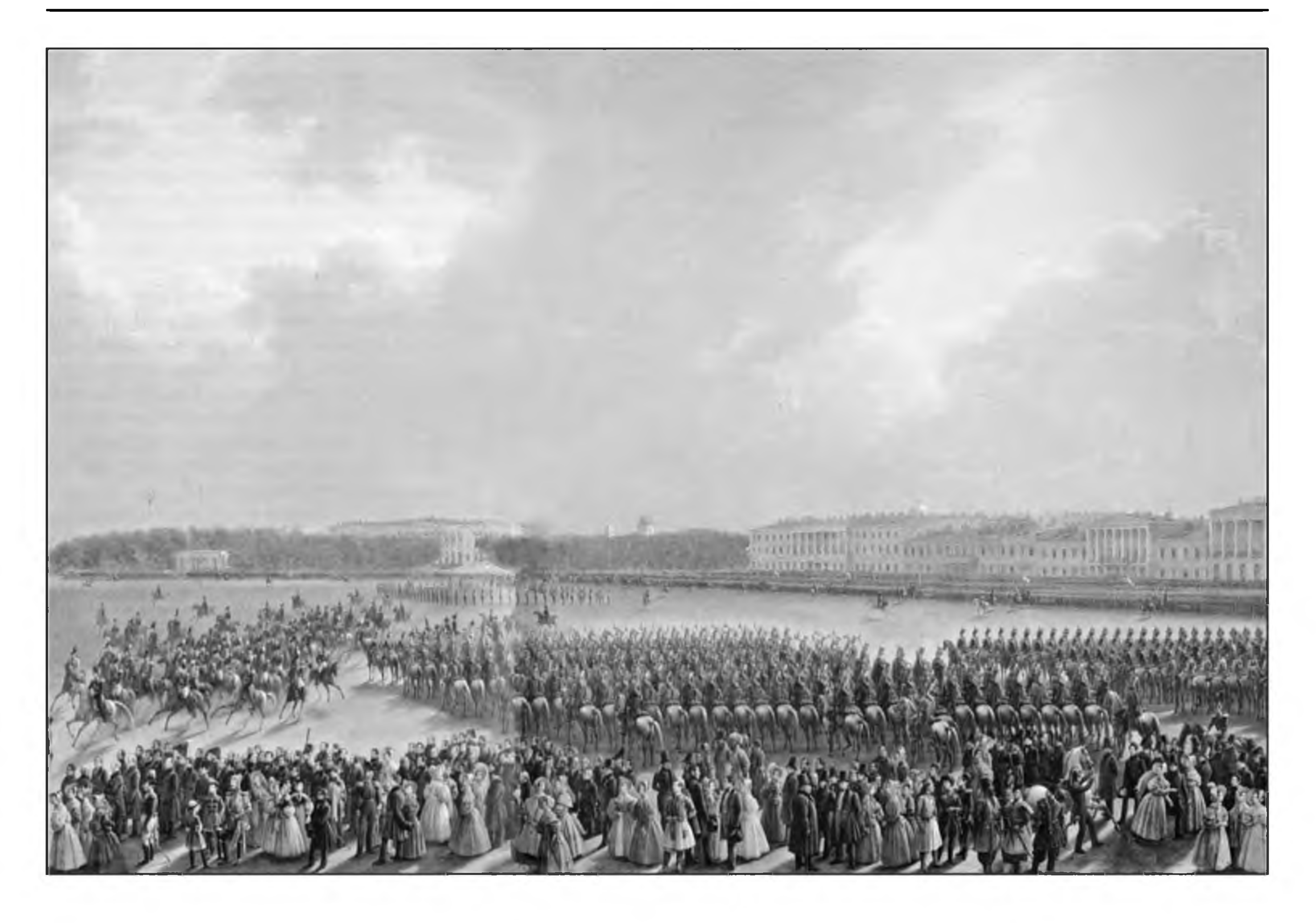
Несчастья, которые на протяжении года, казалось, прочно обосновались в России, стали уменьшаться, война, бунты и холера прекратились. Император, пожелавший разделить со своей древней столицей все эти опасности, решил

Парад на Царицыном лугу в Петербурге по случаю окончания военных действий в Польше в 1831 году

вернуться туда в тот момент, когда мир, спокойствие и окончание эпидемии вновь вернули туда покой и удовлетворение. К радости жителей этого большего и богатого города мы прибыли в Кремль 11 октября, а через три дня там же остановились императрица и наследник престола. Все население Москвы и пригородов направилось на Дворцовую площадь, люди толпились здесь с утра до вечера в надежде увидеть в окнах кого-нибудь из членов императорской семьи. Везде по маршрутам их проезда толпился народ, везде вокруг их экипажей раздавались радостные крики. Со своей обычной энергией император посещал все учреждения, активно работал над реорганизацией Царства Польского, трудился над законами и установлениями в соседних с польскими губерниях с целью объединить их с исконно русскими. Должности чиновников и их мундиры были изменены по образцу тех, которые существовали во внутренних губерниях империи. Университет в Вильно был реорганизован, из учебных заведений было убрано все то, что ранее по недосмотру укрепляло тенденции польского национализма, обучение в них стало производиться на русском языке. Шляхта, эти отбросы бедных и кочевых дворянчиков, была лишена прав и привилегий старинной знати, она была сведена к переходному сословию между собственниками материальных благ и земледельцами.

Во время пребывании двора в Москве туда были привезены знамена и воинские штандарты бывшей польской армии, которые были выставлены на обозрение

Парад на Царицыном лугу в Петербурге
по случаю окончания военных действий в Польше в 1831 году

всей Москвы в Оружейной палате в числе трофеев, которые собирались там на протяжении веков. Здесь же была помещена дарованная Польше императором Александром конституция, она лежала на полу, у подножья портрета ее создателя. Уже в последние годы своего царствования он сожалел, что в приступе благородства подписал этот документ, столь же ложный для политического положения Польши, сколь и оскорбительный для самолюбия его могущественной империи.

На несколько дней император покинул императрицу для того, чтобы съездить в Ярославль. Ночью мы остановились перед знаменитым Троицким монастырем, который чудесным образом устоял в многомесячной осаде в ходе печально известных событий Смутного времени, приведших польские армии в самый центр нашей родины. При свете факелов у входа нас встретил архимандрит с монахами. В двенадцатиградусный мороз император с непокрытой головой последовал за ним через двор и открытые галереи до старинной и богато украшенной церкви, где бесстрашные защитники этого благочестивого места, уже ослабленные голодом, сражениями и ранами, собрались для общей молитвы и причащения, предчувствуя последний штурм поляков и неизбежную смерть. Здесь они встретили день, когда стремительное и неожиданное отступление их врагов положило конец их страданиям и мучениям. Воспоминание об этом событии, древность этих сводов, созданных для молитв, окружавший нас сумрак, при котором свет факелов

выхватывал только позолоту и драгоценные камни, украшавшие иконы и древние росписи храма, все это внушило мне святой трепет и мрачную меланхолию. Монахи проводили императора до коляски, и мы продолжили путь в Ярославль. К обеду мы остановились в Ростове, все население которого собралось перед собором, красивым и древним сооружением, относившимся к наиболее древним временам нашей истории. После обычной молитвы император остановился у одного из самых богатых купцов города, где после разговора о торговле он принял участие в обеде, который хозяева дома приготовили с гостеприимством и усердием, ярко характеризующими характер наших торговцев, особенно когда они имеют счастье принимать у себя своего государя.

Вечером мы приехали в Ярославль. Огромное количество людей заполнило все улицы, дома были освещены, радость была высказана с еще большей силой, чем в самой Москве. Долгое время после того, как император вошел в свое жилище, приветственные крики не прерывались, и время от времени возобновлялись с новой силой. Послали сказать народу, что император устал и хочет спать, только после этого из уважения к государю толпа разошлась, но с раннего утра собралась вновь, готовая приветствовать своего монарха. Император посетил собор, осмотрел публичные учреждения, самым замечательным из которых был институт, основанный дворянином Демидовым[144], и столь щедро обеспеченный на будущее, что 200 молодых людей там жили и воспитывались за счет средств его основателя. Главное внимание императора привлекли городские украшения, набережные красавицы-Волги, фабрики по производству тканей и скатертей и изящной конструкции монастырь. Он посетил тюремный госпиталь, обширное здание, где были собраны дети солдат, служивших в батальоне, они воспитывались и питались за казенный счет. Знать устроила бал в помещении дворянского собрания, которое одновременно служило местом благотворительности для мальчиков и девочек из бедных семей. После того, как он везде побывал в постоянном сопровождении огромной толпы людей, жаждавших его видеть, после того, как он отдал приказания по улучшению городской жизни и украшению города, император сел в коляску и без промедления вернулся в Москву, где он пробыл еще до 25 ноября. Большой концерт в зале дворянского собрания, приемы у генерал-губернатора и у императрицы позволили высшему обществу насладиться присутствием Их Величеств. Все были восхищены их добротой и той искренней приветливостью, которые стерли требования этикета и разницу в общественном положении.

Император выехал из города вместе с императрицей и сопровождал ее до остановки на ночь во дворце в Твери. Там вечером мы сели в коляску и в один переезд добрались до Царского села. Около Новгорода сильный и холодный ливень обрушился на нашу открытую коляску, и мы продрогли до костей. Мы мерзли всю ночь и были уверены, что только крепкое здоровье и счастливый случай могли спасти нас от болезни. Перевезенная в Царское село княгиня Лович скончалась, и император поспешил вернуться для того, чтобы воздать последние почести своей невестке. В присутствии всего двора в 11 часов ее тело было предано

земле в маленькой католической церкви Царского села, которую она сама выбрала как место своего успокоения.

1832

Европа ревниво относилась к нашему могуществу, они симпатизировала делу польской независимости, как оружию, которое ослабляло наши силы. Тем не менее ей пришлось вытерпеть новые успехи наших армий, уничтожение польской армии и все те изменения, которые император счел полезным осуществить для того, чтобы покорить этот дух национальной независимости, столь мало соответствовавший естественному состоянию польского королевства. Под этим названием оно некоторое время было и могло быть только еще одной провинцией, присоединенной к нашей обширной империи.

Кабинеты Вены и Берлина столь же заинтересованные в спокойствии и покорности в Польше, как и петербургский кабинет, не разделяли общественного негодования, и поздравили себя с окончанием беспорядков, которые из Варшавы волновали их собственные провинции. Разумные люди во Франции и в Англии были уверены в том, что польская революция вынудила императора использовать свою силу и строгость, и, хотя и с сожалением, признавали, что умиротворение этого беспокойного края было необходимой гарантией мира и спокойствия на континенте. Но либералы, парламентская оппозиция в Лондоне и в Париже громким голосом требовали от своих правительств вмешательства в пользу поляков. Они требовали исполнения Венского трактата, который провозглашал независимую от России Польшу, только под управлением конституционного короля в лице императора России. Представители Англии и Франции были вынуждены для видимости подчиняться общественному мнению, и предложили правительству России свои добровольные услуги. Эти послы в Петербурге получили указания выступить в защиту поляков, но твердый ответ нашего министра иностранных дел отнял у них всякую надежду официально высказать свое мнение по вопросу, который император справедливо рассматривал как находящийся исключительно в его компетенции и не имеющий ничего общего с проблемами внешней политики. Сила заставила их замолчать, но разразились крики оппозиционеров в парламентах обоих государств. Споры в Париже и Лондоне, тамошние газеты мстили за бесполезность и беспомощность политических демаршей их правительств, а император, не обращая никакого внимания на эти проклятия, продолжал развивать и исполнять намеченные им планы.

События в Голландии и в Бельгии, которые вызвали официальную встречу в Лондоне полномочных представителей Англии, Австрии, Пруссии, Франции и России, заняли первое место в политических интригах. Франция и Англия

защищали интересы выросшего из революции нового королевства Бельгии, представители других держав, напротив, были расположены поддерживать Голландию. Эта разница интересов и суждений неизбежно должна была парализовать поиск договоренностей на этой конференции, составленной из столь различных частей. Франция добивалась решающего влияния над Бельгией, которое естественным образом объяснялось географическим положением, единым языком, обычаями и взаимными интересами, и пыталась увеличить его любыми способами. Англия ревниво относилась к планам своего соперника. Только совпадение принципов и ненависть их представителей к истинно европейским монархиям могли способствовать заключению союза с Францией, союза, который противоречил истории и политическим позициям обеих стран. В надежде на разрыв между великими державами, который был бы благоприятен для его частных интересов, король Голландии затягивал дело. Бывший до этого герцогом Саксен-Кобургским, вдовец принцессы Шарлоты Английской Леопольд решился участвовать в махинациях правительства Луи-Филиппа, который в Лондоне был представлен старым и хитрым Талейраном. Французы пытались расположить английское правительство в пользу Леопольда, Луи-Филипп хотел женить его на своей дочери и рассматривал его как вассала Франции. Заседания следовали одно за другим, противоречия не исчезали, дело не двигалось вперед, а между тем к оружию были призваны Голландия, Бельгия, Пруссия и Франция. С согласия прусского короля и по желанию всех партий император стремился убедить короля Голландии не препятствовать ведению переговоров в Лондоне, для чего к нему был направлен граф Орлов. Но цельная натура короля и его надежды на общеевропейскую войну противостояли всяким увещеваниям и предупреждениям нашего представителя. Тогда он направился в Лондон, был там принят при дворе, в правительстве и в обществе со всем усердием и отличиями, достойными того государя, которого он представлял, и соответствовавшими его личным качествам, которые заставляли все партии искать его расположения. Сделав эту попытку, император перестал заниматься голландо-бельгийским вопросом, он предоставил его разрешение ходу обстоятельств, не видя в нем ничего, что было бы существенно связано с прямыми интересами России.

Тем временем, получив известия об успокоении наших соседних с Польшей губерний, император отменил там военное управление, введенное много лет назад по приказу императора Александра. Эта мера, последовавшая вслед за прокатившимися там бунтами, вызвала самый благоприятный эффект, показав, с одной стороны, доверие правительства, а с другой стороны она продемонстрировала полною ликвидацию причин, вызвавших эти суровые меры предосторожности.

Реорганизация Царства Польского на новых основаниях была завершена, что привело к ликвидации временного правительства, которое со времени взятия Варшавы управляло страной. Командующий армией маршал Паскевич остался главой королевства и председателем административного совета, состоявшего из русских и польских чиновников, где решались все административные дела, и куда

входили военный губернатор столицы и начальники различных ведомств, которые в этом качестве заменили бывших министров. Находившиеся в королевстве войска были сокращены до одного корпуса, остальные вернулись на нашу территорию. Вместо целиком русской была создана жандармерия из русских и из поляков, в различных воеводствах были организованы инвалидные команды из местных солдат и офицеров, поведение которых после восстановления спокойствия было безупречным. Под командование высших офицеров нашей армии были отданы отделения полиции в военных округах с тем, чтобы одновременно блюсти справедливость и порядок в местном управлении. Офицеры бывшей польской армии, которые были прощены благородством императора, и которые выказали покорность, в том случае, если не имели средств к существованию, получали содержание, соответствовавшее их бывшим чинам. Солдаты были переведены в состав нашей армии и даже во флот с тем, чтобы завершить сроки своей службы. Сироты бывших военных и неимущие дети, воспитывавшиеся за казенный счет, были переведены в различные кадетские корпуса Петербурга и Москвы в соответствии их возрастом. Их растили и воспитывали с той же заботливостью, что и детей русского дворянства. Кадетский корпус в Калишах был ликвидирован. В Польше и в наших южных губерниях была конфискована собственность зачинщиков революции, тех, кто играл в ней важную роль, и тех, кто после второго продления срока амнистии не воспользовался ею и добровольно уехал за границу. В ожидании объявления приговора владельцам различных подобных земель и окончательного установления их состояния, специальному департаменту было поручено ими управлять, разобраться в условиях владения, в долгах, в ипотеке и т.д. В распоряжение главы королевства были выделены значительные денежные средства, с целью оказания помощи собственникам земли, владельцам фабрик и крестьянам, которые больше других пострадали от революционных беспорядков и от бедствий военного времени. Тысячи закупленных в России домашних животных были распространены в королевстве. Комиссия по возмещению убытков мирных жителей и тех, кто остался верен своей присяге, собирала просьбы о помощи от наиболее нуждавшихся и определяла суммы, которые позже казна щедро выплатила с тем, чтобы стереть следы этой несчастной войны.

* * *

Той зимой не произошло никаких важных событий, все было спокойно и в стране, и в Европе. Император воспользовался этим для обсуждения и провозглашения нескольких новых законов и для реорганизации работы различных министерств. С целью создать новый стимул для торгового люда в городах была образована новая прослойка общества «почетные граждане». Это было особенно необходимо как замена дворянскому достоинству, которое было манией купеческого сословия, и ради которого они часто прекращали торговлю. С целью сохранить богатства и избежать налогообложения купцы становились дворянами.

Суровый указ был издан против азартных игр, которые уже на протяжении некоторого времени стали любимым занятием части общества, и подорвали благосостояние многих молодых людей и даже отцов семейств.

Наша медная монета претерпела полное изменение в связи с тем, что незаметно на протяжении ряда лет пятикопеечные монеты выпали из реального соотношения с ассигнациями, которые частично обесценились. Подобная диспропорция в пользу медных денег привела к тому, что из страны ушло много этого метала, Россия привлекла жадных спекулянтов, началось изготовление этой монеты в нарушение жесткого закона против этих злоупотреблений. Фискальное ведомство собрало все эти пятикопеечные монеты и переплавило их в монеты различного достоинства и другого оттенка в соответствии со стоимостью ценных бумаг, определенной торговлей и настоящим временем.

Было реорганизовано военное министерство. Должность начальника Генерального штата армии была ликвидирована. Занимавший ее граф Чернышев продолжал управлять делами как военный министр. Для обсуждения всех дел о соответствии должностям, о поступлении новых рекрутов и о необходимых в войсках изменениях был создан совет, состоявший их старых генералов.

Некоторые изменения претерпело и министерство иностранных дел. Они объяснялись естественным ходом событий, который увеличил количество служащих, не придав им официального статуса.

17 февраля в Первом кадетском корпусе праздновали вековой юбилей создания этого замечательного учреждения. Оно было задумано и приготовлено еще Петром Великим, но его преждевременная смерть не позволила реализовать этот замысел. Только спустя 7 лет императрица Анна исполнила то, что предначертал созидательный гений ее великого предшественника для воспитания дворянства и для славы его армии. Для этого праздника было сделано все, чего он заслуживал. Все кадеты при оружии прошли перед императором, наследник находился в рядах этого питомника офицеров и генералов. В торжестве были приглашены участвовать все выпускники этого учреждения. В церкви Первого корпуса прошла большая служба, после которой члены императорской фамилии, все приглашенные и все кадеты приняли участие в превосходно организованном банкете.

Часть столов была накрыта в красивом зале, где помещался музей корпуса, другие столы были расположены в помещениях, в которых жил знаменитый приближенный Петра I князь Меншиков. Он построил в Петербурге великолепный дворец, где на вершине своего могущества он был свергнут и отправлен в ссылку в Березов на севере Сибири.

В начале мая была предоставлена публичная аудиенция депутации Царства Польского, прибывшая поблагодарить императора за амнистию, дарованную виновному перед ним народу. В Георгиевском зале собрались все те, кто имел доступ во дворец: двор, члены Государственного Совета, сенаторы, генералы, гвардейские офицеры, дамы высшего света. Император, императрица и наследник заняли места на ступенях трона, ряды дворцовых гренадер в середине зала напротив

Брюссельская революция 1830 года

трона оставили проход для членов депутации. Они входили по двое, депутация состояла из дюжины представителей наиболее знатных семей, среди них генерал Лубенский, поднявший оружие против нас, поддерживавшие бунт священнослужители. От имени всех говорил князь Радзивилл, не принимавший участия в глупостях соотечественников. Этот постыдный для Польши спектакль, произведший на русских великолепное впечатление, окончился актом покорности нашему государю и до некоторой степени восстановил оскорбленное национальное чувство через покорение и подчинение наших непримиримых врагов.

В свою очередь Африка и Азия приняли участие в политических интригах и разбудили недоверие и ревность европейских правительств. Могущественный египетский паша Мухаммед-Али уже долгое время был недоволен своим зависимым положением. Под предлогом неблагодарности султана за те жертвы, которые он принес, отправив сражаться в Грецию за интересы Порты своего сына Ибрагима и свои лучшие войска, сбросил маску и объявил себя врагом Его Величества Султана. Интриги Тюильрийского и Лондонского кабинетов, которые подчинили его себе, составляли надежду этого бунта, так же как они подпитывали бунты в Польше и в Бельгии. Всегда благородный и корректный в своей политике император забыл, что на протяжении веков Турция была врагом России. Заботясь только о принципе защиты монархий, он пожелал дать яркое подтверждение

своей политике и поспешил отозвать нашего консула из Египта. Мухаммед-Али был сильно задет этим знаком неодобрения своего поведения, Порта была в восторге. Англия и Франция видели в этом справедливом акте только новое подтверждение амбиций, которые они стремились разглядеть даже в самых простых и благородных поступках нашего правительства. Император не удовлетворился отзывом консула, и искренне предложил султану направить ему в помощь войска и корабли, если он этого попросит, ввиду неизбежной опасности для Порты. Это предложение было отклонено турками, слишком хитроумными и напуганными мощью России, чтобы верить в искреннее благородство этого дружеского предложения. Для уменьшения выгодного для России впечатления от этих благожелательных слов, послы Англии и Франции поспешили противопоставить свои схожие предложения и прочие вещи, содержавшиеся в нотах, которыми обменялись стороны, но без малейшего реального результата. Никто не хотел верить в искренность Николая, Мухаммед-Али сформировал свои наступательные силы, слабая Порта приготовилась защищаться, Париж и Лондон заявили о слабовооруженном нейтралитете, основанном на интригах своих послов в Константинополе и их представителей в Египте.

Тем временем Луи-Филипп ревниво относился к своей сопернице Англии, хотя был тесно связан с ее политикой, он особенно желал взаимопонимания с российским государем, который уже держал в своих непредвзятых руках равновесие в Европе. Российскому императору были сделаны предложения о сближении, которые были вежливо отклонены, в связи с естественным охлаждением отношения к узурпатору законного трона Бурбонов. Это при том, что менее искренняя политика могла бы нам дать союзника в лице Франции для нейтрализации намерений английского министерства, которое в руках партии вигов стало открыто враждебным нашим интересам и в целом монархическим принципам. Луи-Филипп не оставил свою излюбленную затею и направил в Петербург в качестве посла маршала Мортье с задачей завоевать расположение императора и сделать отношения между двумя государями менее прохладными, чем они были в то время. Мортье был принят с почестями, достойными старого и храброго солдата, который 30 лет доблестно сражался под знаменами республики и Наполеона. Император выразил ему свое доверие и полностью завоевал восхищение этого старого военного, но политические дела остались в том же положении, что и до его приезда. Более того, в беседах с французским маршалом император никогда не произносил имени того государя, которого он представлял.

Не желая отставать, Англия также направила к нам своего посла, но с целями совершенно отличными от намерений Луи-Филиппа. Скорее наоборот, хотели порвать остатки добрых связей, которые еще поддерживали отношения между двумя народами, и которые за 200 лет были скреплены общими интересами, торговлей и симпатией двух наций. Для этой цели лорд Грей выбрал своего зятя лорда Дергэма, ярого либерала, надменного, с раздражительным характером, принципиального противника абсолютных монархий, в частности, в России. Глазами

этого вспыльчивого и настроенного против намерений России посланника английское правительство хотело в соответствии со своими желаниями убедиться в угрожавшей либеральной Европе опасности и оправдать перед Англией те жертвы, на которые оно предложило пойти стране, чтобы вооружиться и, быть может, начать войну протии императора Николая. С этими враждебными намерениями Дергэм прибыл в Кронштадт на борту линейного корабля с тем, чтобы обозреть наши военные средства и наметить способы разрушения морского флота, возрождение и темпы строительства которого бросали тень на флот Великобритании.

В тот день и час, когда английский корабль появился на кронштадтском рейде, император по обыкновению прибыл из Петергофа на паровом корабле «Ижора» для того, чтобы посетить сооружении Кронштадта и эскадру, которая как всегда летом в качестве учений многократно уходила с рейда и возвращалась туда. Сойдя с «Ижоры», император сел в шлюпку, которой он имел обыкновение управлять сам, одной рукой направляя руль, другая покоилась на колене, и в сопровождении своего 6-ти летнего сына Константина, который был адмиралом флота, проплывал между кораблями, на несколько из которых он обязательно поднимался с проверкой. Именно в этот момент новый английский посол и сопровождавшие его моряки явственно увидели этого северного государя, которого английские газеты называли тираном, и которому сен-джеймский кабинет стремился приписать амбициозные планы покушений на судьбы Европы. Сам император и его офицеры, имевшие счастье сопровождать его в частых прогулках в Кронштадте, были одеты в полицейские мундиры и головные уборы. Эта простота, полное отсутствие требований этикета, это желание самому подготовить своего сына к той службе, которую он должен будет вскоре исполнять, до крайности удивили британского посланника. Это чувство только возросло после того, как он высадился на берег в той же шлюпке, которой управлял властитель Российской империи, и адъютант попросил посла прибыть по приглашению императора на борт «Ижоры» без всяких торжеств и приготовлений к представлению. Несколько удивленный быстрыми темпами развития событий в ближайшем окружении государя, которого он представлял себе недоступным, окруженным пышным двором и бдительными спутниками, он поспешил спуститься в русскую шлюпку и подняться на борт «Ижоры». Император принял его с приветливостью и искренностью, которые естественным образом устранили все затруднения и породили атмосферу доверия. Он приказал привести лорда в свой кабинет и безо всяких вступлений и предварительных фраз сразу начал самый откровенный и всеобъемлющий разговор о целях его миссии, о европейских делах, об основах сдержанной политики России и о своем особом желании быть в добрых и искренних отношениях с Англией. Конечно, английское министерство может, исходя из сиюминутных потребностей, поменять политическое направление, но его истинные интересы и прошлый опыт указывают и требуют дружеских отношений и развития торговли с вверенной его заботам империей.

Дергэм вышел в величайшем изумлении, полностью поменяв свои представления об императоре. Он услышал все то, что мог бы только пожелать услышать из уст нашего министра иностранных дел, не успев бросить якорь в российских водах, он уже познакомился с государем. Он уже знал то, что только долгая работа в этой стране едва ли могла дать ему возможность узнать, с первых же минут он завязал дружеские и доверительные отношения, которые могли сложиться между искренними партнерами только по прошествии долгих лет. Обладавший умом и чутким сердцем Дергэм сразу же понял императора, он не сомневался больше в лояльности его намерений, в искренности его слов, он был поражен таким скорым и таким необычным для дипломатических анналов успехом, и стал усердным почитателем этого государя, облик которого был столь сильно искажен его предубеждениями и либеральным умонастроением. Вся его последующая работа стала продолжением согласия и добрых отношений, а его отчеты, которые никто не мог заподозрить в пристрастном отношении в пользу нашего государства, отличались удивлением и новым взглядом на решения и предвзятые взгляды своего правительства. В дальнейшем он совершенно не поменял своего отношения к императору, он увез в Англию и сохранил то чувство восхищения и доверия, которые эта первая встреча породила в его сознании.

На следующий день император вернулся инспектировать флот при полном параде, и, осмотрев несколько кораблей на рейде, посетил также английский линейный корабль. Там он принял участие в матросском обеде, принял у них из рук стакан вина и выпил за здоровье английского короля. Капитан и судовые офицеры были приглашены на обед в Петергоф, они присутствовали на великолепном празднике 1 июля, на маневрах в Красном Селе. Они отбыли в полном восхищении добротой Николая, флот которого они по приезде собирались разбить, а уехали исполненные благодарности и уважения. Все увиденное ими — высшее общество, блеск Петергофа, красота войск — было для них ослепительным праздником и полной противоположностью тому, что они ожидали увидеть в России: унылый деспотизм и враждебное отношение.

Великие княгини Мария, Ольга и Александра по состоянию здоровья уехали в Ревель, стало модно летом проводить там несколько месяцев, считалось, что воздух там чище, а морские ванны оказывают целебное воздействие. Они оказали нам честь посетить небольшое имение Фалль, где летом жили моя жена с детьми. Я получил разрешение на несколько недель уехать к ним и был счастлив принять там детей моего государя. В сопровождении обер-шталмейстера князя Долгорукого и их гувернантки госпожи Барановой великие княгини провели у нас целый день. Всем, кто приезжал в наше имение, нравились построенный мною дом, сад и законченные прилегающие постройки. Там я наслаждался счастьем домашнего окружения, те немногочисленные дни, которое я там проводил, были для меня настоящим праздником и служили восстановлению сил. Моя жена любила садоводство и заботливо занималась украшением сада, который хорошел с каждым годом и привлекал значительное количество городских жителей, обычно по воскресеньям,

Посол Великобритании лорд Дергэм

заполнявшим все аллеи. Невозможность наслаждаться Фаллем больше, чем несколько недель в году, делала для меня еще более драгоценными те дни, которые мне удавалось там проводить, особенно в связи с отсутствием права возвращаться туда так часто, как бы мне этого хотелось.

Постоянно занятый реформами в наших соседних с польскими губерниях император во время последних революционных событий пришел к убеждению, что в одиночестве монастырей кроется мятежный дух, к тому же в них чаще скрывались очаги беспорядков, чем почтительные молитвы. Он снова ввел в действие забытый бунтовщиками папский указ о том, что все существующие менее 6 месяцев монастыри должны быть ликвидированы, а монахи — переданы в другие монастыри того же вероисповедания. Эта совершенно законная мера вызвала под всегда лживым предлогом любви поляков к религии много криков. Реальной же целью было сбросить правительство, воспользовавшись его веротерпимостью и справедливостью. Много монастырей было закрыто, а их монахи перевезены в другие обители соответствующего направления.

Некоторые из них были превращены в православные церкви, число которых было совершенно недостаточным и их бедность шокировала население, почти полностью принадлежавшее к главной религии империи. Большой и богатый Почаевский монастырь на границе с Галицией был передан православной церкви

в наказание за ту помощь, которую монахи оказывали мятежникам, и за те интриги, которые из-за его стен разжигали и подкупали бунтовщиков. Таким образом, была предпринята попытка восстановить в недавно переданных из состава России губерниях ту религию, которая пережила разделы Польши и все неловкие действия католичества с целью заглушить в людях приверженность к православным обрядам. Оно несколько видоизменилось, когда придумало союз, сохранявший основы нашей церкви, но поставивший ее в подчиненное от папства положение. Под покровительством католиков в этих губерниях были построены роскошные здания, но постепенно деградировали, исчезали все приметы и воспоминания о народной религии, затем из этих мест было изгнано российское дворянство, а его собственность поменяла владельцев. Безусловно, что хитроумная политика произвола и насилия прежнего правительства Польши во времена внутренних раздоров, междуцарствий и узурпаторов власти, направленных на разрыв с Россией, привлекла жадных поляков. Они могли бы исполнять и даже провоцировать подобные репрессивные меры, но времена изменились. Цивилизованность, лояльность и умеренность нашего правительства не принимало даже подобных мыслей, но император должен был вернуть исконно русскому народу защиту, требовавшуюся его религиозным верованиям, преследуемым и распыленным в их древнем блеске.

В течение этого лета наши армии были направлены в горы Дагестана в направлении границы с Персией для борьбы с бесстрашным фанатиком, который именем ислама поднял воинственные народы этих краев против русской веры и владычества. Суровый блюститель магометанских заповедей Кази мулла[145] прославился своей набожностью и необузданностью своих высказываний. Уже известный как религиозный деятель, он хотел стать прорицателем и реформатором ислама, ему было нетрудно привлечь под свои знамена толпы горцев, всегда готовых сражаться, грабить и ненавидеть христиан. Он объездил всю страну, проповедуя религиозную покорность, атаковал несколько наших военных постов, которые были застигнуты врасплох этим внезапным и фанатичным нападением. Эти небольшие и легкие успехи ободрили Кази муллу и возродили надежды, которые персы и кавказские народы лелеяли против власти нашего правительства. Вскоре его армия стала многочисленной и фанатически отважной. Генерал-губернатор Грузии и кавказских провинций генерал Розен собрал под своим командованием воинский корпус и поспешил двинуться против этого грозного неприятеля. Он нашел его на практически неприступной позиции, которая предоставляла все преимущества сражения горцам, приученным пользоваться крутыми спусками и извилистыми проходами своих диких гор. Наши храбрые солдаты преодолели все препятствия, взобрались на скалы, переправились через пропасти и отбросили Кази муллу от позиции к позиции вплоть до его укрепленного убежища в самой отдаленной местности. Наши войска без колебаний пошли на штурм и сокрушили все сооруженные там бунтовщиками укрепления. Сражение было долгим и кровопролитным, но ни на один миг Розен не выпускал из своих рук победу.

Под штыками наших бесстрашных солдат погибло большое количество горцев, и сам Кази мулла заплатил жизнью за свое фанатичное и безумное предприятие. После его смерти порядок был восстановлен, кавказские народы были устрашены этим новым поражением, видели в нем еще одну причину подчиниться могуществу нашей армии. Весь джарский край, где уже много лет свирепые лезгины ожесточенно сопротивлялись, поспешил выразить свою покорность и предоставил заложников.

* * *

1 сентября император покинул Петербург для того, чтобы совершить поездку по империи. Мы направились в Лугу и в Великие Луки, где Его Величество принял парад нескольких полков гренадерского корпуса, которые весьма отличились в ходе последней кампании против польских бунтовщиков. Эти войска уже получили пополнение и полностью сохранили прекрасную выправку, которая была для них характерна до войны. На почтовой станции мы встретили несколько сот польских пленных, которые должны были влиться в ряды нашей армии. Император внимательно осмотрел их одного за другим, спросил, в каких частях они служили в польской мятежной армии и выслушал отчет офицера сопровождения об их хорошем поведении. Он отобрал несколько человек для службы в гренадерах, других — для полков, расположенных в Финляндии, остальные должны были служить на балтийском флоте. Я раздал им денег, и они продолжили свой путь, совершенно удивленные и восхищенные тем, как к ним отнесся государь, против которого коварный соблазн заставил их кощунственно поднять оружие.

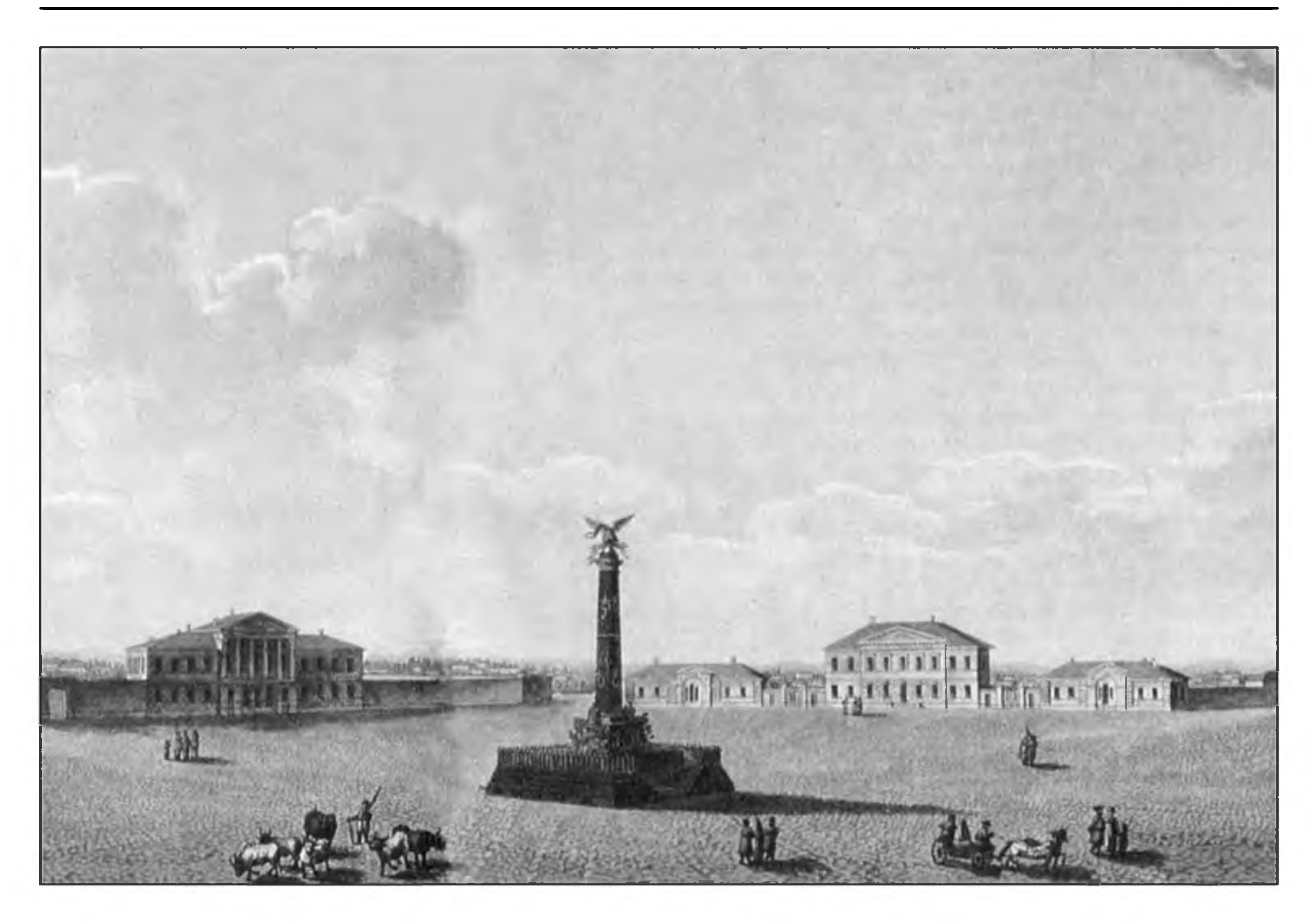
К ночи мы приехали в Смоленск — город, знаменитый в несчастных анналах нашей истории, который во времена смуты и Лжедмитриев более года осаждали все польские силы. Он был разрушен бомбардировками, обезлюдел от голода и сражений, и был разграблен победителями, раздраженными столь долгой и кровавой обороной. Два века спустя город был сожжен гранатами, которые Наполеон дождем обрушил на него, штурмуя всеми войсками, которые покоренная Европа предоставила в его распоряжение. На протяжении многих лет Смоленск был только грудой обломков, покинутых жителями. Император Александр начал поднимать его из руин, а император Николай завершил дело, предоставив значительные суммы и построив новые предприятия. Все было новым и все работало. Встречавшиеся там и сям печные трубы и обломки стен свидетельствовали еще о разрушениях, которым подвергся этот древний город, но он уже восстанавливался на всем своем протяжении. Красивые дома украшали улицы, общественные учреждения дополняли городской вид, церкви были восстановлены. Предместья украшали прекрасный госпиталь и просторные казармы, все здесь свидетельствовало о возвращении достатка и о заботах правительства. Император осмотрел все с такой энергией и таким зорким взглядом, которые направляли его заботу о достатке и процветании своей империи. Он отдал приказания по улучшению состояния дел, о новом строительстве, о восстановлении древних стен Смоленска,

которые за два века два раза видели врагов России, прилагавших все свои усилия для того, чтобы разрушить этот вход в империю.

На дне рва укреплений он увидел хрупкий и скромный памятник в честь великой и благородной преданности Энгельгардта[146], который предпочел расстрел на этом месте постыдной службе французам. Император пожелал сохранить для будущих веков этот гнусный поступок наполеоновского генерала, приказавшего убить русского за верность своей стране и своей присяге, и отдать долг уважения добродетели Энгельгардта. Он приказал соорудить на этом месте памятник из гранита и металла, более подходящий для подобного случая. На полях сражений, там, где Наполеон разворачивал свои многочисленные легионы, император принял парад двух пехотных полков, затем мы двинулись дальше на Бобруйск. Эта огромная крепость привлекла его особое внимание, там он во всех деталях осмотрел как уже законченные сооружения, так и находящиеся еще в стадии строительства. Эта крепость была спешно частично вооружена в прошлом году, когда соседние с польскими губернии своим брожением заставляли опасаться волнений окрестного населения. Император был очень доволен достигнутыми там успехами и выразил благодарность офицерам, которые ими руководили.

Затем мы приехали в Козелец, где были собраны две кавалерийские дивизии. Три дня там проводились учения и инспекция, затем император прибыл в Киев. Как и в прошлые свои поездки, он остановился в Киево-Печерском монастыре, где его прибытия ожидали церковнослужители, гражданские и военные начальники, а также значительная свита. На следующий день в парадном строю на крепостном плацу перед императором прошли несколько батальонов резерва и 6 уланская дивизия, которая была частью Литовского корпуса, понесшая большие потери в ходе последней войны в Польше. Государь отнесся к престарелому фельдмаршалу Остен-Сакену с той дружбой и уважением, которые приличествовали его преклонным годам, службе и особенно его усердию и преданности, с годами нисколько не ослабевшими. Он осмотрел общественные учреждения, новые постройки в различных частях города, обширные укрепления, превратившие Киев в огромный и прекрасный плацдарм, дал аудиенцию местным властям и лучшим жителям города и уехал из Киева с наступлением ночи при свете иллюминации, которая еще долго указывала нам на выгодное местоположение города и на его богатые церкви.

Утром следующего дня мы приехали в Лубны, где располагались основные запасы медицинских средств и оборудования для всего юга империи и стоявших здесь войск. Здесь перед ним прошли парадом три объединенных полка 1-й драгунской дивизии. Император не был доволен их состоянием и к своему большому огорчению вместо того, чтобы похвалить людей, что он любил делать, был вынужден выбранить их. Сойдя с лошади, он почувствовал себя скверно, чем в отсутствие его врача привел меня в трепет, но, к счастью, через несколько часов ему стало лучше, и мы смогли продолжить путь в Полтаву, где и остановились на отдых. Жара была невыносимой, и сделала очень утомительным то, чем государь

Вид Полтавы

всегда занимался, осмотром в этом большом городе всего того, что должно было привлечь его взоры. Полтава тоже почувствовала на себе оживление всех отраслей управления. Город стал краше, малороссийское казачество претерпело только что объявленные изменения в устройстве, которые путем упорядочивания повинностей и взаимоотношений этой части населения с властями ставили их в положение, менее зависимое от злоупотреблений, от которых они страдали до последнего времени, из-за лихоимства мелких чиновников.

Мы уехали из Полтавы и через несколько часов прибыли в Харьков, население которого было радо видеть своего молодого государя в стенах города. После молитвы в городском соборе император очень внимательно осмотрел университет, здание которого вызвало его недовольство своим плохим состоянием. Его строительство потребовало больших затрат и было окончено совсем недавно, но уже в нескольких местах грозило обрушиться. Состояние студентов казалось достаточно хорошим, ректор похвалил их прилежание и поведение. Но в целом это учреждение не полностью соответствовало своему назначению. О постоянных заботах свидетельствовала только медицинская часть, в частности, родильные палаты. Император благодарил, ругал и указал на необходимость многочисленных изменений.

Затем он посетил Дом благородных девиц, созданный благодаря благодетельным заботам императрицы-матери, и продолженным под руководством его августейшей супруги. Состояние дома, его преподавательниц и самих молодых девушек не оставляло желать ничего лучшего, здесь все свидетельствовало о порядке и о материнских заботах, которые отличали все учреждения, созданные под покровительством императрицы Марии, этого знатока благотворительности. Тем не менее, император посчитал, что здание, часть которого была деревянной, не отвечало своему назначению. Он лично выбрал на окраине города значительно более просторное сооружение, где большой сад удачно завершал все преимущества и оздоровительные свойства, требуемые для подобного заведения.

После осмотра тюрьмы и красивых общественных учреждений, мы направились в Чугуев, который находился не более, чем в 36 верстах от Харькова. Там располагалась главная квартира кавалерийских военных поселений на Украине, и были собраны одна кирасирская и одна уланская дивизии. Раньше в Чугуеве было столько жителей, что они позволяли сформировать уланский полк, состоявший из 10 эскадрон, который всегда отличался красотой людей, качеством лошадей, преданностью и храбростью. Я имел удовольствие встретить многих старых отставников, которые под моим командованием участвовали в военных действиях 1811 года по ту сторону Дуная, в сражениях под Рущуком и Видино. Все внутреннее устройство этого воинственного населения, называемого чугуевскими казаками, в ходе предыдущего царствования было подчинено строгому законодательству военных поселений, которое столь жестоко проводилось в жизнь графом Аракчеевым. Запустение и разорение земледельцев полностью изменило этот маленький и богатый край, все было подчинено военной дисциплине и монотонному однообразию казарм, даже сады были принесены в жертву. Большое количество казаков состарилось на службе, страдали от ран, были вынуждены покинуть родную землю ради смерти на чужбине, и даже в Сибири. Все эти ужасы происходили во время самого доброго царствования, при самом просвещенном государе, в то время, когда Россия и Европа были спасены от наполеоновского рабства. Ошибкой было слепое доверие к исполнителю его воли графу Аракчееву, имя которого будет с ужасом повторяться самыми отдаленными поколениями чугуевских казаков. Император уже облегчил на будущее положение этого населения, но он не мог исправить уже совершившиеся несчастья. Он решил не допустить их в будущем и произвел большие и благодатные перемены во внутреннем устройстве этих колоний.

Войска были в прекрасном состоянии, они выгодно отличались красотой и особенно выездкой лошадей. Парад был столь же великолепен, каким он мог бы быть в гвардии. Рядовые были отличными наездниками, офицеры хорошо понимали все маневры.

Мы оставались в Чугуеве три дня, в ходе которых занимались учениями и входили в экономические тонкости жизни этих военнопоселенческих войск. Император щедро наградил войскового генерала, присвоил новые чины, раздал

ордена и милостиво поговорил со старейшинами, которые съезжались со всех сторон, чтобы преподнести ему хлеб-соль.

На несколько часов император остановился в Белгороде, где стояла 2 драгунская дивизия, под командованием генерала Граббе, одного из участников восстания 14 декабря 1825 года, получившего великодушное прощение за свой проступок. Затем он отличился в боях против турок, и заслужил полное удовлетворение императора тем, как блестяще обстояли дела в доверенной его заботам дивизии. Император не видел его с тех пор, как тот оказался в числе виновных, теперь он поблагодарил его и отнесся к нему с такой добротой, что, выходя из кабинета императора, Граббе переполняли чувства благодарности и преданности. Весь в слезах, он сказал мне: «Я должен моему государю больше, чем какой-либо другой подданный. Я смогу ему это доказать и заслужить его благородное отношение».

При раскопках фундамента старинного собора в Воронеже был обнаружен гроб друга Петра I архиепископа Митрофана[147], который умер в его царствование. Его тело, одежды и гроб были в полной сохранности. Эта находка и праведная жизнь, которую вел этот священнослужитель, привлекли толпы верующих, желавших увидеть своими глазами найденную реликвию. Вскоре съехавшиеся туда со всех сторон империи желающие увидеть захоронение и помолиться рядом с ним причислили могилу Митрофана к ряду святынь. Люди говорили о чудесных исцелениях, и слава о новом святом распространилась по всей России. Синоду было поручено изучить жизнь Митрофана и, наконец, опираясь на народные требования, он был причислен к лику святых. Император согласился с этим решением и направил камергера своего двора присутствовать на церемонии, организованной со всем почтением и достоинством, которых требовали подобные обстоятельства. Она привлекла большое количество народу, и собор в Воронеже, где были захоронены новообретенные реликвии, стал местом паломничества и молитв огромных толп верующих.

В Бобруйске император получил от императрицы письмо, в котором она просила его в знак уважения к религии и к всенародному воодушевлению съездить помолиться мощам святого Митрофана. Он без промедления поспешил последовать совету своей августейшей и ангелоподобной супруги. Той же ночью маршрут его поездки был изменен, и мы направились в Воронеж. Предупрежденная о его приезде большая толпа вышла к городским заставам и стояла вдоль улиц, по которым он должен был проехать. Особенно много людей собралось перед собором, где он должен был остановиться. В теснившейся со всех сторон толпе коляска двигалась очень медленно, крики «Ура!» сотрясали воздух. У ворот храма его встретили все церковнослужители, которые поднесли ему крест для поцелуя. Сопровождаемые восторженными криками мы вошли в заполненный людьми храм, где покоились останки Митрофана. После соответствующей случаю молитвы к большому удовольствию собравшихся император преклонил колени перед святым. На выходе мы с трудом протиснулись сквозь толпу, которая стремилась, увидеть, прикоснуться и поприветствовать своего государя. В сопровождении многочисленных

восторженных криков мы вошли в приготовленный для императора дом богатого дворянина. На следующий день во всех подробностях были осмотрены тюрьмы, госпиталя, сиротские дома для солдатских детей, другие общественные учреждения. С целью дальнейшего развития города император отдал многочисленные распоряжения об улучшениях в публичных местах, а также в других областях. Вокруг него везде толпился народ с выражениями величайшего восхищения, люди не покидали улицы, где находился император.

Из Воронежа мы направились в Рязань, где наша коляска остановилась у подножия лестницы красивого и древнего собора, одного из самых прекрасных сооружений России. Та же восторженная толпа окружали императора. Затем он остановился в огромном доме, принадлежавшем человеку по фамилии Ройман, который вначале имел маленькую лавку, но тяжелым трудом и честными сделками нажил огромное состояние. Он достойно использовал свое богатство, помогая бедным, способствуя украшению родного города и делу обучения сирот. На его средства было открыто большое количество лавок, благотворительных домов и госпиталей. В остальном, город был малоинтересен, его промышленность и торговля были развиты незначительно.

В связи с поздним временем года дожди уже начали размывать дороги. В Рязанской губернии они были ужасны настолько, что это даже трудно было себе представить. Глинистые и разбитые тысячами голов рогатого скота дороги вели в Москву, делая их осенью почти непроезжими. Император разгневался и решил по приезде в Петербург поручить министрам разработать и просчитать новую систему дорог, которые из разных концов страны вели бы в Москву. В дальнейшем он с большим упорством следил за реализацией этого полезного плана, за исполнение которого его благодарили бы все новые поколения торговцев и путешественников.

Для того, чтобы проехать 200 верст, отделяющих Рязань от Москвы, потратили почти два дня. К моей величайшей радости здесь удалось отдохнуть несколько дней от тряски на скверных дорогах. Мы остановились в древней Москве только на трое суток. Как и всегда жители города и общество были счастливы видеть своего государя. Через 36 часов пути по тракту мы приехали в Петербург. Там императрица ожидала родов, и любовь к ней его августейшего супруга ускорила наше возвращение. Через несколько дней императрица родила своего четвертого сына великого князя Михаила.

* * *

В течение того лета, уже фактически независимый государь Египта Мухаммед-Али, продолжил свои приготовления к нападению на своего законного государя турецкого султана[148]. Он уже нарушил границы земель, доверенных его управлению, а его сын Ибрагим-паша, как завоеватель и бунтовщик, вошел в соседние провинции. Войска султана уже отступали перед ним, он атаковал крепости, призвал население к бунту или относился к нему, как к враждебно настроенному. Ибрагим не скрывал планов своего отца уничтожить то могущество, которое

Правитель Египта Мухаммед-али с сыном Ибрагим-пашой

со времен Магомета управляло мусульманами, и в случае необходимости дойти до самого Константинополя для того, чтобы сбросить султанский трон. Он открыто провозгласил реформирование империи, уничтожение европейских нововведений, возврат к древним обычаям и одежде их предков. Недовольные этими изменениями и униженные бедствиями последней войны против России турки с удовлетворением слушали подобные обещания и очень слабо защищали интересы своего государя, который почти полностью потерял любовь народа введением этих антинациональных и антирелигиозных изменений. Плохо управляемая и колеблющаяся армия султана отступала перед египетскими войсками, ее дезертиры увеличивали количество ее врагов и облегчали им победу. Обещавшие Оттоманской Порте свои посреднические услуги Англия и Франция не сделали ничего для того, чтобы остановить захватническое наступление Мухаммед-Али. Всегда доброжелательный и лояльный в своей политике император видел в крахе турецкой империи событие, непосредственно касавшееся России и противоположное ее интересам. Он был готов оказать помощь войсками с тем, чтобы остановить продвижение Ибрагима, и предложил Англии и Франции честное сотрудничество с тем, чтобы предотвратить крах Оттоманской империи. Они отклонили это предложение, не отвергая его окончательно, и употребили все свое влияние на диван для того, чтобы заставить его отказаться от выгодного и спасительного действия

императора Николая. Все, чего мы смогли добиться, было желание и разрешение Порты на поездку нашего представителя в Египет для переговоров. Выбор императора пал на генерала Муравьева[149], который долгое время сражался с турками по ту сторону кавказских гор, и хорошо знал характер и обычаи этого народа. Он сел на корабль в Крыму, прошел через Босфор и Дарданеллы и появился в Александрии. Мухаммед-Али принял его со всеми внешними знаками уважения и даже преданности к пославшему его государю. Их встречи носили совершенно доверительный характер и были чужды интригам английского и французского консулов. Сохранив все достоинство выражений, приличествовавших России, Муравьев требовал прекращения военных действий и подчинения султану, обещая в обмен посредничество перед Блистательной Портой с целью достижении сторонами полюбовного согласия по условиям окончания преступной агрессии Египта. Мухаммед-Али высказал свидетельства своего уважения и доверия и, не колеблясь, тут же направил своему сыну Ибрагиму однозначный приказ прекратить наступление. Это был почти негаданный успех миссии нашего генерала. Ибрагим остановился, и турки получили возможность перевести дух. Но к несчастью вечно подозрительная Порта и вечно ревнивые Англия и Франция свели на нет благоприятный результат этих переговоров. В Египет был направлен приближенный султана Халил-Паша, тот самый, кто был послан в Петербург благодарить императора за благоприятные условия Адрианопольского мира. Его корабль бросил якорь в Александрии рядом с кораблем, доставившим генерала Муравьева, и без согласования с последним униженно появился перед Мухаммедом-Али. Он не скрыл от него чувства страха, царившего в Серале, и тем самым дал врагу своего государя ясное представление о том, в каком выгодном положении он оказался, и о тех малых средствах, которыми располагал султан, для того, чтобы сопротивляться его захватническим планам. Муравьев поднял якорь и через Константинополь вернулся в Россию. Порта слишком поздно заметила сделанную ею оплошность. Англия и Франции были рады поспособствовать этому и тем самым нейтрализовать благоприятное влияние России. Вскоре после этого турецкий представитель был вынужден покинуть Египет, а военные действия были возобновлены.

1833

Руководимая визирем армия султана была разбита в двух сражениях, в ней ярко проявился дух недовольства, население Малой Азии поддержало победителя, жители Константинополя беспокоились, громко протестовали против реформ султана и радовались успехам Ибрагима. Турецкий флот под командованием того же Халил-Паши, который столь неудачно испортил переговоры Муравьева,

уклонился от навязанного флотом Мухаммед-Али сражения и отступил в Мраморное море. Перед триумфальным наступлением египтян быстро пали все азиатские провинции и даже крепости, все способы сопротивлении были исчерпаны. Обещавшие свое посредничество послы Англии и Франции хладнокровно наблюдали за успехами взбунтовавшегося паши и за крахом Оттоманской империи. Только тогда устрашенный султан понял, где находится спасительный якорь, и незамедлительно попросил помощи, которую предлагал ему император, и которую он так неосторожно отклонил. Эта новость достигла Петербурга в последний день праздников. Император и императрица были у канцлера князя Кочубея, который на целый день собрал у себя на танцевальном обеде все высшее общество столицы. Сразу по получении этого известия, император дважды отлучился на час с тем, чтобы отдать приказы министру иностранных дел, военному и морскому министрам[150]. Тем же вечером с курьерами были отправлены точные и спешные приказы, в соответствии с которыми заранее приготовленная бригада под командованием едва успевшего вернуться после исполнения своей миссии в Египте генерала Муравьева должна была сесть на линейные корабли и отправиться в Константинополь.

Спустя двенадцать дней 8 февраля к большому удивлению послов Англии и Франции, к великой радости султана и к ужасу большего количества приверженцев египетского паши наши корабли с двумя полками пехоты, с артиллерией и несколькими сотнями казаков на всех парусах вошли в Босфор. Это неожиданное появление сражу же остановило продвижение Ибрагима. Тем временем, для большей уверенности и по настоятельным просьбам Порты для усиления первой бригады были послана вторая, и доставившие ее военные суда увеличили наши морские силы у стен древнего Византия. Войска были высажены на азиатском берегу напротив Фарапия у подножия высокой горы, а малая часть турецкой гвардии, оставшаяся в распоряжении султана, заняла позицию рядом с нашими войсками под общим командованием генерала Муравьева. Одновременно в Константинополь был направлен граф Орлов с тем, чтобы объединить под своим руководством ведение политических дел, командование флотом и наземными войсками. В качестве нашего чрезвычайного посла флот и войска оказали ему все почести, продиктованные его особыми полномочиями. Султан окружил его знаками внимания, а его прямая и дружеская манера поведения завоевала ему симпатии всех вокруг. Граф сумел внушить полное доверие самым подозрительным руководителям страны, а радушное поведение и дисциплинированность наших солдат и офицеров свели к минимуму те опасения, которые под влиянием ревности и старинной ненависти к русским внушило турецкому населению появление российского флага, столь величественно развивавшемуся посреди столицы их империи. Иностранные послы были напуганы этими свидетельствами нашего влияния в стране, которую Англия и Франция уже считали в сфере своего влияния, они развили бурную деятельность при виде этих признаков могущества, противопоставить которым они ничего не могли. Любыми способами они пытались разжечь в умах

султана и его советников страх и недоверие. Но опасность была слишком велика, а помощь чрезвычайно эффективна, чтобы поколебать чувства благодарности, которую испытывали турки к нашему императору за поддержку.

Орлов заявил, что срок пребывания находящихся под его командованием войск и флота зависит от поведения египетского паши, что этот последний обещал генералу Муравьеву прекратить военные действия и вновь признать верховную власть своего государя. Это обещание не было исполнено, и единственное желание императора — это заставить его сдержать слово. Если англичане, французы и австрийцы желают быстрейшего ухода наших войск, то им следует использовать все их влияние на Мухаммеда-Али для того, чтобы заставить его исполнить эту волю императора. Сразу же после того, как египтяне начнут отступление и дадут гарантии длительного мира, российские войска, как исполнившие свою задачу, погрузятся на корабли и наш флот покинет пределы Константинополя.

Твердый тон Орлова, отданные нашим войскам приказания укрепляться и установившиеся между нами и турками добрые отношения убедили иностранных дипломатов в том, что у них нет другого выхода, как помогать Орлову в его намерениях.

Они поспешили направить к Ибрагиму своих представителей с тем, чтобы он прекратил военные действия, и к его отцу Мухаммеду для того, чтобы он поторопился предложить Порте заключить мир и забыть о его бунте.

В то время, как дипломатические представители исполняли свои поручения, а по всем дорогам Европы курьеры несли в свои столицы весть о появлении в Константинополе русского флота, Орлов давал султану и иностранным послам балы, по его приказу Босфор и русские корабли были иллюминированы и он предоставил возможность туркам полюбоваться нашими военными маневрами. Они присутствовали на них с тем большим любопытством, что их войска всех родов оружия находились в одном лагере с нашими, и участвовали в несении воинской службы наравне с нашими солдатами.

Все это было величайшими событиями нашего времени: русские воины, явившиеся спасти империю креста и полумесяца, которая на протяжении веков боролась против нас; наши войска, стоявшие перед Константинополем, который за три года до этого они заставили дрожать одним своим приближением; мирно стоящие на якоре в Босфоре те самые корабли, которые в 1829 году оглашали вход в пролив грохотом своих орудий, и которые теперь защищали Сераль от взбунтовавшегося паши и вызывали ревность британского флота.

Объединенные усилия иностранных послов, присутствие наших войск, внушившее боязнь Мухаммеда-Али и придавшее уверенности турецкой армии — все это привело к скорому решению того вопроса, который вызвал наше плодотворное вмешательство. Мухаммед-Али согласился на все то, что ему было предписано англичанами, французами и австрийцами. Уже прекративший наступление Ибрагим получил приказ отступить, египетский паша вновь согласился считать себя вассалом Порты и платить ежегодную дань, проведение новых

А.Ф. Орлов

границ должно было состояться при согласии всех заинтересованных держав, и все споры должны были быть окончены. Орлов направил своего офицера господина Дюгамеля с тем, чтобы убедиться в отступлении Ибрагима, и, верный своему слову, заявил, что вернется в Россию, как только получит сообщение от последнего.

Никто не верил в столь скорый и безпроблемный уход наших войск. Как только Дюгамель сообщил, что египтяне выполнили свое отступление и прибыли в назначенное нами место, Орлов попрощался с султаном и спустя 24 часа весь его личный состав и воинское имущество были погружены на корабли, якоря подняты, а паруса поставлены. Флот отсалютовал спасенной ею столице и покинул стоянку на Босфоре, увезя с собой признательность султана и всего населения и восхищение иностранцев, удивленных не только быстротой, с которой прибыли наши силы, но и благородной честностью, с которой было сдержано данное ранее обещание. В Лондоне и в Париже еще спорили о мерах по искоренению нашего господства в константинопольском проливе, а Турецкая империю уже была спасена, и наши войска покинули ее территорию. Эти честные и величественные действия заставили замолчать наших врагов, мы завоевали приверженность султана, нейтрализовали исконную ненависть турок, увеличили наше влияние в Азии и усилили страх перед нашим могуществом в Европе.

Сам Орлов еще на один день задержался в Константинополе для того, чтобы заключить оборонительный и торговый договор с Портой, который, кроме всего прочего, предусматривал для торговых кораблей всех наций дополнительные возможности проходить через Босфор и Дарданеллы. После этого он уехал, забрав с собой многочисленные подарки и знаки уважения к себе и свидетельства признательности по отношению к императору. Султан наградил командиров всех морских и наземных частей и учредил специальную медаль для матросов и рядовых солдат, принявших участие в этой памятной экспедиции. Со своей стороны император приказал отлить медаль в память о столь славных для его царствования событиях, и наградил ею всех генералов, офицеров и солдат, которые были под Константинополем.

* * *

В продолжение той зимы император уделял много внимания решению политических проблем, которые были сильно осложнены восточными делами, но не прерывал своей работы по внутренним преобразованиям в стране. Он заново переформировал пехотные и кавалерийские полки, опыт всех последних войн доказал их слабость. Из 6 полков, составлявших дивизию, было сформировано 4 полка, количество батальонов в них было увеличено с 3 до 5, один из которых был резервным. С тем, чтобы не увеличивать общий личный состав армии, дивизии которой насчитывали, таким образом, по 20 батальонов вместо 18, как раньше, две дивизии были полностью расформированы и влились в состав оставшихся. В кавалерии вместо 7 эскадронов, один из которых был кадровым и служил основой для резерва в военное время, было сформировано 8 боевых эскадронов и еще один кадровый. С тем, чтобы не увеличивать и так значительное общее количество нашей кавалерии, были полностью ликвидированы две дивизии конных егерей и одна уланская дивизия. Новый порядок был введен во все смежные с армией службы, в армейские принадлежности и инженерные подразделения. Эти всеобщие изменения были осуществлены к сроку, установленному военным министром, без малейших затруднений.

С первых дней своего вступления на трон император поручил члену Государственного Совета империи господину Сперанскому трудную и столь необходимую работу по сбору и систематизации всех законов и установлений государей России и по составлению из них кодифицированного законодательства. Благодаря своей ясности и краткости, оно должно было быть использовано всеми, оно должно было стать руководством для деятельности судей и основой для народного образования. Эта трудная работа последовательно велась почти всеми российскими государями, начиная с Петра I. С этой целью неоднократно создавались различные комиссии в царствование императриц Анны, Елизаветы и Екатерины, возобновлена эта деятельность была императором Александром, но без малейшего успеха. Убежденный в абсолютной необходимости подобной кодификации, император Николай занялся этим собственноручно. Господин Сперанский представил ему работу 8 истекших лет, он прочитал ему все и даже обсудил с ним

наиболее значимые параграфы. Это постоянное руководство работой со стороны самого императора, его регулярная поддержка привели к тому, что менее чем за 8 лет было завершено то дело, за которое неоднократно брались и бросали на протяжении целого столетия.

31 января император неожиданно появился на заседании Государственного Совета империи и занял место среди его членов. Он произнес подробную и поразившую всех своей ясностью речь, в которой говорил о необходимости, подтвержденной всеми событиями последних лет, кодификации законодательства, включающей все законы и установления России. Он сообщил о завершении этой работы и пригласил всех присутствующих на заседании высказать свое мнение за или против и особо определить срок, начиная с которого это кодифицированное законодательство после его обсуждения и окончательного формулирования должно стать действующим. Министр юстиции[151] сделал несколько замечаний по редакции этой работы, не оспаривая ее полезность, и в самой общей форме оценил ее, как и все государственные деятели, в качестве краеугольного основания новой эпохи в юриспруденции и в положении дел. Господин Сперанский и император не дали уничтожить их творение, они заявили, что, как и в любой другой работе, в ней можно найти несовершенства. Было решено предоставить два года на пересмотр и исправление, все сенаторы, министры, губернаторы и все те, кто в силу своих должностных обязанностей имели дело с законодательством или обладали требуемыми знаниями, должны были сделать свои замечания к тем или иным параграфам, которые по из мнению требовали изменений или дополнений. После принятия этого решения кодифицированное законодательство было оставлено в Государственном Совете империи для ознакомления всем участникам и открытое для публики. Закрывая это интересное и памятное заседание Государственного Совета, император подозвал к себе господина Сперанского, обнял его и вручил свою собственную звезду ордена Андрея Первозванного, как свидетельство удовлетворения его трудами и способностями, которые он без отдыха на протяжении восьми лет вкладывал в дело кодификации законов. Для нынешнего великого царствования это был памятник значительно более прочный, чем сражения, которые зачастую не приносят для народа ничего, кроме несчастья.

Эту зиму моя жена провела в нашем имении Фалль, во-первых, для сокращения расходов и, во-вторых, чтобы избавить наших трех дочерей от петербургских развлечений в то время, когда их возраст требовал внимания к занятиям. Я провел с ними несколько недель и к величайшему моему раскаянию пропустил это заседание Государственного Совета.

16 мая император начал поездку по стране, вначале мы остановились во Пскове, который еще не посещали. Этот город некогда большой, богатый и независимый, воевавший с новгородской республикой, неоднократно сопротивлявшийся разным великим князьям и царям, выдержавший страшную осаду польских армий, теперь был бедным и малонаселенным. Он сохранил от былого блеска

только несколько церквей, да остатки стен и укреплений, которые его защищали. Мы заночевали в нем, и на следующий день после молитвы в соборе император осмотрел публичные учреждения. Оттуда мы выехали в Динабург, его укрепления были почти завершены. Император пожелал лично присутствовать на освящении этой крепости, в сооружении которой он в качестве главы инженерного ведомства до вступления на престол так усердно участвовал. Весь гарнизон и расквартированные по соседству войска были расставлены на укреплениях по всей линии высот и бастионов. Началом торжеств стала большая церковная служба. После благодарственной молитвы все вышли из церкви и поднялись на бастион, над которым развевалось крепостное знамя. После его освящения оно появилось на вершине мачты, где его приветствовали все войска, а залп из всех пушек и мушкетов ознаменовал ввод в строй этой красивой и замечательной крепости. Но вот что было наиболее знаменательным и что потрясло всех многочисленных зрителей и военных. В тот момент, когда священник окропил святой водой знамя, и его стали поднимать, нас всех внезапно обрызгали капли дождя, пролившегося при ясной погоде и ярком солнце. С самого утра и до вечера больше не упало ни капли. Приветственные крики войск при виде знамени обрели еще большую силу, солдаты смотрели на это чудо, как на очевидное доказательство божественной защиты этих новых краев империи. Затем предшествуемый священниками, несшими святую воду, и в сопровождении генералитета император обошел все укрепления и стоявших на них военных, представлявшие все рода войск. Зрелище было весьма величественным, оно привлекло огромную толпу окрестного народа. По окончании церемонии войска спустились с укреплений, вышли из крепости и построились в колоны по другую сторону плаца, на котором император принял их парад. Еще на день мы остались в Динабурге с тем, чтобы осмотреть все в самых малейших деталях. Выехав после обеда, мы направились по дороге в Ригу, проехали через старинный замок Кукенхузен[152], стоявший на скалистом правом берегу реки Дины, построенный еще во времена меченосцев. На всем своем протяжении дорога была живописной, ее окружали деревни и поля, ставшие плодородными, благодаря почвам и трудолюбию.

Во время этой поездки я находился в постоянной тревоге, поступавшие с различных сторон сообщения свидетельствовали о том, что в районе Динабурга и Риги были распространены настроения цареубийства. Император знал об этих тревожных настроениях, но он полностью доверился божественному провидению и не придавал им ни малейшего значения, он проводил ночи в коляске и спал сном праведника. Находясь рядом с ним, я постоянно был настороже, часто просыпался и оглядывался в стремлении обезопасить моего государя.

Нас предупреждали из Парижа, Лондона и Гамбурга, мы читали в многочисленных перехваченных письмах о том, что одно весьма многочисленное общество, состоявшее по преимуществу из бывших участников польского восстания, приговорило императора к смерти, и что для проведения своих подлых планов в исполнение ими была выбрана поездка из Динабурга в Ригу. Я послал несколько

Панорама Ревеля с моря

человек патрулировать эту дорогу, но убийца столь легко мог спрятаться под одеждой крестьянина или нищего, что обнаружить его можно было только благодаря счастливому случаю. Единственная предосторожность, которую император разрешил мне принять, было размещение в его коляске одного казака кавказской линии из числа тех 20 человек, которые в Петербурге были приписаны к императорскому конвою.

Сведения о предполагаемом цареубийстве проникли в общество, русские путешественники в Германии писали о них своим родственникам в Петербург, как о чем-то верном, они желали предупредить императора. В Пруссии и особенно в польских землях эту поездку называли смертельной для императора. В Петербурге все были испуганы, и со всех сторон мне предлагали принять самые строгие меры. Но, находясь рядом с императором, об этом не могло быть и речи. Эти меры не соответствовали его природному характеру и его вере в бога. В подобных случаях он говорил: «Меня охраняет сам Господь, если я больше не буду нужен России, он меня призовет».

После обычной ночной поездки в середине дня мы приехали в Ригу. Народ принял императора с тем большим проявлением искренней радости, что уже несколько дней сведения о планах цареубийства были известны и здесь. На следующий день на плацу состоялся парад нескольких полков 1 дивизии 1 армейского

корпуса. Огромная толпа окружили площадь и дворец, заполнила улицы, через которые император должен был верхом проехать на парад. Повсюду в толпе я видел горожан и дворян, которые всматривались в лица людей и загораживали императора с тем, чтобы предотвратить страшившее всех несчастье, нависшее, как считали, над его головой.

Представленные ему в Риге войска славно сражались в Польше под командованием графа Петра Палена. Император поблагодарил их и остался доволен их выправкой. То же было и в Динабурге, где он принял парад остальных полков этого корпуса, за исключением 1 гусарской дивизии, которой он был очень недоволен. После того, как он осмотрел все, что того заслуживало в городе, император присутствовал на балу, данном в его честь. Затем он сел в коляску и направился в Ревель. Мы были очень удивлены, увидев на некотором расстоянии многочисленных элегантных всадников, которые как бы прогуливались, но на самом деле сопровождали императора. Это были молодые дворяне и сыновья наиболее крупных городских торговцев, они не упускали из виду наш экипаж, на некотором расстоянии они окружали нас и двигались впереди, пока мы не проехали половину пути до второй почтовой станции. Они расположились на дороге по собственной воле, обеспечивая своему государю защиту подвидом простой прогулки. Император был очень тронут этим проявлением преданности, наконец, он их любезно поблагодарил и попросил далее за ним не следовать.

Подъезжая к саду Екатериненталя, в замке которого, покинутого со времен Петра Великого[153], пожелал поселиться император, мы встретили все петербургское общество, прибывшее в Ревель с целью посетить мое имение. Здесь был посол Дании граф де Блом, вице-канцлер граф Нессельроде, обер-шенк граф Пушкин[154], министр двора Волконский и граф Матусевич. Они весело обедали в одном из прилегавших к дворцу помещениях. Император сразу же пригласил их пройти в свои апартаменты и охотно разделил с нами хорошее настроение, вызванное встречей в Ревеле, чтобы отдохнуть несколько дней.

Часть флота находилась на рейде и украшала собой прекрасный вид с дворцового балкона на порт, город и на его окрестности. Прекрасная погода увеличивала приятность нахождения в этом месте, все население которого сбежалось, чтобы увидеть и поприветствовать своего государя. Едва выйдя из-за стола, император, только что узнавший о том, что императрица неожиданно приехала в Ревель для встречи с ним, попросил небольшую фельдъегерскую повозку, один сел в нее и бросился навстречу своей супруге. Через несколько часов приветственные крики возвестили об их прибытии. Императрица в первый раз была в Ревеле и в этом построенном Петром Великим дворце, в котором он жил с императрицей Екатериной, вензель которой и до сего времени еще украшает находящиеся здесь скульптуры и картины. Более века дворец пустовал. После основателя этого жилища и благородного завоевателя Лифляндии первой императорской четой, занявшей место Петра Великого и его счастливой супруги, стали император Николай и императрица Александра. Императрица милостиво мне сказала, что хочет

посмотреть мое имение и со всеми теми лицами, которых я уже туда пригласил и теми, кто ее сопровождал, пообедать с моей женой. Поездка была запланирована на послезавтра, и мне срочно нужно было выехать в Фалль с тем, чтобы предупредить мою жену об оказанной нам чести, вновь увидеть и обнять моих детей.

В назначенный день за несколько часов до обеда прибыли император, императрица и все многочисленное общество. Это было 27 мая в годовщину нашей переправы через Дунай в кампанию 1828 г. Это обстоятельство было отмечено императором, благосклонно заметившим мне, что ему приятно провести этот день в моих владениях[155]. Императору понравилось все — сад, дом, обстановка. До обеда все прогуливались, а за столом и в течение всего столь счастливого и лестного для меня дня царило самое непринужденное веселье. Вечером все общество вернулось в Ревель. На следующий день император проинспектировал флот, который залпом из всех орудий приветствовал императорский штандарт, также впервые после Петра I развивавшийся на Ревельском рейде. Ближе к вечеру император взошел на одно из судов эскадры и отдал приказ поднять якоря и поставить паруса. Слабый ветер медленно подгонял корабли, и еще долго мы могли с берега наблюдать это замечательное зрелище. Со свойственной ей приветливостью и любезной непринужденностью императрица собрала вокруг себя все общество, прибывшее из Петербурга, и все жаждавшее ее видеть ревельское общество. Взрослые люди и дети толпились вокруг нее, она говорила со всеми, ей нравились услужливость и веселость общества. После ужина она поднялась на борт парохода «Ижора» и быстро нагнала флот, двигавшийся к Свеаборгу, который император хотел показать своей замечательной супруге. Оттуда они по воде вместе вернулись в Петергоф. В день отъезда императора из Ревеля я в сопровождении всех прибывших из Петербурга вернулся в Фалль, где нас ждала моя супруга, и где мы провели несколько очень приятных дней. Затем окружавшее меня общество по воде направилось в Кронштадт, а я, после нескольких проведенных с женой недель, возвратился в Петербург.

Опасения преступных замыслов поляков не замедлили осуществиться. С начала июня из царства стали проникать многочисленные эмиссары, некоторым их которых удалось проскользнуть даже в Виленскую губернию. Чувствуя симпатии своих соотечественников, они сбросили маски и с оружием в руках пересекли границу со стороны Галиции. Они атаковали казачьи разъезды, которые патрулировали подступы к Польше, жестоко убили несколько солдат, захваченных врасплох в соседних избах, и подняли знамя национального бунта. В спешке собрали небольшое количество казаков и пехотинцев, которые бросились на эту шайку, вдохновленную ложными надеждами и шампанским. Обменявшись с ними несколькими ружейными выстрелами, эти неосторожные патриоты обратились в бегство с той же стремительностью, с которой они спровоцировали сражение. Некоторые из них были убиты, другие взяты в плен, а остальные были обязаны своим спасением только быстроте своих лошадей и близостью границы. Проникшие на нашу территорию эмиссары, проповедовавшие неповиновение,

начали разбегаться в разные стороны. Некоторые из них были схвачены, другие — выданы своими же соотечественниками либо опознаны и арестованы польскими жандармами. Так окончилась эта преступная и ложная попытка, которая представила дополнительные доказательства непоследовательности и гнусности этой нации. Эти люди поставили под удар многих своих родных и большое число мирных жителей, слишком слабых или слишком доверчивых для того, чтобы сообщить властям об их отступлении. Очень скоро следствие было завершено, все те, кто запятнал свои руки кровью наших солдат, были приговорены к смертной казни, несколько из них были отправлены в ссылку или посажены в карцер. Власти всячески стремились сократить число наказанных, вскоре эти безумцы были забыты, а их бунт проклят самими поляками, которые почувствовали, насколько они были обязаны правительству России за его присмотр и заботы.

Один из этих безумцев по фамилии Шиманский, сбежавший в Литву, должен был быть повешен, но своим искренним признанием и, по-видимому, полным раскаянием заслужил пощаду. Его привезли в Петербург, где я встречался с ним много раз. В беседах он излил мне душу, назвал всех сообщников, детально описал все заговоры, спланированные в революционных комитетах Парижа, обрисовал способы, использованные для того, чтобы соблазнить и обмануть легкомысленные и восприимчивые головы. Он рассказал о клятвах, которые их заставляли принимать, о полученных их сторонниками инструкциях. Наконец, в благодарность за оставленную ему императором жизнь, несмотря на его преступления, он попросился на службу с тем же рвением и преданностью, с которыми он служил делу, признанному им теперь как подлое и преступное. Я поверил ему, и он получил полную свободу. Он уехал в Германию, тронутый благородным поступком императора по отношению к его матери, она была бедна и очень несчастна от поведения своего сына. Ее успокоили, и она получила денежную помощь. Шиманский написал мне из Гамбурга, затем из Франкфурта с тем, чтобы рассказать о демагогических выпадах против России. Затем он приехал в Париж и оттуда написал мне самое подлое и полное грязных проклятий в адрес императора письмо, переполненное угрозами тому, кто только что спас его от смерти.

Тем же летом, однажды утром молодой поляк пришел ко мне и попросил принять его наедине с тем, чтобы рассказать о какой-то тайне. Я приказал привести его ко мне в кабинет. Без долгих вступлений он мне рассказал, что приехал в Петербург для того, чтобы отомстить за свою порабощенную родину и освободить мир от тирана, каким был Николай. Он заявил, что лучшим доказательством его мужества, достаточного для исполнения подобного плана, является смелость, с которой он явился ко мне об этом рассказать. Он верил в то, что Россия несчастна, и обвинял императора в том, что Польша сведена до положения постыдного рабства. Он принял на веру все то, о чем ему рассказывали за пределами страны, и то, что ему там довелось прочитать. Приехав в Петербург, он занимался поиском средств исполнения того плана, который привел его сюда, здесь

Перспективный вид усадьбы «Фалль» архитектора А.И. Штакеншнейдера

он встретился со своими соотечественниками и был весьма удивлен, видя их на свободе, некоторые чиновники были даже отмечены наградами. Все они отдавали должное достоинствам императора, он с удивлением увидел счастье, спокойствие и богатство жителей этой огромной и великолепной столицы. Тогда он стал с интересом наводить справки об императоре, расспрашивать о тех чувствах, которые он внушал. Повсюду и от всех людей он слышал только похвалу и слова преданности, наконец, он получил возможность сам увидеть императора, и вся его ненависть превратилась в восхищение по отношению к нему и в отвращение к тем, кто клеветал на этого государя. Он сказал, что готов понести наказание за задуманное им преступление, которое он решил исполнить. Я ему сказал, что его прощение является результатом его признания, что он остается свободным в своих действиях, и что я доложу императору обо всем, что только что услышал. Через несколько дней я вызвал его в Петергоф и проводил в кабинет Его Величества. Император принял его с той простотой и искренней приветливостью, которая удивляла всех, кто в первый раз представал перед ним. Он подробно расспросил о его жизни и о причинах, заставивших его поднять на него руку. Молодой поляк отвечал спокойно и без волнения, он рассказал о своей жизни, о своей ненависти к императору, о своем приезде в Петербург, об удивлении тем, что он здесь увидел и услышал, о случившейся в нем внутренней перемене и о мучивших его

угрызениях совести. Император доброжелательно спросил о том, чем он хотел бы заняться в будущем. Служить Вам, сир, был ответ.

— Где?

— В Польше, сир.

Повернувшись ко мне, император приказал написать маршалу Паскевичу о том, чтобы он принял на службу этого молодого человека в соответствии с его способностями и желаниями. Глубоко взволнованный он вышел из кабинета императора, пожал мне руку и сказал: «Я заслужу своей преданностью такое благородство и великодушие».

Другое бедствие должно было еще поразить Россию, вызвать у императора новые потрясения и дать ему лишний повод проявить деятельность и отеческую заботу к подданным. Почти во всей империи был неурожай, а в некоторых губерниях земля не родила вообще ничего. Трава была выжжена, запасать было нечего, на огородах не уродились овощи, и даже картофель не оправдал ожиданий и трудов земледельцев. Многочисленные стада баранов, во множестве пасшиеся на плодородных южных землях, которые своей шерстью способствовали изобилию и промышленности в этих местах, из-за отсутствия пищи теряли тысячи голов. Собственники направляли стада на несколько сот верст вглубь страны и жертвовали половиной поголовья для того, чтобы прокормить оставшихся. В Малороссии быки и коровы околевали, и крестьяне теряли свои последние запасы. На широких равнинах казачьего Дона и на Кавказской линии самые прекрасные и многочисленные табуны лошадей издыхали из-за отсутствия пастбищ и даже из-за нехватки воды, так как многомесячная засуха иссушила все ее источники. Зерна не хватало, и несчастные крестьяне оказались в страшной нищете. Большей части населения нашей обширной империи грозил голод со всеми его ужасами.

Не дожидаясь докладов своих губернаторов, император отдал спешные и самые точные приказания Комитету министров с тем, чтобы учесть нужды народа, произвести закупки, послать зерно, проконтролировать обработку земли к осени. Он направил своих адъютантов наблюдать за распределением зерна, оказать самым нуждающимся денежную или иную помощь. Он дал самые суровые указания губернаторам и предводителям дворянства, приказал открыть казенные и губернские склады, направил людей в германские порты для значительных закупок зерна с тем, чтобы заполнить опустевшие склады, выделил из казны резервы, превышавшие 20 миллионов, для покрытия всех этих неожиданных расходов. Необычайная энергия, которую он проявил в этих условиях, и которую сумел внушить всем чиновникам, спасла его народ от голода и сильно увеличила чувство любви и признательности, которые люди уже к нему испытывали.

* * *

На протяжении многих лет французский император высказывал желание лично познакомиться с императором Николаем. Революция, которая вознесла Луи-Филиппа на квази республиканский трон Франции; революция в Бельгии,

которая фактически присоединила эту страну к системе тюильрийской политики; неудавшийся бунт в Польше, который отозвался в австрийской Галиции призывами к независимости и к отделению; революционные движения в Италии и в Швейцарии; обсуждение реформ в Англии; упорядочивание германских государств — все это устрашило Венский двор и заставило его забыть свое ревнивое отношение к могуществу России и осознать необычайную спешность воссоединения тех связей, которые в 1814 и 1815 годах позволили ей вернуть свою свободу и получить решающее влияние в Германии. Австрийский посол при нашем дворе граф Фикельмон уже прямо и открыто готовил это сближение, которого требовала мудрая и предусмотрительная политика, и которую долгие годы мы считали необходимой.

Всегда колебавшаяся в своих планах Пруссия, подверженная воинственной горячке и неосторожности своих принцев, прямо противоположной пассивному спокойствию прусского короля, разделенная в своих принципах между полностью монархической армией и либеральной третью государства, также почувствовала необходимость присоединиться к этому же старинному союзу, который спас ее в 1813 и 1814 годах, и который стал ее единственной поддержкой против конституционных и демагогических идей, наполнивших ее земли. Австрия и Пруссия, наконец, признали, что император Николай был опорой того сооружения, которое объединяло монархические правительства, поддерживало мир в Европе и служило щитом против наступления демократии и против революционных настроений, соединявших Париж и Лондон.

Договоренность о подобной встрече была достигнута, что с воодушевлением было воспринято императором, который расценивал ее как крайне важную, он считал себя призванным оказать помощь монархам, под которыми колебались их троны.

С целью не особенно тревожить парижский и лондонский кабинеты, на которые этот великий союз произвел огромное впечатление, было решено, что император повидается с государями Австрии и Пруссии по отдельности с тем, чтобы не придавать этим встречам характера официального конгресса. Для свидания с императором король Пруссии выбрал Шведт, а Франц I — небольшой городок Мюнхенгрец.

Вечером 15 августа в Петергофе государь поднялся на борт парохода «Ижора». Так как ночь была очень темной, сигнальные огни и фонари освещали берег и укрепления Кронштадта. Кроме императора на борту также находились министр императорского двора князь Волконский, граф Алексей Орлов и я. Вскоре «Ижора» оставила за кормой огни Петергофа и Кронштадта, к рассвету мы были уже далеко в море и, исходя из скорости судна, могли вычислить день и час прибытия в Штеттин, куда уже были направлены наши кареты для того, чтобы в них ехать в Шведт. Ветер крепчал и с каждым часом волнение усиливалось, крупные волны подбрасывали наш легкий пароход, который был предназначен только для прогулок между Петергофом и Кронштадтом, а вовсе не для борьбы

с непогодой в открытом море. Кроме того, на «Ижоре» горючего было всего на три дня, а бурное море замедляло наше продвижение вперед, сводя его почти на нет, был риск полностью израсходовать запас угля. Капитан заявил, что должен искать укрытие в находящихся по соседству бухтах Лифляндии, стать там на якорь и дождаться успокоения ветра и волнения. Следовало прислушаться к доводам разума, которые обосновывали такую необходимость, и, пройдя некоторое время по ветру, направление которого было совершенно противоположным нашему курсу, мы бросили якорь ввиду лесистого берега, примерно в сорока верстах от порта Ревель. Наше судно бросало как щепку, и капитан был очень обеспокоен его состоянием. Сила ветра не уменьшалась, холод был очень чувствителен и заставил нас закутаться в наши пальто в нетерпеливом ожидании потепления. Между тем время поджимало, мы знали, что прусский король, прибыв в Шведт в назначенный день, будет в самом сильном беспокойстве от малейшего опоздания, что направленный в Штеттин на встречу императору наследник престола с тревогой оценивал силу непогоды и опасности, ожидавшие его Августейшего родственника при морском переходе. Как мы узнали позже, этот шторм распространился по всей Балтике, он стал причиной гибели многих моряков. Он дал повод некоторым любителям мрачных слухов даже заявить в газетах о том, что император со всем экипажем погибли в волнах.

На протяжении более 12 часов нас сильно болтало на якорной стоянке, если бы он оторвался, мы рисковали бы потерпеть кораблекрушение на усыпанном скалами берегу. Ветер не менял направления и, казалось, он не собирался успокаиваться. Капитан заявил, что единственным способом выйти из этого опасного и неуверенного положения, было бы пойти по ветру и вернуться в Кронштадт. Император собрал нас в своей каюте, расположенной на верхней палубе, и беззаботно спросил наше мнение так, словно это был военный совет. Без колебаний мы присоединились к суждению капитана, и император приказал поднять якорь и направиться к Кронштадту. Это решение преисполнило радости князя Волконского, который был плохим ценителем бури. Он заверил нас, что больше никогда не поднимется на борт корабля, и грядущие события показали, что он оказался верен своей клятве. Ветер, который мешал удалению нашего парохода от Кронштадта, удвоил его скорость при возвращении к нему, и вечером 17 числа «Ижора» бросила якорь перед Петергофом. Двор уже покинул это место, оттуда уехали все, даже в порту никого не было, с тем, чтобы прислать нам шлюпку. Мы с императором спустились в небольшую корабельную лодку, которую волны бросали из стороны в сторону, а затем они с яростью разбивались о набережную Петергофа. В дрожках император добрался до Стрельны, откуда на почтовой телеге направился в Царское Село, куда на следующий день после нашего прибытия приехала императрица и члены императорской семьи. Мне император приказал поехать в Петербург и немедля заняться всеми необходимыми приготовлениями для сухопутного путешествия, которое должно было начаться на следующий же день. Все очень боялись за императора, буря была столь же сильной на суше,

Николай I, императрица Александра Федоровна и великий князь Константин Николаевич на борту императорской яхты

сколь и на море. В Петербурге уровень воды значительно поднялся, часть городских кварталов была затоплена, в городских парках и в окрестностях высокие деревья были вывернуты с корнем. Весть о нашем возвращении была радостно воспринята всеми, население столицы возносило к Богу благодарственные молитвы.

На следующий день после обеда я приехал в Царское Село, а вечером мы уже ехали в коляске по дороге в Нарву. По всей дороге лошади были заказаны на мое имя, и мы двигались безостановочно. На приграничных пунктах и в городах по понятным причинам императора узнали, в Форожене начальник таможни не знал, что и думать по поводу секретного проезда, и удовлетворился тем, что отвесил глубокий поклон нашей коляске, на большой скорости ворвавшейся в Прусское королевство. Мы быстро проехали Тильзит, Кенигсберг и вышли из коляски только в Эльбингене с тем, чтобы позавтракать на почтовой станции, пока смазывали коляску. Я изображал генерала, а император играл роль моего адъютанта, что очень его забавляло. Часто нас одолевал смех, и мы забавлялись, разыгрывая начальников почтовых станций.

За сутки мы останавливались так без обеда пять раз и добрались до места, где нужно было свернуть с большой берлинской дороги с тем, чтобы попасть в Шведт. Здесь, пока хозяйка гостиницы готовила нам кофе, мы занялись своим туалетом. Хозяин почтовой станции заговорил с моим адъютантом, то есть с императором,

который стоя приводил себя в порядок, в то время как я удобно устроился за столом. На вопрос, нет ли новостей из Шведта о морском путешествии императора, наш хозяин принял умный вид и ответил, что он только что получил частное письмо, из которого следует, что вчера вечером император России благополучно высадился в Штеттине. Это известие принесло огромную радость королевской семье, которая находилась в страшном беспокойстве из-за сильной бури.

— Слышали ли Вы это, мой генерал, — сказал мне император, и повторил все то, что рассказал хозяин почтовой станции.

— Так было угодно господу, — ответил я ему и поблагодарил хозяина за хорошие новости.

Через две станции оттуда мы вышли из коляски, император надел свою форму прусского генерала. После того, как перед любопытным и заинтригованным хозяином почтовой станции я отдал своему адъютанту распоряжения относительно подготовки помещения для меня, закутанный в плащ он спустился по лестнице, сел в почтовую карету, приготовленную для фельдъегеря, и один проехал последний отрезок пути в Шведт. Я пытался угнаться за ним в своей коляске, но он сильно опередил меня и очень удивил всех своим появлением. Все с нетерпением ожидали известий о нем со стороны Штеттина, король был в страшном беспокойстве, наследник престола не покидал порт с тем, чтобы сразу же предупредить своего отца, если появится «Ижора». В это время перед шведтским замком из небольшой почтовой кареты, прибывшей со стороны противоположной Штеттину, вышел император. Королевская семья была преисполнена радости, которую сердечно разделили все те офицеры и жители города, кто знал об опасностях, которым буря подвергла зятя их государя.

В Шведте находилась только прусская семья, братья и сыновья короля, некоторые из них были с супругами, великий герцог наследник Мекленбургский, женатый на сестре нашей императрицы, и герцог Кумберлендский. Круг лиц, работавших с королем и имевших на него влияние, был дополнен его первым министром генерал-адъютантом Вицлебеном и министром иностранных дел господином Ансильоном.

Нас поселили в замке, где в 1805 году, за 28 лет до описываемых событий, при возвращении из Ганновера в Россию корпуса под командованием графа Толстого, мы были представлены королю, тогдашнему союзнику Франции, принявшему решение изменить политический курс и сблизиться с нами с целью сопротивляться Бонапарту. Через год последний захватил всю Пруссию и вынудил всю королевскую семью бежать в Мемель. Тогда я был очень молод, ослеплен красотой королевы и старался через ее молодых придворных дам повлиять на нее в том смысле, чтобы она использовала свой авторитет перед королем и сама изменила образ мыслей в духе разрыва с французской системой и объединения усилий с Россией. Тогда мы преуспели только в несчастье для Пруссии.

Теперь я вернулся в тот же замок один, вместе с моим могущественным государем, который теперь, также как и тогда, стремился подвигнуть Пруссию на

более тесное единомыслие и единство действий с правительством Санкт-Петербурга, на более искреннее и смелое противодействие наступательным планам революционных принципов, к открытому противодействию настойчивым требованиям нового кабинета Тюильри, столь близким Сент-Джеймскому правительству, с тем, чтобы навязать нам эти принципы и парализовать силу наших правительств. Совершенно не желая пренебрегать интересами двух наций, французской и английской, не собираясь противопоставлять деспотизм либеральным идеям, но с единственной целью сплотить Россию и Пруссию в единый союз, готовый отразить любую агрессию и способный разбить бунт всюду, где он осмелится поднять голову.

С первых же дней господин Ансильон начал многословно и весьма красиво высказывать свои политические взгляды, убеждения и надежды, заключавшиеся в том, что пришло время занять менее мягкую позицию по отношению к разрушительным доктринам, которые угрожают Германии и всей Европе. Он уверял, что только более тесный союз между Россией, Австрией и Пруссией может быть единственным способом остановить всесокрушающее продвижение конституционных утопий, которые со времени прихода к власти Луи-Филиппа укрепились в умах людей и расшатывают монархии. Генерал Вицлебен высказывался менее горячо и более сдержано. Он упомянул об опасности разрыва с Францией и указал на необходимость терпимого отношения к либералам в Германии, деятельность которых умножает способы вторжения в страну. Он был выразителем добрых намерений короля, своего государя, который ясно видел опасность, искал способы ее избежать, но его преклонный возраст, пережитые несчастья и нынешние привычки заставляли его искать мира и опасаться войны. Ансильон был выразителем идей наследника престола, воспитателем которого он являлся[156]. Наследник и его младшие братья считали прусскую армию самой лучшей и самой грозной, они желали войны так же, как желали ее прусские принцы и генералы перед своим полным поражением под Йеной. Ансильон очень много говорил, но реальные факты доказывали его слабость или его злую волю.

Император высказал свое настойчивое пожелание, чтобы господин Ансильон отправился в Мюнхенгрец поддержать его там на переговорах с Австрией, если та проявит колебания в присоединении к тому тесному союзу, который должен был снова объединить три державы. Этот союз также должен был показать Европе, что все происходит по общему согласию между тремя государями. После того, как у Ансильона не получилось выйти из этого положения с помощью красивых фраз, ведь от него требовалось всего лишь согласие на поездку, он тотчас же отказался и даже имел бестактность заявить, что его присутствие в Мюнхенгреце не будет соответствовать достоинству его государя.

Эти слова вызвали гнев императора.

— Как, — сказал он, — здесь осмеливаются обвинять меня в том, что я прошу чего-то, что не соответствует достоинству моего тестя!

Он вспылил и, находясь перед принцами, своими двоюродными братьями, не выбирал выражений против виновного министра. Тем временем, король

совершенно избегал серьезного разговора с императором, он уклонился от объяснений и удовлетворился тем, что видел императора в лоне своей семьи, он окружил его знаками внимания и своей отеческой заботой. Таким образом, все переговоры свелись к сплетням и мелким интригам, в которых все участвовали в той степени, в которой это им пришлось по душе. Эта картина навеяла на меня печальные мысли о берлинском кабинете и оставила мало надежды на крепость наших связей в будущем.

Император был сильно задет. Он был откровенен и дружески настроен, что следовало из его характера, привязанности к королю и из его заинтересованности в судьбе Пруссии. Именно Пруссия, а не Австрия и тем более не Россия, оказалась в открыто угрожаемом положении. От этих неприятностей у него разлилась желчь, и он внезапно слег. По привычке он закрылся в комнате, лег на свое убогое походное ложе, представлявшее собой всего лишь наполненный сеном кожаный мешок, и отказывался кого-либо принимать, включая врача. Его собственный врач, как и вся остальная свита, ожидал нас в нескольких почтовых станциях от Мюнхенгреца. Испуганный лакей сообщил мне, что императору очень худо. Без доклада я вошел в его комнату и после больших стараний получил его разрешение на то, чтобы пришел врач короля. Он пощупал пульс, выписал лекарства и заявил, что положение императора серьезно. Кровь застыла у меня в жилах от тревоги и ужаса, я не знал, надо ли мне было без промедления послать за Арендтом, который мог приехать только через двое суток, или послать за врачом в Берлин, так как королевский доктор, по словам нашего посланника при прусском дворе Рибопьера, не пользовался репутацией человека сведущего. Все члены королевской фамилии собрались в зале ожидания, терзаемые самой жестокой тревогой. Император заснул, через щель неплотно закрытых дверей я следил за ним. Увидев, что он проснулся, я осторожно вошел и сказал, что король горячо желает его видеть. При этих словах он спрыгнул с кровати, приказ подать одеваться и немедленно направился к своему августейшему тестю. Все наши опасения рассеялись, и мы продолжили приготовления к отъезду.

Ансильон формально отказался поехать с императором в Мюнхенгрец, тем не менее, там должен был быть представитель короля Пруссии. Без этого союз трех держав, основная цель нашей поездки, не представлял бы собой ничего достойного вниманиия и оказался бы весьма сомнительным. После долгих переговоров, проявлений нерешительности и очень заметного безразличия прусского кабинета, было решено, что до границ прусского королевства императора будет сопровождать наследник престола, который оттуда, находясь очень близко от места пребывания австрийского императора, будет ждать его приглашения приехать в Мюнхенгрец. Таким образом, пожелания императора были отчасти исполнены, и Европа, которая с тревогой и пристальным взглядом следила за этими двумя встречами в Шведте и в Мюнхенгреце, смогла бы в них увидеть только полное согласие между тремя государями.

Прусский король Фридрих-Вильгельм III

Мы же не видели в этом ничего, кроме грустной перспективы слабого выражения близости с Пруссией, и подтверждения того, насколько мало мы можем быть уверены в прусском правительстве, всегда колеблющемся, исполненном хитрости и недоверчивом.

Король, члены его семьи, часть генералов и офицеров были искренне преданы императору, который оказывал им знаки дружеского расположения и доверия. Однако, могущество России очень зримо вызывало зависть у всех остальных. Самолюбие или, скорее, фанфаронское прусское тщеславие не позволяло им увидеть в этой державе спасительную защиту их существованию, они не видели в ней ничего, кроме врага, ущемлявшего их гордость. Принцы и молодые офицеры не сомневались ни в чем, они видели, что воинская слава требует войны с Францией, и поэтому с радостью принимали союз, рассматриваемый ими только как средство для нападения, а не в истинном его смысле, как благородная политическая позиция, способная предотвратить войну, и остановить приближение сражений, столь горячо желаемых революционерами Франции и Германии.

В течение четырех дней, пока мы оставались в замке Шведта, жизнь протекала однообразно. Все собирались вначале на завтрак, затем в час дня на большой обед на 50 персон, потом в половине шестого на чай, а в шесть часов начиналось представление нескольких небольших и очень забавных немецких пьес

в импровизированном театре в одном из залов дворца, затем — ужин, и еще до десяти часов вечера можно было оказаться в своей постели.

Испытанное императором серьезное недомогание заставило его по просьбе короля изменить обычный час своего отъезда, вместо того, чтобы выехать как всегда в полночь, мы пустились в путь в 10 утра 27 числа. Император пригласил в свою коляску наследного принца, а я вместе с генералом Гробеном поехал в коляске принца. Последующая ночь предоставила полную возможность испытать все неудобства проезда по немощенным дорогам и убедиться в неловкости немецких почтальонов. Император сбился с дороги, я сильно ушибся, наша коляска сломалась, а почтальон был серьезно ранен. Наследный принц был взбешен этими дорожными злоключениями, которые заставили императора только пожать плечами, а меня — пожалеть о наших поездках по России.

* * *

На последней станции на территории Пруссии наследный принц остался ожидать приглашения австрийского императора. Здесь же ожидал нашего государя посланник при Венском дворе господин Татищев. После утреннего туалета император взял его в свою коляску и направился в Мюнхенгрец.

Оба императора познакомились со всей возможной искренностью и сердечностью. Пожилой и уважаемый государь Австрийской империи, Нестор коронованных особ Европы, был взволнован, обнимая молодого наследника Александра, союз с которым вернул ему ослабевшее могущество, и дружба с которым была ему дорога. С первого взгляда и по велению сердца император Николай оказался как бы нежным и преисполненным уважения племянником, который видел во Франце I собрата и боевого товарища своего старшего брата императора Александра, который благодаря разнице в возрасте и своему 25-ти летнему царствованию был для императора Николая настоящий отцом. То же сердечное обхождение и взаимный интерес с первых же мгновений установились и с императрицей[157], нежной и трогательной спутницей своего знаменитого супруга. С самого начала между двумя государями установилось полное взаимопонимание, что бросилось в глаза любопытным и внимательным членам австрийского двора. Неподдельная скромность императора, его уважительное внимание к старейшему из государей польстили самолюбию австрийцев. Из их глаз немедленно исчезли приписываемая им скованность и все те негативные чувства, которые уже много лет различные выдумки и недоброжелательство старались в них укрепить против могущественного самодержавия России.

Никто из членов австрийского императорского дома не был приглашен на встречу в Мюнхенгреце, которой пытались придать только самую необходимую официальность. Поэтому выбор места пребывания пал на этот совершенно неизвестный небольшой городок, принадлежащий графу Валленштейну, потомку очень известного военачальника[158], который во время Тридцатилетней войны противостоял шведским армиям и императорскому могуществу.

Императоры жили в замке графа, достаточно просторном для этого. Также приехали в Мюнхенгрец и расположились в том же замке сестра нашего императора великая княгиня Мария с мужем великим герцогом Веймарским. Через несколько дней приехал герцог Нассау и остановился в городе. Он познакомился с императором Николаем за несколько лет до смерти Александра I и подружился с ним еще тогда, когда он был великим князем. За несколько дней до нас сюда приехал граф Нессельроде, который уже начал переговоры с князем Меттернихом, влияние которого на политику и его величайшие заслуги поставили во главе всех дел, и сделали из него центральную фигуру венского кабинета. Он очень высоко ценил нашего государя потому, что судил о нем по его действиям, а не по злобным высказываниям журналистов или по той ревности, которую внушало могущество его короны. Император Николай со своей стороны высоко ценил способности и изобретательность этого старого родоначальника хитроумной и ловкой политики Австрии. И тот и другой были в некотором смущении и готовились к встрече не без эмоций, которые они внушали друг другу. Их встреча была спровоцирована императором.

На следующее утро после своего приезда император без колебаний ясно и просто обрисовал критическое положение Европы, вызванное слабостью государей, опасающихся либералов. Их мнимая сила объясняется лишь бездействием и недостаточным единством между собой монархий Австрии и Пруссии, которые вместо того, чтобы искренне и без принуждения объединиться с Россией, крайне ревниво относятся к ее могуществу, не желая видеть в нем гарантию своей собственной силы. Он заявил, что, объединившись между собой, эти три державы, еще не предпринимая никаких действий, могут остановить революцию, внушив уважение Англии и Франции. Они могут сохранить мир или, в крайнем случае, успешно сражаться против бунтов, как минимум, искоренив у себя растущие зерна новейшей пропаганды. Как государство наиболее удаленное от опасности, Россия имеет в виду лишь интересы Австрии и Пруссии, она решительно не желает вмешиваться в конфликты, выходящие за границы ее интересов, она хочет быть лишь надежной опорой своим союзникам. Но, вместе с тем, Россия намерена не допустить стороннего вмешательства в вопросы, которые ее непосредственно касаются, такие как Польша или Османская империя. Они подлежат решению только в Петербурге и в Вене, столицах империй, которые соседствуют и окружают Турцию по всем ее границам.

Князь Меттерних был поражен той силой и сдержанностью, с которыми император обрисовал позицию Европы, и свои собственные намерения. Он нашел их столь справедливыми и столь соответствующими интересам Австрии, что ему осталось только умом и сердцем разделить суть сказанного императором, поблагодарить его и торжественно обещать искреннее и дружеское содействие своего государя.

Выйдя из кабинета императора, все собрались на обед. Я хорошо знал князя Меттерниха по пребыванию в Париже в 1807 году, когда нас сблизил поиск

любовных приключений, мы быстро вернулись к старинным и добрым отношениям. Он мне сказал:

— Переговоры в Мюнхенгреце окончены, мне нечего к ним добавить. Раньше на встречах государей целыми месяцами спорили и марали бумагу. У Вашего государя иной подход: за один час он все закончил и все разрешил. Меттерних не мог нахвалиться Николаем, он даже громко заявил, что станет его министром, так как это отвечает интересам австрийской короны и монархической Европы. С этого времени наш вице-канцлер граф Нессельроде мог только присоединиться к сговорчивой и искренней манере, с которой Меттерних вел с ним дела. Больше не было дискуссий, все происходило с общего согласия. Оба правительства, венское и петербургское, объединились в проведении единой политики, консервативной по характеру и готовой вооружиться против бунта, где бы он ни поднял голову.

Обращение князя Меттерниха и особенно его молодой супруги со своим государем потрясли нас с первого же дня, казалось, они полностью подчинили двор. Оно резко контрастировало с простым поведением императора Франца и скромностью императрицы. Человек, не знавший в лицо этих людей, мог бы ошибиться, приняв одних за важных господ, а других за государей. Только присмотревшись ближе, можно было понять, что император искренне доверял своему министру, полностью преданному ему и его славе, чему он служил со всем усердием и всеми своими замечательными способностями. Пожилой и уставший от своего долгого и сопровождавшегося великими испытаниями царствования император передал Меттерниху ведение всех политических дел в Европе, а также своих домашних дел. Он оставил себе лишь общее руководство внутренним управлением и правосудием — то есть те вопросы, которые были ему хорошо знакомы за долгие годы правления. Это стало источником любви и глубокого почитания со стороны преданных подданных всех классов и состояния.

Десять дней нашего пребывания в Мюнхенгреце прошли очень спокойно, словно мы были в имении богатого господина. В небольшой двухместной коляске император Франц лично вывез императора Николая на охоту, и несколько часов развлекался с ним, стреляя фазанов и прочую дичь, которая в прекрасных заповедниках Богемии размножилась в огромном количестве. Обедали всегда вместе, после обеда развлекались игрой на бильярде. Княгиня Меттерних руководила игрой с трогательной веселостью, вечерами в замке происходили театральные представления. Актеров привезли из Праги, в оркестре играли музыканты из ближайшего пехотного полка, которые ни в чем не уступали даже лучшим артистам. Богемия — это родина музыки, она слышалась повсюду, даже в самых маленьких селениях, во всех трактирах были свои музыканты.

В нескольких милях от Мюнхенгреца были собраны несколько батальонов пехоты, два батальона артиллерии, по одному батальону кирасир и улан. За полчаса император Франц довез туда нашего государя и представил ему свои войска. Много людей приехали на место парада из Праги и ее окрестностей. Столь

Австрийский император Франц I

великолепные в этой части Богемии места, создавали богатый и столь же живописный вид. Яркое солнце освещало всю эту красоту, замки, руины и расположенные недалеко горы. Войска были построены в две линии, первую составляла пехота, из которой выделялись красотой три батальона гренадер, а также своей непринужденной выправкой два батальона егерей. Вторую линию составляла кавалерия, артиллерийские батареи находились на флангах обеих линий. Кирасиры нас поразили неподвижностью на месте людей и лошадей — то, что требуется от этих войск. Уланы нас удивили своей похожестью на соответствующие войска в русской армии. После того, как мы шагом проехали перед всеми войсками, они медленно сдвинулись с места, произведя перестроения по устаревшей тактике, и показали нам зрелище военных учений. Уланы были единственными, кто расторопно двигался по флангам, как и надлежало выученной кавалерии, они уверенно управлялись с лошадьми и своим оружием. Артиллерия была неповоротлива и из рук вон плохо экипирована, но, тем не менее, стреляла достаточно быстро и в величайшем порядке. Все виденное нами доказывало, что войска были хорошими, но в смысле выучки они не продвинулись вперед со времен Семилетней войны. Их обучение длилось долго и было плохо поставлено.

Только егеря действовали по системе более приспособленной к войне, они единственные, кто казался наиболее подготовленными к современной тактике.

После окончания учений все войска прошли перед императорами парадным маршем, после этого они сели в коляску для того, чтобы возвратиться в Мюнхенгрец к обеду.

На следующий день австрийский император назначил нашего государя шефом того гусарского полка, который был ему представлен накануне. Вскоре, благодаря заботам командира полка полковника Вюбнера, была пошита полная полковая форма, и два дня спустя император Николай в ней командовал парадом как шеф полка, вывел его на учения и затем провел перед императором и императрицей, прибывших к его окончанию.

Расположившись в качестве полковника позади дивизионного и бригадного командиров, император отдал честь государям Австрии и после доклада их величествам прошел перед ними во главе своего полка. На всех присутствующих произвели прекрасное впечатление его великолепная фигура, облаченная в элегантный венгерский мундир, его красивая посадка на лошадь и та серьезность, с которой он исполнял свои обязанности полковника. Офицеры полка и простые гусары были в восхищении и очень гордились тем, что ими командовал самый могущественный государь на земле и самый красивый мужчина в Европе. Он собрал вокруг себя офицеров и говорил с ними по доброму и с убежденностью об их обязанностях по отношению к их почтенному государю и о своей искренней к нему привязанности. В частности он сказал полковнику, что истинный долг офицера и дворянина заключается в том, чтобы не ограничиваться только преданностью к действующему государю, но в печальном случае его кончины, он должен перенести свою преданность на его преемника, и на свою родину, которой они служат на троне. Военные должны давать пример усердия и повиновения, которые только и могут обеспечить счастье и славу их империи. Что до самого императора Николая, он всегда будет готов оказать ему помощь по службе и будет внимательно следить за судьбой Австрии и за могуществом императорского дома.

Эти слова, равно как и все поведение императора, то уважение, которым он окружил старость Франца I, его отношение к императрице, его искренность по отношению к приближенным императорского двора, его вежливое обращение с дамами, его прогулки во фраке и без охраны среди простых людей, все это покорило всех вокруг. Он завоевал все сердца и вызвал самое нежное и преданное к себе отношение императора и его добродетельной августейшей супруги. Император Франц попросил у Николая дружбы и защиты по отношению к слабому и больному наследнику короны[159], заверил его, что в своем завещании он потребует от своего сына, чтобы он во время царствования ничего не предпринимал, не спросив мнения императора Николая. Иными словами, он передал в руки нашего государя и оставил на его усмотрение будущую судьбу Австрии. Это было ярким свидетельством его уважения добрых намерений Николая и, в то же время, продемонстрировало всю проницательность его ловкого ума, которому удалось распознать и понять благородный и настойчивый нрав Николая. Подобным

поведением он шел навстречу интересам своего сына и империи, которой последний призван был управлять после него.

Мы все были окружены добротой Франца I, часто он удостаивал меня очень веселой и остроумной беседой, заставив меня несколько раз смеяться от всего сердца. Особенно забавными были его венский акцент и выражения, присущие совершенно всем жителям Вены.

Также как и в Шведте, в Мюнхенгрнце было решено, что три державы будут придерживаться единой политики во всех польских делах, что с общего согласия они будут подавлять бунты везде, где бы они не подняли голову, и что с этого времени ни в одной из союзных стран не смогут найти себе убежище нарушители общественного порядка. Они должны быть преданы суду в той державе, где будут признаны виновными.

Я был награжден лентой ордена Св. Этьена первой степени, а в Шведте король Пруссии удостоил меня ордена Черного Орла.

Все расстались, весьма довольные друг другом. После десятидневного пребывания мы снова сели в коляску и по тракту доехали до Модлина, оставив Варшаву справа.

* * *

Вокруг только и было разговоров, что о покушении на жизнь императора, о всеобщем возбуждении умов против него, все за него очень боялись. Вся Россия содрогнулась от известия о том, что он возвращается через Польшу. А он появился там совсем один, сопровождаемый только мной и одним фельдъегерем, следовавшем позади нашей коляски. Маршал Паскевич расставил на почтовых станциях немногочисленные казачьи эскорты, которые должны были охранять проезд императора. На остановках он принимал прошения, которые приносили ему поляки, милостиво беседовал с ними. Казалось, он находился среди своих преданных подданных, нимало не заботясь о мерях предосторожности. Тем не менее, все происходившее не уменьшало моего беспокойства, но я сказал себе, что столь благородная храбрость должна была остановить даже руку убийцы.

Мы приехали в Модлин темной и дождливой ночью по недавно проложенной и совершенно разбитой дороге. Князь Паскевич прибыл в Лович с тем, чтобы встретить императора и сопроводить его к новой крепости, рядом с которой в одном большом лагере были собраны два армейских корпуса под командованием генералов Ридигера и Крейца. Модлин был старинной крепостью на месте впадения Нарева в Вислу, поставленной Карлом XII во время его победоносной войны в Польше. Слабое республиканское правительство королевства оставило лишь воспоминания об укреплении в этом очень важном пункте страны. Потребовался приход Наполеона, который предвидел борьбу не на жизнь, а на смерть против России, для того, чтобы восстановить постройку шведского завоевателя и попытаться ее улучшить. С тех пор, как Наполеон лично указал место для этой крепости, она поддерживалась очень слабо. До того момента, пока революция 1830 года вновь продемонстрировала полякам ее необходимость. Они спешно

принялись приводить ее в боевое состояние и добавили некоторые защитные сооружения. Революционные события доказали императору Николаю насколько важно превратить Модлин в первоклассную крепость, доминирующую над местностью в 40 верстах от Варшавы. Находясь в месте впадения Нарева в Вислу, это сооружение является щитом столицы и опорным пунктом для всех военных операций в любом районе Царства Польского.

Не успел штурм Варшавы положить конец революции, как император поспешил отдать приказания создать широкий военный плацдарм, центром которого являлся бы Модлин. Это место получило название Новоегорьевск. Император лично определил место для расположения укреплений и поручил исполнение этого грандиозного плана заботам маршала Паскевича. В нетерпении увидеть ход работ, которым он придавал столь большой значение для контроля над этой неспокойной местностью, он на следующее после своего приезда утро отправился на строительство, начавшееся всего 18 месяцев назад. На огромном пространстве уже были возведены основные укрепления, строительные материалы были разложены по своим местам, а огромное число рабочих, привезенных из внутренних районов империи, получали здесь щедрую плату за свой труд. После обеда император сел на лошадь и направился в пехотный лагерь двух армейских корпусов. Трудно описать с каким восторгом эти бравые солдаты, победители Польши приветствовали своего государя, и насколько радовали глаз их выправка, здоровый и веселый внешний вид.

Узнав, что вершитель их судеб находится так близко от города, из Варшавы попросили разрешения направить в Модлин депутацию с просьбой оказать городу честь своим приездом. Император отказался ее принять и велел передать в город, что «он приехал в Польшу для того, чтобы посмотреть на свою армию, которой он доволен. Но, к сожалению, он не может быть доволен Варшавой и появится в ней только тогда, когда ее жители своим поведением вновь завоюют эту милость с его стороны. Тогда он с удовольствием приедет туда». Военные и гражданские чины столицы были вызваны в Модлин и удостоились чести быть представлены императору.

На следующий день он принял парад части армии маршала князя Варшавского. Гарнизоны из внутренних районов края, варшавский гарнизон и войска, занятые на работах в Бресте, не смогли покинуть свое расположение. В целом в Модлине собралось не более 44 тысяч войска. Присутствовавшие на этом параде герцог Нассау, австрийские и прусские генералы и офицеры не могли надивиться красотой различных родов войск, а наши русские сердца были преисполнены радостью и гордостью. После того, как Его Величество, сопровождаемый громовыми криками «Ура!», объехал ряды войск, первые две из которых были составлены из пехоты, третья и четвертая из кавалерии, а пятая из артиллерии, император приказал войскам приветствовать маршала, который привел их к победе. Он первый приветствовал его криком «Ура!», который был повторен и подхвачен солдатами, испытывавшим полное доверие к этому военноначальнику.

Строительство Новогеоргиевской крепости. 1830-е

На завтра император лично командовал маневрами всех родов войск и остался полностью удовлетворенным грамотностью командиров и той точностью, с которой различные полки и артиллеристы выполняли все отданные им распоряжения.

После этого в сопровождении князя Паскевича, герцога Нассау, австрийского генерала князя Реза и нескольких прусских офицеров, император сел в коляску и напротив Варшавы погрузился в шлюпку с тем, чтобы посетить крепость, построенную в этом городе вокруг казарм Александра. Как и в Модлине, строительство этой новой крепости было решено после польского бунта и, также как и в первом случае, было предначертано лично императором. Укрепление было предназначено для 3 или 4 тысяч человек столичного гарнизона и угрожало городу своими артиллерийскими батареями, готовыми разрушать дома при первом признаке бунта. В этом укрепленном пункте, окруженном с трех сторон казармами, возведенными по приказу Александра, для защиты столицы были собраны три батальона пехоты, четыре батальона егерей, полк улан и одна артиллерийская батарея. При приближении императора к рядам этих войск, страстно желавших видеть своего государя, радостные крики солдат дали знать жителям Варшавы о том, что их владыка находился у самых городских ворот. После прохода войск Его Величество пешком направился осмотреть громадные работы по возведению новой крепости, которая постоянно улучшалась, благодаря бесконечным заботам

и беспримерной деятельности. Укрепления уже были возведены, земляные работы по берегу Вислы почти закончены, а кладка стен сильно продвинулась. Глядя на эту стройку, можно было сказать, что здесь несколько лет работали великаны. Император был этим удивлен и весьма удовлетворен. Поблагодарив войска, инженерных офицеров и маршала, он глубокой ночью вернулся в шлюпку, на правом берегу Вислы сел в коляску и возвратился в Новоегорьевск.

Ранним утром на следующий день батальон Архангельского полка прошел перед императором парадным маршем и своей прекрасной выправкой заслужил его похвалу. Дело в том, что накануне этот полк был на дежурстве и поэтому не участвовал в большом параде. После этого император поблагодарил генералов, сердечно обнял маршала и вместе со мной через Ковно направился в Петербург.

Он остановился в Остроленке с тем, чтобы осмотреть поле сражения, следуя за пояснениями генерала Берга, который принимал активное участие в этом блестящем военном подвиге. При осмотре местности он казался легендой, под огнем вражеской картечи и на виду всей неприятельской армии, несколько батальонов прошли по очень длинному и разбитому мосту. Враг безостановочно атаковал, но был отбит непоколебимой храбростью наших гренадер. Сражение окончилось его полным поражением. Оттуда по тракту мы направились в Царское Село, куда приехали вечером 16 сентября. Таким образом, мы пересекли Царство Польское в самом широком месте — от Калиша до Ковно.

* * *

Двор оставался в Царском Селе до 26 октября, а затем вернулся в Петербург. Император стремился объединить в русском народе тех своих подданных, которые раньше управлялись польскими властями. Он был убежден, что только будущие поколения справятся с этой задачей, и что только воспитание молодого поколения сможет помочь этому. С этой целью он основал в Киеве университет Святого Владимира, в котором должны были совместно обучаться русские и польские студенты с тем, чтобы последние смогли избавиться от иллюзий относительно независимой Польши.

Университет в Вильно, так же как и школа в Кременце, были ликвидированы из-за того, что в этих двух заведениях на протяжении многих лет господствовал мятежный дух, поддерживаемый польским влиянием. Впрочем, следовало создать новые возможности для обучения, и Киев был признан тем местом, куда могли бы приехать молодые люди, как из внутренних областей империи, так и из Литвы, а также из Подолии и Волыни. Кроме того, Киев был колыбелью и столицей нашей церкви, и в нем находилась главная квартира командования первой армии. И с моральной и с административной точек зрения это был самый подходящий город для наблюдения и управления собравшихся там многочисленных молодых людей. В это новое учебное заведение были направлены выдающиеся деятели и вскоре, благодаря настойчивой и деятельной воле императора, университет получил вполне успешное развитие.

Ближе к концу ноября в Петербург прибыл чрезвычайный посол Султана Ахмед-паша с тем, чтобы торжественно поблагодарить императора за его скорую, действенную и незаинтересованную помощь Османской империи в тот момент, когда наступление египетского паши и вероломное бездействие Англии и Франции угрожало империи полумесяца неизбежным поражением. Этот посол был принят в соответствии с той же церемонией, которая была предусмотрена четыре года назад для Халил-паши, благодарившего императора за то, что он остановил победоносное продвижение российских войск у константинопольского порта. Его взятие означало бы скорое падение империи Магомета.

Нынешний посол был принят со всеми почестями, приличествующими его рангу и исполняемому поручению, которое означало яркий триумф благородной политики императора и постыдный упрек политике лондонского и парижского кабинетов. Общественное мнение поддерживало придворные настроения и оказывало Ахмет-паше различные знаки внимания. Кроме всего прочего, он получил частичное погашение османских долгов России, установленных Адрианопольским миром. После достаточно долгого пребывания, посол уехал вполне довольный результатами своей миссии, встречей с императором и тем приемом, который был ему оказан во время поездки из Одессы до Петербурга.

В течение нескольких недель в Москве происходили частые пожары, вспыхивавшие то в одном, то в другом районе города. Их считали результатом деятельности тайных обществ или даже плодом мстительности поляков. Жители города были в тревоге, они дежурили в домах, собирали вещи, несколько семей даже уехали из Москвы. В этом огромном городе воцарился ужас, все искали поджигателей и подозревали даже полицейских в том, что они заодно с врагами родины. Поймали нескольких несчастных воров и разговоры были только о делах следствия и о забавных новостях по этим процессам. Императору рассказали о том беспокойстве, которое царило в его древней столице, он сел в коляску и безотлагательно направился туда. Мы приехали в Москву поздно вечером к великому удивлению и к большой радости ее жителей. На утро следующего дня император пешком направился в кремлевский собор почтить святые реликвии. Соборная площадь и прилегающие улицы уже были полны людей, они радостно толпились по пути следования императора и наполнили улицы Кремля криками восторга. Вместе с появлением государя в город вернулась вера в то, что все виновные будут пойманы и преступные пожары погаснут. Говорили только о заботе монарха к своему добропорядочному городу, куда он приезжает при каждой опасности с тем, чтобы прийти ему на помощь. Между тем, на следующий день после нашего приезда вечером пожар загорелся на другом берегу реки в квартале, полностью застроенном деревянными домами. Император взял меня с собой, и мы приехали на пожар почти одновременно с первыми пожарными. Он лично взял на себя командование ими и вблизи от пламени, находясь в узком и загроможденном дворе, он руководил спасательными работами. Офицеры и рядовые пожарные трудились с несравненным усердием и смелостью, все старались отличиться

на глазах и под командованием своего государя. Менее, чем через полчаса огонь был побежден, он перестал быть опасным раньше, чем был потушен — ничто не сгорело кроме той части дома, которая уже была охвачена огнем.

Через два дня новый пожар разгорелся в районе бульваров, там, где были казармы. Император направился туда с той же стремительностью и уже через несколько минут большой деревянный дом, пылавший как костер, усилиями пожарных был разрушен, а пламя погашено. Собравшийся там толпой народ окружил небольшой экипаж императора для того, чтобы посмотреть и благословить своего государя, который, как и они, следил за безопасностью Москвы. Несмотря на полный мрак, ставший еще темнее после всполохов пожара, толпа узнала императора, окружила его и сопровождала его экипаж, пока лошади не унесли его вперед. Крики «Ура!» сопровождали его отъезд и окончание пожара.

Наконец, были найдены несколько несчастных, уличенных в том, что они подожгли несколько домов. Вскоре было проведено следствие, они были сечены хлыстом в тех местах, где совершили свое преступление. Эти меры успокоили тревогу жителей, никто не сомневался в том, что только присутствие императора обеспечило поимку преступников. Пожары прекратились, вновь возродились чувства доверия и безопасности, превратившиеся в благодарность и в восхищение всемогущим государем, который всего за несколько дней смог задержать и наказать злодеев, остававшихся неуловимыми в течение нескольких месяцев преследования полицией. После шестидневного пребывания в Москве, в течение которого он каждый день посещал общественные места, образовательные учреждения и богоугодные заведения, мы сели в коляску и вышли из нее только у лестницы Зимнего Дворца в Петербурге.

1834

Зимой давались балы и праздники, все те, чье общественное положение позволяло их организовывать и пригласить на них императорскую чету, первыми стремились добиться этой чести. Императрица давала свое согласие с очаровательной благосклонностью и радостью, с каждым годом она пользовалась все большей любовью и преданностью. Казалось, она рождена только для счастья своего супруга и своих детей, для всеобщей радости и для облегчения страданий несчастных. Она была любима своей семьей и своим окружением, она никогда не вмешивалась в дела иначе как для того, чтобы добиться прощения императора, в России она казалась заботливым ангелом и идеалом семейного счастья.

В то время как мы в России пользовались всеми благами мира и отеческого, постоянно улучшавшегося руководства, пока у нас благоустраивались все отрасли управления, все социальные классы были едины в своих принципах и в своей

«На балу». Рисунок императора Николая I

приверженности трону, остальная Европа была в смятении, народы раздирались различными движениями и идеями.

В Англии с новой силой возродилась старинная вражда между тори и вигами, словно для усиления разногласий в эту борьбу вмешалась новая партия. Либералы хотели все поменять, они осуждали свою старинную конституцию и привилегии, и как безумные шли навстречу анархии и народным волнениям.

Во Франции регулярно повторялись кровопролитные события, и, несмотря на мудрость короля, она находилась в борьбе с самой собой. Легитимисты по родовой традиции требовали прихода к власти Генриха V и восстановления белого знамени. Доктринеры стремились поддержать Хартию в том виде, в котором она появилась в результате бунта, передавшего трон Луи-Филиппу. Республиканцы требовали возврата к временам Директории. Анархисты попросту желали беспорядков. Наконец, партия бонапартистов, сама не слишком хорошо понимавшая, чего она хочет, горько сожалела только о временах побед и о поре разграбления Германии и Италии. Все эти партии постоянно сталкивались, боролись друг с другом и стремились захватить власть. В Париже каждый человек пытался объединить народ, Национальную гвардию постоянно поднимали по тревоге для разгона собраний или ареста подстрекателей. Регулярные войска очень устали от этого и страстно ожидали того момента, когда можно будет разом покончить со всеми

демонстрациями. Король лавировал между всеми этими убеждениями, старался всех успокоить и своим поведением пытался внушить доверие кабинетам Европы.

Англия пыталась добиться его полного присоединения к политике реформ, проводимой ее правительством, и к ее поистине детской зависти к тому, что они называли расширением московского могущества. Лондонские и парижские газеты продолжали настраивать Европу против нас, призывали к совместному крестовому походу с целью свержения, как они говорили, того ига, которым Николай хотел опутать весь мир. Луи-Филипп более ясно видел, в чем заключались интересы Европы и, особенно, Франции — это были сохранение мира и подавление разрушительных настроений. Впрочем, как и у английского правительства, у него было слишком много проблем в собственном доме, чтобы искать их в других местах. Лион был в огне, в течение трех дней на его улицах сражались с таким ожесточением, которое очень дорого стоило регулярным войскам, победа была вырвана из рук народа только после неслыханных усилий.

Находясь под коварным влиянием Англии, в Португалии продолжали борьбу два претендента на престол — дон Педро и дон Мигель. В этой несчастной стране продолжались сражения и беспорядки, там продолжала существовать ненависть[160].

Существовавший в Испании пришедший к власти неосторожный режим, погруженный в свои удовольствия и уступивший различным настроениям, подрывавшим его авторитет, оказался вынужденным отступать перед войсками дона Карлоса, который в одиночку приехал из Англии с тем, чтобы защитить свои права и свою империю. Простой офицер, который подготовил и поддерживал партию претендента на престол, уже покрыл свое имя славой и вдохнул надежду в тех испанцев, которые были привержены своим древним традициям и преданы семейству своего короля. Франция и Англия желали победы той королеве, которая принесла с собой либеральные в современном смысле этого слова традиции и институты, но, тем не менее, эти два правительства осмеливались лишь косвенно поддерживать партию, успеха которой они страстно желали. Они посылали деньги и оружие войскам королевы, старались перехватывать помощь, которая шла к дону Карлосу. Несчастная Испания вся покрылась трупами, происходили кровопролитные сражения, а неистовое противоборство партий обещало только долгий период нищеты и преступлений.

Италия бурлила под влиянием пропаганды Парижа и карбонариев, которые были особенно влиятельными в Неаполе, в Риме и в североитальянских государствах. Австрийские войска поддерживали здесь спокойствие, они всегда были готовы остановить бунт, который мог быть подавлен армией в 80 тыс. немцев.

Швейцария стала активным рассадником предосудительных обществ, в ней собирались итальянцы, поляки, французы и немцы, они даже поддерживали там свою систему пропаганды среди мирных граждан, которые были счастливы жить в Швейцарии, столь долго бывшей примером настоящей свободы. Там была сформирована и открыто вооружилась банда разбойников, которая проникла

в Сардинское королевство. Но вскоре будучи разбита и преследуема она укрылась в кантонах, в четырех из которых продолжила свою пропаганду беспорядков и разногласий.

Южные земли Германии были полны предосудительными фактами, почти открыто здесь проводились собрания, однажды ночью жители Франкфурта были разбужены ружейными выстрелами, это группа молодых возмутителей спокойствия стреляла по гвардейцам. Но встречи в Шведте и в Мюнхенгреце успокоили германских государей и князей, везде митинги стали разгоняться и запрещаться.

Одна Россия оставалась незыблемой и грозной наблюдательницей этого европейского разгула, она устрашала революционеров и вдохновляла своей мощью тех государей, которые могли бы попросить ее о помощи.

У нас готовилось новое утешительное свидетельство и новая гарантия стабильности и силы. Наследник престола великий князь Александр достиг своего 16-летия и по законам Российской империи стал совершеннолетним. Он соединил в себе все то, что мог желать молодой принц его возраста, которому самой судьбой было предназначено стать центром всех взглядов. Он был стройным, с красивым лицом, на котором лежал отпечаток кротости и рассуждения, его поведение было благородным и приветливым, без малейшего принуждения, он разговаривал с природной добротой и вежливостью. Он внимательно слушал все разговоры, которые могли его чему-то научить или удовлетворить его любознательность. Он был строен и гибок во всех своих движениях, элегантно ездил верхом, был прекрасно тренирован. Прилежный на занятиях, он любил учиться, и делал стремительные успехи во всех науках. Он глубоко уважал родителей и нежно любил их со всей чувствительностью своего возраста. Он заботился о своих сестрах и младших братьях, был сердечно привязан к своим товарищам по обучению, молодому Паткулю и Вильегорскому. Не оставалось желать ничего лучшего ни его Августейшим родителям, ни светскому обществу, лидером которого он становился с каждым днем все больше и больше. На 22 апреля была назначена церемония, посвященная его совершеннолетию, и представления его той нации, которой он был призван править. Император пожелал придать этой церемонии посвящения всю величественность и важность, которые она заслуживала, и которые были в традициях наших царей.

К часу дня пополудни все помещения Зимнего дворца были наполнены людьми. Члены Государственного Совета, Сената, члены дипломатического корпуса и все те, кто имел право войти во дворец, поспешно заняли указанные им места. В залах, которые вели из внутренних покоев императрицы в церковь, расположились отряды от всех гвардейских полков, в портретной галерее Героев войны 1812 года стояли учащиеся из всех кадетских корпусов, которые, как будущие соратники молодого цесаревича, находились ближе всех к церкви, где вскоре перед божьим оком он должен был принять присягу на верность и управлять ими со справедливостью и верностью славе родины. Когда все было готово к церемонии, в церковь были торжественно внесены царские регалии, они были поставлены на

специально приготовленный стол, находившийся у выхода из дворца. Рядом стоял пюпитр с Евангелием и крестом. В два часа пополудни в церковь вошли император, императрица и наследник, одетый в казачий военный мундир, а также другие члены императорской фамилии. Перед ними шли придворные мужчины, за ними — придворные дамы. У входа в церковь государей встретил митрополит Серафим с крестом и святой водой, сопровождаемый всем высшим духовенством. В церкви уже выстроились высшие гражданские и военные чины, члены дипломатического корпуса, храм был целиком заполнен теми, кто страстно желал присутствовать на этой интересной и памятной церемонии. В этом многочисленном и высоком собрании установилась полнейшая тишина, глаза всех были устремлены на императора, императрицу и на великого князя.

Началась церковная служба, которая была приурочена Синодом специально к этой церемонии. После службы последовала трогательная молитва всевышнему о его всемогущем участии в будущей судьбе России и молодого принца, который вскоре пообещает посвятить ей всю свою жизнь без остатка. По окончании молитвы, когда все были взволнованы до глубины души, император подвел своего сына к тому месту, где он должен был принести присягу на священном писании и на распятии. Подняв вверх правую руку, он начал негромким, но уверенным и внятным голосом произносить следующие слова: «Во имя бога всемогущего и перед этой священной книгой я клянусь и обещаю Его Императорскому Величеству, моему благосклонному государю и отцу, преданно и без лести служить ему, повиноваться ему во всем, не пожалеть ради него моей крови до последней капли, защищать и поддерживать его самодержавную власть, основанную на действующих или грядущих законах, способствовать всеми моими силами всему тому, что могло бы помочь сохранить его права и благополучие империи. В качестве наследника российского престола и корон Польши и Финляндии, которые к нему присоединены, я клянусь и обещаю соблюдать все законы наследования трона, все правила, права и отношения в императорской семье. Я буду относиться к этому с той торжественностью, которую накладывает на меня ответственность перед богом, который меня сейчас слышит. Господь, отец наш, повелитель государей! Вразуми меня, руководи и защити меня в моем служении и в возложенной на меня задаче, ниспошли мне со своего небесного престола исходящую от тебя мудрость. Дай мне познать истину и все то, что предписывает твоя святая религия. Посвящая тебе мою душу. Аминь».

По мере того, как он произносил эти слова, его голос становился крепче, а чувства переполняли его. Ему приходилось заново произносить те слова, которые были прерваны рыданиями, его невинное лицо было покрыто слезами. Глаза его отца, стоявшего рядом с ним словно для того, чтобы поддержать своего сына в этом драгоценном и торжественном действии, наполнились слезами. Императрица смотрела на них с умилением самой нежной матери и супруги. Наследник взял перо и подписал текст присяги, которую он только принял перед лицом всевышнего и России. Наконец, рыдания взяли верх над ним, и он бросился в объятия

Наследник цесаревич Александр Николаевич

своего отца, которому не терпелось прижать сына к своему отцовскому сердцу. Они вдвоем пошли навстречу императрице, направлявшейся к ним, обнялись втроем. Трудно было вообразить себе картину более благородную и умилительную. Эта прекрасная императрица в блистательном наряде прижала к своему материнскому сердцу самого красивого молодого человека из всех, кого только можно было видеть, она сама оказалась в объятиях своего супруга, самого прекрасного мужчины своей империи. От прочувственного и уважительного молчания перехватило дыхание у всех присутствующих, глаза каждого были полны слез и, конечно же, все свидетели этой сцены призывали всевышнего защитить этих трех людей, надежду нашего благополучия и славы империи.

Об этом торжественном моменте было всенародно объявлено 301 пушечным залпом, произведенным с крепостных стен и со стоявших на якоре рядом с дворцом судов, а также перезвоном церковных колоколов.

Императорская фамилия вернулась к себе для того, чтобы дать время собравшимся выйти из церкви и собраться в Георгиевском зале.

После этого в Георгиевском зале у трона был поставлен специальный пюпитр для Библии и распятия. По обеим сторонам трона и на подходах к нему расположились адъютанты различных войск, они держали полковые знамена и знамена кадетских корпусов. Перед пюпитром был установлен штандарт

атаманского полка донских казаков, как символ командования наследником над всеми казачьими войсками. С правой стороны у подножия трона заняли места члены дипломатического корпуса, Государственного Совета, сенаторы и высшие военные чины империи. Дамы расположились напротив и по левую сторону зала, остальную часть этого просторного помещения заняли гвардейские генералы и офицеры и гражданские чины. Наиболее родовитые придворные стояли позади трона. Кадеты различных корпусов при оружии образовали нечто вроде коридора от входных дверей в зал до дворцовых гренадер, замерших напротив трона. Галереи, образованные карнизом зала, были заполнены дамами, собравшиеся теснили друг друга с тем, чтобы увидеть второе действие этого памятного дня.

Когда все были на своих местах, Их Величества в сопровождении членов императорской фамилии и предшествуемые придворными вошли в зал. Императрица расположилась на ступенях трона, великие княгини чуть ниже с ее стороны, придворные вельможи за ними с обеих сторон. Тогда император подвел наследника к приготовленному пюпитру и там рядом со штандартом приказал ему произнести текст второй присяги: «Перед лицом бога всемогущего я клянусь служить императору моему отцу, исполнять все военные приказания с преданностью и покорностью. Я обещаю сражаться храбро и самоотверженно до последней капли крови против врагов моего государя и моей родины на полях сражений, в крепостях, на море и в любых других условиях. Я обещаю бороться всеми способами до тех пор, пока этого будет требовать моя честь, против всего, что может противостоять императору, войскам и подданным империи. Я обещаю в любых обстоятельствах вести себя так, как требуют честь, храбрость и подчинение воина. В чем прошу покровительства всемогущего бога». Как только наследник подписал эту присягу, молодые ученики кадетских корпусов и пожилые дворцовые гренадеры взяли оружие «на караул», оркестр заиграл императорский гимн, а знамена склонились в сторону трона.

Трудно описать и невозможно выразить то глубокое и превосходное впечатление, которое произвело это торжество на сердца тех, кто имел счастье на нем присутствовать. Это впечатление отразилось даже на лице наследника со всей наивностью и чувствительностью его 16 лет, оно стало для нашей родины самым верным залогом тех чувств, которые будут двигать его службу и его царство, и которые так ожидали от него Россия и его отец.

Через несколько дней дворянство и городские головы Петербурга дали императорской фамилии великолепный бал в ознаменование и в честь этого принятия присяги. Благодаря ей между народом и монаршей фамилией стало одной священной узой больше.

* * *

Лето, как обычно, прошло в переездах между Царским Селом, Петергофом, Елагинским островом, Кронштадтом и Красным Селом. Происходили полевые учения и маневры в Гатчине и смотры флота. Несколько недель я отдохнул

с женой и детьми в моем прекрасном имении Фалль, которое с каждым годом становилось все краше и нравилось мне все больше и больше.

День Св. Александра, 30 августа, был выбран для открытия гранитной колоны в память императора Александра, памятника столь же значительного в своем роде, как и кампании 1812, 1813 и 1814 гг., которым Россия и Европа были столь обязаны блистательными успехами. Так же они были обязаны этим непоколебимому упорству нашего государя, столь достойно руководившего лучшими воинами России. Этот памятник имел высоту 154 фута, только колонна из самого лучшего гранита была 84 фута. Пьедестал из огромного блока того же камня был украшен бронзовым барельефом с надписью: «Александру I благодарная Россия». Колонну венчала бронзовая фигура ангела, опиравшегося на крест. Его голова печально опущена, а одна рука воздета к небу, словно для увековечивания слов вдовы Александра, которая сообщила о том, что он уже не живет на этом свете, словами: «Наш ангел взлетел на небеса».

Нынешний император с момента своего восшествия на престол был проникнут решимостью построить памятник, который даже для самых отдаленных потомков будет свидетельством его восхищения дорогим братом, который был его государем. Он пожелал прибавить к нему символ национальной благодарности в виде произведения, достойного могущества великого народа, править которым он научился по примеру и следуя добродетелям Александра. Он пристально следил за постройкой памятника, лично предписал сделать некоторые его детали, он торопил окончательное его изготовление и постарался придать его открытию ту торжественность и величественность, которые в наибольшей степени соответствовали спасителю угнетенной Европы. Эта торжественность и величественность должна была быть легко различима всеми зрителями и военными.

С этой целью в Петербурге было собрано около 100 тысяч человек, вплотную к зданию Манежа был возведен амфитеатр такой же высоты, простиравшийся до площади перед зданием министерства иностранных дел. Весь созданный таким образом полукруг перед дворцом был застроен подмостками до высоты второго этажа. На все балконах и у окон этого огромного здания были приготовлены места для публики. Сверху парадных входных дверей был заботливо построен в полном соответствии с архитектурным стилем дворца перистиль, достаточно просторный для того, чтобы вместить весь двор. Он был соединен с дворцовой площадью двойной лестницей. Император позволил военноначальникам, служившим при императоре Александре, присутствовать при этом торжестве. Это разрешение было дано в память об одержанных ими победах. Все, кто мог им воспользоваться, поспешили прибыть к назначенному дню. Петербург наполнили пожилые генералы, покрытые ранами и славой. К их числу относились маршалы Паскевич и Витгенштейн.

Прусский король выразил желание лично приехать для того, чтобы выразить уважение одновременно своему другу и своему освободителю, но состояние здоровья помешало ему это сделать. Он поручил своему сыну принцу Вильгельму

представлять его на этой торжественной церемонии. Кроме того, он пожелал, чтобы прусская армия смогла направить сюда депутацию, которая напомнила бы о его союзе с нашими воинами в 1813 и 1814 гг. Во всех гвардейских и регулярных частях из числа участвовавших в этих памятных кампаниях были отобраны офицеры и унтер-офицеры, они были направлены для соединения с нашими войсками.

С самого раннего утра 30 августа люди пришли в движение, все старались найти свое место. Улицы вокруг Адмиралтейства были заполнены, у всех открытых окон стояли нарядные женщины, на крышах толпились люди. Но небо было покрыто грозовыми черными тучами, как это было в 1812 году, предшествующему триумфу Александра, и как это было во время событий, случившихся над его свежей могилой. Ранним утром император отправился в Александро-Невскую лавру для того, чтобы присутствовать на богослужении. К 10 часам утра все собрались на своих местах, движение экипажей прекратилось, и площадь опустела. Памятник одиноко стоял под покрывалом и напоминал величественный мавзолей, объединивший всех русских, оплакивающих государя, который их так любил. В этом огромном собрании военных не было видно ни одного солдата, все стояли одной массой на разных улицах, примыкавших к дворцовой площади. Причем ни из дворца, ни с площади нельзя было различить, где начиналась толпа.

В 11 часов император верхом подъехал к стоявшей у адмиралтейского бульвара пушке и приказал выстрелить три раза. При первом выстреле войска построились, при втором они взяли оружие «на караул», при последнем двинулись на площадь для того, чтобы в одно время занять свое место около памятника. В одну минуту и словно по волшебству вся просторная площадь была заполнена солдатами. Точность и быстрота, с которыми был выполнен этот сложный маневр, стали великолепным зрелищем, которое потрясло зрителей.

Члены императорского дома, маршалы и самые пожилые из генерал-аншефов верхом выстроились у подножия лестницы, спускавшейся от новых подмостков, за ними справа от дворца встали молодые слушатели военных заведений, построенные в батальоны. Слева от них стояла 1 пехотная гвардейская дивизия, углом справа от них и спиной к зданию Главного Штаба выстроилась 2 дивизия, слева от них — 3 пехотная гвардейская дивизия. На площади Адмиралтейства слева от гвардейцев стояли три пехотные дивизии гренадерских корпусов. Таким образом, вокруг памятника были выстроены три стороны квадрата, а четвертой стороной служил дворец. Позади пехоты на всю глубину пространства между зданиями и адмиралтейским бульваром в полковых колонах стояла кавалерия: 1 и 2 дивизии легкой гвардейской кавалерии кирасир и 4 дивизия легкой кавалерии армейского корпуса гренадер. Артиллерия занимала пространство между дворцом и Адмиралтейством со стороны реки — Дворцовую, Английскую и Биржевую набережные со стороны Васильевского острова.

На Неве стояла цепь из легких фрегатов, яхт и пароходов, выстроенных вдоль Дворцовой набережной. В общем итоге под ружьем было собрано 86 батальонов, 106 эскадронов и 248 артиллерийских орудий, не считая пушек в крепости и на

судах. Вся эта огромная масса войск была в новом обмундировании и блистала как своей выправкой, так и красотой солдат и лошадей. Никогда еще столь многочисленные войска не собирались на столь малой площади. Командовал этими лучшими воинами России сам император со шпагой в руке. В то же время дворцовые гренадеры и ветераны наших побед стояли на подмостках, выстроенных перед дворцом.

В этом огромном собрании солдат и народа царили глубокое молчание и полная неподвижность. Все глаза были прикованы к молодому императору, самодержавному и почитаемому господину всех этих людей, собранных по его приказу для того, чтобы выказать уважение к памяти почившего государя. В этот момент появилась императрица, которой пролагали путь представители высшего духовенства, аристократии и придворные дамы. Они заняли места на балконе, который казался богато украшен их великолепными нарядами. При появлении императрицы все войска взяли на караул. Когда началась благодарственная молитва, по сигналу императора полки, и пехота и кавалерия, сняли шлемы и каски, одновременно все присутствующие тоже обнажили головы.

Затем император сошел с лошади, приблизился к памятнику, сопровождаемый в нескольких шагах наследником, великим князем Михаилом и наследным принцем Пруссии, и опустился на колени. Никогда еще он не казался нам столь прекрасным и величественным, как в тот момент, когда он преклонил колени перед царем царей. Его примеру последовали окружавшие его со всех сторон батальоны, и тысячи людей, собравшихся вокруг площади, включая тех, кто стоял на крышах. Религиозная сосредоточенность настолько оттеняла полнейшее молчание, что слова молитвы и пение церковного хора звучно разносились по всему этому огромному пространству. Все головы были скорбно склонены и все с умилением вспоминали доброту и заслуги императора Александра, все молили небо ниспослать процветание его преемнику и счастье России. Ни малейший шум, ни легкое движение не нарушали полнейшего и величавого сосредоточения всех этих двухсот тысяч православных солдат и горожан, казавшихся совершенно неподвижными, не считая их бьющихся сердец.

При последних словах молитвы архидьякона за душу Александра занавес, скрывавший основание монумента, упал, за ним последовали поддерживавшие его со всех сторон паруса, и из всех молчаливых до сего момента уст вырвался радостный крик «Ура!» Он был поддержан артиллерийскими залпами с набережной, с реки и с крепостных укреплений. Грохот орудий длился несколько минут, он то приближался, то удалялся и приближался с новой силой, и, наконец, замер у подножия памятника. В этот момент императрица спустилась со своего балкона, предшествуемая высшим духовенством и в сопровождении всего своего окружения. Эта длинная и великолепная процессия медленно продвигалась по площади, они обошли памятник, окропив его святой водой и осенив крестом. Сумрачное и покрытое грозовыми тучами небо вдруг прояснилось, и солнце

осветило эту величественную сцену. Его лучи коснулись всех нас, как божественное благословение, снизошедшее на знаки уважения, которые Николай принес памяти Александра.

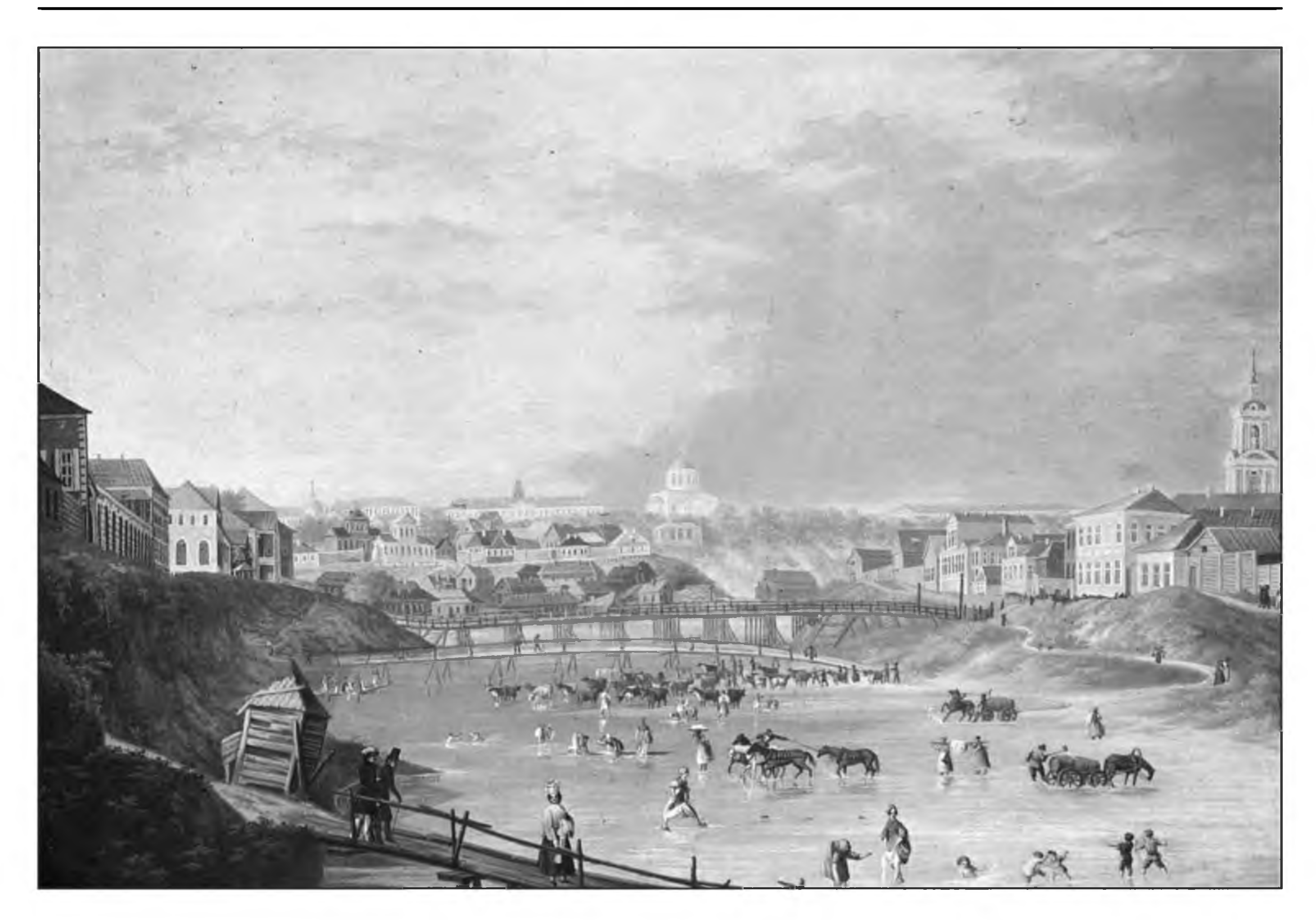
После того, как императрица вновь поднялась на балкон, император лично провел роту дворцовых гренадер и ветеранов Александровских войн к подножию монумента, расставил там почетных часовых, и рота заняла все подходы к пьедесталу. По данному сигналу все войска последовательно совершили необходимые маневры для освобождения площади и построились для парадного марша. Во главе своего Генерального штаба и в сопровождении наследного принца Пруссии император проехал перед памятником отсалютовал ему шпагой и занял место рядом с ним. Открыли парад кадетские корпуса, за ними прошла пехота, построенная в батальонные колоны, с вынесенными вперед всеми знаменами. Это новое построение было специально придумано императором по этому случаю с целью ускорить продвижение войск и придать ему более величественный вид. Артиллерия в пешем строю следовала по-бригадно, кавалерия двигалась в том же порядке, что и пехота, три дивизии в колонах по-эскадронно*. Конная артиллерия следовала в том же порядке, что и артиллерия в пешем строю.

Все эти огромные и компактные массы войск проследовали с восхитительной правильностью и элегантностью. Все полки следовали один за другим практически на равном расстоянии друг от друга, было трудно решить, какому из них отдать предпочтение. Все они двигались с равной четкостью и в нужное время исчезли из вида с тем расчетом, что в конце ни одного солдата не осталось на площади, на которой продолжали находиться император, наследник и высшие военные командиры. Вскоре от зрителей опустели окна, крыши, балконы, подмостки и бульвары. От всего этого величественного зрелища остался только монументальный памятник. Пока будет существовать земля, на которой он стоит, он будет проносить через все времена и все поколения память об освободителе Европы, о победителе Наполеона и о благодетеле своей родины.

* * *

Вот уже в течение четырех лет императрица не видела своего отца, состояние здоровья которого внушало большие опасения. Было решено, что она проведет несколько недель в Берлине. Она уехала 6 сентября, а на следующий день император направился в Москву. На этот раз его там ожидали, и он был принят с всегдашней радостью и воодушевлением. Он собирался оттуда через Ярославль и Нижний Новгород поехать в Казань, а вернуться через Орел, где он сформировал драгунский корпус. Однако начавшиеся дожди свидетельствовали о наступлении осени и о значительном ухудшении дорог. Он был вынужден изменить планы и, с тем, чтобы не продлевать сосредоточение войск в распутицу, принял

* На полях помета Николая I Это не так. Колонны состояли из полков, построенных по эскадронно.]

Вид Орла. 1830-е

решение направиться туда сразу же. Только на одну ночь была сделана остановка в Туле, а затем он поехал прямиком в Орел.

Формирование драгунских корпусов было его излюбленной идеей при проведении им последовательных армейских реформ. Восемь полков по десять эскадронов в каждом формировали драгунский корпус, два эскадрона в каждом полку были вооружены пиками с тем, чтобы служить защитой и сопровождать в конном строю восемь других спешившихся эскадронов, составлявших пехотный батальон для каждого такого полка. Смотр войск доказал, что намерения императора были правильно поняты и полностью исполнены. Парад в пешем и в конном строю превзошел все ожидания, пехота и кавалерия были превосходны. Корпусу была придана конная инженерная рота, четыре роты конной артиллерии и такая же резервная рота. Император был очень доволен прекрасным состоянием войск и забавлялся, ставя им задачи, как каждой дивизии в отдельности, так и всем им вместе с тем, чтобы показать, что он требует от них в бою.

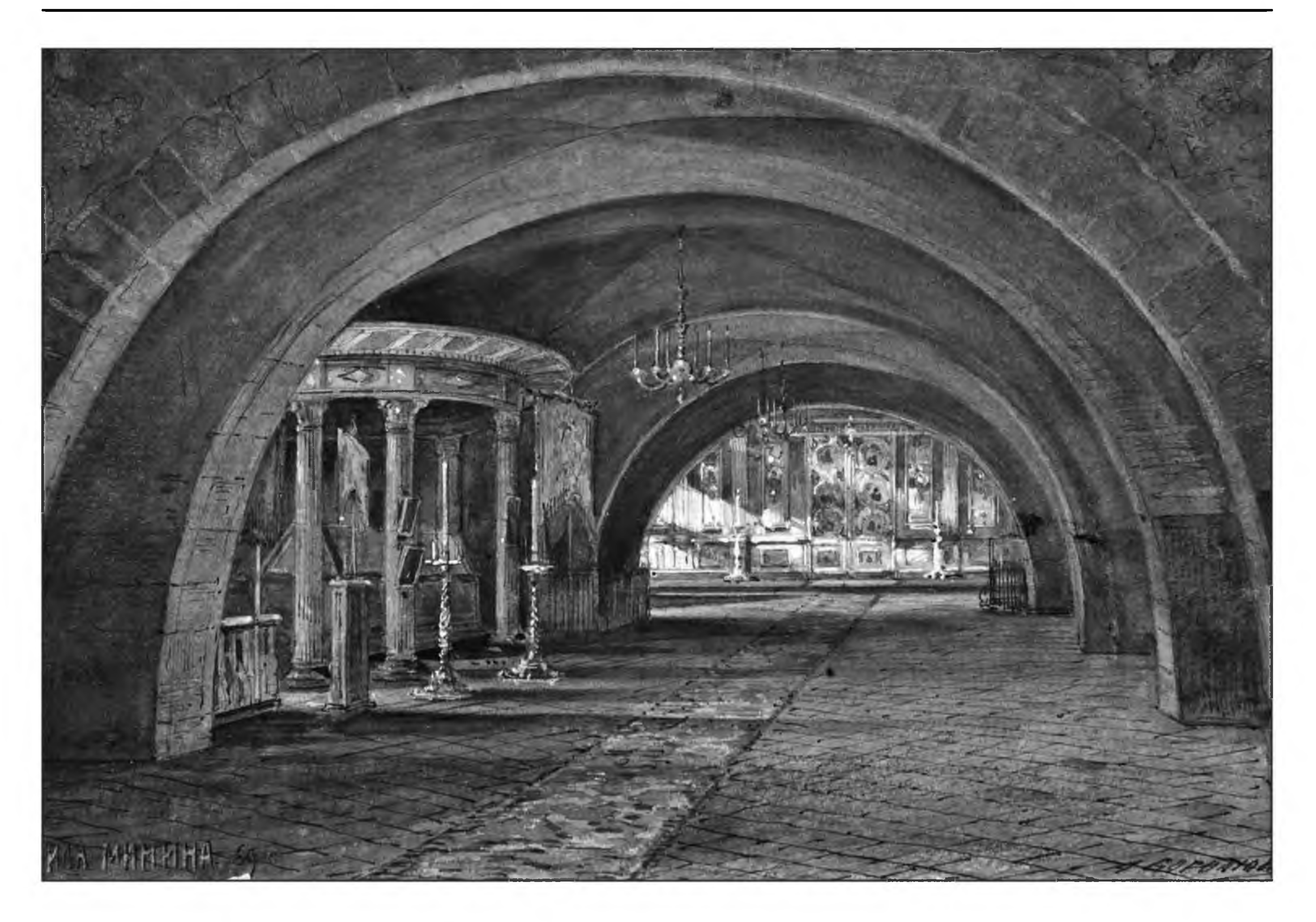
Последним упражнением было форсирование реки, инженерная рота прибыла на место галопом и меньше, чем через пять минут был наведен первый мост, затем второй. Основная масса войск, построенных в колоны, прибыла к переправе уже, защищенной двумя артиллерийскими батареями. По мере того, как подходил их черед, полки приближались к мостам галопом, спешивались и скорым

шагом с примкнутыми штыками переходили реку, прикрываемые цепью егерей. За ними со всеми предосторожностями переводили лошадей, и менее, чем через полчаса весь корпус собрался на другом берегу реки. Я был поражен мыслью о том, какой моральный эффект должно произвести на неприятельского военноначальника неожиданное появление подобного числа войск. С самого начала маневра я искал на другой стороне реки возвышенность, которая позволила бы вражескому генералу увидеть то, с чем ему придется сражаться. Я был поражен численностью и четкостью приближения войск. Спешившиеся батальоны представляли собой многочисленную пехоту, а ведомые одной третью драгун лошади казались огромной массой кавалерии, надо было иметь очень хорошую подзорную трубу, чтобы заметить, что там не хватает двух третей личного состава. Шестнадцать эскадрон драгун, вооруженных пиками, очень напоминали различные части улан, многочисленная артиллерия, удвоенная быстротой своих маневров, казалась частью целого армейского корпуса.

Чем больше я смотрел, тем больше обманывали меня мои глаза, даже самый опытный генерал должен был оценить появившиеся перед ним силы в 25—30 тыс. человек, и если под его командованием было от 15 до 20 тыс., то он должен был задуматься об отступлении. Подобный вывод поразил меня, он стал одним из самых примечательных в оценке организации и значения этих новых, отличных от прежних столетий войск. Великий вопрос о возможности и пользе формирования подобных частей, обсуждавшийся во всех армиях, был решен с всевозможной очевидностью. Император был преисполнен радости оттого, что он уловил эту идею, развил ее и упорно претворял в жизнь, несмотря на все возражения русских и иностранных генералов.

Погода испортилась окончательно, дороги стали непроходимыми и мы поспешили вернуться в Москву, чтобы узнать там о состоянии дорог для предполагавшейся поездки. В Орле и в Туле императора встречали даже с большей радостью и воодушевлением, чем когда они имели счастье видеть его у себя в первый раз.

По возвращении в Москву погода стала налаживаться, осень еще не закончилась, и после двух дней отдыха мы направились в Ярославль, который встретил нас дождем и ветром. Это не помешало Его Величеству осмотреть общественные заведения, новые постройки, набережную Волги, большое заведение для солдатских детей, демидовский лицей, монастырь, собор и госпитали. Везде его сопровождала толпа народа, теснившаяся вокруг него. Через два дня мы сели в красивую лодку, которой лично правил император, и на виду у покрывшей берег огромной толпы, приветствовавшей своего государя, мы пересекли Волгу, на другом берегу которой нас ожидала коляска, ранее переправленная туда на большой барке. Весь остаток дня мы ехали по левому берегу этой прекрасной реки, которая давала жизнь почти всей европейской России. Мы видели только просторные равнины, покрытые многочисленными домашними животными и большими

Гробница Кузьмы Минина в Нижегородском Кремле

деревнями, что свидетельствовало о богатстве их жителей и об активной торговле, привлекавшей сюда многочисленное население.

К концу дня мы подъехали к Ипатьевскому монастырю, расположенному на том же берегу реки. Он знаменит в нашей истории тем, что во времена междуцарствия, Лжедмитриев, войн и грабежей послужил убежищем молодому Михаилу Романову, родоначальнику царствующего дома, мать укрыла его здесь от преследований поляков. Именно в этот монастырь приехали представители всей России с тем, чтобы сообщить матери и сыну о том, что после того, как под знаменами войск Пожарского и Минина была достигнута победа и преодолены внутренние разногласия, вся империя единодушно выбрала его и провозгласила своим государем. Этот в прошлом прекрасный, блестящий и славный престол со дня воцарения представителей этого рода и до нашего времени только в недавней памяти оставил примеры захвата власти, предательства, беспорядков и убийств.

Когда наша коляска ехала вдоль зубчатых стен монастыря, огромная толпа собралась и с интересом смотрела на нас. У входа в монастырь настоятель с крестом в руках и в сопровождении всей братии встречал императора, которого не узнали ни монахи, ни народ. Он выскочил из коляски и приблизился к настоятелю с тем, чтобы поцеловать крест. Только теперь его узнали и все эти люди двинулись вперед для того, чтобы приблизиться к нему и рассмотреть его. Я прилагал

неимоверные усилия для того, чтобы остаться на ногах и помешать окружавшей нас со всех сторон толпе навалиться на императора, который неспешно шел за монахами, с факелами в руках пролагавшими ему путь к входу в церковь. Этот портал, видимо, восходил к временам Михаила Романова.

Это уединенное место, бывшее началом пути венценосной семьи, волнение народа, эти факельные огни, продолжавшие закат солнца, во всем этом было нечто таинственное и пробуждавшее грандиозные воспоминания. Мы с трудом поднялись по ступеням, ведущим в церковь, с трудом остановили людей, которые столпились на них в таком количестве, что после молитвы было почти невозможно выйти из храма. В сопровождении настоятеля и предшествуемый монахами с факелами император пересек монастырский двор с тем, чтобы посетить помещения, в которых жил молодой Михаил с матерью, и куда в первый раз пришли представители русского народа, чтобы преклонить колени перед юным принцем, который появился тогда, как луч надежды для безутешной и утомленной несчастьями родины. Император с любопытством осмотрел все уголки этой небольшой кельи, из которой вышло то величайшее могущество, которое он собрал под своим славным скипетром. Никто не был допущен в это помещение, мне единственному была оказана честь сопровождать туда императора. Дорогу в слабо освещенной всего одной свечой комнате показывал сам архимандрит.

В этот монастырь приезжала только Екатерина II, императорская семья не сделала ничего ни для его благосостояния, ни даже для сохранения его древних стен. Река Кострома, впадающая в этом месте в Волгу, ежегодно разъедает берег, на котором стоит монастырь. Церковь и кельи превратились почти в развалины. Император приказал восстановить их и построить прочную насыпь для предотвращения порчи стен от разливов реки. Мы снова сели в коляску и под приветственные возгласы пересекли по мосту реку Кострома с тем, чтобы попасть в приготовленные для императора помещения в одноименном городе. Была уже глубокая ночь, при свете иллюминации была видна огромная толпа, с трудом пробравшись сквозь которую, мы подъехали к охране рядом с домом, стоявшим на большой площади. Приветственные крики сопровождали императора до дверей и не смолкали еще примерно час, от них у нас буквально раскалывалась голова, и я неоднократно посылал передать собравшимся, что государь желает отдохнуть. Большую часть ночи люди толпились под нашими окнами в надежде увидеть в них своего императора.

На следующий день после молитвы в красивом и просторном соборе император посетил все общественные заведения, проехал по городу и отдал приказания по его благоустройству, особенно той его части, которая была расположена на высоком берегу Волги. Он принял представителей городских властей и дворянства, включая человека из рода Сусаниных, один из предков которого ценой своей жизни спас жизнь того же юного Михаила, предназначенного на российский престол. Поляки узнали, где он скрывался, и направили специальный отряд с тем, чтобы захватить его живым или мертвым. Тот Сусанин, крестьянин деревни,

принадлежавшей семье Романовых, должен был показать им дорогу, но он тайно предупредил мать Михаила о грозящей опасности и указал неправильную дорогу с тем, чтобы выиграть время. Михаил был спасен, а обманувший поляков Сусанин был безжалостно казнен, как это и было ему обещано. Михаил отблагодарил его родственников и всю семью тем, что освободил их и их потомков от всех повинностей и передал 14 членам этой семьи в полную собственность значительный участок земли. С того времени многие государи своими указами подтверждали данные привилегии, но не увеличивали земельный участок, так что эта семья, ставшая богатой после первоначального дара, за двести с лишним лет превратилась в бедную, в связи с увеличением числа ее членов. Они обрабатывали землю, были горды своим отличием и вели себя образцово. Никогда ни один из Сусаниных, а их было уже 123 человека, не был замечен ни в одной, даже малейшей провинности. Их славного имени никогда не касались ни кражи, ни пьянство, ни ссоры. Их благородство было забыто нашими государями, но они не забывали добродетелей основателей своей репутации и среди нищеты сохранили ее в полной неприкосновенности. Император долго говорил с представителями этой семьи, подробно выяснил положение дел, и приказал губернатору[161] представить ему проект восстановления их прежнего благополучия, которым они были вознаграждены основателем его императорского рода. Кроме того, он приказал, чтобы все дети в семье Сусаниных, были обучены за казенный счет, если таково будет желание их родителей.

С тех пор как Романовы взошли на российский престол, никогда ни один из государей не был в Костроме, даже Петр Великий, который столько ездил по своей обширной империи. Только императрица Екатерина, как новая Клеопатра, спускалась по Волге на великолепном судне, она задержалась на один час в Ипатьевском монастыре, но в город не заезжала. Только императору Николаю было суждено восстановить этот древний монастырь, поднять из нищеты наследников семейства Сусанина и приехать в этот город, который, благодаря своему великолепному местоположению, мог стать одним из замечательных городов империи.

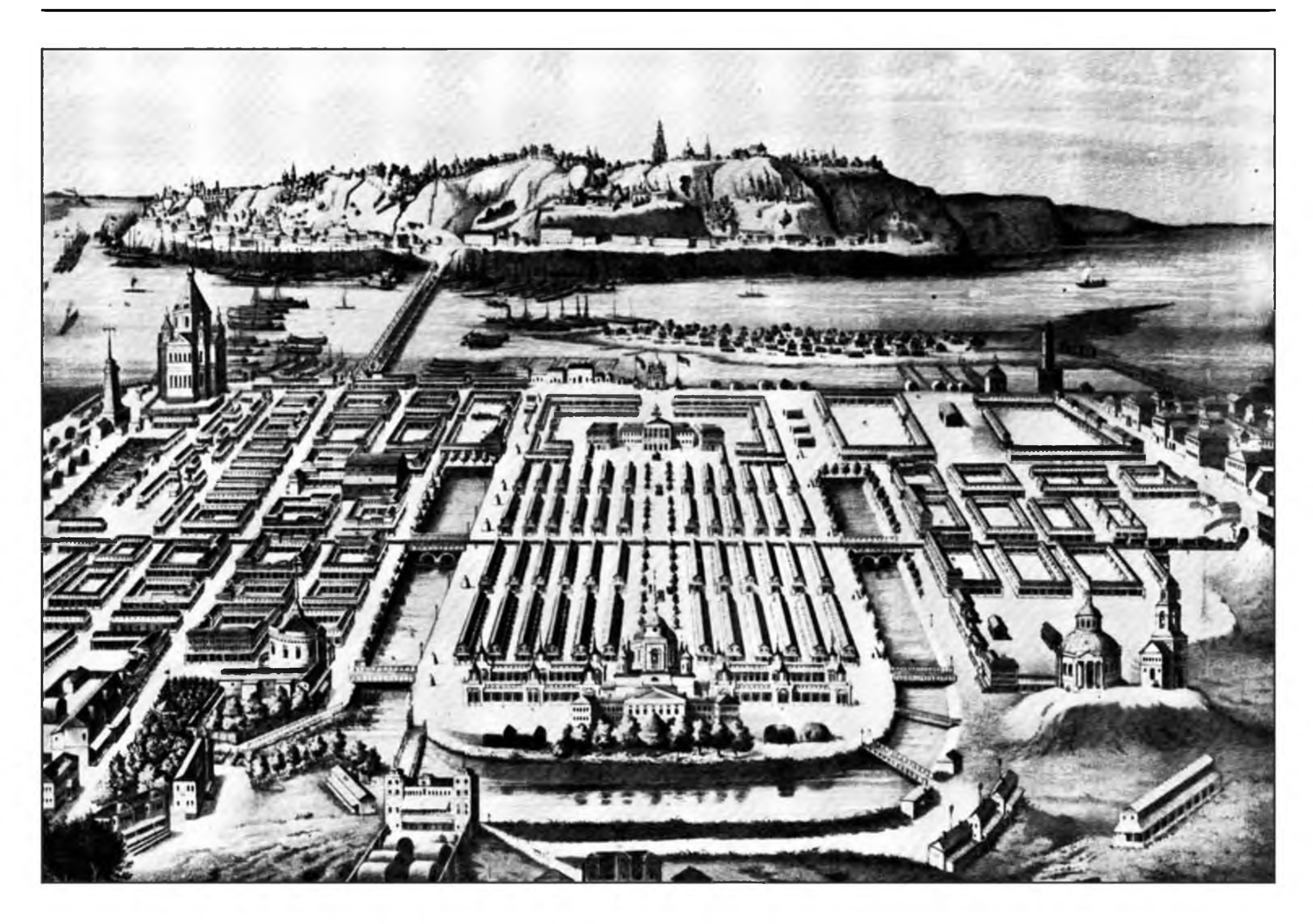
Из Костромы мы направились в Нижний Новгород, погода наладилась, и мы приехали туда 10 октября при первых лучах солнца великолепного дня. Когда мы уже расположились на отдых в предназначенном императору доме, все там еще находилось в глубоком покое. В начале мы посетили собор, который недавно был заново перестроен, и возвышался на значительно более просторной площади. При свете факелов мы спустились в подвальное помещение, где осмотрели старинные гробницы великих князей Нижнего Новгорода. В частности, мы увидели могилу знаменитого жителя этого города Минина, который благодаря своему богатству, красноречию и патриотическому усердию столь сильно способствовал борьбе России против ее ожесточенных угнетателей — поляков. Император поклонился гробу, вмещавшему почтенные останки Минина. На протяжении двух столетий он покоился в церкви без других знаков отличия, кроме воспоминаний о его добродетели. Император приказал поместить его рядом с гробницами коронованных

особ в саркофаге, более достойном его выдающимся заслугам и способном противостоять разрушительному влиянию времени[162].

Особое внимание императора должны были привлечь построенные за казенный счет корпуса для размещения многочисленных товаров, которые свозились сюда на ежегодные ярмарки со всех концов империи, из Европы, Азии и даже из Китая. Они были задуманы еще при императоре Александре, когда ярмарка была перенесена из Макарьева в Нижний Новгород[163]. Их проектирование и строительство было поручено генералу Бетанкуру. Корпуса стоили многие миллионы и всегда говорили, что место строительства было выбрано неудачно, так как существует угроза сноса построек при разливе реки Оки, которая в этом месте впадает в Волгу. Проходившая с конца июля и почти весь август ярмарка уже давно закрылась, и этот огромный квартал, кишевший людьми только в ярмарочное время, был совершенно пуст. Таким образом, все наше внимание сосредоточилось на самих постройках и на земляных работах по укреплению их фундаментов и по строительству широких и глубоких каналов, призванных частично принять в себя воду двух рек в период их разлива.

Мы были поражены размахом и красотой планов и приятно удивлены хорошим состоянием сооружений. Все постройки стояли в форме глубокого каре, на одной стороне которого стоял губернаторский дом, почти дворец, предназначенный для губернатора в период проведения ярмарки, этот дворец был достоин принять самого государя. Напротив возвышалась прекрасная церковь, по обеим сторонам которой находились мусульманская мечеть и армянский храм. Между ними в форме квадратов располагались базары и лавки, отделенные параллельным образом друг от друга широкими улицами с тротуарами. Фонтаны, которые надо было только включить, омывали во всех смыслах эти широкие улицы и предохраняли товары от пыли. Полностью каменные лавки стояли на площади более 20 верст. Было удивительно, что столь большое количество лавок могло быть заполнено, но в период ярмарки здесь практически не оставалось свободных мест. Рассматривая эти гигантские сооружения, император был тем более удовлетворен, так как он ожидал увидеть их в негодном состоянии.

Он сразу же занялся поиском средств, предназначенных для обеспечения в будущем расходов по ремонту столь обширных сооружений. До сего момента специальных денег на эти цели не выделялось. Император лично указал, какие улучшения нужно сделать в остальной части города, расположение которого радовало глаз. В старинной части, все еще окруженной высокой и зубчатой стеной, он приказал построить место для народных гуляний, выбрал место для строительства больших казарм и госпиталя, он обязал городские власти снести несколько домов и грязных бараков, которые загораживали берег реки, и построить на их месте набережную и улицу с домами и магазинами, предназначенными для торговли. Император объехал весь город, осмотрел общественные сооружения, ругал и благодарил чиновников за службу и окончил свое двухдневное пребывание

Общий вид Нижегородской ярмарки. 1830-е

в Нижнем Новгороде тем, что посетил бал, данный дворянством в его честь. После него мы снова сели в коляску и направились во Владимир.

Этот древний и некогда цветущий город, история которого восходит к наиболее древним временам, в котором правили русские великие князья, и который позднее стал соперником Москвы, теперь был центром одной из самых бедных и малонаселенных губерний. Как всегда, император начал здесь свое пребывание с молитвы в соборе, который был местом последнего упокоения большого количества князей и представителей известных родов, здесь был героический и трагический финал целой фамилии древних владимирских государей. Наводнившие этот край татары стали лагерем у городских стен, правивший тогда князь отправился защищать укрепления и пал от руки убийцы. Город был взят штурмом. Княгиня-мать с членами своей семьи и придворными дамами укрылась в этом соборе, ей сообщили о победе татар. Тогда, чтобы избежать плена, после молитвы она без колебаний подожгла собор[164].

Врагам достались только прах членов великокняжеской семьи и остатки их богатства. Их злость от этого только усилилась, и весь город был предан огню и разграблению. Владимир был полностью разрушен и так и не смог оправиться от этого великого разорения. Его место заняла Москва, которая сохранила за собой преобладающее положение над всеми русскими землями. Архиепископ показал

императору место в соборе, где княгиня принесла себя в жертву врожденной гордости, а также гробницы с прахом этих мучеников. Наше любопытное внимание было привлечено еще и другой церковью, гораздо меньших размеров, которая прилегала к великокняжескому дворцу. Ее архитектура и резные украшения свидетельствовали о древности ее происхождения.

Затем император посетил тюрьму, где счел нужным сильно отругать представителей местного дворянства, добровольно взявших на себя обязательство патронировать заключенных и само здание. Они удовлетворились украшением стен картинами, совершенно не заботясь об элементарной чистоте, особо необходимой и предусмотренной правилами. Государь был менее недоволен местной школой, устроенной в старинном и красивом здании, но забота о которой могла бы быть более тщательной. Напротив, он был очень доволен положением дел с благотворительностью, в особенности состоянием дома для умалишенных. Как и в Нижнем Новгороде, во Владимире в первый раз встречали императора, все жители города и представители разных сословий выражали свою радость и преданность самым трогательным и бурным образом. Повсюду его встречали криками радости, люди бежали за его коляской с риском оказаться под ее колесами и попасть под ноги лошадям сопровождавших его экипажей. Мы находились в постоянном страхе, как бы не случилось какого-нибудь несчастья, мы сами с трудом могли выйти и вернуться в свои коляски, в том числе и для того, чтобы сопровождать императора. Несколько раз толпа разделяла нас с ним, и он прилагал огромные усилия для того, чтобы вернуться к нам и не быть раздавленным окружавшей его толпой. Как и везде, император запретил использовать полицию для удержания и упорядочивания толпы, он даже гневался, если видел, что кого-то оттесняют, чтобы высвободить для него место.

С каждым днем погода и состояние дорог ухудшались, и мы поспешили возвратиться в Москву.

Император сделал наследнику приятный сюрприз, приказав ему приехать в нашу древнюю столицу, в город, где он родился. Наследника сопровождал мой шурин князь Ливен, которого отозвали с поста посла в Лондоне и назначили на почетную должность главного наставника будущего государя России. Москвичи с искренней радостью встречали этого принца, которого с удовольствием называли своим, теперь он был уже повзрослевшим молодым человеком, готовым после принятой присяги управлять ими. Его отец с удовлетворением видел, что любовь Москвы разделилась между ним и его сыном.

Он везде представлял его с тем удовольствием, с которым отец радуется успехам своего ребенка. Они вместе осматривали общественные заведения, вместе посещали собрания и балы, которые поспешили дать в их честь, они вместе разделяли жадные взгляды восхищения, так же как и оценивающие взгляды дам, всегда чувствительных к красоте. После совместного 8-дневного пребывания в Москве, они выехали из города в одном экипаже, я же занял место наследника

в его коляске рядом с князем Ливеном. Через тридцать восемь часов мы прибыли в Царское Село, откуда на следующий день император вернулся в Петербург.

* * *

Супруга великого князя Михаила великая княгиня Елена произвела на свет девочку, 27 октября весь двор собрался на крестины новорожденной[165]. Все знатные вельможи города были приглашены в Зимний Дворец на большой обед. По окончании обеда император пригласил наследника в свой экипаж для возвращения в Аничков дворец, где они жили после возвращения. Затем Его Величество сообщил великому князю, что через час он должен быть готов ехать с ним в Берлин. Я был единственным посвященным в тайну этого путешествия и не осмеливался даже сделать лишнего шага, чтобы не выдать секрет, которым император из забавы пожелал окружить этот отъезд. Только утром я без объяснения цели послал к министру финансов не несколькими тысячами дукатов. Выйдя из-за стола, я быстро бросился домой за необходимыми деньгами и паспортом, которым должен был быть снабжен император. Он хотел вместе с сыном проехать через всю Пруссию под именем генерала Николаева с соблюдением самого строгого инкогнито, а великий князь должен был изображать его адъютанта Романова. Я считал, что очень спешил, и был весьма удивлен, подойдя к Аничковому дворцу, увидев здесь императора и наследника, полностью готовыми сесть в коляску. Но совершенно иначе обстояло дело с генералом Кавелиным, которому было поручено обучение великого князя. Он должен был вместе со мной немедленно выехать в коляске своего подопечного. Он не мог прийти в себя от той стремительности, с которой от него потребовали собрать вещи и попрощаться с семьей, его удивление превратилось в скверное расположение духа, которое очень позабавило императора, и которое скрасило полную растерянность прислуги и служителей дворца.

Никто в городе еще не подозревал о планах императора, а он уже ехал по дороге в Ригу. Я вернулся домой с тем, чтобы отдать необходимые распоряжения об экипажах, о выезде императорской свиты, о распределении денег и паспортов. Вскоре моя квартира наполнилась теми, кто должен был за нами следовать, и любопытными, кто прибежал ко мне за новостями и за новыми приказаниями. Я не смог выехать раньше полуночи, мой товарищ по путешествию еще не привык к столь стремительным сборам. Мы ехали так быстро, как только было возможно, и совершенно не задерживались. Несмотря на всю нашу решимость догнать императора, мы приехали в Берлин только через целых 12 часов после него. Моя коляска прибыла только через сутки после меня. Император проехал огромное расстояние между Петербургом и Берлином менее, чем за пять дней. Его появление в королевской семье в то время, когда они только что встали из-за стола, вызвало крик радости, императрица была на вершине счастья, все бросились на шею императору. Король только что вышел из зала с тем, чтобы вернуться в свой небольшой замок, не успели ему доложить о приезде его знаменитого зятя, как этот последний оказался в его объятиях. Весь Берлин был в восторге от такой нечаянной радости, прусское самолюбие было очень польщено приездом государя России.

Общественное мнение Пруссии и особенно Берлина находилось под влиянием французских и союзных им газет, под влиянием заявлений поляков и ревности против могущества России до такой степени, что император потерял свою популярность. Ему предсказывали все неудачи, которые могли быть выдуманы и опубликованы против него злобой и гневом либералов. Двор и близкие к нему люди первыми снова признали сдержанность императора, его доброту и простоту в обращении, которые всегда вызывали в нем восхищение, его уважение и предупредительность с королем, его нежную дружбу со всеми членами королевской семьи, его любовь к императрице и к своему сыну. Все это вернуло ему всеобщую любовь и расположило к нему общество.

Король пожелал показать свои войска императору, несмотря на то, что последний пытался не допустить этого, опасаясь за здоровье короля в это уже холодное время года. Тем не менее, парад состоялся. Огромная толпа заполнила улицы и переулки города, и все окна соседних домов. Императрица со всеми принцессами королевской фамилии стояла у одного из окон замка своего почтенного отца. Император со всеми принцами и генералами расположился под этим окном. Со шпагой в руке король прошел во главе своей гвардии и отдал воинские почести своему зятю, тот поспешил ему навстречу и поцеловал ему руку. Этот жест сыновнего уважения был замечен всеми собравшимися и восхитил всех. Когда подошел кирасирский полк, шефом которого был император, он галопом направился к нему, занял место во главе этих войск и отдал воинские почести своему тестю. Великий князь наследник престола также занял место впереди уланского полка, шефом которого он был только что назначен, он с почтительной благодарностью проехал перед своим дедом, у которого от полноты чувств на глазах выступили слезы. Он воспользовался моментом для того, чтобы попросить у императора разрешения произвести своего внука в полковники, до этого дня он был в звании младшего офицера. Чувствительность короля, уважение, которое выказали ему император и наследник российского престола, придали этому параду столь благородный и трогательный характер, что он оказал огромное влияние в пользу императора. Народ, войска и высшее общество находились под его сильным впечатлением.

После смотра великий князь лично отнес полковые штандарты во дворец. Император сопровождал знамена своего полка. На площади и во дворе дворца их сопровождала толпа, приветствовавшая их самым сердечным образом. Генералы умоляли императора подробно осмотреть еще несколько полков, он не смог отказать им в этой просьбе, и каждое утро он верхом выезжал за Бранденбургские ворота для того, чтобы присутствовать на учениях.

Он пожелал осмотреть полк, носивший его имя, он приказал совершить несколько маневров, которыми командовал сам, в кирасе и с апломбом прусского полковника, хорошо осведомленного в малейших деталях этого дела. Таким же образом великий князь командовал своим полком, при этом он выказал дотошность бывалого офицера. Эти двойные учения собрали вокруг площади всех офицеров гарнизона и огромную толпу людей. Отцом и сыном восхищались не только из-за

Потсдам. Вид на церковь Св. Николая

их прекрасной выправки и умения управлять лошадьми, но и потому, что тщеславие пруссаков было полностью удовлетворено видом этих двух выдающихся людей, подчинявшихся положениям прусского воинского устава.

Утром император в одежде простого горожанина и в полном одиночестве пошел пешком погулять по улицам Берлина. Эта доверчивость и простота окончательно покорили сердца берлинцев, были полностью стерты все те неблагоприятные суждения, которые много лет недоброжелатели копили против него. С момента своего приезда он заявил, что хочет только повидать короля и членов его семьи, что он не желает ни заниматься политическими делами, ни принимать министров и представителей знати с тем, чтобы избежать любых ложных истолкований своего появления здесь. Тем не менее, после многочисленных просьб нескольких высокопоставленных чиновников, он принял их в частном порядке в небольшом помещении, которое служило ему одновременно туалетной комнатой и рабочим кабинетом. Все те, кто был удостоен этой чести, выходили от него в полном восхищении его любезностью и его простой и железной логикой, с которыми он оценивал современную политическую позицию различных правительств.

Его главной целью в этих переговорах было доказать, что только твердость правительств, только полное и откровенное согласие Пруссии с Австрией и Россией могут защитить эти три державы, защитить мир в Европе и послужить

единственной сдерживающей плотиной от разрушительных революционных идей, от продвижения зловредной пропаганды, которая продолжает подрывать престолы и моральные устои народов. За время нашего непродолжительного пребывания в Берлине мы успели получить новое доказательство полнейшей нестабильности представительских правительств. Прибывший из Парижа курьер сообщил, что правительство там полностью отстранено от дел. Новый курьер через три дня привез известие о том, что оно полностью восстановлено в своих полномочиях.

Эта постоянная нестабильность опрокидывала любые комбинации, оставляя их в неопределенном состоянии. Она не оставляла министрам времени для продвижения дел вперед, которые только и делали, что переходили из рук в руки. По этой же причине начали прозревать даже либералы, которые получили повод для серьезных размышлений о тех недостатках, которые свойственны представительской системе, в сравнении с теми правительствами, где власть государя может стабилизировать исполнение ими своих обязанностей. Ведь там вместо того, чтобы тратить время и свои таланты на защиту от постоянных нападок парламента, министры целиком и полностью занимаются делами своих министерств.

Мы съездили в Потсдам, где король представил свой гарнизон. В тот же день мы вернулись в Берлин. Каждый день при дворе давали обеды, они проходили либо в помещениях, принадлежавших императрице, либо в больших залах дворца, либо помещениях, занимаемых королем или одним из принцев. Вечерами мы регулярно встречались в театре в главной королевской ложе или бывали приглашены на бал, издержки по которому несла только королевская семья с тем, чтобы избавить от них прусскую знать, недостаточно состоятельную для этого. Наш министр при берлинском дворе [166] был единственным частным лицом, которое получило почетное право организовать красивый бал в честь своих государей. Король не отказывался ни от чего, что предупредительное внимание могло предложить для еще более приятного приема его знаменитых гостей. Он даже щедрой рукой приготовил хор певчих для греческой церкви, которые пели все наши молитвы на русском языке на ту же музыку и с той же интонацией, что и певчие при петербургском дворе.

После двенадцатидневного пребывания 13 ноября после полуночи император выехал из Берлина, императрица и наследник остались в городе еще на несколько дней и выехали вместе.

* * *

Я занял свое место в императорской коляске, и, не останавливаясь ни на минуту, мы направились через Бреслау в Лович в Царстве Польском, где императора ждал маршал Паскевич. Отдохнув там всего несколько часов, мы направились по дороге в Варшаву.

Именно здесь наша армия окончательно погасила революцию в Польше. Приближаясь к столице, мы с любопытством и удовлетворением осматривали укрепленные бунтовщиками позиции. Победоносно овладеть ими позволили только храбрость наших войск и правильные распоряжения князя Паскевича.

В Воле, расположенной в двух верстах от центра города, мы вышли из коляски и тщательно осмотрели сооружения, окружавшие этот квартал, от которого осталась только разбитая ядрами церковь. Несмотря на то, что за четыре года укрепления разрушились, и на то, что снег скрывал глубину рвов, мы были удивлены мощью укреплений. Только величайшей храбростью можно было преодолеть такие препятствия, несмотря на достойное сопротивление и вдохновлявшее присутствие всей вражеской армии. Этот вид Воли был самым прекрасным памятником славы для генерала и посланных им в бой солдат. Паскевич имел счастье лично представить государю это свидетельство своей победы. Император осмотрел укрепления на всем их протяжении, и сделал маршалу и нескольким присутствовавшим генералам, которые участвовали в этом военном сражении, очень любезные комплименты, ставшие более лестной наградой, чем те, которые украшали их мундиры. После этого мы прямиком направились в крепость. Народ приветствовал своего государя с воодушевленным видом, который полностью противоречил поведению этих же людей четыре года назад.

После того, как император тщательно осмотрел гигантские и прекрасные укрепления Александровской крепости, выразил свое удовлетворение быстротой и тщательностью проведенных работ, он направился к плацу. Там он сел на лошадь с тем, чтобы принять парад корпуса генерала Кюдингера, который почти полностью был построен в колоны в этом месте. Народ окружил весь центр площади и приветствовал императора криками радости. Выражение их лиц было добрым, казалось они выражали удовлетворение, надежду и удивление от того, что их победитель так доверчиво появился среди них. Небольшой отряд казаков, который обычно сопровождал коляску маршала, получил приказ остаться позади. Народ миновал ограждения и толпился вокруг того места, где находился император, чтобы посмотреть на парад войск. Он остался удовлетворен их состоянием, несмотря на плохую погоду, на холод и грязь, испортившие красоту их мундиров и чистоту лошадей. После парада в открытой маленькой коляске в сопровождении только одного Паскевича император осмотрел несколько кварталов Варшавы и зашел во дворец с тем, чтобы нанести визит супруге маршала. Повсюду его окружала и сопровождала толпа людей, выражавших радость его видеть. Затем он сел в дорожную коляску и направился обедать в Новогеоргиевск. Там в течение двух дней он осматривал строительные работы в этой огромной крепости и обсуждал с фельдмаршалом дела королевства, доверенного его командованию.

Сутки спустя мы уже были в Ковно, где генерал-губернатор Литвы князь Долгорукий ждал его с докладами о ходе дел во вверенных ему провинциях. Мы остались там на ночь, и я имел удовольствие встретиться с командиром дивизии легкой кавалерии генералом Оффенбергом, супругом моей старшей приемной дочери[167]. Утром следующего дня он имел счастье представить несколько своих полковых эскадронов, собранных в его главной квартире. Император остался ими доволен, и после маневров под проливным дождем, мокрые насквозь, мы сели в нашу дорожную коляску, сойдя с лошадей там же, на месте маневров.

В Ковно мы съехали с мощеной дороги и углубились в местные проселки, и это в конце ноября месяца! Дорога была ужасной и несмотря на то, что в нашу легкую коляску были впряжены восемь хороших лошадей, мы двигались очень медленно по глубокой и тяжелой грязи. Мы прибыли в Шавли только с наступлением ночи. В тот же день, возвращаясь из Берлина, сюда должна была приехать императрица. Ей был приготовлен ночлег в доме владельца города Шавли и его окрестностей графа Дмитрия Зубова[168]. Поприветствовав своих новых гостей, император вернулся в предоставленную ему комнату и занялся чтением бумаг и отправкой курьера, прибывшего из Петербурга. Как всегда во время его поездок по стране курьер приезжал два или три раза в неделю. Он привозил различные рапорты по управлению империей, журналы заседаний Комитета министров и Государственного Совета, а также подробные военные сводки, как это было заведено императором при его ежедневной работе в Петербурге. Пока он был в дороге, ни одно дело не приостанавливалось, присланные бумаги никогда не ожидали своей обратной отправки с собственноручными резолюциями и приказами императора более 3 часов. Несмотря на дорожную усталость, он частенько работал по ночам и никогда не ложился спать, не закончив все дела. Часто курьеры отправлялись назад уже через 12 часов после своего приезда.

К 9 часам вечера доложили о приезде кареты императрицы. Император галантно надел форму гвардейского кавалериста, шефом которых она была, и поспешил ей навстречу с тем, чтобы открыть дверцу кареты и заключить ее в свои объятья. Дороги были столь плохи, а экипажи свиты были столь тяжело нагружены, что ни один из них не смог поспеть за каретой императрицы. У нее с собой не было ни одной смены туалета, и она была вынуждена обратиться к владелице дома с тем, чтобы позаимствовать у нее все необходимое для ночлега. К ужину приступили в очень веселом расположении духа и не расходились до 11 часов ночи в надежде, что приедут ее камеристки. Приехавшая в карете своей матери великая княжна Мария также была лишена своих придворных дам. Проведя ночь со всеми, наследник продолжил свой путь в Ригу.

К утру придворные дамы все еще не приехали, завтрак прошел в надежде все-таки их дождаться, но потом пришлось принять решение уезжать. Император занял место рядом с императрицей, оставив меня со своей коляской для того, чтобы я дождался прибытия свиты и забрал с собой одну из дам вместе с самыми необходимыми вещами. Только через три или четыре часа я увидел, как эта тяжелая повозка въехала во двор дома. Не теряя времени, я схватил необходимые принадлежности и направился в дорогу вместе с одной из горничных, которую мне поручено было привезти. Мы двигались настолько быстро, насколько нам позволяла грязь, становившаяся от станции к станции все более глубокой. В полной темноте мы приехали в Митаву, всего через час после того, как этот город покинул император. Все городские власти и большое количество благородных дам собрались в помещении дворянского собрания, где в честь императора, императрицы и всей их свиты был устроен обед.

Фрейлины и чины роты Дворцовых гренадер в Гербовом зале Зимнего дворца. 1830-е гг.

Князь Волконский принял решение остаться там на ночь с тем, чтобы дождаться великую княжну Марию, которую я оставил далеко позади, а также потому, что ночью не было никакой возможности пересечь Двину, уже обильно покрытую льдами. Со своей сопровождающей я прибыл на место к 11 часам вечера. Государи переправились через реку на специально приготовленном для этого большом корабле, который тянули с противоположного берега несколькими канатами, намотанными на вороты. Но льды оказались настолько прочными, что даже этот корабль с трудом преодолел их, для того, чтобы избежать несчастных случаев, император запретил переправляться ночью на другой берег.

Между тем я понимал, насколько прибытие камеристки обрадует императрицу, я нашел привязанную к берегу шлюпку, взял на себя ответственность за нарушение приказа и, собрав несколько матросов, пригласил свою спутницу вместе со мной подняться на борт. Несмотря на свои страхи и жалобы, она смогла решиться на это. С большим трудом нам удалось избавиться ото льдов, скопившихся у бортов, но при сильном и попутном ветре я приказал поднять парус, и наша лодка прокладывала себе дорогу, разламывая или раздвигая лед. Темнота была полной, а туман мешать разглядеть огни Риги, тем не менее, через полчаса мы высадились на другом берегу и добрались до замка, где неожиданное появление камеристки очень развеселило императрицу, которая уже готовилась ложиться

спать. Она любезно выразила мне благодарность со своей обычной приветливостью, после чего я поспешил вступить во владение своей комнатой.

На следующее утро с большими усилиями удалось отправить обратно корабль, на котором прибыл император. Он должен был переправить через реку госпожу великую княгиню. Льды стали, и река оказалась полностью ими покрыта. С большим трудом пришлось разламывать лед и увеличить число людей, крутивших вороты. Я руководил этой работой и с величайшим удовлетворением увидел красивое, спокойное и улыбающееся лицо великой княжны Марии, которое очень сильно контрастировало с видом князя Волконского, который успокоился только тогда, когда почувствовал под своими ногами землю, и сел в карету с тем, чтобы сопровождать великую княжну, а ведь ей тогда было всего 14 лет*.

Так как с момента встречи в Шавли количество экипажей увеличилось, появились трудности с лошадьми. Было решено, что наследник цесаревич и я, мы поедем вперед, а Их Величества поедут только на следующий день. Наследник сел в карету со своим наставником генералом Кавелиным, а я последовал за ними с императорским врачом. Великий князь был настолько любезен, что ожидал нас на обед, ужин и завтрак, и продлил остановки с тем, чтобы дать отдохнуть прислуге. Эта маленькая поездка предоставила мне случай восхититься очаровательной веселостью и доброжелательной добротой, столь притягательной в молодом принце, которые уже завоевали для него многие сердца. В нескольких станциях от Петербурга мы нашли посланные нам навстречу и готовые к дороге сани и заняли в них свои места. В них наша поездка стала более быстрой, что очень забавляло великого князя. Я следовал за ним вплоть до городских ворот, где он вежливо остановился, чтобы поблагодарить меня за сопровождение. Через два дня 26 ноября Их Величества прибыли в Петербург.

1835

Все занятия вернулись к своему обычному течению — заседания кабинета, Комитета министров, Государственного Совета, балы и театральные спектакли. Казалось, в Европе все успокоилось, за исключением Испании, где постоянно лилась кровь. В это время Европа была потрясена неожиданным событием, ставшим настоящим горем для императора. Знаменитый государь Австрии, старейший монарх мудрый Франц I скончался, он покинул своих подданных и больше не мог влиять на политические дела Европы. Эту потерю живо ощутили все правительства, тем более остро, что агитаторы во всех странах основывали свои чудовищные надежды на общеизвестную неспособность принца, который призван был поддерживать сложное царствование своей неумелой и неопытной рукой.

* На полях помета «15»

Ему надо было запрячь в австрийскую телегу Италию, Венгрию, Богемию, Галицию и Иллирию, которые все стремились в разные стороны, желали своей национальной независимости и имели свои собственные интересы. На протяжении более 40 лет мудрой и опытной руке удавалось сохранить единство столь сложного объединения и провести его через все несчастья и потрясения. Исчезновение этой руки повергло в дрожь всех приверженцев порядка и спокойствия.

Вена заливалась слезами от огорчения и беспокойства, и все европейские правительства выразили ей свои искренние соболезнования. Со времени смерти императора Александра ни одно событие не было столь фатальным для дальнейшего поддержания стабильности. Общая заинтересованность связала вместе всех представителей более частных интересов вокруг могилы почившего государя с тем, чтобы использовать все имевшиеся в их распоряжении способы для поддержки императорского трона — единственного выразителя австрийского могущества. Все крупнейшие государственные чиновники во главе с князем Меттернихом и архиепископами решительно и дружески помогали друг другу с тем, чтобы придать силы слабому Фердинанду I. У последнего хватило мудрости, чтобы почувствовать ситуацию и сохранить на своих постах чиновников своего отца, он выразил им полное доверие.

Император поспешил выразить ему, насколько он разделяет боль всей Австрии, и насколько искренне он намерен доказать сыну и всей нации тот интерес, который всегда к ним испытывал в соответствии с обещанием, данным им в ответ на доверие и дружбу Франца I. Без промедления он послал в Вену графа Орлова с тем, чтобы поддержать сторонников нового императора, укрепить их в их похвальных намерениях и убедить их в той действенной и искренней поддержке, которую он посчитал своим долгом оказать благополучию их страны.

Император обращал свое внимание на все вопросы, требовавшие какого-то улучшения. На протяжении нескольких лет по его повелению рассматривался вопрос о законодательном обеспечении политического и гражданского положения евреев. Этот труд поступил в Государственный Совет и был одобрен императором[169]. Документ четко определил права, обязанности, подати и способы защиты евреев, тем самым им были даны новые возможности для развития своей промышленности и закреплены равные с другими подданными империи права на судебную защиту.

Вот уже несколько лет императрица не показывалась в Москве. Вместе с императором она поехала туда с тем, чтобы провести здесь начало весны. К 26 апреля погода наладилась, и мы с императором воспользовались этим. В 15 верстах от Царского Села, он посетил колпинские заводы, сооруженные Петром Великим. Именно здесь этот гениальный человек приказал изготовлять все, что нужно из железа, меди, а также блоки и шкивы, необходимые для снаряжения флота. Здесь все еще следовали инструкциям, полученным от основателя нашего флота. Основные сооружения, такие как дамба, накопители воды, искусственные водоемы, пушки — все это относилось к петровскому времени. С тех времен их только

поддерживали и восстанавливали по примитивным планам, сделанным еще его рукой. Император Николай приказал все это обновить и украсить. Он осмотрел все мастерские, жилища, больницы, интересовался малейшими деталями с тем пристальным вниманием, с которым он относился ко всему, и остался весьма довольным всем тем, что было ему показано. Вечером на второй почтовой станции император почувствовал сильное недомогание и был вынужден остановиться на несколько часов. Наутро он поехал в рядом расположенное военное поселение гренадерского полка, которое теперь служило казармой и лагерем для гвардейского полка гродненских улан, которые прошли перед ним парадным маршем.

Оттуда мы отправились в Новгород, где нас ожидали гвардейские драгуны и две батареи полевой артиллерии, которым также была оказана честь высочайшей инспекции на площади города. После этого вечером в 30 верстах от Новгорода император принял парад образцового полка карабинеров и принял участие в ужине кадетского корпуса Аракчеева. Это заведение было образовано на средства влиятельного министра императора Александра, который, не назначив себе наследника, еще при своей жизни оказал значительную поддержку этому корпусу. Первоначально он должен был располагаться в Новгороде, и был перенесен на место этого поселения только после ужасных и кровавых событий, которые предрешили уничтожение отжившей свое системы военных поселений. Место, которое теперь занимал этот корпус, было замечательным, и это заведение, без сомнения, станет один из лучших в своем роде. Тем же вечером, после столь насыщенного дня, мы вновь отправились в дорогу и безостановочно добрались до Москвы.

Через несколько дней сюда приехала императрица и за ней — двое младших великих князей Николай и Михаил. Их появление в национальных костюмах доставило огромное удовольствие народу. Великий князь Константин, уже способный понимать то, что он видит, сопровождал императрицу. Он был поражен красотой Москвы и особенно преданностью и восторгами ее жителей.

Погода была прекрасной и обещала сделать наше пребывание особенно приятным. На замечательной прогулке за пределами города 1 мая собралась вся семья. В середине дня в поставленном по случаю выезда павильоне собрались тысячи экипажей и огромное количество пеших гуляющих. Еловый лес, бывший в течение года весьма печальным зрелищем, был со всех сторон украшен и оживлен палатками, красивыми павильонами, кафе и ресторанчиками, группами музыкантов и цветами. Прогулки группами и по одиночке продолжались до конца дня. Повсюду толпа окружала экипажи императорской семьи и в лесу раздавались радостные крики и возгласы. После прогулки двор покинул Кремль и перебрался на другую стороны Москвы-реки в имение, ранее принадлежавшее графине Орловой и выкупленное императором[170]. Дом и прилегавшие территории были весьма обширны и были очень удобно распределены. Сад был прекрасен, а вид на течение реки, на поля на другом ее берегу и на город был одним из самых красивых и разнообразных из всех, которые только можно было увидеть. Мы все расположились в этом радостном жилище, в котором пользовались всеми преимуществами

Посещение московской выставки царским семейством
2 ноября 1831

деревенской жизни. Но та единственная вещь, которая была нам совершенно необходима — хорошая погода, — на следующий день испортилась. Холод, ветер, дождь и даже снег быстро заставили нас пожалеть о Кремле. И почти все оставшееся время мы были лишены радостей весны. Это восполнялось балами, спектаклями и более или менее многочисленными собраниями у императрицы.

Течение дел пошло обычным порядком, и каждое утро император направлялся в свои кремлевские покои для того, чтобы принять генерал-губернатора[171] и других чиновников с их докладами, затем к часу дня он спускался на площадь перед дворцом для того, чтобы присутствовать на параде соединенных гвардейских частей. Он забавлялся тем, что выстраивал троих своих младших сыновей на офицерских местах по линии равнения, что очень радовало и забавляло публику, которая в экипажах и пешком каждое утро толпой становилась там с тем, чтобы увидеть императора и его сыновей. Каждый день повторялась давка, сложно было пробиться сквозь эти массы людей, заполнивших улицы от самых дверей, через которые выходил император.

Каждый день возобновлялись радостные возгласы, которые обожаемый император собирал и получал в своем дворце. Императрица также везде была предметом восхищения. Она воспользовалась своим пребыванием в Москве для того, чтобы посетить и внимательно осмотреть крупнейшие приюты для брошенных

детей и институты благородных девиц для дворянок и горожанок, которые по завещанию императрицы-матери перешли под ее благотворительное управление. Император отдельно занимался военными школами, университетом, городскими учреждениями и особенно войсками корпуса под командованием князя Хилкова. Его состояние было наихудшим по сравнению с тем, что от него требовалось, особенно плоха была пехота. Для этих частей, также как и для кавалерии, были организованы многочисленные разнообразные упражнения, за которыми мы наблюдали за пределами города на просторных полях перед Петровским дворцом.

Наступило время показа продукции национальной промышленности, выставка была заботливо и красиво устроена в большом помещении Благородного собрания, все фабриканты и ремесла соперничали между собой в желании оказаться лучшими. Со всех частей России стекались лучшие образцы всех отраслей торговли и производства. Изделия из шерсти и корабельные снасти были выставлены столь же заботливо, как самое драгоценное золотое шитье и шелка. Каждый вид продукции выставлялся в отдельной комнате или на специальных столах. Парусное полотно, как и самая тонкая ткань, были разложены в порядке и красиво украшены на всем протяжении отведенного им пространства. На своих местах были механические модели от планетарной системы до плугов. Ювелирные изделия, бронза, фарфор, стекло, сукна, хлопчатобумажные ткани, кожи, вышивка, предметы из железа, изделия столярного ремесла и роскошное черное дерево — все это представляло для любопытных глаз бесконечно разнообразное и самое роскошное зрелище из всего того, что могло быть собрано в одном месте. Мы были изумлены всей этой разнообразной продукцией и тем невиданным размахом, которого достигла наша национальная промышленность.

Император и императрица неоднократно осматривали все это с самым большим вниманием. Они ободряли фабрикантов расспросами об организации производства и об изменениях в их доходах и их заведениях. Очень довольный всем увиденным император собрал у себя самых крупных владельцев предприятий и поблагодарил за улучшения в их производстве, которые столь мощно способствовали обогащению страны. Он добавил, что теперь, когда промышленность достигла своего размаха и движется только в сторону дальнейшего развития, осталось только привлечь внимание правительства и фабрикантов к предмету, без которого промышленность и производство станут скорее бедствием, чем благом. Это забота о рабочих, возрастающее из года в год число которых требует отеческого, действенного и душевного присмотра, без которого это множество людей неизбежным образом развратится, станет несчастным и плохо управляемым сословием, представляющим опасность даже для хозяев, которые используют их труд. Император закончил тем, что назвал и привел в качестве примера двух присутствовавших на этом приеме владельцев фабрик, которые выделялись своей мудрой и отеческой заботой о своих рабочих. Он добавил, что приказал информировать себя о тех из них, кто последует этому примеру, и что он будет рад выразить им свою признательность.

Погода несколько улучшилась, и появилось желание увидеть некоторые загородные имения. Министру императорского двора князю Волконскому была оказана честь принимать у себя своих государей в прекрасном имении, расположенном в 20 верстах от Москвы[172]. После изысканного обеда все прогуливались в саду дворца, содержание которого могло бы любого убедить в том, что в нем живут постоянно. Между тем, уже на протяжении более 40 лет служебные обязанности хозяина не позволяли ему проводить здесь более нескольких дней с перерывом не в один десяток лет.

Очень богатый и постоянно проживавший в Москве князь Сергей Голицын, который пользовался расположением императрицы-матери и которого особо отличал император, также имел счастье принимать Их Величества в своем имении, находившемся всего в нескольких верстах от столицы[173]. Искусство и богатство вопреки природе сделали из него великолепное обиталище с большими водоемами, вырытыми с большими трудностями посреди лесов, с павильонами прекрасной архитектуры, с оранжереями, с изобилием растительности и цветов, все это представляло собой сад, столь же просторный, сколь и прекрасный. Все здесь свидетельствовало о роскоши и богатстве древнего и владетельного рода, все здесь также говорило о достатке и счастье крестьян.

Император также посетил имение графа Шереметева[174], огромное состояние которого относилось еще к допетровскому времени. На протяжении более 50 лет это имение, одно из тех, которыми владела эта семья в окрестностях Москвы, оставалось необитаемым. Несмотря на это и на весьма малую заботу, с которой ныне граф Шереметев относился к его содержанию, оно все еще давало представление о роскоши и величии его прежних владельцев. Замок, по размерам напоминавший дворец, огромные залы, покрытые позолотой и украшенные прекрасными росписями, были сохранены в целости. На стенах комнат висело большое количество картин, а весьма многочисленная коллекция портретов князей и знаменитостей времен Петра I и правления императрицы Елизаветы делало ее уникальной в своем роде. Она привлекла любознательное внимание Императора, который приказал князю Волконскому попросить позволения у адъютанта его величества графа Шереметева сделать копии с целого ряда этих портретов, которых не было в императорской коллекции и изображенные на которых люди давно стали историческими знаменитостями.

После посещения нескольких частных имений император пожелал осмотреть свои собственные, и направился в Царицыно, находившееся в 18 верстах от Москвы. В этом месте, где с удовольствием проводили время многие наши цари, сохранились водоемы и прекрасная растительность. Запрет на рыбную ловлю, введенный более двух веков назад, и который возобновляли все государи, превратил эти озера в настолько богатые рыбой места, что были вынуждены разрешить рыболовство в течение двух лет. Уже Петр I перестал здесь жить, и некогда прекрасные и просторные сады больше не радовали глаз и перестали быть

похожими на величественные и богатые пейзажи, почти повсеместно встречающиеся в окрестностях Москвы.

Тем не менее, императрица Екатерина пожелала основать здесь летнюю резиденцию государей и приказала выстроить прекрасный дворец, достойный древней столицы. Был подготовлен план, авторы которого хотели соединить готическую архитектуру с характером древних сооружений Москвы. Это плохо продуманное сочетание превратилось в каменную громаду, которая поражала своими размерами, но отличалась дурным вкусом.

Императрица Екатерина приехала осмотреть свое новое сооружение и осталась им столь недовольна, что тотчас же отдала приказ сломать это огромное здание и выстроить новое. Из-за огромных затрат, которые были бы неизбежны при исполнении этого приказа, он был отменен, и стены здании были предоставлены разрушительному влиянию времени. Сад, однако, был частично завершен и служил местом прогулок жителей столицы. Император осмотрел развалины, определил, что они не заслуживают новых затрат и решил использовать сооружение в качестве казармы или образовательного учреждения.

Оттуда мы направились в большую и богатую деревню Коломенское, расположенную в 5 верстах от городских застав. Здесь у наших царей была летняя резиденция, и здесь появился на свет Петр I. От древних сооружений осталась только шатровая церковь, границы дворца в том виде, в котором он существовал еще в начале царствования Екатерины, были обозначены посадками акации. На месте древнего обиталища царей стояла только новая постройка в виде павильона. Мы поднялись по достаточно высокой лестнице и оказались на террасе этого павильона. Нас удивил величественный вид, открывшийся нашим глазам. У наших ног река Москва, словно блестящая лента, разворачивалась на огромной равнине, расположенной перед нами, справа она терялась за горизонтом, а слева она оканчивалась огромным городом Москвой.

Многочисленные стада заполняли противоположный берег реки, огромное пространство оживлялось деревнями, церквами и растительностью. Император воскликнул: «Именно здесь я построю дворец. Жилище государей должно быть в этом месте, на это указывает рождение Петра Великого и вид на Москву». Закат солнца еще больше украсил эту картину. Сбежавшаяся посмотреть на императора толпа народа теснилась у лестницы и вокруг старинной церкви. В тот момент, когда император с императрицей вошли в нее, колокольный звон возвестил об обряде бракосочетания. Я получил приказ на следующий день пригласить молодоженов в Кремль, где императрица собственноручно одарила молодую жену подарками, а я дал мужу несколько сотен рублей.

На въезде в город войска уже были приведены в боевую готовность и получили такую же похвалу. После вынесения благодарности командирам и обеда, присланного дворцовой кухней императрице, мы приготовились к отъезду, сели в коляску и без остановки доехали до Новгорода. Погода исправилась, и первые теплые летние дни сделали поездку весьма приятной.

Москва. Тверской бульвар. 1820-е

На следующее утро мы поднялись на борт парохода, принадлежавшего военным поселениям, и прошли по красивой речке, которая своим весенним половодьем затопила окружающую равнину и превратила ее в подобие озера. Вода была спокойной, как зеркало и отражала древние стены Новгорода. Многочисленные монастыри и церкви со всех сторон демонстрировали свои золотые купола, как память о прошлом богатстве этого города. Они являли собой прекрасный вид и навевали глубокие воспоминания. Мы быстро прошли перед сооружениями, которые видели столько поколений, столько величия и разрушений. Наше судно двигалось к Юрьевому монастырю, митрополитом которого был монах Фотий, ставший известным, благодаря тому набожному почитанию, которое он сумел внушить добродетельной графине Орловой, уже много лет тратившей свои огромные богатства на украшение этого монастыря. Император сошел на берег у дверей этой пышной обители, внутри все было спокойно, никто не догадывался о его приезде.

Мы вошли в главный храм, не встретив ни одного человека, который мог бы нас узнать. Внутри молился один монах. После молитвы император стал рассматривать внутреннее убранство, которое украшало церковь. Затем мы вышли оттуда и только теперь императора узнали. Фотий вышел из своей кельи и направился ему навстречу. Он был потрясен этим неожиданным приездом, но пытался

сохранить спокойный вид, который ему явно изменял. К нашему большому удивлению мы увидели графиню Орлову, которая подбежала к императору, исполненная радости от той чести, которую он оказал своим присутствием этой святой обители, для которой она стала благотворительницей и почти руководительницей. Появление женщины в мужском монастыре могло бы показаться скандальным, если бы не допускавшая никаких сомнений репутация графини. Она сопровождала императора в кельи, в больницу и в различные церкви так, словно она служила в монастыре. Фотий настолько потерял голову, что он не вспомнил о тех почестях, которые в подобных случаях монастырское начальство обязано было оказать главе государства и церкви. Возвратившись в Петербург, император передал через Синод Фотию повеление направиться в Александро-Невскую лавру с тем, чтобы там выучить свои обязанности, что было выполнено им с монашеским смирением. Он был счастлив и польщен тем, что к нему приезжал его государь.

* * *

Проведя несколько дней в Елагине, двор расположился в Петергофе, и император возобновил свои обычные летние занятия — он часто ездил в Кронштадт и в гвардейский лагерь в Красном Селе. Он делал это чаще, чем обычно потому, что его младший брат великий князь Михаил был в отъезде и передал командование гвардией храброму генералу Бистрому, который страдал от ран и не мог осуществлять командование столь деятельно, как к этому приучил войска великий князь. Врачи направили его на воды Карлсбада, где он провел все лето. Таким образом, император возложил на себя наблюдение за учением войск и жизнью лагеря.

В Петергоф приехала сестра императрицы княгиня Нидерландов[175] со своим супругом принцем Фредериком, сюда же приехал герцог Нассау, все они оставались здесь во время всего периода пребывания двора. Празднование 1 июля[176] было еще более величественным, чем обычно. По роскоши и изяществу иллюминация превзошла все то, что можно было видеть в предыдущие годы. На день праздника в Петергоф приехала огромная толпа, но он прошел при полном порядке. Каждый раз праздник приятно удивлял своей грандиозностью, более ста тысяч человек наполнили дворцы и сады, при этом не было ни одного несчастного случая, ни малейшего беспорядка. Это тем более удивляло иностранцев, что представитель даже самого низкого сословия проявлял такое уважение и почтительность, которые подчас невозможно встретить в многочисленных собраниях даже самого избранного общества. После этого замечательного праздника, когда несколько дней Петергоф был наполнен людьми, начались большие маневры, которые привели нас в Гатчину. По возвращении из красносельского лагеря меня жестоко лягнула лошадь. Моя лошадь понесла и бросила меня на лошадей трубачей, следовавших за императором. Из-за этого я был вынужден несколько дней провести в постели.

В то время, как в Петербурге наслаждались роскошью двора, устраивали гвардейские учения и проверяли флот, пока здесь предавались забавам и жили

в полнейшем спокойствии, в Париже мечтали о цареубийстве и о смертных казнях. Фиески, корсиканец, и с ним многие французы хладнокровно и исподволь готовили ликвидацию Луи-Филиппа, его сыновей и ближайшего окружения. Адская машина была приготовлена в одном из домов на бульварах, перед которым король должен был пройти во главе парада войск гарнизона и национальной гвардии. Взрыв прогремел в назначенный момент, Луи-Филипп с сыновьями спасся, словно по волшебству, но капитан времен Французской Революции и боевой товарищ Наполеона, маршал Мортье остался лежать мертвым в луже собственной крови на парижской мостовой. Это покушение ужаснуло Францию, возмутило Европу и стало новым сигналом для всех правительств бороться против смелых предприятий этого подлого сброда, который поклялся уничтожить троны и будоражить нации. Более, чем когда либо было важно, чтобы великие северные державы показали всему миру насколько единые интересы и единые принципы еще теснее скрепили их союз, тем более, что смерть императора Франца I внушила революционерам новые надежды и устрашила слабых принцев.

Встреча государей Австрии и Пруссии с императором, согласованная на их последнем свидании в Шведте и в Мюнхенгреце, стала совершенно необходимой. Она была подготовлена со всей пышностью, которую придали военные праздники и торжества этой акции, сколь политически важной, столь и соответствовавшей старым воспоминаниям о победах 1813 и 1814 годов, единственным венценосным участником которых остался король Пруссии.

Все гвардейские кавалерийские полки, представленные одним взводом каждый, и составившие три эскадрона, уже покинули территорию Польши. Полк кирасир принца Альберта вышел из южных военных поселений с тем, чтобы присоединиться к армейскому корпусу, расквартированному в королевстве. Местом сбора всех этих войск и местом встречи короля с императором был избран Калиш, наиболее близко расположенный к прусской границе.

Представленные одним взводом каждый все гвардейские пехотные полки составили целиком несколько батальонов*. Соединения гвардейской артиллерии были составлены из различных бригад этого рода оружия, входивших в гвардейский корпус. Полк гренадер, носивший имя короля, и батальоны армейского полка имени прусского принца**, также были присоединены к этим войскам и собрались в Ораниенбауме 14 июля с тем, чтобы их перевезли по морю в Данциг. Достаточное количество плавсредств было собрано на всем протяжении канала, на расстоянии примерно в версту, пароходы стояли на рейде для того, чтобы отбуксировать их в Кронштадт, где все эти различные воинские соединения ожидал стоявший на якоре императорский флот.

Ранним утром император появился перед ораниенбаумским дворцом, где все войска были построены фронтом к морю. После торжественной молитвы под

* Помета Николая I: «Первые взводы гренадер и первые роты карабинеров»

** Помета Николая I: «сформированные из гренадерских рот»

открытом небом о благополучном плавании, знаменосцам было приказано стать во главе колон, и под звуки музыки и барабанную дробь император лично провел их до конца мола, где его ожидала шлюпка. Тем временем войска поэтапно выстроились по всему протяжению канала, каждый напротив предназначенного ему плавсредства. Все эти действия и погрузка на шлюпки были выполнены с замечательной точностью. Эта длинная цепочка судов, заполненных блестящими штыками, по мере готовности выходила на рейд и двигалась к соответствующему пароходу, все это представляло собой великолепное зрелище, тем более прекрасное, что оружие сверкало на ярком солнце, позолотившем волны.

Со своей стороны прусский король отобрал отряды из всех гвардейских полков, приказал полку кирасир, носившему имя императора Николая покинуть свои квартиры и собрал их в лагере, устроенном невдалеке от того, что был подготовлен в Калише. Это было сделано для того, чтобы получить возможность после небольшого перехода присоединить солдат Пруссии к солдатам России. 1 августа император, императрица, великая княгиня Ольга, нидерландский принц Фредерик со своей супругой, сестрой императрицы, царствующий герцог Нассау и молодой великий князь Константин в качестве адмирала поднялись в Петергофе на борт большого и красивого парохода императорского флота «Геркулес», чтобы прибыть в Данциг. Нам с графом Орловым была оказана честь находиться на том же пароходе, остальная свита, мужчины и женщины, сели на пароход «Ижора», который поднял якорь в одно время с нами. Сопровождавший императрицу в ее поездке в Германию князь Волконский и все кареты должны были прибыть на место по суше раньше нас.

Морское путешествие стало очаровательной прогулкой, тем более, что погода была прекрасная, так же как и любезное состояние духа его Величества. Только герцог Нассау страдал от морской болезни, да так сильно, что почти не мог двигаться на протяжении всех пяти дней, которые длилось наше плавание. Время от времени нас встречали фрегаты или бриги, отделившиеся от нашего флота с тем, чтобы в случае необходимости принять приказания императора. В двадцати милях от германского берега нас встретил весь флот в полном составе, дал салют в честь императора и развернул борта, чтобы сопроводить «Геркулес». Но ветер был слабый, и наш пароход быстро оставил позади весь флот. Из-за своей скорости пароход лишил нас того прекрасного зрелища, которым мы недавно любовались. К заходу солнца мы увидели колокольни Данцига, замедлили ход парохода с тем, чтобы войти в канал, находившейся в пяти или шести верстах от города. Оба берега были полны любопытных, а в том месте, где «Геркулес» должен был остановиться, нас ожидали городские и военные власти.

Рядом с красивым павильоном, установленном для приема Их Величеств, была выстроена почетная гвардия и экипажи, готовые их отвезти. Солнце зашло, и в темноте стали различимы вспышки пушечных выстрелов с крепостных укреплений Данцига. Их звук чудесным образом сливался с колокольным звоном и радостными криками народа, собравшегося на дороге. Но этот павильон был

Кронпринц Прусский Фридрих Вильгельм

так неудачно поставлен, что существовала опасность зацепить его гребным колесом «Геркулеса», и спуститься на берег можно было только с большим трудом. Тогда император приказал подать свою шлюпку и вышел на берег на некотором расстоянии от павильона выше по течению со своей супругой, принцами и принцессами. После того, как он обнял наследного принца Пруссии, посланного королем приветствовать его, он сел в карету и поехал в заранее приготовленное для него место. Город был заботливо освещен, все его население толпилось на улицах, стояло у окон и приветствовало императора и дочь своего государя выражением самой живой радости. После Петра Великого первый раз монархи России входили в стены этого города, который столь часто осаждали наши войска, и который был взят нашими солдатами в 1806 году в борьбе с грандиозными легионами Наполеона.

На следующее утро за пределами крепости в сопровождении наследного принца император сел на лошадь с тем, чтобы присутствовать на параде нескольких прусских батальонов и эскадронов, составлявших гарнизон Данцига. В тот же день после обеда император расстался с императрицей и направился в Калиш, а она со своими двумя детьми и своим братом наследным принцем двинулась в Берлин.

Мы ехали без остановок. Незадолго до проезда императора в Торне загорелся большой мост, мы даже видели нескольких солдат, охранявших его. Так

и не удалось выяснить личность поджигателей, полиция во всей Пруссии работала плохо, но можно было небезосновательно заподозрить, что это были польские недоброжелатели, которые попытались воспользоваться переполохом во время проезда императора с тем, чтобы осуществить свои преступные и гнусные планы. Достигнув границ Царства Польского, император отослал приготовленные части сопровождения, и мы приехали в Калиш, проехав в одиночестве эту страну, еще дымившуюся от ненависти к России.

Маршал Паскевич встретил Его Величество перед дворцом во главе своих генералов на правом фланге почетного караула. Дворец был заботливо приготовлен для приема Их Величеств, короля Пруссии и сестер императрицы княгини Нидерландов и великой герцогини Мекленбургской[177]. В возведенной перед дворцом большой зале и в приспособленном для этого городском театре был приготовлен обед на 300 человек. В прилегавших ко дворцу помещениях и в частных городских домах были приготовлены комнаты для князей и всех тех, кто был приглашен или обратился с просьбой присутствовать на маневрах в Калише. Польские жители города были очень удивлены, видя, как император в одиночку ходил пешком по улицам Калиша для того, чтобы осмотреть помещения, приготовленные для основных лиц свиты, больницы и все то, что заслуживало его внимания.

Он стремился к тому, чтобы все было устроено наилучшим образом и чтобы каждый человек чувствовал себя удобно. Он посетил лагеря, устроенные в просторном и красивом помещении за пределами города, они были разделены на две части — для пехоты и для кавалерии. Первый был устроен на гребне огромного и пологого склона, возвышавшегося над окрестностями, за лагерем открывался вид на город, вокруг него далеко простиралась окружавшая его местность. Большое место было оставлено для прусских войск, которые должны были стать его частью. Палатки императора, его свиты и прусского короля были расположены слева от этого места так, чтобы находиться между русскими и пруссаками. В центре перед лагерем был заботливо построен деревянный павильон, в котором была огромная обеденная зала, со вкусом украшенная оружием и военными трофеями. Наверху был балкон, откуда открывался вид на лагерь и его окрестности.

Император провел смотр войск и занимался с ними упражнениями вместе и по отдельности с тем, чтобы приготовить их к большому параду, который должен был пройти в присутствии прусского короля и всех иностранных принцев и генералов. Он был доволен выправкой и обученностью войск, и развлекался тем, что обучал казаков конвоя из состава полка горцев Закавказья численностью в 500 человек. Их разноцветная форма была богато украшена на персидский манер, что придавало им вид диких азиатских племен, столь необычных для европейского глаза, они создавали образ Востока и представляли наше могущество там. Составлявшие основу набранного там полка черкесы привлекли наше внимание изяществом и дерзостью, с которыми они владели своим оружием и лошадьми. Разделенные на две части, горцы бились друг с другом с изяществом и замечательной горячностью, которая привлекла внимание императора. В это время

основная их часть с каждой стороны находилась в резерве и разгорячилась до такой степени, что император приказал он остановиться и собраться вокруг своего знамени. Та часть, которая находилась с другой стороны, неверно поняла приказ и бросилась захватывать знамя у другой половины. Нападение было настолько стремительным, что получилась серьезная схватка, опрокинутому на землю знаменосцу со своими товарищами пришлось всерьез защищать доверенную им священную реликвию, с обеих сторон посыпались сабельные удары, полилась кровь. Бросившемуся в гущу сражения императору и нам с величайшим трудом удалось разъединить и успокоить обе стороны. Затем он проехал перед их строем с видом полнейшего удовлетворения, провожаемый приветственными криками*. Затем черкесы и конвойные казаки продемонстрировали свою ловкость в обращении с лошадьми и с оружием. Они начинали атаковать, сидя в седле, затем нагибали голову почти до самой земли, лошади шли на отпущенных поводьях, они собирались вместе, вновь рассыпались с изяществом, на которое были неспособны никакие другие войска в мире.

Окончив все эти инспекции, император покинул Калиш, где его сопровождал принц Нидерландов Фредерик и герцог Нассау, и направился в Лигниц, где его ожидала императрица, король Пруссии, принцы королевской семьи, австрийский эрцгерцог Франц со своим дядей[178], наследный герцог Мекленбург-Шверина со своей супругой, сестрой императрицы, и другие принцы. Все они собрались с тем, чтобы приветствовать российского государя и присутствовать на сборе прусских войск. Находившийся ранее по состоянию здоровья в Германии, великий князь Михаил также приехал туда.

Прусский лагерь был в нескольких верстах от города, весь корпус, состоявший из примерно 20 тыс. человек, прошел парадным маршем на следующий же день после нашего приезда. С тем неправильным комплектованием, которое существовало в прусской армии, войска были хороши. Армия была выдумана и подсказана революционными идеями, распространившимися в Пруссии во время ее порабощения под властью Наполеона, и была призвана освободить ее под победоносными знаменами России. Весь народ должен был служить, но не более трех лет. Армия стала реальной властью, в руках правителя больше не было ничего, что можно было бы противопоставить этой национальной силе. Армия состояла из молодых людей, слабых физически и морально. Старые офицеры, которым довелось воевать, и которые помнили прежний порядок вещей, еще поддерживали дисциплину и обучение военному делу, но по мере того, как они исчезали или слабели с возрастом, их наследники все более разделяли суждения молодых солдат, гражданских лиц, о том, что они призваны скорее только командовать. Толпа любопытных, собравшихся на парадной площади в экипажах, верхом и пешком,

* Помета Николая I: «Это поэтическое преувеличение, дело не было настолько серьезно. К счастью не было ни сабельных ударов, ни крови. Но цена была заплачена дорогая, и только с большим трудом мне удалось их успокоить»

обращали мало внимания даже на приказания, исходившие от короля. Они настолько усложнили прохождение войск, что кавалерия даже была вынуждена нарушить слева ряды своих взводов, и парад стал немного напоминать базар.

Помимо съехавшихся ото всюду иностранцев, в Лигнице находился австрийский генерал принц Ваза. Он получил это разрешение благодаря письму, написанному его женой императрице, которое император оставил без ответа. После этого он обратился к князю Меттерниху, сообщив ему, что он рассматривает это молчание, как согласие, и он выезжает в Лигниц. На что последний ему ответил: «Вы действуете по пословице. Но я Вам не советую играть в слова с императором Николаем». Прусский кабинет, столь же связанный с королем Карлом-Юханом, как и наш, был поражен приездом принца Вазы. Так же как и император. Находившийся в Лигнице и уже получивший приглашение приехать в лагерь под Калишем адъютант шведского короля известил всех, что он будет, к несчастью, вынужден отказаться от этой чести, если князь Ваза получит разрешение туда приехать. Более того, в соответствии с официальным приказом своего государя всем шведским подданным избегать встречи с претендентом на престол Швеции, он будет вынужден покинуть Лигниц. Император поручил мне довести до сведения эрцгерцога Фердинанда, насколько он огорчен, что не может принять вельможу, носящего австрийскую форму и находящегося в сложном положении, но политические обстоятельства и тесный союз с королем Карлом-Юханом вынуждают его поступить именно так. В любом случае не может принять принца Вазу в Калише. В то же время император приказал мне передать адъютанту шведского короля, что он просит его остаться в Лигнице, что он берет на себя ответственность перед его государем. Мне было поручено объяснить королю Швеции суть происходящих событий в письме на имя нашего посла в Стокгольме графа Сухтелена. Шведский полковник был весьма польщен столь любезными и искренними действиями императора, и остался в Лигитце. Принц Ваза был несколько напуган своими поспешными и непродуманными шагами, он вернулся в Вену и начал жаловаться дамам высшего света, одним из героев которого он стал.

Каждый день для всех принцев, принцесс и всех иностранных генералов устраивался большой обед, а вечерами был прием у короля. Городские власти устроили бал, который, впрочем, был плохо освещен и недостаточно хорош. Войска порадовали нас заранее приготовленными учениями, после которых они направились в окрестности Доманцы в Силезии, где стоял лагерем другой прусский корпус. Туда же по отдельности направились король, принцы и все иностранцы. Император и императрица жили в замке Доманцы, принадлежавшем графу Бранденбургскому[179]. Это было старинное жилище, расположенное в красивой долине, окруженное вдали высокими горами, деревнями, замками и заботливо выращенной растительностью, что делало окрестности столь же богатыми, сколь и живописными. Король жил в княжеском замке, находившимся в пяти верстах от Доманцы и в двух верстах от лагеря. Замок был приведен в порядок и заботливо украшен, он был центром красивой и густо населенной равнины. Для прусских

Лигниц в Силезии

принцев, эрцгерцогов, немецких принцев, иностранных генералов и офицеров были определены жилища у окрестных жителей, что придало и так украшенной своим городом местности особую живость. Рядом с обиталищем короля была построена большая и художественно украшенная галерея, служившая обеденным залом для многочисленного общества, которому была оказана честь быть приглашенным к королевскому столу. Помимо иностранцев, прусских генералов и полковников в него входили офицеры армейского корпуса, окрестные дамы и дворяне. В лагере было построено просторное помещение, полностью меблированное и задрапированное изнутри, в котором офицерский корпус устроил изысканный бал всем именитым гостям этого военного лагеря. Король также устроил обед в Доманце у императора, куда было приглашено столько людей, сколько позволило помещение. Вечерами здесь собиралось значительно меньше людей, почти исключительно члены семьи императрицы и некоторые люди из ее свиты и из свиты императора.

По утрам мы садились на лошадей и ехали на парады или военные учения, которые были похожи на утренний показ в Лигнитце, конец нашего пребывания был ознаменован двумя маневрами между двумя объединенными корпусами. Корпус, прибывший из Лигнитца, атаковал корпус, расположенный в Доманце. Войска, и особенно генералы, показали свою малую обученность к большим военным передвижениям. Действия были медленными и плохо скоординированными, а под

конец началось такое столпотворение, что король не нашел другого способа восстановить порядок, как прекратить маневры. В пехоте много солдат ушли из рядов с тем, чтобы отдохнуть, так как они уже устали после нескольких часов марша с полной выкладкой. Этот маленький пример мог служить доказательством того, что однажды эта прусская армия, молодые солдаты и старые офицеры которой ослабеют от тягот и лишений реальной войны, предоставит неприятелю хороший шанс.

* * *

После маневров император сошел с лошади и сел в коляску, мы поехали по дороге в Бреслау, где императрица задержалась с тем, чтобы присутствовать на балу, устроенном в ее честь городскими старшинами. Мы же продолжили свой путь в Калиш, куда приехали 28 августа в 2 часа пополуночи. Императрица прибыла в тот же день в 8 часов вечера. На следующий день в приготовленные им резиденции прибыли эрцгерцоги Франц и Иоганн, а также прусские принцы.

В день тезоименитства наследника 30 августа состоялся церковный праздник с участием взводов лейб-гвардии Павловского и Атаманского полков, у атамана также были именины. В три часа пополудни все собрались в русской церкви, устроенной в большом зале, расположенном по соседству с дворцом. Император выехал к польской границе, находившейся в 5 верстах от Калиша, с тем, чтобы встретить короля Пруссии, своего царственного тестя. Через два часа они вместе прибыли во дворцовый двор, где был выстроен почетный караул гренадерского полка, носившего имя прусского короля. Справа государей ожидали великий князь Михаил, маршал Паскевич, военная свита императора и все генералы. Король прошел перед линией войск и вошел во дворец, где на лестнице его встретила императрица, его царственная дочь, проводившая его в приготовленные для него апартаменты, те же, которые он занимал в 1813 году, когда отступавшие от нашей границы и преследуемые нашей победоносной армией французы явили Пруссии и всей Европе надежду на свое освобождение и возвращение прежнего величия. Именно в этих помещениях 22 года назад его принял император Александр и протянул ему свою спасительную руку. Он предал забвению союз Пруссии с Наполеоном против России и подписал с Пруссией союз против своего врага.

Погруженный в столь давние и важные для истории двух монархий воспоминания король был вдвойне поражен уважительным отношением и ласковой заботой, которыми его окружили его любимая дочь и его могущественный зять, а также видом русских солдат, живо напомнившим ему об опасностях и победах 1813 и 1814 годов, тем более, что он не имел повода их вновь увидеть со времени взятия Парижа. Вечером перед заходом солнца на площади перед дворцом в парадной форме собрались все генералы и офицеры, находившиеся в Калише и в военных лагерях. За ними плотными колонами были выстроены музыканты — барабанщики, трубачи и горнисты общим числом свыше полутора тысяч. В тот момент, когда король появился на балконе, его встретили общим криком «Ура!», и все музыканты исполнили марш, сочиненный королем еще в то время,

когда он был наследным принцем. Затем для императора был исполнен национальный гимн и, наконец, все барабанщики пробили вечернюю зорю. В этой сцене было нечто величественное, что почувствовали все ее участники, а именно — волнение почтенного товарища и друга императора Александра.

Ранним утром следующего дня прусские войска, уже несколько дней стоявшие лагерем около нашей границы, отправились в путь и выстроились смешанной колонной пехоты и кавалерии у Калиша за дорогой, напротив левого крыла нашего лагеря. В 11 часов прибыл король Пруссии, он сел на лошадь на правом фланге своих войск с тем, чтобы торжественно принять императора и императрицу, которые тоже были верхом. Я имел честь сопровождать ее величество в этой кавалькаде, также как и на других маневрах и парадах в Калише. Пруссаки встретили своего короля криками «Ура!», которые они переняли у русских во время кампаний 1813 и 1814 гг. Их выправка была отработана, но было видно, каких усилий им стоило желание показать себя с наилучшей стороны, находясь рядом со своими старыми товарищами по дням войны и дням побед.

Один за другим в Калиш приехали: наследный принц Пруссии, принцы Вильгельм, Карл, Август, Альберт, эрцгерцоги Франц и Иоганн, наследный принц Мекленбург-Шверинга с супругой, принц Фредерик Нидерландский с супругой, супруга короля княгиня Лигниц, правящий герцог Нассау, герцог Кумберландский, наследные принцы Гессен-Дармштадта[180] и Гессен-Касселя[181], принц Фридрих Вюртембергский, принц Карл Мекленбург-Стрелицкий, принцы Карл и Фридрих Шлезвинг-Голштинские и большое количество сопровождавших их генералов и офицеров. Все они были верхом и увеличили и без того многочисленную военную свиту императора, состоявшую из генерал-адъютантов, адъютантов и генералов нашей армии, приглашенных участвовать во встрече в Калише. В то время как все это блестящее и многочисленнее общество следовало за двумя государями вдоль линии прусских войск, наши солдаты в строгом порядке покинули свои палатки и выстроились следующим образом.

Пехота побатальонно выстроилась в колонну перед лагерем, с другой стороны артиллеристы выстроили орудия спиной к лагерю таким образом, что между ними и пехотой образовалась широкая свободная полоса. Кавалерия была построена по центру лагеря в одну линию с орудиями. Император со своим Главным штабом расположился на левом фланге пехоты, а я сопроводил императрицу к правому взводу конных гвардейцев из полка, носившего ее имя. Они стояли напротив палаток императора и прусского короля. Став во главе пруссаков со шпагой в руке, король повзводно повел свои войска к центру лагеря, маневрируя между этими рядами пехоты, кавалерии и артиллерии. По мере того, как он продвигался вперед, знамена и штандарты взвивались к небу, начинала играть музыка, барабаны выбивали походную дробь, батальоны брали оружие на караул, солдаты кричали «Ура!», а артиллерийские орудия сопровождали своей канонадой это триумфальное шествие, которое объединило в одном праздничном построении воинов России и Пруссии, после того, как 22 года назад на берегах покоренной Сены

наступление мира разъединило их. Когда пруссаки подошли к приготовленным для них высотам лагеря, они в свою очередь выстроились в две линии, одна напротив другой, российская гвардия прошла между ними перед королем, получив от прусских войск крики «Ура!» и воинские почести, которыми сама только что приветствовала их появление. В этой встрече и в этом приеме было нечто возвышенное, что крепко объединило все сердца. Солдаты обнимались, словно братья, офицеры сердечно пожимали друг другу руки в знак искреннего и прочного союза. Оба государя заключили друг друга в объятия, как бы скрепляя священный союз дружбы и взаимного интереса, который восстанавливал связи между двумя народами, укреплял мир на земле и который заставил дрожать наших врагов. Император проехал перед своим тестем во главе взвода своей гвардейцев, императрица с правой стороны — во главе взвода конногвардейцев, а король, в свою очередь, продефилировал перед ними во главе своих войск, которые представляли всю его армию.

Организация питания прусских солдат и офицеров была заботливо продумана*. Часть прусских офицеров обедала в большом зале, построенном посреди лагеря, сюда же в знак почета были приглашены офицеры российской гвардии. Остальные, не принадлежавшие к этим войскам прусские офицеры, которые имели разрешение присутствовать на парадах и маневрах, были поручены заботам адъютанта императора. Те из них, кто входили в свиту короля или принцев, вместе с другими иностранцами обедали за пышно приготовленным столом гофмаршала двора в специально построенном помещении рядом с дворцом. Вечером всем были бесплатно розданы билеты в немецкий театр, который специально привезли из Берлина с тем, чтобы не лишать короля ежедневного развлечения, к которому он привык в своей столице.

На 1 сентября выпало воскресенье, поэтому для участия в богослужении в лагерь прибыли государи, великая княгиня Ольга, великий князь Михаил, молодой великий князь Константин, князья, княгини и вся их многочисленная свита. В центре лагеря гвардейские части и другие войска выстроились в виде широкого каре, внутри которого находилась походная церковь, где велась служба. После нее все прошли несколько сот шагов в то место, где прусские войска, выстроенные подобным же образом, присутствовали на службе лютеранского священника и пели немецкие псалмы. Это соединение двух религий и двух богослужений в одном лагере в присутствии двух государей, являвшихся главами различных вероисповеданий, было живым свидетельством терпимости этих двух церквей, тем более бросающимся в глаза, что все это происходило на территории католической страны, столь нетерпимой и столь фанатичной в своей вере.

Этот контраст и союз двух народов, освященный еще и религией, глубоко поразил всех. Суровое и благочестивое молчание огромного числа людей, собравшихся под открытым небом, позволяло четко различать молитвенный распев

* Помета Николая I: «Обед и угощение»

Черкесы из лейб-гвардии Кавказско-Горского полуэскадрона Собственного Е.И.В. Конвоя

и мелодичное пение как русских священников и хора, так и прусских церковнослужителей. Во всем этом было нечто торжественное и священное, даже более возвышенное и величественное, чем церковные службы в самых просторных и богато украшенных храмах. Эта церемония, одушевленная самой прекрасной погодой, и самым ярким солнцем, была окончена барабанным боем и звуками всех собранных здесь музыкальных инструментов, под которые оба войска выстроились каждое перед своими палатками.

Тем временем полк мусульман народов предгорий Арарата, части кирасирского полка и казачьего полка кавказской линии собрались на равнине в окрестностях лагеря. Солдаты обоих государств выстроились огромным кругом в форме амфитеатра, оставив внутри широкое пространство для участников нового действия. Иностранные офицеры, конные и пешие, желавшие увидеть представление, столпились вокруг солдат и образовали для него пеструю окантовку, состоявшую из разноцветных военных мундиров различных стран Европы. На самом высоком месте, рядом с артиллерийской батареей расположились император, прусский король, императрица, принцы и принцессы. Своим звучным голосом император дал команду к началу турнира. Иноверцы кирасиры и казаки, соревнуясь друг с другом, пришпоривали коней, атаковали, уклонялись от ударов с изумительным проворством, благодаря резвости своих скакунов, привыкших к таким

действиям, столь же стремительным, сколь и изящным. По команде своих офицеров они стреляли из ружей и пистолетов, наступали, отступали, разворачивались на месте, скакали, стоя на лошадях, разбивались поодиночке, вновь собирались вместе с такой слаженностью, которая устрашила бы любую вражескую регулярную кавалерию. Эти воины были выучены непрекращающимися сражениями, они обращались со своим оружием с неповторимой быстротой и скакали на лошадях столь же изящных и сильных, как и их атлетически сложенные всадники.

Это представление очень заинтересовало всех присутствовавших иностранцев и позабавило дам богатством и разнообразием представленных мундиров. Это был праздник, напомнивший времена Крестовых походов, объединивших Европу и Азию. В тот же день состоялся большой обед на 320 персон. Зала была соединена с дворцом специально украшенной галереей, через которую государи и дамы пришли на подготовленный со столичной пышностью банкет. Адъютанты императора делали все возможное для того, чтобы оказать требуемые почести иностранным генералам и офицерам, и пока император обедал с прусским королем в семейном кругу, мне было поручено председательствовать на этом обильном пиру.

Следующий день был ознаменован большим парадом всех войск, на обширной равнине в 5 верстах от Калиша войска были построены в колонны в 4 ряда. В двух первых стоят 60 батальонов пехоты, третий состоит из 68 эскадронов кавалерии, четвертый — 136 артиллерийских орудий. Император командует лично и принимает своего августейшего тестя с воинскими почестями и криками «Ура!», которые сопровождают государей по мере того, как они приближаются к войскам и двигаются вдоль линий полков. Наследный принц Пруссии командует гвардейскими частями, великий князь Михаил — всей гвардейской пехотой, принц Вильгельм Прусский — всей гвардейской кавалерией. Императрица с принцессами следует за государями вдоль всех четырех линий, после чего вместе с королем они занимают место принимающего парад. В сопровождении своего Генерального штаба император приветствует короля, первой поротно проходит пехота, разделенная взводами пешей артиллерии. Кавалерия проходит поэскадронно в ускоренном темпе, затем конная артиллерия на той же скорости. Затем прошли маршем полковые колонны четырех батальонов первой линии, причем в таком сложном построении, которое удивило всех иностранцев замечательной четкостью своего исполнения. В тот момент, когда гренадерский полк, носивший имя короля, приблизился к нему, он встал во главе полка и приветствовал императора. Эти действия повторил император при прохождении прусского кирасирского полка, носившего его имя. По окончании парада король выразил свое полное одобрение маршалу Паскевичу и свое удовлетворение всему его сопровождению. Все генералы и офицеры различных национальностей были удивлены прекрасным состоянием наших войск, особенно их поразили превосходство артиллерии и красота лошадей.

Следующий день был посвящен отдыху, император продемонстрировал королю 100 прекрасных лошадей, привезенных из внутренних районов России,

которых он подарил прусскому гренадерскому полку, носившему его имя. Прошедший парад открыл череду военных учений и маневров. Первой выступила объединенная гвардия под командованием наследного принца Пруссии. Сев на лошадь, я сопровождал карету, в которой императрица и ее сестры следили за войсковыми учениями. Вдруг среди артиллерийского огня наше внимание привлек особо громкий взрыв. Императрица спросила у меня, что это было, и я ответил, что он был следствием разрыва зарядного ящика. Она была тем более испугана, что в предыдущий момент мы заметили в той же стороне императора со всей свитой.

Я послал узнать что случилось, и вскоре нам сообщили, что, кроме двух пушкарей, никто не пострадал. Один из них сидел на лошади зарядного ящика, а второй в тот момент открыл его, чтобы достать оттуда боеприпасы, оба несчастных были убиты на месте. Вероятно, причиной взрыва стала искра, принесенная сильным порывом ветра с казенной части стрелявшего орудия. Последствия взрыва могли быть куда более тяжелыми, так как в ящике находились боевые заряды*. С этого дня было приказано, чтобы на учениях в зарядные ящики не укладывали боевые снаряды. После этого злосчастного случая императрица и принцессы больше не просили меня приближаться к стреляющим батареям, что до последнего времени было одним из их развлечений во время маневров.

На следующий день все войска были собраны в 6 верстах от Калиша, и император принял командование ими. Императрица прибыла верхом и пожелала объехать головные части всех воинских колонн, она скакала с такой смелостью, что заставляла меня обливаться кровавым потом. Наконец, я ей заметил, что ее лошадь устала, она спешилась и пересела в коляску. Без заранее составленной диспозиции, не предупредив генералов о том, что он собирается делать, император повел эту массу войск в 68 тыс. человек так четко, слаженно и легко, что глубоко удивил всех присутствовавших на этих маневрах военных. Только что сформированный авангард двинулся вперед с тем, чтобы начать сражение. Он отступал, вновь выстраивался, менял направление движения, его заменили линейные войска, которые выстраивались, опираясь друг на друга, пока легкая кавалерия атаковала и успешно отвлекала внимание неприятеля то на одном, то на другом фланге. В это время более 100 пушек своим густым поддерживающим огнем создали благоприятную обстановку для масс кавалерии с тем, чтобы опрокинуть неприятеля и ворваться в Калиш. Завершить сражение было предоставлено пехоте, которая под барабанный бой и звуки музыки штыковой атакой через различные входы ворвалась в предместья города. Здесь император приказал войскам взять оружие на караул, склонить знамена и приветствовать своего тестя криками «Ура!» тем более громкими, что они были подхвачены всеми другими батальонами. Русские и пруссаки стались превзойти друг друга в быстроте и правильности

* Помета Николая I: «К счастью, взорвавшийся ящик принадлежал полевому орудию, а не единорогу, поэтому в нем не было гранат»

Императрица Александровна Федоровна на маневрах в Калише в 1835 году

выполнения команд, которые император отдавал своим сильным и громким голосом, или которые он отправлял генералам через своих адъютантов.

В тот же день состоялся праздник Кавалергардского полка, находившийся в Калише взвод этого полка был приглашен на обед во дворцовый сад, вместе с ним пригласили взвод прусских гвардейцев, все было сделано таким образом, чтобы рядом с русским обязательно находился пруссак. В качестве главы кавалергардов императрица находилась рядом с этим столом с тем, чтобы оказать им почет. Было любопытно наблюдать, с какой любезностью наши простые солдаты обращались с пруссаками, как они старались, чтобы те их услышали и поняли. Император поднял тост за здоровье короля и его гвардейского корпуса, король ответил тостом за здоровье императора, императрицы и кавалергардов.

На следующий день в лагере был устроен великолепный праздник в честь государей. В 7 часов вечера все общество прибыло в экипажах и собралось в павильоне, выстроенном в середине лагеря, на специальной платформе была поставлена палатка для короля с тем, чтобы он не страдал от ветра. Более 2 тысяч музыкантов встретили его звуками марша, сочиненного им еще когда он был наследным принцем. Затем 600 хористов пропели в честь короля стихи, сочиненные одним солдатом, для которых мой адъютант Львов сочинил музыку. Пение сопровождалось залпами 18 артиллерийских орудий, произведенных с поразительным тактом

Трубач и унтер-офицер Кавалергардского полка в 1837 году

и точностью. Это было сигналом к началу салюта, украшенные разноцветными огнями различные декорации сменяли друг друга, и как только зажглась платформа, украшенная королевским вензелем, все музыканты и хористы исполнили национальный гимн «Боже, царя храни!», который сопровождался ружейными залпами всех пехотных батальонов, выстроенных перед своим палатками, и орудийным огнем. В этот момент в тылу лагеря была дана команда к началу обстрела города с высокими минаретами, который был подожжен гранатами, последовательно взлетавшими в воздух из заранее приготовленных зарядов. Один из них состоял из 40 тысяч ракет. Казалось, началось извержение вулкана, везде блестело и грохотало, земля содрогнулась, воздух был полон огня. Это было настоящее военное торжество, вполне достойное воинов, организовавших его для самых могущественных государей на земле.

После этого весь лагерь осветился иллюминацией, и все вернулись в город, освещенный сосудами с подожженной смолой.

На следующий день с большим успехом состоялись большие маневры всех войск. В последующие дни под личным командованием императора батальоны, составленные из взводов наших гвардейских полков, провели учения перед палаткой короля, а пруссаки, в свою очередь, показали свою выучку перед императором. Вечером накануне своего отъезда, король пожелал попрощаться с русским

генералами и офицерами и выразить им удовлетворение от своего пребывания, которое они сделали для него столь приятным. Наши военные были выстроены перед окнами короля, который вышел на балкон и несколько раз с большим чувством поприветствовал всех собравшихся здесь с тем, чтобы пожелать ему счастливого пути. Небольшие размеры помещения позволили войти в него только генералам, и король со слезами на глазах попрощался с ними и с большим чувством засвидетельствовал им свое удовлетворение и удовольствие, которые он получил, находясь среди столь прекрасных войск, с которыми более двадцати лет назад он разделил тяготы войны и славу победы.

Все были очень тронуты тем, что король проявил душевность и выразил свое огорчение во время этой аудиенции, которая завершила его пребывание в лагере Калиша, откуда он на следующий день 10 сентября уехал в Бреслау. Император проводил его до границы и вернулся в лагерь. Прусские войска и прибывшие из Петербурга наши части были собраны каждые вокруг своих палаток, и были отслужены молебны всевышнему ниспослать всем счастливое возвращение домой. После этого русские отдали воинские почести пруссакам, получили взаимные приветствия в виде последних криков «Ура!», после чего обе части войск прошли парадом перед императором и императрицей и направились домой. Прежде чем расстаться с войсками, император выразил им сою признательность, особенно он поблагодарил офицеров, которых собрал вокруг себя. После того, как он кончил говорить, все со слезами на глазах бросились целовать его руки и колени так, что его лошадь с трудом устояла на ногах.

Пехота возвратилась в Данциг с тем, чтобы там сеть на корабли, конница возвращалась по суши тем же путем, что и пришла сюда. Прусские и австрийские принцы вместе с другими иностранными генералами попрощались с Их Величествами, которые верхом вернулись во дворец Калиша. Императрица там сошла с лошади, а император в сопровождении маршала князя Паскевича направился к месту его расположения, где была собрана рота полка Орловских егерей. Император приказал ей принять имя маршала и приветствовать своего нового шефа князя Варшавского, который в 1810 году, будучи полковником, сформировал этот полк[182]. Эта любезность тем более тронула сердце маршала, что он, так же как и все мы, не знал о ней. На следующий день императрица покинула Калиш и уехала в Теплиц, а император последовал за ней на день позже и ужинал в Бреслау с королевской семьей.

* * *

На австрийской границе Его Величество встретил князь Лихтенштейнский, а в Нейшольце ему представился великий бургграф Богемии граф Хотек. Смена лошадей на почтовых станциях была так плохо организована, что для императорской коляски с трудом нашли хороших коней. Для остальных были спешно собраны крестьянские лошади, снабженные плохой упряжью и еще хуже управляемые. В этих горных местах они представляли для экипажей постоянную угрозу быть опрокинутыми. Коляска с личной прислугой императора была отправлена

вперед, и мы были очень рады вновь ее увидеть в небольшом городке до наступления ночи. Император принял решение заночевать здесь в очень скверной гостинице, а мы с князем Лихтенштейнским и графом Хотеком устроились на ночь в плохеньком трактире, где с трудом достали кое-что поесть, в чем мы очень нуждались. Из-за плохих лошадей вся свита императора отстала и догнала нас только на следующий день.

В двух почтовых станциях от Теплица нас ждали экипажи австрийского двора, и Хотек упросил меня убедить императора ненадолго задержаться с тем, чтобы он мог предупредить своего господина, который хотел выехать нам навстречу. Это стало лишним поводом для того, чтобы не отказать в данной просьбе, император тщательно занялся своим туалетом, надел форму полковника венгерских гусар и сел в свою коляску вместе с князем Лихтенштейнским. Меня он оставил в коляске графа Хотека, запряженной крестьянскими лошадьми, нам было приказано отправиться вперед, но очень скоро императорская коляска нас обогнала, и мы потеряли ее из виду. Хотек был вне себя, постоянно выкрикивал ругательства, я от души смеялся над его преувеличенным отчаянием. Чтобы его утешить я его уверил, что его августейший государь легко простит ему это запоздание, единственной причиной которого был император Николай.

— Даже если император и простит меня, — вскричал он, — то князь Меттерних будет непременно ругать!

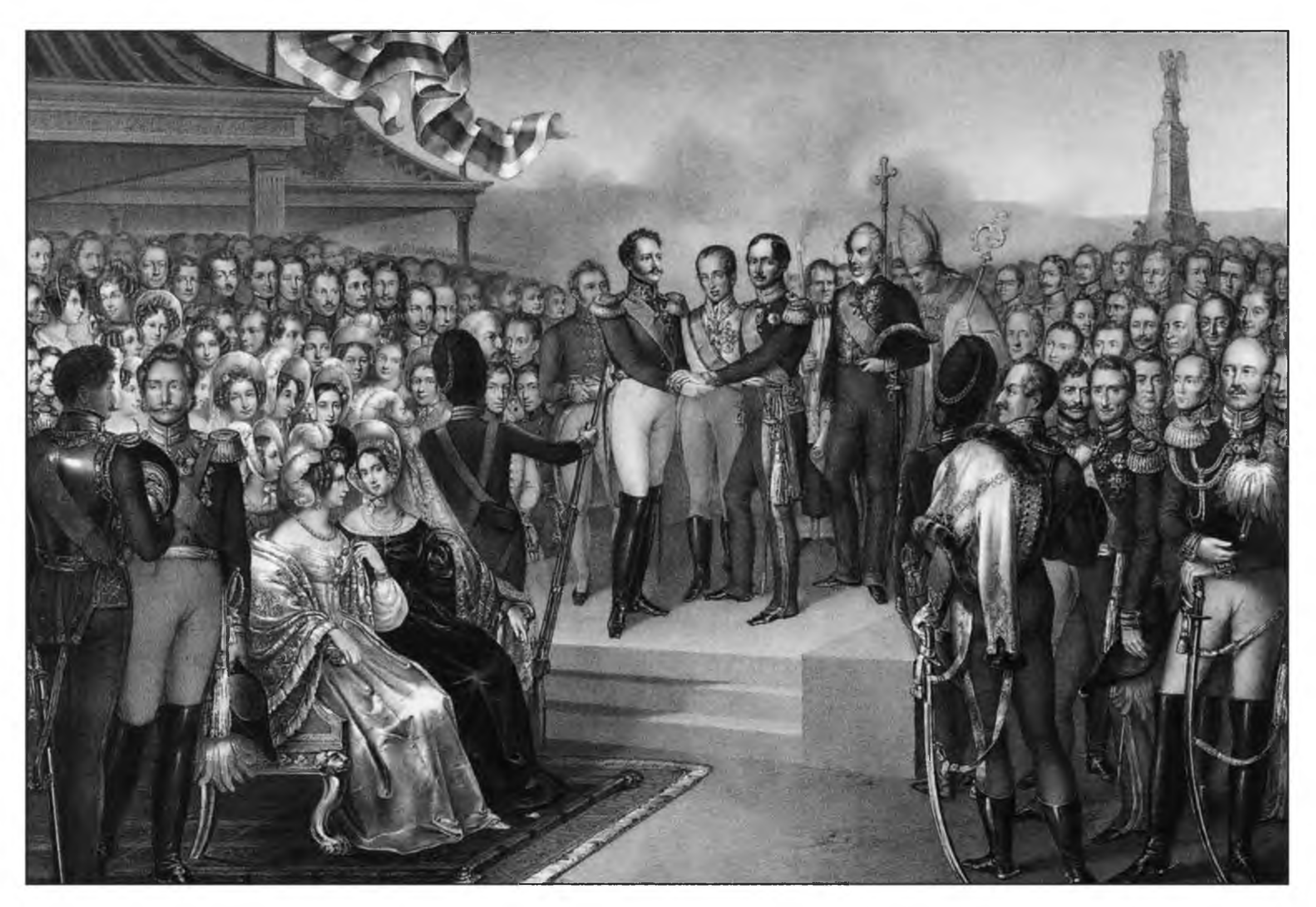
Наконец, мы приехали более чем на полчаса позже того, как оба государя встретились на улицах Теплица и направились во дворец князя де Клари, где они все расположились — император Австрии с супругой на первом этаже, а император Николай с императрицей наверху, как если бы они были гостями этих мест и должны были бы разместить тех, кто имел бестактность занять наилучшие помещения. Вскоре один за другим в Теплиц приехали принцы и принцессы, которые до этого были в Лигнице, Доманце и Калише. Последним приехал король Пруссии. За обедом у императора Австрии мы собрались все вместе, и я не смог удержаться и сказал великой герцогине Мекленбургской о том, что мы немного похожи на труппу странствующих актеров, которые в каждом городе вновь надевают свои костюмы и играют свои роли. Новые высокие гости увеличили наше общество, кроме государей Австрии в Теплиц приехали эрцгерцог Карл, князь Меттерних, наш посол при венском дворе Татищев, граф Коловрат, многочисленные немецкие принцы, генералы и офицеры их свит. Этот небольшой городок был переполнен.

Жители Вены смотрели на эту встречу двух императоров с некоторой долей неудовольствия и опасения. Они опасались сравнения. Действительно, контраст был ошеломляющим: рядом с одним из самых красивых мужчин, рядом с монархом, прекрасным телом и душой, находилось тщедушное существо, хилое телом и разумом, тень государя, даже манера держать себя и речь которого очень напоминали самого обычного человека. Потребовалась вся любезность и вежливая деликатность Николая для того, чтобы скрыть свое удивление и спрятать его

от ревнивых глаз австрийцев. Его всегда предупредительное, дружеское и даже уважительное поведение с Фердинандом быстро завоевали ему восхищение и похвалы австрийских придворных и, особенно, супруги императора[183]. Она с благодарностью оценила столь деликатное поведение нашего императора. Можно смело сказать, что его австрийский коллега был очень плохо принят в обществе. Он с трудом запоминал имена тех, кто был ему представлен, отвечал односложно и, часто невпопад, на все то, что старались ему сказать, чтобы сделать вид, что не заметили его полную неспособность. Но австрийский народ и министры правительства разыграли перед всем миром благородный и великий спектакль: все поклонялись трону, который почти не был занят, все объединились вокруг государя, который был всего лишь его подобием. Все чиновники исполняли свои обязанности в полном порядке и с усердием, которые были им привиты императором Францем, высокая память о котором создавала как бы благотворную тень, с которой согласовывали все решения члены правительства. Обладавший полным его доверием князь Меттерних еще поддерживал лучи славы монархии. Ему помогал руководивший финансами Коловрат и военный министр граф Клам, который был генерал-адъютантом нового государя. Этот триумвират составлял славу империи, все об этом знали, но тщательно скрывали и делали вид, что подчинялись только императору. Такое положение дел, такой общий настрой увеличивали уважение и доверие к трону. Он объединил многочисленных членов правящей семьи, чиновников, знать, военных, горожан и крестьян. Можно было сказать, что этих людей было слышно, было видно их воодушевление, они желали, чтобы ими управлял человек, достойный их прекрасной страны.

Но сколь бы благородным не было это положение, насквозь пронизанное монархическими чувствами, оно не могло дать необходимой уверенности и готовило несчастья в будущем. Меттерних, эрцгерцоги Иоганн и Карл, молодая императрица искали в благородстве и в твердости императора Николая гарантию защиты, они искренне и целиком доверились ему. Николай свято помнил свое обещание, данное им почтенному императору Францу в Мюнхенгреце, о том, что он станет опекуном для его сына и щитом для его империи. Своей усердной деятельностью он завоевал расположение и доверие австрийских министров, он искренне помогал им советами. Ни один из них больше не имел секретов от него и они все поздравляли себя с такой сильной и счастливой протекцией.

Обычно обедали у императора Австрии, который имел вид скорее предмета мебели, чем хозяина приема. Вечерами несколько раз ходили в театр, и каждый день заканчивали в водном салоне, где собиралось все общество: государи, принцы, императрицы и принцессы, все танцевали или слушали музыку. Однажды вечером, когда император Николай разговаривал у окна я уже не помню с кем, в залу, куда он обычно не входил, зашел император Фердинанд. Я предупредил императора Николая о его появлении, он сразу пошел ему навстречу и приветствовал глубоким поклоном. Ответом ему был легкий кивок головы, затем этот бедный Фердинанд, не имевший привычки бывать в обществе и испытывавший

Император Николай I, австрийский император Фердинанд I и прусский король Фридрих Вильгельм III во время церемонии закладки памятника в честь сражения под Кульмом 17 августа 1835

трудности в манере поведения, повернулся к нему спиной. Со своей стороны наша императрица постаралась оказать ему внимание, но также не смогла добиться никакой взаимности.

В Теплице было собрано несколько батальонов, немного артиллерии, уланский и гусарский полки, носившие имя императора Николая. В прекрасной долине, расположенной в окрестностях города, эти войска прошли парадным маршем, после чего в специально поставленной палатке была отслужена католическая месса. Фердинанда подсадили в седло с такими предосторожностями, словно речь шла о боязливой женщине. Он двинулся вперед шагом, больше не обращая внимания на государя России. После чего войска продефилировали перед ним, а обе императрицы в это время сидели в красивой коляске. Встав во главе полка, носившего его имя, Николай, как простой полковник, поприветствовал австрийского государя, одновременно приблизившись к коляске австрийской императрицы с тем, чтобы отдать ей рапорт о состоянии полка. Через несколько дней в двух лье от Теплица для Николая были устроены военные маневры, на которых Фердинанд не присутствовал. По их итогам у нас создалось впечатление об очень скромных способностях генералов и о слабой полевой выучке войск. Следившему вместе с нами за учениями эрцгерцогу Карлу, который был хорошим судьей, стало стыдно за этот скверный пример, который был продемонстрирован императору России.

В другой день гусарский полк ожидал своего августейшего шефа на равнине со стороны Кульма, где за 21 год до этого гвардейцы его брата императора Александра остановили победоносное продвижение Наполеона и заложили первый камень в будущие победы союзных армий Австрии, Пруссии и России. В своей красивой венгерской форме император сел на хорошую лошадь и в сопровождении трех гусарских генералов в блестящих мундирах, которые служили ему адъютантами, принял на себя командование этим полком, с радостью подчинявшегося его голосу. Он командовал по-немецки, четко, со знанием дела, что очень удивило всех присутствовавших, и что заставило гусар действовать стремительно и организованно, к чему они не были приучены. То же относилось к австрийским генералам и офицерам, бывшим на этом любопытном и поучительном для них действии. Императрица Александра прибыла со своими сестрами в открытом экипаже уже после того, как полк был построен в линии в ожидании прибытия австрийского императора. За это время Николай провел свою августейшую супругу перед фронтом, он представил ее солдатам своего полка, переговариваясь и шутя с рядовыми гусарами, что их очень обрадовало. Императрица Австрии и король Пруссии прибыли один за другой и после получасового ожидания было объявлено о прибытии Фердинанда, который, наконец, появился в коляске. Его окружение с трудом убедило его выйти из нее и пересесть на лошадь с тем, чтобы проехать перед полком и принять приветствия его командира императора. Наконец, он сделал это, даже не подумав взять на караул перед тем, кто так любезно исполнил роль австрийского полковника. Но когда гусары стали перестраиваться повзводно с тем, чтобы пройти перед ним, он исчез и никакие просьбы его свиты не смогли вернуть его назад. Таким образом, Николай прошел парадным маршем перед австрийской императрицей, рядом с которой находились король Пруссии и наша императрица. Этот отъезд Фердинанда, его непростительное колебание перед тем, как сесть в седло, и его уход в тот момент, когда его присутствие было наиболее необходимо, повергли в отчаяние всех этих блестящих австрийцев, которые страдали от его неспособности тем больше, что они были в восхищении от фигуры, манеры поведения и любезной вежливости императора Николая.

Покойный император Франц после побед 1813 года приказал соорудить памятник в честь победы, одержанной под Кульмом. Однако исполнение его воли откладывалось, и князь Меттерних подготовил прошение, которое должно было исполнить этот приказ, так как это был самый подходящий для этого момент. Полноразмерная модель памятника была поставлена именно там, где памятник должен был быть установлен, и где для него уже был готов фундамент. Все собранные в окрестностях войска были выстроены вокруг этого места. Там же собрались католические и лютеранские священнослужители и один греческий священник*. Из Петербурга прибыли дворцовые гренадеры, которые сражались

* Помета Николая I: «Это неправда»

и были ранены в битве при Кульме. Здесь же собралось движимое любопытством все население Теплица.

В назначенный час в парадных мундирах и костюмах сюда же прибыли три государя, императрицы, принцы и принцессы, для приема которых был выстроен специальный павильон. Прекрасная погода способствовала этому памятному торжеству в самом живописном и светлом месте, которое только можно было себе представить. Король Пруссии был единственным живым свидетелем прекрасного союза трех монархий, который спас Европу от невыносимого деспотизма Наполеона. Именно на это место 21 год назад он лично явился для того, чтобы посмотреть и приободрить наших храбрых солдат, которые в заметном меньшинстве боролись с врагом, воодушевленном достигнутыми успехами. Наша гвардия под командованием графа Остермана и генерала Ермолова покрыла себя славой ценой огромных людских потерь, но этим она выиграла время для других русских и австрийских войск, которые прибыли сюда и полностью уничтожили корпус генерала Вандама, попавшего в плен. Эти воспоминания живо взволновали короля, который видел себя представителем императоров Александра и Франца, и произвел большое впечатление на всех присутствовавших. По павшим в этот памятный день военнослужащим была отслужена заупокойная месса, их память почтили артиллерийскими залпами, произведенными с долгими паузами*. Наши пожилые дворцовые гренадеры, передав оружие в руки своих товарищей, плакали горючими слезами, все были очень взволнованы. После молитвы был заложен первый камень в памятник, который должен был передать будущим поколениям славу сражения под Кульмом, союз трех государей 1813 года и союз тех, кто в настоящий момент восстанавливал его между этими же тремя державами. Троекратный залп из мушкетов и артиллерийских орудий заполнил равнину и многократно повторился в окрестных горах и лесах.

В тот же день император пожелал отметить услуги, оказанные России и своему августейшему брату Александру. Он послал ленту Ордена Святого Андрея Первозванного графу Остерману и генералу Ермолову. И тот и другой уже давно были не у дел, и даже подумать не могли, что в уголке Богемии их государь вспомнил о них.

Во время нашего пребывания там князь Меттерних искал случая еще больше сблизиться со мной и всячески демонстрировал мне свое доверие. Он попросил у меня одного из моих служащих[184], с которым недавно познакомился. По его мнению, этот человек был вполне достоин возложенной мною на него миссии, как благодаря своему бойкому перу, так и манерой вести беседу. Примерно год назад я послал его в Германию с тем, чтобы брать на заметку журналистов, печатающих грубый вымысел о России и о ее государе, и вообще для того, чтобы при помощи хороших статей в различных печатных органах бороться против революционного

* Помета Николая I: «Это неверно. Была служба по католическому обряду после закладки первого камня будущего памятника»

духа, исходившего из журналистики. Эта последняя задача тронула сердце князя Меттерниха, он уверил меня, что у него нет никого, кому бы он смог ее доверить, и в этой связи он попросил меня послать моего человека в Вену, чтобы тот под руководством князя работал на пользу России и Австрии и вообще стремился распространять правильные мысли и подходы.

Я согласился тем охотнее, что опасался, как бы не подумали, что наше правительство, которое таким образом вмешалось в эти дела, было слишком высокомерно для того, чтобы налаживать связи с журналистами. Таким образом, мой служащий, который находился в Германии как простой путешественник, в этом же качестве обосновался в Вене. Одним из направлений, которым князь Меттерних занимался с особым рвением, была высшая полиция или секретная служба. С чувством гордости он рассказывал мне о ней, посвящая в малейшие детали ее организации и функционирования. Так как я нашел в его рассказах много полезного, а некоторые детали даже хотел позаимствовать, в той степени, в какой это позволяли различные обстоятельства, князь мне предложил направить к нему в Вену одного из моих жандармских офицеров, которому он обещал все показать и даже ввести в службу как одного из самых близких к нему представителей. Его целью было бы координировать наши польские расследования с теми, которые по тому же поводу вели австрияки. С удовольствием приняв это предложение, сразу же по возвращении в Петербург я направил в Вену подполковника Озерецковского. Там ему был оказан тот прием, который был обещан мне князем.

После восьмидневного пребывания императрица со своим августейшим супругом покинули Теплиц, я сопровождал их в императорской коляске. На ночь мы остановились в Терезиенштадте, богемской крепости, построенной в качестве центра обороны этого края. Городские здания, почти все принадлежавшие различным гарнизонным службам, были празднично иллюминированы. Командир инженерной части эрцгерцог Иоганн встретил императора и представил ему планы всей крепости и внешних укреплений. Ранним утром следующего дня гарнизон был побатальонно выстроен за пределами крепостных стен на очаровательной равнине, там он выполнил несколько упражнений по стрельбе. В то же время были открыты шлюзы с тем, чтобы наполнить водой крепостные рвы. Вслед за эрцгерцогом и в сопровождении генералов и офицеров император объехал укрепления, изучив их во всех подробностях. Он остался очень доволен замыслом и устройством сооружений, которые были воплощены как в строительстве укреплений, так и в многочисленных арсеналах, госпиталях, казармах, помещениях для штаба, коменданта и других служащих.

После легкого завтрака мы вновь отправились в путь и прибыли в Прагу в разгар прекрасного дня. Этот старинный и красивый город открылся перед нашими взорами с высоты холма и показался нам очень похожим на Москву. В центре его, у подножия холма, на котором возвышался старинный и просторный замок, изогнутой чертой протекала река, также как Москва-река течет

Меттерних

у подножия Кремля. Большое количество церквей, башен, старинные стены и сады придавали этому городу такое сходство с Москвой, которое поразило нас всех.

В карету императрицы, в которой также находился император, были запряжены лошади из дворцовой конюшни, я следовал непосредственно за ними, но мои лошади на секунду замешкались, и, поднимаясь на холм, я остался позади в тот момент, когда они въехали под своды замка. У подножия большой лестницы стояла огромная толпа народа, наверху я увидел императора Австрии со своей супругой, эрцгерцогов и весь двор, чуть ниже расположился князь Меттерних и наш посол. Глубоко встревоженный я выскочил из коляски и спросил, где император Николай. Меттерних задал мне тот же вопрос, оказалось, что их карета въехала через другие ворота. Весь австрийский двор поднялся по лестнице и принялся искать высоких гостей, которых они ждали. Ничуть не менее встревоженный, я смешался с толпой с тем, чтобы найти предназначенное мне помещение, расположенное неподалеку от императорской резиденции. Нашел я его в доме священника, расположенном между очень высокой стеной, полностью скрывавшей улицу, и развалинами старинного собора замка. Все это напомнило о том недостатке порядка, который царил при дворе в связи со слабостью государя.

Помимо всего прочего, здесь забыли приготовить помещение для приема императора России, которого ожидали на праздник в самый просторный замок Европы. Только за несколько часов до его приезда князь Меттерних, пожелав лично убедиться, что все готово, был в ужасе от столь не соответствующего положению дел упущению, в гневе явился к императрице и попросил ее срочно отдать требуемые распоряжения. Она со своим супругом поспешила занять другое помещение, а прежнее было передано в распоряжение высоких гостей, которым, если бы они приехали на пару часов раньше, негде было бы разместиться. Прибывшие вскоре один за другим принцы и принцессы, которые везде сопровождали нас еще от Лигница, все так или иначе испытали трудности и неприятности с размещением. Прусский король не приехал в Прагу, он находился в Силезии, где ожидал приезда наших государей.

Вечером весь город сверкал праздничной иллюминацией, утром несколько батальонов пражского гарнизона устроили учения и военный парад. Артиллерия показала свои искусство в стрельбе, император Фердинанд проехал перед торжественным строем пехоты, ничуть не показав вида, что сделал это в честь императора Николая, который по собственной инициативе со всей приветливостью, которую только можно себе представить, уступил ему ведущую роль. Это продолжалось вплоть до начала парада, во время которого австрийский император не смог скрыть свою слабую натуру. В связи со всеми этими обстоятельствами сюда съехалось множество людей, которые желали увидеть российского императора. Он в форме венгерского гусара вызывал всеобщее восхищение. Было устроено большое театральное представление, оба императора в сопровождении императриц зашли в одну ложу, но император Николай расположился в глубине таким образом, чтобы аплодисменты публики, которые были предназначены ему, получил император Фердинанд, ответивший на это довольно неловким движением головы. При дворе был дан большой бал, величественные залы дворца были украшены старинными картинами, которые только и остались от обширной и драгоценной обстановки замка до императора Иосифа II, который по непонятными причинам продал ее по бросовым ценам. Бал был очень многочисленным, здесь собрались все светские дамы Праги и пригородов, которые демонстрировали алмазы и другие богатства Богемии. Наша молодая великая княгиня Ольга, которой было всего 13 лет, тоже появилась там, сияя красотой и изяществом. Именно здесь в первый раз она появилась в свете. Это очень оживляло ее и придавало ее очаровательной фигуре еще больше элегантности. Ее сопровождала дочь эрцгерцога Карла, которая вскоре стала супругой Неаполитанского короля[185]. В ее лице и манерах было что-то соблазнительное и оживленное, и это прекрасно гармонировало с нашей очаровательной великой княгиней.

Наше пребывание в Праге продолжалось не более 4 дней, здесь мы расстались с принцами и принцессами и приготовились выехать в Силезию. Утром, когда экипажи были уже поданы, император подошел к Фердинанду и сказал ему:

«У меня есть просьба к Вам. Позвольте мне съездить в Вену с тем, чтобы засвидетельствовать мое уважение вдовствующей императрице, вдове друга моего брата Александра и моего друга». Это неожиданное обращение очень тронуло императора Фердинанда, в ответ он выразил свою радость и благодарность*. Государь попросил князя Меттерниха написать письмо к его жене, затем мы немедленно сели в коляску и направились по дороге в Вену.

Императрица в это время направилась в Фишбах, в замок принца Вильгельма, брата короля, ее августейшего отца. Никто не был посвящен в тайну поездки в Вену, только я знал об этом и накануне вечером направил фельдъегеря заказать от моего имени почтовых лошадей. На следующее утро в курс дела был поставлен наш посол, он передал мне ключ от своего кабинета в Вене с тем, чтобы устроить там Государя, который пожелал остановиться в посольском доме. Генерал князь Лихтенштейна, который был уже готов сесть в коляску, чтобы ехать с нами в Силезию, к своему большому удивлению узнал эту новость только в момент отъезда. Все были в восторге от этой любезной внимательности Государя. Благодаря большим чаевым, которые я давал почтальонам, и усердию князя Лихтенштейна, всеми силами пытавшегося стряхнуть обычное хладнокровие с владельцев почтовых станций, которые никогда не видели столь спешащих путешественников, мы двигались с нашей обычной быстротой. Государь ехал инкогнито, под видом моего адъютанта, и это нас очень развлекало в дороге. Я принимал серьезный вид и был несколько раз недоволен взрывами хохота и шумом, производимыми молодыми офицерами из моей свиты. Мы ужинали на почтовой станции у ее владельца, пригласили его с нами за стол и очень забавлялись его нелюбезным видом.

Нам потребовались лишь сутки для того, чтобы добраться до Вены. Для этой страны, где почтальоны, лошади и путешественники никогда не торопятся, скорость была небывалой.

* * *

На подъезде к Вене император взял в свою коляску князя Лихтенштейна, а я занял место в его экипаже вместе с его молодым адъютантом. Наша коляска двигалась впереди, и мы добрались до посольского дома, совершенно не привлекая внимания прохожих. Исключение составили несколько человек, которые знали меня в лицо и казались удивленными, увидев меня. Дверь посольства была закрыта, и я первым выскочил из коляски. Появился швейцар и, увидев русского генерала, за которым следовал еще один экипаж, принялся с таким усердием звонить в свой колокольчик, что служащие и сотрудники посольства сбежались из всех помещений, как по звуку набата. Один из слуг посла Татищева узнал меня и повел нас по парадной лестнице, так и не признав того, кто следовал за мной.

* Помета Николая I «Это неправда. Мы возвращались в коляске с артиллерийских стрельб, когда я спросил его, что от его имени передать в Вену, он ответил мне, как о чем-то само собой разумеющимся, что просит засвидетельствовать свое почтение императрице-матери, и только после того, как царствующая императрица выразила свое удивление, он понял, что произошло нечто, не совсем обыкновенное»

Я спросил у него, где кабинет посла, и когда я показал ему ключ, то он и его товарищи посмотрели на меня с удивлением. Потом император спросил у другого, русского по происхождению лакея, не приходилось ли ему видеть на улицах Петербурга его фигуру, этот вопрос произвел действие электрического удара. Я еле успел приказать закрыть ворота и никого не впускать, как вся улица перед посольством заполнилась народом. Императору был приготовлен экипаж и после часового приведения себя в порядок он поехал в Шенбрунн, где жила императрица-мать[186] Новость о прибытии русского монарха распространилась с быстротой молнии. Едва я успел спешно одеться, как получил записку от княгини Меттерних, в которой она умоляла меня приехать к ней, а мои комнаты наполнились сотрудниками посольства, посыльными коменданта и всех властей столицы, которые хотели убедиться в правдивости столь неожиданного и любезного визита. На улицах царило оживление, люди встречались, поздравляли друг друга, Вена была полна слухов. Австрийский посол в Англии князь Эстергази два дня назад видел императора в Праге и был уверен в его отъезде в Силезию, он прибыл в Вену через три часа после нас и был поражен оживлением, царившем на улицах и в собственном его доме. Он не мог поверить данным ему по этому поводу объяснениям и без промедления приехал ко мне с тем, чтобы самому убедиться в их правдивости. Мы оба посмеялись над его удивлением. Княгиня Меттерних бросилась мне на шею и была сама не своя от радости, когда я сообщил ей о том, что во второй половине дня после визита к императрице-матери Император прямиком приедет к ней с тем, чтобы вручить письмо от мужа. То любезное внимание, которое император оказал вдове и памяти Франца I, драгоценная память о котором была жива среди венцев, расположила к нему все слои населения, от членов императорской фамилии до представителей низших классов. Светские дамы толпились на лестнице и в вестибюле посольства с тем, чтобы мельком увидеть проходящего Николая. На улицах люди бежали за его коляской, и с энтузиазмом приветствовали сотрудников посольства. Ранним утром следующего дня император вышел во фраке с князем Лихтенштейна*, чтобы осмотреть город. Он зашел в несколько лавок и накупил подарков своей супруге, вернувшись, он нанял фиакр, в котором вместе с князем Лихтенштейном, поехал в монастырь, где был похоронен император Франц. Один из монахов открыл склеп и стал свидетелем того уважения и волнения, с которыми Николай приблизился к гробнице с останками этого великого государя. Это посещение захоронения еще увеличило восторги жителей Вены, нанятый им фиакр стал предметом всеобщего любопытства, с этих пор его стали изображать на гравюрах, заполнивших все лавки.

Испытав счастье принимать у себя Государя, княгиня Меттерних умоляла меня устроить повторный визит вечером. Император пожелал, чтобы я сопровождал его, может быть, из опасения потерять голову в обществе привлекательной женщины, которая самым очаровательным образом предавалась своей радости. Со

---

* Помета на полях Николая I: «Нет, один»

Вдовствующая австрийская императрица Каролина Августа

своей стороны, также не доверяя себе при беседе с красивейшим мужчиной Европы, она пригласила двух своих родственниц*. Таким образом, нас было четверо. Я тогда уже лег спать, чтобы немного отдохнуть, но пришлось вставать, приводить себя в порядок и отправиться на эту встречу, которая прошла очень любезно с обеих сторон, но несколько напряженно.

Сразу по приезде был отправлен курьер к Венгерскому палатину, который на следующий день приехал представиться своему августейшему шурину, которого он только раз видел в двухлетнем возрасте в Петербурге во время свадьбы с великой княгиней Александрой**.

Многие высокопоставленные чиновники стремились быть представленными императору России, войска также хотели показаться ему, но у меня был приказ ответить на все эти предложения, что император приехал в Вену только для того, чтобы приветствовать императрицу-мать, что он не может принять никого и уедет на следующий день. Между теми, он устроил прием для сотрудников посольства и других русских, живших в Вене. Государь был с визитом у княгини Лихтенштейн-матери и у графини Чернышевой, супруги нашего военного министра,

* В рукописи зачеркнуто «одна была замужем за богемским дворянином»

** Помета Николая I: «И мельком в Гейдельберге в штаб-квартире императора Александра в 1815 г».

от которой он направил курьера сообщить ее мужу и всей России о своем пребывании в столице Австрии.

После обеда мы отправились в путь, обратно в Прагу. Хозяева почтовых станций и почтальоны, на этот раз знавшие, кого они обслуживают, принимали нас тем радушнее, что осознали, в какое заблуждение с нашей помощью они впали. Повсюду мы встречали радостные и приветливые лица.

На следующий день после обеда мы прибыли в Прагу, и остановились во дворе, где молодой государь и его супруга не могли найти подходящих слов для того, чтобы выразить императору свою признательность за только что предпринятую им поездку. Она в очень высокой степени польстила чувствам и самолюбию австрийцев. Император привез князю Меттерниху письмо от его жены, а я отправился к себе с тем, чтобы подготовить все для отъезда вечером этого же дня и что-нибудь перекусить.

Наш посол Татищев явился ко мне с тем, чтобы выслушать рассказ о нашем пребывании в Вене и сообщить мне о той радости, которую оно вызвало при австрийском дворе. Через несколько минут пришел князь Меттерних, очень тронутый приемом, оказанным ему императором, и, особенно, тем, что за последние сутки тот трижды соблаговолил навестить его супругу. Он прочел мне исполненное восторга письмо своей жены, а также письмо от эрцгерцога Людвига, написанное в том же духе. Князь оставил мне на память отчет генерал-губернатора Оттенфельса, в котором говорилось:

— Князь! Со времени моего последнего донесения, которое я имел честь направить Вашему сиятельству 7 октября, мы стали свидетелями события столь необычайного и неожиданного, что, только увидев все собственными глазами, мы поверили в его правдивость. Когда вчера в два часа пополудни меня известили, что в Вену прибыл российский император и что он остановился в своем посольском доме, я посчитал человека, принесшего мне эту новость, ненормальным. Но к величайшему изумлению, почти повсеместное недоверие вскоре уступило место чувству восхищения и умиления, при виде того, как этот августейший государь направился в Шенбрунн с тем, чтобы выразить Ее Величеству императрице-матери свое глубокое уважение. Не возьмусь передать Вашему сиятельству все подробности кратковременного пребывания императора Николая в нашей столице. Вы найдете их в приложенном письме княгини, которая имела честь несколько раз принимать у себя этого государя. Но о чем я не могу умолчать, так это о том чрезвычайно благоприятном впечатлении на общественное мнение, которое явилось результатом благородного решения, исполненного Его Величеством, и того, как именно он его претворил в жизнь. Это событие гораздо более красноречиво и самым благоприятным образом утверждает самый тесный союз, существующий между двумя августейшими фамилиями, чем это смогли бы сделать дипломатические акты. Я не могу доложить Вашему сиятельству ни о каком другом хоть сколько-нибудь интересном событии, ни направить какой-либо другой отчет о наших иностранных делах. Примите и прочее.

Затем князь Меттерних прочитал мне все новости, которые он получил за последнее время, а также приказы и инструкции, которые он направил со своей стороны, наконец, он с такой прямотой и горячностью говорил со мной о делах австрийского правительства, что они сделали бы честь даже графу Нессельроде, если бы он рассказывал мне для передачи государю о положении петербургского кабинета.

В полночь мы простились с австрийским двором, сели в коляску и уехали из Праги. Без остановок мы направились через Траутенау в Фишбах, куда прибыли во второй половине дня. Мы остановились в красивом готическом замке принца Вильгельма, где уже находился прусский король и члены его семьи. Сюда же были приглашены окрестные владельцы, так что за обедом собралось многочисленное общество. По этому случаю столы были поставлены в изящной галерее, примыкавшей к замку и специально для этого построенной в саду. Здесь император простился со своей супругой, поехавшей прямо в Царское Село. Оба они простились с прусским королем, преклонный возраст которого внушал опасения, что это могло быть их последнее прощание.

* * *

В ночь с 1 на 2 октября мы направились в Царство Польское, а императрица с великой княгиней Ольгой должны были покинуть Фишбах утром 2 октября. Ночью через двое суток мы прибыли в Калиш, где ненадолго остановились в том самом дворце, который за несколько недель до этого был столь наполнен посетителями. Теперь же мы нашли в нем лишь несколько слуг и дворцовых поваров, которые были столь любезны, что приготовили нам великолепный ужин. После скверной прусской и австрийской кухни, эта пища несколько утолила мой аппетит. В замке Лович нас встретил маршал Паскевич, мы пообедали с ним и провели там ночь. Вечером следующего дня, 4 октября, мы прибыли в Варшаву. Остановились в Лазенском дворце, который был иллюминирован так же, как это было на балах в 1830 году в еще верной нам Польше. Маршал попросил разрешения на следующий день представить депутацию городских властей, которые приготовили речь, исполненную уважения и преданности. Император согласился ее принять, но указал, что это не делегация будет обращаться к нему, а, напротив, он будет говорить с ней. Рано утром следующего дня делегация была введена в зал, а я позаботился о том, чтобы в нем не было никого, кроме князя Паскевича и военного губернатора Варшавы генерала Панкратьева. Появился император и произнес столь сильную и ясную речь, что уже один вид членов делегации говорил о том впечатлении, которое произвели на них слова их Государя. Я сразу же попросил генерала Панкратьева вернуться к себе и положить на бумагу слова императора, которые, как я полагал, будут иметь огромный отклик во всех газетах Европы. Тем самым я хотел получить возможность дословно воспроизвести речь императора с тем, чтобы парировать всю ложь и преувеличения, которые она должна будет неизбежно вызвать. Вот эта речь:

«Вы хотели меня видеть, и вот вы здесь. Вы хотели обратиться ко мне с речью, но для того, чтобы избавить вас ото лжи, этого не желаю я. Да, господа, именно для того, чтобы избавить вас ото лжи. Потому, что я знаю, что ваши чувства отличаются от того, в чем вы хотели бы меня уверить, и что большинство из вас, будучи поставлена в иные обстоятельства, были бы готовы продолжать то, что вы делали во время революции. Не вы ли сами 5 лет назад, 8 лет назад говорили мне о верности, о преданности, не вы ли давали мне самые прекрасные заверения о верноподданности? А через несколько дней вы нарушили свои клятвы и совершили величайшие злодейства? Императору Александру, который сделал для вас больше, чем следовало бы делать императору России, — я так говорю, потому что так думаю, — который осыпал вас благодеяниями, который заботился о вас больше, чем о своих собственных подданных, и сделал вас самой счастливой и процветающей нацией, императору Александру вы ответили самой черной неблагодарностью. Вы никогда не удовлетворялись самым благоприятным положением вещей и закончили тем, что собственными руками разрушили свое счастье, отвергнув и растоптав ваши государственные институции. Я говорю вам здесь правду для того, чтобы раз и навсегда уяснить наше взаимное положение и чтобы вы хорошо знали, какого поведения следует держаться. Нужны действия, а не слова. Нужно, чтобы раскаяние шло отсюда (показывает на сердце). Вы видите, что я говорю с вами, не горячась, что я спокоен, что я не злопамятен, так как уже долгое время прощаю выпады против себя и своей семьи. Мое единственное стремление — делать вам добро даже вопреки вам самим, в чем я поклялся именем господа нашего. Я не нарушу свою клятву. Присутствующий здесь маршал исполняет мои повеления, содействует исполнению моих намерений и также заботится о вашем благосостоянии (при этих словах все члены делегации поклонились маршалу). Итак, господа, о чем свидетельствуют эти поклоны? Прежде всего, кроме всего прочего нужно исполнять свои обязанности и вести себя, как подобает честным людям. Вы, господа, должны сделать выбор между двумя путями: или упорствовать в своих иллюзиях о независимой Польше, или жить спокойно в качестве верных подданных под моим правлением. Если вы будете настаивать на сохранении вашей утопической мечты об отдельной национальности, о независимой Польше и обо всех этих химерах, то вы только накликаете на себя большие несчастья. Я приказал построить здесь крепость в честь Александра, и я вам заявляю, что при малейшем возмущении я прикажу бомбардировать город, я разрушу Варшаву и, конечно же, не я стану ее восстанавливать. Мне тяжело говорить это вам, как тяжело государю обращаться так со своими подданными, но я делаю это ради вашего собственного блага. От вас, господа, зависит, будет ли заслужено забвение прошедшего. Вы сможете добиться этого только вашим поведением, вашей преданностью правительству. В мире не создано еще полиции, которая смогла бы воспрепятствовать тайным сношениям с иностранными государствами, но вы сами должны заменить полицию с тем, чтобы избежать несчастий. Только правильное воспитание детей в духе принципов религиозности и преданности

Дворец наместника в Варшаве

своему государю поможет вам двигаться в верном направлении. Среди всех смут, сотрясающих Европу, среди всех учений, колеблющих общественный порядок, вы имеете счастье пребывать в спокойствии, находясь под управлением России, которая остается сильной, неколебимой и заботящейся о вас. Поверьте мне, господа, это истинное счастье принадлежать России и пользоваться ее защитой.

Если вы будете вести себя хорошо и исполнять все свои обязанности, то я стану заботиться обо всех вас. Несмотря на все произошедшее, мое правительство будет всегда думать о вашем благосостоянии и о вашем счастье. Хорошо запомните все то, что я вам сказал».

Эта речь произвела огромное впечатление на поляков, которые нашли ее суровой, но правдивой. Они надеялись, что она станет предвестником окончания полностью заслуженной ими опалы. Но наши недруги за рубежом, либералы всех стран расценили ее, как доказательство враждебного настроя поляков против их императора, и особенно как свидетельство его собственного гнева и мстительности к польской нации. Разумные и непредубежденные люди увидели в ней только выражение благородной искренности и силы характера императора, который, не прибегая к обычным формулам милости и обещаний, предпочел заменить их словами правды и наставлений родителя к своим подданным.

После этого император и князь Паскевич сели в открытую коляску и направились по варшавским улицам в Александровскую крепость[187], строительство которой было уже почти полностью и замечательным образом окончено. Он самым внимательным образом осмотрел ее и там же принял парад войск варшавского гарнизона. Сторона крепостных укреплений, обращенная к городу, уже была оснащена артиллерийскими орудиями, грозно глядевшими на Варшаву, и являвшихся подтверждением слов императора о том наказании, которое постигло бы жителей города в случае их неподчинения могуществу своего суверена. Многие были удивлены той скоростью, с которой были возведены эти укрепления, и восторгались внимательным их изучением, а также тем, с каким тщанием были завершены все работы. В центре укреплений и казарм, рассчитанных более чем на 5 тыс. человек, возвышался памятник императору Александру, решение о строительстве которого было принято национальным представительством в 1830 году, за несколько месяцев до того, как этим же собранием было провозглашено свержение с престола наследника этого благородного восстановителя Польши. После осмотра строительства православного собора в Варшаве, а также нескольких школ и больниц, император переехал по мосту на другой берег Вислы с тем, чтобы увидеть предмостные укрепления, расположенные напротив крепости на правом берегу реки.

Везде, где он проезжал, народ узнавал его с радостью, бежал за его коляской, удивленный доверием, с которым он один появлялся в толпе людей.

До окончания этого дня мы приехали в Новогеоргиевск, где и заночевали. Раним утром следующего дня император принял парад расквартированного там батальона, затем пешком, верхом и в экипаже осмотрел со всех сторон эту огромную крепость, сооружение которой также продвинулось вперед с быстротой и тщательностью выше всяких ожиданий: периметр укреплений был почти замкнут. Церковь уже стояла под крышей, двухъярусная оборонительная казарма, возвышавшаяся по берегу реки и с этой стороны защищавшая оба фланга Новогеоргиевска, была почти окончена. С высоты одного из укреплений крепости мы присутствовали на испытаниях новых ракетных снарядов, которые, пролетая низко над землей, менее чем в полчаса разрушили широкие апроши с осадными орудиями. Вернувшись к себе и пообедав, мы направились в Брест-Литовск, который также становился первоклассной крепостью. Там был расположен 2 корпус генерала Крейца, который прошел парадом перед императором, к своему большому удовольствию убедившемуся в его отличном состоянии. После большего парада на следующий день, состоялись маневры, а затем военные учения кавалерийской дивизии, которую император осмотрел во всех подробностях. Потратив на это три дня, и отдав новые распоряжения по возведению крепостных укреплений, мы направились в Киев. Я заранее отправил туда приказ о том, чтобы власти города не ожидали императора после 9 часов вечера. Поэтому, приехав в Киев около полуночи, мы увидели, что иллюминация в городе потухает, что площадь перед Печерской лаврой безлюдна, а храмы закрыты. Эта религиозная обитель, колыбель

русского православия, которую мы всегда видели заполненную людьми, находилась в сонном молчании. Я нашел монаха, который принес ключ, отпер часовню монастыря и со скрипом открыл древние двери. Пока он зажигал несколько свечей, только одна лампада, теплившаяся перед иконами, освещала нам путь. Император запретил извещать братию и архиепископа о своем присутствии, в одиночестве он погрузился в молитву о членах своей семьи и о своем верном народе. Более четверти часа он находился в самом глубоком сосредоточении. Мы были только втроем в этом высокопочитаемом месте, где на протяжении многих веков столько поколений обращали свою благодарность всевышнему, я не помню, чтобы где-то молился с таким умилением. Я с огорчением покинул это место, которому ночь и тишина придали больше торжественности, чем торжественная служба и стечение верующих. Садясь в коляску, мы оба находились под глубоким впечатлением пережитого.

Император остановился у генерал-губернатора графа Гурьева, который был моим товарищем по пансиону, и долгое время мы вместе путешествовали. Утром мы осмотрели общественные заведения города, больницы, недавно созданный университет Св. Владимира, в который уже начала стекаться молодежь из западных провинций, на сознание которых оказали влияние их предки и события бунта в духе враждебности к России и к ее государю. Со времени нашего последнего посещения сооружение укреплений вокруг Киева заметно продвинулось вперед со всех сторон. Красивая и вместительная оборонительная казарма, уже стоявшая под крышей, первой привлекла внимание императора своим фундаментом из камня столь красивого, как гранит, он даже напоминал лабрадор. Считалось, что в этих местах нет залежей камня, но император приказал искать тщательнее и даже указал место, где он предполагал его наличие. И действительно, там нашли камень в довольно большом количестве.

Обильно выпавший снег затруднял наше передвижение с обычной для императора быстротой пешком по безлюдным местам с тем, чтобы осмотреть все, касавшееся инженерных работ. Из-за плохой погоды очень неприятным был смотр нескольких батальонов и 3 эскадронов жандармерии моего полка, который мы вынуждены были провести на плацу: по дороге домой мы дрожали от холода. В ожидании нашего возвращения в помещениях занимаемого нами дома были собраны студенты университета и ученики школ, император пожелал всех их видеть для того, чтобы по-отечески посоветовать им хорошо себя вести, старательно учиться, особенно по русскому языку, который из-за глупого польского патриотизма был почти выведен из употребления в шляхетских семьях.

Среди толпы этих молодых людей появился и зашел в кабинет императора посол Великобритании лорд Дергэм, который, направляясь в Петербург, проехал через Константинополь и Одессу с тем, чтобы лично убедиться в наших отношениях с Оттоманской Портой и осмотреть наши приготовления в Черном море, в которых английское правительство изо всех сил старалось найти нечто, направленное против Турции. Дергэм, напротив, убедился в благожелательности наших

дипломатических отношений с Султаном, который попросил лорда во время данной ему аудиенции приветствовать от его имени своего благородного союзника и защитника императора Николая. Что до наших вооружений на Черном море, которые столь устрашали Сент-Джеймский кабинет, то император предложил лорду Дергэму направить в наши крымские порты английского военно-морского офицера, входившего в его свиту, а двух других приехавших с ним офицеров пригласил принять участие военных парадах, которые еще предстояли императору в ходе его поездки. Оба предложения были поспешно приняты Дергэмом, который был поражен тем, что уже увидел в России, в особенности, превосходством наших высших чиновников на местах по сравнению с теми, кому его правительство доверяло управление внутри стране и в колониях. Все, что он видел, благоприятным для нас образом противоречило бытовавшим в Англии взглядам о нашей администрации. В тех местах, где он ожидал увидеть произвол и нищету, его встречали порядок, безопасность и процветание, и он продолжил путь в нашу столицу, исполненный восхищения благородным характером императора и огромными ресурсами его обширных владений.

После прекрасного обеда, данного нам генералом Гурьевым, мы направились к графине Браницкой в Белую Церковь в 80 км от Киева, где собирались заночевать. Там я встретил моего старинного друга графа Михаила Воронцова и наследника его фамилии, с которыми я был теснейшим образом связан с самого начала моей карьеры.

В районе Белой Церкви был расквартирован 4 армейский корпус генерала Кайсарова, а также 1600 солдат, уже отслуживших 20 лет в кавалерии, пехоте или артиллерии, которые жили в бессрочных отпусках в соседних губерниях, наслаждаясь отдыхом в течение 5 последних лет своей воинской службы. Это нововведение целиком принадлежало императору, который активно его поддерживал, несмотря на сильное противодействие многих лиц, включая и меня. Я видел в нем только возможную опасность для армии, которая теряла лучших и самых опытных своих воинов, поседевших на воинской службе и исполненных дисциплиной, и для государства, в котором появлялась новая категория жителей, полностью находившихся на его содержании, которые могли в смутные времена стать важной принудительной силой против слабого или неудачливого правительства. Император, напротив, видел в них резерв для укомплектования армии на случай войны опытными военнослужащими, а в мирное время они давали бы надежных и образованных служащих как частным лицам, так и для использования во внутренних делах, таких, например, как надзиратели или сторожа в больницах, лавках и других общественных местах. Кроме того, он считал нужным принять во внимание, что эти солдаты, утомленные 20-летней службой, должны были получить возможность вернуться в родные места и служить в составе городских ополчений в случае беспорядков или бунтов. Эти люди не получали ни жалованья, ни пайков, они только сохранили мундиры и шинели, которые им должны были заменить на новые в случае призыва их вновь на активную военную службу.

Ф.В. Остен-Сакен

В бессрочные отпуска могли быть отпущены только солдаты безукоризненного поведения. В этот раз в Белой Церкви впервые была призвана часть этих отпускников, общее число которых в империи достигло примерно 60 тыс. солдат. Из 1600 человек не прибыли только трое по неизвестным мне причинам. Все солдаты имели бодрый вид и явились по первому зову. В это же время для командования этими солдатами были призваны офицеры, находившиеся в годовых отпусках в соседних губерниях. Из получивших оружие и всю прочую необходимую амуницию солдат было сформировано 2 батальона, 3 эскадрона и одна артиллерийская полурота. Лошади были предоставлены строевыми полками и эти войска появились во всем блеске и в строгом порядке, какие только можно было требовать от солдат, только что явившихся из мест расположения. Они с видимой радостью приветствовали императора, который был весьма доволен зримыми плодами осуществления одной из самых своих любимых затей, направленной на повышение благосостояния старослужащих солдат и, одновременно, подразумевавшую увеличение численности его армии. Весьма довольный император щедро наградил этих солдат и распустил всех по домам.

Корпус Кайсарова показал себя менее удовлетворительно, чем корпус Ридигера в Калише и Крейца в Брест-Литовске. Император лишь частично одобрил его состояние и рекомендовал маршалу Паскевичу обратить особое внимание на

эти войска, которые уже скоро должны были поступить под его командование непосредственно в Царстве Польском, придя на замену корпусу Ридигера, возвращавшемуся во внутренние губернии.

Графине Браницкой пришлось принимать у себя большое количество генералов, не считая свиты императора, которая еще увеличилась за счет прусского генерала Цитена. Ей с трудом удалось обеспечить всех жилищем и питанием, причем она настояла, чтобы все расходы по последнему были отнесены на ее счет, без всякого участия дворцовой кухни. Четыре дня мы провели в ее летней резиденции Александрии в нескольких верстах от Белой Церкви. Оттуда император направился в Новую Прагу, штаб квартиру кирасирского полка, носившего имя принца Альберта Прусского, который еще не вернулся из лагеря под Калишем. Здесь командир всех кавалерийских поселений граф Витт показал нам школы, госпитали и общественные места в расположении этого полка, а также табун лошадей, стадо быков для пахоты и все сельскохозяйственные орудия. Все это было в полном порядке и в таком изобилии, которое удивило прусского генерала и английских офицеров. Солдатские дети в составе пехотного эскадрона исполняли упражнения с такой точностью и быстротой, которая не оставляла желать ничего лучшего. Затем знаменосцы кирасирской и уланской дивизий, собранных в этих местах, верхом продефилировали перед императором.

После этого мы продолжили наш путь через Полтаву и Харьков в Чугуев, повсюду перед императором собиралась толпа людей, которые приветствовали его искренними криками радости. В обоих этих губернских городах мы, как обычно, осмотрели все общественные заведения, в особенности благотворительные. В Харькове особое внимание императора, всегда столь заботящегося обо всем, что касалось воспитания молодежи, привлек университет и пансион благородных девиц.

В Чугуеве в штаб квартире 1-го корпуса поселенной кавалерии под командованием генерала Никитина, были собраны дивизия кирасир, дивизия улан и эскадроны резерва той роты регулярного кавалерийского полка, которая была сформирована из солдат с выслугой от 15 до 20 лет, набранных из соответствующих полков и сохранивших форму одежды вплоть до масти лошадей именно этих полков. Построенные в три линии для парада эти войска выглядели очень элегантно. Их выучка и снаряжение, как нам показалось, стали еще красивее со времени, когда мы видели их в последний раз. Император был полностью доволен ими, также как и выучкой солдатских детей и всеми хозяйственными заведениями в этом поселении. Император высказал свое августейшее удовлетворение графу Витту, всем генералам, офицерам и солдатам и сожалел о том, что не может провести больше времени со столь хорошо выученными и прекрасными войсками. Но осенняя непогода усиливалась, а мы были еще далеки от окончания нашей поездки.

После двухдневного пребывания мы направились в Курск, куда прибыли 21 октября, здесь нас ожидала драгунская дивизия. В этой губернии уже несколько лет было плохо с управлением. Последний губернатор богач Демидов тратил,

сколько мог из своих средств на нужды управления, но он не имел способностей заставить себе подчиняться и прекратить произвол и злоупотребления. Преемником его был господин Муравьев, человек деятельный и суровый, но его ненавидели за жестокое обращение и поспешность, с которой он пытался восстановить порядок. Дела в губернии пошли лучше, но нигде не были довольны его управлением. По его представлениям были уволены многие чиновники, и в Курске, как ни в одной другой из посещенных нами губерний, меня засыпали просьбами на имя императора и частными жалобами. Они сократили и без того малое время, имевшееся для отдыха.

Из Курска мы поехали в Орел, где нас ожидала 2-я дивизия драгунского корпуса. Здесь уже выпал снег и стояли морозы. Однажды, когда я галопом следовал за государем, объезжавшем выстроившиеся на параде войска, моя лошадь поскользнулась и упала со всего размаха. Не успел я толком подняться, как попал под копыта всадников из свиты, которые на полном скаку следовали за мной. Я чувствовал себя настолько разбитым, что принужден был сесть в коляску и вернуться на квартиру. К счастью, дело обошлось несколькими шишками и синяками на ногах. На следующий день после смотра войск в ужасную погоду мы пустились в путь и к следующей ночи по отвратительной дороге прибыли в Тулу*.

За три года до этого город почти полностью выгорел, правительство оказало ему помощь в виде значительных денежных сумм и различных льгот. Во многом он уже поднялся из пепла, много домов было отстроено, на полную мощность работа фабрика по производству ружей, но печальные следы пожарищ можно было видеть почти на всех улицах. Император объехал город по всем направлениям, отдал приказания по его дальнейшему благоустройству и установил новые формы помощи с целью полного восстановления. Народ везде сопровождал императора с любовью и любопытством, благословляя своего царственного благодетеля.

По мере приближения окончания нашего путешествия император со все возраставшим нетерпением желал увидеться с императрицей. Посчитав, что мы движемся недостаточно быстро, он приказал мне приготовить ему небольшие почтовые сани. Я следовал за ним на других точно таких же, и они составляли весь дорожный экипаж государя всероссийского. Восторженные крики толпы, собравшейся перед императором, испугали лошадей и внезапно они понесли. В этом месте на улице был довольно крутой спуск, и меня бросило в дрожь от надвигавшейся опасности, и меня бросило в дрожь от надвигавшейся опасности. Но император встал в санях во весь рост, перехватил вожжи и вскоре, благодаря своей физической силе, ему удалось сдержать безумный бег почтовых лошадей. От испуга и восхищения люди словно приросли к месту, восторженные крики возобновились

* Помета Николая I: «Во время смотра так разыгралась метель, что два заблудившихся волка оказались между рядами строя»

и издали сопровождали быструю езду их государя. Проехав несколько станций, мы нашли высланные из Москвы нам навстречу императорские сани. Государь не хотел в них пересаживаться, но из хорошего отношения ко мне, видя, как я устал, он все же согласился.

Мы продолжили наш путь с большим комфортом и по прекрасному первому снегу проехали всю дорогу от Тулы до Москвы в 140 верст за 7 часов. Утром к нашему пробуждению императорский штандарт, развевавшийся над дворцом, возвестил столице о прибытии государя. Вскоре площадь уже была полна народом, и император, как всегда пешком, прошел к собору, сопровождаемый криками радости и любви. Во время нашего трехдневного пребывания в Москве император нашел время посетить все важнейшие общественные заведения и принять участие в парадах, безо всякого ущерба государственным делам. Каждый день из Петербурга прибывали курьеры, которых обычно отправляли обратно в тот же день, в крайнем случае, на следующий. Император никогда не ложился спать, не закончив со всеми бумагами, и его рабочий стол во время поездок был так же чист, как это обычно бывало, когда он находился в Петербурге. Никогда и ничто не могло заставить его не исполнить эту взятую им на себя святую обязанность в тот же день рассмотреть дела, присланные на его решение, или прочитать бумаги.

Для переезда из Москвы в Царское Село нам хватило 38 часов, несмотря на то, что дорога еще не устоялась, и два раза нам пришлось пересаживаться из саней в коляску. Императрица и члены императорской семьи оставались там еще больше недели, прежде чем возвратиться в Петербург.

* * *

Принц Ольденбургский, сын великой княгини Екатерины, несколько лет назад обосновался в Петербурге и, несмотря на свою крайнюю молодость, с упорством и при больших способностях посвятил себя государственным делам. Он страстно любил Россию, не упускал случая быть ей полезным и доказать, что он достоин принадлежать к семье, которая ей управляет. Став членом Сената и тщательно изучив все законы и юридические механизмы империи, он почувствовал потребность создать в государстве учебное заведение для молодых людей, где их готовили бы для исполнения важнейшей юридической функции. С этой целью на свои средства, не считаясь с расходами, он основал школу, и посвятил всего себя выбору учителей и инспекторов, которые должны были ею руководить и вести там занятия. Для этого он приобрел обширный дом на Фонтанке напротив Летнего сада. В декабре месяце в присутствии императора, великих князей и всех высших руководителей империи это новое заведение, насчитывающее уже больше сотни учеников, было торжественно открыто[188]. С этих пор принц Ольденбургский продолжал относиться к нему с отеческой заботой.

Принц П.Г. Ольденбургский

1836

Польские эмигранты постоянно продолжали свою гнусную деятельность с тем большими ухищрениями и энергией, что их предосудительное поведение за границей последовательно лишало их того интереса и симпатий, которые их борьба в столь большой степени привлекала к ним во время и в конце революционных событий. Краков стал центром их опасных надежд и отправной точкой их преступных планов против России, Австрии и Пруссии.

Один поляк, которого я использовал, выполнял мое задание по наблюдению за одним тайным обществом, он, с моего ведома, стал активным его членом. Этот человек вызвал подозрение своих товарищей и был убит под Краковом. Начались открытые враждебные демонстрации против трех правительств-покровителей маленькой и смешной Краковской республики, они спровоцировали возмутительные случаи, не замедлившие зародить в Царстве Польском и на соседних территориях надежды на новое вооруженное сопротивление. Правительства Петербурга, Вены и Берлина решили совместными усилиями положить конец этим беспорядкам. В назначенный день русские, австрийские и прусские отряды вошли на территорию республики и под командованием одного австрийского генерала заняли Краков. Несколько зачинщиков возмущения были арестованы, другим

удалось скрыться, добраться до Парижа и Лондона и начать там крикливую компанию против этого нарушения человеческих прав и против покушения трех союзных правительств на положения Венских договоров и установлений. Между тем, три кабинета были в своем праве, даже сами статьи договора давали им возможность вмешаться с целью восстановления порядка в Кракове, если местные средства и меры оказывались недостаточными или не достигали цели. По этому поводу в Париже и в Лондоне было много криков, газеты были полны ругательств по поводу того, что они называли тиранией деспотических правительств. Произошел обмен несколькими нотами, на том дело и кончилось. После нескольких дней пребывания войска были выведены с территории республики, оставив там для поддержания должного порядка австрийский отряд, который, возможно, оттуда уже не уйдет. Создание Краковской республики было несчастливым и непродуманным решением Венского конгресса, оно словно нарочно сохраняло очаг национализма или, вернее сказать, центр сопротивления и беспорядков в сердце польских владений трех держав, разделивших Польшу. Все вышеизложенное вместе с конституцией и образованием Царства Польского заставляет видеть в этом планы врагов России. Хотя, между тем, и нам остается только сожалеть об этом, рождение и существование республики было обязано тогда исключительно могущественной воле императора Александра. Это стремление к либерализму у самодержавного государя, вопреки мнению ближайших советников и интересам государства, будет величайшей загадкой нашего столетия.

С наступлением зимы петербургское общество было увлечено балами и прочими удовольствиями, наступила последняя неделя карнавала, по обычаю на площади перед Зимним дворцом были сооружены временные постройки. В воскресенье 2 февраля в час пополудни все маленькие театры наполнились людьми. В самом просторном из них господин Леман представлял комические пантомимы, имевшие большой успех, в зале помещалось более 500 человек, и этот импровизированный театр был всегда полон. Однажды, когда пришло время садиться за стол, из моих окон были замечены клубы густого дыма со стороны площади, на которую народные гуляния привлекли много прохожих и карет. Я поспешил туда и увидел перед театром Лемана уже находившегося там пешего императора. Его лицо отражало сильные переживания и, переведя взгляд на охваченный огнем театр, я с ужасом понял его причину — часть постройки была только что обрушена ударами топоров и взгляду предстала масса искалеченных и наполовину сгоревших тел, в беспорядке лежащих друг на друге. Это зрелище, которого я никак не ожидал, заставило меня содрогнуться. Люди лезли сквозь огонь с тем, чтобы спасти тех из этих несчастных, кто еще дышал. Их положили на снег, пока не появились сани, чтобы отвезти их в помещения рядом расположенного Адмиралтейства, сразу же им была оказана вся возможная помощь. Крики этих несчастных, причитания тех, кому посчастливилось спастись из огня в начале пожара, ужас толпы, окружавшей это страшное место, все это составило картину такого горя, которую невозможно описать. Император находился совсем рядом

с постройкой, рискуя быть заваленным падающими со всех сторон балками и досками, и отдавал приказания с заботливостью отца, который спасает своих детей. Его поведение и его скорбь были столь искренни, что тронули всех находившихся на площади в полном молчании. Он пошел ускорить прибытие помощи тем, кто еще был жив, и утешить тех, кто плакал рядом с ним. Матери искали своих детей, которых потеряли в страхе или в беспорядке, муж звал свою жену, а полиция трудилась с таким усердием и мужеством, которые, казалось, превосходили человеческие возможности. Из огня пожара было вытащено более ста трупов, остальные сгорели в пламени, 46 человек, более или менее пострадавших, было спасено. Вскоре, несмотря на свою значительную величину, все помещение было разрушено, от него осталась лишь куча пылающих углей, которая впоследствии образовала на снегу черное пятно. Еще долго для многих семей оно служило напоминало об этом страшном несчастии.

Охвативший театр пожар начался за кулисами, а пропитанные красками шторы способствовали его быстрому распространению. Занавес был опущен, но когда Леманн понял, что огонь не удастся потушить, он приказал поднять его и крикнул в зал, чтобы люди спасались. Сначала все подумали, что таким образом началось представление, но уже через мгновение всех зрителей охватил ужас. Тем, кто сидел на первых рядах, удалось довольно легко спастись, но большая часть зрителей находилась в амфитеатре, чтобы добраться до выхода им пришлось спускаться по лестнице, а двери были недостаточно широкими. Люди толкали друг друга, лишь первым из них удалось выйти, оставив за собой толпу всех тех, для кого толчея сделала недоступными лестницы и выходы.

Несчастные раненные, получив всю возможную первую помощь в Адмиралтействе, затем обеспеченные люди были заботливо развезены по домам, а бедных доставили в городские больницы. Император оставался на площади до тех пор, пока все его приказания не были исполнены. Он также приказал докладывать ему дважды в день о состоянии здоровья каждого, кто был отправлен на лечение.

Через час он послал за мной, я нашел его в слезах. Страшное зрелище, свидетелем которого он стал, живейшим образом затронуло его отзывчивое сердце, он приказал мне немедленно создать комитет, в который кроме меня вошли предводитель дворянства князь Василий Долгоруков и генерал-адъютант Дьяков, с целью найти всех пострадавших от пожара людей, узнать о положении их дел и о размерах состояния с тем, чтобы оказать им помощь, выплатить денежные пособия бедным и позаботиться об их детях. В распоряжение этого комитета была передана сумма денег, которая, благодаря частным пожертвованиям, достигла более 30 тыс. руб. В этом благотворительном деле участвовали все члены императорской фамилии. На следующий день мы принялись за работу, вдовы и дети получали средства к существованию или деньги на образование. Остальные, в качестве печального утешения о понесенных утратах, получали денежные суммы, но это единственное, что было в человеческих силах.

Вскоре представился новый случай предоставить Турции и всему миру лишнее доказательство умеренности и сдержанности, которыми руководствовался император в своих отношениях к султану. По условиям Адрианопольского мира мы должны были получить с Турции в качестве контрибуции еще значительную сумму. Видя затруднения, с которыми столкнулась Порта, вследствие внутренних войн с Египетским пашой, а также в связи с уступкой многих территорий, император аннулировал остаток этих справедливых требований, и таким благородным образом окончательно предал забвению все последствия той войны, к которой нас принудило в 1828 году враждебное поведение султана. Крепость Силистрия, оставленная за нами в качестве гарантии выплаты этого долга, была возвращена туркам вместе с той артиллерией, которую мы поставили на ее укреплениях. Это неожиданное решение не было вызвано никакими шагами европейских держав, напротив, в этот момент они считали, что Россия никогда не откажется от претензий на Силистрию. Султан был полон признательности, а кабинеты Вены, Лондона и Парижа, которые столь ревниво относились к нашему могуществу и всегда готовы были заподозрить захватнические намерения с нашей стороны, были приятно удивлены. Этот поступок не оставлял места для злословия, и те газеты, которые были к нам особенно враждебны, принуждены были как минимум замолчать.

Император постоянно стремился к улучшению всех органов управления. Этой зимой он реорганизовал военное министерство, в котором стали принимать коллегиальные решения по всем вопросам, связанным со снабжением войск и действиями там полицейских органов. Должность начальника Генерального Штаба армии была ликвидирована, и эти обязанности были вновь возложены на военного министра. Это расширило его полномочия, сделало более согласованным и простым принятие решение по широкому кругу вопросов, которые раньше разделялись между министром и начальником Генерального Штаба, не возлагая окончательно ни на одного из них необходимой ответственности. В морском министерстве были произведены схожие изменения, и в обоих ведомствах посчитали это за благо. Бывший начальник Генерального Штаба военного министерства граф Чернышев стал министром, а его коллега в морском ведомстве князь Меншиков был назначен морским министром.

В Царстве Польском император расширил привилегии дворянства, которое по кодексу Наполеона потеряло все свои права.

Расположенный недалеко от Петербурга по дороге в Царское Село Чесменский дворец, построенный императрицей Екатериной в честь блестящей победы графа Орлова над всем объединенным турецким флотом, был восстановлен и значительно расширен. Он был предназначен для проживания престарелых военных инвалидов, которые вследствие старости и полученных ими ран не могли добыть себе средства к существованию. Это заведение было освящено 30 июня по всем правилам религиозных обрядов. На церемонии открытия присутствовали император, императрица, члены императорской фамилии и высшие чиновники.

Анна Александровна Бенкендорф

Всем этим старым воинам, которые были отобраны с тем, чтобы окончить свою славную жизнь в этом заведении, приготовленном императором для их обеспеченного существования, был дан обед.

Тем временем конституционная Франция преподнесла еще один случай цареубийства. Один неизвестный мужчина, движимый только острой ненавистью к королевской власти, выстрелил из пистолета в короля Луи-Филиппа, выезжавшего в карете из своего дворца и направлявшегося на открытие парламента. Это покушение, лишенное какого-либо смысла, в случае своего успеха, поставило бы под вопрос судьбу Франции и спокойствие Европы.

Я воспользовался этим теплым временем года для того, чтобы провести отпуск в Фалле и повидать мою жену и детей, которые приехали туда в начале лета.

Гвардейские части отбыли в военные лагеря и начали маневры между Колпино, Царским селом и до Красного села. Двор приятно проводил время в Александрии в Петергофе. Император направился в лагеря, а затем в Кронштадт.

После десяти лет трудов ему удалось привести свой флот в такое состояние, которого он добивался, он желал видеть его целиком на рейде и в готовности к плаваниям. Никогда еще на Балтике не собиралось столь значительной и столь заботливо снабженной всем необходимым морской силы. Император пожелал придать блеска этой великолепной армаде, его первой мыслью было почтить память

первого августейшего создателя флота империи. Для этого он приказал вывести со своей стоянки в крепости первое голландское судно, которое служило Петру Великому для забавы и для первых морских упражнений на озере в окрестностях Москвы. От него ведут свою историю созданные 30 лет спустя военно-морской флот и укрепления Кронштадта, император на рейде крепости почтил память своего предшественника, проведя это суденышко, украшенное императорскими флагами, сквозь свои корабли, которые были покрыты лавровыми венками в знак многочисленных побед над шведами. Это судно стало называться прародителем флота и вскоре со всеми предосторожностями было водворено в небольшое каменное помещение, срочно выстроенное специально для этой цели. Петропавловская крепость салютовала ему всеми своими пушками, затем с величайшими почестями судно было переведено в Кронштадский порт. 3 июля в строгом порядке корабли были выстроены в три линии: в первой стояли 26 линкоров, во второй — 16 фрегатов, в третьей — два десятка легкий судов. Они почтительно ждали прибытия этого первого и слабого ростка флота, который с тех пор сражался и столь часто побеждал в Архипелаге, на Черном море и на Балтике.

В Петергофе император, императрица, члены императорской фамилии, а также приглашенные придворные, военная свита и дамы света поднялись на борт пароходов «Ижора», «Александрия» и других и направились в Кронштадт. Там была собрана весельная флотилия, а еще дальше стояли фрегаты, бриги и яхты, построенные морскими кадетами. Всего на рейде можно было видеть 92 военно-морских вымпела. Пароход «Ижора» стал на якорь посреди военных судов, затем появился пароход «Геркулес», который вез ботик Петра Великого, поставленный на специальное возвышение, украшенное красной материей с тем, чтобы его было видно всем собравшимся. Вокруг ботика выстроились дворцовые гренадеры, по сторонам стояли адмиралы и офицеры, а наверху развевался императорский штандарт.

Эта первая драгоценная попытка судостроения, принадлежавшая тому, кто был создателем всего, тому великому человеку, которому Россия была обязана своим могуществом, а флот — своим рождением, была встречена приветственным залпом всех кронштадских батарей, фортов и флотилий, а затем залпом из 2 тыс. орудий флота. Этот запоминающийся момент был исполнен величия и уважения. Все присутствовавшие были полны восхищения. Все напоминало религиозный обряд, внушавший размышления, и было самой красноречивой поминальной речью, которая только могла быть произнесена над досточтимым прахом грандиозной фигуры Петра Великого. После этого весь флот был украшен праздничными вымпелами, и все вернулись в Петергоф, полные впечатлений от только что увиденного зрелища. Благодаря предприимчивости Николая, это небольшое судно было восстановлено, так же, как недавно был воссоздан флот. Через два дня весь флот снялся с якоря и вышел в море. Император поднялся на борт парохода «Геркулес» и вскоре догнал его. Император пригласил английского посла лорда Дергэма сопровождать его, а одному капитану британского королевского

флота было предложено подняться на корвет с тем, чтобы в одиночестве внимательнее оценить наш флот, изучить его состав и произошедшие в нем изменения. Это внимательное снисхождение к самым горячим желаниям этих господ, столь остро жаждавших познакомиться с нашим флотом и столь опасавшихся роста его могущества, произвело на одного и на второго самое благоприятное впечатление относительно открытого и прямого характера императора. Прохладная погода и сильный ветер не помешали императору целый день провести на специальной площадке, построенной выше гребных колес, откуда он наблюдал за маневрами кораблей и отдавал им приказания.

К вечеру мы были у острова Гогланд, и приблизились к нему с тем, чтобы бросить якорь под защитой его высоких берегов в небольшой гавани, на берегу которой весьма живописно были разбросаны дома жителей этой небольшой территории. Фрегат, на борту которого находился адмирал великий князь Константин, получил приказ подойти к «Геркулесу», и император сел в шлюпку с тем, чтобы обнять своего юного сына, который готовился в один прекрасный день стать душой флота. Остальной флот всю ночь курсировал в окрестностях острова, несмотря на еще усилившийся к утру ветер. Так как погода была слишком плохой для продолжения маневров и скорых ее улучшений не предполагалось, утром мы подняли якорь и присоединились к остальному флоту, получившему приказ направиться в Кронштадт. Паруса наполнились ветром, насколько позволяла его сила, сквозь тучи то проглядывало солнце, то все покрывалось тенью. Все это являло собой великолепное зрелище, увеличивавшее грандиозное впечатление от простиравшейся вокруг нас картины. Более 50 военных судов различных размеров двигались в три линии, поворачивались разными бортами и выстраивались в колоны с замечательной точностью, которая заставила нас полностью забыть о плохой погоде. Солнце стало чуть чаще проглядывать сквозь густые тучи, ветер понемногу стал ослабевать и император приказал кораблям разделиться на две части, построиться в боевые порядки, а затем по приказу своих двух командиров атаковать друг друга. Разделение на две линии произошло в полном порядке, и началась орудийная канонада. Наш пароход продвигался между двумя линиями, и мы имели возможность следить за маневрами почти каждого корабля. Император хвалил, выражал свое недовольство и вообще руководил действиями большинства капитанов кораблей. К большому удовлетворению императора и к великой радости всех нас, имевших честь его сопровождать, эти представительные маневры продолжались несколько часов без малейшего инцидента. Затем был дан сигнал к прекращению сражения, и корабли продолжили свой путь в Кронштадт, во время которого они одинаковым образом выстроились, как по ниточке.

После такой инспекции флота, пришло время осмотреть сухопутные войска. Прибывший с мест своей дислокации в Новгороде гренадерский корпус присоединился к гвардейским частям, и начались маневры двух группировок более, чем в 30 тыс. человек каждая. Вместе с войсками, которые то располагались в лагеря, то сражались друг с другом, мы добрались до Гатчины, Скворицы и Кипени.

Император был неутомим, проводя верхом на лошади большую часть дня при самой отвратительной погоде, вечерами у бивуачного костра он развлекался с молодыми офицерами своей свиты, он прогуливался между рядами батальонов, которые окружали его небольшую палатку. По ночам он работал с тем, чтобы государственные дела не страдали оттого, что он позволил себе развлечься со своими войсками, по его собственному признанию, для него именно это было единственным настоящим развлечением. Именно во время этих военных учений им был переработан и издан новый закон о рекрутских наборах, которые были тяжелым испытанием для империи. Они несли за собой многочисленные злоупотребления и суждения о скорой войне, которые лихорадили торговлю и производили нечто в роде нездорового оживления в обществе и в дипломатических кругах. Эта обременительная для собственников и крестьян ноша была реформирована таким образом, что полностью исключалась политическая неуверенность, которая всегда сопровождала такие наборы. Рекрутский набор стал обычной повинностью, ежегодно исполняемый только на половине территории империи, и в отношении ограниченного количества рекрутов. Это заранее объявленное действие более не настораживало иностранные правительства и не нарушало внутреннюю торговлю. Оно позволяло местным властям, собственникам и тем слоям населения, которые давали рекрутов, заранее приготовиться к этому, из года в год высчитывать, сколько потребуется людей, и даже конкретные подданные знали, что им определена военная служба. Адъютанты императора и жандармские офицеры, направлявшиеся на места с целью наблюдать за наборами, предотвращать и искоренять связанные с ними злоупотребления, получали в то же время отпечатанные и опубликованные инструкции, которые давали им возможность пунктуально исполнять справедливые и благожелательные намерения, которые правительство всегда стремилось проводить в жизнь.

* * *

В полночь 8 августа император покинул Петергоф, и мы пустились в путь с такой скоростью, что утром 9 августа оказались в виду Новгорода. Император глубоко спал всю дорогу, в чем я ему помогал изо всех сил. На площади перед предназначенным для него домом он устроил смотр собранным здесь резервной бригаде 3 пехотной дивизии, 2 и 3 резервным батареям и колоне рекрутов. Затем император отправился осмотреть строительство новых казарм и тюрьмы. Посетив общественные заведения города, он направился в Софийский собор, где его ожидал митрополит Серафим, который встретил его у входа в храм словами, исполненными красноречия, которое отличало этого славного пастыря. Император преклонил колени перед собранными в этой древней церкви реликвиями, получил благословение митрополита и продолжил свой путь, остановившись в новом кадетском корпусе имени графа Аракчеева, который он внимательно осмотрел с поистине отеческой заботой, с которой он делал все, что касалось молодых людей, доверенных благосклонным заботам правительства.

Мария Александровна Бенкендорф

В 57 верстах от Москвы у почтовой станции Подсолнечная была готова к смотру 16 пехотная дивизия, состоянием которой император остался полностью удовлетворен. Мы вышли из коляски у Кремлевского дворца 10 августа в 11 часов вечера. Холодное и дождливое лето приближало осень, уже много дней она заявляла о себе туманами и дождями с ветром, что предвещало нам неприятную поездку. Но, проснувшись на следующее утро в Кремле, мы были приятно удивлены чистым воздухом и ослепительным солнцем, позолотившем тысячи московских колоколен, что еще увеличило толпу людей, направлявшихся к дворцу, как только поднятый императорский штандарт возвестил им о прибытии сюда государя. Появление императора в 11 часов было ознаменовано приветственными криками и колокольным перезвоном, он направился в собор, на пороге которого его встретил митрополит Филарет с крестом и святой водой. Его ввели в святыню, где находились реликвии, которым поклонялась Москва и вся Россия. Уже установившиеся за его прежние приезды традиции ни в чем не были нарушены: на выходе из собора император медленными шагами прошел через толпившихся вокруг него людей, поднялся по большой Красной лестнице, остановился на верхней площадке, чтобы поприветствовать народ, вошел в Грановитую палату и пересек весь дворец. Он приказал восстановить Теремной дворец — древнее место жительства царей, куда вела золоченая решетка, начинавшаяся с Боярского

места. Этот дворец, ставший нежилым со времен Петра I, относился к эпохе еще до Дмитрия Донского, он еще нес на себе печать византийского архитектурного стиля. Император приказал сохранить его во всей чистоте и со всеми разнообразными украшениями. Интерьеры дворца должны были быть украшены и меблированы в том же стиле, и быть максимально похоже на то, как это было в предыдущие века, насколько это позволят осуществить традиции и сохранившиеся от разрушения остатки. Затем император принял парад 2 карабинерского полка, выстроенного на большой площади перед колокольней Ивана Великого, вокруг которой, по обыкновению, теснилось множество людей. Через эту толпу сложно было пройти, а когда император возвращался к себе, она еще больше увеличилась.

Не собираясь задерживаться в Москве больше, чем на 3 дня, император торопился посетить основные общественные заведения города, которым он уделил много заботливого внимания. В тот же день он посетил кадетский корпус, Екатерининский и Александровский институты и Мариинскую больницу. Затем он отобедал у графа Петра Толстого, который в отсутствие князя Дмитрия Голицына исполнял обязанности московского генерал-губернатора. На следующий день за городом на обширной равнине перед Петровским дворцом был проведен смотр части собранных в Москве войск 6 пехотного корпуса, куда вошла целая дивизия легкой кавалерии. С целью присутствовать на этом параде и посмотреть на императора туда прибыло много людей в экипажах и пешком, что придало зрелищу вид настоящего праздника. Император был почти удовлетворен состоянием этих войск и в последующие дни забавлялся тем, что командовал упражнениями кавалерии. Он руководил всеми объединенными войсками с той воинственной живостью, которая так нравилась нашим солдатам и которая так хорошо готовила его к дерзости и к координации, необходимым в сражении. Вечером он прогуливался в недавно разбитом парке Петровского дворца, здесь за два года со всех сторон были построены красивые загородные дома, театр, рестораны, так что это место у столичной публики стало модным. За обеденным столом у императора собрались генералы, высшие чиновники и старые служаки, которых возраст или слабое здоровье заставили оставить государственную службу и которые в Москве спокойно заканчивали свою славную карьеру.

В полночь 13 августа мы покинули Кремль и отправились в Нижний Новгород через Владимир, Ковров, Вязники и Горбатов, где проинспектировали строительство дороги, ведущей из Владимира в Нижний Новгород. По дороге мы устроили смотр дивизии резерва 6 корпуса, который прошел весьма скверно на неровной площадке и под проливным дождем. Мы проезжали по прекрасной, хорошо обработанной местности, где жило многочисленное и богатое население, видели большие и добротно построенные деревни, в большинстве своем принадлежавшие местным помещикам. Мы продвигались вдоль прекрасной и широкой Волги, которая по мере нашего приближения к Нижнему Новгороду заполнялась судами под большими парусами, приближавшимися к этому центру торговли. Берег, по которому мы ехали, был очень высоким и позволял нам далеко видеть течение

реки и огромную плоскую местность на правом берегу Волги. Дорога была наполнена проезжими и телегами, которые все направлялись на ярмарку. Императора здесь не ожидали раньше ночи, а когда мы въехали в город, был всего час пополудни. Никем не узнанные мы проехали через весь город и даже спустились с высокой горы, которая вела к берегу Волги и к мосту, через который надо было проехать, чтобы попасть на остров, где была ярмарка. Здесь императора узнали, раздался крик, подобный электрическому разряду, мост заполнился народом, со всех сторон люди бежали, чтобы увидеть и приветствовать императора. По мере продвижения коляски вперед толпа росла и, наконец, мы с большим трудом добрались до большего дома, в котором обычно во время ярмарки располагались губернатор и местные власти, и где пожелал остановиться император с тем, чтобы быть поближе к происходящей торговле. Здесь была видна только масса голов, которые постоянно двигались, как волны в море, оконные стекла задрожали от приветственных криков, и в воздух взлетели шапки и колпаки. Даже татары, забыв о своих религиозных традициях, обнажили головы в приветствии своего государя. Это было какое-то всеобщее опьянение, превосходившее все то, чему я был свидетелем до этих пор. На сей раз это было выражение чувств всей империи, всех проживающих в ней различных народов.

Ярмарка собрала у себя торговцев, извозчиков, мастеров и подмастерьев из всех губерний, сюда приехало более 200 тыс. человек из всех уголков нашей обширной родины. Густые толпы людей, которые не переставали кричать и двигаться с тем, чтобы увидеть и приветствовать императора, заполняли площадь перед домом, расположенные на первом этаже сводчатые арки и прилегающие улицы. Министр финансов граф Канкрин и глава министерства дорог и мостов граф Толь получили приказание находиться в Нижнем Новгороде, который играл столь важную роль в работе этих ведомств. Ранним утром следующего дня император пожелал начать свою поездку с посещения церковной службы в церкви, находившейся при ярмарке. Мне была оказана честь отправиться туда вместе с ним в небольшой коляске. С большим трудом нам удалось туда добраться, несмотря на все усилия толпы дать нам место для проезда, и это притом, что ширина улицы, заставленной различными лавками, была сравнима с Невским проспектом в Петербурге. Вернувшись к себе, император принял представителей губернского дворянства и депутацию торговцев из различных губерний, с которыми он долго беседовал о торговле и о тех убытках, которые причиняются ей плохим состоянием дорог. Затем с графом Толем он занялся вопросами их исправления, особенно тем, чтобы убрать огромное количество грязи, которая при малейшем дожде заполняет все подъезды к ярмарке так, что добраться туда пешком становится так же трудно, как и на телегах.

Император проехал по всем торговым рядам, разделенным по видам продукции, часто товары были самыми удивительными, но это становилось понятным, стоило лишь подумать о том, что эта ярмарка обеспечивает большую часть годового потребления всей России. Здесь было все, начиная от китайского чая,

сибирского железа и пушнины до сырья и изделий со всех концов России и Европы, включая колониальные товары из Индии, Америки, Персии и Египта. Практически не было видно заботливо устроенных лавок, скорее это были склады. Так в одних лавках до самого потолка были неровно свалены коробки с чаем, в других — тюки сукна, затем ткани, отруби, изделия из стали, столовое серебро. Но все это, начиная от самых ценных предметов до вещей каждодневного крестьянского обихода, продавалось в 20 и более находившихся поблизости лавках. Далее в огромных сараях располагались склады хлопка, шерсти, конопли, дегтя, железа, наконец, все то, что благодаря торговле доставлялось со всей России и из-за границы.

Глаза разбегались в попытке рассмотреть на протяжении более чем 40 верст поворотов и лавок все богатство и разнообразие товаров, повсюду были покупатели и посыльные. Воды Волги и Оки, окружавшие эту обширную ярмарочную площадь, были покрыты судами, на которых находились большеразмерные товары, продававшиеся без перевозки на сушу, это была вторая ярмарка на воде. В толпе людей можно было видеть одежду народов Азии и костюмы представителей различных племен, населявших Россию, которые соседствовали с изысканными европейскими фраками, действительно, этот праздник собрал все народы.

Император отправился осмотреть большие работы, которые он приказал осуществить во время своего последнего пребывания в Нижнем Новгороде. Это были два спуска от города к реке, где пологие и удобные склоны должны были заменить крутую линию берега, которая раньше была единственным способом сообщения с рекой. Масштабные земляные работы на этих берегах, которые из опасной пропасти сделали плавный скат, украсили половину города. Работы по благоустройству включали: ремонт и регулярную застройку площади внутри стен Кремля, которую мы оставили полную лачугами и всю в пробоинах, засаженный деревьями бульвар вокруг кремлевских стен, выходящий на смотровую площадку, отделявшую их от остального города, казармы 4 карабинерского полка, фундамент здания губернской управы, набережные Волги, которые раньше представляли собой лишь грязную клоаку с убогими хижинами. Все эти улучшения были предписаны императором, и он с радостью видел, что они почти готовы к завершению.

На следующий год император планировал поездку в свои кавказские провинции, и он пожелал видеть торговцев из Астрахани, Тифлиса, Кизляра, Армении, Дербента и Ширвана. Затем он принял представителей бухарцев, мордвы, черемисов и чувашей, со всеми он говорил очень благосклонно, что еще усилило чувства радости, вызванные его приездом. Старые отставные солдаты также хотели быть представлены императору, их набралось более ста человек, и каждому из них по высочайшему приказу было выдано денежное вознаграждение. Из близлежащих провинций были отозваны из отпусков 392 младших офицера и 2200 солдат, из которых был сформирован и вооружен батальон. За городом император устроим смотр этим войскам, и был полностью удовлетворен их состоянием. Каким удовольствием было любоваться здоровым видом этих ветеранов

Софья Александровна Бенкендорф

и той радостью, с которой они маршировали перед своим государем. После парада они поставили свои ружья в козлы и радостно окружили императора, который позвал их, чтобы поблагодарить за их службу и призвать их служить также хорошо, как они это делали до того момента. Они напоминали детей, окруживших своего родителя, старые вояки подчинялись голосу их начальника.

Толпа людей собравшихся посмотреть на этот парад была столь многочисленна, что я стал опасаться, как бы не произошло какого-нибудь несчастья. В любую минуту экипажи могли перевернуться, не лошади угрожали затоптать людей, а наоборот, люди старались не задавить лошадей. Я призвал на помощь жандармов, чтобы сдерживать толпу, но когда парад был окончен, наши усилия оказались напрасными, все стремились поближе подойти к императору. Я не знаю, каким образом его коляска смогла подъехать к нему и как он смог в нее сесть, но я знаю, что сам я и все остальные искали экипажи до конца дней своих. Шум и напор людей был столь силен, что самые необузданные лошади становились тихими, как бараны.

Погода была дождливой, и ярмарочная грязь заставляла нас опасаться ухудшения состояния дорог. Было принято решение о том, что мы спустимся по Волге до Казани на пароходе одного астраханского купца. Так как все было условлено только накануне нашего отъезда, у меня едва осталось времени на то, чтобы

спешно приготовить все необходимое для поездки. Судно было вычищено сверху до низу, на верхней палубе была устроена кухня, наполненный товарами трюм был освобожден и переделан в жилое помещение с несколькими комнатами для свиты императора и графа Толя, который должен был сопровождать его до Казани. Небольшая каюта была элегантно украшена для императора и рядом еще одна для его камердинера. На борт была доставлена провизия на дорогу и, наконец, перенесли личные вещи.

Утром 18 августа император еще успел осмотреть общественные заведения города и устроил смотр батальону из состава гарнизона, затем он направился прямо на мост, откуда и поднялся на борт парохода, где мы его уже ждали. Все участники ярмарки наблюдали за отъездом императора с моста, с обоих берегов реки, с крыш домов, с речных судов и шлюпок. Наш отъезд стал поистине величественным зрелищем благодаря массе людей, собравшихся на суше и на воде. Лес мачт, покрывший реку, и окрестные колокола содрогнулись от приветственных криков народа. Только приняв все мыслимые предосторожности и замедлив ход, мы смогли избежать столкновения с барками и не потопили мелкие суденышки, которые, переполненные людьми, шныряли вокруг нашего парохода. Еще долго мы с восхищением наблюдали картину, открывавшуюся на здания ярмарки, на течение реки и на древние стены города с куполами церквей.

Из-за плохой погоды мы только временами могли наслаждаться разнообразными видами волжских берегов, которые то удалялись и понижались, то поднимались и приближались к фарватеру плавания. Виды больших деревень, маленьких городов, лесов, загородных домов сменяли друг друга и быстро проплывали перед нашими глазами, так как скорость течения прибавлялась к силе пара, увлекавшего нас вперед. Ловцы рыбы ловко приближались к нашему судну и бросали нам свой улов, представители городов и деревень в своих небольших шлюпках преподносили нам хлеб-соль. Мужчины и женщины заходили в воду по пояс, чтобы как можно ближе увидеть обожаемого государя, появление которого в этих местах было полной неожиданностью.

Утром 20 августа мы увидели берега Казани и замедлили ход с тем, чтобы не прибыть туда слишком рано. На берегу нас встретил казанский генерал-губернатор[189], он приготовил экипажи с тем, чтобы привести нас в Казань, отстоящую от Волги на 6 верст. Болотистый и наполовину песчаный берег каждую весну затоплялся разливавшимися водами Волги.

* * *

Наши двигавшиеся по суше коляски, уже прибыли в Казань. Погода утром была хорошая, и вскоре мы увидели Казань, над которой возвышался старинный Кремль, резиденция бывших татарских ханов. Находясь на широкой равнине, он доминировал над городом и его окрестностями. Все русское и татарское население было уже на ногах и заполнило улицы города. Крики радости, встретившие нас у границ города, возвестили его жителям о приезде императора, и сопровождали нас до приезда в предназначенный для его размещения

губернаторский дом. Нас поразила красота города, царившая в нем чистота, его прекрасные здания и церкви, стоявшие на улицах, и его богатый вид, подтверждавшийся экипажами, одеждой жителей и лавками. Вот уже 34 года я не был в Казани, и для меня это был новый город, я не узнавал здесь ничего. Мы быстро переоделись, чтобы сопровождать императора в городской собор, толпа была столь велика, что мы с трудом следовали за ним и проложили себе дорогу, чтобы войти в церковь. Все население как будто опьянело от радости, нас приятно поразило то, что мусульмане не отставали в этом чувстве от истинных москвичей. Выйдя из храма, мы пешком обошли старинные кремлевские стены, которые так долго были опорой власти ханов и выдерживали длительные осады наших царей.

Император пожелал восстановить дворец татарских государей, только одна невредимая башня которого еще указывала его место. Он приказал представить ему соответствующие планы, которые должны были тщательно сохранить стиль и архитектуру тех давно ушедших времен, когда покорила народы России. Затем он осмотрел уже начавшееся строительство огромных казарм, предназначенных для военных поселенцев, находящихся напротив архиепископского дворца. Это сооружение придаст должный вид внутреннему пространству Кремля и позволит стереть печать опустошения и разрухи, оставшееся здесь еще с тех пор, когда Иван Грозный завоевал его.

Мы осмотрели город и все его общественные заведения — больницы, тюрьмы, школы и арсеналы. Мы детально осмотрели университет, здание которого было достойно украсить любую крупную столицу. Благодаря изяществу конструкций и удачным пропорциям, наше особое внимание привлекла обсерватория, откуда открывался вид на весь город и его окрестности, а также зал отдыха и здание библиотеки. Это, безусловно, было самое красивое сооружения такого рода, какие я когда-либо видел. На следующий день император принял мужчин и женщин различных народностей, живших в Казанской губернии — татар, вотяков, чувашей, черемисов и мордвы, в их праздничных национальных костюмах. Замечательно, что только одна губерния включает в себя столько совершенно непохожих костюмов, обычаев и наречий, и что столетия вхождения в состав русского государства совершенно не привели к смешению или к сближению их между собой. Женщины, никогда не показывавшие своего лица чужеземцу, на сей раз посчитали совершенно естественным открыть его своему государю. Казалось, они очень польщены тем, что их выбрали в качестве примера женщин своей национальности. Император рассмотрел их костюмы, любезно говорил с ними и поручил мне раздать всем им подарки, украшения и драгоценности, что доставило им огромное удовольствие.

За городом были сформированы отряды из отпускников казанской губернии, а также были собраны два батальона гарнизона города. Первые, под командованием храброго генерала Скобелева, были покрыты ранами, однорукие, у некоторых отсутствовали 3 пальца на другой руке, явились на смотр с прекрасной

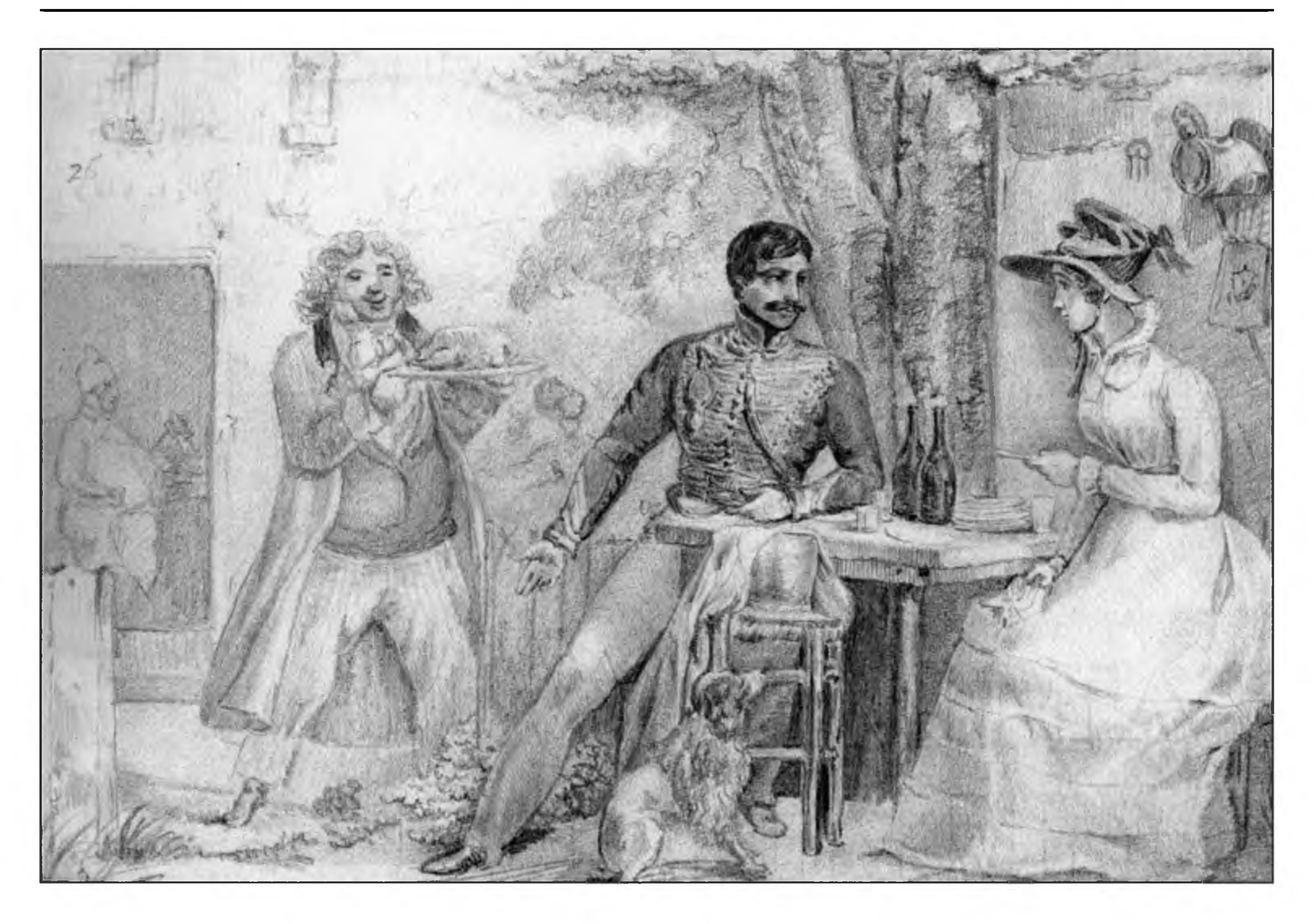
выправкой и с благородной уверенностью в себе, что было следствием 20 летней беспорочной службы. Сам Скобелев 38 лет назад был младшим офицером, который в рядах армейского полка на этой самой площади в Казани прошел парадом перед императором Павлом.

Сын крестьянина Скобелев был взят в рекруты и вскоре, благодаря своему безупречному поведению, он был замечен. Император Павел, имея потребность скрыться от внимательных глаз публики, пришедшей на него посмотреть, укрылся за рядами войск и оказался вблизи от Скобелева. Этот молодой младший офицер понравился ему, и он приказал великому князю Александру пожаловать ему 200 рублей. Этот столь дорогой для бедного младшего офицера подарок породил в нем желание и предоставил возможность покупать книги и начать свое образование. Он настолько преуспел в этом, его служба была столь отлична, а храбрость проявлялась во всех сражениях в различные кампании, что он стал быстро продвигаться по службе и дослужился до чина генерал-лейтенанта, командующего всей армейской резервной пехотой. Вспоминая о начале своей карьеры в Казани, он со слезами на глазах преклонил саблю, отдавая рапорт императору Николаю, третьему государю, которому он с честью служил. В этот момент он находился во главе ветеранов армии, срок службы самого старого из которых был как минимум на 10 лет меньше, чем у него самого.

Будучи столицей могущественных татарских ханов, в Казани и в одноименной губернии до сих пор многочисленную часть населения составляют их наследники. Император пожелал почтить безупречную покорность и преданность этой части своих подданных, и для этого отправился в главную татарскую мечеть. Принимая его, муфтий неожиданно произнес речь, в которой были выражены чувства преданности и благодарности, рожденные в сердцах всех татар его неожиданным благоволением. Их радость отразилась во всем их облике и выразилась в оглушительных приветственных криках, а также в том, что они бежали за коляской императора, пока это было возможно. Выехав за пределы городских окраин, император посетил пирамидальный памятник, внутри которого располагалась часовня, возведенная на том самом месте, где при Иване Васильевиче Грозном были захоронены русские воины, павшие при осаде и штурме Казани[190]. Число их было весьма значительно, так как татары противопоставили их мужеству усилия тем более отчаянные, что они бились за последний оплот своей независимости и могилы своих славных предков.

Император был очень доволен тем порядком, который он нашел во всех городских общественных заведениях, и в городе вообще. Он пригласил к своему столу всех первых чиновников, наградил генерал-губернатора генерал-адъютанта Стрекалова*, куратора университета своими орденами и поблагодарил многих других. Он принял приглашение и вечером отправился на бал, который местная

* Эта фамилия в рукописи написана другим почерком, возможно, рукой Николая I.

«В трактире». Рисунок императора Николая I

знать организовала в честь его приезда в очаровательном месте, и оформленного со вкусом.

На балу присутствовало многочисленное и богато разодетое общество, были дамы, собрание это ни в чем не уступало столичным балам. Покинув этот бал в полночь, мы сели в коляску посреди огромной толпы, которую столь поздний час отнюдь не сделал меньше ни перед домом, ни на прилегающих улицах. В том месте, где мы высадились на берег, нас ждала лодка министерства дорог и мостов, на которой мы пересели реку в полной темноте, но спокойно и приятно. На другом берегу нас ждала наша дорожная коляска, которая была доставлена туда заранее. Вокруг нее толпились жители деревень, которые во множестве расположены на берегу реки. В этом месте правый берег Волги становится гористым и вновь понижается только в окрестностях Астрахани. Нам потребовалось только 12 часов, чтобы оказаться в Симбирске, расположенном на одном из самых возвышенных мест этого берега. Все население этого губернского города собралось на большой площади, где стоял дом, предназначенный для императора. Люди горячо приветствовали его, тем более что со времен Петра I российские государи не приезжали в Симбирск. Императору были представлены губернские власти, представители дворянства, военные и торговцы. Затем Его Величество направился в собор, куда за ним последовала толпа народа. Рано утром на следующий

день, взяв с собой только меня одного, император присутствовал на службе в Никольской церкви. Затем он был на смотре гарнизонного батальона и последовательно осмотрел богоугодные заведения, учреждения, основанные на средства и заботами императрицы Елизаветы. Он был особенно доволен состоянием этих последних и пожертвовал им 10 тыс. рублей. Потом он посетил гимназию, батальон, набранный из солдатских детей, строительство нового кафедрального собора и тюрьмы. Затем он спустился по высокому берегу Волги, крутой склон которого почти полностью изолирует город Симбирск от реки. Было непостижимо, почему горожане лишали себя возможности пользоваться преимуществами, которые могли бы предоставить им воды реки для торговли, и особенно непонятно как правительство и городские власти в течение стольких лет ничего не предприняли с тем, чтобы ликвидировать это препятствие. По этому высокому и крутому откосу мы спустились в тарантасе, это разновидность дрожек на длинных оглоблях и без рессор, которыми жители привыкли пользоваться в этих местах с тем, чтобы ехать медленно и, не опасаясь перевернуться. Спустившись по склону, протянувшемуся более чем на версту, мы увидели протянувшееся вдоль берега Волги поселение, пользующееся всеми преимуществами близости реки, чего был полностью лишен Симбирск. Обратно поднялись мы по другой еще более крутой стороне холма, которую лошади преодолели лишь с большим трудом. Продвигаясь по гребню холма, на котором лежал Симбирск, император нашел и указал место, где он приказал немедленно приступить к строительству пологого съезда, который мог бы дать городу легкую возможность сноситься с берегом Волги. Это строительство, которое принесет пользу и придаст новый вид городу, станет свидетельством пребывания императора в его стенах.

После обеда, на который были приглашены гражданские и военные власти города, мы сели в коляску и направились в Пензу, куда приехали на следующий день к вечеру. Место расположения этого города и его окрестности были богаты растительностью и густо заселены, что придавало виду особую приятность. Пенза стоит на откосе и вокруг широкого круглого холма, гребень которого украшен садом из высоких деревьев, что придает городу вид более приятный и внушительный, чем есть на самом деле. Толпа людей ожидала нас на главной площади, где были выстроены просторные губернаторские покои. Мы остановились около этого дома под аккомпанемент восторженных восклицаний, вызванных радостью в первый раз видеть своего государя, который впервые с допетровских времен приехал сюда. Даже Петр, несмотря на свою поразительную деятельность, никогда не добирался до этого отдаленного уголка своей обширной империи. Крики народа и его желание видеть своего государя только усилились, когда через несколько минут после приезда, он снова появился, и вместе, с губернатором[191], направился в величественно возвышавшийся на этой же площади собор. С раннего утра следующего дня мы начали осматривать этот красивый город, посетили больницы, учебные заведения и тюрьму, в которой император даровал прощение многим крестьянам, арестованным за участие в бунте, имевшем место в деревнях

симбирской губернии, принадлежавших короне. Затем мы поехали в расположенный в нескольких верстах от города образцовый сад, разбитый по приказу императора Александра. Здесь на обширной и красиво расположенной территории были высажены самые различные сорта кустарников, шпалеры фруктовых деревьев, цветы и растения, они служили питомником для соседних губерний и образцом для садовников. Прекрасное состояние и богатство этого сада удивили нас тем больше, что мы даже не подозревали о его существовании. Вся заслуга создания этого новшества и его прекрасного использования принадлежала немецкому садовнику[192], который его создал и украсил. Император приказал мне наградить этого человека орденом Св. Владимира 4-й степени, об этой награде он даже и не помышлял. Вечером того же дня мы продолжили нашу поездку в Тамбов, на выезде из Пензы мы были в восторге от ее прекрасного расположения, которое открывало на выезде из города вид столь же оживленный, сколь и протяженный.

Император постоянно торопил наше продвижение вперед, и мы уже выиграли несколько дней. Ему нужно было осмотреть войска в Чугуеве и Ковно, посетить Варшаву. С ужасающей быстротой мы ехали по отличной дороге, влекомые прекрасными лошадьми. Глубокая ночная темнота не замедлила наше продвижение, мы мирно спали, когда в час пополуночи 26 августа были разбужены криками почтальонов и нашего кучера. Лошади понесли, и в тот же момент наша коляска перевернулась, как от удара пушечного ядра. Император сказал: «Это пустяки». Я не помню, как оказался на ногах рядом с коляской, в которой я увидел кучера Артамонова и камердинера Малашева, находившихся без чувств. Стремительный бег лошадей был быстро остановлен падением и чем-то вроде кочки на дороге, за которую они зацепились, коляска была разбита. Я крикнул императору, чтобы он выходил, но, так как он мне не ответил, я ухватил его за отвороты шинели и вытащил наружу. Тогда я увидел, что ему плохо, и усадил его на обочине дороги в нескольких шагах оттуда*.

Его первыми словами были: «У меня сломано плечо, я чувствую это. Это хорошо, господь предупреждает меня, что не следует строить планов, не испросив его поддержки, это урок мне»**. Увидев прохожего, который оказался старым солдатом-отпускником, увешанным медалями, я дал ему подержать факел, принесенный конюшим, ехавшим впереди нас на почтовой телеге. Солдат остался рядом с императором, тогда как я с конюшим попытался оказать помощь кучеру и камердинеру. Последний стонал, и весь был покрыт кровью, второй не подавал признаков жизни. Тогда я послал конюшего в маленький городок Чембар, который был всего в пяти верстах от места, где мы находились, с тем, чтобы как можно скорее привезти врача и коляску для перевозки императора. Тем

* Приписка Николая I: «в придорожной канаве»

** Помета Николая I: «Это не точно. Когда Бенкендорф встал на ноги, он мне сказал «Выходите быстро». Я ему ответил «Легко сказать, выходите, но я не могу подняться. Я чувствую, что мое плечо сломано». Превозмогая сильную боль, я выбрался из коляски. Едва оказавшись снаружи, я почувствовал себя плохо, о чем и сказал Бенкендорфу»

временем император разговаривал с солдатом-отпускником, который держал перед ним факел. Он поднялся, чтобы помочь нам позаботиться о своем камердинере, и заметил мне, что у меня появился убитый на том фронте, которого я даже не заметил. К месту событий подъехал следовавший за нами фельдъегерь, и я сразу отправил его обратно за врачом Арендтом, который ехал в одной коляске с генерал-адъютантом Адлербергом, с тем, чтобы поторопить его приезд. В одном из карманов коляски я нашел бутылку воды* и омыл ею окровавленное лицо камердинера, а также дал напиться императору, который чувствовал сильную жажду**.

Вид сидящего на земле со сломанным плечом суверена одной шестой части земного шара, освещенного лишь жалким инвалидом, и не имеющего других слуг, кроме меня, эта простая сцена навеяла мне мысль о бренности всего земного величия. У императора было то же впечатление, и мы поговорили об этом с тем религиозным чувством, которое внушил нам этот случай. Добрый час прошел, пока кучер не начал дышать, и пока из города не приехал врач. Император приказал ему оказать всю необходимую помощь Малашеву и Артамонову*** которые пострадали больше него, и положить их в повозку, которая только что прибыла за нами из Чембара.

С помощью прибывших людей наша коляска была поставлена на колеса. Император сел в повозку, чтобы направиться в город, не позволив врачу осмотреть себя. Однако от тряски в грубой повозке испытываемая им боль резко усилилась, и дальше он продолжил путь пешком. Вскоре нас нагнали взволнованные Арендт и Адлерберг, и я поспешил опередить их с тем, чтобы приготовить квартиру императору. Кроме городничего[193], встречавшего нас у городской заставы, в Чембаре все спали. Я взял его с собой, и мы направились по городским улицам к зданию уездного училища, которое, по его словам, только и могло быть подготовлено для приема императора.

* * *

Я приказал наскоро помыть и добавить света в это здание и отправился встречать императора, который уже был в городе. Он был усталым, но, войдя в свою новую резиденцию, принялся шутить и спрашивать, о чем бы написать, он приказал, чтобы фельдъегерь немедленно был готов отправиться в Петербург. На четырех страницах он написал письмо императрице, которое и прочитал нам. Оно было написано столь живо, что заставило нас рассмеяться. Отправив его, он приказал мне отменить свою дальнейшую поездку, особенно там, где ждали в дальнейшем. Занимавшийся военными делами генерал Адлерберг получил его приказания по поводу генералов, собравших свои войска, а также относительно польского наместника князя Паскевича и военного министра Чернышева. Окончив все это, он сказал своему врачу: «Хорошо, теперь Ваша очередь. Вот моя

* Последнее слово зачеркнуто и рукой Николая I написано «хереса»

** Слова «сильную жажду» зачеркнуты и рукой Николая I сверху написано «я плохо себя чувствовал»

*** Последнее слово зачеркнуто, рукой Николая I написано «кучеру Колчину»

Н.Ф. Арендт

рука, займитесь ее». Во время всей процедуры он шутил с нами и любезно познакомился с врачом Чембара[194], который был очень удивлен, что его позвали на помощь лекарю своего государя. Затем я принял все необходимые меры для размещения свиты императора и для возврата коляски с его камердинерами, которая опередила нас и уже была в Тамбове.

Этот маленький городок, один из самых захудалых в империи, где мы были вынуждены остановиться, не мог предоставить нам никаких припасов. Надо было немедленно позаботиться о ежедневной провизии для нашего стола, найти какие-то предметы мебели, привезти из Москвы вина, создать что-то вроде полиции на случай пожара в этом полностью деревянном домишке, почти целиком покрытом соломой. Надо было организовать прием и отправку курьеров и сообщить всем о новом местопребывании императора. Все это было успешно сделано, со всех сторон губернии прибывали гвардейские и армейские отпускники, первых использовали в качестве императорской прислуги, из вторых сформировали отряды городских полицейских, пожарных и мусорщиков. Все хотели быть полезными, жители Чембара в гробовом молчании от огорчения целыми днями толпились вокруг скромного жилища их государя, как будто охраняли его и оберегали от малейшего шума, говорили они между собой на ухо, как если бы находились в его спальне. Окрестные помещики присылали фрукты и самую разную

провизию, и вскоре на нашей походной кухне, руководимой поваром Мюллером, всего было с избытком. Для украшения окон дома нам присылали охапки разноцветных цветов, богатые и бедные женщины приезжали за сотни верст, как на паломничество, с тем, чтобы узнать о здоровье императора и в надежде его увидеть. По мере того, как новость о несчастном случае достигала соседних губерний, начали приезжать посыльные с тем, чтобы узнать хорошие новости о состоянии здоровья обожаемого государя. Ежедневно врач государя и городской доктор, который был очень сведущим молодым человеком, составляли бюллетень о состоянии его здоровья. Его каждый день направляли в Москву, Петербург и во все те регионы, куда вели дороги из Чембара. У меня не хватало времени ответить на все письма, которые срочно ко мне пришли. Вся империя жила в страхе, Чембар стал главным центром опасений и надежд. В Петербурге императрица со свойственным ей во все грозные дни душевным равновесием старалась успокоить все опасения. Она часто появлялась в Елагином парке и сообщала всем, кто к ней подходил, успокоительные новости, которые она сама получала в ежедневных многостраничных письмах, написанных императором собственноручно, исполненных веселья и радости.

Но на самом деле император сильно страдал, в первые дни нашего пребывания в Чембаре стояла страшная жара, казалось, что лето специально пришло туда с тем, чтобы встретить нас и уберечь от непогоды, которая сопровождала нас всю поездку. Ставший Всероссийским дворцом хилый дом не спасал от жары, и врачи не сразу заметили, что кроме ключицы было сломано верхнее ребро, что усиливало боли. Император жаловался, но, проявлял ту силу характера, которая выделяла его во всех случаях жизни, даже при телесных страданиях. Он продолжал заниматься делами, как если бы он был совершенно здоров в своем кабинете в Зимнем Дворце. Курьеры, которые привозили от всех министров обычную работу, отсылались назад в тот же день или ночью без малейшей задержки. В минуты отдыха он читал газеты и даже романы, но они часто заставляли его скучать, тогда он с беспокойством думал о своей семье, о своем народе и о тех изменениях, к которым привел в дороге этот несчастный случай. Он опасался, как бы императрица не решила отправиться в Чембар, что могло привести к самым печальным последствиям для ее здоровья, и довести до предела беспокойство всех подданных. В первом же письме он категорически запретил ей это, об этом же он писал и князю Волконскому, но, зная нежную привязанность, которую испытывает к нему его супруга, он опасался, как бы она не приняла решение приехать. На этот случай для размещения ее со свитой я приготовил здание судебной палаты.

Врач заявил, что в Чембаре надо остаться на три недели, и потом продолжить поездку маленькими переходами. Все это сильно противоречило характерному для императора нетерпению и вредило его выздоровлению. Первое сделанное для него фиксирующее приспособление было снято через три дня, так как оно столь сильно сжимало его живот, что у него начались колики, боль от которых была непереносимой. Несчастный Арендт не знал, какое еще средство посоветовать,

тем более, что больной отказался от большинства из них, а неспособность других унять боль приводила его в ярость.

В одну из ночей он почувствовал себя настолько плохо, что позвал священника с тем, чтобы подготовиться к смерти. По его приказу этот факт был скрыт от императрицы и от страны в целом. Эта тайна, в которую я был посвящен, еще больше увеличила чувство моего уважения, а также усилила мои огорчения и беспокойство. Перед императором я всегда старался быть спокойным и держаться в хорошем настроении, но мое сердце разрывалось, а разум говорил о чрезвычайной сложности моего положения перед государством, императрицей и наследником. На заре поделиться своими печалями ко мне пришли мои товарищи по поездке Адлерберг, прусский полковник Раух (?) и павший духом Арендт, и мне пришлось успокаивать и их, а также приободрить растерянного врача.

Утром, в до и после обеденное время я целыми часами оставался подле императора. Как обычно Адлерберг принес ему портфель с бумагами из военного министерства и вечером прочел вслух некоторые из них. Командующий черноморским флотом адмирал Лазарев и граф Витт, начальник военных поселений кавалерии, которые император должен был осмотреть в Чугуеве, получили приказание явиться в Чембар, они неоднократно встречались с императором по различным порученным им вопросам. Также из многих мест прибыли другие генерал-адъютанты императора, что с каждым днем увеличивало наше общество за столом и развеивало скуку от пребывания в городе. Несколько раз император прогуливался по двору своего дома, наслаждаясь возможностью подышать свежим воздухом, словно заключенный, покинувший свою темницу. Здесь он с удовольствием встречался с нами, и мы вместе смеялись. Но повторявшиеся каждый день приступы болей в животе начали его беспокоить и пребывание в Чембаре с каждым днем становил все более невыносимо. Настроение его портилось, а стремление уехать возрастало со всей очевидностью. Срок в три недели при его нетерпении казался ему бесконечным. Арендта все больше тревожило состояние его здоровья и упадок настроения, он не мог не видеть, что император теряет доверие, которое всегда испытывал к его способностям. Он пришел ко мне со слезами на глазах, сказал, что для улучшения морального состояния императора отъезд необходим, но переломанная кость может пострадать от сотрясения коляски. Я посчитал, что из двух зол опасность для состояния руки является наименьшей, и мы решили через 4 дня со всеми предосторожностями отправиться в путь. Эта новость обрадовала императора, и я поспешил сделать все требуемые приготовления. Однажды вечером, когда нам оставалось еще три дня до отъезда, император послал за мной. Он лежал в постели, глаза его сверкали, вся фигура выражала недовольство. Не терпящим возражений тоном он сказал мне: «Я уезжаю завтра в 9 часов утра, если Вы не сможете приготовиться к отъезду, то я пойду пешком». Никогда еще он не обращался ко мне таким тоном и с таким видом повелителя. Видя, что он столь решительно настроен, я спросил только, предупредил ли он врача, на что он мне ответил, что врача это совершенно не касается. Тогда я

сказал, что все приготовлю, несмотря на то, что это будет нелегко в 12 часов ночи. Едва я успел отдать требуемые распоряжения и началась подготовка к столь поспешному отъезду, как он снова послал за мной. Войдя к нему доложить, что все будет готово, я увидел, что его лицо спокойно, а голос успокоился. Он повеселел и приказал мне наградить всех тех, кто служил ему во время пребывания в Чембаре. Он пожертвовал значительные суммы денег церкви, школе и неимущим. На следующее утро в 7 часов он был уже готов и потребовал отправиться в путь. Перед отъездом он поблагодарил городничего, уездного предводителя дворянства[195], жандармского полковника и солдат-отпускников, прислуживавших ему в доме. Он пешком направился в церковь, заполненную и окруженную всем населением Чембара, затем сел в длинную и низкую карету, которую я срочно приказал доставить из Пензы, как более для него удобную. Мы все сели в нее вместе с ним. Наш отъезд произошел при великолепной погоде и сопровождался благословениями людей, сбежавшихся посмотреть на императора.

* * *

Мы провели в Чембаре две недели с 26 августа по 9 сентября. Эти 15 дней показались мне 15 месяцами, и я был столь же счастлив, как и император, уехать отсюда. На протяжении первых 20 верст он весь светился от радости, шутил со своим врачом по поводу его незнания и общей неопределенности его профессии. Но потом возобновились его желудочные боли и с тем, чтобы скрыться от наших взоров, он один перебрался в свою коляску и добрался до места ночлега весь измученный и в плохом настроении. Мы заночевали в небольшом городке Кирсанове, где для него смогли найти только весьма скверный домишко, и откуда мы уехали ранним утром следующего дня обеспокоенные больше, чем накануне, и при отвратительной погоде. Вторая ночевка у нас была в Тамбове, куда мы приехали в два часа пополудни. Стечение простых людей и светского общества пешком и в экипажах было столь значительно, что мы с трудом добрались до губернаторского дома[196], где остановился император. Во время поездок по России и, особенно в губернских городах, везде государя сопровождали бурные проявления радости и восторженные крики встречающих. Здесь же нас ожидало совершенно другое зрелище — гробовое молчание огромной массы народа, которая толпилась вокруг кареты императора с выражением самого трогательного сочувствия и с деликатным опасением потревожить его выздоровление любым шумом. Эта сдержанность и религиозная робость показалась нам более красноречивой и более заботливой, чем все те восторженные крики, к которым за 10 лет любовь русского народа приучила своего молодого государя. Целый день толпа не покидала площадь перед домом, глаза людей были прикованы к окнам, все молились о выздоровлении государя, и не было слышно ничего, кроме вздохов.

В Тамбове мы встретили графа Михаила Воронцова, который уже оставил должность новороссийского губернатора и приехал на доклад к государю и за его дальнейшими приказаниями. Я был счастлив встретить старого друга, и мы провели вместе остаток дня. На следующее утро мы покинули Тамбов в окружении

Константин Константинович и Мария Константиновна Бенкедорф

все той же толпы, жаждавшей увидеть своего государя. Улицы были полны людей, дамы в экипажах следовали за нами и даже опережали коляску императора в надежде мельком его увидеть. Но на выезде из города на широкой проезжей дороге эти экипажи увеличили скорость, рискуя столкнуться между собой, и так продолжалось несколько верст, пока могли скакать их лошади. Это были настоящие и устрашающие гонки, которые, впрочем, несколько развлекли императора видом счастливых и красивых лиц, следовавших за ним по обеим сторонам коляски, друг напротив друга.

В следующий раз мы заночевали в Козлове, затем в Ряжске, Рязани и в Коломне. Везде люди нас встречали с тем же интересом и священным молчанием, можно было бы сказать, что людскими массами и каждым человеком управлял один и тот же электрический провод. Между тем, здоровье императора было далеко от улучшения. Врач беспокоился все больше, что только усиливало нашу тревогу. Почти весь путь до Москвы он проехал один, только после Коломны пригласив к себе Орлова. Мы с Арендтом ехали с отставанием примерно в четверть часа. Выйдя из кареты, мы зашли к нему, и были очень удивлены, найдя его в страшном гневе. Он заранее приказал, чтобы никто из городских властей не ожидал его приезда, но невозможно было предугадать, что перед всеми многочисленными церквами, где он должен был проехать, стояли священники с крестами

и святой водой. Он постоянно был вынужден обнажать голову и целовать крест, а между тем, для того, чтобы обеспечить покой его руке, он был весь обложен мягкими валиками, наскоро сооруженными вокруг него. Он приказал мне пригласить графа Толстого и хорошенько прочистить им мозги. После обеда я зашел к нему и сказал, что не смог выполнить его приказание, так как граф Толстой не был виноват, т.к предупредил духовенство не делать ничего, что противоречило бы принятым обычаям, за единственным исключением, когда государь приехал в столицу для коронации. Но митрополит решительно приказал всем священникам встать у дверей церквей, посчитав, что болезнь государя дает ему право на этот знак внимания, направленный на его выздоровление. «Тогда, — сказал император, — пригласите митрополита и отчитайте его». Он пообещал нам несколько дней отдохнуть в Москве, а потом, не спеша, продолжить путь, но нетерпение взяло верх, и он начал готовиться к отъезду уже утром следующего дня.

Перед выездом он отстоял службу в домашней церкви, принял графа Толстого и князя Сергея Голицына и сказал мне, что будет обедать на второй почтовой станции. Но там он потребовал лошадей и продолжил путь так быстро, что мы не смогли его догнать вплоть до Царского села, куда я приехал на час позже него. Его неожиданное появление было приятной неожиданностью для императрицы и членов его семьи, которые поздравили его с возвращением домой и с избавлением от Чембара. Когда я приехал, он уже обедал со своей семьей. Он был столь любезен, что пригласил меня войти и с чувством поблагодарил за ту заботу, которой я его окружил. Со своей стороны императрица со свойственной ей ангельской кротостью поблагодарила меня за то, что я привез ей ее супруга. У меня отлегло от сердца, как будто страшная тяжесть упала с моих плеч, когда я увидел императора в кругу семьи, я за него больше не нес ответственности. Он оставался в Царском селе в течение 20 дней, выехав в Петербург только 8 октября всего на двое суток. Он прожил в Царском селе до 7 ноября, постепенно избавляясь от страданий, причиненных ему несчастным случаем у Чембара.

1837

Зимний сезон был менее оживлен, чем обычно; балы и праздники несколько укрепили здоровье императора, который еще чувствовал себя слабым, и упрочили руководившее им стремление к благополучию всех людей, которые еще очень тревожились за него. Также частично развеялись ужасные опасения потерять того, кто являлся источником спасения для России и страха для революций.

* * *

В начале марта я работал в Кабинете Министров, когда неожиданно почувствовал себя настолько плохо, что едва успел схватить шапку, сесть в сани, добраться до дома и лечь в постель, как почувствовал себя совершенно заболевшим. Жена и дети в тот момент отсутствовали, и, вернувшись, застали меня совершенно

обессиленным. Я послал за своим доктором, но он сам оказался болен, тогда я оповестил врача императора. Он посчитал возможным мне пообещать, что через пару дней я встану на ноги, но я возразил ему, что он ошибается, так как я чувствовал себя очень плохо, но не мог пояснить, в чем это конкретно выражалось. На следующий день, я пригласил к себе графа Орлова и поручил ему заниматься всеми важными делами, которые могли возникнуть в моем министерстве, и о которых требовалось бы доложить императору. Я также приказал начальнику моей канцелярии генералу Дубельту государственному секретарю Мордвинову согласовывать свои действия с графом Орловым, на следующий день я уже находился между жизнью и смертью. Император появился у моей постели сразу же, как узнал о той опасности, в которой я находился. Но, опасаясь своим присутствием усилить мое беспокойство, он сделал вид, что говорил со мной о делах и даже пытался рассказать мне о только что полученных им новостях, а сам в другой комнате строжайше запретил начальнику моей канцелярии докладывать мне дела и вообще заходить ко мне. Он также отправил моего зятя князя Белосельского за другим доктором. Мой врач, несмотря на свою болезнь, приехал ко мне, кроме того, Арендт прислал еще двоих докторов, таким образом, моим выздоровлением занимались сразу 5 врачей. Как только я увидел такое высокое собрание и все то, что делалось вокруг меня, я тотчас понял, в каком плачевном состоянии нахожусь. Но самообладание меня не покидало почти ни на минуту, и я не впал в отчаяние умирающего человека. Я был до слез тронут теми заботами, которыми окружила меня моя супруга, моя падчерица Белосельская, мой племянник[197], мой двоюродный брат Шиллинг и все вокруг. Все стремились проявить себя, как самые близкие мои родственники.

Тем временем состояние моего здоровья только ухудшалось, несколько раз за день в мой дом возвращались врачи и проводили консилиум, каждый из них щупал мне пульс, и каждому я должен был показать свой язык, также они прощупывали мой живот. А затем еще в течение часа я слышал, как они в третьей от меня комнате по-латыни обсуждали положение. Император терпеливо выслушал их дискуссию и умножил свои заботы, которыми меня окружил.

Мне ставили горчичники, прикладывали шпанских мушек, постоянно заставляли глотать сильнодействующие вещества, я принимал все, что мне давали, и с величайшей благодарностью позволял совершать над собой все, что им было угодно. Такое состояние на волосок от смерти продолжалось более 10 дней. Наконец, опасность признали миновавшей, но новый приступ болезни сделал ее более серьезной, чем раньше. Этот приступ был вызван оживлением тех, кто меня окружал, и кто толпой входили в мою комнату с тем, чтобы меня проведать, поцеловать мне руки и с желанием меня развеселить. Император, который всегда приходил по утрам и частенько по вечерам, строжайше запретил, чтобы кто-нибудь входил ко мне. Он присаживался рядом со мной и старался толковать о таких политических и других новостях, которые могли меня позабавить, но не сильно занимали мои мысли. Он с удовольствием рассказывал мне о том общем сочувствии,

которое вызвала моя болезнь в обществе и во всех классах населения, о письмах на эту тему, присланных из различных городов со всей империи, которые он читал. Этот интерес превзошел самые смелые мои мечтания, в моем доме встречались богатые и бедные, крупные чиновники и частные лица, самым непосредственным образом зависевшие от службы, на лестницах постоянно толпились люди, перед домом весь день менялись лица, интересовавшиеся состоянием моего здоровья. Сам император, выходя от меня, сообщал им о положении дел.

О моем здоровье справлялись и самые блестящие светские дамы, и женщины буржуазного сословия. В церквях священников просили молиться за меня, татары и евреи молились в кругу своих единоверцев, также как это делали в католических и армяно-грегорианских соборах. По мере того, как известие о моей болезни достигло Москвы и внутренних провинций империи, там начиналось то же самое. В Берлине, Вене и Стокгольме государи и представители общества высказывали мне самый живой интерес, после своего выздоровления я имел счастье узнать, что обо мне скажут после моей смерти. Это было самым большим и прекрасным признанием заслуг, которое человек может получить в этом мире. Этим посмертным некрологом мне стали слезы и надежды бедных, повсеместное сожаление и особенно огорчение моего государя, который своими заботами и своей печалью дал мне самое убедительное доказательство своего расположения и признания моих заслуг.

Применительно к занимаемой мною должности, это было мое полное управление на протяжении 11 лет. И я стал первым примером руководителя высшей полиции чьей смерти опасались, и в тот момент, когда ожидали, что я предстану перед высшим Небесным Судьей, ни одна рука не поднялась восторженно размахивать цветком. Эта болезнь стала для меня настоящим триумфом, таким, которого не был удостоен еще ни один высший чиновник. Двое из моих высокопоставленных товарищей, которые не скрывали своей ненависти к моей должности, и, быть может, к доверию государя по отношению ко мне, они оба пришли к изголовью моей кровати и сказали: «Я складываю оружие, интерес и всеобщее сочувствие, проявившиеся по отношению к вам, столь прекрасны и единодушны, что добавить к ним нечего». С этого времени оба этих человека выражали мне только высокие проявления дружеских чувств. Император был рад моему триумфу, это было одобрение всей нации сделанного им выбора и его поддержки, оказанной мне и моей должности, против всех обвинений, которые пытались возвести против меня.

По истечении трех недель мою постель перенесли в большую залу, эта возможность покинуть спальню, где я так страдал, и которая стала для меня непереносимой, оказалась моей первой радостью. Императрица оказала мне великую честь и посетила меня, когда я еще лежал на кушетке в домашнем платье, ее визит доставил мне огромное удовольствие и исполнил меня благодарностью за столь высокое расположение. Наследник навещал меня несколько раз, ему было разрешено войти в мою спальню на несколько мгновений. Тем не менее, врачи не

Е. П. Белосельская-Белозерская (урожденная Бибикова), падчерица А.Х. Бенкендорфа

были еще ни в чем уверены, они не пришли к единому мнению о путях моего дальнейшего лечения. Впрочем, они единодушно заявили, что я должен буду лечиться все лето, притом заграницей. Это решение консилиума осторожно сообщила мне моя жена, но я решительно ответил, что скорее умру, чем покину Россию, и что я поеду только в свой загородный дом в Фале. Император знал, какое удовольствие доставляет мне пребывание в этом месте, с самого начала моей болезни он поддерживал во мне эту надежду. Он принял решение о том, что, как только мне позволят силы и установится хорошая погода, я отправлюсь в Ревель на пароходе «Ижора». Эта мысль понравилась мне больше всего, и я мечтал только о том, как вернусь в Фаль. Я считал дни и часы, мое нетерпение росло с каждой минутой, которая приближала меня к отъезду. Я был настолько слаб, что врачи старались выиграть время, но мое желание было настолько сильным, что из опасения навредить мне более долгими спорами они разрешили мне сесть на корабль как можно быстрее.

В конце лета император собирался совершить длительное путешествие в южные провинции своей империи и в Закавказье, он хотел бы, так же как и я, чтобы я смог сопровождать его. Он велел мне все лето соблюдать всяческие предосторожности с тем, чтобы мое здоровье укрепилось с целью позволить мне поехать с ним в конце июля. Так как Фаль находился довольно высоко к северу, врачи

опасались, что тамошний воздух будет слишком свеж для меня. Император проявил чрезвычайную доброту и приказал, чтобы в его дворце Екатеринентале были готовы встретить меня на несколько дней перед тем, как я поеду в Фалль. Каждый день он приходил ко мне и выказывал знаки величайшей дружбы. Наконец, 12 мая он дал мне отпуск, меня усадили в карету и вместе с супругой мы прибыли на Английскую набережную, где нас ожидал корабль «Александрия». Мне с трудом удалось подняться на него без помощи двух людей, которые должны были меня поддерживать. Вся набережная была полна зрителей, которые специально пришли посмотреть на меня и пожелать мне счастливого пути. На борту судна меня одели в шубу и посадили на скамью, теперь подошли ожидавшие меня близкие знакомые и обняли меня: женщины и мужчины, вельможи и торговцы — все они выразили свои наилучшие пожелания и дружеские чувства. Эта сцена очень тронула меня и забрала те немногие силы, которые мне удалось собрать. В Кронштадте нам предстояла пересадка с «Александрии» на «Ижору», которая на рейде ожидала нас, чтобы поднять якорь. Из последних сил я спустился в шлюпку и поднялся на борт другого судна. Многие люди, которые выразили желание сопроводить меня до Кронштадта, здесь простились со мной. К полудню при благоприятной погоде мы уже плыли к берегам Лифляндии. Я был так доволен оказаться на борту корабля, что мое настроение сильно улучшилось, и в первый раз я прекрасно провел ночь. Очень густой туман замедлил скорость нашего продвижения, и только к вечеру следующего дня мы увидели колокольни Ревеля и вошли в его порт. Я заранее написал губернатору о том, чтобы военные и гражданские власти не собирались по случаю моего прибытия, но был приятно удивлен, увидев, что по всему берегу стояли люди. Мой кузен губернатор Бенкендорф подошел на веслах, поднялся на борт и сказал мне, что было невозможно запретить людям собраться меня встретить и что все они ожидают меня с утра. Я вышел на берег, но в связи с тем, что нужно было преодолеть по молу довольно большое расстояние, чтобы подойти к карете, а моя слабость не давала мне возможности идти пешком, два матроса перенесли меня на раскладном стуле. Комендант порта храбрый адмирал Гейден приблизился ко мне и со слезами на глазах поцеловал мне руку, которую я не успел отдернуть, не сомневаясь в его намерениях. Все остальные пожелали последовать его примеру, все обнажили головы, дамы приветствовали меня, как некую реликвию, которую проносили мимо в торжественной процессии. Толпа сопровождала меня до кареты, в которую я поднялся с чувством полного удовлетворения от приема в родном городе моего отца.

Добравшись до дворца Екатериненталь, я нашел там присланного императором фельдъегеря, который без промедления должен был доставить ему сведения о том, как путешествие сказалось на моем здоровье. Я тут же взялся за перо, чрезвычайно тронутый этим новым свидетельством его нежной заботы. Сопровождавший меня от Санкт-Петербурга врач был крайне удивлен, увидев, что у меня остались силы написать письмо в четыре страницы, и тем улучшением моего состояния, которое произошло меньше, чем за 36 часов.

На следующий день была замечательная по-настоящему летняя погода, которой я воспользовался для того, чтобы сделать несколько шагов по саду и с балкона насладиться прекрасным видом и великолепным воздухом. Кроме моей супруги и детей со мной был князь Григорий Волконский, сын министра императорского двора и нареченный моей дочери Марии, а также мой кузен Шиллинг, кроме того несколько других людей, пожелавших меня сопровождать. Все они были очень хорошо устроены во дворце, поэтому весь день и обед прошли весьма оживленно. На следующий день утром прибыли кареты, и мы направились в Фалль, предмет всех моих вожделений. Меня восхищало все — и распустившаяся зелень, и находившиеся в полном порядке дома. Сначала я зашел в православную церковь, которая была здесь построена по моему приказу для моей супруги, здесь я возблагодарил Всевышнего за то, что он так чудесно спас меня для моей семьи и для службы моему благородному государю, который удостоил меня своей дружбой. Но еще несколько дней я не мог наслаждаться прогулками по причине слабости и не очень хорошей погоды. Мне пришлось удовлетвориться наслаждением смотреть на мой сад через окна или приказать перенести меня туда на совсем небольшое время.

День ото дня мои силы увеличивались, и через несколько недель я был в состоянии, хотя и с большими предосторожностями, каждое утро гулять по моим чудесным владениям. В первый раз за 38 лет активной службы я наслаждался полным отдыхом. Император также приказал, чтобы мне не посылали никаких бумаг, однако, постепенно я почувствовал необходимость в них и начал заниматься делами. Меня навещали мои добрые знакомые: мой лучший друг граф Михаил Воронцов, который приехал в Петербург всего на несколько дней, заехал ко мне с генералом Левашовым и Балабиным, затем герцог де Бутера, генерал Киселев, молодой князь Кочубей, господин Лазарев, князь Стурдза, госпожа Раух с дочерью, граф Хрептович со своей супругой и с молодой графиней Нессельроде и много других людей. Не считая жителей Ревеля и его окрестностей, приехал граф Сиверс со своей женой, старинной подругой моей супруги. Был мой шурин Захаржевский, все они оставались в Фале по несколько дней.

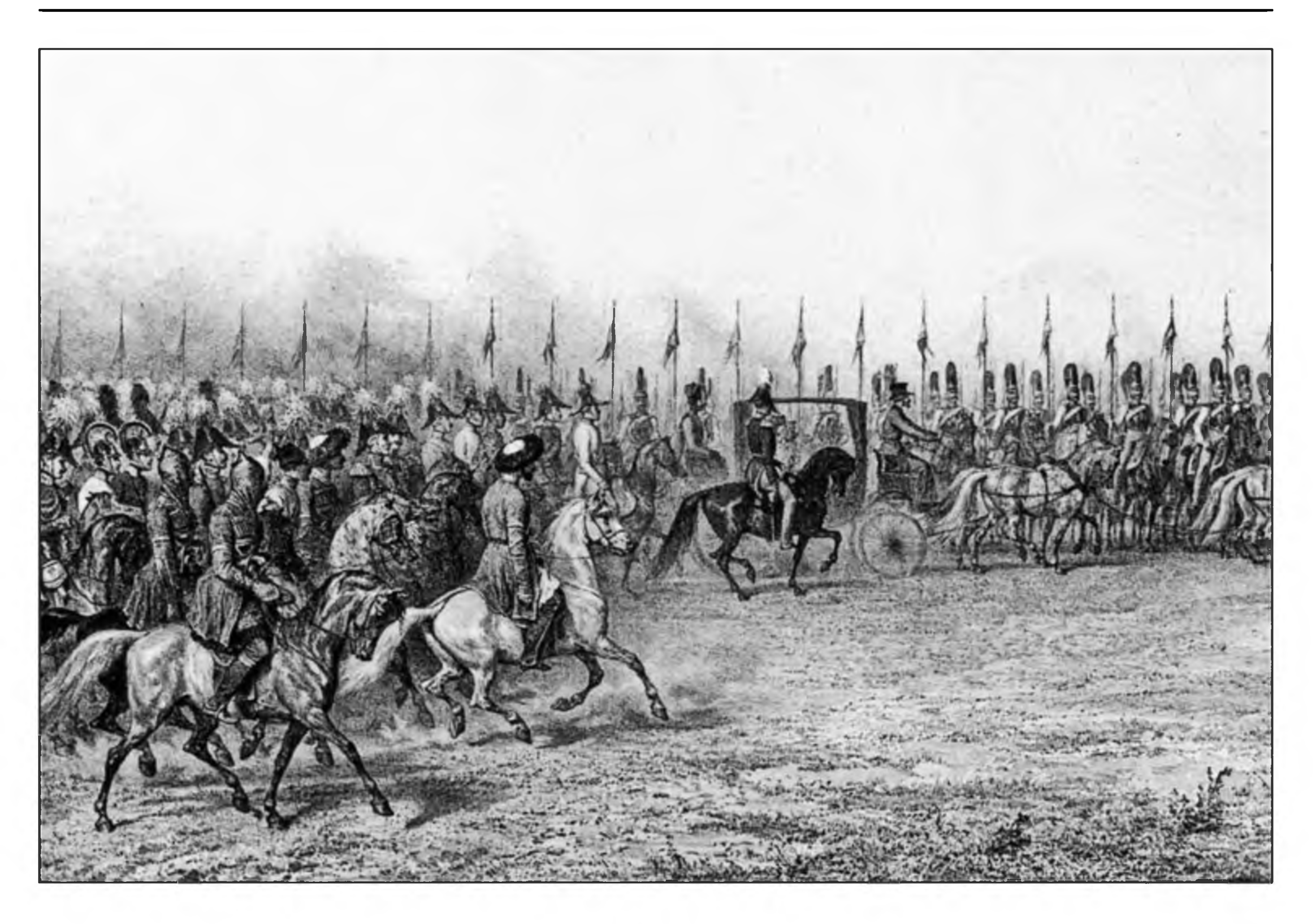
Я хотел вернуться в Петергоф ко дню ангела императора, к 26 июня. Но он решительно запретил мне это, приказав вернуться не ранее конца июля месяца, с тем, чтобы сопровождать его в длительной и интересной поездке, которую он собирался начать 1 августа. Этого желал и я самым горячим образом. Практически каждую неделю государь присылал мне со специальными курьерами письма, которые хранятся в Фале, как самые ценные свидетельства его высочайшего расположения ко мне.

В первые дни мая месяца наследник престола великий князь Александр покинул Петербург, выехав в свою поездку по империи, которую он начал с посещения Нижнего Новгорода, он побывал в Казани и доехал до Тобольска, где еще никогда не был ни один член императорской фамилии. Повсюду его встречали с самым нежным интересом. Любопытство и любовь народа в нем вызывало

все — его очаровательная внешность и любезность, его стремление осмотреть все во всех губерниях, его изящная и улыбчивая манера держаться, его религиозное уважение к верованиям своих предков и то великое предназначение, ради которого он был рожден. Люди видели в нем будущего государя своих детей. Толпы людей встречали его и благословляли его путь. Были приложены все усилия для того, чтобы эта поездка стала для наследника максимально полезной. По особому приказу в каждой губернии были приготовлены самые точные статистические данные по всем отраслям управления. Также были приготовлены образчики всех товаров, как в необработанном виде, так и являвшиеся результатом процесса производства, которые представляли собой естественные богатства или промышленную гордость в каждой губернии. Находясь на отдыхе, я получал отчеты жандармских полковников об этой поездке, они были полны восторга, который внушил им ход поездки наследника и его похвальное поведение. Все это делало его Августейших и любящих родителей чрезвычайно счастливыми.

Я выехал из своих владений 13 июля, и с тем, чтобы испытать свои силы, ехал днем и ночью без остановки до самого Петергофа. Членов императорской фамилии там не было, они уехали на маневры в Красное Село. Но прислуга дворца и конюшни сбежалась посмотреть на меня с тем воодушевлением и радостью, которые весьма редки в этой прослойке населения, столь пресыщенной лицезрением разных лиц, привычно появлявшихся и исчезавших из толпы высокопоставленных сановников. Я направился в Красное Село, где меня ожидал тот же прием: генералы и генерал-адъютанты императорского дома, иностранные посланники и дворцовая прислуга пришли ко мне еще до того, как я успел снять дорожную одежду. Я торопился повидать императора, императрица первой увидела меня с балкона и пригласила к себе со свойственной ей природной и любезной добротой, которая заслужила ей всеобщую любовь. Император зашел к ней и сжал меня в своих объятиях. Затем он увел меня к себе в кабинет, заставил присесть и начал задавать вопросы по поводу моего здоровья. Он ожидал, что я ему скажу о предстоящем путешествии, и был огорчен услышать, что мои силы еще не позволяют мне пуститься в столь долгий и утомительный путь. Вместо того, чтобы быть ему полезным, я мог вполне оказаться обузой, рисковал остаться где-то в дороге, не будучи в состоянии сопровождать его. Он позвал Арендта, который заявил ему, что путешествие меня погубит, и что мне нужен отдых еще в течение нескольких месяцев. Император поверил и ему, но сказал мне, что огорчен и обеспокоен таким положением вещей.

Он решил, что меня заменит граф Орлов. Граф находился в Лондоне, куда был направлен к молодой королеве Виктории с соболезнованиями по поводу кончины короля Вильгельма IV и с поздравлениями по случаю ее вступления на трон Великобритании, но его скорое прибытие не заставило себя ждать. Для меня было очень тяжело оказаться не в состоянии сопровождать моего государя, особенно в этой поездке, путь которой лежал через Грузию, где я начинал свою службу, и через Дон, где еще были живы храбрецы, с которыми на полях сражений я

Смотр кавалерии в Вознесенске в 1837 году

одержал немало побед. Я направился в Петербург, чтобы войти немного в курс служебных дел, которые я порядком запустил во время моего пятимесячного отсутствия, и чтобы возобновить свои обычные дела до дня отъезда императора.

Императрица уехала из Царского Села 31 июля и направилась в Москву, где ожидала возвращения из Сибири своего сына — наследника престола. В тот же день император выехал в Псков, Динабург и Ковно, где ему был представлен армейский корпус генерала Гейсмара, затем через Вильну, Бобруйск и Киев он направился в Вознесенск, где встретился с императрицей, наследником и великим князем Михаилом. Я же с грустью направился обратно в Фалль. Моя жена приехала в Петербург из опасения, что я не смогу удержаться и отправлюсь в путь вместе с императором. Она даже привезла с собой нашу дочь Аннету. Снова на Английской набережной мы поднялись на борт «Александрии», но сделали это в более спокойной обстановке, чем в прошлый раз. В Кронштадте мы пересели на «Ижору», и совершили прекрасную прогулку при самой лучшей погоде в году. Вернувшись в Фаль, я с новыми силами принялся за работы в саду. Я прикупил новые земли, прилегавшие к моему парку, на них изрезанные берега реки были еще более богаты растительностью, чем в Фале. Здесь трудились более 200 рабочих, и вскоре появились дорожки, каналы и водопады, сделанные с такой тщательностью, которая весьма удивила моих соседей, не привыкших к такой форме

работы. За все эти недели бумаги из Петербурга мне привозили всего два раза, и эта работа, не занимавшая более нескольких часов в день, только увеличила для меня прелесть пребывания здесь, внеся разнообразие служебных обязанностей в мирные деревенские развлечения.

Во время свой поездки императрица посетила Воронеж, где находились мощи святого Митрофана, привлекавшие сотни паломников со всех концов России. Она зашла в собор, где находилась его могила и его святые останки, но вечером лишь в сопровождении великой княгини Марии и бывшего с ними князя Петра Волконского она в 9 часов вернулась в церковь и целый час провела там в молитве. Туда же она вернулась и на следующий день в момент отъезда. Этот поступок, доказывавший религиозное уважение к мощам недавно канонизированного святого, во всей империи произвел самое живое и уважительное впечатление. Эта новость передавалась из города в город и из уст в уста, и наполнила радостью всех русских, увидевших в этом поступке искреннюю трогательность, с которой их государыня отвергла протестантское вероисповедание и приняла русскую веру, став супругой великого князя Николая. Пребывание в Воронеже привлекло к ней еще больше уважения, чем до этого она получила от своих многочисленных благодеяний и ангельской доброты.

В конце сентября я вернулся в Петербург с тем, чтобы подготовить поездку в Москву великих княгинь Ольги и Александры, а также молодых великих князей Константина, Николая и Михаила. Все они должны были встретиться там со своей Августейшей матерью, а позднее и с императором. Находясь в Царском Селе, они встретили меня с радостью, которую в силу своего возраста они видели в каждой поездке. Все меры, которые я им предлагал для организации путешествия, заставляли их прыгать от восторга и от предвкушения скорого свидания с Августейшими родителями, все это заставляло их молодые сердца биться сильнее.

Мы выехали в октябре из Царского Села и через 6 спокойных дней приехали в пункт назначения. Для меня это было в новинку, так как еще никогда в жизни, путешествуя, я каждый день не обедал и не ложился спать. Дети были со мной так веселы, счастливы и любезны, что поездка оказалась не только комфортной, но и приятной. Когда мы приехали, то я почти огорчился. Через три дня императрица прибыла в Кремль, дети бросились встречать ее на лестницу такими радостными криками, какими можно встречать только самую нежную мать.

Целыми днями мы находились в самом сильном беспокойстве, зная, что император находился в Закавказье, что он должен был проехать по этим горам, полным воинственными племенами. Я был единственным, кто, зная характер этих горцев, их почтительное отношение к имени государя, утверждал, что они никогда не допустят недоброжелательства или жестокости по отношению к его представителям. Только под его властью у них была надежда на лучшее будущее. Я говорил, что в окружении этих, еще вчера варварских народов, его жизнь была в большей безопасности, чем, если бы он находился в так называемых цивилизованных странах Европы. Именно там на протяжении последних пятидесяти лет

враждебная пропаганда подорвала уважение к королям и пыталась сделать жертвами тех, кто держал в своих могущественных руках защиту престолов и спокойствие народов.

Наконец, к вечеру 29 октября к величайшей радости членов своей семьи и всех своих преданных и старинных слуг император со своим сыном, который ожидал его в Черкасске, прибыл в Кремль. Я кинулся в кабинет императора, где уже находилась императрица, и обнял его со всем своим сердечным пылом. Я прижимал его к груди с той любовью, которую к нему испытывал. Он был рад меня видеть и сказал мне, что ему постоянно меня не хватало, несмотря на все те заботы, которыми окружил его граф Орлов. Особенно это сказалось в Грузии, где он увидел все то, что я ему заранее предсказывал. Затем он приказал мне, графу Чернышеву и наследнику прийти к нему вечером с тем, чтобы услышать его рассказ о поездке, день за днем, начиная с отъезда из Царского Села, и, кончая прибытием в Москву. Он вел свой рассказ в течение 3 часов, затем вечером с 7 до 9 часов, на следующее утро с 8 до 11 часов. Он рассказывал так ясно и подробно, что, вернувшись к себе, я поспешил записать все то, что услышал, не имея возможности, тем не менее, сохранить ту удивительную точность, с которой он вел свой рассказ на протяжении 9 часов.

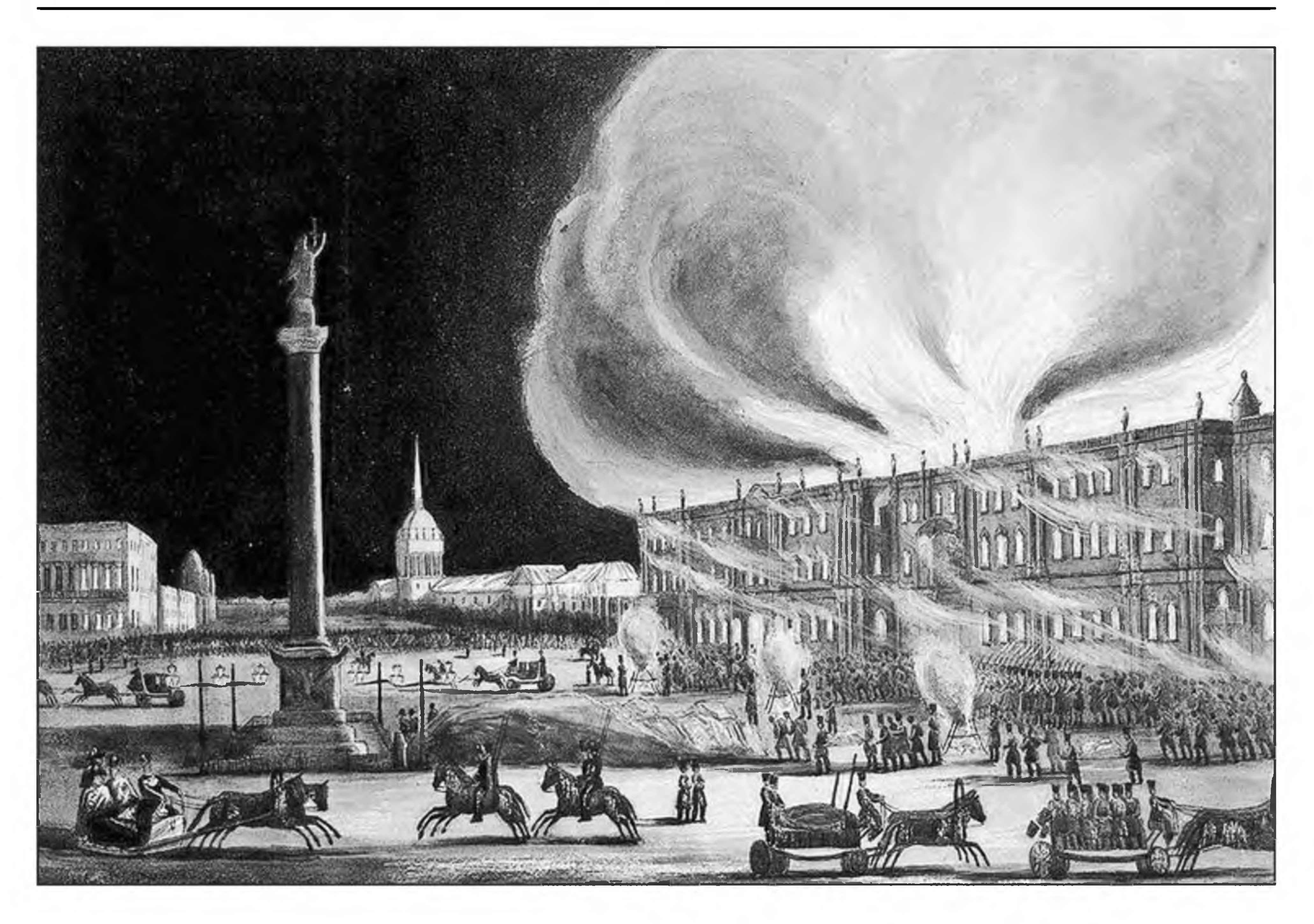
Император сказал: «*Я остановился в двух верстах от Пскова с тем, чтобы осмотреть строительство военного госпиталя**, *который находился рядом с дорогой. Это прекрасное здание, строительство которого должно быть вскоре закончено. В Пскове я осмотрел городской госпиталь, полубатальон солдатских детей, гимназию с находящимся при ней пансионом и провел смотр 4-го батальона первой пехотной дивизии.*

После этого я направился в Динабург, куда прибыл 2 августа в 6 часов вечера. Без промедления я осмотрел вновь построенный арсенал, пороховые склады и часть крепостных сооружений. На следующий день провел смотр 2-й пехотной дивизии, состоянием которой остался доволен. После этого я во всех подробностях осмотрел крепость. Все сооружения были выполнены с большой тщательностью. Строительство предмостного укрепления сильно продвинулось, на нем работали изо всех сил, но им сильно вредили весенние паводки, песчаная почва укреплений осыпалась то здесь, то там, вызывая дополнительные расходы и длительные работы. Выходящая из предмостного укрепления дорога была прекрасна и сооружена действительно замечательным образом. Подводя итоги, я был очень доволен. Временные летние войсковые госпитали и военный лагерь были хороши. 4 августа я провел учения 2-й дивизии и саперного батальона гренадер, а затем направился в Ковно, куда прибыл в два часа ночи. Там я провел смотр 1-го корпуса. Я остался полностью доволен пехотой, во многом — артиллерией, а особенно — 1-й кавалерийской дивизией, которую три года назад мы нашли в Динабурге в столь плачевном

* в тексте последние два слова зачеркнуты и рукой Николая I написано «штаба 2 полка».

состоянии. На завтра в день тезоименитства в лагере отслужили молебен, после которого я присутствовал на несении караула в полку новой Ингрии. Затем я осмотрел полковые госпитали и пансион благородных девиц, в котором убедился, что эти молодые девушки, рожденные и воспитанные в польских семьях, сильно продвинулись в изучении русского языка. Ковно является замечательным местом для корпусных парадов и учений. Прекрасное место для парадов, очень сухое, для больших учений туда нужно еще собрать войска, но местность очень разнообразна, здесь есть, где проводить маневры в течение целого дня. Сначала я захотел посмотреть, как войска проведут обычные учения, и так как все было хорошо, то на следующий день я приказал устроить маневры, разделив их на два корпуса. Наибольшей частью пехоты и полком кавалерии командовал Гейсмар, под командование Оффенберга были отданы меньшая часть пехоты и три полка дивизионной кавалерии. И тот и другой были излишне осторожны, но в целом все было хорошо, мне понравилось точное исполнение приказов войсками и порядок при перестроениях. В Ковно случилось нечто, что меня сильно огорчило, но что, тем не менее, было прекрасно. Учения закончились взятием города штыковой атакой, авангард колоны под командованием командира дивизии Мандерштерна остановился прямо на берегу Немана, откуда для большей имитации боевых действий паромы были переведены на другой берег реки. Все было кончено, я проехал перед этими войсками и в шутку сказал: «И что же? Чего вы тут ждете?» При этих словах храбрый Мандерштерн без малейшего колебания пришпорил лошадь и бросился в воду. Вся первая рота тут же последовала его примеру, нам потребовалось немало труда, чтобы вернуть их на сушу. К счастью, никто не утонул, но бедняга Мандерштерн, и так страдавший от старых ран, заработал себе жестокую лихорадку. На следующий день я зашел его проведать с тем, чтобы убедиться в состоянии его здоровья и немного побранить за то, что он столь проворно повиновался моим словам. Этот поступок раскрыл человека — он сумеет повести свои войска на врага. Полученные мною через несколько дней сведения, благодаря Богу, полностью успокоили меня в отношении состояния его здоровья. Ожидавший меня в Ковно маршал Паскевич также был удовлетворен состоянием, в котором он нашел войска 1-го корпуса. Я должен сказать, что население Ковно и его окрестностей очень хорошо принимало меня, все встреченные мною люди были рады меня видеть.

Уехав из Ковно 9-го числа, я остановился с тем, чтобы осмотреть красивую Почаевскую лавру, которая еще недавно была католической, а теперь стала православным храмом. В 10 часов вечера я приехал в Вильну. Городские улицы были полны людей, которые встретили меня выражениями бурной радости. Такие чувства нельзя было выразить по приказу, и это было хорошо. Тем не менее, я не дал этим крикам убедить себя, так как опасаюсь, что эти молодцы в глубине души меня не слишком любят. Но, в конце

Пожар Зимнего дворца

концов, мы только в начале пути. Город стал много лучше, он был чистым и производил приятное впечатление видом достатка и порядка, что было заслугой его генерал-губернатора князя Долгорукого. После ночного сна ранним утром я пошел помолиться в собор, а затем зашел в католический храм, где меня ожидали его священнослужители со святой водой и крестом в руках. На площади перед этой церковью, где теперь все очень хорошо устроено, я провел смотр двух батальонов егерей маршала Кутузова, которыми остался доволен. Во время осмотра крепости я выразил свое неудовольствие устройством пушечных ложементов. Крепость действительно господствует над городом, и, если вдруг горожанам вздумается устроить бунт, то город будет полностью во власти крепостной артиллерии. Мы приняли здесь совершенно правильное решение, которое будет держать город в повиновении. Затем я осмотрел военные госпитали, которые содержатся в полнейшем порядке. К полудню я вернулся в замок с тем, чтобы принять военные и гражданские власти города, а также представителей знати и священства. В начале я принял католического епископа, которому суровым тоном сказал о его священнических обязанностях и о том спасительном влиянии, которое он должен оказывать на своих прихожан, давая им пример добрых нравов и преданности правительству ради благополучия и спокойствия этих

краев. С дворянством я говорил о прошлом и о том будущем, которое находится в их руках. Оно достижимо только покорным поведением и забвением глупых надежд, которые политические крикуны пытались заронить в них по поводу национального вопроса и которые могли привести только к потерям и к несчастьям для их страны. Хорошо знаю, что эти люди думают в глубине души, но важно, чтобы они оставались спокойными, остальное, возможно, придет со следующими поколениями. Я поехал в расположенный неподалеку университет, который теперь преобразован в медико-хирургическую академию. Все осмотрев там, я говорил с молодыми студентами, которые имели надлежащий вид и быстро учились русскому языку. Я был доволен их поведением, директор правильно ведет свое дело. Также я осмотрел гимназию, женское учебное заведение при католическом монастыре, больницу сестер милосердия, основанную для бедных и инвалидов, католическую церковную академию и благородный пансион, все хорошо работало и находилось в полном порядке. Затем я проехал по богоугодным заведениям — в монастыре святого Исаака и греческом униатском монастыре святого Василия. В мою честь был приготовлен красивый бал, на котором многие желали меня видеть. Мой приход хотели бы истолковать как некое примирение с моей стороны, но я отказался. После всех тех глупостей, которые они наделали, было еще слишком рано. Мой отказ сильно огорчил здешних дам, которые лелеяли большие надежды меня соблазнить. Между тем, должен сказать, что я видел вокруг себя только улыбающиеся лица, повсюду люди толпились вокруг меня. В конце концов, я остался доволен.

После обеда я выехал в Бобруйск, в Минске я остановился только для того, чтобы помолиться в соборе. Город ничуть не стал лучше, он выглядел бедным и грустным. В Бобруйск я приехал глубокой ночью. Утром 12-го числа я провел смотр 5-й пехотной дивизии, которая была в хорошем состоянии. Я осмотрел крепостные сооружения и отдельно стоящие форты, я всегда с большим удовольствием приезжаю в это огромное сооружение, строительство которого, наконец, завершается, и которое должно стать одним из самых красивых в Европе.*

В госпитале я разозлился, представьте, что его сотрудники забрали себе наилучшую часть здания, в тех помещениях, где должны были лежать больные, располагались салоны господ инспектора и госпитального врача, я сразу же восстановил там надлежащий порядок вещей. Коменданта крепости[198], который должен был следить за такими вещами, был посажен мною на гауптвахту, снял с должности директора и обругал всех в свойственной мне манере. Вот такие глупости вызывают мой гнев!

* На полях рукой Николая I сделана вставка: «В Бобруйске, также как в Динабурге по моему приказанию было высажено огромное количество саженцев, теперь это уже красивые деревья, в частности, — итальянские тополя».

На следующий день я устроил смотр двум саперным батальонам, которые очень хорошо себя показали. Затем я присутствовал на молебне в лагере и там же осмотрел временный госпиталь. Затем мы снова пустились в путь. В Чернигове я зашел в собор, и 14 числа в 9 часов вечера остановился в Печерском монастыре в Киеве. Я отчитал генерал-губернатора полковника Гурьева за то, что, вместо того, чтобы встретить меня в этом месте, он ожидал меня в моей резиденции на правом фланге почетного караула. Этот выговор был ему весьма неприятен, но он заслужил его. Наутро был произведен смотр 3-го корпуса, результатами которого я остался удовлетворен, войска были хороши, личный состав выглядел прекрасно, маршировали они вполне удовлетворительно. Так как это был день моих именин, то я отправился на молебен в монастырь, затем пошел в Софийский собор, который был восстановлен и выглядел прекрасно. Также я был в Михайловском Златоверховском монастыре. Затем я проехал по городу: с каждым годом он становится все лучше, город прекрасно расположен, я должен по справедливости признать заслуги генерала Левашова, при управлении которого произошло множество полезных изменений. Был в арсенале, который содержится в прекрасном состоянии и в изобилии снабжен всем необходимым, без сомнения, что это одно из прекраснейших в своем роде сооружений. 16-го числа я руководил учениями 3-го армейского корпуса, войска разумно исполнили все маневры. Местность была мало приспособлена к такого рода действиям. Затем я изучил крепостные сооружения, которые должны включать в себя весь Киев и обеспечить защиту огромным военным запасам, которые мы там уже имеем, и которые должны будут еще увеличиться. Эти работы продвинулись вперед, хотя и медленно, местные трудности возникали на каждом шагу. Строят здесь хорошо, используемый на стройке камень, запасы которого были найдены благодаря проявленной мною настойчивости, действительно превосходен, он лучше мрамора, а нашли его здесь в изобилии. Передовые укрепления вызывают огромные трудности и будут стоить немалых средств, но надо через это пройти, так как это чрезвычайно важно. Госпитали находятся в прекрасном состоянии, я осмотрел учебные заведения, университет развивается, число студентов возрастает, обучение русскому языку идет успешно. Тем не менее постоянно встречаются отрыжки польских глупостей, у молодых людей были найдены возмутительные сочинения. Их высекли, не придав этому ребяческому поступку большей важности, чем он заслуживал, но нужна постоянная бдительность. Местный куратор славный человек, но ему не хватает энергии, я послал Уварову, министру народного просвещения, мой приказ лично прибыть сюда, посмотреть, что можно сделать, и придать событиям надлежащее направление. В остальном молодые люди выглядели прекрасно, смотрели на меня с удовольствием, многие из них все и больше и больше становятся русскими, что не может радовать некоторых неискоренимо патриотично настроенных родителей. После обеда

по неизменной традиции я отправился поклониться святым мощам в Печорской лавре, и поспешил направиться в Вознесенск, где мне не терпелось оказаться. Прибыл туда 17-го в 11 часов ночи к большому удивлению всех тамошних жителей, которые не ждали меня раньше, чем через 5 дней. Таким образом, я приехал первым, что было мне крайне выгодно, так как осталось больше свободного времени».

На огромной равнине, окружающей Вознесенск и орошаемой водами Буга, император пожелал собрать огромные массы кавалерии. Для этого в район Вознесенска были направлены и стали лагерем:

- 1-й, 2-й и 3-й кавалерийские корпуса;

- корпус кавалерии, собранный из двух дивизий, принадлежавших армейским корпусам;

- дивизия из 40 эскадронов, сформированных из отпускников восьми соседних губерний;

- резервные эскадроны всей кавалерии.

Эти войска явились со всей своей артиллерией. Дополнительно к этим массам кавалерии были присоединены:

- 12 резервных батальонов 5-го корпуса;

- 16 батальонов отпускников этих же губерний совместно с тремя ротами артиллерии.

Местечко Вознесенск, в котором всего лишь стоял один кирасирский полк, благодаря неустанным заботам графа Витта всего за один год, стало городом, в котором был построен дворец для членов императорской семьи, разбит обширный сад с пересаженными туда уже большими деревьями, с театром, с 20 красивыми домами для высоких персон и со 140 домами поменьше для устройства свиты, генералов и офицеров, приглашенных на это грандиозное зрелище. Там было собрано все, что можно было пожелать для роскоши и комфорта, обстановка во дворце была самого лучшего качества, специально из Одессы и Киева сюда были приглашены торговцы и рестораторы, всего было припасено в изобилии. В домах стояли 200 экипажей и 400 верховых лошадей. Все постройки были сооружены из камня, тщательно и прочно. Это была настоящая сказка.

Кроме императрицы, наследника, великого князя Михаила с супругой и великой княжны Марии сюда были приглашены генерал-аншефы, корпусные и дивизионные командиры остальных армейских частей, многие гвардейские генералы и почти все генерал-адъютанты императора. Среди иностранных приглашенных были: эрцгерцог Иоганн Австрийский, принцы Август и Адалберг Прусские, принц Фредерик Вюртембергский, герцог Бернгард Саксен-Веймарский со своим сыном[199], герцог Лейхтенбергский и Баварский, австрийский посол граф Фикельмон, австрийские генералы, принц Виндишгрец Гаммерштейн с 24 офицерами, прусские генералы Нацмар и Бармер с 8 офицерами, английский генерал Арбетнот, шведский генерал Мернер со своим адъютантом, два датских офицера, султана представлял ферик-паша Ахмед с 6 офицерами. Мало-помалу разными

путями все это общество прибыло в Вознесенск, где было удобно устроено, снабжено экипажами и лошадьми.

Подобное соединение и развертывание военных сил не осталось без внимания большого количества иностранных газет и сильно обеспокоило парижский и лондонский кабинеты, которые были всегда настороженными, они поспешили обвинить российского государя в воинственных намерениях. Даже более правильно информированные о намерениях нашего правительства Австрия и Пруссия, тем не менее, были неприятно удивлены этим гигантским сбором военных сил, которые из ревности они стремились преуменьшить количественно и уличить в отсутствии должной организованности. Турция была единственной страной, которая была уверена в благорасположении Николая, ее благодетеля и спасителя, она не выказала никакого недоверия при получении известия о развертывании столь огромного количества войск в непосредственной близости от ее границ. Турецкий посол со своей многочисленной свитой рассматривал наше военное могущество скорее как защиту, чем опасность для Оттоманской Порты.

...«*На следующий же день я захотел осмотреть войска. Уже в 9 часов утра они были на месте. Казалось, что эта бескрайняя равнина была специально создана для соединения такого большого количества войск. Приблизившись к ним, я испытал невыразимые чувства при виде 350 эскадронов и 144 орудий конной артиллерии, построенных в пять линий. Зрелище было столь величественно и необычно, что моим первым желанием было возблагодарить за него бога. Было потрясающе видеть этих всадников, этих храбрых воинов, которые с непокрытыми головами вместе со мной возносили молитву всевышнему. Я был горд быть среди них и командовать ими. После окончания молитвы войска прошли передо мной, все было прекрасно: люди, лошади, выправка, форма и сбруи. Казалось, что все они были вылеплены по единому образцу, и нужен был очень острый глаз для того, чтобы различить малейшие отличия и найти лучшие полки. Как и во всех наших войсках, артиллерия была верхом совершенства. Я был очень доволен, все, что я видел, превзошло все мои ожидания. Дух этих войск был превосходен, так как подобного великолепия можно было достигнуть только совместными усердными усилиями командиров и солдат. Меня встретили с восторгом, который отразился на всех лицах. Эскадроны отпускников были столь же хороши, как только могут быть хороши войска, только что вышедшие из казарм. Видеть все это было величайшей радостью. Больше я не беспокоился о том впечатлении, которое эти сборы в Вознесенске произведут на иностранцев. По окончании торжественного марша я построил из них одну линию из двух дивизий драгун и приказал им двигаться по-пластунски, затем велел спешиться, сформировать пехотный батальон и в таком виде промаршировать по равнине. Упражнение было выполнено с точностью и проворством, которые мне так по душе, эти войска явно понимали свое предназначение. Тот воинственный пыл, который обуревал каждого человека, делал из них устрашающую силу,*

они были готовы ко всему. 19-го я осмотрел пехоту, которая была хороша, а собранные из отпускников батальоны были прекрасны. На следующий день я решил вывести на маневры всю кавалерию, численность которой, казалось, должна была помешать моим намерениям. Но воины были так хорошо выучены и опытны, а командиры были столь внимательны, что учения совершились так, будто бы я руководил ими в двадцатый раз. Вы понимаете, что все закончилось наступлением кирасир и пешей атакой драгун с целью захвата города. После обеда я осматривал госпитали, которые были приготовлены для такого огромного скопления людей, собранных в одном месте. Порядок и необходимые приготовления не оставляли желать ничего лучшего. Позже появилось большое количество больных на глаза, что было неизбежным следствием пыли и жары в этом месте, лишенном тени и укрытий. 21-го я внимательно осмотрел полигон для стрельбы в цель двух драгунских дивизий и роты артиллерии, было видно, что здесь хорошо поработали — все мишени были поражены. В день коронации, 22-го августа, я побывал на церковной службе в пехотном лагере, а после обеда мне показали конские заводы полков военных поселений. Там было несколько замечательных жеребцов и кобылы были хороши. Только кирасирская порода лошадей оставляла желать лучшего.

На следующий день в 8 часов утра, когда я находился у эрцгерцога Иоганна, я приказал объявить общую тревогу, и уже менее чем через полчаса построенные в батальоны войска стояли под ружьем. Воспользовавшись случаем, я в течение нескольких часов провел учения. Рано утром 24-го я отправился встречать императрицу, которую встретил на четвертой от города почтовой станции и проводил в ее резиденцию. Все генералы и старшие офицеры лагеря и из числа прибывших верхом прискакали из города на встречу государыни. Они составили огромный столь же блестящий, сколь и многочисленный кортеж, вполне достойный событиям, происходящим в Вознесенске. Той же ночью из Сибири приехал мой сын, Вы можете представить себе ту радость, с которой я заключил его в свои объятия. Поездка принесла ему большую пользу, он стал мужчиной. Моя супруга приняла участие в большом параде, который стал более великолепным, чем тот первый, устроенный мною в качестве репетиции. Погода была прекрасной, а небольшой дождь только прибил пыль к земле. Иностранные гости были удивлены выправкой и красотой этих войск, которые могли поспорить с тем, что мы привыкли видеть в Петербурге в исполнении гвардии. Я бы даже сказал, что в мастерстве выездки и в подборе лошадей эти стояли выше. Затем были организованы учения и маневры двух корпусов (император нам рассказал о них во всех подробностях, которые не сохранились в моей памяти). Наконец, — сказал он, — пришло время покинуть Вознесенск. В течение проведенных здесь двух недель я получил огромное удовольствие. С большим трудом я расстался с этими замечательными и прекрасно обученными войсками.

После того, как я попрощался со всем обществом и поблагодарил графа Витта, оказавшегося настоящим волшебником, 4-го сентября в полдень я направился вместе со своим сыном, в Николаев. Императрица с нашей дочерью Марией поехала в Одессу. 5-го числа я устроил смотр пехотному полку в Минске, и остался им очень недоволен. Благодарение богу, уже давно мне не приходилось видеть ничего столь же ужасного.

Николаев стал гораздо лучше, и построенные в нем здания были весьма хороши. Я осмотрел госпиталь, казармы, гидрологические сооружения, штурманскую школу, в адмиралтействе мне показали музей моделей морских судов. Склады, мастерские, строящиеся на верфях два линейных корабля, один 120-ти пушечный, другой 84-х пушечный, были великолепны. В моем присутствии спустили на воду три транспортных корабля, на которые, как я видел позже, поднялись две сотни азовских казаков, которых должны были доставить на кавказский берег. Морская и артиллерийская школы были прекрасно устроены, в целом, я был очень доволен тем, что касалось морского дела. После осмотра всего мы направились в Одессу. Утром 6-го числа мы с наследником и моим братом Михаилом пришли в собор, где нас ожидала и радостно встретила огромная толпа людей. Императрица побывала здесь накануне. На главной площади я устроил смотр двум батальонам полка польских егерей, которыми остался столь же недоволен, как и тем полком, который ранее видел в Николаеве. Они были непростительно скверны, им я об этом строго сказал командиру корпуса Муравьеву. Затем мы осмотрели город, который невероятно похорошел за тот десяток лет, что я здесь не был. Одесса стала красивым городом, я был поражен тем, что на каждой улице появились прекрасно построенные дома. Биржа была великолепным зданием, я должен был отдать полную справедливость графу Воронцову, то, что он сделал, было грандиозно. Единственно, чем я остался недоволен, была полиция, и я не стал скрывать это от него. Полиции практически не было, видно было, что полицейские не научились добиваться подчинения. Вечером городские власти дали в нашу честь изысканный бал, ничуть не уступавший балам в Петербурге. На следующий день мы внимательно осмотрели карантин, устройство и порядок которого удивили иностранцев. Поистине, это одно из самых лучших заведений такого рода в Европе. Эрцгерцог Иоганн был потрясен увиденным. Я поблагодарил и наградил карантинных чиновников.*

Далее императрица меня ожидала в институте благородных девиц, который находился под ее покровительством и был в прекрасном состоянии. Выйдя оттуда, мы осмотрели госпитали, тюрьму, карантинный батальон и арестантскую роту, все было в хорошем состоянии. Утром 8-го числа мы осмотрели Ришельевский лицей, который был в прекрасном состоянии,

* Помета Николая I: «И совершенно напрасно, через неделю в городе появилась чума, а оттуда распространилась по всей империи»

на молодых людей приятно было смотреть, было впечатление, что занятия идут очень успешно. Затем нам показали школы для еврейских девочек и мальчиков, которые были хорошо устроены и прекрасно выглядели. В 11 часов утра 9-го числа мы с императрицей, моей дочерью Марией, наследником и всей свитой взошли на борт парохода «Полярная звезда», который направился к Севастополю. В 25 милях от порта нас встретил весь Черноморский флот, это было великолепное зрелище. Я приказал флоту исполнить несколько маневров, что и было сделано в точности. Затем все суда приветствовали императорский штандарт, который по моему приказу был поднят на нашем пароходе. Позже нас приветствовали пушки Севастополя, в бухте которого мы бросили якорь. 10 сентября мы ездили в Георгиевский собор, построенный на отвесной скале над морем, после этого я осмотрел часть пехоты 5-го корпуса, которая каждое лето приходит в Севастополь на сооружение оборонительных укреплений. Я нашел ее в том же плачевном состоянии, как и те части, которые я видел ранее в Николаеве и в Одессе. Это поистине непростительно, я и не предполагал, что в армии еще существуют подобные войска. С трудом продвигающееся вперед строительство сделает по своему окончанию из Севастополя один из самых красивых портов мира, но остается еще очень большая работа. Сейчас идет работа по разрушению целой каменной горы, на месте которой будет построено адмиралтейство, казармы и красивая церковь. Когда все будет закончено, это место приобретет чудесный вид. Сооружение водопровода для наполнения корабельных доков тоже является огромной работой. В полдень я проводил супругу в северную часть порта, откуда она отправилась в Бахчисарай. Мы с наследником осмотрели Инкерманскую бухту, это часть огромного залива, представляющего собой порт, в котором могли бы укрыться все европейские флоты. Мы осмотрели береговые укрепления, что же, господа англичане, милости просим сюда, если вы хотите сломать себе нос. 12-го числа мы осмотрели госпитали для сухопутных и морских сил, склады и прочие заведения адмиралтейства. Все это находится в таком хорошем состоянии, в котором им это позволяют устаревшие здания. Утро 13-го числа я посвятил подробному осмотру флота, который я нашел в самом прекрасном состоянии в том, что касалось его порядка, опрятности и выправки матросов. Но его материальная часть еще отстает от Балтийского флота, есть устаревшие суда. Но экипажи превосходны. Вечером я нагнал свою супругу в Бахчисарае, где дворец бывших татарских ханов был тщательно восстановлен в том же мавританском стиле его первых владельцев. Мебель, ткани и все, что было нужно для придания ему восточного облика, было специально привезено из Константинополя. Это было необычно и чудесно, казалось, что ты там переносился в мир восточных сказок. Все здесь дышало азиатской изысканностью и томностью: фонтаны, маленькие садики, балконы, красивые диваны и даже надгробия. Пребывание здесь делал еще более сказочным

красивый город, затерянный в окружавших его скалах. Зрелище сильно отличалось от всего того, что я видел до этого, ему еще добавляли театральности нарядные одежды татар и евреев, а также оригинальная форма их жилищ. 14-го числа мы все вместе поехали на южный берег Крыма, и, частично на лошадях, объехали этот край, отличавшийся разнообразием видов и богатой растительностью. Недавно оконченная нами здесь дорога просто чудесна, все пропасти были засыпаны, а опасные спуски превратились в удобный путь, по которому можно проехать в экипаже. По сторонам этой дороги стоят загородные резиденции, а сама дорога петляет между возвышенным и живописным морским побережьем и гранитными горами, отделяющими как богатыми занавесями этот берег от остального равнинного Крымского полуострова. Пейзаж украшен богатыми замками, мы проехали через Артек, Массандру, Ореанду и Ялту и оказались в прекрасных владениях графа Воронцова в Алупке. Строительство его замка еще не завершено, но он станет одним из самых прекрасных сооружений, которые только можно видеть — стены выстроены из мрамора, а огромных размеров обеденный зал уже обставлен и отличается оригинальностью формы. Здесь у Воронцовых я оставил императрицу, которая к тому же нуждалась в небольшом отдыхе после своего долгого путешествия. А мы с сыном в Ялте поднялись на борт «Полярной звезды» и направились к берегам Азии. Ветер, уже и так довольно свежий, превратился в настоящую бурю, и нас изрядно качало. В 9 часов утра 21-го числа мы бросили якорь в Геленджике. Крепостные пушки и артиллерия лагеря генерала Вельяминова салютовала императорскому штандарту, сообщив о моем прибытии горам Кавказа, которые в первый раз видели государя России. Ветер был столь силен, а море настолько неспокойно, что нам с трудом удалось спуститься в шлюпку и высадиться на берег, а вторая лодка с нашей свитой была вынуждена вернуться к пароходу. Прямым ходом мы направились в лагерь, где войска нас ожидали в боевой готовности.*

Усиливавшаяся непогода так разыгралась, что линия взводов была вынуждена отступить на несколько шагов, знамена держали по два, а то и по три человека, я сам, будучи довольно сильным человеком, с трудом мог держаться на ногах и двигаться вперед. Невозможно было и думать о торжественном прохождении войск. Несмотря на это, войска были представлены прекрасно, это были настоящие бойцы с воинственным и внушающим доверие видом, на которых было приятно смотреть. Никогда еще войска не принимали меня с таким восторгом, было видно, что они рады видеть своего императора. Казалось, что все стихии ополчились против нас: вода готова была поглотить нас, ветер дул самым свирепым образом, а тут еще над Геленджиком появилось пламя. Вельяминов бросился к источнику огня, мы последовали вслед за ним. Горели провиантские склады, за ними занялись

* Последние слова фразы подчеркнуты и на полях помета Николая I: «Это неверно»

собранные рядом снопы сена в несколько миллионов пудов. Усилившиеся из-за этого огонь и дым накрыли артиллерийский парк, наполненный порохом и заряженными гранатами. Мы находились посреди этой опасности, пока солдаты с величайшим хладнокровием выносили в своих шинелях взрывчатые боеприпасы из окружавшего нас огня. Вечером мне захотелось вернуться на борт парохода, но это оказалось невозможно, ветер не давал спустить на воду шлюпки. Нам захотелось есть, но ветер опрокинул на землю кухню вместе с обедом. Пришлось остаться голодными и страдающими от холода в плохом домишке, в ожидании ослабления ветра.

Я поехал осмотреть госпиталь и навестить генерала Штейбе, который в одной из последних схваток с горцами был опасно ранен. Я опасался, как бы мы его не потеряли, это храбрый офицер.*

Только на следующий день в 5 часов мы смогли вернуться на наш корабль, который тоже подвергался опасности быть сорванным с якорей и унесенным в открытое море. Я был рад, что все это видел и мой сын, которым я был весьма доволен в данных обстоятельствах. В 11 часов ночи мы бросили якорь у Анапы. Утром 24-го мы поехали в крепость, я устроил смотр гарнизону, посетил госпиталь и осмотрел оставшуюся часть этих ужасных трущоб. Здесь надо будет основать поселения, которые станут активно использовать окрестные места и, тем самым, уменьшат опасность нападения горцев, которые всегда готовы напасть на гарнизон на выходе из укреплений. Так как в Анапе больше делать было решительно нечего, мы снова поднялись на борт корабля, и в 4 часа были уже в Керчи. Этот город получил значительную выгоду от прибрежного судоходства, он неизбежно стал гораздо больше. Недавно построенная набережная очень красива, непрерывно проводимые раскопки приносят большое количество древних находок, ими полон местный музей и много любопытного будут направлены в Петербург, в частности, массивная золотая маска, найденная в одном из захоронений. Она изображает лицо женщины между 30 и 40 годами и является законченным художественным произведением. Здесь мы расстались с наследником, который поехал в Алупку, где все еще находилась императрица, с тем, чтобы оттуда продолжить свою поездку по внутренним губерниям империи.

Я же на «Полярной звезде» направился в Редут-кале, куда прибыл 27-го числа после обеда. Здесь меня встретил главноуправляющий кавказскими провинциями генерал Розен. Это жуткое место расположено посреди болот, которые делают воздух болезнетворным. В нескольких верстах оттуда мы встретили мингрельского властителя князя Дадиана[200], который со своей многочисленными сопровождающими верхом приехал меня встретить и составить почетный эскорт. Его наряд, как и все его обличье, были весьма необычными, свой национальный костюм он нашел нужным дополнить нашим

* Пометa Николая I: «Полагаю, что он ошибся, и я видел генерала Штейбе в Анапе»

генеральским головным убором, что оказалось очень забавно. Сопровождали его богато одетые, хорошо вооруженные и очень красивые мужчины. По мере нашего продвижения вперед мы встречали все больше красивых деревьев и кустарников, о подобной растительности в Европе не имели ни малейшего представления. На ночлег мы остановились в селение Зугдиди, сначала я зашел в церковь, а затем во дворец князя, где в большом зале для меня были приготовлены апартаменты. Зала была разделена прекрасными занавесями на спальню и рабочий кабинет. В своих помещениях меня встретила супруга местного суверена княгиня Дадиана. Эта огромных размеров женщина была полной противоположностью своему щуплому и низкорослому супругу. Стоило только посмотреть на эту супружескую пару, чтобы убедиться в том, что именно она играет здесь главную роль. Впрочем, это очень достойная женщина, в качестве правительницы она оказала нам большие услуги во время последней войны против Турции. Возможно, что без нее была бы поколеблена верность ее мужа к России, который испытывал давление Оттоманской Порты и коварство некоторых своих приближенных.*

Мингрельская знать приготовила для меня почетный караул, который был совершенно особенным, благодаря национальной одежде и редкой красоте мужчин. Это один из самых красивых народов в мире. Все они выказали мне усердие и преданность, которые в этих краях не могут быть наигранными, и встретили меня нашим добрым русским «Ура!». На следующий день при моем отъезде меня сопровождали до границ Имеретии князь Дадиани и его вельможи. Там при полном параде меня ожидал государь этого небольшого княжества со своими князьями и дворянством. В Кутаиси перед предназначенным для меня домом был выстроен такой же почетный караул. Все их наряды и доспехи придавали моей поездке сказочный флер, подобный «Тысяче и одной ночи». Рано утром 29-го числа мне был представлен имеретинский архиепископ Софроний, митрополит Давид, государь сванов князь Михаил[201] и некоторые князья, недавно принятые в российское подданство. Затем я осмотрел госпиталь, школу и казармы 10-го линейного Черноморского батальона, и в 10 часов снова пустился в путь, сопровождаемый до границ Грузии этими князьями и представителями знати. На приграничной почтовой станции, где мы заночевали, нас встретили губернатор, предводитель дворянства с местными князьями и знатью, а также представители осетинского дворянства.

Вся дорога от Редут-Кале до станции Мелита, которую я бы назвал непроходимой для верхового всадника, пересекала глубокие овраги и непроходимые пропасти, стала стараниями барона Розена вполне проезжей для повозок, и, таким образом, связала и приблизила эти края, с которыми не было никакого другого сообщения. Сооружение этой дороги делает большую честь

* Помета Николая I: «Неверно. Это выдумки»

тем инженерным офицерам, которым она была поручена. Она станет источником богатства и цивилизации для всех этих земель, столь диких и суровых, и, в то же время, столь изобильных и благоприятствующих торговле. 30-го сентября мы прибыли в Сурам, и 1 октября в 7 часов вечера приехали в Ахалцих. Именно здесь покрыл себя славой маршал Паскевич, который с горсткой храбрых солдат в течение трех недель защищал это место против всей турецкой армии. Эти два военных подвига, сначала штурм, потом защита, становятся еще более славными, когда видишь эту затерянную среди высоких скал позицию. На бастионе, прозванным «Страшным», я принял местную знать и привезенных из Эрзерума армянских старейшин, которые все верхом проводили меня до Ахалциха.

2-го числа я отправился осмотреть госпиталь, школу, вновь построенные в городе дома, мечеть, которую превращают в православный собор, и крепость, высокие стены которой все же меньше, чем они были в древности. Отсюда мы отправились ночевать в Ахалкалаки. 3-го числа я осмотрел крепость и в сопровождении местного дворянства приехал в Гумры, где выехавшие из Карса армянские старейшины приняли меня в соответствии со своими древними обычаями. На следующий день я был поражен гигантскими укреплениями этой новой крепости, поистине это линия обороны для Грузии и плацдарм для нападения на Турцию и Персию. Крепость ставила под сомнение обе границы, которые в этом месте почти соприкасались. Каменные работы были окончены с тем усердием, которое мы привыкли видеть в наших самых прекрасных крепостях. Расположение крепости было уникальным, она стояла на высокой скале, которая господствовала на большое расстояние вглубь турецкой территории. Надо отдать полную справедливость барону Розену и его офицеру по инженерной части, руководившему этими работами. Это огромное строительство было завершено быстро, весьма искусно отделено от селения Гимры, также оно проведено с невиданной бережливостью. В это почти невозможно было поверить! Его я также щедро вознаградил. Я заложил первый камень в православный собор, который должен быть возведен в честь святой мученицы царицы Александры, и переименовал Гимры в Александрополь.*

Именно здесь, в самой приближенной к турецким землям точке Российской империи, я принял Эрзерумского сераскира Магомеда-Аседа-пашу. Его прислал султан по случаю моего приезда с приветствиями. Его инструкции предусматривали самое любезное и дружественное поведение. Он сказал мне, что его государь прислал его, как главу соседних с нами турецких провинций, за моими приказаниями и с целью предоставить себя в мое полное распоряжение. Я принял его с той сердечностью, на которую только был способен. Он привез богатые дары в виде лошадей, восточных шалей и оружия. Выехав из

* В тексте рукой Николая I исправлено на «АлександрАполь»

Александрополя, я заехал в селение Мастери на территории Армении. Там меня ожидали представители армянского народа, местные беки и мелики, а также курдские старейшины, которые составили мой почетный эскорт до Сардарабада, куда мы приехали на ночь. Здесь местность стала еще более величественной, Арарат возвышался во всей своей красе, он являл собой задний план этой картины, которая возрождала в памяти колыбель человечества на земле. Невольно все ощущали величественность этого зрелища, восходившего еще ко временам великого потопа. Спустившись в долину, я увидел построенную в батальоны прекрасную конницу Кенгерли, всадники были собраны в полки, выстроены в линию, единообразно обмундированы и сидели на великолепных лошадях. Командовавший ими полковник подъехал ко мне с саблей наголо и отдал рапорт на русском языке, как это сделал бы офицер наших регулярных войск. Белая форма полка делала этих обладавших особой красотой мужчин еще элегантнее. Эти замечательные войска принимали меня с выражениями живейшей радости, на них было приятно смотреть. Сопровождаемый таким образом, я верхом приблизился к знаменитому и древнему армянскому монастырю Эчмиадзин, у которого меня встретил патриарх, тоже верхом. Мы как будто перенеслись во времена апостолов, в легендарные сказания самых отдаленных веков. Сойдя с лошади, патриарх Иоанес произнес речь, затем он провел меня за ограду монастыря, этого сосредоточения армянской нации и религии. Епископы и архимандриты присоединились к нашему столь необычайному и зрелищному верховому кортежу. Два похожих на скороходов служителя вели под уздцы лошадь патриарха, за ним следовала свита, порядка 50 человек, вся одетая в полумонашеские одеяния, здесь же находились двое важных монастырских служителей, один из которых нес его апостольский посох, а другой — жезл командующего, в качестве символов его небесного, земного и военного могущества. Впереди всего кортежа двигался конюший, который вел двух лошадей под богато украшенными попонами.

При нашем приближении к Эчмиадзину перезвон со всех монастырских колоколен и окрестных церквей слился с пением церковных служителей и с приветственными криками отовсюду сбежавшегося народа. У входа в монастырь выстроились монахи, предводительствуемые двумя архиепископами в праздничном облачении, один из них протянул мне для поцелуя чудотворную икону, а другой преподнес хлеб и соль. Затем они повели меня в главный собор. Патриарх оставил меня у северного входа в собор с тем, чтобы войти в него с юга, он встретил меня перед алтарем в полном облачении, соответствующем его высокому достоинству, с крестом в руке и в окружении всего блеска своего сана. Пол был застлан богатыми коврами. После того, как мне перед иконостасом поднесли святой воды, патриарх Иоанес произнес клятву, а затем все присутствовавшие погрузились в молитву об обретении государя, которую эти древние своды не слышали уже семьсот лет. Я преклонил колени перед священными мощами, сохраняемыми в этом храме на протяжении

более тысячи лет, затем в сопровождении той же многочисленной свиты я осмотрел ризницу, Священный Синод, семинарию, типографию и трапезную. Потом я вошел в апартаменты патриарха, который вручил мне в дар часть креста господня, сказав при этом: «Пусть этот символ нашего искупления навсегда защитит на троне тебя и твоих наследников от скрытых и явных врагов». По выходу из монастыря, который был не настолько богат, как я того ожидал, и который не поразил меня ничем, кроме своей древности, я провел смотр полка Кенгерли, который сопровождал меня галопом вплоть до Эриваня. После молитвы в соборе[202], я зашел в приготовленный для меня дом, будучи в восторге от возможности отдохнуть.*

6-го числа я принял посла персидского шаха, который сопровождал 7-летнего наследника шахского престола[203]. Я посадил этого милого ребенка к себе на колени и в его присутствии сурово сказал послу, что все его заверения замечательны, но я не вижу в них искренности, так как в Персии призывают моих солдат к дезертирству, и создают из них особые войска. Я требую, чтобы в самое ближайшее время эти люди были мне возвращены, иначе я буду рассматривать Персию, как государство отчасти мне враждебное. Я буду тщательно соблюдать мир и подписанные договоры, но сумею и других заставить делать то же самое. В остальном же мы расстались с ним добрыми друзьями, он подарил мне от имени шаха добрых лошадей, жемчуга и большое количество шалей.

Эривань был местом столь нездоровым, что за стенами крепости почти никого не осталось. Жители перебрались на другую сторону реки, и гарнизон был вынужден направлять туда требуемое для их защиты количество войск. Выехав в тот же день, я заночевал в Чухлы, 7-го числа — в Кади, в 3 часа пополудни 8 октября я приехал в Тифлис. Так как это была столица всего этого края, то меня здесь приняли как государя, артиллерийские залпы и колокольный звон возвестили о моем приезде. Все улицы и плоские крыши домов были заполнены людьми, это было прекрасное зрелище, разноцветные и богатые национальные костюмы и белые покрывала женщин придавали этому виду новизну. Меня встретили с той же радостью и воодушевлением, как это происходит и здесь, в Москве, не могу найти должных выражений, чтобы описать вам тот восторг и громкие крики, с которыми простые люди меня принимали. Вероятно, запасы преданности и привязанности к монарху здесь достаточно большие, иначе они были бы давно стерты тем плохим управлением, которое, как я должен признать к моему стыду, уже много лет довлеет над этими землями. Тифлис — это большой и красивый город, его центральные кварталы еще совсем азиатские, но предместья уже построены в столичном стиле, здесь есть некоторое количество красивых домов, которые вполне могли бы украсить даже перспективу Невского проспекта

* Помета Николая I: «Который был построен по моему приказанию»

в Петербурге. Город прекрасно расположен, он разделен рекой Кура, которая в пределах города заключена с обеих сторон в скалистые берега, далее она течет в менее скалистой местности. Ее быстрые воды петляют в плодородных долинах, которые вдали заканчиваются высокими горами. Старинная крепость, как говорят еще римского происхождения, являет собой живописные развалины, которые с высоких скал господствуют над Тифлисом и его окрестностями. С другой стороны реки прекрасное впечатление производит Авлабар, старинный дворец грузинских князей, перестроенный ныне в отличные казармы.

На следующее утро я отправился в храм Богородицы, со всех сторон сбегались люди, чтобы посмотреть на меня. Затем присутствовал на разводе Эриванского гренадерского полка, которым остался в целом доволен. Вообще, все те войска, которые я видел после высадки на сушу, имели достойный вид и были вполне боеспособны. У меня были к ним большие претензии по их выправке и маршировке, но это легко могло быть исправлено. В полдень я принял ханов и представителей знати различных горских народов, которые специально приехали в Тифлис с тем, чтобы иметь случай мне представиться. Я говорил с ними обо всем, казалось, они остались мною довольны. Затем я осмотрел корпусной штаб, госпиталь, арсенал, казармы, саперный батальон и созданную при нем школу для молодых грузинских дворян. Все было в прекрасном состоянии. Затем я осмотрел замок, где располагалась тюрьма. 10-го числа я слушал обедню в храме Св. Георгия, и провел смотр городского гарнизона. Войска были хороши, в особенности артиллерия. На следующий день я присутствовал на разводе учебного батальона, которым остался весьма доволен, затем осмотрел военный госпиталь, интендантские склады и шелкопрядильную фабрику. В 2 часа пополудни мне продемонстрировали свое искусство выездки и владения оружием грузинские князья и знатное дворянство, те, кто ранее составляли мой эскорт, а теперь несли караул у моих дверей. Они были в своих лучших нарядах, сидели на превосходных жеребцах и соперничали друг с другом в ловкости и изяществе. Было невозможно себе представить зрелище еще более замечательное и прекрасное. Гарцуя на лошадях в своих национальных костюмах, они были великолепны и действительно привлекательны. Некоторые из них словно сошли с картин, они легко могли бы вскружить голову нашим дамам: проворство их лошадей было столь же восхитительно, как и ловкость их наездников. Вечером я присутствовал на весьма многолюдном балу, большинство дам пришли туда в национальных костюмах, которые, к сожалению, скрывали их талии и не давали возможности насладиться редкой красотой и правильностью черт их лиц, некоторые из них действительно были головокружительно прекрасны. В целом, эта нация очень щедро одарена природой по части изящества фигур и тонкости талии. Не могу сказать того же об их уме.

Подытоживая, я был в достаточной степени удовлетворен тем, что увидел в Грузии, здесь достигнуты большие успехи. Состояние дорог и крепости в Гимры свидетельствуют, что генерал Розен весьма заботился о них. Но в системе управления есть ряд закоренелых злоупотреблений, которые выше всякого понимания. Уже несколько месяцев проводящий ревизию этого края сенатор Ган выявил ужасные вещи — злоупотребления и расточительство властей, которые начались здесь задолго до генерала Розена, должны были вывести из терпения даже эти привыкшие к слепому подчинению народы. Войска, которым я отдаю полную справедливость за их высокий боевой дух, храбрость и терпение превозмогать все трудности и лишения, с другой стороны стали источником неслыханных притеснений. Полковники позволяют себе злоупотребления еще более позорные тем, что они ложатся тяжелым грузом не только на местное население, но даже и на их собственных солдат. Я узнал, что зять генерала Розена князь Дадиан, мой флигель-адъютант и командир полка, расположенного всего в 16 верстах от Тифлиса, использует своих солдат и даже рекрутов в порубке лесов и покосах трав, зачастую принадлежащих другим владельцам, с целью организовать выгодную продажу в Тифлисе, прямо под носом у властей, что он заставляет работать на себя солдатских жен, что руками солдат он из казармы построил мельницу, присвоив при этом изрядную сумму денег и даже не заплатив несчастным солдатам, что более 200 рекрутов, вместо того, чтобы заниматься военным делом, были вынуждены пасти овец, быков и верблюдов господина полковника, а он даже не дал им ни одежды и обуви. Это было уже слишком серьезно. С целью убедиться в правдивости этих сведений я в ту же минуту ночью отправил моего флигель-адъютанта Васильчикова с тем, чтобы на месте произвести следствие. Все, что было мною рассказано, нашло свое подтверждение. Надо было примерно наказать столь вопиющие и наглые безобразия. Во время смотра войск я приказал коменданту крепости сорвать с плеч князя Дадиана, как недостойного быть моим флигель-адъютантом, аксельбант и мои инициалы, и тут же отправил его в крепость Бобруйск для придания военному суду. Подробное следствие по делу я поручил одному из своих флигель-адъютантов. Не могу Вам передать, как это жестокое действие меня огорчило и поразило, я был просто потрясен. Но я рассудил, что наказав самого виновного, моего собственного флигель-адъютанта и зятя главноуправляющего краем, я, возможно, спасу большинство других полковников, которые все, так или иначе, были причастны к такого рода злоупотреблениям. Я посчитал, что этим исполнил свой долг. Здесь это решение было бы воспринято как самовластное, бесполезное и вредное, но в Азии, находящейся на огромном расстоянии от моего надзора, при первом моем появлении в Закавказских войсках нужен был устрашающий удар грома, который доказал бы моим солдатам, что я знаю, как защитить их от злоупотреблений их собственных командиров. Сцена была ужасна. С тем, чтобы несколько

смягчить ее для генерала Розена, и чтобы укрепить его авторитет в глазах подчиненных, я тут же приказал его сыну, поручику Преображенского полка, храброму офицеру, кавалеру Георгиевского креста за взятие Варшавы, подойти ко мне, и я тут же назначил его своим флигель-адъютантом, вместо его недостойного этой чести родственника.

Ранним утром 12 октября я уехал из Тифлиса. Из-за царившего там беспорядка мне дали кучера, который или не знал своих лошадей или не умел править ими. Этот дурень начал погонять лошадей на изрядном спуске, на котором нас ожидали два крутых поворота, а сбоку дорога обрывалась в бездонную пропасть. Внезапно лошади понесли, уверяю вас, что в тот момент нам было не до смеха. Открывшийся перед нашими глазами вид неминуемой опасности произвел гнетущее впечатление, не было видно ни малейшего спасения. Я встал на ноги в коляске с тем, чтобы помочь управлять лошадьми, но напрасно. У меня появилась неудачная мысль выпрыгнуть из коляски на землю, но у Орлова хватило здравомыслия удержать меня. Смерть смотрела нам прямо в глаза, когда сильный толчок опрокинул коляску на землю, а нас выбросила на изрядное от него расстояние. Я перекувырнулся через себя несколько раз и этим благополучно отделался, Орлов же сильно расшибся. Опрокинувшаяся коляска остановилась в дюйме от пропасти, в которую мы неминуемо бы свалились, если бы, на наше счастье, экипаж не перевернулся. Пропасть была так близка, что обе обезумевшие лошади повисли над ней только на своей сбруе, от дальнейшего падения их удерживала только тяжесть перевернувшейся коляски. Мы поднялись на ноги, несколько потрясенные произошедшим, и возблагодарили бога за наше чудесное спасение.

Между тем, весь передок коляски был сломан, но так как в Тифлисе у меня был запасной экипаж, то Орлов остался на месте, чтобы позаботиться обо всем, а я на казачьей лошади продолжил свой путь и таким образом добрался до Квишеда, расположенного у подножия Кавказского хребта. Селение находилось в долине с богатой и разнообразной растительностью.

13 октября я снова сел на лошадь с тем, чтобы подняться на перевал и пересечь этот огромный горный хребет, отделяющий Европу от Азии. Мы покинули теплый климат Грузии, ее полные зелени леса и оказались среди снегов и измороси. Здесь стояла прекрасная осень, а там нас встретил 6 градусный мороз, наши лошади скользили при каждом шаге, горные вершины были белыми от снега, дорога покрылась льдом. Всех тех, кто уезжает из Грузии, сильно огорчают огромные изменения, которые происходят вокруг всего за один час пути. Мы спустились с Кавказских гор вместе с истоками Терека, следовали за ними через ущелья Казбека, где река то уменьшается, то расширяется, иногда вплоть до Владикавказа, расположенного по другую сторону гор, у выхода на равнину. Дорога, проложенная через эти горы, скалы и стремнины, представляет собой одно из самых замечательных достижений человека. Теперь повсюду можно проехать в карете, запряженной четверкой

лошадей в ряд, осталось пугаться только вида расположенной с одной стороны дороги пропасти, на дне которой неистово клокочет Терек, а с другой возносится над вашей головой гранитная стена. Это величественное и впечатляющее зрелище.

На ночь мы остановились во Владикавказе, где нас ожидал вернувшийся из Петербурга эскорт, составленный из черкесов и линейных казаков. Также здесь находились представители некоторых горских племен. Надо было видеть, какими бдительными взглядами провожали мои храбрые казаки любое движение горцев, некоторые из которых, надо признать, больше напоминали настоящих разбойников. Я им объяснил, чего требую от их соплеменников, не для увеличения могущества России, а для их собственного благополучия и спокойствия их семей. Я им сказал, что они могут расспросить находившегося здесь муллу, который по моему приказу несколько лет прожил в Петербурге с целью учить мусульманским законам их единоверцев и их детей, присланных мне для обучения. Я требую от них только того, чтобы они жили спокойно и счастливо, пользовались благами того прекрасного края, где они были рождены Небом, и даже не помышляли о сопротивлении неодолимой для них силе русского оружия. Казалось, что они меня поняли, и мы расстались добрыми друзьями, и они все выразили желание сопровождать меня до Екатеринограда. В моем эскорте было вчетверо больше противников, чем защитников, все пытались меня окружить и защитить от них же самих, это было весьма забавно. Некоторые из отцов просили меня взять их детей для обучения и воспитания. Надо сказать, что до сегодняшнего дня местная власть понимает задачу управления совершенно неправильно. Вместо того, чтобы защищать, она притесняла и раздражала, словом, мы сами породили черкесов такими, какие они есть, часто мы разбойничали не хуже их самих. Мы долго беседовали на эту тему с генералом Вельяминовым, я объяснял ему, что мне нужны не сражения, а умиротворение, что его слава и интересы России заключаются в том, чтобы успокоить кавказское население и сделать его полностью зависимым от российского трона, а не в том, чтобы сражаться с ними, что нужно доказать им все преимущества цивилизованной жизни по твердым законам, а не по законам мести. Насилие только отдалит их от нас и ожесточит этих людей, и без того склонных от природы к кровопролитию, опасностям и жестокости. Тут же собственноручно я написал Вельяминову новые инструкции, в которых приказал построить в различных местах школы для детей горской знати и простых людей, как самое лучшее средство привлечь их симпатии к России и смягчить местные жестокие нравы. Надеюсь, что он меня понял, и дела теперь пойдут гораздо лучше.

Розен сделал много полезных вещей, но его слабость породила здесь большие злоупотребления и беспорядки. С учетом того, что зло победило добро, я указал через Орлова, чтобы Розен попросился в отставку. Следовало немедленно задуматься о его преемнике, я уже написал маршалу Паскевичу

и попросил у него генерала Головина (губернатора Варшавы). После осмотра военного госпиталя я направился в Пятигорск. 16 октября мы осмотрели все заведения минеральных вод, офицерский госпиталь, арсенал, церковь, прогулочную набережную и отправились на ночевку в Георгиевск, в котором я успел еще посетить госпиталь и арсенал. Следующую ночь мы провели уже в Ставрополе. Там я принял депутацию закубанских казаков, им я повторил то же самое, что сказал представителям, которых я принял во Владикавказе. Также я принял представителей местных военных и гражданских властей, торговцев и нескольких кабардинских князей. Устроив смотр находившимся в Ставрополе войскам, я осмотрел военный госпиталь, который был расквартирован по частным домам. Нужно немедленно отдать приказание построить для госпиталя отдельное большое здание. Ставрополь является важнейшим местом с точки зрения того, что через него постоянно проезжает большое количество людей, направляющихся к границе или в Грузию. Сопровождавшие меня черкесы и казаки не собирались никому уступать право обеспечивать мою безопасность, они собирались ехать со мной и дальше. Но я не допустил этого и поблагодарил их за проявленную трогательную заботу.

В 4 часа я выехал на Дон и 19 октября в 3 часа пополудни приехал в Аксайскую станицу, где в качестве атамана казачьих войск меня ожидал мой сын. Весь день и ночь я чувствовал себя очень скверно, даже был вынужден принять лекарство и лечь в постель, так я провел все 20 число в Аксае. На следующий день мы направились в Новочеркасск, куда въехали верхом на лошадях. У городской заставы нас встретил войсковой атаман старик Власов, который состарился на военной службе и страдал от старых ран. Его сопровождали генералы, члены генерального штаба, большое количество офицеров и толпа любопытных, которые привели нас к собору, перед которым я сошел с лошади. Здесь был собран войсковой круг, вместе с казачьими войсковыми регалиями. В центре круга в сопровождении церковнослужителей меня ожидал архиепископ с крестом в руках и со святой водой. Выйдя из церкви, я вошел в круг казачьих старейшин, стоявших с иконами в руках, здесь я принял из рук храброго Власова атаманскую булаву, которую передал наследнику, как знак верховного главнокомандования всеми казачьими войсками. В тот же момент стрельба из городских пушек возвестила вступление его в новую должность. Затем мы направились в предназначенный для нас дом, где нам были представлены все казачьи генералы Дона. Мой сын отправился осмотреть и принять командование над всеми войсковыми установлениями и заведениями. Утром 22 октября новый атаман представил мне все войска, собранные под Новочеркасском. Окружавшая город равнина могла вместить в двадцать раз больше войск. Кавалерия была представлена четырьмя гвардейскими эскадронами, двумя эскадронами Атаманского полка, учебным полком, 20 полками четырех военных округов, одной конной батареей и двумя сотнями калмыков. Всего было собрано 18 тыс. кавалеристов.

За исключением первых трех частей и артиллерии, остальные войска были в плачевном состоянии: негодные лошади, плохо одетые солдаты, даже не умевшие править лошадьми офицеры и т.д. К великому моему сожалению, я видел перед собой не боеспособные войска, а скорее толпу крестьян. Долгий мир и изобильная жизнь избаловали их, они из солдат превратились в земледельцев. Это должно было произойти вследствие удаленности их от границ и отсутствия опасности. Их предки имели дело со стоявшими у их дверей врагами, что сделало из них храбрых казаков, а отдаленность границ и мирная жизнь, которой они пользуются сейчас, неизбежно должны были уничтожить их боевой дух вплоть до изменения формы деятельности. Надо будет подумать о преобразовании их устройства или, во всяком случае, готовить их к военной службе на полковых сборах. За обедом, на который мною были приглашены все казачьи генералы и полковники, я им сказал все, как есть. Этим старым усачам самим было стыдно того состояния, в котором они вывели передо мной свое войско. Я был рад случаю перед всеми собравшимися похвалить и поблагодарить одного полковника, который несколько месяцев назад отличился самым блестящим образом в схватке с черкесами, и который был достоин лучших традиций казачества. Вечером я был на балу, не могу сказать, что дамы поразили меня своей красотой или изяществом, в целом, их манеры оставляли желать лучшего. Но богатство и блеск празднества доказали мне, что казаки променяли прежнюю суровость своих нравов на наслаждения мирной жизни. К сожалению, для того, чтобы их исправить, понадобилась бы долгая война. Этот последний эпизод моего путешествия не принес мне удовлетворения. Мы уехали утром 23 октября и уже 25-го числа в 7 часов утра приехали в Воронеж. В церкви, где находились мощи святого Митрофана, мы возблагодарили господа за благополучное окончание долгого и трудного путешествия, после чего без остановок приехали в Москву.»

* * *

Императрица очень устала от своей поездки, в особенности, от плохих дорог на обратном пути, ей требовался отдых. Это значительно уменьшило количество балов и праздников. К большому огорчению московских дам, которые готовились к ним долгие месяцы, она крайне мало их посещала. Полученное тревожное известие еще больше уменьшило праздничные настроения — из-за крайнего небрежения служащих карантина своими обязанностями и недостаточной бдительности губернатора города, в Одессе появилась чума. Находившийся в Крыму граф Воронцов спешно вернулся в Одессу, и его стремительное появление уменьшило отчаяние горожан, уже готовых к открытому неповиновению властям. Доверие, которым он пользовался, его мудрые распоряжения невероятная активность смогли побороть несчастье, и вскоре все опасения были преодолены. Через несколько недель карантина в городе возобновилась торговая деятельность, и осталось только сожалеть о гибели нескольких сотен человек.

К удовольствию жителей древней столицы России император решил провести в Москве свой день рождения 6 декабря. Никогда еще перед дворцом не было такого огромного стечения народа, казалось, что каждый горожанин пришел поздравить своего государя. Вечером по дороге на бал на празднично освещенных улицах и площадях его ожидали толпы людей, кричавших «Ура!» в его честь. Этот возглас был тысячекратно повторен людьми, провожавшими его от Кремля до Зала дворянского собрания. Празднество отличалось неповторимой величественностью и изысканностью.

На следующее утро я был направлен в Петербург, сопровождая трех великих князей: Константина, Николая и Михаила, император считал, что я еще недостаточно окреп, чтобы ехать вместе с ним. По дороге он нас обогнал, а на следующий день туда же выехали императрица и великие княжны. 12 октября все члены императорской фамилии собрались в Царском селе, и на следующий день к большому удовольствию жителей столицы, они приехали в Петербург.

Только все наладилось, как 17 октября в 8 часов вечера мне доложили, что над зимним дворцом появился дым. Я бросился туда, не предполагая, впрочем, никакой серьезной опасности, так как знал, что еще с незапамятных времен были приняты все возможные меры предосторожности. Поднявшись по императорской лестнице, я ощутил запах дыма, который указал мне дальнейшее направление. Я зашел в Маршальский зал, где уже находились начальник полиции и дворцовые служащие, пытавшиеся найти источник с каждой минутой усиливавшегося дыма. Приехал князь Волконский, вскоре за ним прибыл император, который вместе с супругой был в театре. Послали людей на чердак, но дым был столь густым, что там невозможно было находиться и определить очаг возгорания. Начали ломать потолок зала, где был дым, и вскоре под карнизами показался огонь. Тогда я сказал императору, что дело плохо и что, возможно, двигающийся сверху пожар не удастся погасить. Он сразу же пошел к своим уже лежащим в постелях детям с тем, чтобы приказать их поднять и отправить в Аничков дворец. Также он велел явиться сюда расположенному неподалеку от дворца Преображенскому полку и приготовиться явиться во дворец Павловскому полку. Затем он послал в театр сказать императрице, чтобы она не возвращалась более в Зимний дворец, а сразу ехала в Аничков, где уже находились ее дети. После этого он возвратился к нам в зал...*

* На этих словах рукопись обрывается

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Первый визит короля Густава IV Адольфа в Петербург был в 1796 г. по приглашению Екатерины II для помолвки с великой княжной Александрой Павловной, которая не состоялась из-за несогласия шведской стороны оставить за невестой православное вероисповедание. В 1800 г. король приехал по приглашению Павла I для укрепления дипломатических отношений. Пребывание короля в Петербурге продолжалось с 29 ноября по 15 декабря. На представлении в Эрмитажном театре Густав IV, указывая на красные шапочки танцовщиц, заметил, что они похожи на якобинские шапочки. Павел, обидевшись, повернулся к королю спиной. Кроме того, король отказался пожаловать шведский орден Серафимов И. П. Кутайсову, несмотря на желание государя. Перед отъездом короля из России Павел распорядился: никому из русской свиты короля не сопровождать и на всем пути следования королевский кортеж был лишен продуктов питания.

[2] *См.* Иосиф Антон Иоганн, эрцгерцог Австрийский

[3] *Людвигсландт* — правильно Людвиглюст, официальная резиденция Мекленбургских герцогов, устроенная Кристианом Людвигом II в 1765 году.

[4] 29 марта 1801 г. П. А. Пален отправлен в Ревель «для принятия мер против возможной высадки британского десанта». 3 июня — повелено управлять гражданской частью Петербургской губернии 17 июня 1801 г. уволен по прошению «за болезнями» от всех должностей и приказано выехать в курляндское имение.

[5] *См.* Пален Федор Петрович.

[6] *См.* Кочетов Николай Иванович.

[7] *Болгар* (*Булгар, Болгары Великие*) — столица средневекового государства Волжско-Камской Болгарии. Сохранился ряд каменных древних сооружений XIII—XIV в.в. — малый минарет, «черная» палата, церковь Св. Николая, развалины мечети, бани. Болгар был разрушен в 1361 г. золотоордынским ханом Булак-Тимуром.

[8] Очевидно, *Кондинская Троицкая община* в Березовском уезде. Основана в 1657 г. по указу Алексея Михайловича при с. Конда в 900 км от Тобольска.

[9] *Аблайкитский буддийский монастырь* — построен выписанными из Китая мастерами для калмыцкого хана Аблая в XVII в. и служил ему резиденцией. В 1670-е гг был разрушен. Сибирский губернатор князь Гагарин доставил в Петербург Петру I несколько рукописей из Аблайкитского монастыря, «написанных золотыми и серебряными буквами на голубой и черноватой бумаге. Петр I отправил их в Парижскую Академию наук. Это были первые рукописи, обратившие внимание европейских ученых на тибетскую литературу. В 1734 г. библиотека монастыря была расхищена киргизами и казаками. По поручению академика Миллера из Аблайкитского монастыря были доставлены в Усть-Каменогорск 1500 листов рукописей на бумаге, частью на березовой коре, вместе с большим количеством досок, разрисованных фресками». (Подробнее *см.*: Россия. Полное географическое описание нашего Отечества. Настольная и дорожная книга для русских людей. СПб., 1903. Т. 18. Киргизский край. С.413—414).

[10] Бенкендорф ошибается на полтора года. Указ о сокращении уездов в Иркутской и Тобольской

губерниях последовал 11 августа 1803 года. Тогда же в указе было высказано предложение по рассмотрению проекта о создании из некоторых уездов Тобольской губернии отдельной губернии. Очевидно, предполагалось, что новая губерния будет называться Александровской. Губерния была создана в 1804 г. и стала именоваться Томской. (ПСЗ, 1Собр. Т. XXVII. ст. 20890; Т. XXVIII. Ст. 21183). 52

[11] *См.* Леццано Борис Борисович.

[12] *Посольский Спасо-Преображенский монастырь.* Основан в 1681 г., находился на южном берегу озера Байкал при селе Посольском.

[13] Очевидно, *Успенский монастырь в Пекине*, который находился в северо-восточной стороне города возле стены. Монастырь существовал с 1732 г. и раньше назывался Сретенским. Вероятно, в описываемое время монастырь подчинялся Вселенскому (Антиохийскому) патриарху.

[14] Описание этого подвига приводит адмирал Г. И. Невельский: «Албазин — возник как острог в XVII в., главный русский пункт на Амуре; в 1684 г. весь приамурский край был назван отдельным Албазинским воеводством, городу дан был герб и печать. Первым воеводой был Алексей Толбузин. В июне 1685 г. со стороны Китая и Маньчжурии была предпринята атака Албазина. Гарнизон города составлял 450 человек во главе с воеводою. Недостаток оружия не позволил русским отстоять город, Албазин был разрушен, однако уже на следующий год отстроен вновь. В июне 1687 г. была предпринята вторая атака Албазина. Русских в крепости было 736 человек, неприятельская армия состояла из 8000 человек и 40 орудий. 1сентября манчьжуры пытались взять крепость приступом, но были отбиты с большой потерей с их стороны. Несмотря на то что в городе была цынга, а храбрый воевода Толбузин был убит пушечным ядром, осада продолжалась. В мае 1688 г. неприятель отступил от Албазина на четыре версты, осада была снята, но началась блокада города. В Албазине оставались только 66 человек. Вскоре гонец из Пекина привез повеление императора о прекращении осады, под предлогом переговоров о разграничении земель с обеих сторон. Неприятельские войска отступили и 30 августа 1688 г. возвратились в Айгун». (Посмертные записки адмирала Невельского. // Подвиги русских морских офицеров на крайнем Востоке России. 1849—1855 гг. При-Амурский и При-Уссурийский край. СПб., 1878. С.8—10).

[15] Основная контора правления российско-американской торговой компании находилась в Иркутске, в 1801 году переведена в Петербург.

[16] *Морской офицер строитель Охотска* — имеется ввиду вице-адмирал И. К. Фомин.

[17] Имеется ввиду ханский наместник Чучей Тундутов.

[18] Село, раньше называлось Степанцминда (Святой Степан). Затем название поселка пошло от имени местных правителей — «Казбеги». В их обязанности входило поддерживать хорошее состояние дорог и мостов. В начале XIX в. управляющим этого района был Казбек Чопикашвили. Он активно помогал русским в строительстве дороги, при постройке мостов через Терек, снабжал их продовольствием и транспортом. Как награду за услуги Казбек Чопикашвили получил дворянство и чины и был награжден орденами.

[19] *Начальник штаба Цицианова — см.* генерал-лейтенант С. А. Портнягин.

[20] Г. А. Потемкин умер 5 октября 1791 г. недалеко от Ясс. Первый погребальный обряд был в Яссах 13 октября. 23 ноября тело было перевезено в Херсон, где стояло в склепе до 1798 г. По повелению Павла I в этом году гроб был зарыт в землю, а склеп засыпан. Одновременно начались разрушения всех памятников Потемкину.

[21] Известная легенда о христианке, пленнице Крым-Гирея. Считали, что это была Мария Потоцкая, взятая в плен во время похода в Польшу. Подобный поход не мог быть совершен в ханство Крым-Гирея (1758—1764), но в начале 50-х годов Крым-Гирей, будучи сераскиром ногайских орд, действительно совершал набеги на Польшу. Фонтан, давший название поэме А. С. Пушкина до 1787 г. стоял у мавзолея Дилары Бикеч, одной из жен Крым-Гирея. Ко времени поездки Екатерины II в Крым фонтан был перенесен во дворец и подновлен. Сооружен он был одновременно с мавзолеем в 1763 г.

[22] *См.* Италинский Андрей Яковлевич.

[23] *Троя Александра* — город, основанный в 300 г. до н.э. одним из полководцев Александра Македонского — Антигоном I. Город расположен в 20 км южнее от Трои Гомера. Автор мог видеть постройки уже римского времени

(руины театра, храма и терм, которые можно увидеть и в настоящее время).

[24] Бенкендорф имеет в виду: *храм Артемиды Эфесской* (550—460 г.г. до н.э. — святилище карийской богини плодородия). Был сожжен Геростратом в 356 г. до н.э., вскоре восстановлен. Эта постройка была причислена к семи чудесам света. В настоящее время на месте храма болото, посреди которого высится единственная колонна; *церковь Иоанна Богослова*, сооружена в VI в. византийским императором Юстинианом и его супругой Феодорой. Она являлась одним из крупнейших храмов того времени, была 2-хэтажной, шестикупольной и отличалась роскошным декором. В алтарной части, в крипте был похоронен Св. Апостол Иоанн.

[25] *Чесменское морское сражение* 26 июня 1770 г. во время русско-турецкой войны 1768—1774 гг.

[26] *Битва при Саламине*, (480 г. до н.э.), когда персидский флот, состоящий из больших малоподвижных кораблей был полностью разгромлен маленькими греческими судами. Начало битвы описал Плутарх в жизнеописании «Фемистокл и Камилл».

[27] Имеется в виду: театр Диониса (V в. до н.э.) и театр, построенный ритором Иродом Аттиком (161 г. до н.э.) в память о своей умершей жене Регилле. Оба театра располагались недалеко друг от друга на юго-восточном склоне акрополя.

[28] *Башня ветров* (высота 12,8 м) — восьмигранное сооружение из мрамора с флюгером, солнечными и водяными часами построена в 1 в. до н.э. Названа так в связи с находившимися на ней рельефными изображениями восьми основных ветров. Архитектор — Андроник. Постройка сохранилась до наших дней. *Вертящимися дервишами* называли дервишей суфийского ордена Мевлана. Для достижения состояния необходимого для общения с богом, они исполняют определенный танец, называемый «музыкой сфер».

[29] Очевидно, памятник Лисикрата (335—334) — круглое здание с позднеклассическим рельефом и коринфскими колоннами, впервые в архитектуре использованными для оформления внешней стороны. Высота постройки 10 м. Воздвигнут богатым жителем Афин после победы подготовленного им хора мальчиков на празднике в честь бога Диониса.

[30] *Министр иностранных дел* — А. А. Чарторыйский (1804—1806) и *морской министр* — П. В. Чичагов (1802—1811).

[31] *См.* Густав IV Адольф.

[32] *См.* Фридрих Вильгельм III.

[33] Британский военный и дипломат генерал-лейтенант У. Каткарт, который с должности командующего войсками в Ирландии был назначен послом в Петербург, но был отозван.

[34] От лат. Patrimonium — наследственное, родовое. Ганновер — наследственные владения Английской короны.

[35] *См.* Луиза Августа Вильгельмина Амалия.

[36] *См.* Фридрих Людвиг Христиан, принц Прусский.

[37] *См.* Вюртембергский Евгений Фридрих Франц Генрих.

[38] Очевидно, деревня Шлодиттен.

[39] Название населенного пункта пропущено в тексте.

[40] *См.* Браницкая Изабелла, графиня, которую А. Х. Бенкендорф называет по ее польскому прозвищу — «Краковская метресса».

[41] *Король Вестфалии — см.* Бонапарт Жером; *Принцесса Вюртембергская — см.* Бонапарт Екатерина; *Королева Голландии — см.* Богарне Гортензия; *Принц Мюрат — см.* Мюрат Иохим; *Принцесса Каролина — см.* Мюрат Мария Нунциата Каролина; *Княгиня Боргезе — см.* Боргезе Полина.

[42] *См.* Богарне Жозефина.

[43] Бенкендорф ошибочно называет Савари министром полиции. На эту должность Савари был назначен Наполеоном только в 1810 г.

[44] Командующий русской эскадрой в Средиземном море вице-адмирал Д. Н. Сенявин после заключения Тильзитского мира, по условиям которого русские моряки поступали в оперативное подчинение французскому командованию, проигнорировал прямое указание императора Александра I и вывел флот из Средиземного моря, сделав остановку в Лиссабоне. Позднее корабли были интернированы в Портсмуте, а офицеры и нижние чины вернулись в Петербург после восстановления дипломатических отношений с Великобританией.

[45] *Мон-Сенис* соединяет французский департамент Савойю с итальянской провинцией

Турином. Через него проведена при Наполеоне I (1802—1810) дорога, в 1859 построен туннель.
[46] *См.* Клари Мария-Жюли.
[47] «Hotel du Nord», известен с начала 1800-х годов. В 1802 году «Санкт-Петербургские ведомости» извещали туристов: «Жульен Сеппи, содержатель отеля, называемого Северным в большой Офицерской улице под № 210, имеет честь известить господ путешественников и проезжающих, что у него можно найти чистые и хорошо меблированные комнаты, хороший стол, наемные кареты и служителей, кои говорят на разных языках в Европе употребляемых». В 1805 году при отеле было открыто первое заведение, именуемое себя рестораном. С 1817 года здание, где располагался отель, было арендовано дирекцией императорских театров, здесь располагалась театральная школа и типография, печатавшая афиши и пьесы, здесь же жили чиновники и актеры. Здание перестроено в начале 1880-х годов. Современный адрес — набережная канала Грибоедова, 97.
[48] *См.* Вениамин Костаки (в миру Василий Костаки; рум. Veniamin Costache).
[49] *См.* Лаз-Ахмед-Паша, великий визирь.
[50] *См.* Родинг Герман Иванович.
[51] В доме военного губернатора Москвы Ф. В. Растопчина на Тверской улице во время пожара 1812 года располагались офицеры французских войск.
[52] *См.* Голенищев-Кутузов Павел Васильевич.
[53] Имеются в виду прямые переговоры И. И. Дибича с Йорком в декабре 1812 года, завершившиеся подписанием Таурогенской конвенции 18 (30) декабря 1812 о прекращении прусскими войсками военных действий против России.
[54] *См.* Богарне Эжен Роз; Бонапарт Жозеф.
[55] *См.*Фридрих Август III.
[56] *См.* Бернадот Жан Батист (кронпринц).
[57] *См.* король Швеции Густав-Адольф II.
[58]*См.* Фридрих Франц I (герцог Шверинский).
[59] *См.* Фридерик VI датский король.
[60] Под Кульмом со стороны французов сражался не 2-й армейский корпус маршала К. Виктора, а 1-й армейский корпус генерала Д. - Ж. - Р. Вандамма, усиленный 42-й пехотной дивизией 14-го корпуса, одной пехотной бригадой из 2-го корпуса и легкой кавалерийской дивизией генерала Ж. - Б. - И. Корбино (всего 37 тысяч человек). Вандамм был разбит не генерал-лейтенантом графом А. И. Остерманом-Толстым, чей 20-тысячный отряд сдерживал натиск французов в первый день сражения 17 (29) августа 1813 г., когда сам Остерман-Толстой был тяжело ранен. Это сделали во второй день, 18 (30) августа, превосходящие силы русских, австрийских и прусских войск (до 103 тысяч человек) под общим командованием генерала от инфантерии М. Б. Барклая де Толли.
[61] *См.* Бонапарт Жером.
[62] *См.* Карл XIII король Швеции.
[63] *Ракеты Конгрева* — боевые ракеты, разработанные Уильямом Конгревом (1772—1828) и состоявшие на вооружении армии Великобритании в первой половине XIX века, позже принятые на вооружение во многих других армиях мира.
[64] *См.* Людвиг II Гессен-Дармштадтский (наследный принц Гессенский).
[65] *См.* Виллем I (принц Оранский, король Нидерландов).
[66] *См.* Георг, принц Уэльский (регент Англии).
[67] *См.* Моро Жан-Клод, генерал.
[68] *См.* Карл-Август Саксен-Веймарский.
[69] *См.* Вильгельм Прусский (Фридрих Вильгельм Карл Прусский).
[70] *См.* Наполеон II, король Римский. Вошёл в историю под династическим именем, данным ему бонапартистами. Фактически никогда не царствовал (хотя с 22 июня по 7 июля 1815 года парижские законодательные органы признавали его императором). В бонапартистских кругах известен как «Орлёнок».
[71] В тексте рукописи пропущено имя маршала Мортье.
[72] Имеются в виду маршалы Мармон, Мортье и Монсей.
[73] Имя в рукописи пропущено, но речь идет о полковнике фон Альвенслебене, командире прусской гвардейской пехотной бригады.
[74] *См.* Байков Илья.
[75] *Принцесса Шарлотта см.* Шарлотта Августа Уэльская, принцесса Великобритании.
[76] *См.* Ливен Христофор Андреевич.
[77] *См.* Кристиан VIII.
[78] *См.* Толстая Софья Петровна.
[79] *См.* Бенкендорф Елизавета Андреевна.

[80] *См.* Донец-Захаржевский Андрей Михайлович.
[81] Очевидно сын адмирала А. Н. Сенявина — Сенявин Григорий Алексеевич (1767—1831).
[82] *См.* Бибикова Екатерина Александровна.
[83] *См.* Бибикова Екатерина Павловна.
[84] *См.* Бибикова Елена Павловна.
[85] Не удалось выяснить о ком идет речь. В имении Койк в тот момент действительно проживала племянница Христофора Ивановича Бенкендорфа — Софья Ермолаевна, которая с 1800 года была замужем за Бернгардом Иоганном фон Гельффрейхом.
[86] *См.* Бенкендорф Анна Александровна.
[87] *См.* Сукин Александр Яковлевич.
[88] *См.* Бенкендорф Наталья Максимовна.
[89] *См.* Бенкендорф Константин Константинович, Бенкендорф Мария Константиновна.
[90] *См.* Баденская Фредерика Амалия.
[91] *См.* Баденская Фредерика Доротея Вильгельмина.
[92] *См.* Ваза Густав.
[93] *Великая герцогиня Мария — см.* Мария Павловна, вел. княгиня.
[94] *См.* Великая княгиня Елена Павловна.
[95] *См.* Бенкендорф Софья Александровна.
[96] *Военный губернатор* — Милорадович М. А.
[97] На Васильевский остров был назначен А. Х. Бенкендорф; на Петербургскую сторону — Е. Ф. Комаровский; на Выборгскую сторону — Н. И. Депрерадович, через несколько дней он был заменен на И. Ф. Паскевича.
[98] *См.* Лович Жаннетта Антоновна.
[99] В мае 1821 года Бенкендорф представил Александру I доклад и записку «О Союзе Благоденствия», составленную библиотекарем штаба Гвардейского корпуса М. К. Грибовским. Доклад и записка были оставлены без последствий.
[100] *См.* Телешева Екатерина Александровна.
[101] 12 декабря 1825 года Я. И. Ростовцев явился к великому князю Николаю Павловичу и предупредил его, что в случае объявления о восшествии Николая Павловича на престол, в гвардии произойдет восстание. Все это содержалось в письме, которое Ростовцев вручил великому князю. О планах восстания Ростовцев знал от своего друга декабриста Е. П. Оболенского, которому сообщил о своем поступке и передал копию письма великому князю. Никаких имен мятежников в письме названо не было; Ростовцев уверял, что не назвал их и в разговоре с Николаем Павловичем.
[102] Имеется в виду митрополит Серафим.
[103] Л. А. Лебцельтерн с 1823 был женат на Зинаиде Ивановне, урожденной Лаваль (1801—1873), родная сестра которой, Екатерина Ивановна (1800—1854), была замужем за декабристом князем С. П. Трубецким, и первая последовала за сосланным мужем в Сибирь.
[104] Митрополит Филарет (Дроздов).
[105] *См.* Вильгельм Прусский (Вильгельм Фридрих Людвиг).
[106] *См.* Фердинанд Карл Иосиф.
[107] В начале 1820-х годов Аракчеев издал «осторожным порядком» в типографии при Штабе военных поселений сборник рескриптов и записок Павла I и Александра I к графу Аракчееву. Об этом стало известно лишь в 1826 году, когда вышло заграничное издание сборника. Посольства получили приказ скупать все экземпляры, а полиция — препятствовать их появлению в России. Первоначально Аракчеев отрицал свою причастность к этому изданию, но когда ему предъявили все доказательства расследования, сознался и отдал следствию 19 экземпляров книги. Один такой сборник оставили на хранение в императорской библиотеке, один отправили великому князю Константину Павловичу, остальные сборники были уничтожены.
[108] *См.* Аббас Мирза.
[109] *См.* Ферроне Пьер Огюст.
[110] *См.* Странгфорт Перси Клинтон Сидни Смит, английский посол.
[111] *См.* Фетх-Али шах.
[112] Имеется в виду — сражение за Араксом 26 мая 1827.
[113] Утверждение в прокламациях, рассылавшихся восставшими, что «одна великая держава» обещала помощь движению князя Ипсиланти возмутило императора Александра I и заставило его дистанцироваться от поддержки восстания.
[114] *См.* Виллем II.
[115] *См.* Я. В. Виллие.
[116] Неудачный прутский поход Петра I в 1711 году.
[117] *См.* Бургоэн Поль Шарль.
[118] *Задунайская Сечь* — организация бывших запорожских казаков в 1775—1828 гг. на

территории Османской империи в устье Дуная. После указа Екатерины II расформировать Запорожскую Сечь, за поддержку казаками пугачёвского восстания, Потемкин поручил это исполнить генералу Петру Текели. Накануне исполнения приказа Текели разрешил 50 казакам покинуть Сечь «для ловли рыбы» в Османских провинциях Южного Буга. Но к ним присоединились около пяти тысяч других казаков, которые так и остались кочевать на Буге. Туда же прибивались сбежавшие украинские крепостные. В 1778 году султан Османской империи решил воспользоваться казаками и сформировал из них казачье войско, выделив им поселок Кучурганы.

[119] Запорожский атаман Осип Гладкий.

[120] Имеется ввиду — Гартонг Павел Васильевич.

[121] Комендантом Варны был назначен Кауфман Петр Федорович.

[122] Бекович-Черкасский Федор Александрович.

[123] *Имение Яблонна* — со времен средневековья была собственностью плоцких епископов, с 1773 принадлежала брату короля Станислава Августа — Михаилу Понятовскому. Резиденция строилась по проекту архитектора Доминика Мерлини. Английский ландшафтный парк был основан в 70-тых и 80-тых годах XVIII века по проекту Шимона Богумила Зуга. В 1794 г. Яблонную наследовал князь Юзеф Понятовский. После гибели князя Юзефа в битве под Лейпцигом Яблонную получила в пожизненное владение его сестра Тереза Тышкевич. В 1822 объект стал собственностью Анны Тышкевич, в замужестве Потоцкой, которая превратила поместье в центр культа князя Юзефа. Яблонна оставалась в руках семьи Потоцких до 1945.

[124] *См.* Фридрихс Жозефина.

[125] *Наследный принц прусский см.* Фридрих Вильгельм (король Пруссии Фридрих Вильгельм IV).

[126] Опера «Немая из Портичи» (или «Фенелла») Д. Ф. Обера. Премьера состоялась 29 февраля 1828 в Париже. После успешной премьеры в Париже «Фенелла» появилась в Германии, в Рудольштадте. В Антверпене она была поставлена в 1829 году. В России опера появилась сначала на итальянском языке в 1834 году, а в 1858 её поставили на русском. «Немая из Портичи» дожила приблизительно до двадцатых годов XX века. В истории постановок оперы особо выделяется 1830 год, когда опера была поставлена на брюссельской сцене. Спектакль послужил сигналом к началу борьбы бельгийцев за независимость. Многие люди устремились тогда на баррикады.

[127] Николай I был назначен шефом 3-го (с 1819—6-го) королевского прусского Бранденбургского кирасирского полка в апреле 1817 года.

[128] *Фалль* —имение А. Х. Бенкендорфа под Ревелем. Было приобретено в 1827 г. за 65000 рублей серебром. Усадебный дом в стиле средневекового замка был построен по проекту А. И. Штакеншнейдера. Церковный дом в Фалле — отдельно стоящий от дома двухэтажный флигель с колокольней и стеклянным куполом. На первом этаже была устроена православная церковь в честь Св. Захария и Елизаветы, на втором этаже располагались гостевые комнаты.

[129] Имеется ввиду ситуация сложившаяся в Казукумухском ханстве, номинальный глава которого Султан-Ахмед-хан Аварский умер в 1829, оставив после себя малолетних сыновей. Но так как он еще при жизни был объявлен изменником, российские власти утвердили ханом Аварии не Абу-Нуцал-хана, малолетнего сына Султан-Ахмед-хана, а Сурхай-хана. Впоследствии кавказское командование было вынуждено разделить Аварию на две части, одну из которых передало в управление Сурхай-хану; другой, значительно большей частью управлял — Абу-Нуцал-хан.

[130] Генерал Эмманюэль был сторонником использования мирных средств для обеспечения спокойствия края, но в случае необходимости умел пользоваться и военными. Это позволило ему привести к присяге карачаевцев и возглавить экспедицию по восхождению на вершину Эльбруса, за организацию которой он был избран почетным членом Академии Наук.

[131] Имеется ввиду преследование корпусом Паскевича отступающих к Эрзеруму остатков турецких войск после сражений при Коинлы и Милли-Дюзе в июне 1829.

[132] Очевидно, Аян-ага.

[133] *Комитет 6 декабря 1826* — первый из Секретных комитетов созданных Николаем I, задачей которого являлось, во-первых, рассмотрение бумаг, опечатанных в кабинете Александра I после его смерти, и, во-вторых, рассмотрение

вопроса о возможных преобразованиях государственного аппарата.

[134] Главной целью посольства было смягчение условий Андрианопольского мирного договора 1829 года. Первая аудиенция у императора состоялась 28 января 1830.

[135] *См.* Фридрих Генрих Альбрехт, принц прусский.

[136] *Лазенки* — имение под Варшавой, первоначально принадлежало Любомирским, затем стало собственностью короля Станислава Августа Понятовского. С 1818 года принадлежало российскому наместнику в Польше великому князю Константину Павловичу.

[137] *Фишбах в Силезии* — имение, принадлежавшее с 1822 года дяде императрицы Александры Федоровны прусскому принцу Вильгельму.

[138] *См.* Фридрих Карл Александр, принц прусский.

[139] Назначение 27 июля 1830 маршала Мармона главнокомандующим войсками Парижского гарнизона, как человека крайне непопулярного и пользовавшегося репутацией опоры Бурбонов только содействовало обострению кризиса. Однако, сам Мармон был противником ордонансов от 26 июля 1830, неоднократно советовал Карлу X уступить и даже сам вступил в переговоры с восставшими, 29 июля был заменен в должности герцогом Ангулемским, после победы революции — бежал из Франции и умер в эмиграции.

[140] *См.* Генрих V, герцог Бордосский, граф де Шамбор.

[141] *См.* Виллем I (Вильгельм Фридрих).

[142] *См.* Фредерик Оранский.

[143] 19 февраля 1831 отряд Крейца понес поражения от отрядов Юляна Серавского и Юзефа Дверницкого под Новой Весью и 26 февраля и 2—3 марта под Пулавами, но сумел в марте захватить Люблин и дважды (17 и 18 апреля) нанести поражение соединению Серавского.

[144] Демидовский лицей основан П.Г. Демидовым в 1803, в 1811 приравнен к университету. С 1868 юридический лицей (4 года обучения).

[145] *См.* Гази Магомед.

[146] Бенкендорф имеет в виду памятник, который поставила вдова Энгельгардта на месте расстрела мужа у южной стороны Смоленской крепостной стены. Новый памятник по приказу Николая I был отлит на Александровском литейном заводе из чугуна и установлен в 1835 году на месте прежнего. На памятнике имелась надпись: «Подполковнику Павлу Ивановичу Энгельгардту, умершему в 1812 году за верность и любовь к Царю и отечеству».

[147] Епископ Воронежский Митрофан оказывал поддержку Петру I, который организовал в Воронеже корабельную верфь для строительства флота, участвовавшего в походе на Азов в 1696. В своих проповедях он поддерживал это начинание царя, как правящий архиерей содействовал строительству кораблей, жертвовал крупные суммы на кораблестроение, считал возможным заимствовать с Запада технические знания. Царь, в свою очередь, с уважением относился к святителю, для некоторых воронежских обителей им по ходатайству епископа Митрофана были уменьшены государственные повинности. В 1832 году епископ Митрофан был причислен к лику святых. Был одним из наиболее почитаемых святых в семье Николая I.

[148] *см.* Махмуд II турецкий султан.

[149] *см.* Муравьев-Карский Николай Николаевич.

[150] *Министр иностранных дел* — Нессельроде Карл Васильевич; *военный министр* — Чернышев Александр Иванович; *морской министр* — Моллер Антон Васильевич.

[151] *Министр юстиции* — Дашков Дмитрий Васильевич.

[152] Замок Кукенхузен построен в XIII веке. Настоящее название замка Кокнесе.

[153] Имеется ввиду дворец Екатериненталь в Ревеле, построенный для Петра I и его жены Екатерины I в 1718—1720 гг. по проекту архитекторов Н. Микетти и М.Г. Земцова.

[154] *См.* Мусин-Пушкин-Брюсс Василий Валентинович.

[155] В честь посещения Фалля императорской семьей в парке на горе был сооружен чугунный готический павильон, в котором на постаменте установили бюст императора Николая I. Фамилии сопровождавших его лиц были написаны на позолоченных досках, укрепленных над арками павильона.

[156] В августе 1810 Ансильон отказался от должности проповедника и от своей профессорской кафедры и принял на себя воспитание кронпринца, будущего короля Фридриха Вильгельма IV.

[157] *См.* Каролина Шарлота Августа (Баварская).
[158] Имеется ввиду — Фридрих Валленштейн.
[159] *См.* Фердинанд I Карл Леопольд.
[160] Имеется в виду кризис власти и гражданская война в Португалии 1824–1834. В апреле 1824 г. Дон Мигель, младший сын короля Португалии и Бразилии Жуана VI, совершил государственный переворот, отстранив отца от власти. В мае король Жуан VI бежал из страны, а затем объявил Дона Мигеля мятежником, который, не сопротивляясь, отправился в изгнание. После смерти в 1826 Жуана VI, трон в Португалии должен был наследовать под именем Педру IV Португальского его старший сын, к этому времени коронованный как Педру I — император Бразилии (1798–1834). В апреле 1826 он даровал Португалии конституцию, а в мае отрекся от престола страны в пользу своей семилетней дочери Марии, будущей королевы Марии II Браганской (1819–1853). В попытке избежать гражданской войны, император Педру I формально обручил свою дочь с Доном Мигелем. Однако Церковь отказалась признать этот союз. В феврале 1828 Дон Мигель возвратился в Лиссабон и в июле совершил переворот, объявив себя королем Португалии Мигелем I Браганса. Отменил конституцию 1826 и установил в стране жестокий режим. В июле 1832 император Бразилии Педру I при поддержке Великобритании высадился на острове Сент-Висенте и начал войну.
[161] *Костромской губернатор* — Приклонский Александр Григорьевич; потомки Ивана Сусанина по линии дочери Антонины и ее мужа Богдана Собинина, получили ряд льгот по жалованной грамоте 1619, подтвержденные рядом российским царей и императоров, в т.ч. и Николаем I (См. (Свод законов изд. 1842 и 1857 гг. том V, ст. 7, п. 2, примеч.). Подробнее *См. Зонтиков Н.А.* «За службу к нам, и за кровь, и за терпение...» (Иван Сусанин. Легенды, предания, история) //Костромская земля. Краеведческий альманах Костромского фонда культуры. Вып. 3. Кострома, 1995. с.39–54.
[162] Минин Кузьма Минич умер в 1616 году и был погребён на погосте приходской Похвалинской церкви. Позднее, в 1672 году его прах был перенесён на территорию Нижегородского кремля в Спасо-Преображенский собор. К 30-м годам XIX века собор обветшал и был снесён по указанию нижегородского губернатора М. П. Бутурлина. В 1838 году был построен новый кафедральный собор. Прах Минина и покоящихся рядом удельных князей был помещён в подцерковье.
[163] Макарьевская ярмарка была перенесена на территорию Нижнего Новгорода после пожара 1816, уничтожившего все ее постройки. С начала торговли в новом комплексе в1822 году стала именоваться Нижегородской ярмаркой.
[164] Осада и взятие столицы Владимиро-Суздальского княжества города Владимира войсками под руководством Батыя 3–7 февраля 1238 года. Монголы начали решительный штурм и подожгли Успенский собор, где погибла княгиня Агафия Всеволодовна и остальная великокняжеская семья.
[165] Имеется ввиду великая княжна Анна Михайловна.
[166] Имеется ввиду А. И. Рибопьер.
[167] *См.* Бибикова Екатерина Павловна.
[168] После смерти брата Платона Д. А. Зубов унаследовал большую часть его состояния, в т.ч. так называемую Шавельскую экономию (объединение польских королевских дворов с центром в г. Шавли Виленской губернии), где занимался винокурением в промышленных масштабах.
[169] Высочайше утвержденное 13 апреля 1835 года «Положение о Евреях»
[170] имеется в виду имение «Нескучное», принадлежавшее с 1796 года графине А. А. Орловой-Чесменской. В 1832 году она продала усадьбу Николаю I, который устроил там летний дворец для своей жены Александры Федоровны. Дворец получил название Александрийского.
[171] *См.* Голицын Дмитрий Владимирович.
[172] Имение князя П. М. Волконского «Суханово».
[173] Имение С. М. Голицына «Кузьминки».
[174] Имение Д. Н. Шереметьева «Кусково»
[175] *Княгиня Нидерландов со своим супругом принцем Фредериком см.* Луиза Августа, принцесса Нидерландов и Фридерик (Фридрих) Вильгельм Карл Оранский-Нассауский (1797–1881).
[176] Имеется в виду ежегодное празднование в Петергофе дня рождения императрицы Александры Федоровны.
[177] *См.* Мекленбург-Шверинская Александрина.

[178] *См.* Франц Карл Йозеф и Иоганн Баптист (1782—1859), эрцгерцоги Австрийские.
[179] *См.* Бранденбург Фридрих Вильгельм.
[180] *Наследный принц Гессен-Дармштадт см.* Людвиг III.
[181] *Наследный принц Гессен-Касселя см.* Вильгельм Гессен-Кассельский.
[182] 7 января 1811 в Киеве И.Ф. Паскевичем был сформирован Орловский пехотный полк, 28 января 1833 переформированный и переименованный в Орловский егерский. 11 сентября 1835 полк получил наименование — Егерский генерал-фельдмаршала князя Варшавского графа Паскевича-Эриванского полк, в дальнейшем — 6-й пехотный Орловский генерал-фельдмаршала князя Варшавского, графа Паскевича-Эриванского полк.
[183] Мария Анна Каролина Пиа Савойская.
[184] Речь идет о К.Ф. Швейцере, заграничном агенте III Отделения в Германии и Австрии.
[185] *См.* Мария-Тереза Габсбург-Тешинская; Фердинанд II, король Обеих Сицилий.
[186] *См.* Каролина Шарлота Августа Баварская.
[187] Александровская (Варшавская) крепость была построена по повелению Николая I после польского восстания 1830 года. Её главный архитектор генерал-майор Иван Ден за основу своего проекта использовал проект крепости Антверпена. Краеугольный камень был заложен фельдмаршалом И.Ф. Паскевичем. Крепость представляет собой кирпичную постройку, окружающую площадь в 36 гектар. Постройка началась 31 мая 1832 и закончилась 4 мая 1834. В 1835 г. на плацу был установлен памятник Александру I.
[188] Имеется в виду Императорское училище правоведения.
[189] *См.* Стрекалов Степан Степанович.
[190] При осаде Казани в 1552 году Иван Грозный для своего лагеря выбрал возвышенное место на левом берегу Казанки, где водрузили знамя Спаса Нерукотворного. После взятия города здесь похоронили погибших воинов и установили часовню. В 1813 году на месте часовни была заложена Спасская церковь. Храм в виде двадцатиметровой усеченной пирамиды с дорическими порталами-входами, установленными с четырех сторон, сооружен по проекту Н.Ф. Алферова в стиле ампир и был реконструирован в 1832 году архитектором П.Г. Пятницким. По углам пирамиды размещались кельи, а в центре был расположен склеп. Венчал храм небольшой крест.
[191] *Пензенский губернатор* — Панчулидзев Александр Алексеевич.
[192] *Ученый-садовник* — Магзиг Эрнст Иванович.
[193] *Городничий Чембара* — Кобце Отто Карлович.
[194] *Врач из Чембара* — Цвернер Федор Фердинандович.
[195] *Предводитель дворянства* — Подладчиков Яков Александрович.
[196] *Тамбовский губернатор* — Гамалея Николай Михайлович.
[197] *Моя падчерица Белосельская, мой племянник* — Бибикова Елена Павловна; Бенкендорф Константин Константинович.
[198] *См.* Эккельн Филипп Филиппович.
[199] *Герцог Бернгард Саксен-Веймарский см.* Карл Бернхард Саксен-Веймар-Эйзенахский. В 1837 году Карл Бернхард вместе со старшим сыном Вильгельмом (1819—1839) посетил Россию.
[200] *Государь Мингрелии — см.* Леван V Дадиани.
[201] *Государь сванов Михаил — см.* Дадешкелиани Михаил.
[202] *Покровский собор* — первый русский православный собор в Восточной Армении после присоединения к России был учрежден на территории Эриванской крепости. Есть предание, что храм первоначально был построен православными греками, затем он был обращен в мечеть. 1-го октября 1827 года (в день праздника Покрова Божией Матери), Эривань была взята российскими войсками и мечеть была вновь обращена в православный храм и освящена в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Проект реконструкции осуществлен в 1839 г. По данным 1913 года в соборе богослужение уже не совершалось по причине крайней ветхости здания.
[203] Имеется ввиду Насреддин-шах Каджар.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

УДК 929:821.161.1-94Бенкендорф А. Х.
ББК 63.3(2)521,8Бенкендорф А. Х.+84(2Рос=Рус)1-49Бенкендорф А. Х.

Б46 Бенкендорф, Александр Христофорович «Воспоминания 1802—1837» — М.: «Рос. Фонд Культуры», 2012. — с. 761: ил.

ISBN 978-5-85302-521-9

Воспоминания А.Х. Бенкендорфа охватывают один из самых ярких периодов XIX века. Боевой генерал, Бенкендорф в войну 1812 года был одним из первых партизанских командиров, и первым комендантом освобожденной Москвы. В 1813–1814 годах отличился в Бельгии, взял Бреду и Амстердам, трижды получал золотое оружие. С 1826 г. Бенкендорф шеф III Отделения Собственной Его Императорского Величества канцелярии.

Издание иллюстрировано, снабжено научно-справочным аппаратом.

Для историков, филологов и всех интересующихся историей.

А.Х. Бенкендорф

Воспоминания

1802–1837

Редактор Т.В. Померанская

Издат. лицензия ЛР №071963 от 10. 09. 1999г.
Подписано к печати 3. 11. 2011 г. Формат 70x100 1/16
Гарнитура «Academia». Печать офсетная. Усл. печ. л. 47,5
Тираж 1000 экз. Заказ № 2019

РФК — «Российский Архив»
121019, г. Москва, Гоголевский бульвар, 6/7, тел. 84957392065

ППП «Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., 6

